Н. Г. Чернышевскій

Retired for Reserve

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ III.

СОВРЕМЕННИКЪ 1857.

Критика и библіографія.—Замѣтки о журналахъ 1857 г.—Статьи по крестьянскому вопросу.—Лессингъ.

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1906.
PRINTED IN RUSSIA

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА.

Современникъ 1857 г.

стр.

№ 1. **Библіографія:** Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. подъ редакціею Н. В. Гербеля 1
Оды Квинта Горація Флакка. Переводъ съ латинскаго А. Фета. 6
Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. „Чудодѣй". А. Ѳ. Вельтмана 9

Замѣтки о журналахъ: Разсказы гр. Л. Толстого. — Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ, Кавелина.—Послѣдніе дни жизни Николая Васильевича Гоголя, изъ воспоминаній А. Тарасенкова.—„Русскій Вѣстникъ" и Тургеневъ 10

№ 2. **Критика:** Письма объ Испаніи, В. П. Боткина 25

Библіографія: Ньюкомы, романъ В. М. Теккерея 47
Записки объ уженьи рыбы, С. Аксакова.—Замѣчанія московскаго охотника на ружейную охоту съ лягавою собакою Н. Основскаго 56
Биржевыя операціи. Соч. В. Безобразова 57
Труды членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ. Томъ III 58
Новый опытъ о богатствѣ народномъ. Гавріила Каменскаго. Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Томъ II 62
Руководство къ познанію дѣйствующихъ русскихъ законовъ, составленное Ѳ. Проскуряковымъ 62

Замѣтки о журналахъ: „Отечественныя Записки" (Дудышкинъ) о Тургеневѣ.—Богданъ Хмельницкій, Костомарова.—Столичные родственники, Григоровича 63

№ 3. **Критика:** Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, издалъ Петръ Бартеневъ 71

Библіографія: Стихотворенія Н. Щербины 86
Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ. Сочиненіе Леопольда Ранке. Переводъ съ нѣмецкаго Петра Бартенева . . 101
Русскій библіографическій указатель за 1855 г. 111

Замѣтки о журналахъ: Экономическій Указатель. — Теорія и практика, Бабста.—Опытъ изложенія главныхъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства, Струкова. —Старая барыня, Писемскаго 112

№ 4. **Библіографія:** Стихотворенія Н. Арбузова 125
Очерки изъ крестьянскаго быта. А. Ѳ. Писемскаго 129
Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XI. — Записки Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества. Книжка II 139
Столѣтіе „Московскихъ Вѣдомостей" (1756—1856). Е. Корша. 145
Для легкаго чтенія. Томъ V 147

Замѣтки о журналахъ: „Русская Бесѣда" и славянофильство.—Доходное мѣсто, Островскаго. — Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, комедія Львова.—Поярковъ, Печерскаго 148

стр.

№ 5. **Библіографія:** Сочиненія В. Жуковскаго 159
Отчетъ Правленія Одесскаго женскаго благотворительнаго общества за 1856 г. 170
Статистическіе труды И. Ѳ. Штукенберга. Статья I 179

Замѣтки о журналахъ: Славянофилы и вопросъ объ общинѣ.—Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства, Струкова 180

№ 6. **Критика:** Губернскіе очерки, Щедрина. Собралъ и издалъ М. Е. Салтыковъ. 201

Библіографія: Труды Комиссіи при Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа 234
Хлопчатобумажная промышленность и важность ея значенія въ Россіи. Соч. Александра Шипова 242
О свободной международной торговлѣ. (Изъ путевыхъ записокъ А. Сербера-Медельгейма) 250
Путешествіе по Восточной Сибири И. Булычева 251
Статистическіе труды И. Ѳ. Штукенберга. Статья II 252

Замѣтки о журналахъ: О новомъ направленіи въ полемикѣ.—Полемика между „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Молвою“ 253

№ 7. **Studien**, Гакстгаузена. 270

Замѣтки о журналахъ: О распространеніи знаній въ Россіи, Ламанскаго.—L'ancien regime, Токвиля и De l'avenir politique de l'Angleterre, Монталамбера. — Физіологія общества, Безобразова.—Объ учрежденіи въ Петербургѣ общества для улучшенія помѣщеній рабочаго населенія. 311

№ 8. **Библіографія:** Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, изд. П. А. Кулиша . . . 337
Мертвыя души. Окончаніе поэмы Н. В. Гоголя „Похожденія Чичикова“. Ващенко-Захарченко 373
Очеркъ русскаго вексельнаго права, чтенія Д. И. Мейера . 377
О погашеніи государственныхъ долговъ, сочиненіе Александра Запасника 380

№ 9. **Современное обозрѣніе** 388

№№ 9 и 11. **О поземельной собственности.** 405

№ 10. **Критика:** О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала. Рѣчь И. Бабста.—Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи, Іереміи Бентама 505

Современное обозрѣніе 533

№ 11. **Современное обозрѣніе** 555

№ 12. **Современное обозрѣніе** 564

Современникъ 1856—1857 г.

(1856 г. №№ 10—12; 1857 г. №№ 1, 3—6).

Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность.

Предисловіе. Историческое значеніе нѣмецкой литературы въ послѣдней половинѣ прошедшаго вѣка.—Мѣсто, которое принадлежитъ Лессингу въ исторіи развитія нѣмецкаго народа 585

Глава первая. Причины, замедлившія соединеніе нѣмецкихъ племенъ въ одну національную державу и содѣйствовавшія распаденію Германіи на множество самостоятельныхъ государствъ. — Слѣдствіе этого распаденія.—Положеніе нѣмецкаго народа въ половинѣ XVIII вѣка по отношенію къ общимъ національнымъ интересамъ.—Характеристика государственной и частной жизни въ различныхъ нѣмецкихъ владѣніяхъ 591

Глава вторая. Нѣмецкая литература до Лессинга.—Готтшедъ и саксонская школа.—Бодмеръ и швейцарская школа. — Клопштокъ. — Галлеръ.—Гагедорнъ.—Рабенеръ.—Гел-

		стр.
	лертъ.—Университеты и школы. — Публика.—Начала новой жизни.—Томазіусъ.—Мозеръ	621
Глава третья.	Семейство Лессинга.—Происхожденіе его рода.—Дѣтство Лессинга.—Мейссенская школа.—Поздравительная рѣчь отцу.—Лейпцигскій университетъ.—Неаккуратность Лессинга въ посѣщеніи лекцій.—Дружба съ Миліусомъ. — Первыя литературныя произведенія. — Страсть къ театру. — Лессингъ пишетъ для сцены.—Неудовольствіе родныхъ. — Возвращеніе въ Каменецъ.—Переселеніе въ Берлинъ	648
Глава четвертая.	Столкновеніе съ Вольтеромъ.—Дѣло съ Ланге.—Лессингъ становится выше всякихъ подозрѣній.—Онъ становится страшенъ, какъ критикъ.—Николаи.—Мендельсонъ.—Отношенія Лессинга, какъ саксонца, къ пруссакамъ во время Семилѣтней войны.—Возвращеніе въ Берлинъ	674
Глава пятая.	„Литературныя письма“. — Основаніе ихъ сильнаго дѣйствія на нѣмецкую литературу.—Черты, ими внесенныя въ характеръ нѣмецкой мысли. — Лессингъ принимаетъ мѣсто секретаря при Тауэнцинѣ.—Жизнь его въ Бреславлѣ. — Возвращеніе къ литературному міру. „Миссъ Сара Сампсонъ“.—„Минна фонъ Барнгельмъ“.—„Лаокоонъ“	702
Глава шестая.	Жизнь Лессинга въ Берлинѣ по возвращеніи изъ Бреславля.—Гамбургскій національный театръ.—„Гамбургская Драматургія“.—Типографія.—Клопъ.—„Антикварскія письма“.—Жизнь Лессинга въ Гамбургѣ.—Переселеніе въ Вольфенбюттель.—Лессингъ, какъ библіотекарь.—„Эмилія Галотти“. — Поэты новаго поколѣнія.—Отношенія Гёте къ Лессингу. — Лессингъ покидаетъ беллетристическую дѣятельность	722
Глава седьмая.	Жизнь Лессинга въ Вольфенбюттелѣ.—Г-жа Кенигъ.—Препятствія къ браку.—Отношенія Лессинга къ Брауншвейгскому Двору.—Поѣздка въ Вѣну и путешествіе по Италіи.—Отношеніе Лессинга къ тогдашнимъ нѣмецкимъ нравамъ.—Бракъ.—Кончина супруги.—Лессингъ изнемогаетъ. — Новый періодъ его литературной дѣятельности. — „Отрывки изъ Вольфенбюттельскаго Анонима“. — Борьба между обѣихъ враждующихъ между собою и съ католиками протестантскихъ партій.—Отрывки изъ полемическихъ статей.—Слѣдствія этой борьбы. — Отношенія Лессинга къ послѣдующей нѣмецкой философіи.—Отношеніе къ нравственно-политическимъ наукамъ.—„Разговоры между Эрнстомъ и Фалькомъ“. — Общій характеръ дѣятельности Лессинга.—Его личный характеръ	746

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/completecollecte0003ngch

БИБЛІОГРАФІЯ.

Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. *Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціею* Н. В. Гербеля. *Часть первая, Спб. 1856.*

Когда идетъ рѣчь объ историческихъ наукахъ, о томъ, что настоящее состояніе ихъ еще очень неудовлетворительно, всѣ мы начинаемъ говорить, что матеріалы еще мало разработаны,—но хорошо было бъ, еслибъ дѣло ограничивалось только необходимостью подвергнуть матеріалы историческихъ наукъ болѣе внимательной, полной и точной разработкѣ. Нѣтъ, не въ этомъ одномъ состоитъ дѣло: самая идея каждой отрасли историческихъ наукъ понимается еще слишкомъ узко; нужно не только разработать матеріалы, нужно расширить границы содержанія науки, о какой бы отрасли историческихъ наукъ ни должна была итти рѣчь. Возьмемъ въ примѣръ хотя исторію литературы. Не будемъ говорить о томъ, что до сихъ поръ, вмѣсто исторіи литературной мысли въ обществѣ, намъ дается обыкновенно только обзоръ произведеній, замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи; вмѣсто того, чтобы говорить объ обществѣ, о націи, говорится только объ исключительныхъ явленіяхъ, каковы геніальные или, вообще, знаменитые поэты, то есть дѣлается тоже самое, какъ если бы географія, вмѣсто описанія страны, въ которомъ равнины, болота, степи, луга занимаютъ гораздо болѣе мѣста, нежели картины горныхъ хребтовъ, давала намъ только описанія вершинъ Монблана, Сенъ-Готарда и Мон-Сени. Нѣтъ, намъ нужно знать и такія книги, которыя доставляли умственную пищу массѣ, и Ѳедотъ Кузмичовъ скажетъ намъ какова была умственная жизнь той безчисленной массы, которая не знала и не требовала другой пищи, кромѣ его произведеній.

Но оставимъ въ сторонѣ это требованіе, къ принятію котораго слишкомъ мало еще приготовлены понятія современныхъ изслѣдователей. Положимъ даже, что исторія литературы должна говорить намъ только о писателяхъ замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи, пренебрегая, какъ пренебрегаетъ теперь, книгами, доставляющими чтеніе огромнѣйшему числу грамотнаго населенія. И съ этою уступкою, все таки мы не дошли еще до того, чтобы находить удовлетворительно широкими нынѣшнія границы исторіи литературы. Теперь она почти исключительно занимается только оригинальною литературою, не обращая почти никакого вниманія на пере-

водную. Это было бы совершенно справедливо, если бы исторія литературы должна была представлять не разсказъ о развитіи литературныхъ понятій народа, а простой списокъ людей извѣстной націи, прославившихся въ литературѣ. Правда, переводчики рѣдко пріобрѣтаютъ знаменитость, а часто и вовсе не бываютъ литераторами въ настоящемъ смыслѣ слова,—но чтожъ изъ того? Никто и не проситъ исторію литературы говорить о переводчикахъ—пусть она говоритъ о переведенныхъ произведеніяхъ,—вѣдь наука имѣетъ предметомъ факты, и какой бы странѣ, какому бы народу ни принадлежалъ человѣкъ, отъ котораго ведетъ начало литературный фактъ, о фактѣ все таки должна говорить исторія того народа, на жизни или понятіяхъ котораго отразился этотъ фактъ. Вѣдь пароходы американское изобрѣтеніе, а говоритъ же о нихъ англійская статистика, потому что они перешли и въ англійскую жизнь; паровозы англійское изобрѣтеніе, а говоритъ же о нихъ французская статистика. Такъ и Байронъ, если только переводы его произведеній имѣли, положимъ, на французскую публику не менѣе вліянія, нежели, напримѣръ, произведенія Шатобріана или Ламартина, долженъ занимать собою исторію французской литературы не менѣе, нежели Ламартинъ или Шатобріанъ. Мы говоримъ не о произведеніяхъ французскихъ подражателей или послѣдователей Байрона,—нѣтъ, о самыхъ произведеніяхъ Байрона во французскомъ переводѣ.

Вообще, надобно принять за правило, что если исторія литературы должна разсказывать о развитіи общества, то ей слѣдуетъ обращать одинаковое вниманіе на факты, имѣвшіе одинаково важное значеніе для этого развитія, какой бы націи, какой бы литературѣ ни принадлежало первоначальное появленіе этихъ фактовъ.

Переводная литература у каждаго изъ новыхъ европейскихъ народовъ имѣла очень важное участіе въ развитіи народнаго самосознанія или (чтобы говорить опредѣлительнѣе, замѣнимъ другимъ выраженіемъ эту обиходную фразу, слишкомъ часто ведущую къ недоразумѣніямъ) въ развитіи просвѣщенія и эстетическаго вкуса. Потому историко-литературныя сочиненія только тогда не будутъ страдать очень невыгодною односторонностью, когда станутъ на переводную литературу обращать гораздо больше вниманія, нежели какъ это обыкновенно дѣлается теперь.

Есть нѣкоторое извиненіе для такой односторонности, когда дѣло идетъ объ исторіи литературъ очень развитыхъ, богатыхъ силами, литературъ, въ которыхъ иноземныя вліянія тотчасъ выражаются подражаніями, по своему относительному достоинству занимающими въ литературѣ, принимающей вліяніе, такое же мѣсто, какое принадлежитъ оригиналамъ этихъ подражаній въ литературѣ, отъ которой исходитъ вліяніе.

У насъ до сихъ поръ было не такъ. Участіе иностранныхъ литературъ въ развитіи нашего эстетическаго вкуса производилось преимущественно чистыми переводами. Исключеніе развѣ за однимъ байроновскимъ направленіемъ, которое отчасти въ Пушкинѣ, отчасти въ Лермонтовѣ имѣло у насъ достойныхъ представителей,—между тѣмъ, какъ самого Байрона мы знали очень мало. Можно прибавить еще, что начавшееся отъ Вальтера Скотта направленіе имѣло у насъ также представителей, заслужившихъ любовь пу-

блики,—но, тѣмъ не менѣе, романы самого Вальтера Скотта были у насъ распространены гораздо болѣе, нежели достойные вниманія оригинальные романы того же рода. Объ остальныхъ иноземныхъ писателяхъ надобно рѣшительно сказать, что если они дѣйствовали на насъ, то исключительно прямымъ, а не косвеннымъ образомъ,—дѣйствовали только переводами, рѣшительно не имѣя у насъ достойныхъ послѣдователей. Монтескьё, Вольтеръ, Руссо, Шиллеръ, Гёте, Диккенсъ,—всѣ эти писатели имѣли, или имѣютъ, участіе въ нашей умственной жизни —исключительно черезъ переводы.

Огромную важность имѣетъ у насъ переводная литература. До самого Пушкина, она была несравненно важнѣе оригинальной. Да и теперь еще не такъ легко рѣшить, взяла ли надъ нею верхъ оригинальная литература. Какъ ни высоко цѣнимъ мы значеніе Гоголя, но мы колеблемся, можно ли сказать положительнымъ образомъ, чтобы иностранные писатели имѣли на развитіе литературной мысли въ русскомъ обществѣ менѣе вліянія, нежели творецъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“. Гоголь кровный, родной намъ, его содержаніе ближе къ намъ,—прелесть его разсказа непосредственнѣе чувствуется нами,—все это такъ, мы любимъ его живѣе и сильнѣе. Но содержаніе чужихъ геніальныхъ писателей,—что дѣлать, надобно сознаться,—шире; художественная форма ихъ произведеній,—и въ этомъ надобно сознаться,—совершеннѣе; они стоятъ дальше отъ насъ, но фигуры ихъ колоссальнѣе; мы не съ такою кровною любовью подчиняемся ихъ мысли, — но если на сторонѣ Гоголя наше субъективное сочувствіе, то на сторонѣ ихъ превосходство объективнаго величія и совершенства,—и на чьей сторонѣ перевѣсъ вліянія, трудно рѣшить.

Если таково отношеніе оригинальной и переводной литературы теперь, послѣ Гоголя, когда оригинальная литература получила развитіе несравненно высшее и сильнѣйшее, сравнительно съ прежнимъ, то до Гоголя, и особенно до Пушкина, когда оригинальная наша литература была еще очень слаба, переводная литература имѣла надъ нею рѣшительный перевѣсъ. Если вникнуть въ дѣло безпристрастно, то, кажется намъ, едва ли можно не прійти къ заключенію, что до Пушкина, въ исторіи нашей литературы, переводная часть почти одна только имѣетъ право считаться истинною питательницею русской мысли.

При случаѣ мы подтвердимъ это мнѣніе подробнымъ разборомъ фактовъ, а теперь укажемъ пока на одинъ примѣръ, представляемый книгою, заглавіе которой мы выписали. Поэзія Шиллера какъ будто родная намъ—а между тѣмъ у насъ не было ни одного замѣчательнаго оригинальнаго поэта въ этомъ родѣ. Произведенія Шиллера были переводимы у насъ, и этого довольно, чтобы мы считали Шиллера своимъ поэтомъ, участникомъ въ умственномъ развитіи нашемъ. Чувство справедливой благодарности понуждаетъ насъ признаться, что этому нѣмцу наше общество обязано болѣе, неужели кому бы то ни было изъ нашихъ лирическихъ поэтовъ, кромѣ Пушкина.

Благодаря переводамъ Жуковскаго, онъ сталъ нашъ поэтъ. Но Жуковскій перевелъ только меньшую половину его стихотвореній. Другая, гораздо большая половина усвоенныхъ нашему языку его стихотвореній, до сихъ поръ почти совершенно погибала для русской публики, потому что эти

пьесы были разсѣяны по старымъ журналамъ и сборникамъ стихотвореній разныхъ нашихъ поэтовъ, большею частью мало распространенныхъ въ публикѣ.

Г. Гербель рѣшился собрать эти переводы, и, дополнивъ массу ихъ новыми переводами тѣхъ стихотвореній, которыя или не были переведены, или не были удовлетворительно переведены на русскій языкъ, издать полное собраніе лирическихъ стихотвореній Шиллера въ русскомъ переводѣ.

Мысль эта прекрасна. Жаль только, что изъ нѣсколькихъ переводовъ одной пьесы выбирая лучшія г. Гербель часто ошибается въ выборѣ, и, отбрасывая лучшій, печатаетъ менѣе удовлетворительные,—но это не болѣе, какъ ошибка, а „ошибка въ фальшь не ставится“; при томъ же, онъ даетъ полный списокъ всѣхъ переводовъ, обозначая, гдѣ помѣщенъ каждый изъ нихъ,—стало быть, самъ даетъ средство исправлять ошибки своего выбора. Правда, въ обозрѣніи переводовъ Шиллера на русскій языкъ онъ положительнымъ образомъ хвалитъ переводы г. Гр. Данилевскаго, г. Алексѣева, не удостоивая (на той же страницѣ) этой чести переводы Козлова, Губера, г. К. Аксакова, г-жи Павловой, г. А. Григорьева, г. Яхонтова, которые безспорно во сто разъ лучше переводовъ г. Гр. Данилевскаго, г. Лялина и проч.,—но это опять ошибка, не болѣе. Но за то г. Гербель обнаружилъ при составленіи своего сборника много трудолюбія; отыскивая повсюду переводы пьесъ Шиллера, онъ пересмотрѣлъ почти всѣ наши журналы, альманахи и собранія стихотвореній съ 1800 года,—что, по его словамъ, составляетъ 9000 томовъ—работа обширная, и въ этомъ отношеніи нельзя не отдать полной справедливости г. Гербелю.

Онъ много трудился,—и потому, несмотря на довольно частыя его ошибки при оцѣнкѣ достоинства различныхъ переводовъ, въ его изданіи все таки собрано очень много хорошихъ переводовъ, которые погибали бы въ старыхъ журналахъ и книжкахъ стихотвореній посредственныхъ поэтовъ, если бы г. Гербель не собралъ этихъ пьесъ. Мало того. Многія пьесы Шиллера переведены,—и часто переведены хорошо,—собственно для его сборника, различными поэтами; многіе другіе переводы, уже сдѣланные прежде, но досихъ поръ остававшіеся ненапечатанными, напечатаны у него въ первый разъ. Изъ числа послѣднихъ г. Гербель справедливо указываетъ на прекрасный переводъ „Пѣсни о колоколѣ“ г. Мина, „который одинъ есть уже пріобрѣтеніе для литературы“.

Такимъ образомъ, несмотря на сдѣланное нами замѣчаніе, „Сборникъ“, изданный г. Гербелемъ, достоинъ всякаго вниманія.

У насъ привыкли нераздѣльно соединять Шиллера съ Жуковскимъ, и тѣ, которые находятъ, что время поэзіи Жуковскаго прошло, часто воображаютъ, что точно также прошло и время поэзіи Шиллера. Это совершенно несправедливо. Жуковскій прекрасно перевелъ многія изъ лучшихъ стихотвореній Шиллера, познакомилъ съ этимъ поэтомъ русскую публику,—но, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ переводилъ много изъ второстепенныхъ англійскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ, произведенія которыхъ нынѣ, конечно, кажутся устарѣлыми по своему содержанію; особенно забавны теперь баллады Соути, въ которыхъ, кромѣ вѣдьмъ, чертей и колдовства, нѣтъ ничего. Рядомъ съ

этими переводами, помѣщены собственныя произведенія Жуковскаго, которыя нынѣ, послѣ Пушкина, Лермонтова, Кольцова и другихъ новѣйшихъ поэтовъ, конечно, утратили большую часть своей прежней цѣны. Такимъ образомъ, стихотворенія Шиллера, въ собраніи стихотвореній Жуковскаго, какъ будто несутъ на себѣ отвѣтственность за остальныя произведенія, среди которыхъ разсѣяны.

Но Шиллера не должно смѣшивать ни съ кѣмъ. Его поэзія никогда не умретъ, -это не какой нибудь Соути или Геббель. Люди, гордящіеся своею мнимою положительностью, между тѣмъ, какъ имѣютъ только сухость сердца,—своимъ знаніемъ жизни, между тѣмъ, какъ пріобрѣли только знаніе мелочныхъ интригъ, говорятъ иногда о Шиллерѣ съ-высока, какъ объ идеалистѣ, мечтателѣ,—иногда рѣшаются даже намекать, что у него больше было сантиментальности, нежели таланта. Все это можетъ быть справедливо относительно иныхъ поэтовъ, которыхъ считаютъ у насъ сходными, по направленію, съ Шиллеромъ, но не относительно Шиллера. Характеръ своей поэзіи онъ самъ объяснилъ намъ въ „Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣческаго рода“, излагая свои понятія о существенномъ значеніи поэзіи вообще. Это сочиненіе написано въ 1795 г., въ эпоху французскихъ войнъ, отъ результата которыхъ зависѣла не только политическая самостоятельность или подчиненность Германіи, но также рѣшеніе вопросовъ внутренняго быта нѣмецкихъ племенъ. Шиллеръ хотѣлъ доказать въ немъ, что путь къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ—эстетическая дѣятельность. По его мнѣнію, необходимо нравственное возрожденіе человѣка для того, чтобы измѣнить къ лучшему существующія отношенія: устройство ихъ можетъ быть усовершенствовано только тогда, когда облагородится человѣческое сердце. Средствомъ такого возрожденія должна быть эстетическая дѣятельность. Она должна давать благородное и твердое настроеніе умственной жизни. Суровые принципы душевнаго благородства пугаютъ людей, когда излагаются строгою наукою. Искусство незамѣтно внушаетъ человѣку понятія, достоинство которыхъ не хочетъ онъ оцѣнить, когда они являются ему безъ поэтической одежды. Своими идеалами приводитъ поэзія лучшую дѣйствительность: внушая благородные порывы юношѣ, готовитъ она его къ благородной практической дѣятельности.

Такова дѣйствительно поэзія Шиллера. Это вовсе не сантиментализмъ, не игра мечтательной фантазіи,—нѣтъ, пафосъ этой поэзіи—пламенное сочувствіе всему, чѣмъ благороденъ и силенъ человѣкъ.

Мы желаемъ, чтобы изданіе г. Гербеля имѣло успѣхъ въ публикѣ. Шиллеръ много принесъ, и можетъ принести еще гораздо больше пользы нашему эстетическому развитію. Недостатки, нами замѣченные въ изданіи г. Гербеля, доказываютъ только, что дѣло могло бы быть исполнено лучше, еслибъ въ него не замѣшалась претензія. Но, все таки, само по себѣ дѣло такъ хорошо, что, несмотря на несовершенную удачность исполненія, остается прекраснымъ.

Внѣшній видъ изданія красивъ. Оно напечатано въ форматѣ „Легкаго Чтенія“, на хорошей бумагѣ. Оно будетъ состоять изъ двухъ томовъ. При второмъ г. Гербель хочетъ приложить біографію Шиллера, - отъ души желаемъ, чтобы она была написана хорошо.

Оды Квинта Горація Флакка. *Переводъ съ латинскаго*, А. Фета. *Спб. 1856*

Кромѣ очень немногихъ, слишкомъ строгихъ, или, лучше сказать, слишкомъ придирчивыхъ критиковъ, по нашему мнѣнію, несправедливыхъ къ труду г. Фета, всѣ цѣнители соглашаются, что этотъ переводъ Горація приноситъ большую честь переводчику,—это очень много значитъ, при томъ высокомъ понятіи о талантѣ г. Фета, которое имѣютъ всѣ люди съ изящнымъ вкусомъ. Произведеніе, дѣлающее честь г. Фету, должно быть превосходно. И однако же, этотъ переводъ, имѣющій такое высокое достоинство, не произвелъ ни на публику, ни на литераторовъ живого впечатлѣнія, и въ большинствѣ даже людей образованныхъ (не говоримъ уже о людяхъ, неприготовленныхъ къ наслажденію поэзіею классическаго міра) не возбудилъ того увлеченія, на которое, повидимому, должна бы давать ему право неутомимость и достоинство работы, взявшей у талантливаго переводчика столько времени, совершенной съ любовью и внимательностью. Конечно, многіе изъ людей съ наиболѣе развитымъ вкусомъ восхищались переводомъ г. Фета; но многіе другіе, одаренные такимъ же тонкимъ вкусомъ, и съ нимъ вмѣстѣ масса публики, остались довольно равнодушны къ Горацію.

Иного, впрочемъ, и не должно было ожидать. Холодность пріема, сдѣланнаго Горацію, недостаточно приписывать одной неприготовленности большинства нашей публики къ наслажденію произведеніями классической поэзіи. Гомеръ и Анакреонъ съ восхищеніемъ читаются у насъ (какъ и вездѣ) многими, не находящими особеннаго удовольствія въ Гораціевыхъ одахъ; Ювеналъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ у насъ чрезвычайно популяренъ, лишь бы только былъ хорошо переведенъ. Нѣтъ, есть особенныя причины равнодушія большинства къ Горацію.

Этотъ изящный поэтъ—чисто поэтъ формы, тонкой и тщательной отдѣлки, точнаго слога, граціознаго выраженія. Этимъ, по преимуществу, и ограничиваются его достоинства. Мы привыкли искать въ лирической поэзіи другихъ качествъ,—паѳоса, пламеннаго одушевленія, задушевнаго чувства, глубокой скорби, или страстной жизни. Ничего подобнаго нѣтъ у Горація,—паѳосъ его поэзіи выражается знаменитою одою его къ Лицинію, по переводу г. Фета:

Счастливѣй проживешь, Лицинъ, когда спѣсиво
Не станешь въ даль пучинъ прокладывать слѣдовъ,
Иль, устрашася бурь, держаться боязливо
Невѣрныхъ береговъ.

Далѣе говорится о томъ, что „золотая средина лучше всего“,—словомъ, паѳосъ поэзіи Горація—мудрое правило, внушаемое баснею Крылова „Водолазы“, изъ которыхъ одинъ, слишкомъ державшійся береговъ, едва доставалъ себѣ насущный хлѣбъ, собирая дрянныя раковины, другой, захотѣвшій искать безцѣнныхъ сокровищъ въ пучинахъ океана, утонулъ, а третій, избравшій мѣстомъ своихъ поисковъ мѣсто, гдѣ было ни глубоко, ни мелко, наловилъ множество жемчуга,—нравоученіе очень пригодное для житейскихъ дѣлъ, но вовсе не поэтическое. У Горація во всемъ почти соблю-

дается умѣренность и аккуратность. Воспѣваетъ ли онъ вино—онъ воспѣваетъ пиры умѣренные, чинные, добропорядочные, гдѣ пьютъ по разсчету, чтобы, не оставаясь трезвымъ, не быть и пьянымъ: у него нѣтъ ни разгула, ни страсти. Но кромѣ анакреонтической поэзіи можетъ быть поэзія стоицизма, поэзія суровой нравственной чистоты. Горацій—защитникъ нравственности,—но какой нравственности? умѣренной, уступчивой, снисходительной, допускающей все на свѣтѣ: и вино, и развратъ, но только въ приличномъ, благопристойномъ видѣ, на сколько вино и развратъ не вредятъ здоровью, денежнымъ дѣламъ и добропорядочному имени. Такова его поэзія во всемъ: и въ любви, и въ гражданскихъ доблестяхъ, и въ патріотизмѣ, во всѣмъ онъ воспѣваетъ „умѣренность и аккуратность“—онъ поэтъ житейской мудрости.

Такое содержаніе не увлечетъ людей нашего вѣка, требующихъ отъ лирической поэзіи огня, страсти или глубины чувства. Латинисты восхищаются превосходною обработкою стиха у Горація, и намъ кажется, что если переводъ Горація имѣетъ цѣлью произвесть впечатлѣніе на большинство, то эта цѣль можетъ быть достигнута только однимъ путемъ: нимало не заботясь о вѣрности, переводчикъ долженъ всѣмъ,—и размѣромъ, и словами, и фразами, и, пожалуй, цѣлыми строфами жертвовать для всевозможной гладкости и легкости стиха,—безцеремонно откидывать большую часть собственныхъ именъ, миѳологическихъ и историческихъ намековъ, которыми щеголяетъ Горацій и которые темны для обыкновеннаго читателя,—словомъ, чтобы читатель не запнулся ни на чемъ и пробѣгалъ страницы Горація съ такою же легкостью, какъ страницы какого нибудь современнаго поэта. При этомъ стихъ долженъ быть совершенно легокъ и изященъ,—нигдѣ, ни одного натянутаго выраженія, ни одной принужденной разстановки словъ—пусть стихи льются, какъ вода. Что и говорить, такой переводъ будетъ варварскимъ искаженіемъ текста—будетъ Дюсиповскою или даже хуже, нежели Дюсиповскою передѣлкою. Но только такая передѣлка и можетъ сообщить переводу тѣ достоинства, которыя составляютъ очаровательность подлинника, только она можетъ придать переводу совершеннѣйшую гладкость и легкость.

Г. Фетъ, конечно, не могъ унизиться до такого варварства. Онъ хотѣлъ дать намъ переводъ, а не самоуправную передѣлку Горація. Потому его переводъ, отличающійся высокими достоинствами въ глазахъ истиннаго цѣнителя, хорошо знакомаго съ древнимъ міромъ, сдѣланъ не для большинства, а только для избранныхъ читателей и для обогащенія русской литературы. Г. Фетъ трудился серьезно и добросовѣстно, и, дѣйствительно, успѣлъ дать намъ переводъ, который долженъ быть названъ капитальнымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы.

Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. „Чудодѣй“. *А. Ѳ. Вельтмана. 2 ч. Москва. 1856.*

Явись „Чудодѣй“ г. Вельтмана въ ту пору, когда еще въ модѣ были романы, раздражительно дѣйствующіе на нервы читателей, онъ имѣлъ бы значительный успѣхъ; но теперь сомнительно, чтобы кто прочелъ его отъ

начала до конца, а если и найдутся такіе охотники, то сомнительно, чтобы романъ имъ понравился. Въ этомъ виновата, конечно, натуральная школа: она до такой степени испортила вкусъ публики, что теперь самый неопытный юноша, прочитавъ „Приключенія Чудодѣя“, назоветъ ихъ хитросплетеніями, почерпнутыми не изъ моря житейскаго, а изъ причудливой фантазіи автора. Полю Февалю и Дюма съ компаніею едва ли приходилось когда разсказывать такія хитрыя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаться, такія скучныя вещи, какія разсказываетъ г. Вельтманъ. Тѣ какъ-то умѣютъ и небылицамъ сообщать видъ заманчивый, такъ что онѣ читаются, и читаются иногда даже безъ скуки, несмотря на всю ихъ пустоту; но увы! намъ это рѣшительно не удается, и, можетъ быть, это наше лучшее свойство, что мы не умѣемъ заманчиво разсказывать небылицы. Г. Вельтману, можетъ быть, хотѣлось представить въ лицѣ Даянова (Чудодѣй) типъ пылкаго, безпрестанно увлекающагося юноши, въ которомъ потребность любить и быть любимымъ беретъ верхъ надъ всѣми чувствами; но хотѣть и умѣть — два дѣла разныя: у г. Вельтмана этотъ типъ превратился въ такого сумасброда, которому гораздо приличнѣе было бы сидѣть подъ присмотромъ сторожей или сестеръ милосердія, нежели такъ долго обнаруживать симптомы своихъ странностей въ обществѣ.

Считаемъ не лишнимъ дать понятіе нашимъ читателямъ объ этомъ штукарѣ Даяновѣ.

„Въ затѣйливо убранномъ всею роскошью свѣтскихъ причудъ, небольшомъ кабинетѣ лежалъ на полу, навзничь, прекрасный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати... Мертвенная блѣдность покрывала его лицо...

— Ты, братецъ, умеръ, или еще нѣтъ? сказалъ наконецъ молодой мужчина.

Какъ будто гальваническій токъ пробѣжалъ по членамъ молодого человѣка, онъ встрепенулся, покатился по полу и конвульсивно застучалъ ногами; потомъ вдругъ вскочилъ съ полу и бросился къ молодому мужчинѣ, обхватилъ его и повисъ на шеѣ.

— Сдѣлай одолженіе, нельзя ли избавить отъ этихъ объятій!.. Ты съ ума сошелъ, Даяновъ!

— Не могу! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Оставь пожалуйста, что за шутки, — проговорилъ сердито молодой мужчина, освобождаясь отъ насильственныхъ объятій.

— Шутки? Ты думаешь, что это шутки? вскричалъ снова молодой человѣкъ, вскочивъ на ноги. — Ты, душа моя, не знаешь сердца человѣческаго, ты принимаешь это за шутки? Она дастъ балъ—это шутка? а? Да говори, Ранѣевъ! Ну? шутка, или серьезное это дѣло?—Софи даетъ балъ! Уууу!..

И Даяновъ взвизгнулъ, перекинулся, застучалъ ногами, схватилъ шитую подушку изъ подъ головы, бросилъ ее, какъ говорится, къ чорту; подушка ударилась въ тумбу съ мраморной вазой; ваза слетѣла на полъ, разбилась въ дребезги“.

На другой день послѣ бала Софи совершенно неожиданно дѣлается невѣстой сумасброда Даянова; но свадьба на время откладывается. Даяновъ кричитъ своему другу Ранѣеву:

„Знаешь, что̀, говоритъ,
Что она говоритъ,
Милый другъ, говоритъ,
Счастье — Glück, говоритъ,
Да не вдругъ, говоритъ:
По тебѣ, говоритъ,

Тяпъ—да—ляпъ, говоритъ,
И корабль, говоритъ;
Да нельзя, говоритъ:
Теперь постъ, говоритъ,
Сядь въ маль-постъ, говоритъ,
И ступай, говоритъ,
Въ Петербургъ, говоритъ".

. . . . . .

„Повторивъ говоритъ тысячу разъ, „говоритъ" Даяновъ вцѣпился себѣ въ волосы, бросился навзничь, прокатился по полу, вскочилъ и исчезъ, какъ привидѣніе".

Отсюда собственно начинаются затѣйливыя приключенія штукаря Даянова, но мы не беремся слѣдить за ними, потому что, при всѣхъ усиліяхъ, едва до половины дочитали первую часть ихъ.

Что это такое? Неужели это талантъ? Неужели это творческая фантазія? Нѣтъ, это просто неудачное хитросплетеніе, выдающее себя за легкость и игривость разсказа.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Декабрь 1856.

Разсказы графа Л. Н. „Толстаго. — Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“, Кавелина. — „Послѣдніе дни жизни Николая Васильевича Гоголя“ изъ воспоминаній А. Тарасенкова.—„Русскій Вѣстникъ“ и Тургеневъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, когда, по случаю изданія „Дѣтства“, „Отрочества“ и „Военныхъ Разсказовъ“, мы выражали свое мнѣніе о тѣхъ качествахъ, которыя должны считаться отличительными чертами въ талантѣ графа Л. Н. Толстаго, мы говорили только о силахъ, которыми теперь располагаетъ его дарованіе, почти совершенно не касаясь вопроса о содержаніи, на поэтическое развитіе котораго употребляются эти силы. Между тѣмъ нельзя не помнить, что вопросъ о паосѣ поэта, объ идеяхъ, дающихъ жизнь его произведеніямъ, —вопросъ первостепенной важности. Нельзя также не замѣтить, что было бы очень легко опредѣлить границы этого содержанія, на сколько оно раскрылось въ произведеніяхъ бывшихъ извѣстными публикѣ въ то время, когда писалась наша статья. Но мы не сдѣлали этого, считая такое дѣло преждевременнымъ, потому что рѣчь шла о талантѣ молодомъ и свѣжемъ, до сихъ поръ быстро развивающемся. Почти въ каждомъ новомъ произведеніи онъ бралъ содержаніе своего разсказа изъ новой сферы жизни. За изображеніемъ „Дѣтства“ и „Отрочества“ слѣдовали картины Кавказа и Севастополя, солдатской жизни (въ „Рубкѣ лѣса“), изображеніе различныхъ типовъ офицера во время битвъ и приготовленій къ битвамъ,—потомъ глубоко-драматическій разсказъ о томъ, какъ совершается нравственное паденіе натуры благородной и сильной (въ „Запискахъ маркера“), затѣмъ, изображеніе нравовъ нашего общества въ различныя эпохи („Два Гусара“). Какъ расширяется постепенно кругъ жизни, обнимаемой произведеніями графа Толстаго, точно также постепенно развивается и самое воззрѣніе его на жизнь. Настоящія границы этого воззрѣнія было бы легко опредѣлить,—но кто поручится, что всѣ замѣчанія объ этомъ, основанныя на прежнихъ его произведеніяхъ, не окажутся односторонними и невѣрными съ появленіемъ новыхъ его разсказовъ? Въ послѣднихъ главахъ „Юности“, которая напечатана въ этой книжкѣ „Современника“, и читатели, конечно, замѣтили, какъ, съ расширеніемъ сферы разсказа, расширяется и взглядъ автора. Съ новыми лицами вносятся и новыя симпатіи въ его поэзію, — это видитъ каждый, припомни-

пая сцены университетской жизни Иртеньева. То же самое надобно сказать о разсказѣ графа Толстаго „Утро помѣщика“, помѣщенномъ въ декабрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Мы упоминаемъ объ этомъ разсказѣ не съ намѣреніемъ разсматривать основную идею его, — отъ этого насъ удерживаетъ увѣренность, что опредѣлять идеи, которыя будутъ выражаться произведеніями графа Толстаго, вообще было бы преждевременно. Тотъ ошибся бы, кто захотѣлъ бы опредѣлять содержаніе его севастопольскихъ разсказовъ по первому изъ этихъ очерковъ,—только въ двухъ слѣдующихъ вполнѣ раскрылась идея, которая въ первомъ являлась лишь одною своею стороною. Точно также мы должны подождать втораго, третьяго, разсказовъ изъ простонароднаго быта, чтобы опредѣлительнѣе узнать взглядъ автора на вопросы, которыхъ касается онъ въ первомъ своемъ очеркѣ сельскихъ отношеній. Теперь очень ясно для насъ только одно то, что графъ Толстой съ замѣчательнымъ мастерствомъ воспроизводитъ не только внѣшнюю обстановку быта поселянъ, но, что гораздо важнѣе, ихъ взглядъ на вещи. Онъ умѣетъ переселяться въ душу поселянина,—его мужикъ чрезвычайно вѣренъ своей натурѣ,—въ рѣчахъ его мужика нѣтъ прикрасъ, нѣтъ реторики, понятія крестьянъ передаются у графа Толстаго съ такою же правдивостью и рельефностью, какъ характеры нашихъ солдатъ.

Въ новой сферѣ его талантъ обнаружилъ столько же наблюдательности и объективности, какъ въ „Рубкѣ Лѣса“. Въ крестьянской избѣ, онъ такъ же дома, какъ въ походной палаткѣ кавказскаго солдата. Сюжетъ разсказа очень простъ: молодой помѣщикъ живетъ въ деревнѣ за тѣмъ, чтобы заниматься улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ. Для этой, какъ онъ вѣруетъ, святой и достижимой цѣли, онъ бросилъ все,—и столицу, и знакомства, и удовольствія, и честолюбивыя надежды на блестящую карьеру, — онъ хочетъ жить для блага своихъ крестьянъ,—это у него не фраза, а правдивое дѣло: онъ трудится неутомимо, онъ рвется изъ всѣхъ силъ. Каковъ же результатъ его усилій? Это мы видимъ изъ разсказа объ одномъ его „Утрѣ“, когда онъ, по обыкновенію, ходитъ по избамъ тѣхъ мужиковъ, которымъ случалось до него дѣло втеченіе предъидущей недѣли, чтобы своими глазами видѣть состояніе семейства, разобрать, основательна ли просьба, и если основательна, то съ общаго совѣта придумать способъ, какъ исполнить ее. Каковы эти консультаціи и къ чему приводятъ онѣ, читатель можетъ видѣть изъ первой сцены — въ избѣ Чуриса или Чурисенка. Мы выбираемъ этотъ отрывокъ потому, что фигура Чурисенка—одна изъ самыхъ законченныхъ, самыхъ рельефныхъ и вмѣстѣ самыхъ типичныхъ въ разсказѣ, который, вообще, представляетъ очень много страницъ, дышащихъ правдою:

— Богъ помощь! сказалъ баринъ, входя на дворъ.

„Чурисенокъ оглянулся и снова принялся за свое дѣло. Сдѣлавъ энергическое усиліе, онъ выпросталъ плетень изъ-подъ навѣса и тогда только воткнулъ топоръ въ колоду, и, оправляя поясокъ, вышелъ на средину двора.

„— Съ праздникомъ, ваше сіятельство! сказалъ онъ, низко кланяясь и встряхивая волосами.

— Спасибо любезный. Вотъ пришелъ твое хозяйство провѣдать, съ дѣтскимъ дружелюбіемъ и застѣнчивостью сказалъ Нехлюдовъ, оглядывая одежду мужика.—Покажи-ка мнѣ, на что тебѣ сохи, которыя ты просилъ у меня на сходкѣ.

„— Сошки-то? Извѣстно, на что сошки, батюшка, ваше сіятельство. Хоть мало мальски подпереть хотѣлось, сами изволите видѣть; вотъ анадысь уголъ завалился, еще помиловалъ Богъ, что скотины въ ту пору не было. Все-то еле-еле виситъ, говорилъ Чурисъ, презрительно осматривая свои раскрытые, кривые и обрушенные сараи. — Теперь и стропила, и переметы только тронь: глядишь, дерева дѣльнаго не выйдетъ. А лѣсу гдѣ нынче возьмешь? сами изволите знать.

„— Такъ на что жъ тебѣ пять сошекъ, когда одинъ сарай уже завалился, а другіе скоро завалятся? Тебѣ нужны не сошки, а стропила, переметы, столбы—все новое нужно, сказалъ баринъ, видимо щеголяя своимъ знаніемъ дѣла.

„Чурисенокъ молчалъ.

— Тебѣ, стало-быть, нужно лѣсу, а не сошекъ; такъ и говорить надо было.

„Вѣстимо нужно, да взять-то негдѣ: не все же на барскій дворъ ходить! Коли нашему брату повадку дать къ вашему сіятельству за всякимъ добромъ на барскій дворъ кланяться, какіе мы крестьяне будемъ? А коли милость ваша на то будетъ, на счетъ дубовыхъ макушекъ, что на господскомъ гумнѣ такъ, безъ дѣла лежатъ, сказалъ онъ кланяясь и переминаясь съ ноги на ногу:—такъ, може, я, которыя подмѣню, которыя порѣжу и изъ стараго какъ нибудь соорудую.

— Какъ же изъ стараго? Вѣдь ты самъ говоришь, что все у тебя старо и гнило: нынче этотъ уголъ обвалился, завтра тотъ, послѣ завтра третій; такъ ужъ ежели дѣлать все за-ново, чтобъ не даромъ работа пропадала. Ты скажи мнѣ, какъ ты думаешь, можетъ твой дворъ простоять нынче зиму, или нѣтъ?

— А кто ее знаетъ!

— Нѣтъ, ты какъ думаешь? завалится онъ, или нѣтъ?

Чурисъ на минуту задумался.

— Должонъ весь завалиться, сказалъ онъ вдругъ.

— Ну, вотъ видишь-ли, ты бы лучше такъ и на сходкѣ говорилъ, что тебѣ надо весь дворъ пристроить, а не однѣхъ сошекъ. Вѣдь я радъ помочь тебѣ...

— Много довольны вашей милостью, недовѣрчиво и не глядя на барина отвѣчалъ Чурисенокъ.—Мнѣ хоть бы бревна четыре, да сошекъ пожаловали, такъ я можетъ, самъ управлюсь; а который негодный лѣсъ выберется, такъ въ избу на подпорки пойдетъ.

— А развѣ у тебя изба плоха?

— Того и ждемъ съ бабой, что вотъ-вотъ раздавитъ кого-нибудь, равнодушно сказалъ Чурисъ.—Намедни и то накатина съ потолка мою бабу убила!

— Какъ убила?

— Да такъ, убила, ваше сіятельство: по спинѣ какъ полыхнетъ ее, такъ она до ночи замертво пролежала.

— Что-жъ прошло?

— Прошло то прошло да все хвораетъ. Она, точно, и отъ роду хворая.

— Что ты, больна? спросилъ Нехлюдовъ у бабы, продолжавшей стоять въ дверяхъ и тотчасъ же начавшей охать, какъ только мужъ сталъ говорить про нее.

— Все вотъ тутъ не пущаетъ меня, да и шабашъ, отвѣчала она, указывая на свою грязную, тощую грудь.

— Опять! съ досадой сказалъ молодой баринъ, пожимая плечами:—отчего же ты больна, а не приходила сказаться въ больницу? Вѣдь для этого и больница заведена. Развѣ вамъ не оповѣщали?

— Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все: и на барщину, и дома, и ребятишки—все одна! Дѣло наше одинокое...

Нехлюдовъ вошелъ въ избу. Неровныя закопченыя стѣны въ черномъ углу были увѣшаны разнымъ тряпьемъ и платьемъ, а въ красномъ буквально покрыты красноватыми тараканами, собравшимся около образовъ и лавки. Въ серединѣ этой черной, смрадной, шести-аршинной избенки, въ потолкѣ была большая щель и, несмотря на то, что въ двухъ мѣстахъ стояли подпорки, потолокъ такъ погнулся, что, казалось, съ минуты на минуту угрожалъ разрушеніемъ.

— Да, изба очень плоха, сказалъ баринъ, всматриваясь въ лицо Чурисенка, который, казалось, не хотѣлъ начинать говорить объ этомъ предметѣ.

— Задавитъ насъ, и ребятишекъ задавитъ, начала слезливымъ голосомъ приговаривать баба, прислонившись къ печи подъ полатями.

— Ты не говори! строго сказалъ Чурисъ, и съ тонкой, чуть замѣтной улыбкой, обозначившейся подъ его пошевелившимися усами, обратился къ барину: — и ума не приложу, что̀ съ ней дѣлать, ваше сіятельство, съ избой то; и подпорки, и подкладки клалъ—ничего нельзя издѣлать!

— Какъ тутъ зиму зимовать? Охъ-охъ-о! сказала баба.

— Оно, коли еще подпорки поставить, новый накатникъ настлать, перебилъ ее мужъ, съ спокойнымъ, дѣловымъ выраженіемъ: да кой-гдѣ переметы перемѣнить, такъ, можетъ, какъ-нибудь пробьемся зиму то. Прожить можно, только избу всю подпорками загородишь—вотъ что; а тронь ее, такъ щепки живой не будетъ; только поколи стоитъ, держится, заключилъ онъ, видимо весьма довольный тѣмъ, что онъ сообразилъ это обстоятельство.

Нехлюдову было досадно и больно, что Чурисъ довелъ себя до такого положенія и не обратился прежде къ нему, тогда какъ онъ, съ самаго своего пріѣзда ни разу не отказывалъ мужикамъ и только того добивался, чтобъ всѣ прямо приходили къ нему за своими нуждами. Онъ почувствовалъ даже нѣкоторую злобу на мужика, сердито пожалъ плечами и нахмурился; но видъ нищеты, окружавшей его, и среды этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса, превратили его досаду въ какое-то грустное, безнадежное чувство.

— Ну, какъ же ты, Иванъ, прежде не сказалъ мнѣ? съ упрекомъ замѣтилъ онъ, садясь на грязную, кривую лавку.

— Не посмѣлъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Чурисъ съ той же, чуть замѣтной улыбкой, переминаясь своими черными, босыми ногами по неровному земляному полу; но онъ сказалъ это такъ смѣло и спокойно, что трудно было вѣрить, чтобъ онъ не посмѣлъ придти къ барину.

— Наше дѣло мужицкое: какъ мы смѣемъ!.. начала было, всхлипывая баба.

— Ну, гуторь, снова обратился къ ней Чурисъ.

— Въ этой избѣ тебѣ жить нельзя; это вздоръ! сказалъ Нехлюдовъ, помолчавъ нѣсколько времени. А вотъ что мы сдѣлаемъ, братецъ...

Чтобы помочь Чурисенку совершенно, а не на время, не кое-какъ, Нехлюдовъ предлагаетъ ему выселиться на новыя мѣста, на хуторъ,—тамъ онъ найдетъ себѣ готовую новую избу. Чурисенокъ не можетъ рѣшиться на это—ему дорога родная изба, дорогъ родной дворъ съ ветлами, которыя посадилъ его отецъ, да и разорительно было-бъ ему бросить свой удобренный участокъ, свой конопляникъ, чтобы получить на хуторѣ глинистую, неудобренную землю.

Молодому помѣщику видно хотѣлось еще спросить что-то у хозяевъ; онъ не вставалъ съ лавки и нерѣшительно поглядывалъ то на Чуриса, то въ пустую, неотопленную печь.

— Что, вы ужъ обѣдали? наконецъ спросилъ онъ.

Подъ усами Чуриса обозначилась насмѣшливая улыбка, какъ будто ему смѣшно было, что баринъ дѣлаетъ такіе глупые вопросы; онъ ничего не отвѣтилъ.

— Какой обѣдъ, кормилецъ? тяжело вздыхая, проговорила баба:— хлѣбушка поснѣдали, вотъ и обѣдъ нашъ. За снѣткой нынѣче ходить нѣколи было, такъ и щецъ сварить не изъ чего, а что квасу было, такъ ребятамъ дала.

— Нынѣче постъ голодный, ваше сіятельство, вмѣшался Чурисъ, поясняя слова бабы:— хлѣбъ да лукъ —вотъ и пища наша мужицкая. Еще, слава-ти Господи, хлѣбушка то у меня, по милости вашей, по сю пору хватило, а то сплошь у нашихъ мужиковъ и хлѣба то нѣтъ. Луку нынѣ вездѣ незародъ. У Михаила огородника анадысь посылали, за пучекъ по грошу берутъ, а покупать нашему брату нѣ откуда. Съ

Пасхи почитай что и въ церкву Божью не ходимъ, и свѣчку Миколѣ купить не на что.

Нехлюдовъ ужъ давно зналъ не по слухамъ, не на вѣру къ словамъ другихъ, а на дѣлѣ всю ту крайнюю степень бѣдности, въ которой находились его крестьяне; но вся дѣйствительность эта была такъ несообразна со всѣмъ воспитаніемъ его, складомъ ума и образомъ жизни, что онъ противъ воли забывалъ истину, и всякій разъ, когда ему, какъ теперь, живо, осязательно напоминали ее, у него на сердцѣ становилось невыносимо тяжело и грустно, какъ-будто воспоминаніе о какомъ-то свершенномъ, неискупленномъ преступленіи мучило его.

— Отчего вы такъ бѣдны? сказалъ онъ, невольно высказывая свою мысль.

— Да какимъ же намъ и быть батюшка, ваше сіятельство, какъ не бѣднымъ? Земля наша какая—вы сами изволите знать: глина, бугры, да и то, видно, прогнѣвили мы Бога, вотъ ужъ съ холеры почитай хлѣба не родитъ. Луговъ и угодьевъ опять меньше стало: которые показали въ экономію, которые тоже въ барскія поля поприбралп. Дѣло мое одинокое, старое... гдѣ и радъ бы похлопоталъ—силъ моихъ нѣту. Старуха моя больная, что ни годъ, то дѣвчонокъ рождаетъ: вѣдь всѣхъ кормить надо. Вотъ одинъ маюсь, а семь душъ дома. Грѣшенъ Господу Богу, часто думаю себѣ: хоть бы прибралъ которыхъ Богъ поскорѣе: и мнѣ бы легче было, да и имъ то лучше, чѣмъ здѣсь горе мыкать...

— О-охъ! громко вздохнула баба, какъ бы въ подтвержденіе словъ мужа.

— Вотъ моя подмога вся тутъ, продолжалъ Чурисъ, указывая на бѣлоголоваго шаршаваго мальчика лѣтъ семи, съ огромнымъ животомъ, который въ это время робко, тихо скрипнувъ дверью, вошелъ въ избу и, уставивъ исподлобья удивленные глаза на барина, обѣими ручонками держался за рубаху Чуриса.—Вотъ и подсобка моя вся тутъ, продолжалъ звучнымъ голосомъ Чурисъ, проводя своей шершавой рукой по бѣлымъ волосамъ ребенка:—когда его дождешься? а мнѣ ужъ работа не въ мочь. Старость бы еще ничего, да грыжа меня одолѣла. Въ ненастье хоть крикомъ кричи. А вѣдь ужъ мнѣ давно съ тягла, въ старики пора. Вонъ Ермиловъ, Демкинъ, Зябревъ—всѣ моложе меня, а ужъ давно земли посложили. Ну, мнѣ сложить не на кого—вотъ бѣда моя. Кормиться надо: вотъ и бьюсь ваше сіятельство.

— Я бы радъ тебя облегчить, точно. Какъ же быть? сказалъ молодой баринъ съ участіемъ, глядя на крестьянина.

— Да какъ облегчить? Извѣстное дѣло, коли землей владать, то и барщину править надо—ужъ порядки извѣстные. Какъ-нибудь малаго дождусь. Только, будетъ милость ваша, на счетъ училища его увольте; а то намедни земскій приходилъ, тоже, говоритъ, и его ваше сіятельство требуетъ въ училищу. Ужъ его то увольте: вѣдь какой у него разумъ, ваше сіятельство? Онъ еще младъ, ничего не смыслитъ.

— Нѣтъ, ужъ это, братъ, какъ хочешь, сказалъ баринъ:—мальчикъ твой ужъ можетъ понимать, ему учиться пора. Вѣдь я для твоего же добра говорю. Ты самъ посуди, какъ онъ у тебя подростетъ, хозяиномъ станетъ, да будетъ грамотѣ знать и читать будетъ умѣть, и въ церкви читать—вѣдь все у тебя дома съ Божьей помощью лучше пойдетъ, говорилъ Нехлюдовъ, стараясь выражаться какъ можно понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ почему то краснѣя и заминаясь.

— Неспорно, ваше сіятельство:—вы намъ худа не желаете, да дома то побыть некому: мы съ бабой на барщинѣ—ну, а онъ хоть и маленекъ, а все подсобляетъ, и скотину загнать и лошадей напоить. Какой ни есть, а все мужикъ и Чурисенокъ съ улыбкой взялъ своими толстыми пальцами за носъ мальчика и высморкалъ его.

Все-таки присылай его, когда самъ дома и когда ему время—слышишь? непремѣнно.

Чурисенокъ тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

Эта сцена показалась намъ одною изъ лучшихъ въ разсказѣ. Но если бы мы захотѣли указать всѣ удачныя лица мужиковъ, всѣ правдивыя и поэтическія страницы, намъ пришлось бы представить слишкомъ длинный перечень, потому что большая часть подробностей въ „Утрѣ помѣщика“ прекрасны.

Въ декабрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ также помѣщена повѣсть гр. Толстаго „Встрѣча въ отрядѣ съ Московскимъ знакомцемъ“. Но о „Библіотекѣ для Чтенія“ мы будемъ говорить въ другой разъ, а теперь возвращаемся къ „Отечественнымъ запискамъ“, послѣдняя книжка которыхъ представляетъ, кромѣ разсказа, о которомъ мы говорили, еще двѣ замѣчательныя статьи,—одна изъ нихъ—„Послѣдніе дни жизни Николая Васильевича Гоголя“, изъ воспоминаній г. А. Т. Т--ва, чрезвычайно интересна по своему предмету, а другая и по ученому достоинству—это критическій разборъ книги г. Чичерина: „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“, написанный г. Кавелинымъ. Уже давно г. Кавелинъ ничего не печаталъ; блистательная роль, которую онъ игралъ въ изслѣдованіяхъ о русской исторіи, заставляла сожалѣть о томъ, что онъ покинулъ дѣятельность, столь полезную и для науки и для публики. Ему безспорно принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ между учеными, занимающимися разработкою русской исторіи; его статьи, которыми въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно украшались „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, отличались рѣдкими достоинствами изложенія при капитальномъ значеніи для науки и пролили свѣтъ на многіе затруднительнѣйшіе вопросы ея. „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, критическіе разборы сочиненія г. Соловьева „Объ отношеніяхъ между князьями Рюрикова Дома“, книги г. Терещенко „Бытъ русскаго народа“, „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ и многія другія его статьи принадлежатъ къ небольшому числу тѣхъ изысканій, на которыя опираются господствующія нынѣ понятія о ходѣ и характерѣ русской исторіи. Для внутренней исторіи быта никто изъ нынѣшнихъ нашихъ ученыхъ не сдѣлалъ болѣе, нежели г. Кавелинъ. Потеря, понесенная наукою отъ его безмолвія, продолжавшагося уже нѣсколько лѣтъ, очень велика. Мы не винимъ его за это безмолвіе, очень хорошо зная, что у него, какъ и у многихъ другихъ, могли быть на то причины очень уважительныя. Но мы не можемъ не радоваться, что наконецъ онъ рѣшился возобновить свою литературную дѣятельность. Статья, помѣщенная имъ теперь въ „Отечественныхъ Запискахъ“, очень замѣчательна по проницательному объясненію причинъ и смысла учрежденій, развившихся въ теченіе московскаго періода и отношеній этого порядка дѣлъ къ прежнему быту русской земли.

Статья г. А. Т. Т—ва драгоцѣнна для исторіи нашей литературы потому, что представляетъ довольно полное изложеніе хода загадочной болѣзни, имѣвшей своимъ слѣдствіемъ кончину Гоголя.

Была-ли это болѣзнь чисто физическая, или тѣлесное разстройство происходило отъ душевнаго разстройства? И, какова бы ни была эта болѣзнь, дѣйствительно-ли Гоголь умеръ отъ болѣзни или смерть была приведена самопроизвольною его рѣшимостью не принимать пищи? Г. А. Т—въ—докторъ, который посѣщалъ и по возможности лечилъ Гоголя въ послѣдній періодъ этой таинственной агоніи. Всѣ симптомы ея, всѣ дѣйствія Гоголя въ это время такъ странны, что авторъ не отваживается ни одного изъ этихъ предположеній отрицать рѣшительнымъ образомъ. Онъ только разсказываетъ факты, свидѣтелемъ которыхъ былъ,—это, конечно, лучшее изъ

всего, что можно сказать въ настоящее время. Но въ примѣчаніяхъ онъ склоняется къ тому мнѣнію, что психическія причины болѣе, нежели физическія страданія участвовали въ разрушеніи организма Гоголя, и что самою сильнѣйшею изъ этихъ причинъ было слишкомъ продолжительное воздержаніе отъ пищи. Конечно, мы не имѣемъ возможности съ достовѣрностью рѣшать вопросъ, которымъ затрудняется врачъ и очевидецъ. Но сколько можно судить по фактамъ, которые онъ представляетъ, надобно, кажется, считать ближайшимъ къ истинѣ то ужасное предположеніе, что Гоголь самъ уморилъ себя голодомъ,- -не безсознательно, не вслѣдствіе психической болѣзни, а сознательно и, быть можетъ, даже преднамѣренно. Вотъ, по разсказу г. А. Т. Т—ва, факты, которые, кажется намъ, ведутъ къ такому заключенію:

Давно мнѣ не случалось быть въ домѣ, гдѣ жилъ Гоголь, и я не слыхалъ ничего о его болѣзни. Въ среду на первой недѣлѣ поста прислали изъ этого дома за мною и объяснили, что происходило съ Гоголемъ. Озабоченный положеніемъ больнаго, хозяинъ дома (графъ Т—ой) желалъ, чтобъ я видѣлъ и сказалъ свое мнѣніе о его болѣзни.

Однакожъ Гоголь на этотъ разъ не изъявилъ желанія меня видѣть. Наконецъ, посѣщавшій его врачъ захворалъ и уже не могъ къ нему ѣздить. Тогда графъ настоялъ на своемъ желаніи ввести меня къ нему. Гоголь сказалъ: „напрасно, но пожалуй“. Тутъ только я въ первый разъ увидѣлъ его въ болѣзни. Это было въ субботу первой недѣли поста.

Увидѣвъ его, я ужаснулся. Не прошло мѣсяца, какъ я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ; онъ казался мнѣ человѣкомъ цвѣтущаго здоровья, бодрымъ, свѣжимъ, крѣпкимъ, а теперь передо мною былъ человѣкъ, какъ бы изнуренный до крайности чахоткою, или доведенный какимъ-либо продолжительнымъ истощеніемъ до необыкновеннаго изнеможенія. Все тѣло его до чрезвычайности похудѣло; глаза сдѣлались тусклы и впали, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голосъ ослабъ, языкъ съ трудомъ шевелился, выраженіе лица стало неопредѣленное, необъяснимое. Мнѣ онъ показался мертвецомъ съ перваго взгляда. Онъ сидѣлъ протянувъ ноги, не двигаясь и даже не перемѣняя прямаго положенія лица; голова его была нѣсколько опрокинута назадъ и покоилась на спинкѣ креселъ. Когда я подошелъ къ нему, онъ приподнялъ голову, но недолго могъ ее удерживать прямо, да и то съ замѣтнымъ усиліемъ. Хотя не охотно, но позволилъ онъ мнѣ пощупать пульсъ и посмотрѣть языкъ: пульсъ былъ ослабленный, языкъ чистый, но сухой; кожа имѣла натуральную теплоту. По всѣмъ соображеніямъ видно было, что у него нѣтъ горячечнаго состоянія и неупотребленіе пищи нельзя было приписать отсутствію аппетита...

Я настаивалъ, чтобъ онъ, если *не можетъ* принимать плотной пищи, то по крайней мѣрѣ непремѣнно употреблялъ бы по болѣе питья и притомъ питательнаго— молока, бульйона и т. д. „Я одну пилюлю проглотилъ, какъ *послѣднее* средство; она осталась безъ дѣйствія: развѣ надобно пить, чтобы прогнать ее“, сказалъ онъ. Не обременяя его долгими разговорами, я старался ему объяснить, что питье нужно для смягченія языка и желудка, а питательность питья нужна, чтобъ укрѣпить силы, необходимыя для счастливаго окончанія болѣзни. Не отвѣчая, больной опять склонилъ голову на грудь, какъ при нашемъ входѣ; я пересталъ говорить и удалился вмѣстѣ съ графомъ наверхъ.

Испуганный, встревоженный мыслью, что *Гоголь можетъ скоро умереть*, я долженъ былъ собраться съ силами, чтобы придти въ спокойное положеніе, въ какомъ должно разговаривать съ больнымъ. Удалившись отъ графа, я почелъ обязанностью зайдти опять къ больному, чтобъ еще сильнѣе высказать ему мои убѣжденія. Чрезъ служителя я выпросилъ у него позволеніе войти къ нему еще на минуту. Мнѣ вообразилось, что онъ колеблется въ своихъ намѣреніяхъ; я не терялъ надежды, что Гоголь, привыкнувъ видѣть мою искренность, послушается меня. Подойдя къ нему, я съ видимымъ хладнокровіемъ, но съ полною теплотою сердечною употребилъ всѣ усилія, чтобъ

подѣйствовать на его волю. Я выразилъ ему мысль, что врачи въ болѣзни прибѣгаютъ къ совѣту своихъ собратій и ихъ слушаются; не врачу тѣмъ болѣе надобно слѣдовать медицинскимъ наставленіямъ, особенно преподаваемымъ съ добросовѣстностью и полнымъ убѣжденіемъ; и тотъ, кто поступаетъ иначе, дѣлаетъ преступленіе предъ самимъ собою. Говоря это, я обратилъ свое вниманіе на лицо страдальца, чтобы подсмотрѣть, что происходитъ въ его душѣ. Выраженіе его лица нисколько не измѣнилось: оно было такъ же спокойно и такъ же мрачно, какъ прежде: ни досады, ни огорченія, ни удивленія, ни сомнѣнія не показалось и тѣни. Онъ смотрѣлъ какъ человѣкъ, для котораго всѣ задачи разрѣшены, всякое чувство замолкло, всякія слова напрасны, колебаніе въ рѣшеніи невозможно. Впрочемъ, когда я пересталъ говорить, онъ въ отвѣтъ произнесъ внятно, съ разстановкой и хотя вяло, безжизненно, но со всею полнотою увѣренности: „Я знаю, врачи добры: они всегда *желаютъ* добра“; но вслѣдъ за этимъ опять наклонилъ голову, отъ слабости-ли, или въ знакъ прощанія — не знаю. Я не смѣлъ его тревожить долѣе, пожелалъ ему поскорѣе поправляться и простился съ нимъ; вбѣжалъ къ графу, чтобы сказать, что дѣло плохо, и я не предвижу ничего хорошаго, если это продолжится.

„Какъ и чѣмъ было дѣйствовать при такомъ необыкновенномъ случаѣ на эту исключительную личность? Графъ употреблялъ все, что возможно было для его исцѣленія. Совѣтовался съ духовными лицами, знакомыми своими и друзьями Гоголя, призывалъ для совѣщанія знаменитѣйшихъ московскихъ докторовъ. Одно духовное лицо подало совѣтъ убѣждать Гоголя, что его спасеніе не въ постѣ, а въ послушаніи, и просило его непрекословно исполнять назначенія врачебныя во всей полнотѣ. Духовникъ навѣщалъ его часто; приходскій священникъ являлся къ нему ежедневно. При немъ нарочно подавали тутъ же кушать саго, чернослив и проч. Священникъ начиналъ первый и убѣждалъ его ѣсть вмѣстѣ съ нимъ.

„Неохотно, немного, но употреблялъ онъ эту пищу ежедневно; потомъ слушалъ молитвы, читаемыя священникомъ. Какія молитвы вамъ читать? спрашивалъ онъ. „Все хорошо; читайте, читайте!“ Друзья старались подѣйствовать на него привѣтомъ, сердечнымъ расположеніемъ, умственнымъ вліяніемъ: но не было лица, которое могло бы взять надъ нимъ верхъ, не было лекарства, которое бы перевернуло его понятія; а у больнаго не было желанія слушать чьи-либо совѣты, глотать какія-либо лекарства. Въ воскресенье приходскій священникъ убѣдилъ больнаго принять ложку клещевиннаго масла, и въ этотъ же день онъ согласился было употребить еще одно медицинское пособіе (clysma), но это было только на словахъ, а на дѣлѣ онъ рѣшительно отказался, и во всѣ послѣдующіе дни онъ уже болѣе не слушалъ ничьихъ увѣщаній и не принималъ болѣе никакой пищи (три дня), а спрашивалъ только пить краснаго вина.

„Силы больнаго падали быстро и невозвратно. Несмотря на свое убѣжденіе, что постель будетъ для него смертнымъ одромъ (почему онъ старался оставаться въ креслахъ), въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста онъ улегся, хотя въ халатѣ и сапогахъ, и ужъ болѣе не вставалъ съ постели. Въ этотъ же день онъ приступилъ къ напутственнымъ таинствамъ покаянія, причащенія и елеосвященія.

„Спѣшить съ медицинскою помощью теперь казалось еще нужнѣе. Пріѣзжали врачи; каждый высказывалъ свое мнѣніе. Думали, судили, толковали; никто не присовѣтовалъ ничего рѣшительнаго, да и не видно еще было близкой опасности. Между тѣмъ трудно было предпринимать что-нибудь съ человѣкомъ, который въ полномъ сознаніи отвергаетъ всякое леченіе. Уже разъ спасенъ онъ былъ отъ болѣзни въ Римѣ безъ медицинскихъ пособій, онъ приписывалъ это *чуду*. И въ настоящее время сказалъ онъ одному изъ убѣждавшихъ его лечиться: „ежели будетъ угодно Богу, чтобъ я жилъ еще — буду жить“...

„Во вторникъ являюсь я и встрѣчаю гр. Т., чрезвычайно встревоженнаго сверхъ ожиданія. „Что Гоголь?“ — „Плохо, лежитъ. Ступайте къ нему, теперь можно входить“.

„Меня пустили прямо въ комнату больнаго, безъ затрудненія, безъ доклада. Гоголь лежалъ на широкомъ диванѣ, въ халатѣ, въ сапогахъ, отвернувшись къ стѣнѣ, на боку, съ закрытыми глазами. Противъ его лица — образъ Богоматери; въ рукахъ чотки; возлѣ него мальчикъ его и другой служитель. На мой тихій вопросъ онъ не отвѣчалъ ни слова. Мнѣ позволили его осмотрѣть, я взялъ его руку, чтобъ пощупать пульсъ.

Онъ сказалъ: „Не трогайте меня, пожалуйста“. Я отошелъ, разспросилъ подробно у окружающихъ о всѣхъ отправленіяхъ больнаго: никакихъ объективныхъ симптомовъ, которые бы указывали на важное страданіе, какъ теперь, такъ и во всѣ эти дни не обнаруживалось.

„Между тѣмъ врачи, одинъ за другимъ, пріѣзжали провѣдывать больнаго и узнавали, что съ нимъ происходитъ. Одинъ изъ почтенныхъ врачей предложилъ магнетизировать больнаго, чтобъ покорить его волю и такимъ образомъ заставить его дѣлать что нужно. На слѣдующій день положили собрать большой консиліумъ изъ опытнѣйшихъ врачей, чтобъ приступить къ мѣрамъ энергическимъ.

„Цѣлый вторникъ Гоголь лежалъ, ни съ кѣмъ не разговаривая, не обращая вниманія на всѣхъ, подходившихъ къ нему. По временамъ поворачивался онъ на другой бокъ, всегда съ закрытыми глазами, нерѣдко находился какъ бы въ дремотѣ, часто просилъ пить краснаго вина, и всякій разъ смотрѣлъ на свѣтъ, то ли ему подаютъ. Вечеромъ подмѣшали вино сперва краснымъ питьемъ, а потомъ бульйономъ. Повидимому, онъ уже неясно различалъ качество питья, потому что сказалъ только: „зачѣмъ подаешь мнѣ мутное“? однакожъ выпилъ. Съ тѣхъ поръ ему стали подавать для питья бульйонъ, когда онъ спрашивалъ пить, повторяя быстро одно и тоже слово: „подай, подай!“. Когда ему подносили питье, онъ бралъ рюмку въ руку, приподнималъ голову и выпивалъ все, что ему было подано.

„Вечеромъ этого же дня пришелъ врачъ для магнетизированія. Когда онъ положилъ свою руку больному на голову, потомъ подъ ложку, и сталъ дѣлать пассы, Гоголь сдѣлалъ движеніе тѣломъ и сказалъ: „Оставьте меня!“ Продолжать магнетизированіе было нельзя.

„На слѣдующій день, въ среду утромъ, больной находился почти въ такомъ же положеніи, какъ и наканунѣ; но слабость пульса усилилась весьма замѣтно, такъ что врачи, видѣвшіе его въ это время, полагали, что надобно будетъ прибѣгнуть къ средствамъ возбуждающимъ (moschus). Около полудня собрались вмѣстѣ приглашенные доктора (пятеро), а также нѣсколько друзей Гоголя и множество знакомыхъ. Предложенъ былъ вопросъ: оставить ли теперь больнаго безъ пособій, которыя онъ отвергаетъ самъ, или поступить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, не владѣющимъ собою? Рѣшили: лечить больнаго, несмотря на его нежеланіе лечиться.

„Всѣ врачи вошли къ больному, стали осматривать и разспрашивать. Когда давили ему животъ, который былъ такъ мягокъ и пустъ, что чрезъ него легко можно было ощупать позвонки, то Гоголь застоналъ, закричалъ. Прикосновеніе къ другимъ частямъ тѣла, вѣроятно, было для него болѣзненно, потому что также возбуждало стонъ или крикъ. На вопросы докторовъ больной или не отвѣчалъ ничего, или отвѣчалъ коротко и отрывисто „нѣтъ“, не раскрывая глазъ. Наконецъ, при продолжительномъ изслѣдованіи, онъ проговорилъ съ напряженіемъ: „не тревожьте меня, ради Бога!“

„Кромѣ исчисленныхъ явленій, ускоренный пульсъ и носовое кровотеченіе, показавшееся-было впродолженіе его болѣзни само-собою, послужили показаніемъ къ приставленію піявокъ въ незначительномъ числѣ. Было поставлено восемь піявокъ къ ноздрямъ, приложены холодныя примочки на голову, а потомъ сдѣлано обливаніе головы холодною водою въ теплой ваннѣ. Когда больнаго раздѣвали и сажали въ ванну, онъ сильно стоналъ, кричалъ, говорилъ, что это дѣлаютъ напрасно. Послѣ ванны его опять положили въ постель, обернувъ въ простыню. Видно, онъ прозябъ, потому что проговорилъ: „Покройте плечо, закройте спину!“ Во время приставленія піявокъ онъ повторялъ неоднократно: „Не надо, не надо!“ Когда онѣ были поставлены, онъ твердилъ: „снимите піявки, поднимите (ото рта) піявки!“ и стремился ихъ достать рукою, которую удержали силою. Одинъ изъ консультантовъ, пріѣхавшій позже другихъ и знавшій лично Гоголя, выслушавъ исторію его болѣзни, назвалъ болѣзнь gastrointeritis ex inanitione, объявилъ дурное предсказаніе, сказавъ, что „наврядъ ли что-либо успѣете сдѣлать съ *этимъ* больнымъ при такомъ его нежеланіи лечиться“; но другіе врачи не теряли надежды на его спасеніе, и въ шесть часовъ вечера опять собрались у больнаго.

„Гоголь лежалъ молча, какъ безчувственный, и какъ будто не обращалъ внима-

нія или не понималъ того, что́ около него происходило, несмотря на громкій разговоръ окружающихъ. Предлагали ему вопросы, называли его по имени, но не добились ни одного слова. Тутъ положили ему на голову ледъ, на руки и на ноги горчичники, поддерживали кровотеченіе изъ носа, внутрь давали лекарство. Но и эти дѣятельныя пособія не оказали благопріятнаго дѣйствія. Пульсъ дѣлался все слабѣе; дыханіе, затрудненное уже утромъ, становилось еще тяжелѣе. Вскорѣ больной пересталъ самъ поворачиваться и продолжалъ лежать смирно на одномъ боку. Когда съ нимъ ничего не дѣлали, онъ былъ покоенъ; но когда ставили или снимали горчичники и вообще тревожили его, онъ издавалъ стонъ или вскрикивалъ; по временамъ онъ явственно произносилъ: „давай пить!“ уже не разбирая, что ему подаютъ.

„Позже вечеромъ онъ, повидимому, сталъ забываться и терять память. „Давай боченокъ!“ произнесъ онъ однажды, показывая, что желаетъ пить. Ему подали прежнюю рюмку съ бульйономъ, но онъ уже не могъ самъ приподнять голову и держать рюмку; надобно было придержать и то и другое, чтобы онъ былъ въ состояніи выпить поданное.

„Еще позже онъ по временамъ бормоталъ что-то невнятно, какъ бы во снѣ, или повторялъ нѣсколько разъ „давай, давай! ну что жъ?“. Часу въ одиннадцатомъ онъ закричалъ громко: „лѣстницу, поскорѣе, „давай лѣстницу!...“ Казалось, ему хотѣлось встать. Его подняли съ постели, посадили на кресло. Въ это время онъ уже такъ ослабѣлъ, что голова его не могла держаться на шеѣ и падала машинально, какъ у новорожденнаго ребенка. Тутъ привязали ему мушку. Во все это время онъ не глядѣлъ и безпрерывно стоналъ. Когда его опять укладывали въ постель, онъ потерялъ всѣ чувства; пульсъ у него пересталъ биться, онъ захрипѣлъ, глаза его раскрылись, но представлялись безжизненными. Казалось, наступаетъ смерть, но это былъ обморокъ, который длился нѣсколько минутъ. Пульсъ возвратился вскорѣ, но сдѣлался едва примѣтнымъ.

„Послѣ этого обморока Гоголь уже не просилъ болѣе ни пить, ни поворачиваться; постоянно лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами, не произнося ни слова.

„Въ двѣнадцатомъ часу ночи стали холодѣть ноги. Я положилъ кувшинъ съ горячею водою, сталъ почаще давать проглатывать бульйонъ, и это, повидимому, его оживляло; однакожъ, вскорѣ дыханіе сдѣлалось хриплое и еще болѣе затрудненное; кожа покрылась холодною испариною, подъ глазами посинѣло, лицо опустилось, какъ у мертвеца. Въ это время пріѣхалъ докторъ, который распоряжался леченіемъ. Онъ продолжалъ почти во всю ночь давать лекарства и употреблять разныя медицинскія мѣры. Больной только стоналъ, но не произносилъ болѣе ни слова.

„На другой день, въ четвергъ 21-го февраля 1852 года, доктора не успѣли устроить новаго совѣщанія, которое предполагали возможнымъ. Пріѣхавъ въ назначенный часъ, они нашли не Гоголя, а трупъ его: уже около восьми часовъ утра прекратилось дыханіе, исчезли всѣ признаки жизни...“

Если дѣйствительно Гоголь самъ былъ причиною своей смерти, — въ чемъ, кажется намъ, трудно сомнѣваться послѣ разсказа г. А. Т. Т-ва, — если дѣйствительно онъ остался бы живъ и сдѣлался бы здоровъ, когда захотѣлъ бы о томъ позаботиться, не отвергалъ бы и пищу и медицинскія пособія, то въ самомъ безразсудствѣ, съ которымъ онъ губилъ себя, все таки обнаруживается высская и сильная натура. Какое жалкое, дикое убѣжденіе, — но какая высокая жертва ради убѣжденія! Какое поразительное свидѣтельство съ одной стороны — слабости, съ другой стороны — высоты этого человѣка.

Мы нашли столько хорошаго въ декабрьской книжкѣ „Отечеств. Записокъ“, что намъ уже не хочется говорить объ отвѣтѣ г. Галахова (въ журналистикѣ декабрьской книжки) на замѣчанія, сдѣланныя нами на его статью противъ г. Лайбова. Да и нѣтъ надобности отвѣчать ему: отъ г. Лайбова

онъ обращаетъ свой гнѣвъ на насъ — пусть гнѣвается, особенно, если это приноситъ ему удовольствіе; собственно за себя, мы не намѣрены вступать въ полемику ни съ кѣмъ,— тѣмъ болѣе не находимъ нужды дѣлать этого въ настоящемъ случаѣ; потому что г. Галахову не удалось сказать противъ нашихъ замѣчаній ничего такого, что заслуживало бы отвѣта.

Точно также мы не будемъ ничего отвѣчать и на „письмо къ г. Филиппову“, напечатанное въ четвертой книгѣ „Русской Бесѣды“, — авторъ письма выражаетъ полное свое согласіе съ мнѣніями, которыя высказаны г. Филипповымъ въ статьѣ, которая помѣщена была въ первой книжкѣ „Русской Бесѣды“ и въ свое время была строго осуждена нами. Авторъ письма весьма негодуетъ на насъ за это осужденіе,—что весьма натурально въ человѣкѣ, вполнѣ раздѣляющемъ мнѣнія г. Филиппова; статья г. Филиппова безвозвратно осуждена не нами одними, а всею публикою, стало быть, возобновлять исторію о ней совершенно безполезно.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы сказали, что тѣ особенныя воззрѣнія, которыми славянофилы хотятъ отличаться отъ огромнаго большинства публики, не достигли еще ясности, и потому не имѣютъ еще особенной важности. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы сказали, что „Русская Бесѣда“, независимо отъ своего направленія, заслуживаетъ вниманія по довольно значительному числу дѣльныхъ статей, — въ числѣ сотрудниковъ ея есть люди ученые и даровитые, которые судятъ очень здраво, когда рѣчь идетъ не о туманныхъ отвлеченностяхъ (которыми, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ слишкомъ часто заняты), а такихъ вопросахъ, которые имѣютъ дѣйствительный смыслъ. Мы пользуемся выходомъ четвертой книжки „Русской Бесѣды“, чтобы обозрѣть всѣ четыре книги ея, составляющія годичное изданіе, и обратить вниманіе публики на статьи, заслуживающія одобренія.

Прежде всего, мы должны назвать прекрасныя „обозрѣнія“ кн. Черкасскаго: „Обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 годъ“ (кн. первая), „Протоколы Парижскаго Конгресса“ (кн. вторая) и „Обозрѣніе внутренняго законодательства“ (кн. третья): онѣ заслуживаютъ большаго вниманія по ясности и благородству взгляда и по замѣчательной основательности; въ томъ предметѣ, которымъ занимается кн. Черкасскій, мы имѣемъ очень мало спеціалистовъ; но еслибъ у насъ было ихъ много, авторъ статей, нами названныхъ, все-таки оставался бы писателемъ замѣчательнымъ; теперь же, мы почти не можемъ указать въ этомъ родѣ ничего равнаго по достоинству его дѣльнымъ статьямъ, написаннымъ съ большимъ знаніемъ предмета. Кто хочетъ узнать „Русскую Бесѣду“ съ самой выгодной стороны, долженъ прочесть эти статьи и стихотворенія г. И. Аксакова (въ первой книгѣ; въ свое время мы представили нашимъ читателямъ эти стихотворенія; къ сожалѣнію, въ трехъ слѣдующихъ книгахъ г. Аксаковъ не помѣстилъ ни одной пьесы. Неужели онъ такъ мало пишетъ?).

Очень дѣльны три статьи г. Кошелева о желѣзныхъ дорогахъ — двѣ первыя были напечатаны въ первой книгѣ; на одну изъ нихъ, заключавшую замѣчанія противъ статьи, помѣщенной въ февральской книжкѣ нашего журнала, г. Журавскій написалъ въ „Современникѣ“ возраженія; третья статья (въ четвертой книгѣ) служитъ отвѣтомъ на эти возраженія. Споръ этотъ са-

мымъ выгоднымъ для „Русской Бесѣды“ образомъ отличался отъ скучныхъ преній о народномъ воззрѣніи, въ которыхъ каждымъ новымъ объясненіемъ славянофилы все только больше затемняли вопросъ о томъ, чего они хотятъ. Тутъ, напротивъ, дѣло было совершенно ясно и разумно, каждый читатель очень хорошо понималъ, чего и по какимъ основаніямъ хочетъ г. Кошелевъ; мы не беремся рѣшать, на чьей сторонѣ было больше справедливости, но самый нерасположенный къ „Русской Бесѣдѣ“ читатель согласится, что г. Кошелевъ говорилъ не безъ доказательствъ, защищая мысль, что Москва должна быть центральнымъ пунктомъ всей сѣти желѣзныхъ дорогъ. Съ этимъ мнѣніемъ можно соглашаться или не соглашаться, но во всякомъ случаѣ оно имѣетъ за себя многіе факты и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Правда и то, что въ немъ нѣтъ ничего спеціально славянофильскаго. Можно быть заклятымъ западникомъ и все-таки думать, что Москва, центръ мануфактурной дѣятельности и сухопутныхъ торговыхъ путей, должна быть центромъ желѣзныхъ дорогъ; можно быть заклятымъ славянофиломъ, и предпочитать въ этомъ случаѣ Москвѣ Кіевъ, или какой нибудь другой городъ.

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ „Русской Бесѣды“ возбудили много толковъ статьи г. В. Григорьева о Грановскомъ. Многіе думали видѣть въ нихъ слѣды какой-то вражды противъ Грановскаго, какого-то желанія унизить его: справедливо или несправедливо такое предположеніе, во всякомъ случаѣ нельзя совершенно одобрить удалаго тона, въ которомъ написаны эти воспоминанія, и довольно частыхъ панегириковъ автора самому себѣ. Но какъ бы то ни было, статьи эти драгоцѣнны, потому что заключаютъ въ себѣ очень много интересныхъ фактовъ. Біографическая отрасль литературы у насъ еще очень слаба, и потому всякія біографическія воспоминанія, по своей рѣдкости, имѣютъ у насъ двойную цѣну.

Интересъ, возбужденный „Семейною хроникою“ г. С. Аксакова, дѣлаетъ излишними всякія похвалы двумъ статьямъ его, помѣщеннымъ въ „Русской Бесѣдѣ“.

Чтобы заключить перечень статей „Русской Бесѣды“, имѣющихъ положительное достоинство независимо отъ славянофильскаго или неславянофильскаго своего направленія, упомянемъ извѣстія г. Гильфердинга о современной литературно-ученой жизни у нѣкоторыхъ западныхъ славянскихъ племенъ. Можно посмѣяться надъ г. Гильфердингомъ, когда онъ оплакиваетъ участь нынѣшнихъ пруссаковъ и саксонцевъ, къ величайшему своему несчастію разучившихся говорить по славянски, или доказываетъ, что персіяне — европейцы, а славяне—азіатцы; но его статьи, помѣщенныя въ „Русской Бесѣдѣ“, заключаютъ много интересныхъ фактовъ.

Этотъ перечень былъ бы гораздо длиннѣе, если бы прибавить къ нему статьи, сильнѣе пострадавшія отъ слишкомъ неумѣренной примѣси отвлеченныхъ эпизодовъ въ славянофильскомъ вкусѣ, но все таки имѣющихъ много дѣльныхъ страницъ. Вообще, кто захочетъ безпристрастно вглядѣться въ „Русскую Бесѣду“, найдетъ въ ней много хорошаго. Правда и то, что быть безпристрастнымъ въ этомъ случаѣ довольно трудно. Мы увѣрены, многимъ даже не понравится то, что мы, не ограничиваясь выставленіемъ слабыхъ сторонъ этого журнала, указываемъ и хорошее въ немъ. Нерасположеніе

противъ „Русской Бесѣды“ въ огромномъ большинствѣ публики очень сильно. Иные воображаютъ, что это нерасположеніе относится собственно къ самому славянофильскому направленію. Нѣтъ; нельзя, конечно, думать, чтобы славянофильство, въ какомъ бы видѣ ни являлось оно, могло пріобрѣсть многихъ приверженцевъ,—оно слишкомъ противорѣчитъ очевиднымъ фактамъ и положительнымъ потребностямъ русскаго общества. Но все таки, въ немъ, если разсматривать его въ лучшихъ его представителяхъ, нѣтъ ничего антипатичнаго. Оно заблужденіе, но заблужденіе, могущее имѣть очень благородный характеръ и соединяться со многими прекрасными элементами. Славянофиламъ вредитъ не то, что они славянофилы; есть другія причины предубѣжденія противъ нихъ. Придавая слишкомъ большую важность своимъ отвлеченнымъ понятіямъ о всеобъемлющемъ характерѣ русской народности, о такъ называемой односторонности и несостоятельности западной науки и жизни, они слишкомъ готовы безъ разбора восхищаться всякимъ сужденіемъ, лишь бы только оно было въ пользу народности противъ европеизма. Чтобы объяснить эту ошибку, мы воспользуемся прелестною исторіею, которая открыта была однимъ изъ сотрудниковъ „Русской Бесѣды“.

Въ „Земледѣльческой Газетѣ“ (1856 г.) № 23 и 24 помѣщена была статья г. Великосельцева „Замѣтки о связи между улучшенною жизнью, нравственностью и богатствомъ въ крестьянскомъ быту“. Авторъ разсуждаетъ: отчего многіе изъ нашихъ крестьянъ бѣдны? Отчего многіе изъ нихъ пьютъ? И какимъ бы образомъ помочь этому дѣлу?—Вся бѣда, по мнѣнію г. Великосельцева, происходитъ оттого, что жены крестьянъ не заботятся объ артистической красотѣ своихъ позъ, не стараются имѣть красивую талію.—А помочь бѣдѣ также очень легко,—пусть крестьянскія женщины заботятся о красотѣ таліи,—и дѣло пойдетъ прекрасно. Вы не вѣрите? Но нѣтъ, г. Великосельцевъ говоритъ не въ шутку.

Возможно ли читать безъ смѣха эти предположенія, что для улучшенія быта поселянъ нужно затянуть сельскихъ дѣвушекъ въ корсеты, набить имъ головы романами, выучить ихъ танцовать французскую кадриль, а мужиковъ пріучить къ тому, чтобы они цѣловали ручки у своихъ дамъ? По мнѣнію „Русской Бесѣды“, г. Великосельцевъ—западникъ; въ самомъ дѣлѣ, подобно западникамъ, онъ толкуетъ о просвѣщеніи, объ улучшеніи быта, о смягченіи нравовъ! Спрашивается теперь, какое мнѣніе стала бы имѣть публика о западникахъ, еслибъ они, основываясь на томъ, что г. Великосельцевъ съ жаромъ говоритъ о просвѣщеніи, вздумали защищать его проекты, печатать въ своихъ журналахъ его статьи, а когда кто нибудь осмѣлился бы сказать, что напрасно они компрометируютъ себя союзомъ съ г. Великосельцевымъ, стали бы печатать въ своихъ журналахъ объявленія, что г. Великосельцевъ разсуждаетъ очень здраво и основательно? Кто былъ бы тогда виноватъ въ томъ, что публика стала бы смѣяться надъ западниками?

Величайшій вредъ славянофиламъ приноситъ, какъ мы сказали, неразборчивость въ выборѣ союзниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы „Русская Бесѣда“ остерегалась отъ статей и мнѣній, имѣющихъ такое же отношеніе къ славянофильству, какъ проекты г. Великосельцева къ западничеству, то исчезло бы предубѣжденіе противъ славянофильства. Публика ни въ какомъ

случаѣ не сдѣлалась бы послѣдовательницею славянофильскихъ теорій, но, по крайней мѣрѣ, смотрѣла бы на нихъ съ бо́льшимъ уваженіемъ.

Читатели наши знаютъ о странной выходкѣ редактора „Русскаго Вѣстника“ противъ г. Тургенева. Г. Тургеневъ отвѣчалъ на нее слѣдующимъ письмомъ, адресованнымъ на имя г. редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ и напечатаннымъ въ № 151 этой газеты.

Парижъ 4-го (16-го) декабря.

М. Г.,

„Я на дняхъ получилъ № Московскихъ Вѣдомостей, въ которомъ помѣщено объявленіе объ изданіи „Русскаго Вѣстника“ въ будущемъ году, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ на счетъ моихъ отношеній къ этому журналу. Какъ ни непріятно мнѣ занимать публику подробностями дѣла, лично меня касающагося—я не могу не отвѣчать на это замѣчаніе и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить мой отвѣтъ въ вашей газетѣ.

„Вотъ въ чемъ дѣло. Прошлой осенью я, не назначая впрочемъ опредѣленнаго срока, обѣщалъ г-ну издателю „Русскаго Вѣстника“ повѣсть подъ названіемъ „Призраки“, за которую я принялся въ то же время, но которую и до сихъ поръ кончить не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго года я заключилъ съ гг. издателями „Современника“ условіе, въ силу котораго я обязался помѣщать свои произведенія исключительно въ ихъ журналѣ, при чемъ однако я выговорилъ себѣ право исполнить прежнія свои обѣщанія, а именно въ отношеніи къ „Русскому Вѣстнику“. Слѣдовательно, вся моя вина состоитъ въ томъ, что я до сихъ поръ не окончилъ этой повѣсти. Но г-нъ Катковъ, не смотря на то, что, по его словамъ, онъ питаетъ ко мнѣ уваженіе, почелъ себя въ правѣ намекнуть, что эту самую повѣсть я помѣстилъ подъ именемъ „Фаустъ“ въ № IX „Современника“, тогда какъ тѣмъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ я сообщаю планы моихъ произведеній, хорошо извѣстно, что между этими двумя повѣстями нѣтъ никакого сходства. Я нахожу, что подобный поступокъ со стороны г-на Каткова разрѣшаетъ меня совершенно отъ обязанности исполнить мое слово—и это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что непоявленіе моей повѣсти на листахъ его журнала, вѣроятно, никѣмъ замѣчено не будетъ. Г-нъ Катковъ напрасно старается меня успокоить. Я слишкомъ хорошо знаю самъ, что содѣйствіе мое въ одномъ журналѣ—ни значительно способствовать его распространенію—ни повредить другому—рѣшительно не можетъ. Заслуженный успѣхъ „Русскаго Вѣстника“—лучшее тому доказательство.

Примите и пр.

Иванъ Тургеневъ.

Справедливость должна бы была внушить г. Каткову, что, прежде нежели позволять себѣ оскорбительные намеки о г. Тургеневѣ, онъ долженъ былъ бы узнать отъ г. Тургенева положительнымъ образомъ, имѣютъ ли какое нибудь основаніе подозрѣнія, которыми увлекся онъ, г. Катковъ. Еслибъ не пренебрегъ онъ этимъ простымъ и прямымъ путемъ къ разсѣянію своихъ несправедливыхъ предположеній, онъ былъ бы избавленъ отъ необходимости,—конечно, непріятной для него, извиняться... Но дѣло было сдѣлано, и г. Тургеневъ вынужденъ былъ выходкой г. Каткова напечатать письмо, которое привели мы выше. Въ слѣдующемъ нумерѣ (152-мъ) „Московскихъ Вѣдомостей“ г. Катковъ помѣстилъ въ свою очередь письмо къ редактору этой газеты; въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ благороднаго человѣка, которому раскрыта его ошибка, извиняется передъ г. Тургеневымъ. Вотъ подлинныя слова г. Каткова:

„Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обѣщанныхъ въ „Русскій Вѣстникъ“, съ *Фаустомъ*, напечатаннымъ въ „Современникѣ“, оскорбила г.

Тургенева... Высказывая эту догадку, я впрочемъ не придавалъ ей особеннаго значенія... Чистосердечно извиняюсь передъ г. Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ... Теперь, когда г. Тургеневъ объявилъ, что между *Фаустомъ* и планомъ другой повѣсти, которой даетъ онъ названіе *Призраковъ*, нѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ".

Въ этомъ „чистосердечномъ извиненіи" г. Каткова передъ г. Тургеневымъ заключается сущность отвѣта г. Каткова.

КРИТИКА.

Письма объ Испаніи. *В. П. Боткина. Сбп. 1857 г.*

Послѣ произведеній поэзіи, путешествія вездѣ составляютъ самую популярную часть литературы. По числу изданій и по отчетамъ публичныхъ библіотекъ видно, что и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи разсказы о путевыхъ впечатлѣніяхъ и приключеніяхъ, о природѣ чужихъ земель и нравахъ народовъ, населяющихъ эти земли, читаются съ большею жадностью, нежели какія то ни было другія книги серьезнаго содержанія. Даже изслѣдованія о политическихъ вопросахъ, даже историческія сочиненія не могутъ отнять у путешествій первенства въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, путешествіе, соединяя въ себѣ элементы исторіи, статистики, государственныхъ наукъ, естествовѣдѣнія и приближаясь къ такъ называемой легкой литературѣ своею формою, какъ разсказъ о личныхъ приключеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ отдѣльнаго человѣка, въ столкновеніяхъ его съ другими людьми,—людьми, жизнь которыхъ тѣмъ любопытнѣе для насъ, что они живутъ въ условіяхъ иной обстановки, нежели публика, для которой предназначается книга,—путешествіе совмѣщаетъ въ самой легкой формѣ самое богатое и заманчивое содержаніе. Путешествіе—это отчасти романъ, отчасти сборникъ анекдотовъ, отчасти исторія, отчасти политика, отчасти естествовѣдѣніе. Каждому читателю даетъ оно все, что только хочетъ найти онъ.

Какъ вездѣ, и у насъ путешествія изстари были любимымъ чтеніемъ. Не заходя въ старину слишкомъ далеко, вспомнимъ только, что новѣйшая русская литература началась „Письмами русскаго путешественника“, которыя читались навѣрное не меньше, нежели „Бѣдная Лиза“ и „Марѳа Посадница“.—„Всемірный Путешествователь аббата Делапорта“, несмотря на свою страшную массивность, принадлежалъ къ небольшому числу наиболѣе распространенныхъ въ публикѣ книгъ. Во времена Екатерины и Александра I, когда, сравнительно, переводилось у насъ очень много книгъ, путешествій переводимо было едва ли не больше, нежели какихъ нибудь другихъ книгъ серьезнаго содержанія.

Тѣмъ прискорбнѣе, что, когда стала у насъ сильнѣе развиваться оригинальная литература, число путешествій, особенно путешествій по Западной Европѣ, не было такъ велико, какъ можно было бы желать и ожидать. Но все таки, до послѣдняго десятилѣтія, количество этихъ книгъ было до-

вольно значительно, по сравненію съ другими отраслями серьезной литературы. Довольно много выходило даже такихъ путешествій, которыя отличались замѣчательными достоинствами. Такъ, напримѣръ, въ десять лѣтъ (1836—1846), предшествовавшія послѣднему десятилѣтію, изъ однихъ воспоминаній нашихъ путешественниковъ по различнымъ странамъ Западной Европы можно назвать „Записки и воспоминанія о путешествіи по Англіи Франціи, Бельгіи и Германіи“, Симонова; „Очерки Южной Франціи и Ниццы“, Жуковой; „Воспоминанія о Сициліи“, г. Черткова; „Путешествіе въ Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ“, г. Всеволожскаго; „Парижъ, путевыя замѣтки“, г. В. Сроева; „Годъ въ чужихъ краяхъ“, г. Погодина; „Замѣтки за границею“, г. Ф. П. Л.; „Прогулка русскаго въ Помпеи“, г. Левшина; „Четыре мѣсяца въ Черногоріи“, г. Ковалевскаго. Не считаемъ различныхъ „Путевыхъ писемъ“ и т. п., г. Греча.

Конечно, итогъ этотъ не великъ; можно было бы даже подивиться его скудости,—въ десять лѣтъ, девять сочиненій о всѣхъ различныхъ странахъ Западной Европы! Но когда мы сравнимъ съ этимъ количествомъ число книгъ того же рода, вышедшихъ въ слѣдующее десятилѣтіе, мы должны будемъ назвать предъидущій періодъ очень обильнымъ. Въ 1847 году вышло „Путешествіе въ Черногорію“ г. Попова. Затѣмъ — до настоящаго времени не являлось ни одной хорошей книги, кромѣ „Италіи“ г. В. Яковлева.

Такимъ образомъ, мы не можемъ хвалить „Писемъ объ Испаніи“ г. Боткина по сравненію съ другими подобными книгами въ современной нашей литературѣ—такихъ книгъ нѣтъ, и сравнивать „Писемъ объ Испаніи“ у насъ рѣшительно не съ чѣмъ *).

Но тѣмъ бо̀льшую цѣну пріобрѣтаетъ отъ этого книга г. Боткина, которая по своимъ достоинствамъ заняла бы почетное мѣсто и въ самой богатой литературѣ. Хотя въ предисловіи авторъ откровенно говоритъ, что онъ счелъ излишнимъ ссылаться на газетныя статьи, путешествія и историческія сочиненія, которыя служили ему пособіемъ при составленіи этихъ писемъ, и что многимъ изъ прочитаннаго воспользовался онъ, имѣя единственно въ виду уясненія предмета для читателей, но тѣмъ не менѣе читатели не могутъ не быть благодарны автору за то, что онъ такъ умно воспользовался прочитаннымъ и умѣлъ представить такую живую и полную картину страны, имъ описываемой. „Письма объ Испаніи“ помѣщались первоначально въ „Современникѣ“ (1847 и 1848 годовъ), и потому неумѣстно было бы намъ распространяться въ похвалахъ имъ,—да это и не нужно: всѣ, читавшіе нашъ журналъ въ то время, какъ онъ украшался письмами г. Боткина, слишкомъ хорошо помнятъ его блистательные очерки Испаніи. Извѣстность книги, о которой мы должны говорить, уже составлена, и намъ остается только сдѣлать обзоръ содержанія этихъ „Писемъ“,

*) „Италія“ г. Яковлева написана почти исключительно съ артистической точки зрѣнія: она говоритъ преимущественно о картинахъ природы и произведеніяхъ искусства, и потому, при всѣхъ достоинствахъ изложенія, принадлежитъ совершенно другому роду, нежели „Письма объ Испаніи“.

какъ одного цѣльнаго сочиненія, проникнутаго строгимъ единствомъ воззрѣнія.

Никто не зналъ происхожденія первоначальныхъ обитателей Испаніи, но надобно предположить, что они пришли туда съ сѣверо-востока, черезъ Пиринеи. Финикіяне и греки находились съ ними въ сношеніяхъ и основали по морскому берегу нѣсколько городовъ, преимущественно для торговыхъ цѣлей. За тѣмъ карѳагеняне короткое время владѣли Испаніей и наконецъ римляне, подъ властію которыхъ находилась она почти пятьсотъ лѣтъ. Въ началѣ V столѣтія послѣ Р. Х. вторглись туда германскія племена,—преимущественно вестготы, владычество которыхъ пало предъ храбростію и религіознымъ энтузіазмомъ арабовъ. Только на сѣверо-восточной оконечности Испаніи сохранился небольшой остатокъ христіанскаго владычества.

Впродолженіе 780 лѣтъ (отъ 712 до 1492) была Испанія частію христіанскою, частію магометанскою страною. Разъединеніе, внутреннія междоусобія, честолюбіе дворянства и ошибочная политика—все это замедляло окончательное рѣшеніе борьбы между двумя племенами. Только женитьба Фердинанда Арагонскаго на Изабеллѣ Кастильской (1469), соединивъ до того времени раздѣльныя два государства въ одну цѣльную Испанію, дала возможность уничтожить послѣдніе остатки арабскаго владычества. Затѣмъ открытіе Америки и усмиреніе самостоятельнаго и неукротимаго феодальнаго дворянства, казалось, надолго положило прочную основу государственному могуществу Испаніи. Вскорѣ затѣмъ, при Карлѣ V, городовыя общины, бывшія преградою королевской власти, потеряли свою силу, послѣ извѣстнаго возстанія, окончившагося пораженіемъ ихъ въ битвѣ Вильяларѣ 23 апрѣля 1521 года.

Карлъ V, первый король всей Испаніи, возвелъ эту страну на вершину могущества; но вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаются уже и въ то время первоначальныя причины ея послѣдующаго упадка и постоянно возрастаютъ въ страшной постепенности. Мы припомнимъ здѣсь только самыя главныя изъ нихъ, чтобъ сдѣлать понятными позднѣйшія событія ея исторіи.

Благотворныя основанія испанскаго государственнаго права не только не имѣли никакого дальнѣйшаго развитія, но, изъ преувеличеннаго опасенія всякаго противодѣйствія, королевская власть уничтожила всѣ гарантіи прежняго общественнаго устройства. Созванія кортесовъ были совсѣмъ прекращены и они утратили все свое прежнее значеніе. Вмѣстѣ съ этимъ исчезновеніемъ государственной жизни,—открытіе Америки бросило націю въ совершенно другое направленіе. Какого-то особаго рода лихорадочная дѣятельность охватила Испанію. Много героическихъ подвиговъ вызвала она,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и много самыхъ ужасныхъ варварскихъ дѣлъ. Жажда обогащенія повела за собою многочисленныя переселенія въ Америку, значительно ослабившія Испанію, чему также способствовали многія войны, предпринятыя безъ достаточныхъ причинъ, неискусно веденныя и несчастливо окончившіяся.

Нигдѣ законъ христіанской любви и милосердія не получилъ такого страннаго и суроваго извращенія, какъ въ Испаніи, и нигдѣ не служилъ

онъ предлогомъ къ такимъ звѣрскимъ жестокостямъ и преслѣдованіямъ. По своей фанатической основѣ и тиранскимъ формамъ, инквизиція имѣла самое вредоносное вліяніе и на умъ и на жизнь цѣлаго города. Она и ея ослѣпленные ревнители способствовали къ совершенно безумному, несправедливому и жестокому изгнанію мавровъ изъ Испаніи. Черезъ это въ сильнѣйшей степени уменьшилось и народонаселеніе, и образованіе, и дѣятельность, а бѣдность увеличилась до такой степени, что даже и до сихъ поръ видны страшные слѣды ея.

Все это совпало вмѣстѣ съ другимъ, безпримѣрнымъ въ исторіи несчастіемъ. Ни одинъ изъ послѣдующихъ королей Испаніи, начиная съ мрачнаго Филиппа II, не былъ сколько нибудь мудрымъ, благодѣтельнымъ властелиномъ. Напротивъ, ихъ духовная посредственность и ничтожность, можно сказать, увеличивалась съ каждымъ поколѣніемъ; и кромѣ того, не было ни одного великаго министра, который бы (какъ, напримѣръ, Ришелье во Франціи) могъ замѣнить ихъ неспособность. Нѣсколько лучше,—да и то въ ничтожной степени, были короли изъ дома Бурбоновъ; при Карлѣ III (отъ 1739 до 1788) даже были попытки нѣкотораго возрожденія. Но, несмотря на трехвѣковое, жалкое, сонное, постоянно угнетавшее управленіе, въ народѣ сохранились еще и жизненная сила и мужество къ настоящему обновленію.

Между тѣмъ, внутри самого государства держались взаимно враждебныя провинціальныя раздѣленія: Бискайскія провинціи, по происхожденію своему, языку, нравамъ и учрежденіямъ, отдѣлялись отъ прочей Испаніи; Астурія и Галиція напоминали собою средневѣковое состояніе; арагонецъ гордился своими прежними политическими правами и ни въ чемъ не хотѣлъ равняться съ кастильянцемъ; Каталонія пробовала нѣсколько разъ пріобрѣсть самостоятельность; въ Валенсіи, Гренадѣ, Кордовѣ и вообще въ Андалузіи живы были слѣды восточнаго вліянія. Всюду господствовала любовь не только къ стариннымъ, давностью освященнымъ учрежденіямъ, но вмѣстѣ съ нею и къ сохраненію всѣхъ укоренившихся вредныхъ обычаевъ; на всякое нововведеніе народъ смотрѣлъ съ недовѣрчивостію и враждебностію. И, однакожъ, впродолженіе этихъ темныхъ временъ своей исторіи,—испанцы сохранили свое врожденное вѣрное чувство всего великаго и благороднаго. Какъ ни трудно иностранцамъ сохранять безпристрастіе при обсужденіи такого совершенно особеннаго народнаго характера,—но тѣмъ не менѣе почти всѣ они согласны въ томъ, что испанецъ полонъ преданности и вѣрности въ своемъ расположеніи,—горячъ и страстенъ въ ненависти,— терпѣливъ, честенъ, надеженъ, умѣренъ, одаренъ самымъ живымъ воображеніемъ и самымъ щекотливымъ чувствомъ чести.

Всѣ эти различныя явленія исторической жизни испанскаго народа отражаются въ „Письмахъ“ г. Боткина и придаютъ особенную ясность его взгляду на характеръ и нравы народа, особенный интересъ его очеркамъ.

До г. Боткина, у насъ такъ мало было писано объ Испаніи, что бо́льшая часть русскихъ читателей воображали эту страну какимъ-то громаднымъ цвѣтникомъ, расширяя на весь полуостровъ тотъ благоухающій садъ, который цвѣлъ подъ балкономъ Лауры:

„Приди, открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ..,
(*„Каменный Гость“*).

На самомъ дѣлѣ Испанія вовсе не такова. Ея природа скорѣе напоминаетъ Африку, нежели Европу: степь, выжженная солнцемъ, угрюмая, грозная степь, среди которой разсѣяны дивно роскошные оазисы, поражающіе не столько своею граціозностью, сколько величественностью. Только очень немногія мѣстности, какъ Гренада, вполнѣ граціозны,—общій характеръ страны—величіе, часто отзывающееся печально-страстнымъ характеромъ. Г. Боткинъ мастеръ изображать природу—потому что умѣетъ сочувствовать ей, любить ее.

„Красота Испаніи давно вошла въ пословицу (говоритъ онъ); съ давнихъ поръ поэты воспѣваютъ ея апельсинныя и лимонныя рощи... увы! Это одно изъ заблужденій, существующихъ насчетъ Испаніи. Впрочемъ, можетъ статься, за нѣсколько сотъ лѣтъ оно было и иначе, теперь же ничего нельзя себѣ представить унылѣе этой природы. Но унылость эта необыкновенно величава. Представьте себѣ, что нигдѣ не встрѣчаешь дерева, по окраинамъ полей одни только кусты розмарина; изрѣдка маленькія деревни, безъ зелени, выкрашенныя темно-глинистою краскою,—и деревни эти такъ рѣдки, что, встрѣчая одну, давно забылъ уже о предшествовавшей. Глаза свободно пробѣгаютъ пространство въ 8, 10 верстъ, не встрѣчая на немъ ни одного жилья, ни одной малѣйшей рощицы оливъ, ничего, кромѣ душистыхъ кустовъ розмарина; все это объято самою прозрачною, чистѣйшею атмосферой. Вѣроятно, на этой почвѣ могли бы расти и дубъ, и липа, и каштанъ; въ Испаніи богатство лежитъ у ногъ человѣка,—стоитъ только наклониться за нимъ; но Испанцы еще не любятъ наклоняться“.

Таково было впечатлѣніе, произведенное на него равнинами Кастиліи. Проѣхавъ съ сѣвера на югъ почти всю Испанію, изъ Севильи—этого города, которой мы привыкли было воображать потонувшимъ среди безконечныхъ лимонныхъ и апельсинныхъ рощъ, онъ пишетъ:

„Находясь въ самомъ сердцѣ Андалузіи, могу наконецъ положительно сказать, красота испанской природы, о которой столько наговорили намъ поэты, есть не болѣе: какъ предразсудокъ. Я разумѣю здѣсь красоту природы въ томъ смыслѣ, какъ представляютъ ее себѣ видѣвшіе Италію. Правда, на югѣ Испаніи растительность такъ величава и могущественна, что передъ ней растительность самой Сициліи кажется сѣверною, но это только рѣдкими мѣстами; африканское солнце, такъ сказать, насквозь прожигаетъ эту землю; въ Алмеріи, напримѣръ, уже три года какъ не было дождя, и жители южныхъ береговъ Испаніи безпрестанно переселяются во французскія владѣнія Африки. Здѣсь часто случается, что на три мили въ окружности невозможно найти воды. Не думайте, однакожъ, чтобъ эта пламенная природа не имѣла своей особенной, только ей одной свойственной красоты. Она здѣсь не разлита всюду, какъ въ Италіи; въ ней нѣтъ мягкихъ, ласкающихъ итальянскихъ формъ: здѣсь она или унила и дика, или поражаетъ своею тропическою, величавою роскошью. По дорогѣ изъ Кордовы въ Севилью, напримѣръ, возлѣ иного *cortijo* *) нѣтъ ничего, кромѣ одинокаго апельсиннаго дерева; но надобно видѣть, что это за могучій стволъ, и какъ широко раскинулось оно своими густыми вѣтвями: апельсинныя деревья Сициліи покажутся передъ нимъ не болѣе, какъ отростками. Здѣсь каждую минуту чувствуешь, что имѣешь подъ ногами огненную землю, нелюбящую золотой средины, на которой или корчится отъ зноя всякое растеніе, или тамъ, гдѣ влагѣ удастся охладить жгучіе лучи солнца, ра-

*) Такъ называются здѣсь маленькія фермы (дворики).

стительность вырывается на воздухъ съ такою полнотою красоты и силы, съ такою роскошью, что здѣсь, особенно въ горахъ, эти чудные оазисы середи каменистыхъ пустынь производятъ совершенно особенное, электрическое впечатлѣніе, о которомъ не можетъ дать понятія кроткая и ровная красота Италіи. Здѣсь и пустыня (*despoplado*), и голыя, рдѣющія на солнцѣ скалы, и растительность дышатъ какою-то сосредоточенной, пламенной энергіей".

Одно только изъ нашихъ обыкновенныхъ мнѣній о характерѣ испанской природы вполнѣ подтверждается г. Боткинымъ,—мнѣніе о дивной чистотѣ ея атмосферы, объ ослѣпительности солнечнаго блеска, почти непрерывно озаряющаго горы и долины Пиринейскаго полуострова. Тамъ, гдѣ горизонтъ стѣсненъ громадными, скалистыми горами,—а бо́льшая часть Испаніи прорѣзывается горными хребтами,—тропическое солнце придаетъ новую чудную энергію пейзажу яркими тонами, въ которые одѣваются горы по́дъ его блескомъ:

„Для меня, жителя сѣверныхъ равнинъ, южныя горы имѣютъ какую-то необъяснимую прелесть; глаза, привыкнувъ съ младенчества свободно уходить въ смутную даль, ограниченную темною и мертвою линіею горизонта, съ какою-то ненасытною нѣгою блуждаютъ по этимъ высотамъ, на которыя каждый часъ дня кладетъ свои особенные тоны колорита. Въ равнинахъ—природа только на первомъ планѣ, такъ сказать, у ногъ; дальше—одно небо и пустое пространство, которое невольно склоняетъ къ задумчивости и грусти: отсюда, вѣроятно, и склонность къ мечтательности въ жителяхъ равнинъ. Въ горахъ надо проститься съ этою туманною безпредѣльностію: глаза всюду встрѣчаютъ не однообразную, сѣрую даль, а яркіе переливы зелени, или утесы и скалы, которымъ солнце и воздухъ сообщаютъ нѣжные радужные цвѣта. Я думаю даже, что живописецъ, живущій въ равнинахъ, едва ли будетъ хорошимъ колористомъ: только въ горахъ можно понять все очарованіе солнца и тѣни и радужную ихъ игру. Утромъ горы лежатъ въ синемъ, чуть прозрачномъ туманѣ, сквозь который едва отдѣляются ихъ очертанія; облака, застигнутыя на отлогостяхъ и въ ущеліяхъ затишьемъ вечера, раннимъ утромъ розовыя, потихоньку встаютъ и уходятъ; постепенно, какъ солнце возвышается, туманъ становится прозрачнѣе и голубѣе; вотъ начинаютъ обозначаться зеленыя отлогости, красноватыя скалы, темныя ущелія. Въ этой воздушной, радужной игрѣ цвѣтовъ и лучей есть что-то музыкальное: не живопись—передъ этими красками всѣ наши краски кажутся грязью—а симфонія, съигранная оркестромъ, можетъ только дать понятіе объ этомъ чудномъ разнообразіи и гармоническомъ сочетаніи цвѣтныхъ тоновъ. Какъ смѣлы, рѣзки и вмѣстѣ нѣжны эти переходы! Каждая неровность, каждый уступъ кладутъ свои оттѣнки, которые безпрестанно мѣняются съ движеніемъ солнца, пробѣгающія тѣни облаковъ еще болѣе разнообразятъ эту игру свѣта. Въ полдень туманъ исчезаетъ, оставивъ по себѣ лишь прозрачный голубой паръ, въ которомъ чувствуется что-то знойное и сонное. Есть въ полднѣ минута, когда солнце стоитъ на самой высотѣ горизонта и лучи его падаютъ перпендикулярно: яркость ихъ такъ сильна, что все разнообразіе горныхъ тоновъ исчезаетъ, утопая въ свѣтѣ; горы теряютъ свою массивность и становятся воздушными, словно прозрачными: въ эти минуты онѣ принимаютъ какой-то идеальный видъ.

Чѣмъ ниже опускается солнце, тѣмъ становится золотистѣе свѣтлоголубой эѳиръ, облегающій горы: снова начинаетъ выступать разнообразіе цвѣтныхъ тоновъ. Но косвенные лучи солнца уже измѣнили прежнее расположеніе ихъ: зелень, скалы и ущелья начинаютъ выступать съ новыми оттѣнками. Постепенно исчезаетъ золотистый паръ, раскрывая горы во всей ихъ осязательной массивности. Радужная дымка, лежавшая на нихъ съ самаго утра, совершенно исчезла: теперь картина горъ начинаетъ походить на заключительные, восходящіе аккорды симфоніи. Въ эти минуты чувствуешь, что то же очарованіе, которое для ушей лежитъ въ звукахъ, для глазъ заключается въ цвѣтахъ. Вотъ горы покрылись золотисто-палевымъ цвѣтомъ; но скоро начинаютъ пробѣгать по нимъ легкіе, лиловые тоны, и все сильнѣе, и все гуще, и черезъ минуту

горы облиты лиловымъ сіяніемъ; какъ нѣжатся, утомленные яркостію прежнихъ цвѣтовъ, глаза на этомъ мягкомъ, ласкающемъ цвѣтѣ, съ какимъ-то задушевнымъ стремленіемъ хочешь подолѣе насмотрѣться на него! но все больше и больше рдѣютъ лиловыя горы, и мгновенно разливается по нимъ яркій огненный пурпуръ; съ минуту стоятъ онѣ словно объятыя краснымъ пламенемъ... нѣтъ силъ смотрѣть на этотъ ослѣпительный блескъ... онъ слабѣетъ уже,—это заключительный аккордъ горной симфоніи. Послѣдніе кровавые лучи заката едва на мгновеніе обольютъ еще горы алымъ свѣтомъ, какъ уже низовыя отлогости ихъ тонутъ въ сѣромъ ночномъ туманѣ; солнце скрылось, и только легкое розовое мерцаніе догораетъ кой-гдѣ на высокихъ вершинахъ.

„И каждый день съ ненасытною нѣгою смотрю я на горы, и каждый день все мнѣ кажется, что только сейчасъ увидѣлъ ихъ. Сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что я родился и выросъ въ странѣ равнинъ и унылой природы, а не на югѣ: тогда бы мои глаза давно привыкли къ горнымъ красотамъ южной природы и не ощущали бы этого наслажденія, сердце не билось бы этимъ блаженствомъ; я не чувствовалъ бы тогда во всемъ существѣ своемъ этой нѣги, которая проникаетъ мой организмъ среди южной природы“.

Какъ въ Африкѣ, въ Испаніи—гдѣ нѣтъ обильной воды, тамъ величественная пустыня, гдѣ есть вода—тамъ чудная сила растительности; гдѣ почва орошается ручьями, только тамъ дѣйствительно вся мѣстность превращается въ исполинскій цвѣтникъ. Немного такихъ мѣстъ — зато они очаровательны, и самое очаровательное изъ нихъ Гренада:

„Въ жизнь мою не забуду того впечатлѣнія, какое испыталъ я, когда на другой день послѣ моего пріѣзда сюда пошелъ я по Гренадѣ. Представьте себѣ, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ привыкнувъ видѣть около себя природу суровую, почти всюду сожженную солнцемъ, небо постоянно яркое и знойное, не находя мѣста, гдѣ бы прохладиться отъ жару—вдругъ неожиданно найти городъ, утонувшій въ густой, свѣжей зелени садовъ, гдѣ на каждомъ шагу бѣгутъ ручьи, и разносится прохлада... нѣтъ! это можно оцѣнить только здѣсь, подъ этимъ африканскимъ солнцемъ. По городу только и слышался шумъ воды и журчанье фонтановъ въ садахъ. Здѣсь первая комната въ каждомъ домѣ—садъ. Часто попадаются садики снаружи, обнесенные желѣзными рѣшотчатыми заборами и наполненные густыми купами цвѣтовъ, надъ которыми блестятъ струйки фонтановъ; цвѣты и на террасахъ и на балконахъ *); а когда я подошелъ къ холму Альгамбры, до самаго верху покрытому густою рощею, я не умѣю передать этого ощущенія. Три дня горной дороги верхомъ, подъ этимъ знойнымъ солнцемъ, просто сожгли меня; голова моя и все тѣло горѣли. Передо мной было море самой свѣжей зелени; прохлада, отраднѣйшая прохлада охватила меня. Лучи солнца не проникали сквозь гущу листьевъ; ручьи журчали со всѣхъ сторонъ; по дорожкамъ фонтаны били самою чистою, холодною водою. Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ прохладнѣе становилась тѣнь. Никогда я не видалъ такого разнообразія, такой свѣжести зелени! Дикій виноградъ обвивался около дубовъ, олеандръ сплетался съ сѣвернымъ серебристымъ тополемъ, изъ плакучей ивы весело торчали вѣтви душистаго лавра, гранаты возлѣ вязовъ, алоэ возлѣ липъ и каштановъ—всюду смѣшивалась растительность юга и сѣвера. Вотъ климатъ Гренады и вотъ одно изъ ея очарованій: это огонь и ледъ, зной и прохлада, и чѣмъ жаръ жгучѣе, тѣмъ сильнѣе таетъ снѣгъ на Сіеррѣ, и тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи и фонтаны. Это сліяніе воды и огня дѣлаетъ климатъ Гренады единственнымъ въ мірѣ. Прибавьте къ этому, что если вѣтеръ со стороны Сіерры Невады, то, несмотря на весь зной солнца, воздухъ наполненъ прохладой. Въ этихъ гу-

*) Нигдѣ я не видалъ такой страсти къ цвѣтамъ, какъ въ Гренадѣ. Кромѣ того, что каждая женщина непремѣнно носитъ въ волосахъ свѣжіе цвѣты, здѣсь даже принадлежитъ къ хорошему тону по праздникамъ выходить изъ дому съ хорошимъ букетомъ въ рукахъ и дарить изъ него по нѣскольку цвѣтовъ встрѣчающимся знакомымъ дамамъ. По праздникамъ боченки продавцевъ воды обвиты виноградными вѣтвями, а тѣ, которые возятъ ихъ на ослѣ, даже и ословъ убираютъ виноградомъ.

стыхъ аллеяхъ рѣдко кого встрѣчаешь—самая пустынная тишина; но все вокругъ журчитъ и шелеститъ, словно роща живетъ и дышитъ. Мѣстами стоятъ скалы, покрытыя зеленымъ мхомъ; по инымъ тоненькими сверкающими ленточками бѣгутъ ключи. Это не походитъ ни на какой садъ въ Европѣ,—это задумчивость сѣвера, слитая съ влажною, сверкающею красотою юга. Я легъ на прохладный мохъ перваго попавшагося камня и долго лежалъ, вслушиваясь въ журчанье ручьевъ, словно въ какія-то неясныя, но сладкія душѣ мелодіи".

Не трудно рѣшить, отъ самыхъ ли условій климата и мѣстности зависитъ унылый и пустынный характеръ природы въ нынѣшней Испаніи, или виноватъ въ томъ народъ, населяющій эту страну. Земля, еще не заселенная людьми, можетъ имѣть цвѣтущій видъ,—она можетъ быть покрыта дѣвственными лѣсами, роскошными лугами и пажитями. Но какъ скоро человѣкъ овладѣваетъ страною, это первобытное состояніе природы уничтожается его потребностями,—онъ сжигаетъ и вырубаетъ лѣса, и какъ скоро населеніе становится многочисленнымъ, самыя поля лишаются той чистой растительности, которою очаровывали прежде, почва теряетъ влажность съ истребленіемъ лѣсовъ и обнажается или заростаетъ печальными и уродливыми травами, въ родѣ полыни, репейника, бурьяна. Только неутомимое трудолюбіе человѣка можетъ сообщить природѣ новую, высшую красоту, взамѣнъ дикой, первобытной красоты, неудержимо исчезающей подъ его ногами. Человѣкъ долженъ ухаживать за лѣсами, стеречь ихъ, чтобы сохранить отъ истребленія часть ихъ, нужную для его матеріальныхъ потребностей и эстетическаго наслажденія, долженъ замѣнить садами другую часть; онъ долженъ одѣть землю нивами и искусственными лугами, взамѣнъ не выпосящихъ его прикосновенія первобытныхъ травъ. Гдѣ является человѣкъ, тамъ природа должна возсоздаваться трудомъ человѣка. Народъ вноситъ запустѣніе и одичалость въ свою страну, если не вноситъ въ нее культуры. И если вы видите печальной, унылой страну, имѣющую осѣдлое населеніе, не вините въ томъ природу страны, — нѣтъ, знайте, что народъ, ее населяющій, не хочетъ или не можетъ трудиться. Природа, конечно, гораздо бѣднѣе залогами красоты въ Голландіи, Гольштиніи, нежели въ какой бы то ни было другой европейской странѣ,—и однако же Голландія и Гольштинія радуютъ глазъ своими цвѣтущими полями и веселыми рощами. Есть страны, въ которыхъ не можетъ жить осѣдлое населеніе, — за ихъ красоту не отвѣчаетъ человѣкъ. Но гдѣ есть возможность провести воду,—гдѣ живутъ земледѣльцы, тамъ унылость страны свидѣтельствуетъ только, что народъ не можетъ или не хочетъ жить въ своей странѣ такъ, какъ долженъ жить счастливый народъ,—не можетъ или не хочетъ трудиться.

Мы сказали: „не можетъ или не хочетъ" — второе изъ этихъ словъ совершенно излишнее. Не хочетъ трудиться только тотъ, кто не имѣетъ возможности трудиться въ благопріятныхъ для труда условіяхъ. Не знаемъ, можно ли считать лѣность естественнымъ порокомъ даже у немногихъ отдѣльныхъ лицъ: обыкновенно, стоитъ только всмотрѣться ближе въ исторію лѣнивца, и мы убѣдимся, что не природа создала его лѣнивцемъ, а обстоятельства отняли у него охоту работать. Но если поверхностные наблюдатели могутъ еще думать, что иные отдѣльные люди отъ природы расположены къ лѣности, то совершенно нелѣпо и ненатурально воображать, чтобъ цѣлый

народъ могъ имѣть по природѣ особенное влеченіе къ этому пороку. Нѣтъ, человѣкъ по природѣ своей находитъ наслажденіе въ трудѣ, имѣетъ естественную потребность работы, томится тоскою, если не работаетъ, если бездѣйствіе не есть только отдыхъ послѣ работы, отдыхъ, вызывающій на новую работу съ свѣжими силами. Когда вы видите цѣлое населеніе цѣлаго округа, обезображенное кретинизмомъ или колтуномъ, вы не говорите, что по своей натурѣ оно должно быть уродливо,—вы приписываете его физическую болѣзненность неблагопріятному вліянію мѣстныхъ физическихъ условій его жизни. Точно также, когда вы видите цѣлое племя, предавшееся тому или другому пороку, не говорите, что въ натурѣ самого племени лежитъ этотъ порокъ: онъ развился наперекоръ натурѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Переселенные въ чистую атмосферу, кретины становятся здоровы, во второмъ или третьемъ поколѣніи становятся и красивы не менѣе другихъ счастливыхъ племенъ. Точно также, лѣнивый, пьяный, буйный ирландецъ, переселившись въ Сѣверную Америку, гдѣ трудъ его вознаграждается, становится дѣятельнымъ и трезвымъ человѣкомъ съ благородными манерами.

Есть избитая фраза: „южные народы лѣнивы; знойный климатъ разслабляетъ ихъ энергію“—это избитая фраза, и больше ничего. Пороки и добродѣтели не принадлежатъ исключительно тому или другому земному поясу;—между бурятами или самоѣдами сластолюбіе не менѣе сильно, нежели между жителями Отаити, и страсть къ наркотическимъ средствамъ вездѣ одинаково сильна,—мало разницы въ томъ, опьяняется ли человѣкъ грибомъ-мухоморомъ, или пѣнникомъ, или опіумомъ, или настоемъ того корня, которымъ угощали Кука жители Сандвичевыхъ острововъ. Подобно разврату, подобно страсти къ затемнѣнію разсудка наркотическими средствами, и лѣность развивается не вслѣдствіе климатическаго вліянія, а вслѣдствіе историческихъ отношеній, и, подобно тѣмъ порокамъ, исчезаетъ съ перемѣною обстоятельствъ народной жизни. Во времена Цезаря и Тацита, германцы, британцы, галлы были отчаяннѣйшими лѣнтяями, ничуть не хуже нынѣшнихъ киргизовъ или трухменцовъ. Римляне, конечно, не лѣнились пахать въ тѣ времена, когда Регулъ самъ обработывалъ свое маленькое поле. Всѣ привычки народа зависятъ отъ обстоятельствъ его жизни.

Теперь испанцы лѣнивы. Но г. Боткинъ замѣчаетъ, что трудно найти въ мірѣ такого хорошаго работника, какъ испанецъ, когда испанецъ, наконецъ, принимается за работу. Почему же онъ такъ рѣдко считаетъ нужнымъ приниматься за работу?—Ему нужно очень немного, говоритъ г. Боткинъ: потребности испанца очень ограничены и очень легко удовлетворяются въ его тепломъ климатѣ, при чрезвычайномъ плодородіи земли. Это совершенно справедливо. Но есть и другая причина, которую также указываетъ г. Боткинъ: праздность считается въ Испаніи гораздо почетнѣйшимъ препровожденіемъ жизни, нежели трудъ, такъ что бѣдный кавальеро скорѣе пойдетъ въ лакеи, нежели займется какимъ-нибудь ремесломъ,—будучи лакеемъ, онъ сохраняетъ свое почетное право—ровно ничего не дѣлать. Въ Испаніи дѣйствительно можно часто встрѣтить слугу, который гордится древностью и высокимъ благородствомъ своей фамиліи и гордится основа-

тельно, потому что имѣетъ въ рукахъ генеалогическіе пергаменты. Само собою разумѣется, каково служатъ эти лакеи,—вотъ случай, свидѣтельствующій о томъ, какъ успѣшно они отстаиваютъ свою привилегію—ничего не дѣлать:

„Недавно въ Гренадѣ я былъ свидѣтелемъ презабавной сцены. У меня здѣсь есть знакомый французъ, химикъ и дагеротипистъ. На дняхъ прихожу я къ нему; онъ держалъ въ рукѣ письмо и звалъ своего слугу, чтобы послать его отнесть письмо по адресу. Слуга только что воротился изъ аптеки, куда ходилъ за какимъ-то химическимъ составомъ. Онъ вошелъ въ комнату, жалуясь на жаръ, важно посмотрѣлъ на француза и рѣшительно объявилъ, что онъ теперь не можетъ идти, потому что очень жарко.

„— Но мнѣ надо непремѣнно послать это письмо! — кричалъ разгорячившійся французъ.—Ваша милость разговариваетъ какъ какой-нибудь идальго! Ужъ лучше бы вашей милости оставаться при своихъ дипломахъ!

„— А ваша милость думаетъ, что у меня нѣтъ дипломовъ?—возразилъ очень спокойно слуга:—есть, да еще такіе, какихъ нѣтъ у вашей милости.

„— Такъ зачѣмъ же ваша милость пошли въ слуги?

„— Зачѣмъ? затѣмъ, чтобъ не работать, *para no trabajar*“.

Не должно дивиться этому понятію: „благороднѣе быть ничего не дѣлающимъ лакеемъ, нежели трудящимся ремесленникомъ или купцомъ“ — совершенно подобныя явленія мы встрѣчаемъ и въ другихъ странахъ,—напримѣръ, въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, очень многіе шляхтичи служатъ теперь лакеями, какъ прежде, во времена польской независимости, служили паразитами у магнатовъ, съ радостью подвергаясь всякимъ продѣлкамъ со стороны своихъ патроновъ, лишь бы только ѣсть даровой хлѣбъ. И если мы вспомнимъ исторію, мы увидимъ, что эти странныя понятія—естественное слѣдствіе историческихъ отношеній народа. Семьсотъ лѣтъ испанцы вели непрерывную борьбу съ маврами,—всѣ энергическіе люди цѣлой націи посвящали свои силы исключительно войнѣ, снискивали себѣ и средства для жизни и почетное имя въ обществѣ мечомъ, а не мирными промыслами, которые доставались въ удѣлъ только людямъ, не имѣвшимъ смѣлости духа, и потому естественно должны были не пользоваться особеннымъ уваженіемъ. Войны прекратились, но старое презрѣніе къ робкому труду осталось въ умахъ.

Есть и третья причина этого явленія, которая также не ускользнула отъ вниманія г. Боткина. Эта причина, быть можетъ, важнѣйшая изъ всѣхъ,—долговременное отсутствіе хорошаго управленія въ странѣ. Сами испанцы, по словамъ г. Боткина, говорятъ о своемъ управленіи такимъ образомъ. Санъ-Яго, національный святой Испаніи, по кончинѣ своей, предсталъ предъ Богомъ, который, за святость его земной жизни, обѣщалъ угоднику исполнить все, чего ни попроситъ онъ. „Санъ-Яго проситъ, чтобы Богъ даровалъ Испаніи плодотворное солнце, изобиліе во всемъ.—Будетъ, былъ отвѣтъ.—Храбрость и мужество народу, продолжалъ Санъ-Яго, славу его оружію.—Будетъ, былъ отвѣтъ.—Хорошее и мудрое правительство.—Это невозможно: если ко всему этому въ Испаніи будетъ еще хорошее правительство, то всѣ ангелы уйдутъ изъ рая въ Испанію“.

Трудолюбивыя привычки могутъ развиться или сохраниться въ народѣ только при хорошемъ управленіи, которое обезпечиваетъ каждому неприкос-

новенность собственности, пріобрѣтаемой его трудомъ, и ограждаетъ его трудъ отъ препятствій и обремененій, какимъ онъ подвергается, какъ скоро является произволъ съ безпорядками и злоупотребленіями, необходимыми своими спутниками. Ирландецъ въ своей родинѣ старается работать какъ можно меньше, потому что все выработанное долженъ будетъ отдать за наемъ земли,—испанецъ также не видитъ,—или, по крайней мѣрѣ, до недавняго времени не видѣлъ пользы для себя въ трудолюбіи, потому что не былъ обезпеченъ отъ грабительствъ.

Не будемъ много говорить о страшной неурядицѣ, господствовавшей въ Испаніи со временъ Филиппа II,—эта плачевная исторія, продолжавшаяся около трехсотъ лѣтъ, вся передается однимъ словомъ: произволъ, безграничный и вмѣстѣ безсильный произволъ тяготѣлъ надъ несчастною страною во все теченіе этого долгаго періода. Мы много начитались въ газетахъ о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, о грабежахъ и разореніяхъ, которымъ подвергалась Испанія съ того времени, какъ появились имена христиносовъ и карлистовъ, съ ихъ безконечными стычками, контрибуціями, разстрѣливаніями и т. д., и т. д.;—вся эта неурядица, какъ ни страшна и ни нелѣпа она, однако же далеко не такъ произвольна, безтолкова и гибельна, какъ порядокъ, или, вѣрнѣе сказать, безпорядокъ дѣлъ, угнетавшій Испанію до той эпохи. Какъ ни велики бѣдствія, которыми мучилась эта страна въ послѣднія десятилѣтія,—прежде было въ ней нѣчто еще худшее, еще болѣе тяжкое, которое исключительно виновно и во всѣхъ страданіяхъ настоящаго.

„Испанія полна уныніе; народъ ея словно находится въ томъ тяжкомъ забытьи, какое испытываетъ человѣкъ, долго находясь на морозѣ. Не въ настоящемъ должно искать причинъ этимъ тяжкимъ политическимъ страданіямъ: они въ прошедшемъ, они далеко позади. На междоусобную войну въ Испаніи смотрѣли, какъ на событіе необыкновенное и неожиданное. Но развѣ эта война не есть результатъ золъ предшествовавшихъ? это та же самая болѣзнь, только вышедшая наружу. И прежде наваррскаго возстанія, въ Испаніи была междоусобная война, предпринятая инквизиціею противъ всякой живой, благотворной мысли, противъ всякаго развитія человѣческихъ способностей. Настоящее положеніе Испаніи есть только преобразованіе этой внутренней, душной борьбы въ борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, уготованную тремя вѣками невѣжественной, фанатической, безнравственной администраціи.

„Ни новое политическое устройство Испаніи, ни даже прежнее причиною несчастій ея. Правда, инквизиція, монахи были для нея страшнымъ зломъ; но вѣдь феодальное устройство Испаніи было общее съ Европою; отчего же оно только на Испаніи оставило такіе гибельные слѣды? Не оттого ли, что въ Европѣ при дурномъ устройствѣ было всегда правительство, которое хотя иногда было также дурно, но всегда болѣе или менѣе вращалось въ кругу идей современной себѣ цивилизаціи. Въ Испаніи ни въ какое время, ни въ какой формѣ не было правительства: былъ только одинъ произволъ со всѣми своими заблужденіями и личными страстями; никогда администрація не имѣла другихъ законовъ, кромѣ собственнаго каприза и своихъ личныхъ интересовъ. Такъ было прежде, тоже и теперь. Три вѣка правительственнаго безумства не прошли даромъ: тяжко легли они на благородной странѣ. Мудрено ли, что народъ ея теперь равнодушно смотритъ на всѣ эти конституціи, говоря про себя свое любимое *que importa* (что за нужда). Онъ знаетъ, что надъ всѣми этими конституціями есть иная высшая власть—анархія“.

При такомъ положеніи дѣлъ не могла сохраниться въ націи привычка

трудиться. Кому охота работать, когда плоды трудовъ истребляются или похищаются?

„Но, могутъ сказать, если исторія Испаніи объясняетъ развитіе привычки къ бездѣйствію, къ лежанью на-боку, то все-таки это объясненіе нимало не оправдываетъ испанцевъ:—развѣ не сами они довели себя до такого положенія, въ которомъ невозможно было имъ работать“—И на это опять надобно сказать: все зависитъ отъ обстоятельствъ,—они даютъ направленіе жизни цѣлаго народа, какъ и жизни отдѣльнаго человѣка; они столь же часто губятъ насъ посредствомъ нашихъ такъ называемыхъ добрыхъ качествъ, какъ и посредствомъ нашихъ недостатковъ,—и, наоборотъ, столь же часто обращаютъ намъ въ пользу наши недостатки, какъ и наши добрыя качества. Не судите о нравственныхъ или умственныхъ качествахъ человѣка по его счастью или несчастью въ жизни, —

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла,
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!
Нѣтъ великаго Патрокла,—
Живъ презрительный Терситъ...

И уцѣлѣлъ Терситъ именно потому, что былъ подлъ и трусливъ,—умеръ Патроклъ именно потому, что былъ благороденъ и силенъ душою. Несправедливо вдаваться въ крайность, и для противорѣчія бездушному правилу судить о достоинствѣ человѣка или народа по его участи, говорить, что все прекрасное обречено судьбою на погибель,—нѣтъ, прогрессъ и развитіе не пустыя слова. Но власть обстоятельствъ всесильна, и надобно ближе вникать въ обстоятельства дѣла, чтобы судить о томъ, дѣйствительно ли слабъ или силенъ, хорошъ или дуренъ страдающій или торжествующій.

Обстоятельства неблагопріятно расположились для Испаніи: они расположились такъ, что именно лучшія качества испанскаго народа обратились во вредъ ему. Укажемъ хотя одинъ примѣръ—инквизицію, которая изъ всѣхъ золъ, губившихъ Испанію, была пагубнѣйшимъ. Конечно, мы не чувствуемъ ни малѣйшаго влеченія защищать инквизицію или хвалить испанскій народъ за то, что онъ имѣлъ у себя это учрежденіе. Но, однако, въ чемъ же состоитъ сущность дѣла? Въ томъ, что испанцы, по своему глубокому и сильному характеру, серьезно, искренно приняли тотъ идеалъ, который былъ идеаломъ всѣхъ западныхъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка. Другіе народы, можно сказать, только шутили, забавлялись между дѣлъ этимъ идеаломъ, не имѣя ни столько пламенной твердости въ характерѣ, ни столько преданности убѣжденію, чтобы серьезно устремить свои силы на осуществленіе этого идеала. Испанцы принялись за это дѣло серьезно,—„и погубили себя“,—скажете вы. Такъ, погубили себя—но осудите ли вы человѣка, который по ошибкѣ отравилъ себя и своихъ друзей ядомъ, считая этотъ ядъ жизненнымъ бальзамомъ,—осудите ли вы его, если онъ пожертвовалъ своими сокровищами для пріобрѣтенія этого мнимаго жизненнаго бальзама?

Ослѣпленіе у испанцевъ было общее со всѣми западными народами среднихъ вѣковъ,—за это нельзя ихъ винить. Они одни дѣйствовали совершенно искренно и серьезно—въ этомъ они были выше другихъ. Они по-

губили себя, но погубили именно потому, что имѣли сильный и возвышенный характеръ.

Мы сказали объ инквизиціи, страшнѣйшемъ изъ ложныхъ принциповъ, погубившихъ Испанію. Всмотритесь въ исторію среднихъ вѣковъ, XVI и XVII столѣтій,—вы увидите, что точно также и всѣ остальные ложные принципы, содѣйствовавшіе гибели Испаніи, были общи испанцамъ съ другими тогдашними народами Западной Европы. Заблужденіе въ убѣжденіяхъ было одинаково повсюду,—но убѣжденіе было у испанцевъ искреннѣе, серьезнѣе, нежели у какого-нибудь другаго народа,—этимъ они погубили себя—но за искренность и серьезность упрекать нельзя, и тѣ же самыя качества характера, которыя обращаются во вредъ, когда служатъ къ достиженію ложныхъ цѣлей, приносятъ благо, когда посвящаются на осуществленіе истинныхъ цѣлей.

Испанія доведена была обстоятельствами до состоянія самаго жалкаго; она очень долго не могла избавиться, и теперь только начинаетъ избавляться отъ бѣдствій, угнетавшихъ ее,—и процессъ внутренняго броженія, которымъ совершается возрожденіе этого народа, такъ тяжелъ и продолжителенъ, задерживается такими частыми и прискорбными рецидивами, что естественно родится мысль: приведетъ ли все это броженіе къ чему нибудь лучшему, или Испаніи не суждено оправиться отъ своего долговременнаго униженія и страданія? Г. Боткинъ не колеблется утверждать, что Испанію ожидаетъ лучшая будущность, — и, несмотря на всю видимую безпорядочность въ исторіи послѣднихъ ея десятилѣтій, нельзя, дѣйствительно, сомнѣваться въ томъ, что многое стало нынѣ въ этой странѣ лучше, нежели было за тридцать лѣтъ, что успѣхи развитія, еще слишкомъ незначительные сравнительно съ тѣмъ, что надлежитъ совершить, уже, однако, не могутъ назваться ничтожными, и что каково бы ни было настоящее состояніе Испаніи, но эпоха возрожденія уже началась для нея. Въ этомъ убѣждаетъ постепенное распространеніе просвѣщенія, замѣтное усиленіе умственной дѣятельности въ націи, столь долго дремавшей,—всего болѣе убѣждаютъ, въ возможности возрожденія, качества, сохраненныя испанскимъ народомъ. Онъ даровитъ, благороденъ и твердъ духомъ, — и, если онъ выдержалъ трехвѣковое бѣдствіе, не утративъ душевныхъ силъ, то, конечно, способенъ возродиться, когда вліяніе неблагопріятныхъ обстоятельствъ на его судьбу ослабѣетъ.

Испанія была очень надолго задержана въ своемъ развитіи,—во многихъ отношеніяхъ даже подалась назадъ подъ гнетомъ обстоятельствъ, сравнительно съ прежней степенью своего развитія. Но эти тяжелыя обстоятельства не могли, однако, подавить врожденныхъ дарованій испанскаго народа:

„Во многихъ отношеніяхъ Испанія столько же принадлежитъ къ среднимъ вѣкамъ, сколько къ нашему времени; многое въ ней странно, но не безсмысленно. Она много назади, но далеко не поражена тою нравственною окаменѣлостію, которая заставляетъ отчаяваться за будущность народа.—Скорѣе должно дивиться, соображая исключительныя, роковыя обстоятельства, которыя такъ долго сдерживали политическую жизнь Испаніи, какъ она не еще болѣе назади, какъ еще успѣла она сохранить въ себѣ эти энергическія сѣмена жизни!

„Всего болѣе заставляетъ вѣрить въ будущность Испаніи рѣдкій умъ ея народа.

Когда имѣешь дѣло съ людьми изъ простаго народа, совершенно лишенными всякаго образованія, невольно изумляешься ихъ здравому смыслу, ясному уму, легкости и свободѣ, съ какими они объясняются. Въ этомъ отношеніи, они, напримѣръ, далеко выше французскихъ крестьянъ. Въ нихъ нѣтъ ихъ грубости, ихъ умственной тяжеловатости. Умственная сфера испанца не велика, но то, что онъ понимаетъ, онъ понимаетъ вѣрно; и если воспитаніе и здравыя идеи разовьютъ ихъ умственныя способности, испанцы внесутъ тогда и въ высшія сферы жизни это прямодушіе, эту отчетливость, которыя, кажется, врождены имъ, и которыя теперь прилагаются у нихъ только къ самымъ мелкимъ интересамъ. Среди этихъ безчисленныхъ смутъ, раздирающихъ Испанію, чувствуешь какую-то необходимость безпрестанно оглядываться назадъ, хотя бы для того, чтобы сколько нибудь облегчить настоящее отъ ошибокъ и несчастій, завѣщанныхъ ему прошедшимъ, для того, чтобъ сохранить вѣру въ народъ, который, несмотря на три несчастныхъ вѣка, умѣлъ сберечь въ себѣ свои природныя качества, столь прекрасныя и драгоцѣнныя.

Не только живость, здравость ума сохранилась въ испанцѣ: вѣковое униженіе и угнетеніе не могло подавить въ немъ и удивительнаго его благородства, доходящаго до самой утонченной деликатности. Единственный вѣрный признакъ невозвратнаго паденія народа —то, когда народъ мелокъ и низокъ душою, продаженъ и подлъ;—единственный прочный залогъ народной будущности — сохраненіе въ народѣ благородныхъ чувствъ. Въ этомъ отношеніи испанцы могутъ гордиться своими нравами:

„Испанецъ прежде всего *caballero*. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Мадритъ, я отыскивалъ одну улицу, гдѣ мнѣ надобно было сдѣлать визитъ. Улица была далеко, и я разспрашивалъ о ней у прохожихъ. Между прочимъ, отнесся я къ одному бѣдно одѣтому человѣку. „Если хотите, я провожу васъ туда“, отвѣчалъ онъ. Мы пошли. Дорогой вздумалъ я сдѣлать еще нѣсколько визитовъ, и, намѣреваясь заплатить этому человѣку за трудъ его, просилъ дожидаться меня на улицѣ. Визиты мои продолжались часа три; вожатый мой говоритъ мнѣ, наконецъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться со мною. Я подаю ему дуро (5 руб. асс.), благодаря его за одолженіе. „*No, senor, no, muchissima gracia.*“(Нѣтъ, сударь,—нѣтъ, покорнѣйше благодарю.) — „Но почему же вы не хотите получить за ваши труды, я отнялъ у васъ время...“—„*No, senor. gracias, soy pobre, pera soy caballero.*“ (Нѣтъ, сударь, благодарю—я бѣденъ, но я кавалеръ),—и раскланявшись, кастильянецъ ушелъ отъ меня, оставивъ меня въ замѣшательствѣ и съ деньгами въ рукѣ. Никогда не случалось мнѣ, давая за труды прислугѣ, встрѣтить недовольную мину. Если слуга испанскій очень доволенъ, это выражается только тѣмъ, что онъ прибавитъ къ своему обычному „*gracias*“ (благодарю),—*gracias, caballero* (благодарю, кавалеръ). Вообще чувство личнаго достоинства въ этомъ народѣ поразительно; не даромъ существуетъ у него пословица: Король можетъ дѣлать дворянами, одинъ Богъ дѣлаетъ кавалерами“.

Раздѣленіе народа на враждебныя касты бываетъ однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій улучшенію его будущности,—въ Испаніи нѣтъ этого пагубнаго раздѣленія, нѣтъ непримиримой вражды между сословіями, изъ которыхъ каждое было бы готово пожертвовать самыми драгоцѣнными историческими пріобрѣтеніями, лишь бы только нанести вредъ другому сословію,— въ Испаніи вся нація чувствуетъ себя однимъ цѣлымъ. Эта особенность такъ необычайна среди народовъ Западной Европы, что заслуживаетъ величайшаго вниманія, и уже одна, сама по себѣ, можетъ считаться ручательствомъ за счастливую будущность страны.

„При наружности, почти совершенно сходной со всѣми неограниченными монархіями, Испанія на самомъ дѣлѣ имѣла историческое развитіе совершенно различное отъ

остальной Европы; кромѣ того, элементы, изъ которыхъ сложилось испанское общество, и по началу своему и по направленіямъ, совершенно различны отъ тѣхъ, которые лежатъ въ основѣ прочихъ европейскихъ государствъ. Посмотрите, напримѣръ, на положеніе и значеніе дворянства испанскаго. Во Франціи—странѣ равенства, народъ враждебно смотритъ на дворянство и аристократію; въ Испаніи, гдѣ чувство равенства гораздо сильнѣе, аристократія не только не возбуждаетъ противъ себя ни ненависти, ни зависти, но пользуется въ народѣ уваженіемъ. Мнѣ кажется это обстоятельство довольно любопытнымъ, и я, имѣя теперь подъ рукою нѣкоторые матеріалы, хочу воспользоваться ими, чтобъ сказать нѣсколько словъ о дворянствѣ въ Испаніи и объ отношеніи его къ народу. Мнѣ кажется, что, уяснивъ себѣ эти отношенія, мы будемъ лучше понимать современныя событія Испаніи и еще болѣе извинимъ народъ ея за его равнодушіе къ нимъ.

„Послѣ паденія римской имперіи (простите, что я начинаю такъ издалека) вся Европа была завоевана и занята варварами; племя побѣдившее и племя побѣжденное поселились на одной и той же землѣ, одни какъ властители, другіе какъ вассалы. Вѣдь исторія Франціи и Англіи есть ничто другое, какъ постепенное освобожденіе племени завоеваннаго. Казалось бы, что французская революція, провозгласивъ политическое, гражданское и религіозное равенство, должна была заглушить самое воспоминаніе о прежней взаимной борьбѣ и ненависти; но такова глубина этой ненависти, что она пережила даже и самую причину ссоры.

„Въ Испаніи не найдете вы ничего подобнаго; здѣсь дворянинъ не гордъ и не спѣсивъ, простолюдинъ къ нему не завистливъ; между ними одно только различіе—богатство, и нѣтъ никакого другаго. Здѣсь между сословіями царствуетъ совершенное равенство тона и самая деликатная короткость обращенія, и не только гражданинъ, но мужикъ, чернорабочій, водоносъ обращаются съ дворяниномъ совершенно на равной ногѣ. Если имъ открыть входъ въ домъ испанскаго гранда, они пойдутъ туда, придутъ, сядутъ и говорятъ съ своимъ благороднымъ хозяиномъ въ тонѣ совершеннѣйшаго равенства. Причина такихъ удивительныхъ для насъ отношеній должна заключаться въ самой исторіи Испаніи, и именно въ томъ, что въ Испаніи никогда не было плебейства, простонародья, что испанскій мужикъ не принадлежитъ къ племени завоеванному, а дворяне къ племени завоевательному. Новая Испанія началась съ изгнанія мавровъ; только съ этого времени здѣсь ведутъ свое начало права на владѣніе землею.—Но самое это изгнаніе показываетъ, что въ Испаніи остались одни только побѣдители. Извѣстно, какъ послѣ завоеванія маврами всей Испаніи, горсть смѣлыхъ и непреклонныхъ людей, укрѣпившихся въ горахъ Астуріи, сдѣлалась впослѣдствіи спасителемъ и знаменосцемъ національной независимости. По мѣрѣ того, какъ силы ихъ увеличивались, завоевали они постепенно провинціи Леонъ, Кастилью, Арагонъ, оттѣсняя мавровъ далѣе и далѣе, и наконецъ взятіе Гренады уничтожило политическое значеніе мавровъ въ Испаніи. Быть низкаго происхожденія, по понятіямъ испанца, значило имѣть въ своихъ жилахъ кровь арабскую, кровь племени вдвойнѣ презираемаго, какъ невѣрное и какъ побѣжденное. По той же самой причинѣ дворянство испанца состоитъ прежде всего въ томъ, чтобъ быть старинnымъ христіаниномъ; и это одно достоинство стариннаго христіанина,—если его считаетъ за своимъ родомъ самый послѣдній носильщикъ, онъ гордится имъ, и въ глазахъ его оно равняетъ его съ самыми важными лицами въ государствѣ. Между здѣшними *aquadores* (водоносцами), которые всѣ почти изъ Астуріи, много дворянъ; они знаютъ это и величаются своимъ происхожденіемъ. *Jo soy mejor que mi amo* (я больше дворянинъ, я благороднѣе моего хозяина), говоритъ *aquador*, принявъ гордый видъ и держа свое ведро воды на плечѣ. И, дѣйствительно, самыя старыя и благородныя фамиліи стараются отъискивать начало своихъ родовъ преимущественно въ Астуріи. А такъ-какъ въ прочихъ провинціяхъ всѣ равно участвовали въ изгнаніи арабовъ, то всякій гордится на свой манеръ, и всѣ обращаются между собой на равной ногѣ, потому что, повторяю, самое великое и главное событіе испанской исторіи есть борьба противъ исламизма: отъ нея ведутъ начало свое и собственность и дворянство.

„Причина того всеобщаго уваженія, которымъ всегда пользовалось въ народѣ

дворянство, заключалась въ томъ, что предки его были первоначальными освободителями Испаніи отъ ига арабовъ. Тогда какъ народъ занимался земледѣліемъ, дворянство билось съ невѣрными и расширяло границы испанскаго христіанства. Отсюда происходитъ почтеніе, оказываемое ему народомъ, но опять въ этомъ почтеніи не было ничего подданническаго, именно потому, что между дворяниномъ и самымъ послѣднимъ мужикомъ здѣсь не лежала бездна завоеванія, какъ въ остальной Европѣ, а только одна различная степень дѣятельности и храбрости. Теперь нѣсколько словъ о владѣніяхъ дворянства.

„Короли Кастильи и Арагона обыкновенно награждали за услуги, оказанныя имъ въ войнахъ противъ арабовъ, частью завоеванныхъ земель. Иногда эти маленькіе владѣтели, имѣя деньги, прикупали себѣ новые участки; случалось также, что иной *caballero* строилъ себѣ крѣпость вблизи арабской границы и держался въ ней съ своимъ гарнизономъ; крестьяне приходили селиться подъ защитою крѣпости, и когда испанская граница распространялась дальше, владѣтель крѣпости естественно становился и владѣтелемъ земли, которую онъ долго покровительствовалъ и защищалъ отъ нападеній арабовъ. Такимъ образомъ владѣнія дворянства въ источникѣ своемъ, какъ видите, ничего не имѣли ненавистнаго для народа. Майоратство, учрежденіе чисто феодальное, безпрестанно сосредоточивало и безъ того значительныя владѣнія въ однихъ лицахъ, которыя чрезъ это становились по могуществу своему почти независимыми отъ короля,— такъ-что теперь, при всемъ своемъ жалкомъ состояніи, при всей разоренности своей, дворянство испанское, послѣ уничтоженія монастырей и конфискаціи ихъ имѣній, составляетъ въ Испаніи классъ самыхъ большихъ владѣтелей и имѣетъ въ своихъ рукахъ самыя лучшія земли.

„Но по этой же самой причинѣ, по феодальной значительности своей, дворянство испанское никогда не было въ милости у королей. Во многихъ случаяхъ, когда тяжкія войны истощали денежныя средства королей, они принимались повѣрять дарственныя грамоты своихъ предшественниковъ, по которымъ дворянство владѣло землями, и если эти грамоты оказывались неточными (а въ этомъ случаѣ придирались ко всему), ихъ объявляли недѣйствительными, и отобранныя имѣнія поступали снова въ королевскую казну. Но совершенный упадокъ испанскаго дворянства начался со вступленія на испанскій престолъ бурбоновъ. Когда, по интригамъ Людовика XIV, слабоумный Карлъ II, распорядившись Испаніею, какъ своею частною собственностію, завѣщалъ ее внуку Людовика XIV, дворянство испанское было противъ этого завѣщанія и держало сторону австрійскаго дома. Этого бурбоны, разумѣется, не забывали, и съ тѣхъ поръ прекратилось политическое значеніе дворянства въ Испаніи. Бурбоны, кромѣ упомянутыхъ повѣрокъ прежнихъ дарственныхъ грамотъ, постоянно держали дворянство вдали отъ правительства. Съ тѣхъ поръ не встрѣчается уже въ исторіи Испаніи ни одно изъ старыхъ дворянскихъ именъ, знаменитыхъ при прежней испанской монархіи; вмѣсто ихъ являются на сцену иностранцы, дворянство второстепенное или вовсе новое.

„Удаленная отъ правительства, аристократія испанская, наконецъ, постепенно утратила и свои преданія и способности. Дѣти ея, владѣя, подобно англійской аристократіи, огромными состояніями, но не имѣя передъ собою никакого поприща для политической дѣятельности, совершенно пренебрегали всякимъ основательнымъ образованіемъ и наконецъ даже въ Испаніи отличались своимъ невѣжествомъ; забавы, безпутство и расточительность были ихъ единственными занятіями. Слѣдствіемъ этого сдѣлалось то, что дворянство испанское стало еще бѣднѣе. Большая часть знатныхъ фамилій обременена долгами; и какъ большіе землевладѣльцы, они чрезвычайно пострадали въ войну за независимость, съ 1808 по 1814 годъ, а уничтоженіе майоратства теперь нанесло послѣдній ударъ и ихъ значенію большихъ земельныхъ владѣтелей.

„Я говорилъ выше о равенствѣ тона и обращенія, которое установила здѣсь между дворянствомъ и народомъ одинаковость племени; но если отъ отношеній чисто нравственныхъ перейдемъ къ интересамъ положительнымъ, матеріальнымъ, къ отношеніямъ землевладѣльца и наемщика земли, то еще становится понятнѣе, какъ это національное единство, выработанное въ Испаніи своеобразнымъ историческимъ развитіемъ, имѣло вліяніе не на одну только всеобщую вѣжливость обращенія, но и на собственность,—

этотъ общій источникъ всѣхъ политическихъ ссоръ,—такъ что и собственность здѣсь носитъ на себѣ глубокіе слѣды этого урожденнаго равенства.

„Дворянство изстари чрезвычайно кротко обращалось съ наемщиками своихъ земель; есть крестьянскія семейства, которыя въ продолженіи 200 и 300 лѣтъ имѣютъ въ наймѣ ту же землю, такъ что давность этихъ отношеній придала имъ особенный семейный характеръ. Кромѣ того, большія земельныя собственности владѣльца, продолжительность и прочность, которую майоратство вводило во взаимные интересы, часто позволяли собственнику отсрочивать плату за наемъ, что почти невозможно въ тѣхъ странахъ, гдѣ дробность и безпрестанное движеніе собственности заставляетъ всякаго скорѣе самому искать кредита, нежели давать его. Самые законы особенно покровительствовали наемщика. Хотя здѣсь въ каждой провинціи свои обычаи и законы, и можно ихъ изучать только на мѣстахъ, но есть изъ нихъ нѣкоторые, общіе всѣмъ среднимъ и южнымъ провинціямъ и которые особенно замѣчательны. Напримѣръ, если наемщикъ дурно платитъ, то владѣлецъ не можетъ принуждать его къ исправнѣйшему платежу; если онъ вовсе не платитъ, владѣлецъ можетъ отказать ему, но долженъ предувѣдомить его объ этомъ за годъ впередъ, въ иныхъ провинціяхъ за два года. Если другой наемщикъ предлагаетъ владѣльцу дороже, прежній, давши такую же цѣну, имѣетъ право остаться, даже противъ воли владѣльца. Въ Андалузіи и Эстремадурѣ наемщикъ можетъ, несмотря на заключенное условіе, требовать послѣ жатвы перецѣнки земли; а такъ какъ оцѣнщики всегда берутся изъ класса земледѣльцевъ, то наемщикъ никогда не останется въ накладѣ отъ перецѣнки. Вы видите, что если здѣсь кто и терпитъ, то уже вовсе не крестьянинъ. Кромѣ этого здѣсь еще существуетъ слѣдующаго рода наемъ: землевладѣлецъ уступаетъ свою землю на условіи ежегодной и разъ навсегда опредѣленной платы; и съ сей минуты наемщикъ, платя исправно условную сумму, пользуется землею, какъ своею полною и неограниченною собственностію; онъ можетъ на ней строить, садить,—удесятерять цѣнность земли: владѣлецъ никогда не смѣетъ требовать съ него ничего больше условной платы. Упадокъ цѣнности въ деньгахъ нисколько не измѣняетъ силу разъ навсегда сдѣланнаго условія, такъ что есть много семействъ, владѣющихъ значительнымъ количествомъ земли за самую, по теперешнимъ цѣнамъ, ничтожную плату.

„Послѣ всего этого можно ли опасаться здѣсь такихъ народныхъ движеній, какія нѣсколько разъ потрясали Германію, Англію, Францію? Можно ли бояться изверженій народнаго вулкана въ странѣ, гдѣ у самаго бѣднѣйшаго мужика есть всегда вдоволь хлѣба, вина и солнца, и гдѣ даже у нищаго есть на зиму и шерстяные штаны и шерстяной плащъ! Вотъ почему здѣсь народъ такъ равнодушно смотритъ на политическія событія. Какъ нація, онъ безъ всякаго сомнѣнія безконечно выиграетъ отъ возрожденія Испаніи, но собственно какъ народъ, въ своихъ отношеніяхъ къ дворянству, къ среднему сословію—ясно, что не онъ именно здѣсь особенно нуждается въ освобожденіи. Если здѣсь что дѣйствительно страдаетъ, такъ это интересы средняго сословія—просвѣщеніе, торговля, промышленность...“

Наслышавшись о серенадахъ, шелковыхъ лѣстницахъ, и, особенно, наслушавшись „Донъ Жуана“, мы часто воображаемъ себѣ Испанію страною распущенныхъ нравовъ, цинизма, разврата,—на самомъ дѣлѣ, это вовсе не такъ. Свобода нравовъ дѣйствительно велика въ Испаніи, страсти дѣйствительно пылки,—но тамъ не знаютъ холоднаго, продажнаго разврата, который одинъ точитъ нравственныя силы народа. Теперь мы на столько знаемъ Востокъ, что не вѣримъ въ нравственность, охраняемую гаремами и евнухами. Сравнивая различныя цивилизованныя націи, мы видимъ, что именно тѣ страны, гдѣ наиболѣе допускается свобода нравовъ, отличаются наибольшею чистотою нравственности,—въ примѣръ довольно указать на Сѣверо-Американскіе Штаты. Послѣ этого мы легко повѣримъ, что Испанія есть одна изъ тѣхъ странъ, гдѣ отношенія между мужчинами и женщинами наи-

болѣе чисты. Любовь и поэзія неразлучны въ Испаніи,—а гдѣ поэзія, тамъ не можетъ быть разврата; и Севилья, знаменитая своими серенадами, въ нравственномъ отношеніи стоитъ, безъ всякаго сомнѣнія, выше, нежели большіе города чопорныхъ и лицемѣрныхъ сѣверныхъ странъ. Описаніе севильскихъ нравовъ—одно изъ лучшихъ мѣстъ въ книгѣ г. Боткина:

„По вечерамъ съ 8 и 9 часовъ начинается гулянье на *alameda del Duque*. На югѣ нѣтъ нашихъ долгихъ сумерекъ: ночь наступаетъ тотчасъ по захожденіи солнца. *Alameda del Duque* небольшая площадь, обсаженная высокими, густыми акаціями и освѣщенная множествомъ фонарей; по обѣимъ сторонамъ сдѣланы скамьи, середи огромный фонтанъ, широкимъ, разсыпающимся букетомъ бросающій воду и постоянно освѣжающій удушливо-теплый воздухъ. Около площади расположены кофейныя, лавочки съ холодною водою, лимонадомъ. *Alameda del Duque* — царство черныхъ севильянокъ. Не ужасно ли, что эта поэтическая красота не показывается при дневномъ свѣтѣ, а бываетъ видима только по ночамъ. Къ счастію для меня, теперь стоятъ яркія, лунныя ночи. Что за живые разговоры, что за откровенный смѣхъ раздаются на этомъ гуляньѣ! О свободѣ, царствующей здѣсь, въ Европѣ не имѣютъ понятія: здѣсь словно каждый у себя дома. Эта непринужденность, этотъ громкій смѣхъ, эта живость разговоровъ, какъ все это не походитъ на европейскія гулянья, а тѣмъ менѣе на наши, на которыя мужчины и женщины выходятъ съ такими натянутыми, заученными лицами и манерами. Но что особенно замѣчательно—эта непринужденность, эта свобода проникнуты здѣсь самою изящною вѣжливостью; это не заученная, не условная вѣжливость, принадлежащая въ Европѣ одному только хорошему воспитанію, а, такъ сказать, врожденная; вѣжливость и деликатность чувства, а не однѣхъ внѣшнихъ формъ, какъ у насъ, и которая здѣсь равно принадлежитъ и гранду и простолюдину. Испанецъ вѣжливъ не изъ приличія, не съ одними только порядочно одѣтыми людьми, — въ этомъ отношеніи здѣсь одежда не значитъ ничего,—онъ равно вѣжливъ со всѣми, и денди здѣсь не стыдится поклониться одѣтому въ плащъ съ заплатами, или сказать, что онъ *знакомъ* вонъ съ тѣмъ лавочникомъ. У женщинъ, въ живости разговора, иногда мантилья спадетъ съ головы; эти мурильовскія головки съ нардомъ или жасминомъ въ великолѣпныхъ волосахъ, освѣщенныя луною, производятъ впечатлѣніе обаятельное; ночной запахъ цвѣтовъ, особенно нарда, страшно раздражаетъ нервы: надобно быть здѣсь, среди этой жаркой ночи, освѣжаемой фонтаномъ, ходить между этими толпами золотисто блѣдныхъ женщинъ, одинаково одѣтыхъ въ черное, одинаково покрытыхъ черными кружевными мантильями, видѣть эту яркую живость физіономій, этотъ африканскій блескъ глазъ, сверкающихъ изъ-за вѣера, наконецъ, дышать воздухомъ, напоеннымъ нардомъ и жасминомъ изъ этихъ волосъ,—словомъ, надобно испытать одну такую ночь, чтобъ понять все очарованіе Севильи.

„На *alameda* не слышно словъ *senor* и *senora*, а только *dona Dolores*, *don Fernando*, *dona Angeles*, *don Luis*; здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ средней Испаніи, слѣдуютъ обычаю звать другъ друга по именамъ. Подумаешь, что находишься на какомъ нибудь семейномъ праздникѣ. А какъ вамъ покажется слѣдующій обычай: на *alameda* можно заговорить съ своимъ сосѣдомъ или съ *сосѣдкой* на скамьѣ... не смѣйтесь надъ моими словами, не судите о Севильѣ по обычаямъ европейскимъ и не спѣшите изъ этого заключать о *легкости* севильянокъ. Здѣсь это не удивляетъ, не оскорбляетъ женщины: здѣсь это въ нравахъ. Отъ этого нѣтъ города въ Европѣ, въ которомъ было бы больше случаевъ къ знакомству и сближенію. Но, по странному противорѣчію, для дѣвушекъ здѣсь больше свободы, нежели для женщинъ. Въ Севильѣ вообще женщинъ втрое болѣе, нежели мужчинъ; слѣдствіемъ этого то, что здѣшнія дѣвушки томятся не одною только любовью, но и желаніемъ выйти замужъ, и въ андалузскихъ нравахъ каждой дѣвушкѣ имѣть своего *novio*—жениха. Если вы понравились дѣвушкѣ, она тотчасъ дастъ вамъ это замѣтить; заговорите съ ней, когда она вечеромъ прогуливается, и, хоть бы съ матерью, она отвѣтитъ вамъ и скоро позволитъ придти ночью къ ея окну. Прогулка по Севильѣ ночью особенно интересна. Безпрестанно видишь у оконъ мужчинъ въ плащахъ и андалузскихъ шляпахъ: на ноч-

ныя бесѣды у оконъ и балконовъ непремѣнно ходятъ въ простонародномъ костюмѣ. Мужчина, при вашемъ приближеніи, завертывается въ плащъ такъ, что закрываетъ имъ свое лицо; разговоръ прервался—и, проходя мимо окна, вы увидите въ сторонѣ его два сверкающихъ глаза... глаза андалузки и въ темнотѣ сверкаютъ! Но остерегайтесь по нѣскольку разъ проходить передъ окномъ, у котораго идетъ таинственная бесѣда: васъ могутъ принять за подсматривающаго соперника, а здѣсь никто не ходитъ на ночное свиданіе, не запасаясь стилетомъ или, по крайней мѣрѣ, ножомъ Даже ночные патрули уважаютъ кавалеровъ ночи, позволяя себѣ только невинныя остроты на ихъ счетъ. Мать знаетъ, что дочь ея разговариваетъ по ночамъ у окна съ молодымъ человѣкомъ; дочь говоритъ, что это ея *novio*—женихъ. Бо́льшая часть браковъ составляется посредствомъ этихъ ночныхъ разговоровъ; случается, что иные разговариваютъ такъ по цѣлому году и послѣ женятся, видаясь только или у окна, или въ церкви. Если *novio* отсталъ, на дѣвушку это не бросаетъ ни малѣйшей тѣни, да и на его мѣсто тотчасъ же является другой. Сколько иностранцевъ, пріѣхавъ сюда на недѣлю, заживаются здѣсь по году и болѣе, между тѣмъ, какъ въ Севильѣ, кромѣ „бѣга быковъ“ и плохаго театра, нѣтъ никакихъ развлеченій. Но эти нравы имѣютъ столько романической прелести, въ этихъ чудныхъ женщинахъ столько потребности любить (здѣсь это ихъ единственное занятіе!), и я понимаю, какъ въ двадцать лѣтъ, при горячей крови, пылкомъ, увлекающемся сердцѣ, и если, при этомъ, стремленіе къ наслажденіямъ преобладаетъ надъ всѣми другими стремленіями, — я понимаю, какъ можно въ Севильѣ прожить цѣлые годы въ самомъ блаженномъ снѣ, который, право, стоитъ многихъ другихъ, *дѣловыхъ* сновъ. Но я долженъ, однакожъ, сказать, что здѣшніе молодые люди жалуются на севильскихъ дѣвушекъ, будто онѣ имѣютъ постоянною цѣлію выйти замужъ и въ своихъ сближеніяхъ съ молодыми людьми, въ своихъ ночныхъ свиданіяхъ у оконъ, слѣдуютъ совѣтамъ матерей, съ которыми будто бы заключенъ у нихъ оборонительный и наступательный союзъ. Впрочемъ, мнѣ случилось удостовѣриться и въ противномъ. Я знакомъ здѣсь съ однимъ молодымъ американцемъ изъ Новаго Орлеана: онъ пріѣхалъ взглянуть на Севилью,—и живетъ здѣсь уже восьмой мѣсяцъ. Онъ любитъ и любимъ. Мать запретила даже его любезной сидѣть по ночамъ у окна, оконная рама была задѣлана желѣзомъ, но дочь все-таки нашла средство видѣться съ нимъ... Правда, что здѣсь нѣтъ ничего легче, какъ познакомиться съ дѣвушкою и получить отъ нея свиданіе у окна, но между этого рода сближеніемъ и ея любовью—далеко. Первое есть, можетъ быть, не болѣе, какъ страшное средство раздражить чувственность и привязанность, чтобъ заставить жениться; другое... да другое не требуетъ объясненій...

Андалузка въ высшей степени кокетлива; она тотчасъ чувствуетъ на себѣ глазъ мужчины и никогда не переноситъ его равнодушно. Надобно привыкнуть къ тону севильскихъ женщинъ: въ ихъ манерѣ есть что-то рѣзкое; но это рѣзкое не отъ грубости, а отъ необыкновенной живости, стремительности чувствъ; можетъ быть, отсюда происходитъ и фамильярность здѣшнихъ женскихъ обществъ, фамильярность, исполненная самаго тонкаго, такъ сказать, внутренняго приличія, этой изящной вѣжливости, такъ не похожей на приторную церемонность сѣверныхъ обществъ (не исключая и парижскаго), которую, Богъ знаетъ почему, считаютъ за хорошій тонъ. При всеобщей одинакости чернаго платья и мантильи, севильянкамъ невозможно щеголять модными костюмами: ихъ главное щегольство въ маленькихъ ножкахъ, и, надобно сказать, что ихъ руки и ноги—формы совершеннѣйшей. Если о *породѣ* женщинъ можно судить по рукамъ, ногамъ и носу, то, безъ всякаго сомнѣнія, порода андалузокъ самая совершеннѣйшая въ Европѣ. Я думаю, щегольство маленькой ножкой заставляетъ севильянокъ даже выносить страданія: онѣ носятъ такіе башмаки, въ которыхъ нѣтъ возможности помѣститься никакой ногѣ въ мірѣ: кромѣ того, ихъ башмаки едва охватываютъ пальцы ноги. Глаза севильянокъ состоятъ изъ мрака и блеска, *mucho negro y mucha luz*,—много тьмы и много свѣта,—какъ выражается одна севильская пѣсня, и дѣйствительно, за чернымъ блескомъ ихъ не видать бѣлка, и столько въ нихъ дерзкой выразительности, что, повѣрьте, нужно обжиться здѣсь для того, чтобъ не чувствовать отъ нихъ особеннаго волненія. У испанцевъ есть особенный глаголъ — *ojear*, бросать

взглядъ, и каждая севильянка владѣетъ этимъ въ совершенствѣ. Она сначала потупляетъ глаза и, поровнявшись съ вами, вдругъ вскидываетъ ихъ: внезапный блескъ и пристальность взгляда дѣйствуютъ, какъ электричество. А это еще взглядъ равнодушный!

„Здѣсь женщины ничего не читаютъ; и это отсутствіе всякой начитанности придаетъ андалузкамъ особенную оригинальность: ихъ не коснулись книжность, вычитанныя чувства, идеальныя фантазіи, претензіи на образованность. Вѣдь остроумное невѣжество лучше книжнаго ума. Невѣжество севильянки при ея живомъ воображеніи, при огненной движимости ея чувствъ, при этой врожденной, свойственной однимъ южнымъ племенамъ тонкости ума, исполнено прелести увлекательной, передъ которою такъ называемая образованность европейскихъ дамъ кажется приторною книжностью. Нигдѣ не встрѣчалъ я такого страннаго сліянія дѣтской наивности съ дерзостью и удалью: это и ребенокъ и вакханка вмѣстѣ. Въ наружности севильянки нѣтъ и тѣни того спокойствія, которое болѣе или менѣе отличаетъ женщинъ всѣхъ націй въ Европѣ: это въ высшей степени нервическая натура, но только не въ болѣзненномъ, сѣверномъ смыслѣ этого слова. Я думаю, никакая женщина въ Европѣ не можетъ возбудить къ себѣ такого энтузіазма, какъ андалузка. Въ глазахъ ихъ нѣтъ выраженія кротости, какъ въ глазахъ сѣверныхъ женщинъ: въ ихъ глазахъ блеститъ смѣлый духъ, рѣшительность, сила характера. Того, что мы называемъ женственностью, сердечностью,— не ищите у нихъ. Въ кокетствѣ андалузки проступаетъ что-то тигровое, въ ихъ улыбкѣ есть что-то дикое; чувствуешь, что самое прекрасное лицо тотчасъ можетъ принять выраженіе свирѣпое... и чтожъ удивительнаго! эти обаятельныя головки, эти женщины съ невообразимою нѣгою движеній, эти глаза, о выразительности которыхъ невозможно имѣть понятія, не бывъ въ Андалузіи, — онѣ нынѣче утромъ наслаждались убійствомъ, равнодушно смотрѣли на лошадей, которыхъ внутренности влачились по землѣ, онѣ знаютъ до тонкости всѣ подробности смертныхъ судорогъ, онѣ смотрѣли на смерть съ увлеченіемъ, со страстью... а вечеромъ вы слышите здѣсь, какъ слышалъ я вчера, поздно возвращаясь къ себѣ домой, меланхолическіе аккорды гитары, и тѣ же уста задумчиво поютъ:

Mas vale trocar
Placer por dolores
Que estar sin amores...

Лучше промѣнять радость на горе, чѣмъ жить безъ любви.

Въ счастіи и умереть сладко; жить въ забвеніи—все равно, что не жить; лучше переносить страданье и печаль, чѣмъ жить безъ любви.

Жизнь безъ любви—пропащая жизнь, а умѣнье употребить жизнь важнѣе самой жизни; лучше томиться, перенося горести, чѣмъ жить безъ любви“.

Испанскій народъ сохранилъ въ себѣ плодотворные залоги быстрыхъ успѣховъ на пути развитія: живость ума, благородство характера, свѣжесть и энергію чувства. Между народами Западной Европы трудно указать такой, который стоялъ бы выше его по всѣмъ этимъ качествамъ. Напротивъ, надъ большею частью цивилизованныхъ націй испанскій народъ имѣетъ безспорное преимущество въ одномъ, чрезвычайно важномъ отношеніи: испанскія сословія не раздѣлены между собою ни закоренѣлою ненавистью, ни существенною противоположностью интересовъ; они не составляютъ кастъ, враждебныхъ одна другой, какъ то видимъ во многихъ другихъ западныхъ европейскихъ земляхъ; напротивъ, въ Испаніи всѣ сословія могутъ дружно стремиться къ одной цѣли. Одно только существенное препятствіе мѣшаетъ теперь блистательному возрожденію Испаніи,—но это препятствіе такъ гибельно, что до сихъ поръ совершенно останавливало всякій прогрессъ, — выше мы называли это препятствіе лѣностью, привычкою къ бездѣйствію.

и говорили объ историческихъ причинахъ, породившихъ эту пагубную привычку къ бездѣйствію. Теперь надобно намъ ближе опредѣлить ея характеръ и указать обстоятельства, которыми до сихъ поръ поддерживается она.

Бездѣйствіе можетъ происходить отъ безсилія или отъ беззаботности. Не знаемъ, есть ли на самомъ дѣлѣ племена безсильныя, какъ часто говорятъ. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать безсильнымъ испанскаго племени. Его бездѣйствіе—слѣдствіе беззаботности. Вотъ какъ, напримѣръ, смотритъ испанецъ на государственныя дѣла своего отечества:

„Политическая Испанія есть какое-то царство призраковъ. Здѣсь никакъ не должно принимать вещи по ихъ именамъ, но всегда искать сущности подъ кажимостью, лицо подъ маскою. Сколько уже лѣтъ говорятъ въ Европѣ объ испанской конституціи, о партіяхъ, о журналистикѣ, разныхъ политическихъ доктринахъ, о волѣ народа и т. п.; все это слова, которыя въ Европѣ имѣютъ извѣстный, опредѣленный смыслъ,—приложенныя же къ Испаніи, имѣютъ свое особое значеніе. Прежде всего надо убѣдиться въ томъ, что массы, народъ здѣсь совершенно равнодушны къ политическимъ вопросамъ, которыхъ они, къ тому же, нисколько не понимаютъ. Кастильцу-простолюдину нужно работать, можетъ быть, только двѣ недѣли въ году, чтобъ вспахать свое поле и собрать хлѣбъ, да еще большею частію приходятъ жать его валенсіянцы; остальное время онъ спитъ, куритъ, ѣстъ и нисколько не заботится о всемъ томъ, что лично до него не касается.

„Испанія, удушенная тремя вѣками самой ужасной администраціи, подпавшая двумъ чужестраннымъ династіямъ, изъ которыхъ первая начала жестокостію, насиліемъ и кончила рѣшительнымъ идіотизмомъ,—другая почти безпрерывно занималась однѣми дворцовыми интригами,—бѣдная Испанія силится разбить теперь эту кору невѣжества, подъ которою столь долго томилась она. Глубоко ошибаются тѣ, которые судятъ объ Испаніи по французскимъ идеямъ, по французскому общественному движенію. Кромѣ множества радикальныхъ различій, не должно забывать, что Франція была приготовлена пятьюдесятью годами философской литературы. Въ Испаніи, послѣ писателей ея „золотаго вѣка“, въ продолженіи двухъ вѣковъ не было другой литературы, кромѣ проповѣдей духовенства, которое, конечно, всѣми силами старалось о поддержаніи стараго общественнаго устройства, въ которомъ само господствовало. Посмотрите теперь на испанскіе журналы всѣхъ партій! Меня больше всего поражаетъ въ нихъ рѣшительное отсутствіе всякой разсудительной теоріи, даже всякой практической, мысли. Идей нѣтъ,—есть одни лица и имена; ни одинъ вопросъ государственнаго устройства не подвергается анализу. Перевороты въ Испаніи не могутъ выйти изъ массъ, которыя даже не имѣютъ о нихъ понятія. Здѣсь самый бѣдный, послѣдній мужикъ всегда вдоволь имѣетъ хлѣба, вина и солнца, здѣсь у самаго нищаго есть на зиму и шерстяные панталоны и теплый шерстяной плащъ, тогда какъ французскій мужикъ, напримѣръ, и зиму и лѣто прикрывается одною тощею, холстинною блузой. Кромѣ того, этотъ народъ одаренъ удивительнымъ чувствомъ повиновенія: лучшій примѣръ—все царствованіе Фердинанда VII. Испанцу словно недоступна никакая общая идея, хотя отвлеченное понятіе объ общемъ дѣлѣ“.

Видите ли, ему нѣтъ охоты позаботиться объ этомъ, онъ махнулъ рукою на все, воображая, что эти дѣла — не его дѣла: „пусть себѣ идутъ, какъ хотятъ,—лично мнѣ ни тепло, ни холодно не будетъ отъ общаго порядка дѣлъ“.

Надобно ли говорить, что такое равнодушіе возможно только при совершенномъ невѣжествѣ? Невѣжество—вотъ коренная язва Испаніи.

Привычка довольствоваться въ жизни слишкомъ малымъ, обходиться безъ всякихъ удобствъ—вотъ другой источникъ этой беззаботности. До послѣдняго времени испанецъ не чувствовалъ надобности ни въ хорошей меблировкѣ дома, ни въ хорошихъ товарахъ, ни въ удобныхъ путяхъ со-

общенія; комнаты самыхъ богатыхъ людей были до послѣдняго времени меблированы самымъ скуднымъ образомъ, платье шилось изъ плохихъ матеріаловъ, пища соотвѣтствовала меблировкѣ и качеству матерій, и когда испанецъ пускался въ путь, онъ не чувствовалъ безпокойства, медленности и дороговизны ѣзды верхомъ на мулахъ, по убійственно дурнымъ дорогамъ—„что нибудь“ и „какъ нибудь“ совершенно удовлетворяло его, — лучшаго ничего и не воображалъ онъ себѣ.

Нашъ вѣкъ неблагопріятенъ такимъ невзыскательнымъ понятіямъ о житейскихъ удобствахъ, неблагопріятенъ и для невѣжества. Прежде люди могли успокоиваться на томъ, чтобы жить какъ нибудь, лишь бы не умереть голодною и холодною смертью. Теперь въ душѣ каждаго неизгладимо напечатлѣлась мысль о благосостояніи, по крайней мѣрѣ, въ житейскомъ быту. Испанцы уже чувствуютъ необходимость въ желѣзныхъ дорогахъ, въ дешевыхъ и хорошихъ товарахъ, въ развитіи торговли, промышленности. Этого чувства уже довольно—оно приведетъ за собою все остальное; кто началъ думать о благосостояніи, тотъ скоро пойметъ, что ни одно изъ условій благосостоянія не можетъ существовать безъ разумнаго порядка дѣлъ, которымъ бы обезпечивались пріобрѣтенія каждаго отдѣльнаго лица, скоро пойметъ, что возможность благосостоянія для отдѣльнаго лица обусловливается общимъ хорошимъ порядкомъ дѣлъ. А чтобы водворить такой порядокъ дѣлъ, нужно знаніе, и потому стремленіе къ матеріальному довольству всегда влечетъ за собою пробужденіе жажды знаній, оживленіе умственной дѣятельности въ націи. Невѣждою можетъ оставаться только тотъ, кто, находясь въ жалкомъ положеніи относительно своего житейскаго быта, не чувствуетъ неудовлетворительности этого жалкаго положенія. Потребность улучшить свой бытъ необходимо влечетъ за собою потребность умственнаго труда.

Испанія вошла уже въ такую тѣсную связь съ остальною Европою, что не можетъ оградить себя отъ сочувствія стремленіямъ вѣка. Единственные важные недостатки, которыми страдаетъ испанскій народъ, — беззаботность невѣжества и равнодушіе къ улучшенію матеріальнаго быта,—эти недостатки прямо противоположны потребностямъ и стремленіямъ нашего вѣка, и потому нѣтъ нужды въ особенной отважности, чтобы рѣшиться сказать: недостатки эти должны исчезнуть, и исчезнуть быстро.

Мы сдѣлали много выписокъ изъ книги г. Боткина, но читатели, помнящіе его „Письма объ Испаніи“, видятъ, что мы касались почти исключительно только одной стороны разнообразнаго содержанія, представляемаго его разсказами. Не одна природа и общественная жизнь Испаніи занимаютъ его вниманіе—частный бытъ, памятники искусства, историческія воспоминанія не меньше этихъ предметовъ интересовали его и являются не менѣе интересными читателю въ его описаніяхъ.

Мы не можемъ не обратить особеннаго вниманія читателей на „Письма объ Испаніи“, ибо, повторяемъ, подобнаго рода путешествія, въ которыхъ серьезность взгляда соединяется вмѣстѣ съ глубокимъ поэтическимъ чувствомъ, являются не часто.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ньюкомы, исторія одной весьма достопочтенной фамиліи. *Романъ* В. М. Теккерея *Двѣ части. Спб. 1856.*

Теккерей обладаетъ колоссальнымъ талантомъ. Изъ всѣхъ европейскихъ писателей настоящаго времени, только одинъ Диккенсъ можетъ быть поставленъ на ряду съ авторомъ „Ярмарки Тщеславія“ или выше его. „Ньюкомы“ — одинъ изъ тѣхъ романовъ Теккерея, которые самымъ блистательнымъ образомъ обнаруживаютъ всю громадность его дарованія. И, однакоже, „Ньюкомы“, говоря по правдѣ, произведеніе не вполнѣ достойное автора. Странно такое противорѣчіе между степенью таланта, обнаруживаемаго произведеніемъ, и степенью достоинства самого произведенія. Оно такъ странно, что мы, быть можетъ, не рѣшились бы выставить его во всей рѣзкости, опасаясь за вѣрность впечатлѣнія, сдѣланнаго на насъ чтеніемъ послѣдняго романа Теккерея, еслибъ не знали, что и на другихъ онъ дѣйствовалъ такимъ же образомъ. Удивленіе къ таланту автора и вмѣстѣ съ тѣмъ недовольство самимъ романомъ чувствовалось почти каждымъ, кто имѣлъ терпѣніе внимательно прочитать весь романъ; а у многихъ и не доставало на то терпѣнія. Мы знаемъ поклонниковъ Теккерея, которые въ послѣднемъ его романѣ пропускали цѣлыми десятками страницы, хотя и были увѣрены, что каждая изъ этихъ небрежно перелистываемыхъ страницъ написана превосходно. Талантъ автора возбуждаетъ удивленіе, произведеніе этого таланта вызываетъ только равнодушное пренебреженіе, — это хорошій урокъ для Теккерея, который, конечно, читаетъ по русски и чрезвычайно интересуется успѣхомъ своихъ романовъ въ русской публикѣ. Безъ сомнѣнія, авторъ „Ньюкомовъ“ ожидаетъ, что скажутъ о его послѣднемъ романѣ русскіе журналы, чтобы воспользоваться ихъ замѣчаніями. Надобно предполагать, что и другіе англійскіе романисты съ интересомъ и не безъ пользы прочтутъ русскіе отзывы о писателѣ, котораго берутъ образцомъ для себя. Искренно желая успѣховъ англійской литературѣ, мы откровенно выскажемъ мысли, возбуждаемыя печальнымъ несоотвѣтствіемъ незначительнаго содержанія съ прелестнымъ разсказомъ „Ньюкомовъ“.

Мы пишемъ, какъ сказали, не для русскихъ читателей, а для самого Теккерея, который конечно, помнитъ, содержаніе своего романа, по-

тому и нѣтъ надобности пересказывать его. Да и изъ нашихъ обыкновенныхъ читателей, вѣроятно, всѣ читали или, по крайней мѣрѣ, перелистывали „Ньюкомовъ“—стало быть, и для нихъ будетъ понятна наша статья. Займемся же прямо впечатлѣніями, которыя возбуждаются послѣднимъ романомъ Теккерея.

Разсказъ, какъ мы говорили, прекрасенъ. Такъ какъ мы пишемъ свою статью собственно съ тою цѣлью, чтобъ она была прочитана г. Теккереемъ, то и распространимся предварительно въ похвалахъ достоинствамъ романа, чтобы смягчить для г. Теккерея горечь замѣчаній, которыя намѣрены мы ему сдѣлать, а также и для того, чтобы г. Теккерей не вздумалъ назвать рецензента „московитскимъ медвѣдемъ, не имѣющимъ понятія о законахъ изящнаго и требующимъ отъ искусства одной грубой утилитарности“.

„Ньюкомы“ заставляютъ насъ восхищаться вашимъ талантомъ, г. Теккерей. Отъ пролога, съ чрезвычайною прелестью составленнаго изъ соединенія нѣсколькихъ басенъ и сказокъ, до эпилога, заключающаго въ себѣ граціозное напоминаніе о прологѣ, и проникнутое задушевною теплотою обращеніе автора къ творческой фантазіи и созданнымъ ею лицамъ,—каждый эпизодъ, каждая сцена вашего романа таковы, что могли быть написаны только такимъ геніальнымъ поэтомъ, какъ г. Теккерей. Всѣ лица, выведенныя въ романѣ, живые люди, очерченные превосходно. Мы не будемъ хвалить прелестнаго monsieur де-Флорака, этого неподдѣльнаго француза, сорокалѣтняго юношу, плачущаго о томъ, что огорчаетъ своею безпутною жизнью обожаемую мать,—это лицо по достоинству было уже оцѣнено и англійскими журналами, отзывы которыхъ давно уже, конечно, прочитаны г. Теккереемъ. Но еще больше восхищаютъ насъ Эсель и полковникъ Ньюкомъ. Въ обрисовкѣ этихъ лицъ видно истинное мастерство первокласснаго художника. Эсель—дѣвушка вполнѣ милая, совершенно очаровательная. Въ комъ есть хотя искра поэзіи, тотъ не можетъ не полюбить ее. И, однако же, эта дѣвушка постепенно охлаждается къ человѣку, котораго искренно любила,—охлаждается только потому, что выйти за него значило бы сдѣлать неровный бракъ: быть женою живописца Клэйва, когда можно быть женою лорда Фаринтоша—вѣдь это ужасное пожертвованіе! Эсель дѣлается невѣстою лорда Фаринтоша. Нуженъ необыкновенный талантъ, чтобъ изобразить эту перемѣну, не уничтожая очаровательности и благородства въ молодой дѣвушкѣ,—только великіе писатели умѣютъ понять и изобразить это соединеніе прекраснаго и мелочнаго въ одномъ и томъ же сердцѣ. Только г. Теккерей могъ остаться вѣренъ жизни, изображая это положеніе, могъ заставить насъ „понять и простить“ въ романическомъ лицѣ то, что даже въ живомъ лицѣ дѣйствительнаго міра понимается и извиняется только опытнѣйшими, проницательнѣйшими знатоками жизни и человѣческаго сердца. А этотъ, по истинѣ дивный, полковникъ Ньюкомъ,—этотъ идеалъ доброты, любви, благородства, этотъ старикъ, сохранившій всю нѣжность, всю чистоту, всю пылкую самоотверженность юношескихъ своихъ лѣтъ,—какъ мастерски задумано и создано это лицо! Еслибъ г. Теккерей не написалъ ничего, кромѣ сценъ, въ которыхъ является полковникъ, этихъ однѣхъ сценъ было бы достаточно для истинныхъ цѣнителей искусства, чтобы назвать г.

Теккерея великимъ поэтомъ. Да не подумаютъ читатели, что мы говоримъ подъ вліяніемъ увлеченія,—нѣтъ, мы говоримъ холодно и безпристрастно: полковникъ Ньюкомъ—лицо, достойное самого Шекспира, который умѣлъ изображать идеалъ человѣка такъ, чтобы этотъ идеалъ былъ не безцвѣтнымъ отвлеченіемъ, не риторическою фигурою, не безплотнымъ совершенствомъ, а живымъ человѣкомъ, съ румянцемъ горячей крови на щекахъ. Это дѣло, доступное только немногимъ избраннѣйшимъ геніямъ, это высочайшая степень искусства. Да, самъ Шекспиръ позавидовалъ бы Теккерею въ томъ, что Теккерей далъ намъ этого полковника Ньюкома. Мы не хотимъ послѣ этого говорить о совершенствѣ, съ которымъ обрисованы Теккереемъ всѣ второстепенныя лица романа,—Фредъ Бейамъ, Гониманъ и его сестра, другіе родственники полковника,—начиная съ честной, холодной и практически мудрой бабушки до негодяя Барнса,—не говоримъ ни о лэди Кью, ни о m-me де-Флоракъ, ни о Розѣ, первой женѣ Клэйва, ни о ея матери, этомъ драгунѣ въ юбкѣ,—всѣ эти лица прекрасны, всѣ достойны великаго художника,—такъ, мы восхищаемся ими;—но создать полковника Ньюкома—это истинный подвигъ въ искусствѣ, это почти тоже, что создать Дездемону или Офелію.

Пусть не упрекаютъ насъ въ восторженномъ тонѣ рѣчи, —да, исполинскою силою таланта обладаетъ писатель, который создалъ полковника Ньюкома. И какою благородною, симпатичною натурою долженъ быть одаренъ человѣкъ, могшій создать полковника Ньюкома! Талантъ могучъ и возвышенъ только тогда, когда соединенъ съ благородною и сильною натурою. Можно лгать довольно складно въ прозѣ,—въ поэзіи ложь невозможна, она скажется вычурною, нелѣпою риторикою; чего нѣтъ въ душѣ автора, того не будетъ въ его созданіяхъ. И дѣйствительно, какою любовью согрѣты разсказы Теккерея! у него нѣтъ ни одной холодной страницы, у него нѣтъ ни одного мертваго слова. Радостно сочувствуетъ онъ всему живому и прекрасному. И какую прелесть даетъ эта широкая, горячая симпатичность его разсказу! Не книгу читаете вы, раскрывая „Ньюкомовъ“,—нѣтъ, вы бесѣдуете съ другомъ о его и вашихъ друзьяхъ,—онъ самъ, этотъ благородный Теккерей, котораго не можете вы не любить подъ именемъ Пенденниса, хлопочетъ о нихъ, горюетъ и радуется за нихъ—и ваша дружеская бесѣда оживлена, освящена присутствіемъ, участіемъ его милой жены, его Лауры; говоря о нихъ, онъ говоритъ о ней,—вѣдь и она любила ихъ, вѣдь она являлась ангеломъ утѣшителемъ ихъ, и его дружескій разговоръ озаряется воспоминаніемъ о его собственной, вѣчной, вѣчно-счастливой любви,—и она, краснѣя, жметъ его руку...

Боже! какъ хороши бываютъ люди! Сколько любви и счастія, сколько свѣта и теплоты!

Но... но отчего же меня утомляетъ эта сладкая бесѣда съ другомъ, котораго я такъ люблю, который такъ хорошо говоритъ?

Но... отчего же, когда я дочиталъ книгу, я радъ, что наконецъ дочиталъ ее?

Будемъ говорить прямо: бесѣда ведена была о ничтожныхъ предметахъ, книга была—пуста.

Послѣ всего сказаннаго нами о лицахъ и разсказѣ „Ньюкомовъ“, надѣемся, никто не заподозритъ насъ въ желаніи не замѣчать достоинствъ этого романа; — а кого не убѣдитъ это доказательство, тотъ можетъ повѣрить, что, конечно, мы не стали бы переводить этого огромнаго романа въ нашемъ журналѣ, еслибъ не думали, что, несмотря на всѣ свои недостатки, „Ньюкомы“ — одно изъ лучшихъ произведеній новой литературы. Дѣйствительно, романъ этотъ написанъ чрезвычайно хорошо, — съ этимъ согласятся всѣ наши читатели. Заговоривъ о его достоинствахъ, мы, хотя и старались, не могли удержаться отъ увлеченія, — и мы далеко не кончили всего, что могли бы сказать о его достоинствахъ — каждый читатель легко прибавитъ къ нашимъ похваламъ новыя похвалы, столь же справедливыя и важныя. Не только лица романа задуманы очень вѣрно природѣ и обрисованы очень отчетливо. — не только разсказъ согрѣтъ неподдѣльнымъ вдохновеніемъ автора, — о какомъ бы чисто формальномъ требованіи художественности вы ни вздумали, — каждому такому требованію романъ удовлетворяетъ почти безукоризненно. Какая въ немъ легкость и безъискусственность рѣчи! Отъ него не пахнетъ потомъ, этимъ столь противнымъ и обыкновеннымъ запахомъ такъ называемыхъ „художественно обработанныхъ“ произведеній, — въ немъ не видно ни малѣйшей претензіи со стороны автора, — этой несносной претензіи раздувающагося самолюбія, кокетничанья своею граціозностью, своимъ знаніемъ жизни или своимъ умомъ, своимъ олимпійскимъ величіемъ — о, какъ немногіе счастливцы между поэтами умѣютъ прятать эти красныя павлиньи ноги, безобразящія надутую птицу! — а какое знаніе человѣческаго сердца, какая обширная и вѣрная житейская опытность, какое богатство и разнообразіе наблюденій, какой мудрый и безпристрастный, какой широкій и любящій, какой благородный и кроткій взглядъ на жизнь, какая непреклонная правда въ разсказѣ! И если говорить о манерѣ автора, какой тонкій и милый юморъ, какая веселая и вмѣстѣ ѣдкая иронія!

Мы опять увлекаемся въ восклицательный тонъ; — дѣйствительно, если говорить о достоинствахъ Теккереева таланта и Теккереевыхъ романовъ, то нельзя говорить равнодушно, — такъ многочисленны и велики они, и въ „Ньюкомахъ“ эти достоинства обнаруживаются не менѣе блестящимъ образомъ, нежели въ „Ярмаркѣ Тщеславія“ или „Пенденнисѣ“. Однако же, невозможно остановиться на этомъ восхищеніи; нельзя забыть того назидательнаго факта, что русская публика, — которая скорѣе пристрастна, нежели строга къ Теккерею, и во всякомъ случаѣ очень хорошо умѣетъ понимать его достоинства, — осталась равнодушна къ „Ньюкомамъ“, и вообще приготовляется, повидимому, сказать про себя: „если вы, г. Теккерей, будете продолжать писать такимъ образомъ, мы сохранимъ подобающее уваженіе къ вашему великому таланту, но — извините — отстанемъ отъ привычки читать ваши романы“.

Для Теккерея, конечно, не много горя отъ такой угрозы, — онъ, бѣдняжка, въ простотѣ души и не подозрѣваетъ, сколькихъ поклонниковъ имѣетъ на Руси и сколькіе изъ этихъ поклонниковъ готовы измѣнить ему. Но было бы хорошо, еслибъ этотъ опытъ, намъ посторонній и никому не

обидный, обратилъ на себя вниманіе русскихъ писателей,—было бы хорошо, еслибъ они подумали о томъ, нельзя ли имъ воспользоваться этимъ урокомъ.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, русская публика насилу одолѣла, протирая смыкающіяся сномъ вѣжды, „Ньюкомовъ“ и рѣшительно не одолѣетъ другаго романа Теккерея въ такомъ же родѣ? Почему не принесли никакой пользы „Ньюкомамъ“ всѣ тѣ совершенства, о которыхъ нельзя говорить безъ искренняго восторга, если только говорить о нихъ?

Не вздумайте сказать: „Ньюкомы“—слишкомъ растянуты. Это объясненіе внушается слишкомъ громаднымъ размѣромъ романа, но оно нейдетъ къ дѣлу,—во-первыхъ, потому, что оно не совсѣмъ справедливо, во-вторыхъ, и потому, что ничего не объясняло бъ, еслибъ и было справедливо.

Если кто, то уже, конечно, не мы будемъ защитниками растянутости, этой чуть ли не повальной болѣзни повѣствователей нашего вѣка. Сжатость—первѣйшее условіе силы. Драма обязана преимущественно строгой ограниченности своихъ размѣровъ тѣмъ, что многіе эстетики считаютъ ее высшею формою искусства. Каждый лишній эпизодъ, какъ бы ни былъ онъ прекрасенъ самъ по себѣ, безобразитъ художественное произведеніе. Говорите только то, о чемъ невозможно умолчать безъ вреда для общей идеи произведенія. Все это правда, и мы готовы были бы причислить къ семи греческимъ мудрецамъ почтеннаго Кошанскаго, за его златое изрѣченіе: „всякое лишнее слово есть бремя для читателя“.—Но „Ньюкомы“, если и грѣшатъ противъ этого правила, и даже очень сильно грѣшатъ, то все же не больше,—напротивъ, даже меньше, нежели почти всѣ другіе современные романы и повѣсти. Не обманывайтесь тѣмъ, что „Ньюкомы“ составили 1042 страницы журнальнаго формата въ нашемъ переводѣ,—цифра дѣйствительно ужасна, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что еслибъ, вмѣсто 1042 страницъ, Теккерей написалъ на эту тему только 142, то-есть въ семь разъ меньше, то романъ былъ бы въ семь разъ лучше,—но почему мы такъ думаемъ, скажемъ послѣ,—а теперь пока замѣтимъ, что въ томъ видѣ, какой имѣетъ его романъ, вы не можете при чтеніи пропустить пяти—шести страницъ, не потерявъ нити и связи разсказа—вамъ придется воротиться назадъ и перечитать эти пропущенныя страницы. Въ иной вѣкъ это не служило бы еще особенной честью,—а въ нашъ вѣкъ безконечныхъ разведеній водою гомеопатическихъ дозъ романнаго матеріала и то уже чуть не диво. Когда то, выведенный изъ терпѣнія укоризнами многихъ тонкихъ цѣнителей изящнаго, зато, что не читалъ пресловутой „Dame aux Camélias“, рецензентъ взялъ въ руки эту книжку,—прочиталъ страницъ десять—скучно,—перевернулъ пятьдесятъ страницъ—„не будетъ ли интереснѣе тутъ, около 60 страницы“—и къ великому удовольствію замѣтилъ, что ничего не утратилъ отъ этого скачка—на 60-й страницѣ тянулось тоже самое положеніе,—или можетъ быть и другое, но совершенно такое же, какъ и на 10-й страницѣ; прочитавъ двѣ-три страницы, опять перевернулъ тридцать—опять тоже,—и дальше, и дальше по той же системѣ, и все шло хорошо, связно, плавно, какъ будто бы непрочитанныхъ страницъ и не существовало въ книгѣ. А книжка и не велика, кажется. Вотъ это можно назвать растянутостью.

Теккерея такъ читать нельзя—какъ же винить его въ растянутости? У него очень обиленъ запасъ наблюденій и мыслей,—онъ плодовитъ, „слогъ его текущъ и обиленъ“, по терминологіи Кошанскаго,—оттого и романы его очень длинны, это порокъ еще не большой, сравнительно съ другими. „Но все-таки 1042 страницы—это ужасно!“—Нѣтъ, числомъ страницъ не опредѣлишь законнаго объема книги. „Томъ Джонсъ“ или „Пиквикскій Клубъ“ не меньше „Ньюкомовъ“, а эти обширные разсказы прочитываются такъ легко, какъ самая коротенькая повѣсть. Все дѣло въ томъ, чтобы объемъ книги соотвѣтствовалъ широтѣ и богатству ея содержанія.

Но пусть „Ньюкомы“ назовутся растянутымъ разсказомъ—это слово само по себѣ ничего не объясняетъ,—оно только указываетъ на необходимость другаго объясненія, заставляетъ вникнуть въ вопросъ не о томъ, хорошо ли вообще роману имѣть 1042 страницы журнальнаго формата,—вообще ничего опредѣлительнаго нельзя сказать объ этомъ,—почему не написать и 1042 страницы, если такого широкаго объема требуетъ содержаніе?—нѣтъ, надобно вникнуть въ вопросъ о томъ, каково содержаніе романа,—можетъ ли оно занять читателя болѣе, нежели на четверть часа? О серьезномъ предметѣ можно толковать и нѣсколько дней, и нѣсколько недѣль, если онъ такъ многосложенъ,—но если пустое дѣло растянется въ такую длинную исторію, то не лучше ли бросить его? Вѣдь игра не стоитъ свѣчъ: если пустяковъ нельзя рѣшить въ пять минутъ, лучше предоставить ихъ рѣшеніе судьбѣ, чтобы не ломать головы понапрасну.

Вотъ въ этомъ-то смыслѣ для „Ньюкомовъ“ было бы лучше имѣть вмѣсто 1042 страницъ только 142. Къ сожалѣнію, Теккерею вздумалось вести съ нами слишкомъ длинную (умную, прелестную, все это такъ, но длинную) бесѣду о пустякахъ.

Сначала, мы попробуемъ доказать это съ литературной точки зрѣнія, а потомъ и съ простой житейской точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія здраваго смысла.

Восхищаясь отъ втораго до послѣдняго всѣми лицами романа, мы не упомянули о первомъ лицѣ его, о героѣ романа—сынѣ полковника Ньюкома, Клэйвѣ Ньюкомѣ. Дѣло извѣстное, что рѣже всего удается романисту очертить главное лицо романа,—герой выходитъ безцвѣтенъ. Есть этотъ грѣхъ за бѣднымъ Клэйвомъ,—блѣдноватъ выходитъ онъ сравнительно со всѣми другими лицами, изъ которыхъ каждое имѣетъ такую выразительную физіономію. Но этотъ грѣхъ, важный въ художественномъ отношеніи, очень легко прощается читателемъ, привыкшимъ къ снисходительности относительно всякихъ первостепенныхъ личностей, даже и первостепенныхъ личностей въ романахъ. На героя, именно зато, что онъ герой,—возлагаются самыя легкія требованія: пусть только служитъ онъ центромъ, около котораго группируются лица и событія, мы, пожалуй, и тѣмъ останемся довольны. Но тогда пусть онъ не имѣетъ и претензіи приковывать преимущественно къ себѣ наше вниманіе,—у Клэйва есть этотъ недостатокъ, онъ своею мизерною судьбою и своими жиденькими ощущеньицами отвлекаетъ наше вниманіе отъ другихъ лицъ, истинно интереснѣхъ,—онъ хочетъ быть не только центромъ, но и двигателемъ романа,—ну, это ему не по силамъ,—и романъ

движется—не то чтобы медленно, это бы еще ничего,—но вяло, движется къ цѣлямъ вовсе не интереснымъ. Клэйвъ хочетъ давать тонъ всему хору,—и хоръ поетъ довольно пустые мотивы, довольно безжизненнымъ, хотя и стройнымъ тономъ. Голоса хороши, но чтожъ дѣлать, если капельмейстеръ слабъ и плохъ? Полковникъ Ньюкомъ только и дѣла дѣлаетъ, что хлопочетъ объ обезпеченіи участи своего сына,—старается разбогатѣть, чтобы милый Клэйвъ могъ на досугѣ рисовать милыя картинки (Клэйвъ, видите ли, хочетъ быть живописцемъ),—хочетъ женить его на Эсели, которую Клэйвъ любитъ. Чтожъ, со стороны полковника это очень похвально; но намъ-то какое дѣло, будетъ ли однимъ посредственнымъ живописцемъ больше или меньше, и будетъ ли мистеръ Клэйвъ умѣренно-счастливъ, съ своею милою Эселью? Мы знаемъ, что бѣдный юноша не застрѣлится и не утопится, выслушавъ отъ Эсели, что она не хочетъ быть его женою,—куда ему застрѣлиться! онъ не выпьетъ даже лишней рюмки хересу съ горя,—мы не увѣрены даже, вырветъ ли онъ хотя волосокъ изъ своихъ прекрасныхъ локоновъ,—онъ будетъ плакать,—это его дѣло,—но вѣдь извѣстно, что слезы—вода для такихъ натуръ. Выйдетъ ли за Клэйва Эсель? и это слабо насъ интересуетъ: любовь такого человѣка пріятна, если хотите—почему же не желать хорошей дѣвушкѣ смирнаго и любящаго мужа? Дай Богъ ей всякаго счастья! Но, по нашему мнѣнію, миссъ Эсель очень невыгодно рекомендовала бы себя, еслибъ сходила съума отъ отчаянія, что отказала Клэйву, или восхищалась восторгомъ до седьмаго неба, удостоиваясь наконецъ счастія быть его супругою,—къ счастію она и не дѣлаетъ этого: намъ кажется, что полковникъ Ньюкомъ имѣетъ надъ ея мыслями гораздо больше власти, нежели его прекраснокудрый сынокъ, котораго, впрочемъ, и мы любимъ отъ всей души, какъ человѣка хорошаго. Мы не имѣемъ никакого основанія не любить его. Только намъ кажется, что и Эсель любитъ его не болѣе сильною любовью, нежели мы.

Но Теккерей вздумалъ питать къ нему болѣе сильное участіе. Это ошибка со стороны мистера Пенденниса,—и мы переходимъ отъ литературной точки зрѣнія къ простымъ соображеніямъ здраваго смысла,—записные любители художественныхъ разсужденій могутъ называть эти соображенія излишними, нейдущими къ дѣлу,—но для насъ, признаемся, они важнѣе и интереснѣе всѣхъ другихъ предметовъ,—мы даже скажемъ, что они-то собственно и составляютъ цѣль нашей рецензіи,—все предъидущее написано только для того, чтобы не получить отъ Теккерея укоризны за пренебреженіе къ художественнымъ совершенствамъ и условіямъ, „пренебреженіе, достойное московитскаго медвѣдя, не имѣющаго ни чувства художественной красоты, ни понятія объ ея условіяхъ“.

Съ литературной точки зрѣнія, „Ньюкомовъ“ погубилъ герой, Клэйвъ; а съ простой точки зрѣнія, погубила этотъ романъ мысль Теккерея, что великій художникъ можетъ серьезно говорить о чемъ его душѣ угодно, хотя бы о такихъ вещахъ, какъ жизнь и приключенія мистера Клэйва Ньюкома. Видите ли, все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы разсказать хорошо,—что ни разскажи хорошо, все будетъ хорошо. Хорошо или нѣтъ, пока не станемъ разбирать,—а подумаемъ только о томъ, нуженъ ли кому нибудь, интересенъ ли кому нибудь будетъ вашъ разсказъ.

Вамъ нравится говорить о мистерѣ Клэйвѣ Ньюкомѣ, потому что вы его любите. Прекрасно. Но мнѣ онъ человѣкъ посторонній,—примите же на себя трудъ сообразить, есть ли какой нибудь объективный интересъ въ вашемъ разсказѣ, интересны ли для меня, для одного изъ толпы, ваши разсказы. Мистеръ Клэйвъ восхищается, находя въ себѣ талантъ къ живописи—очень интересно это для меня! Иное дѣло, еслибъ съ дѣломъ о живописи соединялись для Клэйва серьезные, дѣйствительные, общепонятные интересы: еслибъ вы поставили это дѣло какъ вопросъ о средствахъ къ жизни, или о борьбѣ генія съ обстоятельствами, призванія съ предубѣжденіями,—о, тогда иное дѣло,—картины и живопись были бы для васъ случаемъ говорить о человѣческой жизни, о силахъ, ею управляющихъ, о бытѣ людей,—но вашему мистеру Клэйву отъ нечего дѣлать вздумалось писать картины, которыя никому не нужны (потому что плохи), да и самому ему безполезны (потому что живетъ онъ въ довольствѣ, сначала на счетъ отца, потомъ на счетъ жены)—вы такъ и ставите это дѣло: „послушайте, какъ мистеру Клэйву вздумалось, отъ нечего дѣлать, что онъ будетъ живописцемъ“ — да что же тутъ слушать?—Далѣе, мистеру Клэйву случилось полюбить миссъ Эсель,—прекрасно; что жъ, это была истинная страсть?—Да, говорите вы.—Посмотримъ. Миссъ Эсель говоритъ ему: „бросьте вашу глупую живопись, будьте офицеромъ, адвокатомъ, купцомъ, банкиромъ, членомъ парламента, чѣмъ хотите, только не живописцемъ, и я выйду за васъ, потому что вы человѣкъ хорошій; но согласитесь, вѣдь до сихъ поръ вы не занимаете никакого положенія въ обществѣ; я не хочу быть женою ничтожнаго человѣка“.—„Не могу бросить живописи, буду рисовать свои картины, которыхъ не допускаютъ на выставку за то, что онѣ плохи“, отвѣчаетъ Клэйвъ. Ну, глубока же его страсть къ Эсели! Такія положенія и страсти годятся для водевиля, для повѣсти въ водевильномъ духѣ,—но если говорить о вздорѣ серьезно, то кому же будетъ охота слушать разсказъ?

Правда, можно брать какой угодно сюжетъ,—но если сюжетъ пустъ, онъ долженъ выкупаться богатствомъ обстановки. Пусть приключенія и ощущенія Клэйва служили бы рамою для соединенія эпизодовъ болѣе глубокаго содержанія,—тогда истинное содержаніе романа состояло бы уже не въ приключеніяхъ Клэйва, а въ эпизодахъ, чуждыхъ этому пустому сюжету, связывающему ихъ внѣшнимъ образомъ. Но нѣтъ, Теккерей хотѣлъ сдѣлать содержаніемъ своего романа именно Клэйва съ его приключеніями и его никому не нужными, ни для кого не интересными ощущеніями. Тратить свой талантъ на подобные пустяки нельзя безнаказанно. Наказаніе Теккерею было то, что „Ньюкомы“ ничего не прибавили къ его славѣ,—мы говоримъ, конечно, о славѣ его въ Англіи.

Зачѣмъ написанъ этотъ романъ? спрашиваешь себя, дочитавъ его.—Ни за чѣмъ, если не за тѣмъ, что Теккерею вздумалось изъ ничего создать романъ. Въ романѣ нѣтъ содержанія, и это убиваетъ его.

„Какъ нѣтъ содержанія? А сколько въ немъ прекрасно задуманныхъ и прекрасно очерченныхъ характеровъ?“—И кромѣ того, много другаго прекраснаго: удивительное знаніе жизни и т. д., и т. д., о чемъ смотри выше. Но именно потому и досадно читать его, что въ немъ есть всѣ эти пре-

красныя вещи. Онѣ ни къ чему не служатъ, и потому ни на что не годны. Зачѣмъ, напримѣръ, выводятся всѣ эти прекрасно обрисованные характеры? Затѣмъ, чтобы вы знали, въ какихъ отношеніяхъ были они къ герою и главнымъ событіямъ романа,—а герой и событія пусты, потому и роль всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ ничтожна. Вотъ, напримѣръ, полковникъ Ньюкомъ—онъ прекрасный человѣкъ; что жъ изъ того?—ничего, онъ прекрасный человѣкъ.—А, ну такъ мы очень рады тому, что онъ прекрасный человѣкъ, но очень жалѣемъ о томъ, что не представилось ему случая сдѣлать ничего хорошаго въ романѣ—надѣемся, въ жизни онъ дѣлалъ много хорошаго, но Теккерей не почелъ нужнымъ выставить такихъ положеній и столкновеній.

Обидно за этого бѣднаго полковника, обидно за всѣхъ другихъ лицъ романа, столь прекрасно очерченныхъ—они являлись передъ нами безъ всякаго дѣла, и, какъ ненужные намъ люди, должны были умолять насъ о благосклонномъ вниманіи, считать себя осчастливленными, если мы нехотя, съ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, позволяли имъ оставаться въ нашемъ присутствіи,—бѣдные, они, кажется, каждую минуту трепетали, что читатель, наскучивъ ихъ празднословіемъ, скажетъ имъ: „извольте убираться изъ моей комнаты,—ни вамъ нѣтъ дѣла до меня, ни мнѣ нѣтъ дѣла до васъ“. Жалкая судьба! въ какое странное положеніе поставлены отсутствіемъ дѣльной мысли эти люди, которые могли бы быть такими интересными, такими дорогими для насъ гостями, еслибъ пришлось имъ говорить или дѣлать что нибудь достойное вниманія.

Въ прискорбное положеніе ставитъ себя авторъ, когда является передъ читателемъ съ празднословіемъ. Вѣдь онъ хочетъ занимать своею рѣчью общество,—а въ этомъ случаѣ неизбѣженъ выборъ между двумя положеніями; если человѣкъ не имѣетъ права сказать: „вы должны меня слушать, потому что дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, нужно и важно для васъ“, онъ долженъ заискивать празднаго вниманія слушателей, долженъ для ихъ забавы сдѣлаться сказочникомъ, потѣшникомъ,—а роль забавника, потѣшника ни мало не завидна.

Досадно видѣть, когда силы истрачиваются попусту, когда здоровый и умный человѣкъ,—лучше ужъ ничего не дѣлалъ бы онъ, если не хочетъ дѣлать чего нибудь нужнаго,—нѣтъ, онъ занимается толченіемъ воды, пересыпаньемъ изъ пустаго въ порожнее,—вырѣзываніемъ изъ очень милой цвѣтной бумаги очень милыхъ лошадокъ, овечекъ, деревцевъ, даже человѣчковъ, рисованіемъ замысловатыхъ и пріятныхъ арабескъ.

„Это капризъ таланта“—кому нужны капризы?—„Это свобода творчества“—развѣ свобода состоитъ въ празднословіи?—„Это мнѣ доставляетъ удовольствіе“—жаль, если вы не находите другаго источника удовольствія, кромѣ пустяковъ, не заслуживающихъ вниманія. „Я не нуждаюсь въ вашемъ вниманіи“—такъ зачѣмъ же напрашиваетесь на него, выставляя книгу въ окнахъ книжныхъ магазиновъ?

Такимъ-то образомъ отразились на „Ньюкомахъ“ послѣдствія ошибки, порожденной или гордостью или предубѣжденьемъ: „съ моимъ талантомъ нѣтъ надобности ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣльномъ содержаніи. Отдѣлка хороша, разсказъ прекрасенъ—чего же больше?—и романъ будетъ хорошъ“.

И романъ оказался имѣющимъ мало достоинства,—даже художественнаго достоинства. Великолѣпная форма находится въ нескладномъ противорѣчіи съ бѣдностью содержанія, роскошная рама съ пустымъ пейзажемъ, въ нее вставленнымъ. Въ романѣ нѣтъ единства, потому что нѣтъ мысли, которая связывала бы людей и событія; въ романѣ нѣтъ жизни, потому что нѣтъ мысли, которая оживляла бы ихъ.

Совѣтуемъ прочитать „Ньюкомовъ“ тѣмъ, которые думаютъ, что для романа не важно содержаніе, если есть въ немъ блестящая отдѣлка и прекрасный разсказъ. О необходимости таланта нечего и говорить, нечего говорить о томъ, что безсильный работникъ—не работникъ, что слѣпой—не живописецъ, что хромой—не танцоръ, что человѣкъ безъ поэтическаго таланта—не поэтъ. Но талантъ даетъ только возможность дѣйствовать. Каково будетъ достоинство дѣятельности, зависитъ уже отъ ея смысла, отъ ея содержанія. Если бы Рафаэль писалъ только арабески, птичекъ и цвѣтки—въ этихъ арабескахъ, птичкахъ и цвѣткахъ былъ бы виденъ огромный талантъ,—но скажите, останавливались ли бы въ благоговѣніи передъ этими цвѣтками и птичками, возвышало ли бы, очищало ли бы вашу душу разсматриваніе этихъ милыхъ бездѣлушекъ? – Но зачѣмъ говорить о васъ, будемъ говорить о самомъ Рафаэлѣ—былъ ли бы онъ славенъ и великъ, если бы писалъ бездѣлушки? Напротивъ, не говорили ли бы о немъ съ досадою, почти съ негодованіемъ: онъ погубилъ свой талантъ?

Въ настоящее время, изъ европейскихъ писателей никто, кромѣ Диккенса, не имѣетъ такого сильнаго таланта, какъ Теккерей. Какое богатство творчества, какая точная и тонкая наблюдательность, какое знаніе жизни, какое знаніе человѣческаго сердца, какое свѣтлое и благородное могущество любви, какое мастерство въ юморѣ, какая рельефность и точность изображеній, какая дивная прелесть разсказа!—колоссальнымъ талантомъ владѣетъ онъ!— все могущество таланта блестящимъ образомъ выразилось въ „Ньюкомахъ“,—и что же? останется ли этотъ романъ въ исторіи, произвелъ ли онъ могущественное впечатлѣніе на публику, заслужилъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, хотя одобреніе записныхъ цѣнителей изящнаго, которые требуютъ только художественныхъ совершенствъ отъ поэтическаго произведенія?—Ничего подобнаго не было. Равнодушно сказали цѣнители изящнаго: „въ романѣ видѣнъ огромный талантъ, но самъ романъ не выдерживаетъ художественной критики“; равнодушно дочитали его иные изъ большинства публики, иные и не дочитали. Не упомянетъ о немъ исторія, и для славы самого Теккерея было бы все равно, хоть бы и не писать „Ньюкомовъ“.

Записки объ уженьи рыбы. *С. Аксакова. Изданіе третье, съ политипажами и примѣчаніями* К. Ф. Рулье. *Москва. 1856.*

Замѣчанія московскаго охотника на ружейную охоту съ лягавою собакою. Н. Основскаго. *Изданіе второе, дополненное лечебникомъ для собакъ. Москва. 1857.*

Съ легкой руки С. Т. Аксакова, читающая публика полюбила сочиненія объ охотѣ, и у насъ въ короткое время образовалась своя дѣльная

литература по этому предмету. Одни сочиненія, какъ книга В. Вакселя, о которой мы своевременно отдали отчетъ, говорятъ объ охотѣ вообще, другія объ охотѣ въ данной мѣстности. Дѣятелями на поприщѣ послѣдней явились господа Аксаковъ и Основскій. Труды двухъ послѣднихъ напечатаны нынѣ новыми изданіями и пополнены спеціалистомъ въ изученіи животныхъ, К. Ф. Рулье. Значитъ, есть въ нихъ и научный интересъ, который, конечно, увеличивается самыми примѣчаніями. Первое изданіе обоихъ сочиненій оцѣнено уже публикою, и потому намъ нѣтъ надобности говорить объ нихъ подробнѣй,—скажемъ только, что оба труда пополнены новыми статьями. „Записки объ уженьи"—статьей К. Ф. Рулье о ходѣ рыбы противъ теченія воды, которая кидаетъ яркій свѣтъ на одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій въ жизни рыбъ, почитаемое обыкновенно загадочнымъ и инстинктивнымъ, которое г. Аксаковъ описываетъ въ мастерской картинѣ. Приложены политипажи, изъ которыхъ нѣкоторые превосходны.

Книга г. Н. Основскаго пополнена лечебникомъ для собакъ, украшена хорошими литографіями и отличается спокойнымъ, всестороннимъ изложеніемъ естественной исторіи изображенныхъ птицъ съ особенными замѣчаніями относительно жизни ихъ въ Московской губерніи, что даетъ возможность сравнивать ихъ съ образомъ жизни тѣхъ же птицъ въ Оренбургской губерніи („Записки Оренбургской ружейной охоты" г. Аксакова), Воронежской губерніи (диссертація г. Сѣверцова), Харьковской губерніи (профессора Чернова) и Кіевской (Кесслера).

Биржевыя операціи. *Соч.* В. Безобразова. *Москва. 1856.*

Со временъ Ло, страсть къ биржевымъ операціямъ никогда не овладѣвала въ такой степени умами парижскаго населенія, какъ въ послѣдніе два—три года. Парижская биржа превратилась въ истинный игорный домъ, или „адъ", какъ называется на техническомъ языкѣ мѣсто, гдѣ ведутся запрещенныя азартныя игры. Долго радовались этому, такъ называемому „развитію духа промышленности и предпріимчивости" люди, ослѣпленные одностороннею теоріею, и ловкіе интриганты, находившіе свою выгоду въ развращеніи общественныхъ нравовъ. Наконецъ, биржевая игра достигла такихъ ужасныхъ размѣровъ, что грозила погибелью не только сотнямъ отдѣльныхъ людей,—она уже погубила тысячи, развратила десятки тысячъ людей,—но и паденіемъ всей системѣ французскихъ кредитныхъ учрежденій, банкротствомъ всей французской торговлѣ и промышленности, разореніемъ государственной казнѣ. Устрашенное этою перспективою, французское правительство увидѣло необходимость принять мѣры для обузданія пагубной страсти. Оно выразило свое неодобреніе, оно думаетъ обложить пошлиною всѣ биржевыя сдѣлки, чтобы прекратить возможность фальшивой продажи кредитныхъ бумагъ со стороны не имѣющаго ихъ, и фальшивой покупки со стороны не имѣющаго ни денегъ, ни намѣренія дѣйствительно купить ихъ.

Основной механизмъ биржевой азартной игры очень простъ. Государственные фонды и акціи промышленныхъ предпріятій постоянно колеблются въ цѣнѣ, сообразно различнымъ финансовымъ и политическимъ обстоятельствамъ. И вотъ, положимъ 20 числа, сходятся на биржѣ два человѣка,—

оба безъ большихъ наличныхъ денегъ, оба безъ всякихъ билетовъ государственнаго долга, безъ всякихъ акцій въ карманѣ, но съ желаніемъ спекулировать. Положимъ, что трехъ-процентныя облигаціи государственнаго долга (номинальная цѣна которыхъ 100 франковъ) продаются 20 числа по семидесяти франковъ—къ 1 числу слѣдующаго мѣсяца поднимутся онѣ въ цѣнѣ, или упадутъ? и если упадутъ или поднимутся, то на сколько именно? Одинъ думаетъ, что 1-го числа онѣ будутъ продаваться по 72 франка, или выше. Другой полагаетъ, что онѣ будутъ стоить тогда не болѣе 71 франка. И вотъ, эти люди заключаютъ между собою условіе: тотъ, который думаетъ, что облигаціи будутъ стоить болѣе 72 франковъ, обязывается взять у другаго, думающаго, что онѣ будутъ тогда стоить менѣе 71 франка, 1,000 облигацій по 71 франку, а этотъ обязывается продать ихъ ему. Приходитъ первое число мѣсяца. Цѣна облигацій 70 франковъ съ половиною,—и такъ, обязавшійся купить долженъ взять ихъ, по условію, пятьюдесятью сантимами дороже дѣйствительной цѣны,—онъ проигрываетъ (по $^1/_2$ франка на каждой облигаціи) 500 франковъ,—столько же выигрываетъ продающій. А если бы цѣна облигацій была 68 франковъ, проигрышъ одного и выигрышъ другаго равнялся бы 3 франкамъ на каждую облигацію,—всего, равнялся бы суммѣ въ 3,000 франковъ. Напротивъ, будь цѣна облигацій выше 71 франка, проигралъ бы продавшій, выигралъ бы купившій. Ни тотъ, ни другой не имѣютъ денегъ и намѣренія дѣйствительно покупать или продавать облигаціи,—они имѣли въ виду только этотъ выигрышъ отъ разницы между условной цѣной, по которой заключена сдѣлка, и дѣйствительной цѣной облигаціи въ назначенный срокъ, и весь разсчетъ между ими состоитъ въ томъ, что проигравшій уплачиваетъ выигравшему сумму проигрыша.

Это, какъ видимъ, не покупка и не продажа,—это не болѣе, какъ пари о томъ, какова будетъ цѣна облигацій въ назначенный срокъ.

Мы говорили объ основномъ видѣ биржевой игры,—онъ усложняется разными условіями и правилами, такъ что формы сдѣлокъ становятся чрезвычайно разнообразны, но сущность ихъ остается всегда одна и та же; всѣ онѣ—пари о томъ, какова будетъ черезъ нѣсколько времени цѣна государственныхъ облигацій или акцій какого нибудь промышленнаго предпріятія.

Огромные размѣры, которыхъ въ послѣднее время достигла игра на парижской биржѣ, вызвали всеобщее вниманіе къ этому явленію. Въ различныхъ нашихъ журналахъ за прошлый годъ явилось нѣсколько статей о биржевыхъ спекуляціяхъ и операціяхъ. Изъ этихъ статей, лучшія были написаны г. В. Безобразовымъ и напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Книжка, заглавіе которой мы привели выше,—отдѣльный оттискъ этихъ статей. Рекомендуемъ ее всѣмъ желающимъ ближе познакомиться съ биржевыми оборотами.

Труды членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ. *Томъ III. Спб. 1857.*

Изъ статей, помѣщенныхъ въ третьемъ томѣ „Трудовъ русской миссіи въ Пекинѣ“, первая и важнѣйшая по содержанію—„Событія въ Пекинѣ при паденіи минской династіи“, г. М. Храповицкаго. Разсказъ этотъ составленъ по документамъ, сохранившимся отъ того времени.

Паденіе минской династіи совпадаетъ съ завоеваніемъ Китая манджурами, которые съ того времени господствуютъ въ Китаѣ. Эти событія совершились въ 1644 году.

Послѣднимъ государемъ Минской династіи былъ Чунъ-чжэнъ, царствовавшій уже около 17 лѣтъ, когда послѣдовалъ рѣшительный переворотъ, лишившій его престола и жизни. Причиною паденія была излишняя довѣрчивость Чунъ-чжэна къ окружающимъ его вельможамъ и бѣдствія народа, угнетаемаго ими; имперія волновалась, но Чунъ-чжэнъ ничего не зналъ о томъ въ своемъ дворцѣ:

„Возмущенія, заранѣе происходившія въ разныхъ концахъ Имперіи, требовали особенной бдительности и усилій правительства; но государь, котораго едва ли не единственнымъ недостаткомъ были излишняя доброта и кротость, слабо смотрѣлъ за окружающими его престолъ вельможами и часто не могъ видѣть дѣлъ въ настоящемъ ихъ видѣ изъ-за темнаго покрова, которымъ недостойные, но любимѣйшіе сановники закрывали ему глаза; даже въ то время, когда мятежники овладѣли областнымъ городомъ *Чжэнъ-динъ-фу* и находились отъ столицы на разстояніи только 300 кит. верстъ, всѣ молчали объ этомъ и государь уже послѣ узналъ объ этой потерѣ. Поэтому дворъ не слишкомъ безпокоился и смотрѣлъ на дѣла въ уменьшительное стекло; но тѣмъ тревожнѣе было его пробужденіе, когда надо было дѣйствовать рѣшительно и смѣло, когда опасность была передъ глазами“.

Ли-дзы-чэнъ, предводитель мятежниковъ, приближался уже къ Пекину съ юга; въ тоже время взбунтовались войска, стоявшія къ сѣверу отъ Пекина,—это было въ концѣ марта 1644.

„При двойной опасности съ сѣвера и юга, жители столицы пришли въ сильное волненіе; не безпокоились, кажется, только одни главнѣйшіе сановники: они спокойно засѣдали въ своихъ Палатахъ и, какъ всегда, заняты были мыслію о своей важности; дѣла государственныя какъ будто не касались ихъ; государь былъ неспокоенъ, но не имѣлъ столько силы воли и мудрости, чтобъ рѣшительными распоряженіями заставить бояться и уважать себя, сдѣлаться дѣйствующимъ лицомъ въ это трудное время и стать во главѣ противодѣйствія мятежу. Онъ былъ не способенъ къ тому, напротивъ, еще болѣе прежняго полагался на усердіе окружавшихъ его евнуховъ и другихъ сановниковъ, которые и довершили паденіе династіи. Въ столицѣ начали принимать мѣры предосторожности, но какія? Онѣ состояли въ тщательномъ дозорѣ и забираніи подъ стражу лицъ подозрительныхъ, въ усиленіи правилъ взаимнаго обезопасенія жителей, въ запрещеніи ходить ночью по улицамъ, въ свидѣтельствованіи казнохранилищъ и магазиновъ. Что касается до мятежниковъ, то только повелѣно было командующему войсками въ Чжэнь-шо наблюдать за дѣйствіями и направленіемъ ихъ“.

Овладѣвая городами и укрѣпленіями, стоявшими на ихъ пути, мятежники приближались къ Пекину. Войска императора большею частью измѣняли ему; жители провинцій присоединялись къ мятежникамъ; правительство не имѣло ни денегъ, для энергическаго веденія войны, ни возможности заготовить хлѣбъ для пропитанія жителей и гарнизона столицы на время осады. Оно надѣялось на пожертвованія,—но высшіе сановники первые подавали примѣръ равнодушія къ общему дѣлу и корыстолюбія. Тогда императоръ издалъ слѣдующій манифестъ, объясняющій причины волненія и обѣщающій устраненіе этихъ причинъ на будущее время:

„Уже семнадцать лѣтъ, какъ я наслѣдовалъ великій законъ правленія; въ глубинѣ сердца помышляя о величіи Верховнаго Царя, низводящаго и возводящаго Царей,—о важности порученія, возложеннаго на меня отъ предковъ,—я трепещу днемъ

и ночью, не дерзая предаться безпечности. Между тѣмъ бѣдствія слѣдуютъ одно за другимъ, духъ мятежа день ото дня распространяется подобно пламени. Забывъ благодѣяніе воспитанія въ продолженіи столькихъ поколѣній, мятежники свирѣпствуютъ двадцать лѣтъ съ жаждою неистовства: простить ихъ—дѣлаются еще надменнѣе, приласкать—вдругъ поднимаютъ бунтъ, и, что̀ всего гибельнѣе, заражаютъ другихъ тѣмъ же мятежнымъ духомъ, а вновь увлеченные ими вовсе забываютъ при этомъ долгъ мести бунтовщикамъ. Я—отецъ и мать народа и не могу прикрыть своихъ птенцовъ крыльями; народъ—мои дѣти и не могутъ защитить и охранить меня. Губерніи Шань-си и Хэ-нань представляютъ груды развалинъ, губерніи Цзянъ-нань и Ху-гуанъ подверглись гибели и злодѣйствамъ; если виною всего этого не я, то кто же приметъ вину на себя? По этому острыя стрѣлы, поражающія народъ, смерть его въ огнѣ и водѣ, кровь, текущая потоками, трупы, образовавшіе собою цѣлыя горы—все это моя вина. Пожертвованія корма для лошадей и продовольствія для войскъ, перевозка войска и провіанта и вспомоществованіе войску въ пути, множество прибавочныхъ налоговъ безъ средствъ къ пріобрѣтенію достоянія, обременительные займы казны на предварительное обезпеченіе будущихъ нуждъ государства—опять моя вина. Жилища народа, пустыя какъ висячій колоколъ, совершенно заброшенныя и заросшія травою поля, бѣдствія пожара безъ дверей для спасенія, вопли, вынужденные жестокостью холода и вѣтра, и въ слѣдъ за ними лишеніе жизни—опять моя вина. Постоянный ропотъ на неурожайные годы, засухи и наводненія, взаимно смѣняющіяся, безпрерывныя войны, гибель отъ заразительныхъ болѣзней, нарушеніе согласія между небомъ и землею, отсюда всеобщія жалобы—опять моя вина. Что касается до властей, занимающихъ высшія должности и не соблюдающихъ закона,—до низшихъ чиновниковъ, не знающихъ честности, до совѣтниковъ государственныхъ, которые лишь двигаютъ головою и разсуждаютъ безтолково,—до надменныхъ военачальниковъ, которые угнетаютъ слабыхъ и не совершаютъ никакихъ подвиговъ; то этому причиною то, что я въ управленіи потерялъ истинный законъ и не возбудилъ въ сердцахъ истинной благодарности. Думая объ этомъ день и ночь, я не нахожу мѣста для успокоенія. Теперь я объявляю всей имперіи, что отнынѣ я возложу на себя бо̀льшія заботы и труды, глубоко вникну въ прежнія ошибки, буду особенно заботиться о добродѣтели, хранить древніе уставы, чтобъ утолить скорбь и стенанія, идти путемъ человѣколюбія, чтобъ привлечь сердца людей, уничтожу прибавочныя повинности, чтобъ укрѣпить силы народа. Что касается до сборовъ на продовольствіе войскъ, то они вынуждены лишь необходимостью, поэтому главные правители губерній, взывая народъ къ пожертвованіямъ, не должны нарушать закона успокоенія и питанія. Если же нѣкоторые изъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ будутъ прибавлять хоть каплю къ сборамъ,—незаконно и самовольно собирать повинности, или будутъ извращать уставы о штрафахъ и несправедливо подвергать казнямъ, и такимъ образомъ доводить народъ до того, что онъ не радъ будетъ жизни, то такихъ немедленно предавать суду. Если будутъ между народомъ такіе, которые станутъ перебѣгать изъ одного мѣста въ другое, то не только освобождать ихъ отъ взысканія повинностей, но еще стараться пріютить ихъ и оказать имъ вспоможеніе, чтобъ они не были вынуждены оставить свое мѣстопребываніе. Что касается до чиновниковъ, за разныя преступленія лишенныхъ должностей, то если между ними есть честные, вѣрные, справедливые и прямодушные, некорыстолюбивые и способные, которые достойны того, чтобъ употребить ихъ на должности,—о такихъ Палаты Чиновъ и Военная должны представить, по тщательномъ изслѣдованіи, и опредѣлить. Если между лицами, вышедшими изъ незнатнаго рода, будутъ отлично храбрые, которые возьмутъ обратно какой либо городъ, то такимъ открыть доступъ къ полученію чиновъ, переходящихъ по закону къ потомкамъ; если тѣ, которые подпали общему бѣдствію и присоединились къ мятежникамъ, оставятъ ихъ, обратятся на путь законный и возвратятся, то простить имъ преступленіе и дать возможность оказать заслуги; если кто представитъ главу мятежниковъ живаго или мертваго, то такого наградить достоинствомъ *Хоу*. Вѣрность государю и любовь къ отечеству общи сердцамъ всѣхъ; при омытіи посрамленія и уничтоженіи бѣдствій, кто не раздѣлитъ общаго труда? Получивъ великія милости отъ предковъ, пусть всѣ постараются содѣйствовать великому дѣлу полнаго усмиренія государства!“

Но было уже поздно: непріятели шли прямо на столицу и „сердца людей затрепетали“.

„Государь каждый день призывалъ сановниковъ для совѣщанія, но совѣтники ограничивались самыми пустыми предложеніями, какъ было и въ прежнихъ собраніяхъ. При этомъ высшіе сановники старались удержать низшихъ отъ лишнихъ рѣчей,—желали зажать имъ ротъ,—а низшіе хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы, чрезъ угожденіе высшимъ, снискать ихъ милость и имѣть надежды на хорошее будущее. Потому при всякомъ совѣщаніи низшіе чиновники, въ виду своихъ начальниковъ, только старались показать свое смиреніе, а большая часть изъ нихъ вовсе молчала. Государь ясно видѣлъ, что не было людей, желавшихъ поддержать его въ это трудное время, и, по окончаніи каждаго совѣщанія, съ горькими слезами возвращался во дворецъ“.

Мятежники подступили къ стѣнамъ столицы; гарнизонъ защищался слабо; сановники большею частью измѣняли и присоединялись къ мятежникамъ, успѣхъ которыхъ предвидѣли; наконецъ, внѣшній городъ былъ взятъ,—надежды на спасеніе не оставалось. Собственною рукою, Чунъ-чжэнъ убилъ любимую жену, потомъ другихъ женъ и дочерей своихъ, чтобы не достались онѣ на позоръ мятежникамъ,—послѣ того, лишилъ и себя жизни, кровью изъ своего пальца написавъ на верхней полѣ платья: „Уже 17 лѣтъ я „сидѣлъ на престолѣ, какъ мятежники стѣснили столицу. Правда, мои добро„дѣтели ничтожны, и я возбудилъ гнѣвъ Верховнаго Неба; но причина всего „этого въ томъ, что Чины вводили меня въ обманъ. Пусть мятежники раз„дробятъ на части мой трупъ, но не наносятъ вреда ни одному изъ на„рода“.

Между тѣмъ, мятежники овладѣли всѣми частями города. Они жгли, грабили, рѣзали, неистовствовали всячески. Множество людей, особенно женщинъ, лишали себя жизни, чтобъ избѣгнуть мученій и позора. Ли-дзы-чэнъ, предводитель инсургентовъ, принималъ самыя энергическія мѣры для укрощенія буйства своихъ солдатъ, но не могъ удержать ихъ. Тѣла Чунъ-чжэна и его первой жены были похоронены имъ со всѣми почестями. Вскорѣ начались жестокія истязанія чиновникамъ и богатымъ людямъ, чтобы вынудить ихъ къ отдачѣ денегъ въ казну Ли-дзы-чэна.

Одинъ изъ провинціальныхъ правителей, У-сань-гуй, остался вѣренъ дѣлу Минской династіи. Видя невозможность собственными силами противиться мятежникамъ, овладѣвшимъ столицею, онъ обратился за помощью къ манджурамъ. Ли-дзы-чэнъ самъ пошелъ противъ него изъ Пекина съ огромными силами, и побѣдилъ отрядъ У-сань-гуя; но манджуры уже приближались, соединились съ У-сань-гуемъ, и началась рѣшительная битва. Сильный отрядъ манджуровъ, ударивъ на правый флангъ Ли-дзы-чэна, склонилъ побѣду на сторону У-сань-гуя. Ли-дзы-чэнъ бѣжалъ въ Пекинъ; манджуры шли по его слѣдамъ. Будучи не въ силахъ удержаться въ столицѣ, Ли-дзы-чэнъ зажегъ императорскій дворецъ и велѣлъ своимъ войскамъ безпощадно рѣзать всѣхъ жителей покидаемаго города. Пекинъ съ окрестностями представлялъ одно огненное море. Говорятъ, что вопли убиваемыхъ слышались за нѣсколько десятковъ верстъ. Къ счастью для пекинцевъ, на третій день показались въ виду столицы манджуры; они явились спасителями жителей отъ неистовства грабителей и заняли городъ безъ сопротивленія. Манджурскій князь объявилъ себя правителемъ государства, пославъ У-сань-

гуя преслѣдовать бѣжавшаго Ли-дзы-чэна. Съ этого времени начинается владычество манджуровъ въ Китаѣ.

Такъ быстро и легко овладѣли манджуры громадною имперіею, воспользовавшись внутренними раздорами, ее раздиравшими.

За разсказомъ о паденіи Минской династіи, въ третьемъ томѣ „Трудовъ членовъ пекинской миссіи“ слѣдуютъ статьи о соляномъ производствѣ въ Китаѣ, іеромонаха Цвѣткова; о разведеніи китайскаго картофеля и благовоннаго пшена, г. Гошкевича; о болеутолительныхъ средствахъ и гидропатіи въ Китаѣ, г. Татаринова; „Записки китайца о Нангасаки“, іеромонаха Цвѣткова; о христіанствѣ въ Китаѣ, несторіанскомъ памятникѣ VII вѣка и о домашнихъ обрядахъ китайцевъ, его же, и проч. Всѣ онѣ довольно кратки, кромѣ послѣдней, излагающей со всѣми подробностями домашніе обряды китайцевъ, именно: обрядъ надѣванія шапки (на мальчика) и украшенія головы (дѣвушки) иглою (эти церемоніи означаютъ, что лицо, надъ которымъ онѣ совершаются, достигло совершеннолѣтія), далѣе: бракъ и похороны.

Представляя въ этой книжкѣ „Современника“ разсказы Гюка о Китаѣ, мы не будемъ дѣлать извлеченій изъ этихъ нравоописательныхъ и статистическихъ статей, и замѣтимъ только, что многія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія, не лишенныя интереса. Свѣдѣнія эти тѣмъ важнѣе, что почти всѣ переведены изъ китайскихъ книгъ и, слѣдовательно, должны передавать обычаи и занятія китайцевъ съ совершенною точностью.

Новый опытъ о богатствѣ народномъ. Гавріила Каменскаго, *бывшаго агента министерства финансовъ въ Лондонѣ. Спб. 1856.*

Г. Каменскій, въ предисловіи къ своей книгѣ, говоритъ о ней, какъ о самостоятельномъ сочиненіи. На самомъ же дѣлѣ, его книга только неполный переводъ извѣстнаго сочиненія Милля, какъ уже было замѣчено г. Бабстомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 11).

Сочиненія Т. Н. Грановскаго. *Томъ II. Москва. 1856.*

Въ этомъ томѣ, которымъ заключается собраніе сочиненій Грановскаго, бывшихъ напечатанными при жизни автора, помѣщены критическія статьи его, которыя являлись первоначально въ „Современникѣ“ и другихъ журналахъ, и статьи для дѣтскаго чтенія, которыя напечаталъ онъ въ „Библіотекѣ для воспитанія“. Черезъ нѣсколько времени мы надѣемся подробнѣе говорить о содержаніи этого тома.

Руководство къ познанію дѣйствующихъ русскихъ государственныхъ, гражданскихъ, уголовныхъ и полицейскихъ законовъ, *составленное* О. Проскуряковымъ. *Второе изданіе, съ измѣненіями и дополненіями. Спб. 1856.*

По отзывамъ юристовъ, сочиненіе г. Проскурякова—лучшая учебная книга нашего законодательства. Этотъ отзывъ подтверждается тѣмъ, что вскорѣ послѣ перваго изданія, автору надобно было сдѣлать второе. Онъ включилъ въ него вновь вышедшія постановленія и, кромѣ того, во многихъ мѣстахъ улучшилъ изложеніе.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Январь 1857 г.

„Отечественныя записки“ (Дудышкинъ) о Тургеневѣ.—„Богданъ Хмѣльницкій“, Костомарова.—„Столичные родственники“, Григоровича.

Очень много написано было въ послѣдніе годы о старыхъ нашихъ авторахъ, сочиненія которыхъ теперь служатъ болѣе памятниками прошедшаго, нежели чтеніемъ современной публики. Ломоносовъ и Сумароковъ, Тредьяковскій и Кантемиръ, Лукинъ и Княжнинъ, и проч. и проч. становились поочередно предметомъ внимательнаго изслѣдованія. Это было хорошо; но дурно было то, что, углубившись въ старину, мы забывали о настоящемъ. Почти ни одинъ изъ писателей, дѣйствующихъ нынѣ, не былъ оцѣненъ надлежащимъ образомъ. О г. Тургеневѣ, г. Григоровичѣ, г. Островскомъ, г. Писемскомъ и другихъ нашихъ современникахъ, вообще вы найдете въ журналахъ только отзывы или слишкомъ краткіе, или слишкомъ поверхностные. Пора намъ перестать довольствоваться такими бѣглыми замѣчаніями, пора заговорить съ должнымъ вниманіемъ о дѣятельности писателей, которые въ исторіи литературы занимаютъ, конечно, не менѣе важное мѣсто, нежели писатели предшествовавшихъ періодовъ, сочиненія которыхъ для насъ гораздо важнѣе, нежели все то, что писалось сорокъ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ и уже не читается теперь.

Съ этой точки зрѣнія, мы очень рады появленію, въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“, большой статьи г. Дудышкина о сочиненіяхъ г. Тургенева. Она еще не кончена въ этой книжкѣ,—но взглядъ критика на автора „Записокъ Охотника“ уже совершенно выразился въ той части разбора, которую прочли мы.

Г. Дудышкинъ очень справедливо считаетъ интереснѣйшимъ для критики вопросъ о томъ, какое воззрѣніе на жизнь выразилось въ произведеніяхъ писателя. Онъ считаетъ первою обязанностью критика опредѣлить отношеніе писателя къ современной идеѣ. — „Стать въ уровень съ идеею въ томъ объемѣ, какъ она выработана современною наукою, современною жизнью, въ томъ значеніи, которое она получаетъ, какъ послѣднее слово исторіи—это одна изъ первыхъ потребностей и вмѣстѣ заслугъ каждаго

писателя. Кто не имѣетъ никакого отношенія къ этой идеѣ, тотъ не имѣетъ и значенія въ современной литературѣ"—это понятіе очень справедливо.—„Но, продолжаетъ критикъ,—стать на высотѣ современной идеи нашему русскому писателю еще недостаточно, по крайней мѣрѣ, не значитъ рѣшить вопросъ окончательно. Нашъ писатель долженъ показать отношеніе идеи къ той почвѣ, на которой заставляетъ онъ идею жить, къ тому обществу, которое должно служить ей обстановкой"—и это правда; одно только выраженіе въ этихъ словахъ кажется намъ не совсѣмъ точнымъ: *„нашему русскому* писателю недостаточно... *нашъ* писатель долженъ". Почему жъ именно „нашъ" писатель, а не вообще всякій писатель, всякой націи долженъ опредѣлить отношеніе идеи къ обществу, имъ изображаемому? Эта обязанность равно лежитъ и на нѣмецкомъ, и на англійскомъ и французскомъ писателѣ, и ни одинъ изъ ихъ замѣчательныхъ писателей не уклонялся отъ нея,—если у китайцевъ или персіянъ есть въ настоящее время замѣчательные писатели, то, конечно, и они показываютъ отношеніе своихъ идеаловъ къ изображаемому ими обществу. Или, при опредѣленіи отношенія идеала къ жизни, на русскомъ писателѣ лежатъ какія-нибудь особенныя условія, которыми не обязаны стѣсняться другіе писатели? Кажется, что критикъ думаетъ такъ:—„что, если эти отношенія будутъ чисто отрицательныя, какъ тогда примирить ихъ?" продолжаетъ онъ.—„А если писатель найдетъ, что между ними можетъ быть гармонія, то въ какія формы облечетъ онъ свои идеи?"—Если не ошибаемся, въ этихъ словахъ уже выражено мнѣніе, что идеалъ непремѣнно долженъ представляться у писателя, о которомъ говоритъ критикъ, гармонирующимъ съ окружающею его жизнью. Если это условіе имѣлъ онъ въ виду, то едва ли можно назвать его мнѣніе справедливымъ. Почему жъ идеалъ необходимо долженъ представляться примиреннымъ съ дѣйствительностью? Этого примиренія въ такомъ смыслѣ, какъ понимается оно обыкновенно людьми, требующими его, нѣтъ даже у Шекспира, не только величайшаго, но и спокойнѣйшаго изъ всѣхъ поэтовъ. Ни одинъ изъ его идеаловъ не умѣетъ устроить свои дѣла такъ, чтобы жить да поживать въ довольствѣ и благополучіи. Гамлетъ и Офелія, Ромео и Джульетта, Отелло и Дездемона,—всѣ они надѣлали много хлопотъ и горя и себѣ и другимъ, ни одного изъ нихъ Шекспиръ не могъ поставить „въ гармонію съ обстановкою". Зачѣмъ же налагать на русскаго писателя обязанность, которой не исполнялъ самъ, это невозмутимо спокойный, геній Шекспира? Намъ кажется, что г. Дудышкинъ не совсѣмъ правъ, приготовляясь выражать неодобреніе современному писателю, у котораго не найдетъ „гармоніи идеала съ обстановкою" — ни у какого писателя, никакой націи и эпохи не найдетъ онъ этой гармоніи;—или поголовно осудитъ онъ всѣхъ поэтовъ, отъ Гомера по 1857 годъ включительно?

Опредѣливъ такимъ образомъ свои требованія, г. Дудышкинъ хочетъ опредѣлить черты идеала, изображаемаго г. Тургеневымъ, но прежде считаетъ нужнымъ объяснить, каковы были господствующіе литературные взгляды въ то время, когда явились первыя произведенія господина Тургенева. Тутъ слѣдуютъ выписки изъ „Отеч. Записокъ" 1841—1845 годовъ, и г. Дудышкинъ подсмѣивается надъ неосновательностью мнѣній, какія тогда вы-

ражались журналомъ, который теперь украшается прекрасными статьями г. Дудышкина. Журналъ съ пренебреженіемъ отзывается о своемъ прошедшемъ—это вообще было бы неловко; а когда прошедшее журнала имѣетъ неоспоримое и высокое достоинство, это и несправедливо. Неужели прошедшее „Отеч. Записокъ“ такъ забавно, что сами „Отеч. Записки“ не могутъ вспомнить о немъ безъ улыбки сожалѣнія? Но какое намъ дѣло до того, уважаютъ ли „Отечественныя Записки“ свое прошедшее! Въ настоящемъ случаѣ жаль только, что эта насмѣшка вовлекла г. Дудышкина въ нѣкоторыя ошибки при опредѣленіи идеала, изображаемаго г. Тургеневымъ. Выписавъ изъ „Отеч. Записокъ“ старыхъ годовъ сужденія о герояхъ Баратынскаго и Лермонтова и посмѣявшись надъ этими сужденіями, г. Дудышкинъ рѣшаетъ, что главныя лица многихъ повѣстей г. Тургенева сходны съ героями Баратынскаго и Лермонтова, что повѣсти г. Тургенева принадлежатъ той же литературной школѣ, какъ „Герой нашего времени“. — На какомъ же это основаніи?— На томъ, что всѣ ихъ главныя лица „лишніе люди“, не находящіе себѣ счастія и благотворнаго труда въ жизни. Послѣ того и „Гамлетъ“, вѣроятно, покажется написаннымъ подъ вліяніемъ литературной школы, къ которой принадлежалъ Лермонтовъ, — вѣдь Гамлетъ тоже лишній человѣкъ. Какимъ же образомъ явилась эта натяжка? Г. Дудышкинъ предполагаетъ, во-первыхъ, что всѣ главныя лица мужескаго пола во всѣхъ повѣстяхъ г. Тургенева, отъ „Андрея Колосова“ до „Рудина“— изображаются г. Тургеневымъ, какъ идеалы;—во-вторыхъ, что всѣ эти лица списаны съ одного и того же типа. Вотъ до какихъ предубѣжденій доводитъ односторонняя теорія! Но какое же сходство между Пасынковымъ и Вязовкинымъ, между Рудинымъ и Бреттеромъ? и возможно ли сказать, что хотя одно изъ этихъ лицъ выставлено идеаломъ? Ничего подобнаго и не бывало. И какое же сходство между мыслью тѣхъ повѣстей, въ которыхъ дѣйствуютъ эти лица, и мыслью „Героя нашего времени?“ Всѣ выводы эти основаны на недоразумѣніи. Г. Дудышкинъ читалъ въ старыхъ „Отечеств. Запискахъ“ и въ первыхъ годахъ „Современника“, что Евгеній Онѣгинъ смѣнился въ нашемъ обществѣ и литературѣ Печоринымъ, Печоринъ—Бельтовымъ,—недавно прочелъ онъ въ „Современникѣ“, что за этими типами послѣдовалъ Рудинъ—онъ вздумалъ развить эту параллель,—но понялъ ее вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ она высказывалась; ему вздумалось, что Печоринъ списокъ съ Онѣгина, что Бельтовъ—списокъ съ Печорина,—естественнымъ продолженіемъ такой ошибки было, что и въ Рудинѣ ему вздумалось видѣть списокъ съ Печорина. Но параллель между ими проводилась вовсе не затѣмъ, чтобы показать ихъ одинаковость—сходства между этими четырьмя людьми четырехъ разныхъ эпохъ общественнаго развитія, вовсе нѣтъ—а затѣмъ, чтобы показать различіе между характеромъ эпохъ, которымъ принадлежатъ они. Онѣгинъ скучаетъ потому, что онъ, хотя и добрый, по въ сущности пустой человѣкъ, начитавшійся Байрона и избалованный обществомъ. Чего ему хочется, о чемъ онъ тоскуетъ—онъ самъ не знаетъ,—а въ сущности онъ скучаетъ о томъ, что не о чемъ ему погоревать серьезно, о томъ, что въ головѣ у него нѣтъ сильной мысли, а сердце его износилось отъ волокитства. Печоринъ человѣкъ совершенно другаго ха-

рактера и другой степени развитія. У него душа дѣйствительно очень сильная, жаждущая страсти; воля у него дѣйствительно твердая, способная къ энергической дѣятельности,—но онъ заботился только лично о самомъ себѣ. Никакіе общіе вопросы его не занимаютъ. Надобно ли говорить, что Бельтовъ совершенно не таковъ, что личные интересы имѣютъ для него второстепенную важность? Но Бельтовъ еще не находитъ никакого сочувствія себѣ въ обществѣ, и мучится тѣмъ, что ему совершенно нѣтъ поля для дѣятельности. Всѣ эти три типа были изображены, какъ идеалы. Рудинъ изображенъ вовсе не идеаломъ—только въ концѣ повѣсти авторъ нѣсколько смягчается къ выведенному имъ типу и, думая, что уже съ достаточною силою выставилъ его недостатки, говоритъ, что было въ немъ и нѣчто хорошее,—именно, его пламенная ревность трудиться, трудиться неутомимо,—но, прибавляетъ онъ, возвращаясь къ прежней точкѣ зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на него во все продолженіе разсказа,—но эта ревность мало принесла пользы, потому что у Рудина не доставало практическаго такта, не было умѣнья взяться съ надлежащей стороны за дѣло. Вы видите разницу между Рудинымъ и Бельтовымъ: одинъ—натура созерцательная, бездѣйственная, быть можетъ потому, что еще не приходило время являться людямъ дѣятельнымъ. Другой трудится, трудится неутомимо,—но почти безплодно. Еще менѣе возможно найти сходство между Рудинымъ и Печориным: одинъ—эгоистъ, не думающій ни о чемъ, кромѣ своихъ личныхъ наслажденій; другой—энтузіастъ, совершенно забывающій о себѣ и весь поглощаемый общими интересами: одинъ живетъ для своихъ страстей, другой—для своихъ идей. Это люди различныхъ эпохъ, различныхъ натуръ,—люди, составляющіе совершенный контрастъ одинъ другому. Скорѣе вы найдете сходство между Донъ-Кихотомъ и Манфредомъ, между Фаустомъ и Донъ-Жуаномъ, нежели между Рудинымъ и Печориным или Онѣгинымъ, который еще дальше отъ Рудина.

Какимъ же образомъ можно было сказать, что Рудинъ не представляетъ ничего новаго послѣ Печорина и Онѣгина? въ немъ все ново, отъ его идей до его поступковъ, отъ его характера до его привычекъ. Мы здѣсь не можемъ пересматривать всѣхъ повѣстей г. Тургенева съ ихъ дѣйствующими лицами,—но довольно и этого одного примѣра, чтобы видѣть, до какихъ странныхъ ошибокъ довело г. Дудышкина ошибочное развитіе мысли, вычитанной имъ въ старыхъ „Отеч. Запискахъ“, но не понятой имъ. Скажите, какимъ образомъ можно соединять въ одинъ типъ съ Печориным, Онѣгинымъ, Бельтовымъ (которые и по себѣ представляются каждый особеннымъ типомъ) не только Рудина, но точно также и Астахова (въ „Затишьѣ“)—этого бездушнаго пошлеца, который свою низость и безчувственность прикрываетъ европейскими фразами и приличными манерами,—и Вязовкина (въ „Двухъ пріятеляхъ“), человѣка хорошаго и образованнаго, но вовсе не мечтательнаго и наклоннаго къ тихому, счастливому успокоенію среди самой будничной обстановки? Все это люди совершенно различныхъ типовъ.

Какимъ образомъ произошла эта странная ошибка, спутавшая въ одинъ портретъ черты совершенно различныхъ людей? Г. Дудышкинъ увлекся

теоріею о необходимости „примирять идеалъ съ его обстановкою“ и мыслью, впрочемъ прекрасною, о необходимости „трудиться“. Въ этомъ увлеченіи создалась у него довольно любопытная эстетическая система, которую изложимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Что такое значитъ „человѣкъ долженъ гармонировать съ обстановкою?“ Вотъ что: если у васъ есть тетка или бабушка, держите себя такъ, чтобы она была вами довольна; если у васъ есть начальникъ, держите себя такъ, чтобы онъ отзывался о васъ: „славный человѣкъ NN“; если у васъ есть сосѣди, живите съ ними въ пріятельскихъ отношеніяхъ; если вы еще не женаты, то женитесь на первой дѣвушкѣ, которую сосѣдскія сплетни объявятъ вашею невѣстою; иначе, тетка будетъ вами недовольна, начальникъ не дастъ вамъ повышенія, сосѣди объявятъ васъ фармазономъ. дѣвушка, на которой сосѣди вздумали женить васъ, подвергнется осужденію за то, что не умѣла удержать жениха,—всѣ будутъ вами недовольны, и будетъ ясно, какъ дважды-два четыре, что „вы не годитесь для окружающей васъ обстановки“, что вы „лишній человѣкъ“, что вы даже пустой и жалкій человѣкъ.

Что такое значитъ: „трудиться“?—трудиться значитъ быть расторопнымъ чиновникомъ, распорядительнымъ помѣщикомъ — значитъ устроивать свои дѣла такъ, чтобы вамъ было тепло и спокойно, не нарушая, однако же, при этомъ устроеніи своихъ дѣлишекъ, условія, которыя соблюдаетъ всякій порядочный и приличный человѣкъ.

Если вы недовольны такими правилами, вы не годитесь для окружающей васъ обстановки, вы не хотите трудиться, вы опять таки пустой и праздношатающійся человѣкъ.

Г. Дудышкинъ въ статьѣ, о которой мы говоримъ, такъ увлекся этою теоріею „гармоніи съ обстановкою“, что чей бы разсказъ ни попался ему подъ руку, онъ тотчасъ отыскиваетъ главное лицо мужескаго пола и спрашиваетъ его: „гармонируешь ли ты съ обстановкою?“ —„трудишься ли ты?“ Герои Баратынскаго и Пушкина, Лермонтова и г. Тургенева—всѣ одинаково конфузятся отъ этихъ вопросовъ—не очевидно ли, что всѣ они люди одного и того же разряда, всѣ—портреты съ одного и того же типа. Если бы продолжить такое слѣдствіе и допросить по двумъ вышеприведеннымъ пунктамъ героевъ Шекспира и Лопе де Веги, Гете и Корнеля, Байрона и Софокла, всѣ они были бы точно также переконфужены, не умѣли ничего отвѣчать въ свою защиту, оказались бы подходящими подъ одинъ и тотъ же типъ „людей не трудящихся и не гармонирующихъ съ обстановкою“,—словомъ сказать, оказались бы ни болѣе, ни менѣе, какъ передѣлками лермонтовскаго Печорина, и вмѣстѣ съ нимъ подверглись бы строгому осужденію.

Вотъ до какихъ результатовъ доводитъ даже умнаго человѣка желаніе построить систему на основаніи не понятой имъ мысли.

Достигнувъ открытія, что главныя дѣйствующія лица г. Тургенева „не гармонируютъ съ обстановкою“, онъ не считаетъ уже нужнымъ разсматривать, дѣйствительно ли эти лица изображались г. Тургеневымъ, какъ идеалы, какъ люди безукоризненно дѣйствующіе и вполнѣ удовлетворяющіе своими поступками его воззрѣнію на жизнь,—или г. Тургеневъ изображалъ своего Вязовкина, Рудина и проч. вовсе не идеальными, а простыми людьми, имѣю-

щими и дурныя и хорошія качества, поступающими въ иныхъ случаяхъ умно и благородно, въ иныхъ ошибочно,—нѣтъ, онъ воображаетъ, что всѣ они были идеалами автора, и каждое ихъ слово принимаетъ выраженіемъ понятій самого автора.

Если не объяснять эту ошибку запутанностью понятій, до которой довела его система „гармоніи съ обстановкою“, то мы не знаемъ, чѣмъ и объяснить ее. Да и вообще мы не можемъ объяснить многихъ мѣстъ въ статьѣ г. Дудышкина никакими литературными основаніями. Она производитъ самое странное впечатлѣніе,—видно, что критику хочется сказать что-то такое, чего онъ не рѣшается высказать прямо, — видно, что онъ старается какъ-нибудь примирить тѣ сужденія, которыя принадлежатъ исключительно ему, съ мнѣніемъ, которое непоколебимо утвердилось въ публикѣ о произведеніяхъ г. Тургенева. Онъ кружится около мысли, которую хотѣлъ бы, но не отваживается высказать, намекаетъ на нее,—старается особенно распространяться о тѣхъ произведеніяхъ г. Тургенева, которыя слабѣе другихъ,—о лучшихъ его произведеніяхъ онъ или старается сказать какъ можно меньше, или вовсе не говоритъ,—видно, что ему хочется пошатнуть нѣчто такое, до чего не ловко ему коснуться. Видно, что ему хотѣлось бы возобновить сужденія „Москвитянина“ и „Московскихъ Сборниковъ“ о талантѣ и произведеніяхъ г. Тургенева, но что онъ не рѣшается этого сдѣлать... Почему жъ бы не говорить прямо? Или опасеніе возбудить противъ себя общественное мнѣніе мѣшаетъ ему сдѣлать это? Къ счастію, у насъ есть общественное мнѣніе. Оно слабо,—но все-таки оно уже приноситъ большую пользу нашей литературѣ,—теперь никто не отважится открыто возставать противъ таланта, признаннаго общественнымъ мнѣніемъ. Великое дѣло общественное мнѣніе.

Мы не заговорили бы вовсе о январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“, если бы кромѣ вещей, которыхъ нельзя одобрить, не должны были указать въ ней другую статью, достоинства которой заставили насъ обратить вниманіе на эту книжку. Мы говоримъ о „Богданѣ Хмельницкомъ“ г. Костомарова.

„Богданъ Хмельницкій и возвращеніе Южной Руси къ Россіи“—обширное историческое сочиненіе, которое должно упрочить за ученымъ авторомъ одно изъ первыхъ мѣстъ между нашими историками. Трудолюбивыхъ изслѣдователей у насъ довольно много; но мало людей, которые по всей справедливости заслуживали бы имя замѣчательныхъ ученыхъ, потому что для этого мало трудолюбія и учености,—нужна, кромѣ того, особенная сила ума, нужна широта и проницательность взгляда, нужно соединеніе слишкомъ многихъ и слишкомъ рѣдкихъ качествъ. Своимъ „Богданомъ Хмельницкимъ“ г. Костомаровъ доказалъ, что принадлежитъ къ подобнымъ людямъ.

Исторія возвращенія Малороссіи къ русскому царству, представляя великій интересъ по важности предмета, съ тѣмъ вмѣстѣ требуетъ и большаго критическаго таланта, потому что ея событія дошли до насъ въ видѣ, искаженномъ пристрастіемъ поляковъ, малоруссовъ и великоруссовъ. Многія несправедливыя мнѣнія и о характерѣ лицъ, и о смыслѣ событій укоренились до такой степени, что трудно побѣдить въ себѣ предубѣжденія, ими

поселенныя. Г. Костомаровъ счастливо боролся съ этою трудностью, — онъ очистилъ исторію временъ Богдана Хмельницкаго отъ множества ошибочныхъ взглядовъ и ложныхъ разсказовъ. Внимательно и полно изучилъ онъ источники, изъ которыхъ многіе въ первый разъ открыты его неутомимыми изъисканіями, провѣрилъ каждый фактъ, каждое слово, обнаружилъ истинныя отношенія лицъ, сословій и племенъ, о которыхъ мы до сихъ поръ имѣли самыя сбивчивыя понятія, и, наконецъ, передалъ результаты своихъ изъисканій въ блестящемъ, истинно драматическомъ разсказѣ, совершенно объективномъ. Ученые оцѣнятъ въ его сочиненіи ученость, безпристрастіе, проницательность и вѣрность взгляда; большинство публики прочтетъ его исторію съ жадностью, по увлекательности изложенія, въ которомъ г. Костомаровъ едва ли имѣетъ себѣ соперниковъ. Мы надѣемся не одинъ разъ возвратиться къ его сочиненію, котораго только начало помѣщено въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Теперь мы скажемъ только, что очень давно не читали на русскомъ языкѣ ничего подобнаго.

Кромѣ „Богдана Хмельницкаго“, надобно замѣтить въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ статью г. Забѣлина „Черты русской жизни въ XVII-мъ столѣтіи“, отличающуюся достоинствами, которыя мы привыкли находить во всѣхъ его изслѣдованіяхъ.

Мы не могли не хохотать отъ души, читая первую часть повѣсти „Столичные родственники“, которую г. Григоровичъ, исполняя свое обѣщаніе, помѣстилъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (№ 1). — Это водевильный, шаржированный разсказъ, съ начала до конца проникнутый легкою, неподдѣльною веселостью,—разсказъ безъ всякихъ претензій, кромѣ одного желанія нарисовать нѣсколько живыхъ каррикатуръ. Промотавшіеся Фуфлыгины, съ тремя тысячами серебромъ, оставшимися послѣ продажи имѣнья, отправляются въ Петербургъ, по совѣту столичныхъ родственниковъ, въ надеждѣ поправить свои дѣла, получивъ выгодное мѣсто. И вотъ они изъ экономіи ѣдутъ по желѣзной дорогѣ въ третьихъ мѣстахъ, а между тѣмъ желаютъ сохранить аристократическій тонъ, даже, если можно, показать на станціяхъ, что они ѣдутъ въ первомъ классѣ,— этимъ начинаются ихъ приключенія. Дружескій разговоръ самого Фуфлыгина съ сосѣдомъ, который кажется ему и его супругѣ столичнымъ львомъ, а оказывается лакеемъ какого-то графа,— потомъ дружба мадамъ Фуфлыгиной съ дамою, которая объясняетъ, какъ она, женщина, благородное, возвышенное созданіе, увлекалась въ жизни, и между прочимъ, жила съ извергомъ — старикомъ, который приревновалъ ее, благородное, возвышенное созданіе, къ молодому человѣку, у котораго деликатная натура,— затруднительное положеніе г-жи Фуфлыгиной въ семейномъ вагонѣ, который занятъ хорошенькою женщиною съ двумя поклонниками ея прелестей, и изгнаніе г-жи Фуфлыгиной изъ этого вагона зоркимъ кондукторомъ—всѣ эти сцены забавны, разсказаны живо и весело, — а потомъ сцены между Фуфлыгиными и юнымъ львомъ Коко, ихъ родственникомъ, развязно объясняющимъ Фуфлыгину, при его супругѣ, что г-жа Фуфлыгина очень хорошо сложена, и потомъ приглашающимъ своихъ новопріѣзжихъ родственниковъ провести вечеръ у Дюссо, куда онъ привезетъ одну очаровательную женщину,—потомъ этотъ несравненный Пигуновъ, другой род-

ственникъ Фуфлыгиныхъ, человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ и страстною любовью къ своей доброй женѣ, ангелу женѣ, съ біеніемъ себя въ грудь разсказывающій всѣмъ, какъ онъ мучится страданіями ангела жены, въ которыхъ признаетъ себя виновнымъ, при этомъ выпрашивающій у всѣхъ деньги, чтобы прокормить жену и дѣтей, и потомъ пропадающій съ деньгами, оставляя ангела жену безъ гроша, — наконецъ, третій родственникъ Фуфлыгиныхъ, практическій и благонамѣренный Мирзоевъ, объясняющій, какъ онъ самъ получилъ и какъ Фуфлыгинъ долженъ получить черезъ просьбу жены доходное мѣсто при какой-то компаніи на акціяхъ—всѣ эти сцены ведены быстро и весело, всѣ эти лица кажутся живыми, знакомыми, не смотря на то, что шаржированы. А жалкая ангелъ жена нѣжнаго Пигунова, бѣдно одѣтая, больная женщина, съ ячменемъ на глазу и голодными, оборванными дѣтьми около себя, напоминаетъ вамъ, что всякая пошлость и глупость одного изъ насъ отзывается страданіемъ на другомъ... и вы предчувствуете, что скоро придется плохо и самимъ Фуфлыгинымъ. Что-то будетъ съ этими провинціальными чудаками, среди Пигунова, Коко, Мирзоева и столичной дороговизны во всемъ?

„Столичные родственники“ — едва ли не самый удачный изъ всѣхъ шутливыхъ разсказовъ г. Григоровича.

КРИТИКА.

Собраніе писемъ Царя Алексѣя Михайловича, *съ приложеніемъ „Уложенія Сокольничья Пути“ и проч., издалъ* Петръ Бартеневъ. *Москва. 1856.*

Съ самаго начала, скажемъ прямо, что статья наша написана не о книгѣ, изданной г. Бартеневымъ, а только по поводу ея. Книга эта вовсе не такъ важна, чтобы нужно было много говорить о ней. Письма, собранныя г. Бартеневымъ, всѣ уже были напечатаны,—новаго ничего не нашелъ или не хотѣлъ искать онъ, и едва ли была особенная надобность перепечатывать матеріалы, уже напечатанные въ изданіяхъ, доступныхъ всѣмъ изслѣдователямъ, и, по правдѣ говоря, не представляющіеся слишкомъ важными для историка. Г. Бартеневъ думаетъ иначе, — онъ считаетъ изданія, въ которыхъ были напечатаны письма Алексѣя Михайловича, рѣдкими,—но съ этимъ трудно согласиться: что же за рѣдкость „Акты“ Археографической Экспедиціи и Археографической Коммиссіи (въ которыхъ напечатаны письма къ Матюшкину), „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“ (въ которомъ напечатано „Уложеніе Сокольничья Пути“), „Акты Археографической Экспедиціи“ и „Чтенія въ Обществѣ Исторіи“ (въ которыхъ напечатаны письма къ Никону), „Акты Археографической Экспедиціи“, „Москвитянинъ“ 1851 года (иное дѣло, еслибъ то былъ „Москвитянинъ“ 1856 года, составляющій, дѣйствительно, чрезвычайную рѣдкость) и „Описаніе Рукописей Румянцевскаго Музея“ (въ которыхъ напечатаны остальныя письма)—всѣ эти книги трудно считать рѣдкими. Трудно также согласиться, чтобы письма, собранныя теперь г. Бартеневымъ, имѣли слишкомъ большую важность для исторіи,—письма къ Никону, дѣйствительно, интересны по содержанію, хотя не представляютъ особенно важныхъ новыхъ фактовъ,—о большей части другихъ писемъ нельзя сказать и того, чтобъ они были даже особенно любопытны. Ни одного важнаго факта они не содержатъ, ни одной новой черты въ характерѣ царя Алексѣя Михайловича не открываютъ. Все, что мы читаемъ въ нихъ, мы знали-бъ и безъ нихъ— именно, что Алексѣй Михайловичъ былъ государь умный и правдивый, имѣлъ доброе сердце, любилъ соколиную охоту и уважалъ Никона.

Но если бы книга г. Бартенева и была такъ важна, чтобы заслуживать подробнаго разбора, теперь было бъ уже излишнимъ много говорить о

ней, послѣ того, какъ г. Забѣлинъ (въ № 1 „Отечественныхъ Записокъ“ нынѣшняго года) далъ очень основательную оцѣнку ея и показалъ какъ неполноту плана, по которому составленъ этотъ сборникъ, такъ и недостатокъ критики и частую ошибочность понятій въ примѣчаніяхъ, составленныхъ къ изданнымъ въ ней письмамъ и „Уложенію Сокольничья Пути“.

Мы не хотѣли писать разбора книги, а еслибъ и думали сдѣлать это, то уже опоздали бъ съ своимъ трудомъ. Но мы хотѣли воспользоваться появленіемъ книги г. Бартенева для того, чтобы сказать нѣсколько словъ о томъ времени, къ которому относятся собранныя въ ней письма. Въ примѣчаніяхъ, которыми сопровождаются эти письма, сильно отразился такъ называемый славянофильскій взглядъ, видящій до-петровскую эпоху въ свѣтѣ, гораздо болѣе выгодномъ, нежели въ какомъ представляется она всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ за исключеніемъ славянофиловъ, и вызывающій жестокія опроверженія со стороны всѣхъ людей, знакомыхъ съ исторіею,— за исключеніемъ опять только славянофиловъ. Мы хотѣли сказать нѣсколько словъ о русскомъ бытѣ въ XVII вѣкѣ.

Но при этомъ мы вовсе не имѣли въ виду оспоривать мнѣнія славянофиловъ о древней Руси—мнѣнія эти находятъ себѣ такъ много противниковъ (опирающихся на тѣ книги, которыя г. Бартеневъ считаетъ рѣдкими,— на изданія Археографической Коммиссіи и „Полное Собраніе Законовъ“) и такъ мало защитниковъ, что, по нашему мнѣнію, вовсе нѣтъ надобности сильно огорчаться ошибками, въ которыя впадаютъ славянофилы при этомъ случаѣ; ошибки эти безвредны, потому что не находятъ себѣ ни сочувствія въ обществѣ, ни такихъ послѣдователей, потеря которыхъ для безпристрастной разработки русской исторіи могла бы считаться прискорбною утратою для науки.

Нѣтъ, мы вовсе не считаемъ нужнымъ къ тысячѣ возраженій и опроверженій, вызванныхъ славянофильскими особенностями понятій о русской исторіи, присоединять еще новое, тысяча-первое. Мы хотимъ не для спеціалистовъ, а для большинства публики,—сказать нѣсколько словъ объ одной чрезвычайно важной отрасли свѣдѣній относительно стараго русскаго быта,— объ извѣстіяхъ иностранныхъ писателей. Ученые пользуются для своихъ изслѣдованій этими источниками съ полнымъ сознаніемъ ихъ драгоцѣнности и уже, конечно, не нуждаются для этого въ чьихъ либо наставленіяхъ и указаніяхъ. Но массѣ публики матеріалы, представляемые сочиненіями иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, къ сожалѣнію, не такъ доступны, какъ бы того надлежало желать,—мы хотѣли бы обратить вниманіе на этотъ чрезвычайно чувствительный недостатокъ.

Вмѣсто того, чтобы перепечатывать матеріалы, которые давно уже напечатаны въ изданіяхъ, доступныхъ каждому, не лучше ли было бы позаботиться объ изданіи на русскомъ языкѣ важнѣйшихъ сочиненій, написанныхъ о старой Руси иноземцами? По своей драгоцѣнности для изученія нашего стариннаго быта, они важны не менѣе, нежели наши отечественные источники, быть можетъ, даже важнѣе ихъ. Герберштейнъ и Олеарій, конечно, не уступаютъ обиліемъ и драгоцѣнностью сообщаемыхъ ими фактовъ самому Кошихину, и далеко превосходятъ его наблюдательностью и проницательностью.

Говоря это, мы повторяемъ то, что думаетъ каждый изслѣдователь русской старины. Но изъ числа читателей, не занимавшихся спеціально этимъ дѣломъ, вѣроятно, найдутся нѣкоторые, готовые уже возразить: „Но иноземные путешественники большею частью смотрѣли на насъ глазами, предубѣжденными не въ нашу пользу, и слишкомъ мало знали нашъ бытъ“.

Такое предубѣжденіе противъ достовѣрности извѣстій, сообщаемыхъ иноземными писателями о старой Руси, совершенно несправедливо. Въ XVI, въ XVII вѣкѣ не было у Западной Европы и не могло быть никакихъ причинъ чувствовать недоброжелательство къ русскому царству или русскому народу. У насъ не было никакихъ политическихъ столкновеній съ Франціею, Австріею или Англіею; онѣ и не предчувствовали, что наше могущество или расширеніе нашихъ предѣловъ на югъ и западъ можетъ когда нибудь возбудить ихъ зависть. Напротивъ, торговыя выгоды внушали англичанамъ естественное благорасположеніе къ странѣ, сношенія съ которою доставляли имъ значительную пользу. Австрія дорожила нами, какъ своими естественными союзниками противъ турокъ. Вся Германія, посылая на службу къ намъ столько тысячъ своихъ сыновей, не могла не чувствовать расположенія къ государству, кормившему многочисленную ея колонію; всѣ остальные народы Западной Европы, имѣя болѣе или менѣе многочисленныхъ соотечественниковъ въ этой же самой московской колоніи, питали къ намъ подобное же чувство. Вражда къ намъ могла въ XVII вѣкѣ существовать только у ближайшихъ нашихъ сосѣдей—шведовъ и поляковъ,—но какое вліяніе имѣло мнѣніе этихъ народовъ на образъ мыслей Западной Европы? Ровно никакого.

Съ Петра Великаго положеніе дѣлъ измѣняется. Россія принимаетъ участіе въ европейской политикѣ и, смотря по ходу дипломатическихъ отношеній, имѣетъ каждое изъ государствъ Западной Европы то въ числѣ друзей, то въ числѣ недруговъ,—но до Петра Великаго, повторяемъ, не имѣя никакихъ столкновеній съ европейскими политическими дѣлами, не возбуждая никакихъ опасеній, она не могла ожидать и, дѣйствительно, не находила въ народахъ и правительствахъ Западной Европы никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ готовности къ благорасположенію, которое постоянно и обнаруживалось ими при всѣхъ случаяхъ. Западные послы всегда являлись къ намъ съ какими нибудь дружественными предложеніями, если не просто съ деликатными, предупредительными поздравленіями и подарками; наши послы всегда бывали принимаемы въ западныхъ государствахъ дружелюбно и ласково, какъ дорогіе гости, которыхъ всѣ правительства радушно готовы были баловать. При такихъ отношеніяхъ никакъ нельзя предполагать возможность систематической вражды къ намъ въ западныхъ путешественникахъ XVI и XVII столѣтій.

„Но они были предубѣждены, что мы народъ грубый, невѣжественный“,—это ужъ совсѣмъ иное дѣло. Мнѣніе о степени народной образованности вовсе не то, что любовь или нелюбовь къ народу. Мы не будемъ говорить о томъ, справедливо ли было общее мнѣніе Западной Европы о низкой степени нашего образованія, и замѣтимъ только, что, еслибъ даже было оно несправедливо, и тѣ понятія о нашемъ невѣжествѣ, съ которыми

иноземецъ XVII вѣка въѣзжалъ въ Россію, были совершенно неосновательны, это отразилось бы въ его путевыхъ замѣткахъ самымъ выгоднымъ для насъ образомъ. Чѣмъ меньше человѣкъ ожидаетъ найти, тѣмъ выше оцѣниваетъ онъ найденное: у кого велики ожиданія, тотъ строгъ; чѣмъ менѣе ожиданій, тѣмъ болѣе бываетъ снисходительности. Никто не восхищается, находя въ парижскомъ Институтѣ людей, хорошо знающихъ астрономію; но никто не можетъ безъ восторга говорить о курскомъ мѣщанинѣ, составлявшемъ таблицы затмѣній, потому что никто не ожидалъ найти между курскими горожанами астрономовъ. Такъ было и съ иноземными путешественниками въ Россіи XVII вѣка,—все хорошее, что они могли замѣтить, они выставляютъ на видъ сильнымъ образомъ, именно потому, что приготовились къ самымъ умѣреннымъ требованіямъ, которымъ легко удовлетворить, которыя легко превзойти. Они хвалятъ природную красоту лица русскихъ, удивляются ихъ благотворительности, восхищаются ихъ здравымъ смысломъ и проницательностью, замѣчаютъ въ нихъ сильное расположеніе къ просвѣщенію, удивляются образованности Матвѣева, благоговѣютъ передъ геніальностью и благими планами Голицына, съ умиленіемъ превозносятъ кротость царя Алексѣя Михайловича. Все, что могутъ замѣтить они хорошаго въ Россіи, возбуждаетъ въ нихъ самый живой интересъ и самое дружеское участіе.

„Но если они говорили и безпристрастно, или, скорѣе, даже съ готовностью нѣсколько выше мѣры хвалить хорошее въ насъ, то съ достаточнымъ ли знаніемъ дѣла они говорили? Иные утверждаютъ, будто они не понимали и не знали насъ“. Само собою разумѣется, что изъ нѣсколькихъ сотъ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, многіе были люди не достаточно наблюдательные или проницательные, многіе не имѣли достаточно времени, чтобы хорошо узнать описываемую страну,—но не о нихъ, конечно, идетъ рѣчь, на нихъ никто и не проситъ обращать вниманіе. Но такіе люди, какъ Герберштейнъ, Флетчеръ. Олеарій, Мейербергъ и многіе другіе, были люди замѣчательнаго ума и проницательности и имѣли довольно времени, чтобы хорошо узнать насъ.

Но лучше всего можетъ разсѣять всякія предубѣжденія противъ достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ важнѣйшими изъ иноземныхъ писателей о Россіи, знакомство съ этими извѣстіями, еще слишкомъ мало извѣстными у насъ людямъ, не занимающимся спеціально разработкою русской исторіи и не имѣющимъ охоты и времени отыскивать старинные фоліанты и утомлять себя чтеніемъ поддѣльной латыни и устарѣлаго нѣмецкаго или англійскаго слога. Всѣ наши домашніе источники едва ли могутъ доставить намъ столько вѣрныхъ и важныхъ замѣчаній о старинномъ русскомъ бытѣ, какъ разсказы иноземныхъ писателей.

Чтобы доказать справедливость этого мнѣнія людямъ, не имѣвшимъ случая читать въ подлинникѣ Герберштейна, Олеарія, Нёвилля, Вебера, Корба, и проч., мы сообщимъ здѣсь краткій очеркъ частнаго быта русскихъ въ XVI—XVII вѣкахъ, составленный исключительно по иноземнымъ писателямъ и заимствуемый нами изъ компиляціи знаменитаго полигистора Мейнерса,—„Vergleichung des ältern und neuern Russlandes etc. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber, von C. Meiners. Leipzig.

1798".—Само собою разумѣется, что книга о Россіи, составленная человѣкомъ, никогда не бывавшимъ въ Россіи, не можетъ не заключать въ себѣ нѣкоторыхъ мелкихъ ошибокъ и особенно опечатокъ въ собственныхъ именахъ,—но по всей справедливости надобно сказать, что, несмотря на всѣ свои опечатки и мелочныя недоразумѣнія, Мейнерсъ лучше познакомитъ своего читателя съ Россіею, нежели цѣлыя сотни русскихъ книгъ, въ которыхъ собственныя имена напечатаны безъ ошибокъ.

Впрочемъ, и то сказать, что сравнивать книгу Мейнерса въ нашей литературѣ до сихъ поръ ровно не съ чѣмъ,—вѣдь мы до сихъ поръ не имѣемъ сочиненія, которое изображало бы намъ бытъ старой Руси въ полной картинѣ,—если не считать „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ" Успенскаго, сочиненіе, которое, впрочемъ, никѣмъ и не принимается въ счетъ, когда дѣло идетъ о русской исторіи.

Предварительно замѣтимъ, что Мейнерсъ вообще очень сильно расположенъ въ пользу Россіи, и компиляцію свою составилъ онъ главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы защитить Россію искуснѣе и лучше, нежели какъ то дѣлали иные неловкіе панегиристы ея изъ западныхъ писателей, возбуждавшіе только недовѣрчивость и вызывавшіе въ разсудительныхъ читателяхъ невыгодное мнѣніе о странѣ, которую хвалили съ очевиднымъ нарушеніемъ и правды и правдоподобія. Мейнерсъ хочетъ своею компиляціею защитить Россію и отъ ея хулителей и отъ тѣхъ панегиристовъ, похвала которыхъ опаснѣе самой брани.

Мы не будемъ касаться тѣхъ главъ его книги, въ которыхъ излагаются такъ называемыя государственныя древности, — это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, а ограничимся только извлеченіемъ изъ главъ, касающихся частнаго быта, — и тутъ, впрочемъ, оставляя въ сторонѣ всѣ описанія обрядовъ, — свадебъ и т. п., и обращая вниманіе исключительно на черты нравовъ.

Читатели, сравнивая факты, сообщенные иноземцами о старинѣ, съ тѣмъ, что извѣстно каждому изъ насъ, знакомому съ бытомъ сословій, не принявшихъ европейскаго образа жизни, могутъ судить, вѣрно ли изображали нашъ старинный бытъ путешественники, подобные Олеарію и другимъ названнымъ нами выше. Тѣхъ, которые вздумали бы сомнѣваться въ вѣрности того или другаго изъ дѣлаемыхъ ими замѣчаній, мы просимъ подумать о томъ, не существуютъ ли до сихъ поръ остатки указаннаго ими факта народныхъ привычекъ и понятій въ тѣхъ классахъ, которые справедливо считаются наиболѣе сохранившими старину въ своихъ нравахъ и идеяхъ.

По тѣлосложенію и чертамъ лица русскіе являлись путешественникамъ европейцами; врожденная, хотя чрезвычайно придавленная обстоятельствами, наклонность къ любознательности также убѣждала путешественниковъ, что въ Московіи живетъ народъ, близко родственный по складу ума другимъ европейцамъ. Но привычки и нравы, даже понятія русскихъ казались имъ напоминающими Азію. Теперь мы знаемъ, что это противорѣчіе формъ жизни съ характеромъ русской натуры происходило отъ обстоятельствъ историческаго развитія, что почти всѣ тѣ явленія, которымъ изумлялись европейцы,

были болѣзненными наростами въ народномъ организмѣ, образовавшимися подъ вліяніями чуждыми и враждебными славянскому характеру, между прочимъ, отъ угнетающаго сосѣдства съ кочевыми дикарями, — вліяніе этого тяжелаго сосѣдства, по мнѣнію проницательнѣйшихъ между нашими историками, не должно ограничивать однимъ фактомъ порабощенія Руси монголами,—уже раньше, вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ отъ половцевъ и ихъ предмѣстниковъ, въ народной жизни получили силу такія явленія, которыя были чужды ей и отъ которыхъ остался чистъ сѣверный край русской земли, отдаленный отъ кочевыхъ грабителей. Такъ, напримѣръ, новгородцы были люди, что называется, работящіе, промышленные, и остались совершенно чужды предразсудку, что праздность есть необходимая принадлежность знатности. Тоже надобно сказать и о многихъ другихъ чертахъ народной жизни. Азіатскаго и византійскаго въ нее вошло чрезвычайно много, такъ что народный духъ совершенно изнемогалъ подъ игомъ чуждыхъ вліяній.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ нашего сближенія съ Европою обыкновенно представляютъ вторженіе чуждыхъ элементовъ въ нашу жизнь,—это справедливо; но очень часто забываютъ прибавлять, что это вторженіе изгоняло другія, еще болѣе чуждыя нашей народной организаціи вліянія... Подчиненіемъ европейской жизни мы освобождались отъ гораздо болѣе тягостнаго подчиненія инымъ, не западно-европейскимъ и не славянскимъ народностямъ. Наша народная литература была придавлена иноземными вліяніями гораздо раньше сближенія нашего съ Западною Европою; такъ было и во всѣхъ другихъ областяхъ жизни. Вѣрность старинѣ въ началѣ XVIII вѣка была просто вѣрностью болѣзненнымъ привычкамъ, навѣяннымъ на насъ предъидущими вліяніями. Сближеніе съ Европою не было отреченіемъ отъ самобытности (уже давно не существовавшей), а только переходомъ изъ одного, стѣснительнаго и безплоднаго подчиненія къ другому, плодотворному и болѣе легкому.

Но пора намъ отъ всѣхъ этихъ замѣчаній возвратиться къ Мейнерсу и его путешественникамъ. Привычки и нравы нашихъ предковъ казались имъ—и справедливо казались—чисто азіатскими. Начнемъ съ наружности. Красивая славянская организація, миловидное славянское лицо искажались, сообразно восточнымъ понятіямъ о красотѣ, такъ что русскій мужчина и русская женщина, могшіе слѣдовать требованіямъ тогдашняго хорошаго тона, придавали себѣ совершенно азіатскую наружность и совершенно монгольское безобразіе.

Подобно народамъ татарскаго и монгольскаго племенъ, русскіе считали тучность однимъ изъ главныхъ условій красоты. Когда бывалъ торжественный пріемъ иноземныхъ пословъ, во дворецъ призывались торговцы, отличавшіеся особенною полнотою тѣла, чтобы своимъ присутствіемъ усилить выгодное впечатлѣніе, производимое блескомъ двора (Петрей) *). Правдиво ли это замѣчаніе? Конечно; кто изъ насъ не слыхалъ отъ людей, не испорченныхъ западомъ, что красота мужчины въ дородствѣ; это понятіе до сихъ поръ живо въ простомъ народѣ; оно породило многія выраженія на-

*) Цитатъ мы не приводимъ,—онѣ могутъ быть найдены у Мейнерса.

роднаго языка, напримѣръ, „раздобрѣть“—значитъ растолстѣть. Коренное значеніе слова „дородство“—знатность; и такъ признакъ знатности—дородство. Чтобы пріобрѣсть это завидное качество, наши простодушные предки старались по больше спать послѣ обѣда, и въ томъ же соображеніи подпоясывались очень низко и слабо, чтобы поясъ не стѣснялъ живота и не мѣшалъ пищеваренію (Петрей). Простолюдины носятъ поясъ дѣйствительно очень низко и слабо, и объясняютъ этотъ способъ ношенія пояса тѣмъ, чтобы „не помять живота“ или „кишокъ“. Что послѣобѣденный сонъ содѣйствуетъ тому же результату, извѣстно у насъ каждому, обращавшемуся съ людьми, любящими этотъ способъ препровожденія времени. Итакъ, замѣчаніе иноземцевъ о главномъ условіи мужской красоты по старымъ русскимъ понятіямъ подтверждается; для женщинъ красота состояла въ томъ же качествѣ. Имѣть тонкую талію женщина считала такимъ же порокомъ, какъ и имѣть маленькія ножки (Нёвилль). Рѣдко случается слышать сужденія простаго народа о маленькихъ ножкахъ — онъ очень мало обращаетъ вниманія на этотъ предметъ, но когда заговоритъ о немъ, то дѣйствительно требуетъ дебелости и прочности. Что же касается тонкости таліи, то, конечно, всякому извѣстно, что въ быту купцовъ и зажиточныхъ мѣщанъ, дѣвушка невѣста считается тѣмъ красивѣе, чѣмъ она толще; что на „поджарую“ или „сухопарую“ женихъ съ „неиспорченнымъ“ вкусомъ не польстится. Для достиженія этого совершенства женщины не щадили никакихъ жертвъ,—лежали на кровати цѣлый день, старались, если можно, и спать цѣлый день, и даже пили водку, отъ которой дѣйствительно тучнѣли (Нёвилль)—все это соблюдается до сихъ поръ; извѣстно, что еще полезнѣе простаго пѣшника для отучнѣнія считается настойка изъ сарсапарили, которую многія женщины и пьютъ цѣлыми стаканами ежедневно, безъ всякой нужды, кромѣ желанія быть тучными.

Извѣстно также, что пристрастіе къ безпрестанному наливанію себя чаемъ у купчихъ основывается на томъ разсчетѣ, чтобы разбухнуть отъ этого напитка, помогающаго добрѣнію, когда пьютъ его въ огромномъ количествѣ и не крѣпкій, а особенно съ прибавленіемъ рому. Такимъ образомъ и заморскіе обычаи обращены на служеніе эстетическому требованію старины. Ганве передаетъ, что часто слыхалъ отъ русскихъ женщинъ: „далъ бы Богъ быть дородной, а за красотой дѣло не станетъ“. Рексоллю говорили, что если въ женщинѣ меньше пяти пудовъ вѣса, то и красавицею нельзя ее назвать. Онъ прибавляетъ, что эти пятипудовыя красавицы имѣли тѣло вялое и дряблое,—это вещь извѣстная каждому, кто видывалъ красавицъ, образуемыхъ сарсапарилью, чаемъ и лежаніемъ на пуховикахъ. Не говоримъ о томъ, что имѣть черные зубы считалось принадлежностью хорошаго тона,—дѣйствительно, отъ бѣлилъ, употребляемыхъ нашими неиспорченными западомъ модницами, необходимо чернѣютъ зубы—стало быть, имѣть бѣлые зубы можетъ только женщина, не заботящаяся о своей красотѣ, не соблюдающая условій хорошаго тона; а женщины хорошаго тона румянились и бѣлились безъ всякой умѣренности, точно также безпощадно сурмили брови и рѣсницы,—даже расписывали на лицѣ жилки синей краскою,—все это и теперь можно видѣть. Веберъ (современникъ Петра Великаго) говоритъ, что

въ его время было еще въ свѣжей памяти, какъ русскія женщины расписывали себѣ лицо разными изображеніями деревьевъ, звѣрковъ и т. п. Иноземцы находили, что русскія женщины до безобразія расточительны на притиранья. Вообще путешественники съ большими похвалами отзываются о природной красотѣ русскихъ женщинъ, но говорятъ, что онѣ безобразятъ себя искусственною тучностью и безпощаднымъ раскрашиваньемъ лица. Пристрастіе къ очень частому употребленію бань было у нашихъ старинныхъ модницъ совершенно восточнымъ способомъ препровожденія времени; онѣ, какъ турецкія одалиски, очень скоро старились отъ неумѣренности въ этомъ развлеченіи.

Это пристрастіе къ банямъ не мѣшало общему восточному пороку— неопрятности, которая удивляла и смущала иноземцевъ. Мы ничего не будемъ говорить объ этомъ предметѣ, слишкомъ замѣтномъ каждому. Замѣтимъ только, что поразительнымъ явленіемъ для путешественниковъ были неизвѣстныя въ Европѣ насѣкомыя — тараканы, тогда, какъ и теперь, покрывавшіе потолки и стѣны, наполнявшіе поставцы и обѣденные столы. Путешественники разсказываютъ о нихъ съ ужасомъ, — и говорятъ, что ночью они страшно кусаются, — но русскіе изобрѣли средство приводить себя въ безопасность отъ этихъ укушеній: они клали на ночь кусочки хлѣба къ тѣмъ щелямъ, гдѣ особенно многочисленны стада таракановъ, и этою жертвою искупали свои бока. Таннеръ, который первый изъ путешественниковъ замѣтилъ этихъ враговъ, такъ надѣется заинтересовать Европу необычайностью своего открытія, что, не довольствуясь очень подробнымъ описаніемъ интереснаго насѣкомаго, срисовалъ его въ назиданіе нѣмцамъ.

Неопрятность доходила до небрежности, въ иныхъ случахъ преступной. Тотъ же Таннеръ разсказываетъ, что видѣлъ, какъ мать всовываетъ въ ротъ младенцу рожокъ съ коровьимъ соскомъ, совершенно уже почернѣвшимъ отъ того, что давнымъ давно началось его разложеніе. Когда онъ говорилъ матери, что давать младенцу такой сосокъ вредно, мать спокойно отвѣчала—„такой у насъ обычай“,—что онъ сохранился доселѣ, знаютъ всѣ, имѣвшіе случай смотрѣть на кормленіе рожкомъ въ сословіяхъ, не знающихъ заморскаго слова „гигіена“.

Что касается до нравственныхъ качествъ нашихъ предковъ, путешественникамъ казались русскіе самыми хитрыми людьми въ Европѣ. Рейтенфельсъ говоритъ: „русскіе хитрѣе всѣхъ европейцевъ, а москвичи хитрѣе всѣхъ русскихъ“, — отчасти объясняется строгость этого замѣчанія тѣмъ, что путешественники имѣли дѣло преимущественно съ дьяками и подъячими, у которыхъ это качество было достояніемъ ремесла, и съ торговцами, которые также замѣняли плутовствомъ недостатокъ правильности, быстроты и обширности въ своихъ торговыхъ оборотахъ. Если мы будемъ имѣть въ виду это обстоятельство, то, конечно, намъ не будетъ повода сомнѣваться въ словахъ Рейтенфельса, — кто не имѣлъ случая повѣрить ихъ на дѣлѣ, вѣроятно знаетъ Гоголя, г. Островскаго и г. Щедрина; не надобно только упускать изъ виду, читая ихъ произведенія, что описываемые ими нравы и обычаи—наслѣдіе глубокой старины, въ чемъ могутъ увѣрить насъ иностранные путешественники. Тѣ путешественники, которые имѣли случай по-

знакомиться съ русскими людьми, говорятъ, что это народъ даровитый и очень легко пробуждающійся къ любознательности; и что если они оставались въ невѣжествѣ, то единственно вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Флетчеръ прибавляетъ, что поддержка невѣжества въ русскомъ народѣ была дѣломъ систематическаго плана: этимъ средствомъ бояре, подъячіе и пр. хотѣли предотвратить всякую возможность мысли о нововведеніяхъ, которыя были бы несогласны съ ихъ выгодами, — объясненіе, подтверждаемое всею исторіею XVII вѣка. Система эта имѣла двѣ стороны: такъ какъ необходимо было для различныхъ государственныхъ потребностей имѣть людей съ техническими знаніями—артиллеристовъ, инженеровъ и проч., и такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ не хотѣли допускать русскихъ къ образованію, то и держались такого плана: всѣхъ нужныхъ для государства техниковъ брать изъ-за границы, не допуская того, чтобы сами русскіе учились чему-нибудь. До Петра Великаго пріемъ иноземцевъ въ русскую службу былъ средствомъ къ предотвращенію развитія образованности между самими русскими. Подобное объясненіе находимъ и у Мейерберга. Борисъ Годуновъ и Никонъ, задумавъ нѣсколько отступить отъ этой системы, возбудили противъ себя общее неудовольствіе. Бояре, вѣрные хранители системы, находили для себя личную выгоду неуклонно поддерживать ее. Иноземцы не могли быть ихъ соперниками, а если бы явились образованные люди между русскими, то каждый боярин могъ опасаться, что они перебьютъ у него дорогу къ почестямъ.

Корбъ (современникъ Петра Великаго) приводитъ еще другую причину того, что до Петра Великаго не дозволяли русскимъ посѣщать Европу: бояре не хотѣли давать русскимъ возможности узнать, что въ Западной Европѣ больше благосостоянія, нежели въ Россіи. Нынѣшній царь (Петръ Великій) напротивъ желаетъ этого, прибавляетъ Корбъ, чтобъ они могли видѣть, чего имъ недостаетъ, и старались исправить свои недостатки.

Иноземцы, служившіе въ Россіи до Петра, были полезны государству, удовлетворяя его потребностямъ, но на развитіе самого народа не оказывали почти никакого вліянія, если исключить нѣкоторыя ереси, происхожденіе которыхъ приписывается вліянію лютеранъ, социніанъ или квакеровъ, но которыя находили себѣ очень мало послѣдователей, не имѣя ничего общаго съ русскимъ расколомъ. Планъ, объясняемый намъ наблюдательными иноземцами, основанъ былъ на томъ вѣрномъ разсчетѣ, что сами иноземцы, призываемые въ Россію, будутъ находить свою выгоду въ его соблюденіи: распространеніе знаній въ русскомъ народѣ прекратило бы необходимость въ иноземцахъ, и потому они дѣйствительно не имѣли ни малѣйшей охоты сообщать русскимъ свои знанія или возбуждать въ русскихъ любознательность: иноземцы, находившіеся въ русской службѣ, хранили свою образованность, какъ тайну своей касты, говорятъ о нихъ путешественники.

Изъ всѣхъ качествъ или привычекъ русскаго народа путешественники удивлялись болѣе всего терпѣливости русскихъ людей въ перенесеніи лишеній всякаго рода. Правда, смертность между взрослыми, и особенно между дѣтьми, была чрезвычайно велика, — но за то тѣ, которые оставались въ живыхъ, не боялись,—повидимому, не чувствовали—ни холода, ни внезап-

ныхъ переходовъ изъ зноя въ морозъ (не забудемъ знаменитаго обычая перевернуться въ снѣжномъ сугробѣ или окунуться въ проруби, соскочивъ съ баннаго полка—этого обычая, по мнѣнію иныхъ, даже нашихъ современниковъ, дающаго намъ право съ гордостью смотрѣть на хилое здоровье всякаго иноземца, даже англичанина или шведа, мускулы котораго сильнѣе нашихъ), не боялись и, повидимому, не чувствовали голода, могли, не морщась, кормиться самою несытною и тяжелою пищею и т. д. Чувства и желудокъ ихъ были уже привычны ко всему этому. Разсказы иноземцевъ совершенно противорѣчатъ повѣрью, которое полагаетъ, что въ старину Русь жила въ родѣ того, какъ мечтали иногда жить современные намъ простолюдины на рѣкѣ Дарьѣ, у которой берега кисельные, а вода сытовая: не говоря уже о частыхъ голодныхъ годахъ, и въ обыкновенные годы нищета была страшная. „Не думаю,—говоритъ одинъ путешественникъ,—чтобы на цѣломъ земномъ шарѣ нашелся народъ столь бѣдный, какъ жители Россіи. Множество несчастныхъ постоянно находятся тамъ въ опасности умереть съ голоду и, дѣйствительно, голодная смерть въ Россіи—ежедневный случай. Лѣтомъ многіе питаются травою и кореньями; древесною корою иногда питаются круглый годъ“. (Дженкинсонъ, въ половинѣ XVI вѣка).

„Народъ терпитъ такія притѣсненія и подвергается такимъ поборамъ,—говоритъ другой путешественникъ, посѣтившій Россію лѣтъ черезъ пятьдесятъ,—что въ каждой провинціи есть очень много совершенно запустѣвшихъ мѣстечекъ и деревень. Угнетеніе и поборы отнимаютъ у мѣщанъ и поселянъ всякую охоту заниматься своею работою съ усердіемъ. И если у какого-нибудь русскаго простолюдина есть что-нибудь цѣнное, онъ самымъ старательнымъ образомъ прячетъ эту вещь въ землю или отдаетъ въ монастырь,—какъ это бываетъ въ иныхъ земляхъ тогда, когда ждутъ непріятельскаго нашествія. Я самъ часто видѣлъ, какъ они, когда показывали намъ лучшую свою шубу или какую-нибудь другую цѣнную вещь, постоянно озирались, особенно посматривали на дверь, какъ будто каждую минуту боялись, что вотъ взойдетъ кто нибудь и отниметъ у нихъ эту вещь. Пьянство и лѣность развиваются въ русскихъ главнымъ образомъ отъ необезпеченности имущества. Они только о томъ и думаютъ, какъ бы изъ рукъ да прямо въ ротъ,—иначе, все равно, отнимутъ же у нихъ, полагаютъ они. Потому-то и всѣ русскіе продукты—сало, кожи, воскъ, медъ вывозятся за границу гораздо въ меньшихъ количествахъ, нежели вывозились бы при обезпеченности имущества“. (Флетчеръ).

Страшныя лишенія, которымъ подвергался русскій въ старину, притупляли его чувства въ перенесеніи физической боли,—но точно также притупляли въ немъ и жалость къ страданіямъ другихъ,—при всей врожденной добротѣ сердца, вообще русскіе были въ старину народъ безжалостный; помочь ближнему и заставить его страдать было для нихъ одинаково легко; первое было внушеніемъ врожденнаго качества; второе, гораздо сильнѣе и чаще выступавшее наружу, было слѣдствіемъ ожесточенія отъ скорби и лишеній.

Дурно вообще ѣли русскіе и часто терпѣли нужду — по извѣстному закону психологіи, недостатокъ вызываетъ стремленіе къ излишеству, и ха-

рактеромъ обычнаго хода жизни, подмѣченнаго Дженкинсономъ и Флетчеромъ, надобно объяснять развитіе страсти къ многоѣденію, которому русскій встарину предавался всегда, если только могъ.

Дѣло извѣстное, что наши предки любили много покушать. Герберштейнъ говоритъ, что многіе изъ людей небогатыхъ, когда бывали приглашаемы къ обѣду какого нибудь боярина, по два и по три дня передъ этимъ ничего не ѣли, чтобы плотнѣе поѣсть вкусныхъ блюдъ. Мейербергъ прибавляетъ, что даже при торжественныхъ обѣдахъ во дворцѣ, когда во всемъ соблюдался такой строгій этикетъ, бояре ѣли чрезвычайно много, до обжорства и тошноты.

Простой народъ по праздникамъ предавался тѣмъ безмѣрнѣйшему разгулу, чѣмъ болѣе терпѣлъ лишеній въ простые дни. Очень обыкновеннымъ случаемъ бывало, что, пропивъ все, даже одежду, человѣкъ выходилъ изъ кабака въ одной рубашкѣ и падалъ въ грязь (Олеарій).

Особенно предавался народъ пьянству на масляницѣ и на Свѣтлой недѣлѣ,—на масляницѣ множество несчастныхъ пьяницъ находили на улицахъ замерзшими, множество другихъ, упавшихъ на улицѣ, бывало растерзано собаками, другихъ убивали мошенники. „Прежде бывало на масляницѣ буйства больше, нежели теперь,—говоритъ патеръ Авриль (путешественникъ конца XVII вѣка),—а между тѣмъ, меня увѣряли, что и нынѣ въ одну первую ночь масляницы найдено по московскимъ улицамъ болѣе 40 человѣкъ убитыхъ,—но что простой народъ недоволенъ незначительностью этого числа: они полагаютъ, что чѣмъ больше окажется людей, убитыхъ въ эту ночь, тѣмъ урожайнѣе будетъ годъ“. Невиль увѣряетъ, что число пьяныхъ, замерзающихъ на улицахъ въ Москвѣ на масляницѣ, бываетъ отъ двухъ до трехъ сотъ,—онъ самъ видѣлъ, что каждое утро провозятъ на однѣхъ розвальняхъ десять или двѣнадцать труповъ, изъ которыхъ иные изгрызаны собаками,—„это зрѣлище довольно возмутительное“, по его мнѣнію.

Такъ какъ эта черта старины исчезла, то мы подкрѣпимъ неправдоподобныя слова очевидцевъ иноземцевъ свидѣтельствомъ Кошихина,—онъ говоритъ, правда, не о масляницѣ, но тѣмъ пріятнѣе будутъ здѣсь старинолюбцу его слова: они показываютъ умилительную неизмѣнность принципа, пользующагося всякимъ случаемъ для того, чтобы проявиться во всемъ своемъ трогательномъ постоянствѣ:

„Когда случится царю отъ сего свѣта переселится во оный покой... горе тогда людемъ, будучимъ при томъ погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое множество; а московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужеска полу и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщется того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ болши ста человѣкъ“.

Грабежи и разбои были повсемѣстны. Даже въ Москвѣ, по словамъ Олеарія, не проходило ночи безъ того, чтобы не было разграблено нѣсколько домовъ и не было найдено по утру на улицѣ нѣсколько мертвыхъ тѣлъ. Грабители были такъ смѣлы, что середи дня нападали на улицѣ на человѣка, при которомъ думали найти деньги, чтобы убить и ограбить его.

Когда ночью раздавались на улицѣ вопли убиваемаго, никто изъ жившихъ въ сосѣднихъ домахъ не смѣлъ выходить за двери, чтобы помочь ему — остатки этого обычая очень сильны до сихъ поръ, какъ то можетъ всякій узнать по опыту, если поживетъ въ провинціальномъ городѣ. Даже ночные сторожа, находившіеся при богатыхъ домахъ, не выходили на крикъ, или потому, что сами трусили грабителей, или потому, что бывали съ ними въ согласіи. Не нужно послѣ этого ничего говорить о степени безопасности дорогъ. Слова Олеарія подтверждаются Мейербергомъ, Вебером, Корбомъ и Брюсомъ. Мейербергъ прибавляетъ, что нищіе очень часто крали и звѣрскимъ образомъ уродовали дѣтей, чтобы собирать больше милостыни, показывали ихъ увѣчья и язвы, — изрѣдка подобные случаи повторялись, какъ всякому извѣстно, до недавняго времени.

Часто случается слышать мнѣніе, что пьянство распространяется въ народѣ. Не знаемъ, до какой степени можетъ распространяться порокъ, издавна бывшій всеобщимъ. Олеарій находилъ кабаки во всѣхъ деревняхъ. Мы знаемъ, что правительство въ XVI и XVII столѣтіяхъ пыталось иногда воспрещать продажу пѣннаго вина, чтобы удержать гибельную привычку. Но эти запрещенія оставались безсильны, говоритъ Олеарій, объясняющій и способы, которыми дѣйствіе запрещенія обезсиливалось.

Въ чувственной любви многіе предавались такимъ излишествамъ и порокамъ, что Флетчеръ замѣчаетъ: „Я не хочу говорить объ этомъ, потому что это слишкомъ гнусно, такъ что позорно и разсказывать. Вся страна наводнена всевозможными грѣхами этого рода“. Петрей, Олеарій, Рейтенфельсъ и Карлейль говорятъ, что эти пороки въ Московіи столь же часты, какъ и безнаказанны, что подобными привычками хвастаютъ, какъ дѣломъ хорошаго тона, что на улицахъ показываются райки съ маріонетками, представляющими неблагопристойныя сцены, и что на эти представленія смотрятъ молодые люди обоего пола, даже мальчики и дѣвочки. Путешественники упоминаютъ и о слѣдствіяхъ обычая женить малолѣтняго мальчика на взрослой дѣвушкѣ,—слѣдствія этого обычая бывали пріятны для свекра, и потому духовенство напрасно усиливалось препятствовать подобнымъ бракамъ. Нечего говорить о томъ, что всѣ эти гнусныя привычки имѣли чисто восточный характеръ.

Очень наивны кажутся послѣ этого предположенія, что сближеніе съ Западною Европой могло имѣть дурное вліяніе на нашу нравственность.

По крайней мѣрѣ, не изъ Западной Европы перешло къ намъ очень игривое устройство, которое до недавняго времени сохраняли въ столицахъ (а въ иныхъ провинціяхъ, говорятъ, сохраняютъ и до сей поры) торговыя бани, въ которыхъ мужчины и женщины моются вмѣстѣ, — это устройство подробно описано путешественниками, прибавляющими разсказы о различныхъ видѣнныхъ ими случаяхъ самаго наглаго цинизма со стороны женщинъ, которыя вовсе не принадлежали къ записнымъ жертвамъ порока. Кто читалъ хотя что нибудь о востокѣ, тому ясна связь этихъ фактовъ съ гаремною жизнью.

Не нужно ничего говорить о томъ, какой характеръ имѣли семейныя отношенія при подобной обстановкѣ. Не будемъ распространяться о сурово-

сти отношеній отцовъ къ дѣтямъ, хозяевъ къ домашней челяди, мужей къ женамъ,—тѣмъ болѣе, что слишкомъ ясные слѣды этихъ привычекъ сохранились до сихъ поръ. Но кстати, замѣтимъ, что у Герберштейна есть анекдотъ, подтверждающій давность знаменитаго преданья, будто, по мнѣнію русскихъ женъ, мужъ мало любитъ жену, если мало бьетъ ее. Герберштейнъ говоритъ, что у него былъ въ Москвѣ знакомый кузнецъ, нѣмецъ Йорданъ, который женился на русской. Этотъ почтенный кузнецъ однажды разсказывалъ самъ Герберштейну, что до сей поры не билъ своей жены, а теперь началъ бить. „Зачѣмъ же“? спросилъ Герберштейнъ.—„Да она все тосковала, и наконецъ сказала мнѣ, отчего тоскуетъ: думаетъ, что я не люблю ее, потому что не бью“. Въ простомъ народѣ до сихъ поръ вы всегда можете услышать подобный разсказъ. Несмотря на всю неправдоподобность предположенія, что можетъ человѣкъ измѣрять степень любви силою побоевъ, невозможно сомнѣваться въ томъ, что это соразмѣреніе дѣйствительно существовало: если бы Герберштейнъ самъ выдумалъ приводимый имъ анекдотъ, то вѣдь не изъ Герберштейна же узнали о неразрывности любви супружеской съ побоями тѣ простолюдины, отъ которыхъ вы слышите подобные разсказы. Надобно также вспомнить изрѣченіе, столь часто повторяемое нашимъ народомъ „кого люблю, наказую“, и пословицу „жену люби какъ душу, трепи какъ грушу“ и т. д., и т. д. Кстати, бывали иногда люди, которые считали клеветою или непониманіемъ русскихъ нравовъ увѣреніе иностранныхъ писателей, что знаменитый элементъ нашихъ свадебныхъ обрядовъ—плеть, по смыслу народнаго обычая вручается мужу не для одной аллегоріи, а для серьезнаго употребленія.

О церемоніяхъ свадебнаго пира и т. д., съ ихъ циническими подробностями относительно состоянія невѣсты мы не говоримъ,—не говоримъ и вообще о церемоніяхъ и обрядахъ домашней жизни нашихъ предковъ,—восточный характеръ всего этого такъ и рѣжетъ глаза своею рѣшительною несообразностью съ основными качествами славянскаго характера. Коренной славянскій смыслъ ихъ совершенно закрывается чисто азіатскою формою, въ какую облеклись они.

Всѣ путешественники говорятъ объ удивительной недовѣрчивости русскихъ, не къ иностранцамъ только, но также и другъ къ другу—она очень натуральна была при всеобщихъ безпорядкахъ и отсутствіи безопасности,—хитрить и притворяться было дѣломъ необходимости.

О торговыхъ людяхъ Герберштейнъ говоритъ: „они очень строго требуютъ исполненія всѣхъ условій со стороны того, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, но сами стараются не исполнять никакихъ обѣщаній и обманывать всячески. Разъ я попросилъ одного боярина купить мнѣ шубу,—какъ только узнали объ этомъ торговцы, тотчасъ же сбѣжались къ нему, предлагая подѣлиться съ нимъ частью барыша, если онъ устроитъ дѣло повыгоднѣе для нихъ. Вообще, русскіе торговцы запрашиваютъ за товаръ въ десять и двадцать разъ больше настоящей цѣны; но при томъ и сами такъ плохо знаютъ цѣну многихъ вещей, что часто платятъ за вещь въ десять разъ больше, нежели она стоитъ“. Тоже говорятъ Петрей, Мейербергъ и Корбъ. „Русскіе, разсказываетъ Петрей, обыкновенно просятъ 10 или 12 талеровъ за вещь, ко-

торую потомъ уступятъ за полгульдена. Это они дѣлаютъ потому, что находятся незнающіе покупщики, дающіе 30 или 40 талеровъ за вещь, которая не стоитъ больше 10. Чтобы обмануть такого покупщика, сговариваются четверо или пятеро плутовъ. Только что входитъ покупщикъ, является, будто посторонній человѣкъ, одинъ изъ числа шайки, и даетъ за вещь гораздо больше цѣны, предложенной покупщикомъ,—если удастся обмануть его этою уловкою, и онъ даетъ больше, соумышленники дѣлятъ барышъ и смѣются надъ глупцомъ. Въ торговлѣ, отецъ не вѣритъ сыну, сынъ отцу". „Единственное средство не быть обмануту въ торговомъ дѣлѣ съ русскими, говоритъ Мейербергъ, состоитъ въ томъ, чтобы отдавать деньги не иначе, какъ взявъ уже вещь въ руки".—Мастеровые были похожи на торговцевъ.

Бережливость русскихъ путешественники хвалятъ; по ихъ словамъ, расточительность была неизвѣстна нашимъ предкамъ; замѣчаютъ также и ихъ щедрыя милостыни нищимъ, которыхъ отъ того развелось безчисленное множество.

О продажности суда и администраціи, о взяточничествѣ воеводъ и подъячихъ и т. д., и о томъ, что всякія строгости къ искорененію взяточничества оставались совершенно безполезны, мы ничего не говоримъ — это фактъ извѣстный, при томъ же онъ и не входитъ въ планъ нашего извлеченія, ограничивающійся одними частными отношеніями частныхъ лицъ.

Какое заключеніе слѣдуетъ изъ всего этого обзора? По нашему мнѣнію, то самое, какое дѣлаетъ Мейнерсъ:

„Какъ бы ни судили мы о настоящемъ нравственномъ состояніи русскихъ, но должно согласиться, что въ прежнія времена они были гораздо въ худшемъ состояніи; что у русскихъ теперь, и въ высшихъ сословіяхъ и въ простомъ народѣ, исчезли многія дурныя черты стараго времени и пріобрѣтены многія хорошія качества, которыхъ не доставало ихъ предкамъ. Въ будущемъ нравы конечно еще улучшатся, при улучшеніи внутренняго управленія и воспитанія и при распространеніи образованности, и мало по малу будутъ истребляться въ народѣ всѣ дурныя наклонности. Но для этого необходимо имъ не ослѣплять самихъ себя на счетъ своего состоянія". (Meiners, Vergleichung etc. I, 295—296).

— Этою единственною цитатою и закончимъ нашъ обзоръ, чтобы хотя послѣдняя строка его удовлетворяла требованіямъ формы, относительно которыхъ были такъ взыскательны наши предки. Прибавимъ только, что изданіе „Библіотеки иноземныхъ писателей о Россіи до Петра Великаго" было бы величайшею услугою для расширенія взглядовъ на смыслъ русской исторіи. Мы слышали, что планъ такого изданія существуетъ,—надобно желать, чтобы онъ былъ скорѣе приведенъ въ исполненіе. Мы слышали, будто этотъ планъ полагаетъ необходимостью издавать писателей въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, — но не хотимъ вѣрить тому. Томы русскихъ лѣтописей издавались же не въ хронологическомъ порядкѣ и изданіе ничего не потеряло отъ того,—а еслибъ Археографическая Коммиссія вздумала отлагать печатаніе готовой къ изданію „Ипатьевской Лѣтописи" до той поры, пока кончатся приготовленія къ изданію и изданіе Нестора, — мы конечно до сихъ поръ не имѣлибъ и половиннаго числа томовъ, изданныхъ теперь. Безъ дальнихъ промедленій за составленіемъ полнѣйшаго (и вѣчно нуждаю-

щагося въ дополненіяхъ новыми открытіями, вѣчно неполнаго) хронологическаго списка путешествій, лучше всего прямо взять да и начать переводить важнѣйшія сочиненія,—Герберштейна, Олеарія и т. д. — въ какомъ угодно порядкѣ, это все равно, лишь бы только дѣло шло безъ излишнихъ проволочекъ, и лишь бы только не начинать изданіемъ перевода именно тѣхъ писателей, въ переводѣ которыхъ всего менѣе надобности, какъ, напримѣръ, Приска, который почти столько же касается русской исторіи, сколько и Титъ Ливій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Стихотворенія Н. Щербины. Два тома. Спб. 1857 г.

Первый, очень небольшой по объему сборникъ стихотвореній, изданный г. Щербиною, показалъ въ немъ поэта съ замѣчательнымъ талантомъ. Съ того времени прошло семь лѣтъ. Г. Щербина въ продолженіе этихъ лѣтъ постоянно печаталъ свои произведенія въ разныхъ журналахъ. Многія изъ новыхъ пьесъ были прекрасны,—но извѣстность г. Щербины мало возвышалась до послѣдняго времени, когда начали появляться его „Ямбы“. Благородная мысль, одушевлявшая эти пьесы, живо вызывала сочувствіе каждаго порядочнаго человѣка. Но если мы подумаемъ о томъ, какое громкое одобреніе заслужили пьесы съ современнымъ содержаніемъ г. Бенедиктова, то не можемъ скрыть отъ себя, что поэтъ съ такимъ талантомъ, какъ г. Щербина, касаясь живыхъ идей, долженъ былъ возбудить гораздо большій восторгъ, — не можемъ защититься отъ мысли, что „Ямбы“ г. Щербины, хотя и не были безсильны, но не производили того дѣйствія, какого должно было бы ожидать отъ пьесъ подобнаго содержанія, писанныхъ человѣкомъ истинно даровитымъ, какимъ не возможно не признавать г. Щербину.

Г. Щербина видитъ, и, мы увѣрены, оцѣнитъ прямоту, съ которою мы говоримъ о его стихотвореніяхъ. Еслибъ мы не были убѣждены въ силахъ его таланта, были увѣрены, что при болѣе вѣрномъ употребленіи своихъ силъ, талантъ его не можетъ явиться публикѣ въ блескѣ, несравненно болѣе высокомъ,—еслибъ мы не были увѣрены въ этомъ, мы не коснулись бы щекотливаго вопроса, нами поставленнаго на видъ. Мы просто сказали бы, что г. Щербина— „одинъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ въ настоящее время“, что „его прекрасный талантъ отличается такими-то и такими-то превосходными достоинствами“, что „хотя, конечно, и у него, какъ у всякаго другаго, есть произведенія слабыя“ (о чемъ упомянули бы только слегка, для формы), но что „такія-то и такія-то пьесы у него истинно очаровательны своею прелестью, а такія-то и такія-то очень замѣчательны своею благородною энергіею“, — наговорили бы множество похвалъ этимъ прекраснымъ пьесамъ,—и тѣмъ кончили бы нашъ отзывъ. О недостаткахъ пьесъ ничего, или почти ничего; о достоинствахъ—много, очень много. Такъ мы поступили бы, еслибъ дѣло шло о талантѣ обыкновенномъ, который пусть себѣ развивается, какъ случилось, отъ котораго нельзя ожидать ничего луч-

шаго, нежели тѣ прекрасныя пьесы, которыя онъ уже далъ намъ. Но талантъ г. Щербины—это дѣло совершенно другое. Вопросъ о немъ довольно важенъ для того, чтобы отбросить въ сторону всякую щекотливость, и высказать не только то, что пріятно, но и все, что нужно высказать. Такіе таланты являются не каждый день. Если такой талантъ не сдѣлаетъ всего, что можетъ сдѣлать, это будетъ уже потерею для литературы. Тутъ дѣло важнѣе всякихъ личныхъ отношеній.

Мы прямо поставили вопросъ о несоотвѣтствіи извѣстности, которую доставили г. Щербинѣ напечатанныя имъ до сихъ поръ произведенія, съ силами его таланта. И также прямо отвѣчаемъ: это несоотвѣтствіе происходитъ оттого, что г. Щербина до сихъ поръ еще не нашелъ вѣрнаго употребленія для силъ своего таланта; онъ все еще стѣсняетъ себя или принужденностью формъ или принужденностью тона, боясь отдаться естественному влеченію своего таланта.

Онъ началъ стихотвореніями, которыя самъ назвалъ „греческими“, и которыя всего лучше можно охарактеризовать, сказавъ, что они очень близки по духу, а часто и по достоинству формы, къ стихотвореніямъ Шенье. Мы не знаемъ, на сколько участвовало въ ихъ происхожденіи вліяніе Шенье, на сколько личная симпатія автора къ античному міру, на сколько разныя другія вліянія или сочувствія. Если бы талантъ г. Щербины по натурѣ своей могъ удовлетвориться этимъ родомъ поэзіи, мы ничего не сказали бы противъ того,—но увидѣли бы только, что въ этомъ случаѣ капризъ природы произвелъ среди насъ человѣка, который говоритъ прекрасно, но говоритъ не нашимъ языкомъ, котораго мы можемъ понимать, но не иначе, какъ при помощи ученыхъ соображеній и искусственно возбужденнаго настроенія мыслей. Но не всѣ такъ думаютъ. Для многихъ именно то и кажется поэзіею, что удалено отъ нашей обыкновенной жизни, что понимается только посредствомъ особеннаго напряженія мысли. Люди, увлеченные этимъ предразсудкомъ, сдѣлали два предложенія: во-первыхъ, что такъ называемая античная форма есть высочайшее совершенство искусства; во-вторыхъ, что г. Щербина по натурѣ своего таланта не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ поэтомъ античной формы.

Не знаемъ, самъ ли г. Щербина проникся такимъ понятіемъ о сущности своего таланта и о достоинствахъ античной формы, или это предубѣжденіе было навѣяно на него толками, которые поднялись въ этомъ смыслѣ послѣ появленія его „Греческихъ стихотвореній“, но только послѣ изданія своихъ „Греческихъ стихотвореній“ онъ долго поступалъ такъ, какъ будто убѣжденъ былъ, что вообще поэтъ будетъ дѣлать прекрасно, если станетъ держаться античной формы, а ему, г. Щербинѣ, рѣшительно необходимо держаться этой формы. Онъ все писалъ въ томъ же духѣ, въ той же манерѣ, какъ были написаны его „Греческія стихотворенія“.

Мы не знаемъ, собственною ошибкою или чужою виною вовлеченъ былъ онъ въ эту односторонность, но дѣло въ томъ, что эта односторонняя манера скоро оказалась искусственною и натянутою. Мы видимъ, что, по собственному ли влеченію или подъ вліяніемъ Шенье, но во всякомъ случаѣ первыя греческія стихотворенія г. Щербины были написаны безъ на-

тяжки, безъ насилованія таланта,—въ такой формѣ сами собою рождались поэтическія идеи фантазіею поэта,—а у поэта этого есть сильный талантъ,—потому эти пьесы и вышли хороши, какъ выходитъ хорошо все, что пишетъ человѣкъ съ талантомъ, не насилуя свой талантъ. Форма была тѣсна, но чтожъ за бѣда, если поэтъ еще не чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ ней?

Если бы г. Щербина могъ остаться на всегда, по свободному влеченію, вѣрнымъ античной формѣ, его стихотворенія никогда не пріобрѣли бы большаго значенія въ литературѣ, — хотя сами по себѣ могли быть прекрасны.

Это однако продолжалось очень не много времени. Скоро г. Щербина исчерпалъ содержаніе, какое естественно представляется соединеннымъ съ античною манерою, — и все-таки продолжалъ, по теоріи, писать въ античной формѣ, —стихотворенія его стали казаться уже повтореніями прежнихъ; идеи и образы, сами собою являвшіеся его воображенію въ этой формѣ, были истощены,—онъ началъ придумывать ихъ—пьесы стали имѣть характеръ искусственности, талантъ являлся стѣсненнымъ, произведенія — натянутыми.

Еслибъ онъ остановился на этомъ, мы сказали бы, что его талантъ болѣзненно остановился на первой ступени развитія, и потерялъ способность идти впередъ. Но черезъ нѣсколько времени г. Щербина перенесъ любовь свою отъ стихотвореній античнаго содержанія къ пьесамъ, въ которыхъ идея принадлежитъ или вообще новому міру, каковы „Пѣсни о природѣ“, или даже именно нашему обществу, каковы „Ямбы“. Но долгая привычка писать въ античной манерѣ не могла быть покинута сразу,—и форма очень многихъ изъ этихъ пьесъ не соотвѣтствовала идеѣ. Въ другихъ, покинувъ, повидимому, античную форму, онъ еще не оторвался отъ привычки, пріобрѣтенной вслѣдствіе искусственныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ писались его позднѣйшія античныя пьесы,—и въ формѣ замѣтна придуманность, ухищренность; а часто его мысль остается отвлеченною мыслью, потому что фантазія автора, отъ долгой привычки имѣть дѣло только съ античными образами, не находитъ еще образовъ, которые были бы живымъ поглощеніемъ новыхъ идей, вошедшихъ въ его умъ, или потому что авторъ все еще не рѣшается сойти съ треножника Пиѳіи и заговорить простымъ языкомъ, свойственнымъ поэзіи нашего времени. Онъ, по старой привычкѣ, все еще стѣсняется мыслью о живописности и величественности позъ; онъ еще не привыкъ чувствовать себя какъ дома въ нашемъ мірѣ, хотя античный міръ уже наскучилъ ему. Держитесь непринужденнѣе, говорите проще, забудьте о стѣснительныхъ претензіяхъ на величіе, не стыдитесь являться просто человѣкомъ, а не олимпійцемъ, скажемъ мы ему.

До сихъ поръ г. Щербина не рѣшился еще предаться безвозвратно, безъ оглядокъ на древній міръ, влеченію жизни и таланта. Онъ давно почувствовалъ, что въ Петербургѣ или Москвѣ неудобно и холодно носить хитонъ аонянина, и нельзя довольствоваться созерцаніемъ звѣздъ, лежа на роскошной зелени,—во-первыхъ, роскошной зелени у насъ нѣтъ, —во-вторыхъ, если остаться на цѣлую ночь на открытомъ воздухѣ, да еще лежа на травѣ, то поутру непремѣнно почувствуешь ревматизмъ въ боку. Г. Щербина замѣтилъ это и вошелъ въ наши сѣверныя комнаты съ двойными ра-

мами,—но онъ все еще не привыкъ непринужденно говорить о сапогахъ и двойныхъ рамахъ,—его все еще смущаетъ мысль, что это предметы не совсѣмъ благородные сравнительно съ сандаліями и перистилемъ,— объ исключительно изящныхъ предметахъ онъ наконецъ пересталъ говорить, но еще не заговорилъ о неизящныхъ, потому-то мысль въ его „Ямбахъ“ остается отвлеченною мыслью.

Не для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ нужны были доказательства (вѣроятно, каждый читатель, думавшій о стихотвореніяхъ г. Щербины, давно уже самъ замѣчалъ то же самое, что говорили мы)—но чтобы насъ нельзя было упрекнуть въ бездоказательности, мы представимъ хотя по одному примѣру тѣхъ ошибокъ, въ которыя вовлекала г. Щербину ошибочная теорія, заставлявшая его держаться античной формы послѣ того, какъ образы, ею непринужденно рождаемые, были истощены и талантъ началъ увлекать поэта къ другимъ сферамъ поэтическихъ идей.

Мы говорили объ искусственности, изысканности, которая явилась въ его античныхъ стихотвореніяхъ, когда истощились античные идеи и образы, непринужденно возникавшіе въ фантазіи автора,—примѣромъ этого пусть служитъ пьеса „Волосы Береники“.—„Береника, жена Птоломея-Эвергета, отправлявшагося въ Азію для завоеваній (объясняетъ авторъ въ примѣчаніи), дала обѣтъ богамъ отрѣзать свои волосы имъ въ жертву, если мужъ ея возвратится побѣдителемъ,—что и исполнилось. Волосы были положены въ храмъ Венеры-Зефириты; но жрецы сказали, что они исчезли ночью изъ храма, и Кононъ, знаменитый александрійскій астрономъ, вѣроятно по наущенію жрецовъ, объявилъ, что открытое имъ въ это время новое созвѣздіе—*волосы Береники*, превращенные богами въ звѣзды, подобно вѣнку Аріадны“.—Въ этомъ разсказѣ есть поэтическіе моменты: грусть любящей жены, отпускающей мужа на войну,—тоска разлуки, мучительность опасеній за его жизнь,—готовность жертвовать всѣмъ, даже лучшимъ блескомъ своей красоты, для счастья и безопасности любимаго человѣка,—наконецъ апотеоза этой любви, дающей человѣческому существу высочайшую красоту. Но въ этихъ чувствахъ и ситуаціяхъ нѣтъ ничего, спеціально античнаго,—они общи всѣмъ народамъ и вѣкамъ, въ томъ числѣ и европейцамъ и нашему вѣку, а г. Щербинѣ нужны спеціально античные образы и мотивы, — и вотъ онъ придумываетъ слѣдующіе мотивы:

„Рѣчь веду я со звѣздами,
Говорю свои имъ сны
И любуюсь волосами
Эвергетовой жены.

И они съ небесъ запѣли
Пѣсню жалобы своей;
Ихъ мелодіи летѣли
Съ неба золотомъ лучей:

„Возліянья и обѣты
Отъ земли несутся къ намъ,
Мы величіемъ одѣты,
Жены, дѣвы и поэты
Причисляютъ насъ къ богамъ.

„Намъ въ эфирѣ неотрадно
Семизвѣздіемъ сіять,
Гдѣ сіяетъ Аріадна,
Упиваться славой жадно,
Ѳиміамы обонять.

„Съ головы холодной сталью
Мы, какъ жертва, снесены.
Береникиной печалью
И такой безмѣрной далью
Отъ нея отдалены“ и т. д.

Какъ могла прійти поэту мысль заставить насъ слушать жалобы посредствомъ „золота лучей“, воспѣваемыя отрѣзанными волосами? Не гораздо ли проще было заставить женщину плакать о своихъ утраченныхъ волосахъ? Но это была бы такая ситуація, которая можетъ случиться вездѣ и всегда, не въ одномъ античномъ мірѣ, а г. Щербинѣ нужно было взглянуть на предметъ не такъ, какъ смотрятъ на него въ новомъ мірѣ, и, вмѣсто плача женщины о волосахъ, онъ придумалъ плачъ волосъ о женщинѣ. И такъ, волоса Береники плачутъ о ней, жалуются на нее; положимъ, пусть они плачутъ, хотя это и неправдоподобно; послушаемъ однако, въ чемъ они винятъ ее? вѣроятно, просто въ томъ, что она не пожалѣла свои прекрасныя кудри,—винятъ въ безжалостности къ самой себѣ?—Нѣтъ, въ преступленіи передъ искусствомъ: „прежде, говорятъ кудри,—

Наполнялась вся палата
Благовоніемъ отъ насъ,
Оттѣняли мы когда то,
Лоснясь масломъ аромата,
Снѣгъ чела и краски (?) глазъ.

Но преступною женою
Предъ Искусствомъ стала ты,
Разлучая насъ съ собою
И разбивъ своей рукою
Стройность женской красоты,—

ради античнаго воззрѣнія, вмѣсто живой женщины, которая дѣлаетъ огорченіе себѣ, является уже статуя, которую разбить значитъ сдѣлать преступленіе не предъ идеею человѣка, даже не предъ богинею красоты, а просто передъ отвлеченнымъ понятіемъ искусства. Преклони боговъ мольбами, говорятъ Береникѣ волоса, чтобы они возвратили насъ на твою голову,—зачѣмъ же это нужно? за тѣмъ ли, чтобы ей была возвращена прежняя красота, или чтобы волоса перестали грустить? Нѣтъ, опять выдумка: волоса Береники должны быть взяты съ неба, чтобы не разлучать на небѣ два созвѣздія, которыя питаютъ любовь другъ къ другу:

„Преклони жъ боговъ слезами,
Даромъ жертвы дорогой,
Чтобъ съ падучими звѣздами
Мы скатились волосами
Надъ твоею головой;

Чтобы мы не раздѣляли
Въ небѣ любящихъ друзей;
Чтобъ какъ прежде заблистали
И свѣтить бы рядомъ стали
Оріонъ и Водолей.

— Да почему жъ мы знаемъ, что Оріонъ и Водолей—любящіе друзья? О ихъ дружбѣ даже и миѳологія ничего не говоритъ.

На такую тему, на такіе мотивы написано стихотвореніе въ 102 стиха.

Мы привели примѣръ натянутости, въ которую впадалъ господинъ Щербина, отыскивая античныя темы и придумывая античные мотивы, когда уже истощился запасъ, естественно представлявшійся его фантазіи сферою идей античной манеры. Теперь приведемъ примѣръ того, какъ вложенная античною теоріею привычка уничтожала соотвѣтствіе между идеею и формою, когда онъ, утомившись античными темами, началъ изображать явленія болѣе близкой къ намъ дѣйствительности.

Вотъ его „Нимфа вьюги"—какимъ же образомъ *Нимфа* вьюги? были Нимфы цвѣтущихъ, благоухающихъ полей, сладко шепчущихъ ручейковъ, свѣтлыхъ рѣчекъ, текущихъ среди бархатныхъ луговъ, испещренныхъ яркими цвѣтами, подъ задумчиво пріютною, сладострастно густою тѣнью розовыхъ и миртовыхъ кустарниковъ; — но какъ можно вообразить себѣ это нѣжное, живущее солнцемъ и цвѣтами существо среди громадныхъ сугробовъ снѣжной степи, во время вьюги?—бѣдная Нимфа, она такъ легко одѣта, что смертельно простудится, если вздумаетъ явиться среди такой обстановки, когда и у старой вѣдьмы въ овчинномъ тулупѣ стучатъ зубы во время сатанинской пляски!—Но,—говоритъ г. Щербина,—

„Но классическія грезы,
Грёзы вѣчныя людей!
Васъ питаютъ и морозы
Бѣдной родины моей;
Вамъ такая же подруга
Какъ аттическая ночь,
Наша сѣверная вьюга
Дочь Гекаты, мрака дочь.
Ѣду я... передо мною
Нимфа Вьюги возстаетъ,
И надъ снѣжной пеленою
Все кружится, да поетъ

(Нѣтъ, во время вьюги даже переносливая къ холоду вѣдьма можетъ только завывать,—голосъ дрожитъ отъ мороза).

„А когда сквозь прахъ сыпучій,
Сквозь лохмотья бѣлыхъ тучъ,
На покровъ полей зыбучій
Броситъ мѣсяцъ блѣдный лучъ,—
Бѣломраморной рукою

(Нѣтъ, у ней ручка ужъ давно посинѣла отъ холода,—мы боимся даже, не отмерзла ли).

Нимфа вдаль меня манитъ

(Ну, это ужъ напрасный трудъ; не только Нимфа какая нибудь, — сама Венера Анадіомена не выманитъ меня изъ плотно застегнутой фартукомъ кибитки во время вьюги).

„И хохочетъ надо мною
И рыдаетъ, и грозитъ...
То меня охватитъ страстно,
Токомъ бури обовьетъ,—
И безчувственно—прекрасна,
Въ пляскѣ съ вихремъ отойдетъ...
Но развѣетъ шаловливо
Вѣтеръ тунику у ней,—
Нимфа спрячется стыдливо
Въ волны снѣжныя полей...
Но глядишь, на волкѣ смѣло
Нимфа скачетъ предо мной
И его по шерсти бѣлой
Гладитъ ласковой рукой.

(Левъ, благородный, великодушный властитель лѣсовъ, смирялся передъ красотою; но злобный волкъ только и смотритъ, какъ бы схватить за горло; при томъ же, онъ безобразенъ, отвратителенъ; Нимфѣ должно быть и непріятно и опасно даже издалека видѣть волка,—сѣсть на него она не рѣшится, это вѣрно).

„И улыбкой открываетъ
Рядъ роскошныхъ жемчуговъ,
Волшебствомъ ея сзываетъ
Хоръ полуночныхъ духовъ“ и т. д.

Античный образъ Нимфы, олицетворяющій вьюгу существомъ граціознымъ, нѣжнымъ, прелестнымъ,—совершенно разрушаетъ всякое соотвѣтствіе между сущностью изображаемаго явленія и его изображеніемъ.

Вотъ другой примѣръ раздора, вносимаго античнымъ представленіемъ въ созданіе, по идеѣ принадлежащее нашему міру.—эта пьеса не велика и потому выписываемъ ее вполнѣ:

ПОЭТЪ.

„На служеніе мысли высокой,
На служеніе правдѣ я взросъ;
Но кинжалъ ея спряталъ глубоко
Между вѣткою миртовъ и розъ...

И, въ рукѣ съ этой вѣткой душистой,
Какъ Гармодій я въ міръ выхожу,—
Красотой ея мирной и чистой
Я неправду и зло поражу.

Эта битва безъ крови и гнѣва,—
Наслажденіемъ дышитъ она:
Ей причастны и старецъ, и дѣва,
И младенецъ, и мужъ, и жена.

Тѣмъ велико твое назначенье
Между братій, поэтъ гражданинъ,
Что безъ терній свое поученье
Насадить ты способенъ одинъ.

И ты каждое дѣло и чувство
Обреки на добро и осмысль...
Твоя вѣтка—созданье искусства,
А кинжалъ твой—правдивая мысль.

Обратите вниманіе на двѣ первыя строфы,—какой стройный и точный образъ!—Но античная манера требуетъ невозмутимости духа, олимпійскаго спокойствія въ самой борьбѣ (то есть, по нашему обычному понятію объ античности; по греческой миѳологіи не такъ,—тамъ и самые олимпійцы страдаютъ, вопіютъ отъ ранъ и боятся Стикса; но вѣдь мы имѣемъ дѣло не съ истиннымъ греческимъ міромъ, а съ обыкновенными современными понятіями объ античности),—античность требуетъ невозмутимости, отвращается отъ наносимыхъ и претерпѣваемыхъ страданій,—и вотъ въ угоду этой теоріи, г. Щербина прибавляетъ, что битва поэта съ неправдою должна быть „безъ крови и гнѣва“, и поученіе его „безъ терній“,—забывая, что даже на вѣткѣ розъ, которую онъ держитъ въ рукѣ, есть шипы, иначе сказать, тернія, которыя всетаки оцарапаютъ до крови и разсердятъ, если онъ станетъ „поражать“ этою вѣткою.

Поэтъ по античной теоріи долженъ быть невозмутимо спокоенъ въ своемъ служеніи искусству,—онъ смотритъ на землю съ высоты Олимпа,—поэтому-то, въ пьесѣ о волосахъ Береники, г. Щербина и говоритъ, что поэтъ долженъ, лежа на травѣ у потока, созерцать небо, не касаясь земныхъ треволненій;

„Я лежу ночной порою
У потока на травѣ,
Весь очами и душою
Въ лучезарной синевѣ.

Я на лонѣ мирной страсти,
Мысли сердца полонъ я;
Красотѣ въ объятья власти
Отдана душа моя:

Вижу яркій образъ всюду
И прекрасныя черты...
И всегда поэтомъ буду
Я любви и красоты!

Вамъ, художники другіе,
Горе дня и ложь людей,
Вамъ мечтанія больныя,
Стонъ и жалобы страстей!

То моя отвергла лира,
Что проходитъ съ каждымъ днемъ,
Что изгонится изъ міра
Вѣчной правды торжествомъ...

Вѣрьте, молча я страдаю
И больнѣй страдаю васъ,
Сокрушаюсь, наблюдаю
Каждый жизни вашей часъ;

Но того, что не достойно,
Я искусству не даю,
И въ душѣ горячкой знойной
Зло безъ образовъ таю.

Рѣчь веду я съ небесами,
Говорю свои имъ сны,
И любуюсь волосами
Эвергетовой жены“... и т. д.

Мы ужъ замѣтили, что выборъ предмета, которымъ любовался г. Щербина, неудаченъ. Но теперь не о томъ дѣло, — мы уже объяснили, какъ умѣли, неудачность результатовъ, до которыхъ доводила г. Щербину теорія античности. Надобно теперь замѣтить, что если онъ очень долго держался ея, то, наперекоръ влеченію своего таланта, насилуя свои мысли,—античность давно ужъ неудовлетворяла его, и напрасно усиливался онъ въ 1853 году (годъ, которымъ отмѣчена пьеса „Волосы Береники“) запрещать своей лирѣ „пѣсни о томъ, что проходитъ съ каждымъ днемъ, что изгонится изъ міра торжествомъ правды“,—онъ давно ужъ не могъ удержать себя отъ того, чтобы говорить о „страданіяхъ и горѣ“, которыя, по теоріи, гордо признавалъ „предметами, недостойными искусства“, — большая часть „ямбовъ“, карающихъ зло, написана имъ до 1853 года, иные и въ 1853 году,—слѣдовательно, давно ужъ онъ отступилъ и въ то самое время отступалъ на дѣлѣ отъ своей антично-безстрастной теоріи, когда такъ гордо и упорно провозглашалъ ее.

Но теоретическія ошибки, когда теорія такъ упорна и горда, какъ была античная теорія у г. Щербины, не проходили даромъ. Пусть практика тайкомъ измѣняетъ теоріи,—теорія все-таки наложитъ на нее свою печать. Печать эта видна на „Ямбахъ“ г. Щербины.

Его фантазія по требованію теоріи отвергала всякіе образы, кромѣ невозмутимо прекрасныхъ, античныхъ картинъ,—онъ, какъ человѣкъ, „страдалъ и сокрушался, наблюдая жизнь“,—мы вѣримъ ему, что онъ страдалъ о скорбяхъ людей „больнѣе“ многихъ другихъ поэтовъ,- но, какъ поэтъ, онъ насильно изгонялъ образы, которые могли бы быть поэтическимъ воплощеніемъ этой человѣческой скорби, — онъ, не будучи въ состояніи изгнать изъ сердца скорбной мысли, въ угоду теоріи старался по крайней мѣрѣ отнимать у нея поэтическое воплощеніе; „я въ душѣ зло безъ образовъ таю“, говорилъ онъ,—это и отразилось на его „Ямбахъ“.

Мысль каждаго ямба—благородна, жива, современна; но она остается отвлеченною мыслью, не воплощаясь въ поэтическомъ образѣ,—она остается холодною сентенціею (это не противно античной теоріи,—нѣтъ: античная теорія любитъ сентенціи, — свидѣтельствомъ тому безчисленное множество изреченій и отвлеченныхъ размышленій, написанныхъ новѣйшими поэтами въ древнемъ элегическомъ размѣрѣ, и похвалы, которыми осыпались эти перемѣшанные съ пентаметрами гекзаметры), она остается внѣ области поэзіи, какъ то и усиливался сдѣлать поэтъ, по его собственному признанію.

Мы приведемъ примѣръ этой отвлеченности, этого чуждаго поэзіи отсутствія живыхъ образовъ, которыми бы воплощалась мысль:

ЖЕЛАНІЕ.

„Чуждо совершенства
Нашей жизни зданье;

Цѣль ея—блаженство,
А она—страданье.

Все въ ней пропадаетъ,
Все, что такъ прекрасно;
Только зло всплываетъ
Въ наготѣ ужасной.

Въ этомъ звучномъ морѣ
Сроднаго нѣтъ звука;
Въ сонъ исходитъ горе,
Страсти вторитъ мука.

Счастьемъ не согрѣта
Ни одна минута,
Мысли нѣтъ привѣта,
Чувству нѣтъ пріюта...

Пусть же крупкой чашей
Эта ложь прольется:
Хаосъ жизни нашей
Въ вѣчность разовьется".

Поэзія требуетъ воплощенія идеи въ событіи, картинѣ, нравственной ситуаціи, какомъ бы то ни было фактѣ психической или общественной, матеріальной или нравственной жизни. Въ пьесахъ, нами выписанныхъ, этого нѣтъ: идея остается отвлеченною мыслью, потому остается холодною, неопредѣленною, чуждою поэтическаго пафоса...

Мы такъ много и такъ прямо говорили о недостаткахъ, которыми вообще страдала поэзія г. Щербины, отчасти уже и въ „Греческихъ стихотвореніяхъ", но гораздо больше въ послѣдующіе годы, что—чего добраго—иному можетъ показаться, будто мы находимъ особенное удовольствіе въ анализированіи этихъ слабыхъ сторонъ. Что сказать на такое предположеніе?—Да, пожалуй, мы нашли бы не только удовольствіе, но и положительную заслугу въ этой строгости, если бы г. Щербина согласился въ справедливости нашихъ замѣчаній,—тогда, рѣшительно отбросивъ теорію, его запутывавшую, и предавшись естественному влеченію своего таланта, онъ далъ бы русской литературѣ произведенія, которыя поставили бы его на ряду съ первыми нашими поэтами. Если жъ онъ не оправдаетъ нашей требовательности полнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ употребленіемъ силъ своего таланта (требовательность умѣстна только относительно человѣка сильнаго),—мы, конечно, будемъ раскаяваться въ нашей строгости, какъ въ дѣлѣ, которое не достигло своей цѣли, осталось безполезно. Во всякомъ случаѣ, мы обязаны представить доказательства тому, что имѣемъ право многаго ожидать отъ замѣчательныхъ силъ его таланта, если онъ рѣшится совершенно отбросить ошибочную теорію, до сихъ поръ сковывавшую силы его. Намъ случалось слышать сомнѣніе въ томъ, сохранилась ли сила и свѣжесть этого таланта послѣ „Греческихъ стихотвореній". Чтобы уничтожить всякое колебаніе въ отвѣтѣ на это, мы въ доказательство силы таланта г. Щербины приводимъ только такія пьесы, которыя писаны послѣ 1850 года.

ДѢВУШКА У ХАРОНА.

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЬ.

— „Хорошо вамъ, горы, счастье вамъ, долины:
Вы себѣ живете безъ тоски-кручины!
Вѣчно вы цвѣтете, нѣтъ для васъ Харона!
Какъ и вы, цвѣла я, роза Киѳерона,
Любовалась также утренней зарею,
И меня скосила смерть своей косою...
Безъ меня на свѣтѣ все живетъ и дышитъ,
И меня не знаетъ, и меня не слышитъ!
Тамъ зазеленѣло Божіей весною,
И луга запахли молодой травою;
Ярко запестрѣли всѣ поля цвѣтами,
И холмы покрылись бѣлыми стадами;

„Въ густотѣ дубравы, солнцемъ не палимой,
Паликаръ гуляетъ съ дѣвушкой любимой,
И, цѣлуя жадно ей уста и плечи,
Говоритъ онъ милой золотыя рѣчи;
Мать красивой дочкѣ расточаетъ ласки,
Бабушка-старушка сказываетъ сказки...
О, когда бы можно, вѣчно бы жила я,
Какъ ребенокъ съ куклой, съ жизнію играя.
Еслибъ наши клефты въ адъ сюда попали,
Вѣрно бъ и съ Харономъ въ битвѣ совладали;
Жалобною рѣчью я бъ ихъ ублажила,
И, ласкаясь къ храбрымъ, такъ бы говорила:

„Я въ жилищѣ смерти выплакала очи,
Въ холодѣ могильномъ, средь подземной ночи.
Здѣсь темно и тѣсно... Зрѣнье проситъ свѣта.
Сердце проситъ ласки, а душа—привѣта...
Клефты-паликары! убѣгу я съ вами
Въ край, гдѣ льется воздухъ свѣтлыми струями,
Гдѣ раздолье жизни, гдѣ толпятся люди,
Гдѣ любить приволье лебединой груди;
Я хочу утѣшить мать мою въ печали,
Я хочу, чтобъ сестры слезъ не проливали,
Чтобъ не горевали неутѣшно братья,
И свою Зоицу приняли бъ въ объятья“...

— „Не крушись, Зоица, по роднымъ напрасно:
Имъ живется сладко, весело и ясно!..
На землѣ, подруга, все тебя забыло!
(Такъ, вошедши, Десна къ ней заговорила).
Отъ людей къ Харону нынче отошла я,
И тебя лишь годомъ дольше прожила я...
Видѣлась недавно я съ твоей роднею:
Всѣ они довольны, счастливы судьбою...
Братья,—да и сестры, позабывъ печали,
У сосѣда Ламбро на пиру плясали,
Бабушка болтала подъ окномъ съ кумою,
И своей хвалилась давней стариною;
Мать все хлопотала о невѣстѣ сыну:
О тебѣ жъ, бѣдняжка, не было помину“!

ПРОСЬБА ВЕСНЫ.

На-прощаньи пѣвцу говорила,
Отлетая надолго, весна:
„О, поэтъ мой, тебя я любила,
Я была и тепла и ясна.

Разстаюся я съ милой землею,
Мнѣ такъ долго ея не лобзать,
Не лелѣять своей теплотою,
И цвѣтущихъ красотъ полнотою
Мнѣ ея головы не вѣнчать!

Покидаю я женщинъ прекрасныхъ
И ласкаемыхъ мною дѣтей,
Для ночей безразсвѣтно-ненастныхъ,
Для холодныхъ, безсолнечныхъ дней...

И не будутъ, роскошными снами
Упиваясь блаженно, они
Пробуждаться и спать съ соловьями...
Покидаю я ихъ сиротами...
Замѣни имъ меня, замѣни!

Разлучаться мнѣ горько съ землею...
Но, поэтъ мой, я въ сердцѣ твоемъ
Неразлучной живу красотою,
И твоимъ пламенѣю стихомъ;

Я оставлю въ немъ звуки и краски,
И мой свѣтъ, и мою теплоту,
Вѣтерка перелётныя ласки,
И потоковъ журчащія сказки,
И луной разлитую мечту.

Какъ померкнетъ сіянье лазури,
Какъ поблекнутъ безъ жизни поля,
Да завоютъ холодныя бури,
Да одѣнется въ саванъ земля,

Мой избранникъ, людей утѣшая,
Возроди меня въ пѣсняхъ своихъ,
Чтобъ предъ ними опять разцвѣла я,
Благовонна, свѣжа, молодая,
Въ трепетаньи стиховъ золотыхъ...

Но, весеннее счастье зимою
Разливая межъ братьевъ людей,
Надѣли имъ возлюбленныхъ мною
Всѣхъ обильнѣе, женъ и дѣтей;

Чтобъ я въ пѣснѣ твоей зеленѣла,
Согрѣвая озябнувшій лѣсъ,
На снѣгахъ бы цвѣтами пестрѣла,
Наливалась въ колосья и зрѣла
И сіяла бы съ зимнихъ небесъ;

Чтобы все, забывая морозы,
Погрузилось въ знакомые сны,
Въ ароматныя майскія грезы,
Въ обаянье волшебной весны...

И подъ власть твоего вдохновенья
Все отдастся, поэтъ-чародѣй,
И, внимая словамъ пѣснопѣнья,
Отъ земли моего удаленья
Не замѣтитъ никто изъ людей.

Имъ прольюся я полною чашей
Изъ искусныхъ художника рукъ,
Имъ я буду и лучше и краше,
Облеченная въ образъ и звукъ".

ЗЕМЛЯ.

„Ты помнишь-ли случай, родная?
Когда я ребенкомъ была,
Въ саду, межъ цвѣтами летая,
Меня укусила пчела.

Какъ палецъ мнѣ жало палило,
И слезы ручьями текли,—
На палецъ ты мнѣ положила
Щепотку холодной земли...

И боль оттого унялася,
И радостно видѣла ты,
Какъ я побѣжала, рѣзвяся,
За бабочкой пестрой въ кусты...

Пора наступила иная,
И боль загорѣлася вновь...
Боюсь и признаться, родная,
Что сердце мнѣ жалитъ любовь!

Но тѣмъ же и этой порою
Ты можешь меня исцѣлить:
Холодной могильной землею—
На вѣки мнѣ сердце покрыть"...

NOTTURNO.

„На меня изъ цвѣтущаго сада
Освѣжительно вѣетъ прохлада;
Ароматы несутся въ окно,
Въ небесахъ и свѣтло и темно.
Многозвѣздная ночь окаймила
Отливнымъ серебромъ дерева,
На озерахъ горитъ синева,
И такъ страстно ночныя свѣтила
На красавицу землю глядятъ,
Будто пасть ей въ объятья хотятъ.
Опускаясь, вздымаются воды:
Онѣ кажутся грудью природы,
И біеніе сердца ея
Будто слушаетъ ухо мое.

Ко всему во мнѣ дышитъ сострастье,
И похожее что-то на счастье
И на жизнь пронеслось надо мной...
Я расцвѣлъ первобытной весной.

О, давно позабытая мною,
Ты меня позабыла давно!
Но нежданно мнѣ этой порою
Твое имя призвать суждено,
И спросить тебя съ прежнею страстью:
Что въ душѣ у тебя въ этотъ часъ?
Хоть мгновенному вѣришь ли счастью,
Что на вѣки умчалось отъ насъ?
И полна ль твоя жизнь благодатью,
Иль хоть тихимъ забвеньемъ полна,
Или все предала ты проклятью,
Чѣмъ тебя чаровала она?
Пламенѣетъ ли взоръ твой порою,
И цвѣтетъ ли румянецъ былой?..
О, скажи мнѣ, мой другъ, что съ тобою,
И душой угадай, что со мной!..

Но отъ милой не слышно отвѣта,
Все вокругъ равнодушно молчитъ;
На привѣтъ не даютъ мнѣ привѣта:
Голосъ милой моей не звучитъ.
Объ участьи молящія очи
Я къ свѣтиламъ торжественной ночи
Простодушнымъ младенцемъ вознесъ;
Но, въ потокѣ моленій и слезъ,
Я участья къ себѣ не замѣтилъ:
Былъ прекрасно, но холодно свѣтелъ
Обаятельный воздухъ ночной,
Безъ созвучья съ моею душой...
Я хотѣлъ, чтобъ суровыя бури
Помрачили сіянье лазури,
И въ гармонію, тьмой и борьбой,
Чтобъ природа слилася со мной".

Такія вещи можетъ писать только человѣкъ съ истиннымъ и сильнымъ талантомъ,—и въ томъ, что г. Щербина обладаетъ талантомъ, никогда не сомнѣвался никто изъ людей, внимательно изучавшихъ его произведенія. Во многихъ изъ его пьесъ были замѣтны ошибки, внушаемыя ошибочною теоріею; часто было видно, что его фантазія увлечена къ ложнымъ, натянутымъ цѣлямъ; но сильный талантъ былъ виденъ всегда.

Мы возвращаемся къ тому, съ чего начали. Г. Щербина, занимающій и нынѣ почетное мѣсто между поэтами, долженъ стать гораздо выше, когда рѣшится дать просторъ своимъ живымъ влеченіямъ, совершенно отбросивъ насилованіе таланта ради теоретическихъ предубѣжденій. Онъ началъ стихотвореніями въ античномъ родѣ,—этотъ родъ наименѣе способенъ возбуждать живую симпатію современнаго міра, но, къ несчастію, многіе такъ называемые цѣнители искусства, — понимающіе подъ искусствомъ искусственность,—очень дорожатъ античною манерою отчасти за то, что она трудна, отчасти за то, что она чаще всего бываетъ искусственна. Несмотря на не-

симпатичность манеры, господствовавшей въ первыхъ стихотвореніяхъ г. Щербины, они были приняты съ громкимъ одобреніемъ, потому что непринужденно возникли изъ фантазіи поэта;—вслѣдствіе субъективныхъ условій развитія, она была переполнена античными образами,—„отъ избытка сердца должны говорить уста“, и г. Щербина былъ правъ передъ своимъ талантомъ.

Любители и цѣнители искусственности истолковали успѣхъ г. Щербины такимъ образомъ: не потому онъ имѣетъ успѣхъ, что онъ человѣкъ съ талантомъ, не насилующій своего таланта, а потому, что онъ пишетъ въ античной манерѣ, которая восхитительнѣе всѣхъ другихъ манеръ; и такъ, пусть онъ, во что бы то ни стало, вѣчно продолжаетъ писать въ античной манерѣ. Самъ г. Щербина увлекся этимъ ошибочнымъ соображеніемъ.

Мы видѣли слѣдствія этой теоріи, заставлявшей г. Щербину, наперекоръ новымъ влеченіямъ своего таланта, все облекать одеждою античности,— это значило „вливать новое вино въ старый мѣхъ“, и новое вино разрывало старый мѣхъ, и то и другое, — вино и мѣхъ,—погибало. Онъ насиловалъ свой талантъ.

Но „вольному воля“, а поэтъ по преимуществу долженъ быть воленъ. Уста его должны говорить о томъ, чѣмъ переполнено его сердце. Мы видѣли, куда влечется г. Щербина новою наклонностью своего таланта,—къ современной жизни. Пусть же безбоязненно онъ погрузится въ нее. Пусть онъ пишетъ античныя стихотворенія только тогда, когда именно къ античному міру обращается его талантъ,- въ другое время, въ минуты другихъ настроеній, пусть его перо забываетъ объ античности, какъ забываетъ сердце, пусть онъ даетъ своей мысли свободно облекаться въ образы, рождаемые ея сущностью, не втискивая ея насильно въ чуждыя ей рамки.

Автономія — верховный законъ искусства. Если онъ будетъ соблюдать этотъ верховный законъ поэзіи, —„храни свободу своего таланта, поэтъ“,—что тогда будетъ онъ писать? Пока не измѣнится господствующее теперь стремленіе его таланта, онъ будетъ писать проникнутые жгучимъ сарказмомъ укоры людямъ. Но если бы расположеніе духа, которое, кажется намъ, должно вести къ подобнымъ произведеніямъ, миновалось въ г. Щербинѣ, — что тогда? — тогда, все-таки пусть пишетъ онъ въ такомъ родѣ, къ какому влечетъ его талантъ въ данное время,—хотя бы то была поэзія радости, примиренія, кто имѣетъ право требовать отъ поэта, чтобы онъ насиловалъ свой талантъ? Можно требовать только того, чтобъ онъ старался развить себя, какъ человѣка. Это развитіе человѣка въ поэтѣ составляетъ великое преимущество г. Щербины передъ многими; онъ не можетъ не быть гуманенъ, не можетъ не сочувствовать живымъ вопросамъ современности, въ какой формѣ, въ какомъ направленіи найдетъ удовлетвореніе себѣ талантъ поэта, который сталъ человѣкомъ, — должно быть рѣшаемо жизнью самого поэта. Пусть только онъ блюдетъ свободу своего таланта отъ всякихъ насилованій: пусть всею фантазіею своею предается тому, чѣмъ переполняетъ жизнь душу его: отъ избытка сердца должны говорить уста поэта, особенно поэта, одареннаго столь прекраснымъ талантомъ и столь живою натурою, какъ г. Щербина.

Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ. *Сочиненіе* Леопольда Ранке. *Переводъ съ нѣмецкаго* Петра Бартенева. *Съ приложеніемъ портрета Чернаго Георгія и картою Княжества сербскаго. Москва. 1857.*

Сербы, вмѣстѣ съ болгарами, ближайшіе къ намъ по родству изъ всѣхъ славянскихъ единоплеменниковъ нашихъ, должны возбуждать въ насъ самое живое сочувствіе. И, однакоже, на русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было ни одного порядочнаго сочиненія о Сербіи. „Желаніе хотя сколько-нибудь восполнить такой существенный недостатокъ въ русской словесности“ побудило г. Бартенева „издать въ русскомъ переводѣ книгу о Сербіи одного изъ славныхъ современныхъ исторіографовъ, берлинскаго профессора Леопольда Ранке“. Этотъ трудъ г. Бартенева заслуживаетъ всякой признательности: перевесть хорошее сочиненіе—гораздо полезнѣе, нежели перепечатать въ одну книгу изъ разныхъ общедоступныхъ изданій документы, не принадлежащіе къ числу важнѣйшихъ для исторіи, снабдивъ ихъ пристрастными замѣчаніями. Выборъ сочиненія для перевода сдѣланъ очень удачно. Г. Бартеневъ совершенно справедливо говоритъ, что, „кромѣ занимательнаго изложенія, книга Ранке отличается изъ всѣхъ иностранныхъ сочиненій о Сербіи наибольшею точностію“. Она составлена преимущественно по разсказамъ знаменитаго собирателя сербскихъ пѣсенъ, Вука Стефановича Караджича, который самъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ дѣлѣ освобожденія Сербіи отъ турецкаго ига, и потомъ участвовалъ въ составленіи сербскихъ законовъ.

Подъ турецкимъ владычествомъ очень немногія мѣстности Сербской земли управлялись христіанскими князьями (князьями, старшинами). Во всемъ Бѣлградскомъ пашалыкѣ, главной области сербскаго края, и почти всѣхъ другихъ округахъ деревни принадлежали спахіямъ — мусульманскимъ помѣщикамъ, которымъ раздана была вся завоеванная христіанская земля. Спахіи получали десятину отъ всѣхъ произведеній сельскаго хозяйства и подать съ каждой головы скота, кромѣ того, собирали поголовную подать (главницу)— по два піастра съ каждой супружеской четы. Въ иныхъ мѣстахъ, вмѣсто десятины и главницы, платился только оброкъ по десяти піастровъ съ супружеской четы,—и спахіи были очень довольны этимъ оброкомъ. „Спахіи „не требовали барщины и не вмѣшивались въ судебную расправу; они не „только не выгоняли самовластно своего подданнаго изъ деревни, но даже „не могли переселить его въ другое мѣсто. Имъ предоставлялось только „какъ бы наслѣдственное кормленіе, за которое они, какъ воины, были обя„заны нести военную службу“ (стр. 34). Они даже не жили въ деревняхъ. Кромѣ того, христіанское населеніе уплачивало расходы по государственному управленію. Для этого оно обязано было сначала отправлять барщину турецкому правительству (пашѣ), которая нѣкогда была очень тяжела, простираясь до ста дней въ году (два дня въ недѣлю). „Но въ концѣ прошлаго „столѣтія не было уже слышно о подобныхъ отягощеніяхъ“. Турецкіе судьи (кади, зависѣвшіе отъ бѣлградскаго муллы) брали пошлины при переходѣ имущества изъ однѣхъ рукъ въ другія и съ тяжебныхъ дѣлъ.

Духовное управленіе принадлежало епископамъ, которые поставлялись изъ грековъ. „Уже по самой внѣшней обстановкѣ своей, епископъ-грекъ „былъ чуждъ народу. Онъ ѣздилъ на роскошно убранной лошади, воору-„женный мечомъ и буздованомъ, знаками власти“, которые давались ему отъ султана (стр. 36).

Часто между пашами, янычарами и спахіями бывали раздоры, сила турецкаго правительства тогда ослабѣвала, и райи (христіане) благоденствовали въ эти времена. Если же кто изъ сербовъ подвергался слишкомъ сильному притѣсненію, тотъ бѣжалъ въ лѣсъ и дѣлался гайдукомъ (нѣчто въ родѣ нашихъ козаковъ XVI—XVII столѣтія). Гайдуки грабили турокъ, а иногда и своихъ братьевъ христіанъ.

Спахіи-мусульмане были бо́льшею частію сербы по происхожденію, продолжавшіе говорить по сербски, но происходившіе отъ людей, принявшихъ мусульманство.

Мусульмане владычествовали, христіане—повиновались. Но нѣкоторымъ облегченіемъ въ судьбѣ христіанъ было то, что турки жили исключительно въ городахъ, между тѣмъ какъ сербы исключительно въ селахъ. Потому повседневныхъ столкновеній не могло быть между владыками и подчиненными.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Россія и Австрія начали въ 1788 году войну съ Турціею. Эти державы призвали сербовъ къ оружію. Въ австрійскихъ арміяхъ явилось много сербскихъ волонтеровъ. При заключеніи мира, Сербія оставлена была подъ турецкимъ владычествомъ, но важно было то, что нѣкоторое время сербскія области, занятыя австрійцами, пользовались свободою отъ мусульманскаго господства, и что между народомъ явилось много людей, привыкшихъ поражать турокъ. Притѣсненія теперь должны были казаться сербамъ вдвое несноснѣе, нежели когда нибудь.

А притѣсненія начались скоро, — не отъ законнаго турецкаго правительства, не отъ бѣлградскаго паши, — напротивъ, сербы называли пашу своею „матерью“ (сербска майка),—а отъ янычаръ.

Султанъ Селимъ уже задумывалъ уничтожить это буйное ополченіе, болѣе опасное султану и пашамъ, нежели врагамъ Турціи. Янычары уже догадывались о его намѣреніяхъ, и открыто враждовали противъ многихъ пашей, раздѣлявшихъ планы султана, между прочимъ, и противъ бѣлградскаго паши, который принужденъ былъ, убивъ главнаго мятежника, изгнать остальныхъ янычаръ изъ своего пашалыка. Въ этомъ помогали ему сербы. Но константинопольскій муфти принудилъ султана возвратить изгнанныхъ бѣлградскихъ янычаръ въ пашалыкъ. Скоро янычары убили пашу, захватили въ свои руки власть надъ пашалыкомъ и начали неудержимо буйствовать надъ христіанскимъ населеніемъ, грабили и оскорбляли сербовъ—не легко пришлось отъ нихъ и туркамъ. Буйные варвары, равно ненавидя и законное турецкое правительство и христіанъ, терзали страну безпощадно. Не одни христіанскіе поселяне бѣжали отъ ихъ притѣсненій,—бѣжали и мусульманскіе спахіи. Депутаты ограбленныхъ спахіевъ нашли себѣ въ Константинополѣ покровительство у султана, который послалъ сказать бѣлградскимъ янычарамъ, что „если они не уймутся, то онъ поступитъ съ ними, какъ не поступалъ ни „съ однимъ туркомъ: онъ пошлетъ противъ нихъ войско,—но не турецкое,—

„ибо *вѣрному* тяжело сражаться съ *вѣрнымъ*, а изъ другаго народа и „другой вѣры“.—Что это значитъ?—думали янычары:—султанъ не призоветъ же въ свои владѣнія австрійцевъ или русскихъ. Вѣрно, онъ говоритъ о сербахъ,—онъ хочетъ поднять ихъ противъ насъ. Надобно предупредить это, надобно истребить всѣхъ, кто можетъ быть предводителемъ возстанія. Они поѣхали по селамъ, захватывая и умерщвляя каждаго серба, который извѣстенъ былъ храбростью, умомъ или богатствомъ, умерщвляя и множество незначительныхъ людей. „Ужасъ распространился по Сербіи. Никто не „зналъ, кому именно грозила смерть; но разнеслась молва, что искоренено „будетъ все народонаселеніе, и потому самый послѣдній дрожалъ за жизнь. По „селамъ турки встрѣчали однихъ стариковъ да дѣтей; всѣ, кто были въ „силахъ—бѣжали въ горы, въ потаенныя убѣжища гайдуковъ“ (стр. 89). Это было въ началѣ 1804 года.

У несчастныхъ бѣглецовъ было сначала только одно желаніе—„возвратиться въ свои домы, и продолжать безопасно прежнюю жизнь. Но для „этого необходимо было поднять общее земское ополченіе и собственными „средствами положить конецъ наглому насилію“. Повсюду начали являться толпы вооруженыхъ сербовъ, съ цѣлью изгнать янычаръ. Въ каждомъ округѣ былъ свой предводитель. Возстаніе быстро разлилось повсюду, стало поголовнымъ. Турки спаслись въ укрѣпленные города. За исключеніемъ крѣпостей, вся страна была мгновенно очищена отъ мусульманъ. Сербы могли теперь соединиться, чтобы начать общими силами осаду крѣпостей. Въ каждой области былъ выбранъ народомъ главный предводитель. Въ Шумадіи, центральной и самой обширной изъ областей, выборъ палъ на богатаго и предпріимчиваго торговца, Георгія Чернаго, который успѣлъ уже прославиться смѣлыми подвигами и умомъ. Онъ сталъ было говорить, что не опытенъ въ управленіи. Князы обѣщались помогать ему совѣтами. „Но вѣдь я жестокъ, „сказалъ онъ:—и у меня крутой нравъ. Я не стану долго толковать, и на „кого разсержусь, убью на мѣстѣ“. — Теперь такой намъ и нуженъ, отвѣчали князы. И Георгій Черный сдѣлался „комендантомъ Сербіи“ (комендант Србие),—пока, его власть ограничивалась одною Шумадіею, но скоро всѣ другіе сербскіе областные предводители подчинились ему, какъ самому даровитому и самому сильному изъ нихъ.

Георгій Петровичъ Черный правду говорилъ, что на кого разсердится, убьетъ на мѣстѣ. Пѣсня о немъ, переведенная Пушкинымъ, разсказываетъ не выдумку. Въ 1787 году, по первому слуху о русско-австрійской войнѣ съ турками, онъ рѣшился возстать противъ мусульманъ и принужденъ былъ, съ другими сообщниками, искать спасенія въ Австріи. Онъ взялъ съ собою и отца, котораго не хотѣлъ оставить на жертву туркамъ. Старикъ шелъ не охотно, и уговаривалъ сына возвратиться и покориться. Бѣглецы приближались къ рѣкѣ Савѣ.—„Лучше, пойдемъ назадъ, началъ снова говорить отецъ:—турки простятъ насъ“. Сынъ не соглашался.—„Ну, такъ иди же ты одинъ, а я отправлюсь домой“, сказалъ старикъ.—„Нѣтъ, вскричалъ Георгій:—я не потерплю, чтобъ турки тебя замучили, лучше, умри теперь отъ моей руки“!—Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ отца, и, видя, что старикъ мучится предсмертною агоніею, велѣлъ одному изъ товарищей сократить его страданія. Въ

ближайшей деревнѣ, онъ отдалъ поселянамъ стадо, которое гналъ съ собою, сказавъ: „похороните моего старика, да выпейте за упокой его души“, и переправился за Саву, въ австрійскія владѣнія. Онъ сражался потомъ, какъ австрійскій волонтеръ, съ турками, но разсердившись за то, что ему не дали медали, ушелъ къ гайдукамъ. По заключеніи мира, онъ жилъ въ Австріи лѣснымъ сторожемъ; потомъ, услышавъ о кроткомъ управленіи бѣлградскаго паши, воротился на родину, началъ торговать свиньями (это самый выгодный промыселъ въ Сербіи) и скоро сталъ однимъ изъ первыхъ сербскихъ богачей. Когда начались неистовства янычаръ, онъ гналъ на продажу въ Австрію стадо свиней,—на дорогѣ, онъ услышалъ, что турки ищутъ его, и явился предводительствовать возставшими поселянами своей волости. Достигнувъ верховной власти, онъ не оставилъ своихъ прежнихъ привычекъ, и жилъ какъ простой поселянинъ. Онъ продолжалъ носить старые свои голубые штаны, истасканный полушубокъ и старую черную шапку, самъ ѣздилъ за дровами, спускалъ воду на мельницѣ, пахалъ и косилъ, и разъ изломалъ пожалованный ему орденъ, набивая обручъ на бочку. Дочери его сами ходили за водою. Но въ битвѣ этотъ поселянинъ былъ героемъ и выказывалъ таланты необыкновеннаго полководца.

Суровость и безмѣрная вспыльчивость были всегда чертами его характера. Разсердившись, онъ убивалъ своею рукою преступника или спорщика. Князу Теодосію онъ былъ обязанъ своимъ выборомъ въ предводители возстанія,—но и его убилъ въ порывѣ ярости, какъ убилъ отца. Однако, опомнившись, онъ плакалъ и говорилъ: „Богъ судья тому, кто затѣялъ ссору“. Однажды простивъ врага, онъ уже не помнилъ обиды—злопамятность была чужда ему. Онъ хотѣлъ порядка въ гражданскихъ дѣлахъ, справедливости въ судѣ, и соблюдалъ законъ, сколько то позволялъ ему бѣшенный характеръ. Единственный братъ, надѣясь на него, воображалъ, что все можетъ дѣлать безнаказанно. Но когда Георгію пожаловались родственники дѣвушки, обезчещенной этимъ братомъ, говоря, что и турокъ они прогнали за такія дѣла, Георгъ велѣлъ повѣсить любимаго брата на воротахъ и запретилъ матери плакать о немъ.

Когда онъ являлся среди битвы, — а его легко было узнать по его высокому росту, сухощавому стану, широкимъ плечамъ, большому рубцу на щекѣ (—онъ хотѣлъ взять монастырскую лошадь для войны, игуменъ не далъ ея, и, въ ссорѣ, ударилъ Георгія саблею по щекѣ,—такъ произошелъ этотъ рубецъ;— нечего и говорить, что игуменъ былъ изрубленъ на мѣстѣ),— когда онъ являлся среди сражающихся, упывали турки — побѣда считалась его спутницею.

Этотъ суровый воинъ, этотъ отцеубійца, изрубившій столько сербовъ въ припадкахъ гнѣва,—если не былъ раздраженъ, былъ добродушенъ. Трезвый, онъ былъ угрюмъ. Часто онъ просиживалъ цѣлые дни, не говоря ни слова и кусая себѣ ногти, и на всѣ вопросы только покачивая головою. Но выпивъ, онъ становился разговорчивъ и даже пускался плясать.

Таковъ былъ одинъ изъ предводителей сербскаго возстанія, скоро ставшій властелиномъ Сербіи. Другіе предводители были достойные товарищи такому вождю. Напримѣръ, объ одномъ изъ нихъ, котораго звали Тюрчія,

разсказываютъ, что онъ, никогда не бравши ружья въ руки, разъ смотрѣлъ, какъ турки стрѣляютъ въ цѣль. Всѣ промахивались, — такъ далеко была цѣль. Тюрчія взялъ ружье, прицѣлился — и первой своей пулею попалъ въ цѣль. Съ того времени, говорятъ, турки стали опасаться его. Другой, гайдукъ Велько, изъ-за нѣсколькихъ піастровъ добычи всегда готовъ былъ рисковать жизнью, но добывши денегъ, тотчасъ же раздавалъ ихъ. „Коли у меня что есть—говорилъ онъ:—приходи всякій, я никому не откажу: а коли все выйдетъ, такъ пойду отымать у богатыхъ". Безъ войны онъ жить не могъ.—„Дай Богъ, чтобы сербы не мирились съ турками покамѣсть я живъ, — были его любимыя слова, — а когда я умру, дай Богъ имъ жить спокойно". Своихъ момковъ (воиновъ, составлявшихъ его постоянный конвой) онъ считалъ своими братьями, и бросилъ жену за то, что она не хотѣла за столомъ прислуживать имъ, какъ прислуживала ему.

По этимъ образцамъ можно судить, каковы были люди, поднявшіеся на защиту родины отъ янычаръ. Скоро крѣпости пали отъ ихъ натиска, и янычары были совершенно изгнаны изъ предѣловъ Сербіи.

Они возстали противъ разбойниковъ и бунтовщиковъ янычаръ, а не противъ всѣхъ турокъ, не противъ султана, — напротивъ, многіе турки приходили на помощь имъ, султанъ велѣлъ боснійскому пашѣ дѣйствовать заодно съ ними, — султану было пріятно усмиреніе янычаръ, съ тѣмъ вмѣстѣ онъ хотѣлъ, чтобъ боснійскій паша, явившись союзникомъ, сдѣлался начальникомъ людей, воевавшихъ съ янычарами, и забралъ въ руки сербское христіанское ополченіе, помощь котораго оказалась столь полезна, но самостоятельность котораго могла сдѣлаться еще болѣе опасною для турецкаго самовластія. Паша пришелъ къ сербамъ, когда они осаждали Бѣлградъ. Янычары, увидѣвъ, что имѣютъ дѣло съ султаномъ, сдались. „Теперь ваше дѣло кончено, цѣль ваша достигнута, сказалъ паша сербамъ: — расходитесь же по домамъ". Сербы поняли, въ чемъ дѣло, и, конечно, не разошлись.— вѣдь имъ нужно же было достичь обезпеченія себя отъ возобновленія прежнихъ неистовствъ со стороны янычаръ, — они видѣли ужъ однажды, какъ изгнанные изъ Бѣлграда янычары воротились и начали свирѣпствовать надъ ними необузданнѣе, нежели когда нибудь. Притомъ же, и дѣло очищенія Сербіи отъ янычаръ было еще не кончено: въ разныхъ крѣпостяхъ они еще держались, да и бѣлградская цитадель оставалась въ рукахъ Гушанцъ-Али, предводителя кирджаліевъ (отставные турецкіе солдаты, отчасти нанимавшіеся въ службу къ пашамъ, отчасти промышлявшіе грабежемъ), союзника янычаръ, удержавшаго за собою власть наружною покорностью пашѣ.

Надобно было сербамъ принять мѣры къ обезпеченію себя. Они знали, что мусульмане не считаютъ себя обязанными соблюдать обѣщанія, сдѣланныя христіанамъ, и нарушатъ всѣ свои обязательства, если эти обязательства не будутъ поставлены подъ охраненіе сильной христіанской державы. Австрія всегда возвращала туркамъ области, отнятыя у нихъ во время войны — на нее они не надѣялись и рѣшились просить покровительства у Россіи, которая недавно (1802) вытребовала гарантіи для Молдавіи и Валахіи. Въ августѣ 1804 отправились сербскіе депутаты въ Петербургъ и (въ февралѣ 1805) воротились съ благопріятнымъ отвѣтомъ: русскій дворъ совѣтовалъ

имъ просить себѣ льготъ у султана, и обѣщалъ свое заступничество по этому дѣлу въ Константинополѣ.

Сербы отправили въ Константинополь пословъ съ просьбою позволить имъ самимъ, безъ всякихъ турецкихъ войскъ, содержать гарнизонъ во всѣхъ крѣпостяхъ Сербской земли, а съ тѣмъ вмѣстѣ положили немедленно выгнать янычаръ изъ тѣхъ крѣпостей, въ которыхъ они еще держались.

Сербы воображали, что султанъ исполнитъ ихъ просьбу — они воображали себя вѣрными воинами султана, возставшими противъ его враговъ. Дѣйствительно, это было такъ: сами турки въ сербскихъ городахъ радовались изгнанію мятежныхъ янычаръ.

Но султанъ, прежде, нежели былъ государь, былъ мусульманинъ, — мусульмане не могли допустить мысли о самостоятельности христіанъ, бывшихъ рабами ихъ. Сербскіе спахіи, изгнанные янычарами, теперь требовали возвращенія своихъ помѣстьевъ,—то есть воображали, что сербы взялись за оружіе для того, чтобы возвратить къ себѣ изгнанныхъ своихъ господъ. Султанъ посадилъ подъ стражу пріѣхавшихъ въ Константинополь сербскихъ пословъ и велѣлъ нишскому пашѣ Афизу (Нишскій пашалыкъ граничитъ съ Сербіею на юго-востокѣ) обезоружить сербскихъ христіанъ.

Одинъ изъ пословъ, Стефанъ Живковичъ, хитростью уѣхалъ изъ Константинополя въ Бѣлградъ, сказалъ истину только вождямъ, а народу объявилъ, что Афизу велѣно взять съ собою въ Бѣлградъ только 300 человѣкъ, а если онъ приведетъ больше, то султанъ не велитъ сербамъ пускать его,—народъ повѣрилъ, и когда Афизъ явился на границѣ съ войскомъ, сербы приняли его за ослушника султанской воли, друга мятежныхъ янычаръ, и, послѣ жестокой битвы, прогнали назадъ.

Послѣ пораженія второстепеннаго паши, султанъ двинулъ на Сербію (1806) могущественныхъ правителей, имѣвшихъ огромныя войска: съ сѣверо-запада наступилъ на Сербію боснійскій визирь съ 30,000 войска; съ юго-востока скутарійскій паша съ 40,000-ю арміею.

Теперь сербы увидѣли, къ своему изумленію, что имѣютъ дѣло не съ мятежными янычарами, а съ султаномъ и всѣми силами турецкаго правительства. Многіе упали духомъ. „Зачѣмъ вы начали войну, — говорилъ народъ своимъ предводителямъ: —когда увѣрены были, что она не поведетъ къ добру? Вы думали, будто султанъ за насъ, а вотъ онъ теперь посылаетъ страшную силу“. Многіе изъ вождей должны были скрыться въ лѣсахъ отъ народнаго гнѣва за грозящую погибель. Но Георгій Черный не потерялъ мужества. Онъ пошелъ на боснійцевъ, разбилъ нѣсколько отрядовъ ихъ, и когда турки стянулись у Шабца, сталъ противъ нихъ съ 7,000 пѣхоты и 2,000 конницы, и, по сербскому обычаю, окопался въ лагерѣ. Турки, слишкомъ вдвое превосходившіе его числомъ, потребовали отъ него покорности и выдачи оружія. „Придите и возьмите“, отвѣчали сербы. Два дня нападали турки на окопы,—и безуспѣшно. На третій день, Георгій придумалъ рѣшительный маневръ: онъ спокойно подпустилъ ихъ къ самымъ окопамъ, безъ выстрѣла,—и вдругъ, однимъ залпомъ, сербы выстрѣлили почти въ упоръ,— ни одна пуля не пропала даромъ, — тысячи враговъ упали, ряды смѣшались, — въ эту самую минуту, конница сербская, ночью посланная въ объ-

ѣздъ, ударила на турокъ сзади,—турки бѣжали, и большая часть ихъ легла на полѣ битвы или по лѣсистымъ дорогамъ, гдѣ поджидали бѣгущихъ сербы.

Между тѣмъ, на другомъ концѣ Сербіи, крѣпостца Делиградъ, героически защищаемая Добринцемъ, остановила скутарійскаго пашу, и когда Георгій, разбивъ перваго врага, обратился на него, онъ заговорилъ объ мирѣ, потому что Турціи грозилъ уже разрывъ съ Россіею (1806) и туркамъ нужно было сосредоточивать войска на востокѣ, въ дунайскихъ княжествахъ. Улемы не допустили примиренія съ невѣрными бунтовщиками, но паша скутарійскій отступилъ, пока велись переговоры, и Георгій могъ на свободѣ заняться покореніемъ тѣхъ сербскихъ крѣпостей, въ которыхъ еще сидѣли турки.

Прежде всего онъ приступилъ къ Бѣлграду, гдѣ удержался Гушанцъ-Али. Албанецъ православной вѣры, Конда, прежде служившій Гушанцу, перешелъ къ своимъ единовѣрцамъ и доставилъ имъ Бѣлградъ отважнымъ дѣломъ. Въ день байрама, взявъ съ собою шестерыхъ рослыхъ и сильныхъ сербовъ, онъ провелъ ихъ черезъ валъ, мимо карауловъ, обошелъ кругомъ по улицамъ и вдругъ бросился на стражу, охранявшую городскія ворота,— сначала выстрѣлы не встревожили подгулявшихъ турокъ, потому что въ день байрама у нихъ въ обычаѣ потѣшная стрѣльба, и никто не являлся на помощь стражѣ. Она отчаянно сопротивлялась,—четверо сербовъ были убиты, еще одинъ и Конда ранены, цѣлъ остался только одинъ — но этотъ одинъ успѣлъ отворить ворота и впустить сербскій отрядъ, — турки бросились къ воротамъ,—въ это время, Георгій Черный перешелъ въ другомъ мѣстѣ валъ, оставшійся безъ защиты, и городъ былъ взятъ; Гушанцъ-Али скрылся въ цитадель, его принудили къ сдачѣ голодомъ. Турки, сдавшіеся на капитуляцію, были перерѣзаны. Всѣ случаи войны за независимость прославляются пѣснями, но объ этой рѣзнѣ нѣтъ пѣсни, сербы сами стыдились ея. „Недоброе мы сдѣлали дѣло и поплатимся за него“, говорили старики. Скоро были заняты всѣ другія крѣпости. Ни одного турецкаго воина не оставалось въ Сербской землѣ.

Теперь и внутреннее управленіе приняло нѣсколько правильный видъ. Предводители возстанія конечно сохраняли преобладающее вліяніе на дѣла; они каждую зиму около новаго года съѣзжались на общій сеймъ, „скупштину“, для соглашенія въ планахъ дѣйствія на слѣдующій годъ. Георгій Черный обыкновенно имѣлъ рѣшительный голосъ въ этомъ собраніи. Для управленія гражданскими дѣлами составленъ былъ сенатъ изъ депутатовъ областей (нахій), которыхъ считалось двѣнадцать. Депутатовъ этихъ было также двѣнадцать, по одному изъ каждой нахіи. Приверженцы Георгія обыкновенно имѣли перевѣсъ и въ этомъ собраніи. Главными агентами его въ сенатѣ были Юговичъ и Младенъ, люди не совсѣмъ честные и впослѣдствіи погубившіе общее дѣло своими интригами.

Занятые войною съ Россіею, турки на время оставили сербовъ въ покоѣ. Георгій Черный хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы очистить отъ турокъ Герцеговину и Боснію (на западѣ отъ собственной Сербіи), которыя также имѣютъ сербское населеніе, и расширить такимъ образомъ границы независимой Сербіи на всю сѣверо-западную часть Турціи до самаго Черно-

горія. Онъ выступилъ въ походъ весною 1809 года; турки бѣжали передъ нимъ. Черногорцы уже спускались съ своихъ скалъ навстрѣчу ему; великая цѣль похода—освобожденіе всѣхъ сербовъ, соединеніе всѣхъ сербскихъ пашалыковъ въ одну независимую область, — была уже въ половину достигнута,—но въ это самое время дошло до него извѣстіе, что турки съ страшными силами ворвались въ собственную Сербію съ юго-востока. Георгій самъ былъ виноватъ въ этой бѣдѣ: прежде, юго-восточную границу геройски и всегда успѣшно берегъ отъ турокъ Добринецъ, — но, по интригамъ своего клеврета Младена, Георгій отнялъ у него власть и передалъ ее Милою, пріятелю Младена и также своему клеврету. Милой не съумѣлъ удержать турокъ и они осадили Делиградъ. Георгій долженъ былъ вернуться на защиту своихъ границъ. Но русскіе отвлекли турецкія силы на Нижній Дунай, потомъ прислали отрядъ въ помощь сербамъ. Такимъ образомъ, война продолжалась безъ потерь со стороны сербовъ до того времени, какъ въ 1812 году, заключая миръ съ Турціею, Россія вынудила у султана для сербовъ самостоятельность внутренняго управленія, въ замѣнъ платежа опредѣленной дани.

Въ это время, Георгій Черный уже безъ всякихъ соперниковъ и ограниченій владычествовалъ въ Сербіи: областные воеводы были поставлены въ полную зависимость отъ верховнаго вождя и отъ сената, въ которомъ господствовали клевреты Георгія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, первыя попытки Георгія оттѣснить отъ участія въ правительствѣ всѣхъ людей самостоятельныхъ, подвергали страшной опасности общее дѣло, когда неспособный Милой былъ поставленъ полководцемъ вмѣсто Добринца. Теперь, всѣ мѣста были заняты клевретами Георгія; готовность интриговать въ его пользу была единственною причиною ихъ возвышенія.—и когда, по примиреніи съ Россіею, Турція обратила свои силы на сербовъ, неспособность клевретовъ Георгія погубила Сербію.

Какъ только убѣдились турки, что Россія совершенно занята французскою войною, они не захотѣли соблюдать условій Бухарестскаго мира относительно Сербіи. Они потребовали сдачи всѣхъ крѣпостей, выдачи всего оружія и боевыхъ снарядовъ и возвращенія изгнанныхъ изъ Сербіи мусульманъ. Сербы не могли согласиться отдать себя безоружными на произволъ враговъ. Турки двинулись на Сербію, и осадили крѣпость Неготинъ, гдѣ заперся гайдукъ Велько, который былъ въ немилости у Георгія. Велько геройски защищался,—но Младенъ, который долженъ былъ подать ему помощь, не хотѣлъ итти на выручку. „Пусть самъ справляется! — говорилъ этотъ клевретъ Георгія: — у него на пиру по десяти гусляровъ воспѣваютъ его подвиги; онъ самъ себѣ поможетъ, на то онъ и герой“. Велько былъ убитъ и крѣпость пала, и турки пошли впередъ. Ничтожные воеводы, поставленные Младеномъ, бѣжали; Младенъ совершенно растерялся, и почти не пытался противиться; безъ сопротивленія уступалъ туркамъ и другой полководецъ Георгія, князъ Сима. Самъ Георгій былъ теперь окруженъ уже не героями, какъ прежде,—героевъ онъ удалилъ отъ себя или погубилъ,—а раболѣпными интригантами, которые струсили въ минуту опасности и своими робкими совѣтами навели уныніе на самого Георгія,—турки шли впередъ, онъ

почти не пытался остановить ихъ,—явился въ лагерь всего на одинъ день, и 3 октября (1813) бѣжалъ въ Австрію.

Его дарованія сильно помогли первому освобожденію Сербіи; его властолюбіе, лишившее родину способныхъ слугъ, отдавшее ее подъ господство людей низкихъ и ничтожныхъ, погубило ее.

Сенаторы, воеводы, тысячи другихъ сербовъ бѣжали въ Австрію, спасаясь отъ мести турокъ. Мщеніе было ужасно.

Изъ всѣхъ воеводъ, остался въ Сербіи одинъ Милошъ Обреновичъ. Онъ поддался туркамъ и обманулъ ихъ своею видимою покорностью. Но когда первый ужасъ народа прошелъ, уступивъ мѣсто ожесточенію отъ грабительствъ и казней, когда снова начали собираться недовольные, Милошъ явился во главѣ ихъ. Въ 1815 году, въ пятницу передъ Вербнымъ воскресеньемъ, онъ выгналъ турецкихъ чиновниковъ изъ своего округа и поднялъ оружіе. Теперь уже не въ первый разъ было сербамъ выгонять турокъ изъ своей родины,—послѣ нѣсколькихъ искусныхъ маневровъ и счастливыхъ битвъ, страна была снова освобождена.

Султанъ теперь не могъ дѣйствовать противъ сербовъ съ прежнею безпощадностью: французская война была кончена, Россія могла заступиться за православныхъ. Онъ далъ полномочіе пашѣ румелійскому, Марашли-Али, вступить въ переговоры. Съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы уступки. Турки были допущены въ Бѣлградъ; верховное управленіе Сербіею передано было пашѣ, но областными начальниками остались сербы: въ управленіе Милошу дано было нѣсколько округовъ; паша окружилъ себя совѣтомъ изъ сербовъ. Теперь христіане уже не были такъ беззащитны, какъ прежде.

Милошъ, единственный предводитель возстанія, пользовался огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ, и не щадилъ ни хитростей, ни насилія, чтобы увеличить его. Людей, которые могли быть ему соперниками, онъ губилъ безпощадно. Между прочимъ, онъ донесъ туркамъ о возвращеніи въ Сербію Георгія Чернаго, и, по требованію паши, послалъ приказаніе умертвить его. Такъ погибъ отъ предводителя втораго сербскаго возстанія предводитель перваго. Оставшись безъ соперниковъ, Милошъ былъ признанъ всѣми князями за верховнаго князя.

Онъ былъ агентомъ турецкаго правительства, отъ котораго получилъ на откупъ казенныя подати и таможни. Въ то же время, народное довѣріе ставило его главою національной партіи. Положеніе дѣлъ оставалось шатко, неопредѣленно; но сила Милоша все увеличивалась съ теченіемъ времени. Наконецъ, въ 1820 году, турецкое правительство утвердило его въ санѣ „верховнаго князя“ Сербіи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ возникли несогласія между имъ и бѣлградскимъ пашею. Милошъ отказалъ пашѣ въ повиновеніи и отправилъ въ Константинополь посольство, требуя исполненія всѣхъ условій Бухарестскаго мира. Послы были посажены въ темницу. Милошъ не огорчился этимъ; не подчиняясь пашѣ и не возставая противъ султана, онъ предался заботамъ объ устройствѣ внутреннихъ дѣлъ Сербіи, при всѣхъ преобразованіяхъ имѣя въ виду расширеніе своей власти.

Самостоятельныхъ князовъ онъ замѣнилъ своими чиновниками, и мало-

по-малу сталъ управлять со всею безграничною властью, какую имѣли паши. Поборы были теперь не легче, нежели при туркахъ. Въ народѣ начался ропотъ, обнаруживались даже движенія противъ самовластія Милоша, — но онъ легко подавлялъ ихъ, потому что казался еще необходимымъ народу— на его личной власти основывалась независимость Сербіи отъ турокъ. А турки не безпокоили его, видя въ немъ человѣка, который удерживаетъ сербовъ отъ новаго возстанія.

Между тѣмъ, вспыхнуло греческое возстаніе; христіанскія державы, особенно Россія, были теперь страшнѣе султану, нежели когда нибудь, и, Аккерманскою конвенціею 1826, Порта вновь обязалась строго соблюдать условія Бухарестскаго мира относительно Сербіи. Условія были истолкованы сообразно желаніямъ сербовъ. Это было великою радостью для сербовъ. Но до самаго Адріанопольскаго мира, турки медлили привесть въ исполненіе свои обѣщанія,— побѣды русскихъ вынудили это, и въ 1830 году обнародованъ былъ султанскій хаттишерифъ, обезпечивающій самостоятельность Сербіи.

Внѣшняя безопасность теперь была пріобрѣтена народомъ: надобно было позаботиться о внутреннемъ порядкѣ,—и съ этого времени начинается борьба сербовъ противъ Милоша, который имѣлъ въ виду исключительно свои личныя выгоды.

Онъ бралъ себѣ въ собственность все, что ему нравилось, платя прежнимъ владѣльцамъ покупаемаго дома или луга такую цѣну, какую самъ хотѣлъ назначить; однажды, онъ сжегъ цѣлое предмѣстье въ Бѣлградѣ, чтобы очистить мѣсто для своихъ предполагаемыхъ зданій; онъ принуждалъ народъ даромъ исправлять сельскія работы на своихъ поляхъ; его гонцы ничего не платили за подводы и за постой; выгоднѣйшую торговлю Сербіи,—торговлю щетиною, онъ взялъ себѣ въ монополію. „Развѣ я не властитель? — говорилъ онъ:—развѣ я не могу дѣлать, что мнѣ угодно“?

Въ хаттишерифѣ было сказано, что онъ будетъ править, совѣщаясь съ старшинами,—онъ не думалъ исполнять этого, хотя бы только формальнымъ образомъ.

Общее неудовольствіе возросло до такой степени, что даже люди, близкіе къ Милошу, говорили о необходимости ограничить его произволъ. О смѣлыхъ рѣчахъ одного изъ его любимцевъ, Милутина Петровича, донесли Милошу. Онъ призвалъ Милутина и сталъ упрекать его.—„Не я одинъ такъ „думаю, сказалъ Милутинъ:—всякій думаетъ теперь точно также!“—„Какъ „всякій“? — возразилъ Милошъ. — „Да, продолжалъ Милутинъ: — даже и „тотъ, кто стоитъ съ тобою рядомъ“ — то былъ самый вѣрный любимецъ „князя, старый служитель Милошева дома, по имени Іосифъ. Милошу еще „прежде напоминали, что своими поступками онъ подвергаетъ себя опасно„сти, ибо всѣ, рѣшительно всѣ, были имъ недовольны; но онъ презиралъ „подобными предостереженіями. — „Правду ли говоритъ Милутинъ“? спро„силъ онъ теперь стараго Іосифа.—„Правду, князь, отвѣчалъ тотъ:—люди „говорятъ, что долѣе нельзя такъ жить“.

„Одаренный быстрымъ соображеніемъ, Милошъ въ одну минуту измѣ„рилъ всю опасность, всю силу враговъ своихъ и немедленно рѣшился ос„тавить Сербію.

„Но его стали просить, чтобъ онъ не спѣшилъ отъѣздомъ; ему ска-
„зали, что никто не намѣренъ посягать ни на лицо, ни на жизнь его, ни
„даже самое правленіе, а желаютъ только правъ и обезпеченія".

Между тѣмъ, вооруженныя толпы народа уже сходились отовсюду въ Крагуевацъ, чтобы требовать отъ него законности въ правленіи. Безпорядковъ не производили онѣ никакихъ, но тѣмъ страшнѣе была ихъ спокойная сила. Милошъ понялъ невозможность сопротивленія, и, созвавъ сеймъ (скупштину), обѣщалъ отказаться отъ произвольнаго правленія (1835). Обнародованъ былъ подробный органическій уставъ, учреждавшій новый порядокъ дѣлъ.

Но Милошу вовсе не хотѣлось отказаться отъ произвола; онъ поѣхалъ въ Константинополь, склонилъ на свою сторону султана Махмуда богатыми подарками, и, возвратившись, сталъ дѣйствовать еще самовластнѣе прежняго, опираясь на объявленіе султана, что въ Сербіи князь есть „единственный властелинъ". Онъ захватилъ исключительное право торговать солью и вообще всѣмъ заграничнымъ вывозомъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, на случай изгнанія, закупалъ себѣ помѣстья въ Валахіи.

Неудовольствіе возростало въ Сербіи; черезъ нѣсколько времени, разными неосторожными поступками, Милошъ возстановилъ противъ себя и Порту. Тогда недовольные сербы нашли себѣ покровительство въ Константинополѣ, и султанъ, по ихъ внушенію, издалъ фирманъ, которымъ законодательная власть въ Сербскомъ княжествѣ отдѣлялась отъ исполнительной и передавалась сенату изъ семнадцати старшинъ, а исполнительная власть князя ограничивалась назначеніемъ четырехъ отвѣтственныхъ министровъ. Милошъ притворно смирился, но подъ рукою хотѣлъ поднять возстаніе въ народѣ; это не удалось, интриги его были открыты, и люди, которыхъ прежде гналъ Милошъ и которые теперь торжествовали, рѣшили, что онъ долженъ быть удаленъ изъ Сербіи. Главою побѣдившей партіи былъ Вучичъ. Взявъ съ собою вооруженныхъ людей и вооружившись самъ, онъ вошелъ въ комнату Милоша и сказалъ ему: „Народъ не хочетъ тебя больше; если не вѣришь, я позову людей, и они подтвердятъ тебѣ слова мои". — „Ну, хорошо, отвѣчалъ Милошъ: — если они не хотятъ меня, яимъ не навязываюсь".

Онъ отправился въ Австрію, въ сопровожденіи конвоя (въ іюнѣ 1839). Во всю дорогу до самыхъ австрійскихъ границъ не произнесъ онъ ни одного слова.

Княземъ сдѣлался сынъ Милоша, Михаилъ Обреновичъ. Съ этой поры начинается новая эпоха для внутренней исторіи Сербіи. Законность должна еще бороться съ произволомъ, но, вообще, уже водворяется въ дѣлахъ нѣкоторый порядокъ.

Русскій библіографическій указатель за 1855 годъ. *Спб. 1856. 160.*

Въ настоящее время никто не сомнѣвается въ пользѣ библіографическихъ указателей, и потому нельзя не быть признательнымъ г. Ламбину, библіотекарю Академіи Наукъ, за его „Указатель", составленный съ полнымъ знаніемъ дѣла. Важность „Указателя" увеличивается тѣмъ, что подъ многими книгами отмѣчены рецензіи, помѣщенныя въ разныхъ журналахъ.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Февраль 1857.

„Экономическій Указатель“.—„Теорія и практика“, Бабста.—„Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства“, Струкова.—„Старая барыня“, Писемскаго.

Угодно ли вамъ, читатель, выслушать исторію о „голодѣ въ Багдадѣ при Гарунѣ-аль-Рашидѣ?“ Это исторія не изъ „Тысячи и одной ночи“, а изъ „Экономическаго Указателя“, на который хотимъ мы обратить ваше вниманіе.

Случился, видите ли, неурожай въ Багдадской области, а за неурожаемъ, по обыкновенію, послѣдовалъ голодъ,—дѣло очень натуральное, но вовсе непріятное. Созвалъ Гарунъ-аль-Рашидъ своихъ мудрыхъ совѣтниковъ, спрашиваетъ ихъ, какъ помочь горю? —„Привезти хлѣбъ изъ тѣхъ областей, гдѣ урожай былъ хорошъ“, говорятъ совѣтники. Сказать легко, а исполнить трудно, дороги въ гаруновомъ царствѣ были плохи,—будь хорошія дороги, пожалуй, подвезли бы запасъ скоро, а теперь, если и повезутъ, то нескоро довезутъ. Увидѣлъ Гарунъ-аль-Рашидъ, что надобно построить хорошія дороги,—но когда-то еще успѣешь ихъ построить, а дѣло не терпитъ отсрочки. Какъ быть? По обычаю, пошелъ ночью халифъ бродить по улицамъ Багдада, чтобы посмотрѣть, какъ живетъ народъ, послушать, что онъ говоритъ. Услышалъ онъ разговоръ старика съ молодымъ человѣкомъ.—„Бѣда! говоритъ молодой человѣкъ:—дорогъ хлѣбъ!“—„Можно бы этой бѣдѣ помочь, говоритъ старикъ:—установить, чтобы ни одинъ хлѣбопекъ не смѣлъ продавать хлѣбъ дороже прежней дешевой цѣны“. Умна показалась рѣчь старика Гаруну-аль-Рашиду; по утру онъ установилъ таксу на хлѣбъ. Прошло нѣсколько недѣль—вбѣгаетъ къ халифу визирь съ испуганнымъ видомъ и говоритъ: „Нѣтъ въ Багдадѣ ни одного зерна хлѣба на базарѣ, и народъ страдаетъ пуще прежняго. Торговцы и богачи, имѣющіе запасы, не хотятъ продавать ихъ по таксѣ и попрятали въ подвалы свой хлѣбъ“. —„Чтожъ дѣлать?“ говоритъ Гарунъ-аль-Рашидъ. – „Отмѣни таксу“, говоритъ визирь. Гарунъ-аль-Рашидъ послушался и отмѣнилъ таксу.—Теперь, пусть самъ „Экономическій Указатель“ говоритъ, что было далѣе:

„Ужаснулся народъ, узнавъ о такомъ рѣшеніи своего властелина, не понимая, что было причиною такой перемѣны. Начались опять бѣдствія, худшія, чѣмъ прежде, потому что хлѣбники подняли цѣны несравненно выше, чтобы вознаградить себя за убытки и опасности, которымъ они подвергались. Гарунъ-аль-Рашидъ зналъ, какъ страдаетъ народъ, но дѣлать было нечего: онъ ужъ опытомъ убѣдился, что, назначивъ цѣны, на мѣсто пользы, сдѣлалъ вредъ. Ужъ если изъ двухъ золъ выбирать меньшее, то пусть народъ ѣстъ мало, да какъ нибудь доживетъ до привоза припасовъ, нежели съѣстъ сегодня много, чтобы завтра быть безъ хлѣба. Такъ и случилось. Хотя народъ крѣпко бѣдствовалъ, но все же кое какъ прожилъ, и Гарунъ-аль-Рашидъ пришелъ къ тому убѣжденію, что для того, чтобы спасти народъ отъ голода, нужна не такса на предметы первой необходимости, а хорошія дороги, по которымъ можно было бы быстро перевозить съѣстные припасы съ одного мѣста на другое, и торговая предпріимчивость между купцами, которые откладывали бы изъ своихъ выгодъ сколько можно хлѣба въ дешевые года, на случай голода, а слѣдовательно и высокихъ цѣнъ“.

Мы выбрали эту незначительную статью, разборомъ которой не можетъ оскорбиться „Экономическій Указатель“, чтобы сказать наше мнѣніе о системѣ laissez-faire, которой, повидимому, „Экономическій Указатель“ не столько опасается, сколько надобно желать и для пользы русской публики, и для пользы самого журнала.

Нѣтъ въ мірѣ такой науки, которая была бы скучнѣе политической экономіи въ томъ смыслѣ, какой приданъ ей школою такъ называемыхъ французскихъ экономистовъ, иначе сказать, послѣдователей Сэ. У нихъ, политическая экономія имѣетъ страшно отвлеченный характеръ. Имъ мало дѣла до того, какіе именно вопросы имѣютъ существенную важность для той или другой страны въ извѣстное время, -такъ они заняты своею односторонней теоріею. Кстати и не кстати, вѣчно твердятъ они одно и тоже: „не стѣсняйте конкурренцію, не установляйте таксъ“—таковъ смыслъ и сказки, которую мы взяли примѣромъ для разбора этой теоріи.

Мы, русскіе, ровно ничего не выиграемъ отъ этого нравоученія. Таксы не имѣютъ важнаго значенія въ нашемъ экономическомъ бытѣ. А послѣдователи Сэ готовы вѣчно толковать о вредѣ таксъ, котораго мы, русскіе, вовсе не чувствуемъ (если только благоразумно установляемыя таксы дѣйствительно могутъ приносить вредъ, въ чемъ еще не всѣ или, лучше сказать, уже не всѣ ученые согласны). Вопросъ о таксахъ вовсе не принадлежитъ къ числу живыхъ, интересныхъ для русскаго общества. Какая же намъ будетъ охота слушать толки о немъ? Говорите намъ о способахъ улучшить наше земледѣльческое производство, говорите о способахъ расширить сбытъ фабричныхъ произведеній въ нашемъ сельскомъ населеніи, которое теперь очень мало ихъ покупаетъ. Эти вопросы для насъ важны;— но теорія послѣдователей Сэ очень мало занята ими, а вѣчно твердитъ о вредѣ таксъ. Можетъ ли она возбудить живой интересъ въ нашемъ обществѣ, имѣя страсть хлопотать о предметахъ маловажныхъ для насъ и не обращать вниманія на предметы, существенно интересующіе наше общество? Предаваться ей значило бы впередъ отказываться отъ живаго сочувствія публики.

Но мало того, что теорія Сэ мертва для насъ. Она сама по себѣ поверхностна и фальшива. Въ наукѣ это уже давно доказано. Для тѣхъ, которые не имѣли случая узнать объ успѣхахъ, сдѣланныхъ наукою со

временъ Сэ, мы покажемъ поверхностность и фальшивость его теоріи разборомъ сказки, ею порожденной и переданной нами выше со словъ „Экономическаго Указателя“.

Какой урокъ извлекаютъ жители Багдада изъ перенесеннаго ими бѣдствія?—„Надобно улучшить дороги, и не надобно установлять таксъ“. Какой бѣдный, неполный урокъ! Видно, что жители Багдада—люди, отставшіе отъ вѣка. Если бы между ними былъ человѣкъ, знакомый съ политическою экономіею не по одному Сэ, а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, онъ повелъ бы съ ними рѣчь слѣдующимъ образомъ.

Въ Багдадѣ былъ страшный голодъ. Какъ могло это случиться?—У насъ былъ неурожай.—Но вѣдь при жестокомъ неурожаѣ сборъ хлѣба все таки равняется двумъ-третямъ обыкновеннаго сбора. Развѣ вы имѣете въ обыкновенные годы такъ мало хлѣба, что едва достаетъ вамъ на пропитаніе? иначе, если бы вы, напримѣръ, производили хлѣба въ обыкновенные годы вполтора раза болѣе, нежели нужно для вашего пропитанія, вы не терпѣли бы голодъ, когда сборъ оказался одною третью менѣе обыкновеннаго.—„Да, дѣйствительно, мы и въ обыкновенные годы кушали хлѣба меньше, нежели бы хотѣлось намъ“.—Почему же такъ? Развѣ у васъ мало земли?—„Нѣтъ, земли у насъ довольно“.—Значитъ, она неплодородна?—„Нѣтъ, земля у насъ хороша“.—Стало быть, у васъ земледѣліе въ дурномъ состояніи?—„Правда“.—Итакъ, друзья мои, старайтесь улучшить ваше земледѣліе. Это пригодится вамъ не только на случай неурожая (тогда и при неурожаѣ вы не будете слишкомъ голодны), но и въ обыкновенные годы; вы теперь едва кормитесь, а тогда будете жить въ избыткѣ. Такъ ли? Надобно вамъ улучшить ваше земледѣліе?—„Надобно“.—Такъ подумаемъ же вмѣстѣ, какъ бы вамъ приняться за это.—И онъ объяснилъ бы жителямъ Багдадской области, какія экономическія отношенія должны быть измѣнены, чтобы земледѣліе могло улучшиться.

Это нравоученіе полезнѣе и ближе къ дѣлу, нежели рѣчь о таксахъ.

„Гарунъ-аль-Рашидъ хотѣлъ купить для насъ хлѣба въ сосѣднихъ областяхъ, да перевезти его нельзя было бы скоро, потому что дороги у насъ плохи“, говорятъ багдадскіе жители своему совѣтнику.—„Какъ! у васъ нѣтъ хорошихъ дорогъ? Значитъ, вы народъ безпечный, если не позаботились давно объ этомъ важномъ дѣлѣ. Какія же причины сдѣлали васъ такими безпечными людьми? Надобно изслѣдовать это“.—И началось бы объясненіе экономическихъ отношеній, развивающихъ въ народѣ безпечность.

Это нравоученіе также полезнѣе и ближе къ дѣлу, нежели рѣчь о таксахъ.

„Мы очень бѣдствовали, и помочь было нельзя: таксы не помогли“, продолжаютъ жители Багдадской области.—Но вѣдь, кромѣ таксъ, существуетъ множество способовъ помочь народу во время голода, замѣчаетъ ихъ собесѣдникъ:—укажу вамъ хотя одинъ: во время голода, объявляютъ хлѣбникамъ, что они должны продавать фунтъ хлѣба по прежней дешевой цѣнѣ; а разницу между дорогой цѣной и обыкновенной будетъ имъ приплачивать городъ,—для этой цѣли можно сдѣлать особенный заемъ. Это средство испытанное.

„А таксы дѣйствительно безполезны или даже вредны?“ спрашиваютъ любопытные багдадцы.—Прежде такъ думали всѣ ученые, отвѣчаетъ имъ ихъ собесѣдникъ,—а теперь многіе, самые ученѣйшіе и глубокомысленнѣйшіе люди напротивъ доказываютъ, что разумная таксація—одинъ изъ лучшихъ способовъ значительно улучшить экономическій бытъ народа.—И онъ объяснилъ бы имъ теорію таксаціи, принимающей за основаніе цѣнности вещей стоимость ихъ производства.

Такимъ образомъ, онъ доказалъ бы имъ, что если Гарунъ-аль-Рашидъ не могъ установить таксу на хлѣбъ, такъ это потому, что не умѣлъ приняться за дѣло какъ слѣдуетъ; да и безъ таксъ имѣлъ бы средства помочь народу, если бы зналъ открытія, сдѣланныя наукою.

Мы обратили вниманіе на эту сказку о Гарунѣ-аль-Рашидѣ потому, что она явилась въ № 1-мъ „Экономическаго Указателя“, какъ бы предвѣстницею направленія, котораго будетъ держаться журналъ,—къ счастью, многія изъ послѣдующихъ статей не оправдываютъ этого предзнаменованія. Въ семи нумерахъ, которые мы прочли, находится не одно изслѣдованіе, касающееся предметовъ очень интересныхъ. Особенно мы замѣтимъ статьи о желѣзныхъ дорогахъ г. Вернадскаго, Гагемейстера, г. Д. Г.; „Теорія и практика“, г. Бабста и „Опытъ изложенія условій сельскаго хозяйства“, г. Струкова.

„Умный купецъ, порядочный чиновникъ чувствуютъ, ежели не у насъ, то вездѣ по крайней мѣрѣ, что безъ науки, безъ образованія каждый шагъ тяжелъ и труденъ (говоритъ г. Бабстъ).—Необходимость экономическаго образованія сознаетъ въ настоящее время въ Европѣ каждый рабочій“—надобно желать, чтобы тоже самое было и у насъ. Но распространить охоту знакомиться съ политическою экономіею нельзя отвлеченными разсужденіями о банкирскихъ операціяхъ, необходимости безграничной конкурренціи и предоставленіи экономическимъ отношеніямъ полной воли развиваться подъ вліяніемъ односторонняго принципа конкурренціи, въ зависимости отъ банкирскихъ операцій. Чтобы возбудить интересъ къ себѣ, наука должна говорить преимущественно о вопросахъ, имѣющихъ для страны наибольшую важность. Если „Экономическій Указатель“ будетъ держаться этого правила, онъ принесетъ очень большую пользу своему дѣлу,—дѣлу распространенія у насъ экономическихъ понятій. Статью г. Бабста нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы она не удовлетворяла этому требованію.

Тема его –разъясненіе побужденій, по которымъ очень многіе возстаютъ у насъ противъ политической экономіи,—тема очень живая, потому что, дѣйствительно, недостатокъ уваженія къ наукѣ—одинъ изъ главныхъ нашихъ недостатковъ. Коренною причиною вражды, чувствуемой многими къ наукѣ, онъ справедливо считаетъ то, что ея выводы противорѣчатъ эгоистическимъ и близорукимъ желаніямъ невѣждъ. Но онъ такъ добросовѣстенъ, что не умалчиваетъ и о другой причинѣ недовѣрчивости къ теоріи,—„теоретики часто вредятъ себѣ и благому дѣлу народнаго развитія своею исключительностью и неумолимостью“. Иногда они воображаютъ, что, сказавъ: „цѣна зависитъ отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ“,—„конкурренція не должна быть ограничиваема ни подъ какимъ видомъ“—они

уже высказали всю истину и дали рецептъ для излеченія всѣхъ экономическихъ болѣзней,—они часто забываютъ, что безграничная конкурренція (новѣйшая форма средневѣковаго кулачнаго права) ведетъ къ монополіи, противъ которой сами же они такъ сильно возстаютъ; и что, такъ какъ человѣкъ есть не экономическая машина, а живое существо, одаренное съ одной стороны различными потребностями, а съ другой—разумомъ, то и надъ слѣпымъ, неразумнымъ и безжалостнымъ принципомъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ долженъ въ человѣческомъ обществѣ возвышаться другой принципъ—законъ удовлетворенія естественнымъ потребностямъ человѣка и разумной организаціи экономическихъ силъ. Воображая, что все наилучшимъ образомъ устроивается безъ вмѣшательства разумной воли, однимъ инстинктомъ промышленниковъ, они тѣмъ самымъ отвергаютъ необходимость теоріи и признаютъ ненарушимость практики.

Г. Бабста нельзя упрекнуть въ такой односторонности. Онъ признаетъ, что наука должна принимать въ соображеніе жизненныя потребности человѣка, и прилагаетъ это правило къ дѣлу. Статья его наполнена не алгебраическими формулами, а живыми объясненіями фактовъ нашей экономической жизни. Онъ говоритъ о состояніи нашего земледѣльческаго производства, о монопольномъ характерѣ нашей промышленности и торговли и т. д. Такихъ живыхъ статей, какъ его „Теорія и практика“, надобно желать больше.

Такого же вниманія заслуживаетъ статья г. Струкова: „Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства“. Она написана не съ отвлеченной точки зрѣнія, говоритъ не о вредѣ таксъ и тому подобныхъ болѣе или менѣе безполезныхъ предположеніяхъ, а о томъ, до какой степени благопріятны для экономическаго развитія тѣ условія, въ которыхъ производится у насъ земледѣльческій трудъ. Такія изслѣдованія будутъ всегда читаться съ интересомъ и только они могутъ дѣйствительно быть полезны дѣлу распространенія здравыхъ научныхъ понятій.

О желѣзныхъ дорогахъ въ первыхъ семи нумерахъ „Экономическаго Указателя“ помѣщенъ уже цѣлый рядъ статей. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ—„Замѣтки о желѣзной дорогѣ“, г. Д. Г. Кромѣ того, замѣтимъ „Письмо г. Редактору Экономическаго Указателя“, г. Гагемейстера, и „Нѣчто о средствахъ сообщенія“, г. Вернадскаго.

Изъ разныхъ проектовъ, имѣющихъ цѣлью дополнить второстепенными линіями ту сѣть желѣзныхъ дорогъ, о построеніи которой уже заключенъ правительствомъ контрактъ, г. Вернадскій наиболѣе важнымъ и наиболѣе исполнимымъ считаетъ три линіи: 1) отъ Рыбинска къ Верхнему Волочку; 2) отъ Кіева до Одессы; 3) отъ Москвы на Моршанскъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эти дороги очень важны; но чтобы доказать рѣшительное преимущество ихъ передъ всѣми другими линіями, необходимо подкрѣпить болѣе точными и подробными доводами общія соображенія, представляемыя въ ихъ пользу г. Вернадскимъ.

Г. Гагемейстеръ, въ „Письмѣ къ редактору“, доказываетъ, что едва ли можно разсчитывать на доходъ, много превышающій пять процентовъ въ первые годы по сооруженіи линій, нынѣ уступленныхъ компаніи барона

Штиглица, а потому напрасны опасенія, что иностранные акціонеры этой компаніи будутъ вывозить изъ Россіи большія богатства, — мысль, совершенно справедливая. Онъ не считаетъ основательнымъ и того опасенія, что компанія можетъ наводнить Россію иноземными рабочими,—это было бы невыгодно для самой компаніи,—и этотъ разсчетъ совершенно вѣренъ: наконецъ онъ не раздѣляетъ и того предположенія, что проценты, приносимые дорогами, будутъ очень незначительны, и правительству придется доплачивать имъ слишкомъ большія суммы. Дѣйствительно по всей вѣроятности, средній доходъ будетъ не менѣе трехъ процентовъ,—черезъ нѣсколько лѣтъ, конечно, болѣе, такъ что скоро достигнетъ до пяти процентовъ, гарантируемыхъ правительствомъ.

Что касается значенія желѣзныхъ дорогъ для Россіи, г. Гагемейстеръ, подобно автору статьи, помѣщенной въ № 2 „Современника“ за прошлый годъ, полагаетъ, что желѣзныя дороги въ Россіи должны, по сравненію съ другими способами сообщенія, имѣть болѣе преимуществъ, нежели въ иныхъ земляхъ.

Вотъ его слова:

„По недостаткамъ естественныхъ путей въ Россіи, искусственные пути предназначены къ большему еще значенію, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Рѣки наши судоходны только въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, сколько отъ замерзанія ихъ зимою, столько отъ лѣтняго мелководія; а по мѣрѣ вырубки лѣсовъ—весеннія воды стекаютъ скорѣе, снѣга и дождя вообще выпадаетъ менѣе. Между прочимъ, уменьшившейся въ атмосферѣ влажности и меньшему затѣмъ приливу водъ въ Каспійское море должно отчасти приписать, что средній уровень Каспія отъ 1804 по 1853 годъ понизился на 12 футовъ. Съ этимъ сопряжено, разумѣется, соотвѣтственное пониженіе уровня всѣхъ притоковъ Каспійскаго моря, т. е. водной системы всей восточной полосы Россіи.

„Отъ этихъ климатическихъ причинъ сухопутныя сообщенія страдаютъ не менѣе водяныхъ. Снѣгъ, который часто будетъ затруднять движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ ихъ пользу болѣе ощутительною въ Россіи, чѣмъ въ странахъ, пользующихся климатомъ болѣе умѣреннымъ, ибо нынѣ сообщеніе юга съ сѣверомъ Россіи возможно только въ лѣтніе мѣсяцы, а пресловутая русская зима облегчаетъ перевозку только въ сѣверной полосѣ Имперіи. По этимъ причинамъ съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ все товарное движеніе перейдетъ къ онымъ, тѣмъ болѣе, что во время осени и зимы, когда нынѣ совершенно прекращается рѣчная и отчасти затруднена сухопутная перевозка, настоитъ наибольшая надобность въ перевозкѣ произведеній, составляющихъ главное богатство Россіи. Что касается пассажировъ, то число ихъ будетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ нынѣ полагаютъ, потому что нѣтъ народа, болѣе сохранившаго при осѣдлости наклонность къ кочевой жизни, какъ великороссіяне, промышляющіе во всѣхъ концахъ Имперіи. Одно уже число косарей, отправляющихся изъ сѣверныхъ губерній въ южныя для уборки хлѣба и сѣна, дастъ немало занятія Московско-ѳеодосійской дорогѣ“.

Не совсѣмъ таково мнѣніе г. Д. Г. (въ статьѣ „Замѣтки о желѣзной дорогѣ“). Онъ, само собою разумѣется, увѣренъ, что желѣзныя дороги дадутъ чрезвычайно сильное развитіе нашей экономической жизни, и, конечно, не менѣе другихъ сочувствуетъ великому дѣлу ихъ устроенія; но— говоритъ онъ- не должно увлекаться и преувеличенными ожиданіями, -надобно дать мѣсто безстрастному разсчету.

У насъ вошло въ обычай сравнивать результаты, ожидаемые отъ же-

лѣзныхъ дорогъ для Россіи, съ движеніемъ, которое производится по желѣзнымъ дорогамъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Сходство тутъ заключается въ огромности разстояній и малой плотности населенія. Но есть и важныя различія, которыхъ не должно упускать изъ виду.

Въ ту эпоху, когда начали строиться желѣзныя дороги въ Сѣверной Америкѣ, промышленная дѣятельность имѣла уже громадные размѣры; огромныя пространства земли на Западѣ ждали только желѣзныхъ дорогъ, чтобы населиться колонистами: условія производительнаго труда были очень благопріятны, характеръ народа былъ дѣятеленъ и предпріимчивъ. У насъ этихъ условій нѣтъ. Потому не должно и ожидать, чтобы въ первые годы по открытіи желѣзныхъ дорогъ движеніе товаровъ и пассажировъ приняло такіе размѣры, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Притомъ, направленіе линій въ Сѣверной Америкѣ опредѣлялось исключительно экономическими потребностями, безъ всякаго вліянія административныхъ или стратегическихъ соображеній.

Но если справедливо, что желѣзныя дороги у насъ въ первые годы не будутъ перевозить столько товаровъ, какъ въ Америкѣ, то, по нашему мнѣнію, все-таки онѣ у насъ имѣютъ еще болѣе рѣшительное превосходство надъ прежними путями сообщенія, нежели въ Америкѣ. Факты, указываемые г. Гагемейстеромъ, столь же вѣрны, какъ и тѣ, на которые указываетъ г. Д. Г. Соображая тѣ и другіе, мы должны прійти къ такому выводу. Положимъ, что промышленная дѣятельность въ Америкѣ до устроенія желѣзныхъ дорогъ была въ четыре раза больше нежели у насъ. Если съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ она удвоилась, то у насъ должна утроиться,—но, конечно, и тогда еще не сравнится своими размѣрами съ сѣверо-американскою. Сѣверо-американцы посредствомъ желѣзныхъ дорогъ возвысили свое производство отъ 4 до 8; мы возвысимъ отъ 1 до 3,—перевѣсъ абсолютной величины производства останется за Сѣверною Америкою — въ этомъ правъ г. Д. Г.; но степень усиленія производства значительнѣе для насъ, нежели для сѣверо-американцевъ,—въ этомъ правъ г. Гагемейстеръ.

Конечно, мы говоримъ объ усиленіи экономической дѣятельности только въ тѣхъ полосахъ, по которымъ пролегаютъ желѣзныя дороги; области, не охватываемыя дѣйствіемъ желѣзныхъ дорогъ, конечно, почти ничего не выиграютъ отъ нихъ, — и замѣчаніе г. Д. Г. о необходимости проведенія многочисленныхъ отраслей и соединительныхъ линій отъ главныхъ, длинныхъ путей остается совершенно справедливымъ.

Отъ всей души желаемъ, чтобы въ „Экономическомъ Указателѣ“ сдѣлалось преобладающимъ то дѣловое, живое направленіе, которымъ отличаются статьи, нами указанныя вниманію читателей. Только тогда „Экономическій Указатель“ дѣйствительно будетъ удовлетворять настоятельной потребности нашего общества въ политико-экономическомъ журналѣ.

Настоятельная потребность политико-экономическаго журнала — какой шагъ впередъ въ развитіи нашей публики обнаруживается этимъ фактомъ! Десять лѣтъ тому назадъ такой журналъ былъ бы явленіемъ почти совершенно излишнимъ; онъ не нашелъ бы десятой части тѣхъ читателей, кото-

рые теперь заинтересованы имъ; онъ былъ бы явленіемъ невозможнымъ Да, что ни говорите, а мы таки развиваемся, и чтобы ни говорили мы о нашей литературѣ, все-таки въ ней замѣтнѣе всего отражается это развитіе.

Любопытно сравнить характеръ журналовъ нашихъ за послѣднія тридцать лѣтъ,—постепенное развитіе нашей мысли очень отчетливо обнаруживается такимъ сравненіемъ.

До 1830 года оригинальная повѣсть была въ нашихъ журналахъ рѣдкостью. Говоря: оригинальная, мы, конечно, разумѣемъ только „написанная русскимъ авторомъ“, вовсе не разумѣя того, чтобъ въ ней было сколько нибудь самостоятельности. Нѣсколько времени спустя „Телеграфъ“ сталъ чаще прежняго украшаться оригинальными повѣстями,—но это было дѣломъ не столько времени, сколько случая: Н. А. Полевой вздумалъ быть беллетристомъ, другой причины тому не было. Какъ явленіе случайное, эта черта—частое помѣщеніе русскихъ повѣстей,—еще исключительно принадлежало одному журналу Полеваго. Другіе журналы оставались по прежнему безъ повѣстей. Въ 1834 году основалась „Библіотека для Чтенія“, и однимъ изъ постоянныхъ отдѣловъ своей программы сдѣлала „Русскую Словесность“, понимая подъ этимъ словомъ повѣсти, разсказы, комедіи въ прозѣ. Дѣйствительно, съ того времени постоянно въ каждой книжкѣ „Библіотеки“ бывала русская повѣсть. Но это все-таки было еще не дѣломъ времени, а просто натяжкою со стороны редакціи, обязавшейся во что бы то ни стало печатать чтобы то ни было въ отдѣлѣ „Русской Словесности“, — статьи, наполнявшія этотъ отдѣлъ, большею частью писались точно также, какъ статьи отдѣла „Сельское Хозяйство“ — фабричнымъ образомъ, и вовсе не претендовали на литературныя достоинства. Въ другихъ тогдашнихъ журналахъ русская повѣсть все еще была явленіемъ не совсѣмъ обыкновеннымъ, хотя съ каждымъ годомъ становилась явленіемъ менѣе рѣдкимъ.

Ученый отдѣлъ журналовъ былъ и того бѣднѣе оригинальными статьями.

Такъ продолжалось до основанія „Отечественныхъ Записокъ“ (1839). Тутъ въ первый разъ русскія повѣсти, писанныя не фабричнымъ образомъ, какъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“, стали явленіемъ обыкновеннымъ, хотя все-таки далеко не на каждую книжку доставало этихъ произведеній. Тутъ въ первый разъ и ученыя оригинальныя статьи довольно большаго объема и довольно важнаго достоинства перестали быть рѣдкостью, но все-таки ихъ было менѣе, нежели повѣстей.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ,—и русская беллетристика достигла уже такого развитія, что каждая книжка журнала непремѣнно имѣла русскую повѣсть. Это началось около того времени, какъ основался нашъ журналъ (1847). Ученый отдѣлъ все еще гораздо чаще наполнялся во всѣхъ журналахъ переводами или компиляціями. Всего только пять-шесть лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ журналахъ оригинальныя статьи серьезнаго содержанія и положительнаго достоинства начали являться постоянно.

Но если мы сравнимъ нынѣшніе журналы съ журналами лѣтъ за десять по отношенію къ ученымъ статьямъ, мы замѣтимъ разницу не только въ количествѣ, но и въ содержаніи. Публика была такъ еще нетребовательна, что статьи самаго сухаго содержанія не считались неудобными для

журнала, имѣющаго читателями всю массу публики. Какъ то съ годъ тому назадъ всѣ удивились, нашедши въ одномъ изъ хорошихъ журналовъ статью о Кириллицѣ или о Глаголицѣ, — помилуйте, да лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ такія ли статьи помѣщались лучшимъ тогдашнимъ журналомъ сплошь да рядомъ — припомните только, чего вы не видали въ журналахъ, издававшихся для всей массы публики! — статьи о музыкальныхъ гаммахъ, объ анатоміи, о русскихъ азбуковникахъ, о леченіи болѣзней искусствомъ и натурою, о тмутараканскомъ камнѣ и тому подобныхъ предметахъ.

До послѣдняго времени не предполагалось возможнымъ, чтобы могъ существовать большой журналъ, исключительно благодаря статьямъ серьезнаго содержанія. Теперь это очевидно для всякаго. Есть даже многіе, которые думаютъ, что беллетристика становится въ нашей литературѣ на второе мѣсто, — положимъ, это мнѣніе пока еще преждевременно; но каждый знаетъ, что пять-шесть лѣтъ тому назадъ статьи серьезнаго содержанія не имѣли и половины той публики, какую имѣютъ нынѣ.

До сихъ поръ единственными журналами, нужными массѣ публики, были журналы энциклопедическіе. Теперь, каждый видитъ, что начинается возможность существовать журналу, не только ограничивающемуся однѣми серьезными статьями, но и статьями, принадлежащими къ одной опредѣленной области наукъ. Никто, конечно, не усомнится нынѣ, что, кромѣ журнала политико-экономическаго (существованіе котораго есть уже фактъ), могъ бы существовать журналъ историческій.

Люди, еще не старые, пережили на своемъ вѣку всѣ эти различныя эпохи нашей журналистики. Двадцать лѣтъ тому назадъ почти не существовало въ нашихъ журналахъ русской беллетристики. Пятнадцать лѣтъ назадъ были еще очень малочисленны въ нашихъ журналахъ самостоятельныя статьи серьезнаго содержанія, имѣющія положительное достоинство или заслуживающія, по нынѣшнимъ понятіямъ, имя общеинтересныхъ статей. Еще менѣе лѣтъ прошло съ той поры, когда публика стала обращать на серьезныя статьи столько же вниманія, сколько и на беллетристику, и пріучилась быть сколько нибудь разборчивою относительно этихъ статей. Критика, правда, явилась въ нашихъ журналахъ дѣйствительно заслуживающею вниманія раньше, нежели беллетристика или ученый отдѣлъ, — но и тому прошло только съ небольшимъ тридцать лѣтъ, — до „Телеграфа“ она была ничтожна, какъ и самые журналы были незначительны.

А между тѣмъ давно ужъ публика наша читаетъ преимущественно журналы; за долго до „Телеграфа“ слышались мнѣнія, что журналы — главная отрасль нашей литературы, и повторялись слова:

„И вижу наконецъ въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной“.

Спрашивается теперь: съ давняго ли времени наша литература стала дѣйствительно замѣтнымъ элементомъ нашей народной жизни?

Часто жаловались у насъ на то, что въ прежнее время не заботились о сохраненіи матеріаловъ для біографіи нашихъ писателей, — эта небрежность, конечно, очень прискорбная для историка литературы, происходила отъ причины очень естественной и даже основательной. Литература

не была важнымъ явленіемъ народной жизни, — какая же могла представляться потребность собирать и сохранять свѣдѣнія, относящіяся до литературы и до литераторовъ? Въ послѣднее время, небрежность эта стала мало-по-малу уступать мѣсто заботливости о собираніи біографическихъ данныхъ. Такую перемѣну приписывали различнымъ причинамъ, иногда великолѣпнымъ, иногда очень незавиднымъ. По нашему мнѣнію, проще и вѣрнѣе другихъ объясненій то, что собиратели фактовъ обратили вниманіе на нашу литературу (и, слѣдовательно, на ея дѣятелей) съ того времени, какъ важность ея стала очевидна. Послѣ Пушкина и во время Гоголя пріобрѣла она важность,—съ Пушкина и Гоголя и начинается рядъ писателей, жизнь которыхъ кажется ихъ современникамъ достойною того, чтобы современники и потомство знали о ней. И прежде литераторы превозносили другъ друга,— даже гораздо усерднѣе превозносили, нежели нынѣ. Но до послѣдняго времени общество не вѣрило въ важность ихъ дѣла,—и они сами невольно, инстинктивно сомнѣвались въ его важности. Въ Пушкинѣ общество въ первый разъ признало писателя великимъ историческимъ лицомъ,— очень натурально, что о немъ стали собирать біографическія данныя, какъ и о всякомъ важномъ лицѣ въ народной исторіи. Гоголемъ серьезное вниманіе общества занялось еще сильнѣе,—о немъ пишутъ еще болѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, о Гоголѣ теперь собрано ужъ едва ли не болѣе біографическихъ свѣдѣній, нежели о всѣхъ знаменитыхъ нашихъ писателяхъ до Пушкина. Г. Николай М*** издалъ два толстые тома „Записокъ“ о его жизни,—публика не утомилась этими двумя томами, — напротивъ, въ ней только пробудилось имя желаніе узнать о его жизни еще болѣе, и люди, бывшіе къ нему близкими, спѣшатъ удовлетворить этому желанію,—за одною статьею о жизни Гоголя слѣдуетъ другая. Въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ г. Тарасенковъ разсказалъ намъ, какъ медикъ, исторію послѣднихъ дней великаго писателя, — въ февральской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“—г. Анненковъ свои воспоминанія о Гоголѣ.

Г. Анненковъ былъ однимъ изъ близкихъ знакомыхъ Гоголя въ періодъ его петербургской жизни, до отъѣзда за границу въ 1836 г. Потомъ въ Римѣ, онъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ нимъ. Воспоминанія такого человѣка должны были быть очень интересны, — и дѣйствительно, они очень интересны. Статья, напечатанная въ февральской книжкѣ „Библіотеки“, доводитъ разсказъ только до встрѣчи г. Анненкова съ Гоголемъ въ Римѣ въ 1841 г., конечно, будетъ имѣть продолженіе. Теперь мы скажемъ только, что факты, сообщаемые г. Анненковымъ, значительно объясняютъ намъ Гоголя, какъ человѣка, и что вообще взглядъ г. Анненкова на его характеръ кажется едва ли не справедливѣйшимъ изъ всѣхъ, какіе только высказывались до сихъ поръ. Г. Анненковъ не усиливается, въ противность правдѣ и правдоподобію, воображать или изображать Гоголя человѣкомъ безъ всякихъ слабостей, безъ всякихъ недостатковъ, какъ то дѣлали другіе; онъ откровенно признается, что въ Гоголѣ была частица притворства, частица искательства, частица хитрости,—но, понимая эти недостатки, г. Анненковъ понимаетъ также, что они съ избыткомъ вознаграждались другими качествами его натуры, прекрасными и благородными. Онъ

не дѣлаетъ нашего великаго писателя идеаломъ всевозможныхъ добродѣтелей, но видитъ въ немъ человѣка, котораго трудно было не полюбить, сошедшись съ нимъ, и нельзя было не уважать, понявъ его, — и читатель вѣритъ тому. Это не панегирикъ и не апологія,—это просто правдивый разсказъ, который для доброй славы человѣка бываетъ лучше всякихъ панегириковъ и апологій.

Г. Анненковъ, кажется, хочетъ представить намъ цѣлый рядъ воспоминаній и біографическихъ этюдовъ о замѣчательныхъ людяхъ русской литературы послѣднихъ десятилѣтій,—въ то самое время, какъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ печатаетъ онъ свой разсказъ о Гоголѣ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№ 3-ій) является первая часть написанной имъ біографіи Н. В. Станкевича, этого юноши, объ очаровательно-возвышенной личности котораго не могутъ безъ умиленія вспоминать люди, имѣвшіе счастье знать его, о чрезвычайно сильномъ и благотворномъ вліяніи котораго на развитіе избраннѣйшихъ нашихъ писателей вѣчно будетъ съ признательностью говорить исторія нашей литературы.

Въ примѣчаніи къ этому этюду г. Анненковъ увѣдомляетъ насъ, что письма Станкевича, послужившія ему главнымъ матеріаломъ для составленія біографіи, приготовляются къ изданію. Этюдъ г. Анненкова, вмѣстѣ съ этими письмами, познакомитъ русскаго читателя съ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и самыхъ важныхъ эпизодовъ исторіи умственной жизни нашей родины. Мы надѣемся возвратиться къ этому предмету.

Нельзя не желать, чтобы г. Анненковъ, который болѣе, нежели кто нибудь, имѣетъ средствъ для обогащенія нашей литературы такими трудами, какъ его „Матеріалы для біографіи Пушкина“, „Воспоминанія о Гоголѣ“ и біографія Станкевича, неутомимо посвящалъ свои силы этой прекрасной дѣятельности, которая доставила ему уже столько правъ на благодарность русской публики. Послѣ славы быть Пушкинымъ или Гоголемъ прочнѣйшая извѣстность—быть историкомъ такихъ людей.

Наши замѣтки о журналахъ за прошедшій мѣсяцъ были бы неполны, еслибъ мы не упомянули о прекрасной повѣсти г. Писемскаго „Старая барыня“ („Библіотека для чтенія“, № 2). Старая барыня—гофъ-интендантша Катерина Евграфовна Пасмурова, дѣйствительно барыня старыхъ временъ, и притомъ большая, богатая, для своей губерніи даже знатная барыня. Какимъ почетомъ пользуется она въ губерніи! Когда начальникъ губерніи поѣдетъ по своей области, онъ долгомъ своимъ считаетъ заѣхать къ ней засвидѣтельствовать свое уваженіе,—с мелюзгѣ и говорить нечего: исправники и засѣдатели говорятъ съ нею чуть не на колѣнахъ стоя. Она требуетъ и умѣетъ внушить почтеніе къ своей высокой особѣ. Зато, и сама она знаетъ, какъ съ кѣмъ должно обходиться. Ѣдетъ новый губернаторъ,—она шлетъ своего дворецкаго съ поклономъ къ нему, подноситъ дворецкій самолучшихъ мѣрныхъ стерлядей въ серебряной лохани и говоритъ, что „такъ и такъ, госпожа его, гофъ-интендантша, по слабости своего здоровья, сама пріѣхать не можетъ, но за-очно дѣлаетъ ему поздравленіе съ пріѣздомъ и, какъ обывательница здѣшняя, кланяется ему, вмѣсто хлѣба-соли, рыбой въ лохани“.

Почетъ почетомъ, но и выгода въ почетѣ. Когда продается имѣнье съ торговъ, и пришелъ на торги ея повѣренный, никто ужъ изъ покупателей не сунется, всякъ знаетъ, что начальникъ губерніи того не желаетъ.

То ли она еще дѣлала! Разъ дворянина въ очередь вмѣсто своего мужика въ рекруты сдала,—конечно, не по неволѣ, волею пошелъ, таковъ ужъ былъ у нея повѣренный, Яковъ Ивановъ дворецкій,—всякое дѣло умѣлъ устроить.

Этотъ самый Яковъ Ивановъ, теперь уже девяносто-семилѣтній старикъ, обѣднѣвшій, слѣпой, ведетъ рѣчь о своей старой барынѣ, „которая была, можетъ, наипервая особа въ Россіи; только званіе имѣла, что женщина была; а что супротивъ ихъ ни одинъ мужчина говорить не могъ. Какъ ими сказано, такъ и быть должно. Умнѣйшаго ума были дама".

Разсказъ ведется на постояломъ дворѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ женщинѣ по женскому слабому понятію говорить приличнѣе, Яковъ Ивановъ позволяетъ или приказываетъ говорить женѣ; въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ Яковъ Ивановъ, лицемѣря не только передъ другими, но и передъ собою, но лицемѣря съ достоинствомъ человѣка, говорящаго правду (такъ привыкъ онъ чтить госпожу), хочетъ прикрыть все, что было не ладно, перебиваетъ его содержательница постоялаго двора, которая не раздѣляетъ благоговѣнія Якова Иванова къ его госпожѣ,—„каменнаго сердца госпожа была",—и напрямки доказываетъ, какія безбожныя дѣла его госпожа дѣлала, какъ людей губила ради своей гордости, да и сына-то, можетъ быть, черезъ это погубила—а онъ во всемъ ей слугою или еще и подъустителемъ былъ, точно Бога они съ госпожею не имѣли.

Сюжетъ повѣсти немногосложенъ. Любимая, единственная внука гофъ-интендантши, на которую не надышалась старуха, полюбила бѣднаго офицера, сына сосѣдки помѣщицы, которая велѣла ему выйти въ отставку,—можно себѣ представить, какъ приняла гофъ-интендантша сватовство: выгнала мать жениха, осмѣлившуюся говорить ей такія дерзкія рѣчи,—быть можетъ, что и внучку свою по щечкѣ ударить изволила, какъ полагаетъ жена Якова Иванова,—внука бѣжала и повѣнчалась съ офицеромъ,—страшную нужду терпѣли они: онъ искалъ мѣста, никто не давалъ мѣста, потому что гофъ-интендантша не желала. Мало того, когда началъ бѣднякъ съ горя выпивать, Яковъ Ивановъ устроилъ такъ, что жена убѣдилась въ измѣнѣ мужа (она не даромъ была внука гофъ-интендантши), бросила его и воротилась къ бабушкѣ, которая приняла ее, какъ будто и не было вражды между ними,—но съ мужемъ видѣться не позволила. Не выдержалъ мужъ, перерядился разбойникомъ и увезъ жену. Но измучившаяся женщина не перенесла страшнаго испуга. А бабушка надъ нею памятникъ поставила.

Разсказъ превосходенъ. Одинъ только недостатокъ можемъ мы замѣтить въ немъ—Грачиха, содержательница постоялаго двора, нѣсколько разъ вмѣшивается въ разсказъ, который, по намѣренію Якова Иванова, долженъ прекратиться,—вмѣшательство Грачихи каждый разъ поддерживаетъ его. Это связываніе обрывающейся нити не всегда введено съ достаточною естественностью,—вмѣшательство Грачихи и возобновленіе рѣчи Якова Иванова иногда не мотивировано и, кажется, будто разсказъ продолжается не по-

тому, чтобы могъ въ самомъ дѣлѣ продолжаться, а только по намѣренію автора дослушать его насильно натягивается его продолженіе, — да и авторъ не всегда скрываетъ, что онъ не столько слушаетъ разсказъ, сколько занятъ мыслью: „а вѣдь я перескажу его публикѣ“. Писатель не довольно скрылся въ слушателѣ.

Еще замѣчаніе, соглашаться или не соглашаться съ которымъ мы уже готовы предоставить на произволъ автора, потому что оно основано на нашей догадкѣ, а угадали-ль мы намѣреніе автора въ этомъ случаѣ, не знаемъ. Яковъ Ивановъ на постояломъ дворѣ за тѣмъ, что провожаетъ внука въ рекрутское присутствіе, внукъ промотыжничался и нанялся въ рекруты; въ этой погибели виноватъ дѣдъ, — пропиталась его душа правилами интендантши, и на его любимцѣ отразились эти правила тою же судьбою, какъ на внукѣ гофъ-интендантши, и онъ на старости лѣтъ понесъ ту же кару, ту же скорбь, какъ она. Но отношенія дѣда къ внуку не выставлены съ достаточною опредѣленностью. Намъ кажется, должно было сдѣлать одно изъ двухъ: или хотя двумя-тремя словами опредѣлить характеръ участія Якова Иванова въ погибели внука, или измѣнить нѣсколько фразъ, заставляющихъ видѣть такое отношеніе, между тѣмъ какъ нельзя знать, въ чемъ же именно состояло оно.

Намъ кажется также, что характеръ мужа гофъ-интендантской внуки не обрисованъ съ такою отчетливостью, чтобы его развратъ и потомъ возвращеніе къ женѣ были достаточно мотивированы,—но это лицо второстепенное,—мы можемъ догадываться, что это былъ одинъ изъ тѣхъ „хорошихъ“ людей, о которыхъ говорятъ „ни рыба, ни мясо“—потому за этимъ недостаткомъ мы не гонимся.

За то какъ хороша гофъ-интендантша, какъ хорошъ вѣрный слуга Яковъ Ивановъ и въ какомъ эффектномъ свѣтѣ является онъ девяностосемилѣтнимъ старикомъ, слѣпымъ, но совершенно крѣпкимъ душою, „каменнаго сердца человѣкомъ“, съ однимъ старымъ чувствомъ,—фамильной гордостью родоваго слуги своею госпожею,—это фанатикъ челядинства: какъ хороша его жена, какъ эффектно его мужское владычество надъ бабою,—старость не смягчила суровости этого господства, какъ обыкновенно смягчаетъ его въ другихъ супружествахъ простолюдиновъ—она и не должна смягчить его: таковъ закаленный правилами госпожи характеръ этого человѣка. А какая правда въ самомъ разсказѣ! Какъ соблюденъ характеръ старины и въ языкѣ и въ понятіяхъ!—„Старая барыня“ принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ талантливаго автора, а по художественной отдѣлкѣ—эта повѣсть, безспорно, выше всего, что доселѣ издано г. Писемскимъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Стихотворенія Н. Арбузова. *Спб. 1856 г.*

Очень выгодно положеніе того писателя, который является передъ публикою не предшествуемый толпою слишкомъ услужливыхъ друзей и не увѣнчанный преждевременными лаврами по приговору слишкомъ самоувѣренныхъ покровителей. Книга его выходитъ скромно, тихо, безъ всякихъ особенныхъ претензій, не подавая никому основанія къ слишкомъ высокимъ ожиданіямъ, не представляя повода къ строгимъ сужденіямъ. Непредупрежденный и непредубѣжденный читатель тѣмъ съ большею готовностью и радостью оцѣнитъ въ ней все хорошее, если неожиданно найдетъ что нибудь хорошее. А если и не найдетъ ничего такого, бѣда не велика для книги: не ожидая ничего особеннаго, читатель не имѣетъ основанія досадовать или сердиться, онъ спокойнымъ, снисходительнымъ, мягкимъ тономъ говоритъ: „книга такъ—себѣ, если не слишкомъ хороша, то и не слишкомъ дурна".

Таково именно положеніе книги г. Арбузова. Если бъ онъ самъ или кто нибудь другой требовалъ, чтобы г. Арбузовъ былъ признанъ особенно даровитымъ поэтомъ, пришлось бы доказывать, что такое требованіе неосновательно. Но книга г. Арбузова явилась скромно, безъ всякаго шума, безъ всякихъ претензій, и мы спокойно можемъ смотрѣть на нее съ настоящей точки зрѣнія, не имѣя нужды возставать противъ какихъ нибудь преувеличеній самолюбія или пристрастія.

Книга г. Арбузова имѣетъ очень почтенный объемъ; она заключаетъ до девяноста пьесъ, занимающихъ болѣе 400 страницъ печати. Если бы г. Арбузовъ имѣлъ сильное дарованіе, оно, конечно, отразилось бы хотя на нѣсколькихъ изъ этихъ многочисленныхъ пьесъ и страницъ; но мы нигдѣ не замѣтили особенно сильнаго дарованія, потому и заключаемъ, что его нѣтъ у г. Арбузова. Стихъ вообще у него довольно хорошъ, смыслъ рѣчи вообще благороденъ, оборотъ рѣчи иногда не лишенъ нѣкоторой граціи,—и мы находимъ, что г. Арбузовъ—одинъ изъ тѣхъ диллетантовъ поэзіи, которые, не обладая особеннымъ талантомъ, умѣютъ писать иногда довольно звучные, гладкіе и пріятные стихи. Чтобы читатели могли видѣть это, приводимъ двѣ—три пьесы изъ тѣхъ, которыя показались намъ наиболѣе удачны.

NOCTURNO.

„Сходятъ на поляны
Тѣнь и тишина;
Робко сквозь туманы
Крадется луна.

Звѣзды заблистали
Въ безднѣ вышины;
Въ окнахъ замелькали
Мирные огни.

Съ сѣнокоса вѣетъ
Теплый ароматъ;
Вѣтерокъ не смѣетъ
Листьевъ колыхать;

Слышно лишь, какъ звонко
Катится ручей,
Да какъ въ рощѣ громко
Свищетъ соловей;

И лежитъ дорога
Въ сонной тишинѣ...
Другъ мой! ради Бога
Выдь сюда ко мнѣ.

Потуши ка свѣчку,
Ужъ не до труда;
Подойди къ крылечку,
Посмотри сюда.

Ночь какая встала
Посреди небесъ!
А земля устала,
Спитъ среди чудесъ.

Знать одно ей дѣло—
Цѣль свершить одну:
Накормить лишь тѣло
Наше—и ко сну.

Ночь же... ночь приноситъ
Пищу для души;
Сердце громче проситъ
Пищи той въ тиши.

Ночью размышленьемъ
Мысли обнови,
Сердце —наслажденьемъ
Радостной любви.

Ночью сбрось тревогу,
Духомъ укрѣпись,
Помыслами къ Богу
Тайно обратись.

Ночью не напрасно
Звѣздъ сіяетъ хоръ:
Онъ манитъ всечасно
Мысли, какъ и взоръ.

Ночью не случайно
Умолкаетъ шумъ:
Міровая тайна
Занимаетъ умъ.

Мудрый въ ночь не дремлетъ,
Но еще живѣй
Чувствуетъ и внемлетъ
Мыслію своей.

Ночь зоветъ насъ къ миру
Отъ дневныхъ тревогъ,
Ночь живому міру
Тайно шепчетъ: Богъ!

Чу! вотъ часъ полночи
Колоколъ пробилъ...
Милый другъ, ужъ очи
Сонъ тебѣ смежилъ,

Клонитъ станъ твой гибкой
И уста твои
Оковалъ улыбкой
Мирною любви.

И средь ихъ коралла
Замеръ поцѣлуй.
О любовь! сначала
Ты восторжествуй!“

Если бы намъ нужно было непремѣнно смотрѣть на эту пьесу, какъ на произведеніе поэта, мы сказали бы, что талантъ этого поэта не великъ, пьеса слаба. Но теперь намъ нѣтъ этой необходимости; мы смотримъ на пьесу, какъ на произведеніе диллетанта, не предполагая въ ней никакихъ особенныхъ протензій на поэтическое достоинство, мы можемъ не спрашивать о ней того, удовлетворяетъ ли она художественнымъ требованіямъ, а просто смотрѣть, нѣтъ ли въ ней чего нибудь хорошаго—и находимъ, что стихи въ ней вообще гладки и легки, а иные даже довольно милы, что авторъ могъ не стыдясь написать ее въ какой нибудь альбомъ, что если бы какой нибудь изъ нашихъ композиторовъ, нашедши ее въ этомъ альбомѣ, вздумалъ бы сочинить къ ней музыку, то „Nocturno. Романсъ. Слова Н. Арбузова, музыка NN“ могъ бы нравиться многимъ дѣвицамъ, поющимъ романсы—чего же больше? мы довольны, и хвалимъ пьесу. За этой пьесою слѣдуетъ въ книгѣ г. Арбузова другая, которая даже нѣсколько лучше первой:

ВЕСНА.

„Въ лазури небеснаго свода
Съ улыбкой глядится весна:
Ликуетъ и блещетъ природа!
Ледъ синій взломала волна,
И рѣзво помчалась, и въ морѣ
Гуляетъ на вольномъ просторѣ.

Роскошнымъ зеленымъ покровомъ
Одѣлись и поле и лѣсъ;
Надъ ними, въ румянцѣ багровомъ,
По темному своду небесъ,
Катится дневное свѣтило—
И золотомъ долъ окропило.

Опять по лугамъ оживленнымъ
Раздался пастушечій рогъ;
Опять по волнамъ позлащеннымъ
Рыбачій помчался челнокъ;
И въ рощѣ, какъ смолкнутъ свирѣли,
Звучатъ соловьиныя трели.

Веселой, цвѣтущей долиной
Красавица снова съ своей
Соломенной вышла корзиной
За первою данью полей,
И долго стоитъ надъ водою,
Стыдливо любуясь собою.

Въ тѣни, подъ ракитою зыбкой,
Предъ ней отражаетъ волна
Уста ея съ милой улыбкой,
И робко мечтаетъ она:
„Кто жъ первый, счастливецъ, ликуя,
Зажжетъ въ нихъ огонь поцѣлуя?“

Ни особеннаго таланта, ни поэзіи мы не обязаны требовать отъ г. Арбузова: ни самъ онъ, никто другой не давалъ намъ повода къ такимъ высокимъ притязаніямъ; но стихи, воля ваша, недурны, и есть въ нихъ даже нѣчто граціозное. Итакъ, г. Арбузовъ одаренъ способностью писать легкіе, иногда звучные и милые стихи —ужъ и это вѣдь такое качество, котораго иные не имѣютъ, качество, скорѣе заслуживающее похвалу, нежели осужденіе. Но кромѣ того, г. Арбузовъ человѣкъ съ честными и благородными чувствами—это ужъ рѣшительно заслуживаетъ полнаго одобренія. Не будемъ приводить пьесъ въ этомъ родѣ,—читатель легко отыщетъ ихъ, если ему попадется въ руки книга г. Арбузова, и не откажетъ въ своемъ уваженіи автору какъ человѣку, если и не назоветъ его поэтомъ. Скажемъ только, что такихъ пьесъ у г. Арбузова довольно много, и что по всей вѣроятности, когда г. Арбузовъ писалъ свою „молитву“:

МОЛИТВА.

Одну молитву отъ себя
Я шлю къ престолу Провидѣнья:
Пусть сберегу до гроба я
Въ борьбѣ земнаго бытія
Души высокія движенья!

Изъ устъ моихъ—какъ предо мной
Свой мракъ откроетъ ужъ могила—
Да не услышитъ вѣкъ младой
Упрека старости слѣпой
Къ восходу новаго свѣтила.

И хоть угаснетъ въ тишинѣ
Для творчества мой слабый геній,
Но пусть всегда живетъ во мнѣ
Любовь къ разумной новизнѣ
И къ мысли новыхъ поколѣній!"

Когда онъ писалъ это, по всей вѣроятности, онъ говорилъ не пустую, мимолетную фразу, а выражалъ чувство, сродившееся съ его жизнью, проникающее его до глубины души.

Изданіе „Стихотвореній" г. Арбузова превосходно, особенно хороша сатинированная бумага—едва ли какой изъ русскихъ поэтовъ издавалъ свои произведенія такъ изящно.

Очерки изъ крестьянскаго быта. *А. Ѳ. Писемскаго. Спб. 1856.*

Давно извѣстно, что написать хорошее произведеніе можно только тогда, когда пишешь о предметѣ, хорошо извѣстномъ. При отсутствіи же знакомства съ дѣломъ, не спасетъ ни талантъ, ни умъ: произведеніе будетъ имѣть развѣ риторическую красоту, но не будетъ имѣть ни поэтическаго достоинства, если вы поэтъ или беллетристъ, ни ученой цѣны, если вы хотѣли написать что нибудь въ ученомъ родѣ. За примѣрами ходить не далеко. Напримѣръ, г. Писемскій пишетъ прекрасные разсказы изъ простонароднаго русскаго быта—это потому, что онъ хорошо знаетъ простонародный русскій бытъ. А если бы тотъ же г. Писемскій вздумалъ написать повѣсть изъ быта готтентотовъ или бразильцевъ, повѣсть, при всемъ его талантѣ, была бы дурна, потому что бытъ готтентотовъ или бразильцевъ извѣстенъ ему только по чужимъ слухамъ, которые не могутъ замѣнить собственнаго знанія. Впрочемъ, какъ человѣкъ очень умный, г. Писемскій никогда и не вздумаетъ писать разсказы изъ бразильской жизни, въ этомъ, конечно, можно быть увѣрену.

Когда видишь какой нибудь прекрасный примѣръ, невольно думаешь: почему не всѣ подражаютъ ему? Почему, напримѣръ, всѣ не пишутъ только о томъ, что знаютъ? Особенно навязчиво приходитъ на умъ такой вопросъ, когда видишь, что именно прекрасный примѣръ подаетъ кому нибудь случай поступать вовсе не по тому правилу, благодаря которому возникъ этотъ прекрасный примѣръ. Хотя бы вотъ именно „Очерки изъ крестьянскаго быта", написанные съ большимъ знаніемъ дѣла, подаютъ случай къ сочиненію статей, написанныхъ вовсе безъ знанія того дѣла, котораго касаются. Напримѣръ, что хорошаго было бы, если бы вы, читатель, никогда не изучавшій плотничнаго дѣла, вздумали написать по поводу „Плотничьей артели" разсужденіе о плотничномъ дѣлѣ?

О плотничномъ дѣлѣ, конечно, никому не прійдетъ въ голову писать, не зная его: предметъ не заманчивый, не блистательный. Но есть предметы болѣе заманчивые—и объ нихъ-то безъ всякаго знанія написаны цѣлыя статьи по поводу книги г. Писемскаго.

Есть на свѣтѣ наука, называемая эстетикою. Хорошія книги по этой наукѣ написаны на нѣмецкомъ языкѣ. Ни на французскомъ, ни на англійскомъ языкахъ хорошихъ трактатовъ объ этой наукѣ нѣтъ. Предположимъ теперь, что вы не пріобрѣли привычки читать нѣмецкія книги — преступнаго тутъ ничего нѣтъ, но согласитесь сами, что если бы вы захотѣли слѣдовать прекрасному примѣру г. Писемскаго, пишущаго только о томъ, что онъ хорошо знаетъ, вы не стали бы писать объ эстетикѣ, которой не можете знать хорошо, не читавъ нѣмецкихъ трактатовъ объ этой наукѣ.

Предположимъ теперь, что наперекоръ прекрасному правилу, соблюдаемому г. Писемскимъ, вы вздумали именно по поводу его книги разсуждать объ эстетикѣ, съ которой мало знакомы,—что было бы тутъ хорошаго?

Сдѣлаемъ еще другое предположеніе. Чтобы опредѣлить значеніе г. Писемскаго въ развитіи русской литературы, надобно хорошо знать исторію русской литературы. Предположимъ, что вы ее не совсѣмъ знаете, а между тѣмъ вздумали опредѣлять значеніе г. Писемскаго въ развитіи русской литературы— опять, вы нарушили бы прекрасное правило, о которомъ говорено выше, и не сдѣлали бы ничего хорошаго.

Не только для васъ, но и для г. Писемскаго, книгою котораго вы пользуетесь для развитія вашихъ соображеній объ эстетикѣ и русской литературѣ, нарушеніе вами прекраснаго правила, упомянутаго выше, имѣло бы неблагопріятныя слѣдствія. Его повѣстями вы оправдываете ваши ошибочныя понятія о вопросахъ искусства — какое заключеніе можетъ иной читатель вывести изъ гармоніи, находимой вами между вашими понятіями и повѣстями г. Писемскаго? „Фактъ, оправдываемый ошибочною теоріею или оправдывающій ее, самъ ошибоченъ“. Вы назначаете г. Писемскому въ развитіи литературы мѣсто, которое до него уже занято было другими — какое заключеніе можетъ вывести изъ этого иной читатель? То, что г. Писемскій вовсе не занимаетъ никакого мѣста въ развитіи нашей литературы. И вотъ, по прочтеніи вашей статьи, у многихъ читателей родятся мысли, неблагопріятныя для произведеній г. Писемскаго.

Впрочемъ, по всей вѣроятности, вы еще не захотѣли признаться, что эстетика и исторія русской литературы не совсѣмъ хорошо знакомы вамъ. Именно поэтому вы не замѣчаете, что каждое ваше слово о нихъ заключаетъ въ себѣ ошибку. Надобно доказать вамъ это. Мы уже предположили, что вами написана, по поводу книги г. Писемскаго, статья, касающаяся эстетическихъ и историко-литературныхъ вопросовъ. Просмотримъ эту предполагаемую статью.

Статья говоритъ, напримѣръ, будто въ сороковыхъ годахъ русская критика проповѣдывала, что искусство должно имѣть дидактическую цѣль. Статья ошибается. Критика положительно говорила, что сочиненіе, написанное съ дидактическою цѣлью, никакъ не можетъ назваться произведеніемъ поэзіи. Она всѣми силами гнала изъ искусства дидактику.

Статья говоритъ, далѣе, что критика сороковыхъ годовъ учила художниковъ преднамѣренно чернить дѣйствительность. Статья ошибается. Критика сороковыхъ годовъ положительно говорила: 1) что преднамѣренность губитъ поэзію; 2) что не должно ни чернить, ни бѣлить дѣйствительность, а на-

добно стараться изображать ее въ истинномъ ея видѣ, безъ всякихъ прикрасъ и безъ всякой клеветы*).

Статья рѣшительно не такъ понимаетъ критику, противъ которой вооружается.

Далѣе, предположимъ, что статья говоритъ, будто критика сороковыхъ годовъ не хотѣла печатать стихотвореній въ тѣхъ журналахъ, которые подчинялись ей, и что едва голосъ этой критики замолкъ, какъ стихотворенія снова появились въ журналахъ. Статья ошибается. Дѣло было какъ разъ наоборотъ: стихи печатались въ журналахъ въ теченіи всего того времени, когда, по мнѣнію статьи, журналы не печатали ихъ; стихи перестали печататься въ журналахъ именно тогда, когда по мнѣнію статьи начали ихъ печатать, — именно въ 1848 году. Пусть авторъ предполагаемой статьи справится съ тогдашними журналами.

До „Питерщика“, говоритъ предполагаемая статья, простонародныя лица, выводимыя нашими беллетристами, были однообразны; всѣ они были безсильны передъ житейской случайностью. Статья ошибается. До „Питерщика“ было уже выведено множество самыхъ разнообразныхъ типовъ изъ простонародья, между прочимъ, множество мужиковъ, бойкихъ, изворотливыхъ, энергическихъ. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ разсказы изъ простонароднаго быта, написанные гг. Тургеневымъ и Григоровичемъ до 1850 года. Напримѣръ „Записки охотника“ начинаются портретомъ Хоря и его дѣтей;—семейство это все состоитъ изъ людей веселыхъ, бойкихъ и здоровыхъ.

Предполагаемая статья говоритъ, что до появленія „Питерщика“ число людей, писавшихъ разсказы изъ простонароднаго быта, было очень велико—

---

*) Авторъ предлагаемой статьи, вѣроятно, удивится, если мы укажемъ ему, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ статьи Бѣлинскаго о стихотвореніяхъ Лермонтова:

„Какая цѣль поэзіи?—вопросъ, который для людей, обдѣленныхъ отъ природы эстетическимъ чувствомъ, кажется такъ важенъ и неудоборѣшимъ. Поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль. Какъ красота, такъ и поэзія, выразительница и жрица красоты,—сама себѣ цѣль, и внѣ себя не имѣетъ никакой цѣли. Если она возвышаетъ душу человѣка, настроиваетъ ее къ благимъ дѣйствіямъ и чистымъ помысламъ — это уже не цѣль ея, а дѣйствіе, это дѣлается само собою, безъ всякаго предначертанія со стороны поэта“ и т. д.—Изъ этого можно видѣть, расположенъ ли былъ Бѣлинскій внушать поэтамъ какія нибудь дидактическія цѣли.

„Для поэта (продолжаетъ онъ) всѣ явленія въ мірѣ существуютъ сами по себѣ (въ объясненіе этихъ словъ, безъ сомнѣнія, темныхъ человѣку, не привыкшему къ терминологіи той науки, о которой судитъ и рядитъ, замѣтимъ для автора статьи, что выраженіе „предметъ, существующій самъ по себѣ“ на языкѣ науки означаетъ: предметъ, существованіе котораго не имѣетъ какой-либо внѣшней цѣли, который существуетъ только для того, чтобы, такъ сказать, наслаждаться своимъ бытіемъ). Онъ переселяется въ нихъ, живетъ ихъ жизнью и съ любовью лелѣетъ ихъ на своей груди, такъ какъ они есть, не измѣняя по своему произволу ихъ сущности“ и т. д.—Изъ этого можно видѣть, расположенъ ли былъ Бѣлинскій учить поэтовъ тому, чтобъ они чернили изображаемую ими жизнь.

Мысли, нами выписанныя, г. противникъ Бѣлинскаго найдетъ въ XIV томѣ „Отеч. Зап.“—въ отдѣлѣ „Критика“—на какой страницѣ, мы не скажемъ, чтобы онъ, отыскивая выписанныя нами строки, имѣлъ случай просмотрѣть хотя нѣсколько страницъ, написанныхъ тѣмъ человѣкомъ, на котораго онъ нападаетъ, и такимъ образомъ убѣдиться, что до сихъ поръ имѣлъ самое невѣрное понятіе о духѣ критики Бѣлинскаго.

До сихъ поръ вѣдь онъ и не воображалъ, что Бѣлинскій говорилъ: „поэзія есть сама себѣ цѣль и не имѣетъ внѣшней цѣли“ и т. д. А Бѣлинскій никогда не говорилъ ничего иного.

напротивъ, тогда ихъ было мало; въ послѣдующіе годы число такихъ людей значительно увеличилось.

Такимъ образомъ, предполагаемая статья не помнитъ самыхъ осязательныхъ фактовъ въ исторіи литературы даже послѣднихъ десяти лѣтъ,— фактовъ, извѣстныхъ каждому.

Предполагаемая статья не только не знаетъ той эстетической теоріи, противъ которой возстаетъ, не только спутываетъ историко-литературные факты, о которыхъ очень легко бы навести справки, если ужъ измѣняетъ ей память,—она (вѣроятно, преднамѣренно) не даетъ себѣ отчетливаго понятія о смыслѣ тѣхъ самыхъ разсказовъ, по поводу которыхъ входитъ въ теоретическія и историко-литературныя сообщенія. А тутъ, казалось бы, даже и справокъ наводить не нужно — стоитъ только заглянуть въ книгу, которая, конечно, лежала на томъ столѣ, на которомъ писалась статья о ней.

Въ самомъ дѣлѣ, статья воображаетъ, что существенная особенность разсказовъ г. Писемскаго изъ простонароднаго быта — примирительное, отрадное впечатлѣніе, ими производимое. Посмотримъ, каково на самомъ дѣлѣ это впечатлѣніе.

Раскрываемъ „Питерщика“. Питерщикъ возвратился изъ Петербурга, кончивъ ремесленное ученіе — мать хочетъ его женить и отправляется къ барину просить невѣсту для парня.

„— У кого же вы думаете взять?—спрашиваетъ помѣщикъ.

„— У кого ваше приказанье будетъ,—отвѣчаетъ мать“ (стр. 9).

Какъ живутъ питерщики (поселяне, промышляющіе ремеслами въ Питерѣ)? На это отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ слѣдующимъ образомъ:

„— Не по всѣмъ же мастерствамъ дается жалованье равное“?— спрашиваетъ у своего хозяина авторъ.

„— Жалованье идетъ разное, про это кто говоритъ, только въ карманѣ выходитъ одно и то же. На что ужъ, кажись, по жалованью лучше кузнечнаго дѣла! послѣдній работникъ получаетъ четыреста рублей ассигнаціями въ годъ, а который поискуснѣе, такъ и четыреста на серебро хватитъ—а много ли богачей? Ни одного! Отъ малаго до большаго, что въ недѣлю заработалъ, то на праздникѣ въ харчевнѣ и спустилъ“ (стр. 16).

Изъ той деревни, о которой ведется рѣчь въ разсказѣ, всѣ мужики живутъ въ Питерѣ. Дома остались только бабы. Бабы и пашутъ (стр. 26) и даже десятскими служатъ (стр. 11 и 26). Каково ведутъ себя ихъ мужья въ Петербургѣ? — если есть у мужика въ Питерѣ деньги, онъ непремѣнно содержитъ любовницу, „вѣстимо, ужъ безъ того не бываетъ“, говоритъ десятскій Марья (стр. 28). Зато, если кому изъ мужиковъ случилось по какимъ нибудь обстоятельствамъ жить въ деревнѣ, то эта же самая десятскій Марья, имѣющая мужа въ Питерѣ, заводитъ съ нимъ связь (стр. 29). А вѣдь у мужика этого есть жена,—правда и то, что онъ женатъ на ней безъ собственной воли. „За глаза меня, сударь, сговорили, да помолвили на дѣвушкѣ изъ макарьевскаго имѣнья, я и не разсмотрѣлъ хорошенько, наканунѣ только свадьбы и въ рожу-то увидалъ невѣсту. Во всю свадьбу поили меня на убой, чтобы многаго не разсмотрѣлъ (говоритъ онъ самъ). Опомнился отъ ихъ угощенья, какъ домой пріѣхалъ, и только всплеснулъ

руками. Затаилъ я, сударь, все на сердцѣ, и черезъ недѣлю же послѣ свадьбы махнулъ въ Питеръ“ (стр. 34)—тамъ, конечно, обзавелся любовницею.

Какъ вамъ нравится бытъ, обрисованный первою изъ трехъ повѣстей, находящихся въ книгѣ г. Писемскаго? Отрадное и примирительное дѣйствіе производитъ на васъ онъ,—не правда ли?

Сюжетъ повѣсти — разсказъ о томъ, какъ питерщикъ, убѣжавшій въ Питеръ отъ жены, обзавелся въ Питерѣ любовницею, и какъ эта любовница со своею теткою обобрали его кругомъ. Эти женщины, обирающія мужика, „званіе имѣютъ офицерское“ (стр. 40). Тетка насильно принуждала къ этому дѣлу свою племянницу, которая отъ того „здоровье потеряла“ (стр. 52); бѣдняжка гибнетъ отъ чахотки, а мужикъ, имѣвшій прежде нѣсколько тысячъ капиталу, дошелъ, какъ самъ говоритъ, до того, что, „какъ появится въ карманѣ хоть гривенникъ, сейчасъ его въ кабакъ. Дня по два совсѣмъ не ѣмши былъ, одежда—словно рубище, сапоги только одно званіе. Стыдно признаться, а грѣхъ потаить: бывали такіе случаи, что Христа ради просилъ“ (стр. 54).

По мнѣнію статьи, этотъ разсказъ составляетъ рѣшительную противоположность „мрачнымъ картинамъ дѣйствительности“, тѣмъ же качествомъ отличаются и слѣдующіе два разсказа, которые также интересно разсмотрѣть по отношенію ихъ къ предполагаемому статьею отрадному ихъ впечатлѣнію.

„Лѣшій“, второй разсказъ, вѣроятно, памятенъ читателямъ нашего журнала, въ которомъ былъ помѣщенъ три года тому назадъ. Они, конечно, помнятъ, что разсказъ ведется отъ лица кокинскаго исправника, который честенъ, какъ Аристидъ, дѣятеленъ, какъ Цезарь, искусенъ въ веденіи дѣлъ, какъ Чичиковъ. У него въ земскомъ судѣ дѣла идутъ живо и исправно. Какимъ же способомъ поддерживается у него такой порядокъ? Онъ самъ говоритъ: „приказную братью эту запру въ судѣ, да и не выпускаю, пока не приведутъ всего въ порядокъ“ (стр. 61). Разсказъ идетъ о продѣлкахъ марковскаго управляющаго, отъявленнаго негодяя, который разоряетъ мужиковъ и барина, за что и наказывается въ концѣ разсказа. Этотъ Егоръ Парменовъ постоянно мошенничаетъ самымъ наглымъ образомъ, дерзость его доходитъ до того, что даже исправнику осмѣливается онъ давать подводы не изъ отличныхъ барскихъ лошадей, а изъ мужицкихъ, которыя едва ноги таскаютъ (62), и даже не считаетъ нужнымъ выходить изъ своей комнаты къ исправнику, такъ что исправникъ принужденъ былъ послать за нимъ (стр. 69) — наглость необычайная, почти безпримѣрная, особенно когда мы подумаемъ, что исправникъ лично находится въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ и постоянной перепискѣ съ марковскимъ помѣщикомъ и даже получилъ отъ него довѣрительное письмо, по которому можетъ смѣнить Егора Парменова, какъ только захочетъ (стр. 75)—если такъ нагло поступаетъ Егоръ Парменовъ съ человѣкомъ, въ руки котораго отдана его участь, то какъ же онъ долженъ поступать со всѣми другими? Онъ долженъ быть не мошенникомъ, а, просто, разбойникомъ. И, однако же, Аристидъ-исправникъ, при всей своей ловкости и опытности, цѣлые четыре года ведетъ съ нимъ напрасную войну, цѣлые пять лѣтъ не можетъ ни уличить

его въ какомъ нибудь преступленіи, чтобы наказать его по закону, ни обнаружить его продѣлки такъ, чтобы убѣдить помѣщика. — „Игралъ я съ нимъ эту игру года четыре“, говоритъ самъ исправникъ (стр. 76), „пять лѣтъ я не зналъ его главной продѣлки“, продолжаетъ онъ (стр. та же 76). И такъ, самому честному и ловкому надсмотрщику нужно было не менѣе пяти лѣтъ, чтобы поймать и уничтожить наглѣйшаго разбойника. Что же должно происходить въ уѣздахъ, не имѣющихъ такихъ рѣдкихъ исправниковъ? Наконецъ, на пятомъ году, Егоръ Парменовъ уличенъ въ томъ, что погубилъ дѣвушку, обманомъ напоивъ ее до безчувствія (стр. 113)—вѣдь это по закону уголовное преступленіе; чѣмъ же онъ поплатился за него? Его смѣняютъ съ должности управителя, и только,—хорошо наказаніе! Да по закону этого молодца слѣдовало бы въ каторжную работу отправить. А исправникъ и авторъ думаютъ, что наказаніе отрѣшеніемъ отъ должности еще слишкомъ тяжело для него: „Два совершенно противоположныя чувствованія овладѣли мною: я и былъ радъ униженію, которымъ наказанъ Егоръ Парменовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣка, жаль его было. Иванъ Семенычъ (исправникъ-Аристидъ) тоже былъ мраченъ. Я откровенно высказалъ ему свои мысли.—Я самъ то же чувствую-съ, отвѣчалъ онъ“ (стр. 129). По правдѣ говоря, мы сами замѣчаемъ въ себѣ наклонность раздѣлять съ исправникомъ и авторомъ это преступное состраданіе — такъ пріучены мы, что потворство преступнику, оставшемуся почти безнаказаннымъ, кажется намъ чувствомъ естественнымъ. Но это сочувствіе можетъ ли быть выгоднымъ для нравовъ общества?

Почему же Егоръ Парменовъ попалъ въ управители? — потому что, „бывши камердинеромъ господина, вступилъ въ законный бракъ съ мамзелью, исправлявшею нѣкоторое время при господинѣ должность мадамы“ (стр. 64).

Марѳуша, дѣвушка, надъ которою совершилъ Егоръ Парменовъ преступленіе, наказанное столь легко, имѣла къ нему любовь, а между тѣмъ, у этого человѣка, растолстѣвшаго до безобразія, была „скверная сальная рожа“ (стр. 110)—бѣдняжка прельстилась его казинетовымъ пальто, жилетомъ пике и часами на золотой цѣпочкѣ (стр. 66) — неужели же самому скверному лицомъ человѣку довольно щеголять въ нѣмецкомъ платьѣ, чтобы побѣждать нашихъ поселянокъ?

Дѣвушка похищена изъ дому; возвратившись, она не смѣетъ открыть своего стыда и, по наущенію Егора Парменова, сваливаетъ вину на лѣшаго—„лѣшій, говоритъ, ее къ себѣ таскалъ“—и вся деревня, весь околотокъ вѣритъ ея разсказу (стр. 80) — неужели наши поселяне такъ просты и тупы? Неужели въ цѣломъ приходѣ не нашлось ни одного такого, который догадался бы, что лихой человѣкъ чаще бѣса бываетъ виноватъ въ нашихъ бѣдахъ?

Можно было бы извлечь сотни такихъ замѣчаній изъ этого разсказа г. Писемскаго; не менѣе богатъ подобными матеріалами и третій разсказъ—„Плотничья артель“. Шузичъ, хозяинъ артели, самая отвратительная и зловредная гадина — онъ подлъ, безжалостенъ, льстецъ и наглецъ, не имѣющій понятія ни о чемъ, кромѣ мошенничества. Всѣ работники — въ совер

шенной, безвыходной зависимости отъ этого плута, — онъ ихъ, просто, въ кабалѣ держитъ; онъ искусно пользуется тѣмъ, когда кому изъ поселянъ понадобились деньги для какой нибудь необходимой уплаты—даетъ нѣсколько цѣлковыхъ въ займы, потомъ беретъ должника къ себѣ въ артель зарабатывать долгъ, и платитъ ему за работу сколько самъ хочетъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Сергѣичъ, одинъ изъ трехъ рабочихъ, поставленныхъ Пузичемъ на постройку риги тому помѣщику, отъ имени котораго ведется разсказъ.

„— Сударь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: вся артель у насъ на одномъ порядкѣ, всѣ въ кабалѣ у него состоимъ. Вотъ хоть бы этотъ Митюшка, дурашный, дурашный парень, а все бы въ недѣлю не рублемъ ассигнаціями надо цѣнить“ (стр. 168). Самъ Сергѣичъ также въ кабалѣ у него, занявъ денегъ на уплату за сына двухъ-сотъ рублей мірскихъ денегъ, которыя сынъ прогулялъ, бывши добросовѣстнымъ при волостной конторѣ (стр. 162)—теперь зато и получаетъ вмѣсто одного цѣлковаго—два съ полтиной ассигнаціями. А пора бы отдохнуть Сергѣичу—ему ужъ седьмой десятокъ, и глаза слѣпнуть стали. Но онъ долженъ расплачиваться съ міромъ. Петруха, который всѣмъ мастерствомъ въ артели заправляетъ, и безъ котораго Пузичъ бревна положить не съумѣетъ, тоже работаетъ Пузичу за пол-цѣны, взявъ у него триста рублей, когда два года лежалъ больной (стр. 164). Исторія этого Петра и есть настоящій сюжетъ разсказа; но прежде, нежели мы обратимся къ ней, замѣтимъ, какъ хорошо молодымъ бабамъ работать, по словамъ Петра. Старосту Семена называетъ онъ волокитою; Семенъ обидѣлся такимъ намекомъ, сдѣланномъ при баринѣ— „ты молчи, клинья борода, говоритъ Петръ;—не серди меня, а то обличу“.—„Не въ чемъ, братъ, обличать меня“, проговорилъ кротко, но не совсѣмъ искренно Семенъ“. — Не въ чемъ? А ну-ка, сказывай, какъ молодымъ бабамъ десятины мѣряешь? Что? потупился? Самъ, вѣдь, я своими глазами видѣлъ: какъ, голова, молодой бабѣ мѣрять десятину, все коловъ на двадцать, на тридцать, проститъ, а она и помни это: получка послѣ будетъ“! (стр. 173).

Начинается исторія Петра. Его заѣла и загубила мачиха — это еще не диво, мачихѣ натурально быть недоброжелательной къ пасынку, но любопытна причина, за которую она взъѣлась на пасынка — она хотѣла слюбиться съ нимъ, а онъ не хотѣлъ обидѣть отца, да и дѣвушка у него была на примѣтѣ (стр. 179). Неужели исторія Федры свойственна нравамъ нашихъ простолюдиновъ?

Хитрая и развратная женщина сначала старается поссорить Петра съ женою, и хотя Петръ женился на дѣвушкѣ, которую любилъ, однако же, по наговорамъ мачихи, каждый день либо бранилъ свою Катюшку, либо давалъ ей зуботычину (стр. 180). Однажды, крѣпко побивши жену, Петръ пожалѣлъ ее, увидѣвъ, что билъ понапрасну, и въ утѣшеніе купилъ ей ситцу на сарафанъ—сестры Петра и мачиха за то обозлились на Катюшку (стр. 181), пожаловались отцу Петра, и тотъ, отнявъ у снохи подарки (купленные ей мужемъ не на отцовскія, а на заработанныя сыномъ деньги), отдалъ ихъ своей женѣ и дочерямъ (стр. 181). Свекоръ, по наговору до-

черей, совсѣмъ заморилъ работою сноху; между прочимъ, въ послѣднее время беременности, заставлялъ ее взваливать бревна на телѣгу. Сынъ сталъ говорить отцу, что ей теперь такой работы дѣлать нельзя. Отецъ за шиворотъ стащилъ его къ бурмистру, который побилъ его (стр. 184). Даже ѣсть не давала семья Петру съ женою, хотя онъ своею работою всю семью содержалъ. Наконецъ, сантиментальная барыня упросила барина отдѣлить Петра отъ отца; Петръ отошелъ почти нищимъ, вскорѣ занемогъ, два года былъ боленъ и задолжалъ Пузичу, у котораго теперь работаетъ, будто въ кабалѣ. Пришелъ Успеньевъ день. Народъ весь сошелся въ село, въ церковь. Пузичъ сидитъ въ кабакѣ пьяный; отъ нечего дѣлать, колотитъ одного изъ своихъ работниковъ, безотвѣтнаго парня Митюшку. На крикъ Митюшки пришелъ Петръ, сталъ отымать парня у Пузича. Пузичъ накинулся на него, впился зубами ему въ плечо и поплатился жизнью. Какъ Петруха-то оборанивался, да какъ ухватитъ его за поперегъ, на аршинъ приподнялъ да и хрясь о землю—только и проохнулъ“ (стр. 225) — убилъ Петруха подрядчика на мѣстѣ. Петруху связали и препроводили въ судъ, откуда препроводятъ въ Сибирь. Тѣмъ кончается третій и послѣдній очеркъ изъ крестьянскаго быта.

Мы все разсказывали, по возможности, словами автора, и ни въ одномъ мѣстѣ не употребили ни одного выраженія, болѣе рѣзкаго, нежели какое стоитъ въ книгѣ; напротивъ, въ большей части мѣстъ смягчали выраженія.

Какъ же нравятся вамъ, читатель, нравы и бытъ, которые изобразилъ г. Писемскій? Производятъ ли на васъ эти картины отрадное, веселое впечатлѣніе? Мы говоримъ пока не о томъ, вѣрны ли дѣйствительности, или не вѣрны эти картины, а только о томъ, каковъ оттѣнокъ колорита, въ нихъ господствующаго?

На основаніи этихъ-то самыхъ очерковъ, предполагаемая статья, о которой мы надолго позабыли для просмотра книги, ею разбираемой,—на основаніи этихъ картинъ беззаконія и разврата, преступленій и плутней, — благодушная эта статья рѣшаетъ, что г. Писемскій „нанесъ смертный ударъ повѣствовательной рутинѣ, явно увлекавшей русское искусство къ узкой и во что бы то ни стало мизантропической дѣятельности“; что разсказы г. Писемскаго существенно противоположны прежнимъ разсказамъ „погрязавшимъ въ темной сторонѣ жизни“. Между тѣмъ, кажется, должно быть ясно для всякаго, что дѣло вовсе не таково; что никто изъ русскихъ беллетристовъ не изображалъ простонароднаго быта красками болѣе темными, нежели г. Писемскій; что если о комъ нибудь, то именно о немъ надобно сказать, что изъ подъ пера его выходятъ „мрачныя картины преднамѣренно зачерненной дѣйствительности“, что въ немъ мы имѣемъ самаго энергическаго дѣятеля „узкой мизантропической тенденціи“.

Предполагаемая статья не хочетъ ничего видѣть. Таково ли признаніе писателя? долженъ ли языкъ писателя быть выразителемъ до такой степени ошибочныхъ мыслей, имѣетъ ли онъ право добровольно закрывать глаза и уши на факты, которые такъ и бросаются въ глаза, такъ и гремятъ въ

уши? Такое самоослѣпленіе можетъ быть сравнено только съ самоослѣпленіемъ тѣхъ лицепріятныхъ судей, которымъ говоритъ Державинъ:

„Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать несильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.

Не внемлютъ! видятъ и не знаютъ;
Покрыты мздою очеса...

Отъ ошибокъ, порожденныхъ въ предполагаемой статьѣ слабымъ знакомствомъ съ эстетикою и сильною самоувѣренностью, могъ бы подвергнуться опасности г. Писемскій. По незнакомству съ дѣломъ, статья назначаетъ господину Писемскому такое мѣсто въ развитіи русской литературы, котораго онъ не можетъ занимать. Каждому, знакомому съ ходомъ русской беллетристики, извѣстно, что никакихъ перемѣнъ въ ея направленіи г. Писемскій не производилъ, по очень простой причинѣ — такихъ перемѣнъ во всѣ послѣднія десять лѣтъ не было, и литература болѣе или менѣе успѣшно шла однимъ путемъ,—тѣмъ путемъ, который проложилъ Гоголь; да и надобности въ измѣненіи направленія не было, потому что избранное направленіе хорошо и вѣрно. Послѣ этого, иной читатель, какъ мы сказали, можетъ остановиться на отрицательномъ выводѣ: „такого значенія, какое приписываетъ ему статья, г. Писемскій не имѣлъ; его произведенія своимъ направленіемъ не отличаются отъ произведеній, написанныхъ раньше его другими даровитыми писателями; стало быть, въ его произведеніяхъ нѣтъ ничего особенно новаго или оригинальнаго“.

Но такое отрицательное заключеніе было бы столь же ошибочно, какъ и разсужденія предполагаемой статьи, приводящей къ нему своими ошибочными понятіями о развитіи русской литературы. Надобно просто сказать, что, приписавъ г. Писемскому роль, которая вовсе не принадлежала ни ему, ни кому другому изъ современныхъ даровитыхъ писателей,—роль спасителя литературы отъ воображаемыхъ предполагаемою статьею опасностей,— опасностей, никогда не существовавшихъ на самомъ дѣлѣ,— предполагаемая статья не хотѣла понять и опредѣлить его истинной роли въ нашей литературѣ. А между тѣмъ, сдѣлать это было очень легко: роль г. Писемскаго на столько блистательна, характеръ его произведеній на столько опредѣлителенъ и оригиналенъ, что при малѣйшемъ знаніи предмета бросаются въ глаза черты, которыми его повѣсти и разсказы отличаются отъ произведеній всѣхъ другихъ нашихъ даровитыхъ беллетристовъ.

Мы теперь должны говорить только объ „Очеркахъ изъ крестьянскаго быта“, а не о всей дѣятельности г. Писемскаго. Но тѣ особенности, которыя замѣчаются въ его „Очеркахъ“ при сравненіи этихъ разсказовъ съ другими лучшими разсказами изъ сельскаго быта, находятся также во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ г. Писемскаго и отличаютъ его отъ всѣхъ тѣхъ беллетристовъ, которые раздѣляютъ съ авторомъ „Тюфяка“ вниманіе публики.

Въ своей критической статьѣ о Гоголѣ, г. Писемскій выражалъ мнѣніе, что талантъ Гоголя чуждъ лиризма. Про Гоголя, какъ намъ кажется,

этого сказать нельзя, но, кажется намъ, въ талантѣ самого г. Писемскаго отсутствіе лиризма составляетъ самую рѣзкую черту. Онъ рѣдко говоритъ о чемъ нибудь съ жаромъ, надъ порывами чувства у него постоянно преобладаетъ спокойный, такъ называемый эпическій тонъ. Достоинство это, или недостатокъ, вообще мы не беремся рѣшить; но конечно г. Писемскій не думалъ порицать Гоголя за отсутствіе лиризма, и намъ кажется, что у г. Писемскаго отсутствіе лиризма скорѣе составляетъ достоинство, нежели недостатокъ; намъ кажется, что хладнокровный разсказъ его дѣйствуетъ на читателя очень живо и сильно, и потому полагаемъ, что это спокойствіе есть сдержанность силы, а не слабость. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ, обманываясь этимъ спокойствіемъ, говорили, что г. Писемскій равнодушенъ къ своимъ лицамъ, не дѣлаетъ между ними никакой разницы, что въ его произведеніяхъ нѣтъ любви и т. д. — но это совершенная ошибка. Любить умѣетъ не только тотъ, кто любитъ кричать о своей любви: у иного чувство выражается и словомъ и дѣломъ, у иного только дѣломъ, и, быть можетъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ молчаливѣе. Довольно припомнить хотя бы „Очерки изъ крестьянскаго быта“, чтобы убѣдиться въ томъ, что у г. Писемскаго спокойствіе не есть равнодушіе. Онъ очевидно имѣетъ сильное расположеніе къ своему питерщику Клементію, который въ самомъ дѣлѣ стоитъ расположенія; онъ очевидно очарованъ сильною и благородною личностью своего Петра и, если бы могъ, стеръ бы съ лица земли, какъ гнусную гадину, Пузича (въ „Плотничьей Артели“) или Егора Парменова (въ „Лѣшемъ“)—какое тутъ равнодушіе, помилуйте! — на чьей сторонѣ горячее сочувствіе автора, вы ни разу не усомнитесь, перечитывая всѣ произведенія г. Писемскаго. Но чувство у него выражается не лирическими отступленіями, а смысломъ цѣлаго произведенія. Онъ излагаетъ дѣло съ видимымъ безстрастіемъ докладчика, — но равнодушный тонъ докладчика вовсе не доказываетъ, чтобы онъ не желалъ рѣшенія въ пользу той или другой стороны, напротивъ, весь докладъ такъ составленъ, что рѣшеніе должно склониться въ пользу той стороны, которая кажется правою докладчику.

Въ „Очеркахъ изъ крестьянскаго быта“ г. Писемскій тѣмъ легче сохраняетъ спокойствіе тона, что, переселившись въ эту жизнь, не принесъ съ собой раціональной теоріи о томъ, какимъ бы образомъ должна была устроиться жизнь людей въ этой сферѣ. Его воззрѣніе на этотъ бытъ не подготовлено наукою — ему извѣстна только практика, и онъ такъ сроднился съ нею, что его чувство волнуется только уклоненіями отъ того порядка, который считается обыкновеннымъ въ этой сферѣ жизни, а не самымъ порядкомъ. Если курная изба крѣпка и тепла, для него совершенно довольно; онъ не считаетъ нужнымъ безпокоиться изъ-за того, что она курная. Съ извѣстной точки зрѣнія, онъ въ этомъ ближе къ настоящимъ понятіямъ и желаніямъ исправнаго поселянина, нежели другіе писатели, касавшіеся этого быта. Они готовы спорить съ поселяниномъ, доказывать исправному мужику, что лучше жить въ бѣлой избѣ, нежели въ курной, готовы толковать ему о средствахъ, которыми можетъ его бытъ улучшиться на столько, чтобы вмѣсто печи, сбитой изъ глины, могла у него быть изразцовая. Г. Писемскій не таковъ. Онъ соглашается съ Сидоромъ Пантелеевымъ, что лучше того,

чѣмъ живетъ сосѣдъ Сидора, Парамонъ Тимоѳеевъ, и жить мужику не приходится,—желать лучшаго было бы только Бога гнѣвить,—и пожалѣетъ о Сидорѣ только тогда, когда у Сидора не хватаетъ хлѣба на годъ, — согласно тому, что и самъ Сидоръ находитъ свое житье плохимъ только въ этомъ крайнемъ случаѣ. Онъ не хлопочетъ о томъ, чтобы существующая система сельскаго хозяйства замѣнилась другою, приносящею болѣе обильныя жатвы; онъ жалѣетъ только о томъ, когда бываетъ неурожай. Онъ не судитъ существующаго.

Поэтому-то инымъ и могло показаться, что въ его „Очеркахъ изъ крестьянской жизни“ должно быть болѣе отраднаго, нежели въ разсказахъ подобнаго рода, написанныхъ людьми, болѣе требовательными,—людьми, которые возмущаются не тѣми только случаями нарушенія существующихъ обычаевъ, но и многими изъ самыхъ обычаевъ какъ слишкомъ грубыми и вредными. Но на дѣлѣ выходитъ едва ли не иначе: онъ былъ бы доволенъ, если бы соблюдался обычай; но обычай нарушается, по его словамъ, такъ часто и такимъ вопіющимъ образомъ, что вы, читая со вниманіемъ его разсказы, получаете о дѣйствительномъ бытѣ понятіе еще менѣе пріятное, нежели читая разсказы, написанные людьми менѣе уступчивыми. Впрочемъ, для человѣка внимательнаго и мыслящаго, почти всегда такъ бываетъ, если только писатель добросовѣстенъ. Одинъ, положимъ, доказываетъ, что взяточничество есть преступленіе, гибель для народа и т. д.; другой говоритъ: „это бы еще ничего — взяточничество —обычай самъ по себѣ извинительный и безобидный, жаль только, что этимъ обычаемъ слишкомъ часто злоупотребляютъ люди безсовѣстные“; — понятія перваго справедливѣе, но слова втораго показываютъ дѣйствительность въ свѣтѣ, гораздо болѣе темномъ. Тутъ возмущаются даже люди, нимало не возстающіе противъ умѣреннаго взяточничества, признаваемаго обычаемъ.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. *Книжка XI. Издана подъ редакціею В. Г. Ерофѣева. Спб. 1856.*

Записки Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества. *Книжка II, изданная подъ редакціею секретаря Общества, Е. И. Ламанскаго. Спб. 1856.*

Одиннадцатая книжка „Записокъ Географическаго Общества“ составлена преимущественно изъ статей совершенно спеціальныхъ, каковы „Геогностическое изслѣдованіе девонской полосы средней Россіи, отъ рѣки Западной Двины до рѣки Воронежа“, академика Гельмерсена; „Геогностическое изслѣдованіе, произведенное въ губерніяхъ Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской, отъ Воронежа до Самары“, г. Пахта,—и „Таблицы показанія времени лунныхъ и солнечныхъ затмѣній съ 1840 по 2001 годъ, на московскомъ меридіанѣ“, вычисленныя и составленныя г. Ѳ. Семеновымъ. Большинству читателей доступны статьи: академика Бэра—„Ученыя Замѣтки о Каспійскомъ морѣ и его окрестностяхъ“, и г. Маркевича — „Рѣки Полтавской губерніи“. Статьи, вошедшія въ составъ второй книжки „Записокъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества“, всѣ могутъ быть

прочитаны каждымъ образованнымъ человѣкомъ, хотя также почти всѣ вносятъ въ науку новые факты. Кромѣ „Лѣтописи Общества“ и разнообразной „Смѣси“, мы замѣтимъ въ этой книжкѣ „Путевой журналъ плаванія по рѣкѣ Амуръ, отъ Усть-Стрѣлочнаго Караула до впаденія ея въ Татарскій проливъ“, г. Пермикина; „Объ открытіи и проложеніи путей кругомъ Байкала“, г. Мордвинова; списанія древнихъ памятниковъ и чтенія надписей на нихъ, г. Юренскаго, г. Д. Давыдова и архимандрита Аввакума; наконецъ „Замѣчанія о золотыхъ пріискахъ Нерчинскаго округа“, гг. Аносова и Версилова.

Вопросъ о геологической судьбѣ Каспійскаго моря принадлежитъ къ числу самыхъ загадочныхъ въ наукѣ. Несомнѣнные геогностическіе факты (нахожденіе морскихъ раковинъ, солончаки, песчаные бугры, форма и составъ которыхъ изобличаетъ, что они могли быть образованы только морскими теченіями, а никакъ не вѣтрами) доказываютъ, что степи, нынѣ простирающіяся по лѣвому берегу Волжскаго Понизовья, были еще покрыты водами Каспійскаго моря, когда уже давно поднялись изъ моря всѣ или почти всѣ другія части нынѣшнихъ материковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, замѣчанія старожиловъ и сравненіе старыхъ географическихъ картъ съ нынѣшними, доказываютъ, что во многихъ мѣстахъ воды Каспійскаго моря отступаютъ назадъ; особенно быстро это совершается въ устьяхъ большихъ рѣкъ — Волги, Урала и Терека. Соединяя эти наблюденія съ геологическими фактами, многіе полагали, что объемъ Каспійскаго моря уменьшался постепенно, и до сихъ поръ оно продолжаетъ высыхать. Нѣкоторые, основываясь на словахъ Приска, что скиѳы приходили съ сѣвера на Персію по болотамъ (въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х.), предполагаютъ даже, что назадъ тому полторы тысячи лѣтъ полоса земли, отдѣляющая Каспійское море отъ Чернаго, еще не просохла, и, стало быть, еще не за долго передъ тѣмъ, оба моря соединялись между собою. Нашъ знаменитый естествоиспытатель, г. Бэръ, считаетъ всѣ эти предположенія несправедливыми. Онъ доказываетъ, что уменьшеніе объема Каспійскаго моря совершилось внезапно, вслѣдствіе мгновеннаго геологическаго переворота, что уменьшеніе это относится къ временамъ доисторическимъ, что съ того времени Каспійское море не измѣнилось значительнымъ образомъ въ объемѣ, и что наносныя дельты рѣкъ, въ него впадающихъ, имѣютъ гораздо меньшіе объемы, нежели обыкновенно предполагается.

Болота, по которымъ проходили скиѳы черезъ восемьсотъ лѣтъ послѣ Геродота, невозможно считать неуспѣвшимъ еще высохнуть дномъ Каспійскаго моря, говоритъ онъ, потому что размѣры Каспійскаго моря во время Геродота были уже совершенно таковы же, какъ и теперь; болота, по которымъ проходили скиѳы,—донынѣ существующія болота вокругъ Азовскаго моря или вокругъ устья Маныча. Кромѣ того, разсмотрѣніе нижняго теченія Волги и Урала доказываетъ, что для образованія нынѣшняго русла этихъ рѣкъ нуженъ былъ періодъ времени, гораздо продолжительнѣйшій, нежели какія нибудь полторы или двѣ тысячи лѣтъ. У Каменнаго Яра теченіе Волги должно было сгладить слой довольно твердаго сланца; выше Царицына русло Волги прорыто въ довольно твердыхъ породахъ, — а это

русло прорыто слишкомъ на десять саженъ ниже слоя морскихъ раковинъ (у Чернаго Яра) и, однакоже, теченіе воды, прорывшее столь углубленное русло, уже совершенно сгладило его, такъ что на Волгѣ не только теперь нѣтъ пороговъ или быстринъ, но и въ лѣтописяхъ не упоминается о ихъ существованіи.

Какимъ образомъ совершилось это измѣненіе въ объемѣ Каспійскаго моря? Оно совершилось внезапно; главнымъ доказательствомъ тому служатъ холмы, составленные изъ плотнаго степнаго солонцеватаго грунта и идущіе по берегу Каспійскаго моря отъ Волги до Терека, — они образованы быстрымъ стокомъ огромной массы морской воды. Тоже доказываетъ, по мнѣнію г. Бэра, толстый слой смѣшаннаго съ пескомъ волжскаго ила, лежащій нѣсколькими десятками футовъ выше нынѣшняго уровня Волги на слоѣ морскихъ раковинъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣющій до нѣсколькихъ аршинъ толстоты,—это не накопленіе множества постепенно образовавшихся тонкихъ слоевъ, потому что въ немъ вовсе не замѣтно подраздѣленія мелкой прослойки, а одновременно, вдругъ осадившійся толстый слой ила, — онъ указываетъ на увлекавшее въ себѣ огромную примѣсь земли, чрезвычайно быстрое теченіе, которое должно было образоваться на Волгѣ при внезапномъ пониженіи уровня каспійскихъ водъ на нѣсколько десятковъ футовъ.

„Описаніе рѣкъ Полтавской губерніи“ г. Маркевича — трудъ, очень полезный для статистическихъ соображеній, и, сколько можно судить, не провѣривъ его на мѣстѣ, составленный отчетливо и добросовѣстно. Всѣхъ большихъ и мелкихъ рѣкъ и рѣчекъ въ Полтавской губерніи онъ насчитываетъ 242, кромѣ Днѣпра, въ который всѣ онѣ впадаютъ. Ихъ общее протяженіе около 7,000 (6,832) верстъ; а съ частью Днѣпра, омывающею границу Полтавской губерніи, болѣе 7,000 (7,172) верстъ. И однакоже, надъ рѣками и рѣчками живетъ, по вычисленію г. Маркевича, только $^2/_3$ населенія Полтавской губерніи (1,108,448 душъ); остальная треть (556,882 души) живетъ не на проточныхъ водахъ, а надъ прудами и колодцами. Рѣкъ, имѣющихъ болѣе 200 верстъ длины, г. Маркевичъ насчитываетъ 6 (кромѣ Днѣпра); 19 другихъ рѣкъ имѣютъ отъ 130 до 50 верстъ длины. Однако же, ни по одной изъ нихъ, кромѣ Днѣпра, нѣтъ судоходства; безполезны для торговаго движенія остаются даже такія значительныя рѣки, какъ Сула (въ Полтавской губерніи 12 — 73 сажени ширины, отъ 1 до 3 сажень глубины), Псёлъ (въ Полтавской губерніи 25 - 60 сажень ширины, $1^1/_2$ до 3 сажень глубины), Орель (400 верстъ длины, 20—50 сажень ширины, отъ 3 до $3^1/_2$ сажень глубины). Въ старину, по многимъ изъ полтавскихъ рѣкъ было судоходство, но теперь всѣ онѣ перегорожены плотинами. По оффиціальнымъ показаніямъ, въ Полтавской губерніи находится 356 плотинъ,—въ дѣйствительности, число ихъ, по мнѣнію г. Маркевича, гораздо больше; почти всѣ онѣ построены для того, чтобы поставить на нихъ мельницы, — но многія такъ и остаются безъ мельницъ, совершенно безъ всякаго дѣла задерживая рѣку; да и изъ мельницъ, по мнѣнію г. Маркевича, двѣ трети совершенно безполезны, потому что всего на двѣ, на три недѣли имѣютъ работу, а весь остальной годъ стоятъ за-да-

ромъ. Эти безполезныя плотины уничтожаютъ возможность судоходства,—но не въ томъ еще главное зло отъ нихъ. Онѣ наполняютъ прибрежья рѣкъ гнилыми болотами и затонами, отнимая огромное количество земли у жителей и заражая воздухъ. Чтобы опредѣлить степень этого вреда, г. Маркевичъ беретъ въ примѣръ рѣчку Удай, имѣющую 208 верстъ длины и впадающую въ Сулу. Подъ русломъ Удая находится 780 десятинъ; подъ его болотами 39,780 десятинъ, погибшихъ для земледѣлія и скотоводства. На этой рѣкѣ живетъ 21,183 души населенія. Если бы уничтожить безполезныя плотины (которыхъ числомъ 19), болота высохли бы, и на каждую душу населенія прибавилось бы почти по двѣ десятины удобной земли, естественное богатство края увеличилось бы слишкомъ на половину (теперь приходится менѣе $3^1/_2$ десятинъ на душу) и здоровье мѣстныхъ жителей улучшилось бы, съ очищеніемъ атмосферы отъ зловредныхъ испареній; да вѣроятно и вода въ рѣкахъ была бы тогда чище и здоровѣе. Не говоримъ уже о томъ, что тогда по рѣкѣ Удаю можно бы сплавлять черезъ Сулу въ Днѣпръ земледѣльческія произведенія, которыя теперь возятся къ рынкамъ сухимъ путемъ, то есть почти не имѣютъ сбыта. Спрашивается, говоритъ г. Маркевичъ, приносятъ ли удайскія мельницы, изъ которыхъ половина стоитъ безъ дѣла, столько пользы, сколько принесло бы уничтоженіе плотинъ, для нихъ построенныхъ? „Но я не правъ продол„жаетъ онъ): измѣнить то, къ чему привыкли столѣтія, и не легко, и (безраз„судно. Можно ли мѣнять статью доходовъ извѣстную, старинную, прадѣ„довскую, хотя бы она была весьма посредственна, на статью, быть мо„жетъ, по разсчетамъ и полезную, но неизвѣстную, новую? Не рѣдко, видя, „какъ вѣютъ рожь машиною, я мысленно ругаю Бутюпа: то ли дѣло, ко„гда я былъ во младенчествѣ! — невольно въ душу вкрадываются сладкія „воспоминанія. Прихожу на токъ, лежитъ зерно не перевѣянное, мужички „стоятъ, опершись на лопаты: они въ раздумьи о томъ, что вѣтеръ вдругъ „затихъ. И вотъ начинается тихое посвистываньe вѣяльщиковъ: это они „манятъ вѣтеръ, а заколдованный вѣтеръ отъ этого свиста чародѣйскаго на„чинаетъ разгуливаться. Какое наслажденіе“!

Переходимъ къ „Запискамъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества“. Важнѣйшая изъ статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемой нами книжкѣ— „Путевой журналъ плаванія по Амуру“, г. Пермикина. Экспедиція, къ которой причисленъ былъ г. Пермикинъ, прибыла по рѣкѣ Шилкѣ 17 мая 1854 года къ Усть-Стрѣлочному Караулу, расположенному при сліяніи Шилки съ Аргунью — съ этого мѣста, рѣка, образующаяся ихъ соединеніемъ, называется Амуромъ. Она становится уже удобна для плаванія большихъ судовъ и пароходовъ. Г. Пермикинъ занимался преимущественно геогностическимъ обозрѣніемъ береговъ Амура; но его журналъ представляетъ, кромѣ геогностическихъ подробностей, довольно много географическихъ и этнографическихъ данныхъ, которыя мы и извлекаемъ изъ него. 18-го мая, экспедиція поплыла внизъ по рѣкѣ, держась болѣе къ лѣвому берегу, и 20-го мая прибыла къ устью рѣки Албазихи или Эмури, впадающей въ Амуръ съ правой стороны. Въ устьѣ Албазихи образовался низменный островъ версты въ двѣ длиною. Противъ него, на лѣвомъ берегу

Амура, стоялъ Албазинскій острогъ. На сѣверной сторонѣ острова остались еще слѣды батареи, устроенной китайцами для осады Албазина. На мѣстности, которую занималъ острогъ, еще видны остатки вала, печей и колодца, обломки кирпичей, глиняной посуды и проч. Въ одномъ мѣстѣ, подъ пластомъ земляной насыпи, нашелся даже слой почернѣвшихъ отъ огня хлѣбныхъ зеренъ. Проплывъ до Албазина по Амуру, экспедиція поняла, почему именно это мѣсто было избрано козаками для поселенія. Прибрежья Шилки, по которой спускалась партія удальцовъ, и потомъ берега Амура до самаго устья Албазихи такъ гористы, что не представляютъ удобнаго мѣста для поселенія, здѣсь же горы понизились, береговые луга покрыты тучною травою и мѣстами видѣнъ лѣсъ, такъ что по направленію отъ Нерчинска, изъ котораго шли козаки, это первая мѣстность, удобная для постояннаго жительства. Съ устья Албазихи начинается по берегамъ Амура мѣстность открытая; характеръ растительности измѣняется: вмѣсто прежнихъ лиственницъ, экспедиція стала встрѣчать при дальнѣйшемъ плаваніи дубъ, орѣшникъ, ясень и дикую розу. На берегу видѣла она нѣсколько юртъ тунгусовъ изъ племени манегри. Удивительно было равнодушіе этихъ дикарей къ невиданнымъ судамъ и людямъ, плывшимъ мимо ихъ по рѣкѣ— они мимоходомъ посматривали на пароходъ, но не обнаруживали любопытства, и спокойно продолжали свои занятія или уходили въ юрты. Мѣстность прибрежья, начиная съ устья Албазихи, постоянно казалась благопріятною для хлѣбопашества и осѣдлыхъ поселеній. 24 мая экспедиція плыла мимо песчаной горы Цагаянъ. Одинъ изъ туземцевъ, юрты которыхъ изрѣдка разбросаны по берегамъ, объяснилъ черезъ переводчика г. Пермикину, что эта гора имѣетъ чудесное свойство: отъ приближенія къ ней человѣка, она испускаетъ дымъ; но когда человѣкъ уходитъ, гора перестаетъ дымиться.— Но какъ же было можно узнать, что она, оставаясь безъ людей, не дымится, если люди всегда видятъ на ней дымъ?—Туземецъ не затруднился этимъ вопросомъ и сказалъ, что однажды его товарищъ подкрался съ другаго берега рѣки, ползкомъ въ травѣ, такъ что гора его не замѣтила, и не выпускала дыму, но лишь только онъ всталъ на ноги, тотчасъ задымилась. Какъ и слѣдуетъ, манегри поклоняются такой чудной горѣ. — Чѣмъ далѣе внизъ по Амуру, тѣмъ болѣе расширяются обширныя долины по обѣимъ сторонамъ ея, и отлогія горы уже виднѣются только на дальнемъ горизонтѣ. Луга покрыты прекрасною травою, и могли бы кормить огромныя стада; но лишь изрѣдка виднѣются юрты очень немногочисленныхъ манегри. Страна остается совершенно пустынною.

27 мая, въ 800 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки, экспедиція увидѣла первую деревню на Амурѣ. Поселеніе это, называющееся Амба-Сахалянъ и состоящее изъ 23 домовъ, стоитъ на правомъ берегу рѣки. Жители, манджуры, скрылись въ ближайшій городъ, узнавъ о приближеніи русскихъ; въ деревнѣ остались только четыре старика, двѣ старухи и трое молодыхъ людей. Жилища этой деревни—мазанки; при каждой мазанкѣ есть садикъ и огородъ.

Нѣсколько далѣе, впадаетъ въ Амуръ съ лѣвой стороны большая рѣка Зея, долина которой нѣкогда была занята русскими, подобно Албазинской

мѣстности. По Зеѣ, текущей почти на тысячу верстъ, выстроены были козаками четыре острожка; вся долина ея очень плодородна.

Въ 30 верстахъ отъ устья Зеи, построенъ, на правой сторонѣ Амура, городъ Сахалянъ-ула-Хотонь, единственный городъ на всемъ теченіи Амура. Отъ Зеи до города тянутся частныя поселенія, каждое изъ нѣсколькихъ домовъ, очень широко раскинутыхъ другъ отъ друга, какъ и всегда у амурскихъ тунгусовъ. Экспедиція достигла Сахаляна 28 мая. Часть экипажа отправилась въ городъ. Начальникъ принялъ русскихъ дружелюбно, но на берегу была собрана вся его военная сила—1,000 человѣкъ. Солдаты эти держали длинныя колья съ заостренными концами, такъ что могли считать себя имѣющими пики. У иныхъ кольевъ острые концы были вычернены, для совершеннаго сходства съ желѣзнымъ наконечникомъ пики; кромѣ кольевъ, вооруженіе составляли луки. У немногихъ были неуклюжія сабли и ружья. Кромѣ того, было вывезено на берегъ десять пушекъ, и при каждой стоялъ солдатъ съ чѣмъ-то длиннымъ, имѣвшимъ форму фитиля, — но, дѣйствительно ли то были фитили, или просто палки, за отдаленностью пушекъ нельзя было разсмотрѣть. Въ городъ нашихъ просили не ходить, потому что за допущеніе иноземцевъ начальникъ былъ бы наказанъ правительствомъ. Въ гавани стояло до 35 большихъ лодокъ. На 30 верстъ ниже города по берегу тянутся села, въ томъ числѣ одно большое. Однако, и тутъ берегъ населенъ слабо, а въ другихъ мѣстахъ совершенно пустыненъ.

Ниже Сахаляна, характеръ растительности напоминаетъ среднюю полосу Европейской Россіи. Почва—богатый черноземъ.

Ниже устья Буреи (впадающей въ Амуръ съ лѣвой стороны, въ 1,084 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки), горы снова подходятъ къ рѣкѣ, и оканчиваютъ собою равнинное прибрежье, тянувшееся слишкомъ на 300 верстъ; наконецъ, онѣ стѣсняютъ самое русло рѣки, такъ что Амуръ, имѣвшій прежде 2—3 версты ширины, съуживается до 300 саженъ и течетъ какъ бы по корридору изъ горъ. Мѣстность эта чрезвычайно живописна. Горы покрыты роскошною растительностью. По берегамъ, изрѣдка стоятъ юрты тунгусскаго племени гольдинцевъ. На 120 верстъ тянутся горы, потомъ опять разстилаются по берегамъ обширныя равнины, до устья огромной рѣки Сунгари (козаки звали ее Шингаломъ), которая едва ли не больше самого Амура,— по крайней мѣрѣ, китайцы называютъ Сунгари главною рѣкою, а Амуръ ея притокомъ. До Сунгари отъ Усть-Стрѣлки 1,425 верстъ. Страна, по которой протекаетъ эта рѣка, очень плодородна, и поселившіеся на Амурѣ добывали хлѣбъ грабежемъ у населенія, жившаго по Сунгари. Это было главною причиною возстанія, уничтожившаго козацкія поселенія.

Близъ устьѣ Сунгари, рѣка опять сжимается горами; далѣе на 185 верстъ тянется широкая плодородная долина. Русло рѣки дробится на нѣсколько рукавовъ частыми островами.

При устьѣ Усури, большой и глубокой рѣки, чрезвычано богатой рыбою и впадающей въ Амуръ съ правой стороны, опять подходятъ къ рѣкѣ горы. Далѣе, снова тянется до краевъ горизонта долина. Тутъ, 7 іюня, лодка съ баржею, на которой плылъ г. Пермикинъ, увлечена была быстротою теченія въ одинъ изъ рукавовъ, образуемыхъ островами, между тѣмъ,

какъ пароходъ съ остальными лодками пошелъ по другому руслу, такъ что г. Пермикинъ присоединился къ пароходу уже на другой день, въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ рукава соединяются въ одно русло. Сильная буря, которую онъ выдержалъ 7 іюня, заставляетъ его предполагать, что осенью Амуръ долженъ быть очень буренъ, если и лѣтомъ подвергается такимъ вѣтрамъ. Ночь онъ провелъ въ довольно большой деревнѣ гольдовъ, которые показались ему добродушными и чрезвычайно честными: у ихъ амбаровъ нѣтъ ни замковъ, ни запоровъ—видно, что они не имѣютъ понятія о воровствѣ. Далѣе живутъ мангунцы, другое племя тунгусовъ.

15 іюня экспедиція достигла Маріинскаго поста, въ 2,399 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки. Въ этихъ мѣстахъ берегъ гористъ. Ниже Маріинскаго поста живутъ гиляки, которые, подобно мангунцамъ, кормятся звѣроловствомъ и рыболовствомъ.

Изобиліе рыбы въ нижней и отчасти средней части Амура удивительное. Берега рѣки въ нижней части ея теченія гористы и покрыты лѣсомъ.

Въ „Лѣтописи“ Сибирскаго Отдѣла напечатаны отчеты о его состояніи и дѣйствіяхъ съ 21 мая 1852 года по то же число 1853 и съ 21 мая 1853 по то же число 1854 года, къ 21 мая 1854 года, членовъ Сибирскаго Отдѣла считалось 102; изъ нихъ 42 жили въ Иркутскѣ, остальные по различнымъ мѣстамъ Восточной Сибири. Движеніе денежныхъ суммъ Отдѣла было:

	въ 1852—1853 г.	1853—1854 г.
Остатокъ отъ предъидущаго года	1,901 руб. 54¼ коп.	3,648 руб. 91¼ коп.
Пособіе отъ казны . . .	2,000 „ — „	2,000 „ — „
Взносы членовъ	881 „ — „	509 „ 60 „
Всего	4,782 руб. 54¼ коп.	6,158 руб. 51¼ коп.
Израсходовано на выписку книгъ, покупку инструментовъ и проч.	809 руб. 44 коп.	141 руб. 55 коп.
На канцелярскіе расходы	344 „ 19 „	460 „ 64 „
На Вилюйскую экспедицію	— „ — „	4,887 „ 22 „
Всего	1,153 руб. 63 коп.	5,499 руб. 41 коп.

Библіотека Сибирскаго Отдѣла къ 21 мая 1854 года состояла изъ 742 томовъ. Географическихъ атласовъ она имѣла 40 нумеровъ. Кромѣ того, было уже положено основаніе Археологическому музею (102 нумера свитковъ и старинныхъ дѣлъ), Этнографическому музею (20 рисунковъ) и Физикоматематическому кабинету (35 инструментовъ).

Столѣтіе „Московскихъ Вѣдомостей“. *(1756—1856).* Е. Корша. *Москва. 1857.*

Послѣ „Академическихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Московскія Вѣдомости“ — старѣйшее изъ русскихъ періодическихъ изданій. Съ давняго

времени (конечно, съ Новикова) онѣ изъ всѣхъ нашихъ изданій самое распространенное въ провинціяхъ, лежащихъ около Москвы и за Москвою. Въ средней и южной полосѣ Россіи есть много уѣздовъ, которые почерпаютъ пищу для своей умственной жизни исключительно изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Точныя цифры печатаемыхъ экземпляровъ того или другаго журнала, той или другой газеты, конечно, никому неизвѣстны, кромѣ нѣсколькихъ людей, принадлежащихъ къ редакціи или конторѣ этого изданія—у насъ ужъ такая привычка, что мы все стараемся покрыть непроницаемымъ туманомъ,—мы воображаемъ, что облекать все тайною—очень полезное дѣло. Но приблизительная цифра экземпляровъ каждаго періодическаго изданія можетъ быть, несмотря на весь этотъ туманъ, легко угадана. Въ настоящее время, не дѣлая большой ошибки, можно сказать, что „С.-Петербургскія Вѣдомости“ расходятся въ числѣ экземпляровъ, почти вдвое бо̀льшемъ, нежели самые распространенные въ публикѣ изъ нашихъ журналовъ, а „Московскихъ Вѣдомостей“ расходится почти вдвое больше, нежели С.-Петербургскихъ. До послѣдней войны, „Московскихъ Вѣдомостей“ выписывалось около 11 или 12 тысячъ экземпляровъ; во время войны, цифра эта приближалась, говорятъ, къ 20 тысячамъ; по заключеніи мира, она должна была уменьшиться, не опускаясь однако же до цифры, бывшей передъ войною, такъ что можно полагать ее въ 15,000. Если мы будемъ держаться этого счета, въ которомъ вѣроятная ошибка не можетъ превышать 20%, мы получимъ слѣдующія числа для послѣднихъ двухъ лѣтъ, когда, надобно замѣтить, умственная жизнь и потребность чтенія возбуждена въ гораздо сильнѣйшей степени, нежели прежде:

4 литературные журнала („Библіотека для Чтенія“, „Отечественныя Записки“, „Русскій Вѣстникъ“, „Современникъ“, каждый отъ 3,000 до 4,500 экземпляровъ), всѣ вмѣстѣ	15,000 экз.
4 газеты („Русскій Инвалидъ“, „Сѣверная Пчела“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“,—каждая газета отъ 6,000 до 9,000 экз., и „Московскія Вѣдомости“, около 15,000 экз.) всѣ вмѣстѣ	35,000 экз.
Итого	50,000 экз.

Считая на каждый экземпляръ по 10 читателей (такъ принято для подобныхъ разсчетовъ въ заграничной книжной статистикѣ), мы на 50,000,000 жителей Русской Имперіи, для которыхъ русскій языкъ есть родной языкъ, получимъ 500,000 людей читающихъ,—и увидимъ, что въ полтораста лѣтъ, со временъ Петра, одинъ изъ ста нашихъ соотечественниковъ уже перешелъ въ число людей болѣе или менѣе образованныхъ.

Конечно, кромѣ изданій, вошедшихъ въ нашу таблицу, существуютъ многія другія; но очень многіе изъ читателей, напримѣръ, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ въ то же время и читатели „Отечественныхъ Записокъ“ или „Современника“, даже нѣкоторые изъ читателей „Сѣверной Пчелы“ въ то же время читатели „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и т. д., и значительное уменьшеніе общей цифры, происходящее отъ такого соеди-

ненія, какъ мы полагаемъ, едва ли съ большимъ избыткомъ вознаграждается зачетомъ въ общій итогъ всѣхъ тѣхъ людей, которые, не читая ни одного изъ названныхъ нами изданій, читаютъ какой нибудь другой журналъ, напримѣръ, „Морской Сборникъ“ или „Русскую Бесѣду“. Число такихъ людей не очень значительно.

Чтобы опредѣлительнѣе судить о значеніи представленнаго нами итога, сравнимъ его хотя съ итогомъ, представляемымъ Франціею. Тамъ на 35,000,000 людей расходится не менѣе 250,000 экземпляровъ большихъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ и соотвѣтствующихъ своимъ положеніемъ въ литературѣ тѣмъ изданіямъ, которыя вошли въ нашу таблицу. 250,000 экземпляровъ—даютъ 2,500,000, то есть 7 читателей на 100 человѣкъ населенія. Въ Германіи и Англіи пропорція читателей еще значительнѣе.

Но статистика читателей въ Россіи не есть исторія „Московскихъ Вѣдомостей“,—конечно, скажемъ же нѣсколько словъ о брошюрѣ, заглавіе которой привели выше. Исторія „Московскихъ Вѣдомостей“, какъ наиболѣе распространеннаго у насъ періодическаго изданія, была бы очень интересна. Но брошюра обнимаетъ только первыя семь лѣтъ изданія (1756—1762)—періодъ самый бѣдный и незначительный. „Московскія Вѣдомости“ въ то время не имѣли ни оригинальныхъ статей, ни вообще литературнаго или ученаго отдѣла,—онѣ состояли исключительно изъ оффиціальныхъ документовъ и иностранныхъ извѣстій; даже объявленій было мало, и тѣ вовсе не характеричны. Большая часть брошюры наполнена исторіею Семилѣтней войны, составленною по извѣстіямъ „Московскихъ Вѣдомостей“, то есть по тогдашнимъ русскимъ реляціямъ и переводамъ извѣстій изъ нѣмецкихъ газетъ. Газета становится болѣе важною только со времени Новикова.

Для Легкаго Чтенія. *Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и драмы современныхъ русскихъ писателей. Томъ V.*

Въ этомъ томѣ „Легкаго Чтенія“ помѣщены: повѣсть г. Григоровича „Неудавшаяся жизнь“; „Нянюшка“, сцены г. М. Михайлова; „Недосказанная фраза“, разсказъ И. А. П—ва; „Рыбная ловля“, поэма г. Майкова; „Идеалистъ“, повѣсть г. Станкевича; „Труженикъ, признанія новѣйшаго Фальстафа“, стихотвореніе г. Н***. Особеннаго вниманія читателей заслуживаетъ первое изъ этихъ произведеній, которое до сихъ поръ еще не было напечатано, и является на свѣтъ въ первый разъ въ „Легкомъ Чтеніи“. Шестой томъ этого изданія, который скоро выйдетъ, будетъ заключать въ себѣ: повѣсть И. И. Панаева „Прекрасный человѣкъ“; разсказъ Д. В. Григоровича „Смедовская долина“; повѣсть Н. Н. Станицкаго „M-lle Annette“; комедію И. С. Тургенева „Провинціалка“; разсказъ Я. П. Полонскаго „Груня“; разсказъ г. А. Печерскаго „Поярковъ“; два стихотворенія А. А. Фета и семь стихотвореній Н. В. Берга.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Мартъ 1857.

„Русская Бесѣда“ и славянофильство.—„Доходное мѣсто“, Островскаго.—„Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“, комедія Львова.—„Поярковъ“, Печерскаго.

Холодно, отчасти пасмѣшливо, отчасти даже какъ то непріязненно смотрѣла до сихъ поръ на „Русскую Бесѣду“ почти вся наша публика. Почти всѣ наши журналы, когда говорили о ней, говорили съ иронією или съ укоризнами. Едва ли не одинъ только „Современникъ“ доказывалъ, что между славянофилами и огромнымъ большинствомъ образованныхъ людей, отвергающимъ славянофильскія идеи о русскомъ воззрѣніи, существуютъ, выше этого раздорнаго пункта, точки сходства во мнѣніяхъ, согласія въ желаніяхъ. Многимъ изъ уважаемыхъ нами людей такой взглядъ на славянофиловъ показался совершенно ошибочнымъ, чуть не преступнымъ передъ Европою и просвѣщеніемъ. Большинство продолжало смотрѣть на славянофиловъ не какъ на людей, которые, ошибаясь во многомъ и важномъ, о важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ вопросахъ жизни (потому что есть въ жизни нѣчто важнѣе отвлеченныхъ понятій) думаютъ правдиво и благородно,—нѣтъ, какъ на людей, которые, ради осуществленія своихъ туманныхъ и ошибочныхъ теорій о народности въ наукѣ, готовы пожертвовать и наукою, и благами цивилизованной жизни, и всѣмъ на свѣтѣ.

Наконецъ-то, послѣ напраснаго годичнаго ожиданія, дождались мы отъ публики болѣе благопріятныхъ отзывовъ о мнѣніяхъ, органомъ которыхъ служитъ „Русская Бесѣда“. Не знаемъ, рѣшатся ли отказаться сразу отъ своихъ предубѣжденій журналы, до сихъ поръ не видѣвшіе ничего хорошаго въ „Русской Бесѣдѣ“, - рѣшатся ли они признаться, что славянофилы одушевляются не одною мечтою о небываломъ и невозможномъ спеціально-русскомъ построеніи науки на фантастическихъ основаніяхъ, но также,—и еще больше,—стремленіями, свойственными каждому образованному и благородному человѣку, каковы бы ни были его теоретическія заблужденія. Быть можетъ, журналы, глумившіеся надъ славянофилами, почтутъ нужнымъ умолчать о впечатлѣніи, которое произвела на большинство мыслящихъ людей первая книга „Русской Бесѣды“ за нынѣшній годъ. Но у насъ нѣтъ ни причины, ни желанія не сказать съ радостью, что впечатлѣніе это вообще было очень благопріятно для „Русской Бесѣды“ и славянофиловъ.

Публика наконецъ получила въ этой книгѣ доказательства, что для славянофильскаго журнала существуютъ интересы, болѣе дорогіе и живые, нежели мечты, которыя не могутъ встрѣтить въ большинствѣ ни сочувствія, потому что отвлеченны и неприложимы къ дѣлу, ни одобренія, потому что не вели бы ни къ чему хорошему, если бы были осуществимы.

Это благопріятное впечатлѣніе произведено преимущественно двумя превосходными статьями г. Самарина, помѣщенными въ критикѣ. Мы не будемъ подробно говорить о томъ, почему и какъ дѣйствуютъ онѣ на каждаго благомыслящаго человѣка самымъ выгоднымъ образомъ—мы надѣемся, что тѣ изъ нашихъ читателей, которые еще не знаютъ этихъ статей, познакомятся съ ними изъ самой „Русской Бесѣды“. Ободряемые теперь благопріятнымъ расположеніемъ публики къ „Русской Бесѣдѣ“, мы хотимъ сказать, съ какой точки зрѣнія образъ мыслей, называемый славянофильствомъ, заслуживаетъ, если не полнаго одобренія, то оправданія и даже сочувствія: не усомнимся указать даже тѣ частные вопросы, о которыхъ славянофилы думаютъ, какъ намъ кажется, справедливѣе, нежели многіе изъ такъ называемыхъ западниковъ. Читатели видятъ, что не всѣхъ западниковъ мы считаемъ одинаково безошибочными во мнѣніяхъ; точно также мы говоримъ не о всѣхъ безъ исключенія людяхъ, называющихъ себя славянофилами, что у нихъ есть нѣчто важнѣйшее и лучшее, нежели идеи о русскомъ воззрѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, обѣ партіи одинаково считаютъ въ своихъ рядахъ людей, не имѣющихъ почти ничего общаго между собою, кромѣ того или иного взгляда на отношеніе народности къ общей человѣческой наукѣ. А этотъ вопросъ, служащій основаніемъ для раздѣленія партій, далеко не имѣетъ, по нашему мнѣнію, той всепоглощающей важности, какую ему приписываютъ; и между людьми, согласными въ его рѣшеніи, могутъ быть разнорѣчія по другимъ, гораздо существеннѣйшимъ вопросамъ. Какъ изъ западниковъ, такъ и изъ славянофиловъ, мы признаемъ достойными особеннаго сочувствія только тѣхъ, которые справедливо думаютъ объ этихъ важнѣйшихъ вопросахъ. Если бы, напримѣръ, между западниками нашлись люди, восхищающіеся всѣмъ, что нынѣ дѣлается во Франціи (а такіе есть между западниками), мы не назвали бы ихъ мнѣнія достойными особеннаго одобренія, какъ бы громко ни кричали они о своемъ сочувствіи къ западной цивилизаціи, —потому что и во Франціи, какъ повсюду, гораздо болѣе дурнаго, нежели хорошаго; съ другой стороны, какъ бы ни заблуждались въ своихъ понятіяхъ о допетровской Руси люди, въ настоящемъ одобряющіе только то, что дѣйствительно достойно одобренія, и желающіе всѣхъ тѣхъ улучшеній, какихъ долженъ желать образованный человѣкъ,—мы все-таки почли бы мнѣнія такихъ людей въ сущности добрыми, потому что дѣйствительныя стремленія относительно настоящихъ дѣлъ важнѣе всякихъ отвлеченныхъ мечтаній о достоинствахъ или недостаткахъ отдаленнаго прошедшаго. Только славянофилы послѣдняго рода придаютъ жизнь и смыслъ своей партіи, потому только о нихъ мы и будемъ говорить, оставляя безъ вниманія людей, которые, по недостатку умственнаго развитія, по отсталости или по увлеченію безплодными мечтами, были бы одинаково ничтожны или вредны, что́ бы ни говорили объ отношеніяхъ народности къ общечеловѣчности.

Лучшіе люди славянофильской партіи — люди съ горячею преданностью своимъ убѣжденіямъ; ужъ этимъ однимъ они полезны въ нашемъ обществѣ, самый общій недостатокъ въ которомъ не какія нибудь ошибочныя понятія, а отсутствіе всякихъ понятій, не какія нибудь ложныя увлеченія, а слабость всякихъ умственныхъ и нравственныхъ влеченій. Прежде, нежели желать того, чтобы всѣ твердо держались образа мыслей, который кажется кому нибудь изъ насъ справедливѣйшимъ, надобно признавать настоятельнѣйшею потребностью русскаго общества пробужденіе въ немъ мысли и способности къ принятію какихъ либо умственныхъ убѣжденій, какихъ либо нравственныхъ влеченій, какихъ либо общественныхъ интересовъ. А исполненію этого дѣла славянофилы стараются содѣйствовать всѣми силами, и, какъ люди горячихъ убѣжденій, очень полезнымъ образомъ дѣйствуютъ на пробужденіе умовъ, доступныхъ ихъ вліянію.

Этого права ихъ считаться людьми полезными для общества никто, кажется, не отрицаетъ; но многіе думаютъ, что польза, приносимая ими дѣлу пробужденія мысли въ русскомъ обществѣ, далеко превышается вредомъ, какой они приносятъ успѣхамъ общества, наполняя мысль человѣка, ими пробуждающагося къ жизни, совершенно ложнымъ содержаніемъ, стремясь дать ей направленіе, совершенно превратное.

Не оправдывая всего того, что говорятъ даже лучшіе представители славянофильства, человѣкъ, любящій родину и принимающій выводы науки на Западѣ, долженъ, однако же, сказать, что столь общее отрицаніе всякой справедливости въ славянофильствѣ неосновательно, долженъ признать, что изъ элементовъ, входящихъ въ систему этого образа мыслей, многіе положительно одинаковы съ идеями, до которыхъ достигла наука или къ которымъ привелъ лучшихъ людей историческій опытъ въ Западной Европѣ.

Начнемъ хотя съ тѣхъ враждебныхъ чувствъ къ нынѣшней Европѣ, въ которыхъ обыкновенно обвиняются славянофилы. Конечно, грубо понимаемое, такое обвиненіе будетъ совершенною клеветою на нихъ, — всему дѣйствительно великому и хорошему въ Западной Европѣ они сочувствуютъ не менѣе самыхъ заклятыхъ западниковъ, и, конечно, никому не уступятъ ни въ уваженіи къ такимъ людямъ, какъ Робертъ Пиль или Диккенсъ, Штейнъ или Гегель, — ни въ искренности желанія какъ можно ближе и полнѣе познакомить русскихъ съ благотворными плодами западнаго просвѣщенія. (Просимъ не забывать, что мы говоримъ о лучшихъ представителяхъ славянофильства, а не о тѣхъ людяхъ между ними, прегрѣшенія которыхъ противъ западной цивилизаціи легко прощаются, какъ грѣхи невѣдѣнія). Безпристрастный человѣкъ долженъ назвать предубѣжденіемъ мнѣніе, будто они враждебны европейскому просвѣщенію. Но то правда, и въ томъ признаются они сами, что они не считаютъ слишкомъ завиднымъ нынѣшнее положеніе народной жизни въ западной Европѣ. За эту строгость нельзя ихъ винить. Не даромъ путешественники, отправляющіеся въ западную Европу съ ожиданіемъ найти тамъ земной рай, возвращаются разочарованными, если ищутъ, напримѣръ, въ Парижѣ чего нибудь кромѣ пале-роялскихъ удовольствій и модныхъ портныхъ. Масса народа и въ Западной Европѣ еще погрязаетъ въ невѣжествѣ и нищетѣ; потому, она еще не

принимаетъ разумнаго и постояннаго участія ни въ успѣхахъ, дѣлаемыхъ жизнью достаточнаго класса людей, ни въ умственныхъ его интересахъ. Не опираясь на непзмѣнное сочувствіе народной массы, зажиточный и развитой классъ населенія, поставленный между страхомъ вулканическихъ силъ ея и происками интригантовъ, пользующихся рутиною и невѣжествомъ, предается своекорыстнымъ стремленіямъ, по невозможности осуществить свой идеалъ, или бросается въ излишества всякаго рода, чтобы заглушить свою тоску. Многіе изъ лучшихъ людей въ Европѣ до того опечалены этимъ зломъ, что отказываются отъ всякихъ надеждъ на будущее; другіе доказываютъ, что съ теченіемъ времени зло не уменьшается, а возрастаетъ. Первые, конечно, не правы, но вторые говорятъ правду. Дѣйствительно, язва пролетаріата все расширяется, даже физическая организація племенъ слабѣетъ, такъ что, вообще говоря, даже средній ростъ уменьшается. Всего прискорбнѣе здѣсь то, что главнымъ источникомъ нищеты и бѣдствій въ Западной Европѣ надобно считать не недостаточность средствъ къ быстрому и коренному улучшенію народнаго быта, а дурное и несправедливое распредѣленіе этихъ средствъ или недоброжелательство къ улучшенію народнаго быта со стороны людей, держащихъ въ рукахъ эти средства, и, по своекорыстному разсчету, не примѣняющихъ ихъ къ дѣлу. Мы представимъ только одинъ случай для примѣра. Положительный разсчетъ показываетъ, что если бы во Франціи поля воздѣлывались при помощи средствъ, предлагаемыхъ естественными науками и механикою, и по системѣ, указываемой политическою экономіею (общинное воздѣлываніе земли при помощи улучшенныхъ машинъ), жатва болѣе, нежели удвоилась бы. А между тѣмъ во Франціи недостаетъ хлѣба. Если бы земледѣлецъ во Франціи пользовался самъ плодами своихъ трудовъ, онъ жилъ бы безбѣдно,—а онъ терпитъ нужду. Еще безотраднѣе положеніе фабричныхъ и заводскихъ работниковъ, которымъ еще легче было бы имѣть изобиліе во всемъ, нужномъ для жизни. Но весь трудъ во французскомъ обществѣ производится подъ гнетомъ своекорыстныхъ эксплуататоровъ, которые могутъ быть прекрасными людьми, но которые, какъ всякій человѣкъ, заботятся о собственныхъ, а не о чужихъ выгодахъ, думаютъ объ увеличеніи своихъ доходовъ, а не объ улучшеніи участи зависимаго отъ нихъ рабочаго населенія. Точно таковъ же порядокъ экономическихъ отношеній и во всей остальной Западной Европѣ. Это фактъ, обнаруженный лучшими людьми самой Западной Европы и принуждающій ихъ негодовать на дѣйствительность, ихъ окружающую.

Таково же и положеніе умственной жизни на Западѣ. Правда, наука сдѣлала великіе успѣхи, но еще слишкомъ мало имѣетъ вліянія на жизнь. Большинство не только народа, но даже образованныхъ классовъ, погружено еще въ дикія понятія, свойственныя скорѣе временамъ кулачнаго права, нежели вѣку цивилизаціи. Когда лучшіе люди въ Западной Европѣ сравниваютъ образъ мыслей огромнаго большинства своихъ согражданъ съ гуманными идеями современной науки, они приходятъ въ отчаяніе, видя, что несомнѣннѣйшія умственныя и нравственныя истины ея, достовѣрныя, какъ аксіомы геометріи, ясныя, кажется, какъ свѣтъ дневной, остаются еще невѣдомы или непоняты никѣмъ, кромѣ горсти немногихъ избранниковъ, еще

безспльныхъ надъ нравами и стремленіями общества, по своей малочислен ности. Приведемъ опять хотя одинъ примѣръ. При нынѣшнемъ развитіи государственнаго порядка, когда масса побѣждающаго народа уже не грабитъ и не обращаетъ въ личное рабство своимъ сочленамъ всю массу побѣжденнаго народа (какъ то было при завоеваніи германцами провинцій Римской Имперіи), разумна и полезна только та война, которая ведется народомъ для защиты своихъ границъ. Всякая война, имѣющая цѣлью завоеваніе или перевѣсъ надъ другими націями, не только безнравственна и безчеловѣчна, но также положительно невыгодна и вредна для народа, какими бы громкими успѣхами ни сопровождалась, къ какимъ выгоднымъ, повидимому, результатамъ ни приводила. Это достовѣрно, какъ $2 \times 2 = 4$. А между тѣмъ, и во Франціи, и въ Англіи люди, говорившіе это во время послѣдней войны съ Россіею, были предметомъ общаго посмѣянія или негодованія.

Злоупотребленія, недостатки и бѣдствія въ матеріальной и умственной жизни народовъ Западной Европы—это предметъ неистощимый. Изъ тысячи обвинительныхъ пунктовъ противъ западно-европейской дѣйствительности мы коснулись, и то слегка, безъ всякихъ подробностей, лишь двухъ-трехъ. Страшную картину современнаго быта своей родины представляетъ каждый изъ западно-европейскихъ писателей, если только онъ добросовѣстенъ и стоитъ по мысли въ уровень съ гуманными идеями вѣка. Это прискорбное разнорѣчіе дѣйствительности съ потребностями и идеалами современной мысли съ-году на-годъ становится тяжеле въ Западной Европѣ.

Что удивительнаго, что преступнаго, если это самообличеніе Европы лучшими изъ ея дѣтей находитъ отголосокъ и у насъ? Всякая ложь вредна. Зачѣмъ намъ оставаться въ фантастической увѣренности, будто бы Западная Европа - земной рай, когда на самомъ дѣлѣ положеніе народовъ ея вовсе не таково? Не одни славянофилы стараются вывесть насъ изъ этого легкомысленнаго обольщенія,—немногіе, истинно серьезные мыслители, которыхъ мы имѣли или имѣемъ, выставляли намъ недостатки западно-европейской дѣйствительности въ самомъ рѣзкомъ видѣ. Пусть славянофилы, когда говорятъ объ этомъ предметѣ, во многомъ ошибаются, принимая иное хорошее за дурное, или наоборотъ,—эти частныя ошибки не мѣшаютъ справедливости общей идеи, повторяемой ими, но принадлежащей вовсе не имъ, а всѣмъ лучшимъ людямъ Запада, отъ которыхъ они и узнали о ней,—не мѣшаютъ справедливости этой общей идеи: Западная Европа вовсе не рай.

А когда мы подумаемъ о томъ, до какой степени у многихъ изъ такъ называемыхъ западниковъ темны еще понятія о томъ, что хорошо и что дурно въ Европѣ, и какъ до сихъ поръ очень многимъ кажется лучшимъ именно то самое, что есть худшаго въ Европѣ, то должны будемъ признаться, что критика европейскаго быта, которую славянофилы, прямо или черезъ вторыя руки, заимствуютъ изъ лучшихъ современныхъ мыслителей, далеко не безполезна для очищенія нашихъ понятій о Европѣ. Конечно, эта критика соединяется, проходя черезъ уста славянофиловъ, съ примѣсями, чуждыми, иногда прямо враждебными ея духу,—но мы на столько увѣрены въ здравомъ смыслѣ русскаго племени, мало расположеннаго къ отвлеченнымъ фантазіямъ, что эти примѣси внушаютъ намъ довольно мало опасенія.

Здравый смыслъ и тактъ дѣйствительности, которымъ очень сильны русскіе, довольно легко отличаетъ фантастическую примѣсь отъ фактовъ. Притомъ же, примѣси, особенно любимыя многими изъ славянофиловъ, выбраны ими изъ круга чувствъ, которыя очень антипатичны русскому характеру. Ни заоблачныя мечтанія, ни самохвальство не въ характерѣ у русскаго человѣка.

Мало вѣроятности, чтобы заблужденія, противныя племенному характеру, распространились въ націи. Но еслибъ это и было вѣроятно, все-таки надобно было бы сказать, что опасности для народнаго развитія, представляемыя этими примѣсями, менѣе важны, нежели выгоды, соединенныя съ нѣкоторыми твердыми убѣжденіями славянофиловъ, о чемъ постараемся мы поговорить въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Однакоже, вмѣсто общихъ размышленій о славянофильствѣ, къ выраженію которыхъ были мы ободрены благопріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на публику первою книгою „Русской Бесѣды“ за нынѣшній годъ, пора намъ заняться обозрѣніемъ содержанія этой книги, очень замѣчательной.

О статьяхъ г. Самарина, на которыя мы хотѣли бы особенно обратить вниманіе каждаго изъ нашихъ читателей, мы ничего не будемъ говорить; одна изъ нихъ, написанная по поводу книги графа Орлова „Очерки похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году“, должна быть прочтена каждымъ живымъ человѣкомъ, и о ней ничего нельзя сказать, кромѣ похвалъ, которыя мы уже сказали. Другая—„Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина“, конечно, оставляетъ мѣсто нѣкоторымъ очень серьезнымъ возраженіямъ, но самъ г. Чичеринъ, вѣроятно, не останется въ долгу у достойнаго противника, котораго наконецъ нашелъ себѣ. По нашему мнѣнію, замѣчанія г. Самарина таковы, что каждое изъ нихъ заслуживаетъ серьезнаго разсмотрѣнія, а нѣкоторыя должны быть признаны справедливыми,— напримѣръ, мысль о необходимости дополнить свидѣтельства юридическихъ актовъ, собранныя у автора, фактами, встрѣчаемыми въ другихъ источникахъ исторіи (въ иноземныхъ писателяхъ о Россіи, въ лѣтописяхъ, народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ) и представляемыми изученіемъ современнаго быта; но мы сильно сомнѣваемся, чтобы отъ расширенія границъ картины просвѣтлѣли ея краски, какъ на то, повидимому, надѣется г. Самаринъ. Замѣтимъ также, что отвѣтомъ на параллели русской системѣ кормленія, находимыя г. Самаринымъ въ исторіи западныхъ государствъ, должно быть не отрицаніе сходства между сравниваемыми явленіями, а признаніе этихъ явленій одинаково невыгодными для государственнаго благоустройства; съ прибавленіемъ того, что въ исторіи западныхъ государствъ дѣйствіе принципа, сходнаго съ нашимъ кормленіемъ, до нѣкоторой степени уравновѣшивалось вліяніемъ другихъ началъ, чего у насъ почти не было.

Г. Чичеринъ, кажется, служитъ кошмаромъ „Русской Бесѣды“, которая въ каждой изъ пяти вышедшихъ до сихъ поръ книгъ посвящала обширныя статьи опроверженію его мнѣній. И въ обозрѣваемой нами книгѣ, кромѣ статьи г. Самарина, занимается этимъ дѣломъ еще другая, болѣе обширная статья: „Критическія замѣчанія на сочиненіе г. Чичерина: „Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ“, г. И. И. Крылова. Конечно,

эти замѣчанія написаны съ ученостью и умомъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ ученаго, имѣющаго громкую извѣстность. Но, по мѣткости и силѣ возраженій, статью г. Самарина надобно поставить выше. Притомъ же, г. Крыловъ говоритъ слишкомъ докторальнымъ тономъ,—онъ слишкомъ проникнутъ мыслью, что имѣетъ дѣло съ бывшимъ своимъ студентомъ. Такъ нѣкогда поучалъ г. Погодинъ гг. Соловьева и Кавелина, которые, однако, справедливо говорили, что извлекаютъ очень мало пользы изъ его назидательныхъ бесѣдъ.

Чрезвычайно интересна по предмету, но суха и отчасти темна по изложенію статья г. П. Р—на: „Объ устройствѣ земледѣльческаго сословія въ Австріи“. Гораздо яснѣе, хотя и короче, изложено это дѣло г. Е. Ламанскимъ въ „Экономическомъ Указателѣ“ (№ 13). Важно по множеству новыхъ фактовъ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ источниковъ сочиненіе г. А. Попова, „Исторія возмущенія Стеньки Разина“. Сколько можно судить по первой части его, напечатанной въ обозрѣваемой нами книгѣ „Русской Бесѣды“, авторъ хочетъ ограничиться изложеніемъ свѣдѣній, представляемыхъ его источниками; онъ избралъ себѣ цѣль скромную, но полезную, и за извлеченіе фактовъ изъ-подъ архивнаго спуда онъ заслуживаетъ полной признательности.

Вмѣстѣ съ замѣчательно прекрасными статьями г. Самарина привлекла къ „Русской Бесѣдѣ“ вниманіе публики комедія г. Островскаго „Доходное мѣсто“,—сильнымъ и благороднымъ направленіемъ она напоминаетъ ту пьесу, которой онъ обязанъ большею частью своей извѣстности,—комедію „Свои люди,—сочтемся“. Замѣчательна эта новая пьеса и въ томъ отношеніи, что тутъ г. Островскій изображаетъ кругъ, не имѣющій ничего общаго съ купеческимъ бытомъ, правами котораго до сихъ поръ онъ почти исключительно занимался. Жадовъ, молодой человѣкъ, получившій университетское образованіе и проникнутый строгими, высокими понятіями о жизни, вступаетъ въ жизнь при условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для того, чтобы составить себѣ карьеру: его дядя—высшій начальникъ того мѣста, при которомъ начинаетъ служить онъ. Онъ страстно любитъ дѣвушку, которая такъ еще молода, и кажется ему такою благородною, по натурѣ, что онъ надѣется воспитать ее. Но правила, которыхъ молодой человѣкъ держится, оказываются несовмѣстными съ человѣческимъ счастіемъ не только на службѣ, но даже и въ семействѣ. Дядя не долюбливаетъ его за „фанаберію“, о которой такъ хорошо умѣютъ разсуждать люди, живущіе безгрѣшными доходами. Агентъ дяди по безгрѣшнымъ доходамъ, Юсовъ, управляющій дядею и непосредственный начальникъ Жадова, ненавидитъ молодаго человѣка за ту же „фанаберію“. Жадовъ, рѣшившись жениться на любимой дѣвушкѣ, является къ дядѣ просить вакантную должность столоначальника, чтобъ имѣть возможность содержать жену. Онъ, конечно, достойнѣе всякаго другаго занять эту должность. Но дядя такъ недоволенъ „фанаберіею“ племянника и до того возстановленъ противъ него Юсовымъ, что отказываетъ Жадову, совѣтуетъ ему пріискать себѣ службу въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ и отдаетъ столоначальническую должность Бѣлогубову, истому приказному, который понятія не имѣетъ ни о какой фанаберіи. Тѣмъ кончается

первый актъ. Во второмъ дѣйствіи мы знакомимся съ вдовою, коллежскою ассессоршею Кукушкиной, матерью той дѣвушки, на которой думаетъ жениться Жадовъ, и съ двумя ея дочерьми. Жадовъ сватаетъ Полину, Бѣлогубовъ другую сестру, Юлиньку. Почтенная мать прямо говоритъ дочерямъ что онѣ такой товаръ, который она хочетъ, какъ можно поскорѣе, сбыть съ рукъ, что она тяготится ими, что чѣмъ скорѣе онѣ найдутъ себѣ мужей, тѣмъ лучше. Дѣвушки сами думаютъ также, что чѣмъ скорѣе разстаться съ матушкою, тѣмъ лучше, потому что житье подъ ея властью вовсе не масляница. Полинѣ нравится ея женихъ, Жадовъ,—конечно, это молодой человѣкъ съ прекраснымъ лицомъ, съ изящными манерами; Юлинька признается сестрѣ, что считаетъ своего жениха ужасной дрянью,—конечно такъ, Бѣлогубовъ долженъ быть плюгавый юноша, съ канцелярскими ухватками.—„Что же ты не скажешь матушкѣ?“ говоритъ сестрѣ Полина.—„Вотъ еще! сохрани Господи! Я рада-радехонька хоть за него выйти, только бы изъ дому-то вырваться“, отвѣчаетъ Юлинька.—„Да, правда твоя! замѣчаетъ Полина:—не попадись и мнѣ Василій Николаичъ, кажется, рада бы первому встрѣчному на шею броситься; хоть бы плохенькій какой, только бы изъ бѣды выручилъ, изъ дому взялъ!“ Боже мой, исторія сколькихъ замужествъ разсказана этими словами! Обыкновенно романисты, скорбя объ участи тѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыхъ отдаютъ замужъ противъ воли, и негодуя на тѣхъ, которыя выходятъ замужъ, чтобы надѣть чепецъ и имѣть право выѣзжать безъ всякихъ надзирательницъ, тетушекъ и гувернантокъ,—забываютъ о тѣхъ дѣвицахъ, которыя, чтобы избавиться отъ несносныхъ притѣсненій, выходятъ за перваго встрѣтившагося жениха,—а число такихъ замужествъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе, нежели насильственныхъ отдачъ замужъ. Но возвращаемся къ комедіи г. Островскаго. Сестры невѣсты толкуютъ между собою о томъ, каково имъ будетъ жить въ замужествѣ. Юлинька увѣрена въ своемъ Бѣлогубовѣ,—онъ доставитъ ей средства щеголять, онъ говорилъ, что купцы дарятъ ему много всякихъ матерій и даютъ много денегъ; Полина не слышала отъ своего жениха о такихъ доходахъ, и груститъ. Но потомъ, ободренная сестрою, понимаетъ, что жена должна требовать и можетъ вытребовать у мужа и платья, и деньги:—мужъ обязанъ доставлять женѣ удовольствія; не кухаркой же ей жить, въ самомъ дѣлѣ.—Третье дѣйствіе. Жадовъ сидитъ въ гостинницѣ съ старымъ университетскимъ товарищемъ, и разсказываетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Онъ женатъ уже годъ, работаетъ съ утра до ночи. Живетъ довольно скудно. Жена его очень мила, но—вѣдь ей хочется же жить не хуже другихъ: имѣть шляпки, платья... словомъ сказать, исторія его коротка, какъ онъ самъ говоритъ пріятелю: „Исторія моя коротка; я женился по любви, какъ ты знаешь; взялъ дѣвушку неразвитую, воспитанную въ общественныхъ предразсудкахъ, какъ и почти всѣ наши барышни, мечталъ ее воспитать въ нашихъ убѣжденіяхъ, и вотъ ужъ годъ женатъ“...—„И что же?“—„Разумѣется, ничего; воспитывать ее мнѣ некогда, да и не умѣю я приняться за это дѣло. Она таки осталась при своихъ понятіяхъ: въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ уступать. Положеніе, какъ видишь, незавидное, а поправить нечѣмъ. Да она меня и не слушаетъ, она меня, просто, не счи-

таетъ за человѣка умнаго. По ихъ понятію, умный человѣкъ непремѣнно долженъ быть богатъ"... Да, это случай очень и очень нерѣдкій,—вотъ вамъ и мечты о семейномъ счастіи, о перевоспитаніи, и тому подобныхъ химерахъ. „Ты говоришь, что ты умный человѣкъ. Да въ чемъ же твой умъ, если ты денегъ достать не умѣешь, новаго платья подарить женѣ не можешь?"—Бѣлогубовъ—о, вотъ онъ, конечно, умный человѣкъ. Онъ является въ гостинницу съ Юсовымъ и двумя товарищами чиновниками,—онъ угощаетъ ихъ послѣ изряднаго полученія денегъ. У него довольно денегъ, имъ жена безъ сомнѣнія довольна. Бѣлогубовъ добрый и хорошій человѣкъ,—въ самомъ дѣлѣ, развѣ взяточникъ не можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ?—Онъ человѣкъ простой, и, увидѣвъ Жадова, проситъ „брата" закусить и выпить шампанскаго вмѣстѣ съ нимъ, хотя думаетъ, что Жадовъ на него сердится. Жадовъ отказывается,—человѣкъ не съ добрымъ сердцемъ обидѣлся бы на мѣстѣ Бѣлогубова, но Бѣлогубовъ истинно хорошій родственникъ,—онъ все упрашиваетъ Жадова выпить шампанскаго и жить съ нимъ по родственному. Жадовъ, по прежнему проникнутый „фанаберіею", говоритъ: „нельзя намъ съ вами жить по родственному", разумѣя подъ этимъ, что не можетъ ужиться съ взяточникомъ, грязнымъ и низкимъ. Но Бѣлогубовъ не понимаетъ такихъ тонкостей.—„Отчего же-съ?" добродушно спрашиваетъ онъ.—„Не пара мы".—Бѣлогубовъ понимаетъ это по своему.—Да, конечно, какая кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братецъ, что вы нуждаетесь; можетъ быть, вамъ деньги нужны, не обидьтесь, сколько могу! Я даже и за одолженье не почту. Что за счеты между родными!"—„Съ чего вы вздумали предлагать мнѣ деньги?"—„Братецъ, я теперь въ довольствѣ, мнѣ долгъ велитъ помогать. Я, братецъ, вижу вашу бѣдность".—„Какой я вамъ братецъ! Оставьте меня!"—„Какъ угодно, я отъ души предлагалъ. Я, братецъ, зла не помню, не въ васъ. Мнѣ только жаль смотрѣть на васъ съ женою вашей", съ родственнымъ участіемъ говоритъ добрый Бѣлогубовъ, прощая обиды родственнику.—Дѣйствительно, Бѣлогубовъ добрый человѣкъ и не помнитъ зла. Онъ и его жена потихоньку отъ Жадова даютъ деньги и дарятъ наряды его женѣ. Юлинька счастлива своимъ мужемъ—домъ у нихъ полная чаша, нарядовъ у ней гибель. Полина любитъ мужа, но несчастлива съ нимъ,—у нея мало нарядовъ. Изъ желанія добра сестрѣ, Юлинька учитъ Полину требовать отъ Жадова, чтобъ онъ поступалъ по примѣру Бѣлогубова,—тогда у Полины будутъ и лошади, и наряды, и хорошая квартира. То же самое говоритъ и мать. Когда Жадовъ возвращается домой, Полинька пристаетъ къ нему съ своими требованіями. Мать, которая сидитъ тутъ же, поддерживаетъ ее. Онъ глупецъ и безчестный человѣкъ, если не можетъ доставить женѣ средствъ жить, какъ прилично барынѣ. Жадовъ выходитъ изъ себя, ссорится съ тещей. Жена, однакоже, научена уже, какъ сломить его глупую „фанаберію". Она объявляетъ, что не хочетъ жить съ нимъ, если онъ заставляетъ ее терпѣть нужду, и уходитъ изъ дому. Сестра прокормитъ ее, не дастъ ей терпѣть нужды.—Жадовъ побѣжденъ. Онъ ворочаетъ жену, говоритъ, что готовъ на все. Онъ будетъ служить, какъ Бѣлогубовъ, и отправляется просить у дяди извиненія въ своей „фанаберіи", отказаться отъ

своихъ глупыхъ правилъ, просить доходнаго мѣста.—Ну, и прекрасно. Полина, бѣдняжка, перестанетъ страдать—она много терпѣла: не говоря уже о томъ, что у ней не было столько нарядовъ, какъ у счастливой сестры, развѣ ей легко было ссориться съ мужемъ? вѣдь она его любитъ.

Комедія была бы, намъ кажется, цѣльнѣе и полнѣе въ художественномъ отношеніи, если бы оканчивалась этимъ кризисомъ,—пятый актъ прибавленъ авторомъ, чтобы спасти Жадова отъ нравственнаго паденія. Жадовъ съ женою являются къ Вышневскому, но ужъ поздно, просить у него милостей. Его безгрѣшныя продѣлки для полученія безгрѣшныхъ доходовъ открылись, онъ падаетъ съ своего возвышеннаго и очень доходнаго мѣста. Катастрофа, при которой присутствуетъ Полина, вразумляетъ ее: она понимаетъ, что принуждала мужа сдѣлаться преступникомъ, покрыть себя безславіемъ въ глазахъ честныхъ людей. Она бросается въ объятія мужа,—она теперь достойная жена его, они останутся честными людьми.

По нашему изложенію, слишкомъ еще не полному, читатели уже могутъ видѣть, сколько правды и благородства въ новомъ произведеніи г. Островскаго, сколько въ пьесѣ драматическихъ положеній и сильныхъ мѣстъ. Прибавимъ, что многія сцены ведены превосходно и обнаруживаютъ, какими богатыми силами и средствами владѣетъ авторъ, и что лучшими характерами въ пьесѣ показались намъ Бѣлогубовъ и особенно его жена и тетка, г-жа Кукушкина.

Очень много замѣчательнаго и прекраснаго нашли мы въ первой книгѣ „Русской Бесѣды“—если бы слѣдующія книги походили на первую, журналъ славянофиловъ очень много поднялся бы въ общемъ мнѣніи, которое и теперь уже значительно смягчено въ его пользу. Надобно желать только, чтобы тѣ люди, которые въ славянофильской партіи должны считаться истинными представителями просвѣщенныхъ и достойныхъ сочувствія идей, были осторожны въ выборѣ сподвижниковъ и не принимали съ распростертыми объятіями каждаго, кто вопіетъ о русской народности и о вредоносности западной цивилизаціи. Пусть только они помнятъ, что прежде всего писатель долженъ быть человѣкомъ просвѣщеннымъ и разумнымъ, и что никакія, ни ультра-славянофильскія, ни ультра-западническія мнѣнія не могутъ вознаграждать въ писателѣ отсутствія этихъ необходимыхъ качествъ. Что хорошаго было бы, еслибъ журналы западниковъ стали помѣщать статьи г. Анаевскаго за то, что онъ доселѣ держался мнѣній западнаго писателя аббата Миллота? Точно также не принесло бы особенной пользы и славянофильскому журналу помѣщеніе „Лимонаря“, надъ которымъ, какъ слышно, нынѣ трудится г. Анаевскій, и который, судя по заглавію, будетъ протестомъ противъ западной цивилизаціи. Намъ казалось бы, что къ какой бы партіи ни принадлежали люди, подобные г. Анаевскому, все-таки ихъ сочиненій не долженъ печатать никакой журналъ.

Въ другихъ журналахъ мы замѣтимъ: комедію г. Львова „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“ (въ № 3 „Отечественныхъ Записокъ“) и разсказъ г. Печерскаго „Поярковъ“ (въ № 4 „Русскаго Вѣстника“).

Комедія г. Львова написана въ томъ духѣ, который сталъ входить въ моду съ тяжелой руки г. Щедрина. Намъ нѣтъ надобности много говорить о своемъ полномъ сочувствіи къ этому прекрасному, истинно дѣльному на-

правленію, которое съ восторгомъ принято всею публикою. Очевидно также, что комедія г. Львова находится въ близкой связи съ комедіею графа Соллогуба „Чиновникъ“—она разоблачаетъ типъ праздныхъ, ни къ чему не способныхъ и однако же способныхъ на многое дурное людей, которые самодовольно твердятъ: „я оказываю честь и услугу моему отечеству тѣмъ, что служу. Я человѣкъ безкорыстный; я не нуждаюсь въ жалованьѣ; я служу затѣмъ, что, еслибъ я не служилъ, мое мѣсто занималъ бы взяточникъ“ и и т. д., и т. д. Михайло Васильичъ Лисицкій—это Надимовъ, сведенный съ своего пьедестала, показанный благосклонному зрителю въ собственной своей кожѣ, безъ прикрасъ, въ которыя рядится онъ собственнымъ краснорѣчіемъ. Лисицкій, подобно Надимову, жертвуетъ собою на пользу отечества: „Возьмите вы долгъ гражданина, говоритъ онъ:—человѣка, преданнаго вполнѣ своему отечеству, и скажите самъ, могъ ли я не служить? Я жертвую всѣмъ затѣмъ, чтобы достигнуть того положенія, въ которомъ я буду въ состояніи приносить дѣйствительную пользу обществу, содѣйствіемъ моимъ къ искорененію подлаго взяточничества между чиновниками, водворенію правды въ судахъ, улучшенію быта крестьянъ“... Вы не подумайте, что онъ просто проматываетъ деньги въ Петербургѣ,—нѣтъ, онъ дѣйствительно жертвуетъ всѣмъ своей высокой цѣли: и крестьянами своими, которыхъ разоряетъ, и честью своею, которую компрометируетъ разными продѣлками для полученія денегъ и обманываніемъ своихъ кредиторовъ. Въ служебныхъ дѣлахъ онъ ничего не смыслитъ, получаетъ награды за проекты, писанные для него бѣднякомъ, которому онъ не платитъ вознагражденія, обѣщаннаго ему за трудъ, и жену котораго хочетъ соблазнить, онъ обѣщаетъ хлопотать за негодяя, который далъ ему взаймы денегъ и т. д., и т. д.

„Поярковъ“ по своему направленію также сходенъ съ разсказами г. Щедрина, но это не подражаніе „Губернскимъ Очеркамъ“,—напротивъ, г. Печерскій обладаетъ талантомъ, болѣе значительнымъ, нежели г. Щедринъ, и по всей справедливости долженъ быть причисленъ къ даровитѣйшимъ нашимъ разсказчикамъ. Его „Семейство Красильниковыхъ“ произвело сильное впечатлѣніе своими чисто литературными достоинствами, независимо отъ направленія. Въ „Поярковѣ“ талантъ его обнаружился не менѣе замѣчательнымъ образомъ. По художественному достоинству, этотъ разсказъ останется однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей литературы за настоящій годъ. Людей, которые могутъ писать очень дѣльные и благородные разсказы, довольно много; людей, которые могутъ писать произведенія, отличающіяся чисто литературными достоинствами, также довольно много. Но такихъ, которые бы соединяли значительный литературный талантъ съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такимъ энергическимъ направленіемъ, какъ г. Печерскій, очень мало. Надобно жалѣть о томъ, что онъ пять или шесть лѣтъ молчалъ, напечатавъ своихъ „Красильниковыхъ“. Если онъ опять вздумаетъ поступить также послѣ „Пояркова“, на немъ будетъ тяжкая вина, которой не проститъ ему никто изъ его почитателей,—онъ долженъ писать. Содержаніе „Пояркова“ мы не разсказываемъ, предполагая, что каждому изъ читателей уже извѣстенъ этотъ превосходный очеркъ служебныхъ дѣлъ и скитскаго быта.

БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Апрѣль 1857.

Сочиненія В. Жуковскаго. *Изданіе пятое. Томы X, XI, XII и XIII. Спб. 1857.*

Художественное и историческое значеніе поэтическихъ произведеній Жуковскаго давно опредѣлено съ достаточною точностью. Но нельзя того же сказать о двухъ другихъ, не менѣе важныхъ сторонахъ его дѣятельности. Первая изъ этихъ еще мало изслѣдованныхъ сторонъ—вліяніе Жуковскаго, какъ человѣка съ даннымъ настроеніемъ души и образомъ мыслей, на характеръ произведеній нѣкоторыхъ нашихъ замѣчательныхъ писателей, находившихся съ нимъ въ тѣсной дружбѣ, особенно на Пушкина и на Гоголя, въ послѣдніе годы ихъ жизни. Четыре дополнительные тома его сочиненій, напечатанные нынѣ по Высочайшему повелѣнію, представляютъ довольно многочисленные, хотя, конечно, далеко еще не всѣ, матеріалы для точнѣйшаго опредѣленія этой стороны его исторической дѣятельности, и тѣмъ однимъ уже заслуживали бы великаго вниманія, если бы даже и не заключали въ себѣ многихъ поэтическихъ его трудовъ, или не бывшихъ до сихъ поръ напечатанными, или бывшихъ разсѣянными въ старинныхъ журналахъ. Нѣтъ надобности говорить, что каждая строка, написанная такимъ историческимъ дѣятелемъ, какъ Жуковскій, становится драгоцѣнною для современниковъ и потомства, и что „друзья и почитатели В. А. Жуковскаго“, издавшіе эти четыре дополнительные тома, заслуживаютъ величайшей благодарности. Надобно теперь желать того, чтобы въ возможной полнотѣ издана была корреспонденція Жуковскаго и составлена была по возможности полная его біографія. По отношеніямъ его, какъ человѣка, къ дѣятельности другихъ нашихъ поэтовъ и къ историческимъ событіямъ, его жизнь и переписка должны представлять множество фактовъ, драгоцѣнныхъ для исторіи.

Изъ четырехъ изданныхъ нынѣ томовъ первый (десятый полнаго изданія) заключаетъ посмертныя поэтическія произведенія Жуковскаго. Изъ нихъ нѣкоторыя, — напримѣръ, два отрывка изъ перевода „Иліады“, „Четыре сына Франціи“ и „Царскосельскій лебедь“ уже извѣстны публикѣ, бывши напе-

чатаны въ различныхъ сборникахъ и въ журналахъ. Другія, изъ которыхъ важнѣйшее—отрывокъ поэмы „Агасверъ, вѣчный жидъ“, до сихъ поръ оставались въ рукописи и потому, при обзорѣ десятаго тома, наше вниманіе должно сосредоточиться на „Агасверѣ“.

Идея поэмы и художественно-религіозныя достоинства ея отрывка, оставшагося намъ послѣ смерти Жуковскаго, превосходно изложены въ краткомъ предисловіи къ этому отрывку, подписанному буквами Д. Бл., въ которыхъ читатель угадаетъ имя одного изъ друзей Жуковскаго и сподвижниковъ Сперанскаго. Вотъ это предисловіе:

„Всѣмъ извѣстна, болѣе или менѣе, легенда о странствующемъ вѣчномъ жидѣ. Вѣроятно, что вначалѣ хотѣли въ немъ представить судьбу всѣхъ Евреевъ, не обратившихся въ Христіанство, и, такъ сказать, олицетворить въ одномъ человѣкѣ остатки народа Іудейскаго, разсѣянные по всѣмъ странамъ свѣта, часто гонимые, повидимому, обреченные на истребленіе, но не исчезающіе и сохраняющіе упорно свои особенныя свойства, характеръ, вѣрованія и самый внѣшній образъ. Мало по малу сіе аллегорическое первобытное значеніе легенды потерялось: она обратилась въ обыкновенную сказку, и принесенная въ Европу, какъ кажется, въ началѣ тринадцатаго столѣтія, переходя изъ устъ въ уста, изъ книги въ книгу, была безпрестанно дополняема, украшаема, или обезображиваема новыми преданіями и выдумками. Въ близкія къ намъ времена и въ наше время странствующій жидъ былъ также предметомъ многихъ повѣстей, романовъ и драматическихъ сочиненій. Каждый авторъ изображалъ сіе таинственное Лицо и судьбу его, согласно съ своими видами, съ дѣйствіемъ, которое онъ желалъ произвести на читателей, или зрителей. Большею частью однакожъ вездѣ сохраняются главныя его черты. Странствующій жидъ не только не умираетъ, но какъ будто и не измѣняется, оставаясь вопреки теченію вѣковъ, даже вопреки очевидности, тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ минуту своего преступленія, со всѣми прежними заблужденіями, ненавистью, злобою. Но нашъ незабвенный Жуковскій представляетъ его въ своемъ Агасверѣ совсѣмъ инымъ, преображеннымъ благодатію существомъ. Цѣлію Поэта, основною идеею его творенія, было, какъ онъ самъ говорилъ, сдѣлать родъ апоѳеоза страданій и несчастія, показавъ, какъ оно благотворно дѣйствуетъ на душу, довольно твердую, чтобы не упасть подъ бременемъ золъ, и особливо не зараженную неизлечимымъ чувствомъ гордости.

„Все здѣсь на пользу, и радость, и горесть, хвала жизнодавцу Зевесу“!

сказалъ Жуковскій въ другой маленькой поэмѣ, и сія мысль, сія истина, благодаря ученію Евангельскому, еще сильнѣе представлена и, такъ сказать, развита въ его Агасверѣ, который нашелъ блаженство въ страданіяхъ, продолжающихся почти два тысящелѣтія. Долго волнуемый самыми буйными, какъ бы воюющими съ небомъ страстями, лишенный всего драгоцѣннаго въ жизни, оставивъ за собой могилы семейства своего, внуковъ и правнуковъ, онъ повсюду ищетъ, проситъ, требуетъ смерти; наконецъ увѣряется, что лишенъ и сей послѣдней надежды несчастныхъ, и вдругъ, во глубинѣ бездны отчаянія, онъ озаренъ Божественнымъ свѣтомъ вѣры. При видѣ умирающихъ святыхъ мучениковъ, взглядомъ любви одного изъ нихъ, душа его потрясена, проникнута..... онъ Христіанинъ. И съ тѣхъ поръ его судьба, не переставая для другихъ быть тою жъ какъ прежде, для него измѣняется совершенно, отъ перемѣны чувствъ сердца. Утвержденный въ вѣрѣ возлюбленнымъ ученикомъ Спасителя, онъ познаетъ великую совершающуюся съ нимъ тайну, знаетъ, что произнесенный надъ нимъ грозный приговоръ есть дѣйствіе непостижимаго милосердія, и хотя, какъ дотолѣ, чуждый всему въ мірѣ и осужденный вѣчно жить въ семъ мірѣ, онъ уже не ненавидитъ, а любитъ его и людей. Самое непрерывающееся воспоминаніе о ужасномъ преступленіи,—участіи въ Богоубійствѣ,—уже не тяготитъ души его, но, терзая, умиляетъ ее. Въ семъ состояніи Агасверъ, въ поэмѣ Жуковскаго, является предъ другое, почти столь-же чрезвычайное историческое Лицо, предъ того, который равно изумлялъ вселенную возвышеніемъ своимъ и паденіемъ,—Императора Наполеона I-го. Онъ является въ минуту, когда великій Сэнтъ-элен-

скій узникъ, изнемогая подъ двойнымъ бременемъ своего блистательнаго прошедшаго и безнадежнаго будущаго, бременемъ уже невыносимымъ для однѣхъ человѣческихъ силъ, готовъ положить конецъ тоскѣ вмѣстѣ съ жизнію. Чѣмъ Агасверъ, какъ должны полагать, удержалъ его отъ самоубійства? Повѣствованіемъ о судьбѣ своей, ни съ чѣмъ несравнимой, описаніемъ бывшихъ и настоящихъ чувствъ своихъ, объясненіемъ, чрезъ собственный разительный примѣръ, загадки нашихъ земныхъ странствій и обязанности продолжать ихъ, обязанности жить. Къ сожалѣнію, сей разсказъ его безъ конца, и одно изъ самыхъ замѣчательныхъ твореній Жуковскаго остается не довершеннымъ.— Но и въ семъ видѣ, какъ намъ кажется, оно заслуживаетъ общаго вниманія, особливо по своему нравоучительному и религіозному характеру. О достоинствѣ чисто литературномъ сей поэмы мы не будемъ распространяться. Отдаемъ ее смѣло на судъ всѣхъ умѣющихъ цѣнить истинно изящное. Замѣтимъ только, что талантъ Жуковскаго, въ семъ послѣднемъ его произведеніи, имѣетъ нѣчто отличное отъ того, чѣмъ мы привыкли плѣняться въ другихъ его сочиненіяхъ. Вмѣсто изобилующаго образами и сравненіями, цвѣтущаго, почти роскошнаго поэтическаго слога, въ Агасверѣ мы находимъ сію строгую, величественную простоту, которую по справедливости называютъ классическою. Стихи его напоминаютъ намъ слова Ривароля о стихахъ Данте: „каждый изъ нихъ, „безъ всякихъ постороннихъ украшеній, держится, такъ сказать, самъ собою, одною „силою мысли или чувства, и вѣрностію, какъ будто безъискусственною, выраженія“.

Мы не имѣемъ прибавить ничего лучшаго къ словамъ г. Д. Бл. Въ высочайшей степени оригинальна мысль сопоставить Вѣчнаго жида съ Наполеономъ, котораго отчаяніе долженъ превратить онъ въ покорность Промыслу поучительнымъ разсказомъ о своихъ безконечныхъ страданіяхъ и источникѣ отрады, имъ вкушаемой. Люди, воображавшіе, что Жуковскій, хотѣвшій обыкновенно довольствоваться менѣе блистательною, но не менѣе полезною ролью переводчика поэта, не могъ быть по своей натурѣ оригинальнымъ творцомъ-поэтомъ, въ этой одной конценціи его поэмы увидятъ разительное доказательство того, до какой самобытности могъ возвышаться Жуковскій, если хотѣлъ того. Духъ поэмы—высоко христіанскій, исполненный смиренія передъ путями правосудно карающаго Провидѣнія, непостижимыми гордому уму, но постигаемыми во всей благотворности своей сердцу, смиренному страданіемъ и просвѣтленному ученіемъ христіанскимъ. Вотъ отрывокъ изъ первой части поэмы, по которому читатели могутъ судить о поэтическихъ красотахъ ея. Наполеонъ, узникъ острова св. Елены, сидитъ на скалѣ, омываемой моремъ; онъ погруженъ въ раздумье о минувшей славѣ и могуществѣ, о долгихъ мучительныхъ годахъ предстоящей ему неволи:

„.....И онъ затрепеталъ,
И всю ему проникло душу отвращенье
Къ себѣ и къ жизни; быстрымъ шагомъ къ краю
Скалы онъ подошелъ, и жаднымъ окомъ
Смотрѣлъ на море, и оно его
Къ себѣ, какъ будто, звало и къ нему
Въ своихъ ползущихъ на скалу волнахъ
Безчисленныя руки простирало.
И ужъ его нога почти черту
Между скалой и пустотой воздушной
Переступила.....

Въ этотъ мигъ, его
Глазамъ, какъ будто изъ земли рожденный,
На западѣ скалы, огромной тѣнью

Отрѣзавшись отъ пламеннаго неба,
Явился нѣкто,—и необычайный,
Глубоко движущій всю душу голосъ
Сказалъ: „куда, Наполеонъ!“ При этомъ зовѣ,
Какъ околдованный, онъ на краю скалы
Оцѣпенѣлъ: поднятая нога
Сама собой на землю опустилась.
И съ робостью, невѣдомой дотолѣ,
На подходящаго онъ устремилъ
Глаза, и чувствовалъ, съ какимъ-то страннымъ
Оттолкновеньемъ всей души, что этотъ
Пришелецъ для него и для всего
Созданія чужой; но онъ невольно
Предъ нимъ благоговѣлъ, его черты
Съ непостижимымъ сердца изумленьемъ
Разсматривалъ... Къ нему шелъ человѣкъ,
Въ которомъ все нечеловѣчье было:
Онъ былъ живой, но жизни чуждъ казался;
Ни старости, ни молодости въ чудныхъ
Его чертахъ не выражалось; все въ нихъ было
Давнишнее, когда-то вдругъ, подобно
Созданьямъ допотопнымъ, въ камень
Неумирающій и неживущій
Преобращенное; въ его глазахъ
День внѣшній не сіялъ, но въ нихъ глубоко
Горѣлъ какой-то темный свѣтъ,
Какъ зарево далекаго сіянья;
Вкругъ головы сѣдые волоса
И борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, изъ серебра
Казались вылиты; чело его
И щеки, блѣдныя какъ бѣлый мраморъ,
Морщинами крестъ-на-крестъ были
Изрѣзаны; одежда, въ складкахъ тяжкихъ,
Какъ будто выбитыхъ изъ мѣди, съ плечъ
До пятъ недвижно падала; и ноги
Его шли по землѣ, какъ бы въ нее
Не упираясь.—Пришлецъ, приближась,
На узника скалы вперилъ свои
Пронзительныя очи и сказалъ:
Куда ты шелъ? и гдѣ бъ ты былъ, когда бъ
Мой голосъ во-время тебя не назвалъ?
Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
Не можетъ быть бесѣды между нами,
И мыслями мѣняться намъ нельзя.
Я здѣсь не гость, не другъ, не собесѣдникъ;
Я здѣсь одинъ минутный призракъ, голосъ
Безъ отзыва... Врачемъ твоей души
Хочу я быть, и передъ нею всю
Мою судьбу явлю безъ покрывала.
Въ молчаньи слушай. Участи моей
Страшнѣе не было, и нѣтъ, и быть
Не можетъ на землѣ. Богообидчикъ,
Проклятью преданный, лишенный смерти
И съ смертью жизни, вѣчно по землѣ

Бродить приговоренный и всему
Земному чуждый, памятью о прошломъ
Терзаемый, и въ области живыхъ живой
Мертвецъ, имъ страшный и противный,
Не именующій здѣсь никого
Своимъ, и, что когда любилъ на свѣтѣ,
Все пережившій, все похоронившій,
Все пережить и все похоронить
Опредѣленный; нѣтъ мнѣ на землѣ
Ни радости, ни траты, ни надежды;
День настаетъ, ночь настаетъ—они
Безъ смѣны для меня; жизнь не проходитъ,
Смерть не приходитъ; измѣненья нѣтъ
Ни въ чемъ; передо мной нѣмая вѣчность,
Окаменившая живое время;
И посреди собратій бытія,
Живущихъ радостно иль скорбно, жизнь
Любящихъ, иль изъ жизни уводимыхъ
Упокоительной рукою смерти,
На этой братской трапезѣ созданій
Мнѣ мѣста нѣтъ; хожу кругомъ трапезы
Голодный, жаждущій—меня они
Не замѣчаютъ; стражду, какъ никто
Въ семъ мірѣ не страдалъ; мое жъ страданье
Для нихъ не быль, а вымыселъ давнишній,
Давно разсказанная дѣтямъ сказка.
Таковъ мой жребій. Ты, быть можетъ,
Съ презрѣньемъ спросишь у меня: зачѣмъ же
Сюда пришелъ я, чтобъ такой
Безумной басней надъ тобой ругаться?
Таковъ мой жребій, говорю, для всѣхъ
Васъ, близорукихъ жителей земли.
Но для тебя моей судьбины тайну
Я всю вполнѣ открою... Слушай".

Второй дополнительный томъ (XI-й полнаго изданія) заключаетъ въ себѣ „Посмертныя сочиненія въ прозѣ". Изъ нихъ, если не ошибаемся, только статьи „О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи" и „Нѣчто о привидѣніяхъ" были до сихъ поръ напечатаны; остальныя въ первый разъ дѣлаются извѣстными публикѣ настоящимъ изданіемъ. Изъ нихъ мы обратимъ вниманіе на тѣ, которыя особенно характеризуютъ Жуковскаго въ послѣднія два десятилѣтія его жизни, когда онъ, какъ человѣкъ, имѣлъ сильное вліяніе сначала на Пушкина, а потомъ еще сильнѣйшее на Гоголя.

„Размышленія и замѣчанія" — помѣщенныя на 1 — 84 страницахъ одиннадцатаго тома—краткія, задушевныя замѣтки о мысляхъ, занимавшихъ умъ и сердце Жуковскаго, какъ человѣка. Въ нихъ онъ бесѣдуетъ съ читателемъ не только какъ наставникъ, но и какъ другъ. Всѣ онѣ внушены настроеніемъ души къ божественному и небесному, всѣ проникнуты христіанскимъ воззрѣніемъ, разсматривающимъ каждое явленіе по отношенію его къ идеѣ Всеблагаго и Премудраго Промысла Божественнаго. Всѣхъ этихъ „размышленій и замѣчаній", напечатанныхъ нынѣ, двадцать-одна статья. Изъ нихъ мы приводимъ вторую и третью, тѣсно связанныя между собою. При

всей своей краткости, онѣ вполнѣ могутъ служить высокими образцами благочестивой прозорливости, осѣнявшей душу мудраго старца, просвѣтленнаго непоколебимымъ упованіемъ на Всеблагій Промыселъ Божій.

„Я читалъ въ „Journal des Débats“ описаніе несчастія, случившагося съ ребенкомъ. Онъ прыгалъ съ копны сѣна; внизу въ сѣнѣ торчали вилы; ребенокъ ихъ не замѣтилъ, прыгнулъ и наткнулся на вилы, которыя прокололи его внутренность. Спасти его было нельзя, ибо зубца вилъ нельзя было вынуть изъ тѣла, онъ былъ съ заворотомъ на подобіе острія удочки; ребенокъ былъ долженъ умереть въ жесточайшемъ мученіи.—Какъ изъяснить это ужасное событіе въ смыслѣ провидѣнія? Для ребенка оно положительное зло, безъ всякихъ благихъ послѣдствій: онъ долженъ былъ пострадать нѣсколько часовъ, а можетъ быть нѣсколько дней, и все тутъ; и жизнь его, не развитая ничѣмъ человѣческимъ, кончилась вдругъ страдальческимъ перерывомъ. Какъ согласить это съ мыслію, что бѣды житейскія должны быть намъ въ пользу? Кому здѣсь польза отъ сего страшнаго мученія, обратившаго минуты въ годы и постигшаго душу, не имѣющую ни силъ для его перенесенія, ни способности для извлеченія изъ него высокой нравственной пользы? Гдѣ же благость Промысла? Можно ли обрѣсти ее въ этомъ страданіи, посланномъ безъ видимой цѣли и пользы, и падшемъ на созданіе непорочное, безсильное, не приготовленное ни снести его, ни благословлять въ немъ Того, Кѣмъ оно послано? Отвѣтъ на все это простой. Мы должны не по событіямъ судить Промыселъ Божій, а событія по Промыслу Божію. Въ однихъ онъ намъ является во всей своей благости, въ другихъ мы не видимъ своими слѣпыми глазами этой благости. Въ обоихъ случаяхъ, какъ и во всемъ, мы должны смиряться. Но живой Богъ существуетъ; Онъ дѣйствуетъ самобытно и вполнѣ во всякое мгновеніе времени, во всякомъ атомѣ и для всякаго атома въ пространствѣ, дѣйствуетъ безъ раздѣла, вполнѣ, всевластно, слѣдовательно во благо—слѣдовательно во всемъ должны мы видѣть благо, не потому, что это благо намъ явно, а потому, что все истекаетъ отъ Бога, и явное благо, называемое нами добромъ, и неявное, которое намъ кажется зломъ.

„Счастливъ тотъ, кому Господь пошлетъ рано, а не поздно, тяжкія испытанія. Онъ заранѣе узнаетъ свои силы и свое безсиліе; и въ обоихъ случаяхъ окрѣпнетъ, научась опытомъ дѣйствовать по волѣ Божіей. Единственное, чему мы должны и чему можемъ въ совершенствѣ здѣсь научиться, есть *добровольное повиновеніе*. Въ этомъ добровольномъ повиновеніи заключается все человѣческое достоинство и вся его свобода. Мы сами никакого добра себѣ дать и никакого добра творить не можемъ: всякое добро намъ дается; но быть покорными Богу, творцу, источнику и подателю добра, во всякое время (съ блаженнымъ ли чувствомъ любви, или безъ ощущенія сего блаженства, по влеченію ли воли, или противъ влеченія воли), намъ возможно, это *единое наше*. Счастливъ тотъ, кого жизнь заранѣе пріучала къ покорности, кто въ младенчествѣ получилъ привычку принимать съ благоговѣніемъ волю родителей и ей предаваться безусловно, кто мало-по-малу могъ понять все благо ея спасительной строгости, и кто изъ дѣтскихъ лѣтъ перенесъ въ юношескія лѣта эту привычку признавать неотрицаемость верховной власти, которая изъ образовательной, приготовительной, отеческой обращается въ спасительную, искупительную, Божію, въ то время, когда онъ вступитъ на дорогу самостоятельной, дѣятельной жизни, для страшныхъ встрѣчъ и тяжелыхъ бореній. И вдвое счастливъ онъ, если эти встрѣчи и боренія начнутся для него въ началѣ дороги, когда еще его силы свѣжи и когда еще не вкоренилось въ немъ никакихъ вредныхъ на счетъ себя самого заблужденій, а не при концѣ ея, когда силы изсякли и когда такъ ужасно, такъ безполезно вдругъ очнуться изъ заблужденій, столь усыпительно его баловавшихъ во все продолженіе лѣнивой, никакими тревогами не приводимой въ движеніе, жизни“.

Тѣмъ же духомъ христіанскаго прозорливаго благочестія исполнены и три письма къ Гоголю, напечатанныя на 123—176 страницахъ этого тома. Въ первомъ Жуковскій извиняется, что не прислалъ еще обѣщанныхъ за-

мѣчаній на книгу Гоголя,—онъ былъ разстроенъ близкою сердцу утратою, потому и не могъ писать. Но онъ, говоритъ, нашелъ сладкое утѣшеніе въ упованіи на милость Промысла,—и, какъ христіанинъ, уповающій на Промыселъ, находитъ причину духовной радости въ томъ, что казалось бы горькимъ ударомъ сердцу, не укрѣпленному вѣрою, что мнимыя бѣдствія наши и ближнихъ нашихъ только кажутся бѣдствіями неразумному, но являются источникомъ смиреннаго радованія для мудраго христіанина.

„Пока мы сами еще не испытали никакой болѣзненной утраты, мы съ умиленіемъ слушаемъ голосъ Спасителя, исходящій намъ изъ Евангелія, и можемъ мыслію постигать великое значеніе человѣческой жизни. Но когда надъ нами самими совершается ударъ свыше, сколь болѣе дѣлается тогда понятенъ сердцу этотъ Евангельскій голосъ! уже не въ листахъ книги мы ищемъ тогда Спасителя, Онъ самъ насъ находитъ, Онъ самъ становится къ намъ лицомъ къ лицу; цѣною бѣдствія покупаемъ мы лицезрѣніе Бога. Но дорога ли эта цѣна въ сравненіи съ тѣмъ сокровищемъ, которое мы за нее пріобрѣтаемъ? Все это я прежде думалъ; теперь я это видѣлъ, и опытъ близкаго мнѣ сердца сдѣлался моимъ собственнымъ опытомъ. Я видѣлъ и слышалъ отца въ ту минуту, когда закрылись глаза его любимой дочери, отца Христіанина. Но здѣсь всего простѣе повторить его слова, сказанныя имъ своей семьѣ въ первую минуту горькой утраты: „Великое дѣло милости Божіей надъ нами совершилось; мы *своими глазами* „*видѣли*, какъ наша милая дочь перешла къ Небесному Отцу своему; она принесла „Ему чистую, ничѣмъ житейскимъ непотревоженную и съ нимъ примиренную душу. И „теперь мы знаемъ, что ей дано все то, чего бы никакою силою нашей любви мы не „могли ни дать, ни сохранить ей въ здѣшней жизни. Мы знаемъ, что это данное на„всегда ей останется, что превратности жизни для нея миновались, что для нея уже „нѣтъ ничего невѣрнаго: ни страха въ настоящемъ, ни тревоги за будущее. Мы можемъ „только благодарить и славить. И послѣ такого яснаго узнанія милости непзреченной, не „позволимъ себѣ никогда ни пожалѣть, что она отъ насъ взята, ни пожелать, чтобы „она была съ нами. Будемъ смирны, и чтобы наше горе никогда не пересилило на„шей теперешней радости, за себя будемъ покорны, за нее радостны и благодарны“.

Во второмъ письмѣ Жуковскій начинаетъ дѣлать обѣщанныя замѣчанія на книгу Гоголя (дѣло идетъ о второмъ изданіи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ съ извѣстнымъ предисловіемъ и о „Перепискѣ съ друзьями“) и между прочимъ говоритъ, что напрасно не посовѣтовалъ Гоголю уничтожить „Завѣщаніе“ и передѣлать „предисловіе“.

„Тебѣ крѣпко досталось отъ нашихъ строгихъ критиковъ, и я, признаться, попенялъ самому себѣ за то, что въ одномъ случаѣ не предохранилъ тебя отъ ихъ ударовъ, тѣмъ болѣе чувствительныхъ, что они подѣломъ тебѣ достались; виню себя въ томъ, что не присовѣтовалъ тебѣ уничтожить твое *завѣщаніе* и многое переправить въ твоемъ *предисловіи*. Когда ты мнѣ читалъ то и другое, имѣя тебя самого передъ глазами, я былъ занятъ твоею личностью и, зная, какъ все мною слышанное было искреннимъ выраженіемъ тебя самого, зная, какъ ты далекъ отъ всякаго самохвальства, отъ всякаго смѣшнаго самобоготворенія, я находилъ привлекательнымъ то, что послѣ, когда (вмѣсто самого автора) явилась передо мною мертвая печатная книга и воображенію моему представилась наша читающая публика, сидящая *чиномъ на креслахъ и стульяхъ* кругомъ чтеца, и въ арріергардѣ фаланга журналистовъ, вооруженныхъ дреколіемъ порицанія и крючьями придирки, то многое, мнѣ прежде показавшееся столь привлекательно оригинальнымъ, представилось страннымъ и неприличнымъ“.

Но скоро отъ этихъ замѣчаній Жуковскій переходитъ къ благочестивымъ размышленіямъ о силѣ и дѣйствіи молитвы, которыя и составляютъ главное содержаніе длиннаго письма. Въ третьемъ письмѣ Жуковскій раз-

суждаетъ о значеніи поэтическаго слова, какъ провозвѣстника мудрости Божіей, и поэтѣ, какъ служителѣ истины, откровенной Богомъ.

Читатели безъ труда видятъ, какъ тѣсно связано направленіе души, господствовавшее у Жуковскаго и выразившееся между прочимъ этими размышленіями и письмами, съ тѣмъ назидательнымъ настроеніемъ души, которое въ послѣднее время жизни обладало Гоголемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бесѣды, письма и совѣты Жуковскаго, который былъ ближайшимъ къ Гоголю человѣкомъ въ долгіе годы, проведенные Гоголемъ за границею,— Жуковскаго, мнѣнія и совѣты котораго Гоголь высоко цѣнилъ уже и потому, что Жуковскій былъ посредникомъ между имъ и высшими сферами жизни, и потому, что Жуковскій заслуженно пользовался высокимъ уваженіемъ отъ всѣхъ, чьими чувствами дорожилъ Гоголь, и потому, наконецъ, что Жуковскій былъ образованнѣе его,—нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что бесѣды, письма и совѣты Жуковскаго имѣли очень сильное участіе въ развитіи созерцательно-христіанскаго направленія, которому предался Гоголь.

Но Жуковскій никогда не дѣлалъ такихъ странныхъ промаховъ, какъ Гоголь, котораго можно назвать, въ извѣстномъ смыслѣ, его ученикомъ. Гоголь издалъ книгу, которая привела всѣхъ въ изумленіе, очень неблагопріятное для автора,—Жуковскій при жизни никогда не печаталъ ничего такого, что не было бы встрѣчаемо похвалами. Одною изъ причинъ этой разницы между учителемъ и послѣдователемъ была образованность Жуковскаго, удерживавшая его отъ такихъ выводовъ, которые могли бы не понравиться образованнымъ людямъ. Образованность имѣетъ чрезвычайно благотворное вліяніе на всѣ направленія сердца,—она улучшаетъ хорошее, она дѣлаетъ менѣе дурнымъ дурное. Другая причина разницы, еще болѣе важная, заключалась въ самыхъ темпераментахъ этихъ двухъ людей. Жуковскій, хотя идеалистъ, отличался вообще мягкостью, можно сказать, умѣренностью характера, не допускавшею его ни до какихъ крайностей и неловкостей. Гоголь по натурѣ своей былъ энтузіастъ, не отступавшій ни передъ чѣмъ въ эпоху увлеченія.

Вообще, мы довольно мало знаемъ объ отношеніяхъ замѣчательныхъ людей нашей изящной литературы къ общественнымъ вопросамъ, имѣемъ очень мало свѣдѣній о томъ, какъ смотрѣли они на современныя имъ стремленія; почти единственными матеріалами въ этомъ случаѣ служатъ намъ ихъ поэтическія произведенія,—источникъ односторонній и большею частью скудный, почти всегда недостаточно опредѣлительный, потому что поэтическая форма обыкновенно обобщаетъ и идеализируетъ воззрѣніе. Тѣмъ драгоцѣннѣе становятся сочиненія поэтовъ прежняго времени, которыя прямымъ и положительнымъ образомъ знакомятъ насъ съ ихъ образомъ мыслей. Въ XI-мъ томѣ, мы находимъ нѣсколько такихъ статей; изъ нихъ важнѣйшія: „О смертной казни“, „Письмо къ графу Ш. о происшествіяхъ 1848 года“, „Іосифъ Радовицъ, біографическій очеркъ“. Статья „О смертной казни“ показываетъ, какъ хорошо умѣлъ примирять Жуковскій требованія строгаго человѣческаго правосудія съ высшими требованіями христіанской любви. Она полна воззрѣній величественнаго и обнаруживаетъ замѣчательную силу логики вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ потребностей общественнаго быта. Какъ

прекрасное свидѣтельство того, что идеализмъ и возвышенность чувствъ не мѣшаютъ практической основательности, мы приводимъ ее здѣсь вполнѣ. Читатели, вѣроятно, помнятъ, что пять или шесть лѣтъ тому назадъ, казнь преступниковъ Маннинговъ въ Лондонѣ подала случай англійскимъ филантропамъ, отличающимся болѣе эксцентричностью, нежели практичностью своихъ идей, съ удвоенною силою возобновить старинныя возраженія противъ смертной казни, возраженія, убѣдившія Императрицу Елисавету Петровну отмѣнить смертную казнь за уголовныя преступленія. Жуковскій, какъ глубокій мыслитель, оцѣниваетъ по достоинству эти возраженія и предлагаетъ средство устранить ихъ, не уничтожая смертную казнь, которую признаетъ грустною необходимостью, а измѣняя приличнымъ образомъ способъ ея исполненія:

„Конечно, никто не читалъ безъ ужаса подробнаго описанія казни, совершившейся въ Лондонѣ надъ Маннингами, мужемъ и женою. По поводу этой казни были самыя отвратительныя сцены разврата и скотства въ безчисленной толпѣ всякаго народа, собравшагося полюбоваться зрѣлищемъ конвульсій, съ какими кончили жизнь на висѣлицѣ злодѣи. Эти сцены подали поводъ нѣкоторымъ филантропамъ для новыхъ декламацій противъ смертной казни. И вмѣсто того, чтобы нападать на уродливое, варварское, отвратительное *совершеніе* казни, начали нападать на самую *казнь*, которая не иное что, какъ представитель строгой правды, преслѣдующей зло и спасающей отъ него порядокъ общественный, установленный Самимъ Богомъ. Говорятъ: „смертная казнь безполезна, ибо она никого *не пугаетъ*, никого не воздерживаетъ отъ злодѣйства, не исправляетъ злодѣя неоткрытаго, а злодѣя осужденнаго лишаетъ возможности исправленія“.—Смертная казнь, какъ *угрожающая* вдали своимъ мечемъ Немезида, какъ страхъ возможной погибели, какъ *привидѣніе*, преслѣдующее преступника, ужасна своимъ невидимымъ присутствіемъ, и мысль о ней, конечно, воздерживаетъ многихъ отъ злодѣйства. Но *зрѣлище* смертной казни — такое зрѣлище, какимъ обыкновенно забавляютъ (это слово здѣсь у мѣста) праздный народъ, столь жадно ищущій сильныхъ, чувственныхъ потрясеній, отвратительно само по себѣ, безнравственно по своему впечатлѣнію, и не только не исполняетъ своей цѣли, то есть, не ужасаетъ, не остерегаетъ, не пробуждаетъ совѣсти преступника тайнаго и не воздерживаетъ человѣка, способнаго на явное преступленіе, напротивъ, дѣлаетъ, такъ сказать, привлекательною потѣхою ужасъ казни, которая для зрителей получаетъ занимательность трагедіи, а для казнимаго уничтожаетъ спасительное дѣйствіе на душу послѣдней его минуты, заставляя его кокетствовать передъ людьми своею фальшивою неустрашимостію и отвлекая его отъ мысли о Богѣ, передъ судилище Котораго онъ долженъ явиться такъ скоро. И здѣсь, какъ и во всемъ, причина зла заключается въ отсутствіи *святаго*, то есть, въ отсутствіи того животворнаго элемента, безъ котораго все земное не иное что, какъ минутное, мимопроходящее и, наконецъ, совершенно исчезающее физическое явленіе. Эшафотъ, на которомъ совершается смертная казнь, есть мѣсто, гдѣ неумолимое *земное правосудіе* казнитъ преступленіе, а *Божіе милосердіе* принимаетъ въ свое лоно кающуюся душу. Оглучите *послѣднее* отъ *перваго*, и спасительно-грозный, величественный актъ земной казнящей правды, жертва всенародно приносимая правдѣ небесной, обращается въ отвратительную оргію толпы. Изъ тысячи охотниковъ, сбѣжавшихся на публичный праздникъ казни, конечно не болѣе десяти (и именно такихъ, для которыхъ подобное зрѣлище менѣе нужно, ибо они менѣе другихъ способны на злодѣйства) возвращается съ растроганнымъ сердцемъ, съ высокою мыслію о жизни, правдѣ и смерти; на всѣхъ остальныхъ зрѣлище производитъ дѣйствіе болѣе или менѣе безнравственное и вредное. И оно не можетъ быть иначе. Что отвратительнѣе этой висѣлицы, на которой нѣсколько минутъ бьется въ конвульсіяхъ живой человѣкъ и на которую глядитъ толпа, съ любопытствомъ ожидая, какъ этотъ живой движущійся сдѣлается мертвецомъ неподвижнымъ. Еще отвратительнѣе французская гильотина: тутъ все поражающее душу исчезаетъ: человѣкъ, созданіе Бо-

жіе, отдается во власть машины, которая безжалостно, какъ представитель неумолимаго, безчувственнаго фатума, рѣжетъ ему голову; нѣсколько палачей, рабовъ машины, укладываютъ ея работу въ коробъ, смываютъ съ нея кровь, которой ручьи, пробираясь по камнямъ мостовой, мало-по-малу втекаютъ въ каналы, мѣшаются тамъ съ грязью,— и все кончено; толпа расходится, и каждый равнодушно принимается за свою ежедневную работу. Гдѣ въ этихъ зрѣлищахъ святое? Гдѣ тутъ Богъ, Его правда, святыня власти, Имъ установленной, величіе и сила закона? Все уничтожается матеріальностію самаго акта, котораго ужасъ производитъ даже какое-то пріятное, чувственное раздраженіе, будучи общимъ пиромъ многочисленной толпы. Что же дѣлать, спросите вы? Уничтожить казнь? Нѣтъ! *Страхъ* казни есть то же въ цѣломъ народѣ, что *совѣсть* въ каждомъ человѣкѣ отдѣльно. Не уничтожайте казни, но дайте ей образъ величественный, глубоко трогающій и ужасающій душу: удалите отъ ея совершенія все чувственное; дайте этому совершенію характеръ таинства, чтобы при этомъ совершеніи всякій глубоко понималъ, что здѣсь происходитъ нѣчто принадлежащее къ высшему разряду, а не варварскій убой человѣка, какъ быка на бойнѣ; сдѣлайте, чтобы казнь была не однимъ механическимъ дѣйствіемъ общественной машины, или просто ариѳметическимъ вычитаніемъ одной цифры изъ общей суммы; сдѣлайте, чтобы казнь была не однимъ актомъ правосудія *гражданскаго*, но и актомъ любви *Христіанской*; чтобы она, уничтожая преступника, врага *гражданъ*, возбуждала состраданіе къ судьбѣ его въ сердцахъ его *братьевъ*, чтобы его земная погибель была общимъ горемъ, чтобы всякій видѣлъ, что неумолимое правосудіе, заботясь о сохраненіи порядка общественнаго уничтоженіемъ его возмутителя, не менѣе заботится о спасеніи души осужденнаго; наконецъ, главное, сохраните для вѣчности душу несчастнаго, котораго законъ вашъ убиваетъ во времени, давъ ему возможность взглянуть съ умиленіемъ въ глаза неизбѣжной смерти, и помогите смягчиться душѣ его для покорности и покаянія. Но какъ это сдѣлать? Средство простое. Совершеніе казни не должно быть зрѣлищемъ публичнымъ; оно должно быть окружено таинственностію страха Божія. Мѣсто, на которомъ совершается казнь, должно быть навсегда недоступно толпѣ; за стѣною, окружающее это мѣсто, толпа должна видѣть только крестъ, подымающійся на главѣ церкви, воздвигнутой Богу милосердія въ виду человѣческой плахи. Эта неприступность будетъ дѣйствовать на душу зрителя (ничего невидящаго, но все воображающаго) гораздо сильнѣе, и въ тоже время гораздо спасительнѣе и нравственнѣе всѣхъ конвульсій висѣлицы и криковъ колесованья. Съ той минуты, какъ преступникъ осужденъ и принялъ свой приговоръ отъ суда человѣческаго, онъ долженъ считаться принадлежащимъ одному суду Божію; его послѣднія минуты, какъ для спасенія души его, покидающей землю, такъ и для благотворнаго поученія на землѣ остающимся, должны быть освящены религіею. Смягчится ли его сердце или нѣтъ—это въ рукѣ Божіей; но человѣческій законъ долженъ оправдать совершаемое имъ человѣкоубійство всѣми заботами о небесной судьбѣ своей земной жертвы; черезъ это и самая казнь получитъ знаменованіе высокое—праведнаго воздаянія, иначе она не иное что, какъ безжалостное кровопролитіе. Казнь преступника должна возбудить въ ея свидѣтеляхъ не одинъ страхъ наказанія (котораго впрочемъ она не возбуждаетъ въ своемъ теперешнемъ отвратительномъ видѣ); она должна возбудить всѣ высокія чувства души человѣческой: вѣру, благоговѣніе передъ правдою, состраданіе, любовь Христіанскую. Разсмотримъ ближе нашъ предметъ: преступникъ осужденъ на смерть, и день, въ который онъ долженъ покинуть землю, объявленъ ему; этотъ день возвѣщенъ и народу. Пускай наканунѣ этого дня призовутъ Христіанъ на молитву по церквамъ о душѣ умирающаго брата, пускай во всѣхъ церквахъ слышится голосъ Христіанъ, умоляющихъ Бога, чтобы грѣшникъ, приступая къ концу своему, съ нимъ примиренный, принялъ смерть съ покаяніемъ на очищеніе души своей и чтобы милосердіе Божіе не отвергло души его. Такое призваніе на молитву конечно будетъ сильно и нравственно дѣйствовать, ибо тутъ молитва не просто богослужебный обрядъ, но и глубоко потрясающее душу приготовленіе къ важному событію, которое должно на другой день совершиться; не можетъ быть, чтобы она кѣмъ нибудь или по крайней мѣрѣ большинствомъ не была услышана, не была произнесена съ тѣмъ чувствомъ, которое оставляетъ неизгладимые слѣды на

сердцѣ. Между тѣмъ внутри темницы, и позже, на мѣстѣ казни все должно имѣть характеръ примирительно Христіанскій. Осужденный знаетъ, что онъ не будетъ преданъ на поруганіе любопытной толпы, что онъ изъ уединенной темницы перейдетъ черезъ церковь въ уединеніе гроба: эта тревога, столь многихъ приводящая къ отчаянію и къ самоубійству, не раздражаетъ души его; онъ оставленъ на произволъ собственнаго размышленія, которое лучше всего приготовитъ его къ присутствію Божію на послѣдней исповѣди. Если же онъ и не смягчится въ эти первыя минуты, въ которыя надобно ему вдругъ познакомиться съ непонятною, приводящею въ ужасъ, въ оцѣпенѣніе мыслію о скоромъ и неизбѣжномъ концѣ жизни, то, вѣроятно, при переходѣ отъ тюрьмы къ церкви, гдѣ встрѣтитъ его чаша примиренія, произойдетъ въ немъ этотъ спасительный, душевный переломъ скорѣе и рѣшительнѣе, нежели въ присутствіи толпы, развлекающей, стыдящей и окаменяющей душу своимъ оскорбительнымъ любопытствомъ; на пути отъ церкви къ мѣсту казни онъ будетъ провожаемъ пѣніемъ, выражающимъ молитву о его душѣ, и это пѣніе не прежде умолкнетъ, какъ въ минуту его смерти. И когда это будетъ совершаться внутри ограды, вокругъ которой конечно будутъ собраны толпы народа, двери этой ограды будутъ заперты: изъ-за нее будетъ слышно только одно умоляющее пѣніе. Не будетъ кроваваго зрѣлища для глазъ; но будетъ таинственное, полное страха Божія и состраданія человѣческаго для души. И какое зрѣлище! Никакими глазами не увидишь того, что въ одну такую минуту можетъ показать душѣ воображеніе. А когда пѣніе вдругъ замолчитъ — что представитъ себѣ это растроганное воображеніе? И съ какимъ впечатлѣніемъ разойдется толпа, которая видѣла передъ собою наказующую смерть во всей таинственности ея ужаса и не была развлечена никакимъ всенароднымъ представленіемъ, всегда увеселительнымъ, сколь бы оно ни было ужасно? Такой образъ смертной казни будетъ въ одно время и величественнымъ актомъ человѣческаго правосудія и убѣдительною проповѣдью для нравственности народной".

Но, какъ человѣкъ образованный и недозволявшій себѣ вдаваться въ крайности, Жуковскій умѣлъ дѣлать уступки въ частныхъ случаяхъ тѣмъ требованіямъ времени, которымъ противиться было бы неблагоразумно по его мнѣнію. Такъ, напримѣръ, въ 1850 году, онъ считалъ нужнымъ для нѣмецкихъ правительствъ сдѣлать нѣкоторыя пожертвованія въ пользу германскаго единства, хотя, конечно, это единство было противно его общему убѣжденію о неприкосновенности тѣхъ правъ, часть которыхъ была бы пожертвована для достиженія этого требованія, казавшагося тогда еще непреодолимымъ.

Въ XII томѣ собраны мелкія стихотворенія и басни, напечатанныя въ разныя времена Жуковскимъ, но не внесенныя имъ въ „Полное собраніе сочиненій", изданное при жизни. Мы замѣтимъ переводы лирическихъ пьесъ изъ Гете, которые могли бы, намъ кажется, съ честью стоять подлѣ переводовъ, принятыхъ въ „Собраніе" его сочиненій.

Въ XIII томѣ (четвертомъ дополнительномъ) помѣщены различныя статьи въ прозѣ, напечатанныя Жуковскимъ при жизни, но также не внесенныя имъ въ „Собраніе сочиненій".

За тѣмъ остаются еще нѣкоторыя стихотворенія Жуковскаго изъ первой поры его дѣятельности (1797 — 1811), которыя поэтъ впослѣдствіи считалъ, повидимому, недостойными своего таланта. Издатели перечисляютъ ихъ въ предисловіи, но не захотѣли внести въ изданные теперь четыре тома. Они обѣщаются сдѣлать это при слѣдующемъ изданіи, которое будетъ расположено ими въ хронологическомъ порядкѣ. Нельзя не согласиться съ ними, что такъ и надлежитъ сдѣлать: самъ Жуковскій могъ цѣнить одни,

могъ не цѣнить другія изъ своихъ произведеній, но исторія литературы должна дорожить каждою строкою, имъ написанною.

Нельзя не радоваться тому, что друзья Жуковскаго не словами, но и на дѣлѣ чтутъ память своего покойнаго друга, и нельзя не благодарить ихъ за заботливость, съ которою они собирали и издали его произведенія.

Отчетъ правленія одесскаго женскаго благотворительнаго общества за 1856 годъ. *Одесса 1857.*

Одесское женское благотворительное общество располагало въ 1856 году, какъ видимъ изъ его отчета, довольно значительными суммами. При остаткѣ отъ 1855 года въ 6,307 руб. 8 коп., оно имѣло дохода 26,794 руб $66^1/_2$ коп., всего до 31,281 руб. $74^1/_2$ коп. Главными источниками дохода были:

Плата за лавки, принадлежащія обществу .	3,004 руб.
Продажа игральныхъ картъ	2,019 —
Пожертвованія денегъ и исковъ	1,879 —
Ежегодный взносъ отъ членовъ общества .	969 —
Маскарадный балъ	1,393 —
Пожертвованіе и другіе доходы особеннаго комитета для вспомоществованія бѣднымъ жителямъ Одессы	10,760 — *).

Израсходовано было въ 1856 году 20.852 руб. $27^3/_4$ коп. и, судя по отчету, деньги эти были израсходованы не понапрасну, не пропали между рукъ, на канцелярскіе расходы и т. п., какъ то иногда бываетъ съ другими благотворительными обществами. Именно, на эти деньги содержались втеченіе года: сиротскій домъ, въ которомъ 1 января 1856 г. было 90 воспитанницъ, а къ 1 января 1857 года—93 воспитанницы, и кромѣ того, 15 младенцевъ, и домъ призрѣнія престарѣлыхъ, въ которомъ 1 января 1856 г. было 15, а къ 1 января 1857 года — 18 престарѣлыхъ вдовъ и увѣчныхъ дѣвицъ. Кромѣ того, вновь учрежденный комитетъ „Попеченія о бѣдныхъ", начавшій свои дѣйствія съ 1 ноября 1856 года, втеченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ года оказывалъ пособіе 1,423 семействамъ, именно: хлѣбомъ продовольствовалъ комитетъ всѣ эти семейства, сверхъ того, изъ числа ихъ отопленіемъ—410; горячею пищею — 69, теплымъ помѣщеніемъ и ночлегомъ—56, теплымъ одѣяньемъ и обувью — 143 семейства; медицинскимъ пособіемъ оказана была помощь 25 семействамъ или лицамъ; отправленьемъ на родину—6, уплатою долговъ за квартиры — 9, временною денежною выдачею —8, помѣщеньемъ въ сиротское заведеніе—4, задѣльною платою—175, поденною работою на участкѣ сиротскаго дома—56 семействамъ или лицамъ.

Эти цифры, особенно для начала, прекрасны; одесскія дамы могутъ гордиться ими. Рѣдкій изъ нашихъ городовъ можетъ выставить такіе отрад-

*) Доходы этого вновь учредившагося комитета составились изъ пожертвованій (между которыми важнѣйшими были: отъ княгини Е. К. Воронцовой 1,466 руб. 58 коп. и отъ неизвѣстнаго 1,000 р. сер.) и отъ спектаклей въ пользу бѣдныхъ.

ные факты. Дай Богъ, чтобы благое начинаніе возростало и впредь, какъ возростало въ прошедшемъ году.

Мыслью объ этомъ возрастаніи хотимъ мы воспользоваться, чтобы сказать нѣсколько словъ о различныхъ способахъ благотворительности.

Изъ различныхъ способовъ, существующихъ для облегченія нуждъ бѣднаго класса, у насъ въ Россіи употребительны очень многіе. Издавна предки наши славились тѣмъ, что подавали щедрую милостыню нищимъ. Этотъ патріархальный способъ вспомоществованія вышелъ или почти вышелъ изъ употребленія между людьми, живущими на европейскую ногу, но у людей, сохраняющихъ старинные обычаи, удержанъ, можно сказать, во всей силѣ. Тюремные замки наши постоянно снабжаются обильными пожертвованіями съѣстныхъ припасовъ и даже бѣлья, преимущественно отъ купцовъ.—Вмѣсто прямаго подаянія по грошу каждому просящему подъ окнами и у дверей, люди высшаго тона устроиваютъ балы, музыкальные вечера, спектакли, лотереи въ пользу бѣдныхъ, какъ на Западѣ, а потомъ раздаютъ оставшіяся за расходомъ праздника деньги въ видѣ единовременныхъ пособій цѣлыми рублями, даже цѣлыми десятками рублей нуждающимся. Существуютъ, наконецъ у насъ въ нѣкоторыхъ (если не ошибаемся, еще немногихъ) городахъ и постоянныя благотворительныя общества, которыя, кромѣ единовременныхъ пособій, или даже пенсій нуждающимся, содержатъ на свой счетъ училища для сиротъ, богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, больницы.

Все это прекрасно, но всего этого еще слишкомъ мало. Благотворительныя общества у насъ еще слишкомъ малочисленны и располагаютъ еще слишкомъ малозначительными средствами.

Притомъ, многія отрасли общественной благотворительности совершенно еще не употребительны. Въ Западной Европѣ поступаютъ не такъ. Тамъ вспоможенія обращаются не только на людей обнищавшихъ и голодныхъ, но также и на то, чтобы предотвращать, по возможности, обнищаніе и голодность Человѣкъ, не дошедшій до нищенства, имѣющій средство добывать своимъ трудомъ хотя сколько нибудь денегъ, не долженъ искать пособій въ родѣ тѣхъ, какія замѣнили старинную милостыню; но онъ часто нуждается столько же, какъ и настоящій нищій, — и общество можетъ облегчить его положеніе весьма значительнымъ образомъ, нисколько не затрогивая его благородной гордости, не принося съ своей стороны почти никакихъ жертвъ для облегченія его участи. Онъ не хочетъ принимать вспоможеній, онъ хочетъ довольствоваться тѣмъ, что пріобрѣтаетъ честными трудами своими,— но общество можетъ очень легкимъ, почти безубыточнымъ для себя образомъ доставить ему средство улучшить свой бытъ, сдѣлавъ экономію въ необходимѣйшихъ его расходахъ.

Въ жизни бѣдняка въ нашемъ климатѣ четыре главные расхода: на квартиру, на отопленіе, на пищу и на платье; бѣдняки южныхъ странъ почти не знаютъ одной изъ этихъ тяжелыхъ статей, меньше чувствуютъ и тяжесть другихъ: имъ гораздо меньше нужно отопленія, имъ нѣтъ такой нужды въ теплой одеждѣ, имъ нѣтъ такой нужды и въ уютной квартирѣ— они гораздо больше времени могутъ проводить на воздухѣ,—имъ наконецъ и пищи нужно меньше, нежели въ нашемъ климатѣ. Все это доказываетъ,

что наши бѣдняки болѣе нуждаются въ заботливости общества, нежели бѣдняки другихъ странъ.

Но мы начали говорить о тѣхъ средствахъ предупрежденія нищеты, которыя, будучи очень употребительны на Западѣ, почти вовсе неизвѣстны у насъ. Мы имѣли при этомъ въ виду дѣйствія благотворительныхъ обществъ, которыя ограничиваются почти исключительно городами, — потому говоримъ о нуждахъ городскаго населенія.

Кромѣ болѣе или менѣе значительнаго числа людей, рѣшительно не имѣющихъ силы кормиться собственнымъ трудомъ и потому безъ униженія для себя и для общества могущихъ получать прямыя пособія благотворительности, существуетъ другой, гораздо болѣе многочисленный классъ людей, которые имѣютъ силу и охоту добывать пропитаніе собственнымъ трудомъ, но нуждаются не менѣе, нежели настоящіе нищіе. Въ Западной Европѣ это происходитъ отъ такъ называемаго недостатка работы; у насъ, человѣкъ, желающій найти работу, рѣдко не находитъ ея, но вознагражденіе за многія изъ работъ, занимающихъ наибольшее число рукъ, слишкомъ мало для того, чтобы предохранить отъ нужды: доходы такихъ людей не соотвѣтствуютъ расходамъ для безбѣднаго содержанія. Увеличивать ихъ доходы прямыми вспоможеніями было бы унизительно для нихъ и слишкомъ убыточно для общества. Потому общественная заботливость должна избрать себѣ относительно этого класса людей другую цѣль: сокращеніе ихъ расходовъ безъ прямыхъ пожертвованій на то со стороны общества. Эта цѣль достигается очень легко.

Четыре главныя статьи расхода у семейства бѣдняковъ, какъ мы видѣли: квартира, отопленіе, пища и одежда. При нашихъ нравахъ, какъ и въ Западной Европѣ, отопленіе, пища и одежда покупаются людьми бѣдными у мелочныхъ торговцевъ, которые незначительность своего торговаго оборота по необходимости вознаграждаютъ высокимъ процентомъ барыша. Притомъ, и у мелочныхъ торговцевъ бѣдняки покупаютъ нужные имъ предметы самыми мелкими количествами —дрова по одному возу, муку — половинами пудовъ, десятками фунтовъ; мясо зимою, когда въ провинціяхъ каждый зажиточный человѣкъ закупаетъ его на нѣсколько мѣсяцевъ по очень сходнымъ цѣнамъ, также фунтами; точно также покупается и всякая провизія, которая у зажиточныхъ людей заготовляется на круглый годъ, большими дешевыми партіями въ дешевое время года. Точно также пріобрѣтается и одежда — покупками на „толкучихъ рынкахъ“ стараго платья, старой обуви, пошеніе которой вообще обходится гораздо убыточнѣе, нежели пошеніе одежды, заготовленной изъ новыхъ матеріаловъ. А когда матеріалы покупаются и новые, то опять-таки у мелочныхъ торговцевъ и мелочными кусками,—то есть по очень дорогой розничной цѣнѣ. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что въ мелочной торговлѣ товары обыкновенно бываютъ дурнаго качества и продаются съ обманомъ и въ качествѣ и въ количествѣ.

Что можетъ сдѣлать общественная заботливость для нуждающагося класса, добывающаго деньги своимъ трудомъ и страждущаго не отъ недостатка работы или силъ и охоты къ работѣ, а отъ несоразмѣрности дохо-

довъ съ расходами? Расходы этого класса на отопленіе, пищу и одежду производятся не экономическимъ образомъ,—общественная заботливость должна доставить этимъ людямъ возможность покупать эти товары и продукты по возможно дешевымъ цѣнамъ, и возможно хорошаго качества, — сдѣлать источникомъ ихъ продовольствія не мелочную, а оптовую торговлю. Выигрышъ того въ расходахъ бѣдняковъ будетъ не менѣе 50%, въ многихъ случаяхъ—100% и болѣе.

Средствъ для достиженія этой цѣли два: то или другое можетъ быть предпочитаемо, смотря по мѣстному удобству.

Вотъ первое средство. Общество благотворительности само производитъ оптовыя закупки, и продаетъ закупленные товары по мелочи, но по той цѣнѣ, въ какую обошлись они ему, безъ всякаго убытка, но и безъ всякаго барыша себѣ.

Для того нужно содержать обществу особеннаго агента и устроить собственные магазины.

Но агентомъ этимъ можетъ быть избранъ какой нибудь оптовый торговецъ, разумѣется, достойный довѣрія своею добросовѣстностью и порядкомъ въ веденіи своихъ дѣлъ. Тогда онъ устроиваетъ мелочную продажу по оптовымъ цѣнамъ при своемъ оптовомъ магазинѣ. Общество заключаетъ съ нимъ контрактъ объ этомъ. Такимъ образомъ общество освобождается отъ всякихъ хлопотъ и затратъ по покупкѣ товаровъ и расходовъ на содержаніе собственныхъ магазиновъ; но само собою разумѣется, что за исполненіемъ контракта оно должно наблюдать неутомимо и чрезвычайно строго. Это второе средство.

При хорошемъ веденіи дѣлъ, выгода, доставляемая такимъ образомъ для бѣдныхъ покупателей, сократитъ расходы бѣднаго класса на покупку отопленія, одежды и пищи по крайней мѣрѣ на 50%, а во многихъ случаяхъ и болѣе.

Само собою разумѣется, что, получая чрезъ общество возможность пользоваться выгодами оптовой торговли, бѣдные покупатели не должны быть лишены одного изъ важнѣйшихъ преимуществъ оптоваго покупщика — кредита. Передъ оптовымъ торговцемъ этотъ кредитъ обезпечивается ручательствомъ благотворительнаго общества, заключившаго съ нимъ контрактъ; обществу обезпечивается онъ взаимнымъ ручательствомъ бѣдныхъ, но честныхъ и добропорядочныхъ людей, другъ за друга, — словомъ, дѣло производится вообще по кредитивному обычаю тѣхъ мѣстъ, только приложенному къ единицамъ и десяткамъ рублей, вмѣсто тысячъ рублей. Вообще, опытомъ дознано, что масса бѣдняковъ добросовѣстнѣе въ исполненіи своихъ кредитныхъ обязательствъ, нежели классъ, обыкновенно пользующійся широкимъ кредитомъ. Въ губернскомъ, въ уѣздномъ городѣ, одинъ бѣднякъ занимаетъ у другаго бѣдняка десять рублей—для нихъ эта сумма важнѣе, нежели тысяча рублей для купца или помѣщика средней руки, считающихъ необходимость въ такихъ случаяхъ брать сохранныя записи, векселя и т. д. и увѣренныхъ, что безъ такого документа уплата данной суммы неправдоподобна. Бѣдняки не считаютъ нужными между собою никакихъ росписокъ, ни даже „честныхъ словъ“ —они увѣрены, что уплата будетъ произведена

при первой возможности, и одна физическая невозможность въ состояніи воспрепятствовать должнику расплатиться.

И такъ, люди недостаточные, по удостовѣреніи членовъ благотворительнаго общества въ томъ, что эти люди имѣютъ право на заботливость общества, получаютъ билеты (на годичный срокъ), дающіе имъ право покупать по таксѣ, установленной обществомъ, въ магазинахъ общества. При взаимномъ ручательствѣ такихъ покупателей другъ за друга, общество открываетъ имъ кредитъ въ своихъ магазинахъ. Кредитъ простирается до извѣстной суммы, опредѣляемой съ одной стороны среднею цифрою покупокъ бѣдняка между сроками, въ которые онъ получаетъ свои доходы, и между ежегодными періодами дешевыхъ цѣнъ на товары, съ другой стороны суммою взаимнаго ручательства.

Убытокъ обществу можетъ быть въ этомъ дѣлѣ только одинъ: неуплата по данному кредиту. Если дѣла общества ведутся осмотрительно и безъ недобросовѣстнаго патронатства со стороны членовъ своимъ прислужникамъ, то убытки эти будутъ совершенно ничтожны.

Чрезвычайно значительное сокращеніе расходовъ нуждающагося класса на отопленіе, пищу и одежду, можетъ быть произведено Благотворительнымъ Обществомъ или безъ всякихъ затратъ (при контрактѣ съ оптовымъ торговцемъ), или съ незначительною затратою капитала, если общество предпочтетъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, имѣть свои собственные магазины: затрата капитала въ 10,000 руб. сер. легко даетъ обществу отъ оптовыхъ торговцевъ кредитъ на 20,000 руб. сер.; если этотъ капиталъ сдѣлаетъ только два оборота въ годъ (предположеніе слишкомъ умѣренное, при краткости сроковъ, на которые совершается закупка большей части продаваемыхъ бѣднякамъ товаровъ,—напримѣръ, обуви и платья, муки и т. д.: только мясо можетъ быть заготовляемо въ зимнюю пору на три-четыре мѣсяца, а нѣкоторыя овощи — свекла, капуста, огурцы — на девять мѣсяцевъ въ концѣ осени, и дрова также на нѣсколько мѣсяцевъ во время прихода ихъ по рѣкѣ и въ пору хорошаго извоза),—то при двухъ оборотахъ въ годъ, общество, затративъ 10,000 руб., которые возвращаются безъ утраты въ концѣ года, снабдитъ нуждающійся классъ товарами на 60,000 руб. сер. въ годъ; и такъ какъ при этой покупкѣ покупатели выигрываютъ, по крайней мѣрѣ, 50 процентовъ, то экономія въ расходахъ, доставляемая нуждающемуся классу, простирается въ годъ, по крайней мѣрѣ, до 30,000 руб. сер.,—иначе сказать, Общество, не теряя ничего изъ употребленнаго на это дѣло капитала, доставляетъ косвеннаго ежегоднаго вспоможенія нуждающемуся классу на сумму въ три раза большую, нежели употребленный капиталъ.

Заботливость облегчить четвертую статью расходовъ нуждающагося класса (квартира) вообще требуетъ для полнаго своего дѣйствія болѣе значительныхъ затратъ, нежели три первыя, хотя также совершенно безубыточныхъ затратъ. Но и тутъ могутъ быть случаи, когда улучшеніе быта возможно только одной заботливостью общества, безъ всякихъ затратъ капитала. Есть также способы, въ случаѣ недостатка суммъ для совершенія этого дѣла въ полныхъ его размѣрахъ, сдѣлать все-таки очень много хо-

рошаго безъ всякихъ затратъ, однимъ именемъ и кредитомъ благотворительнаго общества. Мы также кратко изложимъ это дѣло.

Квартиры бѣдняковъ не только гораздо хуже, но, пропорціонально своей величинѣ, и значительно дороже, нежели большія и хорошо устроенныя квартиры людей зажиточныхъ. Относительно Петербурга, это положительнымъ образомъ доказано, напримѣръ, въ прекрасной статьѣ г. К. С. Веселовскаго „О недвижимыхъ имуществахъ въ Петербургѣ“ („Отечественныя Записки“ 1848 года, № 3). Въ провинціальныхъ городахъ, эта разница въ невыгоду бѣдняковъ должна быть еще значительнѣе, какъ увидятъ читатели. Причины сравнительной дороговизны бѣдныхъ квартиръ двоякаго происхожденія: одни соотвѣтствуютъ разницѣ между оптовою и розничною цѣною, другія зависятъ отъ степени довѣрія домохозяина къ нанимателю и отъ отношенія между предложеніемъ и запросомъ.

Какъ купецъ охотно дѣлаетъ вамъ уступку, если вы берете вмѣсто одного куска матеріи десять кусковъ, и напротивъ прибавляетъ цѣну на каждый аршинъ, если вы вмѣсто цѣлаго куска берете одинъ аршинъ матеріи, точно также домохозяинъ охотнѣе соглашается получать большими кушами менѣе высокій процентъ отъ большихъ квартиръ. Если мы предположимъ, что у него есть квартира помѣстительностью въ 50 квадратныхъ саженъ, и что ему было пріятно получать за нее по 1,000 р. сер. въ годъ, то по раздѣленіи этой квартиры на 10 мелкихъ квартиръ помѣстительностью по 5 квадратныхъ саженъ, онъ не согласится взять за каждую менѣе 120 р., даже при равной обезпеченности платежа отъ нанимателей, — въ первомъ случаѣ, онъ будетъ получать отъ нанимателя уплату сотнями рублей — „это деньги, такими деньгами можно распорядиться выгоднымъ образомъ, на нихъ можно сдѣлать оборотъ“, — во второмъ случаѣ, онъ получаетъ деньги нынѣ и завтра, пятками и много если десятками рублей — „какія это деньги? эти деньги не видно какъ сквозь руки пробѣгутъ, выгоды вовсе нѣтъ отъ такого полученія“. Эту невыгоду онъ долженъ вознаграждать повышеніемъ цѣнъ.

Вотъ уже 20% разницы отъ вліянія одной причины. Но есть и другія, дѣйствующія въ томъ же направленіи. Мы говорили, что съ большаго дома, раздѣленнаго на мелкія квартиры, домохозяинъ считаетъ необходимымъ получать большій доходъ, нежели отъ такого же дома, раздѣленнаго на большія квартиры. Но этотъ случай, когда бѣдняки живутъ въ большихъ домахъ, кромѣ Петербурга, въ Россіи очень рѣдокъ. Обыкновенно, въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, бѣдняки живутъ въ маленькихъ домикахъ. Въ провинціяхъ господствуетъ такой способъ постройки: большой домъ строится для большой квартиры, для мелкихъ квартиръ строятся маленькіе флигельки и домики. Постройка одного двухъ-этажнаго дома въ 10 сажень длины и 6 сажень ширины, имѣющаго помѣстительность въ 120 квадратныхъ саженъ, обходится гораздо дешевле, нежели постройка двадцати одноэтажныхъ домиковъ, каждый въ 3 сажени длины и въ 2 сажени ширины, — а эти домики всѣ вмѣстѣ имѣютъ также только 120 квадратныхъ саженъ помѣстительности. И такъ постройка мелкихъ квартиръ обходится домохозяину пропорціонально дороже, нежели постройка большихъ.

Тоже надобно сказать и о ремонтѣ. Новая причина, еще значительнѣе увеличивающая сравнительную дороговизну мелкихъ квартиръ.

Мало того, что постройка жилища для бѣдняка въ нашихъ провинціальныхъ городахъ стоитъ, пропорціонально, дороже хозяину, нежели постройка жилища для зажиточнаго нанимателя,—самъ домохозяинъ маленькаго домишка находится обыкновенно въ такомъ положеніи, что не можетъ довольствоваться тѣми процентами, какъ хозяинъ большаго дома. Одинъ, два, три маленькіе флигеля, отдаваемые въ наймы, составляютъ обыкновенно все его состояніе, и онъ долженъ, чтобы имѣть возможность какъ нибудь перебиваться, получать съ своего домика или своихъ домиковъ гораздо высшій процентъ, нежели зажиточный владѣлецъ большаго дома. Въ Петербургѣ считается хорошимъ доходомъ, когда домъ приноситъ 8% своей цѣны; въ провинціяхъ, вы можете за 200 руб. купить флигель, который отдается въ годъ за 40 р. сер. — это значитъ, что онъ даетъ 20% дохода.

Конечно, такую высокую цѣну не были-бъ въ состояніи поддержать домохозяева, если бы она не поддерживалась тѣмъ, что требованія на мелкія квартиры всегда гораздо больше, нежели на большія. Въ провинціи, когда очистилась квартира въ 500 р. с., часто въ цѣломъ городѣ не найдется человѣка, который бы искалъ квартиру въ такую цѣну, и она стоитъ пуста не потому только, что хозяинъ не сходится въ цѣнѣ съ нанимателями,—нѣтъ, просто потому, что вовсе нѣтъ нанимателей. Не то съ мелкими квартирами въ 20, 30, 40 р. сер.—тутъ нанимателей десятки и десятки готовы каждый день набивать другъ передъ другомъ цѣну.

Прибавимъ ко всему этому, что зажиточный человѣкъ, нанимающій большую квартиру, всегда кажется домохозяину плательщикомъ болѣе состоятельнымъ и исправнымъ, нежели бѣднякъ, нанимающій маленькую. Не то въ самомъ дѣлѣ, чтобы дѣйствительно первые были аккуратнѣе вторыхъ въ расплатѣ,—о, вовсе нѣтъ, спросите у всѣхъ провинціальныхъ торговцевъ, каково давать въ кредитъ людямъ, живущимъ въ провинціи на широкую ногу, — они въ одинъ голосъ скажутъ, что ихъ приказчики обили всѣ пороги у такихъ людей, навѣщая ихъ для полученія долговъ. Но—но все-таки, человѣку, живущему богато, каждый вѣритъ охотнѣе, нежели бѣдняку, хотя каждый и знаетъ, что бѣднякъ вообще бываетъ вѣрнѣе въ расплатѣ.

Если соединимъ дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ, мы поймемъ какъ причины, почему квартиры бѣдняковъ, сообразно помѣстительности, повсюду вдвое или даже втрое дороже, нежели большія квартиры, такъ и средства устранить это невыгодное для бѣдняковъ различіе.

Самымъ кореннымъ средствомъ для доставленія бѣднякамъ квартиръ, по возможности дешевыхъ, признано построеніе благотворительными обществами большихъ домовъ, раздѣленныхъ на маленькія квартиры для бѣдняковъ. Квартиры эти отдаются по такой цѣнѣ, которая давала бы не болѣе, какъ обыкновенный процентъ съ капитала, платимый вкладчикамъ банковыми учрежденіями. У насъ этотъ процентъ въ настоящее время, какъ извѣстно, 4 на 100. Въ другихъ земляхъ онъ нѣсколько менѣе; за то и

процентъ, доставляемый тамъ отдачею въ наймы квартиръ, менѣе, нежели у насъ, такъ что разницу между этими двумя цифрами у насъ и во Франціи или въ Англіи можно считать за равную; и если въ домахъ, построенныхъ по указанному нами способу, квартиры въ Англіи и Франціи доставляютъ бѣднякамъ за цѣну вдвое и даже втрое меньшую противъ той, какую платятъ они за подобныя квартиры частнымъ домохозяевамъ, то никакъ нельзя ожидать, чтобъ и у насъ пониженіе цѣны квартиръ въ такихъ нарочно устроенныхъ домахъ могло быть менѣе значительно.

При этомъ надобно замѣтить, что въ подобныхъ домахъ, строимыхъ безъ всякой роскоши, со всевозможною экономіею, но прочно, добросовѣстно, съ соблюденіемъ удобствъ, съ хорошими печами и т. д., чего никогда не бываетъ въ мелкихъ квартирахъ у обыкновенныхъ домохозяевъ, здоровье жильцовъ бываетъ гораздо лучше, и на отопленіе хорошо устроенной печи, конечно, требуется несравненно менѣе дровъ, нежели на ту нелѣпо-прожорливую печь, какая вообще бываетъ у насъ въ провинціяхъ (да и въ столицахъ) въ мелкихъ квартирахъ.

Убытка отъ такихъ построекъ строители не терпятъ ни малѣйшаго: капиталъ приноситъ проценты точно такіе же, какъ бы лежалъ въ банкѣ. Но, надобно сказать: капиталы требуются значительные, чтобы постройки имѣли размѣръ, довольно значительный по пропорціи къ бѣдному населенію города. Но трудно достать этотъ капиталъ, потому надобно сказать о средствахъ къ уменьшенію расхода бѣдняковъ на квартиры безъ всякихъ затратъ со стороны благотворительнаго общества, единственно силою заботливости благотворительнаго общества.

При малочисленности нанимателей для самыхъ большихъ домовъ въ провинціальныхъ городахъ, благотворительное общество почти всегда можетъ найти нѣсколькихъ домохозяевъ, согласныхъ, по заключеніи съ обществомъ контракта на продолжительное число лѣтъ, передѣлать свои большіе дома на маленькія квартиры съ удобствами, какихъ обыкновенно не имѣютъ такія квартиры, и съ хорошими печами, и уступать эти дома въ наемъ обществу по цѣнѣ, не превышающей тѣхъ цѣнъ, по какимъ эти дома отдавались богатымъ нанимателямъ. Общество само будетъ уже раздавать квартиры по цѣнѣ, какая опредѣлится раскладкою общей суммы найма по числу и помѣстительности мелкихъ квартиръ. При разсчетливомъ со стороны общества наблюденіи за выгодностью заключаемыхъ контрактовъ и исполненіемъ условленныхъ передѣлокъ, оно увидитъ себя въ состояніи отдавать поступившія въ его распоряженіе мелкія квартиры по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ процентовъ дешевле обыкновенныхъ цѣнъ для квартиръ равной помѣстительности. Кромѣ того, отъ хорошаго устройства печей, которое очень рѣдко встрѣчается въ обыкновенныхъ мелкихъ квартирахъ, жильцы будутъ выигрывать отъ двадцатипяти до пятидесяти процентовъ на отопленіе. При такихъ выгодахъ, квартиры никогда не будутъ оставаться пусты,—напротивъ, на каждую очистившуюся тотчасъ же будутъ являться десятки нанимателей, и затрудненіе можетъ быть лишь въ томъ, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе.

При томъ и другомъ способѣ дѣйствій, если только число квартиръ, находящихся въ распоряженіи общества, будетъ значительно, необходимо

послѣдуетъ значительное пониженіе въ цѣнѣ всѣхъ другихъ мелкихъ квартиръ города; причинъ тому двѣ: съ одной стороны, соперничество дешевыхъ квартиръ общества сбиваетъ цѣну всѣхъ другихъ подобныхъ квартиръ; съ другой стороны, отъ прибыли въ числѣ квартиръ, назначенныхъ для недостаточнаго класса, уменьшается соперничество между бѣдными людьми при наймѣ квартиръ.

Подобнаго дѣйствія необходимо ожидать отъ дѣйствій благотворительнаго общества и отъ учрежденія магазиновъ для розничной продажи по оптовымъ цѣнамъ съ кредитомъ для людей недостаточныхъ. Чтобы сколько нибудь удержать за собою этотъ классъ покупателей, всѣ торговцы, занимающіеся розничною продажею, должны будутъ значительнымъ образомъ спускать прежнія цѣны.

Но возвращаемся къ способамъ доставленія дешевыхъ квартиръ бѣдному классу. Даже при невозможности производить постройки для этой цѣли на свой счетъ (или, что тоже, покупать по выгодной цѣнѣ большіе дома— случаи къ тому часты въ провинціальныхъ городахъ, при малочисленности людей, готовыхъ на покупки такихъ домовъ,—и потомъ передѣлывать ихъ собственными средствами на мелкія квартиры) и при отсутствіи домовъ, удобныхъ для найма, и домохозяевъ, согласныхъ на отдачу ихъ по контрактамъ, о которыхъ говорено выше, общество все-таки имѣетъ еще возможность доставлять посредствомъ одного своего заступничества людямъ недостаточнымъ квартиры по цѣнѣ, значительно умѣреннѣйшей противъ обыкновенныхъ цѣнъ. Оно, становясь посредникомъ между нанимателемъ и домохозяиномъ, отстраняетъ дѣйствія двухъ изъ числа причинъ, поддерживающихъ эти квартиры въ несоразмѣрно высокой цѣнѣ: во-первыхъ, оно ручается за точную уплату найма со стороны добропорядочнаго бѣдняка (а обществу гарантируется уплата со стороны бѣдняка взаимнымъ ручательствомъ нѣсколькихъ бѣдняковъ)— этимъ удаляется та часть дороговизны, которая имѣетъ причиною недовѣріе домохозяина къ бѣдному нанимателю: во-вторыхъ, общество можетъ принимать на себя уплату по годичнымъ срокамъ впередъ всей условленной цѣны, принимая уже на себя получать отъ нанимателя мелкими взносами сумму, впередъ за него уплаченную вдругъ,— этимъ доставляется бѣдняку выгода дисконта (уступки въ требуемой суммѣ, за платежъ денегъ до срока), кромѣ того, удаляется чрезъ это та часть дороговизны, которая зависитъ отъ разницы между полученіемъ денегъ мелкими и болѣе крупными взносами. Такимъ образомъ, даже и при этомъ самомъ ограниченномъ способѣ дѣйствованія, общество доставитъ бѣднымъ людямъ сокращеніе расходовъ на квартиру, по крайней мѣрѣ, въ двадцать-пять процентовъ.

Когда мы сообразимъ всѣ различные способы изложеннаго нами безубыточнаго дѣйствованія благотворительныхъ обществъ,—мы увидимъ, что при возможности располагать значительнымъ капиталомъ съ уплатою за него четырехъ процентовъ кредиторамъ своимъ (если капиталы эти не принадлежатъ обществу) или съ пріобрѣтеніемъ въ свою кассу тѣхъ же четырехъ процентовъ (если эти капиталы принадлежатъ обществу),—общество можетъ одною силою капитала и кредита, не теряя ни одной копѣйки, доставить

бѣдному классу сокращеніе на сто процентовъ или даже на сто двадцать-пять процентовъ по всѣмъ четыремъ главнымъ статьямъ расхода бѣдняковъ, именно, по расходамъ на квартиру, отопленіе, одежду и пищу.

Въ обыкновенныхъ уѣздныхъ городахъ средства эти гораздо менѣе значительны, за то и населеніе такихъ городовъ незначительно, и огромныхъ капиталовъ тамъ не нужно, чтобы производить громадное, пропорціонально объему города, дѣйствіе. А большіе, то есть торговые уѣздные города, располагаютъ капиталами, пропорціонально населенію, болѣе значительными, нежели губернскіе города; потому что въ значительныхъ уѣздныхъ городахъ обороты торговли значительнѣе, нежели въ губернскихъ, имѣющихъ равное населеніе.

Но само собою разумѣется, что чѣмъ скромнѣе надежды, тѣмъ онѣ вѣрнѣе. Предположимъ же, что благотворительныя общества не получатъ въ свое распоряженіе ни одной копѣйки капитала на ту отрасль дѣятельности, которая указывается примѣромъ подобныхъ учрежденій Западной Европы. Все-таки, одно ихъ посредничество можетъ доставить на двадцать-пять процентовъ экономіи нуждающемуся классу горожанъ по четыремъ важнѣйшимъ статьямъ расхода бѣдняковъ.

Статистическіе труды И. Ѳ. Штукенберга. *Статья I. Описаніе Архангельской губерніи. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1857.*

Покойный Иванъ Ѳедоровичъ Штукенбергъ былъ однимъ изъ неутомимѣйшихъ и почтеннѣйшихъ тружениковъ по русской географіи и статистикѣ. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, какъ Миллеръ и Бакмейстеръ, которые должны служить для насъ примѣрами ученой добросовѣстности и трудолюбія. Его „Гидрографія“ капитальное, классическое сочиненіе, какихъ не много написано о Россіи.

Окончивъ свою огромную „Гидрографію“, покойный ученый занялся собираніемъ матеріаловъ для другаго сочиненія, которое было задумано имъ въ объемѣ, еще болѣе обширномъ,—онъ составлялъ „описаніе Россіи въ отношеніи къ обилію почвы и ея разработкѣ, къ земледѣлію, промышленности и торговлѣ“. Государь Императоръ, цѣня ученыя заслуги Штукенберга и важность начатаго имъ труда, благоволилъ пожаловать автору (за годъ до его смерти) добавочное жалованье и средства къ изданію новаго его сочиненія.

Когда И. Ѳ. Штукенбергъ скончался, въ его бумагахъ нашлось уже оконченное описаніе 38 губерній, изъ которыхъ шесть были приготовлены къ выпуску въ свѣтъ.

Сынъ покойнаго, подполковникъ Корпуса Инженеровъ Путей сообщенія, А. Штукенбергъ, прекрасно сдѣлалъ, рѣшившись издать неоконченный сборникъ, о которомъ покойный авторъ справедливо говорилъ, что посредствомъ его мы подвинемся на шагъ впередъ въ познаніи нашего отечества. Было бы грѣшно оставлять неизданнымъ это богатое собраніе фактовъ. Сочиненіе было написано покойнымъ авторомъ на нѣмецкомъ языкѣ; сынъ издаетъ его въ русскомъ переводѣ.

Желаемъ безостановочнаго продолженія этому изданію, которое оставляетъ далеко за собою все, что было напечатано у насъ въ подобномъ родѣ.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Апрѣль 1857.

Славянофилы и вопросъ объ общинѣ. — „Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства“, Струкова.

Просимъ гг. читателей и всѣхъ вообще гг. литераторовъ и ученыхъ обратить особенное вниманіе на записку В. И. Ламанскаго „О распространеніи знаній въ Россіи“, напечатанную въ этой книжкѣ „Современника“. Въ рукописи, этотъ проэктъ былъ прочитанъ многими изъ ученыхъ и литераторовъ обѣихъ нашихъ столицъ, и въ каждомъ изъ читавшихъ, основная мысль проэкта возбуждала живое участіе и полное одобреніе, какъ своею вѣрностью, такъ и полезностью.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, по поводу прекрасныхъ статей г. Самарина въ первой книгѣ „Русской Бесѣды“ нынѣшняго года, заговоривъ о томъ, что можетъ быть одобрено въ славянофильствѣ, мы сказали только половину того, что хотѣли сказать. Мы слегка коснулись тѣхъ сторонъ западно-европейской жизни, которыя въ каждомъ благомыслящемъ человѣкѣ, какой бы странѣ онъ ни принадлежалъ, возбуждаютъ скорбное чувство и заставляютъ лучшихъ мыслителей Западной Европы признавать настоящую степень развитія западно-европейской жизни состояніемъ еще чрезвычайно неудовлетворительнымъ. Сотни такихъ сторонъ представляются въ настоящее время западно-европейскою жизнью; изъ нихъ, мы назвали только двѣ— три, и однако же, уже довольно было фактовъ, совершенно оправдывающихъ строгое сужденіе передовыхъ людей Западной Европы о нынѣшнемъ бытѣ ихъ странъ. Мы говорили, что это мнѣніе, раздѣляемое и у насъ всѣми серьезными людьми, составляетъ одну изъ справедливыхъ основъ такъ-называемаго славянофильства, и хотя облекается въ немъ различными произвольными туманами, значительно уменьшающими чистую его справедливость, но ни у кого изъ образованныхъ людей между славянофилами не искажается до того, чтобы эти любимыя туманныя примѣси совершенно искажали его цѣнность для развитія гуманныхъ идей. Мы говорили также, что даже со всѣми этими примѣсями, оно все-таки гуманнѣе и полезнѣе для нашего развитія, нежели мнѣнія многихъ изъ такъ-называемыхъ западниковъ,

именно, всѣхъ тѣхъ, которые воображаютъ, что, напримѣръ, Англія или Франція въ настоящее время - очень счастливыя земли, и, восхищаясь ихъ благоденствіемъ, часто не въ попадъ превозносятъ именно то, что въ этихъ странахъ очень дурно, — напримѣръ, страшное развитіе искусственныхъ потребностей и роскоши. Этою зловредною мишурою ослѣпляются очень многіе, — и если ужъ выбирать между ними и славянофилами, то, конечно, надобно отдать предпочтеніе славянофиламъ.

Тутъ мы противопоставляемъ славянофиловъ классу людей, хотя и очень многочисленному, но пустому; имѣть превосходство надъ нимъ не есть еще особенная заслуга, а качество, необходимо принадлежащее каждому человѣку серьезнаго образа мыслей; и въ славянофилахъ, какъ мы сказали, достоинство этого качества даже уменьшается произвольными фантазіями, въ которыя слишкомъ многіе изъ нихъ облекаютъ здравыя сужденія о недостаткахъ современнаго западно-европейскаго быта, занятыя ими изъ западныхъ источниковъ. Особеннаго сочувствія къ нимъ питать тутъ еще не за что: выгодно отличаясь серьезнымъ взглядомъ на западную Европу отъ пустыхъ ея панегиристовъ, они отъ каждаго серьезнаго западника отличаются въ этомъ отношеніи только тѣмъ, что, къ своей невыгодѣ, вмѣшиваютъ въ серьезный взглядъ много фантазій, которыми навлекаютъ на себя насмѣшки отъ всѣхъ, и негодованіе отъ тѣхъ, которые опасаются, что эти фантазіи могутъ распространиться въ нашемъ обществѣ.

Но, говорили мы въ прошедшій разъ, есть въ славянофильствѣ другая сторона, которая ставитъ славянофиловъ выше многихъ изъ самыхъ серьезныхъ западниковъ. Мы обѣщались поговорить о ней въ нынѣшній разъ, и постараемся выставить ее какъ можно яснѣе на одномъ стремленіи, которое, появившись на Западѣ, до сихъ поръ остается тамъ теоріею; между тѣмъ искони существуетъ у насъ въ сельскомъ бытѣ порядокъ, къ которому ведетъ оно, и благовременное усвоеніе здраваго понятія о немъ съ одной лучшей его стороны (общиннаго пользованія крестьянами землею) составляетъ для насъ дѣло великой важности. Во Франціи вопросъ о новомъ экономическомъ устройствѣ прошелъ уже нѣсколько кризисовъ: кто хочетъ убѣдиться, что тоже совершается и въ Англіи, можетъ прочесть — хотя бы „Тяжелыя времена“ Диккенса (романъ этотъ переведенъ и на русскій языкъ), если не хочетъ читать монографій о Хартизмѣ. Но въ будущемъ этимъ странамъ предстоятъ еще болѣе продолжительныя, еще болѣе тяжелыя страданія. Отечество наше въ сторонѣ, благодаря нашимъ кореннымъ экономическимъ началамъ, сохраненіе которыхъ необходимо для огражденія нашего національнаго благосостоянія отъ этихъ испытаній.

Обезпеченіе частныхъ правъ отдѣльной личности было существеннымъ содержаніемъ западно-европейской исторіи въ послѣднія столѣтія. Совершеннаго ничего нѣтъ на землѣ, но въ чрезвычайно высокой степени цѣль эта достигнута на Западѣ. Право собственности почти исключительно перешло тамъ въ руки отдѣльнаго лица и ограждено чрезвычайно прочными, неукоснительно соблюдаемыми гарантіями. Юридическая независимость и неприкосновенность отдѣльнаго лица повсюду освящены и законами и обычаями. Не только англичанинъ, гордый своею личною независимостью, но и нѣмецъ и

французъ можетъ справедливо сказать, что пока не нарушаетъ законовъ, онъ не боится ничего на землѣ, что личность его недоступна никакимъ посягательствамъ *). Но, какъ всякое одностороннее стремленіе, и этотъ идеалъ исключительныхъ правъ отдѣльнаго лица имѣетъ свои невыгоды, которыя стали обнаруживаться чрезвычайно тяжелымъ образомъ, едва онъ приблизился къ осуществленію съ забвеніемъ или сокрушеніемъ другихъ не менѣе важныхъ условій человѣческаго счастія, которыя казались несовмѣстны съ его безграничнымъ примѣненіемъ къ дѣлу. Одинаково тяжело для народнаго благоденствія легли эти вредныя слѣдствія на обоихъ великихъ источникахъ народнаго благосостоянія, на земледѣліи и промышленности. Отдѣльный человѣкъ, ставши независимымъ, оставленъ былъ безпомощнымъ. При переходѣ всей почти земли въ собственность частныхъ лицъ, явилось множество людей, не имѣющихъ недвижимой собственности; такимъ образомъ, возникло пролетаріатство. Владѣльцы мелкихъ участковъ, на которые распалась земля во Франціи, не имѣютъ возможности примѣнить къ дѣлу сильнѣйшихъ средствъ для улучшенія своихъ полей и увеличенія жатвъ, потому что эти средства требуютъ капиталовъ и примѣнимы только въ большихъ размѣрахъ. Они обременены долгами. Въ Англіи фермеры имѣютъ капиталы, но за то безъ значительнаго капитала невозможно въ Англіи и думать о заведеніи фермы, а люди, имѣющіе значительный запасъ наличныхъ денегъ, всегда немногочисленны пропорціонально массѣ народа, и потому большинство сельскаго населенія въ Англіи — батраки, положеніе которыхъ очень печально. Въ заводско-фабричной промышленности вся выгода сосредоточивается въ рукахъ капиталиста, и на каждаго капиталиста приходятся сотни работниковъ-пролетаріевъ, существованіе которыхъ бѣдственно. Наконецъ, и земледѣліе и заводско-фабричная промышленность находятся подъ властью безграничнаго соперничества отдѣльныхъ личностей; чѣмъ обширнѣе размѣры производства, тѣмъ дешевле стоимость произведеній, потому большіе капиталисты подавляютъ мелкихъ, которые мало по малу уступаютъ имъ мѣсто переходя въ разрядъ ихъ наемныхъ людей; а соперничествомъ между наемными работниками все болѣе и болѣе понижается заработная плата. Такимъ образомъ, съ одной стороны возникли въ Англіи и Франціи тысячи богачей, съ другой—милліоны бѣдняковъ. По роковому закону безграничнаго соперничества, богатство первыхъ должно все возрастать, сосредоточиваясь все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, а положеніе бѣдняковъ должно становиться все тяжеле и тяжеле. Но и въ на-

*) Вѣроятно, почти каждый изъ нашихъ читателей понимаетъ различіе частныхъ правъ отъ государственныхъ. Для избѣжанія всякой возможной ошибки, мы опредѣлимъ здѣсь это различіе. Во Франціи въ нынѣшнемъ вѣкѣ девять разъ измѣнялась форма правленія (консульство, первая имперія, Бурбоны, сто дней, снова Бурбоны, іюльская монархія, республика безъ президента, республика съ президентомъ, вторая имперія) и каждый разъ измѣнялись соотвѣтственно тому государственныя или политическія права гражданъ, то есть степень ихъ участія въ государственномъ управленіи и т. д. Но со времени изданія наполеоновыхъ кодексовъ, не измѣнялись частныя права, то есть законы объ отношеніяхъ между отдѣльными гражданами по собственности, по семейному праву и отношенія ихъ къ гражданскому и уголовному суду не измѣнялись ни въ чемъ существенномъ. Гражданскіе и уголовные законы во всей Западной Европѣ имѣютъ гораздо болѣе общаго, нежели государственное устройство.

стоящемъ положеніе дѣлъ такъ противоестественно и тяжело для девяти десятыхъ частей англійскаго и французскаго населенія, что необходимо должны были явиться новыя стремленія, которыми отстранялись бы невыгоды прежняго односторонняго идеала. Подлѣ понятія о правахъ отдѣльной личности возникла идея о союзномъ пользованіи и производствѣ между людьми. Въ земледѣліи оно должно выразиться переходомъ земли въ общинное пользованіе.

Это новое стремленіе къ союзному пользованію и производству является продолженіемъ, расширеніемъ, дополненіемъ прежняго стремленія къ обезпеченію частныхъ правъ отдѣльной личности. Въ самомъ дѣлѣ, не надобно забывать, что человѣкъ не отвлеченная юридическая личность, но живое существо, въ жизни и счастіи котораго матеріальная сторона (экономическій бытъ) имѣетъ великую важность; и что потому, если должны быть для его счастья обезпечены его юридическія права, то не менѣе нужно обезпеченіе и матеріальной стороны его быта. Даже юридическія права на самомъ дѣлѣ обезпечиваются только исполненіемъ этого послѣдняго условія, потому что человѣкъ, зависимый въ матеріальныхъ средствахъ существованія, не можетъ быть независимымъ человѣкомъ на дѣлѣ, хотя бы по буквѣ закона и провозглашалась его независимость.

Но введеніе лучшаго порядка дѣлъ чрезвычайно затруднено въ Западной Европѣ безграничнымъ расширеніемъ юридическихъ правъ отдѣльной личности. Братья въ соединеніи живутъ гораздо съ большимъ благосостояніемъ, нежели могли бы жить раздѣлившись, — истина, извѣстная у насъ каждому поселянину („раздѣлъ семьи на отдѣльныя хозяйства разоряетъ семью“ — это знаетъ каждый у насъ), но, живучи вмѣстѣ, каждый изъ братьевъ долженъ жертвовать частью своего полновластія родовому союзу, ограничивать свои капризы, противные общей (и въ томъ числѣ его собственной) пользѣ. Но не легко отказываться хотя бы даже отъ незначительной части того, чѣмъ уже привыкъ пользоваться, а на Западѣ отдѣльная личность привыкла уже къ безграничности частныхъ правъ. Пользѣ и необходимости взаимныхъ уступокъ можетъ научить только долгій горькій опытъ и продолжительное размышленіе. На Западѣ лучшій порядокъ экономическихъ отношеній соединенъ съ пожертвованіями, и потому его учрежденіе очень затруднено. Онъ противенъ привычкамъ англійскаго и французскаго поселянина.

У французскаго поселянина одно стремленіе въ жизни — прикупать побольше и побольше земли къ своему участку; у англійскаго фермера одно стремленіе — возвысивъ по возможности доходъ съ своей фермы, забирать и забирать сосѣдніе участки въ наемъ, для увеличенія своей фермы; у его работника одна мечта — сдѣлаться фермеромъ. Для нихъ всѣхъ мысль объ улучшеніи своего состоянія срослась съ мыслью о полной власти надъ землею, которую онъ обработываетъ. Нѣсколько иначе, но та же самая мысль о безотчетномъ распоряженіи своею дѣятельностью давно проникла англійскаго и французскаго фабричнаго работника. Для введенія союзнаго производства въ этихъ земляхъ, надобно въ цѣломъ народѣ, огромнѣйшая масса котораго еще погрязаетъ въ невѣжествѣ и не привыкла къ размы-

шленію о своихъ обычаяхъ, вселить новое убѣжденіе, и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтобъ оно взяло верхъ надъ обычаями и привычками, которыя чрезвычайно сроднились со всѣмъ образомъ жизни тѣхъ племенъ,—надобно путемъ разумнаго убѣжденія перевоспитать цѣлые народы. Какой гигантскій трудъ для этого требуется — вполнѣ понимаетъ только тотъ, кто перевоспитывалъ себя.

То, что представляется утопіею въ одной странѣ, существуетъ въ другой какъ фактъ. Утопіею кажется для французскаго мыслителя необходимое условіе народнаго благоденствія во Франціи, какъ и повсюду—сознательное благоговѣніе народа передъ закономъ и его органами, отъ министерства до послѣдняго полицейскаго служителя, однимъ своимъ появленіемъ вводящаго въ границы закона безчисленную толпу, разгоряченную политическими страстями,—эта черта быта, кажущаяся утопіею во Франціи, существуетъ въ Англіи, какъ народный обычай. Точно такъ, тѣ привычки, проведеніе которыхъ въ народную жизнь кажется дѣломъ неизмѣримой трудности англичанину и французу, существуютъ у русскаго какъ фактъ его народной жизни. У насъ есть землевладѣльцы съ юридическимъ полновластіемъ англійскаго или французскаго землевладѣльца (помѣщики, купцы и разночинцы, купившіе себѣ землю, однодворцы, нѣсколько тысячъ крестьянъ, владѣющія собственною землею),—но они составляютъ, сравнительно съ массою народа, еще очень немногочисленный классъ, понятія котораго о полновластной собственности отдѣльнаго лица надъ землею еще не проникли въ сознаніе массы нашего племени. По праву полновластной собственности обработываются у насъ уже милльоны десятинъ (всѣ земли, обработываемыя въ пользу людей, непринадлежащихъ къ сельской общинѣ,—именно земли купцовъ землевладѣльцевъ и разночинцевъ-землевладѣльцевъ: участки, оставляемые для собственнаго хозяйства помѣщиками, не могутъ быть причисляемы сюда, потому что и границы и различіе между этими и общинными участками не одинаковы,—различіе то возникаетъ, то исчезаетъ, смотря по тому, учреждается ли въ селѣ оброкъ, или барщина, да и при барщинѣ разграниченіе участка помѣщика и участка его крестьянъ измѣнчиво),—но всѣ эти милльоны десятинъ составляютъ еще незначительную, быть можетъ, пятнадцатую, быть можетъ, двадцатую часть въ общей массѣ обработываемыхъ земель, которыя или распредѣляются для обработки или пользованія по общинному началу (почти всѣ земли, воздѣлываемыя на себя помѣщичьими и государственными крестьянами, и всѣ земли, воздѣлываемыя на помѣщика барщиною, такъ же какъ и мірскія запашки въ казенныхъ селеніяхъ), или принадлежатъ государству, т. е. всей націи (оброчныя статьи). Масса народа до сихъ поръ понимаетъ землю, какъ общинное достояніе, и количество земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, или пользованіе ими подъ общинною обработкою, такъ велико, что масса участковъ, совершенно выдѣлившихся изъ него въ полновластную собственность отдѣльныхъ лицъ, по сравненію съ нимъ, незначительна. Порядокъ дѣлъ, къ которому столь труднымъ и долгимъ путемъ стремится теперь Западъ, еще существуетъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта. Существовалъ нѣкогда онъ и на Западѣ, по крайней мѣрѣ во многихъ стра-

нахъ Запада, но утраченъ тамъ въ одностороннемъ стремленіи къ полновластной собственности отдѣльнаго лица.

Мы видимъ, какія печальныя слѣдствія породила на Западѣ утрата общинной поземельной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату. Примѣръ Запада не долженъ быть потерянъ для насъ. Вопросъ о земледѣльческомъ бытѣ важнѣйшій для Россіи, которая очень надолго останется государствомъ по преимуществу земледѣльческимъ, такъ что судьба огромнаго большинства нашего племени долго еще—цѣлые вѣка—будетъ зависѣть, какъ зависитъ теперь, отъ сельско-хозяйственнаго производства.

Но того нельзя скрывать отъ себя, что Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ него, и нашъ бытъ, доселѣ остававшійся почти чуждымъ вліянію тѣхъ экономическихъ законовъ, которые обнаруживаютъ свое могущество только при усиленіи экономической и торговой дѣятельности, начинаетъ быстро подчиняться ихъ силѣ. Скоро и мы, можетъ быть, вовлечемся въ сферу полнаго дѣйствія закона конкурренціи.

Въ настоящее время мы владѣемъ спасительнымъ учрежденіемъ, въ осуществленіи котораго западныя племена начинаютъ видѣть избавленіе своихъ земледѣльческихъ классовъ отъ бѣдности и бездомности. Но, при новой эпохѣ усиленнаго производства, въ которую вступаетъ Россія, многія изъ прежнихъ экономическихъ отношеній, конечно, измѣнятся сообразно потребностямъ времени. Вообще мы думаемъ, что менѣе всѣхъ подверженъ опасности ошибиться въ разсчетахъ тотъ, кто менѣе всѣхъ поддается надеждамъ, что чѣмъ скромнѣе воображать будущность, тѣмъ лучше. Возьмите самую скромную оцѣнку результатовъ начинающагося промышленнаго движенія въ Россіи для близкаго будущаго,—мы готовы для прочнѣйшей безопасности отъ преувеличенныхъ ожиданій сократить ее еще вдвое, втрое. Черезъ десять лѣтъ мы будемъ имѣть по крайней мѣрѣ четыре тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, черезъ тридцать лѣтъ, по самому скромному разсчету, тридцать тысячъ верстъ, мы спустимся на цифру вдвое меньшую,—положимъ, что мы будемъ имѣть черезъ тридцать лѣтъ только пятнадцать тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи. По самому скромному разсчету, сельская цѣна хлѣба въ замосковскихъ губерніяхъ, прорѣзываемыхъ желѣзными дорогами, возрастетъ вдвое,—мы согласны принять, для большей скромности разсчета, возвышеніе цѣны только на пятьдесятъ процентовъ. Самые скромные разсчеты предсказываютъ, что черезъ тридцать лѣтъ наша внѣшняя торговля утроится,—мы, вмѣсто двухсотъ процентовъ увеличенія, возьмемъ для большей осторожности только сто процентовъ, и будемъ полагать, что она только удвоится. Точно также будемъ умѣрять наши надежды и относительно всѣхъ другихъ измѣненій въ нашемъ экономическомъ бытѣ,—будемъ умѣрять ихъ ниже самыхъ осторожныхъ разсчетовъ. Все-таки величина измѣненій будетъ очень чувствительна. Удвоеніе капиталовъ, удвоеніе промышленной и торговой дѣятельности втеченіе очень немногихъ лѣтъ, прежде, чѣмъ наши дѣти смѣнятъ насъ,—это слишкомъ скромный разсчетъ, а удвоеніе капиталовъ, торговли и производства есть

уже необыкновенно важный переворотъ въ бытѣ, и многое въ нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ должно измѣниться вслѣдствіе его. Мы хотимъ всѣмъ этимъ сказать, что при самой величайшей наклонности вводить свои ожиданія и предположенія въ самую тѣсную мѣрку нѣтъ возможности не сознаться, что мы живемъ въ эпоху значительныхъ экономическихъ преобразованій.

Достовѣрно, что развитіе экономическаго движенія, замѣтнымъ образомъ начинающееся у насъ пробужденіемъ духа торговой и промышленной предпріимчивости, построеніемъ желѣзныхъ дорогъ, учрежденіемъ компаній пароходства и т. д., необходимо измѣнитъ нашъ экономическій бытъ, до сихъ поръ довольствовавшійся простыми формами и средствами старины. Волею или неволею, мы должны будемъ въ матеріальномъ бытѣ жить, какъ живутъ другіе цивилизованные народы. До сихъ поръ, семейство нашихъ поселянъ покупало только соль, колеса, вино, сапоги, кушаки, серьги и проч., и проч.,—все остальное производилось домашнимъ хозяйствомъ: и сукно, и ткань для женскаго платья и для бѣлья, и обувь, мебель, и самая изба съ печью. Скоро будетъ не то: домашнее сукно смѣнится на поселянинѣ покупнымъ фабричнымъ (мы не знаемъ, будетъ ли онъ покупать фабричное сукно лучшаго сорта, нежели покупаетъ теперь, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что его жена разучится ткать сукно),—льняныя и посконныя ткани домашняго издѣлія смѣнятся хлопчатобумажными (которыя, очень можетъ быть, будутъ не выше ихъ добротою, но все-таки вытѣснятъ ихъ своею дешевизною) и т. д., и т. д. Все это совершится еще на глазахъ нашего поколѣнія въ селахъ, какъ до сихъ поръ совершилось только въ большихъ городахъ. Мы говоримъ это только для примѣра, чтобы разъяснить мысль о томъ, что неизбѣжны перемѣны въ экономическомъ нашемъ бытѣ, не рѣшая того, каковы именно будутъ онѣ. Но каковы бы ни были эти преобразованія, да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ,—да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями,—на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы. Ихъ примѣръ да будетъ намъ урокомъ.

Истина медленно распространяется не только въ убѣжденіяхъ массы,—она медленно принимается и учеными. Рутина сильна. Араго долго отвергалъ и возможность и пользу желѣзныхъ дорогъ. Астрономы и математики отвергали законъ тяготѣнія, врачи—обращеніе крови въ жилахъ, долго послѣ того, какъ эти истины были провозглашены Ньютономъ и Гарвеемъ. Такъ до сихъ поръ большинство экономистовъ привыкло потворять слова, бывшія односторонними девизомъ прежнихъ стремленій: „свобода торговли“,—„свобода труда“,—„свободное установленіе цѣнъ“,—„свобода употребленія капиталовъ“ и т. д., и т. д. Въ большей части экономическихъ сочиненій все еще повторяется, какъ единственная истина, рутинный, односторонній лозунгъ. Принять его намъ было бы вдвойнѣ пагубно: онъ не только помѣшалъ бы вѣрному направленію нашего собственнаго производства,—онъ возбудилъ бы насъ къ разрушенію благотворнаго учрежденія, завѣщаннаго намъ

вѣками. А многіе изъ нашихъ экономистовъ, не принявъ этого въ соображеніе, или увлекшись тѣми временными и односторонними выгодами, какія принципъ безграничной поземельной собственности отдѣльнаго лица обѣщаетъ увеличенію производства, слишкомъ довѣрчиво повторяютъ мнѣнія объ этомъ предметѣ, находимыя въ большей части западно-европейскихъ экономическихъ сочиненій. Чтобы не оставить этого общаго сужденія безъ подтвержденій примѣрами и чтобы показать, какія выгоды обѣщаетъ оно, мы обратимъ вниманіе читателей на нѣкоторыя мѣста въ статьѣ г. Струкова „Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства“ („Экономич. Указ.“ №№ 5, 7, 9 и 10), говорить о достоинствѣ которой мы ужъ имѣли случай. Однимъ изъ препятствій успѣшному развитію сельскаго хозяйства авторъ считаетъ „общественное пользованіе землями“. Авторъ, по примѣру очень многихъ экономистовъ Западной Европы, находитъ общинное владѣніе землями столь безнадежно вреднымъ, что даже о слабыхъ остаткахъ его во Франціи считаетъ нужнымъ упомянуть непріязненно: „Общественное пользо-„ваніе землями, безъ раздѣла на семейные участки (говоритъ онъ), сохрани-„лось еще мѣстами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ европейскаго материка и „особенно восточной Европѣ. Во Франціи и въ Бельгіи, между прочимъ, „земли общественнаго пользованія были или естественно безплодныя или исто-„щенныя безпорядочнымъ пользованіемъ, и оставленныя подъ общественный „выгонъ и рѣдко подъ пастбища; лучшія земли по различнымъ случаямъ пере-„шли въ частную собственность. Во Франціи насчитываютъ до 1,000,000 гекта-„ровъ городскихъ и сельскихъ общественныхъ земель. Общины не знаютъ, „что съ ними дѣлать, ибо никто не хочетъ брать ихъ въ оброкъ, а между „тѣмъ общины не имѣютъ права отчуждать ихъ въ частную собственность и „должны платить за нихъ поземельную подать. Пользуются же ими только „бѣднѣйшіе жители безъ всякой платы, для пастбищъ“.

Дѣло выставлено въ очень невыгодномъ видѣ. Кажется, этимъ примѣромъ безвозвратно осуждается общинное владѣніе—общины тяготятся своими землями, не знаютъ, что съ ними сдѣлать; но вникнемъ въ подробности этого очерка, и увидимъ, что одна изъ нихъ подрываетъ справедливость другой, и ни одна не относится къ самому принципу общиннаго владѣнія, а развѣ только къ мѣстнымъ злоупотребленіямъ городской и сельской администраціи во Франціи. „Въ общинномъ владѣніи сохранились только земли безплодныя или истощенныя“,—„лучшія земли“, бывшія въ общинномъ владѣніи, „перешли въ частную собственность по разнымъ случаямъ“,—а между тѣмъ законъ воспрещаетъ „отчужденіе общинныхъ земель въ частную собственность“—какъ же могли лучшіе участки быть отчуждены? Ясное дѣло, въ противность закону, злоупотребленіемъ мѣстной администраціи. Можно ли ожидать, чтобы люди, которые нарушаютъ законъ до того, что продаютъ, или отдаютъ то, чего не имѣютъ права отдавать или продавать, хорошо управляли тѣмъ, чего не успѣли противозаконнымъ образомъ промотать? Ясно, что виноватъ во всемъ не принципъ общиннаго владѣнія, а дурная, злонамѣренная администрація, которая одинаково погубитъ и частное и общинное владѣніе. Идемъ далѣе, и находимъ новое доказательство тому: „земли эти истощены безпорядочнымъ пользованіемъ“

ясно ли, въ чемъ дѣло? Не въ общинности, а въ „безпорядкѣ“, который бываетъ и въ частныхъ помѣстьяхъ. Или ужъ въ общинѣ не можетъ быть порядка? „Общины не знаютъ, что дѣлать съ своими землями, ибо никто не хочетъ брать ихъ въ оброкъ“ — это невѣроятно; у насъ землею не такъ дорожатъ, какъ во Франціи, однако же, городскія земли находятъ себѣ нанимателей, а во Франціи не находятъ; это невозможно; вѣрно, тутъ скрываются страшныя злоупотребленія. Вѣрно, люди, которые завѣдуютъ отдачею общинныхъ земель въ наймы, составляютъ фальшивые протоколы о томъ, что нанимателей не явилось, и потому земли остались пусты, — а сами въ тихомолку пользуются ими, — не это ли и есть „безпорядочное пользованіе“, о которомъ говорилось выше? Но не всѣ общинныя земли предназначены къ отдачѣ въ наймы — иныя „оставлены подъ общественный выгонъ“ — что жъ, эти земли въ тягость общинамъ?—Да, общины „не знаютъ, что съ ними дѣлать“.—Какъ? развѣ никому не приносятъ онѣ пользы? —Нѣтъ, ими „пользуются бѣднѣйшіе жители безъ всякой платы, для пастбищъ“ — а, теперь понимаемъ: до бѣднѣйшихъ жителей никому нѣтъ дѣла во Франціи; притомъ же они пользуются выгономъ „безъ всякой платы“ — стало быть, отъ общинныхъ выгоновъ не поступаетъ въ городскую или сельскую кассу доходовъ, которыми распорядились бы по своему люди, завѣдующіе кассою — скажите, какая имъ выгода оттого, что теперь у „бѣднѣйшихъ жителей“ есть возможность содержать какую нибудь корову или козу? Какая польза Парижу отъ того, что тысячи старухъ кормятся, продавая молоко коровъ, которыхъ каждая изъ нихъ содержитъ по одной, благодаря общественному выгону?—Напротивъ, это положительный вредъ. Во-первыхъ, эти коровы дурной породы; у извѣстнаго сельскаго хозяина г. Пурсоньяка коровы даютъ молоко гораздо лучшаго качества; во-вторыхъ, эти старухи сами даромъ бременятъ землю—пора бы имъ и честь знать, пора бы костямъ на мѣсто, а то онѣ только безобразятъ парижскія улицы своими лохмотьями. — Выгоды и чести отъ нихъ городу нѣтъ ни на сантимъ, а иная, пожалуй, поступитъ еще на городской счетъ въ богадѣльню, когда у ней падетъ ея дряхлая корова,—ну, и содержитъ городъ старую вѣдьму—первое, тутъ прямой убытокъ; второе — увеличивается цифра нищихъ, что непріятно въ статистическихъ таблицахъ. То ли дѣло, еслибъ на мѣстѣ общественнаго выгона построилось пять великолѣпныхъ дачъ, именно дача г. Миреса, дача г. Фульда, дача доктора Верона, дача г-жи Арманъ (вы ее знаете, премилая женщина) и дача г. Мишеля Шевалье, бывшаго сенъ-симониста, а нынѣ, если не ошибаемся, сенатора. Они давно ужъ пріискиваютъ подгородныхъ участковъ для дачъ. Проклятый законъ, не позволяющій продать общественнаго выгона!

Факты относительно общиннаго владѣнія излагаются экономистами старой школы пристрастнымъ образомъ, и довѣрчиво принимать составляемыя ими картины значитъ впадать въ постоянныя ошибки. Мы винимъ въ ошибкахъ, нами указанныхъ, гораздо болѣе тѣхъ авторовъ, изъ которыхъ г. Струковъ почерпалъ свои свѣдѣнія о французскомъ общинномъ владѣніи, нежели г. Струкова,—конечно, ему не было случая провѣрить на мѣстѣ ихъ показанія; но все-таки онъ могъ бы замѣтить внутреннюю несообразность этихъ

показаній, если бы предостереженъ былъ относительно пристрастнаго взгляда старой экономической школы въ этомъ случаѣ. Онъ провѣрилъ бы ихъ другими источниками, и тогда, вѣроятно, пересталъ бы такъ рѣшительно утверждать, что общинныя земли не приносятъ пользы благосостоянію французскаго народа. Разберемъ же тотъ взглядъ на общинное владѣніе, который слишкомъ довѣрчиво принимается отъ экономистовъ старой школы многими изъ нашихъ ученыхъ, и въ томъ числѣ г. Струковымъ. Прежде всего посмотримъ, ясно ли понимаютъ они явленіе, противъ котораго возстаютъ,—какъ они опредѣляютъ его?

„Общинное пользованіе (говоритъ г. Струковъ, отчасти со словъ за„падныхъ экономистовъ старой школы, отчасти по фактамъ русскаго быта) „существуетъ преимущественно въ двухъ видахъ: одно, въ которомъ луга „и поля раздѣляются ежегодно или въ самые краткіе сроки, съ общаго со„гласія, по числу наличныхъ и въ томъ числѣ прибылыхъ хозяевъ, равно„мѣрно или соотвѣтственно повинностямъ и оброкамъ, при чемъ выгоны, „пастбища, лѣса и неудобныя земли остаются общими, нѣкоторыя же угодья „или выгоны обращаются въ мірскія оброчныя статьи; и другое, въ кото„ромъ, по взаимному согласію или распоряженію собственника, члены обще„ства раздѣляютъ полевыя земли между наличнымъ числомъ хозяевъ на се„мейные участки безсрочно или на продолжительный срокъ (по участку въ „каждомъ полѣ, безъ участія въ полевыхъ земляхъ прибылыхъ хозяевъ), „продолжая затѣмъ дѣлить луга ежегодно, пользоваться выгонами и другими „удобствами общественно или образовать изъ нѣкоторыхъ угодій и удобствъ „оброчныя статьи“.

„Въ обоихъ случаяхъ ни земли правительства, ни земли владѣльцевъ „не могутъ переходить въ собственность постороннюю по произволу членовъ „общества или самой общины. Даже когда община владѣетъ землею, какъ „собственностью, случаи отчужденія, если они не ограничены закономъ, бы„ваютъ весьма рѣдки, завися отъ общаго согласія, которое чаще дается на „пріобрѣтеніе новыхъ земель и иногда на обмѣнъ старыхъ, нежели на от„чужденіе“.

О чемъ тутъ идетъ дѣло?—въ началѣ, очевидно, о способахъ общиннаго пользованія землею; въ концѣ, очевидно, о принципѣ общиннаго владѣнія,—это два понятія совершенно различныя; если они смѣшиваются, доказательства противъ общиннаго владѣнія теряютъ всякую силу; положимъ, что способъ пользованія вещью дуренъ—слѣдуетъ ли изъ того, чтобы вещь была сама по себѣ дурна? Вовсе еще нѣтъ; докажите прежде, что не можетъ быть инаго, лучшаго способа пользованія ею. Положимъ, что доказательства, которыя представитъ г. Струковъ, будутъ рѣшительно доказывать вредъ обоихъ способовъ пользованія, имъ указанныхъ—изъ того слѣдуетъ только, что эти способы должны быть замѣнены другими, лучшими, но ни мало не слѣдуетъ, чтобы самъ принципъ былъ дуренъ. Иначе можно доказывать (и многіе уже доказывали) вредъ просвѣщенія, фабрикъ, машинъ, улучшенныхъ путей сообщенія, мира, благосостоянія,—словомъ, какого угодно благого принципа, потому что каждымъ принципомъ можно дурно пользоваться.

При такомъ смѣшеніи понятій, которое мы нашли въ самомъ опредѣленіи явленія, выставляемаго препятствіемъ къ развитію сельскаго хозяйства, едва ли можно ожидать такихъ возраженій противъ этого явленія, которыя выдержали бы критику. Просмотримъ однако ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они излагаются у г. Струкова.

„Общественная поземельная собственность или общественное поземельное пользованіе—говоритъ онъ—остатки кочеваго состоянія племенъ, когда нѣтъ побужденій для личной поземельной собственности; при развитіи сельскаго хозяйства и размноженіи населенія, являются въ этомъ порядкѣ дѣлъ неудобства, заставляющія желать его прекращенія. Но 1) при еще большемъ развитіи населенія и сельскаго хозяйства (когда прилагаются къ нему улучшенные способы производства, когда возникаютъ пароходы, паровозы и усиленная торговля) являются вновь необходимыя причины желать его возвращенія, какъ доказываетъ примѣръ Запада. Итакъ: первый періодъ развитія—удобнѣе общинное пользованіе; второй періодъ—оно имѣетъ свои неудобства; третій, совершеннѣйшій періодъ (въ который вступаетъ Западная Европа), общинное пользованіе вновь становится необходимостью. 2) Дѣйствительно ли даже во второмъ періодѣ благія слѣдствія общиннаго пользованія перевѣшиваются его невыгодами? Если и согласны, что при развитіи населенія и хозяйства являются не существовавшія прежде удобства на сторонѣ полновластной личной собственности, то исчезаютъ ли всѣ выгоды со стороны общиннаго пользованія? Ни мало. Оно обезпечиваетъ каждому члену общины право на участіе въ пользованіи; оно обезпечиваетъ существованіе каждаго отдѣльнаго члена общины, доставляя ему право на землю. Безъ него, большинство населенія лишается недвижимой собственности и замѣняющаго ее права пользованія недвижимою собственностью, а положеніе массы пролетаріевъ всегда бѣдственно,— потому надобно еще взвѣсить, который изъ двухъ порядковъ болѣе благопріятенъ благосостоянію всего общества—степень этого благосостоянія зависитъ не только отъ массы производимыхъ цѣнностей, но и отъ ихъ распредѣленія. Беремъ два участка, каждый въ 5,000 десятинъ земли (одна квадратная миля). На каждый участокъ приходится по 2,000 человѣкъ населенія. Одинъ раздѣленъ на тридцать фермъ съ улучшеннымъ хозяйствомъ втораго періода; каждая десятина даетъ въ общей сложности 20 рублей дохода; изъ нихъ 5 рублей идутъ на арендную плату землевладѣльцу, 6 рублей на уплату и содержаніе работникамъ, 9 рублей остаются въ пользу фермера. На другомъ участкѣ, по причинѣ общиннаго пользованія, сельское хозяйство сдѣлало менѣе успѣховъ, и десятина даетъ только по 12 рублей дохода, но этотъ доходъ весь остается въ пользу домохозяевъ, которые всѣ по общинному началу участвуютъ въ пользованіи землею. Сравнимъ же эти участки.

Общая цѣнность производства на первомъ участкѣ. . . . . 5,000×20=100,000 руб.

Общая цѣнность производства на второмъ участкѣ. . . . . 5,000×12= 60,000 „

По общей цѣнности производства, участокъ съ фермами гораздо выше участка съ общиннымъ пользованіемъ. Но отъ состоянія производства обра-

тимся къ состоянію людей, населяющихъ эти участки. Считаемъ по семьямъ, полагая въ каждой семьѣ пять человѣкъ.

Участокъ съ фермами:

1 семья (землевладѣлецъ) получаетъ 5×5,000 . . 25,000 р.
30 семей (фермеры) получаютъ по 9×5,000=45,000
или каждая семья по . . . . . 3,000 „
369 семей (наемные земледѣльцы) получаютъ 6×5,000=
=30,000 или каждая семья по . . . . . 81 „ 25 к.

Участокъ съ общимъ пользованіемъ:

4,000 семей получаютъ 12×5,000=60,000 или
семья по. . . . . 150 „ — „

Выводъ ясенъ: на второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое большимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣнностей почти вдвое больше на первомъ участкѣ.

Что кому милѣе, тотъ тому и отдаетъ предпочтеніе: Мишелю Шевалье усиленіе производства — альфа и омега экономической мудрости: онъ пожелаетъ участокъ съ общиннымъ пользованіемъ обратить въ участокъ съ фермами. Намъ кажется, что это было бы разорительно для огромнаго большинства населенія (для 369 семействъ, служа въ пользу только 31 семейству), потому общинное пользованіе мы считаемъ выгоднымъ для націи сохранить на второмъ участкѣ даже во время того періода, когда оно задерживаетъ успѣхи производства.

Мы сдѣлали старой школѣ экономистовъ уступку, предполагая, что общинное пользованіе дѣйствительно само по себѣ невыгодно для успѣховъ сельскаго хозяйства во второмъ періодѣ, который продолжался для Европы до конца наполеоновскихъ войнъ. Дѣлая эту уступку, мы положили въ своемъ примѣрномъ разсчетѣ, что общинное пользованіе само по себѣ значительно уменьшаетъ массу производства. Но дѣйствительно ли это такъ? Надобно внимательнѣе разсмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ такъ велики его невыгоды, какъ увѣряетъ старая школа экономистовъ, въ самомъ ли дѣлѣ эти невыгоды проистекаютъ изъ самого принципа общинности или даже хотя изъ тѣхъ способовъ общиннаго пользованія, которые употребительны у насъ, а не вообще отъ безпорядка и безпечности, — качествъ, равно встрѣчающихся и при пользованіи по принципу полновластной личной собственности. Просматривая статью г. Струкова, каждый не предубѣжденный читатель удивится тому, какимъ образомъ на общинное пользованіе складываетъ онъ всѣ злоупотребленія, происходящія равно въ тѣхъ участкахъ, пользованіе которыми подчинено принципу исключительной и полновластной личной собственности.

Такъ, напримѣръ, единственно общинному пользованію ставитъ онъ въ вину истребленіе лѣсовъ (какъ будто землевладѣльцы не рубятъ безъ всякой предусмотрительности лично имъ принадлежащихъ лѣсовъ для чугун-

ныхъ, свекло-сахарныхъ, винокуренныхъ и всякихъ другихъ заводовъ и фабрикъ, не продаютъ ихъ на срубъ, на сидку смолы и т. д., и т. д.) — ему исключительно въ вину ставитъ онъ деревянныя избы, неопрятность домашней жизни и т. д., и т. д.)—это невѣроятно, и потому приводимъ отрывокъ изъ его діатрибы. Оставалось свалить на общинное пользованіе землею и безграмотность, и суевѣріе, и пьянство, и грубость нравовъ, и всѣ прочіе недостатки, встрѣчаемые въ быту поселянъ. Въ случаѣ нужды, мы ручаемся, что по той же методѣ, какъ у г. Струкова, можно вывести всѣ эти пороки и недостатки не изъ чего иного, какъ именно изъ общиннаго пользованія землею; и даже приписать исключительно общинному пользованію землею мозоли на рукахъ, частыя бѣльма на глазахъ и загорѣлый цвѣтъ шеи нашихъ поселянъ.

Намъ кажется, что истребленіе лѣсовъ и курныя избы надобно приписать не тому или другому способу пользованія, а просто безпечности о будущемъ, непредусмотрительности, привычкѣ къ безпорядочной жизни вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, и что во всемъ этомъ общинное пользованіе столько же виновато, сколько и въ безграмотности нашихъ поселянъ.

И такъ, представляемъ здѣсь два эпизода:

Эпизодъ первый, съ замѣчаніями.

„Общественное пользованіе землями, при обиліи свѣжихъ мало-лѣсныхъ „и безлѣсныхъ земель, сопровождается, обыкновенно, безпорядочнымъ раздѣ„леніемъ земель на выгоны, сѣнокосы, пастбища и поля и распашкою луч„шихъ участковъ въ разбросъ“. (Но развѣ общинность виновата въ безпорядкѣ? — нѣтъ, самъ авторъ упомянулъ истинную причину: „обиліе земель“—при изобиліи кому охота стѣсняться предусмотрительною экономіею? Кто знаетъ разсказы о порядкѣ земледѣлія лѣтъ семьдесятъ тому назадъ въ нижнихъ поволжскихъ губерніяхъ, знаетъ, что помѣщикъ свои запашки и проч. производилъ въ такой же разбросанности, какъ и община его крестьянъ; когда много земли, кто же не станетъ выбирать для распашки только лучшихъ участковъ? Полновластный собственникъ поступалъ бы и дѣйствительно поступалъ въ этомъ случаѣ точно также, какъ община. Общинное начало столь же виновато въ этой широкой непредусмотрительности, какъ и въ томъ, что не засѣвалось тогда кормовыхъ травъ, когда въ изобиліи находились естественные луга). „Лѣса, если есть, продолжаютъ расти „безъ всякаго надзора и нерѣдко служатъ пастбищемъ для скота“. (Когда ихъ изобильно, ихъ не бережетъ ни общинникъ, ни полновластный собственникъ—примѣръ послѣдняго представляетъ исторія лѣсистыхъ странъ Западной Европы въ XVI — XVII столѣтіяхъ). „Въ мѣстахъ, обильныхъ лѣ„сами, новое заселеніе земледѣльцевъ начинается съ занятія полянъ и вы„рубки лѣса для усадебныхъ мѣстъ, потомъ для выгона, и наконецъ для „полей, которыя, при различныхъ удобствахъ легчайшей распашки лѣсныхъ „дачъ, являются въ разбросъ. Постепенно однако же, съ умноженіемъ на„родонаселенія, лѣсныя распашки увеличиваются, соединяясь въ общія поля „и быстро истребляя лѣсную растительность“. (Да развѣ не точно также

бываетъ и въ лѣсистыхъ областяхъ Америки при ихъ заселеніи по принципу личной полновластной собственности западно-европейскими колонистами и сѣверо-американцами? Лѣсъ въ изобиліи, мѣстъ для распашки мало, ну, и рубятъ или жгутъ лѣсъ, который кажется не богатствомъ, а помѣхою богатству). „Въ то же время скотъ, пасущійся въ лѣсахъ, съ своей сто„роны уничтожаетъ древесную порóсль и подготовляетъ окончательное ис„требленіе лѣса“. (Любопытно было бы узнать, существуютъ ли лѣсныя изгороди въ тѣхъ новозаселяемыхъ лѣсныхъ странахъ Америки, о которыхъ упомянуто выше? И тамъ скотъ „гуляетъ по лѣсу, уничтожая“ и проч., хотя тамъ нѣтъ общиннаго пользованія). „Работы, въ томъ и другомъ хо„зяйствѣ (то есть лѣсномъ и степномъ) производимыя, поглощаютъ много „тяжкаго труда; но, къ сожалѣнію, представители этого труда, возбуждаемые „только необходимостью обезпечить себя и семейство отъ враждебныхъ влія„ній и недостатковъ въ предметахъ первой необходимости“ (а чѣмъ же другимъ возбуждались бы они и безъ общиннаго принципа? или сѣверо-американскій колонистъ трудится для осуществленія теорій Жана Батиста Сэ, а не для обезпеченія себя и своего семейства?) „и не „просвѣтленные понятіемъ объ исключительной собственности, не дорожатъ „общественною землею“ (— да развѣ потому не дорожатъ, что „не просвѣтлены понятіемъ“ и т. д.? Вѣдь и сѣверо-американскій колонистъ не дорожитъ землею, и часто три четыре раза въ свою жизнь переселяется все на новыя мѣста, хотя и „просвѣтленъ“ и т. д. Не дорожатъ тѣмъ, что находятъ въ избыткѣ, — вотъ и все объясненіе дѣлу, а не общинность или исключительная собственность. Когда не остается избытка въ землѣ при увеличеніи населенія, община дорожитъ ею не меньше, нежели отдѣльный полновластный собственникъ, — напротивъ, даже гораздо больше, — вѣдь община почти никогда не продаетъ земли, какъ справедливо замѣтилъ самъ г. Струковъ при опредѣленіи понятія общинности, а отдѣльный собственникъ часто и очень таки часто продаетъ ее) „и пріучаются къ безпорядоч„ному пользованію“ (опять прежняя исторія; повторимъ и мы: пріучаются къ безпорядочному пользованію потому, что не дорожатъ землею по избытку ея, все равно, будутъ ли они общники или полновластные собственники), „не „заботясь ни о сохраненіи плодородія земли“ (а полновластный собственникъ развѣ удобряетъ истощенную землю, когда стоитъ ему перенести плугъ за версту, чтобы найти свѣжую землю?), „ни о порядкѣ въ домашнемъ своемъ „быту“ (ну вотъ, и въ безпорядкахъ по домашнему быту виновата общинность) „и въ исправленіи нравственныхъ обязанностей“. (О, да и въ безнравственности тоже! не она ли виновата и въ томъ, что сибирскіе инородцы ѣдятъ или курятъ или ядовитый мухоморъ, а хивинцы и трухменцы разбойничаютъ? Не мостъ баба посуды — виновато общинное пользованіе землями: дѣти у ней ходятъ грязныя — виновато общинное пользованіе землями; подралась она съ мужемъ — виновато, — ну, вы ужъ доскажете сами, читатель: разумѣется все тоже общинное пользованіе землями. Да въ томъ ли только оно виновато? — оно виновато и въ томъ, что у насъ по селамъ деревянныя избы, а не каменныя. Слушайте:) „Жилыя и хозяйственныя зда„нія возводятся изъ самыхъ „нецѣнныхъ матеріаловъ“ (да кто же станетъ

строить избу изъ дорогихъ матеріаловъ, когда есть для того дешевые или даровые подъ руками?), „находящихся подъ руками, и“...

и такъ далѣе. Но намъ кажется, что при всей многочисленности тяжкихъ обвиненій, взведенныхъ на общинную собственность г. Струковымъ, списокъ ихъ въ его статьѣ все еще не полонъ, и мы, какъ обѣщались, дополнимъ его по той же методѣ.

Эпизодъ второй, безъ замѣчаній.

Пріученные къ безпорядочной жизни общиннымъ пользованіемъ землею, поселяне не имѣютъ привычки мыть рукъ мыломъ и потому часто имѣютъ руки, покрытыя пылью и землей; принужденные общиннымъ пользованіемъ много трудиться, они пріобрѣтаютъ на рукахъ мозоли, и трудясь на солнцѣ вслѣдствіе общиннаго пользованія, безъ галстуха и притомъ въ наклоненномъ положеніи надъ плугомъ или сохою, чрезъ что задняя часть шеи прямо подвергается дѣйствію палящихъ лучей солнца, они имѣютъ шеи загорѣлыя, а имѣя, вслѣдствіе того же общиннаго пользованія, въ избахъ своихъ печи изъ нецѣнныхъ матеріаловъ, о чемъ смотри въ концѣ перваго эпизода, именно, печи, сбитыя изъ глины, не удобной для возведенія трубъ и потому безъ трубъ, а также сидя во время полевыхъ работъ у огня, разводимаго вслѣдствіе общиннаго пользованія землею для сваренія капицы или пустыхъ щей, они постоянно имѣютъ свои глаза подверженными ѣдкому и вредному дѣйствію дыма, отчего и подвергаются особенно часто болѣзнямъ глазъ, какъ-то куриной слѣпотѣ, бѣльмамъ и наконецъ совершенной слѣпотѣ. Во всемъ этомъ очевидно виновато общинное пользованіе землею.

Послѣ этихъ двухъ эпизодовъ, вы согласитесь, читатель, нельзя не сказать вмѣстѣ съ г. Струковымъ, что общинное пользованіе землею есть „зловредная язва“, которая достойна всякихъ проклятій.

И, основываясь на такой логикѣ, рѣшаютъ вопросъ, отъ котораго зависитъ судьба нашего племени на много поколѣній!

Неужели же нѣтъ въ статьѣ г. Струкова и такихъ возраженій противъ общиннаго пользованія землями, которыя бы хотя сколько нибудь шли къ дѣлу? Есть,—но ихъ очень немного, и мы выберемъ всѣ ихъ изъ массы разсужденій, подобныхъ приведеннымъ выше. Вотъ они:

1) Когда земли настолько истощены, что нуждаются въ удобреніи, то при частомъ передѣлѣ участковъ поселянину нѣтъ охоты удобрять съ особеннымъ стараніемъ участокъ, могущій достаться другому черезъ годъ, черезъ два.— Это относится только къ первому способу пользованія, съ ежегоднымъ передѣломъ, а самъ г. Струковъ указываетъ другой, съ продолжительными сроками. И такъ: гдѣ не нужно еще удобренія, можетъ быть, безъ особенныхъ неудобствъ, ежегодный передѣлъ земли; гдѣ нужно удобреніе, сроки должны быть продолжительны. У насъ еще не Англія, мы не можемъ, при какомъ угодно хозяйствѣ, затрачивать сотни рублей на удобреніе одной десятины. Потому и сроки пользованія не имѣютъ надобности быть столь продолжительными, какъ въ Англіи. Но передѣлъ земли долженъ измѣнять расположеніе участковъ только по мѣрѣ нужды—такъ и дѣ-

лается тамъ, гдѣ есть удобреніе. При перемежеваніи участка, вынуждаемомъ только крайнею необходимостью, община должна вознаграждать за потерю прежняго хозяина, если онъ получаетъ участокъ земли менѣе удобренный, нежели его прежній. Этимъ совершенно устраняется неудобство передѣла для заботливости поселянина объ увеличеніи плодородія своего участка.

2) При общинномъ пользованіи, не допускающемъ заботливости объ удобреніи, расширеніе производства возможно только посредствомъ увеличенія запашекъ. — Мы видѣли, что причина легко устраняется; потому и слѣдствіе, изъ нея выводимое, устраняется также легко. Улучшеніе земли, а слѣдовательно и увеличеніе производства безъ увеличенія запашекъ очень возможно при общинномъ пользованіи.

3) При общинномъ пользованіи, не допускающемъ удобренія, возможна только трехъ-польная система хозяйства, основанная на отдыхѣ земли подъ паромъ, безъ удобренія. Отвѣтъ тотъ же: удобреніе земли возможно, и потому вмѣсто трехъ-польнаго хозяйства возможно плодопеременное.

4) Привыкши подчиняться въ своихъ дѣлахъ общинѣ, поселянинъ отвыкаетъ отъ самостоятельности, теряетъ личность, теряетъ предпріимчивость и т. д., и т. д. — Ну, это ужъ вопросъ не сельско-хозяйственный, а нравственно-историческій. Исторія и нравственныя науки говорятъ не то: разъединенность обезсиливаетъ и деморализируетъ людей, союзъ укрѣпляетъ ихъ нравственныя и умственныя силы и ободряетъ ихъ волю. Русскій народъ, хотя и не знаетъ ни исторіи, ни психологіи, знаетъ эту истину изъ ежедневнаго опыта и выразилъ ее поговорками: „одинъ воинъ въ полѣ не рать“, „одинъ умъ хорошо, а два лучше“ и „на людяхъ и смерть красна“.

Неужели только эти возраженія и имѣются въ статьѣ г. Струкова противъ общиннаго пользованія? Только. И не только другихъ нѣтъ, но и не можетъ быть. Все, что было говорено объ этомъ у западныхъ экономистовъ старой школы и ихъ русскихъ послѣдователей, сводится къ двумъ мыслямъ:

Общинное пользованіе не допускаетъ удобренія и улучшенія земли (на этой гипотезѣ основаны два другія возраженія г. Струкова).

Община убиваетъ энергію въ человѣкѣ.

Кромѣ этихъ двухъ избитыхъ и давно опровергнутыхъ мыслей, вы ничего не найдете сказать противъ принципа общиннаго пользованія землею, хотя насыпаны по этому поводу цѣлыя горы возраженій экономистами старой школы, — всѣ эти горы заключаютъ въ себѣ, кромѣ названныхъ нами двухъ мыслей, только болѣе или менѣе блестящій, болѣе или менѣе вязкій песокъ праздныхъ словъ, не связанный никакою логикою, и не только легко отбрасываемый рукою, но разлетающійся отъ одного дуновенія.

Изъ двухъ мыслей, попавшихъ въ эти горы фразъ, одна:

„Общинное пользованіе не допускаетъ удобренія и улучшенія земли“ — касается только одного способа общиннаго пользованія съ ежегоднымъ передѣломъ земли, и ни мало не касается другаго способа - общиннаго пользованія съ продолжительными сроками.

Еще менѣе касается она самаго принципа общиннаго пользованія зе-

млею, допускающаго и третій способъ пользованія, кромѣ двухъ названныхъ, именно: общинное пользованіе землею безъ передѣла земли между членами общины.

Наконецъ, принципъ общинной собственности на землю не входитъ даже въ объемъ этой мысли, относящейся единственно къ понятію пользованія, а не къ существенно отличному отъ него понятію собственности.

Не говоримъ уже о томъ, что ей чуждо различіе между понятіями полновластной и ограниченной собственности.

Другая мысль:

„Община убиваетъ энергію въ человѣкѣ“—

относится не къ сферѣ экономическихъ, а къ сферѣ нравственно-историческихъ наукъ и рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ исторіи и психологіи, доказывающимъ, напротивъ, что въ союзѣ укрѣпляется умъ и воля человѣка.

Мы хвалили и хвалимъ статью г. Струкова, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя говорятъ объ отношеніяхъ общиннаго пользованія землею къ успѣхамъ сельскаго хозяйства. Потому именно и остановили мы на ней вниманіе, что она хороша. И если эта часть ея, которая говоритъ объ общинномъ пользованіи, не выдерживаетъ критики, вина въ томъ не за г. Струковымъ, а за теоріею, которой вздумалъ онъ держаться въ этомъ случаѣ,— за этой односторонней теоріей laissez faire, laissez passer, безусловно отдающей человѣка на жертву неразумнымъ принципамъ матеріальнаго производства и воспрещающей ему направлять ихъ дѣйствіе сообразно потребностямъ своей натуры и по законамъ своего разума. Въ частности, г. Струкова наши замѣчанія почти вовсе не касаются, они относятся только къ теоріи, изъ которой слишкомъ довѣрчиво взялъ онъ мнѣнія объ отношеніяхъ общиннаго пользованія къ успѣхамъ сельскаго хозяйства; если въ чемъ можно упрекнуть его, то развѣ въ этой излишней довѣрчивости къ мнѣніямъ, которыя провозглашены многими авторитетами политической экономіи. Эти мнѣнія общи всей старой школѣ экономистовъ, и мы хотимъ предполагать, что эта излишняя довѣрчивость была дѣломъ случайнымъ со стороны г. Струкова, и источникомъ ея было только то, что онъ не имѣлъ случая вникнуть въ основанія системы, которой держится старая школа.

Но есть у насъ много людей, которые сознательно держатся основаній этой системы и девизъ ея: laissez faire, laissez passer, считаютъ верховною, непреложною истиною экономической науки. Нашъ „Экономическій Указатель“ объявляетъ себя приверженцемъ этой школы. Не всѣ статьи журнала написаны въ ея исключительномъ духѣ,—о, далеко не всѣ, — но общее направленіе журнала таково. Обыкновенно, послѣдователи системы laissez faire, laissez passez, бываютъ противниками общиннаго начала. Мы желали бы знать, что думаетъ о немъ „Экономическій Указатель“, и потому просимъ его или признать справедливыми или опровергнуть научнымъ образомъ слѣдующія положенія, составляющія сущность вышеизложенныхъ замѣчаній.

1) Принципъ общиннаго пользованія землею самъ по себѣ не можетъ быть признанъ несовмѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства.

2) Напротивъ, по достиженіи государствомъ извѣстной степени экономическаго развитія, опредѣляемой сильнымъ развитіемъ торговли и устройствомъ улучшенныхъ путей сообщенія (пароходства и желѣзныхъ дорогъ), общинное пользованіе землею представляется единственнымъ средствомъ избавить огромное большинство земледѣльческаго населенія отъ бѣдствій, соединенныхъ съ батрачествомъ и нищетою, необходимымъ слѣдствіемъ батрачества.

3) Англія и Франція вступили уже въ этотъ періодъ.

4) Даже и въ предшествующее время, когда при слабомъ развитіи торговли и путей сообщенія, дѣйствія закона безграничной конкурренціи не были бы еще такъ ощутительны, мнимыя неудобства общиннаго пользованія землею для усиленія производства далеко превышаются выгодными слѣдствіями общиннаго пользованія для благосостоянія массы земледѣльческаго населенія.

5) Потому и въ настоящее время благо государства, тождественное съ благомъ большинства земледѣльческаго населенія, требуетъ сохраненія общиннаго пользованія землею.

6) Всѣ возраженія противъ общиннаго пользованія землею не касаются его принципа, а относятся только къ одному изъ способовъ этого пользованія (ежегодному передѣлу земель) и легко устраняются при другихъ способахъ, между прочимъ, при передѣлѣ на продолжительные сроки съ вознагражденіемъ, отъ общины, прежняго обработывателя за улучшеніе земли, если по передѣлу участокъ или клинъ участка переходитъ къ другому члену общины.

Послѣднее положеніе въ сущности является только развитіемъ перваго, и такимъ образомъ весь рядъ положеній представляется одною цѣльною системою, жизненное значеніе которой сосредоточивается въ пятомъ положеніи. Мы согласны признать всю систему опровергнутою, если будетъ научными доказательствами опровергнуто хотя одно изъ составляющихъ ее положеній.

Вопросъ такъ важенъ, что „Экономическій Указатель“, служащій теперь главнымъ органомъ распространенія у насъ политико-экономическихъ понятій, долженъ опредѣлительно высказать свое мнѣніе. Повторять, кстати и не кстати, выходки противъ общиннаго начала, давно опровергнутыя наукою, легко. Но такой методъ несправедливъ и не ведетъ ни къ чему полезному. Кто хочетъ сказать, что принципъ общиннаго пользованія землями долженъ быть брошенъ нами, какъ невыгодный для государственнаго благосостоянія, тотъ долженъ серьезными научными доводами доказать, что ни при какомъ способѣ общинный принципъ не можетъ быть полезнѣйшимъ для государственнаго благосостоянія. Кто не можетъ доказать этого, тотъ не имѣетъ научнаго права говорить противъ общиннаго принципа пользованія землею. И потому, молчаніе со стороны „Экономическаго Указателя“ мы должны будемъ принять или какъ выраженіе согласія съ высказаннымъ нами убѣжденіемъ относительно общиннаго пользованія землями, или какъ слѣдствіе безсилія опровергнуть научнымъ образомъ это убѣжденіе.

Читатель видитъ, что мы предлагаемъ людямъ, думающимъ не оди-

наково съ нами объ общинномъ принципѣ, или признаться въ своемъ безсиліи опровергнуть убѣжденіе, которое, намъ кажется, неоспоримо доказано наукою экономическаго быта, или начать пренія, какія постоянно ведутся въ Западной Европѣ. Читатель видитъ, что въ этомъ преніи мы уступаемъ всѣ выгоды тѣмъ, которымъ предлагаемъ преніе. Мы первые выставляемъ положенія, кажущіяся намъ справедливыми, и предлагаемъ опровергнуть ихъ, — такимъ образомъ, мы становимся въ положеніе оборонительное, которое вообще признается менѣе выгоднымъ, нежели наступательное. Мало того: мы такъ убѣждены въ непоколебимости научной истины, нами защищаемой, что согласны признать себя побѣжденными не только въ томъ случаѣ, когда будутъ опровергнуты всѣ основанія, на которыхъ опирается она, но даже если будетъ опровергнуто хотя одно изъ этихъ основаній. Всѣ возможныя выгоды преніа предоставляются нами противникамъ общиннаго пользованія землею, — и если при такихъ выгодахъ они откажутся принять предлагаемое преніе или не выдержатъ его, это будетъ очевиднымъ для всѣхъ свидѣтельствомъ безмѣрной слабости научныхъ возраженій противъ общиннаго начала, и равно очевиднымъ для всѣхъ свидѣтельствомъ научной непоколебимости его.

Но мы забыли о славянофилахъ, съ которыхъ начали рѣчь?—Напротивъ, теперь именно и дѣлается понятнымъ то, почему они заслуживаютъ симпатіи отъ людей, умѣющихъ ставить существенно важные вопросы жизни выше мелкихъ несогласій въ отвлеченныхъ теоріяхъ о Востокѣ и Западѣ. Мы старались представить во всей его важности одинъ изъ такихъ вопросовъ, стоящихъ выше мелочныхъ, или туманныхъ пунктовъ раздѣленія между славянофилами и неславянофилами. И если теперь мы скажемъ, что объ этомъ вопросѣ славянофилы, какъ намъ кажется, думаютъ основательнѣе, нежели большая часть людей, готовыхъ подсмѣиваться надъ промахами и пристрастіями славянофиловъ, то, конечно, читатели легко объяснятъ себѣ, почему мы, несмотря на частые промахи нѣкоторыхъ ея послѣдователей, — промахи, осуждаемые нами не менѣе, нежели кѣмъ нибудь другимъ,—несмотря на всѣ теоретическія заблужденія очень многихъ послѣдователей этой партіи,—заблужденія, несостоятельность которыхъ чувствительна для насъ не менѣе, нежели для кого нибудь другаго,—все-таки продолжаемъ считать эту дѣятельность полезною для нашего общества. Возвращаемся же къ вопросу, выставленному нами въ примѣръ превосходства, какое, по существеннымъ для жизни стремленіямъ, славянофилы имѣютъ надъ многими изъ тѣхъ людей, которыхъ имъ угодно сливать въ одну партію западниковъ, хотя между этими людьми нѣтъ ровно ничего общаго, кромѣ недовольства спеціально славянофильскими особенностями.

Важность распространенія здравыхъ понятій о вопросѣ, касательно необходимости для національнаго благосостоянія сохранить господствующее у насъ общинное пользованіе землею, чрезвычайно велика. Но примѣръ западнаго населенія, бѣдствующаго отъ утраты этого принципа, не имѣетъ надъ большинствомъ нашихъ экономистовъ такой силы, какъ лишенныя всякихъ дѣльныхъ основаній изрѣченія тѣхъ политико-экономическихъ авторитетовъ, которыхъ они привыкли держаться. Славянофилы въ этомъ случаѣ

не таковы. Они знаютъ смыслъ урока, представляемаго намъ участью англійскихъ и французскихъ земледѣльцевъ, и хотятъ, чтобы мы воспользовались этимъ урокомъ. Они считаютъ общинное пользованіе землями, существующее нынѣ, важнѣйшимъ залогомъ, необходимѣйшимъ условіемъ благоденствія земледѣльческаго класса. Въ этомъ случаѣ, они высоко стоятъ надъ многими изъ такъ называемыхъ западниковъ, которые почерпаютъ свои убѣжденія въ устарѣлыхъ системахъ, принадлежащихъ по духу своему минувшему періоду односторонняго увлеченія частными правами отдѣльной личности, и которые необдуманно готовы возставать противъ нашего драгоцѣннаго обычая, какъ несовмѣстнаго съ требованіями этихъ системъ, несостоятельность которыхъ уже обнаружена наукою и опытомъ западно европейскихъ народовъ. Всѣ теоретическія заблужденія, всѣ фантастическія увлеченія слафянофиловъ съ избыткомъ вознаграждаются уже однимъ убѣжденіемъ ихъ, что общинное устройство нашихъ селъ должно остаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ.

Мы представили одинъ примѣръ превосходства славянофиловъ надъ многими изъ такъ называемыхъ западниковъ. Число этихъ примѣровъ легко было бы умножить еще тремя, четырьмя очень важными. Но довольно и одного, по нашему мнѣнію, важнѣйшаго, который указали мы, чтобы съ уваженіемъ смотрѣть на нихъ, какъ на дѣятелей полезныхъ.

Читатели, зная нашъ образъ мыслей, не могутъ, конечно, предполагать въ насъ особеннаго расположенія къ тѣмъ примѣсямъ славянофильской системы, которыя находятся въ противорѣчіи и съ идеями, выработанными современною наукою, и съ характеромъ нашего племени. Но мы повторяемъ, что выше этихъ заблужденій есть въ славянофильствѣ элементы здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія. И если уже должно дѣлать выборъ, то лучше славянофильство, нежели та умственная дремота, то отрицаніе современныхъ убѣжденій, которое часто прикрывается эгидою вѣрности западной цивилизаціи, причемъ подъ западною цивилизаціею понимаются чаще всего системы, уже отвергнутыя западною наукою, и факты, наиболѣе прискорбные въ западной дѣйствительности,—не говоря ужъ о замѣненіи общинной поземельной собственности полновластною, личною.

Говоря о славянофилахъ, необходимо вспомнить, что въ Москвѣ явилась новая еженедѣльная газета „Молва“, которая, какъ съ перваго взгляда видно, дѣйствительно есть органъ славянофиловъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части ихъ. Мы прочли до сихъ поръ три нумера этой газеты и желаемъ, чтобы слѣдующіе были лучше, чего и хотимъ надѣяться. Больше сказать о „Молвѣ“ пока нечего; развѣ, какъ одно изъ необходимыхъ условій улучшенія, замѣтить ей, что защищать дѣла, безвозвратно проигранныя, безполезно, а если проигранное дѣло было притомъ еще дурно, то защищать его не только безполезно, но и вредно для собственной доброй славы. Дѣло г. В. Григорьева, написавшаго дурныя статьи о покойномъ Грановскомъ, было дурно; г. В. Григорьевъ былъ недавно наказанъ за то въ № 6-мъ „Русскаго Вѣстника“. Наказаніе это жестоко, но совершенно справедливо. Защитить г. Григорьева никакимъ образомъ нельзя. А „Молва“ пробуетъ защищать его. Это совершенно напрасное самопожертвованіе. Но

что же дѣлать славянофиламъ послѣ жестокаго урока, даннаго имъ за г. В. Григорьева? Остерегаться впредь помѣщенія статей, заслуживающихъ такіе жестокіе уроки. „Надобно быть осторожнѣе въ выборѣ друзей“— кромѣ этой мудрой сентенціи, славянофилы не могутъ ничего извлечь изъ дѣла о г. В. Григорьевѣ. Мы опасаемся, что защищеніе дѣла г. И. Крылова столь же напрасно.

КРИТИКА.

Губернскіе очерки. Изъ записокъ отставнаго надворнаго совѣтника *Щедрина*. Собралъ и издалъ *М. Е. Салтыковъ*. Два тома. *Москва. 1857.*

Давно уже не являлось въ русской литературѣ разсказовъ, которые возбуждали бы такой общій интересъ, какъ „Губернскіе очерки“ Щедрина, изданные г. Салтыковымъ. Главная причина громаднаго успѣха этихъ разсказовъ очевидна каждому. Въ нихъ очень много правды,— очень живой и очень важной.

Мы не будемъ говорить и о томъ, какъ много чести приноситъ русскому обществу то, что правда принята имъ съ такимъ одобреніемъ и участіемъ. Не будемъ говорить и о томъ, какъ отрадно каждому, любящему свое отечество, это общее чувство, служащее свидѣтельствомъ господства честной мысли въ нашемъ обществѣ. Это понимается каждымъ.

Не будемъ много говорить и о томъ замѣчательномъ обстоятельствѣ, что правда, высказываемая надворнымъ совѣтникомъ Щедринымъ, правда, часто очень горькая, не вызвала со стороны немногихъ, которымъ она должна быть непріятна, тѣхъ ожесточенныхъ нападеній, какими двадцать и пятнадцать лѣтъ тому назадъ встрѣчены были „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“. Значитъ, не даромъ прошелъ для насъ опытъ жизни; значитъ, или исчезли, или чувствуютъ себя нынѣ безсильными люди, которые осмѣливались говорить, что правда можетъ быть вредна. Это ослабленіе голосовъ, враждебныхъ правдѣ, не есть обстоятельство случайное, обнаружившееся только въ послѣдніе годы, не есть явленіе непрочное по своей случайности: годъ за годомъ можно слѣдить, какъ уменьшалась сила и самодѣятельность литературныхъ аристарховъ, находившихъ выгоднѣйшимъ для себя поддерживать незнаніе. Кромѣ друзей Пушкина, представителемъ которыхъ въ критикѣ былъ князь Вяземскій, и нѣсколькихъ молодыхъ людей, писавшихъ въ „Телескопѣ“, всѣ журналы негодовали на „Ревизора“. Черезъ пять лѣтъ пользовался уже безспорнымъ превосходствомъ въ мнѣніи публики тотъ журналъ, который съ восторгомъ встрѣтилъ „Мертвыя Души“. Но большинство нашей журналистики снова осудило Гоголя. Прошло еще пять лѣтъ, и не только большинство публики, но уже и большинство литераторовъ крѣпко стояло за г. Тургенева, когда онъ печаталъ „Бурмистра“, „Контору“, „Малиновую воду“, „Бирюка“ и проч. Но все еще очень многіе и очень

громкіе голоса возставали противъ разсказовъ г. Тургенева. Теперь, если кто хотѣлъ, то никто не рѣшился сказать что нибудь противъ духа правды, оживляющаго „Очерки“ г. Щедрина. Когда десять лѣтъ тому назадъ была напечатана „Деревня“ г. Григоровича, сколькимъ упрекамъ подвергся авторъ! Но уже очень немногіе рѣшились выразить свое недовольство его „Рыбаками“, которые явились черезъ семь лѣтъ послѣ того, а когда еще черезъ три года, въ прошедшемъ году, онъ написалъ „Переселенцевъ“, никто не отважился и сказать, что не слѣдуетъ писать о переселенцахъ или можно писать иначе. Этихъ примѣровъ довольно, чтобы засвидѣтельствовать постепенное усиліе той стороны въ нашемъ обществѣ и между нашими писателями, которая хочетъ правды, и постепенное изнеможеніе тѣхъ людей, которымъ противна правда. Кому интересно, тотъ можетъ, припоминая сужденія публики журналовъ о каждомъ замѣчательномъ явленіи нашей беллетристики, прослѣдить, какъ съ каждымъ новымъ годомъ возрастало убѣжденіе въ необходимости истины.

Мы только упоминаемъ объ этомъ замѣчательномъ фактѣ, но не останавливаемся на немъ, потому что въ настоящее время онъ очевиденъ для каждаго. Безполезно доказывать то, въ чемъ никто не сомнѣвается.

Но если для всѣхъ уже очевидно теперь, что необходимо для насъ знать о себѣ правду, если большинство, одобряющее писателей, выказывающихъ ее, такъ огромно, что бывшіе противники ея или сознаются въ томъ, что прежняя вражда ихъ была несправедлива, или лишились отважности защищать свое несправедливое дѣло, то далеко еще не всѣ согласны въ томъ, какой существенный смыслъ имѣютъ сочиненія, одобряемыя всѣми за правдивость. Всѣ согласны въ томъ, что факты, изображаемые Гоголемъ, г. Тургеневымъ, г. Григоровичемъ, Щедринымъ, изображаются ими вѣрно и для пользы нашего общества должны быть приводимы передъ судъ общественнаго мнѣнія. Но сущность беллетристической формы, чуждой силлогическаго построенія, чуждой выводовъ въ видѣ опредѣлительныхъ моральныхъ сентенцій, оставляетъ въ умѣ многихъ читателей сомнѣніе о томъ, съ какимъ чувствомъ надобно смотрѣть на лица, представляемыя нашему изученію произведеніями писателей, идущихъ по пути, проложенному Гоголемъ; сомнѣніе о томъ, должно ли ненавидѣть или жалѣть этихъ Порфиріевъ Петровичей, Ивановъ Петровичей, Фейеровъ, Пересѣчкиныхъ, Ижбурдиныхъ и т. д.; надобно ли считать ихъ людьми дурными по своей натурѣ, или полагать, что дурныя ихъ качества развились вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ, независимо отъ ихъ воли. Сколько можно заключать изъ журнальныхъ отзывовъ и изъ разговоровъ, которые каждый изъ насъ много разъ имѣлъ случай слышать въ обществѣ по поводу произведеній, подобныхъ „Губернскимъ очеркамъ“ Щедрина, надобно думать, что очень значительная часть, — быть можетъ, большинство публики, склоняется на сторону перваго мнѣнія. Подъячій, разсказывающій надворному совѣтнику Щедрину о „прошлыхъ временахъ“, восхищается тѣмъ, что въ эти „прошлыя времена“ все было шито и крыто, взяточники не опасались никакихъ преслѣдованій и наживались очень спокойнымъ образомъ; онъ восхищается безсовѣстными продѣлками Ивана Петровича и съ нѣкоторою гор-

достью вспоминаетъ, что самъ былъ не послѣднимъ сподвижникомъ этого удивительно изобрѣтательнаго взяточника. Продѣлки, отчасти одобряемыя, отчасти совершенныя подъячимъ-разсказчикомъ, каждому образованному и честному человѣку кажутся вредными для общества, гнусными, преступными; чувство негодованія, ими возбуждаемое, очень легко переходитъ въ чувство нравственнаго безпощаднаго осужденія человѣку, совершившему или одобряющему эти дѣла, и очень многіе изъ людей, восхищающихся „Губернскими очерками“, объявляютъ его человѣкомъ очень дурнымъ, совершенно безсовѣстнымъ. Иные, пожалуй, скажутъ, что этотъ подъячій даже находитъ положительное удовольствіе въ совершеніи мошенническихъ продѣлокъ и низкихъ преступленій; что онъ влечется къ нимъ не одною только выгодою, но и душевнымъ расположеніемъ. Онъ самъ подаетъ основаніе къ такому понятію о себѣ; онъ прямо говоритъ, что въ его времена люди, которыхъ онъ хвалитъ, главное удовольствіе свое находили не просто въ томъ, что много получаютъ денегъ, а въ томъ, что получаютъ ихъ хитрымъ мошенничествомъ. „Вотъ-съ какіе люди бывали въ наше время, говоритъ онъ: —это не то, что грубые взяточники или съ большой дороги грабители; нѣтъ, все народъ—аматеръ былъ. Намъ и денегъ, бывало, ненадобно, коли сами въ карманъ лѣзутъ; нѣтъ, ты подумай, да прожектъ составь, а потомъ и пользуйся, пожалуй“. Одного изъ своихъ сослуживцевъ, который не былъ аматеромъ мошенничества, а просто изъ любви къ деньгамъ бралъ взятки, подъячій этотъ просто осуждалъ, какъ профана, не понимающаго высшихъ наслажденій мошенничества. „Мы, чиновники, этого Фейера не любили, говоритъ онъ: —у него все это какъ-то ужъ больно просто выходило,—такъ, ломитъ нахрапомъ съ-плеча, да и все. Что жъ и за удовольствіе этакъ-то служить!“ Не правда ли, онъ самъ выставляетъ себя бѣсомъ, любящимъ зло не только изъ выгодъ, доставляемыхъ зломъ, но и для самого зла? Возьмемъ другой примѣръ: Палахвостовъ, Ижбурдинъ и Сокуровъ, коммерческіе люди, разсуждаютъ о своихъ дѣлахъ. Они прямо говорятъ, что коммерческій разсчетъ долженъ состоять въ мошенничествѣ. Они жалуются на медленность и расходы, соединенные съ доставкою хлѣба въ Петербургъ водянымъ путемъ; но на замѣчаніе, что желѣзныя дороги избавятъ нашу торговлю отъ этихъ тяжелыхъ затрудненій, они прямо отвѣчаютъ: „для насъ чугунки все равно, что раззореніе. Это (устроивать желѣзныя дороги) для насъ было бы все единственно, что въ петлю лѣзть. Это все враги нашего отечества выдумали, чтобъ насъ какъ ни-на есть, съ колеи сбить. Основательный торговецъ никогда въ экое дѣло не пойдетъ, даже и разговаривать-то объ немъ не будетъ, по той причинѣ, что это все одно, что противъ себя говорить“. Почему же такъ? Потому что при перевозкѣ товаровъ по желѣзной дорогѣ нѣтъ возможности ни обсчитывать рабочихъ въ разсчетѣ, ни нарушать контракты на поставку товаровъ, сваливая вину на Волгу, потопившую или задержавшую суда. Торговлѣ будетъ придано гораздо болѣе живости и обширности, она будетъ доставлять болѣе выгодъ,—нужды нѣтъ; все-таки желѣзныя дороги не нравятся Ижбурдину и его товарищамъ, потому что прекращаютъ возможность мошенничества. Не ясно ли, что эти люди не просто корыстолюбивые, а любящіе зло для са-

мого зла,—любящіе зло, хотя бы оно было даже вредно для нихъ самихъ? Почти такія же черты можно отъискать почти во всѣхъ другихъ людяхъ, изображаемыхъ Щедринымъ. Почти всѣ они могутъ представляться, и дѣйствительно представляются многимъ изъ читателей, изъѣденными нравственною порчею до глубины души, не сохранившими въ себѣ никакого человѣческаго чувства.

Такой взглядъ на людей, изображаемыхъ Гоголемъ и его послѣдователями, внушается негодованіемъ, источникъ котораго, конечно, благороденъ. Но тѣмъ не менѣе надобно сказать, что подобный взглядъ поверхностенъ, что если мы внимательнѣе всмотримся въ большинство людей, выводимыхъ Гоголемъ и его послѣдователями, то должны будемъ отказаться отъ слишкомъ строгаго приговора противъ этихъ людей. Мы не найдемъ возможности называть ихъ людьми добродѣтельными: въ самомъ дѣлѣ, они совершаютъ очень много дурныхъ поступковъ, имѣютъ много дурныхъ привычекъ, держатся многихъ дурныхъ правилъ, но все-таки нельзя сказать, чтобы большинство этихъ людей не имѣло въ себѣ также многихъ хорошихъ чувствъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, попробуемъ внимательнѣе посмотрѣть на людей, встрѣчающихся намъ въ разсказахъ Щедрина. Мы беремъ его „Губернскіе очерки“ для этого испытанія, потому что ни у кого изъ предшествовавшихъ Щедрину писателей, картины нашего быта не рисовались красками, болѣе мрачными. Никто (если употреблять громкія выраженія) не каралъ нашихъ общественныхъ пороковъ словомъ, болѣе горькимъ, не выставлялъ передъ нами нашихъ общественныхъ язвъ съ большею безпощадностію. У него нѣтъ ни одного веселаго или легкаго выраженія, не только цѣлаго очерка,—у него нѣтъ не только цѣлаго разсказа, похожаго на „Коляску“, или на „Тяжбу“, или на „Лакейскую“ Гоголя,— нѣтъ двухъ строкъ, которыя бы ни были пропитаны грустнымъ чувствомъ. Онъ писатель, по преимуществу грустный и негодующій. Если кто изъ нашихъ беллетристовъ, то, конечно, онъ приводитъ васъ къ самымъ тяжелымъ мыслямъ, къ самымъ безотраднымъ заключеніямъ. Посмотримъ же, однако, каковы будутъ выводы о большинствѣ людей, имъ изображаемыхъ, если мы пристальнѣе всмотримся въ жизнь этихъ людей.

Въ каждомъ обществѣ есть люди съ дурнымъ сердцемъ, съ душою рѣшительно низкою. И въ древнемъ Римѣ, отечествѣ героевъ, были трусы, и въ Германіи, классической странѣ честности, есть люди коварные, недоброжелательные. Есть они и во Франціи, и въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Есть такіе люди и въ нашемъ обществѣ. Попадаются они и въ числѣ лицъ, выводимыхъ Щедринымъ. Таковъ, напримѣръ, Порфирій Петровичъ, принадлежащій къ семейству Чичиковыхъ, но отличающійся отъ Павла Ивановича Чичикова тѣмъ, что не имѣетъ его мягкихъ и добропорядочныхъ формъ, и болѣе Павла Ивановича покрытъ грязью всякаго рода; такова, напримѣръ, мать пріятнаго семейства, Марья Ивановна Размановская; таковы два-три изъ числа преступниковъ, находимыхъ Щедринымъ въ городской тюрьмѣ; таковъ особенно безъименный господинъ, элегантный и просвѣщенный, монологъ котораго мы читаемъ въ очеркѣ, имѣющемъ заглавіе „Озорники“, — гнуснѣе этого человѣка читатель не находитъ во

всей книгѣ Щедрина. Этихъ людей защищать нельзя. Они дѣйствительно злы и ненавистны. Но въ толпѣ лицъ, выводимыхъ Щедринымъ, они составляютъ очень малочисленное меньшинство, какъ дѣйствительно составляютъ меньшинство довольно малочисленное и въ нашемъ обществѣ. Другіе люди не таковы: въ нихъ вы откроете подлѣ дурныхъ качествъ и нѣкоторыя черты, примиряющія васъ съ ихъ личностью. Дурные поступки и привычки ихъ извиняются обстоятельствами ихъ жизни и нравственною близорукостью, навѣянною на нихъ туманной средой, въ которой развились и живутъ они. Они часто не замѣчаютъ разницу между хорошимъ и дурнымъ, не умѣютъ понимать дурноты многаго дурнаго; но тѣхъ-то дѣлъ, дурноту которыхъ они понимаютъ, они стараются не дѣлать; они отвращаются отъ такихъ дѣлъ, гнушаются ими; если же, по слабости характера, или по ошибкѣ, или по тяжелому стеченію обстоятельствъ, случится имъ сдѣлать поступокъ, дурныя стороны котораго они понимаютъ, то они осуждаютъ себя за этотъ поступокъ и осуждаютъ искренно. Такихъ людей нельзя назвать дурными по сердцу. Кромѣ того, они даже не лишены нѣкоторыхъ возвышенныхъ и безкорыстныхъ стремленій. „Какъ? въ подъячемъ, разсказывающемъ о прошлыхъ временахъ, или въ Ижбурдинѣ съ товарищами, вы находите, вмѣстѣ съ дурными чертами, и нѣкоторыя качества, заслуживающія извиненія?“ замѣтитъ иной читатель, безусловно ихъ осудившій:—„вы находите, что эти люди могутъ дѣлаться людьми честными и, чего добраго,—вы пожалуй скажете, могутъ сдѣлаться даже людьми добродѣтельными: не слишкомъ ли много этимъ сказано?“ Это мы посмотримъ. Но прежде всего напомнимъ, что не оправдывать или извинять ихъ пороки мы хотимъ, а говоримъ только, что даже и въ этихъ порочныхъ людяхъ человѣческій образъ не совершенно погибъ, и, при другихъ обстоятельствахъ, могли бы и эти люди отстать отъ своихъ дурныхъ привычекъ.

Вотъ, напримѣръ, разберемъ поближе обстоятельства и жизнь подъячаго, разсказывающаго о прошлыхъ временахъ, и, быть можетъ, мы увидимъ, что онъ въ сущности не такой безсовѣстный и бездушный человѣкъ, какъ можетъ представляться на первый взглядъ. Если мы вздумаемъ судить по понятіямъ отвлеченнымъ отъ жизни, то, конечно, надобно будетъ сказать, что онъ могъ найти въ различныхъ честныхъ промыслахъ средство пріобрѣтать недостающія ему деньги. Онъ могъ заняться какимъ нибудь ремесломъ. Такъ; но всѣ эти занятія считаются неблагородными, и общество строго осудило бы засѣдателя. Можно ли порицать человѣка за то, что онъ, по своимъ понятіямъ, не выше того общества, въ которомъ выросъ и живетъ, или не имѣетъ такой энергіи характера, чтобы пойти наперекоръ общественнымъ предразсудкамъ?—Но одни ли предразсудки удерживали подъячаго отъ другихъ занятій? Нѣтъ, такія занятія были бы для него опасны: они повредили бы его службѣ. О немъ подумали бы, что онъ службою занимается только для формы, пренебрегаетъ ею для своего ремесла, и онъ скоро прослылъ бы неисправнымъ, нерадивымъ человѣкомъ. Это помѣшало бы его повышенію по службѣ, а можетъ быть повлекло бы за собою и потерю того мѣста, которое онъ уже занималъ. Какъ бы то ни было, этотъ человѣкъ прежде всего чиновникъ и больше всего долженъ дорожить своею служебною

карьерою. Можно ли осуждать его за то, что онъ не рѣшается заняться дѣломъ, которое было бы вредно его служебной карьерѣ? Кромѣ того дѣйствительно ли была ему возможность заняться какимъ нибудь ремесломъ? Нечего говорить о томъ, что ремесло требуетъ изученія, а онъ не наученъ ничему. Но возьмемъ другое условіе. Производителю нужны покупщики, а гдѣ бы онъ нашелъ ихъ? Существующему запросу на товары уже удовлетворяютъ цеховые ремесленники и торговцы. Онъ не нашелъ бы покупщиковъ для своихъ произведеній или долженъ былъ бы продавать въ убытокъ. И такъ засѣдателю Земскаго суда неприлично предъ обществомъ, вредно по службѣ, убыточно въ экономическомъ отношеніи и, наконецъ, невозможно по личной его неприготовленности, искать пособій для своего существованія въ какомъ нибудь торговомъ или промышленномъ занятіи. Но почему бы не заняться ему ходатайствомъ по частнымъ дѣламъ? Опять-таки практическая невозможность. Ходатайствовать по мелкимъ дѣламъ вовсе невыгодно, какъ видимъ по образу жизни отставныхъ уѣздныхъ чиновниковъ въ родѣ Ризположенскаго (въ комедіи г. Островскаго „Свои люди—сочтемся") и Перегоренскаго (въ „Губернскихъ Очеркахъ"). Единственное вознагражденіе, на которое они могутъ разсчитывать, —нѣсколько рюмокъ или стакановъ водки: домашній бытъ ходатая по дѣламъ не улучшится отъ такихъ вознагражденій. А ходатайство по важнымъ дѣламъ нашему разсказчику о прошлыхъ временахъ не поручатъ; для того выберутъ агента поважнѣе, нежели уѣздный чиновникъ или столоначальникъ губернскаго мѣста. Но самое важное обстоятельство здѣсь та привычка, которую мы очень хорошо знаемъ изъ Гоголя и его послѣдователей. Люди, заинтересованные въ какомъ нибудь дѣлѣ, находятъ, что гораздо удобнѣе для нихъ обращаться съ своими желаніями прямо къ тѣмъ людямъ, въ рукахъ которыхъ находится производство ихъ дѣлъ, и считаютъ вовсе невыгоднымъ для себя имѣть какихъ либо другихъ ходатаевъ по дѣламъ. При нашихъ провинціальныхъ нравахъ адвокаты совершенно излишни. Ихъ совѣты совершенно замѣняются усердіемъ чиновниковъ, производящихъ дѣло, которые всегда готовы помочь добрымъ совѣтомъ тяжущемуся: они объяснятъ ему, какъ начать дѣло, какое направленіе давать ему, на какіе законы опираться, какія средства употребить для направленія дѣла въ его пользу, — къ чему же тутъ еще ходатай по дѣламъ, изъ людей постороннихъ производству дѣла.

Такимъ образомъ, постороннихъ средствъ къ увеличенію своихъ доходовъ для нашего подъячаго не существовало. Онъ долженъ былъ извлекать всѣ свои доходы единственно изъ своихъ должностныхъ занятій. Онъ видѣлъ, какъ поступаютъ другіе, и видѣлъ для самого себя необходимость поступить такимъ же образомъ. Слѣдовать примѣру, дѣло очень натуральное, и никто не долженъ обременять какими либо упреками человѣка, поступающаго такъ, какъ поступаютъ всѣ. Хороша ли, дурна ли общая привычка, во всякомъ случаѣ она уничтожаютъ всякую заслугу или вину въ человѣкѣ, ея держащемся. Но довольно ли сказать, что общая привычка только *извиняетъ* отдѣльнаго человѣка, ей слѣдующаго? Обычай никогда не возникаетъ безъ причины; онъ всегда создается необходимою силою историческихъ обстоятельствъ. Если товарищи нашего разсказчика о прошлыхъ вре-

менахъ и ихъ предшественники съ незапамятныхъ временъ подчинялись той же самой дурной привычкѣ, какъ и онъ,—надобно думать, что были какія нибудь обстоятельства, недопускавшія ихъ измѣнить этой привычкѣ. Одно изъ этихъ обстоятельствъ указываетъ намъ самъ подъячій-разсказчикъ: „Жили мы какъ у Христа за пазушкой, говоритъ онъ. Съѣздишь, бывало, въ годъ разъ въ губернскій городъ, поклонишься чѣмъ Богъ послалъ благодѣтелямъ, и знать больше ничего не хочешь". Въ другомъ мѣстѣ, начиная разсказывать о городничемъ Фейерѣ, онъ замѣчаетъ: „Начальство наше все къ нему приверженность большую имѣло, потому какъ собственно онъ изъ воли не выходилъ и все исполнялъ до точности: иди, говоритъ, въ грязь—онъ и въ грязь идетъ, въ невозможности возможность найдетъ, изъ песку веревку совьетъ, да ею же кого слѣдуетъ и удавитъ". Иначе сказать: каждое общественное положеніе, давая человѣку извѣстныя права, вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ на него и извѣстныя обязанности. Кто не хочетъ или не можетъ исполнять обязанностей, возлагаемыхъ на него положеніемъ, въ которое онъ поставленъ, тотъ долженъ лишиться и занятаго имъ положенія. Въ этомъ нѣтъ ничего несправедливаго.

Возвратимся же къ нашему разсказчику о прошлыхъ временахъ. Мы заговорили о томъ, что онъ былъ бы не совсѣмъ правъ, если бы не подчинялся общепринятымъ привычкамъ. Мы надѣемся, что наши слова не будутъ поняты читателями въ ложномъ смыслѣ. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что многія привычки, бываютъ соединены съ нѣкоторыми невыгодами и нуждаются въ благоразумныхъ измѣненіяхъ. Мы хотимъ только сказать, что не всякому прилично дѣйствовать въ противность общепринятымъ обычаямъ. Возьмемъ примѣръ незначительный — наши моды. Фракъ—костюмъ неудобный и неприличный. Надобно было бы желать, чтобы онъ былъ замѣненъ сюртукомъ, пальто или какимъ нибудь другимъ подобнымъ костюмомъ. Если бы знаменитые люди въ исторіи модъ, д'Орсе или Бруммель, вздумали рѣшительно возстать противъ фрака и начали бы являться на балы въ сюртукахъ, очень вѣроятно, что ихъ дѣло осталось бы не безъ вліянія на моду. Но каковы будутъ результаты, если это захочетъ сдѣлать какой нибудь г. Ивановъ, Петровъ или Шапошниковъ, и безъ того допускаемый въ такъ называемое лучшее общество почти только изъ милости? Пусть онъ попробуетъ явиться на балъ въ сюртукѣ или пальто,—его всѣ назовутъ невѣжею; знакомые его деликатно намекнутъ ему, чтобы онъ удалился изъ общества, куда явился въ неприличномъ костюмѣ и, если онъ не послушается этихъ дружескихъ замѣчаній, сдѣланныхъ ему шопотомъ, то они будутъ повторены уже вовсе не дружескимъ тономъ другими людьми. Произойдетъ сцена, непріятная для хозяина дома, непріятная для всего собравшагося общества, а болѣе всѣхъ непріятная для самого г. Иванова, Петрова или Шапошникова. Какъ бы ни были разумны и блестящи оправданія съ его стороны, какъ бы ни были хороши его намѣренія, онъ все-таки принужденъ будетъ удалиться изъ общества, правы котораго оскорбилъ, спокойствіе котораго возмутилъ. Не легко будетъ потомъ ему возвратить къ себѣ снисходительное вниманіе, которымъ его до сихъ поръ удостоивали, не легко будетъ снова получить доступъ въ лучшее общество, хотя бы онъ

искренно раскаялся въ своемъ неблагоразумномъ поступкѣ. Если же онъ будетъ упорствовать въ своей рѣшимости — являться въ сюртукѣ тамъ, гдѣ всѣ во фракахъ, то, конечно, онъ будетъ навсегда изгнанъ изъ такихъ собраній, и общественное мнѣніе, по всей справедливости, объявитъ его человѣкомъ, котораго нельзя принимать ни въ какое порядочное общество. Вѣроятно, нѣтъ надобности прибавлять, что примѣръ, поданный такъ неудачно и неприлично г. Ивановымъ или Петровымъ, не найдетъ ни одного подражателя; что пока памятенъ будетъ этотъ примѣръ, каждый изъ людей, подобныхъ этому Петрову и Иванову по своему положенію въ обществѣ, будетъ ужасаться при одной мысли возстать противъ фрака.

Мы взяли такое дѣло, исполненію котораго нѣтъ рѣшительно никакихъ препятствій, кромѣ привычки. Но только въ такихъ ничтожныхъ, чисто формальныхъ вещахъ, какъ вопросъ о фракѣ и сюртукѣ, привычка не имѣетъ важныхъ фактическихъ основаній. Какъ скоро житейскій вопросъ имѣетъ хотя малѣйшій хорошій или дурной смыслъ, общее привычное рѣшеніе его бываетъ непремѣнно основано на какихъ нибудь важныхъ житейскихъ фактахъ. Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы дѣло о нашей старинной привычкѣ пускаться въ дорогу, набравъ съ собою многое множество всякой провизіи. Тарантасъ заваленъ булками, хлѣбами, жаренымп гусями и тому подобнымъ. Неудобства возникаютъ чувствительныя: сѣсть не ловко, поворотиться нельзя стѣсненному путнику; вздумалъ онъ опереться,—подъ локтемъ трещатъ банки съ вареньемъ или солеными огурцами; вздумалъ протянуть ногу — грязный сапогъ втиснулся въ пидюшку или въ сдобный пирогъ. Черезъ день, зимою—всѣ припасы замерзли и потеряли вкусъ, лѣтомъ — начали портиться и непріятно отзываются на нервы обонянія. Все это справедливо,—но чтожъ дѣлать? Какъ было не брать съ собою всѣхъ этихъ припасовъ, когда по дорогамъ не было возможности достать кусокъ бѣлаго хлѣба, не вездѣ можно было найти хотя бы десятокъ яицъ или крынку молока?

Вы видите, что недостаточно было объяснять нашему путнику неудобства, которымъ его подвергаетъ старая привычка. Быть можетъ, онъ самъ не хуже насъ, и безъ васъ, понималъ всѣ эти неудобства; быть можетъ, онъ даже посмѣялся бы надъ вашею охотою доказывать и раскрывать неудобства, и безъ того всѣмъ извѣстныя и очевидныя. Тутъ надобно было сдѣлать нѣчто другое. Это нѣчто другое уже и сдѣлано на многихъ дорогахъ: устроены порядочныя гостиницы; и, какъ видите, на этихъ дорогахъ безъ всякихъ толковъ со стороны поэтовъ, романистовъ, философовъ и филантроповъ, или быстро исчезаетъ, или уже совершенно исчезла привычка забирать съ собою изъ дому грузъ съѣстныхъ припасовъ. Можно прибавить еще одно замѣчаніе. Гостиницы не вездѣ возникли по щучьему велѣнью, по Иванову прошенью: во многихъ мѣстахъ онѣ заведены мудрою предусмотрительностію администраціи, и благое содѣйствіе, ею оказанное, было основаніемъ всѣхъ улучшеній въ способахъ и привычкахъ нашихъ разъѣздовъ по родинѣ.

Мы не имѣемъ особенной наклонности защищать предразсудки, но нельзя не сказать, что такъ называемые люди безъ предразсудковъ не

всегда съ достаточной внимательностью разсматриваютъ основанія, изъ которыхъ возникъ обычай, кажущійся предразсудкомъ. Вотъ хотя бы и въ настоящемъ случаѣ. Надобно ожидать, что многіе, имѣвшіе терпѣніе дочитать нашу статью до настоящей страницы, скажутъ: „Подъячаго все-таки нельзя оправдать. Если ему нельзя было соединить своей карьеры съ исполненіемъ непреклонныхъ нравственныхъ убѣжденій, то зачѣмъ онъ избралъ эту карьеру? Есть на свѣтѣ много другихъ честныхъ занятій, не оставляющихъ честнаго человѣка безъ средствъ къ довольству въ жизни. Онъ увлекся предразсудкомъ, заставляющимъ предпочитать службу всякому другому роду занятій“. Предразсудокъ этотъ существуетъ не у насъ однихъ. Онъ очень силенъ также во Франціи и въ Германіи. И въ тѣхъ странахъ постоянно слышатся очень раціональныя и многословныя доказательства противъ него. Помнится, когда-то Тьеръ въ очень длинной и блестящей рѣчи доказывалъ, что напрасно молодые люди во Франціи непремѣнно хотятъ быть чиновниками: „будьте купцами, будьте ремесленниками, будьте земледѣльцами, —говорилъ онъ своимъ юнымъ соотечественникамъ.— Повѣрьте, что этотъ родъ занятій будетъ и выгоднѣе для васъ, и полезнѣе для вашей родины“. Затѣмъ онъ обращался къ отцамъ и матерямъ и заклиналъ ихъ всѣмъ священнымъ на землѣ и на небѣ: любовью къ отечеству, любовью къ дѣтямъ, не допускать къ себѣ и мысли о томъ, чтобы воспитывать дѣтей для чиновничества, и ни подъ какимъ видомъ не дозволять этимъ неопытнымъ птенцамъ совращаться съ полезнаго и почтеннаго поприща земледѣльческаго, промышленнаго и т. п. Не оказали ни малѣйшаго дѣйствія эти благонамѣренныя увѣщанія. Вѣроятно потому, что факты не уступаютъ никакимъ увѣщаніямъ, а подчиняются только силѣ другихъ фактовъ. Поэтому надобно думать, что во Франціи и Германіи предпочтеніе чиновнической карьеры всякому другому роду занятій не есть только предразсудокъ, а основывается на какихъ нибудь фактахъ. И не трудно отыскать эти факты. Во Франціи, напримѣръ, еще не очень давно, только личность тѣхъ людей, которые занимались государственной службой, была ограждена отъ оскорбленій и униженій всякаго рода. Какой нибудь интендантъ могъ ни за что, ни про что посадить въ тюрьму самаго почтеннаго и богатаго негоціанта и постоянно третировалъ его почти также, какъ своего лакея. На интенданта нельзя и сердиться за то. У него и его подчиненныхъ была въ рукахъ рѣшительно вся власть, и очень натурально было ему, человѣку, облеченному властію, смотрѣть на людей, не имѣвшихъ никакой власти, какъ на людей другой, низшей породы. А какъ скоро образовалось такое понятіе о различіи породъ, ходъ дѣла извѣстенъ. Съ людьми низшей породы, конечно, не будутъ обращаться такъ, какъ съ подобными себѣ. Примѣръ тому мы видимъ въ отношеніяхъ между различными расами въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: бѣлый съ бѣлымъ тамъ чрезвычайно деликатенъ, но съ чернымъ обращается онъ совершенно иначе. — Нѣкогда было предпочтеніе службы всѣмъ другимъ занятіямъ и въ Англіи. Тамъ оно основывалось на другой причинѣ, извѣстной нашимъ читателямъ изъ разсказовъ Маколея. Съ служебными должностями были соединены огромные доходы. Въ концѣ XVII вѣка не было въ Англіи ни одного негоціанта, ни даже землевладѣльца,

который доходами своими равнялся бы лорду намѣстнику Ирландіи или лорду президенту. Мало было землевладѣльцевъ или негоціантовъ, которые получали бы по пяти тысячъ фунтовъ; но въ государственной службѣ было много такихъ мѣстъ, которыя доставляли по 5,000 фунтовъ дохода. Въ Англіи факты, на которыхъ основывалось предпочтеніе службы всякому другому занятію, давно исчезли. Вслѣдъ за ними исчезло и пренебреженіе всякою другою карьерою для служебной. Во Франціи, тѣ отношенія, о которыхъ упомянули мы, не совсѣмъ еще исчезли. Потому еще продолжаетъ существовать во французскомъ обществѣ и предпочтеніе службы всѣмъ другимъ занятіямъ. Вообще надобно сказать, что общественныя предупрежденія и пристрастія быстро исчезаютъ изъ нравовъ народа, какъ скоро уничтожаются факты, которыми они поддерживались. Если же какой нибудь обычай, повидимому, неразумный и невыгодный, упорно держится въ народныхъ нравахъ, то не спѣшите называть его просто слѣдствіемъ предупрежденій. Надобно прежде поискать, не опирается ли онъ на какихъ нибудь фактахъ? Осуждать національные обычаи очень легко, но за то и совершенно безполезно. Упреками дѣлу не поможешь. Надобно отыскать причины, на которыхъ основывается непріятное намъ явленіе общественнаго быта, и противъ нихъ обратить свою ревность. Основное правило медицины: „отстраните причину, тогда пройдетъ и болѣзнь“, — sublata causa, tollitur morbus.

Мы не расположены осуждать подъячаго прошлыхъ временъ за его пристрастіе къ службѣ, уже и потому, что если бы онъ оставилъ службу, его мѣсто было бы занято другимъ, который находился бы точно въ такомъ же положеніи. Слѣдовательно, тутъ измѣненіе могло бы быть только въ фамиліи лица, а не въ сущности дѣла.

Мы опять далеко уклонились отъ нашего подъячаго прошлыхъ временъ, вовсе не подозрѣвавшаго, что кто нибудь можетъ сказать ему: зачѣмъ ты предпочелъ службу какому нибудь ремеслу? Навѣрное, онъ нашелъ бы такой вопросъ нелѣпымъ, и весь тотъ городокъ, въ которомъ онъ служилъ, также въ одинъ голосъ объявилъ бы этотъ нелѣпый вопросъ дѣйствительно нелѣпымъ. Такъ или иначе, нашъ подъячій служилъ и не могъ не сообразоваться на службѣ съ общепринятыми правилами. Посмотримъ же теперь, какова была его служба и справедливо ли было бы сказать, что онъ дѣйствовалъ на службѣ противъ своей совѣсти или оскорбилъ чѣмъ нибудь общее мнѣніе, которымъ воспитался и руководился. Онъ человѣкъ не безъ грѣховъ; но чтожъ въ томъ особеннаго? Всѣ мы смертны и грѣшны. Героевъ добродѣтели во всѣ времена и у всѣхъ народовъ очень мало. Онъ бралъ взятки, это правда. Но его товарищи дѣлали тоже самое, и даже тѣ люди, съ которыхъ онъ бралъ взятки, были убѣждены, что безъ благодарности ни одно дѣло ни кѣмъ не дѣлается. Всѣ они осуждали только такихъ взяточниковъ, которые, взявъ деньги, не исполняютъ дѣло, за которое получена взятка, или прибѣгаютъ къ особенному обману, или къ особеннымъ жестокостямъ. Онъ ничего такого не дѣлалъ: разсмотримъ его похожденія. Онъ пріѣхалъ въ Шарковскую область для собранія подати. Поселяне знаютъ, что подать нужно заплатить, но они просятъ его подождать до того времени, пока они продадутъ новый хлѣбъ. Согласиться или

несогласиться на эту просьбу —въ его власти: онъ имѣетъ право требовать подати теперь же. За каждую добровольную уступку человѣкъ можетъ ожидать вознагражденія отъ тѣхъ, въ пользу кого дѣлается уступка. Такъ думаютъ поселяне, такъ думаетъ и онъ. Потому обѣимъ сторонамъ кажется очень естественнымъ требованіе нашего подъячаго прежнихъ временъ, чтобы ему за его снисходительность дали приличное вознагражденіе. Конечно, какъ и при всякой сдѣлкѣ, тутъ происходятъ споры о цифрѣ. Конечно, сторона, дающая вознагражденіе, не совсѣмъ охотно разстается съ деньгами; но и тутъ нѣтъ ничего особеннаго: сама по себѣ уплата ни для кого ни въ какомъ случаѣ не есть что либо пріятное.

Противъ такого понятія читатель замѣтитъ, что точка зрѣнія, съ которой смотрятъ на изложенное нами дѣло подъячій и поселяне, совершенно фальшива. Конечно, эти люди ошибаются въ своихъ понятіяхъ, но дѣло не въ томъ. При обсужденіи вопроса: честно или безчестно поступаетъ человѣкъ, должно смотрѣть не на то, справедливы ли его убѣжденія, а на то, дѣйствительно ли онъ поступаетъ сообразно своимъ убѣжденіямъ.

Перечитавъ разсказы подъячаго прошлыхъ временъ, мы видимъ, что онъ во всѣхъ дѣлахъ поступалъ согласно своему убѣжденію о сущности своего званія, своихъ правъ и своихъ обязанностей, и что это убѣжденіе раздѣлялось тѣми людьми, съ которыми онъ заключалъ свои сдѣлки. Потому образъ его дѣйствій вообще не заслуживалъ особеннаго порицанія.

Какъ человѣкъ, не отличавшійся ни геніальнымъ умомъ, ни желѣзнымъ характеромъ, онъ иногда подчинялся вліянію людей, натура которыхъ была сильнѣе его натуры,—и въ томъ нѣтъ ничего, особенно безчестнаго. Когда эти сильнѣйшія натуры бывали дурны, нашъ подъячій вовлекался въ такіе поступки, которыхъ не сдѣлалъ бы самъ по себѣ. Однакожъ и тутъ мы не видимъ, чтобы онъ слишкомъ далеко уклонялся отъ правилъ, внушаемыхъ ему его убѣжденіями. Разберемъ самое дурное изъ этихъ дѣлъ. Чтобы читатель не могъ предполагать укрывательства какихъ нибудь обстоятельствъ изъ пристрастія къ нашему подъячему, мы вполнѣ выпишемъ весь этотъ эпизодъ.

„Жилъ у насъ въ уѣздѣ купчина мильонщикъ, фабрику имѣлъ кумачную, большія дѣла велъ. Ну, хоть что хочешь, нѣтъ намъ отъ него прибыли, да и только! такъ держитъ ухо востро, что-на-поди. Развѣ только иногда чайкомъ поподчуетъ, да бутылочку холодненькаго разопьетъ съ нами —вотъ и вся корысть. Думали мы, думали, какъ бы намъ этого подлеца-купчишку на дѣло натравить — не идетъ, да и все тутъ, даже зло взяло. А купецъ видитъ это, смѣяться не смѣется, а такъ, равнодушествуетъ, будто не замѣчаетъ.

„Чтоже бы вы думали? Ѣдемъ мы однажды съ Иваномъ Петровичемъ на слѣдствіе: мертвое тѣло нашли неподалеку отъ фабрики. Ѣдемъ мы это мимо фабрики и разговариваемъ межъ себя, что вотъ, подлецъ, дескать, ни на какую штуку не лѣзетъ. Смотрю я, однако, мой Иванъ Петровичъ задумался, и какъ я въ него вѣру большую имѣлъ, такъ и думаю: выдумываетъ онъ что нибудь, право, выдумываетъ. Ну, и выдумалъ. На другой день, сидимъ мы это утромъ и опохмѣляемся.

„— А что, говоритъ:—дашь половину, коли купецъ тебѣ тысячи двѣ отвалитъ?

„— Да что ты, Иванъ Петровичъ, въ умѣ ли? двѣ тысячи!

„— А вотъ увидишь; садись и пиши:

„Свиногорскому 1-й гильдіи купцу, Платону Степанову Троекурову. Вѣдѣніе.

По указаніямъ такихъ-то и такихъ-то поселянъ (валяй больше) вышепоименованное мертвое тѣло, по подозрѣнію въ насильственномъ убитіи съ таковыми же признаками безчеловѣчныхъ побоевъ, и притомъ рукою нѣкоего злодѣя, въ предшедшую предъ симъ ночь, скрылось въ фабричномъ вашемъ прудѣ. А посему благоволите въ оный для обыска допустить".

„— Да помилуй, Иванъ Петровичъ, вѣдь тѣло-то въ шалашѣ на дорогѣ лежитъ!

„— Ужъ дѣлай что говорятъ.

„Да только засвисталъ свою любимую: „*При дороженькѣ стояла*", а какъ былъ чувствителенъ, и не могъ эту пѣсню безъ слезъ слышать, то и прослезился немного. Послѣ я узналъ, что онъ и впрямь велѣлъ сотскимъ тѣло-то на время въ оврагъ куда-то спрятать.

„Прочиталъ борода наше вѣдѣніе, да такъ и обомлѣлъ. А между тѣмъ и мы слѣдомъ на дворъ. Встрѣчаетъ насъ, блѣдный весь.

„— Не угодно ли, молъ, чаю откушать?

„— Какой, братъ, тутъ чай!—говоритъ Иванъ Петровичъ:—тутъ нечего чаю, а ты прудъ спущать вели.

„— Помилуйте, отцы родные, за что разорять хотите?

„— Какъ разорять! видишь, слѣдствіе пріѣхали дѣлать,—указъ есть.

„Слово за словомъ, купецъ видитъ, что шутки тутъ плохія, хоть и впрямь прудъ спущай; заплатилъ три тысячи,—ну, и дѣло покончили. Послѣ мы по пруду-то маленько поѣздили, крючьями въ водѣ потыкали, и тѣла, разумѣется, никакого не нашли. Только я вамъ скажу, на угощеньи, когда ужъ были мы всѣ выпивши, и разскажи Иванъ Петровичъ купцу, какъ все дѣло было; вѣрите ли, такъ обозлилась борода, что даже закоченѣлъ весь!

Дѣло очень дурное, скажетъ читатель, и мы скажемъ вмѣстѣ съ нимъ, только прибавимъ: очень дурное по нашимъ понятіямъ, но не по мнѣнію людей, въ немъ участвовавшихъ: съ ихъ точки зрѣнія также было въ этомъ дѣлѣ обстоятельство, не совсѣмъ похвальное; но каково это обстоятельство, мы узнаемъ отъ нихъ самихъ. Чиновникамъ не было прибыли отъ богатаго фабриканта. Чиновники считали фабриканта дурнымъ человѣкомъ за то, что онъ не исполняетъ своихъ обязанностей, относительно къ нимъ (нашъ подъячій прямо называетъ его подлецомъ); самъ фабрикантъ смотрѣлъ на себя, не какъ на человѣка, отклоняющаго несправедливыя притязанія, а какъ на человѣка, который, по своему уму и своей ловкости, умѣетъ отклоняться отъ исполненія невыгодныхъ для него обязанностей. Чиновники обижены, купецъ гордится своимъ торжествомъ надъ ними. („Думали мы, думали, какъ бы намъ этого подлеца-купчишку на дѣло натравить—не идетъ, да и все тутъ, даже зло взяло. А купецъ видитъ это, смѣяться не смѣется, а такъ, равнодушествуетъ, будто не замѣчаетъ"). Наконецъ чиновники перехитрили купца и получили отъ него прибыль. Купецъ озлобился; но за что? За то ли, что съ него взяли деньги? Нѣтъ. Хотя ему непріятно было платить, но онъ полагалъ, что обязанъ заплатить. Отдавши деньги, онъ начинаетъ пировать вмѣстѣ съ чиновниками и вмѣстѣ съ ними напивается пьянъ. Этого онъ не сдѣлалъ бы, если бы считалъ себя обиженнымъ. Какъ человѣкъ гордый, онъ ушелъ бы изъ-за стола, еслибъ чувствовалъ себя обиженнымъ; какъ человѣкъ хитрый, онъ бы нашелъ благовидный предлогъ уйти. Но этого не было. Какъ видимъ, до сихъ поръ обѣ стороны остаются довольны полюбовною сдѣлкою. Но когда всѣ были на-веселѣ, Иванъ Петровичъ разсказалъ фабриканту свою хитрую выдумку—похвастался тѣмъ, что перехи-

трилъ его. Тутъ фабрикантъ обидѣлся, разсердился. За что же разсердился? Очевидно за то, что нашелся человѣкъ хитрѣе его и хвастается въ глаза ему тѣмъ, что перехитрилъ его. Мы съ самаго начала сказали, что между людьми, выводимыми въ „Очеркахъ“ Щедрина, есть люди дурные, достойные порицанія, что Иванъ Петровичъ принадлежитъ къ такимъ людямъ, что мы не хотимъ защищать его. Иванъ Петровичъ дѣйствительно былъ виноватъ и въ этомъ случаѣ; однако въ чемъ же состоитъ его проступокъ въ этомъ дѣлѣ? Онъ похвастался, онъ затронулъ амбицію человѣка,—это неделикатно. Но осуждая неделикатность Ивана Петровича, не забудемъ, что онъ началъ хвастаться, когда былъ уже на-веселѣ. Пока онъ былъ трезвъ, онъ былъ скроменъ. И тутъ, какъ во многихъ случаяхъ, лишняя чарка испортила дѣло.

За пристрастье къ чаркѣ осуждаетъ Ивана Петровича и нашъ подъячій, какъ осуждали, конечно, всѣ благомыслящіе люди. Если бы вы увидѣли тѣ пирушки, въ которыхъ участвовалъ нашъ подъячій, эти пирушки показались бы вамъ, безъ сомнѣнія, грязны и гадки. Но это потому, что вы человѣкъ другого воспитанія, другихъ привычекъ. Не будьте слишкомъ строги къ людямъ, не имѣвшимъ случая пріобрѣсть изящныя манеры и тонъ лучшаго общества. Вѣдь вы не осуждаете вашего пріятеля, когда онъ за обѣдомъ выпиваетъ стаканъ бургонскаго или шампанскаго? Вы находите дурнымъ только то, если вашъ пріятель пьетъ неумѣренно. Точно также судитъ и нашъ подъячій. Онъ строго осуждаетъ Ивана Петровича за подобный порокъ „былъ въ Иванѣ Петровичѣ грѣхъ“, говоритъ подъячій, „къ напитку имѣлъ не то что пристрастіе, а такъ какое-то остервенѣніе. Конечно, и всѣ мы этого придерживались, да все же въ мѣру: сидишь себѣ да благодушествуешь, и много-много что въ подпитіи: ну, а онъ, я вамъ доложу, мѣру не зналъ, напивался даже до безобразія лица“. Видите-ль, нашъ подъячій не только не пьяница, онъ гнушается пьяницами. Видите ли, — если случилось ему въ дружеской бесѣдѣ выпить нѣсколько рюмокъ, то никогда не напивался онъ до-пьяна. Ни одинъ изъ друзей, ни мать, ни жена, конечно, не осуждали его за то, что онъ не отказывается отъ рюмки водки.

Взятка, по мнѣнію подъячаго прошлыхъ временъ, есть полюбовная сдѣлка. Онъ никогда не прибѣгалъ для заключенія сдѣлки къ мѣрамъ, которыя бы казались насильственными въ глазахъ его и общества, среди котораго онъ жилъ („истязаній и вымогательствъ“ онъ не употреблялъ самъ и не одобрялъ въ Иванѣ Петровичѣ). Мало того, свои желанія онъ выражалъ деликатнымъ и ласковымъ образомъ. („И все это ласковымъ словомъ“, говоритъ онъ самъ). И такъ, онъ былъ человѣкъ мягкаго характера. За уступки и льготы, которыя давалъ онъ поселянамъ, получалъ онъ вознагражденье—это правда, но какимъ образомъ получалъ его? Пріѣдетъ онъ въ село по какому нибудь дѣлу; поселяне просятъ, чтобы онъ скорѣе отпустилъ ихъ. „Тутъ и смекаешь: коли ребяты сговорчивы, отчегожъ имъ и удовольствіе не сдѣлать? а коли больно много артачиться станутъ, ну, и еще погодятъ денекъ, другой. Главное тутъ дѣло характеръ имѣть, не скучать бездѣльемъ, не гнушаться избой да кислымъ молокомъ. Увидятъ, что человѣкъ-

то дѣльный, такъ и поддадутся, да и какъ еще: прежде по гривенкѣ, можетъ, просилъ, а тутъ шалишь! по три пятака, дешевле не моги и думать".

Такимъ образомъ, самый предубѣжденный противъ нашего подъячаго читатель долженъ согласиться, что въ общественной дѣятельности этого подъячаго не было ничего, считавшагося дурнымъ или нечестнымъ во мнѣніи какъ этого подъячаго съ его товарищами, такъ и тѣхъ людей, которые имѣли съ ними дѣло. Напротивъ, были черты, свидѣтельствовавшія о мягкости, добротѣ характера, о благорасположеніи ко всякому хорошему человѣку, о желаніи каждому принести пользу. Поступки, совершаемые подъячимъ, дурны. Люди съ подобными ему понятіями вредны для общества. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сами по себѣ эти люди непремѣнно были дурными людьми. Повторяемъ то, что уже нѣсколько разъ говорили выше. Хвалить и бранить можно только людей эксцентрическихъ, поступающихъ не такъ, какъ поступаетъ огромное большинство людей въ ихъ время и въ ихъ положеніи. Привычки и правила, руководящія обществомъ, возникаютъ и сохраняются вслѣдствіе какихъ нибудь фактовъ, независимыхъ отъ воли человѣка, имъ слѣдующаго; на нихъ надобно смотрѣть непремѣнно съ исторической точки зрѣнія. Въ каждомъ классѣ общества, какой бы странѣ, какому бы времени ни принадлежало это общество, каковы бы ни были понятія и привычки, имъ пріобрѣтенныя вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, огромное большинство людей всегда имѣетъ наклонность къ доброжелательству и правдѣ.

Нѣтъ надобности доказывать, что нашъ подъячій старыхъ временъ былъ хорошимъ семьяниномъ. Съ этой стороны онъ очень точно обрисованъ г. Островскимъ въ послѣдней его комедіи. Бѣлогубовъ—большой руки взяточникъ; но посмотрите на него въ домашнемъ быту, и вы убѣдитесь, что онъ человѣкъ очень добрый, и въ родственныхъ отношеніяхъ даже благородный. Тотъ, кто щедро помогаетъ своей бѣдной тещѣ, при всей несносной сварливости ея характера, кто не жалѣетъ ничего, чтобы помочь бѣдной свояченицѣ и ея мужу, хотя этотъ мужъ постоянно оскорблялъ и оскорбляетъ его самымъ чувствительнымъ образомъ, тотъ, воля ваша, не есть дурной человѣкъ.

Мы очень долго останавливались на разсказахъ подъячаго о прошлыхъ временахъ. Не знаемъ, нужно ли было такъ подробно доказывать нашу мысль, справедливость которой очевидна для каждаго, опытомъ извѣдавшаго жизнь и людей, и не остановившагося на безплодномъ чувствѣ разочарованности, чувствѣ, приличномъ неопытному юношѣ, воображающему себя и всѣхъ на свѣтѣ героями и красавцами, но нелѣпо въ человѣкѣ, который уже привыкъ смотрѣть на свѣтъ глазами безпристрастнаго наблюдателя. Лично намъ казалось бы даже скучно толковать о такихъ несомнѣнныхъ вещахъ.

Было бы утомительно и безполезно столь же долго останавливаться на другихъ типахъ взяточниковъ, выводимыхъ Щедринымъ, кромѣ тѣхъ немногихъ, дурныхъ по сердцу людей, на которыхъ мы указали въ началѣ статьи и которые могутъ служить для рельефности картины, но по своей малочисленности не могутъ имѣть особенной важности въ общественныхъ вопро-

сахъ: о каждомъ изъ остальныхъ взяточниковъ надобно сказать почти тоже самое, что о подъячемъ прошлыхъ временъ. Сходства между ними гораздо-больше, нежели разницы, которая вообще ограничивается только различіемъ темпераментовъ: у одного характеръ вспыльчивый, у другаго—спокойный; у одного—прямой, у другаго—скрытный; у одного—веселый, у другаго печальный или скучный; у одного — смѣлый, у другаго боязливый. Съ точки зрѣнія, на которую мы стали, эта разница не имѣетъ первостепенной важности. Извѣстно, что различіе темпераментовъ не мѣшаетъ почти одинаковому подчиненію всѣхъ людей общественнымъ привычкамъ и понятіямъ и неотразимому вліянію общихъ историческихъ фактовъ. Вмѣсто того, чтобы о каждомъ изъ этихъ людей повторять почти тоже самое, что мы должны были сказать о подъячемъ прошлыхъ временъ, мы взглянемъ на представителей другого класса людей, послушаемъ бесѣду трехъ негоціантовъ о томъ, „что такое коммерція?“ Мы уже замѣчали, что, подобно подъячему прошлыхъ временъ, Палахвостовъ, Ижбурдинъ и Сокуровъ могутъ представляться поверхностному взгляду людьми, лишенными всякаго понятія о честности, „аматерами“ зла, по выраженію подъячаго прошлыхъ временъ. Каждый изъ нихъ совершенно хладнокровно и даже съ похвальбою говоритъ о своихъ мошенничествахъ. Каждый думаетъ только о томъ, какъ бы придумать обманъ похитрѣе. Но когда мы безпристрастно выслушаемъ ихъ показанія о причинахъ, принуждающихъ ихъ вести свои дѣла подобнымъ образомъ, то придемъ къ заключенію такому же, какое сдѣлали о подъячемъ прошлыхъ временъ.

Людямъ, составляющимъ огромное большинство публики, частный бытъ нашихъ купцовъ менѣе извѣстенъ по опыту, нежели бытъ чиновниковъ. Почти каждый изъ насъ имѣетъ въ числѣ своихъ близкихъ знакомыхъ нѣсколько провинціальныхъ чиновниковъ. Это составляетъ важную выгоду для отверженія предразсудковъ противъ нравственныхъ качествъ чиновничьяго класса. Находя въ числѣ своихъ знакомыхъ чиновниковъ людей достойныхъ полнаго уваженія въ частномъ быту, каждый изъ насъ уже до нѣкоторой степени расположенъ выслушать апологію чиновничьяго класса вообще. Не таково отношеніе большинства публики къ классу купцовъ. Быть можетъ, половина нашихъ читателей не имѣла съ купцами никакихъ другихъ сношеній, кромѣ дѣловыхъ. Сошлемся же на свидѣтельство тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые имѣли случай близко сходиться съ купцами, какъ добрые знакомые, бывали въ купеческихъ семействахъ, подобно Щедрину, домашними людьми. Конечно, ни одинъ изъ нихъ не откажется согласиться съ Щедринымъ, выводящимъ въ разсказѣ „Христосъ воскресъ“ свѣтлыя личности этого сословія. Мы ни мало не расположены считать купеческій, или мѣщанскій, или крестьянскій бытъ идеаломъ русской жизни, мы совершенно признаемъ вѣрность тѣхъ красокъ, какими рисуются купцы въ „Ревизорѣ“ и „Женитьбѣ“ Гоголя, въ комедіи г. Островскаго „Свои люди — сочтемся“ и въ сценѣ Щедрина „Что такое коммерція?“ Но безпристрастіе обязываетъ насъ сказать, что люди, подобные Подхалюзину (въ комедіи г. Островскаго), должны быть отнесены къ исключеніямъ, довольно малочисленнымъ. Всѣ тѣ добрыя качества, которыми любитъ гордиться русскій на-

родъ, принадлежатъ также огромному большинству нашихъ купцовъ. Каковы бы ни были ихъ нравы и привычки, но вообще они люди не только доброжелательные, но и положительно добрые. Готовность помочь и услужить сильна почти въ каждомъ изъ нихъ. Дай Богъ, чтобы въ другихъ классахъ нашего народа и въ людяхъ другихъ земель было такъ сильно развито сознаніе обязанности—дать средства къ пріобрѣтенію независимаго положенія тѣмъ людямъ, доброй службѣ которыхъ обязанъ бываетъ человѣкъ своимъ собственнымъ благосостояніемъ: рѣдкій изъ нашихъ провинціальныхъ купцовъ, если имѣетъ вѣрнаго прикащика, не заботится о томъ, чтобы вывесть его въ люди, поставить на ноги, сдѣлать его самого купцомъ. Каковы бы ни были отношенія обыкновеннаго купеческаго образа мыслей къ понятію гуманности, но должно сказать, что съ прислугою своею купцы обращаются очень гуманно. Каждый, кто знакомъ съ нравами купцовъ, легко увеличитъ этотъ слишкомъ краткій эпизодъ еще многими чертами, внушающими уваженіе къ добрымъ качествамъ нашего купеческаго сословія въ частной жизни.

Если мы обратимся къ изученію картины дѣлового, общественнаго быта нашихъ купцовъ, представляемой сценою Щедрина „Что такое коммерція?“, прежде всего мы увидимъ зависимость купеческихъ дѣлъ отъ чиновниковъ. Очень многіе изъ нашихъ купцовъ занимаются подрядами и поставками. Въ большей части провинцій таково главное занятіе большей части значительнѣйшихъ купцовъ. По общему закону торговли во всѣхъ странахъ, образъ веденія коммерческихъ дѣлъ опредѣляется тѣмъ порядкомъ, какимъ ведутъ ихъ первостепенные торговцы. Кромѣ того, каждый торговый человѣкъ имѣетъ по своимъ дѣламъ ежедневную надобность въ полицейскомъ управленіи и судебномъ покровительствѣ. Такимъ образомъ привычки, издавна пріобрѣтенныя чиновничьимъ классомъ, опредѣляютъ своимъ характеромъ и порядокъ нашей торговли. Послѣ этого важнѣйшаго обстоятельства надобно принять въ соображеніе медленность и невѣрность торговыхъ оборотовъ, происходящую отъ употребительныхъ доселѣ средствъ сообщенія. Хлѣбная операція до сихъ поръ требовала у насъ цѣлаго года времени, иногда почти двухъ лѣтъ. При такомъ продолжительномъ срокѣ оборотовъ всѣ шансы могутъ измѣниться. Почти таково же положеніе двухъ другихъ важнѣйшихъ послѣ хлѣба отраслей нашей торговли— торговли саломъ и льномъ. Удивительно ли, что подъ вліяніемъ двухъ столь важныхъ обстоятельствъ, купечество наше принуждено было прибѣгать къ оборотамъ, чуждымъ правильной торговлѣ? Не забудемъ и того обстоятельства, на которое часто съ прискорбіемъ указываютъ политико-экономисты. У насъ нѣтъ старинныхъ большихъ торговыхъ домовъ. Обыкновенно, богатые наши торговцы бываютъ люди, не наслѣдовавшіе никакого капитала, а бывшіе въ молодости торговцами очень бѣдными. Нѣтъ ничего удивительнаго, что они сохраняютъ привычки мелочной торговли и тогда, когда посредствомъ оборотовъ, ей свойственныхъ, пріобрѣли значительный капиталъ. Дѣти ихъ обыкновенно спѣшатъ промѣнять торговую дѣятельность на служебную. Эта привычка сильно осуждается многими. Но мы уже видѣли, что обычай всегда проистекаетъ изъ фактовъ быта. Осуждать людей за то, что они подчиняются вліянію фактовъ, не-

возможно. Справедливо только то, что нѣкоторые факты имѣютъ вліяніе, невыгодное для общества. Отъ перехода разбогатѣвшихъ купеческихъ родовъ къ другимъ занятіямъ, вся внутренняя торговля наша находится въ рукахъ людей, которые или не имѣютъ значительныхъ капиталовъ, или сохранили привычку вести свои дѣла тѣмъ порядкомъ, какимъ ведутъ ихъ люди, неимѣющіе капиталовъ. При недостаткѣ капиталовъ торговецъ не можетъ вести своихъ дѣлъ правильнымъ образомъ. Необходимость заставляетъ прибѣгать его къ изворотливости. Значительные торговцы въ другихъ странахъ, противодѣйствующіе такому порядку своимъ примѣромъ и торговымъ вліяніемъ, у насъ почти всегда сами слѣдуютъ той системѣ, какой держатся незначительные торговцы. Если мы сообразимъ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, то не будемъ понапрасну обвинять личный характеръ людей торговаго класса. Мы опять прибѣгнемъ къ сравненію, заимствованному отъ одежды и путешествій. Если вамъ придется въ январѣ мѣсяцъ ѣхать изъ Казани въ Москву въ обыкновенныхъ нашихъ саняхъ, я не имѣю права предполагать въ васъ недостатка вкуса за то, что вы надѣваете безобразные мѣховые сапоги. Быть можетъ, вы человѣкъ, отличающійся чрезвычайною любовью къ изяществу, во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что вы не хуже моего чувствуете тяжесть мѣховыхъ сапогъ и неудобство ходить въ нихъ. Но что же вамъ дѣлать? Возможно ли вамъ отправляться въ вашу дорогу безъ этихъ неуклюжихъ и тяжелыхъ сапогъ? Я не имѣю даже права осуждать васъ, если вы презрительно посмѣетесь надъ моими выходками противъ вашихъ мѣховыхъ сапогъ. Но лучше не сердитесь на меня, а спокойно отвѣчайте, что когда у васъ будетъ теплый возокъ и медвѣжье одѣяло для ногъ, то вы безъ всякихъ указаній съ моей стороны будете путешествовать зимою въ тѣхъ самыхъ легкихъ, удобныхъ и красивыхъ сапогахъ, которые носите дома.

Купцы, выводимые Щедринымъ, сами указываютъ намъ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ установились привычки ихъ торговли. Мы заимствуемъ изъ ихъ разговоровъ двѣ—три страницы. Палахвостовъ, старикъ, начавшій съ гроша и наторговавшій себѣ большое состояніе, съ нѣкоторою насмѣшкою замѣчаетъ Ижбурдину, человѣку среднихъ лѣтъ, только еще стремящемуся къ цѣли, ужъ достигнутой Палахвостовымъ, что онъ, Ижбурдинъ, мечется во всѣ стороны, хватается за всѣ отрасли торговли, а не торгуетъ однимъ предметомъ, какъ, напримѣръ, хлѣбомъ. Подлѣ этихъ двухъ главныхъ лицъ сидятъ: Сокуровъ, юноша, мечтающій о томъ, какъ онъ будетъ жить на благородную ногу, когда получитъ наслѣдство послѣ старика Сокурова, купца милліонера, и Праздношатающійся, нѣчто въ родѣ фельетониста съ европейскими понятіями обо всемъ, между прочимъ и о торговлѣ. Ижбурдинъ отвѣчаетъ на замѣчаніе Палахвостова указаніемъ невозможности заниматься одною отраслью торговли человѣку, не имѣющему большаго капитала:

„Да куда же я съ однимъ-то предметомъ сунусь! Ноньче, вонъ, пошли вездѣ выдумки — ничего и сообразить-то нельзя. Цѣна-то сегодня полтина, а завтра она рубль; ты думаешь, какъ бы тебѣ польза, анъ выходитъ, что тебѣ же шею наколотятъ: вотъ и торгуй! Теперича, примѣрно, кожевенный товаръ въ ходу, сукно тоже требуется, —

ну мы и сукно по малости скупаемъ, и кожи продаемъ: все это нашей совѣсти дѣло-съ. Намеднись, доложу я вамъ, былъ я въ Лежневѣ на ярмаркѣ,—и что-что тамъ коммиссинеровъ наѣхало, ровно звѣздъ небесныхъ: все сапожный товаръ покупать. Конечно-съ ихнее дѣло простое. Казна имъ, примѣрно, хоть рубль отпущаетъ, такъ ему надо, чтобъ у него полтина или тамъ сорокъ копѣекъ пользы осталось. А съ мужикомъ ему дѣло имѣть не сподручно. Этотъ хоть, можетъ, и больше пользы дастъ, да оно не спокойно: неровенъ часъ, слѣдствіе или другая напасть—всѣмъ ротъ-отъ не зажмешь. Опять же и за отчетностью они запутаны; поди да каждаго росписываться заставляй, да урезонивай, чтобы онъ тебѣ, вмѣсто полтины, рубль написалъ. А какъ съ опытнымъ-то дѣло заведешь, оно и шито и крыто; первое дѣло, что хлопотъ никакихъ нѣтъ, а второе, что предательству тутъ быть невозможно, почему, какъ купецъ всякій знаетъ, что за такую механику и ему за одно съ коммиссинеромъ не сдобровать. Эта штука для насъ самая выгодная; тутъ, можно сказать, не токмо что за трудъ, а больше за честь пользу получаешь.

„Сокуровъ (*важничая*). Да; съ казной дѣло имѣть выгоднѣе всего; она, можно сказать, всѣмъ намъ кормилица... (*наливаетъ вино въ бокалы. Къ Праздношатающемуся*). Не прикажете ли, не имѣемъ счастія знать по имени и по отечеству...

„Праздношатающійся. Съ охотою. (*Пьетъ*). А гдѣ вы это, господа, такой здѣсь тенерифъ достаете... отличный! И жжетъ и перцитъ... славно! точно водка.

„Ижбурдинъ. Изъ Архангельска-съ; мы тоже и тамотка дѣла имѣемъ-съ.

„Праздношатающійся. (*Къ Сокурову*). Вотъ-съ вы изволили выразиться, что съ казною дѣло имѣть выгодно. Не позволите ли узнать, почему вы такъ заключаете?

„Сокуровъ. Да-съ, это точно-съ, сами изволите знать... казна... выгодно...

„Палахвостовъ. Во то-то, молодецъ! брешешь! выгодно, а почему—объяснить не умѣешь.

„Ижбурдинъ. А вотъ позвольте... вы, вѣрно, коммиссинеръ?

„Праздношатающійся (*обижаясь*). Почему же коммиссіонеръ?... Я просто, для своего удовольствія... Желательно, знаете, этакъ, по торговой части заняться...

„Ижбурдинъ. Такъ вы приказный? Понимаемъ-съ. Это точно, что поньче приказные много насчетъ торговли займуются—капиталы завелись... Такъ вотъ изволите ли видѣть, съ казной потому намъ дѣло имѣть естественнѣе, что тутъ, можно сказать, риску совсѣмъ не бываетъ. Въ срокъ ли, не въ срокъ ли,—казна все мнетъ. Конечно-съ, тутъ не безъ расходовъ, да за то и цѣны совсѣмъ другія, не супротивъ обыкновенныхъ-съ. Ну, и опять-таки отъ того для насъ это дѣло сподручно, что принимаютъ тамъ все, можно сказать, по Божески. Намеднись, вонъ я полушубки въ казну ставилъ; только развѣ что кислятиной отъ нихъ пахнетъ, а по прочему и званія-то полушубка нѣтъ—тѣсто тѣстомъ; поди-ка я съ этими полушубками не токмо что къ торговцу хорошему, а на рынокъ—на смѣхъ бы подняли! Ну, а въ казнѣ все изойдетъ, по той причинѣ, что потребленіе тамъ большое. Вотъ тоже случилось мнѣ однажды муку въ казну ставить. Я, было, въ тѣ-поры и барки ужъ нагрузилъ: сплыть бы только, да и вся не долга. Анъ тутъ подвернулся прикащикъ отъ купцовъ заграничныхъ—цѣну даетъ славную. Думалъ я, думалъ, да перекрестившись, и отдалъ весь хлѣбъ прикащику.

„Праздношатающійся. А какже съ казной-то?

„Ижбурдинъ. Съ казной-то? А вотъ какъ: пошелъ я, запродавши хлѣбъ-отъ, къ писарю становаго, такъ онъ мнѣ, за четвертакъ, такое свидѣтельство написалъ, что я даже самъ подивился. И наводненіе, и мелководіе тутъ; только нашествія непріятельскаго не было. (*Всѣ смѣются*). Такъ оно и доподлинно скажешь, что казна матушка всѣмъ намъ кормилица... Это точно-съ. По той причинѣ, что если бъ не казна, куда же бы намъ съ торговлей-то дѣваться? Это все единственно, что деньги въ ломбардъ положить, да и сидѣть самому на печи, сложа руки.

„Праздношатающійся. (*глубокомысленно*). Да, это такъ... недостатокъ предпріимчивости... Это, такъ сказать, болѣзнь русскаго купечества... Это знаете... (*Палахвостовъ улыбается*). Вы смѣетесь? Но скажите, отчего же? Отчего же англичане, напримѣръ, французы...

„Ижбурдинъ. А оттого это, батюшка, что на все свой резонъ есть-съ. Положимъ, вотъ хоть я предпріимчивый человѣкъ. Снарядилъ я примѣрно, корабь, или тамъ подрядился къ какому ни на-есть иностранцу выставить столько-то тысячъ кулей муки. Вотъ-съ, и искупилъ я муку, искупилъ дешево—нече сказать, это все въ нашихъ рукахъ—погрузилъ ее въ барки... Ну-съ, а потомъ-то куда жъ я съ ней дѣнусь?

„Праздношатающійся. Какъ куда?

„Ижбурдинъ. Да точно такъ-съ. Позвольте полюбопытствовать, изволили вы по Волгѣ плавать? Нѣтъ-съ? Такъ это точно, что вы на этотъ счетъ сумнѣнье имѣть можете; а вотъ какъ мы въ эвтомъ дѣлѣ, можно сказать, съ младенчества произошли, такъ и знаемъ, какъ это рѣка-съ. Это рѣка, доложу я вамъ, съ позволенія сказать-съ. Сегодня она вонъ здѣсь, а на другой, сударь, годъ, на эвтомъ мѣстѣ ужъ песокъ, и она во-куда побѣгла. Никакъ тутъ и не сообразишь. Тащишься-тащишься этта съ грузомъ-то, индо злость тебя одолѣетъ. До Питера-то изъ нашихъ мѣстъ года въ два не доѣдешь, да и то еще Бога благодари, коли угодники тебя доѣхать допустятъ. А то вотъ не хочешь ли на мели посидѣть, или совсѣмъ затонуть; или вотъ рабочіе у тебя съ барокъ поубѣгутъ—ну, и плати за все въ три-дорога. Какая же тутъ, сударь, цѣна? Могу ли я теперича досконально себя въ эвтакомъ дѣлѣ разсчитать? Что вотъ, молъ, купилъ я по томъ-то, провозъ будетъ стоить столько-то, продамъ по такой-то цѣнѣ? А неустойка? Вѣдь англичанинъ-то не казна-съ; у него нѣтъ этихъ ни мелководій, ни мировыхъ повѣтріевъ; ему вынь да положь. Нѣтъ-съ; наша торговля еще, можно сказать, въ рукахъ Божьихъ находится. Вывезетъ Волга-матушка—ну, и съ капиталомъ; не вывезетъ—зубы на полку клади".

Если вы не прислушивались внимательно къ откровеннымъ разговорамъ Ижбурдина и его товарищей, вы, пожалуй, предположите, судя по его привычкамъ, что онъ держится своего порядка коммерческихъ оборотовъ по личной наклонности къ такому порядку. Если вы не знакомы съ нимъ ни по какимъ другимъ дѣламъ кромѣ коммерціи, вы можете вообразить, что онъ человѣкъ безъ души и совѣсти. Но когда, узнавъ его поближе, какъ человѣка, вы найдете въ немъ очень много хорошихъ качествъ и еще больше прекрасныхъ зародышей, остающихся неразвитыми и ожидающихъ только благопріятной поры для своего развитія, вы, быть можетъ, посовѣститесь думать о немъ такъ презрительно, какъ привыкли думать. Быть можетъ вы признаетесь, что вы поступили бы подобно ему, если бы находились въ его положеніи; быть можетъ даже, вы сказали бы, что этотъ человѣкъ, каковы бы ни были въ настоящее время его коммерческіе обороты, не только человѣкъ положительно добрый въ душѣ, но и способный совершенно переродиться.

А быть можетъ, вы человѣкъ, привыкшій осуждать и хвалить поступки людей, не принимая въ соображеніе силу обстоятельствъ, при которыхъ невозможно образоваться въ обществѣ благороднымъ привычкамъ, или не возможно отстать отъ дурныхъ привычекъ. Въ такомъ случаѣ вы прямо назовите пустяками мнѣніе, высказанное нами. На такой рѣшительный приговоръ позвольте отвѣчать вамъ разсказомъ о дѣйствительномъ случаѣ. Разсказъ этотъ умѣстенъ здѣсь. Онъ познакомитъ читателей съ чертою изъ жизни человѣка, всѣ силы котораго были посвящены благу его родины.

Дмитрій Ивановичъ Мейеръ, скончавшійся въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго года, профессоромъ здѣшняго Университета, около десяти лѣтъ занималъ каѳедру гражданскихъ законовъ въ Казанскомъ Университетѣ. Постоянною мыслію его было улучшеніе нашего юридическаго быта силою

знанія и чести. Здѣсь не мѣсто говорить о его трудахъ по званію профессора, о его чрезвычайно сильномъ благотворномъ вліяніи на слушателей, которые всѣ на всю жизнь сохранили благоговѣніе къ его памяти. Цѣль нашего разсказа требуетъ только замѣтить, что задушевнымъ его стремленіемъ было соединеніе юридической науки съ юридической практикой. Онъ устроилъ при своихъ лекціяхъ въ Университетѣ консультаціи и самъ занимался веденіемъ судебныхъ дѣлъ, разумѣется, безъ всякаго вознагражденія (это былъ человѣкъ героическаго самоотверженія), съ цѣлью показать своимъ воспитанникамъ на практикѣ, какъ надобно вести судебныя дѣла. Одно изъ такихъ дѣлъ и будетъ предметомъ нашего разсказа.

Въ томъ городѣ, гдѣ жилъ Мейеръ, былъ купецъ, разъ или два съ большою пользою для себя совершавшій продѣлку, на которую рѣшается Большаковъ (въ комедіи г. Островскаго). Пріобрѣтя опытность въ этомъ выгодномъ упражненіи, онъ вздумалъ еще разъ объявить себя банкротомъ и предложилъ своимъ кредиторамъ получить по пяти или по десяти копѣекъ за рубль. Прежнія продѣлки такого рода удачно сходили ему съ рукъ. Никто не могъ или не хотѣлъ уличить его въ злостномъ банкротствѣ. Онъ думалъ, что и теперь дѣло кончится по прежнимъ примѣрамъ. Но Мейеръ сказалъ кредиторамъ, что готовъ взять на себя управленіе дѣлами конкурса. Вице-губернаторомъ былъ тогда человѣкъ благонамѣренный, и Мейеръ могъ вести дѣло строгимъ законнымъ порядкомъ. Долгаго времени, большого труда стоило ему привести въ порядокъ счеты торговца, веденные, по общему обычаю, безалабернымъ образомъ и, сверхъ того, умышленно запутанные и наполненные фальшивыми цифрами. Всѣ средства подкупа, обмана и промедленія были употреблены должникомъ и его партизанами. Все напрасно. Мейера нельзя было ни запугать, ни обольстить, ни обмануть. Онъ сидѣлъ надъ счетными книгами и записками и, наконецъ, привелъ дѣло въ ясность. Онъ доказалъ злостность банкротства, и банкротъ былъ арестованъ. Мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ въ извѣстныхъ переговорахъ между банкротомъ и его партизанами. Всѣ ихъ усилія оказывались напрасными. Банкротъ сидѣлъ подъ арестомъ, Мейеръ былъ непоколебимъ. Такъ прошло около года. Наконецъ банкротъ убѣдился, что не можетъ ни обольстить Мейера, ни пересилить его. Онъ заплатилъ долги своимъ кредиторамъ, и былъ выпущенъ изъ-подъ ареста. И прямо изъ-подъ ареста явился въ квартиру Мейера. Какъ вы думаете, съ какими словами? „Благодарю тебя, уважаю тебя“, сказалъ онъ своему бывшему сопернику: „на твоемъ примѣрѣ увидѣлъ я, что значитъ быть честнымъ. Черезъ тебя я узналъ, что я поступалъ дурно. У насъ такъ принято дѣлать, какъ дѣлалъ я. Ты мнѣ раскрылъ глаза. Теперь я понимаю, что дурно и что хорошо. Изъ всѣхъ людей, съ которыми имѣлъ я дѣло, я вѣрю тебѣ одному. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ я буду слушаться тебя, а ты не оставь меня своимъ совѣтомъ“.

Фактъ, нами разсказанный, могутъ засвидѣтельствовать всѣ, жившіе тогда въ томъ городѣ, гдѣ находился Мейеръ и производилось дѣло. Обратите же вниманіе на этого банкрота, вы, которые не вѣрите въ коренное благородство, во врожденную любовь и уваженіе къ правдѣ въ душахъ, повидимому, самыхъ загрубѣлыхъ и испорченныхъ. Въ лицѣ этого банкрота сое-

динены были всѣ тѣ признаки, которыми можетъ доказываться совершенная испорченность сердца, совершенная неспособность виновнаго обновиться для честной жизни; соединились всѣ обстоятельства и побужденія, которыя могутъ сдѣлать признаніе правды противнымъ самолюбію и эгоизму человѣка. Злостное банкротство есть одно изъ тѣхъ преступленій, которыя требуютъ наибольшей ожесточенности сердца. Оно совершается не въ минуту гнѣва или увлеченія, оно совершается хладнокровно, обдуманно. Обдуманная рѣшимость погубить многихъ людей должна господствовать въ сердцѣ преступника не нѣсколько часовъ или дней, а цѣлые мѣсяцы, быть можетъ, цѣлые годы; потому что для исполненія его преступной мысли нужно ему очень долго хлопотать, чтобы, съ одной стороны, получить всѣ деньги отъ своихъ должниковъ, съ другой стороны—задолжать, какъ можно болѣе, своимъ кредиторамъ и, не роняя своего кредита, значительно уменьшить наличный запасъ товаровъ въ своихъ магазинахъ. Привести къ желаемому концу эти различныя операціи, изъ которыхъ одна препятствуетъ другой, очень затруднительно для торговца. Наконецъ, когда цѣль достигнута, когда въ магазинахъ нѣтъ товаровъ, когда получены всѣ деньги съ должниковъ и роздано множество векселей, начинаются новыя, труднѣйшія испытанія, противъ которыхъ устоитъ только самая черствая душа. Преступникъ объявляетъ себя банкротомъ, и съ этой минуты каждый день долженъ выдерживать самыя возмутительныя сцены. Къ нему являются люди, имъ разоряемые, они плачутъ передъ нимъ, умоляютъ его, осыпаютъ его проклятіями,—онъ долженъ оставаться хладнокровнымъ и непоколебимымъ въ своей рѣшимости. Самый закоснѣлый разбойникъ, совершившій десятки убійствъ, содрогается сердцемъ отъ мольбы своихъ жертвъ и говоритъ, что если бы сцена убійства не была дѣломъ минуты, онъ не могъ бы выдержать ее. Для банкрота подобныя сцены непрерывно тянутся въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ, и онъ непреклонно выдерживаетъ свой характеръ. Въ этомъ страшномъ дѣлѣ нашъ банкротъ былъ не новичекъ. Не въ первый разъ занялся онъ имъ, когда встрѣтилъ противникомъ себѣ Мейера. Возвысить такого человѣка до любви къ справедливости и добру было, кажется, дѣломъ гораздо болѣе неправдоподобнымъ, нежели обратить шайку разбойниковъ въ героевъ добродѣтели. И въ чьемъ лицѣ приходилось этому банкроту полюбить справедливость и доброту? Въ лицѣ того человѣка, котораго изъ всѣхъ людей въ мірѣ онъ долженъ наиболѣе ненавидѣть. Нашъ банкротъ считалъ себя непобѣдимымъ хитрецомъ. Мейеръ, раскрывъ всѣ его уловки, жесточайшимъ образомъ оскорбилъ его самолюбіе; Мейеръ разорилъ его, надолго лишилъ его свободы, подвергъ жестокимъ страданіямъ продолжительнаго ареста—и этого жесточайшаго гонителя и врага своего долженъ былъ полюбить человѣкъ съ закоснѣлою душею, имъ оскорбленный, разоренный, измученный. Дѣло совершенно неправдоподобное для тѣхъ поверхностныхъ наблюдателей, которые не знаютъ, какъ много остатковъ и зародышей добра и благородства таится въ душѣ самаго дурнаго изъ дурныхъ людей, которые забываютъ, что самый закоснѣлый злодѣй все-таки человѣкъ, т. е. существо, по натурѣ своей, наклонное уважать и любить правду и добро и гнушаться всѣмъ дурнымъ, существо, могущее нарушать законы

добра и правды только по незнанію, заблужденію или по вліянію обстоятельствъ сильнѣйшихъ, нежели его характеръ и разумъ, но никогда не могущее, добровольно и свободно, предпочесть зло добру. Отстраните пагубныя обстоятельства, и быстро просвѣтлѣетъ умъ человѣка и облагородится его характеръ.

Такіе люди, какъ Мейеръ, составляютъ рѣдкое исключеніе во всякомъ обществѣ въ каждое время. Ихъ примѣръ, конечно, самымъ благотворнымъ образомъ дѣйствуетъ на каждаго, кто вступаетъ въ близкія отношенія съ ними. Сила ихъ личности такова, что для человѣка, вовлеченнаго въ сферу ея дѣйствія, уравновѣшивается, часто даже превозмогается вліяніемъ ея вліяніе всѣхъ другихъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ въ противномъ направленіи. Но число баярдовъ, людей „безъ страха и упрека“, какъ Мейеръ, всегда и вездѣ было такъ не велико, что сила ихъ личнаго вліянія могла отражаться лишь на незначительной части общества, которому они принадлежали. Примѣръ жизни отдѣльнаго героя добродѣтели увлекаетъ лишь нѣсколькихъ отдѣльныхъ людей, но не цѣлыя общества. Напрасно успокоивать себя мечтою: пусть явятся добродѣтельные люди, и примѣръ ихъ исправитъ общество. Въ исторіи обществъ примѣръ не можетъ имѣть такой силы. Онъ важенъ, если указываетъ практическій способъ достичь цѣли, которой и безъ того каждому хотѣлось уже достигнуть, имѣя на то средства. Васко-де-Гама обогнулъ мысъ Доброй-Надежды, и тысячи кораблей устремились вслѣдъ за нимъ. Но это потому только, что уже и безъ Васко-де-Гамы, и прежде него всѣмъ хотѣлось доходить моремъ до Индіи, а корабли были уже готовы. Но никогда въ исторіи не можетъ имѣть примѣръ такой силы, чтобы имъ устранялось дѣйствіе закона причинности, по которому нравы народа сообразуются съ обстановкою народной жизни. Десятки тысячъ гордыхъ своимъ достоинствомъ и дѣятельныхъ англичанъ живутъ въ Индіи среди народа, обстоятельства жизни котораго сложились такъ, что главными чертами нравовъ его стала низость и лѣность. Обстоятельства эти до сихъ поръ не устранены и, какъ видимъ, индѣйцы по прежнему остаются низки и лѣнивы, хотя имѣютъ передъ глазами множество примѣровъ противныхъ качествъ въ англичанахъ. Но пусть англичане позаботятся объ отстраненіи тѣхъ фактовъ, вліяніемъ которыхъ развратились и унизились индѣйцы: тогда не много нужно будетъ лѣтъ для того, чтобы воскресли въ индѣйскомъ народѣ трудолюбіе, уваженіе передъ закономъ, любовь къ справедливости и чувство человѣческаго достоинства.

Но оставимъ Остъ-Индію и англичанъ. Пусть они воображаютъ, что лучшее средство имъ утвердиться въ Остъ-Индіи не пріобрѣтеніе преданности отъ индѣйцевъ, а пріобрѣтеніе Герата и Кандагара. Пусть они забываютъ, что если Великобританія съ своими тридцатью мильонами населенія не опасается никакого иноземнаго нашествія, то Индія съ своими полутораста мильонами населенія не нуждалась бы, конечно, ни въ какихъ Гератахъ, если бы признавала пользу защищать учрежденія, которыми была бы обязана англичанамъ. Это дѣло однихъ предположеній, которыя мы сами готовы назвать праздными. И какое намъ дѣло до всѣхъ этихъ азіятцевъ? Пусть себѣ лѣнятся. У нихъ такой благодатный климатъ, что имъ очень

можно лѣниться. Если бы, напримѣръ, г. Буеракинъ жилъ въ Остъ-Индіи, его нравы чрезвычайно хорошо пришлись бы къ тропическому климату, и мы не сказали бы ни слова противъ его образа жизни. Онъ мечтаетъ. Это было бы очень удобно и прилично на берегахъ Нербудды, подъ тѣнью банановъ. Но мы думаемъ, что ему очень скучно мечтать въ селѣ Заовражьѣ, и что, раньше или позже, соскучившись мечтать, онъ, подобно Ижбурдину и Подъячему прошлыхъ временъ, вздумаетъ заняться дѣломъ. Конечно, онъ будетъ поступать не такъ, какъ эти невѣжды. Онъ человѣкъ благородный и просвѣщенный. Онъ захочетъ перенести въ жизнь свои гуманныя убѣжденія. О людяхъ съ гуманными убѣжденіями существуетъ у насъ повѣрье, будто они люди вовсе не практическіе и, принявшись за дѣло, сочинятъ такую путаницу, что для замѣшаннаго въ нее народа будетъ тяжелѣе, нежели когда бы попался онъ въ руки Подъячему прошлыхъ временъ или даже самому Ивану Петровичу. Въ литературѣ было очень много заслуженныхъ насмѣшекъ надъ такими людьми; и Щедринъ, подобно другимъ нашимъ старикамъ, очень строго и справедливо уличаетъ представителя непрактическихъ людей съ возвышенными стремленіями въ очеркѣ „Неумѣлые“. Но Буеракинъ не таковъ. Онъ человѣкъ проницательный. Если онъ захочетъ взяться за дѣло, онъ съумѣетъ повести дѣло, какъ нужно по его мнѣнію.

До сихъ поръ мы очень мало касались воззрѣній самого Щедрина на людей, имъ изображаемыхъ. Типы и факты, о которыхъ мы говорили, такъ просты, что между порядочными людьми не можетъ быть никакого личнаго различія въ понятіяхъ о нихъ. Никто не станетъ восхищаться Подъячимъ прошлыхъ временъ и Ижбурдинымъ съ товарищами. Но на людей, подобныхъ Буеракину, можно смотрѣть различно. Слова его гуманны. Людямъ, зависящимъ отъ него, приходится жить очень плохо. Очень многіе, не колеблясь, скажутъ, что онъ человѣкъ дурной, говорящій одно, дѣлающій другое, лжецъ и лицемѣръ. Мнѣніе очень натуральное. Но Щедринъ не раздѣляетъ его, и въ томъ надобно видѣть одно изъ убѣдительныхъ доказательствъ рѣдкаго знанія жизни и умѣнья цѣнить людей. У Щедрина Буеракинъ вовсе не лицемѣръ. Онъ не только говоритъ о благѣ общемъ, онъ дѣйствительно желаетъ его, на сколько понимаетъ. Скажемъ больше: въ томъ кругу жизни, который зависитъ отъ него, онъ приводитъ въ исполненіе тѣ мысли, которыя кажутся ему справедливыми. Справедливо самъ Буеракинъ называетъ себя человѣкомъ отмѣнно добрымъ. Весь тонъ разсказа свидѣтельствуетъ, что Щедринъ раздѣляетъ это мнѣніе. Какъ честный докладчикъ, Щедринъ нимало не скрываетъ тѣхъ дурныхъ вещей, которыя допускаются или даже дѣлаются Буеракинымъ. Объ этихъ вещахъ говоритъ онъ съ справедливымъ негодованіемъ, и, однако же, все таки видно, что онъ расположенъ къ Буеракину, хотя за многое строго осуждаетъ его. Щедринъ не могъ бы имѣть „добрымъ пріятелемъ“ человѣка дурнаго.

Какимъ же образомъ человѣкъ добрый и хорошій, человѣкъ съ очень просвѣщеннымъ образомъ мыслей и проницательнымъ умомъ можетъ дозволять дѣлать такія дурныя вещи, какъ Буеракинъ? Многіе скажутъ: это потому, что онъ человѣкъ безхарактерный, слабый, излѣнившійся. Самъ Буеракинъ отчасти намекаетъ на такое объясненіе, конечно выгоднѣйшее для

его добраго имени. Онъ, видите ли, представляетъ себя чѣмъ-то въ родѣ Гамлета, человѣка сильнаго только въ безплодной рефлексіи, но слабаго на дѣло, по причинѣ отсутствія воли. Это ужъ не первый Гамлетъ является въ нашей литературѣ,—одинъ изъ нихъ даже такъ и назвалъ себя прямо по имени „Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда“; а нашъ Буеракинъ, по всему видно, хочетъ быть „Гамлетомъ Крутогорской губерніи“. Видно, не мало у насъ Гамлетовъ въ обществѣ, когда они такъ часто являются въ литературѣ,— въ рѣдкой повѣсти вы не встрѣтите одного изъ нихъ, если только повѣсть касается жизни людей съ такъ называемыми благородными убѣжденіями.

Однакожь мы не остановимся на одномъ прозваніи такихъ людей; намъ мало имени, мы хотимъ знать дѣло,—мы хотимъ знать, почему Гамлетъ— Гамлетъ, то есть человѣкъ, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ своей души дѣлающійся мученіемъ для самого себя и причиною погибели для тѣхъ, судьба которыхъ отъ него зависитъ, и которымъ онъ очень искренно желаетъ добра,—напримѣръ, причиною погибели Офеліи и Лаэрта. Одною слабостью характера при силѣ ума, наклоннаго къ рефлексіи, этого дѣла не объяснишь: мало ли людей съ слабымъ характеромъ, сильнымъ умомъ и наклонностью къ рефлексіи, проживаютъ свой вѣкъ очень счастливо для себя и для близкихъ къ себѣ? Есть тутъ другое обстоятельство: Гамлетъ находится въ фальшивомъ или, проще сказать, ненатуральномъ положеніи. Онъ, какъ сынъ, долженъ былъ бы любить свою мать, и однакоже долженъ ненавидѣть ее, какъ убійцу своего отца. Онъ искренно и очень горячо любитъ Офелію - и однакоже не считаетъ приличнымъ для себя жениться на ней. Положеніе обоихъ дѣлъ такъ противоестественно, что можетъ надѣлать чепухи въ головѣ человѣка и не имѣющаго наклонности къ рефлексіи, можетъ вывести къ поступкамъ нелѣпо непослѣдовательнымъ и пагубнымъ для него самого и для другихъ даже такого человѣка, который не отличается особенною слабостью воли. Только немногіе негодяи, одаренные очень рѣдкою безсовѣстностью, или еще менѣе многочисленные счастливцы, одаренные желѣзнымъ стоицизмомъ, могли бы поступать благоразумно и быть счастливы на мѣстѣ Гамлета. Изъ ста человѣкъ девяносто-девять, будучи въ его положеніи, точно такъ же мучились бы, надѣлали бы точно такихъ же бѣдъ и себѣ и другимъ. Различіе темпераментовъ относительно такихъ дѣлъ имѣетъ мало важности. Въ томъ и заключается всемірное значеніе драмы Шекспира, что въ Гамлетѣ вы видите самихъ себя въ данномъ положеніи, каковъ бы ни былъ вашъ темпераментъ.

Взглянемъ же съ этой точки зрѣнія на нашего Буеракина. Оставимъ на время психологическія особенности его характера . — Всмотримся только въ его положеніе, и для васъ будетъ ясно, почему онъ, говоря такъ хорошо, поступаетъ такъ дурно. Отношенія его къ людямъ, судьба которыхъ отъ него зависитъ, также не натуральны, какъ отношенія Гамлета къ Офеліи. Любить женщину и не желать назвать ее своею женою, желать добра людямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ брать у нихъ необходимое имъ, для удовлетворенія своимъ прихотямъ,—которое изъ этихъ двухъ положеній кажется вамъ менѣе противоестественно, менѣе фальшиво? На наши глаза оба они равно не натуральны, равно дурны.

Многіе обвиняютъ Буеракина въ невѣрности своимъ убѣжденіямъ; быть можетъ, и вы, читатель, назвали его лицемѣромъ? Въ такомъ случаѣ вы выразились неосторожно и неосновательно. Измѣна убѣжденіямъ! Мизантропы говорятъ, что это нравственное преступленіе совершается людьми гораздо рѣже, нежели какъ кажется; что человѣкъ, сознательно измѣняющій своимъ основнымъ убѣжденіямъ, человѣкъ, у котораго мысль раздвоилась съ желаніемъ, такое же рѣдкое явленіе, какъ человѣкъ, у котораго правая половина лица не похожа на лѣвую. Берне, — кажется, онъ не слишкомъ выгодно думалъ о людяхъ и достаточно бранилъ ихъ, — Берне прямо говоритъ, что едва ли когда нибудь хотя одинъ человѣкъ измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ. Едва ли не придется согласиться съ Берне, если только не будешь обольщаться общими фразами, принимающими различные оттѣнки смысла въ различныхъ устахъ, и станешь внимательно присматриваться къ точному содержанію убѣжденій. Часто самъ человѣкъ не замѣчаетъ истиннаго содержанія своихъ убѣжденій, воображаетъ, что онъ думаетъ вовсе не то, что въ самомъ дѣлѣ онъ думаетъ,—вотъ хотя бы напримѣръ Буеракинъ. Онъ отъ искренней души называетъ себя „негоднымъ“ человѣкомъ, т. е. негоднымъ для жизни и для принесенія пользы ближнему, и воображаетъ, что въ самомъ дѣлѣ считаетъ себя человѣкомъ негоднымъ. А на самомъ дѣлѣ неужели таково его убѣжденіе о себѣ? Постороннему человѣку это видѣе, нежели ему самому. Послушайте только, что онъ отвѣчаетъ черезъ нѣсколько строкъ Щедрину на вопросъ о его лѣности и бездѣйствіи. Щедринъ говоритъ:—вы ничего не дѣлаете и воображаете, что ничего полезнаго нельзя сдѣлать.

„—Угадали, говоритъ Буеракинъ:—угадали. Но отъ васъ ускользнули нѣкоторыя подробности, которыя я и постараюсь объяснить вамъ. Первое дѣло, которымъ я занимаюсь,—это мое искреннее желаніе быть благодѣтельнымъ помѣщикомъ. Это дѣло не трудное, и я достигаю достаточно удовлетворительныхъ результатовъ, коль скоро какъ можно менѣе вмѣшиваюсь въ дѣла управленія. Вы однакожъ не думайте, чтобъ я поступалъ такимъ образомъ изъ безпечности или преступной лѣности. Нѣтъ, у меня такое глубокое убѣжденіе въ совершенной ненужности вмѣшательства, что и управляющій мой существуетъ только для вида, для очистки совѣсти, чтобъ не сказали, что овцы безъ пастыря ходятъ... Поняли вы меня“?

„—Ну, тутъ еще не много работы“...

„— Больше, нежели вы предполагаете“...

Конечно въ этомъ монологѣ есть оттѣнокъ ироніи, но подъ иронією скрывается положительно доброе мнѣніе о своей дѣятельности. Да и каковъ смыслъ самой ироніи? Онъ очень ясенъ. „Правда, я дѣлаю кое-что хорошее; но столько ли еще хорошаго способенъ былъ бы я сдѣлать, еслибъ дано было мнѣ болѣе обширное поприще дѣятельности!“ —„А какъ же онъ самъ себя, за минуту, называлъ „негоднымъ“ человѣкомъ? — Это ничего. Когда человѣкъ, не переводя духа, говоритъ о себѣ: „Правда я дрянь, но все-таки я хорошій человѣкъ“—въ этой фразѣ нѣтъ нисколько противорѣчія. Не много нужно проницательности, чтобы видѣть, какое именно слово этой, повидимому, противорѣчивой фразы положительно выражаетъ мнѣніе говорящаго. Это слово:—„я хорошій человѣкъ“. Предъидущая половина фразы ни мало ему не противорѣчитъ; напротивъ, она только усиливаетъ его зна-

ченіе, имѣя такой смыслъ: „Нынѣ обстоятельства не даютъ обнаружиться моему превосходству во всемъ его объемѣ. Я не могу дѣлать ничего достойнаго моихъ великихъ качествъ. Теперь вы смотрите на меня, какъ на человѣка замѣчательнаго: но какъ вы удивились бы моей геніальности и моему благородству, если бы обстоятельства когда нибудь позволили проявиться всему богатству моей натуры!“ Въ сущности Буеракинъ вовсе не считаетъ себя человѣкомъ не дѣятельнымъ и безполезнымъ. Напротивъ, мысль о противорѣчіи его поступковъ его убѣжденіямъ не приходитъ ему и въ голову. Напротивъ, онъ гордится своимъ образомъ дѣйствій, какъ совершенно сообразнымъ съ его убѣжденіями. Приведенная нами выписка убѣдитъ каждаго, что наружность лѣнивца дѣйствительно не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ дѣятельнымъ. Внимательное разсмотрѣніе его убѣжденій докажетъ, что какова бы ни была его дѣятельность, но она сообразна съ его убѣжденіями.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе человѣка имѣетъ рѣшительное вліяніе на характеръ его убѣжденій. Чрезъ всю исторію можно прослѣдить тотъ неизмѣнный фактъ, что при переходѣ человѣка изъ наблюдательнаго, теоретическаго положенія къ практической дѣятельности, онъ обыкновенно очень во многомъ начиналъ слѣдовать примѣру своихъ предмѣстниковъ въ этомъ практическомъ положеніи, хотя прежде осуждалъ ихъ образъ дѣйствій. Односторонніе и поверхностные теоретики называютъ это недобросовѣстностью. Но фактъ, столь всеобщій, не можетъ зависѣть отъ личныхъ слабостей или пороковъ отдѣльныхъ людей. Онъ долженъ необходимо имѣть какія нибудь основанія въ самой необходимости вещей. Дѣло въ томъ, что съ каждой новой точки зрѣнія перспектива измѣняется. Какому нибудь французскому публицисту очень легко было осуждать англійскихъ министровъ за то, что они, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, вели войну съ Китаемъ для поддержанія торговли опіумомъ. Съ своей точки зрѣнія публицистъ былъ правъ. Но еслибъ ему самому случилось сдѣлаться англійскимъ министромъ, онъ, по всей вѣроятности, продолжалъ бы войну за опіумъ, которую прежде такъ строго осуждалъ. Онъ сказалъ бы: „конечно, торговля опіумомъ безнравственна, но она уже существуетъ и не можетъ быть искоренена моими усиліями, потому что сами китайцы ее хотятъ поддерживать. Еслибъ англичане перестали продавать китайцамъ опіумъ, китайцы нашли бы себѣ другихъ продавцевъ— американцевъ, французовъ, португальцевъ. При томъ же, честь англійскаго флага была оскорблена китайцами. Этого нельзя оставить безъ наказанія. Наконецъ, война ведется вовсе не за опіумъ, а за то, что китайцы нарушили договоры, съ нами заключенные“. И опять, съ своей точки зрѣнія, этотъ человѣкъ былъ бы правъ. Добросовѣстность его въ обоихъ случаяхъ одинакова, различенъ только его взглядъ на вещи, и различіе этого взгляда зависитъ отъ разности положеній. Въ первомъ случаѣ, какъ французскій публицистъ, онъ не имѣлъ ни охоты, ни нужды принимать особенно близко къ сердцу частные интересы Англіи. Онъ рѣшалъ дѣло единственно на основаніи идеи справедливости. Во второмъ случаѣ, какъ англійскій министръ, онъ долженъ заботиться объ этихъ интересахъ. Если они не близки къ его сердцу, тогда именно онъ былъ бы человѣкомъ недобросовѣстнымъ и дурнымъ. Его прежніе товарищи, французскіе журналисты, скажутъ: „онъ измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ“! Онъ будетъ

отвѣчать имъ: „Не мало не измѣнялъ. По прежнему я думаю, что справедливость выше всего. Но, вы согласитесь, справедливость требуетъ, чтобы англійскій министръ принималъ въ соображеніе интересы Англіи. Торговля опіумомъ несправедлива. Но нелѣпо было бы англичанамъ передать эту торговлю въ руки своихъ соперниковъ. Если бы она могла быть прекращена, мы отказались бы отъ нея. Но прекратиться она не можетъ. Ее поддерживаютъ сами китайцы. Они повсюду ищутъ опіума. Или вы хотите, чтобы мы завоевали Китай для истребленія въ китайцахъ насильственными мѣрами привычки къ куренію опіума? Завоеванія Китая нами было бы единственнымъ средствомъ прекратить торговлю опіумомъ. Видите ли, въ какое противорѣчіе вы впадаете? Для прекращенія нашей войны съ Китаемъ вы требуете, чтобы мы завоевали Китай. Вы не хотите понимать настоящаго положенія дѣлъ и требуете вещей несообразныхъ и невозможныхъ,—вещей болѣе несправедливыхъ, нежели самая война за опіумъ. Прежде я, подобно вамъ, не зналъ фактовъ, судилъ по отвлеченной теоріи. Я ни мало не измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Справедливость выше всего. Но въ чемъ же справедливость?—вотъ вопросъ. Чтобы разрѣшить его, нужно знать факты. Прежде я, подобно вамъ, не зналъ ихъ; теперь знаю. Вотъ вся разница между вами и мною". Съ своей точки зрѣнія, онъ будетъ совершенно правъ.

Итакъ, два различныя положенія необходимо ведутъ къ двумъ различнымъ взглядамъ на вещи. Съ измѣненіемъ положенія человѣка измѣняется его точка зрѣнія, измѣняется и характеръ его убѣжденій. Но къ чему намъ говорить объ Англіи и англичанахъ? Иной можетъ сказать, что въ наше время люди дурны, что въ наше время нѣтъ твердости убѣжденій. Лучше мы сошлемся на другой примѣръ, заимствуемый изъ міра непоколебимыхъ убѣжденій и непреклонныхъ характеровъ, изъ міра Римскаго. Лѣтъ тысячи за двѣ до нашего времени Цицеронъ надѣлалъ страшнаго шума, нападая на гнусные, по его мнѣнію, поступки Верреса въ Сициліи. Страшно дурнымъ человѣкомъ выставилъ онъ несчастнаго Верреса: нарушителемъ всѣхъ законовъ, нарушителемъ всякой правды и совѣсти, грабителемъ, убійцей и т. д., и т. д. По словамъ Цицерона, оказывалось, что никогда еще въ мірѣ не бывало негодяя и злодѣя, подобнаго Верресу. Верресъ струсилъ и бѣжалъ изъ Рима, не защищаясь. Совершенно напрасно. Почему бы ему не защищаться? Развѣ не было у него оправданій? Онъ могъ бы сказать Цицерону, напримѣръ, слѣдующее: „Мой другъ! вы не были пропреторомъ въ Сициліи. Вы не знаете этихъ людей. Войдите въ мое положеніе. Я желалъ бы знать, что вы сами стали бы дѣлать на моемъ мѣстѣ? Вы говорите объ уваженіи къ законамъ. Я самъ уважаю ихъ не меньше, нежели вы. Я былъ въ Римѣ Praetor Urbanus. Скажите, нарушалъ ли я тогда законы? Допускалъ ли я подкупъ и клятвопреступленіе въ судѣ? Нѣтъ. Вы этого не можете сказать. Вы видите, въ городѣ, гдѣ возможно правосудіе и законность, я строго держался этихъ священныхъ принциповъ. Но знаете ли вы Сицилію?—Въ этой странѣ нѣтъ понятія о честности, о законности. Если бы вы, мой другъ, вздумали тамъ рѣшать какую нибудь тяжбу по римскимъ законамъ, говорящимъ, что приговоръ долженъ быть основанъ на документахъ и на показа-

ніяхъ свидѣтелей, вы, мой другъ, ни одного дѣла не рѣшили бы справедливо: вамъ представили бы фальшивые документы, облеченные въ строго-легальную форму; вамъ представили бы ложныхъ свидѣтелей, показанія которыхъ были бы неопровержимы по правиламъ легальности; знаете ли вы, мой другъ, что въ Сициліи за какіе нибудь десять сестерціевъ составятъ вамъ какой угодно фальшивый документъ, что вы на рынкѣ найдете тысячи людей, готовыхъ дать какое угодно показаніе въ вашу пользу за пять сестерціевъ? Пропреторъ Сициліи имѣетъ подчиненныхъ ему судей и администраторовъ—всѣ они продажные плуты; вы можете сколько угодно смѣнять и наказывать этихъ людей,—преемники ихъ будутъ точно таковы же. Таковы, mon cher (какъ говорятъ въ Галліи), нравы сициліанцевъ. Васъ обманывали бы на каждомъ шагу. Если бы вы возстановили противъ себя этихъ людей, васъ поймали бы въ такую ловушку, что вы лишились бы и своего пропреторства и головы. Теперь вы обвиняете меня въ административныхъ злоупотребленіяхъ—наказаніемъ можетъ мнѣ за то служить только изгнаніе изъ вашего города Рима (въ которомъ я и жить не хочу — мнѣ гораздо пріятнѣе жить въ Аѳинахъ, между образованными людьми, нежели въ вашемъ полудикомъ Римѣ)—а если бы я возстановилъ противъ себя людей, съ которыми я имѣлъ дѣло въ Сициліи, этихъ взяточниковъ и плутовъ, они обвиняли бы меня въ измѣнѣ Риму, и я, mon cher, рисковалъ бы головою. И какой полезной цѣли я достигъ бы, возстановляя противъ себя всѣхъ и каждаго въ Сициліи? Неужели мнѣ удалось бы въ самомъ дѣлѣ водворить вашу законность и справедливость? Знакомы ли вы, mon cher, съ иберійцемъ Сервантесомъ? Вы хотите, чтобы я разыгрывалъ въ Сициліи роль Донъ-Кихота. Carissime! глупо сражаться съ вѣтряными мельницами. Повѣрьте: не намъ съ вами остановить могущественное дѣйствіе крыльевъ, движимыхъ силами стихій. Благоразумному человѣку лучше всего быть мельникомъ, и брать за свой трудъ по горсти отъ медимна, доставляемаго на обработку въ его мельницы“.

Мы не знаемъ, что могъ бы отвѣчать Цицеронъ на эти возраженія? Юлій Цезарь, конечно, не смутился бы ими. Онъ просто сказалъ бы: „Надобно съ Сициліей поступить такъ, какъ я поступилъ съ Транспаданскою Галліею. Я далъ жителямъ ея право римскаго гражданства. Теперь траспаданцы управляются собственными сановниками. Нѣтъ у нихъ ни пропреторовъ, ни тѣхъ порядковъ или безпорядковъ, которые существовали до моего времени“. Но Цицеронъ былъ врагъ Юлія Цезаря и его благотворныхъ для римскаго государства дѣйствій. Онъ осуждалъ Юлія Цезаря, какъ врага римской республики; онъ старался запутать Юлія Цезаря въ дѣло Катилины. Онъ хотѣлъ задушить Юлія Цезаря рукою палача, какъ задушилъ Лентула. Онъ не могъ бы согласиться съ мнѣніемъ Юлія Цезаря о дѣлѣ Верреса и сициліанцевъ.

Вотъ, въ этомъ дѣлѣ мы имѣемъ трехъ людей, занимающихъ различныя положенія. Верресъ —пропреторъ, Цицеронъ —юристъ, очень благонамѣренный, но ровно ничего не понимающій въ историческомъ ходѣ событій своего времени; Юлій Цезарь -государственный человѣкъ. Сообразно различію своихъ положеній, каждый изъ нихъ смотритъ на дѣло совершенно различными

глазами. Верресъ думаетъ: „Сицилiанцами нельзя управлять съ соблюденiемъ законности и справедливости. Но между тѣмъ, нужно же какъ нибудь управлять ими. Я поставленъ въ необходимость управлять ими такъ, какъ я управляю“. У него исходный пунктъ—нравы сицилiанцевъ. Цицеронъ говоритъ: „Законы должны быть уважаемы. Кто нарушаетъ ихъ, тотъ злодѣй, и долженъ быть наказанъ. Ты, Верресъ, нарушалъ законы, ты злодѣй, и долженъ быть наказанъ“. У него исходная точка — буква закона. Обстоятельствъ онъ не принимаетъ въ соображенiе. Съ своей точки зрѣнiя каждый изъ нихъ правъ. Но и тотъ и другой поставлены своимъ положенiемъ на одностороннюю точку зрѣнiя. И оба, могущiе быть равно добросовѣстными, равно гибельные люди для Сицилiи. Верресъ управляетъ СицилiеЮ беззаконно, но думаетъ, что иначе управлять ею нельзя. Цицеронъ хочетъ, чтобы Сицилiя управлялась по законамъ, но не понимаетъ, что это невозможно при томъ состоянiи и на тѣхъ условiяхъ, въ какихъ поручена Сицилiя Верресу. Но есть третья точка зрѣнiя, принадлежащая Юлiю Цезарю, государственному человѣку, положенiе котораго внушаетъ ему принимать въ соображенiе какъ требованiя легальности, которыми исключительно занятъ юристъ Цицеронъ, такъ и обстоятельства дѣлъ, которыми исключительно занятъ администраторъ Верресъ. Юлiй Цезарь говоритъ: „Въ настоящемъ положенiи дѣлъ СицилiеЮ нельзя управлять законно и справедливо. Въ этомъ правъ Верресъ. Но беззаконное управленiе пагубно и несправедливо: въ этомъ правъ Цицеронъ. Итакъ, нужно измѣнить положенiе дѣлъ въ Сицилiи. Средства къ тому я ужъ показалъ, давъ транспаданской Галлiи права римскаго гражданства. Этимъ я улучшилъ нравы транспаданцевъ и водворилъ въ транспаданской Галлiи законный порядокъ, котораго прежде не существовало въ ней“.

Все это мы говорили къ тому, чтобы показать, какъ различныя точки зрѣнiя на предметъ необходимо вытекаютъ изъ различныхъ положенiй человѣка. Различiе темперамента, даже (страшно сказать) различiе въ нравственныхъ качествахъ человѣка ничтожно бываетъ передъ вліянiемъ его положенiя на образъ его мыслей. Верресъ былъ дурной человѣкъ (положимъ, хотя на то нѣтъ неопровержимыхъ доказательствъ), но подобно ему въ его положенiи дѣйствовали и всѣ другiе римскiе проквесторы, пропреторы и проконсулы,—и Катонъ, и Брутъ, и самъ Цицеронъ, когда былъ проконсуломъ.—Цицеронъ былъ хорошiй человѣкъ (положимъ, хотя многiе въ томъ сомнѣваются),—въ такомъ случаѣ Гортензiй, выступившiй ему противникомъ въ тяжбѣ Верреса, былъ вѣроятно дурной человѣкъ. Но Цицеронъ и Гортензiй оба въ совершенно одинаковомъ духѣ обрабатывали Римское Право. И конечно, никто не скажетъ, чтобы нравственные недостатки юриста когда нибудь отражались въ духѣ законовъ, имъ составляемыхъ. Хотя бы юристъ былъ убiйца и разбойникъ, онъ никогда не напишетъ законовъ, покровительствующихъ убiйству и разбою. Джеффрейзъ, съ которымъ наши читатели знакомы изъ Маколея, былъ величайшiй въ мiрѣ злодѣй и негодяй. Каждое его дѣйствiе было преступно; но однакоже истолкованiя закона, которыя составлялъ онъ, по обязанности канцлера, составлены совершенно вѣрно духу англiйскаго законодательства и до сихъ поръ уважаются англiй-

скими юристами. — Въ нравственномъ отношеніи Юлій Цезарь былъ, конечно, ниже Цицерона; по всей вѣроятности, былъ ниже Верреса. По крайней мѣрѣ Верреса не ловили переодѣтаго въ женское платье въ комнатахъ женъ его пріятелей, какъ ловили Цезаря; Верресъ не поступалъ съ своими товарищами по преторству такъ нагло и безсовѣстно, какъ Цезарь съ своимъ товарищемъ по консульству, Бибуломъ. Но онъ былъ истинно государственный человѣкъ, и этого было довольно. Каковъ бы ни былъ онъ самъ, но его правленіе было мудро и благодѣтельно для государства. Цицеронъ пробовалъ браться за правленіе, и, при всей своей честности, каждый разъ дѣлалъ страшную бѣду своему отечеству, только потому, что не могъ становиться на точку зрѣнія государственнаго человѣка.

Если положеніе человѣка имѣетъ столь рѣшительную силу надъ его дѣятельностію, надъ міромъ фактовъ столь твердыхъ, опредѣлительныхъ, неуступчивыхъ, то конечно не меньше силы должно оно оказывать надъ его убѣжденіями, предметомъ столь общимъ, гибкимъ, измѣнчивымъ. Утопить или вытащить изъ воды человѣка—вотъ факты: въ нихъ нѣтъ двусмыслія, въ нихъ невозможна ошибка. Я топлю человѣка:—я не могу ошибаться въ смыслѣ своего дѣйствія. Я никакъ не могу скрыть отъ себя, что я лишаю его жизни. Я вытаскиваю его изъ воды—опять для меня невозможны никакія недоразумѣнія. Я совершенно опредѣлительно знаю, что я спасаю ему жизнь. Таковы ли отношенія человѣка къ общимъ мыслямъ, къ отвлеченнымъ понятіямъ? Каждое слово, входящее въ формулу моихъ убѣжденій, допускаетъ столько различныхъ оттѣнковъ смысла, принимаетъ столько истолкованій! Тутъ очень легки непроизвольныя недоразумѣнія предъ самимъ собой; тутъ открыто, при всей добросовѣстности человѣка, самое широкое поле заблужденія передъ самимъ собой. У трехъ людей въ различныхъ положеніяхъ на устахъ одна и та же фраза, о которой каждый изъ нихъ говоритъ, что она выражаетъ основное его убѣжденіе: „я хочу справедливости“, говорятъ и Верресъ, и Цицеронъ, и Юлій Цезарь. Значитъ ли это, что они сходятся въ своихъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ? Не торопитесь объявлять ихъ людьми одинаковаго образа мыслей. Прежде разберите, въ какомъ смыслѣ представляется эта фраза каждому изъ нихъ. Говоря „я хочу справедливости“, Верресъ говоритъ: „я хочу, чтобы меня оправдали за мое управленіе Сицилією. Несправедливо было бы наказать человѣка за то, что онъ не соблюдалъ формальностей, соблюденіе которыхъ было для него физически невозможно“. Тою же самою фразою „я хочу справедливости“ Цицеронъ говоритъ совершенно иное: „я хочу, чтобы наказанъ былъ Верресъ. Справедливость требуетъ, чтобы человѣкъ, нарушившій законы, былъ наказанъ по законамъ“. Опять тою же самою фразою „я хочу справедливости“, Юлій Цезарь говоритъ совершенно иное: „я хочу низвергнуть Помпея и Цицерона. Справедливость требуетъ, чтобы государство было управляемо сообразно съ своими потребностями. Помпей и Цицеронъ совершенно не понимаютъ этихъ потребностей и вводятъ Римъ въ безконечныя бѣдствія. Справедливость требуетъ, чтобы они удалились отъ дѣлъ, заниматься которыми не способны, и чтобы эти дѣла поручены были человѣку, который одинъ въ цѣломъ Римѣ способенъ вести ихъ надлежащимъ

образомъ съ выгодою для государства, то есть поручены были мнѣ. А что касается до тяжбы Цицерона съ Верресомъ, это нелѣпость, основанная на тупоумныхъ односторонностяхъ той и другой партіи. Справедливость требовала бы объявить торжественно на форумѣ и Цицерона и Верреса глупцами; но такъ какъ это дѣло пустое, то лучше его бросить". — Да: очень различенъ бываетъ смыслъ однихъ и тѣхъ же словъ въ различныхъ устахъ.

Весь этотъ эпизодъ, быть можетъ, слишкомъ длинный, клонится къ тому, чтобы извинить Буеракина, давно нами покинутаго подъ тяжестью обвиненія, будто бы его дѣйствія противорѣчатъ его убѣжденіямъ. Намъ кажется, что обвиненіе противъ него взведено совершенно напрасно. Если вы, читатель, пренебрегаете Буеракинымъ, какъ человѣкомъ двуличнымъ, какъ эгоистомъ, жертвующимъ своими убѣжденіями своей лѣности или выгодѣ, вы введены въ совершенное заблужденіе, и притомъ очень грубое заблужденіе, поверхностнымъ предположеніемъ, будто бы Буеракинъ смотритъ на вещи такими же глазами, какъ вы (я предполагаю, что вы смотрите на вещи такими же глазами, какъ я,—предположеніе также, быть можетъ, ошибочное); вы введены въ ошибку тѣмъ, что онъ употребляетъ фразы, которыя употребляете вы, что онъ любитъ слова, входящія въ составъ этихъ фразъ, точно также, какъ и вы. Но съ чего же взяли вы, что подъ этими словами онъ понимаетъ тоже самое, что понимаете вы? Вникните хорошенько въ выраженія, которыми онъ окружаетъ свои слова, одинаковыя съ вашими словами, и вы убѣдитесь, что въ сущности онъ придаетъ этимъ словамъ тотъ самый смыслъ, о какомъ свидѣтельствуютъ его поступки; вы увидите, что теоретическая сторона жизни этого человѣка совершенно соотвѣтствуетъ практической; вы увидите, что Буеракинъ человѣкъ, вѣрный въ жизни своимъ убѣжденіямъ. Ключъ къ убѣжденіямъ Буеракина находится въ тѣхъ фразахъ, которыя произноситъ онъ по случаю ссоры между Абрамомъ Семенычемъ и Ѳедоромъ Карлычемъ. По его мнѣнію, Ѳедоръ Карлычъ правъ, и сверхъ того, безъ Ѳедора Карлыча плохо пришлось бы самому Абраму Семенычу и его товарищамъ, какъ людямъ непривычнымъ и неспособнымъ къ порядочной жизни. Кромѣ того Буеракинъ совершенно убѣжденъ, что можетъ положиться на Ѳедора Карлыча, который вѣрно соблюдатъ выгоды его, Буеракина. Въ этихъ убѣжденіяхъ разгадка всей личности Буеракина, всего образа его мыслей и всей его жизни. Если вы убѣдитесь въ томъ, вамъ трудно будетъ не признать полной добросовѣстности Буеракина. Вамъ могутъ не нравиться его убѣжденія, но вы не откажете ни убѣжденіямъ этимъ въ искренности, ни лицу его въ строгой честности и благонамѣренности.

Мы много разъ упоминали о томъ, что различіе темпераментовъ и личныхъ наклонностей не имѣетъ столь важнаго вліянія на образъ жизни и дѣятельность людей, какъ многіе предполагаютъ. У Владиміра Константиныча Буеракина есть родственникъ, съ которымъ знакомитъ насъ Щедринъ въ монологѣ, имѣющемъ эпиграфъ: „vir bonus, dicendi peritus". Темпераментомъ этотъ родственникъ совершенно отличается отъ Владиміра Константиныча. У Владиміра Константиныча есть наклонность къ созерцательной жизни. У его кузена, напротивъ, чрезвычайно развита практичность. Тотъ —Платонъ, этотъ —

Аристотель или даже Ѳемистоклъ. Такъ мы ихъ и будемъ называть въ нашей параллели, отчасти изъ подражанія Плутарху, отчасти для краткости. Платонъ живетъ дикаремъ въ деревнѣ, Ѳемистоклъ—душа общества въ губернскомъ городѣ. Платонъ, какъ мы положительно знаемъ, человѣкъ холостой и любитъ волочиться. Ѳемистоклъ, по всей вѣроятности, женатъ, очень любитъ свою жену и совершенно вѣренъ ей (точно также, какъ подругѣ, которую имѣетъ, конечно, независимо отъ жены). У Платона нѣтъ дѣтей; а еслибъ и были, то, безъ сомнѣнія, пошли бы по міру нищими. У Ѳемистокла, безъ сомнѣнія, есть очень миленькія дѣти, и отецъ такъ заботится о нихъ, что хотя и достанется имъ наслѣдство послѣ ихъ родственника Платона, но отецъ, не жалѣя своихъ силъ, старается еще болѣе обезпечить ихъ будущность. Платона всѣ считаютъ злоязычникомъ и избѣгаютъ встрѣчи съ нимъ, хотя въ душѣ, а часто и на словахъ, всѣ надъ нимъ смѣются и никто его не боится, всѣ напротивъ помыкаютъ имъ. Ѳемистоклъ чрезвычайно любезенъ и остороженъ въ обращеніи, всѣ находятъ удовольствіе быть съ нимъ въ обществѣ, но всѣ боятся его. Одну только общую точку можно отъискать въ личностяхъ Платона и Ѳемистокла: оба они чрезвычайно обходительны съ людьми, низшими ихъ по званію, и вообще очень гуманны въ своемъ обращеніи. Словомъ сказать — трудно найти контрастъ болѣе полный и рѣзкій, нежели контрастъ между Платономъ и Ѳемистокломъ, но однакоже, при всемъ безконечномъ различіи въ темпераментахъ и наклонностяхъ, рѣчь Ѳемистокла могла бы служить продолженіемъ и во всякомъ случаѣ должна служить дополненіемъ къ рѣчамъ Платона. Чтобы убѣдить въ томъ читателя, мы приведемъ начало этой мастерской рѣчи, одной изъ лучшихъ въ книгѣ Щедрина:

„Если вы думаете, что мы имѣемъ дѣло съ этою грязью, avec cette canaille, то весьма ошибаетесь. На это есть писаря, ну, и другіе тамъ; это ихъ обязанность. они такъ и созданы... Мы всѣ слишкомъ хорошо воспитаны, мы обучились разнымъ наукамъ, мы мечтаемъ о томъ, чтобы у насъ все было чисто, у насъ такіе опрятные взгляды на администрацію... согласитесь сами, что даже самое comme il faut запрещаетъ намъ мараться въ грязи. Какой нибудь Иванъ Петровичъ или Фейеръ —это понятно: они тамъ родились, тамъ и выросли; ну, а мы совсѣмъ другое. Мы желаемъ, чтобы и формуляръ нашъ былъ чистъ, и репутація не запятнана—vous comprenez?

„Повторяю вамъ, вы очень ошибаетесь, если думаете, что вотъ я призову мужика, да такъ и начну его собственными руками обдирать... Фи! Вы забыли, что отъ него тамъ, Богъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ... да и не хочу я совсѣмъ давать себѣ этотъ трудъ. Я, просто, призываю писаря, или тамъ другаго, et je lui dis „mon cher, tu me dois tant et tant“—ну, и дѣло съ концомъ. Какъ ужъ онъ тамъ дѣлаетъ — это до меня не относится.

„Я самъ терпѣть не могу взяточничества—фуй, мерзость! Взятки опять-таки берутъ только Фейеры да Трясучкины, а у насъ на это совсѣмъ другой взглядъ. У насъ не взятки, а администрація; я требую только *должнаго*, а какъ оно тамъ изъ нихъ выходитъ, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Моя обязанность, только исчислять статьи: гоньба тамъ что ли, дорожная повинность, рекрутство... Tout cela doit rapporter“.

Много матеріаловъ для размышленія представляетъ книга, „собранная и изданная г. М. Е. Салтыковымъ“. Изъ двухъ или трехъ сотъ типовъ, представляемыхъ записками его Щедрина, мы разсмотрѣли только три. Изъ двадцати трехъ статей, составляющихъ „Губернскіе очерки“, мы коснулись

только нѣкоторыхъ страницъ изъ пяти очерковъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы осудить все замѣчательное и важное въ „Запискахъ“ Щедрина, долженъ былъ бы къ двумъ томикамъ его „Губернскихъ очерковъ“ прибавить двадцать огромныхъ томовъ комментарій. Работа,—читатель, вѣроятно, ожидаетъ, что мы скажемъ: громадная или утомительная? Нѣтъ—работа легкая и до такой степени заманчивая для пишущаго, что трудно намъ теперь сказать себѣ: „довольно, довольно: и безъ того статья уже длинна, вѣроятно, слишкомъ длинна“.

Читатели, по всей вѣроятности, совершенно разочарованы въ своихъ предположеніяхъ содержаніемъ нашей статьи. Читатели, вѣроятно, ожидали, что, по поводу книги Щедрина, мы будемъ говорить объ общественныхъ вопросахъ, которые возбуждаются „Губернскими очерками“. Другіе, быть можетъ, думали, что мы коснемся художественныхъ вопросовъ, ими возбуждаемыхъ. Первая задача дѣйствительно имѣетъ значительную привлекательность. Но, пусть простятъ насъ читатели. Гораздо интереснѣе показалось намъ сосредоточить все наше вниманіе исключительно на чисто-психологической сторонѣ типовъ, представляемыхъ Щедринымъ. Мы охотно признаемся, что этотъ личный нашъ вкусъ, быть можетъ, ошибоченъ: но чтожъ дѣлать?—У каждаго человѣка есть свои любимыя пристрастія, есть свои любимыя теоріи, есть свои любимыя мысли, о которыхъ онъ готовъ говорить кстати и не кстати. У насъ два такихъ пристрастія: во-первыхъ, наклонность къ разрѣшенію чисто психологическихъ задачъ, во-вторыхъ, наклонность къ извиненію человѣческихъ слабостей. Намъ показалось, что, защищая людей, мы не защищали злоупотребленій. Намъ казалось, что можно сочувствовать человѣку, поставленному въ фальшивое положеніе, даже не одобряя всѣхъ его привычекъ, всѣхъ его поступковъ. Удалось ли намъ провести эту мысль съ достаточной точностью, пусть судятъ другіе.

Что же касается литературныхъ достоинствъ книги, изданной г. Салтыковымъ.—о нихъ также пусть судятъ другіе. „Губернскіе очерки“ мы считаемъ не только прекраснымъ литературнымъ явленіемъ,—эта благородная и превосходная книга принадлежитъ къ числу историческихъ фактовъ русской жизни.

„Губернскими очерками“ гордится и долго будетъ гордиться наша литература. Въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ русской земли Щедринъ имѣетъ глубокаго почитателя. Честно имя его между лучшими, и полезнѣйшими, и даровитѣйшими дѣтьми нашей родины. Онъ найдетъ себѣ многихъ панегиристовъ, и всѣхъ панегириковъ достоинъ онъ. Какъ бы ни были высоки тѣ похвалы его таланту и знанію, его честности и проницательности, которыми поспѣшатъ прославлять его наши собратія по журналистикѣ, мы впередъ говоримъ, что всѣ эти похвалы не будутъ превышать достоинствъ книги, имъ написанной.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Труды Коммиссіи, Высочайше учрежденной при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. *Томъ третій. Кіевъ. 1855.*

Статьи, вошедшія въ составъ этого тома „Трудовъ Коммиссіи для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа“, были написаны въ различное время; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ видно по цензурнымъ числамъ, были одобрены къ печати еще въ 1853 году, другія принадлежатъ уже 1856 году. Не знаемъ, когда явился этотъ томъ въ Кіевѣ, но въ Петербургѣ онъ полученъ только въ послѣднее время: несмотря на 1855 годъ, выставленный на его оберткѣ, онъ новость для большей части нашей публики и для насъ.

Статьи, помѣщенныя въ немъ, принадлежатъ четыремъ различнымъ отдѣламъ науки; 1) къ естествознанію относятся: г. Траутфеттера „Историческія изслѣдованія флоры“ и г. Роговича „Обозрѣніе сосудистыхъ и полусосудистыхъ растеній“ губерній Кіевскаго Учебнаго Округа; 2) къ сельскому хозяйству и промышленности: гг. Тарновскаго и Ходецкаго „Программа сельско-хозяйственнаго описанія“ и г. Бунге „О желѣзной промышленности губерній Кіевскаго Учебнаго Округа“; г. Базинера „Изслѣдованіе о табачной промышленности въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской“; г. Понятовскаго „Практическія замѣчанія о свекло-сахарной промышленности въ Юго-Западныхъ губерніяхъ“; кромѣ того, свѣдѣнія, сообщенныя разными лицами „о гусеницѣ, истреблявшей сахарную свекловицу въ 1855 году“ и „объ известковомъ камнѣ“. 3) Статистикѣ принадлежатъ изслѣдованія г. Маркевича „О народонаселеніи Полтавской губерніи“ и покойнаго Журавскаго „О кредитныхъ сдѣлкахъ въ Кіевской губерніи“. 4) По этнографіи помѣщена „Программа для этнографическаго описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа“, составленная кн. Дабижею и г. Метлинскимъ.

Предоставляя спеціальнымъ журналамъ оцѣнить достоинство статей, относящихся къ естественнымъ наукамъ и сельскому хозяйству, мы обратимъ свое вниманіе исключительно на тѣ статьи третьяго тома „Трудовъ“, которыя принадлежатъ статистикѣ.

Г. Маркевичъ не почелъ нужнымъ ограничить свою статью предѣлами статистики: онъ пускается въ историческія расчисленія и размышленія, споритъ съ Валласомъ, Петавіемъ и Монтескье о томъ, дѣйствительно ли во

времена Юлія Цезаря населеніе земнаго шара простиралось до 30,000 милліоновъ душъ, дѣйствительно ли городъ Ѳивы имѣлъ 70,000,000 жителей, дѣйствительно ли за 4,000 лѣтъ до Р. Х. было на землѣ 700,000 милліоновъ жителей,—и, надобно отдать ему справедливость, полагаетъ, что эти цифры неправдоподобны. Споритъ онъ также съ какимъ-то „русскимъ писателемъ“ о томъ, можно ли по русски говорить „милькаре“, какъ по французски говорится mille carée, — и опять таки справедливость на его сторонѣ: дѣйствительно, по русски не годится говорить „милькаре“. Люди, любящіе ограничивать ученыя изслѣдованія слишкомъ точными предѣлами, могутъ сказать, что эти эпизоды излишни; нѣчто подобное найдутъ они и въ нѣкоторыхъ изъ таблицъ, составляющихъ существенную часть статьи г. Маркевича. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, они принесутъ ему благодарность за трудолюбіе, съ которымъ собралъ онъ чрезвычайно многочисленный и богатый запасъ цифръ относительно населенія Полтавской губерніи. Не совершенно слѣдуя общепринятымъ рубрикамъ въ своихъ таблицахъ, г. Маркевичъ однако же представилъ много данныхъ интересныхъ и важныхъ. Не всегда его разсчеты о постепенномъ возрастаніи или уменьшеніи населенія въ Полтавской губерніи произведены согласно требованіямъ науки, но всегда они сопровождаются положительными данными, на основаніи которыхъ легко могутъ быть провѣрены.

Относительно обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ приращеніе населенія, г. Маркевичъ, сравнивая цифры, приходитъ къ слѣдующимъ справедливымъ выводамъ:

Число дворянъ въ Полтавской губерніи съ 1843 по 1848 годъ увеличивалось ежегодно на 2,80%.

Число мѣщанъ—на 2,71%.

Крестьянъ различныхъ наименованій—на 1,81%.

Эта разница цифръ получитъ еще больше значенія, когда мы сообразимъ, что по естественному порядку, смертность въ городахъ, гдѣ сосредоточены мѣщане и большая часть дворянъ, должна была бы быть гораздо значительнѣе, нежели въ селахъ. Но неблагопріятное вліяніе городской жизни, какъ видимъ, далеко превозмогается вліяніемъ различія сословій.

„И такъ, заключаетъ г. Маркевичъ, мы видимъ, что прибыль народо-„населенія увеличивается по мѣрѣ богатства и привилегій сословія“.

Разсматривая числа смертности отъ различныхъ болѣзней и находя, что большинство людей въ Полтавской губерніи умираетъ отъ болѣзней, которыя, собственно говоря, должны называться ничтожными, потому что легко уступаютъ самымъ легкимъ медицинскимъ средствамъ, г. Маркевичъ приходитъ къ заключенію, что недостатокъ этихъ пособій долженъ считаться одною изъ причинъ большой смертности, какую обнаруживаютъ у насъ статистическія таблицы. Въ самомъ дѣлѣ, въ Полтавской губерніи приходится одинъ медикъ на 21,628 душъ и одна аптека на 92,512 душъ.

„Если бы ближайшіе между собою сосѣди (продолжаетъ г. Маркевичъ), „которыхъ имѣнія составляютъ, взятыя вмѣстѣ, отъ 500 до 1,000 душъ, „имѣли медика на общій счетъ, это дѣло было бы не только христіанское, „но выгодное по разсчету. Напрасно, опровергая важность исполненія моей

„мысли, скажутъ, что при докторѣ должны быть больница, фельдшера, при„слуга, аптека и повивальная бабка, и что это повлечетъ къ издержкамъ „не по силамъ: если докторъ сбережетъ три на сто (изъ числа больныхъ) „въ годъ, такъ издержка покрыта. Повторяю: у насъ весьма много людей „гибнетъ отъ того, что не была подана помощь немедленно, или не была „подана вовсе".

Далѣе, г. Маркевичъ разсматриваетъ вліяніе на здоровье, производимое крестьянскими избами съ соломенными крышами и тому подобными принадлежностями, и, разумѣется, замѣчаетъ, что это вліяніе пагубно. — „Но такъ привыкли жить поселяне", слышится ему возраженіе такъ называемыхъ практическихъ людей. Онъ отвѣчаетъ съ прекраснымъ негодованіемъ:

„Скажутъ, что привычка—вторая натура?—Ложь! привыкнуть къ по„стоянно-вредному—дѣло невозможное. Растеніе мыса Доброй Надежды ра„стетъ и цвѣтетъ хило и блѣдно въ теплицѣ,—какъ же привыкнуть къ та„кой избѣ?—Должно отдать малороссіянкамъ справедливость: онѣ опрятны, „въ избѣ любятъ чистоту, къ днямъ праздничнымъ обмазываютъ на-ново, „бѣлятъ избу, моютъ скамьи и столы; себя содержатъ въ опрятности; счи„таютъ стыдомъ явиться съ грязными ногами; но о здоровьѣ мало забо„тятся, жертвуя онымъ въ пользу скота. Ихъ нельзя обвинять, скотъ со„ставляетъ ихъ достояніе. Но тѣ, для которыхъ книги пишутся, не могутъ „ли, хотя нѣсколько, бѣдѣ пособить"?

Извѣстно, какъ необходима человѣку работающему мясная пища. Изъ людей, знающихъ Малороссію по наслышкѣ, многіе воображаютъ, будто обыкновенная пища малорусскаго поселянина—борщъ съ свининою и сало. Г. Маркевичъ совершенно опровергаетъ относительно Полтавской губерніи это предубѣжденіе. Знаменитый малорусскій борщъ вовсе не нуждается въ свининѣ и салѣ, онъ довольствуется капустною и свекольною приправою. „ — „то есть, говоритъ г. Маркевичъ,—пища народная состоитъ только изъ ве„ществъ мучныхъ и растительныхъ; изрѣдка свиное сало и баранина". Изъ этого мы видимъ, что поселяне Полтавской губерніи относительно количества потребляемаго ими мяса не отличаются отъ поселянъ великорусскихъ губерній.

Долгъ защищать отечество есть первая и священнѣйшая обязанность гражданина. Пропорція людей, посвящающихъ себя этой обязанности, къ числу всего взрослаго мужскаго населенія, способнаго къ тягловой работѣ, въ Смоленской губерніи опредѣляется какъ 28 къ 100,—то есть, изъ тысячи мужчинъ, способныхъ къ работѣ, 280 человѣкъ посвящаютъ себя защитѣ отечества *). Кіевская губернія, въ 16 лѣтъ, отъ 1835 по 1850 г. включительно, по показанію г. Маркевича, „выдала государству защитни„ковъ, охраняющихъ его неприкосновенность, 45,833, не считая евреевъ „м ѣщанъ",—то есть эта цифра рекрутъ относится къ одному сельскому рабочему населенію. По приблизительному разсчету, принимая среднее число мужскаго сельскаго населенія за эти годы въ 800,000 душъ, и считая

*) См. „Русскій Вѣстникъ" 1857 г., № 9, статью г. Неелова „Раціональное сельское хозяйство", стр. 122.

число мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ (отъ 18 до 58 лѣтъ) равнымъ половинѣ общаго числа мужчинъ, то есть, для всей губерніи 400,000 сельскихъ работниковъ, мы получимъ, что въ 16 лѣтъ изъ 1,000 работниковъ поступили въ военную службу 115 человѣкъ; а такъ какъ это число поступило въ продолженіе 16 лѣтъ, весь же періодъ рабочей жизни простирается до 40 лѣтъ, то по пропорціи 16:40 или 4:10, въ Полтавской губерніи изъ 1,000 рабочихъ сельскаго населенія посвящаютъ себя воинской службѣ 287 человѣкъ. Въ Кіевской губерніи *), по расчисленію за 11-ть лѣтъ (1836—1846 включительно) поступало въ рекруты ежегодно 2,458 человѣкъ, при среднемъ приблизительномъ числѣ 790,000 душъ мужескаго пола; считая въ томъ числѣ сословія, отправляющія рекрутскую повинность 91% **), мы получимъ, что среднее число душъ, съ которыхъ брались рекруты, въ тотъ періодъ въ Кіевской губерніи было 719,000; изъ нихъ, рабочаго народа было около 359,500 душъ; въ теченіе 40-лѣтняго періода, ежегодная цифра 2,458 рекрутъ составитъ 98,380 душъ,—а эта послѣдняя цифра относится къ общему числу работниковъ (359,500) какъ 272 къ 1,000. Сличая эти числа по тремъ губерніямъ, мы находимъ, что распредѣленіе рекрутской повинности по губерніямъ происходитъ очень уравнительно, не только по числу ревизскихъ душъ, но и по числу наличныхъ работниковъ, именно:

Губерніи.	Изъ 1,000 взрослыхъ мужчинъ отправляютъ воинскую обязанность приблизительно:
Смоленская . . .	280 (по цифрамъ г. Я. Соловьева).
Полтавская . . .	287 (по цифрамъ г. Маркевича).
Кіевская. . . .	272 (по цифрамъ гг. Фундуклея или Журавскаго).

Средняя цифра по тремъ губерніямъ 279 2/3.

Отъ соображеній, уже выведенныхъ г. Маркевичемъ изъ представляемыхъ имъ таблицъ, переходя къ другимъ выводамъ, представляемымъ цифрами, которыя собралъ онъ въ многочисленныхъ таблицахъ, мы остановимся прежде всего на таблицѣ № 8, „Распредѣленіе земель на ревизскую душу“. Общій итогъ, ею представляемый, таковъ:

	Въ имѣніяхъ дворянскихъ.	Въ имѣніяхъ государствен.
Число ревизскихъ душъ.	328,816	413,211
Число десятинъ земли	2,694,869	1,037,365
Средняя пропорція десят. на ревиз. душу . . .	8,33	2,53

Таково отношеніе и въ другихъ губерніяхъ: повсюду, гдѣ есть дворянскія имѣнія, населеніе въ нихъ гораздо рѣже, нежели въ имѣніяхъ государственныхъ. Это конечно надобно объяснить отчасти тѣмъ, что въ отдаленныя времена, пока не было правильнаго размежеванія, помѣщики распахивали государственныя земли, которыя потомъ и остались за ними по праву

*) См. „Описаніе Кіевской губерніи“, составленное подъ редакціею покойнаго Журавскаго и изданное г. Фундуклеемъ, томъ I, стр. 165.

**) Эти приблизительныя цифры получаются изъ таблицъ, представленныхъ въ „Описаніи Кіевской губерніи“. Т. I, на стр. 139—141 и 177.

давности владѣнія, отчасти другимъ, законнымъ способомъ пріобрѣтенія, какъ-то покупкою и полученіемъ въ пожалованіе, отчасти наконецъ тѣмъ, что населеніе въ имѣніяхъ государственныхъ возрастаетъ быстрѣе, нежели въ дворянскихъ.

Въ Полтавской губерніи только въ двухъ уѣздахъ дворянскія имѣнія обладаютъ пропорціею земли нѣсколько менѣе, нежели въ два раза превышающею количество земли, приходящейся въ тѣхъ же уѣздахъ на ревизскую душу въ государственныхъ имѣніяхъ (Миргородскій уѣздъ двор. им. $3^3/_4$ дес. на душу, госуд. им. $2^1/_2$ дес., пропорція=$1^1/_2$; Гадячскій уѣздъ $4^1/_2$ и $2^1/_2$ десят., пропорція = $1^4/_5$); въ одномъ уѣздѣ пропорція = 2 (Роменскій уѣздъ двор. им. $3^1/_4$, госуд. им. $1^3/_4$ дес.); во всѣхъ остальныхъ 12-ти уѣздахъ пропорція земли въ дворянскихъ имѣніяхъ болѣе, нежели двойная, сравнительно съ государственными имѣніями; въ нѣкоторыхъ она простирается слишкомъ до 4-хъ десятинъ противъ одной десятины (Лубенскій уѣздъ, двор. им. $11^1/_2$, госуд. им. $2^1/_4$ десят. на душу, пропорція=$5^1/_9$; Золотоношскій уѣздъ, двор. им. $11^3/_4$, госуд. им. $2^1/_4$ дес. на душу, пропорція=$5^2/_9$; въ Кобелякскомъ уѣздѣ дворянскія имѣнія владѣютъ $13^3/_4$ десят., а государственныя $2^3/_4$ десятины на ревизскую душу,— пропорція=5); а въ Зиньковскомъ уѣздѣ приходится на ревизскую душу даже по 7 десятинъ въ дворянскихъ противъ 1 десятины въ государственныхъ имѣніяхъ ($12^1/_4$ десят. на рев. душу въ двор., и $1^3/_4$ десят. въ госуд. имѣніяхъ).

Таблица № 17 представляетъ цифры населенія городовъ Полтавской губерніи въ 1835 и 1850 годахъ. Во всѣхъ 15-ти городахъ въ 1835 году считалось 114,500 жителей обоего пола, въ 1850 году—110,728 жителей; и такъ, съ 1835 по 1850 годъ число городскаго населенія въ Полтавской губерніи уменьшилось на 3,322 души, или на 3%; разсматривая цифры по каждому городу въ отдѣльности, находимъ, что въ пяти городахъ населеніе нѣсколько увеличилось, хотя незначительнымъ образомъ (болѣе всего въ Прилукѣ: 1835 г. 6,941 жителей, въ 1850 году — 8,769 жителей), а въ остальныхъ десяти городахъ уменьшилось.

Изъ таблицъ №№ 38 и 39 („Движеніе населенія въ имѣніяхъ помѣщичьихъ и государственныхъ"), составленныхъ на основаніи метрическихъ книгъ нѣсколькихъ приходовъ за 16 лѣтъ (1835 — 1850), заимствуемъ итоги. Чтобы результаты сравненія были очевиднѣе, г. Маркевичъ производилъ исчисленія надъ одинаковымъ по возможности количествомъ душъ въ тѣхъ и другихъ имѣніяхъ, — именно, для сравненія онъ взялъ помѣщичьи селенія съ 100,094 душъ населенія, и государственныя селенія съ 100,033 душъ населенія по 8-й ревизіи.

Количество рождающихся зависитъ, какъ извѣстно, не отъ степени благосостоянія жителей, а отъ степени плотности населенія: чѣмъ больше земли приходится на душу, тѣмъ болѣе бываетъ число рожденій. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Полтавской губерніи, какъ мы знаемъ, гораздо болѣе земли, нежели въ государственныхъ, потому и перевѣсъ рожденій на ихъ сторонѣ: число родившихся въ теченіе 16 лѣтъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ простиралось до 106,601 младенца обоего пола, между тѣмъ какъ въ государственныхъ имѣніяхъ только до 92,755 душъ.

Но степень смертности находится, какъ извѣстно, въ совершенной зависимости отъ степени благосостоянія. Чѣмъ выше благосостояніе, тѣмъ менѣе смертности въ населеніи. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ теченіе 16 лѣтъ умерло 85,245 душъ обоего пола, въ государственныхъ только 72,202.

Наконецъ, очень любопытна таблица № 52 „Приращеніе народонаселенія въ селахъ, имѣющихъ пособіе медицины и лишенныхъ онаго“. Въ восьми селахъ, имѣющихъ постояннаго медика или постоянно посѣщаемыхъ медикомъ въ условные дни, и въ десяти селахъ, не имѣющихъ медицинскаго пособія, г. Маркевичъ нашелъ слѣдующія цифры по движенію населенія за 16 лѣтъ:

	Села съ медиками:		Безъ медиковъ:
Населеніе по 8-й ревизіи . .	15,013	—	15,687
Число родившихся	16,636	—	15,787
Число умершихъ	12,215	—	13,433
Прибыль населенія	4,421	—	2,350

Итакъ, при населеніи, почти равномъ, число родившихся въ первыхъ селахъ значительнѣе, а число умирающихъ менѣе, нежели въ послѣднихъ. Прибыль населенія въ селахъ, пользующихся медицинскими пособіями, равняется въ 16 лѣтъ 29%, а въ селахъ, не пользующихся этими пособіями, только 15%,—иначе сказать, изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что при медицинскихъ пособіяхъ населеніе возрастаетъ почти вдвое быстрѣе, нежели безъ медицинскихъ пособій.

Статья покойнаго Д. П. Журавскаго „О кредитныхъ сдѣлкахъ въ Кіевской губерніи“ имѣетъ, какъ и всѣ изслѣдованія этого замѣчательнаго ученаго, большое научное достоинство. Прежде всего заслуживаетъ особеннаго вниманія счастливая и чрезвычайно вѣрная мысль Журавскаго, что не только крѣпостныя и явочныя книги Гражданскихъ Палатъ и Уѣздныхъ Судовъ, но также и маклерскія книги, о которыхъ почти не вспоминаютъ при изслѣдованіи движенія цѣнностей и кредитныхъ сдѣлокъ, должны служить важнѣйшими матеріалами для изученія этого предмета. „Все это еще „не тронуто, продолжаетъ Журавскій:—но надобно полагать, что наступитъ „наконецъ время, когда вопросы общественные получатъ интересъ и важность „для публики; тогда польза ученыхъ изслѣдованій и извлеченій фактовъ изъ „сказанныхъ матеріаловъ будетъ надлежащимъ образомъ оцѣнена“. (Грустно подумать, что смерть похитила у насъ Журавскаго именно при самомъ пробужденіи того интереса, о недостаткѣ котораго жалѣлъ, похитила этого благороднаго, неутомимаго и высоко-даровитаго ученаго именно въ то время, когда начиналась настоящая и полезнѣйшая пора для его дѣятельности). „Между тѣмъ, говоритъ онъ, подготовка сихъ послѣднихъ (т. е. матеріаловъ) „для будущихъ трудовъ была бы не безполезна и нынѣ; тѣмъ болѣе, что „по однообразію учрежденій, она доступна у насъ всякому, занимающемуся „статистикою, во всѣхъ пунктахъ Государства. Нужно только слѣдовать ка„кимъ либо общимъ формамъ въ статистической обработкѣ матеріаловъ, по „отдѣльному предмету или по одному мѣсту, чтобы послѣ могъ быть сдѣланъ „сводъ изъ частныхъ обработокъ одного предмета. Въ этомъ смыслѣ мы „взяли для примѣра малѣйшую частицу здѣшнихъ матеріаловъ о движеніи

„частныхъ имуществъ, — ссуды и займы, совершенные у кіевскихъ маклеровъ и нотаріусовъ за одинъ годъ, и представляемъ ихъ въ статистическихъ формахъ". Способъ исполненія этой работы Журавскимъ дѣйствительно долженъ остаться образцомъ для послѣдующихъ трудовъ по этой части, а результаты, имъ полученные, такъ интересны, что ободрятъ другихъ людей къ совершенію подобныхъ работъ по своимъ мѣстностямъ.

Мы приведемъ только главнѣйшія цифры о томъ, какъ распредѣлялась въ 1848 году (къ которому относятся данныя, собранныя Журавскимъ) между различными классами населенія сумма займовъ, записанныхъ въ книгахъ маклеровъ города Кіева:

	Дали въ заемъ:	Взяли въ заемъ:
Купцы.	478,323 р.	292,721 р.
Мѣщане	44,058 —	74,128 —
Дворяне (безпомѣстные). . . .	126,994 —	79,249 —
Помѣщики	277,923 —	472,259 —
Гражданскіе чиновники	188,633 —	220,158 —
Военные (генералы и офицеры) .	108,514 —	81,104 —

Эти цифры требуютъ объясненій. Странно можетъ казаться, что купцы, которымъ нужнѣе имѣть наличныя деньги для своихъ торговыхъ оборотовъ, нежели получать проценты за отдачу своихъ капиталовъ въ чужія руки, болѣе дали въ заемъ, нежели взяли, — но, дѣло въ томъ, что къ классу купцовъ причисляются здѣсь банкиры. Большая часть суммъ, данныхъ въ заемъ людьми купеческаго званія, дана банкирами, а не собственно негоціантами, которые, напротивъ, составляютъ всю массу людей купеческаго званія, бравшихъ деньги въ заемъ. Относительно класса помѣщиковъ цифры являются въ пропорціи, очень естественной: натурально, что очень многіе изъ нихъ занимаютъ деньги,—иные, для роскошной жизни, иные — для покупки имѣній или улучшенія ихъ.

Не менѣе натурально и то, что другія лица того же класса располагаютъ значительными суммами наличныхъ денегъ, которыя отдаютъ въ заемъ: „О происхожденіи капиталовъ, выданныхъ помѣщиками, замѣчаетъ „Журавскій, нечего и говорить; имущества ихъ — явныя и самыя значитель„ныя противъ всѣхъ другихъ классовъ. Нельзя того же сказать о классѣ „служащихъ и отставныхъ гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ офице„ровъ, хотя кредитныя сдѣлки ихъ весьма значительны. Мы затруднялись „было объяснить себѣ это обстоятельство: откуда можетъ быть столько сво„бодныхъ денегъ въ оборотѣ у людей, большая часть которыхъ ничего не „имѣетъ, кромѣ получаемаго на службѣ жалованья; но, надобно взять въ „соображеніе, что многіе изъ нихъ принадлежатъ также къ помѣстному дво„рянству и владѣютъ недвижимыми имѣніями. Если прибавить къ этому „казенное содержаніе, денежныя награды и пенсіи, и если допустить, что „въ образѣ жизни этихъ классовъ соблюдается строгая экономія и отсутствіе „роскоши, то можно бы, кажется, объяснить существованіе излишнихъ ка„питаловъ у чиновниковъ и офицеровъ, не доискиваясь другихъ источниковъ".

Интересенъ вопросъ: въ какой степени быстро возрастаетъ количество капиталовъ и сумма кредитныхъ сдѣлокъ? Нѣкоторымъ пособіемъ къ этому

можетъ служить сумма дохода, получаемаго за гербовую бумагу, на которой пишутся сдѣлки такого рода. Журавскій собралъ цифры объ этомъ относительно Кіевской губерніи за три трехлѣтія, раздѣленныя между собою промежутками: второе отъ перваго 12-ти лѣтъ, третье отъ втораго 22-хъ лѣтъ:

	1808—1810:	1822—1824:	1846—1848:
Среднее число употребленныхъ ежегодно на заемныя письма и векселя листовъ	3,998	5,029	23,011
Гербовый съ нихъ сборъ . . .	2,423	13,041	23,042

Сравнивая второе трехлѣтіе съ первымъ, видимъ, что не столь значительно возвысилось число кредитныхъ сдѣлокъ, сколько размѣръ ихъ (цѣна гербоваго листа соотвѣтствуетъ величинѣ суммы, на которую заключается сдѣлка); сравнивая третье трехлѣтіе съ вторымъ, видимъ, что не столь значительно увеличился размѣръ суммы сдѣлокъ, сколько число ихъ. Сравнивая наконецъ третье трехлѣтіе съ первымъ, видимъ, что въ Кіевской губерніи, втеченіе 40 лѣтъ, съ 1808 по 1848 годъ, число кредитныхъ сдѣлокъ увеличилось почти въ семь разъ, а количество капиталовъ, въ нихъ обращающихся, возросло почти въ десять разъ.

Кромѣ оборотовъ, совершаемыхъ чрезъ посредство маклеровъ, капиталы обращаются также на вклады въ государственныя кредитныя учрежденія. Журавскій, въ дополненіе къ своимъ извлеченіямъ изъ маклерскихъ книгъ, извлекъ также цифры вкладовъ за 1849 годъ изъ книги Кіевскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія:

Сословія вкладчиковъ:	Сумма вкладовъ:
Купцы	9,237
Мѣщане	13,943
Дворяне (безпомѣстные)	16,970
Помѣщики	56,096
Гражданскіе чиновники.	198,890
Военные (генералы и офицеры)	132,842
Лица, не объявившія своего званія, и билеты на имя неизвѣстнаго.	271,728

Сравнивая эти цифры съ капиталами, выданными въ займы чрезъ посредство маклеровъ, мы видимъ, что классъ чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ предпочитаетъ помѣщеніе капиталовъ въ кредитныя учрежденія, и видимъ также, что главнѣйшая часть вкладовъ въ эти учрежденія принадлежитъ классу служащему; когда мы соединимъ цифры капиталовъ, отданныхъ въ заемъ чрезъ маклеровъ и помѣщенныхъ въ кредитныя учрежденія, то увидимъ, что большая часть наличныхъ капиталовъ въ Кіевской губерніи принадлежитъ служащему сословію. Именно, сумма капиталовъ, отданныхъ въ заемъ чрезъ посредство маклеровъ и помѣщенныхъ въ кредитныя учрежденія, составляла по тѣмъ источникамъ, которыми пользовался Журавскій, въ 1848—1849 годахъ:

Сословія.	Сумма капиталовъ.
Купцы	492,430 руб. сер.
Мѣщане	58,001 — —
Дворяне (безпомѣстные)	143,064 — —
Помѣщики	334,019 — —
Гражданскіе и военные чиновники . . .	628,888 — —

Къ послѣдней суммѣ надобно присоединить 325,079 руб. сер., принадлежащихъ служащимъ другихъ вѣдомствъ; кромѣ того, большую часть изъ суммы 271,728 руб. сер., внесенныхъ на имя неизвѣстныхъ или лицами, не объявившими своего званія, и также большую часть суммы 143,064 руб. сер., принадлежавшей дворянамъ безпомѣстнымъ, которые должны по преимуществу считаться отставными или даже и состоящими на службѣ чиновниками; распредѣляя за тѣмъ по другимъ сословіямъ остатокъ суммъ, внесенныхъ въ кредитныя учрежденія на имя неизвѣстныхъ, мы получимъ слѣдующія приблизительныя цифры:

Сословія.	Суммы капиталовъ.
Купцы.	500,000 руб. сер.
Мѣщане	60,000 — —
Помѣщики. . . .	350,000 — —
Чиновники. . . .	1,300,000 — —

Конечно, для того, чтобы разсчетъ былъ совершенно точенъ, нужно присоединить къ этимъ цифрамъ цифры вкладовъ, помѣщенныхъ жителями Кіевской губерніи въ другія кредитныя учрежденія кромѣ Кіевскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, и цифры займовъ по книгамъ уѣздныхъ маклеровъ Кіевской губерніи; но и въ настоящемъ своемъ видѣ таблица, составленная трудами покойнаго Журавскаго, имѣетъ уже очень значительный интересъ для людей, занимающихся изученіемъ нашего экономическаго быта.

Хлопчато-бумажная промышленность и важность ея значенія въ Россіи. *Соч. Александра Шипова. Отдѣлъ I. Москва. 1857.*

Брошюра эта написана въ защиту хлопчато-бумажной фабрикаціи въ Россіи и направлена противъ ученія о безграничной свободѣ торговли, пользующагося очень значительною популярностью между нашими экономистами. Нѣтъ сомнѣнія, что она вызоветъ опроверженія; и дѣйствительно, очень многое въ ней легко можетъ послужить поводомъ къ очень блестящимъ опроверженіямъ; особенно способъ изложенія, доказывающій, что авторъ болѣе знакомъ съ русскими статьями о свободной торговлѣ, нежели съ капитальными иностранными сочиненіями объ этомъ предметѣ: изъ большихъ и основательныхъ трактатовъ политико-экономическаго содержанія ему извѣстно, кажется, только сочиненіе гр. Тенгоборскаго. Теоретическія соображенія такого противника конечно не трудно будетъ опровергать защитникамъ свободной торговли, имѣющимъ подъ руками сотни иностранныхъ книгъ, неизвѣстныхъ автору брошюры; но если теоретическая часть его брошюры слаба, то много интереснаго заключается въ его практическихъ замѣчаніяхъ: г. Шиповъ, какъ видно, имѣетъ много [illegible] относительно главнаго и существеннаго вопроса въ дѣлѣ о судьбѣ хлопчато-бумажной промышленности въ

Россіи,—именно, относительно состоянія и вліянія на нашъ экономическій бытъ нашихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ. На эти-то замѣчанія и должно быть обращено главное вниманіе при оцѣнкѣ его брошюры и сужденіи о степени основательности его мнѣнія. Практическія наблюденія его много могутъ содѣйствовать прояснению вопроса. Надобно только желать, чтобы ученые, которые будутъ судить о брошюрѣ г. Шипова, разсматривали его мнѣніе съ чисто-ученой точки зрѣнія, не ограничивая своихъ возраженій ни одними общими мѣстами, ни одними общими осужденіями г. Шипова за то, что онъ держится протекціонной системы. Но большею частью у насъ дѣлается иначе: „вы протекціонистъ? — этого довольно; мы осуждаемъ васъ безусловно“.

У насъ вообще очень мало развита терпимость мнѣній. Такъ, напримѣръ, по вопросу о свободной торговлѣ, изъ ученыхъ, держащихся мнѣнія, что протекціонная система невыгодна, многіе воображаютъ, что противное мнѣніе могутъ защищать только люди, имѣющіе въ виду свой личный интересъ, а не общую пользу; они даже готовы все человѣчество и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи дѣлить на двѣ половины ради одного того, какъ думаютъ люди о свободной торговлѣ: одна половина человѣчества люди честные, умные, ученые, это всѣ тѣ, которые думаютъ, что тарифъ долженъ быть пониженъ; другая половина —невѣжды, корыстолюбцы —это всѣ тѣ, которые думаютъ, что должны быть охраняемы тарифомъ наши мануфактуры. Тутъ присоединяется еще другая привычка: лишь только вы сказали, что не всѣ протекціонисты невѣжды и корыстолюбцы, и что въ протекціонной системѣ есть, при всѣхъ ея ошибочныхъ сторонахъ, элементъ, не заслуживающій осужденія, и напротивъ не все въ системѣ людей, защищающихъ свободную торговлю, заслуживаетъ безусловнаго сочувствія, тотчасъ же защитники свободной торговли объявляютъ васъ протекціонистомъ, а протекціонисты восклицаютъ, что вы наконецъ сдѣлались протекціонистомъ, хотя бы вы положительно говорили, что защитники свободной торговли по вашему мнѣнію имѣютъ на своей сторонѣ гораздо болѣе справедливости, нежели протекціонисты.

Съ нами на дняхъ случилось нѣчто подобное по вопросу о славянофильствѣ. Много разъ мы очень ясно повторяли въ тѣхъ статьяхъ, которыя касались славянофильства, что ни мало не раздѣляемъ и не видимъ для себя никакой возможности когда либо раздѣлять тѣ особенныя мнѣнія, на основаніи которыхъ славянофилы отдѣляютъ себя отъ такъ называемыхъ западниковъ, и на основаніи которыхъ многіе западники безусловно осуждаютъ славянофиловъ, воображая, что въ славянофилахъ нѣтъ ничего иного, кромѣ этихъ странныхъ заблужденій. Мы положительно говорили, что о всѣхъ этихъ спорныхъ между славянофилами и западниками пунктахъ мы думаемъ точно также, какъ самые ревностные западники. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы говорили, что, кромѣ этихъ ошибочныхъ мнѣній, о которыхъ идетъ споръ между славянофилами и западниками, есть у лучшихъ между славянофилами и другія убѣжденія, гораздо болѣе важныя для жизни, въ которыхъ есть сторона справедливая и о которыхъ подобно имъ думаетъ большая часть лучшихъ людей между такъ называемыми западниками. Одно изъ такихъ

убѣжденій мы указали въ предъидущей книжкѣ, прибавляя, что это убѣжденіе принадлежитъ не исключительно славянофиламъ, а принадлежитъ современной наукѣ, и что славянофилы заслуживаютъ похвалы за то, что въ этомъ важномъ дѣлѣ поняли требованія современной науки, хотя (повторяли мы безчисленное множество разъ) они вовсе не заслуживаютъ одобренія за тѣ ошибочныя свои мнѣнія, изъ за которыхъ ведется споръ между ими и западниками, и въ которыхъ мы совершенно согласны съ западниками.

Что же произошло? „Молва“ вообразила, что мы сдѣлались или готовы сдѣлаться славянофилами! Вотъ подлинныя ея слова:

„Въ 5 № Совр. прочли мы статью „Замѣтки о журналахъ“. Отзывъ Современника объ Молвѣ нелестенъ. Правъ ли Современникъ въ своемъ мнѣніи, не намъ судить: никто въ своемъ дѣлѣ судьею быть не можетъ. Мы же съ своей стороны отъ души радуемся этой статьѣ и привѣтствуемъ ее какъ явленіе доброе и утѣшительное. Журналъ, въ которомъ постоянно участвуютъ писатели съ истиннымъ, всѣми признаваемымъ дарованіемъ, обратилъ вниманіе серьезное и добросовѣстное на тѣ мнѣнія, которыя у насъ въ первый разъ выражены были славянофилами, на тѣ мнѣнія, которыми отличается ихъ направленіе. Онъ призналъ, что взглядъ ихъ на жизнь народной общины ставитъ ихъ выше противоположной имъ школы и содержитъ въ себѣ начало плодотворное по преимуществу. Радуемся отъ души. Тотъ, кто призналъ это основное начало, уже сталъ на прямомъ пути, на добромъ пути къ дальнѣйшему развитію всякой разумной мысли. Богъ помочь! скажемъ мы. Впередъ! что бы вы ни говорили о Молвѣ. Вопросъ личный для насъ никакого значенія не имѣетъ.

„Дѣло начато; и мы вѣримъ отъ души, что оно не остановится. Современникъ вникнетъ еще глубже во мнѣнія славянофиловъ: онъ увидитъ, что то великое начало, ими поставленное, и которому онъ сочувствуетъ, есть еще только внѣшняя основа. Глубже, глубже коренятся другія еще высшія начала, изъ которыхъ выросло самое пониманіе общины, и мы надѣемся, Современникъ ихъ пойметъ и будетъ имъ сочувствовать“.

Къ сожалѣнію, надежды эти неосновательны. Мы очень положительно и много разъ выражали свое мнѣніе о тѣхъ „высшихъ“ началахъ, изъ которыхъ, по мнѣнію „Молвы“, „выросло пониманіе общины“, и каждый разъ говорили, что относительно этихъ туманныхъ началъ держимся такихъ же мнѣній, какъ самые ревностные западники; то убѣжденіе, о которомъ шла рѣчь въ прошломъ нумерѣ „Современника“, мы считаемъ справедливымъ потому, что справедливость его доказана западною наукою, а все то, въ чемъ славянофилы противорѣчатъ западной наукѣ, нами положительно и рѣшительно отвергается, потому что рѣшительно не выдерживаетъ научной критики и противорѣчитъ историческимъ фактамъ.

Взглядъ на общину, который мы защищаемъ, принадлежитъ западной наукѣ, а не славянофиламъ; мы полагаемъ, что славянофилы раздѣляютъ его, и говоримъ, что въ такомъ случаѣ они справедливы на столько, на сколько соглашаются съ истинами, доказанными западною наукою, ни больше, ни меньше.

Если славянофилы хвалятъ насъ за то, что мы одобряемъ ихъ мнѣнія о предметахъ, о которыхъ они думаютъ согласно съ западною наукою, мы очень были бы благодарны за такую похвалу. Если же они полагаютъ, что мы имъ сочувствуемъ или можемъ когда нибудь сочувствовать въ чемъ нибудь отвергаемомъ западною наукою, или опровергаемомъ фактами нашей исторіи или нашего быта, они совершенно ошибаются. Это мы говоримъ,

вообще относясь къ славянофиламъ. Что же касается до того, что насъ вздумала похвалить „Молва“, мы чрезвычайно огорчены тѣмъ, что прочитали похвалу себѣ въ газетѣ, допускающей на свои страницы неприличныя выходки противъ партіи, гораздо болѣе нами уважаемой, нежели партія славянофиловъ, и оскорбительную брань на людей, ученыя или литературныя заслуги и благородство мнѣній которыхъ мы высоко, очень высоко цѣнимъ, какъ, напримѣръ, брань на гг. Забѣлина, Каткова, Леонтьева, Павлова, Соловьева, Чичерина и другихъ. Похвалу себѣ отъ такой газеты мы принимаемъ за величайшую непріятность, какой только можетъ подвергнуться человѣкъ или журналъ, и покорнѣйше просимъ „Молву“ пощадить насъ отъ своихъ похвалъ, пока не измѣнитъ она своего тона на столько, чтобы можно было принимать ея похвалы безъ стыда.

Но это было постороннее. Возвратимся къ вопросу о томъ, какимъ же образомъ можно въ извѣстныхъ случаяхъ находить справедливость на сторонѣ протекціонистовъ, вовсе не будучи протекціонистомъ, или находить у нѣкоторыхъ славянофиловъ справедливыя убѣжденія относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, ни мало не будучи славянофиломъ?

Относительно вопроса о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ мы сошлемся на примѣръ покойнаго Журавскаго и приведемъ отрывокъ изъ составленнаго подъ его редакціею „Описанія Кіевской губерніи“,—отрывокъ, который мы уже приводили въ разборѣ этой превосходной книги („Современникъ“ 1856 г. № 8). Исчисливъ цѣнность фабрично-заводскихъ произведеній Кіевской губерніи и количество работниковъ, занятыхъ этимъ производствомъ, Журавскій продолжаетъ:

„Это исчисленіе еще далеко отъ точности, нужной для положительныхъ заключеній; но навѣрное можно сказать, что оно ниже дѣйствительнаго числа мастеровыхъ рабочихъ, употребленныхъ на здѣшнихъ фабрикахъ и заводахъ, даже и въ такомъ случаѣ, если считать наемныхъ 5,000 и крѣпостныхъ 16,000, всего 21,000. Это весьма любопытныя числа, собраніе которыхъ рекомендуемъ статистическимъ изыскателямъ, ибо они имѣютъ близкую связь съ нѣкоторыми экономическими вопросами, и между прочимъ съ новѣйшимъ вопросомъ о свободной торговлѣ. По нашему мнѣнію, примѣняя его теоретически къ нашему отечеству, надобно болѣе имѣть въ виду пользу значительнаго класса промышленниковъ, интересованныхъ въ сохраненіи и процвѣтаніи отечественныхъ фабрикъ, нежели выгоды потребителей фабричныхъ произведеній, составляющихъ самый малочисленный, а вмѣстѣ и достаточный классъ нашего населенія. Изъ приведеннаго исчисленія видимъ, что для фабричнаго производства одной губерніи нужно до 21,000 рабочихъ; пріобрѣтаемая каждымъ изъ нихъ плата имѣетъ прямое вліяніе на благосостояніе какъ самихъ работающихъ, такъ и семействъ ихъ; слѣдовательно, полагая среднимъ числомъ до 5 душъ семейство на каждаго работающаго, можно заключить, что до 100,000 душъ интересовано въ фабричномъ производствѣ одной губерніи. Предположивши теперь, что, вслѣдствіе свободнаго привоза заграничныхъ фабричныхъ издѣлій дешевыхъ, прочныхъ и красивыхъ, подобныя же издѣлія здѣшнихъ фабрикъ будутъ вытѣснены изъ торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ закроются и самыя фабрики; тогда, конечно, многіе изъ питающихся теперь отъ фабрикъ лишились бы куска хлѣба, ничего не выигравши отъ свободнаго привоза, ибо простой народъ почти вовсе не потребляетъ фабричныхъ издѣлій; вся выгода была бы на сторонѣ достаточныхъ классовъ. Но это могло бы случиться тогда только, когда всѣ руки, употребляемыя на фабрикахъ, работали бы по вольному найму и безъ раздѣла заработковъ; въ настоящемъ же положеніи здѣшней фабричной промышленности, почти три четверти рабочихъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ не интересованы въ сохраненіи помѣщичьихъ

фабрикъ, на которыхъ работа по большей части не выгодна и тягостна, подрывъ и уничтоженіе этихъ фабрикъ было бы, можетъ быть, благомъ для работающихъ по неволѣ. Такъ сложны и отличны отъ другихъ народовъ наши экономическіе интересы въ настоящее время! и нельзя не пожелать, чтобы наши ученые, примѣняя къ нимъ вопросы современной науки, не теряли изъ виду этихъ особенностей, а напротивъ, усиливались бы привести ихъ въ самую точную извѣстность наблюденіями и статистическими изысканіями".

Изъ этого очень ясно видно, что Журавскій вообще не хотѣлъ быть ни безусловнымъ приверженцемъ свободной торговли, ни протекціонистомъ. Почему же такъ? Это очевидно. Онъ стоялъ на другой точкѣ зрѣнія, гораздо болѣе высокой, нежели основаніе, по которому раздѣляются приверженцы той и другой системы. Протекціонисты говорятъ: „во что бы то ни стало, покровительствуйте фабрикамъ". Приверженцы свободной торговли говорятъ: „во что бы то ни стало, увеличивайте цифру заграничной торговли". Журавскій ни того, ни другаго принципа не принималъ основнымъ правиломъ экономической науки. Онъ говоритъ: „прежде всего и больше всего надобно думать о народномъ благосостояніи. Все, что содѣйствуетъ ему, я защищаю. Все, что вредитъ ему, я отвергаю. Если въ данной странѣ, въ данное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, фабрики нужнѣе для благосостоянія народа, нежели увеличеніе цифры заграничной торговли и дешевизна фабричныхъ продуктовъ, я защищаю фабрики въ этой странѣ и готовъ быть протекціонистомъ на этотъ разъ. Если же фабрики въ данной странѣ, въ данное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ невыгодны для народнаго благосостоянія, то я противникъ этихъ фабрикъ въ этой странѣ и защищаю свободную торговлю, которая уничтожитъ эти фабрики".

„Но въ такомъ случаѣ, скажете вы, Журавскій не имѣлъ точно опредѣленнаго, совершенно самосостоятельнаго взгляда на вопросъ о томъ, какова должна быть національная промышленность, если онъ готовъ былъ въ иныхъ случаяхъ признавать справедливость протекціонистовъ, въ другихъ—соглашаясь съ защитниками свободной торговли". Онъ не хотѣлъ ни того, что хотятъ одни, ни того, что хотятъ другіе; что же онъ хотѣлъ? Онъ хотѣлъ совершенно иного, и если вы желаете узнать, чего именно хотѣлъ онъ, то прочтите слѣдующій отрывокъ изъ „Описанія Кіевской губерніи".

„Какъ въ сельскомъ хозяйствѣ важное мѣсто занимаетъ вопросъ о преимуществахъ большихъ или малыхъ хозяйствъ, такъ и въ фабричной промышленности представляется тотъ же вопросъ: какая фабрикація, большая или малая, полезнѣе для производителей и для потребителей? Здѣсь прежде всего надобно опредѣлить, что разумѣть большою фабрикаціею и что малою? Первая, конечно, та, которая для производства соединяетъ въ одно цѣлое работу многихъ рукъ, распредѣляя между ними части издѣлія, или замѣняетъ большую часть рукъ машинами; таковы всѣ заведенія, называемыя фабриками, мануфактурами, заводами, требующими болѣе или менѣе значительныхъ капиталовъ, вкладочныхъ и оборотныхъ. Малая фабрикація состоитъ въ ручной выдѣлкѣ, при пособіи нѣкоторыхъ простыхъ машинъ и снарядовъ, одного или нѣсколькихъ рабочихъ, а чаще и вовсе безъ нихъ, однимъ семействомъ, низшихъ сортовъ нѣкоторыхъ издѣлій, производимыхъ настоящими фабриками. Такъ, напримѣръ, сукно, полотно, тесемки, пряжа, шляпы, кожи, свѣчи, посуда, кирпичъ, черепица и т. п. выдѣлываются большими массами, лучшихъ сортовъ на фабрикахъ, и тѣже самыя изъ дѣлія производятся безъ всякаго почти капитала крестьянскими семействами и разными мелкими промышленниками для собственнаго употребленія и для продажи. Разумѣется,

издѣлія послѣднихъ весьма не совершенны и не могутъ достигать тонкости и чистоты отдѣлки, возможной теперь только на фабрикахъ; но это надобно приписать болѣе несовершенству употребляемыхъ ими машинъ и снарядовъ и низкой степени искусства у большей части мелкихъ фабрикантовъ. Несомнѣнно, что подобныя произведенія могутъ достигать высокой степени достоинства, чему примѣромъ служатъ: полотна Костромскихъ крестьянъ, издѣлія нѣкоторыхъ Тульскихъ оружейниковъ, Ліонскія шелковыя издѣлія, выработываемыя не на фабрикахъ, а мастеровыми въ своихъ жилищахъ, при пособіи семейства и наемныхъ рабочихъ, Голландскія кружева и т. п. Все это произведенія домашней фабрикаціи, показывающія, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ ловкость человѣческихъ рукъ, и при самыхъ простыхъ снарядахъ, можетъ съ выгодою соперничествовать съ многосложными и дорогими машинами большихъ фабрикъ. И если ручное производство по сю пору такъ мало облегчено и распространено, такъ мало сдѣлало успѣховъ въ искусственномъ отношеніи, то это оттого, что всѣ усилія ума ученыхъ и технистовъ нашего времени направлены на изобрѣтенія и улучшенія большихъ машинъ, служащихъ для фабричнаго производства. На мелкихъ фабрикантовъ никто изъ нихъ не удостоиваетъ обратить вниманія, никто не подумаетъ, какими бы средствами сократить ручную работу, улучшить употребительные донынѣ снаряды и машины, ввести новые, сдѣлать доступною, для каждаго семейства, въ маломъ размѣрѣ, выработку предметовъ, возможную донынѣ только для большихъ фабрикъ. Между тѣмъ этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, по огромному числу интересованныхъ въ немъ семействъ и представляетъ обширное поле изобрѣтательности первоклассныхъ умовъ; изобрѣтенія, подобныя самопрялкѣ, сдѣлавшейся общеупотребительною у простаго народа, могутъ быть важнѣе всякихъ усовершенствованій фабричныхъ машинъ. По крайней мѣрѣ, это справедливо относительно нашего отечества, гдѣ большая фабрикація по сю пору обращается въ пользу достаточнаго класса производителей капиталистовъ и не менѣе достаточнаго класса потребителей ихъ произведеній, какъ-то: сахара, тонкихъ суконъ и полотенъ, столоваго бѣлья, шелковыхъ издѣлій, табаку и сигаръ и т. п.; всѣ эти предметы или не нужны, или не доступны по цѣнѣ нашему простому народу, т. е. болѣе $^3/_4$ всего населенія Государства. При нынѣшнихъ нравахъ, бытѣ и состояніи этой огромной массы народа, заключающей въ себѣ не менѣе 45 мильоновъ душъ, они имѣютъ и долго еще будутъ имѣть потребности, различныя отъ потребностей высшихъ классовъ, неудовлетворяемыя большою фабрикаціей. Для нихъ-то и необходимы улучшенія въ малой фабрикаціи, которая могла бы съ одной стороны снабжать простой народъ прочными, хорошо обработанными и дешевыми издѣліями, а съ другой водворять довольство въ семействахъ производителей, особенно необезпеченныхъ въ пропитаніи хлѣбопашествомъ. Впрочемъ, мы вовсе не разумѣемъ, чтобы мелкая фабрикація могла замѣнить большую; обѣ они могутъ итти рядомъ, развиваться и усовершенствоваться одновременно, по различію состоянія потребителей произведеній той и другой; только первая, какъ значительно отставшая отъ послѣдней, болѣе требуетъ теперь, по нашему мнѣнію, поощренія и вниманія ученыхъ и правительства, особенно это важно въ видахъ улучшенія нравовъ и охраненія отъ порчи простаго народа.

„Мелкая фабрикація, какъ мы сказали, требуетъ для производства болѣе или менѣе простыхъ машинъ и снарядовъ; для ткачей станки, для кожевенниковъ чаны, для свѣчниковъ разная посуда, литейныя формы и т. д. Этими принадлежностями мастерства она отличается отъ ремеслъ, требующихъ для производства ручныхъ инструментовъ, которыхъ замѣна машинами по большей части или неудобна, или невозможна. Если угодно, и ремесло, производимое въ большомъ размѣрѣ, можетъ стать на степень фабрики, вслѣдствіе дѣленія труда. Такъ, напримѣръ, въ большой мастерской портнаго, гдѣ работаетъ человѣкъ двадцать, одни исключительно занимаются кройкою, другіе обдѣлкою петлицъ и бортовъ; третьи—тровицами и т. д. Изъ соединенія всѣхъ этихъ частей выходитъ цѣлое платье. Но, съ другой стороны, и изъ малыхъ фабричныхъ мастерствъ можетъ образоваться большое фабричное производство, съ сохраненіемъ домашняго характера фабрикаціи. Каждый фабрикантъ можетъ заниматься дома одною какою либо степенью производства, и издѣліе, переходя изъ однѣхъ рукъ въ

другія, сдѣлается наконецъ настоящимъ фабричнымъ издѣліемъ. Такого рода выдѣлка фабричныхъ суконъ и полотенъ низшихъ сортовъ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевской губерніи, и въ большемъ противъ прочихъ размѣрѣ—въ м. Коростышевѣ Радомысльскаго уѣзда. Лѣтъ двадцать тому, нѣсколько семействъ иностранцевъ, выходцевъ изъ Царства Польскаго, поселились въ этомъ мѣстечкѣ и занялись почти исключительно выдѣлкою сукна и полотна.—Неизвѣстно, отъ нихъ ли переняли Коростышевскіе жители это мастерство, или еще прежде занимались имъ; только въ настоящее время считается тамъ 16 мастерскихъ этого рода, изъ числа которыхъ въ десяти приготовляютъ пряжу и ткутъ, въ двухъ—красятъ, въ двухъ ткутъ холстъ, а иногда и шерсть, и въ двухъ стригутъ и ворсуютъ сукно; хозяева двухъ послѣднихъ мастерствъ сами разводятъ ворсильныя шишки. Во всѣхъ этихъ мастерскихъ дѣйствуетъ слѣдующее число машинъ: прядильныхъ—15, ворсовальныхъ—17, постригальныхъ—2, волчковъ—17, ткацкихъ станковъ: для сукна 18, и для полотна 26; изъ послѣднихъ—6 принадлежатъ иностранцамъ, всѣ прочіе—мѣстнымъ жителямъ. Каждая штука сукна выдѣлывается соединенными силами нѣсколькихъ фабрикантовъ и переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія до окончательной отдѣлки. Шерсть, краски и другіе матеріалы покупаются въ Бердичевѣ, или получаются отъ купцовъ въ обмѣнъ на сукно. Выдѣлывается ежегодно до 320 штукъ сукна, на сумму до 2,600 р. серебр. Многія изъ значительныхъ статей расхода, свойственныхъ большимъ суконнымъ фабрикамъ, какъ-то: на жалованье и содержаніе мастеровъ, рабочихъ и оффиціалистовъ, на многіе матеріалы, нужные для выдѣлки высшихъ сортовъ, на доставку этихъ матеріаловъ, на проценты съ огромныхъ вкладочныхъ капиталовъ, и тому подобное; всѣ эти статьи не существуютъ въ малой фабрикаціи Коростышевскихъ суконъ, и весь ея расходъ не превышаетъ половины выручки, т. е. въ чистый доходъ фабрикантамъ остается около 1,300 р. сер., что составитъ, среднимъ числомъ, до 80 р. сер. на семейство, не считая прибыли отъ выдѣлки полотна. Высшая цѣна выдѣлываемыхъ ими суконъ до 2 р. сер. за аршинъ; но такого сорта дѣлаютъ очень мало, а обыкновенно цѣною въ 1 р. 50 к. и въ 1 р. 30 к. сер. аршинъ. Если оказывается надобность въ высшемъ сортѣ, то для окраски и окончательной отдѣлки такихъ штукъ посылаютъ ихъ на Хабенскую суконную фабрику.

„Другой подобный примѣръ выдѣлки полотенъ мы привели въ описаніи колоніи меннонистовъ въ бердичевскомъ уѣздѣ (см. Ч. II, Отд. V). Ткачество составляетъ у нихъ принадлежность каждаго хозяйства, и этимъ искусствомъ они вырабатываютъ впродолженіе зимы холста: изъ собственнаго матеріала на сумму до 500 р. сер., изъ посторонняго по заказамъ—до 800 р. сер.; и это—чистая ихъ прибыль, не считая холста, употребленнаго на собственныя надобности.

„Сукна и полотна, выдѣлываемыя въ означенныхъ мѣстахъ, хотя далеко ниже добротою и цѣною противъ подобныхъ же издѣлій большихъ фабрикъ, однако и они далеко превышаютъ средства самой большей части потребителей, т. е. крестьянъ, которые не въ состояніи платить по 1 р. 30 к. и 1 р. 50 к. сер. за аршинъ сукна себѣ на платье, или по 30 к. сер. за аршинъ полотна на бѣлье. Для нихъ возможно только самое простое сукно, котораго цѣна здѣсь отъ 25 до 30 к. сер. арш., а холстъ отъ 6 до 8 к. сер. аршинъ. Выдѣлкою какъ этихъ предметовъ, такъ и многихъ другихъ, нужныхъ для одежды и хозяйства сельскихъ жителей, занимаются въ селеніяхъ по большей части крестьяне, не находящіе въ хлѣбопашествѣ достаточныхъ средствъ къ пропитанію, также состоящіе при господскихъ дворахъ мастеровыми, въ свободное отъ господской работы время, разныхъ званій вольноживущіе въ селеніяхъ и въ мѣстечкахъ. Ихъ произведенія, какъ-то: простое сукно и шитье изъ него: армяки или свиты, грубый холстъ, выдѣланныя овчины и готовые тулупы, шапки и шляпы, сапоги, плахты, запаски, глиняная посуда, телѣжныя части и множество другихъ предметовъ, выставляются на продажу на всѣхъ ярмаркахъ и базарахъ, въ мѣстечкахъ и селеніяхъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить подробностей касательно способовъ выдѣлки этихъ товаровъ“.

Изъ этого мы довольно ясно видимъ, что у Журавскаго былъ свой

самостоятельный, независимый отъ споровъ между протекціонистами и приверженцами свободной торговли и очень опредѣлительный взглядъ на отношенія фабричнаго производства къ потребностямъ страны. Онъ не колебался между двумя спорившими партіями. Онъ твердо стоялъ на своей точкѣ зрѣнія, съ которой могъ безпристрастно обсуждать желанія обѣихъ партій. Каждую изъ враждующихъ между собою партій онъ одобрялъ за то, что въ ея желаніяхъ сообразно съ народнымъ благосостояніемъ. Быть можетъ, и очень даже вѣроятно, онъ жалѣлъ, зачѣмъ такіе дѣятельные споры ведутся съ точки зрѣнія не довольно возвышенной. Быть можетъ, и очень даже вѣроятно, что онъ жалѣлъ, зачѣмъ протекціонисты и защитники свободной торговли, поднимая такой сильный споръ изъ за вопроса о фабрикахъ, такъ легко забываютъ въ пылу своего увлеченія, что существуютъ въ наукѣ точки зрѣнія болѣе возвышенныя, нежели увеличеніе фабричнаго производства или заграничной торговли; забываютъ такъ часто и такъ легко, что вопросы, о которыхъ они спорятъ, имѣютъ существенную важность только по своимъ отношеніямъ къ высочайшему вопросу науки, вопросу о народномъ благосостояніи, и только на основаніи этихъ отношеній должны быть разрѣшаемы такъ или иначе.

Признаемся, что въ вопросѣ о свободной торговлѣ и національномъ фабричномъ производствѣ мнѣніе Журавскаго кажется намъ совершенно справедливо. Признаемся, что мы въ этомъ случаѣ всегда готовы стать на сторонѣ той партіи, которая успѣетъ доказать, что ея рѣшеніе вопроса сообразнѣе съ народнымъ благосостояніемъ. Признаемся также, что до сихъ поръ не видимъ, чтобы та или другая партія успѣла положительнымъ образомъ доказать это, потому что ни та, ни другая не заботилась достаточно о доказательствахъ подобнаго рода. Признаемся также, что рѣшеніямъ той и другой партіи мы предпочитаемъ совершенно иное рѣшеніе, предложенное Журавскимъ въ послѣднемъ изъ приводимыхъ нами отрывковъ. Смыслъ этого отрывка таковъ: больше, нежели о возрастаніи фабричнаго производства, больше, нежели объ увеличеніи заграничной торговли, надобно заботиться о развитіи домашней выдѣлки фабричныхъ издѣлій. Для этой выдѣлки надобно желать прямаго покровительства. Что же касается до вопроса о томъ, полезно ли прямое покровительство фабрикамъ, то при разрѣшеніи его надобно было бы имѣть въ виду не столько отношеніе нашихъ фабрикъ къ заграничному производству подобныхъ товаровъ, сколько отношеніе ихъ къ благосостоянію класса людей, находящихъ на нихъ работу, и еще болѣе, отношеніе фабрикъ къ домашней выдѣлкѣ фабричныхъ издѣлій.

Нѣчто подобное всегда было и, надѣемся, будетъ въ нашемъ взглядѣ на споры, раздѣляющіе славянофиловъ отъ западниковъ. Много разъ мы говорили, что не придаемъ первостепенной важности тѣмъ вопросамъ, изъ-за которыхъ славянофилы вздумали раздѣлять себя отъ западниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросы эти имѣютъ нѣкоторую и даже довольно значительную важность для науки и для жизни. Но гораздо важнѣй ихъ многіе другіе вопросы, которые стоятъ выше почти точки дѣленія между славянофилами и западниками, какъ, напримѣръ, вопросъ о необходимости просвѣщенія, о необходимости всевозможнаго содѣйствія успѣхамъ литературы, наконецъ во-

просъ о народномъ благосостояніи. Тутъ нѣтъ раздѣла на славянофиловъ и западниковъ; тутъ люди раздѣляются по степени своего сочувствія къ народному благу и къ рѣшеніямъ этого вопроса, даваемымъ современною наукою. По нашему мнѣнію, хотя бы я былъ самымъ ревностнѣйшимъ западникомъ, я всетаки не буду заслуживать ни малѣйшаго сочувствія отъ достойныхъ уваженія людей, если подъ моимъ западничествомъ скрывается обскурантизмъ или апатія; хотя бы я былъ самымъ эксцентрическимъ славянофиломъ и хотя бы я даже носилъ тѣ желтые сапожки, надъ которыми столько смѣялись, я все таки заслуживалъ бы самаго сильнаго сочувствія со стороны достойныхъ уваженія западниковъ, если бы я, съ тою же энергіею, какъ они, желалъ распространенія просвѣщенію, успѣховъ литературѣ и особенно разрѣшалъ бы въ такомъ же смыслѣ, какъ они, вопросы, прямо касающіеся народнаго благосостоянія. Если бы я имѣлъ совершенно ложный взглядъ на древнюю Русь, если бы я не только воображалъ, что въ XV или XIII вѣкѣ между нашими предками было много людей, въ совершенствѣ знавшихъ греческій языкъ и постигавшихъ Платона и Аристотеля лучше, нежели западные ихъ современники; но даже если бы я воображалъ, что въ тѣ времена Русь имѣла множество желѣзныхъ дорогъ, всѣ эти заблужденія можно было бы извинить мнѣ, если только въ настоящее время я считаю полезнымъ изученіе Платона и Аристотеля съ ихъ преемниками и проведеніе желѣзныхъ дорогъ.

О свободной международной торговлѣ. (Изъ путевыхъ записокъ А. Сербера-Медельгейма). *Москва 1857.*

Г. П. Андреевъ, переводчикъ этой главы изъ „Путевыхъ записокъ“ Сербера-Медельгейма, въ предисловіи увѣряетъ насъ, будто бы этотъ авторъ чрезвычайно основательно и хорошо разсматриваетъ вопросъ о необходимости протекціонной системы для Франціи и будто бы онъ очень убѣдительно доказываетъ пагубность низкаго тарифа для Франціи. Мы, къ сожалѣнію, не нашли ни убѣдительности, ни основательности въ отрывкѣ, переведенномъ трудами г. П. Андреева. Слишкомъ горячіе приверженцы свободной торговли могутъ, пожалуй, заподозрить насъ въ сильной наклонности къ протекціонной системѣ, прочитавъ нашу статью о книжкѣ г. Шипова. Но намъ кажется, что люди безпристрастные увидятъ въ ней взглядъ, совершенно различный отъ тѣхъ мнѣній, которыя могутъ нравиться протекціонистамъ. Здѣсь надобно прибавить, что вообще протекціонисты защищаютъ свое дѣло съ такой узкой точки зрѣнія чисто фабричныхъ интересовъ, которая едва ли кому нибудь, кромѣ фабрикантовъ, можетъ казаться удовлетворительною, и взводятъ на систему свободной торговли такія обвиненія, которыя по меньшей мѣрѣ забавны. Вотъ хотя бы Серберъ-Медельгеймъ воображаетъ, будто бы англичане, установляя у себя низкій тарифъ, имѣли цѣлію погубить Францію, а Франція будто бы такая земля, которая можетъ производить въ избыткѣ все, нужное для ея жителей, въ томъ числѣ вѣроятно кофе и хлопчатую бумагу. Каждый, имѣющій хотя малѣйшее понятіе о дѣлѣ, видитъ нелѣпость такихъ странныхъ увѣреній. Каждый знаетъ, что англичане понизили свой тарифъ потому, что это для нихъ самихъ

было выгодно, а вовсе не для того, чтобы губить Францію или огорчать Серберъ-Медельгейма. Каждый знаетъ также, что если кто нибудь вредитъ Франціи, то конечно не англичане, а французы, подобные Серберъ-Медельгейму, который, чтобы поддержать высокую цѣну на желѣзо своего завода, готовъ былъ бы не только запретить ввозъ во Францію англійскаго желѣза, совершенно для нея необходимаго, но, пожалуй, радъ былъ бы окружить Францію китайскою стѣною. Само собою разумѣется, что уже если бы пришлось выбирать между французскими желѣзно-заводчиками и французскими защитниками свободной торговли, то надобно было бы согласиться, что на сторонѣ послѣднихъ вообще гораздо больше справедливости, а въ частности, по вопросу о томъ, нужно ли понизить пошлину во Франціи на привозное желѣзо, надобно сказать, что справедливость рѣшительно вся на сторонѣ французскихъ приверженцевъ свободной торговли. Дешевизна желѣза могущественно содѣйствуетъ улучшенію народнаго быта. Англія производитъ желѣзо по цѣнѣ гораздо болѣе дешевой, нежели Франція. Несправедливо задерживать развитіе народнаго благосостоянія во Франціи запрещеніемъ или высокими пошлинами на англійское желѣзо для того, чтобы французскіе желѣзно-заводчики могли продавать свое желѣзо по высокой цѣнѣ, обременительной для французской націи. Но Серберъ-Медельгеймъ защищаетъ свой частный интересъ, противный общему національному интересу. Человѣку, защищающему несправедливое дѣло, или должны представляться вещи въ ложномъ свѣтѣ (если онъ не понимаетъ своей несправедливости), или (если онъ понимаетъ несправедливость дѣла и однако же защищаетъ его) должно быть равно пріятны и не справедливыя средства, лишь бы только защититься. Потому-то Серберъ-Медельгеймъ и доходитъ до такой крайности, что превозноситъ даже знаменитую континентальную систему Наполеона,—систему, которая не только была разорительна для Европы, въ томъ числѣ и для Франціи, но была одною изъ главныхъ причинъ паденія и самого Наполеона. Мнѣнія такихъ людей, какъ Серберъ-Медельгеймъ, защищать невозможно, и опираться на ихъ помощь для защиты своихъ мнѣній—совершенная ошибка.

Путешествіе по Восточной Сибири И. Булычева, *Императорскаго Географическаго Общества Дѣйствительнаго Члена. Часть I. Якутская Область, Охотскій край. С.-Пбургъ. 1856.*

Не каждый годъ издаются у насъ частными людьми такія великолѣпныя вещи, какъ атласъ рисунковъ, приложенный къ книгѣ г. Булычева. Атласъ состоитъ изъ шестидесяти-пяти большихъ листовъ, изображающихъ виды городовъ Восточной Сибири, между прочимъ, Якутска, Олекминска, Охотска, Петропавловскаго Порта, виды различныхъ замѣчательнѣйшихъ зданій и остатковъ древностей въ Восточной Сибири, виды различныхъ мѣстностей, жилища и домашній или кочевой бытъ различныхъ инородцевъ, населяющихъ Восточную Сибирь, ихъ одежду и прочее. Литографированы рисунки прекрасно. Многіе изъ нихъ раскрашены также прекрасно. По отзывамъ людей, знающихъ Восточную Сибирь, они очень удовлетворительно и вѣрно знакомятъ насъ съ этою страною и бытомъ ея жителей. Изданіе такихъ роскошныхъ атласовъ у насъ въ Россіи требуетъ очень значитель-

ныхъ денежныхъ пожертвованій со стороны издателя, и, конечно, г. Булычеву приноситъ большую честь, что онъ предпринялъ такое прекрасное дѣло. Текстъ книги надобно разсматривать главнымъ образомъ, какъ объясненіе великолѣпнаго атласа. Онъ заключаетъ въ себѣ краткое обозрѣніе исторіи Сибирскаго края и путевыя замѣтки, веденныя г. Булычевымъ во время его многочисленныхъ разъѣздовъ по Сибири и дополненныя отчасти обозрѣніемъ сибирскихъ архивовъ, отчасти извлеченіями изъ другихъ источниковъ свѣдѣній нашихъ объ Восточной Сибири.

Статистическіе Труды И. Ѳ. Штукенберга. *Статья II. Описаніе Оренбургской губерніи съ Уральско-Оренбургскою линіею. Статья III. Описаніе Ставропольской губерніи съ землею Черноморскихъ казаковъ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пбургъ. 1857.*

Мы помѣщаемъ здѣсь заглавія двухъ вновь вышедшихъ книжекъ почтеннаго изданія, о началѣ котораго недавно говорили, для того, чтобы наша замѣтка замѣняла объявленіе о продолженіи изданія, достоинства котораго уже признаны всѣми людьми, занимающимися у насъ изученіемъ Россіи въ географическомъ, статистическомъ, сельско-хозяйственномъ или промышленномъ отношеніи.

Издатель, сынъ покойнаго Ивана Ѳедоровича Штукенберга, ко второй статьѣ приложилъ краткую біографію своего отца, которая первоначально была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ этой краткой біографіи мы находимъ извѣстія объ автобіографіи, доведенной И. Ѳ. Штукенбергомъ до 1845 г. Надобно желать, чтобы эта автобіографія была издана. Жизнь такихъ честныхъ, энергическихъ и полезныхъ людей, какъ Штукенбергъ, всегда имѣетъ интересъ. Потому надобно желать также, чтобы издана была и подробная біографія его, написанная его сыномъ, переводчикомъ и издателемъ его „Статистическихъ Трудовъ“.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

май 1857.

О новомъ направленіи въ полемикѣ.—Полемика между „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Молвою“.

Съ того времени, какъ вновь оживилась русская литература, интересъ споровъ, возбуждавшихся въ ней, заключался преимущественно въ идеяхъ, о которыхъ различными партіями высказывались различныя мнѣнія. Вопросы о вредѣ, который приноситъ государственному организму взяточничество, и средствахъ къ искорененію этого дурнаго обычая, о преимуществахъ низкаго тарифа надъ высокимъ, о направленіи желѣзныхъ дорогъ, о выгодахъ, какихъ можно ожидать отъ нихъ, о различныхъ преобразованіяхъ въ нашемъ сельско-хозяйственномъ бытѣ, и множество другихъ подобныхъ тому вопросовъ,—всѣ они имѣли интересъ, совершенно независимый отъ вопроса о личномъ достоинствѣ людей, которыми велись эти споры. Кому, напримѣръ, была какая нибудь надобность знать степень учености г. Бланка, кому было любопытно узнать, по какимъ именно побужденіямъ написалъ онъ статейку, подавшую поводъ къ блистательнымъ возраженіямъ гг. Безобразова и Чичерина, обратившимъ на себя общее вниманіе? Личностью г. Бланка не интересовался ровно никто изъ читателей. Всѣ были заняты единственно идеями, о которыхъ шелъ споръ. Даже въ спорахъ „Русскаго Вѣстника“ съ „Русскою Бесѣдою“ о народномъ воззрѣніи, о достоинствахъ и недостаткахъ старинаго русскаго быта, дѣло шло о научной достовѣрности того или другаго воззрѣнія, а не о качествахъ людей, защищавшихъ то или другое мнѣніе. Если тотъ или другой изъ людей, защищавшихъ извѣстное мнѣніе, подвергался порицанію отъ своихъ противниковъ, то единственно за неосновательность мнѣній или нелогичность тѣхъ выводовъ, которыхъ онъ держался вмѣстѣ съ своею партіею, но не за личные свои недостатки. Если кому нибудь случалось дѣлать ошибку, принадлежащую лично ему, но не всей той партіи, представителемъ или защитникомъ которой онъ являлся, то эта ошибка легко забывалась, какъ неважная для сущности дѣла. Это понятно. Дѣло шло объ основательности мнѣній цѣлой партіи, а не о достоинствахъ или недостаткахъ отдѣльныхъ лицъ.

Съ нѣкотораго времени обнаружилось иное направленіе въ нашей полемикѣ: ведутся споры о томъ, каковы права на ученый авторитетъ у г. В. Григорьева (въ статьѣ г. Павлова и слѣдовавшихъ за нею), у г. И. Крылова (въ письмахъ Байбороды и слѣдовавшихъ за ними статьяхъ), у г. Лебедева (въ письмахъ Военнаго Байбороды). Въ послѣдніе полтора или два мѣсяца именно эти споры объ авторитетахъ отдѣльныхъ лицъ наиболѣе занимали публику, по крайней мѣрѣ здѣсь и въ Москвѣ. (Впечатлѣнія, произведеннаго этимъ новымъ родомъ полемики на читателей въ провинціяхъ, мы еще не знаемъ опредѣлительно. Но есть вѣроятность предполагать, что провинціи менѣе столицъ заинтересованы этими новыми спорами, и, признавая литературное достоинство въ письмахъ Байбороды, Челышевскаго и Ярослава, не находятъ особенно любопытнымъ ихъ содержаніе, хотя и считаютъ его справедливымъ). Такое вниманіе, обращенное на полемику, имѣющую предметомъ лица, а не идеи, нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ читателей не совсѣмъ нравилось. Мы имѣли случай встрѣчаться съ людьми вполнѣ достойными уваженія, которые, признавая, напримѣръ (какъ и требуетъ справедливость), что въ спорахъ „Русскаго Вѣстника“ съ гг. Григорьевымъ и Крыловымъ и ихъ партизанами, не только литературное и ученое превосходство, но и вся правда дѣла находится на сторонѣ „Русскаго Вѣстника“, не совсѣмъ довольны однакожъ были тѣмъ, что споры эти приняли довольно широкій размѣръ, ведутся съ большимъ одушевленіемъ, и растянулись уже на нѣсколько книжекъ журнала, высоко уважаемаго этими людьми, какъ и всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи. Не то, чтобы дѣло „Русскаго Вѣстника“ казалось несправедливо людямъ, въ противность своему обыкновенію порицающимъ его въ этомъ случаѣ; но они жалѣютъ о томъ, что подобные личные споры развлекаютъ вниманіе журналистики и публики, отвлекаютъ вниманіе отъ вопросовъ болѣе серьезныхъ, отъ споровъ болѣе полезныхъ по ихъ мнѣнію. „Какая польза доставлена обществу (говорятъ эти люди) тѣмъ, что мы узнали степень уваженія, какого заслуживаетъ ученый авторитетъ гг. В. Григорьева и И. Крылова,—авторитетъ, о которомъ немногіе изъ насъ и слыхивали до той поры, какъ немногіе изъ насъ слыхивали о какой нибудь Сапунъ-горѣ, пріобрѣтшей извѣстность, единственно благодаря тѣмъ выстрѣламъ, которые были съ успѣхомъ на нее направлены? Какой изъ вопросовъ науки или жизни хотя на шагъ подвинулся впередъ всѣми этими „Изобличительными письмами“, которыя впрочемъ написаны съ большимъ талантомъ? Мы узнали только, что г. И. Крыловъ, о которомъ мы прежде ровно ничего не знали, не долженъ быть признаваемъ нами за знатока римскихъ древностей и латинскаго языка. Нечего сказать,—важное пріобрѣтеніе для насъ такое новое свѣдѣніе! А между тѣмъ время, потраченное на это людьми, какъ видно дѣйствительно учеными и талантливыми, могло быть съ пользою употреблено на разъясненіе какого нибудь дѣйствительно важнаго вопроса науки или жизни. Жаль, что въ этихъ случаяхъ полемика наша по какому-то капризу уклонилась на дорогу, нимало не нужную, и ни къ чему, истинно полезному, не ведущую“.

Такія порицанія намъ кажутся совершенно ошибочными. Наше мнѣніе объ этомъ предметѣ не можетъ ни кѣмъ быть заподозрѣно въ какой нибудь

пристрастности. Мы не принимали никакого участія въ той полемикѣ новаго рода, о которой идетъ рѣчь, и до настоящаго времени не видимъ никакихъ причинъ, которыя могли бы побудить насъ принять участіе въ спорахъ „Русскаго Вѣстника“ съ партизанами г. И. Крылова, г. В. Григорьева и прочихъ. Въ этихъ спорахъ мы до сихъ поръ оставались, и намѣрены остаться людьми, совершенно посторонними. Стало быть, и мнѣніе наше чуждо всякихъ личныхъ отношеній и основано только на сущности самого дѣла.

Прежде всего надобно замѣтить, что напрасно было бы считать новый оборотъ, принятый литературными спорами, дѣломъ случайности или прихоти со стороны „Русскаго Вѣстника“. Таковъ неизбѣжный ходъ дѣла. Начинается споръ о какомъ нибудь ученомъ вопросѣ. Сначала онъ ведется съ той и другой стороны доказательствами чисто учеными;—одна изъ ведущихъ споръ партій скоро замѣчаетъ, что доказательства ея слабы; тогда она, по необходимости, должна искать другихъ пособій, чтобы поддержать свое дѣло. Ближайшимъ и совершенно законнымъ средствомъ защиты представляется ей ссылка на авторитетъ. Не будучи въ состояніи доказать прямымъ образомъ, что наука свидѣтельствуетъ въ ея пользу, ослабѣвающая сторона старается доказывать, что вотъ такіе-то и такіе-то великіе ученые свидѣтельствуютъ въ ея пользу. Этотъ оборотъ, сказали мы, совершенно законенъ. Ничто не можетъ быть естественнѣе и справедливѣе желанія подтвердить свое мнѣніе мнѣніями ученыхъ. Спрашивается теперь: можетъ ли другая партія отказаться отъ необходимости слѣдовать за своими противниками на этотъ новый путь? Никакъ не можетъ, еслибъ и хотѣла того. Честь и совѣсть обязываютъ ее продолжать преніе на новыхъ основаніяхъ, выставленныхъ противниками. Наука не существуетъ въ отвлеченности. Она выражается въ произведеніяхъ людей, признаваемыхъ ея представителями. Истина въ наукѣ въ данное время есть то, что признается за истину передовыми людьми этой науки въ данное время. Огромное большинство публики, для пользы котораго всегда должна существовать литература, состоитъ не изъ спеціалистовъ, гордящихся самостоятельностію своихъ воззрѣній, а изъ людей, которые скромно говорятъ: „болѣе, нежели собственному суду, мы довѣряемъ мнѣніямъ великихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ“. И такъ, въ какое положеніе ставитъ своихъ противниковъ партія, начинающая ссылаться на авторитеты? Она говоритъ публикѣ: „Наши противники искажаютъ науку, заставляя ее говорить въ свою пользу. Наука говоритъ въ нашу пользу, потому что вотъ такіе-то и такіе-то великіе ученые говорятъ тоже самое, что и мы“. Если бы эти слова были оставлены безъ возраженій, дѣло было бы проиграно во мнѣніи публики тѣми людьми, которые теперь обвиняются въ противорѣчіи съ авторитетами науки. Большинство публики, недовѣряя собственному сужденію, положилось бы на мнѣніе людей, выставляемыхъ ему какъ авторитеты науки, и согласилось бы съ мнѣніемъ партіи, сославшейся на эти авторитеты. Между тѣмъ, противная партія убѣждена, что это мнѣніе есть заблужденіе. И такъ, она считала бы себя отступницею отъ дѣла истины, если бы не подвергла критикѣ передъ глазами публики тѣхъ основаній, по которымъ ея противники заставляютъ вѣрить себѣ публику. И такъ, выставленные авторитеты должны быть подвергнуты критикѣ,—и вотъ,

по необходимости, начинается споръ о томъ, дѣйствительно ли такой-то ученый, выставляемый представителемъ науки, есть великій ученый, и дѣйствительно ли онъ долженъ считаться представителемъ науки? Вы видите, что отъ общихъ вопросовъ объ идеяхъ споръ перешелъ къ вопросу объ ученыхъ заслугахъ такого-то или такого-то человѣка. Вы видите, что это не могло быть иначе. Каждый шагъ, дѣлаемый преніемъ, необходимъ и совершенно законенъ. Кто говоритъ: „пусть ведутся споры объ ученыхъ предметахъ, но не переходятъ въ споры объ ученыхъ качествахъ отдѣльныхъ лицъ“, тотъ говоритъ: „я не хочу, чтобы люди, ведущіе ученый споръ, пользовались совершенно законными и необходимыми средствами для защиты того мнѣнія, которое кажется имъ истиною. Я хочу, чтобы люди, желающіе защищать истину, соглашались безотвѣтно видѣть торжество заблужденія. Я хочу, чтобы всякая ревность къ защитѣ истины служила только для торжества заблужденій“. По нашему мнѣнію, такой человѣкъ поступилъ бы лучше, если бы откровенно сказалъ: „я не хочу, чтобъ была защищаема истина. Я хочу, чтобы умъ публики дремалъ, чтобы ученые молчали“. Такія слова были бы, по крайней мѣрѣ, искренни. Въ искренности есть что-то благородное и привлекательное. Признаемся, желаніе, столь откровенно выраженное, показалось бы намъ обольстительно по своей прямотѣ, и мы были бы расположены даже сочувствовать ему, если бы успѣли убѣдиться въ томъ, что оно удобоисполнимо. Въ самомъ дѣлѣ, какая пріятная перспектива открывается этимъ желаніемъ! Публика не тревожится никакими мыслями, безмятежно наслаждается своимъ житейскимъ, семейнымъ и общественнымъ счастіемъ. Солнце такъ кротко и ясно свѣтитъ на поля и города. Деревья зеленѣютъ, и подъ каждымъ деревомъ мирно сидитъ доброе и счастливое семейство, ведя пріятный и мирный разговоръ о томъ, какъ хороша погода, о томъ, каковъ будетъ нынѣ урожай хлѣбовъ, и тому подобныхъ, пріятныхъ и безобидныхъ предметахъ. Мы любители всякихъ идиллій. Необходимымъ условіемъ каждой идилліи предполагается то, чтобы не было ни журнальной полемики, ни толковъ о журналахъ или книгахъ, ни даже мысли о нихъ. О, какъ были бы мы счастливы, если бы могли обратиться въ Меналковъ и Тирсисовъ! Мы играли бы на свирѣляхъ, мы пасли бы нашихъ овечекъ, и мы сами были бы похожи на кроткихъ овечекъ. Усладительная, обольстительная картина! Не только журнальной полемикой, всѣми журналами можно бы пожертвовать, если бы такой цѣной возможно было купить подобное счастіе.

Къ сожалѣнію, нельзя его купить принесеньемъ въ жертву не только журнальной полемики или журналовъ, не только всѣхъ ученыхъ и литераторовъ, но даже и всѣхъ грамотныхъ людей. Люди, преданные литературѣ и наукѣ, слишкомъ преувеличиваютъ силу науки и литературы надъ народнымъ сознаніемъ. Ученые и литераторы вовсе не имѣютъ такой власти надъ развитіемъ общества, чтобы слова ихъ могли разбудить его, если оно спитъ, чтобы молчаніе ихъ могло усыпить его, если оно проснулось. Не книгами, не журналами, не газетами пробуждается духъ націи, — онъ пробуждается событіями. Не шумные толки французскихъ журналовъ погубили Наполеона,— при немъ и не было никакихъ толковъ. Его погубилъ походъ 1812 года.

Не русскіе журналы пробудили къ новой жизни русскую націю,—ее пробудили славныя опасности 1812 года. О, если бы на землѣ былъ человѣкъ, который могъ бы управлять по произволу ходомъ историческихъ событій, тогда, быть можетъ, могла бы осуществиться наша идиллія о Тирсисахъ и Меналкахъ! Но этотъ человѣкъ долженъ былъ бы властвовать, по крайней мѣрѣ, надъ всею Европою и Америкою;—да и того мало: если бы оставался хотя гдѣ нибудь клочокъ земли, неподвластный ему, на этомъ клочкѣ могли бы возникнуть столкновенія, которыя повели бы къ результатамъ и непредвидѣннымъ, и неотвратимымъ. Думалъ ли лордъ Пальмерстонъ, столь гордо повелѣвающій морями, что какой нибудь ничтожный мандаринъ Ихъ, который не можетъ выслать на море эскадры, способной противиться хотя четверть часа, хотя одному слабѣйшему всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ кораблей, какими повелѣваетъ Пальмерстонъ,—думалъ ли, говоримъ мы, лордъ Пальмерстонъ, что этотъ ничтожный мандаринъ Ихъ принудитъ его измѣнить свою политику, принудитъ его соглашаться на законы, которымъ семьдесятъ лѣтъ противился Пальмерстонъ, принудитъ его кланяться своему врагу Росселю, лишитъ его, быть можетъ, его сана? Конечно, Пальмерстону и во снѣ не снилось того, однакожь такъ случилось. Вздумалъ Ихъ обидѣть какихъ-то англичанъ; вздумалъ Пальмерстонъ наказать за то Иха, и не могъ не наказывать его, потому что иначе осудила бы Пальмерстона вся Англія; вздумалъ Парламентъ разсмотрѣть, какія мѣры принялъ Пальмерстонъ для наказанія Иха, и вздумалъ выразить, что недоволенъ этими мѣрами. Силенъ былъ Пальмерстонъ; не покорился онъ Парламенту, а распустилъ его и созвалъ новый Парламентъ,—и успѣшно, повидимому, было это дѣло для Пальмерстона. Много усилилось въ сравненіи съ прежнимъ число его приверженцевъ въ Парламентѣ, и одобрилъ новый Парламентъ мѣры, принятыя Пальмерстономъ противъ Иха. Только того и нужно было Пальмерстону; теперь онъ считалъ себя всемогущимъ; но не то вышло на дѣлѣ. Благопріятны были парламентскіе выборы для Пальмерстона, но уже черезчуръ благопріятны. Усилились люди, поддерживавшіе его политику, но усилились до того, что перестали опасаться своихъ противниковъ, перестали, слѣдовательно, и нуждаться въ Пальмерстонѣ и безъ церемоніи сказали ему: „если ты хочешь удержаться на своемъ мѣстѣ, то слушайся насъ и исполняй всѣ наши требованія; а мы требуемъ, между прочимъ, чтобы ты сталъ защитникомъ парламентской реформы, улучшеній въ судопроизводствѣ, улучшеній въ администраціи,—словомъ, чтобы ты защищалъ все то, противъ чего боролся ты цѣлыя семьдесятъ лѣтъ. До сихъ поръ былъ ты властелиномъ надъ Англіей, а теперь будь ты нашимъ покорнѣйшимъ слугой; а иначе прогонимъ мы тебя съ твоего мѣста и посадимъ на это мѣсто твоего врага, а нашего друга и предводителя лорда Джона Росселя, который намъ нравится гораздо болѣе, нежели ты“. А Джонъ Россель прибавилъ: „пока вы, милордъ Пальмерстонъ, будете служить мнѣ вѣрой и правдой, я, по своей снисходительности, не буду сгонять васъ съ вашего мѣста; а при первомъ ослушаніи вашемъ принужденъ буду, прогнавъ васъ, занять ваше мѣсто. Извольте же кланяться мнѣ, какъ можно пониже, и исполнять мои приказанія“. И пришлось Пальмерстону изъ господина сдѣлаться слугою.

Такую штуку съигралъ надъ нимъ ничтожный мандаринъ Ихъ. Спрашивается теперь: много ли пользы принесло Пальмерстону то, что англійская журналистика была на его сторонѣ, и много ли вреда принесло Джону Росселю то, что англійская журналистика была на сторонѣ его врага? Спрашивается также: много ли выигралъ бы лордъ Пальмерстонъ, если бы не было въ Англіи ни одной газеты, пока остается на свѣтѣ мандаринъ Ихъ?

Въ послѣднее время, когда появилось въ нашихъ журналахъ нѣсколько дѣльныхъ мыслей, нѣсколько интересныхъ статей, появились также у насъ люди, вообразившіе, будто журналистика имѣетъ какую-то чрезвычайно огромную силу, такъ что развѣ только горъ не можетъ сдвигать съ мѣста, да и то развѣ только ужъ слишкомъ большихъ, а людьми и умами ихъ можетъ ворочать по своему произволу. Многіе простодушные люди очень обрадовались такому открытію, а иные, еще болѣе простодушные, сильно перепугались, сильнѣе, нежели при извѣстіи, что 13 іюля текущаго года наскочитъ на землю какая-то комета и перевернетъ всю землю вверхъ дномъ. „Если вся земля перевернется отъ кометы вверхъ дномъ, это еще ничего, думаютъ они:—будемъ какъ нибудь жить и на перевернутой землѣ; но вотъ бѣда, если въ самомъ дѣлѣ у каждаго изъ насъ въ головѣ все перевернется вверхъ дномъ отъ журналистики. Что тогда будетъ? Сумятица страшная. Взяточники сдѣлаются героями честности, трусы героями, герои трусами, бараны волками, волки баранами: что тогда будетъ? А вѣдь это все можетъ сдѣлать журналистика. Какъ бы намъ предотвратить такое Столпотвореніе Вавилонское?“

Добрые люди! успокойтесь. Не въ силахъ журналистика поднять или остановить новое Столпотвореніе Вавилонское, да и первое Столпотвореніе Вавилонское не отъ нея произошло. Вспомните: вѣдь Немвродъ съ своими товарищами не читали ни газетъ, ни журналовъ, да и читать-то вовсе не умѣли. Не въ силахъ журналистика возбуждать или удерживать движеніе народовъ. Оно возбуждается или останавливается силою событій, которыя не отъ васъ съ нами, добрые люди, зависятъ. Не всегда зависятъ даже, какъ вы видите, и отъ лорда Пальмерстона. Оставьте всѣ ваши золотыя мечты о чрезвычайной силѣ журналистики. Мечты эти столь же были бы пріятны и намъ, какъ онѣ пріятны вамъ: но,—увы! — мечты эти — совершенное самообольщеніе, предаваться которому значитъ гусиное перо принимать за локомотивъ или за одинъ изъ тѣхъ кораблей, которыхъ такъ много у лорда Пальмерстона.

Иные изъ людей, преданныхъ интересамъ просвѣщенія, науки, литературы, могутъ сказать, что мы очень неудовлетворительно думаемъ о силѣ литературы. Но что же дѣлать? Истина, хотя бы и невыгодная, лучше самаго пріятнаго самообольщенія. Къ сожалѣнію, надобно признаться, что типографскій станокъ не можетъ ни дѣятельностью своей пробудить народный духъ, ни бездѣйствіемъ своимъ усыпить его. То и другое зависитъ отъ событій. Печатный листъ имѣетъ совершенно другое значеніе. Онъ придаетъ мирный и разумный характеръ мысли, пробуждаемой событіями. Онъ не въ силахъ не только пробуждать ее, онъ не въ силахъ даже, когда она пробудилась, сообщить ей то или другое направленіе, привлечь ее къ тѣмъ или

другимъ стремленіямъ. Все это зависитъ отъ событій, надъ которыми не властенъ не только журнальный листъ или слабая рука, его писавшая, но не властны и сильнѣйшіе люди на землѣ. Одна только сила принадлежитъ литературѣ: сообщать разумный и мирный характеръ тѣмъ стремленіямъ, которыя и рождаются, и укрѣпляются, и исчезаютъ по власти событій. Зато въ этомъ дѣлѣ помощь литературы не замѣнима ничѣмъ. Представимъ себѣ хотя такой примѣръ. Вслѣдствіе справедливыхъ требованій Россіи, Западныя Державы соединились съ нею для наложенія на Турцію обязательства сравнять христіанскихъ подданныхъ султана въ правахъ съ его мусульманскими подданными. Это справедливое требованіе, во что бы то ни стало, должно быть исполнено турецкимъ правительствомъ. Могущество трехъ державъ, наложившихъ эту обязанность, ручается за непремѣнное ея выполненіе. Надобно прибавить, что только исполненіе этой обязанности можетъ спасти Турцію отъ внутренняго распаденія и совершенной погибели по внутреннимъ неурядицамъ. Но исполненіе этой обязанности соединено для турецкаго правительства съ затрудненіями очень тяжелыми. Мусульманскій фанатизмъ и османская національная надменность одинаково возстаютъ при мысли о дарованіи турецкимъ христіанамъ правъ, равныхъ съ правами мусульманъ. Читатели знаютъ изъ газетъ, сколько страшныхъ и гнусныхъ сценъ производится мусульманскимъ населеніемъ при обнародованіи и исполненіи мѣръ, ведущихъ къ этой цѣли. Само собою разумѣется, что всѣ эти звѣрскія сцены, производимыя мусульманами, не доставятъ имъ успѣха. Турція не можетъ не исполнить договора, исполненіе котораго требуется тремя державами, изъ которыхъ каждая въ десять разъ сильнѣе Турціи. Многимъ обидамъ подвергаются и будутъ подвергаться турецкіе христіане, но за каждую изъ этихъ обидъ налагается турецкимъ правительствомъ тяжелое мщеніе на преступниковъ мусульманъ. Какъ ни упорно сопротивленіе съ ихъ стороны, но дѣло, которому они противятся, совершается и будетъ совершено, хотя бы тысячи христіанъ были побиты фанатическими османами, хотя бы десятки и сотни тысячъ этихъ фанатиковъ, въ наказаніе за свои мятежи противъ христіанъ, погибли. Таково положеніе страны, въ которой народъ не привыкъ совѣтоваться съ печатнымъ листомъ о своихъ мнѣніяхъ и поступкахъ. Предположимъ теперь, что въ Турціи въ настоящее время существовала бы журналистика, какъ у насъ, и турецкіе мусульмане имѣли бы привычку читать журналы,—что было бы тогда? Люди, приписывающіе печатному листу ту силу, какой онъ не имѣетъ, воображающіе, что онъ можетъ поднимать или заглушать народныя стремленія, скажутъ, пожалуй, что литература истребила бы въ турецкихъ мусульманахъ ихъ мусульманскій фанатизмъ и ихъ нелѣпую османскую національную гордость, и что османы съ радостію приняли бы издаваемые теперь ихъ правительствомъ законы о вѣротерпимости и уравненіи христіанъ въ правахъ съ ними, османами.

Мы уже сказали, что вовсе не раздѣляемъ подобныхъ мечтаній, кажущихся намъ грустными или забавными, смотря по тому, пагубны или только смѣшны бываютъ послѣдствія ошибокъ, въ которыя вовлекаются люди этими мечтаніями, но во всякомъ случаѣ кажущихся намъ одинаково нелѣпыми. Нѣтъ, ни фанатизма мусульманскаго, ни нелѣпыхъ мусульманскихъ

предразсудковъ не истребила бы турецкая журналистика. Народныя привычки измѣняются только событіями народной жизни. Турецкіе журналы, защищающіе вѣротерпимость и уваженіе къ національностямъ, стали бы читаться только тѣми немногими изъ османовъ, которые и безъ того уже расположены къ вѣротерпимости и уваженію національностей. Все остальное безчисленное османское населеніе читало бы журналы согласные съ его убѣжденіями, то-есть журналы, проникнутые духомъ мусульманскаго фанатизма и османской исключительной національности. Но дѣло въ томъ, что каждый изъ фанатиковъ османской журналистики былъ бы знакомъ съ содержаніемъ Парижскаго трактата, имѣлъ бы нѣкоторое понятіе о силахъ Россіи, Англіи и Франціи и потому видѣлъ бы неизбѣжность того дѣла, которое ненавистно его сердцу. Потому, при всемъ своемъ фанатизмѣ, онъ убѣждалъ бы своихъ читателей согласиться, что султанъ дѣйствуетъ не по капризу, давая права христіанамъ, что сопротивленіе волѣ султана совершенно напрасно, потому что воля эта никакъ не можетъ измѣниться, что сопротивленіе законамъ султана, по необходимости, навлечетъ погибель на сопротивляющихся, и что потому благоразуміе требуетъ покорности предъ силою неизбѣжной необходимости. Для всякаго очевидно, что этими совѣтами со стороны турецкой журналистики значительно, чрезвычайно значительно облегчилось бы дѣло, предпринятое теперь турецкимъ правительствомъ. По всей вѣроятности, не произошло бы тогда и сотой части тѣхъ мятежей, какіе нынѣ совершенно безполезно волнуютъ османское населеніе, сохранилась бы жизнь сотнямъ несчастныхъ христіанъ, убиваемыхъ нынѣ мусульманами, и десяткамъ тысячъ мусульманъ, казнимыхъ нынѣ за эти убійства.

Стремленія человѣка и потребности человѣка существуютъ независимо отъ литературы. Ни возбудить, ни усыпить, ни усилить, ни ослабить ихъ она не можетъ. Не можетъ она поставить человѣку новыхъ цѣлей, къ которымъ бы не стремился онъ и безъ нея. Надъ всѣмъ этимъ безсильна ея власть, надъ всѣмъ этимъ исключительно владычествуетъ сила событій, одинаково дѣйствующихъ на молчаливаго и разговорчиваго, на читающаго и не читающаго журналы. Но внести въ эти независимыя отъ литературы стремленія осмотрительность и благоразуміе — это сдѣлать можетъ только литература. Только привычка совѣтоваться съ печатнымъ листомъ можетъ предохранить общество отъ опрометчивости. Итакъ, весь вопросъ состоитъ въ томъ, что лучше, опрометчивость или разсудительность при одномъ и томъ же стремленіи? При одинаковости событій не можетъ быть произведено никакого различія въ силѣ или направленіи мыслей общества тѣмъ обстоятельствомъ, будетъ или не будетъ имѣть оно литературу. Отъ этого обстоятельства зависитъ только то, опрометчива или благоразумна, тревожна или спокойна будетъ эта мысль.

Все это было сказано нами для того, чтобы объяснить, какимъ образомъ надобно смотрѣть на вопросъ о журналистикѣ и журнальной полемикѣ. Кто дорожитъ спокойствіемъ, благоразуміемъ въ мысляхъ общества, только тотъ долженъ желать успѣховъ литературѣ; всѣ другія надежды на нее, всѣ другія опасенія отъ нея совершенно неосновательны. Если вы желаете сохраненія въ обществѣ прежнихъ обычаевъ, не бойтесь литературы,—

она не внесетъ въ общество никакихъ желаній, которыхъ бы и безъ нея не было въ обществѣ. Если вы желаете возбудить въ обществѣ какія нибудь новыя стремленія или измѣнить прежніе обычаи, не надѣйтесь на литературу,—она ни на волосъ не поможетъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Всѣ фразы о томъ, что литература служитъ распространительницею новыхъ стремленій въ обществѣ, фразы столь отрадныя, столь громкія—всѣ эти фразы, къ сожалѣнію, пустая мечта.

Многіе изъ нашихъ собратовъ готовы будутъ упрекнуть насъ за невѣріе въ литературу ради этихъ послѣднихъ словъ, высказываемыхъ нами не безъ горькаго сожалѣнія о безсиліи печатнаго листа надъ направленіемъ общественныхъ стремленій, и высказываемыхъ только по глубокому убѣжденію въ несомнѣнности этой прискорбной правды. Да, къ сожалѣнію, литература безсильна возбуждать, ослаблять или измѣнять народныя стремленія. Посмотрите на Англію. Со временъ Мильтона всѣ великіе поэты и мыслители, которыми такъ богата была Англія, говорили въ пользу вѣротерпимости; а давно ли было въ Англіи гоненіе со стороны всего общества противъ католиковъ? Давно ли кардиналъ Уайзмэнъ долженъ былъ искать за границею спасенія отъ ненависти англійской націи за то, что онъ католическій архіепископъ? Двѣсти лѣтъ постоянныхъ усилій со стороны журналистики и литературы, могущественнѣйшей въ мірѣ,— и въ результатѣ этихъ усилій—преслѣдованіе всею англійскою націею католическаго архіепископа! Хотите ли другой примѣръ? Съ той поры, какъ Шекспиръ высочайшею въ мірѣ похвалою могущественнѣйшему и лучшему изъ людей призналъ слова: „человѣкъ былъ онъ“, вся литература Англіи неумолкаемо твердила о неприкосновенныхъ правахъ, врожденныхъ человѣку; и однакоже до сихъ поръ во всей силѣ сохраняется въ Англіи безчеловѣчный обычай, по которому, въ противность родительской любви, въ противность братской любви, всѣ дѣти приносятся въ жертву старшему сыну. Изъ человѣческихъ правъ, какое можетъ быть священнѣе, нежели право дѣтей на равенство передъ отцомъ, право отца равно желать добра всѣмъ своимъ дѣтямъ? Оно не признается обычаемъ Англіи ни относительно дочерей, ни относительно всѣхъ младшихъ сыновей. Двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ неумолкаемой проповѣди о достоинствѣ человѣка, и въ результатѣ—ничтожество человѣка сравнительно съ преимуществами старшаго сына!

Говорите послѣ этого о силѣ литературы надъ народными стремленіями,—ваши слова будутъ прекрасны, возвышенны, но, къ сожалѣнію, они—пустыя слова. Не даетъ литература народу новыхъ стремленій: безсильна она въ этомъ дѣлѣ, надъ которымъ владычествуетъ могущество событій.

Но какъ безсильна литература въ томъ дѣлѣ, относительно котораго существуетъ различіе партій и интересовъ, котораго желаютъ одни, которому противятся другіе, въ дѣлѣ измѣненія народныхъ обычаевъ и стремленій; точно также сильно и незамѣнимо ничѣмъ ея вліяніе въ томъ дѣлѣ, относительно котораго никогда не бываетъ разнорѣчія между благоразумными и благонамѣренными людьми,—въ дѣлѣ сообщенія національному характеру и національнымъ стремленіямъ хода благоразумнаго и осмотрительнаго. Потому вопросъ о литературѣ не есть дѣло партій; подобно вопросу о на-

ціональной чести, о національномъ могуществѣ, о національномъ благосостояніи, это дѣло патріотизма вообще. Можно спорить о томъ, какія именно стремленія въ данное время наиболѣе полезны для націи, какія изъ потребностей ея требуютъ удовлетворенія и какими способами могутъ быть удовлетворены онѣ. Но невозможно для каждаго благоразумнаго человѣка, каковы бы ни были его мнѣнія объ этихъ частныхъ вопросахъ, не соглашаться со всѣми остальными благоразумными людьми въ желаніи успѣховъ литературѣ—это значило бы сомнѣваться въ необходимости благоразумія и осмотрительности. Невозможно ему, каковы бы ни были остальныя его цѣли, не помогать всѣмъ другимъ благоразумнымъ людямъ во всяческомъ содѣйствіи развитію литературы,—поступать иначе могъ бы только безумецъ, желающій преобладанія безразсудства и опрометчивости въ національномъ характерѣ. Степень благоразумія въ націи соразмѣряется съ степенью развитія литературы, потому что совершенно и исключительно зависитъ отъ нея.

Надобно ли теперь говорить о томъ, въ чемъ состоитъ необходимая и неизбѣжная сущность всякой литературы? Въ томъ, что она служитъ выразительницею различныхъ мыслей о тѣхъ вопросахъ, которые и безъ нея уже сильно занимаютъ націю и которые различными людьми разрѣшаются различно. Это понятіе о литературѣ такъ просто, и такъ необходимо принимается каждымъ хотя сколько нибудь знакомымъ хотя съ какими нибудь литературными явленіями, что казалось бы не нужно и говорить о немъ. Но тѣ замѣчанія, изложеніемъ которыхъ началась наша статья, замѣчанія, слышанныя нами отъ людей совершенно благонамѣренныхъ и искреннихъ, доказываютъ, къ сожалѣнію, что не всѣмъ еще благонамѣреннымъ людямъ, разсуждающимъ у насъ о литературѣ, знакомо само понятіе литературы. Остановимся же на немъ и разъяснимъ необходимость каждаго его термина.

„Вопросы, о которыхъ разсуждаетъ литература, и безъ литературы уже сильно занимаютъ національное сознаніе“.—Еслибъ они еще не занимали націю въ то время, когда литература только еще начинаетъ говорить о нихъ, то въ такомъ случаѣ ни у кого не было бы охоты читать эти разсужденія, и литература исчезла бы отъ равнодушія и пренебреженія публики. Кому охота слушать о томъ, что его не интересовало уже въ то время, когда начинался разсказъ? Съ первыхъ же словъ понявъ, что дѣло идетъ о предметѣ для него не интереснымъ, онъ отвернулся бы и ушелъ.

„Вопросы эти занимаютъ націю не потому, что литература говоритъ о нихъ, напротивъ, литература говоритъ о нихъ только потому, что они безъ нея и прежде нея уже занимали народную мысль“. Таково отношеніе всякихъ бесѣдъ: изустныхъ, письменныхъ и печатныхъ, къ предметамъ ихъ. Не потому собесѣдники заняты предметомъ, что бесѣдуютъ о немъ, напротивъ, бесѣдуютъ о немъ только потому, что уже заняты имъ. Думать иначе можетъ только идіотъ, надъ тупоуміемъ котораго обязанъ отъ души посмѣяться или отъ души пожалѣть каждый человѣкъ, въ которомъ есть хотя искра здраваго смысла. Предположимъ: я вхожу въ общество и слышу, что бесѣда идетъ о псовой охотѣ. Я долженъ понять, если я не совершенный идіотъ, что собесѣдники— люди очень любящіе псовую охоту, что каждый

изъ нихъ или имѣетъ, или желаетъ имѣть стаю гончихъ, что каждый изъ нихъ много разъ побывалъ уже и много разъ желалъ побывать въ отъѣзжемъ полѣ, преслѣдуя несчастныхъ зайцевъ. Если же я предположу, что собесѣдники до начала своей бесѣды не имѣли ни понятія о псовой охотѣ, ни расположенія къ ней, то я окажусь человѣкомъ, совершенно лишеннымъ здраваго смысла, человѣкомъ, въ которомъ разсудка меньше, нежели въ самомъ трусливомъ и глупомъ зайцѣ. Идемъ далѣе и предполагаемъ, что я узнаю о существованіи періодическаго изданія, называющагося „Журналъ Коннозаводства и Охоты“. По прежнему, если есть во мнѣ хотя искра здраваго смысла, я долженъ понять, что люди, начинающіе читать этотъ журналъ, уже прежде, нежели начнутъ его читать, сильно заняты мыслями о коннозаводствѣ и охотѣ.

„Литература разсуждаетъ, изъ предметовъ, сильно занимающихъ общественную мысль, только о такихъ предметахъ, о которыхъ уже существуютъ и безъ литературы различныя мнѣнія“. Общее и необходимое качество всякихъ бесѣдъ: печатныхъ, письменныхъ или изустныхъ, состоитъ въ томъ, что онѣ ведутся о такихъ вопросахъ, относительно которыхъ существуютъ между собесѣдниками различныя мнѣнія. Возьмемъ опять прежній нашъ примѣръ. Разсуждаютъ ли охотники между собою о томъ, что у каждой лошади и у каждаго зайца бываетъ по четыре ноги? Въ этихъ вопросахъ всѣ согласны, и потому говорить о нихъ есть признакъ идіотства. Всякая бесѣда необходимо имѣетъ своимъ источникомъ желаніе разъяснить предметъ. Если предметъ ясенъ для всѣхъ собесѣдниковъ до начала бесѣды, то начинать бесѣду или слушать ее есть оскорбленіе для человѣческаго разума. Такихъ бесѣдъ никогда никто не начинаетъ и не слушаетъ; онѣ противны человѣческой натурѣ, и если бы когда нибудь кто нибудь вздумалъ бесѣдовать или слушать бесѣду о предметѣ, для всѣхъ совершенно ясномъ, то былъ бы наказанъ за такое оскорбленіе законовъ человѣческой природы невыносимою скукою и получилъ бы неотъемлемое право носить имя идіота.

Опасаясь подвергнуться такой горькой и обидной участи, мы никакъ не отважились бы вести бесѣду о такомъ, повидимому, ясномъ и простомъ предметѣ, какъ понятіе о неизбѣжныхъ качествахъ литературы, если бы тѣ порицанія, о которыхъ упомянули мы въ началѣ статьи, не давали намъ прискорбнаго основанія предполагать совершенное незнакомство порицателей съ первыми понятіями о предметѣ, о которомъ они судятъ такъ ошибочно, хотя, мы увѣрены, и благонамѣренно. Мало того, что желаешь добра, нужно также хотя нѣсколько знать сущность того дѣла, о которомъ принимаешься судить.

Теперь, мы надѣемся, довольно легко будетъ каждому изъ людей, порицавшихъ „Русскій Вѣстникъ“ за полемическій тонъ нѣкоторыхъ статей его, разсудить, до какой степени справедливо было это порицаніе? Сущность литературы, какъ мы видѣли, заключается въ изложеніи различныхъ мыслей о предметахъ, относительно которыхъ уже существуетъ разнорѣчіе въ обществѣ. Отвергать это значитъ быть идіотомъ. Если же мы допустимъ, что въ литературѣ не только могутъ, но и по необходимости должны выра-

жаться различныя мнѣнія объ одномъ и томъ же вопросѣ, то уже мы допустили тѣмъ самымъ необходимость всѣхъ тѣхъ статей „Русскаго Вѣстника“, о полемическомъ характерѣ которыхъ завели мы рѣчь. Какъ скоро излагаются объ одномъ и томъ же вопросѣ различныя мнѣнія, то само собою разумѣется, что эти мнѣнія различны, и вотъ мы уже имѣемъ полемику. Сказать: „вы можете держаться различныхъ мнѣній и можете излагать ихъ, но эти различныя мнѣнія не должны противорѣчить одно другому“,— сказать такую вопіющую несообразность было бы посрамленіемъ разсудку и здравому смыслу. Точно также, сказать: „мы допускаемъ полемику, но не хотимъ, чтобы въ эту полемику были замѣшаны люди; мы допускаемъ, чтобы былъ споръ, но не хотимъ того, чтобы были люди, спорящіе другъ противъ друга“, значило бы сказать нелѣпость, точно также унизительную для здраваго смысла. Кому не нравится литературный споръ однихъ людей противъ другихъ, тотъ можетъ найти только одинъ способъ выраженія, неунизительный для его собственнаго разсудка. Онъ долженъ откровенно сказать: „мнѣ не нравится, что существуетъ литература“. Выше мы уже признались, что прямота и откровенность этой мысли очаровываетъ насъ; но къ величайшему нашему прискорбію должны были признаться, что эта идиллическая мысль неудобоисполнима, какъ неудобоисполнимо многое прекрасное на землѣ. Не будемъ утопистами, мечтателями и прежде, нежели обольстимся какою нибудь прекрасною мыслью, подумаемъ хорошенько о томъ, допускается ли исполненіе ея силой событій, ни возвратить, ни измѣнить которыхъ не властенъ человѣкъ. Покоримся горькой необходимости, признаемъ въ нашихъ согражданахъ совершенную неспособность быть аркадскими пастушками въ такомъ вѣкѣ, когда уже и потомки аркадскихъ пастушковъ не могутъ жить безъ литературы.

Довольно разсуждали мы о первомъ изъ основаній, выставляемыхъ людьми, порицающими „Русскій Вѣстникъ“ за его полемическія статьи. Мы убѣдились, что въ нашъ вѣкъ литература, къ сожалѣнію, необходима. Убѣдившись въ этой прискорбной истинѣ, мы уже легко и безъ всякаго огорченія должны были признаться, что какъ скоро существуетъ литература, то необходимы и неизбѣжны въ ней споры людей другъ противъ друга. Мы дѣдились, что статьи, подобныя тѣмъ, по случаю которыхъ завели мы рѣчь о „Русскомъ Вѣстникѣ“, являются въ литературѣ не вслѣдствіе человѣческаго произвола, а вслѣдствіе неизбѣжной необходимости, и что потому осаждать „Русскій Вѣстникъ“ за помѣщеніе такихъ статей также несправедливо и нелѣпо, какъ осуждать его за то, что онъ печатается на типографскомъ станкѣ, за то, что книжки его сшиваются переплетчикомъ и имѣютъ обертку и т. д., и т. д. Всѣ эти вещи ни мало не зависятъ отъ чьего бы то ни было произвола, и быть иначе не можетъ. Теперь разсмотримъ вторую мысль, находимую нами въ тѣхъ порицаніяхъ, которыя приведены въ началѣ статьи,—мысль о безполезности полемики, относящейся не къ идеямъ, а къ лицамъ. „Положимъ, говорили намъ порицатели „Русскаго Вѣстника“, что „Русскій Вѣстникъ“ не могъ избѣжать этой полемики, положимъ, что она необходима и совершенно законна; но все-таки надобно согласиться, что она безполезна“. Нѣтъ; не только надобно согласиться, что она спра-

ведлива, необходимость и очевидность не позволяютъ усомниться также и въ томъ, что такого рода полемика положительно полезна. Мы уже должны были признать, что литература не только необходима, но и полезна. Одно изъ условій существованія литературы есть существованіе такой полемики, которая относится къ лицамъ; здравый разсудокъ говоритъ, что вещи, необходимыя для существованія какого нибудь полезнаго дѣла, должны быть признаваемы полезными. Поясникъ эту мысль примѣромъ. Хлѣбопашество есть дѣло полезное. Хлѣбопашество не можетъ существовать безъ кузницъ. Лично вамъ или мнѣ кузница можетъ казаться вещью непріятною или даже дурною. Намъ можетъ не нравиться то, что на кузницѣ очень много стуку, очень много дыму, и что вообще кузница—вещь довольно безпокойная и черная. Если мы будемъ разсуждать, какъ аркадскіе пастухи, мы можемъ даже сочинить идиллію, въ которой безпокойную кузницу противопоставимъ мирному хлѣбопашеству, и будемъ говорить своимъ согражданамъ, напримѣръ, слѣдующую рѣчь: „О, милые сограждане! занимайтесь хлѣбопашествомъ, дѣломъ мирнымъ и спокойнымъ, и уничтожьте ненавистныя каждому мирному гражданину, оскорбляющія слухъ его, оскорбляющія глазъ его, шумныя и черныя кузницы“. Рѣчь наша будетъ чрезвычайно трогательна и благонамѣренна; но, къ сожалѣнію, она будетъ очень наивна и тупоумна. Наши сограждане-хлѣбопашцы, люди мирные и нелюбящіе шуму, будутъ отвѣчать намъ: „о, добродушный Меналкъ! вы забываете, что въ кузницахъ приготовляются необходимыя орудія хлѣбопашества. Если бы мы, по вашему совѣту, уничтожили кузницы, мы остались бы безъ плуговъ и сохъ, безъ телѣгъ и упряжи, и не могли бы распахать ни одной десятины нашихъ полей и умерли бы съ голода. Къ сожалѣнію, любезный Меналкъ, кузницы для насъ совершенно необходимы. Эти закопченныя дымомъ, наполненныя стукомъ зданія приносятъ намъ неоцѣненную пользу. О, любезный Меналкъ! ваша идиллія свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ благородствѣ души вашей, но, къ сожалѣнію, вы совершенно не понимаете дѣла, о которомъ судите“.

Но мало сказать того, что статьи, подобныя полемическимъ статьямъ „Русскаго Вѣстника“, неизбѣжны въ литературѣ и полезны, какъ одна изъ необходимыхъ принадлежностей литературы, которая не имѣетъ такихъ статей только тогда, когда доведена до совершеннаго изнеможенія. Само по себѣ, независимо отъ своей неизбѣжности въ литературѣ, полемика о лицахъ почтенна и полезна потому, что имѣетъ своею цѣлью разъясненіе истины. Для человѣка, желающаго знать истину, важенъ вопросъ не только о томъ, что говорится, но и вопросъ о томъ, кѣмъ говорится. Истины и вообще мысли, отвлеченной отъ людей, нѣтъ. Мысль неразлучно связана съ человѣкомъ, и качества мысли неразлучно связаны съ его качествами. Кто не хочетъ знать людей, тотъ не хочетъ знать истины, тотъ не хочетъ мыслить. Было бы нелѣпо сказать: „Мнѣ нравится, когда говорятъ о Коперниковой системѣ, но не нравится когда говорятъ о Копернике. Я желаю, чтобы вы изложили свое мнѣніе о системѣ іезуитовъ, но я не хочу, чтобы при этомъ вы касались Игнатія Лойолы, основателя іезуитской системы. Вы можете говорить о Политической Экономіи, но я не желаю, чтобы вы раз-

сматривали степень учености и добросовѣстности Адама Смита, основателя Политической Экономіи". Вопросъ о мысляхъ не можетъ быть проясненъ безъ разъясненія вопроса о людяхъ, излагающихъ эти мысли. Знаніе людей составляетъ одну изъ важныхъ сторонъ истины. Утверждать противное можетъ только человѣкъ, не имѣющій понятія ни о качествахъ истины, ни о томъ, что истину нельзя дѣлить и обрѣзывать по произволу. Кому непріятна какая нибудь сторона истины, тотъ пусть не унижаетъ своего разсудка нелѣпымъ раздѣломъ истины на полезную и безполезную. Пусть онъ прямо скажетъ, что истина вся безъ исключенія кажется ему безполезна или вредна. Читатель ожидаетъ, быть можетъ, что мы прибавимъ: отвергать пользу истины не рѣшится никто. Нѣтъ, мы не скажемъ этого. Кому угодно, почему же и не отвергать тому пользу истины? Кому истина кажется вредною, почемужъ не можетъ тотъ и сказать, что истина кажется ему вредною? Мы такъ умѣренны, что не требуемъ даже и уваженія къ истинѣ отъ тѣхъ людей, которые не захотѣли бы уважать ее; мы требуемъ отъ нихъ только здраваго смысла. Пусть кому угодно отвергаетъ истину; пусть только сообразитъ онъ, къ чему приведетъ его такое желаніе? Оно приводитъ къ требованію идіотства. Какимъ путемъ? Очень простымъ и короткимъ.

Натура мысли состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ истинѣ. При ограниченности человѣческихъ силъ, мысль не всегда достигаетъ этой цѣли, останавливается иногда на односторонностяхъ, но всегда стремится она къ истинѣ. Кто хочетъ отнять у мысли это стремленіе, тотъ хочетъ убить ея дѣятельность. Человѣкъ, въ которомъ убита дѣятельность мысли, можетъ сдѣлаться хитрецомъ, плутомъ, но во всякомъ случаѣ остается тупоумнымъ. Хитрость, къ сожалѣнію, никакъ не можетъ замѣнить собою ума. Часто встрѣчаются хитрецы не только между идіотами, даже между съумасшедшими. Нѣкоторыя породы четвероногихъ животныхъ также отличаются значительною степенью хитрости. Если бы они могли замѣнить собою человѣка, обладающаго разсудкомъ, очень легко бы обойтись безъ людей съ разсудкомъ, который укрѣпляется только дѣятельностію мысли, иначе сказать, только стремленіемъ къ истинѣ. Тогда легко можно было бы и отрицать необходимость истины. Но, къ сожалѣнію, лисица точно также неспособна къ отправленію человѣческихъ дѣлъ, какъ и оселъ, хотя она гораздо хитрѣе осла. Къ сожалѣнію, хитрый идіотъ точно также неспособенъ къ разсудительнымъ поступкамъ, какъ и просто добродушный идіотъ. Потому горькая необходимость принуждаетъ сказать, что разсудокъ въ человѣкѣ необходимъ для существованія гражданскаго общества, которое очень быстро разрушается, какъ скоро въ націи ослабѣваетъ сила разсудка. Быть противникомъ разсудка, иначе сказать, желать ослабить дѣятельность мысли, иначе сказать, мѣшать ея стремленію къ истинѣ,—стремленію, безъ котораго нѣтъ дѣятельности мысли, нѣтъ и разсудка, можетъ только человѣкъ, или самъ не понимающій, чего онъ желаетъ, или желающій разрушенія гражданскаго общества и превращенія своей страны въ землю Троглодитовъ—Пигмеевъ, которыхъ били не только люди, но и журавли.

Но довольно о томъ, можно ли отдѣлять вопросъ о мысляхъ отъ вопроса о людяхъ, и полезны ли споры между людьми. Остается намъ раз-

смотрѣть третье и послѣднее изъ тѣхъ основаній, которыя выставляются людьми, порицающими оборотъ, принятый въ послѣднее время полемикою „Русскаго Вѣстника“ и его противниковъ. Намъ говорятъ: „полемика, относящаяся къ лицамъ, заслуживаетъ порицанія потому, что отвлекаетъ вниманіе публики и литераторовъ отъ вопросовъ объ идеяхъ,—вопросовъ, гораздо важнѣйшихъ“. Это возраженіе, по всей справедливости, могли бы мы оставить безъ всякаго вниманія, какъ совершенно неумѣстное. Каждый самъ лучше другихъ чувствуетъ, что для него важно, и если бываютъ случаи, въ которыхъ основательные писатели считаютъ дѣломъ нужнымъ, а образованные читатели—дѣломъ для себя интереснымъ споръ о лицахъ, то, по всей вѣроятности, можемъ мы предположить, что не совершенно безразсудно думаютъ въ этихъ случаяхъ люди, которые во всѣхъ другихъ случаяхъ оказываются людьми умными и основательными. У насъ, къ сожалѣнію, очень сильна несчастная привычка предполагать, не разобравъ хорошенько дѣла, что человѣкъ, который поступаетъ не совсѣмъ такъ, какъ именно мнѣ нравилось бы, непремѣнно ошибается; а того не хочу я подумать, что дѣло, которымъ этотъ человѣкъ занимается, ему, быть можетъ, знакомѣе, нежели мнѣ, да и самъ онъ, быть можетъ, умнѣе, и быть можетъ, даже и честнѣе меня. Не приходитъ обыкновенно мнѣ въ голову подумать, что прежде, нежели порицать его, я могъ бы посовѣтоваться съ нимъ, и быть можетъ совѣтъ его не только удержалъ бы меня отъ порицанія, направленнаго противъ него,—порицанія, которымъ обнаруживается лишь мое собственное невѣжество, но и помогъ бы мнѣ въ собственныхъ моихъ дѣлахъ, быть можетъ, довольно запутанныхъ и, быть можетъ, нуждающихся въ пособіи добрымъ совѣтомъ со стороны людей умныхъ. Всѣ эти соображенія, говоримъ мы, могли бы служить достаточною причиною оставить безъ всякаго отвѣта тотъ упрекъ, на которомъ мы остановились. Но такъ какъ мы уже приняли на себя обязанность доказать порицателямъ новаго оборота, принятаго полемикою „Русскаго Вѣстника“ и его противниковъ, что сомнѣнія, ими питаемыя объ этомъ дѣлѣ, возникли у нихъ единственно отъ незнанія дѣла, то скажемъ два, три слова о томъ, почему личные споры не могутъ отвлечь вниманія отъ споровъ за идеи. Для этого довольно будетъ вспомнить, какимъ образомъ обыкновенно возникаютъ споры о лицахъ. Они возникаютъ, какъ мы сказали, и притомъ возникаютъ необходимо, изъ споровъ за идеи, какъ дополненіе споровъ за идеи, имѣющее цѣлью окончательно разъяснить и утвердить результаты, доставленные предшествующимъ споромъ объ идеяхъ. Служа такимъ образомъ только необходимымъ средствомъ для достиженія цѣли, споръ о лицахъ прекращается самъ собою, какъ скоро цѣль достигнута, и во все то время, пока продолжается, не ослабляетъ, а поддерживаетъ вниманіе, обращенное на источникъ и главный предметъ спора, именно, на первоначальный вопросъ объ идеяхъ. Обыкновенно изслѣдованіе идеи принимаетъ въ это время даже особенную глубину, потому что не всѣ же силы партіи заняты бываютъ споромъ противъ лицъ, и такъ какъ интересъ къ предмету спора достигаетъ въ это время особеннаго развитія, то силы, остающіяся свободными, съ удвоенною ревностію обращаются къ изслѣдованію идеи.

Такъ, напримѣръ, въ то самое время, когда одна часть сотрудниковъ „Русскаго Вѣстника“ занята была споромъ противъ лицъ, другая часть сотрудниковъ этого журнала съ большею ревностію, нежели когда нибудь, занималась разъясненіемъ основныхъ идей, подавшихъ поводъ къ спору,—и результатомъ такихъ изслѣдованій явились двѣ превосходныя статьи гг. Соловьева и Забѣлина,—статьи, которыя, по своему ученому достоинству, имѣютъ высокую цѣну и независимо отъ своихъ полемическихъ отношеній. Онѣ могутъ, кажется, послужить очень достаточнымъ доказательствомъ, что споръ о лицахъ ни мало не повредилъ изслѣдованію идей, а, напротивъ, усилилъ его энергію и добросовѣстность.

Статья г. Соловьева „Шлецеръ и анти-историческое направленіе“, разсматривая сужденія нѣкоторыхъ славянофильскихъ писателей о замѣчательнѣйшихъ людяхъ допетровской Руси, доказываетъ, что всѣ эти люди должны быть названы представителями того же самаго направленія, которое нынѣ славянофилы называютъ западническимъ и отрицательнымъ, что Посошковъ, митрополитъ Макарій, Геннадій, Максимъ Грекъ, боярынъ Матвѣевъ, Нащокинъ, митрополитъ Кипріанъ и наконецъ тѣ новгородцы, которые призвали Рюрика, должны быть названы людьми отрицательнаго направленія въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ понимается отрицательность славянофилами, потому что всѣ они или жаловались на чрезвычайную неудовлетворительность той степени развитія, на которой стояла Русь въ ихъ время, или своею дѣятельностію обнаруживали недостатки тогдашняго быта. Г. Забѣлинъ въ статьѣ „Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ“ чрезвычайно основательно раскрываетъ понятія, которыми опредѣлялось въ старинной русской жизни общественное положеніе человѣка, и доказываетъ, что единственнымъ правомъ на уваженіе считалась тогда порода, передъ которою совершенно ничтожны казались личныя достоинства или недостатки человѣка. Находя повтореніе тѣхъ же самыхъ понятій въ семейственныхъ отношеніяхъ, онъ показываетъ, какъ жалко и грубо было мнѣніе старинной Руси о женщинѣ, и какъ унизительна и тяжела была судьба женщины въ тѣ времена. Старинный русскій человѣкъ, подъ вліяніемъ фальшивыхъ понятій, опредѣлявшихъ его развитіе, дошелъ до того, что считалъ женщину существомъ по натурѣ своей злымъ, назначеннымъ отъ природы быть вмѣстилищемъ всѣхъ низкихъ пороковъ и преступленій, считалъ обязанностію своею презирать отъ глубины души и всячески стѣснять женщину. Множество интересныхъ выписокъ изъ неизданныхъ старинныхъ рукописей придаетъ новую важность прекрасной статьѣ, которая, между прочимъ, знакомитъ насъ съ содержаніемъ знаменитой старинной „Книги о злыхъ женахъ“. Какъ всѣ превосходныя изслѣдованія г. Забѣлина, его новая статья отличается рѣдкимъ у насъ достоинствомъ изложенія. Нѣтъ надобности говорить, что, подобно всѣмъ другимъ изслѣдованіямъ г. Забѣлина, эта новая статья останется капитальнѣйшимъ трудомъ по своему предмету. Новая статья г. Соловьева о Шлецерѣ также принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ между его небольшими трактатами о частныхъ вопросахъ Русской Исторіи.—Такія важныя пріобрѣтенія для науки, обязанныя своимъ возникновеніемъ полемикѣ „Русскаго Вѣстника“ съ славянофилами и появив-

шіяся именно въ то самое время, когда къ спору объ идеяхъ присоединился и споръ объ лицахъ, должны, кажется, быть почтены совершенно убѣдительными доказательствами того, что споръ объ именахъ ни мало не мѣшаетъ изслѣдованію идей, напротивъ, придаетъ ему особенную живость и основательность.

Само собою разумѣется, что всѣ тѣ права спора и защиты, которыя мы признаемъ совершенно законно и несомнѣнно принадлежащими „Русскому Вѣстнику“, точно въ такой же степени мы считаемъ неотъемлемо принадлежащими и той партіи, которая ведетъ споры съ „Русскимъ Вѣстникомъ“. Мы думаемъ, что какъ „Русскій Вѣстникъ“ имѣетъ полное право и находится въ совершенной необходимости разсматривать степень ученыхъ заслугъ, степень познаній и степень добросовѣстности, какія обнаруживаются статьями г. В. Григорьева, г. И. Крылова и проч., точно также и точно въ такой же полной мѣрѣ должно быть признано и за писателями противной партіи право разсматривать степень ученыхъ заслугъ, степень познаній и степень добросовѣстности, какія обнаруживаются статьями г. Павлова, г. Соловьева, г. Забѣлина и проч. Мы желали бы сказать, что партизаны г. В. Григорьева и г. И. Крылова пользуются этимъ своимъ несомнѣннымъ правомъ съ такимъ же мастерствомъ и такою же основательностію, какъ ихъ противники; но, къ сожалѣнію, этого не только не можемъ сказать мы, этого не рѣшаются сказать о партизанахъ гг. В. Григорьева и И. Крылова даже тѣ люди, которые совершенно раздѣляютъ ихъ образъ мыслей. Имѣть право и имѣть способность пользоваться своимъ правомъ съ выгодою для себя—двѣ вещи, совершенно различныя. Всѣ сознаются, что „Русскій Вѣстникъ“ обнаруживаетъ въ своей полемикѣ очень замѣчательную основательность знаній, замѣчательный тактъ, и что полемическія статьи его отличаются прекрасными достоинствами мастерскаго изложенія. Въ полемическихъ статьяхъ, написанныхъ противниками „Русскаго Вѣстника“, до сихъ поръ, къ прискорбію всѣхъ, замѣтно было только отсутствіе этихъ качествъ. Складочное мѣсто полемическихъ статей и замѣтокъ противъ „Русскаго Вѣстника“, „Молва“, до сихъ поръ доказала несомнѣнную способность только къ одному роду полемики, роду, болѣе свойственному изустнымъ бесѣдамъ между праздными и малообразованными людьми, нежели литературной полемикѣ, именно „Молва“, до сихъ поръ съ похвальнымъ усердіемъ и замѣчательнымъ талантомъ занималась только сплетнями, а во всемъ остальномъ была слаба. Своею безтактностію довела она себя до того, что „Русскій Вѣстникъ“ справедливо не хочетъ находить въ ней ничего общаго съ „Русскою Бесѣдою“, которую признаетъ журналомъ, заслуживающимъ уваженія.

STUDIEN

über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von August Freiherrn von Haxthausen.

(Изслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденіяхъ Россіи. Барона Августа Гакстгаузена).

Два мѣсяца тому назадъ *), мы вздумали предложить „Экономическому Указателю“, служащему теперь спеціальнымъ органомъ распространенія экономическихъ понятій въ нашей публикѣ, чтобы онъ положительнымъ образомъ высказалъ свое мнѣніе о томъ, долженъ ли остаться неприкосновеннымъ среди перемѣнъ въ нашемъ экономическомъ бытѣ тотъ принципъ, по которому владѣетъ участками земли огромное большинство русскаго населенія. Намъ казалось необходимо возбудить людей, руководящихъ образованіемъ общественнаго мнѣнія о вопросахъ экономическаго быта, къ основательному обсужденію этого важнаго дѣла, и наше мнѣніе о необходимости такого обсужденія основывалось на соображеніи двухъ обстоятельствъ.

Съ одной стороны, каждому очевидно, что, съ окончаніемъ нашей послѣдней войны, начинается для Россіи болѣе дѣятельное, нежели когда либо, участіе въ общемъ европейскомъ экономическомъ движеніи. Каждый видитъ, что наша промышленная дѣятельность начинаетъ очень быстро усиливаться. Наши собственные капиталы нравственные и матеріальные выходятъ изъ своего летаргическаго бездѣйствія; иноземные капиталы начинаютъ находить у насъ выгодное и безопасное помѣщеніе, и отчасти уже перенеслись въ нашу страну очень значительной массой, отчасти готовятся въ скоромъ времени перепестись къ намъ въ массахъ еще гораздо болѣе значительныхъ. Послѣдствія такого движенія не могутъ подлежать сомнѣнію. До сихъ поръ большая часть нашего экономическаго производства совершалась средствами и методами, почти патріархальными. Не говоримъ уже о земледѣліи, относительно котораго напрасно и доказывать эту истину; наибольшая часть нашей внутренней торговли и даже значительнѣйшая часть производства по обработкѣ сырыхъ продуктовъ совершалась порядкомъ, болѣе свойственнымъ XVII, нежели XIX вѣку. Это немного уже лѣтъ будетъ продолжаться. Приложеніемъ капиталовъ къ производству не только увеличиваются массы продуктовъ, но

*) Современникъ 1857 г. № 5 „Замѣтки о журналахъ“. См. стр. 187 и слѣд. настоящаго тома.

измѣняется и самый порядокъ производства. Различіе между хворостомъ или кизякомъ и каменнымъ углемъ, между проселочною и желѣзною дорогою не болѣе значительно, нежели различіе между порядкомъ патріархальной экономической дѣятельности и дѣятельности, совершающейся силою машинъ, капиталовъ и другихъ экономическихъ отношеній и двигателей, свойственныхъ новѣйшему времени. Различіе между черемисомъ и англичаниномъ не болѣе значительно, нежели различіе между земледѣльческими методами, по которымъ обработываются поля того и другаго.

Россія вступаетъ въ тотъ періодъ экономическаго развитія, когда къ экономическому производству прилагаются капиталы. Характеръ дѣятельности производящихъ классовъ и самый бытъ ихъ необходимо долженъ подвергнуться отъ того великимъ измѣненіямъ. Мы уже видимъ, какъ огромны будутъ эти измѣненія въ характерѣ передвиженія людей и продуктовъ. Вмѣсто обозовъ и патріархальныхъ судовъ различнаго рода, мы имѣемъ нѣсколько, и скоро будемъ имѣть очень много, локомотивовъ и пароходовъ, такъ что вскорѣ почти совершенно исчезнутъ привычные нашему глазу обозы, мокшаны, тихвинки, барки и такъ далѣе. Въ характерѣ торговли отчасти уже происходитъ, и скоро совершенно исполнится, измѣненіе не менѣе значительное. Съ устраненіемъ тѣхъ страшныхъ неудобствъ и невѣрностей, которыми до нашего времени стѣснялась она, у насъ явятся честность и предпріимчивость, свойственныя нашему народу не менѣе, нежели другимъ европейцамъ. Но всего значительнѣе будутъ измѣненія той экономической дѣятельности, которая составляетъ основную силу нашей страны и служитъ средствомъ существованія для значительнѣйшей части нашего народа, — именно въ земледѣліи. До сихъ поръ оно оставалось въ положеніи еще болѣе патріархальномъ, нежели какая либо другая экономическая наша дѣятельность. Одинаково признавая неизбѣжность и благотворность великихъ измѣненій, ожидаемыхъ этою отраслью нашего производства, не всѣ образованные люди согласны въ томъ, должны ли эти измѣненія оставить неприкосновеннымъ тотъ принципъ, по которому раздѣляется нынѣ пользованіе землею между нашими земледѣльцами; а вопросъ этотъ очень важенъ, потому что относится къ такому обычаю, который служитъ основаніемъ всего нашего общественнаго быта.

Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію та истина, что формы патріархальнаго быта несовмѣстимы съ высокою степенью цивилизаціи; потому у огромнаго большинства образованныхъ людей развивается стремленіе отвергать все то, что существуетъ въ патріархальномъ бытѣ, и отъ отрицанія формъ переходить къ отрицанію всѣхъ принциповъ, имѣющихъ корень въ этомъ бытѣ. Такой участи подвергается со стороны очень многихъ людей, руководящихъ общественнымъ мнѣніемъ, и тотъ принципъ, на которомъ основано распредѣленіе пользованія землею между огромнымъ большинствомъ нашего народа. О другой причинѣ, утверждающей многихъ въ этомъ чувствѣ, — объ излишнемъ довѣріи къ нѣкоторымъ устарѣлымъ системамъ политической экономіи, — системамъ, односторонность которыхъ уже доказана послѣдующимъ развитіемъ науки, мы уже говорили. Такимъ образомъ, многіе изъ людей, имѣющихъ вліяніе на общественное мнѣніе, жестоко возстаютъ противъ до-

селѣ существующаго у насъ принципа общинной поземельной собственности.

Намъ казалось, что такое предубѣжденіе происходитъ болѣе отъ недостатка серьезныхъ обсужденій этого вопроса, и что многіе изъ людей, нынѣ возстающихъ противъ принципа общиннаго поземельнаго владѣнія, примирятся съ нимъ или даже сдѣлаются его жаркими защитниками, когда имъ представится случай глубже вникнуть въ сущность дѣла, о которомъ до сихъ поръ говорили у насъ безъ серьезнаго изслѣдованія, или руководясь единственно смутными симпатіями и антипатіями, или слѣпо вѣря устарѣвшимъ одностороннимъ системамъ, или просто на-обумъ.

Потому-то мы и вызвали „Экономическій Указатель“ положительнымъ образомъ выразить свое обдуманное и зрѣлое мнѣніе объ этомъ вопросѣ. Рѣшительнымъ образомъ выражая твердое свое убѣжденіе, что интересъ національнаго благосостоянія требуетъ, при всѣхъ великихъ и благотворныхъ перемѣнахъ, предстоящихъ нашимъ экономическимъ отношеніямъ, сохранить принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія, мы прибавляли, что если „Экономическій Указатель“ несогласенъ съ такимъ мнѣніемъ, то долженъ опровергнуть его.

„Экономическій Указатель“ принялъ этотъ вызовъ и началъ печатать подробное опроверженіе нашей статейки, защищавшей принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія. Возраженія эти еще не кончены, и потому было бы несправедливо съ нашей стороны подвергать ихъ разбору въ настоящее время: быть можетъ, „Экономическій Указатель“ въ слѣдующихъ статьяхъ своего отвѣта представитъ какія нибудь доказательства тѣмъ изъ своихъ положеній, которыя пока представляются бездоказательными, ограничитъ какими нибудь оговорками и условіями тѣ, которыя на первый разъ представились ему безусловными, и т. д.,—словомъ сказать, очень можетъ быть, что окончаніе статей, вызванныхъ нашимъ запросомъ въ „Экономическомъ Указателѣ“, будетъ написано основательнѣе, нежели тѣ статьи, которыя мы съ удовольствіемъ прочли въ №№ 21, 22, 24 и 25-мъ.—„Какъ съ удовольствіемъ? Въ этихъ статьяхъ авторъ замѣчаній, сдѣланныхъ „Современникомъ“ о необходимости сохранить принципъ общиннаго владѣнія, многократно называется невѣждою; если его невѣжество доказано „Экономическимъ Указателемъ“, то онъ долженъ чувствовать себя огорченнымъ, если же такое поносное имя дается ему несправедливо, то онъ долженъ чувствовать себя оскорбленнымъ. — въ томъ и другомъ случаѣ, онъ при чтеніи этихъ статей долженъ чувствовать нѣчто, ни мало не похожее на удовольствіе“. Такъ; еслибъ авторъ замѣчаній о необходимости сохранить общинное владѣніе землею писалъ эту статейку съ цѣлью блеснуть ученостью, онъ былъ бы чувствителенъ къ благопріятному отзыву о степени своей учености. Но такъ какъ замѣчанія эти написаны имъ единственно съ цѣлью защитить учрежденіе, очень выгодное для національнаго благосостоянія, то, конечно, онъ долженъ желать только того, чтобы противники общиннаго владѣнія остались побѣжденными въ глазахъ большинства публики, а какое мнѣніе будутъ они имѣть о его учености, для него конечно все равно; онъ долженъ даже находить прямую выгоду для защищаемаго имъ дѣла въ томъ, когда против-

ники называютъ его невѣждою, а себя провозглашаютъ людьми великой учености: чѣмъ слабѣе адвокатъ оправдываемой стороны и чѣмъ сильнѣе адвокатъ проигрывающей стороны, тѣмъ менѣе у свидѣтелей побѣды слабаго адвоката надъ сильнымъ остается сомнѣній въ правотѣ торжествующаго дѣла. „Вотъ, человѣкъ, котораго называютъ невѣждою, опровергъ людей, которые считаютъ себя гораздо болѣе учеными, нежели онъ. Значитъ, очень сильно дѣло, имъ защищаемое". Такимъ образомъ, мы съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ увидѣли, что „Экономическій Указатель" вздумалъ присвоивать намъ такое положеніе, при которомъ наиболѣе сильно должно быть впечатлѣніе результата нашихъ споровъ съ нимъ. Мы совершенно принимаемъ увѣренія „Экономическаго Указателя", что его знанія въ экономической наукѣ гораздо обширнѣе нашихъ, и просимъ читателей предполагать, согласно желанію „Экономическаго Указателя", что авторъ статей этого журнала, служащихъ отвѣтомъ на нашъ вызовъ, есть великій ученый, а статьи „Современника" въ защиту общиннаго владѣнія написаны человѣкомъ, который далеко не равняется ученостію своему сопернику. Чѣмъ слабѣе мы лично, тѣмъ очевиднѣе и несомнѣннѣе будетъ, что побѣдою надъ нашимъ противникомъ мы будемъ обязаны не личному своему превосходству, а единственно непреоборимой справедливости мнѣнія, нами защищаемаго.

„Но (можетъ подумать иной читатель) съ какою увѣренностію говоритъ авторъ настоящей статьи о томъ, что побѣда въ спорѣ останется непремѣнно за нимъ! Не надобно ли эту увѣренность считать излишнею, или, по крайней мѣрѣ, неловкою самоувѣренностію?"—Ни мало. Въ каждой наукѣ есть такія истины, защищая которыя невозможно не быть увѣреннымъ въ своемъ торжествѣ, какъ бы ни былъ ученъ и силенъ противникъ. Неужели каждый изъ насъ, какъ бы ни было скромно его мнѣніе о своихъ силахъ и познаніяхъ, не увѣренъ въ томъ, что можетъ совершенно побѣдоносно опровергнуть величайшаго астронома въ мірѣ, если этотъ астрономъ вздумаетъ сомнѣваться въ обращеніи земли около солнца? Гротъ въ настоящее время есть величайшій знатокъ греческой исторіи; этому Гроту вздумалось доказывать, что Александръ Македонскій былъ чуждъ греческой цивилизаціи, не имѣлъ въ своихъ жилахъ ни капли греческой крови. Кто изъ васъ не въ состояніи доказать, что Гротъ ошибается? Для этого вовсе не надобно быть особеннымъ знатокомъ Греческой Исторіи: каждому извѣстно, что учителемъ Александра Македонскаго былъ Аристотель, что роднымъ языкомъ Александра Македонскаго былъ греческій языкъ, а не какой нибудь другой, что изъ числа предковъ Александра Македонскаго по женской линіи многіе были греки. Этихъ фактовъ, извѣстныхъ даже человѣку мало образованному, не въ состояніи опровергнуть никакая ученость, никакая тонкость ума. Намъ скажутъ, что общественныя науки до сихъ поръ еще очень мало обработаны и что потому едва ли могутъ быть въ нихъ столь несомнѣнныя аксіомы, какъ въ астрономіи. Нѣтъ, при всемъ несовершенствѣ нынѣшней обработки общественныхъ наукъ, въ нихъ есть уже аксіомы, справедливость которыхъ достигла математической несомнѣнности. Напримѣръ, никакою ученостію не можетъ быть опровергнута аксіома: „производство усиливается приложеніемъ капитала".

Такихъ несомнѣнныхъ истинъ въ экономической наукѣ уже довольно много. Къ числу ихъ принадлежитъ и положеніе о томъ, что при настоящемъ состояніи общества только общинное владѣніе можетъ предохранить массу земледѣльцевъ отъ пролетаріатства; къ числу ихъ принадлежитъ также и та истина, что земледѣліе въ Западной Европѣ уже вступаетъ, и у насъ со временемъ вступитъ, на ту степень развитія, когда производство усиливается введеніемъ машинъ и приложеніемъ другихъ способовъ, требующихъ значительнаго размѣра въ хозяйствѣ, къ которому они прилагаются. Кто захочетъ спорить противъ этихъ истинъ, тотъ неминуемо подвергаетъ себя пораженію, какъ бы ни были велики его знанія. А кто защищаетъ ихъ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что результатомъ споровъ будетъ обнаруженіе справедливости мнѣнія, имъ защищаемаго, какъ бы ни было скромно мнѣніе этого человѣка о своихъ знаніяхъ.

И такъ, будучи совершенно увѣрены, что мнѣніе, нами защищаемое, восторжествуетъ, какъ бы ни были малы наши знанія въ сравненіи съ ученостію „Экономическаго Указателя“, мы не имѣемъ никакого основанія огорчаться тѣмъ презрѣніемъ къ нашимъ свѣдѣніямъ, какое угодно высказывать „Экономическому Указателю“. Напротивъ, мы находимъ очень благопріятнымъ для дѣйствія несомнѣнной побѣды нашего мнѣнія то не равенство въ силахъ, которымъ угодно хвалиться „Экономическому Указателю“; и мы желали бы, чтобы читатели наши предполагали въ насъ какъ можно менѣе, а въ „Экономическомъ Указателѣ“ какъ можно болѣе учености. Словомъ сказать, мы съ совершенною радостію принимаемъ всѣ тѣ презрительные эпитеты, которыми хочетъ унизить насъ „Экономическій Указатель“. Мы просимъ читателя предполагать, что настоящая статья и тѣ статьи, въ которыхъ (по окончаніи возраженія въ „Экономическомъ Указателѣ“) мы будемъ опровергать возраженія „Экономическаго Указателя“, написаны человѣкомъ, у котораго очень мало учености, или даже совершеннымъ невѣждою.

„Невѣжда“ — это слово означаетъ человѣка, который имѣетъ мало свѣдѣній, но оно не значитъ, чтобы этотъ человѣкъ не желалъ пріобрѣтать свѣдѣній. Это желаніе свойственно каждому человѣку, какъ бы ни было велико его невѣжество. И такъ: если мы ничего не знаемъ, то въ насъ есть нѣкоторое желаніе учиться. Руководителемъ своимъ въ занятіяхъ мы избираемъ прекрасный и ученый журналъ.— „Экономическій Указатель“. Мы начинаемъ изучать этотъ журналъ. Мысли наши постоянно заняты вопросомъ объ общинномъ владѣніи землею. Перечитывая одинъ за другимъ нумера „Экономическаго Указателя“, мы ищемъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ бы сочиненіи могли мы найти основательный трактатъ объ общинномъ владѣніи. „Экономическій Указатель“ говоритъ намъ, что основательнѣйшее сочиненіе объ экономическихъ отношеніяхъ русскаго государства написано графомъ Тенгоборскимъ и называется „Etudes sur les forces productives de la Russie“. Съ жадностію беремся мы за это сочиненіе и съ трепетомъ сердца читаемъ его, желая узнать мнѣніе этого великаго (по словамъ „Экономическаго Указателя“) ученаго относительно вопроса, который насъ занимаетъ. На страницѣ 320 и слѣдующихъ 1-го тома мы находимъ разсужденіе „О причинахъ, которымъ надобно приписывать неудовлетворитель-

ное состояніе земледѣлія въ Россіи“, а на 339 и слѣдующихъ страницахъ того же тома разсужденіе „О раздѣлѣ земли между поселянами по тягламъ и о вліяніи этой системы раздѣла на успѣхи земледѣлія“. Посмотримъ, какъ думаетъ объ этихъ предметахъ писатель, рекомендованный намъ „Экономическимъ Указателемъ“.

„Часто (говоритъ графъ Тенгоборскій) слышатся жалобы, что земледѣліе находится у насъ въ жалкомъ состояніи и что оно держится чрезвычайно отсталыхъ агрономическихъ методовъ. Жалобы эти слышатся также во многихъ другихъ странахъ и особенно во Франціи, въ Австріи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Что касается нашего отечества, эти жалобы, конечно, не лишены основанія, но должно также сказать, что очень часто онѣ доводятся до нѣкотораго преувеличенія. Чаще всего до сихъ поръ слышатся болѣе или менѣе ошибочныя сужденія о причинахъ неудовлетворительнаго состоянія нашего земледѣлія. Многія изъ этихъ причинъ такъ очевидны, что не могутъ подлежать сомнѣнію, но очень легко ошибиться относительно степени ихъ истинной важности, если мы не сообразимъ вообще всего положенія нашего сельскаго хозяйства и всѣхъ физическихъ и нравственныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ оно зависитъ.

„Трехпольному хозяйству нѣкоторые отечественные и заграничные агрономы приписываютъ большую неравномѣрность, оказывающуюся въ сборѣ нашихъ жатвъ, и частые неурожаи. Это сужденіе намъ кажется сомнительно, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени. Главными причинами неравенства въ нашихъ жатвахъ и частыхъ неурожаевъ должны прежде всего считаться географическое положеніе страны и образованіе ея почвы и, въ нѣкоторыхъ областяхъ, мѣстныя атмосферическія вліянія. Россія одна изъ обширнѣйшихъ равнинъ Европы, часто подвергающаяся сильному дѣйствію восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ; какъ слѣдствіе засухи, такъ и слѣдствія излишнихъ дождей, въ одно и то же время одинаково чувствуются въ ней на гораздо большемъ пространствѣ и гораздо равномѣрнѣйшимъ образомъ, нежели въ странѣ, природа которой разнообразна, гдѣ атмосферическія вліянія бываютъ различны въ разныхъ областяхъ, гдѣ долины, защищенныя горами отъ дѣйствія сухихъ вѣтровъ, менѣе боятся недостатка дождей и гдѣ, наоборотъ, горныя мѣстности менѣе подвержены вреду отъ излишнихъ дождей, легче освобождаясь отъ избытка воды быстрымъ ея потокомъ. Именно отъ частыхъ засухъ и страдаетъ наиболѣе наше земледѣліе *). Земледѣльческія улучшенія не могутъ совершенно отвратить вліяніе этого географическаго положенія. Конечно, надобно желать этихъ улучшеній, но тѣмъ не менѣе не должно скрывать отъ себя, что трехпольное хозяйство при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ несовершенствахъ наиболѣе соотвѣтствуетъ настоящему земледѣльческому положенію и останется, по крайней мѣрѣ, еще надолго господствующимъ въ Россіи, преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ много земли и мало рукъ. Эта система, требующая менѣе труда и менѣе капиталовъ, нежели системы, болѣе раціональныя, слишкомъ еще свойственна не только привычкамъ нашего народа, но также и условіямъ, въ которыхъ находится наше сельское хозяйство, такъ что не можетъ скоро подвергнуться общему измѣненію. Есть даже области, какъ, напримѣръ, большая часть южныхъ степей, въ которыхъ, по мнѣнію очень опытныхъ агрономовъ, изучавшихъ втеченіе очень долгихъ лѣтъ особенности почвы и климата этихъ областей, раціональное хозяйство невозможно по той причинѣ, что почва не допускаетъ тамъ разнообразія воздѣлываемыхъ растеній. Кромѣ того, издавна замѣченъ тотъ фактъ, что всѣ славянскія племена имѣютъ особенное расположеніе къ системѣ трехпольнаго хозяйства. Такъ, напримѣръ, въ Австріи, въ нѣмецкихъ провинціяхъ эта система съ года на годъ исчезаетъ, между тѣмъ, какъ во всѣхъ славянскихъ провинціяхъ она еще господствуетъ, точно также, какъ и въ Венгріи, гдѣ

*) По метеорологическимъ наблюденіямъ открывается, что въ Россіи падаетъ гораздо менѣе воды въ видѣ дождя и снѣга, нежели въ большей части другихъ странъ, именно вдвое менѣе, нежели въ Германіи и Франціи, и слишкомъ вдвое менѣе, нежели въ Англіи.

славянская система земледѣлія послужила образцемъ для мадьяровъ". („Etudes"; 2-е изд., томъ 1-й, стр. 320 и слѣд.).

Исчисливъ различныя другія препятствія успѣхамъ земледѣлія въ Россіи, графъ Тенгоборскій продолжаетъ:

„Вся та земля, пользованіе которой уступается поселянамъ какой нибудь деревни, раздѣляется на столько участковъ, сколько находится въ селѣ тяголъ или семей. Такъ какъ вся община отвѣчаетъ за исполненіе налоговъ и повинностей, лежащихъ на каждомъ изъ ея членовъ, то она и производитъ этотъ дѣлежъ. Объемъ участковъ пропорціоналенъ числу членовъ каждой семьи, по соображенію съ ея нуждами и количествомъ рукъ, которыми она располагаетъ для обработки достающагося ей участка. Когда сынъ женится при жизни отца, онъ получаетъ право на особенный участокъ. Тамъ, гдѣ есть чувствительное неравенство въ плодородіи разныхъ полосъ дачи, уравниваютъ дѣлежъ, давая каждому часть земли каждаго достоинства. Когда пространство земли превосходитъ нужду ея населенія, то есть нормальную пропорцію, какая считается необходимой для прокормленія каждой семьи, излишняя земля отдается зажиточнѣйшимъ изъ поселянъ, которые располагаютъ наибольшимъ числомъ рабочихъ рукъ, имѣютъ болѣе скота и вообще болѣе средствъ для обработки, и часто эти земли отдаются имъ даже противъ воли и они пропорціонально своимъ участкамъ несутъ налоги и повинности общины. Этотъ дѣлежъ производится обыкновенно съ большою справедливостію и осмотрительностью. Земли, остающіяся въ излишкѣ послѣ такого дѣлежа, образуютъ съ тѣмъ вмѣстѣ резервъ для будущихъ дѣлежей, которые могутъ сдѣлаться необходимыми при увеличеніи населенія. Когда, напротивъ того, недостаетъ земли для выдѣла каждому семейству участка, соразмѣрнаго его потребностямъ, излишекъ населенія уходитъ въ сосѣднія волости или губерніи, а иногда даже въ чрезвычайно отдаленныя провинціи, чтобы заработывать тамъ себѣ хлѣбъ.

„Какъ ни законна и гуманна такая система дѣлежа, но легко видѣть, какое раздробленіе земли и какія частыя перемѣны въ пользованіи участками должны происходить при ней по мѣрѣ того, какъ увеличивается, или уменьшается населеніе и число тяголъ деревни, что, конечно, не можетъ быть выгодно въ агрономическомъ отношеніи; потому что 1) неувѣренность сохранить надолго и передать по наслѣдству своимъ дѣтямъ обработанную землю дѣлаетъ поселянина равнодушнымъ ко всякому улучшенію, выгоды отъ котораго могутъ быть получены имъ только въ болѣе или менѣе отдаленномъ времени; 2) раздробленіе участка поселянина на нѣсколько мелкихъ частичекъ, разбросанныхъ по нѣсколькимъ полямъ для уравненія производительной цѣнности участковъ, также чрезвычайно невыгодно для обработки. Но должно сказать, что чрезвычайно трудно устранить эти неудобства, потому что такая система дѣлежа связана съ патріархальнымъ устройствомъ нашихъ общинъ, касаться котораго было бы опасно. Эта система дѣлежа основана на коренной идеѣ о единствѣ общины и равномъ правѣ каждаго изъ ея членовъ на пропорціональный участокъ земли, принадлежащей общинѣ. Такимъ образомъ, она утверждаетъ и укрѣпляетъ общинный духъ, который надобно считать однимъ изъ самыхъ консервативныхъ элементовъ общественной организаціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ это одно изъ лучшихъ предохранительныхъ средствъ противъ вторженія пролетаріатства и коммунистическихъ идей, которыя должны имѣть мало привлекательности для земледѣльцевъ, уже пользующихся сообща, посредствомъ справедливаго распредѣленія, плодами земель, ими обработываемыхъ. Нельзя не замѣтить того здраваго смысла и практическаго духа, съ которымъ наши поселяне часто сами, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, видоизмѣняютъ тѣ подробности системы, которыя могутъ имѣть неудобныя слѣдствія; нельзя не замѣтить той легкости, съ которой они сглаживаются между собою для соразмѣренія неравностей, возникающихъ отъ различія почвы и ея плодородія; нельзя, наконецъ, не замѣтить того довѣрія, съ которымъ каждый изъ нихъ подчиняется рѣшеніямъ общины, хотя бы они противорѣчили его личнымъ видамъ или удобствамъ. Казалось, надобно бы было ожидать, что эти часто возобновляемые дѣлежи земель должны служить источникомъ многочисленныхъ споровъ, но, напротивъ, поселяне очень рѣдко обращаются ко вмѣшательству начальства для

исправленія этихъ раздѣловъ. Такой фактъ, чрезвычайно удивительный самъ по себѣ, объясняется одною причиною. Именно, эта система, какъ бы ни была она дурна по другимъ отношеніямъ, до такой степени отожествилась съ правами и понятіями нашихъ поселянъ, что они безъ недовольства переносятъ всѣ ея неудобства. Въ этомъ случаѣ намъ лучше всего сослаться на г-на Гакстгаузена. Изъ его интереснаго сочиненія о Россіи мы приведемъ только два примѣра, чрезвычайно замѣчательные и доказывающіе, что эта система дѣлежа, до сихъ поръ, несмотря на всѣ свои несовершенства, есть именно такая система, которая, при настоящемъ положеніи дѣлъ, наилучшимъ образомъ соотвѣтствуетъ не только нравамъ нашего сельскаго населенія, но также и его дѣйствительнымъ потребностямъ.

„Пріѣхавъ въ деревню Гору Пятницкую *), въ Ярославской губерніи, г. Гакстгаузенъ собралъ на мѣстѣ слѣдующія свѣдѣнія объ экономическихъ отношеніяхъ этой общины. Эта деревня, состоящая изъ 23 семей съ 82 душами мужскаго пола, принадлежала прежде князю Козловскому. Крестьяне выкупились на волю, заплативъ помѣщику 14,280 рублей серебромъ. Три пятыхъ части этой суммы были выплачены наличными деньгами, а уплата остальныхъ денегъ была разложена на семь лѣтъ. Земля была раздѣлена между поселянами не по общему обычаю, то-есть не по числу работниковъ и семей, но по пропорціи суммы, внесенной каждымъ домохозяиномъ при выкупѣ. Такой порядокъ казался и справедливъ, и натураленъ, однако же, крестьяне нашли его столь неудобнымъ, и столь несообразнымъ съ своими привычками, что рѣшились потомъ раздѣлить между собою сумму выкупной платы, какъ простой общинный **) долгъ, и произвесть дѣлежъ земель по обыкновенной системѣ. Второй примѣръ еще болѣе поразителенъ.

„Нѣмецкіе колонисты, поселившіеся въ Саратовской губерніи, принесли съ собою принципъ передачи поземельной собственности по праву наслѣдства, сообразно обычаямъ и законамъ, принятымъ на ихъ родинѣ. Правительство не только дозволило соблюденіе этого принципа, но даже приняло его, какъ обязательный для колонистовъ, въ статутъ о ихъ общинномъ устройствѣ. Что же? черезъ нѣсколько лѣтъ они стали просить и долго просили перемѣны этого пункта въ статутѣ и позволенія принять систему дѣлежа, употребительную у русскихъ поселянъ, до такой степени показался имъ выгоденъ русскій способъ для сохраненія ихъ благосостоянія, и это позволеніе было наконецъ имъ дано.

„Все это доказываетъ, что было бы неблагоразумно рѣзко преобразовывать порядокъ вещей, столь тѣсно слившійся и съ мѣстными преданіями, и съ правами и потребностями нашего сельскаго населенія, какъ бы неоспоримы, впрочемъ, ни казались неудобства, могущія возникать изъ него относительно успѣховъ земледѣлія.

„Есть, однако же, измѣненіе, которое, намъ кажется, можно было бы мало-помалу ввести въ эту систему, оставляя неприкосновеннымъ принципъ равнаго дѣлежа по тяглямъ; именно, можно было бы соразмѣрять величину каждаго участка съ степенью плодородія его почвы, вмѣсто того, чтобы назначать каждой семьѣ частичку каждаго клочка дачи, раздробленной по качествамъ почвы. Тѣ, которые оказались бы невыгодно надѣленными по этому способу, могли бы получать соразмѣрное облегченіе въ общинныхъ податяхъ и повинностяхъ, а всѣ имѣли бы ту выгоду, что каждый владѣлъ бы въ одномъ кускѣ ему доставшимся участкомъ,—это принесло бы значительное удобство при обработкѣ. Само собою разумѣется, этого не слѣдовало бы производить принудительнымъ образомъ и въ видѣ общей мѣры, но способомъ ободренія и вліяніемъ от-

*) Тутъ у Тенгоборскаго вкралась небольшая ошибка отъ недосмотра. Гакстгаузенъ разсказываетъ это не о селѣ Гора Пятницкая (принадлежавшемъ тогда г. Карповичу), о Горѣ Пятницкой будетъ еще впереди у Гакстгаузена, а объ одной изъ деревень, черезъ которыя проѣзжалъ Гакстгаузенъ по дорогѣ изъ Ярославля въ Гору Пятницкую.

**) У Гакстгаузена сказано точнѣе: какъ личный долгъ;—но смыслъ одинъ и тотъ же: каждый поселянинъ остался долженъ общинѣ, или община осталась ему, смотря по тому, болѣе или менѣе онъ заплатилъ, нежели причиталось на его долю по разсчету душъ.

дѣльныхъ примѣровъ. Тутъ правительство могло бы даже, вѣроятно, оказывать нѣкоторое вліяніе, уступая пустопорожнія государственныя земли съ нѣкоторыми условіями которыми ограничивалось бы раздробленіе воздѣлываемыхъ земель на мелкія частички“ (Etudes, томъ 1, стр. 339).

Невѣжество наше такъ глубоко, что мы не знали даже о существованіи русскаго перевода книги графа Тенгоборскаго и потому должны были переводить мѣста, представляемыя читателю. Уже потомъ изъ „Экономическаго Указателя“ мы узнали, что первый томъ графа Тенгоборскаго давно переведенъ г. Вернадскимъ — вотъ вредъ невѣжества: оно заставило насъ трудиться надъ тѣмъ, что уже сдѣлано другими *)! То же самое невѣжество было причиною и другой ошибки, отнявшей у насъ гораздо болѣе времени. Еслибъ мы были люди ученые, еслибъ мы знали предшествовавшія сочиненія графа Тенгоборскаго, быть можетъ, мы не потратили бы нѣсколькихъ дней на чтеніе его книги о производительныхъ силахъ Россіи. Мы съ самаго начала догадались бы, что она драгоцѣнна, какъ сборникъ фактовъ, какъ справочная книга, но что авторъ ея не принадлежитъ къ числу людей, мнѣнія которыхъ должны быть считаемы законами науки, что часто онъ въ своихъ умозаключеніяхъ дѣлаетъ ошибки, очевидныя и для насъ при всемъ нашемъ невѣжествѣ (въ примѣръ мы укажемъ на страницу 333 и слѣдующія 1 тома.—интересно было бы знать, какъ думаетъ объ этихъ страницахъ „Экономическій Указатель“, приверженецъ системы laisser-faire, laissez-passer?). Словомъ сказать, мнѣнія Тенгоборскаго мы ни мало не намѣрены выставлять имѣющими особенный авторитетъ для насъ. И въ настоящемъ случаѣ намъ кажется, что онъ преувеличиваетъ неудобства общиннаго владѣнія, до странности уменьшая вредныя слѣдствія другихъ обстоятельствъ, затрудняющихъ успѣхи нашего земледѣлія. Намъ кажется даже, что онъ не совершенно отчетливо знаетъ различные порядки, по которымъ дѣлится у насъ земля. Онъ воображаетъ, что раздѣлъ по тягламъ совпадаетъ съ раздѣломъ по ревизскимъ душамъ. Это ошибка. Въ однихъ селахъ земля дѣлится по тягламъ, въ другихъ по ревизскимъ душамъ. Ниже мы увидимъ причины такого различія, ихъ объяснитъ намъ Гакстгаузенъ. Далѣе Тенгоборскій воображаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда излишняя земля навязывается зажиточнымъ семьямъ противъ ихъ воли, община находится въ нормальномъ положеніи. Онъ не замѣчаетъ, что странно говорить, будто бы человѣкъ можетъ считать невыгодою обширность своей земли, и по его разсказу выходитъ, будто наши поселяне обременяются излишествомъ своихъ земель и сами не знаютъ, что дѣлать съ такимъ бременемъ. Ниже, Гакстгаузенъ объяснитъ намъ, въ какихъ случаяхъ и на какомъ основаніи происходятъ эти ненормальныя явленія, ненормальность которыхъ не замѣчается Тенгоборскимъ. Еще далѣе, Тенгоборскій, забывъ, что нѣсколькими страницами выше, онъ доказывалъ невозможность покинуть трехпольное хозяйство, воображаетъ, будто бы наше земледѣліе находится въ такомъ положеніи, что безъ общиннаго владѣнія было бы выгодно примѣнять къ улучшенію

*) Впрочемъ, мы не раскаиваемся въ томъ, что представили читателю переводъ, не во всемъ согласный съ переводомъ г. Вернадскаго.

земли такія средства, дѣйствіе которыхъ обнаруживается только черезъ нѣсколько лѣтъ, — еслибъ онъ не воображалъ этого, онъ не поставилъ бы общинное владѣніе препятствіемъ къ такимъ улучшеніямъ, которыя и безъ общиннаго владѣнія были бы невозможны. Ниже, Гакстгаузенъ объяснитъ намъ, что затрата капиталовъ на улучшеніе земли (препятствіемъ къ которой Тенгоборскій считаетъ общинное владѣніе) невозможна ни при какомъ способѣ владѣнія землею въ настоящее время и останется невозможною, пока не измѣнятся условія нашего земледѣльческаго быта, а когда они измѣнятся (именно, когда возвысится цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ и т. д. и т. д.), то капиталы будутъ затрачиваться на улучшеніе земли и при сохраненіи общиннаго владѣнія. Ко всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ надобно прибавить неточность, замѣченную нами въ выпискахъ, сдѣланныхъ Тенгоборскимъ изъ Гакстгаузена, и „Экономическому Указателю“ будетъ понятно, почему Тенгоборскій не кажется намъ великимъ авторитетомъ въ своихъ разсужденіяхъ. Но, по мнѣнію „Экономическаго Указателя“, г. Тенгоборскій есть великій авторитетъ, и мы, по своему невѣжеству, должны предпочесть мнѣніе столь ученаго журнала нашимъ собственнымъ соображеніямъ. И такъ, мы послушно признаемъ Тенгоборскаго великимъ экономическимъ мыслителемъ. Каково же мнѣніе этого мыслителя объ общинномъ владѣніи? Онъ признаетъ такой порядокъ вещей очень неудобнымъ, но полагаетъ, что его отмѣненіе повлекло бы за собою бѣдствія, гораздо болѣе значительныя, нежели тѣ неудобства, какія представляются его сохраненіемъ, и что потому общинный порядокъ владѣнія долженъ быть сохраненъ. Опять, мы не можемъ совершенно согласиться съ Тенгоборскимъ во взглядѣ на выгоды, представляемыя по его мнѣнію сохраненіемъ общиннаго владѣнія. Нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, кажущихся ему выгодными, для насъ казались бы невыгодными; но, къ счастію, мы полагаемъ, что Тенгоборскій преувеличиваетъ послѣдствія, которыхъ ждетъ отъ сохраненія общиннаго порядка, какъ преувеличиваетъ его неудобства. Этотъ порядокъ обезпечиваетъ огромному большинству поселянъ пользованіе землею. Онъ предотвращаетъ излишнее неравенство состояній между членами общины:—этихъ выгодъ на нашъ взглядъ совершенно достаточно для предпочтенія общиннаго владѣнія всякому другому. Мнѣніе Тенгоборскаго о другихъ выгодахъ, будто бы приносимыхъ этимъ порядкомъ, намъ кажется слѣдствіемъ малаго знакомства автора съ русскою исторіею. Земледѣльческій классъ, хотя и всегда пользовался у насъ землею по общинному порядку, не всегда являлся въ русской исторіи съ тѣмъ неподвижнымъ характеромъ, каковой воображаетъ видѣть въ немъ Тенгоборскій, слишкомъ довѣрившись общей обычной фразѣ о неподвижности, свойственной земледѣльцу въ западной Европѣ, и примѣнивъ эту бездоказательную фразу къ русскому поселянину. Намъ здѣсь нѣтъ нужды толковать о томъ, каковъ характеръ западнаго европейскаго поселянина. Напомнимъ только о томъ, что козаки были большею частію изъ поселянъ, и что съ начала XVII вѣка почти всѣ драматическіе эпизоды въ исторіи русскаго народа были совершены энергіею земледѣльческаго населенія.

Мы далеко не во всемъ соглашаемся съ Тенгоборскимъ въ мнѣніи какъ о неудобствахъ, такъ и о выгодахъ общиннаго владѣнія; за чѣмъ же мы

привели его сужденіе объ этомъ предметѣ? Единственно за тѣмъ, чтобы показать тотъ путь, которымъ начинаютъ развиваться наши свѣдѣнія объ экономической наукѣ. Вотъ мы уже знакомы съ Тенгоборскимъ и воображаемъ даже, что можемъ замѣчать его ошибки, чувствуемъ даже (о, какъ велика бываетъ самоувѣренность невѣжды!), что предметъ, о которомъ идетъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, именно: выгоды и невыгоды общиннаго владѣнія, понимается нами лучше, нежели Тенгоборскимъ. Словомъ, Тенгоборскій неудовлетворяетъ насъ и мы хотимъ искать сочиненія, въ которомъ вопросъ, занимающій насъ, разсматривался бы съ большею основательностію. Хлопоты объ этомъ не отнимаютъ у насъ много времени: самъ Тенгоборскій указываетъ намъ на какого-то Гакстгаузена, написавшаго будто бы интересное сочиненіе о сельско-хозяйственныхъ вопросахъ Россіи. Что это за Гакстгаузенъ? посмотримъ, что такое онъ говоритъ. Начинаемъ читать Гакстгаузена и видимъ, что мнѣнія Тенгоборскаго объ общинномъ владѣніи,—и не только мнѣнія, но и рѣшительно всѣ свѣдѣнія объ общинномъ владѣніи, заимствованы Тенгоборскимъ изъ Гакстгаузена, впрочемъ заимствованы, по обычаю всѣхъ компиляторовъ, не безъ нѣкоторыхъ промаховъ и недоразумѣній. Это замѣчаніе служитъ для насъ поводомъ къ такому умозаключенію: если Тенгоборскій, великій ученый по мнѣнію „Экономическаго Указателя“, находилъ совершенно достаточными для поддержанія своей ученой славы свѣдѣнія, почерпнутыя изъ Гакстгаузена, то и насъ теперь, когда мы познакомились съ Гакстгаузеномъ, никто не можетъ не признать людьми замѣчательной учености. Мы имѣемъ у себя на столѣ книгу Гакстгаузена, слѣдовательно, по вопросу объ общинномъ владѣніи, обладаемъ всѣми тѣми средствами учености, какими владѣлъ Тенгоборскій. И такъ, въ этомъ дѣлѣ мы перестаемъ быть невѣждами, напротивъ становимся, подобно Тенгоборскому, великими учеными. Читатель! что вы найдете прочнаго въ наше время? Нѣкогда очень прочною вещью было невѣжество; бывало, человѣкъ, воображавшій себя ученымъ, воображалъ себя раздѣленнымъ непроходимой пропастью отъ людей, которыхъ не угодно было ему считать учеными. Увы! теперь и эта монополія шатается. Нынѣ, лишь была бы охота, каждому доступны средства пріобрѣсти обширныя знанія въ предметѣ, который его интересуетъ. Вотъ, хотя бы и нашъ примѣръ. Давно ли „Экономическій Указатель“ находилъ въ нашихъ замѣчаніяхъ объ общинномъ владѣніи доказательства невѣжества, а вотъ теперь мы уже знаемъ объ этомъ предметѣ ни на волосъ не меньше, нежели зналъ самъ Тенгоборскій, котораго даже „Экономическій Указатель“ признаетъ великимъ ученымъ. Въ грустное время живемъ мы съ вами, читатель! Нынѣ нельзя гордиться передъ своими сотоварищами не только какимъ нибудь другимъ, менѣе достойнымъ уваженія преимуществомъ, но нельзя гордиться даже ученостью: къ великому сожалѣнію нашему, знаніе сдѣлалось нынѣ доступно не однимъ цеховымъ ученымъ, но рѣшительно каждому, имѣющему охоту, или чувствующему потребность пріобрѣсть знаніе. Грустное время, когда мы повсюду вокругъ себя видимъ исполненіе могущественныхъ словъ, произносимыхъ духомъ нашего вѣка: „Возстань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ!“

Но довольно объ этомъ грустномъ предметѣ. Пора намъ заняться

Гакстгаузеномъ. Книга его, къ сожалѣнію, слишкомъ мало еще извѣстна у насъ, хотя первые два тома ея вышли уже десять лѣтъ тому назадъ. Въ свое время „Современникъ“ указывалъ русской публикѣ на это замѣчательное сочиненіе и представлялъ нѣкоторыя извлеченія изъ него („Современникъ“, томы V и VI, Смѣсь). Мы прежде всего воспользуемся общими замѣчаніями, которыя были тогда сдѣланы нашимъ журналомъ о происхожденіи и характерѣ книги Гакстгаузена.

„Г. Гакстгаузенъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что „онъ уже давно посвятилъ себя изученію сельскихъ учрежденій во всемъ ихъ объемѣ, во всемъ, что касается до устройства общинъ, до состоянія земледѣльцевъ, до отношенія ихъ къ семейству, владѣльцу земли (тамъ, гдѣ крестьяне находятся въ зависимости), къ общинѣ и къ государству,—что онъ старался изучать и наблюдать непосредственно собственными глазами жизнь такъ называемыхъ низшихъ сословій“ и проч. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прусское правительство дало г. Гакстгаузену средства для его ученыхъ розысканій, поручивъ ему изслѣдованія сельскаго устройства въ прусской монархіи. Съ 1830 года по 1838 годъ, онъ объѣздилъ съ этою цѣлію всѣ прусскія провинціи. Разбирая историческое развитіе нѣкоторыхъ сельскихъ учрежденій въ Пруссіи, г. Гакстгаузенъ нашелъ въ нихъ различныя отношенія, нисколько необъяснимыя чисто германскимъ народнымъ бытомъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, съ XI до XII вѣка, обитали славянскія племена, впослѣдствіи истребленныя или огерманизированныя; этотъ исчезнувшій славянскій народный бытъ могъ служить источникомъ тѣхъ сохранившихся загадочныхъ и особенныхъ сельскихъ отношеній. Авторъ, желая объяснить себѣ этотъ предметъ, счелъ необходимымъ ближе познакомиться съ славянскими народами, особенно съ тѣми, которые живутъ на своихъ первобытныхъ мѣстахъ и самобытно, безпримѣсно развиваютъ свою народную жизнь. Въ прусскихъ провинціяхъ, до сихъ поръ обитаемыхъ славянскими племенами: кашубами, мазурами, верхними силезцами, поляками, сельскія учрежденія не могли сохраниться въ своей первобытной чистотѣ: они развивались подъ вліяніемъ сосѣдственныхъ германскихъ племенъ: что осталось въ нихъ своего славянскаго, что пріобрѣли они отъ германскаго племени, отличить очень затруднительно. Для этого г. Гакстгаузенъ предпринялъ путешествія въ славянскія земли: въ южныя провинціи Австріи, Сербію, Болгарію и преимущественно въ Россію. Въ Россіи онъ нашелъ полное пособіе для своихъ ученыхъ изслѣдованій: онъ не только былъ порученъ правительствомъ вниманію и покровительству мѣстныхъ начальствъ, но ему еще были сообщены документы изъ архивовъ и правительственныхъ мѣстъ.

„Г. Гакстгаузенъ началъ свое *аграрное* путешествіе по Россіи весной 1843 года. Сперва онъ отправился на сѣверъ, осмотрѣлъ часть обширнаго лѣснаго пояса Россіи, потомъ объѣхалъ губерніи Казанскую, Саратовскую, Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую, Екатеринославскую и изъ Керчи предпринялъ небольшое путешествіе въ южно-кавказскія земли, объѣхалъ Крымъ и берегомъ достигъ Одессы. Изъ Одессы онъ отправился въ Подолію и Волынію, доѣхалъ до Кіева и черезъ Черниговъ, Орелъ и Тулу возвратился въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москву. Изданные имъ теперь два тома заключаютъ въ себѣ часть наблюденій и обильныхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ въ Россіи“. („Современникъ“, томъ V, Смѣсь, стр. 247).

„Обиліе документовъ (замѣчаетъ „Современникъ“ въ другомъ мѣстѣ) о нашемъ общественномъ бытѣ и особенно обо всемъ, что касается до сельскихъ учрежденій, собранныхъ авторомъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, придаетъ особенную важность книгѣ барона Гакстгаузена. Самъ баронъ Гакстгаузенъ, по понятіямъ, убѣжденіямъ, образу мыслей и занятіямъ —нѣмецкій дворянинъ, католикъ и агрономъ. („Современникъ“, томъ VI, Смѣсь, стр. 38).

Прежде нежели начнемъ мы дѣлать извлеченія изъ Гакстгаузена, мы считаемъ неизлишнимъ нѣсколько подробнѣе развить замѣчаніе, представленное нами выше изъ VI тома „Современника“ относительно убѣжденій, ко-

торыми руководился нѣмецкій агрономъ въ своихъ сужденіяхъ объ общественныхъ дѣлахъ.

Во-первыхъ надобно сказать, что Гакстгаузенъ по своимъ политическимъ мнѣніямъ не только не республиканецъ или хотя бы либералъ, но даже не просто консерваторъ, а такой реакціонеръ, какіе въ Германіи могутъ быть встрѣчаемы только между помѣщиками нѣкоторыхъ прусскихъ провинцій. Онъ видитъ единственное спасеніе для Пруссіи въ возстановленіи прежней неограниченной власти короля и считаетъ совершенной погибелью для этого королевства не только конституціонное устройство, введенное въ Пруссіи событіями 1848 года, но и предшествовавшее тому учрежденіе Общаго Собранія Сословій королевства въ 1847 году. Онъ считаетъ врагомъ Бога и родины каждаго нѣмца или француза, не признающаго самодержавной власти необходимостію для Германіи или Франціи. Онъ не только желаетъ возстановленія самодержавной власти въ тѣхъ странахъ западной Европы, гдѣ идетъ борьба между самодержавіемъ и конституціоннымъ устройствомъ, но желалъ бы ввести самодержавную монархію даже въ Сѣверной Америкѣ, которую ставитъ, относительно политическаго устройства, гораздо ниже Россіи.

Такой человѣкъ, конечно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ особенномъ сочувствіи къ соціализму или коммунизму; и дѣйствительно, Гакстгаузенъ гнушается этими системами и прямо называетъ ихъ порожденіемъ дьявола.

Объ этихъ мнѣніяхъ Гакстгаузена каждый изъ его западноевропейскихъ читателей, конечно, судитъ сообразно своему взгляду на политическіе вопросы: одному можетъ нравиться, другому не нравиться политическій образъ мыслей Гакстгаузена. Но всѣ отдаютъ ему полную справедливость въ томъ отношеніи, что онъ хорошій агрономъ и основательно знаетъ сельско-хозяйственныя учрежденія всѣхъ странъ Западной Европы, а въ особенности Германіи, которую изучилъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи превосходно; и не только хорошо знаетъ онъ эти учрежденія, но и судитъ о нихъ вообще справедливо. Онъ человѣкъ въ высокой степени практическій, относительно тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ можетъ имѣть самостоятельное мнѣніе по близкому знакомству съ ними. Политикою онъ не занимался; разсуждая о политическихъ вопросахъ, онъ по преданію принимаетъ понятія, господствующія въ сословіи, среди котораго онъ воспитался и живетъ. Но какъ скоро рѣчь пойдетъ о какомъ нибудь сельско-хозяйственномъ вопросѣ, Гакстгаузенъ является уже не прусскимъ помѣщикомъ, а просвѣщеннымъ, опытнымъ и проницательнымъ сельскимъ хозяиномъ. Тутъ ему нѣтъ уже никакого дѣла до того, какъ думаетъ объ этомъ вопросѣ та или другая политическая партія. Онъ смотритъ только на то, каковы сельско-хозяйственныя и вообще экономическія послѣдствія этого учрежденія. Онъ отвергнетъ учрежденіе, правящееся его политической партіи, если это учрежденіе найдетъ невыгоднымъ или неудобнымъ для народнаго хозяйства. Онъ будетъ защищать сельско-хозяйственное учрежденіе, не правящееся его политическимъ друзьямъ, если найдетъ, что это учрежденіе полезно для національнаго хозяйства. Онъ прямо скажетъ: „экономическая область должна быть чужда политическихъ предубѣжденій или пристрастій:

вопросы о національномъ благосостояніи выше споровъ о формахъ политическаго устройства. При томъ же, экономическіе вопросы не имѣютъ необходимой связи съ политическими".

Въ этомъ состоитъ сильная сторона книги Гакстгаузена. Онъ разсматриваетъ сельско-хозяйственныя учрежденія съ точки зрѣнія чисто экономической, не увлекаясь никакими политическими пристрастіями, и за то заслуживаетъ полнаго одобренія. Въ самомъ дѣлѣ: какая нужда намъ до того, какъ называются люди, благопріятствующіе или неблагопріятствующіе какому нибудь практическому учрежденію? Намъ нужно обращать вниманіе только на то, полезно ли это учрежденіе. До прозваній и системъ практическому человѣку нѣтъ никакого дѣла; мы должны держаться въ практическихъ вопросахъ исключительно того критеріума, который выставленъ прекрасными словами: „по плодамъ дерева судите о деревѣ". Это правило мы пояснимъ слѣдующимъ примѣромъ, взятымъ изъ Гакстгаузена.

„22 іюня (говоритъ онъ), мы пріѣхали въ Татарское село Епанашино (Казанской губерніи). Въ этомъ селѣ нѣтъ школы, но вообще по татарскимъ деревнямъ много школъ. Эти училища устроены по системѣ взаимнаго обученія, какъ во многихъ восточныхъ странахъ. Іезуиты нашли эту методу у индусовъ и ввели ее во многихъ изъ своихъ школъ. Белль-ланкастерская метода вовсе не новое изобрѣтеніе!" (Гакстгаузенъ, томъ I, страница 492).

Какое намъ дѣло до того, что система взаимнаго обученія принята іезуитами, которыхъ мы ненавидимъ? Какое намъ дѣло до того, что она издавна существуетъ у татаръ, грубыхъ и невѣжественныхъ? Какое намъ дѣло до того, что она принята у индусовъ, гнусное суевѣріе и пагубные національные обычаи которыхъ могутъ намъ казаться отвратительными? Сама по себѣ система взаимнаго обученія хороша, и мы не будемъ останавливаться на томъ, что она явилась на свѣтъ съ дурными рекомендаціями. Мы смотримъ на достоинство самой вещи, а не на ярлычекъ, къ ней прицѣпленный.

Но довольно, слишкомъ довольно всѣхъ этихъ объясненій и предисловій. Мы хотимъ въ настоящей статьѣ познакомить читателя съ тѣми свѣдѣніями о рускомъ обычаѣ общиннаго владѣнія землею, которыя собраны у Гакстгаузена полнѣе и основательнѣе, нежели у какого либо другаго писателя, изучавшаго этотъ чрезвычайно важный предметъ. Пора намъ начать наши извлеченія изъ этого изслѣдователя, дѣйствительно замѣчательнаго и основательнаго, съ мнѣніями котораго не всегда можно соглашаться, но неутомимое трудолюбіе и обширность знаній котораго нельзя не уважать. Мы начнемъ наши извлеченія тѣми страницами его книги, которыя заключаютъ общій сводъ сообщенныхъ ему свѣдѣній о порядкѣ общиннаго владѣнія въ Россіи.

„О раздѣлѣ земли въ русскихъ сельскихъ общинахъ были сообщены намъ (говоритъ Гакстгаузенъ) слѣдующія извѣстія: по принципу, все населеніе сельской общины разсматривается, какъ единица, которой принадлежитъ вся дача деревни: поля, луга, пастбища, лѣса, ручьи, пруды и проч. Каждый мужчина, находящійся въ живыхъ, имѣетъ право на совершенно равное участіе во всякомъ пользованіи землею. Потому участокъ каждаго поселянина по принципу постоянно подлежитъ измѣненію, такъ какъ каждый новый мужчина, рождающійся въ общинѣ, является съ новымъ правомъ и требуетъ своего участка; въ замѣнъ того, и участокъ каждаго умершаго возвращается въ

общину. Лѣса и пастбища, права на охоту и на рыболовство остаются нераздѣльными, и каждый съ равнымъ правомъ участвуетъ въ пользованіи ими. Поля и луга, напротивъ, раздѣляются между всѣми мужчинами равномѣрно, по своей внутренней цѣнности. Это равномѣрное раздѣленіе, конечно, очень трудно. Дача деревни состоитъ изъ хорошихъ, изъ посредственныхъ, изъ дурныхъ полосъ; однѣ полосы лежатъ близко, другія далеко, и оттого пользованіе различными полосами не одинаково удобно. Какъ тутъ ввести уравненіе? Трудность велика, но русскіе легко одолѣваютъ ее: въ каждой общинѣ есть искусные землемѣры, научившіеся своему дѣлу по преданіямъ и исполняющіе его съ ловкостью и ко всеобщему удовольствію. Министръ государственныхъ имуществъ, г. Киселевъ, приказалъ въ различныхъ мѣстностяхъ Воронежской губерніи произвесть оцѣнку общинныхъ участковъ ученымъ землемѣрамъ и таксаторамъ, и сравненіе показало, что размежеваніе и оцѣнка, произведенная деревенскими межевщиками, отступаетъ отъ оцѣнки, совершенной научнымъ образомъ, только на три и четыре процента,—и кто знаетъ еще, на чьей сторонѣ точность! Сначала дача раздѣляется на полосы, смотря по отдаленности или близости, по качеству земли и по степени ея свѣжести или удобренности, такъ что каждая полоса бываетъ кускомъ совершенно однороднымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Потомъ каждая изъ этихъ полосъ раздѣляется на столько участковъ, сколько находится въ общинѣ людей, имѣющихъ участіе въ дѣлежѣ, и участки разбираются ими по жеребью. При этомъ дѣлежѣ и метаніи жеребья обыкновенно присутствуетъ цѣлая община, въ томъ числѣ даже женщины и дѣти. Но при томъ господствуетъ величайшій порядокъ и тишина: господствуетъ также величайшая справедливость, и никогда не бываетъ раздора. Когда думаютъ, что кому нибудь достался участокъ менѣе цѣнный, то вознаграждаютъ его изъ запасныхъ земель. Таковъ общій порядокъ; но въ каждой области, въ иныхъ мѣстахъ въ каждой общинѣ, установились мѣстные обычаи, которыми онъ видоизмѣняется. Очень интересно было бы изслѣдовать всѣ эти особенности. Напримѣръ, въ Ярославской губерніи существуютъ во многихъ общинахъ особенные, чрезвычайно чтимые, землемѣрные жезлы. Длина ихъ соотвѣтствуетъ достокачественности различныхъ почвъ, такъ что, напримѣръ, жезлъ для самой лучшей земли—самый короткій: для земли нѣсколько похуже—жезлъ нѣсколько подлиннѣе; и наконецъ, для самой худшей земли—жезлъ самый длинный. И такъ въ этихъ общинахъ различные участки неравны величиной, но именно тѣмъ самымъ уравнены въ своей цѣнности *).

„Мы имѣли здѣсь въ виду свободную русскую общину, которой дача принадлежитъ въ собственность. Такихъ свободныхъ общинъ, дѣйствительно, много существуетъ въ Россіи. Сюда относятся, напримѣръ, всѣ казацкія общины. Но въ принципѣ не производитъ никакой разницы то обстоятельство, принадлежитъ ли дача въ собственность общинѣ, или она отдана общинѣ только во владѣніе, какъ у государственныхъ крестьянъ, или даже только въ пользованіе, какъ у крѣпостныхъ крестьянъ.

„Принципъ равнаго дѣленія по душамъ—первобытный славянскій принципъ: онъ происходитъ изъ древнѣйшаго принципа славянскаго права, принципа о нераздѣльномъ общемъ владѣніи всѣмъ родомъ. Такой дѣлежъ земель находился, быть можетъ, у всѣхъ славянскихъ народовъ, и теперь, можетъ быть, находится въ Сербіи, Кроаціи, Славоніи, и проч., гдѣ не повсюду происходитъ даже годичное раздѣленіе земель, а въ иныхъ мѣстахъ обработка земли производится вообще всею общиною подъ управленіемъ старшинъ, и только уже жатва поровну раздѣляется членами общины.

„Принципъ раздѣла земли по душамъ въ Россіи сохранился даже у крѣпостныхъ крестьянъ, находящихся на оброчномъ положеніи, которое прежде было единственнымъ употребительнымъ. Но у тѣхъ, которые отправляютъ барщину, мы находимъ слѣдующее видоизмѣненіе принципа. При оброчномъ положеніи, какъ мы сказали, каждая мужская душа получаетъ равный участокъ земли, но зато каждая мужская душа беретъ на себя и равную часть въ оброкѣ. Когда же введена въ деревнѣ барщина, то, конечно, малолѣтки и старики, не могущіе работать, не несутъ барщинной повинности;

*) Изъ словъ Гакстгаузена очевидно, что въ этихъ общинахъ дача не дробится предварительно на полосы одной доброкачественности, и что каждый участокъ состоитъ изъ одного куска, а не изъ мелкихъ разбросанныхъ частицъ.

потому не могутъ имѣть они и притязанія на участки земли, раздаваемой крестьянамъ въ замѣнъ барщинной работы. Потому въ селахъ, имѣющихъ барщину, появилось другое основаніе дѣлежа земель, именно: земля дѣлится не по душамъ, а по тягламъ.

„Указанныя здѣсь отношенія составляютъ основаніи русскаго общиннаго устройства, одного изъ замѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ государственныхъ учрежденій какія только существуютъ въ мірѣ. Оно несомнѣнно представляетъ неизмѣримыя выгоды для внутренняго общественнаго состоянія. Въ русской общинѣ есть органическая связь, въ ней лежитъ столь крѣпкая общественная сила и порядокъ, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ. Описанный порядокъ доставляетъ Россіи ту неизмѣримую выгоду, что въ этой странѣ до сихъ поръ нѣтъ, и не можетъ образоваться пролетаріата, пока существуетъ такое общинное устройство. Человѣкъ можетъ обѣднѣть, можетъ лично промотать все свое имущество, —это не вредитъ его дѣтямъ: они, все-таки, удерживаютъ, или вновь получаютъ свой участокъ по общинному праву, потому что на участокъ этотъ имѣютъ они право, не какъ наслѣдники своего отца, а какъ члены своей общины; дѣти не наслѣдуютъ въ русской общинѣ нищеты отца.

„Но, съ другой стороны, надобно сознаться, что въ основаніи этого общиннаго устройства (въ ежегодномъ дѣлежѣ земли) не лежитъ условій успѣховъ сельскаго хозяйства, или, по крайней мѣрѣ, эти успѣхи очень затрудняютъ такимъ порядкомъ дѣлъ. Хлѣбопашество и всѣ отрасли сельскаго хозяйства, быть можетъ, подвергнутся когда нибудь опасности быть удержаны этимъ принципомъ на низкой ступени. Останется ли такое устройство, когда умственное образованіе сдѣлаетъ значительные успѣхи между русскими поселянами? Кто можетъ рѣшить это! Опытные и образованные сельскіе хозяева, какъ напримѣръ, г. Карновичъ, отзываются объ этомъ порядкѣ невыгодно и думаютъ, что земледѣліе не можетъ идти впередъ, когда такой принципъ примѣняется во всей своей строгости. Но въ томъ и дѣло, что уже давно этотъ принципъ не примѣняется во всей своей строгой послѣдовательности. Онъ нигдѣ не покинутъ, но онъ подлежитъ естественнымъ, удобнымъ и выгоднымъ видоизмѣненіямъ. Русскіе поселяне въ своей массѣ не имѣютъ ни малѣйшаго недостатка въ здравомъ, практическомъ пониманіи того, что относится къ дѣйствительнымъ интересамъ. Въ нихъ этого качества, можетъ быть, больше, нежели въ другихъ народахъ. Они давно увидѣли, какія невыгоды и неудобства приноситъ строгое доведеніе системы равнаго дѣлежа до крайнихъ послѣдствій. Когда я предлагалъ г. Карновичу вопросы, дѣйствительно ли гдѣ нибудь земля ежегодно вновь передѣляется между членами общины, то онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ отвѣчалъ на это отрицательно, и его отвѣтъ подтверждаемъ былъ мнѣ многими другими людьми и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ я предлагалъ этотъ вопросъ. Въ различныхъ частяхъ Россіи встрѣчаются многоразличныя видоизмѣненія общаго обычая. Въ здѣшнихъ мѣстностяхъ (около Ярославля) и, вѣроятно, въ цѣлой Ярославской губерніи поступаютъ слѣдующимъ образомъ.

„Какъ извѣстно, въ опредѣленные сроки производятся въ Россіи народныя переписи для распредѣленія подушной подати и рекрутской повинности. Эти переписи называются ревизіями и со временъ Петра I, стало быть, въ теченіе 130 лѣтъ, было ихъ восемь *). Относительно этихъ сроковъ принято за правило, что въ годъ ревизіи *должно* быть производимъ въ общинахъ новый передѣлъ земли. Еслибъ это не было предписано, то поселяне, по крайней мѣрѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ **), даже и въ ревизіонный годъ не стали бы предпринимать новаго передѣла, потому что, какъ неудобенъ для нихъ этотъ передѣлъ, столь невыгоднымъ онъ для нихъ кажется, обнаруживается уже изъ прозванія, которое они даютъ ему -именно, они называютъ его *черный передѣлъ*, то есть, die schwarze, böse Theilung (черный, злой дѣлежъ) ***).

*) Первыя двѣ части сочиненія Гакстгаузена вышли въ 1847 году.

**) Гакстгаузенъ очевидно говоритъ о той мѣстности Ярославской губерніи, въ которой лежитъ помѣстье г. Карновича, на свидѣтельствѣ котораго главнымъ образомъ основываются свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ на этихъ страницахъ; то есть, дѣло идетъ о той части Ярославской губерніи, которая сопредѣльна съ губернскимъ городомъ.

***) Гакстгаузенъ введенъ въ ошибку относительно смысла слова *черный* въ этомъ выраженіи; оно очевидно имѣетъ тоже значеніе, какъ въ выраженіяхъ: *черная*

„При послѣдней ревизіи въ здѣшней мѣстности поступали слѣдующимъ образомъ и, конечно, подобнымъ же образомъ поступали въ значительной части Россіи:

„Прежде всего общинная дача размѣривается и оцѣняется по качествамъ почвы деревенскими межевщиками и каждая полоса дѣлится на извѣстное число участковъ. Въ государственныхъ имѣніяхъ количество этихъ участковъ разсчитывается приблизительно по числу ревизскихъ душъ, а въ удѣльныхъ и крѣпостныхъ имѣніяхъ по числу тяголъ; но на случай приращенія въ населеніи, нарѣзывается нѣсколько лишнихъ участковъ, которые и составляютъ резервъ для общины. Слишкомъ неправильныя фигуры, образуемыя дорогами, рвами, берегами и проч., трудно измѣримыя, обрѣзываются такъ, чтобы выдѣлялись изъ нихъ участки правильной формы, и остающіяся такимъ образомъ за границами участковъ полосы, концы и углы также причисляются къ резервнымъ землямъ и служатъ для уравненій между участками, если который нибудь окажется малоцѣннѣе другихъ. Эти углы и концы называются заполоски. Послѣ того каждому выдается участокъ, доставшійся ему по жребію, а резервныя земли община или отдаетъ въ наемъ, или какъ нибудь иначе пользуется ими. Когда теперь въ послѣдствіи времени родится мальчикъ, или образуется новое тягло, то изъ резервныхъ земель выдѣляется и дается ему новый участокъ. Когда кто умираетъ, то его участокъ присоединяется къ резервнымъ землямъ. Но вообще сколько возможно соблюдается то, чтобы, напримѣръ, участокъ, принадлежавшій умершему отцу, вновь былъ отданъ его сыну, такъ, чтобы существующія земледѣльческія хозяйства сколь возможно менѣе нарушались въ своемъ существованіи. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается причина и того, почему семьи охотно остаются безъ раздѣла въ хозяйствѣ *). Когда умираетъ отецъ, то часто старшій братъ заступаетъ его мѣсто какъ глава семьи, пользуясь совершенно всей его властью, и хозяйство остается нераздѣльнымъ.

„Изъ этого видно, что дѣлежъ земель на практикѣ вовсе не такъ пагубенъ, какъ можно бы полагать судя по его принципу. На это могутъ сказать, что когда человѣкъ не есть собственникъ земли, или по крайней мѣрѣ не имѣетъ твердой обезпеченности, что будетъ пользоваться ею въ продолженіи многихъ лѣтъ до опредѣленнаго срока, то не будетъ онъ предпринимать никакихъ улучшеній, не будетъ влагать въ землю капиталовъ, чтобы сообщить ей высшую обработку—но мы уже показали, что каждый членъ общины достаточно обезпеченъ въ томъ, что сохранитъ владѣніе своимъ участкомъ, по крайней мѣрѣ, отъ одной ревизіи до другой, то есть на періодъ отъ 10 до 15 лѣтъ. Кромѣ того надобно сказать, что до сихъ поръ, вообще къ Россіи очень мало могутъ примѣняться западно-европейскія средства и потребности относительно приложенія капиталовъ къ землѣ и улучшеній сельскаго хозяйства. Напримѣръ, въ Западной Европѣ и въ Германіи сама по себѣ земля составляетъ не болѣе какъ двѣ трети цѣнности всего хозяйства, а остальная треть цѣнности состоитъ въ скотѣ, орудіяхъ, произведенныхъ работахъ для улучшенія почвы. Потому въ Западной Европѣ, если я не увѣренъ, что удержу землю, по крайней мѣрѣ, на извѣстное число лѣтъ, и по окончаніи ихъ не получу вознагражденія за работы, улучшившія почву, то я могу потерять одну треть моего состоянія, именно, при перемѣнѣ я совершенно потерялъ бы удобреніе и засѣвъ, мой скотъ подвергся бы неудобствамъ отъ не-

земля, черные люди, черная сотня, то есть тягловая, или податная, въ противуположность бѣлой, то есть освобожденной отъ тягла или оброка, податей и барщины. Итакъ *черный передѣлъ* значитъ просто передѣлъ податныхъ земель, или передѣлъ земли между людьми податнаго сословія. Ошибка, въ которую введенъ былъ Гакстгаузенъ, произошла отъ того, что люди, на словахъ которыхъ онъ основывался, съ одной стороны не знали кореннаго смысла слова черный, несомнѣннаго для каждаго знакомаго съ старинными грамотами, а, съ другой стороны, эти люди, сами представляя себѣ передѣлъ земли невыгоднымъ для хозяйства, внесли въ непонятное для нихъ народное выраженіе тотъ смыслъ, какой для нихъ самихъ могъ казаться натуральнымъ при ихъ взглядѣ на этотъ предметъ. На этомъ ошибочномъ толкованіи построенное предположеніе о чувствахъ поселянъ вовсе не убѣдительно.

*) Гакстгаузенъ опять введенъ въ ошибку. Нелюбовь поселянъ къ раздѣлу семьи на отдѣльныя хозяйства происходитъ отъ другой причины, именно отъ того, что чѣмъ больше работниковъ въ одномъ хозяйствѣ, тѣмъ богаче оно; одинокій мужикъ не можетъ хорошенько управиться съ полевыми работами.

ремѣны, а мои орудія могли бы стать отчасти не нужными для меня. Если, напримѣръ, въ Германіи, я покупаю 1 іюня помѣстье въ 500 моргеновъ пахотной земли при ста моргенахъ луговъ и десяти моргенахъ сада, то покупная цѣна распредѣлится по статьямъ цѣнности помѣстья слѣдующимъ образомъ:

1)	Пахотная земля	20,000 талер.
2)	Луга	9,000 „
3)	Садъ	1,000 „
4)	Удобреніе и посѣвъ	3,000 „
5)	Работы для улучшенія луговъ	500 „
6)	Работы и орудія для сада	500 „
7)	Скотъ и земледѣльческія орудія	6,000 „
8)	Усадьба	6,000 „
		46,000 талер.

„Теперь, если статьи 1, 2 и 3, имѣющія вмѣстѣ цѣнность 30,000 талеровъ, дають мнѣ только на время и могутъ быть ежеминутно переданы другому, то при этой передачѣ я рискую совершенно потерять статьи 4, 5 и 6, имѣющія цѣнность 4.000 талеровъ; а по статьямъ 7 и 8, имѣющимъ цѣнность 12,000 талеровъ, понести убытокъ, размѣръ котораго не могу впередъ опредѣлить.

„Такія соображенія не прилагаются къ Россіи. Въ средней полосѣ Имперіи, въ области чернозема, плодородіе такъ велико, что земля не удобряется, пашется только одинъ разъ, да и то слегка, потому удобреніе и работа запашки вовсе не входятъ въ разсчетъ; да и цѣна сѣмянъ окажется незначительна, когда мы вспомнимъ, что шеффель ржи въ дешевые годы продается по 12 зильберъ-грошей (четверикъ 20 коп. сер.). Искусственныхъ луговъ и садовъ почти нигдѣ нѣтъ. Овчарни существуютъ у крестьянъ чрезвычайно рѣдко. Обзаведеніе рогатымъ скотомъ у нихъ незначительно; лошади дешевы. Если мы подумаемъ, что въ Ярославской губерніи обыкновенная цѣна хорошей крестьянской лошади 50—60 рублей ассигнаціями, то легко намъ сообразить, какъ ничтоженъ капиталъ, затрачиваемый на обработку земли. Изба русскому поселянину почти ничего не стоитъ. Бревна на постройку получаетъ онъ даромъ изъ общественнаго лѣса и самъ строитъ себѣ жилище изъ этихъ бревенъ, такъ что расходы его наличными деньгами на постройку дома не доходятъ и до пяти талеровъ. И такъ, если въ Германіи при оцѣнкѣ поземельнаго участка принимается въ разсчетъ, кромѣ самой земли, значительный капиталъ, образуемый хозяйственнымъ инвентаріемъ и искусственными улучшеніями почвы, то въ большей части Россіи такой разсчетъ почти совершенно непримѣнимъ къ дѣлу, оттого для Россіи постоянство въ пользованіи землею далеко не имѣетъ того значенія, какъ для остальной Европы.

„Вообще въ наибольшей части Россіи земля имѣетъ незначительную цѣнность: она только почва для человѣческаго труда: потому еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ купчія крѣпости, дарственныя записи и завѣщанія говорили только о душахъ. Продавали, дѣлили и т. п., въ селѣ N столько-то и столько-то душъ крестьянъ. Земля была только прибавкою къ людямъ!

„Будетъ ли увеличиваться цѣнность земли, иначе сказать, будетъ ли итти впередъ земледѣліе, достигнетъ ли оно цвѣтущаго состоянія—это вопросъ будущаго для Россіи; но я боюсь, что въ ближайшемъ будущемъ вопросъ этотъ поставится невыгоднымъ образомъ *). Я уже указывалъ, что въ Россіи земледѣліе и фабричная промышленность находятся въ ненормальномъ отношеніи. Земледѣліе не будетъ никогда процвѣтать, пока чистый доходъ отъ него будетъ такъ незначителенъ какъ въ настоящее время. А чистый доходъ отъ земледѣлія будетъ незначителенъ до той поры, пока не будетъ возвращена въ естественныя границы искусственно порожденная фабричная

*) Къ счастію, опасенія Гакстгаузена опровергнуты мудростью нашего правительства: тарифы 1850 и 1857 года постепенно приводятъ фабричную промышленность въ тѣ нормальныя отношенія къ земледѣлію, которыя нужны для процвѣтанія сельскаго хозяйства.

промышленность, или пока народонаселеніе не возрастетъ на столько, что окажется излишекъ рабочихъ рукъ. Въ остальной Европѣ фабриками заняты только тѣ рабочія силы, которыя уже не могутъ быть обращены на земледѣліе по излишеству рукъ для этого занятія. Въ Россіи напротивъ обращаются на земледѣліе только тѣ рабочія силы, которыя излишни для фабричной и ремесленной промышленности, или отвергнуты ею, какъ негодныя.

„Потому русское равномѣрное раздѣленіе земли между членами общины, по нашему мнѣнію, совершенно соотвѣтствуютъ настоящему общему соціальному положенію страны, а также и настоящей степени развитія хлѣбопашества въ Россіи. И надобно прибавить, что оно не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго успѣхамъ сельскаго хозяйства. Пусть только не вводятъ никакихъ насильственныхъ мѣръ въ примѣненіи къ дѣлу этого принципа: поселяне сами лучше всѣхъ знаютъ, что для нихъ полезно; они сами собою ввели уже въ этотъ принципъ понадобившіяся видоизмѣненія и впослѣдствіи сами введутъ другія видоизмѣненія, какія понадобятся. Если въ чемъ, то именно въ этомъ дѣлѣ надобно остерегаться принудительнаго вмѣшательства.

„Относительно владѣнія землею видимъ мы въ Европѣ владычествующими одновременно въ разныхъ странахъ три принципа. Они рѣзко развились въ трехъ державахъ, а въ другихъ государствахъ существуютъ въ различныхъ степеняхъ взаимнаго ограниченія и смѣшенія.

„Въ Англіи владычествуетъ такой принципъ: земля должна быть дѣлима какъ можно менѣе и земледѣлію должно быть посвящено только то количество рукъ, какое совершенно необходимо. Только тогда можно сильно двигать впередъ и сохранять въ цвѣтущемъ состояніи земледѣліе; потому вся эта страна воздѣлывается большими, хотя не чрезмѣрно большими, хозяйствами. Въ нихъ та выгода, что всѣмъ занятымъ при нихъ рукамъ они даютъ работу впродолженіе круглаго года, и оттого нѣтъ потери въ рабочемъ капиталѣ человѣческихъ силъ. Только въ большихъ хозяйствахъ могутъ съ удобствомъ и съ выгодою вводиться и поддерживаться улучшенія.

„Результатъ этой системы таковъ, что, говоря пропорціонально, нигдѣ не доведено земледѣліе до такой высокой степени совершенства, какъ въ Англіи; нигдѣ нѣтъ пропорціонально такого обширнаго скотоводства; нигдѣ слѣдовательно не производится столько навоза и не могутъ быть возводимы поля до такой высокой обработки, какъ въ Англіи. Зато не составляютъ между англійскимъ населеніемъ и десятой части тѣ люди, которые имѣли бы, не говоримъ уже, свою землю, хотя бы свое жилище. И такъ, девять десятыхъ частей населенія въ Англіи стали пролетаріями. Кто станетъ отрицать опасности, которыми грозитъ такое отношеніе общественному положенію Англіи?

„Представительницею втораго принципа служитъ Франція. Онъ развился и установился въ ней только вслѣдствіе громаднаго переворота. Основное правило здѣсь таково: земледѣліе, подобно другимъ занятіямъ, отдается на личную волю отдѣльныхъ людей, потому всѣ земли должны быть доступны раздробленію; каждый можетъ свободно покидать и продавать землю, другими словами: земля должна быть товаромъ; она должна, какъ размѣнная монета, переходить изъ рукъ въ руки. Вслѣдствіе того, земля разбилась на безчисленныя мелкія хозяйства. Считая въ Англіи около 400,000 земледѣльческихъ хозяйствъ, во Франціи, пропорціонально географической величинѣ, должно бы быть около 1.400,000 такихъ хозяйствъ. Но въ 1831 году ихъ было не менѣе 10.404.121. Относительно результатовъ такой системы приведу я анекдотъ, разсказываемый англійскимъ путешественникомъ Артуромъ Юнгомъ. Встрѣтился ему во Франціи на дорогѣ поселянинъ, который несъ четырехъ куръ, и на вопросъ, куда онъ идетъ? отвѣчалъ, что идетъ въ городъ, лежащій за четыре лье (16 верстъ), чтобы продать своихъ куръ. Юнгъ спрашиваетъ далѣе, сколько онъ надѣется получить за нихъ; отвѣтъ: хорошо, если бы 24 су (30 коп. сер.); вопросъ: а сколько платы получаешь ты въ день, если наймешься работать? отвѣтъ: тоже 24 су. Вопросъ: зачѣмъ же не остался ты лучше въ своей деревнѣ, гдѣ получилъ бы ты 24 су и сохранилъ бы у себя своихъ куръ, стоющихъ 24 су, и могъ бы самъ съѣсть этихъ куръ? Отвѣтъ: конечно, я получаю 24 су въ день, когда найду работу, но я не нахожу работы: въ нашемъ селѣ у каждаго свой домъ, свой садъ, свой кусокъ земли: работы

эти занимаютъ у насъ едва три мѣсяца въ году; другія дѣла у насъ незначительны и потому нанимать работниковъ никому не нужно.—Этотъ анекдотъ даетъ намъ понятіе о состояніи Франціи. Земледѣліе, раздробленное на слишкомъ мелкія хозяйства не представляетъ достаточныхъ занятій на цѣлый годъ, и потому значительная часть рабочихъ силъ остается безъ употребленія. Слишкомъ мелочное раздробленіе не даетъ также средствъ для значительныхъ и прочныхъ улучшеній; скота мало, слѣдовательно мало и удобренія, служащаго основаніемъ всѣхъ успѣховъ земледѣлія; потому Артуръ Юнгъ очень справедливо замѣчаетъ: во Франціи хорошая почва воздѣлывается превосходно, посредственная мало, а дурная вовсе не воздѣлывается; потому, хотя Франція вообще имѣетъ лучшую почву, чѣмъ Англія, но никакъ не можетъ равняться съ ней по развитію земледѣлія.

„По совершенству земледѣлія, Англія стоитъ гораздо выше Франціи, но Франція имѣетъ гораздо меньше пролетаріевъ.

„Германія занимаетъ средину между Англіей и Франціей. Въ ней нѣтъ ни системы совершенной неподвижности и недѣлимости поземельной собственности, какъ въ Англіи, ни совершенной свободы въ переходѣ изъ рукъ въ руки и неограниченной дѣлимости всего количества земель, какъ во Франціи. Большія помѣстья въ Германіи почти всѣ нераздробимы, отчасти по закону, отчасти по обычаю. Состояніе мелкой поземельной собственности въ различныхъ областяхъ—различно. Въ нѣкоторыхъ областяхъ мелкія владѣнія также безгранично продаются и дробятся, какъ во Франціи; въ иныхъ они дробятся только между членами общины; въ другихъ часть земель можетъ быть дробима, а часть, при такъ называемыхъ неразцѣльныхъ крестьянскихъ дворахъ, не подлежитъ раздѣлу; а наконецъ въ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ областяхъ, вся поземельная собственность состоитъ изъ нераздробимыхъ владѣній. Древніе обычаи, различіе законовъ въ различныхъ германскихъ государствахъ, различіе почвы, различіе характеръ воздѣлыванія, естественные и постепенно развивающіеся интересы породили это разнообразіе, и въ цѣломъ оно должно быть названо состояніемъ благопріятнымъ для страны. Сельское хозяйство не стоитъ во всей Германіи на столь равномѣрно высокой степени, какъ въ Англіи, но все-таки гораздо выше, нежели во Франціи. Пролетаріи находятся только въ городахъ, а въ селахъ ихъ немного.

„Представительницею третьяго принципа служитъ Россія. Франція провозгласила тотъ принципъ, что земля можетъ дѣлиться; Россія идетъ гораздо далѣе; она постоянно дѣлитъ землю. Франція провозгласила принципъ неограниченной конкуренціи: она хочетъ считать землю товаромъ, который можетъ быть каждымъ лицомъ пріобрѣтаемъ за деньги. Россія каждому изъ своихъ дѣтей даетъ право пользованія, даетъ участіе въ пользованіи землею и, притомъ, въ каждой общинѣ всѣмъ дѣтямъ ея совершенно равное. Во Франціи земля просто частная собственность отдѣльнаго лица. Въ Россіи земля—собственность націи и общины, служащей повтореніемъ націи въ маломъ размѣрѣ; отдѣльное лицо имѣетъ только право на пользованіе подобно всѣмъ другимъ лицамъ. Что при такой системѣ недостижима столь высокая степень обработки почвы, какъ въ Англіи или даже въ Германіи, съ тѣмъ надобно согласиться. Но напротивъ та степень, которой достигла Франція, можетъ быть, по нашему мнѣнію, достижима для Россіи, если будутъ устранены нѣкоторыя изъ (чуждыхъ русскому общинному принципу) препятствій успѣхамъ земледѣлія; препятствія эти указаны нами въ другомъ мѣстѣ. (Гакстгаузенъ, томъ I, стр. 124 и слѣд.).

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о содержаніи представленнаго нами отрывка. Прежде всего очевидно, что Гакстгаузенъ ни мало не скрываетъ отъ себя неудобствъ, существующихъ при общинномъ владѣніи землею; очевидно, что разумнѣйшею системою издавна привыкъ онъ считать систему наслѣдственной поземельной собственности, среди которой онъ родился и воспитывался, которая срослась со всѣми его понятіями; очевидно, что если отдаетъ онъ преимущество русской системѣ общиннаго владѣнія передъ западно-европейскими, то дѣлаетъ это вслѣдствіе того, что факты,

найденные имъ въ Россіи, слишкомъ ясно доказали ему, что общинное владѣніе землею имѣетъ свои выгоды, которыхъ лишена система наслѣдственной поземельной собственности, и что эти выгоды чрезвычайно важны. Онъ судья честный, но взявшійся за дѣло съ предубѣжденіемъ противъ общиннаго владѣнія. Если его предубѣжденіе побѣждено ближайшимъ изученіемъ дѣла, это конечно приноситъ большую честь его добросовѣстности, но съ тѣмъ вмѣстѣ доказываетъ и чрезвычайную силу тѣхъ фактовъ, которые представились ему при изученіи нашего поземельнаго порядка. Видно, что преимущества этого порядка слишкомъ велики, если ими разсѣяны всѣ соображенія и сомнѣнія, которыя долженъ имѣть противъ нихъ человѣкъ, подобно Гакстгаузену, привыкшій считать наслѣдственную поземельную собственность необходимостію. Послѣ этого общаго сдѣлаемъ нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Прежде всего обратимъ вниманіе на слова Гакстгаузена, что порядокъ раздѣла земли въ разныхъ областяхъ и разныхъ общинахъ различенъ. Иначе и не должно быть при чрезвычайномъ разнообразіи въ положеніи различныхъ нашихъ областей. Никто изъ образованныхъ людей въ настоящее время не требуетъ монотоннаго регламентированія: пусть въ каждомъ мѣстѣ люди живутъ и ведутъ свои дѣла такъ, какъ удобнѣе для того мѣста. Важно только то, чтобы общій духъ учрежденій былъ одинаковъ во всѣхъ мѣстахъ единоплеменнаго народа; да и это важно только потому, что самому народу такая общность духа сродна и мила.

Единственнымъ полезнымъ измѣненіемъ въ порядкѣ общиннаго владѣнія Тенгоборскій, какъ мы видѣли, признаетъ постепенное уничтоженіе привычки составлять каждый участокъ изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ клочковъ земли. Гакстгаузенъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самъ народъ уже ввелъ это улучшеніе и уравниваетъ неодинаковость почвы въ разныхъ полосахъ дачи тѣмъ, что объемъ участка увеличивается, или уменьшается, смотря по качеству почвы.

Какъ мнѣніе о томъ, что общиннымъ владѣніемъ предупреждается пролетаріатство, такъ и приговоръ о томъ, что этимъ порядкомъ затрудняются успѣхи сельскаго хозяйства, Тенгоборскій занялъ у Гакстгаузена. Но онъ не замѣтилъ того важнаго обстоятельства, что выраженіе „такимъ порядкомъ дѣлъ очень затрудняются успѣхи сельскаго хозяйства“ относится у Гакстгаузена только къ одному изъ многихъ способовъ раздѣла общинной земли, именно къ ежегодному передѣлу, или по крайней мѣрѣ къ передѣлу всей общины каждый разъ, какъ только является новый домохозяинъ. „Очень затрудняется“ — эти слова Гакстгаузена вовсе не относятся къ другимъ усовершенствованнымъ способамъ передѣла земель; именно, Гакстгаузенъ прямо противополагаетъ ежегодному передѣлу, который считаетъ очень затруднительнымъ, передѣлъ на продолжительные сроки, передѣлъ по ревизіямъ, къ которому у Гакстгаузена вовсе не относится эпитетъ „затруднительный“ или „невыгодный“, а напротивъ того, такой способъ признается у Гакстгаузена удобнымъ и выгоднымъ. Вообще Гакстгаузенъ убѣдился, что „здравый, практическій смыслъ“ русскаго народа давно придумалъ мѣры къ отстраненію тѣхъ неудобствъ, какія могутъ представляться передѣлами земли при настоящемъ положеніи земледѣлія въ Россіи. Къ этому можно прибавить, что

если во многихъ мѣстахъ порядокъ раздѣла не соотвѣтствуетъ еще требованіямъ раціональнаго хозяйства, то конечно этотъ нераціональный порядокъ держится не по невозможности улучшить приложеніе принципа, а потому только, что на практикѣ не сопровождается еще слишкомъ чувствительными неудобствами; когда же эти неудобства сдѣлаются чувствительными для поселянъ, то конечно у поселянъ достанетъ здраваго смысла, чтобы ввести въ свой обычай нужныя видоизмѣненія по примѣру того, какъ они введены уже поселянами тѣхъ мѣстъ, гдѣ оказались нужными.

Какъ человѣкъ практическій, Гакстгаузенъ справедливо замѣчаетъ, что если бы общинное владѣніе и дѣйствительно было по теоріи препятствіемъ къ приложенію капиталовъ для возвышенія земледѣльческаго производства по примѣру Западной Европы, то и безъ общиннаго владѣнія такое приложеніе капиталовъ въ дѣйствительности еще не возможно въ Россіи. Потому, говоритъ онъ, въ Россіи пока еще не существуетъ тѣхъ выгодъ на сторонѣ наслѣдственной поземельной собственности, какія существуютъ въ Западной Европѣ; онъ доказываетъ это сравнительнымъ разсчетомъ, обнаруживающимъ ничтожность дѣйствительной потери для русскаго хозяйства отъ перенесенія этого хозяйства съ одного участка на другой. Если бы кто нибудь вздумалъ оспаривать разсчетъ, сдѣланный Гакстгаузеномъ, какъ слишкомъ низкій, то мы легко могли бы доказать такому недовольному, что пропорція потери, принимаемая Гакстгаузеномъ, не только не ниже, а напротивъ выше дѣйствительныхъ потерь при подобныхъ перемѣнахъ, какъ въ разсчетѣ для западно-европейскаго хозяйства, такъ и въ разсчетѣ для русскаго хозяйства. Если это можетъ принести удовольствіе „Экономическому Указателю“, мы готовы подробною смѣтою доказать, что Гакстгаузенъ преувеличиваетъ потерю нѣмецкаго хозяина при перенесеніи хозяйства съ одного участка на другой, и готовы представить подобное же доказательство и относительно русскаго хозяйства.

Далѣе встрѣчаемъ мы у Гакстгаузена мудрую и благотворную мысль, съ которой совершенно согласенъ и Тенгоборскій: кто хочетъ успѣховъ нашему сельскому хозяйству, тотъ не долженъ желать никакихъ принудительныхъ измѣненій въ порядкѣ общиннаго владѣнія. Довѣримся здравому смыслу нашихъ поселянъ; они сами съумѣютъ ввести въ обычай раздѣла всѣ тѣ улучшенія, какія окажутся нужными при дальнѣйшихъ успѣхахъ нашего земледѣлія. Менѣе, нежели кто нибудь, расположены мы считать непогрѣшительнымъ кого нибудь, изъ живущихъ на землѣ вообще, или русскаго поселянина въ особенности, но неприлично и несправедливо кажется намъ доходить до другой крайности, въ которую увлекаются очень многіе между нами, такъ называемыми образованными людьми, и воображать, будто поселянинъ (русскій или иностранный, все равно) надѣленъ здравымъ смысломъ въ меньшей степени, нежели мы. Почему знать, — быть можетъ, онъ способенъ такъ же, какъ и мы, понимать свои выгоды и довольно благоразумно вести свои житейскія дѣла? Быть можетъ даже, излишнее наше вмѣшательство въ его дѣла приноситъ иногда ему больше вреда, нежели выгоды. Если уже мы такъ заботливы о его выгодахъ, то можемъ мы ограничиться только совѣтами, какъ ограничиваемся этимъ средствомъ въ сно-

шеніяхъ другъ съ другомъ. Захочетъ онъ послушать нашего совѣта — хорошо; не послушаетъ—подумаемъ о томъ, хорошъ ли былъ нашъ совѣтъ. Для тѣхъ изъ читателей, которые слѣдили постоянно за „Современникомъ", нѣтъ надобности въ этой оговоркѣ, чтобы увѣриться въ нашемъ образѣ мыслей о подобныхъ предметахъ. Они знаютъ очень хорошо, что доброе согласіе со стороны человѣка, судьбу котораго надобно улучшить, мы считаемъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы судьба его дѣйствительно улучшалась. Безъ доброй воли и добровольнаго согласія человѣка, невозможно сдѣлать ничего истинно полезнаго для него. Мы почли нужнымъ упомянуть здѣсь объ этомъ нашемъ убѣжденіи, только потому, что имѣли случай слышать отъ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ нами ученыхъ сомнѣніе относительно того, какими средствами считаемъ мы полезнымъ поддерживать общинное владѣніе, защитниками котораго являемся. Если когда нибудь было употреблено нами объ этомъ предметѣ выраженіе, подававшее поводъ къ какому нибудь сомнѣнію, мы ни мало не постыдимся сказать, что это выраженіе не точно или ошибочно передавало нашу мысль, и если нужно, готовы взять его назадъ. Менѣе, нежели кто нибудь, мы расположены сочувствовать такимъ теоріямъ, которыя не ставятъ всей надежды своей на успѣхъ единственно въ разумномъ и совершенно добровольномъ предварительномъ убѣжденіи тѣхъ людей, польза которыхъ имѣется въ виду.

Но возвращаемся къ разсмотрѣнію отрывка, приведеннаго нами изъ книги Гакстгаузена. Сравнивая Германію, въ различныхъ областяхъ которой существуютъ разнообразные порядки относительно владѣнія землею, съ Англіею, въ которой господствуетъ исключительный принципъ неприкосновенности наслѣдственнаго нераздробимаго владѣнія, и Франціею, въ которой господствуетъ также исключительный принципъ неограниченной перепродажи и раздробленія земли, Гакстгаузенъ находитъ, что разно-образіе, существующее въ Германіи, выгоднѣе для національнаго благосостоянія, нежели исключительность французской и англійской системъ. Мы прибавимъ, что когда безъ нарушенія различныхъ порядковъ владѣнія землею устранятся препятствія, мѣшающія нынѣ успѣхамъ нашего земледѣлія и не имѣющія ни малѣйшей связи съ принципами общиннаго владѣнія землею или частной поземельной собственности, то положеніе Россіи будетъ еще разнообразнѣе, нежели положеніе Германіи.

Гакстгаузенъ, при своемъ обозрѣніи результатовъ, производимыхъ англійскимъ, французскимъ и русскимъ принципами поземельнаго владѣнія, упускаетъ изъ виду это огромное количество земель, состоящихъ у насъ не въ государственной собственности и не въ общинномъ владѣніи, а въ полной собственности отдѣльныхъ лицъ. Еслибъ онъ не забылъ о нихъ, то, конечно, онъ сказалъ бы, что для Россіи при сохраненіи общиннаго владѣнія въ настоящихъ его предѣлахъ возможно достигнуть (на сколько то позволяется климатомъ) совершеннѣйшей обработки земли, какая только допускается принципомъ частной собственности. Примѣръ частныхъ собственниковъ, когда они будутъ въ состояніи выгоднымъ образомъ затрачивать капиталы на улучшеніе своихъ земель, конечно, выведетъ на дорогу искусственнаго улучшенія земли и сельскія общины, лишь только эта дорога сдѣлается выгодною.

Далѣе Гакстгаузенъ начинаетъ разсуждать о сенсимонизмѣ и такъ называемыхъ коммунистическихъ системахъ. Собственно говоря, намъ не было бы никакого дѣла до этихъ системъ и до мнѣній Гакстгаузена о ихъ значеніи для Западной Европы, если бы чувство самолюбія (конечно, ни мало не похвальное) не побуждало насъ замѣтить „Экономическому Указателю“, что Гакстгаузенъ при этихъ разсужденіяхъ дѣлаетъ ту же самую ошибку, къ которой обнаруживается наклонность и въ „Экономическомъ Указателѣ“. Именно: Гакстгаузенъ воображаетъ, будто бы въ 1847 году, когда была издана его книга, вопросъ о сенсимонизмѣ и тому подобныхъ мечтахъ все еще оставался современнымъ вопросомъ и будто бы еще находились тогда серьезные люди, державшіеся системы Сенъ-Симона. Добрякъ не замѣчалъ, что времена этой системы, дѣйствительно мечтательной и неосуществимой, прошли за долго до 1847 года, и что въ этомъ году развѣ какая нибудь невинная старая дѣвушка держалась во Франціи системы Сенъ-Симона. Эта ошибка со стороны Гакстгаузена довольно груба; но еще страшнѣе, что въ 1857 году, то есть десятью годами позднѣе Гакстгаузена, „Экономическій Указатель“ все еще воображаетъ видѣть передъ собою какихъ-то утопистовъ. Смѣемъ увѣрить его, что такія опасенія столь же приличны нашему вѣку, какъ, напримѣръ, споры противъ какого нибудь Вольтера: люди, подобные Вольтеру и Сенъ-Симону, давнымъ давно сошли съ историческаго поприща, и безпокоиться о нихъ совершенно напрасно. Если память насъ не обманываетъ, знаменитый Бастіа, служащій авторитетомъ для „Экономическаго Указателя“, спорилъ противъ людей, которые гораздо удачнѣе его смѣялись надъ сенсимонистскими мечтаніями и которые, каковы бы ни были ихъ недостатки, уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы мечтателями. Положительный и холодный разсчетъ не имѣетъ ничего общаго съ поэтическими грезами.

Мы не привели изъ Гакстгаузена эпизода, относящагося къ сенсимонистамъ: Гакстгаузенъ, по сердечной простотѣ, перепутываетъ вопросъ о пролетаріатѣ съ сенсимонистскою системою; но мы предупреждаемъ читателей, что въ наше время говорить о сенсимонизмѣ то же самое, что говорить о какой нибудь системѣ физіократовъ или меркантилистовъ; все это дѣла давно минувшихъ дней, дѣла „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма“.

Какъ человѣкъ, не слишкомъ-то близко знакомый съ характеромъ современныхъ ему стремленій, Гакстгаузенъ воображалъ, что люди, въ 1847 году грозившіе переворотомъ Западной Европѣ, держались мнѣній Сенъ-Симона. Это заблужденіе доказываетъ завидную невинность его души. Но, какъ человѣкъ практическій, онъ очень вѣрно предугадывалъ въ 1847 году близость страшнаго взрыва со стороны пролетаріевъ Западной Европы; и нельзя не согласиться съ нимъ, что благодѣтеленъ принципъ общиннаго владѣнія, который ограждаетъ насъ отъ страшной язвы пролетаріатства въ сельскомъ населеніи.

Кончивъ наши замѣчанія относительно общаго свода свѣдѣній, представляемыхъ Гакстгаузеномъ о нашемъ общинномъ владѣніи, мы перейдемъ къ другимъ мѣстамъ его книги, поясняющимъ ту или другую подробность въ этомъ общемъ обзорѣ.

Въ каждомъ селѣ, черезъ которое проѣзжалъ Гакстгаузенъ, распраши-

валъ онъ о порядкѣ, по какому крестьяне этого села дѣлять между собою участки, и все его сочиненіе наполнено этого рода свѣдѣніями. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы ближе познакомиться съ тѣмъ, какіе порядки должны назваться господствующими въ великорусскихъ областяхъ и какія отступленія встрѣчаются въ различныхъ мѣстностяхъ. Прежде всего приведемъ мы отрывокъ, объясняющій, при какихъ обстоятельствахъ встрѣчается то надѣленіе излишнею землею зажиточныхъ поселянъ, которое упоминается у Тенгоборскаго, будто бы нормальный фактъ.

„Вечеромъ 17 мая пріѣхали мы въ мѣстечко Великое Село, имѣющее полторы кысячи ревизскихъ душъ или три тысячи жителей обоего пола. Село принадлежитъ семи помѣщицамъ сестрамъ, которыя сами не живутъ въ немъ и берутъ съ своихъ крестьянъ оброкъ; но наложенъ ими этотъ оброкъ не на отдѣльныя тягла, а общею суммою на цѣлое село. Объ общественномъ устройствѣ и раздѣлѣ земли узнали мы слѣдующее: часть жителей пріобрѣла посредствомъ хлопчато-бумажной фабрикаціи значительное состояніе и ведетъ значительные торговые обороты, другая часть занимается земледѣліемъ, а нѣкоторые ремеслами. При назначеніи оброка было обращено вниманіе на эти торговыя и фабричныя дѣла и потому наложенъ быль оброкъ болѣе высокій, нежели какой могло бы платить чисто земледѣльческое село. Если бы по обыкновенному способу требовалась равная плата съ каждаго работника, то бѣднымъ было бы чрезвычайно тяжело, между тѣмъ какъ богатые пропорціонально платили бы мало. Сами помѣщицы не жили въ селѣ, и потому имъ было трудно наложить на каждаго оброкъ по его состоянію; потому онѣ предпочли наложить круглую сумму на цѣлую общину, и предоставили самой общинѣ разложеніе оброка по семействамъ. Община поступаетъ вслѣдствіе того очень оригинальнымъ образомъ. Она разложила всю сумму оброка на землю, раздаетъ членамъ своимъ эту землю по не равнымъ участкамъ и заставляетъ болѣе зажиточныхъ людей брать болѣе земли, нежели имъ нужно и нежели пришлось бы имъ при равномъ дѣлежѣ. Дѣло въ томъ, что на каждый участокъ приходится болѣе оброка, нежели приноситъ выгоды обработываніе этого участка. Тѣ жители, которые не занимаются хлѣбопашествомъ, конечно, ничего не могутъ сами дѣлать съ своей землей и отдаютъ ее настоящимъ земледѣльцамъ за незначительную плату, которая далеко не равняется взносимому за землю оброку. Мы повсюду видимъ власть руской общины и повиновеніе, встрѣчаемое ею у своихъ членовъ, и будемъ имѣть еще много случаевъ познакомиться съ этою особенностію русскихъ селъ“. (Томъ I, стр. 112 и слѣд.).

Въ другомъ мѣстѣ (именно, около города Вологды) Гакстгаузенъ замѣтилъ совершенное нарушеніе общиннаго принципа по какимъ-то мѣстнымъ обстоятельствамъ, оставшимся для него неизвѣстными:

„Проѣзжая мимо полей нѣсколькихъ маленькихъ деревушекъ, замѣтилъ я, чего никогда не видалъ на поляхъ большихъ деревень, именно: что послѣ каждыхъ пяти или восьми полосъ идетъ невспаханная полоса шириною четверти въ три, служащая раздѣломъ между маленькими загонами. Когда я спросилъ о томъ, то услышалъ, что въ этихъ очень маленькихъ деревняхъ не существуетъ ежегодный или временный раздѣлъ полей по общему обычаю, но что поле разъ навсегда разцѣлено и предоставлено каждому дому: и вотъ между этими-то вѣчными участками и проходятъ раздѣльныя полосы. Это почти единственное встрѣченное мною исключеніе изъ обычнаго въ русскомъ народѣ дѣлежа полей и вѣроятно оно основано на какихъ нибудь непреоборимыхъ причинахъ“. (I, 240).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лѣсныхъ сѣверныхъ губерній Гакстгаузенъ встрѣтилъ другой примѣръ образованія частной поземельной собственности между поселянами:

„Въ Никольскомъ уѣздѣ, который проѣхали мы во всю длину, господствуетъ обычай, о которомъ я не слыхалъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ, и на которомъ основы-

вается родъ поземельной собственности, или по крайней мѣрѣ наслѣдственное пользованіе землею. Общинамъ государственныхъ крестьянъ уступлены въ пользованіе большіе лѣса, которые по своей обширности далеко превышаютъ ихъ надобность въ строевомъ матеріалѣ и въ топливѣ. Теперь, если какой нибудь поселянинъ вздумаетъ поселиться въ этихъ пустынныхъ лѣсахъ, онъ проситъ на то позволенія у общины. Она никогда не отказываетъ ему въ такомъ разрѣшеніи. Но конечно, заселеніе производится не тамъ, гдѣ надобно бы сжечь для того строевой, или вообще хорошій лѣсъ, а на такихъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ, или уже вырубленъ, или мелокъ. Выжегши себѣ участокъ для поселенія, поселянинъ получаетъ наслѣдственное право пользоваться этимъ участкомъ, и община всегда уважаетъ это право". (I, 262).

Но вообще такіе случаи отступленія отъ кореннаго принципа, порождаемые исключительными мѣстными обстоятельствами, очень рѣдки по замѣчанію Гакстгаузена, такъ что могутъ назваться совершенно ничтожными въ общей массѣ селеній, слѣдующихъ общинному принципу. Каждый разъ, какъ случается ученому наблюдателю упоминать о порядкѣ дѣлежа общинной земли, онъ замѣчаетъ, что раздѣлъ этотъ всегда производится совершенно удовлетворительнымъ для всѣхъ образомъ и никогда не подаетъ причинъ къ раздорамъ; въ примѣръ представимъ слѣдующій отрывокъ, подобныхъ которому можно набрать десятки въ его книгѣ.

„Удѣльное сельцо Дьяконское состоитъ изъ девяти дворовъ или семей съ 24 душами мужескаго пола. Оно имѣетъ 59 десятинъ пахотныхъ полей, 11 десятинъ сѣнокоса и 2 десятины выгона. При каждомъ домѣ есть садъ, не входящій въ передѣлы, а передѣлъ земли производится при каждой ревизіи, въ случаяхъ же большой прибыли или убыли числа душъ, и раньше. Они это дѣло улаживаютъ промежду собою; а если бы случилось несогласіе, чего впрочемъ еще не бывало на людской памяти, то споръ перешелъ бы на рѣшеніе головы". (I, 303).

Наклонность жителей одного села оставлять въ одномъ общинномъ владѣніи всѣ земли, принадлежащія этому селу, такъ сильна, что даже тогда, когда сами они уже раздѣлены по различнымъ вѣдомствамъ, они оставляютъ, если только то позволяется имъ, свои земли въ одной общей дачѣ, не размежевывая ихъ по различію своихъ вѣдомствъ и своихъ податей. —и пользуются равными участками даже при неравенствѣ въ податяхъ:

„Вторая станція отъ Николаева было Березово, большое село, состоящее изъ удѣльныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ государственными. Первыхъ было въ селѣ 423 души, послѣднихъ 640 душъ. Такое соединеніе часто находится въ здѣшнихъ мѣстахъ, и мы встрѣчали его въ большей части деревень до самаго Саратова. Тутъ государственные и удѣльные крестьяне имѣютъ не двѣ различныя дачи, а образуютъ одну общину и дѣлятъ землю по русскому обычаю по душамъ или, какъ выразился въ этомъ селѣ старикъ, котораго мы расспрашивали, по жеребьямъ изъ одной шапки. А надобно замѣтить, что ихъ подати не одинаковы. Удѣльные крестьяне платятъ 29 руб. 20 коп. ассигн., а государственные только 16 руб. 48 коп.

„Кучумъ, куда мы пріѣхали 29 іюня, также село, состоящее вмѣстѣ изъ удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ. Удѣльныхъ считается 235, а государственныхъ 121 душа. Тѣ и другіе не имѣютъ двухъ различныхъ дачъ, но образуютъ одну общину". (II, 30).

У Тенгоборскаго мы уже видѣли заимствованный изъ Гакстгаузена примѣръ того, какъ любовь къ равнымъ участкамъ для всѣхъ членовъ общины беретъ верхъ даже надъ совершенною неравномѣрностью взносовъ, сдѣланныхъ различными семьями для общиннаго дѣла. Вотъ другой примѣръ въ томъ же родѣ:

„Въ слѣдующемъ селѣ (въ Заволжскомъ Краѣ) нашли мы снова поразительное свидѣтельство силы русскаго общиннаго устройства. Сельцо это, по имени Маянье, принадлежало прежде князю Вяземскому, который переселилъ сюда крестьянъ своихъ изъ Рязанской губерніи въ началѣ нынѣшняго вѣка. За неуплату долга въ Заемный Банкъ, сельцо это назначено было въ продажу, и на аукціонѣ крестьяне откупились за 129,000 рублей ассиги. Но вмѣсто того, чтобы навсегда раздѣлить между собою землю въ частную собственность по пропорціи частей, взнесенныхъ на выкупъ, поселяне остались при русскомъ общинномъ дѣлежѣ земли по душамъ, и отчасти взнесли, отчасти продолжаютъ взносить причитающіяся на каждаго выкупныя деньги по душамъ. Я нашелъ здѣсь еще одну особенность, до сихъ поръ не встрѣчавшуюся мнѣ. Поселяне эти дѣлятъ ежегодно между собою паровое поле, такъ что у каждаго остается одинъ и тотъ же участокъ только въ теченіе двухъ лѣтъ. Отъ такого порядка не далекъ былъ бы уже переходъ и къ первобытному славянскому дѣлежу, когда каждый годъ дѣлится на полѣ жатва—обычай, еще существующій въ нѣкоторыхъ общинахъ Сербіи и Босніи. Когда въ 1827 году откупилось это сельцо, въ немъ было 287 душъ, теперь число ихъ увеличилось до 350 душъ. Какъ запутались бы чрезъ то права на собственность и степень участія въ платежѣ выкупныхъ денегъ, если бы приложить сюда наши юридическія понятія“! (II, 33).

Это село лежитъ въ черноземной полосѣ, гдѣ нѣтъ удобренія, потому и трехлѣтній срокъ передѣла не представляетъ неудобствъ. Такъ рязанцы бросили свои рязанскіе продолжительные сроки передѣла, когда переселились на такую землю, гдѣ возможны болѣе частые передѣлы,— любовь къ болѣе точному выполненію общиннаго принципа, при первой возможности, взяла верхъ надъ старою привычкой, нѣсколько ограничивавшей быстроту въ возстановленіи уравнительности. Такова натура русскаго поселянина.

Впрочемъ, мы совершенно ошиблись бы, если бы вздумали считать наклонность къ общинному уравнительному владѣнію въ нашихъ поселянахъ какою нибудь таинственною чертою исключительной національной организаціи славянскаго вообще, или въ частности великорусскаго племени. Дѣло просто въ томъ, что сохраненіе уравнительнаго права на общинный участокъ чрезвычайно выгодно для общаго благосостоянія крестьянъ. Поселяне, чуждые русскому племени, когда видятъ вокругъ себя русскихъ поселянъ, мало по малу убѣждаются въ преимуществахъ общиннаго владѣнія и принимаютъ его. Въ отрывкѣ, представленномъ нами изъ Тенгоборскаго, читатель видѣлъ, что нѣмецкіе колонисты въ Саратовской губерніи ввели у себя общинное владѣніе, убѣдившись въ томъ, что оно для благосостоянія цѣлой общины выгоднѣе, нежели принесенный этими колонистами изъ Германіи законъ частной поземельной собственности. Къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ у Тенгоборскаго, мы прибавимъ, что Гакстгаузенъ прямо указываетъ причину, заставившую нѣмецкихъ колонистовъ предпочесть нашъ порядокъ своему: при наслѣдственной собственности и при правѣ продавать землю, очень многіе изъ нихъ скоро увидѣли себя обѣднѣвшими, и тогда всѣ колонисты, опасаясь каждый для себя или для своихъ дѣтей подобной же участи, приняли русскій обычай, и этотъ обычай возстановилъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ цвѣтущее благосостояніе. Далѣе мы увидимъ, что тотъ же обычай, съ тѣми же счастливыми результатами былъ принятъ меннонистами въ Новороссійскомъ Краѣ. Въ нѣсколькихъ татарскихъ селахъ, Гакстгаузенъ слышалъ тоже самое. Татары, подобно нѣмцамъ, усвоиваютъ себѣ русскій порядокъ, какъ вы-

годнѣйшій для сохраненія общаго благосостоянія. Въ нѣкоторыхъ селахъ они пользуются нѣкоторою частью своей земли въ видѣ участка общинной собственности по вновь принятому ими русскому обычаю, а другою частью какъ полною частною собственностію по своему прежнему обычаю. Вотъ примѣръ:

„8 іюля прибыли мы въ большое татарское село Муссалинъ, имѣющее 728 душъ. При Петрѣ Великомъ, ихъ предкамъ, въ числѣ 55 взрослыхъ мужчинъ, была отведена земля въ наслѣдственную собственность и наслѣдственно передавалась отъ отца къ сыновьямъ. Потому и неравенство между владѣніями отдѣльныхъ поселянъ чрезвычайно велико. Но кромѣ этихъ наслѣдствъ владѣетъ деревня еще 1,500 десятинъ, которыя дѣлятся по русскому правилу по душамъ, такъ что приходится около 2 десятинъ на душу. Эта земля досталась имъ слѣдующимъ образомъ: рядомъ съ ихъ наслѣдственными землями лежали помѣстья нѣсколькихъ татарскихъ мурзъ, населенныя русскими крѣпостными крестьянами. Когда изданъ былъ Указъ о томъ, что нехристіане не могутъ владѣть крѣпостными людьми христіанской вѣры, то эти мурзы, не захотѣвъ принять христіанство, должны были лишиться своихъ крѣпостныхъ людей. По западноевропейскимъ понятіямъ можно было бы подумать, что мурзы, отпустивъ своихъ крестьянъ, будутъ сами обработывать свои земли, нанимая работниковъ, или поселивъ татаръ. Но тутъ оказалась сила идеи, общей всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ въ Россіи: я принадлежу барину, а земля принадлежитъ мнѣ. Крестьяне остались на землѣ, а мурзы должны были вмѣстѣ съ крестьянами оставить и землю. Чрезъ семь лѣтъ эти крестьяне были подарены Екатериною II генералу Шепелеву, который переселилъ ихъ на другія мѣста, а самъ захватывалъ пастбища, принадлежавшія сосѣднимъ татарамъ. Татары начали съ нимъ процессъ, успѣли оттягать у него 1,500 десятинъ и рѣшили владѣть этою землею по русскому общинному праву, то есть, дѣлить ее по душамъ“. (II, 68).

Кому угодно знать, каковы бываютъ для поселянъ послѣдствія, когда земля поступаетъ къ нимъ въ полную частную собственность, тотъ можетъ видѣть это между прочимъ изъ слѣдующаго примѣра:

„Рано утромъ 17 іюля прибыли мы въ село Черемушное, которое нынѣ населено большею частью однодворцами. Однодворцевъ этихъ считается 211 душъ въ 40 дворахъ. Сохранилось у нихъ преданіе, что предки ихъ, лѣтъ сто или двѣсти тому назадъ, переселились сюда изъ Рязанской губерніи въ совершенно пустую страну, и отведенную имъ землю получили въ полную собственность. Тогда было ихъ 27 семей и землю раздѣлили они между собою на вѣчно такъ, что каждой семьѣ пришлось по 60 десятинъ. И такъ, они не приняли русскаго общиннаго принципа: натурально, очень скоро появилось неравенство во владѣніи, значительная часть земли перешла въ чужія руки отчасти продажею, отчасти за долги, такъ что нынѣ изъ первоначальныхъ 1.620 десятинъ владѣютъ они только 540 десятинами. Остальная земля перешла въ руки сосѣднихъ помѣщиковъ“. (II, 115).

Нѣкоторые воображаютъ, будто-бы введеніе многопольнаго хозяйства задерживается въ Россіи не тѣмъ, что многопольное хозяйство у насъ до сихъ поръ убыточно по обстоятельствамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ общинному или частному владѣнію, а именно будто-бы тѣмъ, что у насъ существуетъ обычай общиннаго владѣнія. Изъ слѣдующаго примѣра могутъ эти люди убѣдиться, что при общинномъ владѣніи можно завести хозяйство насколько угодно полей, лишь-бы только по мѣстнымъ обстоятельствамъ какая нибудь многопольная система оказалась выгоднѣе, нежели трехпольная. „Экономическій Указатель“ изъ этого примѣра убѣдится, какъ напрасны тѣ сомнѣнія, по которымъ онъ воображаетъ отъ простоты души будто-бы при

общинномъ владѣніи невозможно ввести такихъ усовершенствованій, какъ при частной поземельной собственности; онъ увидитъ, что при общинномъ владѣніи возможно не только сохраненіе, но даже разведеніе лѣсовъ; возможно также и искусственное луговодство.

„Земледѣліе у Меннонистскихъ колонистовъ устроено слѣдующимъ образомъ: земля, купленная отдѣльными колонистами частнымъ образомъ, остается въ совершенно полномъ распоряженіи у этихъ отдѣльныхъ лицъ. Общее количество этой частной собственности составляетъ 48,446 десятинъ. Напротивъ того, отведенная правительствомъ земля въ количествѣ 65 десятинъ на дворъ, всего 68,052 десятины, находится въ общинномъ распоряженіи и подлежитъ общинному порядку. Съ 1838 года правильно устроилось и установилось у колонистовъ, существовавшее уже и прежде, четырехпольное хозяйство. Изъ 65 десятинъ 25 обращены на хлѣбопашество, и эта часть раздѣляется такъ: три поля засѣиваются хлѣбомъ, одно поле остается подъ паромъ и только шестая часть этого пароваго поля засѣивается картофелемъ. Луга или покосы въ различныхъ деревняхъ различны по величинѣ, и потому на каждый дворъ приходится ихъ отъ 6 до 10 десятинъ. Относительно покосовъ на долю каждаго хозяина предоставлено: пользоваться ли ими, какъ лугами, или какъ своими частными пастбищами, или пахать ихъ. Остальная часть территоріи служитъ общимъ пастбищемъ для каждой деревни, при чемъ опредѣлено число скота, которое каждый хозяинъ можетъ выгонять на это общинное пастбище.

„Въ пользованіи землею господствуетъ у этихъ меннонистовъ большое благоразуміе и обдуманность. Они не придерживаются устарѣлой рутины, но по внимательномъ испытаніи вводятъ всевозможныя улучшенія. Когда они прибыли сюда, назадъ тому 40 лѣтъ, во всей странѣ не нашли они ни одного дерева и вмѣсто топлива должны были употреблять солому, камышъ, бурьянъ и кизякъ; въ настоящее время посѣянный и выращенный ими лѣсъ доставляетъ имъ уже часть топлива.

„Они начали даже заводить искусственные луга посредствомъ орошенія,— единственные искусственные луга, какіе видѣлъ я въ Россіи,—въ Россіи, которая, по моему твердому убѣжденію, можетъ сдѣлать искусственнымъ луговодствомъ единственный важный шагъ впередъ, къ какому способно ея настоящее сельское хозяйство. Я называю искусственное луговодство единственнымъ важнымъ для Россіи улучшеніемъ потому, что только одно оно принесетъ не убытокъ русскому хозяйству, а выгоду". (II, 190).

И такъ, Гакстгаузенъ, обозрѣвшій сотни помѣщичьихъ хозяйствъ, заведенныхъ по праву полной частной собственности, единственный случай серьезнаго улучшенія хозяйства въ Россіи встрѣтилъ въ поселеніяхъ, пользующихся землями по принципу общиннаго владѣнія.

У насъ многіе воображаютъ, что хозяйство на западно-европейскій манеръ будетъ возможно въ Россіи тотчасъ, лишь-бы только уничтожилось общинное владѣніе. Гакстгаузенъ положительнымъ разсчетомъ разрушаетъ эту мечту. Разсчетъ сдѣланъ для Ярославской губерніи, но его легко примѣнить и ко всякой другой губерніи, сообразивъ періодъ отъ запашки ярового до запашки озимаго хлѣба, — онъ примѣняется совершенно къ цѣлой половинѣ великорусской земли, и съ небольшимъ измѣненіемъ къ большей части изъ остальной половины: едва-ли шестая часть земли, населенной русскимъ племенемъ, пользуется семью мѣсяцами полевыхъ работъ.

„Почва этой губерніи (Ярославской) недостаточно плодородна, урожай считаютъ вообще самъ—3. Конечно, естественное неплодородіе могло бы быть совершенно исправлено увеличеніемъ удобренія и обращеніемъ усиленнѣйшаго труда на обработку земли, но ничего такого здѣсь не дѣлается. Примѣръ нѣсколькихъ помѣщиковъ, подобныхъ

г. Карновичу, находитъ мало подражателей между помѣщиками, а между поселянами почти вовсе не находитъ. Причина тому, какъ мы уже говорили, очевидна. Промышленность и торговля даютъ здѣсь достаточное вознагражденіе, а земледѣліе не приноситъ достаточныхъ процентовъ на затраченные для него капиталы. Впрочемъ вообще нельзя судить о здѣшнихъ отношеніяхъ по тому масштабу, къ которому мы привыкли въ земляхъ, лежащихъ далѣе на югъ и на западъ, во Франціи, Англіи и средней Германіи.

„Въ здѣшнихъ сѣверныхъ мѣстахъ, земледѣліе требуетъ гораздо большей траты человѣческихъ и животныхъ рабочихъ силъ, и потому приноситъ менѣе чистаго дохода, нежели въ странахъ Западной Европы. Важнѣйшая часть земледѣлія—запашка и уборка хлѣбнаго поля, въ Западной Европѣ распредѣляется на періодъ времени, гораздо болѣе значительный; слѣдовательно обходится значительно дешевле, нежели здѣсь. Эти работы, напримѣръ, около Орлеана, около Майнца, при Дунаѣ, раздѣляются на семь мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ здѣсь, по причинѣ короткости лѣта, должны быть исполнены только въ четыре мѣсяца. И такъ то, что я могу тамъ сдѣлать на полѣ равной величины и равнаго плодородія работою четырехъ человѣкъ и четырехъ лошадей, на то мнѣ нужно здѣсь семь человѣкъ и семь лошадей. Если бы я имѣлъ около Майнца помѣстье въ 1000 моргеновъ запашки и луговъ, то для обработки его мнѣ понадобилось бы четыре пары лошадей, восемь работниковъ и шесть работницъ, кромѣ того понадобилось бы еще принанять временныхъ рабочихъ на полторы тысячи дней. Наемъ и содержаніе всѣхъ этихъ людей и рабочаго скота стоили бы мнѣ около 3,500 талеровъ. Помѣстье приносило бы мнѣ валоваго дохода около 8,500 талеровъ, и за вычетомъ расходовъ оставалось бы мнѣ чистаго дохода около 5000 талеровъ. Но еслибы помѣстье такой же величины и съ землею такого же качества лежало на сѣверъ отъ Волги, то, предполагая даже равенство въ цѣнности сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и во всѣхъ другихъ условіяхъ, уже только по причинѣ климата понадобилось бы мнѣ для обработки этого помѣстья семь паръ лошадей, четырнадцать работниковъ, десять работницъ и 2,100 дней работы временныхъ наемщиковъ, и потому чистый доходъ простирался бы вмѣсто 5000 талеровъ только до 2,600 талеровъ. Конечно, еслибы на ту пору, когда нѣтъ полевыхъ работъ, мнѣ удавалось бы освобождаться отъ рабочаго скота и содержанія работниковъ, то издержки уравнялись бы, оттого что все равно, содержать ли четыре пары лошадей втеченіе семи мѣсяцевъ или семь паръ лошадей втеченіе четырехъ мѣсяцевъ. Потому, еслибы можно былъ продавать рабочій скотъ и отпускать работниковъ близъ Майнца на пять мѣсяцевъ, а близъ Ярославля на восемь мѣсяцевъ, то доходъ въ обѣихъ мѣстностяхъ былъ бы одинаковъ. Но это очень трудно и для одного какого-нибудь хозяйства, а для сельско-хозяйственныхъ отношеній цѣлой страны рѣшительно невозможно. А при этой невозможности, условія Майнцскаго помѣстья оказываются несравненно выгоднѣйшими, нежели Ярославскаго помѣстья. На одномъ и томъ же пространствѣ земли, Майнцское помѣстье втеченіе зимы должно прокормить только $^4/_7$ того числа работниковъ и скота, какое должно прокормить Ярославское помѣстье; Майнцское помѣстье должно кормить ихъ только пять мѣсяцевъ, а Ярославское восемь. Но кромѣ того: Майнцское помѣстье можетъ во время зимы занять ихъ несравненно большимъ количествомъ разныхъ полезныхъ для хозяйства и слѣдовательно въ результатѣ доходныхъ работъ, нежели Ярославское. Зима около Майнца не такъ сурова, не такъ постоянна, чтобы покрывать землю непроницаемымъ замерзлымъ слоемъ и снѣгомъ. Прокармливаемыхъ работниковъ и скотъ можно употреблять на всяческія работы: они будутъ возить навозъ, мергель, известь на поля для удобренія, не считая того, что привозятъ дрова и лѣсъ на цѣлый годъ и отвозятъ на рынокъ продукты; въ тѣ дни, когда земля не мерзнетъ, они будутъ заниматься различными полевыми работами: проводить канавы, орошать луга. Словомъ сказать, всѣ пять зимнихъ мѣсяцевъ, люди и скотъ будутъ заняты сельско-хозяйственными работами, и окажется, что развѣ только двѣ лошади и одинъ работникъ могли бы быть отпущены изъ хозяйства. Но и того не окажется нужнымъ. Въ странѣ очень населенной они всегда найдутъ себѣ работу, такъ что, строго говоря, хозяйство помѣстья, находящагося около Майнца, зимою не терпитъ

никакой потери отъ недостатка занятія;—совершенно иначе оказывается это отношеніе для Ярославскаго помѣстья; тутъ на цѣлую зиму не находится никакого сельско-хозяйственнаго занятія, кромѣ ѣзды за дровами и отвоза продуктовъ на рынокъ, а эти работы можно бы исполнить всѣ одною парою лошадей и однимъ работникомъ. И такъ, зима продолжается цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, и я даромъ кормлю почти вдвое большее число рабочихъ и скота. Если мы примемъ еще въ разсчетъ сравнительно низкія цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, отдаленность рынковъ, малую населенность страны, и потому высокость наемной платы, наконецъ то, что французскія и нѣмецкія лошади гораздо сильнѣе и переноснѣе въ работѣ, также, что русскихъ работниковъ нельзя сравнить съ нѣмецкими, то очевидно будетъ, что всѣми этими невыгодными условіями будетъ поглощена наибольшая часть даже и того чистаго дохода, который вычисленъ выше. А притомъ мы еще принимали, что Ярославское помѣстье имѣетъ столь же плодоносную землю, какъ майнцскія равнины: но майнцскія равнины родятъ хлѣбъ самъ—6 и самъ—7, а ярославская земля даетъ едва самъ—3.

„Изъ этого воображаемаго разсчета очень ясно можно видѣть, что еслибы кому нибудь предлагали въ Ярославлѣ помѣстье подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ хозяйство въ такомъ же видѣ и по такому же порядку, какъ въ Западной Европѣ, то онъ долженъ былъ бы, поблагодаривъ за такое предложеніе, рѣшительно отказаться отъ него: онъ не получилъ бы отъ такого хозяйства не только никакой выгоды, никакого чистаго дохода, но и оставался бы каждый годъ въ значительномъ убыткѣ“. (I, 173).

И такъ, вовсе не общинное владѣніе служитъ препятствіемъ къ заведенію въ Россіи такихъ хозяйствъ, какія существуютъ въ Западной Европѣ: причина тутъ совершенно другая. Сельское хозяйство доставляетъ въ Россіи слишкомъ мало чистаго дохода. Впрочемъ, мы вовсе не думаемъ, чтобы Гакстгаузенъ имѣлъ основаніе дѣлать изъ приведеннаго нами разсчета тотъ выводъ, какой онъ дѣлаетъ на слѣдующихъ страницахъ, будто-бы въ Ярославской губерніи невозможно хозяйство съ наемными работниками. Намъ кажется, что Тенгоборскій совершенно напрасно принимаетъ это мнѣніе Гакстгаузена, который самъ опровергаетъ себя въ одной изъ слѣдующихъ главъ, представляя примѣры успѣшнаго хозяйства, основаннаго на наймѣ работниковъ, въ климатѣ гораздо болѣе суровомъ, нежели въ Ярославской губерніи, именно въ Вологодской губерніи:

„Въ деревнѣ Ворониной (говоритъ Гакстгаузенъ) должны мы были остановиться на нѣсколько часовъ для починки экипажа. Насъ попросилъ къ себѣ богачъ изъ тамошнихъ жителей, Григорій Квашнинъ: онъ былъ человѣкъ умный, и охотно давалъ намъ подробные отвѣты на наши вопросы. Въ дачѣ этой деревни часть земли принадлежитъ общинѣ, или вѣрнѣе сказать, государству; и по русскому обычаю она дѣлится по числу душъ въ семьѣ между членами общины. Другая гораздо большая часть земли, лежащая, впрочемъ, разбросанными участками между общинною землею, была издавна въ наслѣдственной собственности, то-есть, принадлежала первоначально дворянамъ и горожанамъ сосѣднихъ городовъ, и хозяева раздавали ее жителямъ деревни на правахъ половниковъ. Дѣдъ нашего хозяина обработывалъ большую часть этой земли, какъ половникъ, и разбогатѣлъ тѣмъ. Онъ переѣхалъ въ Устюгъ, записался тамъ въ купцы и пріобрѣлъ тѣмъ право владѣть наслѣдственною землею. Воспользовавшись этимъ правомъ, онъ въ 1811 году купилъ ту землю, которую обработывалъ какъ половникъ, и послѣ него перешла она по наслѣдству къ его дѣтямъ, а отъ нихъ ко внучатамъ. Нашъ хозяинъ имѣлъ въ своей собственности восьмую часть всей этой земли и, кромѣ того, бралъ въ наймы еще нѣкоторые участки. Теперь онъ могъ бы выйти изъ своей общины и былъ бы тогда, какъ говорится у насъ въ Западной Европѣ, независимымъ, самостоятельнымъ владѣльцемъ. Но въ Россіи, каждый, кто не дворянинъ, или, *лучше* сказать, кто не чиновникъ и не духовный, долженъ принадлежать къ ка-

кой нибудь общинѣ, иначе онъ не имѣетъ прочнаго положенія въ обществѣ. Потому нашъ хозяинъ остался членомъ своей общины, дѣлая для того даже немаловажныя пожертвованія. Почему такъ, мы не могли понять, онъ не хотѣлъ объясниться; но довольно того, что онъ взялъ на себя платежъ оброка за восемь душъ и, стало быть, имѣлъ бы право требовать отъ общины восемь подушныхъ участковъ; но отъ нихъ онъ отказался и обработывалъ только свою наслѣдственную землю. У него большое хозяйство. Обработываемая имъ земля равняется третьей части всей общинной земли. У него восемь наемныхъ работниковъ, изъ которыхъ четыре остаются на цѣлый годъ, а другіе четыре только на лѣто, получая, кромѣ пищи, пятьдесятъ рублей ассигнаціями и одежду. А годовые работники получаютъ, кромѣ пищи, семьдесятъ пять рублей ассигнаціями. Эти цѣны немногимъ выше, нежели у насъ въ Вестфаліи. Такое хозяйство было мнѣ очень интересно, потому что въ немъ встрѣтился мнѣ первый примѣръ хлѣбопашества, производимаго наемными работниками. Притомъ хозяинъ не былъ какой нибудь агрономъ, а просто умный мужикъ. Надобно еще сказать, что съ такимъ порядкомъ въ хозяйствѣ былъ онъ не одинокимъ исключеніемъ, а напротивъ, существовало въ тѣхъ мѣстахъ много хозяйствъ, устроенныхъ на томъ же основаніи, какъ у него, и вообще они, какъ меня увѣряли, находились въ такомъ же цвѣтущемъ положеніи, какъ и хозяйство, нами осмотрѣнное". (I, стр. 260).

Если можетъ приносить выгоду въ Вологодской губерніи воздѣлываніе земли посредствомъ наемныхъ работниковъ, то еще гораздо возможнѣе должно быть оно въ провинціяхъ, лежащихъ на югъ отъ Вологды, какъ напримѣръ, въ Ярославлѣ. Гакстгаузенъ очевидно увлекся своею темою и преувеличилъ затруднительность хозяйства наемными силами въ нашемъ климатѣ. Впрочемъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что наша продолжительная зима оставляетъ слишкомъ много праздпаго времени въ году поселянина, который занимался бы исключительно только земледѣльческими работами; но выводъ изъ этого долженъ быть вовсе не таковъ, какъ дѣлаетъ Гакстгаузенъ, вовсе не признаніе неизбѣжности того отношенія, въ какомъ нынѣ находятся работники къ землевладѣльцу, — этимъ отношеніемъ только безплодно уменьшается рабочая сила. Напротивъ, есть очень легкій выходъ изъ климатическаго неудобства, которое кажется столь ужаснымъ Гакстгаузену; наши поселяне давно нашли этотъ выходъ, употребляя зиму на какія нибудь другія занятія и промыслы, кромѣ земледѣльческихъ работъ. Краткость лѣта и продолжительность зимы служитъ причиною, что въ нашемъ климатѣ одно и то же семейство должно быть и земледѣльцемъ, и промышленнымъ. Лѣтомъ, когда земледѣльческія работы требуютъ какъ можно больше рукъ, каждый членъ общины становится земледѣльцемъ; зимою, когда сельское хозяйство не доставляетъ никакой работы, каждый поселянинъ можетъ имѣть домашнее занятіе въ какомъ нибудь ремеслѣ или вообще промышленномъ производствѣ. Такимъ образомъ постоянно всѣ руки будутъ заняты, и зима будетъ временемъ, столь-же производительнымъ, какъ и лѣто. Несмотря на всѣ несовершенства нашего экономическаго быта, въ немъ уже замѣтенъ этотъ порядокъ соединенія работъ, свойственный нашему климату и отвращающій невзгоды, наносимыя намъ продолжительностью нашей зимы. Вещь извѣстная, что у насъ очень сильна въ народѣ наклонность соединять въ селѣ земледѣльческія занятія съ какимъ нибудь ремесломъ или промысломъ. Мы не будемъ останавливаться на этомъ фактѣ, слишкомъ хорошо знакомомъ каждому читателю, — вѣроятно, даже и „Экономическому Указателю". Замѣтимъ только,

что въ сельскихъ промыслахъ обнаруживается чрезвычайно сильная наклонность нашего народа къ общинному производству: у насъ есть цѣлыя деревни ткачей, колесниковъ, гончаровъ, швецовъ, кузнецовъ и т. д. Этотъ предметъ чуждъ цѣли нашей статьи, потому, не останавливаясь на немъ, изъ множества мѣстъ, относящихся къ нему у Гакстгаузена, мы приведемъ только одно.

„Въ Западной Европѣ (говоритъ Гакстгаузенъ) есть обычай у поселянъ оставлять на время родину и уходить въ другія области большею частію для какого нибудь извѣстнаго опредѣленнаго ремесла; такъ, напримѣръ, андалузцы приходятъ быть водоносами въ Мадритѣ, такъ оверяцы и савояры приходятъ въ Парижъ. Но всѣ они занимаются въ такихъ случаяхъ какими нибудь исключительными ремеслами, не свойственными другимъ областямъ. При томъ же и число такихъ людей не велико. Но чтобы люди, занимающіеся самыми обыкновенными, повсюду обычными промыслами, какъ напримѣръ плотники, каменьщики, портные, толпами отправлялись странствовать, этого не случается въ Западной Европѣ“.

„Странствующій русскій промышленникъ даже вовсе не ограничивается въ своихъ средствахъ снискивать хлѣбъ однимъ какимъ нибудь промысломъ, онъ знаетъ всѣ промыслы, по крайней мѣрѣ много промысловъ, пробуетъ тотъ, другой, третій и останавливается наконецъ на томъ, который обѣщаетъ ему больше удачи. Въ Западной Европѣ встрѣчаются отдѣльные люди, которые, какъ говорится, пускаются бродить по свѣту, отыскивая своего счастія. Но въ Западной Европѣ такіе люди составляютъ рѣдкое исключеніе, а въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи такой образъ жизни составляетъ какъ бы общее правило. Болѣе нежели восьмая часть населенія Ярославской губерніи странствуетъ подобнымъ образомъ по всѣмъ дорогамъ государства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такихъ людей считалось въ Ярославской губерніи отъ 120 до 130,000. Многіе изъ нихъ, конечно, возвращаются черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, или черезъ годъ, побывать на родинѣ, но многіе остаются на чужой сторонѣ по нѣсколько лѣтъ и даже на всю жизнь, хотя и продолжаютъ числиться въ своихъ общинахъ. Къ послѣднему классу принадлежатъ навѣрное болѣе 50,000 человѣкъ въ Ярославской губерніи“.

„Эти странствующіе люди, когда занимаются извѣстнымъ ремесломъ, напримѣръ плотничествомъ, или каменной работой, собираясь въ большихъ городахъ, образуютъ ремесленныя артели. Способнѣйшіе изъ нихъ принимаются за подряды по своему дѣлу. Если, напримѣръ, въ Петербургѣ нужно мнѣ построить домъ, хотя бы очень большой, то я ищу себѣ подрядчика, показываю ему свои планы, торгуюсь съ нимъ, наконецъ онъ беретъ на себя постройку за извѣстную сумму. Потомъ онъ идетъ къ своимъ товарищамъ, объясняетъ имъ дѣло и уговаривается съ ними объ участіи въ выгодахъ. Потомъ онъ отправляется одинъ, если подрядъ не слишкомъ великъ, или съ нѣсколькими товарищами, на родину и ищетъ тамъ нужныхъ ему денегъ, потому что часть договорной платы получаетъ онъ отъ строителя дома только по исполненіи части работъ. Его земляки на родинѣ, также участвующіе въ выгодахъ его предпріятій, удивительно скоро собираютъ для него деньги. Все это дѣлается на слово и не слышно, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко слышно объ обманахъ въ подобныхъ случаяхъ.—Русскихъ упрекаютъ за недобросовѣстность въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ; но надобно сказать, что есть извѣстныя дѣла и случаи, въ которыхъ они никогда не обманываютъ и соблюдаютъ честность самымъ строжайшимъ образомъ.—Подрядчики есть и въ Западной Европѣ, но тамъ подрядчики—люди изъ высшаго или по крайней мѣрѣ изъ богатаго сословія и поѣдаютъ, въ Западной Европѣ подрядчикъ исключительно самъ пользуется выгодою отъ предпріятія, а работникамъ своимъ даетъ только поденную или поштучную плату. А въ Россіи, напротивъ того, подрядчики необразованные простолюдины, едва умѣющіе читать и писать, но одаренные техническимъ талантомъ, и отъ предпріятія выгодами пользуется не одинъ подрядчикъ, а честно дѣлится съ работниками своей артели“. (I, 204).

Мы, какъ сказали, не будемъ останавливаться на этихъ фактахъ. Впрочемъ, если кому нибудь непонятенъ смыслъ ихъ, напримѣръ, если

„Экономическій Указатель“ пожелаетъ узнать его, то мы съ удовольствіемъ готовы будемъ объяснить, почему правъ Гакстгаузенъ, называя русскій народъ чрезвычайно расположеннымъ къ общинному порядку экономическаго производства. Теперь-же мы возвратимся опять-таки къ главному предмету нашихъ извлеченій, къ сельско-хозяйственнымъ работамъ, и замѣтимъ, что въ совершеніи ихъ Гакстгаузенъ находитъ у насъ болѣе сильный общинный духъ, нежели у западныхъ поселянъ.

„При полевыхъ работахъ (говоритъ онъ) соблюдается почти военный порядокъ. Въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ часъ всѣ вмѣстѣ отправляются пахать, боронить и т. п., въ одинъ и тотъ же часъ возвращаются всѣ съ поля. Это дѣлается не по какому нибудь распоряженію, не по приказанію старостъ или старшинъ—нѣтъ, это дѣлается само собою. Русское стремленіе къ общинной дѣятельности, могущество общиннаго порядка на всемъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе“. (I, 157).

Этотъ общинный духъ мы вовсе не расположены считать какимъ-нибудь таинственнымъ качествомъ, исключительно свойственнымъ славянской или великорусской натурѣ. Мы просто полагаемъ, что вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, на долго задержавшихъ Россію въ состояніи, близкомъ къ патріархальному быту, онъ сохранился у насъ довольно неприкосновеннымъ, между тѣмъ какъ давно исчезъ изъ обычаевъ тѣхъ племенъ Западной Европы, которыя болѣе нашего участвовали въ историческомъ движеніи. Итакъ, сохраненіе его у насъ есть слѣдствіе невыгодныхъ обстоятельствъ нашего историческаго развитія. Но какъ самыя хорошія вещи имѣютъ свою дурную сторону, такъ и самыя дурныя вещи свою хорошую. Наша историческая неподвижность послужила источникомъ многихъ бѣдствій и въ нашемъ прошедшемъ и отчасти въ настоящемъ; она причина нашей малой образованности, нашей бѣдности, нашей лѣни и т. д. Но среди всѣхъ этихъ пагубныхъ слѣдствій нашей неподвижности, есть также нѣчто иное, и прежде бывшее не безполезнымъ, но при настоящемъ развитіи экономическаго движенія въ Западной Европѣ,—движенія, въ которомъ начинаемъ принимать участіе и мы, становящееся чрезвычайно важнымъ и полезнымъ. Экономическое движеніе въ Западной Европѣ породило страданія пролетаріата. Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что эти страданія будутъ исцѣлены, что эта болѣзнь „не къ смерти, а къ здоровью“, но переноситъ настоящія свои страданія для Западной Европы все-таки тяжело, и врачеваніе этихъ страданій требуетъ долгаго времени и великихъ усилій. У насъ, принимающихъ нынѣ участіе въ экономическомъ движеніи Европы, сохранилось противоядіе отъ болѣзни, соединенной съ этимъ движеніемъ на Западѣ, и мы поступили-бы очень не разсчетливо, если-бы по нелюбви къ патріархальности вздумали отступиться отъ него въ такое время, когда оно оказывается чрезвычайно пригоднымъ для предохраненія насъ отъ страданій, видимыхъ нами на Западѣ.

До сихъ поръ мы говорили только о томъ способѣ общиннаго владѣнія поземельною собственностью, при которомъ земля раздѣляется на участки, обработываемые каждымъ хозяйствомъ совершенно независимо отъ другихъ хозяйствъ. Есть другой способъ пользованія землею, свойственный временамъ еще болѣе первобытнымъ, — именно самое воздѣлываніе земли можетъ производиться общиннымъ порядкомъ безъ раздробленія на отдѣльные участки.

Древность сельско-хозяйственныхъ формъ нашего быта такова, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ глубинѣ лѣсовъ сѣверныхъ губерній, существуютъ общины, воздѣлывающія землю по этому способу; онъ такъ противоположенъ всему нынѣшнему западно-европейскому порядку дѣлъ, что уже изъ одного любопытства стоитъ ознакомиться съ нимъ поближе, чтобы убѣдиться, какъ далеко дѣйствительность превосходитъ самыя, повидимому, невозможныя выдумки воображенія чрезвычайной странностію своихъ явленій. Вѣроятно не всѣмъ нашимъ читателямъ коротко извѣстно сельско-хозяйственное устройство Уральскихъ казаковъ, и мы думаемъ, что тѣ, которымъ оно не было близко знакомо, не безъ любопытства прочтутъ слѣдующее извлеченіе изъ книги Гакстгаузена:

„Я уже замѣчалъ (говоритъ Гакстгаузенъ), что въ сѣверныхъ лѣсахъ Россіи есть еще земледѣльческія общины съ общиннымъ полемъ, безъ раздѣла на участки. Но есть даже цѣлыя огромныя области, въ которыхъ наибольшая часть земли не раздѣлена даже между отдѣльными сельскими общинами, а остается въ общинномъ владѣніи, въ нераздѣльномъ пользованіи цѣлаго населенія всей области, составляющаго одну общину. Мы хотимъ здѣсь поближе разсмотрѣть одну изъ такихъ огромныхъ областныхъ общинъ и выбираемъ для этого изображенія устройство Уральскихъ казаковъ, такого племени, у котораго, по всей вѣроятности, старый русскій характеръ и старые русскіе обычаи сохранились въ наибольшей свѣжести и здравости.

„*Община Уральскихъ Казаковъ*“.

„Уральскіе казаки, происходящіе, конечно, отъ великорусскаго племени, живутъ вдоль по рѣкѣ Уралу, по границѣ Киргизской степи. Они поселены по правому берегу Урала въ защиту отъ Киргизскихъ ордъ. Только въ двухъ мѣстахъ имѣютъ они нѣсколько селеній и на лѣвомъ берегу. Линія, населенная ими, начинается верстахъ въ 50 отъ Оренбурга и идетъ болѣе чѣмъ на 700 верстъ до устья Урала. Они живутъ въ станицахъ, то есть въ селахъ, имѣющихъ отъ 100 до 200 домовъ, и лежащихъ верстахъ въ 15 или 20 одно отъ другаго. Рѣка течетъ по необозримой степи, почва которой совершенно безплодный солончакъ. Только низменно ти по берегамъ рѣчекъ, впадающихъ въ Уралъ, и въ особенности самого Урала, имѣютъ почву плодородную, большею частію луговую. Земледѣліемъ казаки занимаются мало, выше Уральска не занимаются вовсе, а ниже Уральска только мѣстами. Живутъ они преимущественно скотоводствомъ и рыболовствомъ. Первоначально поселились они на этихъ мѣстахъ совершенно добровольно. Первыми изъ нихъ были пришельцы съ Дона, къ которымъ потомъ присоединилось много бѣглыхъ стрѣлцовъ. Сначала, вполнѣ организовались они сами собою и только впослѣдствіи правительство придало имъ большее единство нѣкоторыми постановленіями. Народъ они здоровый, красивый, живой, дѣльный, послушливый, храбрый, добродушный, гостепріимный, неутомимый и умный. По своему общественному порядку, нравамъ и образу жизни, представляются они намъ истинной старинной Русью. Отправлять службу должны они были бы всѣ поочередно, но зажиточные между ними нанимаютъ вмѣсто себя другихъ на службу, и правительство мудро рѣшило вовсе не вмѣшиваться въ эти дѣла, такъ что отношенія эти развиваются сами собою натурально и безъ обремененія. Потому всѣ приказанія идутъ къ цѣлой общинѣ, а не къ отдѣльнымъ лицамъ, и оттого никакая милиція не выступаетъ въ походъ съ такою быстротою и въ такомъ полномъ составѣ, какъ эти казаки. Мужскаго населенія у нихъ 24 или 25 тысячъ душъ, изъ того числа, служащихъ казаковъ, отъ 18 до 55 лѣтъ, насчитывается 10 или 12 тысячъ. Въ 1837 году изъ этихъ послѣднихъ оставалось дома всего около 3,300 человѣкъ, остальные были на службѣ. Внезапно потребовалось снарядить четыре полка, каждый изъ 550 человѣкъ, стало быть должны были выступить въ походъ двѣ-трети изъ оставшихся въ той области взрослыхъ мужчинъ. Черезъ три недѣли они были уже всѣ совершенно снаряжены къ походу, на сборномъ мѣстѣ въ Уральскѣ. Изъ общины въ

общину приходило приказаніе собираться въ Уральскъ. Выѣзжалъ войсковой старшина къ толпѣ народа и кричалъ, держа надъ шапкой царскій указъ: „Атаманы, велѣно вамъ идти въ походъ и выставить четыре полка"; потомъ онъ снималъ шапку, читалъ имъ указъ и говорилъ, куда имъ идти и гдѣ собраться. Тѣмъ и кончалось все дѣло со стороны начальства. Тутъ же на площади собирается въ такихъ случаяхъ большая часть людей, годныхъ къ службѣ. Обыкновенно, сходятся они по семьямъ. Если сказано: отъ семьи или отъ пяти человѣкъ надобно идти одному, ближайшіе родные совѣщаются, кому изъ нихъ удобнѣе или кому больше охоты идти въ походъ; остальные даютъ ему плату, снаряжаютъ его, содержатъ его семейство; если онъ пьяница, то деньги даютъ не ему, а его семьѣ; наемная цѣна повышается и понижается, смотря по обстоятельствамъ. Если снаряжается небольшая партія, то каждый, идущій въ походъ за другихъ, получаетъ много, потому что онъ снаряжается въ походъ многими. Иной разъ, восемь или десять человѣкъ снаряжаютъ одного, и тогда каждому легко дать сто, двѣсти рублей ассигнаціями. Дѣло происходитъ такимъ порядкомъ: одинъ говоритъ: „я даю двѣсти рублей, чтобы не идти", другой говоритъ: „я даю триста", третій: „я триста пятьдесятъ"; такъ они торгуются, пока одинъ скажетъ: „ну, столько я не могу дать, я пойду"; тогда онъ получаетъ отъ остальныхъ плату, которую согласились они внести, чтобы остаться дома.

„Въ тотъ разъ, о которомъ я говорю, въ 1837 году, изъ трехъ человѣкъ должны были идти въ походъ двое. Плата была отъ 900 до 2,000 рублей, и она дѣлилась между обоими, идущими въ походъ. На четвертый день послѣ прочтенія указа, всѣ казаки сошлись опять на площади Уральска. Для каждаго изъ четырехъ полковъ было отведено особое мѣсто, на немъ стояли офицеры этого полка. Туда подходили договаривающіяся партіи. Тотъ, который оставался дома, подводилъ двухъ идущихъ, говорилъ, на какой цѣнѣ они поладили; они хлопали по рукамъ, офицеръ разнималъ руки, и договоръ былъ заключенъ и имѣлъ законную силу. Затѣмъ всѣ шли по домамъ, и черезъ четырнадцать дней полки собирались совершенно готовые къ бою. И что это за дивное войско! Каждый пошелъ съ охотой, съ радостью, потому что онъ пошелъ по своей волѣ и получилъ выгоду. Семья его обезпечена, онъ хорошо вооруженъ и экипированъ, а правительству все вооруженіе не стоитъ ни гроша. Лучше такого порядка ничего быть не можетъ. И отъ души похохоталъ я, когда, воротившись въ Пруссію, услышалъ отъ нашихъ плацъ-парадныхъ педантовъ мнѣніе, что лучше было бы ввести больше порядка въ эти сборы. Скоро дождались бы вы тогда полковъ и хорошо были бы они вооружены!

„Вся область уральскихъ казаковъ составляетъ одну общину и въ хозяйственномъ, и въ военномъ, и въ гражданскомъ отношеніи; центръ этой общины—Уральскъ; глава ея—атаманъ. Отдѣльныя села—станицы—вовсе не имѣютъ отдѣльнаго общиннаго хозяйства, но вся казацкая община имѣетъ одно общее хозяйство.

„Хозяйственныя отношенія этихъ казаковъ чрезвычайно замѣчательны. Основаніемъ всякаго права на владѣніе служитъ та же самая русская семья, о которой мы столько разъ говорили, ея развитіе—община и общее владѣніе, ей принадлежащее. Потому здѣсь нѣтъ никакого частнаго поземельнаго владѣнія, а на пространствѣ 700 и 800 верстъ, все составляетъ общее достояніе 50,000 человѣкъ. Интересенъ въ этомъ отношеніи преимущественно сѣнокосъ. Не только отдѣльные казаки не имѣютъ отдѣльныхъ владѣній, но и села ихъ не имѣютъ отдѣльныхъ луговъ: а всѣ луга остаются искони въ общемъ владѣніи цѣлой великой казацкой общины. Покосъ состоитъ подъ надзоромъ атамана, его помощниковъ и станичныхъ офицеровъ.

„Атаманъ назначаетъ день, когда долженъ начаться покосъ, большею частію 1 іюня. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть значительные луга, присутствуетъ офицеръ, какъ надзиратель. Каждый служащій казакъ идетъ, куда хочетъ, и выбираетъ себѣ мѣсто, которое хочетъ косить и траву котораго онъ хочетъ себѣ присвоить. Въ ночь наканунѣ этого дня они всѣ уже на своихъ мѣстахъ. Съ восходомъ солнца офицеръ даетъ знакъ, и каждый начинаетъ косить свое мѣсто. Но въ тотъ день онъ коситъ только кругъ около этого мѣста, *обкашиваетъ*, какъ это у нихъ называется. Что лежитъ внутри круга, становится черезъ это обкашиваніе его собственностію. Онъ можетъ потомъ на слѣдующіе дни спокойно выкашивать все въ этомъ кругѣ при помощи своей семьи.

Много разсчета и сноровки нужно, чтобы взять кругъ въ настоящую мѣру. Если казакъ разойдется слишкомъ широко, то сосѣдніе косцы вкосятся въ ту сторону круга, которую онъ не успѣлъ еще обкосить. И такъ задача въ томъ, чтобы обкосить возможно большій кругъ и въ концѣ придти прямо къ началу его. Онъ работаетъ съ неимовѣрнымъ напряженіемъ силъ; едва отрывается отъ работы, чтобы выпить глотокъ воды, потому что къ закату солнца дѣло уже кончается, и каждый долженъ взять во владѣніе свой участокъ обкоскою его. До 1 іюня никто не можетъ выкосить ни малѣйшаго мѣстечка въ лугахъ, ни у кого даже не должна быть навязана на ручку коса: иначе, онъ лишается своего участка въ покосѣ.

„И рыболовство дѣлается по такимъ же правиламъ. Оно распредѣлено по извѣстнымъ временамъ: на зиму, на весну, на осень. Кто осмѣлится прежде поймать хотя одну рыбу, тотъ также лишается на годъ своей части. Зимою назначается атаманомъ день рыболовства, и начало ему дѣлается въ 8 верстахъ отъ Уральска. Тамъ собираются за-ночь наканунѣ всѣ служащіе казаки, каждый съ длиннымъ багромъ и пешнею; у каждаго есть лошадь и сани подъ присмотромъ кого-нибудь изъ семьи, но этотъ погонщикъ не смѣетъ участвовать въ самой ловлѣ. Казаки стоятъ у берега, каждый уже выбралъ себѣ мѣсто и ждетъ знака. Раньше, чѣмъ данъ знакъ, никто не смѣетъ ступить на ледъ, иначе теряетъ на день право ловли. Дается сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, и въ тотъ мигъ все бросается стремглавъ на рѣку, каждый отыскиваетъ свое мѣсто, пробиваетъ пешнею прорубь и бьетъ багромъ рыбу. Она лежитъ въ рѣкѣ такъ плотно, что въ хорошемъ мѣстѣ каждый ударъ бываетъ удаченъ. Семья казака, оставаясь на берегу, перетаскиваетъ пойманную рыбу на сани, помогаетъ ему сколько можетъ, но на ледъ ходитъ только служащій казакъ. Послѣ того каждый день впродолженіе трехъ недѣль спускаются все ниже и ниже по рѣкѣ, на 400 и 500 верстъ, продолжая ловлю въ такомъ же порядкѣ. Лѣтняя и осенняя ловля продолжается каждая по шести недѣль на лодкахъ и начинается также по сигналу.

„На замѣчанія, какія слышалъ я въ Пруссіи, относительно этихъ оригинальныхъ обычаевъ, столь рѣзко противорѣчащихъ нашимъ западнымъ европейскимъ, я долженъ сказать, что правительство русское справедливо соблюдаетъ величайшую осторожность, не измѣняя всего этого устройства. Если бы въ угодность прусскимъ педантамъ начать вводить у Уральскихъ казаковъ порядокъ службы, свойственный регулярнымъ войскамъ, напримѣръ: отмѣнить добровольное соглашеніе о томъ, кому идти въ походъ, и тому подобное, этимъ было бы начато жесточайшее притѣсненіе и совершенное разрушеніе естественныхъ отношеній ихъ быта. Если бы въ угодность прусскимъ педантамъ начать вводить другіе гражданскіе обычаи, напримѣръ: раздѣлить навсегда поля по отдѣльнымъ общинамъ, или по отдѣльнымъ людямъ, педантически организовать рыбную ловлю и тому подобное, то этимъ совершенно былъ бы убитъ превосходный общій духъ и все несравненное на своемъ мѣстѣ устройство цѣлой области. Тогда пришлось бы имѣть состоящихъ на жалованьѣ чиновниковъ, открылось бы широкое поле злоупотребленіямъ, притѣсненіямъ взяточничеству, между тѣмъ, какъ теперь управленіе легко, чрезвычайно дешево и не вовлекаетъ ни въ какія запутанности, и при этомъ никакое племя не приноситъ правительству такъ много пользы и услугъ, какъ племя и область уральскихъ казаковъ; потому-то и примѣню къ нимъ я въ заключеніе извѣстный афоризмъ: „Sint ut sunt aut non sint“—пусть будетъ, какъ есть, или ничего не будетъ “. (III, 152.)

Тутъ опять необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній, отчасти для предупрежденія недоразумѣній относительно нашего взгляда на вещи, отчасти для объясненія истиннаго смысла подробностей, представляемыхъ разсказами Гакстгаузена.

Прежде всего скажемъ, что мы не считаемъ устройства Уральской области идеаломъ человѣческихъ обществъ и нимало не намѣрены обращать французовъ или нѣмцевъ въ уральскихъ казаковъ — пусть себѣ живутъ, какъ хотятъ— они сами лучше насъ могутъ знать, какъ имъ лучше жить. Мы даже не огорчаемся и тѣмъ, что жители Орловской или Курской губерніи, предки

которыхъ вѣроятно хозяйничали на манеръ Уральскихъ казаковъ, бросили этотъ способъ хозяйства,—показалось имъ, что лучше бросить его,—ну, и прекрасно: вѣроятно, они сами знали, что для нихъ лучше. Мы только хотимъ показать, что при различныхъ обстоятельствахъ условія экономическія бываютъ очень различны, и что не годится никому изъ насъ говорить съ высоты своего величія: „это невозможно; это мечта!“ — Мы хотимъ также показать, что обычаи, безполезные или даже вредные при однихъ обстоятельствахъ, могутъ быть выгодными при другихъ.

Вотъ, напримѣръ, если уральцы доживутъ въ нынѣшнемъ своемъ устройствѣ до того времени, когда введены будутъ въ хлѣбопашество машины, подобныя по силѣ своего дѣйствія ткацкимъ машинамъ (какъ введены уже машины подобнаго рода для молотьбы хлѣба и для обращенія зерна въ муку,—„Экономическій Указатель“ вѣроятно не будетъ отрицать ни молотилокъ, ни водяныхъ мельницъ), — когда будутъ введены подобныя очень сильныя машины для хлѣбопашества, то уральцы будутъ тогда очень рады, что сохранилось у нихъ устройство, допускающее употребленіе такихъ машинъ, требующихъ хозяйства въ огромныхъ размѣрахъ, на сотняхъ десятинъ. Въ настоящее время приноситъ имъ, быть можетъ, не очень много положительной пользы то, что они не дѣлятъ землю на участки, а тогда окажется очень выгоднымъ для нихъ то обстоятельство, что они не пріобрѣли обычая, препятствующаго во Франціи соединенію мелкихъ земледѣльцевъ для общинной обработки земли, которая во Франціи уже оказывается очень выгодною, но не вводится потому, что французы пріобрѣли очень сильную привычку къ другому способу пользованія землею, — способу, въ свое время бывшему очень выгоднымъ, а въ настоящее время оказывающемуся менѣе выгоднымъ, нежели заведеніе большихъ хозяйствъ. Но тутъ мы все разсуждаемъ, только для примѣра, о томъ, какъ будутъ думать Уральскіе казаки въ будущее время, которое еще неизвѣстно, когда прійдетъ (хотя успѣхи механики и технологіи несомнѣнно доказываютъ, что такое время прійдетъ) -до слишкомъ отдаленнаго будущаго времени намъ нѣтъ дѣла: наши пра-пра-пра-внуки вѣроятно съумѣютъ прожить на свѣтѣ и своимъ умомъ, безъ нашихъ заботъ — довольно будетъ того, если мы станемъ заботиться о себѣ и своихъ дѣтяхъ,—обратимся же отъ этого предположенія о будущемъ Уральскихъ казаковъ, имѣющаго цѣлью только пояснить, какъ съ измѣненіемъ обстоятельствъ могутъ мѣняться потребности, полезное можетъ дѣлаться вреднымъ, безполезное полезнымъ, — обратимся отъ этого предположенія о будущемъ къ настоящему, и настоящему не однихъ Уральскихъ казаковъ, а всего русскаго населенія.

Было время, когда общинное владѣніе могло казаться не представляющимъ особенныхъ выгодъ, какъ теперь представляется не имѣющимъ особенныхъ выгодъ обычай уральскихъ казаковъ не дѣлить землю на участки. Но какъ могутъ прійти обстоятельства, когда этотъ обычай уральскихъ казаковъ сдѣлается выгоднымъ для ихъ благосостоянія, такъ уже пришли обстоятельства, въ которыхъ общинное владѣніе оказывается очень выгоднымъ для благосостоянія русскаго народа. Эти обстоятельства, какъ мы уже много разъ говорили, заключаются въ характерѣ, принимаемомъ экономическимъ

развитіемъ. Въ Западной Европѣ уже оказалось, что если при новѣйшемъ развитіи силы капитала вся земля, принадлежащая націи, обращена въ частную собственность, переходящую изъ рукъ въ руки по закону безграничной конкурренціи капиталовъ, то большинство земледѣльцевъ превращается въ пролетаріевъ, то есть, переставая имѣть собственное хозяйство, дѣлается сословіемъ батраковъ, выходъ изъ котораго чрезвычайно труденъ даже для отдѣльныхъ лицъ, не только для цѣлаго сословія.

Но возвратимся къ Уральскимъ казакамъ. Не для этой параллели ихъ обычая не дѣлить землю съ общимъ обычаемъ другихъ областей дѣлить землю, привели мы эпизодъ о нихъ—нѣтъ, главная цѣль наша была выставить на видъ другое обстоятельство. Не сельско-хозяйственными обычаями уральцевъ мы восхищаемся — эти обычаи сами по себѣ не кажутся намъ ни вредными, ни особенно благотворными въ настоящее время, благотворность ихъ еще въ отдаленномъ будущемъ, о которомъ не намъ заботиться, а нашимъ потомкамъ, —нѣтъ, есть другая сторона въ томъ порядкѣ жизни, изъ котораго возникли ихъ сельско-хозяйственные обычаи, и эта сторона справедливо очаровываетъ Гакстгаузена. Мы говоримъ о мудрой системѣ, которой держится наше правительство относительно ихъ, предоставляя домашнія дѣла ихъ собственной заботѣ: „пусть себѣ сами улаживаются, какъ имъ удобнѣе“, говоритъ наше правительство, и мы просимъ читателя обратить вниманіе на блистательные, поразительные результаты, производимые этою мудрою системою нашего правительства: какъ дешево обходится правительству управленіе уральскими казаками по такой системѣ! Какъ быстро и исправно исполняютъ они при этой системѣ обязанности, которыхъ невозможно было бы исполнить ни при какой другой системѣ!

Мудрость правительства есть великое счастіе и для народа и для самого правительства.

Выше мы говорили только о благотворности общиннаго владѣнія землею, котораго потребность ощущается въ настоящее время повсюду въ Россіи чрезвычайно сильнымъ образомъ: ни вчерашнимъ, ни завтрашнимъ нынѣ сытъ не будешь: мы заботимся о настоящихъ потребностяхъ, а не о томъ, что было нужно триста лѣтъ тому назадъ, или будетъ нужно черезъ триста лѣтъ впередъ. Потому мы ничего не говорили о общинномъ союзѣ для производства работъ, потребность котораго, конечно, со временемъ будетъ чрезвычайно сильна въ Россіи, какъ теперь уже чрезвычайно сильна въ Западной Европѣ. Теперь эта потребность чувствуется въ Россіи еще не повсюду; но общинный духъ, сохранившійся у насъ благодаря общинному владѣнію землею, такъ свѣжъ и силенъ, что общинное производство работы, это дѣло столь трудно исполнимое на Западѣ, у насъ безъ всякихъ хлопотъ дѣлается тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда становится нужно. Вотъ примѣръ изъ Гакстгаузена:

„Пашутъ здѣсь (въ селѣ Надовкѣ, въ заволжской части Саратовской, нынѣ въ Самарской губерніи) тяжелымъ плугомъ, въ который запрягаются большею частію волы, двѣ или три пары; а когда поднимается новь, то пять паръ. Натурально, не въ каждомъ хозяйствѣ есть десять воловъ, потому крестьяне пашутъ сообща, и плужные волы считаются, такъ сказать, общинной собственностью цѣлой деревни, такъ что равно

должны пахать на всѣхъ. Прежде деревня имѣла 24 плуга съ полной упряжью и 240 воловъ. Неурожаи уменьшили число скота, и нынѣ остается только 100 воловъ". (II, 23).

Неистощимую, вѣчно живую и свѣжую почву всѣхъ возможныхъ улучшеній представляетъ наше общинное владѣніе землею; неистощимый запасъ національнаго благосостоянія и государственнаго процвѣтанія находится въ немъ. Одно только нужно, чтобы началось для нашего царства время невиданнаго на землѣ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ такомъ стройномъ порядкѣ общаго благоденствія великой Державы и всѣхъ дѣтей ея: нужно только одно то, чего желалъ нѣкогда Шторхъ, о чемъ говорилъ онъ нѣкогда своимъ Державнымъ Воспитанникамъ: да идетъ наша держава по пути экономическихъ улучшеній *), и да совершитъ Александръ II дѣло, начатое Александромъ I и Николаемъ I.

Заключимъ наши извлеченія изъ Гакстгаузена тѣми размышленіями, которыми заключаетъ онъ свой трактатъ о сельскохозяйственныхъ учрежденіяхъ Россіи.

„Русское общинное устройство, описанное нами выше, безконечно важно для Россіи, особенно въ настоящее время, въ государственномъ отношеніи. Всѣ западноевропейскія государства страдаютъ одною болѣзнью, исцѣленіе которой доселѣ остается неразрѣшимою задачею—они страдаютъ пауперизмомъ-пролетаріатствомъ. Россія не знаетъ этого бѣдствія; она предохраняется отъ него своимъ общиннымъ устройствомъ. Каждый русскій имѣетъ и родную землю и право на участокъ ея. И если самъ онъ лично откажется отъ этого участка, или потеряетъ его, то за дѣтьми его остается право въ качествѣ членовъ общины самостоятельно требовать себѣ участка. Принципъ такого устройства одинаковъ по всей Россіи, потому что онъ самъ собою, безъ всякихъ внѣшнихъ мѣръ развился изъ основнаго характера русской націи. Я выражу слабо свою мысль, если скажу, что считаю не болѣе, какъ опаснымъ дѣломъ всякую попытку разрушить или хотя бы измѣнить въ чемъ нибудь существенномъ этотъ принципъ. Государственное достоинство русскаго поземельнаго принципа до такой степени превосходитъ своею важностью всѣ его невыгоды, что никакимъ образомъ невозможно и сравнивать съ ними этого преимущества. При томъ я думаю, что невыгодныя слѣдствія этого принципа могутъ быть устранены многими способами, не касаясь самого принципа. Напримѣръ, они могли бы быть, вѣроятно, устранены тѣмъ, если бы употреблено было вниманіе на то, чтобы возстановить, особенно въ маленькихъ общинахъ, или посредствомъ раздѣленія большихъ общинъ на маленькіе союзы, первобытный способъ, чрезъ уничтоженіе дѣлежа земли и возстановленіе общаго труда при хлѣбопашествѣ. Я считаю это возможнымъ у народа, столь привыкшаго слѣдовать духу общинной власти. Что при такомъ общемъ воздѣлываніи земли хлѣбопашество можетъ быть производимо гораздо лучше и раціональнѣе, и что никто не потерпитъ обиды отъ того, когда раздѣлъ земли замѣнился бы раздѣломъ жатвы на полѣ, кажется мнѣ несомнѣнно" **). (III, 151).

*) Storch, Russland unter Alexander I. Томъ 5-й, XIV книжка, стр. 90.

**) Это мнѣніе Гакстгаузена, человѣка совершенно далекаго отъ всякой мечтательности и всѣми силами души ненавидящаго то, что называетъ онъ коммунистическими бреднями, такъ важно, что мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь подлинныя слова его, чтобы никто не могъ предположить, что мы хотя сколько нибудь измѣнили ихъ точный и опредѣлительный смыслъ: „Auch glaube ich, dass man die nachtheiligen Folgen noch auf mehrere andere Weisen aufheben oder modificieren könnte, ohne jenes Princip zu zerstören, z. B. vielleicht eben dadurch, dass man den ursprünglichen Zustand namentlich bei kleinen Gemeinden, oder Abtheilungen grösserer wieder herzustellen, suchte, nämlich durch Aufhebung der Landtheilungen und Wiederherstellung des gemeinsamen Ackerbaues. Ich halte dies bei einem Volke für möglich, das

Но это послѣднее улучшеніе—дѣло будущаго. Нынѣ лежатъ на насъ другія дѣла, и при совершеніи ихъ надобно помнить одно: тѣ измѣненія, которыя необходимо должны произойти вслѣдствіе начинающагося участія нашей страны въ экономическомъ движеніи Западной Европы, должны произойти такъ, чтобы наши поселяне, сохраняя свое общинное владѣніе, были предоставлены собственному разсудку въ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ.

so gewöhnt ist der Autorität zu folgen. Dass bei einemsolchen gemeinsamen Ackerbau derselbe viel besser und rationeller betrieben werden könnte und dass Niemand dabei leiden würde, wenn statt der Theilung des Landes eine Theilung der Ernte auf dem Felde einträte, scheint mir nicht zweifelhaft.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Іюнь 1857.

„О распространеніи знаній въ Россіи“, Ламанскаго.—„L'ancien régime“, Токвиля и „De l'avenir politique de L'Angleterre“, Монталамбера. — „Физіологія общества“, Безобразова.—Объ учрежденіи въ Петербургѣ общества для улучшенія помѣщеній рабочаго населенія.

По поводу статьи г. Ламанскаго „О распространеніи знаній въ Россіи“, мы получили нѣсколько писемъ отъ нашихъ читателей. Всѣ отдаютъ полную справедливость прекрасной основной мысли г. Ламанскаго и выражаютъ сочувствіе къ дѣлу, необходимость и великую пользу котораго онъ доказываетъ. Въ нѣкоторыхъ изъ писемъ дѣлаются, болѣе или менѣе основательныя, замѣчанія о подробностяхъ проекта, составленнаго г. Ламанскимъ, который, сообразивъ эти мысли съ замѣчаніями, выраженными въ журналахъ, намѣренъ сказать свое мнѣніе о томъ, какія изъ предлагаемыхъ дополненій его проекта кажутся ему дѣйствительно полезными и возможными. А между тѣмъ мы печатаемъ одно изъ присланныхъ намъ писемъ.

Сказавъ въ началѣ, что дѣло, указываемое г. Ламанскимъ, чрезвычайно важно и благотворно, авторъ письма продолжаетъ:

„Г. Ламанскій не коснулся тѣхъ отношеній, въ которыя, для пользы литературы, Общество Распространенія Знаній должно поставить себя къ изданіямъ, предпринимаемымъ частными людьми, — конечно, онъ не говорилъ объ этихъ отношеніяхъ потому только, что считалъ ихъ слишкомъ ясными. Но, вѣроятно, полезно было бы съ самаго начала опредѣлить ихъ положительнымъ образомъ.

„Если устроится Общество Распространенія Знаній, то во всякомъ случаѣ дѣятельность его будетъ гораздо обширнѣе, а средства его гораздо значительнѣе, нежели средства и дѣятельность частныхъ лицъ, занимающихся нынѣ изданіемъ книгъ въ томъ родѣ, какія будетъ издавать Общество. Если бы оно при своихъ дѣйствіяхъ не обращало вниманія на предпріятія частныхъ людей, то конечно могло бы своимъ соперничествомъ ослабить ихъ дѣятельность. А частная предпріимчивость по литературному дѣлу до сихъ поръ еще такъ слаба у насъ, что легко повредить ей. И такъ какъ дѣя-

тельность Общества не можетъ избѣжать соприкосновеній съ частными изданіями, то и необходимо для пользы литературы, чтобы со стороны сильнѣйшаго дѣятеля, каково Общество, эти соприкосновенія были оживлены духомъ всевозможной готовности помогать и содѣйствовать,—только въ такомъ случаѣ дѣятельностью Общества не ослабится, а усилится и ободрится частная предпріимчивость и охота къ труду.

„Нельзя сказать, что у насъ слишкомъ мало людей, желающихъ трудиться или уже трудящихся надъ переводами ученыхъ или популярныхъ иностранныхъ сочиненій, или надъ оригинальными сочиненіями по разнымъ отраслямъ науки: г. Ламанскій справедливо указываетъ на то, что много трудовъ въ этомъ родѣ совершается гораздо болѣе, нежели издается: по недостатку средствъ къ изданію у автора, или по недостатку предпріимчивыхъ издателей, гораздо болѣе такихъ трудовъ безплодно остается въ рукописи, нежели появляется въ печати. Изъ людей, трудящихся такимъ образомъ, многіе бываютъ готовы даже безъ всякаго вознагражденія отдать свою рукопись издателю, лишь бы только принести публикѣ пользу своимъ трудомъ, но и на такомъ слишкомъ выгодномъ для издателя условіи часто не находятъ издателя. Частная предпріимчивость у насъ слишкомъ робка, по недостатку увѣренности въ томъ, что распродажею изданія окупятся издержки печати.

„Общество должно отвратить это препятствіе, принимая на себя или обезпеченіе распродажи извѣстнаго количества экземпляровъ тѣхъ частныхъ изданій, которыя найдетъ полезными для публики, или даже услуги по издательству.

„Конечно, многіе изъ писателей найдутъ удобнѣйшимъ для себя или трудиться по порученію Общества, или прямо уступать ему свои рукописи за приличное вознагражденіе. Но многіе, вѣроятно, предпочтутъ сами быть издателями своихъ переводовъ или сочиненій —и Общество должно оказывать имъ всевозможную помощь.

„Изданіе рукописи авторомъ, переводчикомъ или книгопродавцемъ обыкновенно затрудняется сомнѣніями въ томъ, будутъ ли въ скоромъ времени покрыты издержки печатанія распродажею книги—Общество должно въ этомъ случаѣ принимать на себя такое обезпеченіе. Нужно только, чтобы книга, предполагаемая къ изданію, была полезна, а писатель или книгопродавецъ, желающій напечатать ее, внушалъ Обществу довѣріе, что удовлетворительнымъ образомъ исполнитъ предпріятіе, за которое берется. Удостовѣриться въ первомъ очень легко—программа книги уже достаточно обнаруживаетъ, какой пользы можно ожидать отъ книги; во второмъ удостовѣриться можно также легко: имя писателя, пользующагося извѣстностью дѣльнаго человѣка по тому предмету, за который онъ берется, и извѣстность книгопродавца, какъ издателя частнаго и аккуратнаго, уже достаточно обезпечиваетъ Общество.

„И такъ, когда какой либо писатель или переводчикъ, обладающій, по общему мнѣнію публики, качествами, нужными для удовлетворительности предпринимаемаго имъ полезнаго труда, объявляетъ Обществу, что желаетъ предпринять такой-то трудъ, если Общество возьметъ у него извѣстное чи-

сло экземпляровъ издаваемой имъ книги, — Общество со всею готовностью приметъ на себя это обязательство. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло, по своей особенной полезности, заслуживаетъ особеннаго одобренія, Общество можетъ даже впередъ выдавать заимообразно писателю или переводчику часть суммы, нужной для напечатанія книги, или принимать на себя передъ типографщикомъ обязательство въ уплатѣ этой суммы по напечатаніи книги.

„Можетъ быть отношеніе еще болѣе тѣсное. Только для людей, живущихъ въ столицахъ, да и то для немногихъ, только уже привыкшихъ имѣть сношенія съ типографіями и книгопродавцами, удобно бываетъ печатать книгу на свой счетъ. Люди, живущіе въ провинціяхъ, вовсе лишены удобства сами заняться изданіемъ своихъ книгъ. Общество можетъ принимать на себя эту обязанность.

„Въ томъ и другомъ случаѣ, беретъ ли на себя Общество извѣстное число экземпляровъ книги, издаваемой частнымъ лицомъ, или беретъ на себя самое изданіе книги, авторъ или переводчикъ которой желаетъ удержать за собою полную собственность на это изданіе; — въ томъ и другомъ случаѣ условія, на которыхъ Общество оказываетъ содѣйствіе этому частному предпріятію, должны быть таковы, чтобы человѣку, пользующемуся содѣйствіемъ Общества, вполнѣ предоставлялись всѣ тѣ выгоды, какія можетъ принести изданіе; Общество въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ въ виду единственно содѣйствіе развитію литературы и не ищетъ въ нихъ никакой денежной прибыли для себя, такъ что при своихъ разсчетахъ не полагаетъ даже никакого процента на затрачиваемый капиталъ. При покупкѣ экземпляровъ оно уплачиваетъ автору или переводчику ту самую цѣну, по которой должна продаваться его книга (то есть не беретъ такъ называемыхъ книгопродавческихъ процентовъ за коммиссію); при выдачѣ заимообразно денегъ на напечатаніе книги, принимаетъ уплату по произволу автора или деньгами безъ всякихъ процентовъ, или экземплярами изданной книги по продажной ихъ цѣнѣ; наконецъ, при напечатаніи книги на счетъ Общества, Общество полагаетъ тѣ самыя цѣны, какія авторъ долженъ былъ бы заплатить въ типографію, если бы печаталъ книгу не въ долгъ, а на наличныя деньги.

„Конечно, слѣдуя такому принципу, Общество терпитъ нѣкоторый убытокъ (отчасти на расходы по веденію того дѣла, въ которомъ становится посредникомъ, отчасти на процентахъ съ затрачиваемаго капитала); но эти убытки незначительны: они по приблизительному разчисленію не могутъ простираться и до 5 процентовъ съ употребленныхъ Обществомъ на эти дѣла суммъ. Такая незначительная потеря въ общемъ движеніи суммъ Общества покрывается выгодами, которыя приносятъ ему собственныя его изданія, и въ тысячу разъ вознаграждается тою пользою, какую приноситъ это совершенно безкорыстное участіе въ частныхъ предпріятіяхъ развитію литературы, ободряя и вызывая частную предпріимчивость.

„Такъ какъ экземпляры принимаются Обществомъ по ихъ продажной цѣнѣ безъ всякихъ процентовъ за коммиссію, то автору не приноситъ ни малѣйшаго стѣсненія единственное условіе, которое нужно для возвращенія Обществу денегъ, выданныхъ въ заемъ или заплаченныхъ въ типографіи, именно то условіе, что экземпляры, купленные или взятые въ уплату долга

Обществомъ, первые поступаютъ въ продажу, и экземпляры, остающіеся у автора, поступаютъ въ продажу уже тогда, когда распроданы экземпляры, взятые Обществомъ. Это условіе, принимаемое основаніемъ всякой продажи значительнаго числа экземпляровъ при сдѣлкахъ между авторомъ и частнымъ книгопродавцемъ, не будетъ служить ни малѣйшимъ стѣсненіемъ, а, напротивъ, будетъ приносить прямую выгоду автору, потому что Общество беретъ у него экземпляры безъ вычета процентовъ и, слѣдовательно, платитъ ему дороже, нежели книгопродавцы.

„Но какъ велики суммы, нужныя Обществу для такого содѣйствія частнымъ предпріятіямъ? Публикѣ вообще мало извѣстны цѣны, которыхъ стоитъ самое изданіе книги, и многіе, быть можетъ, вообразятъ, что пособіе изданію частныхъ трудовъ потребуетъ слишкомъ большихъ затратъ со стороны Общества. Изъ слѣдующаго приблизительнаго разсчета можно видѣть, что капиталъ, достаточный для очень сильнаго содѣйствія издательству книгъ частными лицами, вовсе не такъ значителенъ, какъ можетъ казаться людямъ, незнакомымъ съ типографскими цѣнами. Вотъ приблизительная смѣта расходовъ на изданіе одного тома въ 25 печатныхъ листовъ (400 страницъ) въ форматѣ „Отечественныхъ Записокъ“, „Русскаго Вѣстника“ или „Современника“, по петербургскимъ цѣнамъ, въ количествѣ A) 1,200 экземпляровъ, B) 2,400 экземпляровъ и C) 9,600 экземпляровъ.

A) *Изданіе въ 1,200 экземпляровъ.*

1)	Наборъ и печатаніе по 12 руб. за листъ . . .	300 р.—к.
2)	Бумага по 3 руб. за стопу (эта бумага достоинствомъ своимъ близка къ бумагѣ, на которой печатаются журналы), всего $62^1/_2$ стопы . . .	187 „ 50 „
3)	Чтеніе корректуры по 1 руб. за листъ . . .	25 „ — „
4)	Обертка для 1,200 экз. около	7 „ 50 „
5)	Брошюровка по $2^1/_2$ коп.	30 „ — „
	Итого . . .	550 р.— к.

B) *Изданіе въ 2,400 экземпляровъ.*

1)	Наборъ и печатаніе по 16 руб. за листъ. . . .	400 р.
2)	Бумага 125 стопъ.	375 „
3)	Чтеніе корректуры.	25 „
4)	Обертка.	10 „
5)	Брошюровка	60 „
	Итого. . .	870 „

C) *Изданіе въ 9,600 экземпляровъ.*

1)	Наборъ и печатаніе по 35 р.	875 р.
2)	Бумага 500 стопъ	1,500 „

3) Чтеніе корректуры.	25 р.
4) Обертка.	33 „
5) Брошюровка.	192 „
Итого . .	2,625 р.

„Московскія цѣны нѣсколько дешевле петербургскихъ.

„Въ числѣ 2,400 экземпляровъ печатаются уже только такія книги, которыя, какъ говорится, расходятся очень сильно; изданіе въ 9.600 экземпляровъ дѣлаются только для учебныхъ книгъ, принимаемыхъ не только въ гимназіи, но и въ уѣздныя училища, или для книгъ въ родѣ „Сельскаго чтенія“. Ни Гоголь, ни Пушкинъ, не издавались въ такомъ числѣ экземпляровъ, тѣмъ менѣе достигала его какая нибудь ученая книга. И такъ, предположивъ, что Общество издастъ или дастъ деньги на изданіе въ теченіе года 50 томовъ по 400 страницъ (или большаго числа книгъ меньшаго объема), мы должны считать, что изъ нихъ развѣ 13 нужно будетъ печатать въ 2,400 экземплярахъ и развѣ 2 въ 9,600 экземплярахъ, а остальныя 35 не понадобится на первый разъ издавать болѣе, нежели въ 1.200 экземплярахъ, и общая сумма расходовъ будетъ такова:

1) 35 томовъ въ 1,200 экземпляровъ. . .	19,250 р.
2) 13 томовъ въ 2,400 экземпляровъ. . .	11,310 „
3) 2 тома въ 9,600 экземпляровъ. . . .	5,250 „
Итого . .	35,810 р.

„Предположивъ, что уплата денегъ со стороны Общества потребуется въ пропорціи двухъ третей этой суммы, и что Общество будетъ дѣйствовать на половину наличными деньгами и на половину кредитомъ, мы увидимъ, что содѣйствовать изданію 50 томовъ, довольно толстыхъ и большаго формата, Общество можетъ, употребивъ отъ 12 до 13 тысячъ рублей, которые возвратятся ему втеченіе того же года съ потерею никакъ не болѣе $5^0/_0$, т. е. 650 руб.

„Если форматъ книги менѣе журнальнаго (какъ обыкновенно бываетъ), расходы изданія конечно менѣе.

„Но для такой операціи необходимо, чтобы книги, издаваемыя Обществомъ, имѣли быстрый и вѣрный расходъ. Да и вообще польза, приносимая Обществомъ, зависитъ не только отъ количества и достоинства издаваемыхъ имъ книгъ, но также и отъ быстраго и обширнаго ихъ распространенія въ публикѣ. Каждый знакомый съ положеніемъ нашей книжной торговли очень хорошо знаетъ, что въ настоящее время тѣ средства, которыми она располагаетъ, ни мало не соотвѣтствуютъ обширности нашего государства и распредѣленію по его пространству людей, читающихъ или желающихъ читать. Только столицы и очень немногіе изъ другихъ губернскихъ городовъ имѣютъ въ настоящее время такіе книжные магазины, въ которыхъ мѣстные жители могли бы безъ замедленія видѣть и покупать вновь выходящія порядочныя книги. Жители всѣхъ остальныхъ провинцій принуждены съ большими издержками и съ большимъ промедленіемъ выпи-

сывать для себя книги изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ; потому, число книгъ, расходящихся въ провинціи, далеко не соотвѣтствуетъ числу людей, которые охотно стали бы покупать книги, еслибъ имѣли ихъ подъ руками. Судя по пропорціи, какая замѣчается между числомъ экземпляровъ журналовъ, получаемыхъ въ столицахъ, и тѣмъ числомъ, какое расходится по провинціямъ, надобно считать, что болѣе нежели двѣ трети людей, для которыхъ чтеніе стало уже потребностію, живутъ въ провинціяхъ. Но пропорція книгъ, расходящихся по провинціямъ, гораздо менѣе, нежели двѣ трети всего числа продаваемыхъ книгъ,—конечно потому, что для жителей провинцій затруднительно знакомиться съ новыми книгами и покупать ихъ.

„Г. К. Аксаковъ въ замѣчаніяхъ на статью г. Ламанскаго говоритъ: „Если дѣло пойдетъ, —чего надобно ожидать, то количество членовъ будетъ огромно и распространено по всей Россіи. Въ такомъ случаѣ, какъ будутъ рѣшать они о достоинствѣ сочиненій? — Съѣзжаться для этого будетъ невозможно, а между тѣмъ, члены, находящіеся внѣ Москвы, могутъ имѣть и желаніе и право рѣшать о достоинствѣ сочиненій. Итакъ, намъ кажется всего лучшимъ, чтобы въ каждомъ русскомъ городѣ, гдѣ только будутъ находиться члены, они могли назначать отъ себя выборнаго, одного или двухъ (безъ ограниченія числа), избраннаго изъ ихъ среды, или изъ людей, находящихся въ Москвѣ“. Въ этихъ словахъ несомнѣнно то, что если образуется Общество распространенія Знаній, то дѣйствительно въ каждомъ губернскомъ и въ каждомъ значительномъ уѣздномъ городѣ будетъ находиться по нѣскольку членовъ или даже по нѣскольку десятковъ членовъ Общества. При каждомъ изъ такихъ отдѣловъ очень легко будетъ устроить агентство для продажи книгъ, издаваемыхъ и купленныхъ Обществомъ. Расходовъ не повлечетъ это за собою никакихъ (кромѣ транспортныхъ расходовъ), потому что между торговыми людьми въ каждомъ городѣ можно найти честнаго и вмѣстѣ разсчетливаго человѣка, который сообразитъ, что помѣстить въ своей лавкѣ шкапъ съ книгами будетъ для него выгодно. Само собою разумѣется, что Общество, имѣя одною изъ прямыхъ своихъ цѣлей всяческое содѣйствіе развитію книжной торговли, съ готовностію сдѣлаетъ своимъ агентомъ каждаго, кто уже имѣетъ или найдетъ возможнымъ имѣть книжную лавку въ провинціальномъ городѣ. И конечно, этимъ покровительствомъ значительно облегчится появленіе книжныхъ лавокъ въ такихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ не представлялось къ тому выгодъ.

„Считая 60 губернскихъ и областныхъ и кромѣ того 40 значительныхъ уѣздныхъ городовъ, мы получимъ 100 такихъ пунктовъ, гдѣ будетъ производиться по провинціямъ продажа книгъ, которыми располагаетъ Общество. Полагая среднимъ числомъ расходъ по 5 экземпляровъ въ каждомъ изъ такихъ агентствъ или магазиновъ втеченіе года, мы получимъ, что Общество будетъ имѣть въ провинціяхъ вѣрный сбытъ до 500 экземпляровъ каждой изданной или продаваемый имъ книги. Конечно, въ нѣкоторыхъ агентствахъ продажа будетъ менѣе принимаемой нами средней цифры, но за то въ 30 или 40 значительныхъ провинціальныхъ городахъ, имѣющихъ болѣе 20,000 жителей, продажа будетъ въ пять и болѣе разъ значительнѣе принимаемой нами цифры. Полагая для столицъ расходъ въ половину

противъ сбыта въ провинціяхъ, мы найдемъ, что Общество можетъ навѣрное разсчитывать на распродажу втеченіе года 750 экземпляровъ каждой изданной или пріобрѣтенной имъ книги. Эта цифра есть minimum распродажи. Даже и въ настоящее время, при всей недостаточности средствъ нашей книжной торговли, продажа 1000 экземпляровъ втеченіе года не считается продажею сильною. При увеличеніи же удобствъ къ пріобрѣтенію книгъ для жителей провинцій, такая распродажа конечно будетъ относиться только къ книгамъ наименѣе интереснымъ для большинства публики; а каждая книга, имѣющая хотя сколько нибудь общаго интереса, будетъ расходиться менѣе, нежели въ годъ, въ количествѣ болѣе значительномъ.

„Положимъ теперь, что Общество будетъ помогать изданію книгъ, назначенныхъ въ продажу по цѣнѣ самой умѣренной, именно: за томъ оригинальнаго сочиненія въ 25 листовъ журнальнаго формата (или 30 листовъ — 480 страницъ обыкновеннаго книжнаго формата въ 8-ую долю листа)— 1 руб. 50 коп. сер., а за переводный томъ такой же величины — 1 руб. сер. Въ такомъ случаѣ для возвращенія Обществу всѣхъ издержекъ на изданіе потребуется продать: 550 экземпляровъ переводной книги, изданной въ числѣ 1200 экземпляровъ, и 870 экземпляровъ переводной книги, напечатанной въ числѣ 2400 экземпляровъ; 370 экземпляровъ оригинальнаго сочиненія, изданнаго въ количествѣ 1200 экземпляровъ, и 580 экземпляровъ, если сочиненіе издано въ числѣ 2400 экземпляровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что годичная продажа будетъ гораздо значительнѣе этой цифры, и такимъ образомъ до истеченія года Общество не только возвратитъ всю сумму, затраченную на изданіе, но и можетъ, если то будетъ угодно автору или переводчику, купить у него по распродажѣ долговыхъ экземпляровъ значительное количество экземпляровъ съ уплатою ему наличными деньгами полной продажной цѣны.

„Отъ этихъ коммерческихъ разсчетовъ, къ которымъ привела насъ мысль о необходимости, чтобы Общество Распространенія Знаній помогло развитію частной, независимой отъ него литературной дѣятельности, обратимся къ предположеніямъ о дѣйствіяхъ самого Общества.

„Едва ли нужно говорить, что всевозможнымъ содѣйствіемъ и ободреніемъ развитія независимой отъ Общества литературной дѣятельности, нимало не стѣснится кругъ дѣйствій самого Общества. Задача, предстоящая ему, такъ велика, что всякое новое содѣйствіе со стороны независимыхъ частныхъ лицъ можетъ только усилить Общество и увеличить пользу, имъ приносимую.

„Нѣкоторые думаютъ даже, что задача, поставляемая Обществу г. Ламанскимъ, слишкомъ широка, что можно было бы ограничить кругъ дѣятельности его или однимъ изданіемъ оригинальныхъ популярныхъ руководствъ, или однимъ переводомъ иностранныхъ классическихъ сочиненій; но то и другое дѣло такъ тѣсно между собою связаны, что раздѣленіе ихъ послужило бы только источникомъ неудобствъ и затрудненій. Предположимъ, что Общество хотѣло бы издать хорошее популярное сочиненіе, напримѣръ, объ исторіи Рима или Англіи; русскихъ сочиненій такого рода по всей вѣроятности не найдется готовыхъ, между тѣмъ какъ въ иностранныхъ литера-

турахъ есть уже много книгъ, удовлетворяющихъ этой потребности, такъ что нужно только выбрать лучшія изъ нихъ. И такъ, если Общество дѣйствительно имѣетъ своею цѣлію распространеніе знаній, то главнымъ средствомъ для того, оно необходимо должно почесть переводъ иностранныхъ произведеній. Если бы оно отказалось отъ переводовъ, то чрезвычайно затруднило и замедлило бы свою дѣятельность. Но если представляется Обществу русская рукопись, хорошо излагающая предметъ, о которомъ обществу нужно издать сочиненіе, то неужели Обществу надобно было бы отвергать эту рукопись только потому, что она есть оригинальное сочиненіе, а не переводъ? Цѣль Общества—распространеніе знаній, а потому для него должны быть равно драгоцѣнны всѣ средства, ведущія къ этой цѣли, и ни одно изъ этихъ средствъ не должно быть имъ исключено изъ своей программы.

„Задача Общества многосложна, и потому дѣйствительно необходима организація Общества по отдѣламъ. Мнѣ кажется, что главная черта раздѣленія, принятая г. Ламанскимъ, проведена вѣрно: науки физико-математическія и науки нравственныя дѣйствительно составляютъ двѣ главныя группы знаній: но, кажется мнѣ, внутренняя организація каждаго изъ этихъ двухъ отдѣловъ должна быть опредѣлена съ большею точностію, нежели у г. Ламанскаго. Я не берусь судить объ отдѣлѣ физико-математическомъ, но скажу нѣсколько словъ объ отдѣлѣ наукъ нравственныхъ. Г. Ламанскій предлагаетъ раздѣленіе его на два разряда: философскій и историческій. Историческій дѣлится у него на четыре класса; конечно такое раздѣленіе необходимо и въ разрядѣ философскомъ. Законовѣдѣніе, о которомъ упоминаетъ г. Ламанскій при исчисленіи занятій этого разряда, различается отъ собственной философіи не менѣе, нежели древняя исторія отъ славянской: кромѣ того, г. Ламанскій не назвалъ нѣкоторыхъ другихъ наукъ, имѣющихъ для нашего времени не меньше значенія, нежели логика или психологія: таковы, напримѣръ, статистика, политическая экономія, —онѣ должны составить особый классъ. Нѣкоторыя находятъ, что въ разрядѣ наукъ историческихъ г. Ламанскій напрасно отдѣлилъ русскую исторію отъ западноевропейской, но съ этимъ мнѣніемъ, конечно, не должно соглашаться. Можно только замѣтить, что исторія другихъ славянскихъ племенъ далеко не имѣетъ для нашей публики той важности, какъ исторія Западной Европы и Сѣверной Америки; она должна оставаться не болѣе какъ вспомогательнымъ средствомъ для разъясненія русской исторіи. Видно, впрочемъ, что авторъ спеціально занимается исторіею славянскихъ племенъ, и его пристрастіе къ этому предмету, объясняемое такимъ образомъ, представляется совершенно естественнымъ. Излишняго увлеченія по этому направленію едва ли можно ожидать отъ Общества: кромѣ славянистовъ въ немъ будутъ и другіе ученые по всѣмъ возможнымъ отраслямъ наукъ, и ихъ спеціальныя увлеченія, конечно, будутъ уравновѣшиваться одно другимъ; а большинство членовъ Общества будетъ, конечно, свободно отъ всякихъ излишнихъ пристрастій къ той или другой спеціальности и во всякомъ случаѣ не дастъ дѣятельности Общества уклониться отъ прямой своей цѣли. Общество не будетъ служителемъ какого нибудь частнаго увлеченія, но остается органомъ потребностей нашихъ, и дѣятельность свою будетъ сосре-

доточивать на тѣхъ отрасляхъ знаній, которыя имѣютъ для всей публики наибольшую важность. Такими предметами вообще представляются нынѣ русская исторія, исторія Западной Европы, изученіе русскаго быта и изученіе современнаго западно-европейскаго быта во всѣхъ его проявленіяхъ, политическая экономія и вообще государственныя науки.

„Г. Ламанскій предполагаетъ, что Общество Распространенія Знаній должно быть образовано непремѣнно въ Москвѣ. Если подъ этимъ надобно разумѣть то, что центральный комитетъ Общества долженъ быть въ Москвѣ, то противъ мысли г. Ламанскаго нельзя сказать ничего основательнаго. Независимо отъ соображеній, изложенныхъ г. Ламанскимъ, важно уже то обстоятельство, что Москва находится приблизительно въ центрѣ Европейской Россіи, потому, для большей части провинцій, сношенія съ Москвою удобнѣе нежели съ Петербургомъ, и разсылка изданій Общества по провинціямъ изъ Москвы легче и короче, нежели изъ Петербурга.

„Но если Географическое Общество, кромѣ центральнаго пункта своихъ собраній, имѣетъ еще два мѣстныхъ комитета, то въ Обществѣ Распространенія Знаній число такихъ филіальныхъ учрежденій должно быть еще гораздо значительнѣе. Г. К. Аксаковъ совершенно правъ въ этомъ случаѣ. Въ каждомъ городѣ, имѣющемъ значительное число членовъ Общества, удобно быть мѣстному отдѣленію Общества. Кромѣ Петербурга, всѣ университетскіе города и нѣкоторые изъ другихъ губернскихъ городовъ будутъ имѣть очень важное участіе въ трудахъ Общества.

„Но соглашаясь въ этомъ случаѣ съ господиномъ К. Аксаковымъ, можно кажется оспорить ту его мысль, что члены Общества не должны получать никакого вознагражденія за деньги, уплачиваемыя ими въ кассу Общества. Почему бы не имѣли они права получать на такую же сумму книгъ, издаваемыхъ Обществомъ (по собственному выбору)? При этомъ условіи, я увѣренъ, что число членовъ будетъ въ пять разъ болѣе. Общество не останется отъ того въ убыткѣ: продажная цѣна книги по необходимости всегда бываетъ гораздо выше, нежели издержки на печатаніе лишняго экземпляра книги. Если напечатается 3,000 лишнихъ экземпляровъ книги цѣною въ 1 рубль за экземпляръ, то издержки на эту прибавку не будутъ превышать 15—20 коп. на экземпляръ. Такимъ образомъ вознагражденіе членовъ изданіями Общества на сумму равную платѣ, взносимой каждымъ членомъ, значительно увеличивая число людей, дѣлающихся членами Общества, и съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличивая число книгъ, обращающихся въ рукахъ публики, увеличитъ также и денежныя средства Общества, и даже чистый доходъ его, который, конечно, будетъ оно постоянно употреблять на расширеніе своей дѣятельности, а отчасти можетъ употреблять и на безденежную раздачу учебныхъ руководствъ бѣднымъ ученикамъ общественныхъ школъ, а также различныхъ элементарныхъ книгъ грамотнымъ и недостаточнымъ простолюдинамъ.

„Г. К. Аксаковъ думаетъ, что сумма, взносимая членами Общества, должна быть положена самая умѣренная, и опредѣляетъ ее въ три рубля серебромъ ежегодно. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ умѣреннѣе эта сумма, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ больше будетъ число членовъ Общества.

„Нѣкоторымъ не нравится слово „матица“. Въ самомъ дѣлѣ, на русскомъ языкѣ оно не имѣетъ того смысла, какъ на другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и я не вижу особенной надобности употреблять его. Но пусть это учрежденіе называется „Матицею“, или какимъ нибудь другимъ именемъ болѣе понятнымъ, — изъ-за имени можно и не спорить, лишь бы только учрежденіе было основано на разумныхъ принципахъ и приносило пользу.

„Для печатанія своихъ книгъ Общество, вѣроятно, найдетъ выгоднымъ имѣть собственную типографію, когда расширеніе его средствъ позволитъ обратить часть капитала на устройство этого заведенія.

„Для распродажи книгъ оно, конечно, учредитъ въ Москвѣ центральное депо, чтобы по возможности избѣжать потерь отъ уступки процентовъ за коммиссію“.

Очень часто книга производитъ впечатлѣніе ни мало не соразмѣрное своимъ ученымъ достоинствамъ, благодаря тому, что въ ней разсматривается вопросъ, близкій къ интересамъ публики; въ прошедшемъ году, таковъ былъ успѣхъ сочиненій Токвиля „L'ancien régime“ и Монталамбера „De l'avenir politique de l'Angleterre“. Князь Черкасскій, написавшій объ этихъ книгахъ замѣчательную статью (Р. Бесѣда, томъ 2-й), смотритъ на нихъ именно съ этой точки зрѣнія.

Статья начинается замѣчаніями о современномъ положеніи Франціи, тѣмъ болѣе необходимыми, что у насъ многіе имѣютъ объ этомъ предметѣ понятіе не совсѣмъ правильное.

„Читая объ книги и говоря о нихъ (замѣчаетъ князь Черкасскій), невозможно не предпослать всякому о нихъ разсужденію нѣкоторыхъ первоначальныхъ общихъ замѣчаній, касающихся современнаго состоянія Франціи. Прежде всего насъ поражаетъ свободное, безпрепятственное появленіе и печатаніе во Франціи двухъ такихъ капитальныхъ сочиненій, явно направленныхъ противъ существующаго въ ней нынѣ порядка вещей... Такъ велика уже во Франціи и такъ укрѣпилась въ ней свобода мысли и свобода жизни, которую она добыла себѣ тридцатилѣтнимъ періодомъ правленія Бурбоновъ и Орлеанскаго Дома, что подобное литературное явленіе, даже въ эпоху настоящей диктатуры, проходитъ какъ бы незамѣченнымъ внѣшнею властью, не возбуждая особеннаго полицейскаго ея вниманія. Это явленіе можетъ, конечно, служить замѣчательнымъ признакомъ созрѣвающей общественной жизни во Франціи, какова бы, впрочемъ, ни были судьбы ея въ невѣдомомъ для насъ грядущемъ. Скажемъ болѣе. Этими первоначальными пріобрѣтеніями своими общественная жизнь Франціи не можетъ уже удовлетвориться: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно намъ будетъ привести незаподозримое свидѣтельство одного изъ замѣчательныхъ первоначальныхъ дѣятелей настоящаго наполеоновскаго періода, доктора Верона, въ томъ видѣ, какъ передается намъ оно газетою Le Nord, раскрывшей столбцы свои отрывкамъ изъ одного новаго его произведенія: „Четыре года правленія Наполеона III“. Вотъ подлинныя слова доктора Верона: „Добровольно отказавшись отъ мнимой поддержки, находимой будто бы во всеобщемъ сочувствіи, императоръ (т. е. Наполеонъ III) ясно докажетъ и внутреннимъ политическимъ партіямъ и въ особенности иностранцамъ, какъ велика его сила и увѣренность въ ней. Гдѣ не допускается свободное обсужденіе, гдѣ не позволенъ споръ, тамъ и похвала теряетъ все значеніе свое, а между дѣйствіями четырехлѣтняго правленія императора встрѣчается многое, что по совѣсти можно бы похвалить. Къ тому же этотъ строгій законъ молчанія, наложенный на печать туземную, порождаетъ въ публикѣ лишь живѣйшее сочувствіе и любопытство къ газетамъ иностраннымъ, въ ко-

торыхъ духъ злобы и непріязни доходитъ до клеветы. Я понимаю, что критика, даже благоразумная и умѣренная, можетъ казаться непріятною нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые окружаютъ престолъ, и, утопая въ спокойствіи власти безотчетной, крѣпко стоятъ за то, чтобы никакой шумъ, никакой свободный звукъ извнѣ, не пришелъ бы ихъ смутить. Но во всякомъ случаѣ, налагаемое на журналы и газеты молчаніе, къ сожалѣнію, всегда кидаетъ нравственную тѣнь на личность самого государственнаго вождя". (Р. Бесѣда, Крит. стр. 24).

Въ словахъ Верона есть много справедливаго, хотя самъ Веронъ не принадлежитъ къ людямъ особенно правдивымъ. Дѣйствительно путь, избранный Наполеономъ III, не совершенно выгоденъ для блеска его имени во Франціи: похваламъ, какія читаютъ ему въ своихъ нынѣшнихъ газетахъ, французы вовсе не вѣрятъ, напротивъ охотно вѣрятъ всѣмъ дурнымъ слухамъ, которые съ чрезвычайною быстротою расходятся изустно по Франціи, увеличиваясь при переходѣ изъ департамента въ департаментъ, изъ города въ городъ; изъ этихъ слуховъ очень многіе совершенная клевета—но кто опровергнетъ эту клевету, когда она, хотя всѣмъ извѣстная, укрывается однако отъ гласности? А когда французскія газеты и опровергаютъ тотъ или другой невыгодный для Наполеона III разсказъ, никто имъ не вѣритъ, зная, что онѣ не могли бы назвать этой молвы справедливою, еслибъ она была справедлива. Такимъ образомъ, во французскомъ обществѣ все увеличивается и усиливается невыгодное мнѣніе о Наполеонѣ III, и онъ, хотя имѣетъ на своей сторонѣ справедливость во многихъ случаяхъ, не можетъ разрушить ни одного изъ предубѣжденій, образовавшихся противъ него, потому что лишилъ себя единственнаго средства къ защитѣ своей чести, стѣснивъ гласность во Франціи. Этимъ не ограничивается вредъ, который терпитъ отъ того его имя. Слухи, изустно распространяющіеся во Франціи, переходятъ за границу и появляются въ иностранныхъ газетахъ съ печатью неопровержимой истины: „во Франціи всѣмъ это извѣстно",—говорятъ иностранныя газеты—онѣ проникаютъ во Францію и служатъ для француза новымъ доказательствомъ неоспоримой справедливости того, о чемъ онъ самъ прежде слышалъ и разсказывалъ знакомымъ: „ну вотъ, объ этомъ говорятъ ужъ и за границею, какъ о дѣлѣ извѣстномъ каждому во Франціи: стало быть, это правда". Наполеонъ III очень хорошо знаетъ, какъ много проигралъ онъ относительно добраго мнѣнія о себѣ у каждаго француза, стѣснивъ газеты; онъ знаетъ, что теперь французы считаютъ его человѣкомъ въ десять разъ худшимъ, нежели каковъ онъ на самомъ дѣлѣ и какимъ считали бы его, если бы газеты могли говорить о немъ также свободно, какъ въ свое время говорили о Людовикѣ Филиппѣ, — но ему гораздо интереснѣе имѣть власть, нежели пользоваться выгоднымъ мнѣніемъ о себѣ; ему кажется, что газетныя и парламентскія пренія стѣснили бы его власть или даже подвергли бы его опасности, и потому онъ по возможности стѣснилъ ихъ. Но въ этомъ случаѣ онъ ошибается: его власть вовсе не расширилась отъ того, что онъ стѣснилъ газетныя и парламентскія пренія, и если что сохраняетъ прочность занятаго имъ положенія, такъ именно то, что въ сущности личность его имѣетъ вовсе не такъ много власти во Франціи, какъ можетъ казаться ему и кажется всѣмъ, судящимъ о ходѣ событій по формамъ, посредствомъ которыхъ рѣшаются вопросы, а не по духу, въ кото-

ромъ они рѣшаются. Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ мы противорѣчимъ обыкновенному взгляду, но, быть можетъ, читатель согласится, что мы правы, когда прочтетъ слѣдующія строки.

Людовикъ Филиппъ управлялъ Франціею при безграничномъ просторѣ газетныхъ и парламентскихъ преній, и однако же, если хорошенько всмотрѣться въ событія его правленія, мы увидимъ, что его личная воля имѣла больше вліянія на ходъ французскихъ государственныхъ дѣлъ, нежели воля Наполеона III. При Людовикѣ Филиппѣ, французы нѣсколько разъ сильно желали войны съ Англіею,—Людовикъ Филиппъ не хотѣлъ войны, и войны не было. Французы не хотѣли подчиненія французской политики въ иностранныхъ дѣлахъ англійскому вліянію,—Людовикъ Филиппъ хотѣлъ того, и дѣйствительно, французская политика въ иностранныхъ дѣлахъ подчинялась вліянію англійской. Французы хотѣли расширенія права избирательства въ Палату Депутатовъ,—Людовикъ Филиппъ не хотѣлъ того, и право избирательства не расширялось. Словомъ сказать, какой бы важный государственный вопросъ мы ни взяли изъ французской исторіи въ правленіе Людовика Филиппа, мы увидимъ, что желаніе французовъ было противоположно мнѣнію Людовика Филиппа, и что дѣло всегда было ведено и разрѣшалось именно такъ, какъ хотѣлъ Людовикъ Филиппъ. До сихъ поръ, ни въ одномъ важномъ случаѣ. Наполеонъ III не рѣшался и не могъ поступить такъ противно общему желанію французской націи, какъ Людовикъ Филиппъ. Людовикъ Филиппъ проводилъ всегда свою волю наперекоръ мнѣнію націи. Наполеонъ III до сихъ поръ постоянно долженъ былъ подчиняться этому мнѣнію, и всѣ важныя событія его правленія сообразны съ мнѣніемъ націи. Нація имѣла вражду противъ Англіи за господство Англіи надъ Франціею при Людовикѣ Филиппѣ, и Наполеонъ III первымъ дѣломъ своимъ почелъ грозить войною Англіи. Французская нація имѣла желаніе прославиться на войнѣ и возстановить свое вліяніе на Востокѣ—Наполеонъ III поспѣшилъ, въ союзѣ съ Англіею (которую лично онъ не любитъ), начать войну противъ Россіи (которой лично онъ сочувствуетъ). Точно такъ онъ былъ слугою національной воли во всѣхъ важныхъ событіяхъ своего правленія, между тѣмъ какъ во всѣхъ случаяхъ Людовикъ Филиппъ поступалъ наперекоръ этой волѣ. „Но, быть можетъ, Наполеонъ III самъ лично былъ во всемъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ и не желалъ никогда идти наперекоръ ему?“—Вовсе нѣтъ; во многихъ случаяхъ его личное мнѣніе было противно общему мнѣнію, и въ каждомъ изъ такихъ случаевъ онъ уступалъ, и дѣлалъ наперекоръ себѣ. Напримѣръ, Наполеонъ III—приверженецъ системы свободной торговли; но во Франціи до сихъ поръ господствуютъ протекціонисты—и Наполеонъ III принужденъ былъ отступиться отъ своего желанія значительнымъ образомъ понизить французскій тарифъ. Такихъ случаевъ было много, и ни въ одномъ изъ нихъ личная воля Наполеона III не исполнялась, между тѣмъ какъ личная воля Людовика Филиппа постоянно торжествовала. Итакъ, хотя по формѣ Наполеонъ III имѣетъ гораздо больше власти, нежели Людовикъ Филиппъ, но въ сущности онъ имѣетъ гораздо меньше власти, нежели Людовикъ Филиппъ. Уступая націи конституціонную форму, Людовикъ Филиппъ на самомъ дѣлѣ совершенно самовластно упра-

влялъ Франціею; отнявъ у Франціи эту форму, Наполеонъ III поставилъ себя въ такое шаткое положеніе, что ни въ чемъ важномъ не отваживается поступить самовластно и во всемъ подчиняется власти націи. Одинъ имѣлъ сущность неограниченной власти безъ формы неограниченной власти, другой, погнавшись за формою, утратилъ существенную власть надъ дѣлами.

Такимъ образомъ, если Наполеонъ III, стѣсняя газетныя и парламентскія пренія во Франціи, хотѣлъ пріобрѣсти болѣе сильное личное вліяніе на государственныя дѣла, онъ обманулся и остался въ проигрышѣ: сравнительно съ Людовикомъ Филиппомъ, конституціоннымъ королемъ, Наполеонъ III пользуется лишь незначительнымъ вліяніемъ на дѣла своего государства. „Но по крайней мѣрѣ ему въ самомъ дѣлѣ удалось стѣснить парламентскія и газетныя пренія?“ Нѣтъ; болѣе кажется, что удалось, нежели въ самомъ дѣлѣ удалось: по формѣ, онъ стѣснилъ ихъ, въ сущности — вовсе не могъ стѣснить. Его Законодательное Собраніе кажется просто безмолвнымъ орудіемъ для внесенія въ протоколы засѣданій тѣхъ законовъ, какіе предлагаются этому собранію, — на самомъ же дѣлѣ, это по видимому безмолвное орудіе воли Наполеона ни мало не уступаетъ своею силою шумной Палатѣ Депутатовъ, при Людовикѣ Филиппѣ; что мы говоримъ, не уступаетъ?— мало того, она на дѣлѣ сильнѣе, нежели Палата Депутатовъ. Когда при Людовикѣ Филиппѣ министерство вносило въ Палату Депутатовъ проэктъ какого нибудь важнаго закона, почти не бывало примѣра, чтобы Палата отвергла этотъ проэктъ; а между тѣмъ министровъ, составлявшихъ проэктъ, Людовикъ Филиппъ назначалъ въ сущности по своему выбору, они во всемъ подчинялись его волѣ и составляли проэкты въ томъ духѣ, какъ угодно было Людовику Филиппу. А при Наполеонѣ III Законодательное Собраніе безъ всякихъ шумныхъ преній отвергло довольно много важныхъ проэктовъ, составленныхъ министрами. Да и въ выборѣ министровъ онъ стѣсненъ гораздо больше, нежели Людовикъ Филиппъ. Онъ имѣетъ всю внѣшность власти, но въ сущности власть его ограниченнѣе, нежели власть Людовика Филиппа. Это относительно парламентской силы; а что касается газетныхъ преній, тоже нельзя не видѣть, что газеты, подвергаясь всевозможнымъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, умѣютъ однакоже говорить все то, что хотятъ сказать: если не могутъ сказать прямо, онѣ объясняютъ свою мысль примѣромъ, историческимъ обзоромъ, сличеніемъ цифръ, намекомъ, наконецъ молчаніемъ, и читатель очень хорошо понимаетъ все, что хотятъ ему объяснить, и въ большей части французскихъ газетъ на каждой страницѣ видимъ осужденіе Наполеона III. А если мы вспомнимъ, что въ послѣднее время начали издаваться французскія газеты за границами Франціи, что эти заграничныя газеты читаются во Франціи съ большею жадностью, нежели парижскія, и что онѣ пишутся съ большею прямотою, нежели когда нибудь писались парижскія газеты при Людовикѣ Филиппѣ, то мы совершенно убѣдимся, что Наполеонъ III, всячески стараясь стѣснить газеты, могъ нѣсколько стѣснить ихъ только по формѣ, а въ сущности опять-таки вовсе не успѣлъ прекратить въ нихъ постояннаго порицанія противъ своей политики и своего лица, напротивъ, только раздражалъ, усилилъ это порицаніе и сдѣлалъ его привлекательнѣйшимъ для французской публики, принудивъ его быть хитрымъ.

остроумнымъ, или принудивъ его перенестись за границу, гдѣ отбрасываетъ оно всѣ тѣ условія, которыя должно было соблюдать при Людовикѣ Филиппѣ.

Да, когда всмотришься въ сущность дѣла, то видишь, что Наполеонъ III, стремясь къ тому, чтобы стѣснить парламентскія и газетныя пренія во Франціи, достигъ этой цѣли только по формѣ, а вовсе не на дѣлѣ,— а между тѣмъ, стремясь къ ней, упустилъ изъ рукъ сущность власти, которою пользовался Людовикъ Филиппъ.

Конечно, Наполеону III непріятно то, что стѣсненіе парламентскихъ и газетныхъ преній не расширило его власти; непріятно и то, что даже формальное стѣсненіе этихъ независимыхъ силъ не могло быть имъ доведено до такой степени, какъ ему хотѣлось бы: ему хотѣлось бы совершенно уничтожить формы, напоминающія о временахъ Орлеанской династіи; но въ этомъ случаѣ, онъ ошибается, изъ пристрастія къ формамъ забывая объ условіяхъ прочности власти. Ненавистные ему остатки учрежденій, существовавшихъ при Людовикѣ Филиппѣ, служатъ единственнымъ надежнымъ огражденіемъ прочности правленія даже Наполеона III, который преслѣдуетъ ихъ. Возьмемъ хотя бы недавній случай— выборы въ Законодательное Собраніе. Около половины избирателей не захотѣли подавать голоса и тѣмъ протестовали противъ формъ управленія, введенныхъ Наполеономъ: изъ остальныхъ, почти столько же голосовъ оказалось въ пользу оппозиціонныхъ кандидатовъ, сколько и въ пользу кандидатовъ правительства, — итакъ, немногимъ болѣе нежели одна четвертая часть французскаго населенія поддерживаетъ форму правленія, введенную Наполеономъ III, и почти три четверти населенія враждебно смотрятъ на эту форму. Кажется, такой результатъ не очень благопріятенъ,—и однако же, Наполеонъ III получилъ значительную нравственную поддержку своей власти даже отъ такого результата: до выборовъ, всѣ готовы были предполагать, что не изъ четырехъ человѣкъ, а развѣ изъ ста человѣкъ во Франціи одинъ одобряетъ Наполеона, что правительство Наполеона вовсе не имѣетъ искреннихъ приверженцевъ и держится единственно насиліемъ,—для него очень выгодно уже и то, что хотя четвертая часть населенія оказалась въ его пользу; и такимъ образомъ выборы, повидимому чрезвычайно неблагопріятные для Наполеона, на самомъ дѣлѣ значительно утвердили его власть. Безъ выборовъ она была бы гораздо слабѣе и гораздо болѣе подвержена опаснымъ случайностямъ, нежели въ настоящее время. Точно то же надобно сказать и о другихъ остаткахъ системы, существовавшей при Людовикѣ Филиппѣ, уцѣлѣвшихъ при Наполеонѣ: каждая изъ этихъ формъ служитъ опорою для Наполеона; и если проницательные люди полагаютъ, что власть его не совсѣмъ прочна, то именно потому только, что онъ слишкомъ стѣснилъ эти формы, увлекшись своею антипатіею къ нимъ.

Онъ слишкомъ стѣснилъ эти формы, сравнительно съ тою широтою, въ какой дѣйствовали онѣ при Людовикѣ Филиппѣ; но совершенною ошибкою было бы думать, что стѣсненіе, даже видимое, такъ велико, какъ увѣряютъ въ томъ французы, недовольные Наполеономъ III. Человѣкъ жалующійся всегда расположенъ преувеличивать важность фактовъ, приводящихъ его въ нетерпѣніе. Появленіе такихъ книгъ, какъ сочиненія Токвилля и Монталамбера вовсе не есть дѣло рѣдкое или случайное: можно сказать, что боль-

шая часть сочиненій, выходящихъ во Франціи по историческимъ, юридическимъ и тѣмъ болѣе по политическимъ наукамъ, написаны также въ духѣ, противномъ системѣ управленія, введенной Наполеономъ III, и никто не думаетъ, что эти сочиненія могутъ подвергнуться какому нибудь преслѣдованію отъ его правительства. Но книги во всѣхъ странахъ Западной Европы менѣе подлежатъ стѣсненію, нежели газеты. Посмотримъ же, каково нынѣ положеніе газетъ во Франціи. „Journal des Débats“ прямо называетъ себя органомъ Орлеанской партіи и конституціонной монархіи; „Siècle“ столь же прямо и рѣшительно называетъ себя органомъ республиканцевъ, — и каждая изъ этихъ газетъ въ каждой статьѣ доказываетъ превосходство того принципа, котораго держится.—„Въ чемъ же послѣ того стѣсненіе, на которое жалуются онѣ?“—Просто въ томъ, что онѣ не имѣютъ права прямо отрицать добросовѣстность французскаго правительства или прямо порицать личныя качества Наполеона III: онѣ могутъ какъ угодно судить о каждомъ въ отдѣльности поступкѣ правительства или о каждомъ законѣ, предлагаемомъ правительствомъ; могутъ доказывать, что законъ этотъ несправедливъ или не соотвѣтствуетъ своей цѣли, — и дѣйствительно, онѣ каждый день пользуются этимъ правомъ; но онѣ не могутъ прибавлять положительнаго увѣренія, что Наполеонъ III имѣетъ въ виду дурныя цѣли, предлагая или одобряя этотъ законъ; онѣ не должны оскорблять личности Наполеона III, приписывая ему намѣренія, гибельныя для Франціи; онѣ могутъ только доказывать, что онъ ошибается. Для большей опредѣлительности, возьмемъ какое нибудь опредѣленное дѣло. Въ концѣ 1855 года разносится слухъ, что Франція начала переговоры съ Россіею, въ началѣ 1856 года извѣстно становится, что въ Парижѣ собирается конгрессъ для заключенія мира. Французскія газеты могли доказывать, что миръ этотъ преждевременъ и невыгоденъ для Франціи, что надобно продолжать войну; онѣ могли также доказывать, что войны противъ Россіи вовсе не слѣдовало и начинать, что она была невыгодна для Франціи. Онѣ не могли только говорить, что Наполеонъ III началъ эту войну или прекращаетъ ее по какимъ нибудь личнымъ видамъ, противнымъ интересу Франціи, — онѣ должны были предполагать, что его дѣйствія, невыгодныя для Франціи, происходятъ не отъ злаго умысла, а просто отъ ошибки. Другой случай: Законодательному Собранію предложенъ государственный бюджетъ. Газеты могутъ находить, что армія во Франціи слишкомъ многочисленна, и содержаніе ея слишкомъ обременительно для націи, могутъ говорить, что полезно было бы сократить ее и сократить именно въ такой-то пропорціи, такими-то средствами; онѣ могутъ доказывать также такимъ образомъ, что каждая другая отрасль французскаго управленія организована неудовлетворительнымъ образомъ, и что расходы на нее слишкомъ велики или слишкомъ малы. Могутъ также доказывать, если угодно, что каждый изъ существующихъ налоговъ дуренъ и долженъ быть измѣненъ или замѣненъ другимъ. Когда такимъ образомъ обсуждаютъ французскія газеты государственный бюджетъ, то нѣтъ надобности говорить, могутъ ли онѣ прямо выражать свое мнѣніе о другихъ законахъ: бюджетъ есть важнѣйшее дѣло между всѣми вопросами внутренней политики, и когда о немъ французскія газеты могутъ судить свободно, то тѣмъ болѣе могутъ

судить о каждомъ другомъ законѣ. Газеты не должны говорить только одного: не приписывать недостатковъ закона злому умыслу со стороны правительства, не приписывать злоупотребленій личному желанію Наполеона III.— все остальное подлежитъ ихъ критикѣ: и всѣ законы, и всѣ дѣйствія правительственныхъ лицъ, отъ министровъ до архіепископовъ. И такое положеніе газетъ называется во Франціи стѣснительнымъ, и англійскія газеты увѣряютъ, что французы живутъ подъ тяжелымъ и гибельнымъ игомъ.—какое странное преувеличеніе! Надобно ли послѣ такихъ фактовъ удивляться тому, что безпрепятственно появляются во Франціи книги, подобныя сочиненіямъ Токвилля и Монталамбера? Тутъ вовсе нечему удивляться; во французскихъ газетахъ ежедневно печатаются совершенно подобныя статьи.

Монталамберъ менѣе всѣхъ другихъ французовъ имѣлъ бы права возвышать свой голосъ противъ порядка дѣлъ, введеннаго во Франціи Наполеономъ III: знаменитый предводитель умѣренныхъ іезуитовъ напрягалъ нѣкогда всѣ свои силы къ тому, чтобы дать Наполеону III возможность ввести этотъ порядокъ. Когда французы отправили свою экспедицію для взятія Рима, и былъ положенъ желанный конецъ отвратительной анархіи и гнусному возстанію противъ Папы, начатому по наущеніямъ злодѣя Мадзини, Монталамберъ съ восторгомъ доказывалъ необходимость совершить подобное же дѣло въ самой Франціи, принять всевозможныя, насильственныя и ненасильственныя, законныя и незаконныя мѣры для подавленія французскихъ республиканцевъ и либераловъ: „надобно, говорилъ онъ, сдѣлать второй римскій походъ въ самой Франціи для возстановленія порядка". Его желаніе было исполнено Наполеономъ III.—и вотъ, Монталамберъ уже недоволенъ, вотъ онъ ужъ самъ либеальничаетъ и возстаетъ противъ законнаго порядка— это очень дурно, это совершенно неизвинительно ему, это едва ли даже честно съ его стороны. Но среди различныхъ неосновательныхъ выходокъ, среди умышленнаго и не умышленнаго искаженія фактовъ, встрѣчаются иногда въ его книгѣ страницы, не лишенныя нѣкоторой справедливости. Такъ, напримѣръ, онъ доказываетъ, что въ Англіи гораздо болѣе порядка, нежели во Франціи, и доказываетъ, что англичане умѣютъ извлекать выгоды и для своего государства и для частныхъ лицъ изъ своихъ учрежденій, которыя могутъ казаться слишкомъ шумными для человѣка.

„издавна пріобыкшаго къ однообразному томленію родной страны (Монталамберъ намекаетъ на Францію), гдѣ нѣтъ ни борьбы, ни упорнаго труда, ни самородной и самобытной дѣятельности, гдѣ все и всегда носитъ оффиціальный ярлыкъ, имѣетъ себѣ неизмѣнное мѣсто, разставлено по угламъ, согласно щепетильной попечительности внѣшней власти, всегда готовой избавить гражданина отъ всякаго безпокойства и снять съ него всякую отвѣтственность въ общемъ дѣлѣ, но тѣмъ самымъ нещадно умерщвляющей въ немъ духъ отчизнолюбія и самопожертвованія, разслабляющей людскую породу и осуждающей народъ на безъисходное несовершеннолѣтіе" (Р. Б. Крит. стр. 30).

Конечно, на это можно возразить: на какомъ-же основаніи Монталамберъ помогалъ Наполеону III, когда Наполеонъ III стремился къ введенію во Франціи тѣхъ формъ, которыя теперь такъ мало нравятся Монталамберу? Или Монталамберъ тогда не зналъ, чего самъ хочетъ? Въ другомъ мѣстѣ

онъ разсуждаетъ о причинахъ, по которымъ до сихъ поръ удержалось въ Англіи сильное вліяніе аристократіи.

„Пусть другіе, говоритъ Монталамберъ, восхваляютъ ея великолѣпіе, мужество, краснорѣчіе и политическую мудрость: они будутъ вполнѣ правы. Но я хвалю, благословляю ее выше всего за то, что она умѣла, прежде всей остальной Европы, внять голосу справедливости въ установленіи отношеній своихъ къ своимъ подданнымъ, что она вступила въ правомѣрный союзъ съ ними, не будучи къ тому вынуждена ни внѣшнею властью, ни возстаніями. Тотъ, кто возьмется прослѣдить сквозь теченіе многихъ вѣковъ отношенія крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ къ ихъ фермерамъ и сравнить ихъ съ пагубными раздорами дворянства и земледѣльческаго народонаселенія на материкѣ Западной Европы, тотъ конечно напишетъ одну изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ страницъ исторіи всемірной. Достовѣрно только то, что еще за два столѣтія до того времени, какъ дворянство французское, принесши въ жертву Людовику XIV свое достоинство и независимость, упорно старалось еще поддержать обветшалое и возмутительное зданіе своихъ феодальныхъ правъ, которому суждено было вдругъ съ шумомъ обрушиться въ памятную ночь 4-го августа 1789 года, дворянство англійское уже освободило своихъ крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавило себя отъ смертоноснаго ига этихъ историческихъ анахронизмовъ“ (Р. Б. Крит. стр. 42).

Монталамберъ восхищается устройствомъ англійскихъ университетовъ; князь Черкасскій справедливо замѣчаетъ, что такое устройство непримѣнимо ни къ какой другой странѣ,—

„Но (прибавляетъ онъ) вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сказать, что только цѣною предоставленія университетамъ полной свободы развитія, значительной степени независимости отъ внѣшней власти и прочнаго усвоенія ихъ управленію начала избирательнаго, могутъ быть сообщены имъ тѣ необходимыя условія внутренней энергіи, жизненной упругости и серьезнаго корпоративнаго характера, внѣ которыхъ нѣтъ искренняго уваженія общества къ учрежденію, нѣтъ прочнаго воздѣйствія образовательной среды на юношество, нѣтъ наконецъ для нея возможности воспитать для отечества своего гражданина съ привычкою равно уважать и себя, и существующій законъ“ (Р. Б. Крит. стр. 55).

У Монталамбера встрѣчаются отдѣльныя справедливыя мысли, но совершенно ложна основная тенденція его книги: внушить французамъ необходимость введенія во Франціи тѣхъ аристократическихъ учрежденій, которыя потеряли свое могущество и въ Англіи, сохраняя только старинный блескъ безъ старинной силы. У Токвилля, напротивъ, и основная мысль книги не лишена справедливости, хотя выражена нѣсколько односторонними образомъ и доведена до чрезвычайнаго преувеличенія.

Причиною всѣхъ политическихъ волненій, постигшихъ Францію въ концѣ прошедшаго вѣка и продолжающихъ доселѣ господствовать въ этой странѣ, Токвилль считаетъ централизацію, доведенную до чрезвычайной крайности со временъ Ришелье и Людовика XIV. Онъ такъ увлекается этою мыслью, что упускаетъ изъ виду всѣ другія причины къ общему неудовольствію, постепенно все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшему французскою націею въ теченіе XVIII вѣка, —а причинъ этихъ было много и кромѣ централизаціи. Надобно также замѣтить, что едва-ли правильно употребляетъ онъ слово „централизація“ для обозначенія того порядка вещей, которому приписываетъ всѣ бѣдствія Франціи. „Централизація“ предполагаетъ одинаковость учрежденій во всѣхъ областяхъ государства и очень малую степень власти област-

ныхъ правителей, — этого не было во Франціи до 1789 года. Въ каждой провинціи существовала какая-нибудь особенность, подати и налоги между ними распредѣлены были неуравнительно, отношенія сословій были неодинаковы и т. д. Такой порядокъ дѣлъ вовсе не централизація, и сходенъ съ нею былъ онъ только тѣмъ, что вообще французская администрація и фискъ совершенно самовластно управляли всею общественною жизнью и самовластно распоряжались частною жизнью, не признавая никакихъ преградъ и ограниченій своему произволу ни въ чьихъ правахъ. Это не централизація, это просто система произвольнаго управленія,—та самая система, которая возобновлена Наполеономъ III; страданія и бѣдствія, нанесенныя ею Франціи въ теченіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ, были неимовѣрно велики, и этимъ объясняется увлеченіе Токвилля. Только не многія провинціи, такъ называвшіяся pays d'états, находили хотя слабую защиту отъ произвола интендантовъ (областныхъ правителей) и министровъ въ своихъ областныхъ учрежденіяхъ, случайно сохранившихся до нѣкоторой степени. Изъ всѣхъ французскихъ областей, наибольшимъ благосостояніемъ пользовался Лангедокъ: обременительное отправленіе феодальныхъ обязанностей натурою, существовавшее въ другихъ провинціяхъ, было тамъ замѣнено денежною платою; дороги и каналы находились въ отличномъ состояніи; финансы области были въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что она могла дѣлать государству очень значительныя ссуды.

„Чѣмъ объяснить такое неслыханное въ древней Франціи процвѣтаніе отдѣльной области (продолжаетъ князь Черкасскій)? Токвилль видитъ въ немъ естественное и необходимое послѣдствіе существованія въ Лангедокѣ независимыхъ провинціальныхъ учрежденій и предоставленія центральною властью всѣхъ дѣлъ мѣстнаго управленія, всей внутренней раскладки податей и надзора за общественными предпріятіями областнымъ лангедокскимъ штатамъ, состоявшимъ изъ 92 членовъ, изъ которыхъ 46 депутатовъ средняго сословія, 23 епископа и 23 депутата отъ дворянства. Способъ собранія ихъ и дѣлопроизводство, даже самый ихъ составъ—все было въ нихъ далеко неудовлетворительно, и должно признаться, королевская власть мало заботилась объ совершенствованіи ихъ, всегда видя въ областныхъ учрежденіяхъ орудіе докучливое и недовольно гибкое въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Но уже и этого несовершеннаго учрежденія, этого всегда присущаго и озаряющаго пути мѣстнаго интенданта—*свѣтоноснаго фокуса*, какъ называетъ его Токвилль, было достаточно, чтобы спасти Лангедокъ отъ многихъ невольныхъ промаховъ и предотвратить или исправить многія ошибочныя дѣйствія центральной французской администраціи“ (Р. Б. Крит. стр. 79).

„Областныя учрежденія (прекрасно заключаетъ свою статью князь Черкасскій, говоря о формахъ, которыхъ не можетъ ввести Наполеонъ по всему не нормальному положенію) являются въ настоящее время лучшею точкою опоры для правительства во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ еще сохранились для возсозданія ихъ какіе либо живые элементы. Только съ ихъ помощью, при благотворномъ ихъ воздѣйствіи и вліяніи на мѣстное управленіе, можетъ принести какую либо пользу сознательно и безсознательно нынѣ требуемое вездѣ и всѣми отмѣненіе административной централизаціи. Но подобный подвигъ возвышенной и безкорыстной политики можетъ совершить лишь Государь, рожденный на престолѣ, отъ самой колыбели окруженный любовью своего народа и столько же увѣренный въ немъ, сколько искренно и горячо его любящій. Возможность совершить подобный подвигъ сберегается скупою рукою Исторіи лишь для немногихъ ей особенно сочувственныхъ любимцевъ“ (Р. Б. Крит., стр. 28).

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№ 11) надобно замѣтить статью г. Безобразова „Физіологія Общества“, объясняющую современный взглядъ на отно-

шеніе политическихъ вопросовъ къ общественнымъ: г. Безобразовъ справедливо говоритъ, что нынѣ политическіе вопросы разсматриваются преимущественно только какъ одежда общественныхъ вопросовъ, или какъ пути для удовлетворенія общественныхъ потребностей:

„Смотря на государство (говоритъ г. Безобразовъ) какъ на внѣшнее, необходимое обезпеченіе органическаго развитія общества, общественная физіологія не налагаетъ на государственную дѣятельность никакихъ произвольныхъ обязанностей, не исходящихъ изъ внутреннихъ потребностей того общества, которое государство призвано защищать отъ внутренняго и внѣшняго насилія, не предпосылаетъ ему никакихъ заранѣе приготовленныхъ формъ, не обусловленныхъ самими интересами народной жизни. Безъ защиты государства, никакое общество не можетъ достигнуть свободнаго развитія силъ своихъ; но и безъ общества, свободно развивающагося подъ защитою государства, послѣднее не имѣетъ никакого значенія. Государственная форма, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, даетъ гарантіи тѣмъ сдѣлкамъ, въ которыя вступаютъ общественные интересы между собою. Задача его не болѣе, но и не менѣе. Какъ только государство при охраненіи общественныхъ интересовъ задумываетъ устранивать при этомъ свои собственныя дѣла, такъ тотчасъ оно выходитъ изъ предѣловъ своего естественнаго назначенія; общественные интересы рано или поздно выходятъ изъ-подъ опеки, съ помощью которой хотѣли усыпить ихъ, и государственныя дѣла, не разрѣшающія никакого общественнаго дѣла, теряютъ всякое значеніе, всякій кредитъ для общества. Искусственный государственный порядокъ поражается всеобщею парализіею. Понятно, что съ этой точки зрѣнія государственныя формы не могутъ быть построены по какимъ нибудь отвлеченнымъ принципамъ: онѣ всегда должны обусловливаться положеніемъ того общества, которое ими охраняется. Потому-то и характеръ и идея государственной дѣятельности разныхъ временъ и народовъ различны, что мы дѣйствительно и видимъ въ исторіи. Такъ начинаютъ смотрѣть на государство всѣ новѣйшіе изслѣдователи, совершенно оставившіе ту почву, на которой возникали политическія воззрѣнія прежняго времени и еще возникаютъ отсталыя воззрѣнія нѣкоторыхъ современныхъ писателей; въ мнѣніи послѣднихъ, всякое государство должно осуществлять одну идею, стремиться къ одной цѣли. Если можно найти эту одну общую идею и цѣль, то можно выразить ихъ развѣ только такъ, что государство обязано обезпечивать свободное развитіе общественныхъ интересовъ. Такой общій смыслъ для государства можно принять. Въ этомъ смыслѣ государственная дѣятельность получаетъ свой особенный характеръ, отличный отъ всѣхъ другихъ отраслей дѣятельности. Оно охраняетъ, даетъ опредѣленную, прочную форму сдѣлкамъ, въ которыя безпрестанно вступаютъ между собою разные противоположные интересы въ обществѣ. Но эта форма должна быть такова, чтобы въ ней были всегда открыты двери къ новымъ компромиссамъ, безпрестанно разнообразящимся въ безконечномъ развитіи общества. Существующіе въ обществѣ интересы безконечно разнообразны: интересы собственности и нищеты, капиталовъ, земли и работы, религіи и нравственности, труда и нищеты, образованности и невѣжества, движенія и застоя: но всѣ эти интересы, каковы бы они ни были, въ силу исторической давности, въ силу времени и общества, давшихъ имъ разъ жизнь, имѣютъ неотъемлемое право на уваженіе, на защиту отъ всякаго насилія. Общество дало жизнь тому или другому интересу, питало его иногда очень долго, но оно не можетъ уничтожить его однимъ ударомъ, какъ бы ни были священны новые интересы, выступившіе въ антагонизмъ съ старыми. Общество обязано дать движеніе новымъ интересамъ, но также обязано дать вознагражденіе старымъ. Государство и опредѣляетъ мѣру этого вознагражденія, равно какъ и мѣсто, уступаемое новымъ интересамъ. Этимъ только путемъ могутъ быть обезпечены въ обществѣ порядокъ и движеніе“ („Р. Вѣстникъ“, № 11, стр. 344).

Конечно, послѣднія строки имѣютъ слишкомъ безусловный смыслъ: неужели общество, развивающееся не всегда въ нормальныхъ обстоятельствахъ, не порождаетъ иногда интересовъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго снис-

хожденія и долженствующихъ считать себя счастливыми уже тогда, когда при первой возможности уничтожаются безнаказанно? Когда въ XIII вѣкѣ Рудольфъ Габсбургскій уничтожалъ разбойничьи феодальные замки на берегахъ Рейна и въ Швабіи, разбойники, втеченіи ста или двухъ сотъ лѣтъ потомственно грабившіе всѣхъ проѣзжихъ и всѣхъ сосѣдовъ, неужели могли требовать вознагражденія, ссылаясь на право давности? Вѣдь они лишались части своихъ доходовъ. Но какое дѣло было до того Рудольфу Габсбургскому? Вотъ, иное дѣло, еслибъ эти люди, не дожидаясь, пока общее чувство возстанетъ противъ нихъ и смиритъ ихъ противъ ихъ воли, прежде того времени и добровольно выразили готовность отказаться отъ привычки жить чужимъ добромъ, насильственно отнимаемымъ, — ну, тогда швабы и жители рейнскихъ береговъ подумали бы, не требуетъ ли благоразуміе купить у этихъ грабителей добровольное оставленіе прежняго обычая; но юридическому же правилу, грабитель не заслуживаетъ ровно никакого вознагражденія за то, что отказывается отъ грабежа—онъ счастливъ долженъ быть уже тѣмъ, когда не взыскиваютъ съ него денегъ, заграбленныхъ имъ. Надобно также прибавить, что общественные компромиссы только тогда производятся на справедливыхъ основаніяхъ, когда дѣло рѣшается вмѣстѣ представителями обѣихъ сторонъ, — иначе, если оно рѣшается людьми, принадлежащими къ одной только изъ двухъ партій, интересы которыхъ должны быть согласованы компромиссомъ, другая партія непремѣнно будетъ обижена. Такъ, напримѣръ, англійскій Парламентъ могъ очень справедливо и (какъ показали послѣдствія) очень выгодно для обѣихъ сторонъ рѣшить вопросъ о хлѣбной торговлѣ, потому что въ Парламентѣ были представители какъ протекціонистовъ (тори), такъ и приверженцевъ свободной торговли (виги); но онъ не можетъ при настоящемъ своемъ составѣ справедливо рѣшить вопросъ, напримѣръ, о такъ называемыхъ Strike'ахъ или взаимныхъ отношеніяхъ фабриканта къ работникамъ, потому что въ англійскомъ парламентѣ находятся представители только одной изъ этихъ двухъ сторонъ. Въ такихъ случаяхъ дѣла рѣшались гораздо основательнѣе и справедливѣе такъ называемыми французскими промышленными третейскими совѣтами (conseil des prudhommes), въ которыхъ было равное число членовъ изъ обѣихъ партій; при такомъ составѣ, самые затруднительные случаи распутывались очень легко, ко взаимной выгодѣ и къ общему удовольствію всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Въ русскомъ законодательствѣ находятся постановленія, истекшія изъ этого благотворнаго принципа. Такъ напримѣръ, если къ дѣлу прикосновенъ купецъ, дѣло производится не иначе, какъ при депутатѣ купеческаго званія; если къ дѣлу прикосновенно лицо изъ военнаго званія — не иначе, какъ при депутатѣ изъ военнаго званія и т. д. Этотъ прекрасный и справедливый принципъ поставляется нашимъ законодательствомъ, какъ необходимое условіе всякаго слѣдствія, всякой тяжбы, и при случаѣ компромиссовъ между тяжущимися партіями онъ долженъ по духу нашего законодательства обезпечивать справедливость размѣра, какой дается присуждаемому вознагражденію.

Въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ помѣщено очень важное и отрадное извѣстіе объ учрежденіи въ Петербургѣ Общества для доста-

вленія дешевыхъ и удобныхъ квартиръ людямъ рабочаго сословія. Согласно высокому желанію, выраженному Его Высочествомъ Герцогомъ Георгіемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ, благоволившимъ принять на себя главное попечительство надъ Обществомъ, мы помѣщаемъ здѣсь это объявленіе, радуясь начинающемуся осуществленію столь прекрасной и благотворной мысли.

Объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Общества для улучшенія помѣщеній рабочаго населенія.

„Мысль объ улучшеніи помѣщеній рабочаго населенія обратила на себя въ послѣднее десятилѣтіе вниманіе многихъ Правительствъ, въ томъ числѣ и нашего. О состояніи сихъ помѣщеній въ С.-Петербургѣ собраны уже въ разное время весьма любопытныя свѣдѣнія. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ обширныя изысканія, произведенныя двумя Коммиссіями, въ 1840 и 1847 годахъ, и обнаружившія во всей подробности, въ какихъ непріятныхъ, сырыхъ и холодныхъ квартирахъ размѣщаются здѣшніе рабочіе. При незначительномъ числѣ домовъ, приспособленныхъ, и то весьма дурно, для жилья сихъ людей, они должны поневолѣ довольствоваться квартирами, какія попадутся, приплачиваясь нерѣдко за то здоровьемъ. Какъ мало соотвѣтствуетъ число подобныхъ помѣщеній настоящей ихъ потребности, это показываютъ слѣдующія цифры, извлеченныя изъ дѣлъ Министерства и которыя отчасти были уже напечатаны въ прежнее время въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества *).

Рабочее населеніе С.-Петербурга составляетъ до . . .	250,000 чел.
Изъ нихъ: проживающихъ въ городѣ *постоянно* . . .	150,000 „
Приходящихъ на *лѣто*, для заработковъ.	100,000 „

„Конечно не вся эта масса населенія нуждается въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Изъ числа рабочихъ, *постоянно* проживающихъ въ С.-Петербургѣ, надобно исключить тѣхъ, кои, находясь въ домашнемъ услуженіи, или при торговыхъ заведеніяхъ, или на работѣ у цеховыхъ мастеровъ и т. п., помѣщаются у самихъ же хозяевъ. Людей сего рода считается круглыми цифрами:

Купеческихъ приказчиковъ до	1,500
Лавочныхъ сидѣльцевъ и разныхъ служителей по торговлѣ до	5,000
Рабочихъ по цехамъ до	26,000
Собственно домашней прислуги разныхъ родовъ и чернорабочихъ при домахъ до	100,000
Итого: . .	132,500

„Если изъ числа приходящихъ на лѣто исключить даже $^3/_4$, кои могутъ помѣщаться въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся работы, то останется: *постоянно* живущихъ до 18,000 и *временно* прибывающихъ

*) Книжка III. Статистика недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ

до 25,000, а всего до 43,000 человѣкъ, нуждающихся въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Какое же имѣется число помѣщеній для сего населенія? При оцѣнкѣ всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ, произведенной въ сороковыхъ годахъ, описывались въ каждомъ домѣ всѣ отдѣльныя помѣщенія, т. е. каждая квартира, имѣющая особый входъ, хотя бы она не отдавалась въ наемъ, а употреблялась самимъ домовладѣльцемъ для людей, находящихся въ услуженіи при домѣ. Изъ описей этихъ видно, что подобныхъ, особыхъ квартиръ, за которыя кажется плата могла бы составлять до 30 р. въ годъ, считается въ С.-Петербургѣ не болѣе 2,000, и изъ нихъ большая часть даже не отдается въ наемъ, а, какъ сказано, предназначается для дворниковъ и другихъ служителей при домахъ. Собственно для найма рабочихъ остается какихъ нибудь двѣ, три сотни подваловъ, да небольшое число домовъ, исключительно предназначенныхъ владѣльцами для впуска чернаго народа, и то преимущественно *на ночлегъ*. Дома сего рода доставляютъ, какъ извѣстно, значительные доходы, но тѣмъ не менѣе, при недостаткѣ совмѣстничества, содержатся весьма дурно. Между тѣмъ, при такой значительной массѣ жильцевъ, нуждающихся въ помѣщеніи, еслибы употребить нѣсколько заботливости для содержанія подобныхъ домовъ, можно было бы получать съ нихъ весьма порядочную прибыль, не разстроивая здоровья рабочихъ. Но, чтобы была заботливость, нужно соперничество. Этого невозможно достигнуть иначе, какъ при содѣйствіи частной предпріимчивости, которая, стремясь съ одной стороны къ справедливому извлеченію денежныхъ для себя выгодъ, съ другой стороны заботилась бы о доставленіи жильцамъ наибольшихъ по возможности удобствъ; однимъ словомъ, не имѣла бы цѣлью наживаться на счетъ рабочихъ и ко вреду ихъ здоровья, а согласовать ихъ пользу съ собственными выгодами, увеличивая сіи послѣднія бережливостью, благоразумною распорядительностью, привлеченіемъ наибольшаго числа жильцовъ и другими тому подобными средствами, обезпечивающими во всѣхъ промышленныхъ дѣлахъ самые блистательные успѣхи и прочные барыши. На эти средства указали, между прочимъ, и Коммиссіи, наряженныя правительствомъ въ разное время для осмотра жилищъ рабочихъ въ здѣшней столицѣ.

„Какой пользы можно достигнуть въ семъ отношеніи, дѣйствуя посредствомъ частныхъ обществъ, это показываютъ наилучше примѣры подобныхъ предпріятій въ Англіи, Франціи и Пруссіи. Все, что представляло почти непреодолимыя препятствія для дѣйствій *исключительно правительственныхъ*, удалось тамъ исполнить легко и скоро, при совокупномъ дѣйствіи правительствъ и частной предпріимчивости. Частныя общества собирали необходимыя средства посредствомъ подписокъ, акцій, иногда даже пожертвованій: имена высокихъ покровителей, -королевы Викторіи, принца Альберта, императора французовъ, принца Прусскаго, служили залогомъ ихъ успѣха, такъ что весьма рѣдко оказывалась необходимость въ непосредственномъ денежномъ вспомоществованіи симъ обществамъ со стороны правительства. Впрочемъ, сими обществами нигдѣ не руководили виды частной спекуляціи. Напротивъ, при учрежденіи каждаго общества принято въ основаніе, что участники ограничиваются нѣкоторымъ, впрочемъ, достаточ-

нымъ процентомъ дохода, прибыли же свыше онаго обращались на пониженіе цѣнъ за квартиры рабочихъ. Несмотря на то, учрежденіе обществъ не только не остановилось нигдѣ, за недостаткомъ участниковъ, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивается, и кругъ ихъ дѣйствій распространяется. Въ Англіи число подобныхъ обществъ доходитъ нынѣ до невѣроятной почти цифры, 12,000, паи конхъ, доставляющіе небольшіе, но постоянные и вѣрные дивиденды, предпочитаются многими акціямъ болѣе блистательныхъ, но и болѣе измѣнчивыхъ въ своихъ результатахъ предпріятій. Основываясь на этихъ фактахъ, легко дать себѣ отчетъ въ побудительныхъ причинахъ къ учрежденію помянутыхъ обществъ. Если въ числѣ ихъ была съ одной стороны нѣкоторая весьма справедливая и благоразумная разсчетливость капиталистовъ,—то съ другой нельзя не указать и на болѣе возвышенныя чувства истиннаго патріотизма и глубокой любви къ ближнему, понимающей, какое вліяніе имѣетъ помѣщеніе не только на здоровье, но и на нравственность рабочаго.

„Въ странахъ, гдѣ статистическія данныя собираются съ особенною тщательностью, дознано, что смертность въ дурныхъ помѣщеніяхъ 66 процентами больше той, какая существуетъ въ жильяхъ, удовлетворяющихъ необходимымъ гигіеническимъ условіямъ. Нѣтъ словъ выразительнѣе этой цифры. Столь же поразительные факты обнаруживаетъ повсюду вліяніе подобныхъ помѣщеній и на нравственность. „Откройте списки рожденій въ „г. Брюсселѣ“—говоритъ Дюкпесьо (Ducpetiaux) въ одномъ изъ многочисленныхъ сочиненій своихъ, посвященныхъ сему предмету *)—„откройте эти „списки и увидите, что въ общей массѣ, на 100 рожденій приходится около „36 незаконнорожденныхъ; въ частности же, между поденщиками и подён„щицами, ихъ 88,— число почти невѣроятное“.— Слишкомъ далеко увлекло бы насъ исчисленіе подобныхъ результатовъ по другимъ многолюднымъ городамъ; да и не принесло бы оно особенной пользы, такъ какъ приведенныя пропорціи повторяются повсюду съ небольшими измѣненіями. Въ замѣнъ сего, приведемъ изъ того же сочиненія еще нѣсколько строкъ, отличающихся столько же живымъ сочувствіемъ къ положенію бѣднаго работника, сколько и правдивостію изображенія, которое, по этому самому, можетъ быть примѣнено, болѣе или менѣе, къ каждой странѣ, къ каждой многолюдной мѣстности. — „Тѣснота въ размѣщеніи столь же вредна для здо„ровья, какъ и для нравственности народа. Дѣйствительно, представимъ „себѣ комнату въ нѣсколько квадратныхъ футовъ, которая служитъ, въ „одно и тоже время, мастерской, кухней, столовой и спальней. Какой спер„тый воздухъ, какія міазмы должны наполнять ее! Вообразимъ себѣ ночью „стоящія одна подлѣ другой койки, на которыхъ дѣти лежатъ возлѣ взрос„лыхъ, молодая дѣвушка подлѣ мальчика. Можно ли надѣяться, чтобы чув„ство стыдливости долго противостояло соблазну? Понятно, что при такомъ „сближеніи людей разныхъ половъ, порокъ и безпорядочное поведеніе раз„виваются съ самаго ранняго дѣтства. Болѣзни и общее разслабленіе еще

*) Projet d'association financière pour l'amélioration des habitations et l'assainissement des quartiers habités par la classe ouvrière à Bruxelles. 1846.

„болѣе увеличиваются. Но и когда смерть посѣщаетъ жилище бѣднаго ра-
„ботника, картина, представляемая этимъ жилищемъ, превосходитъ все, что
„воображеніе могло бы создать самаго грустнаго и ужаснаго. До погребе-
„нія мертвое тѣло по необходимости стоитъ возлѣ стола, на которомъ ѣдятъ,
„и возлѣ кровати, на которой спятъ. И это не отдѣльный, не исключи-
„тельный примѣръ; это фактъ, постоянно повторяющійся, которому мы не
„разъ бывали свидѣтелями и который каждый можетъ провѣрить. Жалкое
„положеніе, въ коемъ находится большая часть работниковъ и неимущихъ,
„самая безпорядочная ихъ жизнь и невоздержаніе не происходитъ ли ча-
„стію отъ дурнаго состоянія помѣщеній, ими занимаемыхъ? Послѣ трудо-
„ваго дня, что находитъ работникъ въ своей темной, сырой, пустой и грязъ-
„ной комнатѣ? Такое жилище не можетъ удерживать его дома, и онъ
„въ кабакѣ ищетъ, если не наслажденія, то, по крайней мѣрѣ, самозабве-
„нія. Жена и дѣти напоминаютъ ему, по большей части, лишь тѣ лише-
„нія, которыя его угнетаютъ. Онъ старается укрыться отъ ихъ жалобъ и
„упрековъ, и чтобы избѣжать угрызеній совѣсти, не знаетъ другаго сред-
„ства, кромѣ минутнаго одуренія, производимаго крѣпкими напитками".

„Какіе возгласы несутся изъ грязныхъ и вонючихъ закоулковъ, гдѣ
„гнѣздятся маленькія существа, покрытыя лохмотьями? Это дикіе крики,
„грубыя пѣсни, подъ-часъ — стенанія. А гдѣ же семья? Она въ разбродѣ:
„отецъ къ кабакѣ, мать у сосѣдки, ребенокъ на улицѣ. Семья существу-
„етъ лишь на случай лишеній и страданій; для труда, для удовольствія
„ея нѣтъ. Хотите ли возстановить и соединить эту разрозненную семью?
„Дайте ей жилище, которое бы оправдывало свое назначеніе, дайте ей воз-
„духа, свѣта, солнца! Возбудите въ работникѣ привязанность къ его жи-
„лищу, чтобъ облагородить его и улучшить положеніе. Время настало, по
„тому что домашній очагъ, въ смыслѣ мирнаго семейнаго пріюта, становится
„рѣже и рѣже. Союзъ между мужчиной и женщиной не признается союзомъ
„священнымъ, и еслибы младенецъ умѣлъ произносить проклятія, онъ сталъ
„бы часто проклинать и тотъ день, въ который родился".

„Конечно, положеніе нашего рабочаго не представляется еще въ столь
мрачномъ свѣтѣ. Основанія семейной жизни не потрясены такъ глубоко въ
нашемъ простомъ народѣ, и должно стараться не допустить его до сей
крайности. Но, отбросивъ нѣкоторыя подробности, нельзя не признать, къ
несчастію, что нѣкоторыя изъ списанныхъ недостатковъ существуютъ и у
насъ. Сличая содержаніе ихъ съ данными, обнаруженными Коммиссіями,
бывшими въ нашей столицѣ въ 1840 и 1847 годахъ, окажется нѣчто по-
хожее:

„Квартиры, предназначенныя для простаго народа, — говоритъ первая
изъ сихъ Коммиссій, — отдаются домовладѣльцами въ наемъ особымъ про-
„мышленникамъ, которые отъ себя уже пускаютъ въ нихъ рабочихъ, на
„разные сроки, а всего чаще на *ночлегъ*. Народонаселеніе, пользующееся
„сими квартирами, состоитъ изъ поденщиковъ небольшихъ артелей, прибы-
„вающихъ въ столицу для пріисканія работъ, и другаго класса людей (ме-
„жду прочимъ даже чиновниковъ). За *мѣсто* платится отъ 2 до 5 руб.
„асс. въ мѣсяцъ, или отъ 7 до 10 коп. асс. за ночлегъ. Большая часть

„сихъ квартиръ содержится чрезвычайно дурно; въ нѣкоторыхъ зимою не „было двойныхъ оконныхъ рамъ; отопленіе самое недостаточное и, сколько „можно было замѣтить, квартиры сего рода *нагрѣваются однимъ скопи-„щемъ людей*; стѣны напитаны сыростію, форточекъ для очищенія воздуха „нѣтъ и *неопрятность превышаетъ всякое вѣроятіе*; помойныя ямы „устроены внутри жилья: иногда изъ пятаго этажа всякія нечистоты прото-„каютъ черезъ всѣ нижніе этажи и даже по коридору; въ одномъ домѣ, „въ которомъ помѣщается до 700 рабочихъ (а лѣтомъ еще болѣе), найдено, „что болѣе 7 лѣтъ не очищали и не перекрашивали стѣнъ, а полы совер-„шенно сгнили. Хозяева, нанимающіе эти квартиры отъ домовладѣльцевъ, „желая извлечь наибольшія выгоды, пускаютъ для ночлега такое число лю-„дей, сколько можетъ вмѣститься, для чего дѣлаютъ нары въ три и болѣе „ярусовъ, *почти до потолка*, люди мѣстятся еще сверхъ наръ на полу, „на скамейкахъ, однимъ словомъ, гдѣ есть только мѣсто, такъ, что въ квар-„тирахъ, имѣющихъ не болѣе 3 саж. въ длину и ширину, найдено было, „при осмотрѣ, почующихъ и постоянно живущихъ до 50 человѣкъ обоего „пола: тамъ же малолѣтныя дѣти и, среди сего скопища людей, нѣсколько „человѣкъ, одержанныхъ прилипчивыми болѣзнями". Подобныхъ примѣровъ приведено въ изысканіяхъ Коммиссіи множество. Покойный Генералъ-Адъю-тантъ Графъ Бенкендорфъ, сводя всѣ эти факты, выразилъ убѣжденіе, что открытые безпорядки происходятъ наиболѣе отъ промышленниковъ, кои, по-лучая за ежегодныя квартиры выгодную плату, ни мало не заботятся объ ихъ содержаніи.

„Въ 1847 году новая Коммиссія осмотрѣла до пятисотъ помѣщеній рабочихъ и описала ихъ съ особенною подробностью.

„Рабочій народъ, объясняетъ Коммиссія, помѣщается въ тѣхъ самыхъ „фабрикахъ и заведеніяхъ, гдѣ работаетъ, или въ особыхъ квартирахъ, на-„нимаемыхъ подрядчиками, артелями или самыми рабочими, по-одиночно. „Наиболѣе выгодъ для рабочаго представляетъ размѣщеніе перваго рода, за „исключеніемъ болѣе бѣдныхъ ремесленниковъ, кои, кромѣ мастерскихъ, не „имѣютъ особыхъ помѣщеній для своихъ работниковъ. Въ мастерскихъ сего „послѣдняго рода или отгораживается для кроватей какой нибудь темный, „душный уголъ, или рабочіе спятъ на полу и верстакахъ, даже на сто-„лахъ, на которыхъ днемъ валяютъ тѣсто. Обыкновенною подстилкою слу-„житъ дрянной, тонкій войлокъ, или еще чаще, простая рогожка; часто „даже не бываетъ и вовсе никакой подстилки: спятъ прямо на доскахъ. Но „надобно войти въ квартиры собственно *наемныя*, и въ особенности въ „такія, гдѣ хозяинъ имѣетъ дѣло не съ подрядчикомъ, а прямо съ артелью, „или рабочими по-одиночно, чтобы узнать, до какой степени можетъ дойти „тѣснота, духота, сырость, однимъ словомъ, все, что разрушаетъ здоровье „человѣка".

„Послѣ фактовъ, приведенныхъ выше изъ отчетовъ первой Коммиссіи, мы вошли бы лишь въ излишнія повторенія, если бы захотѣли прописывать здѣсь и замѣчанія послѣдней. Какъ въ 1840, такъ и въ 1847 году об-наружено совершенно одно и тоже. Обѣ Коммиссіи пришли къ убѣжденію, что въ видахъ народнаго здравія, общественной нравственности и даже по-

лицейскаго порядка, не говоря о человѣколюбіи, необходимо принять рѣшительныя мѣры къ улучшенію означенныхъ помѣщеній, и вторая Коммиссія выразила при этомъ твердое убѣжденіе, что всѣ въ этомъ отношеніи мѣры правительства могутъ привести къ положительнымъ послѣдствіямъ лишь при содѣйствіи частныхъ благотворительныхъ и другихъ обществъ.

„Убѣжденіе это наконецъ нынѣ осуществляется. Лица, пользующіяся извѣстностью, общественнымъ положеніемъ, одушевленныя просвѣщеннымъ усердіемъ ко благу человѣчества, располагающія и благодѣтельнымъ вліяніемъ и матеріальными средствами, предположили составить общество на акціяхъ для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній рабочаго населенія и вообще людей недостаточнаго состоянія. Лица сіи суть: вдова полковника А. К. Карамзина, гофмейстеръ сенаторъ Хрущовъ, С.-Петербургскій губернскій предводитель дворянства графъ Шуваловъ, членъ Совѣта Общества желѣзныхъ дорогъ въ Россіи Абаза, флигель-адъютантъ графъ Бобринскій, придворный банкиръ баронъ Штиглицъ и инженеръ-полковникъ Палибинъ.

„Главное попечительство надъ будущимъ обществомъ принялъ на себя Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Георгій Мекленбургъ-Стрелицкій, Супругъ Государыни Великой Княгини Екатерины Михайловны.

„Государь Императоръ, по докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ о семъ предположеніи, изволилъ вполнѣ оное одобрить и Высочайше повелѣть, согласно ходатайству Его Великогерцогскаго Высочества, предоставить учредителямъ произвести необходимыя предварительныя изысканія и, составивъ для общества проектъ подробнаго устава, представить оный въ свое время на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ.

„О таковомъ Высочайшемъ соизволеніи, со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ уѣдомленъ С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, съ тѣмъ, чтобы со стороны городскаго, какъ общественнаго, такъ и полицейскаго управленія, оказываемо было учредителямъ, въ случаѣ надобности, всевозможное содѣйствіе.

„Учредители намѣреваются прежде всего предложить конкурсъ для составленія возможно совершеннаго плана такого дома, который соединялъ бы въ себѣ и всѣ удобства будущихъ жильцовъ и выгоды акціонеровъ, возможную дешевизну постройки со всѣми условіями помѣщенія теплаго, чистаго, свѣтлаго, словомъ, снабженнаго всѣмъ, что для человѣка трудоваго составляетъ не роскошь, но лишь справедливую потребность.

„Объ условіяхъ и требованіяхъ конкурса будетъ объявлено особо въ публичныхъ вѣдомостяхъ.

„Въ этомъ важномъ для общественнаго блага дѣлѣ, Правительству остается желать полнаго и скораго успѣха просвѣщеннымъ учредителямъ столь полезнаго и давно ожидаемаго предпріятія“.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. изданіе *П. А. Кулиша*, шесть томовъ. спб. 1857.

Очень долго наша критика, при каждомъ новомъ изданіи сочиненій того или другаго знаменитаго писателя, должна была жаловаться на неполноту и неудовлетворительность этого изданія. Наконецъ дожили мы до хорошихъ изданій, составленныхъ внимательно людьми знающими. Изданіе сочиненій Гоголя, сдѣланное г. Кулишемъ, конечно, не свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Многіе изъ нихъ уже указаны г. Лонгиновымъ, другіе, вѣроятно, будутъ указаны другими нашими библіографами. Но всѣ эти недостатки—опущеніе нѣкоторыхъ, впрочемъ вовсе неважныхъ, мелкихъ статеекъ, нѣкоторыя отступленія отъ хронологической системы, нѣкоторыя опечатки и т. п.—совершенно незначительны въ сравненіи съ достоинствами изданія, за которое нельзя не благодарить г. Кулиша. Оно уже извѣстно большей части нашихъ читателей и нѣтъ надобности описывать его. Читатель знаетъ, что въ четырехъ первыхъ томахъ собраны сочиненія, бывшія до сихъ поръ разсѣянными въ одиннадцати книгахъ (шесть томовъ сочиненій въ изданіи г. Трушковскаго, два тома „Мертвыхъ Душъ“, два тома „Арабесковъ“ и „Переписка съ друзьями“); два послѣдніе тома составились изъ писемъ Гоголя, и о нихъ то мы преимущественно будемъ говорить въ этой статьѣ, замѣтивъ только, что г. Кулишъ сдѣлалъ очень хорошо, помѣстивъ въ обѣихъ редакціяхъ тѣ сочиненія Гоголя, которыя были въ значительной степени передѣланы авторомъ, именно: „Тараса Бульбу“, „Портретъ“ и сохранившійся отрывокъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ“. „Тарасъ Бульба“ и „Портретъ“ равно извѣстны публикѣ, какъ въ первоначальномъ, такъ и въ исправленномъ своемъ видѣ; но отрывокъ „Мертвыхъ Душъ“ въ первый разъ является теперь въ двухъ редакціяхъ, сравненіе которыхъ чрезвычайно интересно. Оно показываетъ, какимъ образомъ Гоголь давалъ все больше и больше развитія тому, что называлъ въ послѣдніе годы своей жизни высокимъ лирическимъ порывомъ и что казалось довольно неловкою напыщенностію людямъ, сожалѣвшимъ о томъ болѣзненномъ направленіи Гоголя, изъ котораго возникла „Переписка съ друзьями“ и „Развязка Ревизора“.

Неумѣстный и неловкій идеализмъ, столь сильно отразившійся на второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ и бывшій главной причиной не только не-

тери Гоголя для искусства, но и преждевременной кончины его, до сихъ поръ составляетъ интереснѣйшій вопросъ въ біографіи нашего великаго поэта. „Записки о жизни Гоголя“, изданныя въ прошедшемъ году, доставили людямъ, не знавшимъ лично Гоголя, первые матеріалы для того, чтобы судить о причинахъ и характерѣ этого направленія, столь прискорбнымъ образомъ изумившаго публику при изданіи „Переписки съ друзьями“. „Письмами Гоголя“, нынѣ изданными, число этихъ матеріаловъ значительно увеличивается, но и въ настоящее время публика далеко еще не имѣетъ всѣхъ біографическихъ данныхъ, нужныхъ для совершенно точнаго рѣшенія сомнѣній и подозрѣній, возбужденныхъ тѣмъ настроеніемъ, какое обнаруживалъ Гоголь въ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни. Воспоминаній о Гоголѣ напечатано довольно много, но всѣ они объясняютъ только второстепенныя черты въ многосложномъ и чрезвычайно оригинальномъ характерѣ геніальнаго писателя. Мы знаемъ теперь изъ этихъ воспоминаній, что въ молодости онъ былъ большимъ забавникомъ и балагуромъ; мы знаемъ, что уже и въ молодости онъ не любилъ говорить о мысляхъ и чувствахъ, наиболѣе занимавшихъ его душу, стараясь шутками придать разговору легкое, смѣшное направленіе, отклонить разговоръ отъ такихъ предметовъ, говорить о которыхъ не могъ бы безъ волненія; мы знаемъ, что въ молодости онъ любилъ франтить и франтилъ очень неудачно; мы знаемъ, что въ молодости онъ два или три раза испытывалъ чувство страстной любви, въ способности къ которому иногда отказывали ему до изданія записокъ о его жизни; мы знаемъ, что болѣзненность его происходила главнымъ образомъ отъ геморроидальнаго расположенія и отъ хроническаго разстройства желудка. Всѣ эти свѣдѣнія, конечно, не совершенно ничтожны, но они совершенно недостаточны для разрѣшенія вопросовъ, имѣющихъ наиболѣе важности въ нравственной исторіи Гоголя. „Писемъ Гоголя“ напечатано г. Кулишемъ уже очень много. Корреспонденція самого Пушкина, собранная полнѣе, нежели переписка какого бы то ни было другаго русскаго литератора, далеко уступаетъ своимъ объемомъ собранію „Писемъ Гоголя“, напечатанному въ нынѣшнемъ изданіи. Но эти письма, во многихъ случаяхъ остаются еще непонятными отчасти потому, что мы все еще очень мало знаемъ факты жизни Гоголя, отчасти потому, что отвѣты его друзей, долженствующіе служить необходимымъ дополненіемъ къ его собственнымъ письмамъ, остаются до сихъ поръ и, вѣроятно, довольно долго еще останутся ненапечатанными; отчасти, наконецъ, потому, что эти письма напечатаны по необходимости очень не полно: въ изданіи пропущены многіе отрывки, изъ которыхъ иные должны быть интереснѣе всего напечатаннаго, — пропущены, кажется, и нѣкоторыя письма. Надобно также прибавить, что о людяхъ, бывшихъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, кромѣ одного Пушкина, не напечатано до сихъ поръ почти ничего; почти ничего не напечатано до сихъ поръ и объ общемъ характерѣ тѣхъ кружковъ, къ которымъ принадлежалъ Гоголь, и тѣхъ условій, среди которыхъ онъ жилъ. Такимъ образомъ матеріалы для біографіи Гоголя, хотя и имѣютъ объемъ очень обширный, далеко недостаточны. Публика до сихъ поръ почти ничего прямымъ образомъ не знаетъ о томъ, какими именно стремленіями руководился Гоголь. „Желаніе изобличать обще-

ственныя раны“,—по выраженію, осмѣянному самимъ Гоголемъ, это желаніе слишкомъ неопредѣлительно. Тутъ нужно бы знать, что именно казалось Гоголю дурнымъ въ современномъ обществѣ. „Но, кажется, мы это очень хорошо знаемъ: ему казалось дурно, что у насъ существуетъ взяточничество и неправосудіе, апатія, развлекаемая только сплетнями и преферансомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе“. Все это такъ, но изъ всего этого еще ничего не слѣдуетъ. На взяточничество и тому подобные пороки нападалъ не одинъ Гоголь, нападали чуть ли не всѣ наши писатели отъ Державина (чтобъ не заходить слишкомъ далеко въ древность) до г. Бенедиктова. Щедрину и графу Соллогубу одинаково непріятно, что у насъ существуетъ взяточничество. Оба они нападаютъ на этотъ порокъ, но между тѣмъ какъ Щедрина всѣ прославляютъ, надъ графомъ Соллогубомъ всѣ посмѣялись: почему такъ? потому, что вражда противъ взяточничества возникаетъ у этихъ двухъ писателей изъ убѣжденій совершенно различныхъ; потому что порокъ, на который нападаютъ эти писатели, понимаютъ они совершенно различно. Мало того, чтобы знать, что нравится, или что не нравится писателю, - важно также знать, на основаніи какихъ убѣжденій этотъ предметъ ему нравится или не нравится; нужно знать, отъ какихъ причинъ производитъ онъ недостатокъ, на который нападаетъ, какими средствами считаетъ онъ возможнымъ истребить злоупотребленіе и чѣмъ предполагаетъ онъ замѣнить то, что хочетъ искоренить. Нужно знать образъ мыслей писателя. Каждый знаетъ образъ мыслей Пушкина, Жуковскаго; но образъ мыслей Гоголя до сихъ поръ еще недостаточно извѣстенъ. „Какъ не извѣстенъ? по крайней мѣрѣ, очень хорошо извѣстно то направленіе, какое получила его мысль въ послѣдніе годы. Аскетизмъ подавилъ въ немъ всякія другія начала“. Будто и довольно знать это? повторимъ: все это слишкомъ неопредѣлительно; аскетизмъ выраженіе слишкомъ общее; аскетическое направленіе имѣетъ совершенно различный смыслъ, смотря потому, изъ какихъ идей и стремленій вытекаетъ. Аскетизмъ проповѣдывалъ Іоаннъ Златоустъ, и каждый благомыслящій человѣкъ отдаетъ полную справедливость здравости его проповѣди, возникавшей изъ благороднаго негодованія на развратную и пустую роскошь тѣхъ людей, къ которымъ была обращена она. Этимъ людямъ, губившимъ родину и тиранившимъ свой народъ для удовлетворенія своихъ пошлыхъ страстей, дѣйствительно нужно было напоминаніе о власяницѣ и чорствомъ хлѣбѣ. Аскетизмъ проповѣдывалъ также Массильонъ при дворѣ Людовика XIV, и каждый согласится, что проповѣдь Массильона была благородна и справедлива: дѣйствительно нужно было говорить этимъ развратнымъ и жестокосердымъ вельможамъ объ огнѣ вѣчномъ и скрежетѣ зубовъ. Такихъ проповѣдниковъ аскетизма нельзя смѣшивать съ какими нибудь іезуитами, у которыхъ цѣль проповѣди объ аскетизмѣ состоитъ въ пріученіи несчастныхъ и голодныхъ къ мысли, что они вѣчно должны быть голодны и должны радоваться тому, что такова ихъ судьба. Вы сказали „аскетизмъ“ и думаете, что этимъ уже все рѣшено. Одно слово само по себѣ ничего не значитъ. Скрываются часто самыя пагубныя стремленія подъ самымъ прекраснымъ словомъ. Прочитайте рѣчи южныхъ ораторовъ Сѣверной Америки: они отвергали выборъ Фримонта во имя законности, во имя отцовской любви,

во имя просвѣщенія. Впрочемъ, къ чему намъ ходить далеко? Такіе случаи бываютъ вездѣ и всегда. Съ другой стороны, еще чаще стремленія благородныя и дѣйствительно полезныя были въ глазахъ многихъ унижаемы тѣми неблаговидными словами, къ которымъ защитники этихъ стремленій прибѣгали, или по одностороннему увлеченію, или по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Какъ часто говорили объ ожесточенной враждѣ и кровавыхъ распряхъ и насильственныхъ переворотахъ люди, всей цѣлью жизни которыхъ было всеобщее примиреніе, любовь и тишина! Слова еще ничего не значатъ: нужно знать, изъ какихъ стремленій возникаютъ слова.

„Письма Гоголя“ и напечатанныя до сихъ поръ воспоминанія о немъ людей къ нему близкихъ не знакомятъ насъ съ его образомъ мыслей на столько, чтобы можно было прямымъ образомъ рѣшить по нимъ, каковъ именно былъ этотъ человѣкъ, одаренный характеромъ, исполненный, повидимому, противорѣчій, какою общею идеею была проникнута его нравственная жизнь, представляющаяся на первый взглядъ столь нелогическою, безсвязною и даже нелѣпою. Мы хотимъ попробовать, нельзя ли за недостаткомъ положительныхъ свидѣтельствъ сколько нибудь приблизиться къ рѣшенію вопроса о нравственной жизни Гоголя путемъ соображеній.

Догадки и соображенія никогда не должны имѣть притязанія на безусловную основательность. Гипотеза остается гипотезою, пока факты не подтвердятъ ее, и надобно сказать, рѣдко гипотеза подтверждается фактами во всѣхъ своихъ подробностяхъ, такъ, чтобы не измѣниться при переходѣ въ достовѣрную фактическую истину. Довольно уже и того, если она близка къ истинѣ.

За недостаткомъ прямыхъ свѣдѣній о нравственной жизни Гоголя, мы прежде всего постараемся отгадать, съ какими вліяніями могъ онъ встрѣчаться въ тѣхъ обществахъ, среди которыхъ жилъ.

Мы не будемъ много говорить о жизни Гоголя до самаго переселенія въ Петербургъ. Онъ скоро вышелъ изъ-подъ вліяній, которыми окруженъ былъ въ домашнемъ быту и потомъ въ школѣ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ съ самаго начала, какъ человѣкъ совершенно темный, не нашелъ близкихъ знакомыхъ ни въ комъ, кромѣ нѣсколькихъ бывшихъ сотоварищей по школѣ и знакомой съ ними вообще молодежи, бѣдной и безвѣстной. Этотъ кружокъ юношей, оживленныхъ веселостью среди житейскихъ недостатковъ, живущихъ на распашку, былъ безъ сомнѣнія наилучшимъ изъ всѣхъ тѣхъ кружковъ, къ которымъ впослѣдствіи примыкалъ Гоголь. Но кромѣ веселости, соединенной съ молодостью, едва ли могъ найти что нибудь Гоголь между этими людьми.

За десять лѣтъ передъ тѣмъ, десятью годами позже того, въ петербургской молодежи было одушевленіе такъ называемыми возвышенными идеями. Около 1830 года ничего такого не оказывалось. Молодежь восхищалась Пушкинымъ, да и то безъ прежняго энтузіазма; кромѣ восхищенія Пушкинымъ, едва ли можно было найти въ ней какія нибудь стремленія, переходившія за границу молодыхъ развлеченій. Въ Москвѣ молодежь съ жадностію читала „Телеграфъ“, въ Петербургѣ вмѣсто „Телеграфа“ были „Сынъ Отечества“ и „Отечественныя Записки“ Свиньина. Было время, когда и

„Сынъ Отечества“ имѣлъ въ себѣ живую струю, но это время кончилось задолго до 1829 года, и „Сынъ Отечества“ былъ пустъ и бездушенъ. „Отечественныя Записки“ Свиньина съ самаго начала до самаго конца были бездушны. Таково было чтеніе, болѣе или менѣе удовлетворявшее тогдашнюю петербургскую молодежь. Нельзя было услышать въ кругу ея ни одного изъ тѣхъ громкихъ словъ, надъ которыми такъ легко смѣяться, но безъ увлеченія которыми бѣдно и пусто сердце юноши. Конечно, и тогдашняя молодежь не была бы враждебна къ заоблачнымъ мыслямъ о судьбахъ человѣчества, о міровыхъ вопросахъ, о благѣ Россіи и т. п., еслибъ что нибудь услышала объ этихъ идеяхъ. Но дѣло въ томъ, что не откуда и не отъ кого было ей слышать о подобныхъ предметахъ. Она знала только, что Пушкинъ прежде писалъ превосходныя поэмы въ родѣ „Кавказскаго Плѣнника“, а теперь пишетъ поэмы въ родѣ „Графа Нулина“, которымъ нельзя такъ восхищаться, но что впрочемъ тотъ, кто не восхищается и теперь Пушкинымъ, есть презрѣнный зоилъ. Она думала также, что Языковъ, Баратынскій, Дельвигъ и т. д. и т. д., пишутъ стихи ни чуть не хуже Пушкина, но знала также, что они не должны быть считаемы такими великими поэтами, какъ онъ, хотя и они также великіе поэты. Что хорошаго въ стихахъ Пушкина, кромѣ звучности и легкости, этого никто въ Петербургѣ и не зналъ около 1830 года; прежде находили въ немъ какой-то романтизмъ, который во времена критики Марлинскаго объяснялся какъ что-то живое; но къ 1830 году въ Петербургѣ забыли даже о критикѣ Марлинскаго, и романтизмъ казался чуть ли не просто причудливостію. Если таковы были литературныя понятія тогдашней петербургской молодежи, легко себѣ вообразить, каково было ея отношеніе къ другимъ живымъ идеямъ: она, бѣдная, и не подозрѣвала ихъ существованія.

Скоро Гоголь сдѣлался литераторомъ, и случайность, которая до сихъ поръ называется необыкновенно счастливой и благотворной для развитія творческихъ силъ Гоголя, ввела его въ кружокъ, состоявшій изъ избраннѣйшихъ писателей тогдашняго Петербурга. Первымъ былъ въ этомъ кружкѣ человѣкъ съ талантомъ дѣйствительно великимъ, съ умомъ дѣйствительно очень быстрымъ, съ характеромъ дѣйствительно очень благороднымъ въ частной жизни. Пушкинъ ободрялъ молодаго писателя и внушалъ ему, какимъ путемъ надобно идти къ поэтической славѣ. Но каковъ могъ быть характеръ этихъ внушеній? Извѣстенъ образъ мыслей, вполнѣ развившійся въ Пушкинѣ, когда прежніе его руководители смѣнились новыми друзьями и прежняя непріятная обстановка замѣнилась благосклонностью со стороны людей, третировавшихъ Пушкина нѣкогда, какъ дерзкаго мальчишку. До конца жизни Пушкинъ оставался благороднымъ человѣкомъ въ частной жизни: человѣкомъ современныхъ убѣжденій онъ никогда не былъ; прежде, подъ вліяніями, о которыхъ вспоминаетъ въ Аріонѣ, казался, а теперь даже и не казался. Онъ могъ говорить объ искусствѣ съ художественной стороны, ссылаясь на глубокомысленнаго Катенина; могъ прочитать молодому Гоголю прекрасное стихотвореніе „Поэтъ и Чернь“ съ знаменитыми стихами:

„Не для житейскаго волненья,
„Не для корысти, не для битвъ и т. д.:

могъ сказать Гоголю, что Полевой—пустой и вздорный крикунъ: могъ похвалить непритворную веселость „Вечеровъ на Хуторѣ“. Все это, пожалуй, и хорошо, но всего этого мало; а по правдѣ говоря, не все это и хорошо.

Если мы предположимъ, что въ общество, занятое исключительно разсужденіями объ артистическихъ красотахъ, вошелъ человѣкъ молодой, до того времени не имѣвшій случая составить себѣ твердый и систематическій образъ мыслей, человѣкъ, не получившій хорошаго образованія, должны ли мы будемъ удивляться, когда онъ не пріобрѣтетъ здравыхъ понятій о метафизическихъ вопросахъ и не будетъ приготовленъ къ выбору между различными взглядами на государственныя дѣла?

Привычки, утвердившіяся въ обществѣ, имѣютъ чрезвычайную силу надъ дѣйствіями почти каждаго изъ насъ. У насъ еще очень сильно то мелкое честолюбіе, которое мѣшаетъ человѣку находить удовольствіе въ средѣ людей менѣе высокаго ранга, какъ скоро открывается ему доступъ въ кружокъ, принадлежащій къ болѣе высокому классу общества. Гоголь былъ похожъ почти на каждаго изъ насъ, когда пересталъ находить удовольствіе въ обществѣ своихъ прежнихъ молодыхъ друзей, вошедши въ кружокъ Пушкина. Пушкинъ и его друзья съ такимъ добродушіемъ заботились о Гоголѣ, что онъ былъ бы человѣкомъ неблагодарнымъ, если бы не привязался къ нимъ какъ къ людямъ. „Но можно имѣть расположеніе къ людямъ и не поддаваться ихъ образу мыслей“. Конечно, но только тогда, когда я самъ уже имѣю твердыя и приведенныя въ систему убѣжденія: иначе откуда же я возьму основаніе отвергать мысли, которыя внушаются мнѣ цѣлымъ обществомъ людей, пользующихся высокимъ уваженіемъ въ цѣлой публикѣ,— людей, изъ которыхъ каждый гораздо образованнѣе меня? Очень натурально, что если я, человѣкъ мало образованный, нахожу этихъ людей честными и благородными, то мало-по-малу привыкну я и убѣжденія ихъ считать благородными и справедливыми.

Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что до того времени, когда начало въ Гоголѣ развиваться такъ называемое аскетическое направленіе, онъ не имѣлъ случая пріобрѣсти ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленнаго образа мыслей. Онъ былъ похожъ на большинство полуобразованныхъ людей, встрѣчаемыхъ нами въ обществѣ. Объ отдѣльныхъ случаяхъ, о фактахъ, попадающихся имъ на глаза, судятъ они такъ, какъ велитъ имъ инстинктъ ихъ натуры. Такъ и Гоголь, отъ природы имѣвшій расположеніе къ болѣе серьезному взгляду на факты, нежели другіе писатели тогдашняго времени, написалъ „Ревизора“, повинуясь единственно инстинктивному внушенію своей натуры: его поражало безобразіе фактовъ и онъ выражалъ свое негодованіе противъ нихъ; о томъ, изъ какихъ источниковъ возникаютъ эти факты, какая связь находится между тою отраслью жизни, въ которой встрѣчаются эти факты, и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной жизни, онъ не размышлялъ много. Напримѣръ, конечно рѣдко случалось ему думать о томъ, есть ли какая-нибудь связь между взяточничествомъ и невѣжествомъ, есть ли какая-нибудь связь между невѣжествомъ и организаціей различныхъ гражданскихъ отношеній. Когда ему представлялся случай взяточничества, въ его умѣ возбуждалось только понятіе о взяточниче-

ствѣ и больше ничего: ему не приходило въ голову понятіе безправность, и т. п. Изображая своего городничаго, онъ, конечно, и не воображалъ думать о томъ, находятся ли въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ чиновники, кругъ власти которыхъ соотвѣтствуетъ кругу власти городничаго и контроль надъ которыми состоитъ въ такихъ же формахъ, какъ контроль надъ городничимъ. Когда онъ писалъ заглавіе своей комедіи „Ревизоръ", ему вѣрно и въ голову не приходило подумать о томъ, есть ли въ другихъ странахъ привычка посылать ревизоровъ; тѣмъ менѣе могъ онъ думать о томъ, изъ какихъ формъ вытекаетъ потребность посылать въ провинціи ревизоровъ. Мы смѣло предполагаемъ, что ни о чемъ подобномъ онъ и не думалъ, потому что ничего подобнаго не могъ онъ и слышать въ томъ обществѣ, которое такъ радушно и благородно пріютило его, а еще менѣе могъ слышать прежде, нежели познакомился съ Пушкинымъ. Теперь, напримѣръ, Щедринъ вовсе не такъ инстинктивно смотритъ на взяточничество — прочтите его разсказы: „Неумѣлые" и „Озорники", и вы убѣдитесь, что онъ очень хорошо понимаетъ, откуда возникаетъ взяточничество, какими фактами оно поддерживается, какими фактами оно могло бы быть истреблено. У Гоголя вы не найдете ничего подобнаго мыслямъ, проникающимъ эти разсказы. Онъ видитъ только частный фактъ, справедливо негодуетъ на него, и тѣмъ кончается дѣло. Связь этого отдѣльнаго факта со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращаетъ на себя его вниманія.

Виноватъ ли онъ въ этой тѣснотѣ своего горизонта? Мы не вздумаемъ оправдывать его избитою фразою, что онъ дескать былъ художникъ, а не мыслитель: не далеко уйдетъ тотъ художникъ, который не получилъ отъ природы ума, достаточнаго для того, чтобы сдѣлаться и мыслителемъ. На одномъ талантѣ въ наше время не далеко уѣдешь; а дѣятельность Гоголя была, кажется, довольно блистательна и, вѣроятно, было у него хотя столько ума, сколько найдется у каждаго изъ насъ, такъ прекрасно разсуждающихъ о вещахъ, на которыхъ запнулся Гоголь. Дѣло въ томъ, что мы съ вами, читатель, воспитались въ обществѣ гораздо болѣе развитомъ, нежели Гоголь. Вспомните, было ли въ вашей жизни время, когда не знакомо было вамъ, напримѣръ, хотя бы слово „принципъ?" А Гоголь, въ то время, когда писалъ „Ревизора", по всей вѣроятности, и не слыхивалъ этого слова, хотя былъ знакомъ уже нѣсколько лѣтъ и съ Пушкинымъ и со многими другими знаменитыми людьми тогдашняго времени. Или другой примѣръ: вѣроятно съ незапамятныхъ лѣтъ, вы, читатель, наслышались, что префектъ во Франціи не имѣетъ никакого участія въ судебной власти, а имѣетъ только административную; а Гоголь, когда писалъ „Ревизора", очень можетъ быть, и не слышалъ о существованіи французскихъ префектовъ, а если и слышалъ, то, вѣроятно, предполагалъ, что кругъ власти префекта тотъ же самый, какъ кругъ власти губернатора; а не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что онъ рѣшительно не зналъ о такъ называемой теоріи раздѣленія судебной власти отъ административной. Слышали ли вы о трудолюбивомъ и почтенномъ нашемъ историкѣ Ертовѣ? Онъ написалъ Всеобщую Исторію во множествѣ томовъ, руководствуясь исключительно русскими источниками. Факты изложены у него точно такъ же, какъ и у всякаго другаго историка. И у него римляне

разоряютъ Карѳагенъ, а не карѳагеняне Римъ, и у него трогательными красками описанъ героическій патріотизмъ карѳагенянъ во время осады. И все это очень подробно и вѣрно. Но есть у него цѣлые періоды, оставшіеся какъ будто бы пробѣломъ—чтожъ дѣлать, онъ не виноватъ: не нашлось для этихъ періодовъ матеріаловъ въ русскихъ книгахъ. Но интереснѣе всего его разсужденія о причинахъ и послѣдствіяхъ событій; мало онъ говоритъ объ этомъ, за то чрезвычайно оригинально. Тутъ вы у него найдете такія соображенія, отъ которыхъ не поздоровилось бы ни Маколею, ни Шлоссеру: путаница невообразимая. А между тѣмъ, какъ по всему видно, самъ по себѣ Ертовъ былъ ни чуть не глупѣе многихъ французскихъ или нѣмецкихъ историковъ: но чтожъ желать, когда у него подъ руками не было сносныхъ мыслей о причинахъ и послѣдствіяхъ историческихъ событій, и когда начитался онъ въ единственныхъ доступныхъ ему книгахъ такого вздора, котораго не въ состояніи былъ бы распутать и самъ Нибуръ.

„Но какимъ же образомъ Гоголь, при своемъ геніальномъ умѣ, могъ останавливаться на отдѣльныхъ фактахъ, не возводя ихъ къ общему устройству жизни? Какимъ образомъ могъ онъ удовлетвориться вздорными и поверхностными объясненіями, какія мимоходомъ удавалось ему слышать? Наконецъ, какимъ образомъ не сошелся онъ съ людьми, серьезность взгляда которыхъ, повидимому, болѣе гармонировала съ его собственною натурою?"

На послѣдній вопросъ было бъ очень затруднительно отвѣчать, еслибъ во время своей молодости Гоголь могъ знать какихъ нибудь людей, имѣвшихъ образъ мыслей, болѣе соотвѣтствовавшій инстинктивному направленію его натуры, нежели взгляды, господствовавшіе въ пушкинскомъ кружкѣ; но въ томъ и дѣло, что около 1827 — 1834 годовъ (когда Гоголю было 18 – 25 лѣтъ), никто и не слышалъ въ Петербургѣ о существованіи такихъ людей, да, вѣроятно, ихъ и не существовало. Въ Москвѣ былъ, правда, Полевой; но Полевой тогда находился въ разладѣ съ Пушкинымъ, и надобно по всему заключать, что въ кругу Пушкина считался онъ человѣкомъ очень дурнымъ и по своимъ личнымъ качествамъ и по образу мыслей, такъ что Гоголь съ самаго начала проникся нерасположеніемъ къ нему: правда, былъ тогда въ Москвѣ Надеждинъ, но Надеждинъ выступилъ злымъ критикомъ Пушкина и долго внушалъ негодованіе всему пушкинскому кружку. Если бы Полевой и Надеждинъ жили въ одномъ городѣ съ юношею Гоголемъ, быть можетъ, въ личныхъ сношеніяхъ онъ научился бы цѣнить ихъ личности и научился бы сочувствовать ихъ понятіямъ. Но онъ зналъ ихъ въ то время только по статьямъ, которыя каждый день пріучался считать нелѣпыми и отвратительными.

Черезъ много лѣтъ,—въ тѣ годы, когда уже готовъ былъ первый томъ „Мертвыхъ Душъ" (1840—1841), сдѣлались извѣстны массѣ публики, — вѣроятно, только теперь сдѣлались извѣстны и Гоголю,—люди другого направленія; но въ то время Гоголю было уже тридцать лѣтъ; въ то время онъ былъ окруженъ ореоломъ собственнаго величія, былъ уже великимъ учителемъ русской публики, — ему поздно было учиться у людей, нѣсколько младшихъ его по лѣтамъ, стоявшихъ въ тысячу разъ ниже его и по общественному положенію и по литературному авторитету. Еслибъ даже Гоголь

не примыкалъ къ пушкинскому кружку, онъ не сталъ бы заботиться о сближеніи съ ними; а для человѣка, принадлежавшаго къ пушкинскому кружку, это было рѣшительно невозможно.

Но главное, съ 1836 года, почти постоянно Гоголь жилъ за границею и, конечно, могъ только продолжать сношенія съ тѣми людьми въ Россіи, съ которыми былъ уже знакомъ прежде.

„Какъ онъ могъ, при сильномъ умѣ, останавливаться на частныхъ явленіяхъ, не отыскивая ихъ связи съ общею системою жизни? Какъ могъ довольствоваться объясненіями, ходившими въ кругу, среди котораго онъ жилъ въ Петербургѣ?“ Но вспомнимъ, что когда Гоголь переселился за границу (1836), ему не было еще двадцати семи лѣтъ, а жилъ онъ въ этомъ кругу съ 20-лѣтняго возраста. Удивительно ли, что какъ ни геніаленъ и проницателенъ юноша, вступающій въ кругъ знаменитыхъ людей, далеко превосходящихъ его образованностью, онъ на нѣкоторое время остается при томъ мнѣніи, что эти люди, признанные всѣмъ образованнымъ обществомъ своей страны за передовыхъ людей вѣка, дѣйствительно передовые люди, и что образъ ихъ мыслей соотвѣтствуетъ требованіямъ современности? Даже люди, получившіе философское образованіе, не въ 20—25 лѣтъ дѣлаются самостоятельными мыслителями; даже люди, наиболѣе расположенные отъ природы пренебрегать частными фактами изъ любви къ общимъ принципамъ, не въ 20 — 25 лѣтъ самобытно возводятъ къ общимъ принципамъ впечатлѣнія, производимыя на нихъ отдѣльными фактами. Юность — время жизни, а не теоріи; потребность теоріи чувствуется уже позднѣе, когда прошло первое, поглощающее всю энергію мысли увлеченіе свѣжими ощущеніями жизни.

Но вотъ Гоголь за границею; вотъ онъ уже близокъ къ тридцатому году жизни, изъ молодаго человѣка онъ становится мужемъ, чувствуетъ потребность не только жить и чувствовать, но и мыслить: ему нужна уже теорія, нужны общія основанія, чтобы привести въ систематическій взглядъ на жизнь тѣ ощущенія, которыя влагаются въ него инстинктивными внушеніями природы и отдѣльными фактами. Каково-то будетъ его сознательное міросозерцаніе?

Мы говорили, что эту часть нашей статьи читатель можетъ считать, пожалуй, гипотезою; но эта гипотеза очень точно сходится съ тѣми свидѣтельствами, которыя оставилъ о себѣ Гоголь въ „Авторской Исповѣди“. Мы приведемъ изъ этой статьи одно мѣсто.

„Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія...“ (Изд. П. А. Кулиша, томъ III, стр. 500).

Гоголь тутъ воображаетъ, что разсказываетъ о себѣ что-то необыкновенное, неправдоподобное; а на самомъ дѣлѣ комическіе писатели большею

частью были люди съ грустнымъ настроеніемъ духа: въ примѣръ укажемъ на Мольера. Они прибѣгали къ шуткѣ, къ насмѣшкѣ, чтобы забыться, заглушить тоску, какъ другіе заглушаютъ ее житейскимъ разгуломъ. Чему приписать свою тоску, Гоголь не знаетъ; болѣзнь самъ онъ считаетъ объясненіемъ недостаточнымъ. Не ясно ли ужъ изъ одного этого, что онъ не былъ похожъ на людей нынѣшняго времени, очень хорошо понимающихъ причину своей грусти? Онъ, создавшій Чичикова, Сквозника-Дмухановскаго и Акакія Акакіевича, не знаетъ, что грусть на душу благороднаго человѣка навѣвается зрѣлищемъ Чичиковыхъ и Акакіевъ Акакіевичей! Это странно для насъ, привыкшихъ думать о связи отдѣльныхъ фактовъ съ общею обстановкою нашей жизни; но Гоголь не подозрѣвалъ этой связи.

„... выдумывать цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, для чего это и кому отъ этого произойдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала“.

Нѣкоторые вздумали говорить, что Гоголь самъ не понималъ смысла своихъ произведеній, — это нелѣпость, слишкомъ очевидная: но то справедливо, что, негодуя на взяточничество и самоуправство провинціальныхъ чиновниковъ въ своемъ „Ревизорѣ“, Гоголь не предвидѣлъ, куда поведетъ это негодованіе: ему казалось, что все дѣло ограничивается желаніемъ уничтожить взяточничество; связь этого явленія съ другими явленіями не была ему ясна. Нельзя не вѣрить ему; когда онъ говоритъ, что испугался, увидѣвъ, какія далекія слѣдствія выводятся изъ его нападеній на плуты провинціальныхъ чиновниковъ.

Стройныя и сознательныя убѣжденія развиваются въ человѣкѣ не иначе, какъ или подъ вліяніемъ общества, или при помощи литературы. Кто лишенъ этихъ вспомогательныхъ средствъ, тотъ обыкновенно на всю жизнь остается при отрывочныхъ мнѣніяхъ объ отдѣльныхъ фактахъ, не чувствуя потребности придать имъ сознательное единство. Такіе люди до сихъ поръ составляютъ большинство у насъ даже между тѣми, которые получили такъ называемое основательное образованіе. Объ отдѣльныхъ случаяхъ они судятъ болѣе или менѣе справедливо, но вы бываете поражены безсвязностію и внутреннею разладицею ихъ сужденій, какъ скоро рѣчь пойдетъ о какихъ нибудь общихъ и обширныхъ вопросахъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ представлялось еще гораздо меньше средствъ и внѣшнихъ побужденій выйти изъ этого состоянія. Литература въ то время представляла гораздо меньше, нежели нынѣ, для развитія стройнаго образа мыслей: мнѣнія лучшихъ писателей оказывались вообще очень шаткими, какъ скоро дѣло доходило до общихъ вопросовъ, о которыхъ говорили вообще на удачу. Читая, наприм., прозаическія статьи Пушкина, вы удивляетесь тому, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ на двухъ, трехъ страницахъ соединить такъ много разнорѣчащихъ мыслей. Въ обществѣ тогда было очень мало наклонностей къ размышленію: это доказывается уже чрезвычайнымъ успѣхомъ „Библіотеки для Чтенія“, не имѣвшей никакого образа мыслей. Очень извинительно было бы Гоголю, если бы онъ остался навсегда на той ступени умственныхъ потребностей, на какой оставались во всю жизнь почти всѣ писатели, бывшіе у

насъ двадцать лѣтъ назадъ. Но онъ едва пережилъ первую пору молодости, какъ уже почувствовалъ непреодолимую потребность пріобрѣсти опредѣленный взглядъ на человѣческую жизнь, пріобрѣсти прочныя убѣжденія, неудовлетворяясь отрывочными впечатлѣніями и легкими безсвязными мнѣніями, которыми довольствовались другіе. Это свидѣтельствуетъ о высокости его натуры. Но одного инстинкта натуры мало для того, чтобы пойти вѣрнымъ путемъ къ справедливому рѣшенію глубочайшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ науки; для этого нужно также или имѣть научное приготовленіе къ тому, или надежныхъ руководителей. Припомнимъ же теперь, въ какомъ положеніи находился Гоголь, когда былъ застигнутъ потребностію создать себѣ прочный образъ мыслей.

Въ обществѣ, среди котораго онъ жилъ, пока оставался въ Россіи, онъ не находилъ заботы размышлять о тѣхъ задачахъ, которыя теперь занимали его. О нихъ говорилось такъ мало, что онъ не имѣлъ даже случая узнать, къ какимъ книгамъ слѣдуетъ ему обратиться при изслѣдованіи вопросовъ современной жизни; онъ не зналъ даже того, что какъ бы ни были достойны уваженія люди, жившіе за полторы тысячи лѣтъ до насъ, они не могутъ быть руководителями нашими, потому что потребности общества въ ихъ время были совершенно не таковы, какъ нынѣ, ихъ цивилизація была вовсе не похожа на нашу. Общество оставило его подъ вліяніемъ уроковъ и рекомендацій, какіе слышалъ онъ въ дѣтствѣ, потому что это общество никогда не занималось тѣми высокими нравственными вопросами, о которыхъ слышалъ нѣкогда ребенокъ отъ своей матери. И вотъ теперь, когда двадцати-семилѣтній человѣкъ вздумалъ искать въ книгахъ рѣшенія задачъ, его мучившихъ, онъ не зналъ, къ какимъ книгамъ обратиться ему, кромѣ тѣхъ, какія нѣкогда совѣтовали ему читать въ родительскомъ домѣ. Положеніе странное, неправдоподобное, но оно дѣйствительно было такъ. Много лѣтъ спустя, когда случилось Гоголю, по поводу своей „Переписки съ друзьями“, вступить въ споръ съ человѣкомъ иного образа мыслей, онъ наивно ссылался на авторитеты, завѣщанные ему дѣтствомъ, никакъ не предполагая, чтобы его противникъ, или кто бы то ни былъ въ мірѣ, могъ иначе думать о нихъ, или идти къ истинѣ не при исключительномъ ихъ руководствѣ. Еще позднѣе, когда онъ писалъ свою „Авторскую Исповѣдь“, онъ столь же наивно оправдывался отъ обвиненій въ заблужденіяхъ опять-таки ссылками на эти авторитеты и воображалъ, что несомнѣнно убѣдитъ всѣхъ въ истинности своего пути, какъ скоро объяснитъ, какими авторитетами онъ руководился: ясно видишь, когда читаешь „Авторскую Исповѣдь“, что Гоголю не приходитъ и въ голову мысль о возможности такого возраженія: „Ты читалъ не тѣ книги, какія нужно было тебѣ читать“. Онъ воображаетъ, что всѣ будутъ согласны съ нимъ, когда онъ утверждаетъ, что нѣтъ иной истины, кромѣ истины, заключающейся въ книгахъ, завѣщанныхъ ему дѣтскими воспоминаніями.

Въ настоящее время такая умственная безпомощность едва ли была бы возможна; но двадцать лѣтъ тому назадъ многое было иначе. Теперь наша литература, какова бы она ни была, проникнута мыслію. Около 1835—37 года этого не было; теперь въ обществѣ вы очень часто слы-

шите разговоры „о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе“, тогда это случалось несравненно рѣже. Но кому покажется слишкомъ невѣроятной наивность Гоголя, тотъ можетъ присмотрѣться къ своимъ знакомымъ, и тогда повѣрить ей: какъ часто и теперь вы встрѣчаете людей, которые и русскіе журналы и даже иностранныя газеты читаютъ, а между тѣмъ въ сомнительныхъ случаяхъ обращаются за справкою къ своимъ школьнымъ урокамъ! Разница между ними и Гоголемъ не слишкомъ значительна.

Если бы Гоголь жилъ въ Россіи, вѣроятно, онъ встрѣчалъ бы людей, противорѣчащихъ ему во мнѣніи о методѣ, имъ избранной, хотя и тутъ едва ли могло бы вліяніе этихъ людей устоять противъ громкихъ именъ, одобрявшихъ путь, на который сталъ онъ. Но онъ жилъ за границею въ обществѣ трехъ, четырехъ людей, имѣвшихъ одинакія съ нимъ понятія объ авторитетахъ, которыми вздумалъ онъ руководствоваться. Какъ видно изъ его писемъ, ближайшими его друзьями были Жуковскій и Языковъ. Тонъ писемъ показываетъ, что эти два знаменитые писателя могли только усиливать наклонность, развивавшуюся въ Гоголѣ. Тотъ и другой далеко превосходили Гоголя своею образованностію; тотъ и другой въ частной жизни были людьми, внушавшими къ себѣ уваженіе и довѣріе. Кромѣ того, Языковъ имѣлъ много случаевъ оказывать Гоголю важныя услуги; еще больше добра сдѣлалъ Гоголю Жуковскій; человѣкъ всегда бываетъ расположенъ съ особенною симпатіею принимать мнѣнія людей, которыхъ считаетъ хорошими людьми въ частной жизни.

Изъ друзей, оставшихся въ Россіи, довѣреннѣйшимъ лицомъ Гоголя былъ г. Шевыревъ. Сочиненія этого ученаго доказываютъ, что онъ долженъ былъ ободрять наклонности, которыя овладѣвали умственной жизнію Гоголя.

Этимъ знакомствамъ надобно приписывать сильное участіе въ образованіи у Гоголя того взгляда на жизнь, который выразился „Перепискою съ друзьями“. По всѣмъ соображеніямъ, особенно сильно должно было быть въ этомъ случаѣ вліяніе Жуковскаго.

Направленіе, принятое мыслями Гоголя, давно охарактеризовано словомъ: „аскетизмъ“. Въ благородной душѣ наклонность къ аскетизму развивается скорѣе всего при зрѣлищѣ праздной роскоши. Именно въ этомъ случаѣ получаетъ справедливый смыслъ проповѣдь о воздержаніи, о борьбѣ съ прихотями и страстями. Гоголь за границею былъ именно въ такомъ положеніи. Еще въ Петербургѣ, благодаря посредничеству литературныхъ друзей, началось его сближеніе съ людьми высшаго общества. За границею онъ почти исключительно встрѣчалъ русскихъ путешественниковъ изъ высшаго круга. Говорить имъ о необходимости отреченія отъ ветхаго человѣка, значило говорить о сочувствіи къ бѣднымъ и страждущимъ, и если мы будемъ помнить, къ какому классу принадлежали люди, которымъ старался внушить Гоголь презрѣніе земныхъ благъ, то многія изъ его рѣчей пріобрѣтутъ смыслъ болѣе разумный, нежели какъ могло бы показаться, если бы мы забыли, что рѣчи эти порождены были сношеніями съ счастливцами земли. Проповѣдывать умѣренность бѣдняку, и безъ того уже лишенному всякихъ излишествъ—дѣло безсмысленное, внушаемое холоднымъ сердцемъ. Но говорить о смиреніи и состраданіи людямъ знатнымъ и сильнымъ чувствуетъ наклонность каждый, желающій блага обществу.

Гоголя обвиняли за то, что онъ въ послѣдніе годы жизни сближался почти исключительно съ людьми знатными и богатыми. Почти каждому изъ насъ легче упрекать въ этомъ другихъ, нежели оправдать себя. Нелѣпою клеветою было бы думать, что въ характерѣ русскаго человѣка отъ природы лежитъ черта, столько разъ осмѣянная Гоголемъ. Но описавъ Петрушку и Селифана, Гоголь не даромъ замѣчаетъ, что „весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній". Дѣйствительно, эта страсть до того распространена въ обществѣ, что обвинять за нее того или другаго отдѣльнаго человѣка почти также несправедливо, какъ негодовать на даму, прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ, за то, что она носила корсетъ. Быть можетъ, носить корсеты вредная привычка; быть можетъ, имѣть страсть къ знатнымъ знакомствамъ—дурная привычка. Но какъ осуждать отдѣльнаго человѣка за то, въ чемъ виновато все общество?

Была въ характерѣ Гоголя другая черта, имѣющая довольно тѣсное отношеніе съ наклонностію къ знатному кругу и также несообразная съ идеаломъ человѣческаго характера. Тѣ, которые говорили о Гоголѣ дурно, называли его человѣкомъ подобострастнымъ, искательнымъ. Безпристрастный судья едва ли согласится на такой рѣзкій отзывъ. Но то справедливо, что замѣтна въ Гоголѣ какая-то гибкость, какое-то излишнее желаніе избѣгать противорѣчій, говорить съ каждымъ въ его тонѣ, вообще принаровляться къ людямъ болѣе, нежели слѣдовало бы. Но и эта слабость принадлежитъ не отдѣльному человѣку, а всему обществу. Избитая латинская поговорка Saeculi vitia, non hominis,—„пороки эпохи, а не человѣка",—эта поговорка можетъ быть очень полезна не только для оправданія личностей, но, что гораздо важнѣе, для исправленія нравовъ общества. Совершенно напрасно подражать тому, который, увидѣвъ своего знакомаго, имѣющаго часть любезности и оборотливости Павла Ивановича „толкнетъ (по выраженію Гоголя) подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: „Смотри, смотри, вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!" и потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ въ-догонку, поддразнивая сзади и приговаривая: „Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!" Вмѣсто этого напраснаго глумленія, Гоголь предлагаетъ каждому изъ насъ посмотрѣть на себя съ запросомъ: „А нѣтъ ли и во мнѣ какой нибудь части Чичикова?" Это дѣло, конечно, очень хорошее, но, опять, едва ли не безполезное: пока не измѣнятся понятія и привычки общества, едва ли удастся кому нибудь изъ насъ, при всѣхъ возможныхъ анализахъ собственной души, измѣнить и собственныя привычки: онѣ поддерживаются требованіями общества, обстановкою нашей жизни; отказаться отъ дурныхъ привычекъ, господствующихъ въ обществѣ, точно также трудно, какъ и нарушать хорошія привычки, утвердившіяся въ обществѣ. Никто изъ насъ не рѣшится отравить своего непріятеля, какъ отравляли въ старину; едва ли многіе изъ насъ въ состояніи много превзойти Гоголя стоицизмомъ въ обра-

щеніи съ людьми, пока общество не будетъ требовать благородной прямоты въ обращеніи. И такъ, лучше всего подумать о томъ, какими обстоятельствами и отношеніями порождены и поддерживаются въ нашемъ обществѣ пороки, которыми мы недовольны, и какимъ образомъ можно было бы отстранить эти обстоятельства и улучшить эти отношенія.

Какъ развитіемъ всѣхъ хорошихъ своихъ качествъ человѣкъ бываетъ обязанъ обществу, точно такъ и развитіемъ всѣхъ своихъ дурныхъ качествъ. На удѣлъ человѣка достается только наслаждаться или мучиться тѣмъ, что даетъ ему общество. Съ этой точки мы должны смотрѣть и на Гоголя. Напрасно было бы отрицать его недостатки: они слишкомъ очевидны: но они были только отраженіемъ русскаго общества. Лично ему принадлежитъ только мучительное недовольство собой и своимъ характеромъ, недовольство, въ искренности котораго невозможно сомнѣваться, перечитавъ его „Авторскую исповѣдь" и письма; это мученіе, ускорившее его кончину, свидѣтельствуетъ, что по натурѣ своей онъ былъ расположенъ къ чему-то гораздо лучшему, нежели то, чѣмъ сдѣлало его наше общество. Лично ему принадлежитъ также чрезвычайное энергическое желаніе пособить общественнымъ недостаткамъ и своимъ собственнымъ слабостямъ. Исполненію этого дѣла онъ посвятилъ всю свою жизнь. Не его вина въ томъ, что онъ схватился за ложныя средства: общество не дало ему возможности узнать во время о существованіи другихъ средствъ.

Мало мы знаемъ о нашихъ геніальныхъ людяхъ прошлыхъ поколѣній, но вообще все, что мы знаемъ о нихъ, наполняетъ насъ какимъ-то неудовольствіемъ. Ни одному изъ нихъ не доставалось счастія, такъ часто замѣчаемаго въ исторіи людей другихъ странъ: соединить безукоризненность частнаго характера съ великими заслугами обществу, и тѣ недостатки, которые прискорбнѣе всего въ характерѣ Гоголя, принадлежали почти всѣмъ другимъ геніальнымъ людямъ прошлыхъ поколѣній. Примѣромъ этого пусть служитъ Суворовъ: въ немъ также слишкомъ много было гибкости характера. Мы не хотимъ приводить другихъ примѣровъ, но ихъ можно набрать десятки. Только въ самое послѣднее время стали являться у насъ между людьми, замѣчательными по уму, такіе, которые не дѣлаютъ уступокъ въ своихъ словахъ, которые говорятъ всегда дѣйствительно то, что думаютъ, безъ всякихъ умолчаній и хитрыхъ оговорокъ. До послѣдняго времени въ устахъ умнаго человѣка „да" значило у насъ не то, что значитъ во всей остальной Европѣ: „Я въ душѣ согласенъ съ вами", это слово значило только: „Я не считаю приличнымъ, или удобнымъ, противорѣчить вамъ".

Общность этого недостатка прямоты доказываетъ, что были какія-то общія обстоятельства, подчинявшія своему вліянію всѣ личности, за очень немногими исключеніями.

Но мы далеко уклонились отъ рѣчи объ аскетизмѣ, которому предался Гоголь. Людямъ того поколѣнія, которое пріобрѣло господство въ нашей литературѣ послѣ отъѣзда Гоголя за границу, аскетизмъ этотъ казался такъ несообразенъ съ ихъ понятіемъ о слѣдствіяхъ, естественно вытекающихъ изъ прежнихъ сочиненій Гоголя, что вообще распространилась мысль, будто Гоголь „Перепиской съ друзьями" отказывается отъ своей прежней дѣятельности и

даже долженъ осуждать тотъ огонь негодованія противъ общественныхъ пороковъ, который давалъ жизнь „Ревизору“ и первому тому „Мертвыхъ Душъ“. Многія неловкія выраженія о прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, со стороны самого Гоголя, подтверждали эту догадку. Но чтеніе писемъ, теперь изданныхъ, заставляетъ насъ согласиться съ увѣреніями Гоголя, что новое направленіе не помѣшало ему сохранить свои прежнія мнѣнія о тѣхъ предметахъ, которыхъ касался онъ въ „Ревизорѣ“ и первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“. Сущность перемѣны, происшедшей съ Гоголемъ, состояла въ томъ, что прежде у него не было опредѣленныхъ общихъ убѣжденій, а были только частныя мнѣнія объ отдѣльныхъ явленіяхъ; теперь онъ построилъ себѣ систему общихъ убѣжденій. При этомъ дѣлѣ человѣкъ обыкновенно сохраняетъ тѣ частныя мнѣнія, какія имѣлъ прежде, и если они логически не подходятъ подъ общій принципъ, имъ вновь принимаемый, онъ скорѣе обманетъ себя, допуститъ логическую непослѣдовательность, допуститъ очевидное противорѣчіе, нежели найдетъ нужнымъ отказаться отъ прежнихъ мнѣній. Съ такъ называемыми нравственными обращеніями почти такая-же исторія, что съ промѣномъ одного языка на другой. Эльзасскій нѣмецъ вздумалъ быть французомъ, и дѣйствительно употребляетъ французскія слова, но выговоръ остался у него прежній, весь складъ рѣчи прежній, и по одной фразѣ, по одному слову, вы тотчасъ узнаете, что передъ вами все-таки нѣмецъ, а не французъ. Идолопоклонники — китайцы вздумали быть буддистами, и по общимъ фразамъ ихъ кажется, будто они стали монотеистами; но они сохранили всѣхъ своихъ идоловъ и всѣ свои прежнія понятія.

Съ того времени, какъ Гоголемъ овладѣло аскетическое направленіе, письма его наполнены разсужденіями о такихъ предметахъ, которыми прежде онъ мало занимался. Но если вы, преодолѣвъ скуку, наводимую однообразіемъ этихъ писемъ, всмотритесь въ нихъ ближе и точнѣе, сравните ихъ съ письмами прежнихъ годовъ, вы увидите, что во второмъ періодѣ сохранилось, кромѣ молодой веселости, все то, что было въ письмахъ перваго періода, и наоборотъ въ письмахъ перваго періода вы найдете уже тѣ черты, которыя, повидимому, должны были-бы принадлежать второму періоду. Это убѣжденіе намъ самимъ долго казалось сомнительно; предполагая, что оно можетъ показаться сомнительно и читателю, мы считаемъ нужнымъ подтвердить его выписками довольно многочисленными. Если читатель найдетъ ихъ излишними, тѣмъ лучше: значитъ онъ уже убѣжденъ, что Гоголь, если и заблуждался, то не измѣнялъ себѣ, и что если мы можемъ жалѣть о его судьбѣ, то не имѣемъ права не уважать его.

Одною изъ самыхъ странныхъ особенностей, которыми поразила „Переписка съ друзьями“ и предисловіе ко второму изданію перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, была просьба, съ которою обращался Гоголь къ своимъ читателямъ: присылать ему замѣчанія о русскихъ нравахъ. Это желаніе казалось такъ странно, что многіе сомнѣвались въ его искренности. Но послѣ изданія писемъ она не подлежитъ сомнѣнію: всѣхъ своихъ друзей Гоголь заклинаетъ доставлять ему замѣчанія о русской жизни. Иногда предметъ требованій странетъ до невѣроятности: такъ, напримѣръ, одну даму, живущую въ провинціи, онъ проситъ составить для него записку о раскольникахъ той

губерніи, совершенно забывая, что дама эта совершенно не имѣетъ понятія о дѣлѣ, которое на нее возлагается. И мы ошиблись-бы, если-бы приписали только послѣднему періоду жизни Гоголя требованіе матеріаловъ для своихъ сочиненій. Эта привычка была у него съ самаго начала и только развилась въ послѣдствіи. Вотъ напримѣръ отрывокъ изъ письма къ матери, посланнаго еще въ 1829 г., при самомъ началѣ литературной карьеры Гоголя, когда онъ приготовлялъ „Вечера на Хуторѣ“.

1829 г. апрѣля 30.

„Теперь, почтеннѣйшая маменька, мой добрый ангелъ-хранитель, теперь васъ прошу въ свою очередь сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій. Вы имѣете тонкій наблюдательный умъ, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. Вы помните, разъ мы видѣли въ нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ можно будетъ разспросить старожиловъ: я думаю, Анна Матвѣевна, или Агаѳія Матвѣевна много знаютъ кое-чего изъ давнихъ годовъ. Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно разспросить Демьяна (кажется, такъ его зовутъ, прозванія не помню), котораго мы видѣли учредителемъ свадебъ и который зналъ, повидимому, всѣ возможныя повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе-либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ, и проч. и пр. и пр. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно. На этотъ случай и чтобы вамъ не было тягостно, великодушная, добрая моя маменька, совѣтую имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ нашего повѣта. Александра Ѳедоровна, которой смѣтливости и тонкимъ замѣчаніямъ я всегда удивлялся, можетъ и въ этомъ случаѣ оказать вамъ очень большую помощь“. (Томъ V, стран. 81).

Въ этомъ отрывкѣ тотъ-же патетическій тонъ, какъ и въ просьбахъ о „Мертвыхъ Душахъ“, будто-бы дѣло идетъ о предметѣ первой необходимости, будто безъ присылки замѣчаній отъ матери Гоголь не въ состояніи описывать малорусскую жизнь. Таже самая странность и въ томъ, что свѣдѣнія, требуемыя Гоголемъ, кажутся иногда излишними не только человѣку, проведшему все дѣтство въ Малороссіи, но прожившему хотя недѣлю въ этой странѣ. Напримѣръ, неужели Гоголь могъ не знать „полнаго наряда сельскаго дьячка“? Наконецъ та-же самая обширность обязанностей, налагаемыхъ Гоголемъ: онъ проситъ мать набрать особенныхъ корреспондентовъ по разнымъ мѣстамъ, для доставленія ему свѣдѣній. Разница только въ одномъ: пока Гоголь думаетъ, что достоинство его сочиненій важно только для людей близкихъ къ нему, онъ обращается съ просьбою только къ людямъ близкимъ; потомъ онъ проситъ безъ различія всѣхъ своихъ читателей,—но за то вѣдь онъ уже полагаетъ, что достоинство его сочиненій важно для каждаго читателя.

Странною чертою въ „Перепискѣ съ друзьями“ казалось увѣреніе, что нужно только укрѣпиться въ вѣрѣ, и тогда легко будетъ переносить самыя

прискорбныя утраты. Это было принято даже за лицемѣріе, по пословицѣ „чужую бѣду по пальцамъ разведу“. Но вотъ что пишетъ Гоголь на семнадцатомъ году жизни, получивъ извѣстіе о смерти отца.

1825 г. апрѣля 23 дня.

„Не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однакожь не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись-же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему“. (Томъ V, стр. 19).

Затѣмъ Гоголь продолжаетъ разсуждать, что „благословляетъ священную вѣру, въ которой находитъ утоленіе своей горести“, такъ что теперь онъ спокоенъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не былъ опечаленъ шестнадцатилѣтній мальчикъ смертію отца?—Странна казалась въ „Перепискѣ“ манера утверждать, что самыя тяжелыя потери надобно считать за радостныя событія, потому что ими очищается душа и доказывается благоволеніе Промысла. Но что это не было притворствомъ, а дѣйствительнымъ убѣжденіемъ Гоголя, видимъ изъ письма къ матери, по случаю жестокой горести, поразившей одного изъ ближайшихъ друзей Гоголя.

1838 г. мая 16.

„Я получилъ ваше письмо и уже хотѣлъ было отвѣчать на него, какъ вдругъ мнѣ принесли еще одно ваше письмо, въ которомъ вы извѣщаете о смерти Татьяны Ивановны. Мнѣ было тоже прискорбно объ этомъ слышать. Мнѣ еще болѣе было жаль, что мой добрый Данилевскій не со мною въ это время, чтобы я могъ сколько-нибудь облегчить участіемъ его потерю и утѣшить его въ ней. Я, однакожь, написалъ ему объ этомъ въ Парижъ, гдѣ онъ теперь находится и гдѣ, можетъ быть, уже получилъ это печальное извѣстіе безъ меня. Частыя потери наконецъ такъ пріучаютъ сердце и умъ къ мысли о смерти, что она наконецъ не имѣетъ для насъ ничего ужаснаго. Истинный христіанинъ радуется смерти близкаго своему сердцу. Онъ, правда, разлучается съ нимъ, онъ не видитъ уже его, но онъ утѣшенъ мыслію, что другъ его уже вкушаетъ блаженство, уже бросилъ всѣ горести, уже ничто не смущаетъ его; и въ этомъ то состоитъ глубокое самоотверженіе, какое можетъ только быть, и какое можетъ только внушить одна христіанская религія“. (Томъ V, стр. 325).

Въ письмѣ къ матери о постороннемъ человѣкѣ Гоголю не было нужды надѣвать маску; поэтому можно вѣрить искренности его мнѣнія, когда онъ въ письмѣ къ самому А. С. Данилевскому толкуетъ, что, „можетъ быть, горесть, постигшая тебя, есть переломъ, который высшія силы почли для тебя нужнымъ, и эти исполненныя сильной горести слезы были для оживленія твоей души“. А надобно замѣтить, что эти письма относятся къ 1838 году, когда Гоголь еще не предавался аскетическому направленію.

Чертою лицемѣрной гордости, подъ маскою смиренія, казались разсужденія Гоголя о томъ, что въ каждомъ событіи своей жизни видитъ онъ руку Промысла; но вотъ отрывокъ изъ письма его къ матери, оно ни мало не уступитъ „Перепискѣ съ друзьями“, хотя относится еще къ 1829 г.

1829 г. іюля 24.

Теперь, собираясь съ силами писать къ вамъ, не могу понять, отчего перо дрожитъ въ рукѣ моей: мысли тучами налегаютъ одна на другую, не давая одна другой

мѣста, и непонятная сила нудитъ и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ излиться передъ вами и высказать всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго; но какъ ужасно это наказаніе. Безумный! я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственной разсѣянностію свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобъ я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда-бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти Божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими, поддерживающими жизнь такъ безплодно. Пресмыкаться другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута жизни не утрачивается даромъ, гдѣ каждая минута—богатый запасъ опытовъ и знаній: но изжить тамъ вѣкъ, гдѣ не представляется совершенно впереди ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно!

Не смотря на это все, я рѣшился, въ угодность вамъ больше, служить здѣсь во что-бы то ни стало; но Богу не было этого угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ покровителей, не могъ достигнуть. Не явный-ли былъ здѣсь надо мною промыслъ Божій? Не явно-ли Онъ наказывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный? Что-жь? я и тутъ упорствовалъ, ожидалъ цѣлые мѣсяцы, не получу-ли чего. Наконецъ... какое ужасное наказаніе! Ядовитѣе и жесточе его для меня ничего не было въ мірѣ. Я не могу, я не въ силахъ написать... Маменька, дражайшая маменька! я знаю, вы однѣ истинный другъ мнѣ. Повѣрите-ли? и теперь, когда мысли мои уже не тѣмъ заняты, и теперь при напоминаніи, невыразимая тоска врѣзывается въ сердце. Однѣмъ вамъ я только могу сказать... Вы знаете, что я былъ одаренъ твердостію, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ... Кто-бы могъ ожидать отъ меня подобной слабости? Но я видѣлъ ее.. нѣтъ, не назову ее... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня... Лицо, котораго поразительное блистаніе въ одно мгновеніе печатлѣется въ сердцѣ; глаза, быстро пронизывающіе душу: но ихъ сіянія жгучаго, проходящаго насквозь всего, не вынесетъ ни одинъ изъ человѣковъ. О, если бы вы посмотрѣли на меня тогда!.. правда, я умѣлъ скрывать себя отъ всѣхъ, но укрылся-ли отъ себя? Адская тоска, съ возможными муками, кипѣла въ груди моей. О, какое жестокое состояніе! Мнѣ кажется, если грѣшникамъ уготованъ адъ, то онъ не такъ мучителенъ. Нѣтъ, это не любовь была... Я по крайней мѣрѣ не слыхалъ подобной любви. Въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній, я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ, только одного взгляда алкалъ я... Взглянуть на нее еще разъ — вотъ бывало одно единственное желаніе, возраставшее сильнѣе и сильнѣе, съ невыразимою ѣдкостью тоски. Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны, и душа не могла дать отчета въ своихъ явленіяхъ. Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хотя тѣнь покоя въ истерзанную душу. Въ умиленіи, я призналъ невидимую Десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ такъ дивно назначенный путь мнѣ. Нѣтъ, это существо, которое Онъ послалъ лишить меня покоя, разстроить шаткосозданный міръ мой, не была женщина. Если-бы она была женщина, она-бы всею силою своихъ очарованій не могла произвесть такихъ ужасныхъ, невыразимыхъ впечатлѣній... Но, ради Бога, не спрашивайте ея имени. Она слишкомъ высока, высока. (Томъ V, стр. 84—86).

Въ этомъ открывкѣ тотъ-же самый мистическій тонъ, какъ и въ письмахъ аскетическаго періода.

Высокомѣрнымъ ханжествомъ казались требованія Гоголя, чтобы каждый непремѣнно читалъ его „Переписку съ друзьями“ для душевной пользы

своей, и предписанія, какъ именно читать ее, и приказанія передавать ее для чтенія другимъ. Каковы-бы ни были эти совѣты и требованія, но Гоголь давалъ ихъ отъ чистаго сердца, по твердому убѣжденію въ ихъ великой пользѣ; это доказывается письмами къ матери, изъ которыхъ вотъ отрывокъ одного:

1843 г. 1 октября.

„Письма ваши и вмѣстѣ съ ними письма сестеръ моихъ я получилъ. Сказать по истинѣ, всѣ они вообще меня нѣсколько изумили, изумили меня именно въ слѣдующемъ отношеніи: я не ожидалъ ничего болѣе насчетъ моего письма, какъ только одного простаго увѣдомленія, что оно получено. Вмѣсто того, получилъ я цѣлыя страницы объясненій и оправданій, точно какъ будто-бы я обвинялъ кого-нибудь. Если кто ощущаетъ желаніе оправдаться въ чемъ-либо, пусть оправдывается передъ своею совѣстью, или передъ духовникомъ своимъ. А я не могу и не хочу быть обвинителемъ никого. Многіе даже позабыли, что все до послѣдняго слова въ письмѣ слѣдуетъ взять на свой счетъ, а не одно то, что болѣе забираетъ за живое. Другимъ вообразилось, что я вслѣдствіе неудовольствія написалъ это письмо. На это скажу вамъ, что ни одно письмо не было къ вамъ въ духѣ такой душевной любви, какъ это письмо. Но оставимъ объ этомъ всякія изъясненія. Исполните теперь мою просьбу, о которой васъ буду просить: оставьте мое письмо, не читайте его, не заговаривайте о немъ, даже между собою, до самаго Великаго поста. Но зато дайте мнѣ всѣ слово во все продолженіе первой недѣли Великаго поста (мнѣ-бы хотѣлось, чтобы вы говѣли на первой недѣлѣ) читать мое письмо, перечитывая всякій день по одному разу и входя въ точный смыслъ его, который не можетъ быть доступенъ съ перваго разу. Кто меня любитъ, тотъ долженъ все это исполнить. Послѣ этого времени, то-есть послѣ говѣнія, если кому нибудь придетъ душевное желаніе писать ко мнѣ по поводу этого письма, тогда онъ можетъ писать и объяснять все, что ни подскажетъ ему душа его.

„Теперь я долженъ еще вамъ сдѣлать замѣчанія насчетъ двухъ выраженій въ письмѣ вашемъ. Въ одномъ вы говорите, что я теперь истинный христіанинъ. Прежде всего — это неправда. Я отъ этого имени далѣе, чѣмъ кто-либо изъ васъ, и всѣ эти упреки, которые каждая нашла въ письмѣ моемъ, какъ направленные собственно на нее, всѣ эти упреки, собравъ вмѣстѣ, можно сдѣлать одному мнѣ, и такое дѣйствіе будетъ справедливо вполнѣ. Въ другомъ мѣстѣ вы говорите, что рѣдкій братъ сдѣлалъ столько для сестеръ, какъ я. На это я вамъ скажу искренно: истинно полезнаго я не сдѣлалъ ничего для моихъ сестеръ. Одно только я сдѣлалъ истинно полезное дѣло, написавши это письмо. Но и тутъ не мой подвигъ: безъ помощи иной, я бы не могъ этого сдѣлать. Къ тому-же это письмо, въ истинномъ смыслѣ своемъ, осталось не понятно. Стало быть я ничего не сдѣлалъ. Но ни слова больше объ этомъ предметѣ, какъ-бы не зашевелился у кого-нибудь языкъ заговорить о немъ. Только этими словами отвѣчайте на письмо это: *Просьба насчетъ письма будетъ исполнена*, и ничего болѣе. Предметовъ у васъ, вѣрно, найдется поговорить, и кромѣ этого письма". (Томъ VI, стр. 27—28).

Удивительны распоряженія о томъ, какъ читать письмо; не менѣе удивительно и чрезвычайно высокое мнѣніе о необыкновенномъ благодѣяніи, которое онъ оказываетъ матери и сестрамъ этимъ письмомъ. Для родныхъ своихъ, Гоголь сдѣлалъ, въ самомъ дѣлѣ, много: онъ воспиталъ своихъ сестеръ, онъ уступилъ имъ свое имѣнье, мать хвалитъ его за это. „Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, это все пустяки, а вотъ за письмо это, вы дѣйствительно можете считать меня своимъ благодѣтелемъ, но я не горжусь тѣмъ: не самъ собою, а по внушенію высшей силы написалъ я это, да и не можетъ человѣкъ сотворить такого великаго дѣла безъ помощи высшей силы".

Много у Гоголя во второмъ періодѣ писемъ, производящихъ очень

невыгодное впечатлѣніе; но изъ всѣхъ самое тяжелое чувство наводится тѣми, въ которыхъ онъ своей матери проповѣдуетъ правила жизни хозяйственной и даже нравственной. Мы защищаемъ добрую славу великаго писателя, но не будемъ молчать о фактахъ, даже наиболѣе способныхъ поколебать довѣріе къ его сердцу. Вотъ отрывки изъ этихъ писемъ, передъ которыми очень слабымъ свидѣтельствомъ противъ Гоголя кажутся всѣ остальныя его слова и поступки:

1847 г. января 25.

„Пишу къ вамъ вновь, по поводу вашихъ писемъ, перечитавши ихъ снова. Сначала мнѣ было очень непріятно, что письмо мое, пришедши не вмѣстѣ съ книгой, ввело васъ въ заблужденіе и тревожное состояніе духа. Теперь я вижу, что случилось это не безъ воли Божіей. Письмо мое нечаяннымъ образомъ послужило пробою вашего состоянія душевнаго и обнаружило предо мною, на какой степени любви и вѣры и вообще на какой степени христіанскихъ познаній и добродѣтелей находитесь вы всѣ, тѣмъ болѣе, что по письмамъ, писаннымъ по пріѣздѣ изъ Кіева, мнѣ уже было показалось, что сестры мои поняли, что такое христіанство и чѣмъ оно необходимо въ дѣлахъ жизни. Я обманулся. Духовное распоряженіе, которое я сдѣлалъ во время тяжкой болѣзни, отъ которой меня Богъ Своею милостію избавилъ, — распоряженіе, которое дѣлаетъ въ такія минуты всякъ,— распоряженіе, которое, по настоящему, всякъ христіанинъ долженъ сдѣлать заблаговременно, и безъ болѣзни, хотя бы надѣялся на свои силы и совершенное здоровье, потому что не мы правимъ днями своими—человѣкъ сегодня живъ, а завтра его нѣтъ,—это самое распоряженіе сдѣлало такое впечатлѣніе на васъ всѣхъ, кромѣ одной Ольги, какъ бы я уже умеръ, и меня нѣтъ на свѣтѣ. Я изумился только тому, какъ могутъ упасть духомъ тѣ, которые только молятся Богу, а не живутъ въ Немъ, какъ Богъ наказываетъ ихъ помраченіемъ разсудка: потому что такъ перетолковать строки письма моего можетъ одинъ тотъ, у котораго въ затмѣніи разсудокъ. (Томъ VI, стр. 330—331).

1847 г. февраля 16.

„Повторяю вамъ всѣмъ вновь, что, относительно денежныхъ расходовъ, нужно болѣе, чѣмъ когда либо, наблюдать бережливость и благоразуміе, чтобы умѣть не только содержать самихъ себя, но еще прійти въ возможность помогать другимъ, потому что теперь болѣе, чѣмъ когда либо прежде, нуждающихся. Если вамъ вообразилось, что вы уже распоряжаетесь очень умно и хозяйничаете совершенно такъ, какъ слѣдуетъ истинно хорошимъ хозяйкамъ, и достигнули уже такой мудрости, что умѣете чувствовать границу между излишнимъ и необходимымъ, и не издерживаете ни на что, какъ только на самое нужное, то знайте, что духъ гордости овладѣлъ вами и самъ сатана подсказываетъ вамъ такія рѣчи, потому что и наиопытнѣйшій хозяинъ и наиумнѣйшій человѣкъ дѣлаетъ ошибки. Счастливъ тотъ, кто видитъ свои ошибки и перебираетъ въ мысляхъ всѣ сдѣланныя дѣла свои именно затѣмъ, чтобы отыскать въ нихъ ошибки: онъ достигнетъ совершенства и во всемъ успѣетъ. Горе тому, кто самоувѣренъ и не разсматриваетъ прежнихъ поступковъ, въ убѣжденіи, что они всѣ умны: ему никогда не добыть разума; Богъ его оставитъ. (Томъ VI, стр. 342),

1847 г. февраля 16.

„Пишу къ вамъ такъ часто теперь потому, что мнѣ улучилось имѣть свободное время, и потому, что вижу надобность хоть сколько нибудь васъ укрѣпить въ *дѣлѣ жизни*. Я никогда не думалъ до сихъ поръ, чтобы вы были такъ мало христіанки. Я думалъ, что вы все таки хоть сколько-нибудь понимаете существо христіанства. А вы, какъ видно, мастерицы только исполнять наружные обряды, не пропускать вечерни, поставить свѣчку, да ударить лишній поклонъ въ землю. А на практикѣ и въ дѣлѣ, гдѣ нужно именно показать человѣку, что онъ живетъ точно во Христѣ, вы, какъ говорится, *на попятный дворъ*. Вотъ почему я написалъ къ вамъ сряду два длинныхъ письма, нынѣшнее и предъидущее, еще не получивши отвѣта на прежнія, чтобы мнѣ не быть за васъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ. Но теперь, въ продолженіе цѣлаго года,

вы не будете отъ меня получать писемъ, кромѣ развѣ изрѣдка самыхъ маленькихъ, съ извѣщеніемъ, что, слава Богу, живъ, потому что у меня есть дѣло, которымъ слѣдуетъ заняться, и которое важнѣй нашей переписки. А потому совѣтую вамъ почаще перечитывать мои прежнія письма во все продолженіе года, такъ какъ бы новыя". (Томъ VI, стр. 344).

При чтеніи такихъ писемъ трудно было бы удержаться отъ негодованія, если бы самая неумѣстность и неприличность ихъ не свидѣтельствовала о томъ, что они порождены совершенно особеннымъ настроеніемъ духа: экстазъ тутъ доходитъ до совершеннаго самоослѣпленія, весь проникнутый идеею о томъ, что „всякъ человѣкъ есть ложь", нуждается въ обличеніяхъ и укоризнахъ нравственныхъ, Гоголь забываетъ для идеи, его ослѣпляющей, о естественныхъ отношеніяхъ сына къ матери, о томъ, что какъ бы то ни было, и что бы то ни было, не сыну быть обличителемъ матери... Состояніе ужасное, нечеловѣческое... Но въ чемъ заключается особенность, которою такъ тяжело дѣйствуютъ эти письма? Въ томъ ли, что сынъ оскорбляетъ мать? Нѣтъ, примѣръ тому такъ много видимъ мы на свѣтѣ, что они не изумляютъ насъ; если бы Гоголь только оскорблялъ мать, мы сказали бы, что онъ былъ дурной сынъ, и вниманіе наше не остановилось бы на этомъ грустномъ замѣчаніи: мало ли на свѣтѣ дурныхъ сыновей? Ужасно здѣсь то, что Гоголь вовсе не думаетъ нарушать своихъ обязанностей относительно матери; напротивъ, онъ воображаетъ, что исполняетъ ихъ самымъ доблестнымъ образомъ: видите ли, онъ воображаетъ, что заботится о спасеніи души ея, что ведетъ ее къ вратамъ Царства Небеснаго. Слышали ли вы когда нибудь на рынкѣ пѣсню убогихъ слѣпцовъ о томъ сынѣ, который скрылся изъ отцовскаго дома, пришелъ назадъ одѣтый во вретище и поселился, какъ незнаемый нищій, въ конурѣ подъ порогомъ родительскаго дома, и каждый день слышалъ вздохи отца, стоны матери о погибшемъ возлюбленномъ сынѣ, и укрѣпляясь духомъ молчалъ, и только чрезъ много лѣтъ, въ минуту смерти, открылся имъ, что онъ сынъ ихъ? Читали ль вы недавно въ нашихъ газетахъ разсказъ о томъ, какъ одна мать зарѣзала двухъ своихъ дѣтей, зарѣзала съ любовью, съ ласкою, чтобы сдѣлать двухъ мучениковъ и самой спасти душу спасеніемъ двухъ душъ отъ земнаго соблазна? Въ аскетическихъ письмахъ Гоголя вѣетъ тотъ же самый духъ ослѣпленнаго экстаза,—духъ, побуждавшій нѣкогда сибирскихъ раскольниковъ сожигаться добровольно въ домахъ своихъ, съ восторженными гимнами о спасеніи, ими пріобрѣтаемомъ чрезъ муки смертныя? Страшно именно это изувѣрство въ письмахъ, отрывки изъ которыхъ привели мы. Невозможно не удивляться силѣ души этихъ сожигавшихъ себя изувѣровъ, этой несчастной женщины убійцы дѣтей своихъ; но не возможно и не проклинать лжеученія, давшаго такое противоестественное, такое пагубное направленіе энергіи, которая могла бы совершить столько прекраснаго и великаго, если бы направлена была къ разумнымъ цѣлямъ. Эти люди, сожигавшіе себя, имѣли въ себѣ всѣ качества души, которыми прославляли себя и спасали отечество Муціи Сцевола и Деціи Мусъ или тѣ страдальцы новой цивилизаціи, которые погибали, прививая къ себѣ чуму для испытанія средствъ спасать людей отъ чумы, которые поражаемы бывали молніею, устроивая громоотводы. И не вздумайте говорить, что Гоголь

только другихъ училъ страдать, не прилагая къ себѣ своихъ изувѣрскихъ ученій; послѣ описанія его предсмертной болѣзни, напечатанной докторомъ. его лечившимъ *), невозможно сомнѣваться въ томъ, что онъ уморилъ себя. Въ одномъ человѣкѣ, какія несообразныя крайности! Человѣкъ мучитъ себя и моритъ, какъ дикій изувѣръ Брынскихъ лѣсовъ!—Да, пришли годы, въ которые человѣкъ, вмѣсто инстинкта природы, долженъ принять своимъ руководителемъ разумъ, когда пришло время разуму овладѣть инстинктомъ, когда по настоящему должна была-бы начаться плодотворнѣйшая эпоха его дѣятельности, — оказалось, о горе, о стыдъ намъ! — оказалось, что жизнь среди насъ исказила свѣтлый даръ его разума такъ, что онъ послужилъ только на погибель ему! Страшна и нелѣпа эта жизнь!

И не вздумайте сказать, что примѣръ Гоголя—одинокое явленіе: нѣтъ. Правда, ни въ комъ не было столько энергіи, какъ въ немъ, потому ничья погибель и не была такъ страшна, какъ его погибель. Но лучшіе люди, такъ или иначе, изнемогали подъ тяжестью жизни, когда пришла имъ пора. опомнившись отъ страстнаго увлеченія свѣжею молодостью, обозрѣть проницательнымъ взглядомъ мужа жизнь. Легокъ и веселъ былъ характеръ Пушкина, а на тридцатомъ году, подобно Гоголю, изнемогаетъ онъ нравственно. и умираетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Лермонтовъ? — Лермонтовъ радъ былъ разстаться поскорѣе съ жизнью:

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцалуя,
За ложь враговъ и клевету друзей;
За *жаръ души, растраченный въ пустынь*,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Не долго я еще благодарилъ...

Какъ вы думаете, напрашивался ли бы онъ на ссоры и дуэли, если бы легче казалась ему жизнь, нежели смерть? А Кольцовъ? — О, у этого судьба была заботлива, она хотѣла избавить его отъ желанія смерти, предупредивъ всякія желанія: желѣзнаго здоровья былъ человѣкъ, а не хватило его желѣзнаго здоровья больше, чѣмъ на тридцать два года: — заботлива была судьба, хотѣла предупредить его желанія, а все-таки не успѣла:

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ.
Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма судьба,

*) Докторъ этотъ, г. А. Т. Тарасенковъ, находитъ (Моск. Вѣд. № 89), что мы „вывели изъ его разсказа заключенія, чрезвычайно далекія отъ выводовъ, какіе бы должно сдѣлать, когда сказали въ январской книжкѣ нынѣшняго года („Замѣтки о Журналахъ“), что изъ фактовъ, представленныхъ имъ, слѣдуетъ: „Гоголь уморилъ себя голодомъ“. По мнѣнію г. Тарасенкова слѣдуетъ сказать: „причиною смерти Гоголя было пощеніе“— эти слова дѣйствительно гораздо точнѣе, нежели выраженіе, нами употребленное.

Только силу мою
Сокрушила борьба... (и т. д.)
Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Еслибъ силу Богъ далъ,
Я разбилъ бы тебя!

Не вспомнить-ли еще Полежаева, который, по всему видно, былъ не хуже другихъ, но

Не расцвѣлъ, и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней...

Но долго-бы было вспоминать всѣхъ: кого ни вспомнишь изъ сильныхъ душою людей, всѣ они годятся въ этотъ списокъ. Что-же вы, милостивый государь, претендуете на Гоголя за то, что былъ

Жизнью измятъ онъ...

Такова была ужъ его натура: не ему одному, всѣмъ была такая участь: нравственное изнеможеніе, ведущее за собою преждевременную, почти умышленную, во всякомъ случаѣ, желанную смерть. Миръ тебѣ, человѣкъ слишкомъ высокихъ и слишкомъ сильныхъ стремленій.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эреба!.
Ты своею силой палъ...

Но мы уклонились отъ предмета; мы хотѣли сказать, что если нарушалъ Гоголь законы благоразумія и гуманности въ своемъ аскетизмѣ, то и не даромъ обходились ему эти нарушенія. Вотъ, напримѣръ, едва-ли онъ былъ злымъ и безчувственнымъ сыномъ, это по всему видно, даже по тѣмъ изувѣрскимъ письмамъ, въ которыхъ онъ такъ жестоко оскорбляетъ чувство сыновней почтительной любви своими назиданіями матери, — скажите-же, легко-ли было ему потомъ опомниться, видѣть вдругъ, какую дикую сумятицу надѣлалъ онъ, какъ грубо и неумѣстно онъ проступился, - увидѣть все это изъ жалобъ, которыя ему на него справедливо принесла огорченная имъ мать.

1847 г. 3 мая.

„Я получилъ письмо ваше отъ 12 марта, исполненное упрековъ. Простите меня: я передъ вами виноватъ. Виноватъ также и передъ моими добрыми сестрами, которыя меня искренно и нелицемѣрно любятъ, и которымъ я показалъ, какъ бы вовсе не замѣчаю любви ихъ. У меня былъ нѣкоторый свой умыселъ: получая самъ отовсюду упреки и находя неоцѣненную пользу для души моей отъ всякихъ упрековъ (даже и несправедливыхъ), я хотѣлъ попрекнуть васъ, и особенно сестеръ, съ тѣмъ, чтобы уже никогда ни въ чемъ не попрекать. Я не имѣлъ намѣренія оскорбить ихъ. Повѣрьте, что я совсѣмъ не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ безтолковъ въ дѣлахъ жизни. Если бы я вамъ сказалъ откровенно, что я о каждой изъ васъ думаю, то слова мои могли бы даже оскорбить вашу скромность. Скажу вамъ откровенно, что я горжусь вами: вами горжусь, что вы матъ моя, сестрами — что онѣ сестры мои. Но, зная по себѣ, какъ способны мы задремать, когда окружающіе насъ люди говорятъ намъ объ однихъ только нашихъ достоинствахъ и ни слова не упоминаютъ о недостаткахъ нашихъ, я принялъ на себя, на время, мнѣ не принадлежащую должность, видя, что никто другой, кромѣ меня, не отважился бы взять ее. Упрекъ мой въ распоряженіяхъ и расходахъ экономическихъ былъ совершенно несправедливъ. Это я увидѣлъ ясно изъ вашего письма, гдѣ вы означили обстоятельно, на какія именно потребности забираются

товары у разносчиковъ и въ лавкахъ. Я имѣлъ въ виду не столько попрекнуть сестеръ за сдѣланное дѣло, сколько напомнить вообще объ аккуратности впредь, которой вообще у всѣхъ насъ, грѣшныхъ русскихъ людей, очень мало, начиная съ меня. Еще разъ прошу прощенія, какъ у васъ, маменька, такъ равно и у всѣхъ сестеръ. Отнынѣ, не только вы, которой, какъ матери, я не имѣю права давать упрековъ, но даже никто изъ моихъ сестеръ не получитъ отъ меня ни за что выговора. И скажу вамъ искренно, что я очень радъ, сложивши съ себя, наконецъ, эту непріятную и мнѣ не принадлежащую должность. Не сердитесь же на меня. Помните только то, что передъ вами вновь стоитъ благодарный и признательный сынъ вашъ. Вновь повторяю вамъ, если вы думаете, что я увѣренъ въ совершенствѣ моемъ и въ томъ, что я могу учить другихъ, вы впадете въ то же самое заблужденіе, въ которое впали и другіе. Никогда еще я не чувствовалъ такъ живо, что я ученикъ, что мнѣ нужно многому учиться, и никогда еще не страдалъ я такимъ желаніемъ учиться. Письмо ваше исполненное мнѣ выговоровъ, я принялъ съ благодарностью. Говорю вамъ это искренно, и перечитываю его нѣсколько разъ, потому что мнѣ это очень нужно. Не сердитесь же на меня. Меня это очень огорчитъ, тѣмъ болѣе, что я и безъ того неспокоенъ. Я чувствую уже и безъ того упреки совѣсти на душѣ своей...“ (Томъ VI. стран. 387—9).

Иной скажетъ: „Это притворство. Гоголь вовсе не чувствуетъ раскаянія, онъ только притворяется смирившимся“? Положимъ: но если онъ считалъ себя правымъ, тѣмъ тяжеле была ему необходимость принять на себя унизительную роль провинившагося въ нарушеніи самыхъ первыхъ обязанностей; чѣмъ меньше искренности въ просьбѣ о прощеніи, тѣмъ тяжеле просить его. Но читая письма Гоголя изъ аскетическаго періода, мало-помалу отвергаешь мысль, что тутъ говоритъ лицемѣръ (какъ ни вѣроятно кажется такое предположеніе сначала). и убѣждаешься, что онъ большею частью писалъ въ состояніи увлеченія, не говоря уже о томъ, что въ самомъ тонѣ слышится часто что-то задушевное, чтобы быть притворнымъ: все свидѣтельствуетъ о томъ, совершенное забвеніе ловкости и условныхъ приличій, о которыхъ никогда не забываетъ лицемѣръ, нелогичность объясненій и оправданій и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное повтореніе одной и той же, неловкой и неизмѣнной мысли въ десяткахъ писемъ къ разнымъ лицамъ: выдумщикъ говорилъ-бы связнѣе и правдоподобнѣе, и не оставался бы такъ однообразенъ въ своихъ выдумкахъ, даже самыхъ неловкихъ. Нѣтъ, видно, что въ головѣ Гоголя дѣйствительно слишкомъ упорно засѣли мысли, имъ выражаемыя.

Не относительно родныхъ только нарушалъ онъ въ своемъ аскетическомъ назиданіи всякія условія житейской осмотрительности: всѣмъ писалъ онъ такія вещи, которыми оскорблялся каждый его корреспондентъ; со всѣми своими друзьями ссорился онъ изъ-за назиданій, слишкомъ безцеремонно раздаваемыхъ отъ него всѣмъ и каждому; всѣ его пріятели бывали вынуждаемы или напоминать ему, что онъ нарушаетъ въ своемъ проповѣдничествѣ правила скромности и приличія, или прекращать сношенія съ нимъ, — и каждый разъ онъ скорбѣлъ о малодушныхъ и маловѣрныхъ, и удивлялся, что его нравственныя обличенія принимаются какъ оскорбленія. Вотъ одно небольшое письмо, которое, кажется намъ, внушено уже никакъ не притворствомъ,—въ немъ, дѣйствительно, говоритъ душевная скорбь:

1849 г.

„Какія странныя мнѣ привезъ отъ васъ Аксаковъ слова! Вы потому ко мнѣ не пишете, что не въ силахъ принять отъ меня совѣтовъ. Другъ мой, N. F., еслибъ вы

знали, какъ я далекъ отъ того, чтобы съумѣть кому либо дать умный совѣтъ! Я весь изстрадался. Я такъ боленъ, и душой и тѣломъ такъ расколебался весь, что одна сострадующая строчка вашего добраго участія могла бы быть мнѣ освѣжающей каплей; а вы вмѣсто (того) приказали передать мнѣ такія слова, точно какъ бы въ насмѣшку надо мной. Добрый другъ мой я боленъ...“ (Томъ VI, стр. 498).

Но какъ-же принималъ Гоголь тѣ оскорбленія, которымъ подвергался самъ. Конечно, каковы-бы ни были его убѣжденія, человѣкъ не можетъ совершенно заглушить въ себѣ самолюбія; особенно невозможно было это Гоголю, справедливо думавшему о себѣ очень высоко. Но очевидно, онъ и самъ старался подчинить свои чувства тѣмъ правиламъ смиренія, которыя внушалъ другимъ, старался принимать оскорбленія какъ справедливыя наказанія или какъ очистительныя страданія; часто ему, кажется, удавалось это. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ письма его къ Жуковскому, послѣ того, какъ онъ узналъ о строгой критикѣ, которою была встрѣчена его „Переписка съ друзьями“:

1847 г. 6 марта.

„Письмо отъ 6/18 февраля, пущенное изъ Франкфурта тобою съ извѣстіемъ о книгѣ моей, получено мною только третьяго дня, то есть 4 марта. Появленіе книги моей разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся, точно какъ будто послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что напроказилъ больше того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее. Но тѣмъ не менѣе, книга эта отнынѣ будетъ лежать всегда на столѣ моемъ, какъ вѣрное зеркало, въ которое мнѣ слѣдуетъ глядѣться для того, чтобы видѣть все свое неряшество и меньше грѣшить впередъ“. (Томъ VI, стр. 350).

Эта манера рѣзкимъ образомъ отзываться о самомъ себѣ не можетъ быть сочтена ханжествомъ уже и потому, что съ самой молодости Гоголь имѣлъ привычку выражаться о себѣ подобнымъ языкомъ. Свою неудачу на университетской каѳедрѣ онъ излагалъ одному изъ своихъ друзей такъ:

1835 г. декабря 6.

„Я разстался съ Университетомъ, и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Не узнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года—годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесные гости, наводившіе на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и проч. и проч... Я тебѣ одному говорю это, другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это!“ (Томъ V, стр. 246—7).

Тутъ (1835 г.) уже перемѣшаны презрительныя и гордыя выраженія о себѣ точно такимъ-же образомъ, какъ въ письмахъ по поводу „безславія“, нанесеннаго впослѣдствіи „Перепискою съ друзьями“.

Въ „Перепискѣ“ изумительно показалось то неуваженіе, съ которымъ Гоголь говоритъ о своихъ сочиненіяхъ—эта черта была вовсе не новостью въ его характерѣ. Изумительно въ „Перепискѣ“ показалось и то, что не-

справедливыя и вовсе неприличныя нападенія нѣкоторыхъ журнальныхъ враговъ на „Ревизора“ и „Мертвыя Души“ называетъ онъ не лишенными основательности и т. д. — все это говорилъ онъ и гораздо прежде. Въ 1838 году, за два или три года до развитія аскетическаго направленія, онъ уже писалъ своей матери:

1838 г. декабря 10.

„Мнѣ было точно пріятно читать, что вы встрѣтили тамъ своихъ старыхъ знакомыхъ и, какъ кажется, провели время не скучно. Мнѣ даже было смѣшно нѣсколько, когда я добрался до того мѣста вашего письма, гдѣ поспорили за меня съ нѣкоторыми вашими пріятелями. Пожалуйста, вы обо мнѣ не очень часто говорите съ ними, и особенно не заводите изъ за меня никакихъ споровъ. Гораздо лучше будетъ и для васъ, и для меня, если на замѣчанія и толки о моихъ литературныхъ трудахъ вы будете отвѣчать: „я не могу быть судьею его сочиненій, мои сужденія всегда будутъ пристрастны, потому что я его мать, но я могу сказать только, что онъ добрый, меня любящій сынъ, и съ меня довольно“. И будьте увѣрены, что почтеніе другихъ усугубится и къ вамъ вдвое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко мнѣ, потому что такой отзывъ матери есть лучшая репутація человѣку, какую только онъ можетъ имѣть... Я объ этомъ потому заикнулся, что въ моихъ сочиненіяхъ очень, очень много грѣховъ, и тѣ, которые съ вами спорятъ, иногда бываютъ очень, очень справедливы. Я вамъ совѣтую иногда прочесть разборы въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и „Сѣверной Пчелѣ“ о моихъ сочиненіяхъ, и вы увидите, что ихъ вовсе не такъ хвалятъ, какъ вы объ нихъ думаете, и почти всегда эти замѣчанія справедливы. Но когда нибудь въ другое время поговоримъ объ этой статьѣ“. (Томъ V, стр. 350—51).

Странно также показалось въ „Перепискѣ“ увѣреніе Гоголя, что его литературныя заслуги достойны гораздо меньшаго уваженія, нежели какого были-бы достойны хорошія нравственныя качества, еслибъ имѣлъ ихъ. Но и это говорилъ онъ издавна: такъ, еще въ 1835 году, онъ писалъ матери:

1835 г. апрѣля 12.

„...Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ, называете меня геніемъ. Какъ бы это ни было, но это очень странно. Меня добраго, простаго человѣка, можетъ быть, не совсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ, и называть геніемъ! Нѣтъ, маменька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его; иначе у насъ столько геніевъ, что и не протолпиться. И такъ я васъ прошу, маменька, не называйте меня никогда такимъ образомъ, а тѣмъ болѣе еще въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь. Не изъявляйте никакого мнѣнія о моихъ сочиненіяхъ и не распространяйтесь о моихъ качествахъ. Скажите только просто, что онъ добрый сынъ, и больше ничего не прибавляйте и не повторяйте нѣсколько разъ. Это для меня лучшая похвала“. (Томъ V, стр. 239).

Кстати о сочиненіяхъ Гоголя. Есть люди, воображающіе, будто онъ, когда писалъ „Ревизора“, вовсе не имѣлъ въ виду нападать на взяточничество, онъ, будто-бы, просто хотѣлъ написать смѣшную комедію. Это нелѣпая выдумка почти не стоитъ того, чтобы и опровергать ее; приведемъ, однако-же, нѣсколько отрывковъ изъ писемъ, въ которыхъ Гоголь говоритъ о „Ревизорѣ“—изъ нихъ не видно, не только хотѣлъ-ли смѣшить или заставить содрогнуться публику „Ревизоромъ“, но также и то, что онъ хотѣлъ бы, если-бы позволяли ему обстоятельства, брать предметами своихъ горькихъ произведеній предметы болѣе важные, нежели мелкія плутни провинціальныхъ художниковъ:

„Я не написалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; но до сихъ

поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: „Владиміръ 3-й степени“, и сколько злости, смѣху, соли!.. Но вдругъ остановился—что изъ того, когда піеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она —какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу не оконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости!„ (Томъ V, стр. 173—174).

1836 г. апрѣля 29.

„...Я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на Московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ либо... Мочи нѣтъ. Дѣлайте что хотите съ моею пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, если бы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью“. (Томъ V, стр. 254)-

1836 г. мая 10.

„Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай—за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ, трехъ плутовъ—тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: „Мы не плуты“. Но Богъ съ ними! Я не оттого ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе“. (Томъ V, стр. 255—6).

1836 г. мая 15.

„Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня, не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты; но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалковъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него— —и кто же говоритъ? Кто говорятъ—— опытные люди, которые должны бы имѣть на сколько нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты; но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта неестественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя

слѣпка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы; меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны; но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники! И то, что бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества, а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту—значитъ, въ переводѣ, опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ, или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами,—утѣшитъ ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отчего? Не оттого ли, что я живу въ отдаленіи отъ ней, что портретъ ея еще не былъ виднѣнъ нигдѣ у меня, что, наконецъ... но не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. Сердце мое въ эту минуту наполнено благодарностью къ ней за ея вниманіе ко мнѣ. Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня". (Томъ V, стр. 260—1).

Да, мы видимъ изъ этого, что Гоголь не только понималъ необходимость быть грознымъ сатирикомъ, понималъ также, что слаба еще и мелка та сатира, которою онъ долженъ былъ ограничиться въ „Ревизорѣ". Въ этой, оставшейся неудовлетворенною, потребности расширить границы своей сатиры надобно видѣть одну изъ причинъ недовольства его своими произведеніями. Въ періодъ аскетизма, это недовольство высказывалъ онъ страннымъ языкомъ, объясняя странными источниками; но та причина, которая высказана въ приведенныхъ нами отрывкахъ, обнаруживаетъ въ Гоголѣ то глубокое пониманіе обязанностей и предметовъ сатиры, которое только теперь начинаетъ переходить въ общее убѣжденіе.

Не знаемъ, нужно-ли было въ настоящее время доказывать, что Гоголь, каковы ни были его заблужденія въ послѣдній періодъ жизни, никогда не былъ отступникомъ отъ стремленій, внушившихъ ему „Ревизора"; доказывать, что какъ-бы ни были странны многія мнѣнія и поступки его съ 1840 г., онъ дѣйствовалъ вообще не по разсчетливому лицемѣрству—если въ этомъ уже были убѣждены всѣ наши читатели, тѣмъ лучше, хотя въ такомъ случаѣ статья наша лишилась-бы всякаго значенія. Но взявшись за изложеніе объ этомъ предметѣ мнѣній, давно уже подтверждавшихся „Авторскою Исповѣдью" и отрывками корреспонденціи, помѣщенными въ „Запискахъ о жизни Гоголя", и нынѣ еще болѣе подтверждаемыхъ изданіемъ его писемъ, мы должны привести изъ этихъ писемъ еще нѣсколько отрывковъ, кажущихся намъ интересными.

Въ послѣдніе годы жизни Гоголя всѣ друзья увидѣли въ немъ меланхолика, между тѣмъ какъ прежде этого не думалъ о немъ никто. Мы уже привели изъ „Авторской Исповѣди" свидѣтельство самого Гоголя о томъ, что всегда, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, онъ былъ человѣкомъ грустнаго характера. Но быть можетъ воспоминаніе обманывало его? Неужели въ самомъ дѣлѣ только судорожною шутливостью его обманывались друзья,

принимавшіе его нѣкогда за человѣка съ веселымъ характеромъ? Да, они обманывались. На 18 году, онъ уже былъ задумчивъ и печаленъ; ему уже нужно было увѣрять своихъ родныхъ, что онъ вовсе не такъ печаленъ, какъ кажется; но—среди этихъ увѣреній о веселости своего характера, онъ самъ выдаетъ себя, замѣчая, что часто думаетъ о томъ, какъ быть веселымъ. Плоха веселость этого юноши, который видитъ уже надобность придумывать, какъ-бы ему стать веселымъ.

1827 г. февраля 26.

„...Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таплось кипучее желаніе веселости (разумѣется не буйной), и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли, или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сантиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни, удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ". (Том. V, стр. 47).

Не надобно дивиться тому, что слишкомъ много было ошибочныхъ сужденій о характерѣ Гоголя — этотъ характеръ былъ такъ многосложенъ, что еще въ ранней молодости уже казался загадочнымъ. По выходѣ изъ Нѣжинскаго Лицея, онъ писалъ матери:

1828 г. марта 1.

„Я не говорилъ никогда, что утерялъ цѣлыя 6 лѣтъ даромъ; скажу только, что нужно удивляться, что я могъ столько узнать еще. Вы изъявили сожалѣніе, что меня въ началѣ не поручили кому; но знаете ли, что для этого нужны были тысячи? Да что бы изъ этого было? Ежели я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія. Если не совершенно достигъ того, что мнѣ нужно, у меня не было другихъ путеводителей, кромѣ меня самого; а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много; силы и старанія имѣю. Мои труды, хотя я ихъ теперь удвоилъ, мнѣ не тягостны ни мало, напротивъ, они не другимъ тѣмъ мнѣ служатъ, какъ развлеченіемъ, и будутъ также служить имъ и въ моей службѣ, въ часы, свободные отъ другихъ занятій.

Что же касается до бережливости въ образѣ жизни, то будьте увѣрены, что я буду умѣть пользоваться малымъ. Я больше испыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обижался, что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ, никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли что я внутренно самъ смѣялся надъ собой вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, началомъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ—уменъ, у другихъ глупъ. Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу. Не меня не называйте мечтателемъ, опрометчивымъ, какъ будто бы я внутри самъ не смѣялся надъ ними. Нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся на вѣки неизгладимыми, и они—вѣрная и—рука моего счастія. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду [illegible]

состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро. Это непремѣнная истина, что ежели кто порядочно обтерся, ежели кому всякій разъ давали чувствовать крѣпкій гнетъ несчастій, тотъ будетъ счастливѣйшій". (Томъ V, стр. 70—71).

Многосложенъ былъ характеръ Гоголя. Напримѣръ, неоспоримо то, что въ немъ сильно развилась уклончивость, столь неизбѣжно поселяемая почти въ каждомъ изъ насъ обстановкой нашей жизни; но въ тоже самое время онъ часто дѣйствовалъ съ прямотою, рѣдкою въ нашемъ обществѣ; изъ множества примѣровъ этого, приведемъ только одинъ. У многихъ-ли достало-бы прямодушія такъ откровенно объясняться съ друзьями, которые имѣли причину быть недовольными.

1847 г. 28 августа.

„Въ любви вашей ко мнѣ я никогда не сомнѣвался, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Напротивъ, я удивлялся только излишеству ея,—тѣмъ болѣе, что я на нее не имѣлъ никакого права: я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами и почти ни о чемъ томъ, что было близко душѣ моей, не говорилъ съ вами, такъ что вы скорѣе могли меня узнать только какъ писателя, а не какъ человѣка, и этому, можетъ быть, отчасти способствовалъ милый сынъ вашъ, Константинъ Сергѣевичъ. Въ противность составившейся обо мнѣ сказкѣ, которой вы такъ охотно вѣрите, что я, то есть, люблю угожденія и похвалы какихъ-то знатныхъ Маниловыхъ. скажу вамъ, что я скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я и съ вами обращался нѣсколько не такъ, какъ бы слѣдовало. Обольстили меня не похвалы другихъ, но я самъ обольстилъ себя, какъ обольщаемъ себя мы всѣ; какъ обольщаетъ себя всякъ, кто сколько нибудь имѣетъ свой собственный образъ мыслей и слышитъ въ чемъ нибудь свое превосходство, какъ обольщаетъ себя въ великодушныхъ мечтахъ своихъ и любезный сынъ вашъ Константинъ Сергѣевичъ. какъ обольщаемъ мы себя всѣ до единаго, грѣшные люди: и чѣмъ кто больше получилъ даровъ и талантовъ, тѣмъ больше себя обольщаетъ. А демонъ излишества, который теперь подгалкиваетъ всѣхъ, раздуетъ такъ наше слово, что и смыслъ, въ которомъ оно сказано, не поймется". (Томъ VI, стр. 418—419).

Гоголь предался направленію, которое обыкновенно дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ къ бѣдности другихъ. Но именно въ то время, какъ предался ему, онъ сдѣлался человѣкомъ болѣе заботливымъ и сострадательнымъ, нежели когда-нибудь. Не говоримъ ни о его пожертвованіи своимъ наслѣдствомъ, ни о его намѣреніи положить въ банкъ сумму для поддержанія талантливыхъ молодыхъ людей, — эти факты знакомы каждому; приведемъ два случая, изъ менѣе извѣстныхъ. Въ 1847 году, въ эпоху „Переписки съ друзьями", онъ пишетъ одному изъ московскихъ литераторовъ, который былъ его казначеемъ.

1847 г., сентября 2.

„Еще прошу особенно тебя наблюдать за тѣми изъ юношей, которые уже выступили на литературное поприще. Въ ихъ положеніе хозяйственное стоитъ, право, взойти. Они принуждены бываютъ весьма часто изъ-за дневнаго пропитанія брать работы не по силамъ, и не по здоровью. Цѣна пять рублей серебромъ за печатный листъ, просто, безчеловѣчная. Сколько ночей онъ долженъ проспдѣть, чтобъ выработать себѣ нужныя деньги. Особенно, если онъ при этомъ сколько нибудь совѣстливъ и думаетъ о своемъ добромъ имени. Не позабудь также принять въ соображеніе и то, что нынѣшнее молодое поколѣніе и безъ того болѣзненно, разстроено нервами и всякими недугами. Придумай, какъ бы прибавлять имъ отъ имени журналистовъ плату, которые будто бы не хотѣли сдѣлать это гласно, словомъ—какъ легче и лучше придумается. Это твое дѣло. Твоя добрая душа найдетъ, какъ это сдѣлать, отклоня всякую догадку и подозрѣніе о нашемъ съ тобою тепломъ личномъ участіи въ этихъ дѣлахъ". (Томъ VI, стр. 424).

Вотъ одно изъ его писемъ 1849 года:

1849 г. мая 12.

„Посылаю, добрая матушка, полтораста рублей сер. не для васъ собственно, но для раздачи тѣмъ бѣднымъ мужичкамъ нашимъ, которые больше всѣхъ другихъ нуждаются, на обзаведеніе и возможность производить работу въ текущемъ году, и особенно тѣмъ, у которыхъ передохъ весь скотъ. Авось они помолятся обо мнѣ. Молитвы теперь очень нужны. Я скорблю и болѣю не только тѣломъ, но и душею. Много нанесъ я оскорбленій. Ради Бога, помолитесь обо мнѣ. О, помолитесь также о примиреніи со мною тѣхъ, которыхъ наиболѣе любитъ душа моя. На слѣдующей недѣлѣ буду писать къ вамъ...“ (Томъ VI, стр. 585).

Эти факты не нуждаются въ коментаріяхъ. Тотъ, кто, сдѣлавшись аскетомъ, продолжаетъ быть человѣкомъ сострадательнымъ, никогда не только не былъ, но и не могъ быть дурнымъ человѣкомъ.

Сомнѣвались въ его искренности и намѣреніяхъ, ради странности его заблужденій (возвращаемся въ послѣдній разъ къ этому предмету), — но возможно-ли это сомнѣніе послѣ такихъ писемъ, какъ, напримѣръ, слѣдующее:

1847 г. 25 мая.

„Статья Павлова говоритъ въ пользу Павлова, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ пользу моей книги. Я бы очень желалъ видѣть продолженіе этихъ писемъ: любопытствую чрезмѣрно знать, къ какому результату приведутъ Павлова его послѣднія письма. Покуда, для меня въ этой статьѣ замѣчательно то, что самъ-же критикъ говоритъ, что онъ пишетъ письма свои затѣмъ, чтобы привести себя въ то самое чувство, въ какомъ онъ былъ предъ чтеніемъ моей книги, и сознается самъ невинно, что эта книга (въ которой, по его мнѣнію, ничего нѣтъ новаго, а что и есть новаго, то ложь) сбила, однако-же, его совершенно съ прежняго его положенія (какъ онъ называетъ) *нормальнаго*. Хорошо же было это нормальное положеніе! Онъ, разумѣется, еще не видитъ теперь, что этотъ возвратъ уже для него невозможенъ, и что даже въ этомъ первомъ своемъ письмѣ самъ онъ сталъ уже лучше того Павлова, какимъ является въ своихъ *трехъ послѣднихъ повѣстяхъ*. Пожалуйста, этого явленія не пропусти изъ виду, когда возчувствуешь желаніе сказать также нѣсколько словъ по поводу моей книги“. (Томъ VI, стр. 401).

Читатель помнитъ превосходныя письма г. Павлова; онъ знаетъ, возможно-ли человѣку, хотя сколько-нибудь понимающему точку зрѣнія, съ которой разбираетъ „Переписку“ критикъ, полагать, что „Переписка“ можетъ принести какое-нибудь назиданіе г. Павлову? Развѣ не очевидно, что она кажется ему и не можетъ не казаться наборомъ пустыхъ общихъ мѣстъ, лживость которыхъ равняется только ихъ напыщенности? Каждому, сколько нибудь понимающему образъ мыслей критика, очевидно это.—Гоголю это не приходитъ и въ голову, напротивъ, ему воображается, будто „Переписка“, которая въ критикѣ вызвала только скорбь о заблужденіяхъ автора, чему-то очень многому, и очень полезному научила этого критика! Наивность этой мечты поразительна; то, что Гоголю могла прійти въ голову подобная мысль, уже одно можетъ совершенно доказать, что заблужденія Гоголя никакъ не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ воспоминаній, оставленныхъ въ немъ дѣтскими уроками. Онъ, какъ видимъ, совершенно не понималъ, что могутъ быть для убѣжденій иныя основанія, кромѣ тѣхъ, которыя были вложены въ него уроками дѣтства.

Часто говорятъ: Гоголь погибъ для искусства, предавшись направленію

„Переписки съ друзьями“. Если это понимать въ томъ смыслѣ, что новые умственные и нравственные интересы, выраженные „Перепискою“, отвлекали его дѣятельность отъ сочиненія драмъ, повѣстей и т. п., въ этомъ мнѣніи есть часть истины: дѣйствительно, при новыхъ заботахъ у него осталось менѣе времени и силы заниматься художественною дѣятельностью; кромѣ того, и органическое изнеможеніе ускорялось новымъ направленіемъ. Но когда предположеніемъ о несовмѣстимости его новаго образа мыслей съ служеніемъ искусству хотятъ сказать, что онъ въ художественныхъ своихъ произведеніяхъ измѣнилъ-бы своей прежней сатирической идеѣ, то совершенно ошибаются. Хотя въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ встрѣчаются попытки на созданіе идеальныхъ лицъ, но общее направленіе этого тома очевидно таково-же, какъ и направленіе перваго тома, какъ мы уже имѣли случай замѣтить при появленіи 2-го тома, два года тому назадъ. Кромѣ того, надо вспомнить, что когда явился первый томъ „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь уже гораздо болѣе года, быть можетъ, года два, былъ преданъ аскетическому направленію — это обнаруживается письмами,—однакожь, оно не помѣшало ему познакомить свѣтъ съ Чичиковымъ и его свитою.

Если этихъ доказательствъ мало, вотъ прямое свидѣтельство самого Гоголя о томъ, что онъ въ эпоху „Переписки“ не видѣлъ возможности измѣнять въ художественныхъ произведеніяхъ своему прежнему направленію. Странныя требованія и ожиданія относительно присылки ему замѣчаній на „Переписку съ друзьями“ убѣждаютъ, что эти строки писаны во время самаго преувеличеннаго увлеченія ошибочными мечтами „Переписки“ и „Завѣщанія“.—и тѣмъ большую цѣну пріобрѣтаютъ слова Гоголя о невозможности изобразить въ художественномъ произведеніи жизнь съ примирительной точки зрѣнія.

1847 г. 27 апрѣля.

„Появленіе моей книги, не смотря на всю ея чудовищность, есть для меня слишкомъ важный шагъ. Книга имѣетъ свойства пробнаго камня: повѣрь, что на ней испробуешь какъ разъ нынѣшняго человѣка. Въ сужденіяхъ о ней непремѣнно выскажется человѣкъ со всѣми своими помышленіями, даже тѣми, которыя онъ осторожно таитъ отъ всѣхъ, и вдругъ станетъ видно, на какой степени своего душевнаго состоянія онъ стоитъ. Вотъ почему мнѣ такъ хочется собрать всѣ толки всѣхъ о моей книгѣ. Хорошо бы прилагать при всякомъ мнѣніи портретъ того лица, которому мнѣніе принадлежитъ, если лицо мнѣ незнакомо. Повѣрь, что мнѣ нужно основательно и радикально познать общество, а не взглянуть на него во время бала, или гулянья: иначе у меня долго еще будетъ все не въ-попадъ, хотя-бы и возрасла способность творить. А этихъ вещей никакими просьбами нельзя вымолить. Одно средство: выпустить заносчивую, задирающую книгу, которая заставила-бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрь, что русскаго человѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ-нибудь *примиряющимъ съ жизнью* (какъ говорится). Вздѣлица! Какъ будто можно *выдумать* это примиряющее съ жизнью. Повѣрь, что какое ни выпусти художественное произведеніе, оно не возьметъ теперь вліянія, если нѣтъ въ немъ именно тѣхъ вопросовъ, около которыхъ ворочается нынѣшнее общество, и если въ немъ не выставлены тѣ люди, которые намъ нужны теперь и въ нынѣшнее время. Не будетъ сдѣлано этого — его убьетъ первый романъ, какой ни появится изъ фабрики Дюма. Слова твои о томъ, какъ чорта выставить дуракомъ, совершенно попали въ тактъ съ моими мыслями. Уже съ давнихъ поръ

только и хлопочу о томъ, чтобъ послѣ моего сочиненія насмѣялся въ волю человѣкъ надъ чортомъ". (Томъ VI, стр. 375—6).

Мы кончили наши извлеченія изъ „Писемъ" Гоголя, уже слишкомъ много приведено нами выписокъ, большею частью утомительныхъ своею монотонностью и тяжелою странностью мыслей, но показавшихся намъ не лишенными важности для того, чтобы хотя нѣсколько разъяснить вопросъ о Гоголѣ, какъ о человѣкѣ. Чтеніе писемъ его съ 1840 г. чрезвычайно утомительно и очень непріятно; но мнѣніе, внушаемое ими о Гоголѣ, выгодно, насколько можетъ быть выгодно мнѣніе о человѣкѣ, вдавшемся въ заблужденія, пагубныя для него самого, грустныя для всѣхъ поклонниковъ его великаго таланта и ума. Мы уже сказали, что свѣдѣнія, до сихъ поръ обнародованныя, слишкомъ еще не полны и вовсе недостаточны для того, чтобы составить о характерѣ и развитіи Гоголя, какъ человѣка, точное понятіе безъ опасности ошибиться. Но насколько мы можемъ судить о Гоголѣ по этимъ недостаточнымъ матеріаламъ, мы думаемъ, что наиболѣе близкое къ истинѣ мнѣніе будетъ слѣдующее.

Родившись среди общества, лишеннаго всякихъ прочныхъ убѣжденій, кромѣ нѣкоторыхъ аскетическихъ мнѣній, дошедшихъ до этого общества по преданію старины и ни мало неприлагающихся этимъ обществомъ къ жизни, Гоголь ни отъ воспитанія, ни даже отъ дружескаго кружка своихъ сверстниковъ не получилъ никакого содѣйствія и побужденія къ развитію въ себѣ стройнаго образа мыслей, нужнаго для каждаго человѣка съ энергическимъ умомъ, тѣмъ болѣе для общественнаго дѣятеля. Потомъ, проведя свою молодость въ кругу петербургскихъ литераторовъ, онъ могъ получить отъ нихъ много хорошаго для развитія формальной стороны своего таланта, но для развитія глубокихъ и стройныхъ воззрѣній на жизнь и это общество не доставило ему никакой пищи. Между тѣмъ, инстинктъ благородной и энергической натуры обратилъ его къ изображенію общественной жизни съ той стороны, которая одна могла въ то время вдохновлять истиннаго поэта, поэта идеи, а не только формы. Литературная извѣстность сблизила его съ нѣкоторыми литераторами, непринадлежащими къ петербургскому кружку, въ которомъ онъ жилъ, но пользовавшимися въ этомъ кружкѣ репутаціею замѣчательныхъ ученыхъ и мыслителей. Въ то время, Гоголь еще мало заботился объ общихъ теоріяхъ, и знакомство съ этими мыслителями пока еще не оказывало на него особеннаго вліянія: его мало занимали мысли, занимавшія ихъ; онѣ только западали, болѣе или менѣе случайнымъ образомъ, въ его память, въ которой хранились нѣкоторое время безъ всякаго развитія и употребленія. Какъ мнѣніе петербургскаго литературнаго кружка, въ которомъ жилъ Гоголь, содѣйствовало сближенію его съ этими учеными, такъ оно воспрепятствовало сближенію его съ другими тогдашними литераторами, которые одни могли-бы имѣть полезное вліяніе на его умственное развитіе: Полевой и Надеждинъ не пользовались уваженіемъ людей, среди которыхъ жилъ Гоголь.

Юноша поглощенъ явленіями жизни; ему не время чувствовать потребность общихъ теорій, если эта потребность не развита въ немъ воспитаніемъ или обществомъ. Гоголь писалъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя волновали его

благородную натуру, и довольствовался тѣмъ, что разоблачаетъ эти вредныя явленія; о томъ, откуда возникли эти явленія, каково ихъ отношеніе къ общимъ принципамъ нашей жизни, никто ему не говорилъ, а самому ему еще рано было для такихъ отвлеченностей отрываться отъ непосредственнаго сосерцанія жизни. Собственно говоря, онъ не имѣлъ тогда никакого образа мыслей, какъ не имѣли его въ то время никто изъ нашихъ литераторовъ. Онъ писалъ такъ, какъ разсуждаетъ большая часть изъ насъ теперь, какъ судили и писали тогда почти всѣ: единственно по внушенію впечатлѣнія. Но впечатлѣніе, производимое безобразными явленіями жизни на его высокую и сильную натуру было такъ сильно, что произведенія его оживлены были энергіею негодованія, о которой не имѣли понятія люди, бывшіе его учителями и друзьями. Это живое негодованіе было внѣ круга ихъ понятій и чувствъ — они смотрѣли на него довольно индифферентно, не ободряя и не осуждая его мыслей слишкомъ рѣшительно, но совершенно сочувствуя формальной сторонѣ таланта Гоголя, которымъ дорожили за живость его картинъ, за вѣрность его языка, наконецъ за уморительность его комизма.

Слабость здоровья, огорченія, навлеченныя „Ревизоромъ“, и, быть можетъ, другія причины, остающіяся пока неизвѣстными, заставили Гоголя уѣхать за-границу и оставаться тамъ много лѣтъ, почти до конца жизни, посѣщая Россію только изрѣдка, и только на короткое время. Вскорѣ послѣ отъѣзда за-границу, начался для молодаго человѣка переходъ къ зрѣлому мужеству.

При развитіи, подобномъ тому, какое получилъ Гоголь, только для очень немногихъ, самыхъ сильныхъ умомъ людей настаетъ пора умственной возмужалости, та пора, когда человѣкъ чувствуетъ, что ему недостаточно основываться въ своей дѣятельности только на отрывочныхъ сужденіяхъ, вызываемыхъ отдѣльными фактами, а необходимо имѣть систему убѣжденій. Въ Гоголѣ пробуждалась эта потребность.

Какими матеріалами снабдило его воспитаніе и общество для утоленія этой потребности? Въ немъ ничего не нашлось изъ нужныхъ для того данныхъ, кромѣ преданій дѣтства; тѣ умственныя вліянія, о которыхъ вспоминалъ онъ и съ которыми встрѣчался онъ въ заграничной жизни, всѣ склоняли его къ развитію этихъ преданій, къ утвержденію въ нихъ. Онъ даже не зналъ о томъ, что могутъ существовать иныя основанія для убѣжденій, могутъ быть иныя точки воззрѣнія на міръ..

Такъ развивался въ немъ образъ мыслей, обнаружившійся передъ публикою изданіемъ „Переписки съ друзьями“, передъ друзьями гораздо ранѣе, до изданія перваго тома „Мертвыхъ Душъ“.

Въ статьѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго, мы говорили объ одномъ изъ тѣхъ людей, вмѣстѣ съ которыми, отчасти подъ руководствомъ которыхъ, жилъ теперь Гоголь. Теоретическія основанія были однѣ и тѣ-же у нихъ, но результаты, произведенные этою теоріею, вовсе не одинаково отразились и на нравственной, и на литературной, и даже на органической жизни Гоголя и его сотоварищей—учителей, потому что его натура была различна отъ ихъ натуръ. То, что оставалось спокойнымъ, ничему не мѣшающимъ и даже незамѣтнымъ во внѣшности у нихъ, стало у него бурнымъ, все одо-

лѣвающимъ, неудобнымъ для житейской и литературной дѣятельности и невыносимымъ для организма. Въ этомъ отношеніи, всѣ другіе, кромѣ Гоголя, были сходны съ Жуковскимъ, котораго мы и беремъ для сравненія съ Гоголемъ, ссылаясь на нашу статейку о сочиненіяхъ Жуковскаго, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году.

Умѣренность и житейская мудрость—вотъ отличительныя черты натуры Жуковскаго по вопросу о примѣненіи теоріи къ жизни. При такихъ качествахъ, теорія оказывалась содѣйствующею у Жуковскаго мудрому устроенію своей внутренней жизни, мирныхъ отношеній къ людямъ, ни мало не стѣсняющею силъ и дѣятельности таланта.

У Гоголя было не то. Многосложенъ его характеръ и до сихъ поръ загадочны многія черты его. Но то очевидно съ перваго взгляда, что отличительнымъ качествомъ его натуры была энергія, сила, страсть; это былъ одинъ изъ тѣхъ энтузіастовъ отъ природы, которымъ нѣтъ средины: или дремать, или кипѣть жизнью; увлеченіе радостнымъ чувствомъ жизни или страданіемъ; а если нѣтъ ни того, ни другаго—тяжелая тоска.

Такимъ людямъ не всегда опасны бываютъ вещи, которыя всѣмъ другимъ легко сходятъ съ рукъ. Кто изъ мужчинъ не волочится, кто изъ женщинъ не кокетничаетъ? Но есть натуры, съ которыми нельзя шутить любовью: стоитъ имъ полюбить, онѣ не отступятъ, и не побоятся ни разрыва прежнихъ отношеній, ни потери общественнаго положенія. Тоже бываетъ и въ отношеніи идей.—Человѣкъ „разумной середины“ можетъ держаться какихъ угодно теорій, и все-таки проживетъ свой вѣкъ мирно и счастливо. Но Гоголь былъ не таковъ. Съ нимъ нельзя было шутить идеями. Воспитаніе и общество, случай и друзья поставили его на путь, по которому безопасно шли эти друзья, — что онъ надѣлалъ съ собою, ставъ на этотъ путь, каждый изъ насъ знаетъ.

Но все-таки, что-же за человѣкъ былъ онъ въ послѣднее время своей жизни? Чему вѣрилъ онъ, это мы знаемъ; но чего теперь хотѣлъ онъ въ жизни для тѣхъ меньшихъ братій своихъ, которыхъ такъ благородно защищалъ прежде? — Этого мы до сихъ поръ не знаемъ положительно. Ужели онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что „Переписка съ друзьями“ замѣнитъ Акакію Акакіевичу шинель? Или „Переписка“ эта была у него только средствомъ внушить тѣмъ, которые не знали того прежде, что Акакій Акакіевичъ, которому нужна шинель, есть братъ ихъ? Положительныхъ свидѣтельствъ тутъ нѣтъ. Каждый рѣшитъ это по своему мнѣнію о людяхъ. Намъ кажется, что человѣкъ, такъ сильно любившій правду и ненавидѣвшій беззаконіе, какъ авторъ „Шинели“ и „Ревизора“, неспособенъ былъ никогда, ни при какихъ теоретическихъ убѣжденіяхъ окаменѣть сердцемъ для страданій своихъ ближнихъ. Мы привели выше нѣкоторые факты, кажущіеся намъ доказательствами того. Но—кто поручится за человѣка, живущаго въ нашемъ обществѣ? Кто поручится, что самое горячее сердце не остынетъ, самое благородное не испортится? Мы имѣемъ сильную вѣроятность думать, что Гоголь 1850 г. заслуживалъ такого-же уваженія, какъ и Гоголь 1835 г.; но положительно мы знаемъ только то, что во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ глубокаго скорбнаго сочувствія:

„Спасите меня: возьмите меня!.. Домъ-ли то мой синѣетъ вдали, мать-ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Посмотри, какъ измучили они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ!“

— То, что у Алжирскаго Бея подъ самымъ носомъ шишка, вы, вѣроятно, знаете; но, быть можетъ, вы еще не читали окончанія „Повѣсти о капитанѣ Копейкинѣ“? Оно помѣщено въ новомъ изданіи. Прочтемъ-же эти страницы: согласитесь, не годится кончать грустью воспоминанія о Гоголѣ.

„Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя! Въ самомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, примѣра, чтобы какой-нибудь Копейкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ! „Грубіянъ!“—закричалъ онъ. „Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!“ А фельдъ-егерь уже тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужчина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, словомъ — дантистъ эдакой... Вотъ его, раба Божія, въ телѣжку, да съ фельдъ-егеремъ. „Ну, Копейкинъ думаетъ,—по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то“. Ѣдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егерѣ, да ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Хорошо“, говоритъ, „вотъ ты, молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ-бы; „хорошо“, говоритъ, „я“, говоритъ, „найду средства!“ Ну, ужъ какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого не извѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. И такъ куда дѣлся Копейкинъ, не извѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой, какъ нашъ капитанъ Копейкинъ. Набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ, нѣкоторымъ образомъ, банду цѣлую. Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны. Все привыкло, знаете, къ распускной жизни, всякому жизнь—копейка, забубенъ вездѣ такой—хоть трава не рости. Словомъ, судырь мой, у него, просто, армія. По дорогамъ никакого проѣзда нѣтъ, и все это собственно, такъ сказать, устремлено на одно только казенное. Если пріѣзжающій по какой-нибудь своей надобности, спросятъ только, зачѣмъ, да и ступай своей дорогой. А какъ только какой-нибудь фуражъ казенный, провіантъ, или деньги, словомъ — все, что носитъ, такъ сказать, имя казны, — спуска никакого! Ну, можете себѣ представить, казенный карманъ опустошается ужасно. Услышитъ-ли, что въ деревнѣ приходитъ срокъ платить казенный оброкъ,—онъ ужъ тамъ. Тотъ-же часъ требуетъ къ себѣ старосту: „Подавай, братъ, казенные оброки и подати!“ Ну, мужикъ видитъ — такой безногій чортъ, на воротникѣ-то у него, понимаете, жаръ-птица, красное сукно, пахнетъ, чортъ возьми, оплеухой... „На, батюшка! вотъ тебѣ, отвяжись только!“ Думаетъ: „Ужь вѣрно, какой-нибудь капитанъ — исправникъ, а, можетъ, еще и хуже“. Только, судырь мой, деньги, понимаете, приметъ онъ, какъ слѣдуетъ, и тутъ-же крестьянамъ пишетъ росписку, чтобы, нѣкоторымъ образомъ, оправдать ихъ, что деньги точно, молъ, взяты и подати сполна всѣ выплачены, и принялъ вотъ такой-то капитанъ Копейкинъ, еще даже и печать свою приложитъ. Словомъ, судырь мой, грабитъ да и полно. Посылали было нѣсколько ротъ команды изловить его, но Копейкинъ мой и въ усъ не дуетъ. Голодеры, понимаете, собрались все такіе... Но, наконецъ, можетъ быть, испугавшись, самъ видя, что дѣло, такъ сказать, заварилъ не на шутку и что преслѣдованія ежеминутно усиливались, а между тѣмъ деньжонокъ у него собрался капиталецъ порядочный, онъ, судырь мой, за границу, и за границу-то, судырь мой, понимаете, въ Соединенные Штаты! и пишетъ оттуда, судырь мой, письмо къ Государю, краснорѣчивѣйшее, какъ только можете себѣ вообразить. Въ древности Платоны и Демосоены какіе-нибудь, все это, можно сказать, тряпка, дьячекъ въ сравненіи съ нимъ:

„Не подумай, Государь“, говоритъ, „чтобы я того и того... (круглоту періодовъ запустилъ такую)... Необходимость, говоритъ, была причиною моего поступка. Проливая кровь, не щадилъ, нѣкоторымъ образомъ, жизни, и хлѣба, какъ-бы сказать, для пропитанія нѣтъ теперь у меня. Не наказуй, говоритъ, моихъ сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, такъ сказать, собственно мной; а окажи лучше Монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если тамъ попадутся раненые, такъ чтобы, примѣромъ, за ними эдакое, можете себѣ представить, смотрѣніе...“ Словомъ, краснорѣчиво необыкновенно. Ну, Государь, понимаете, былъ тронутъ. Дѣйствительно, его Монаршему сердцу было прискорбно... Хотя онъ точно былъ преступникъ и достоинъ, въ нѣкотором родѣ, смертнаго наказанія, но видя, такъ сказать, какъ можетъ невинно иногда произойти подобное упущеніе... Да и невозможно, впрочемъ, чтобы въ тогдашнее смутное время все было возможно вдругъ устроить. Одинъ Богъ, можно сказать, только развѣ безъ проступковъ. Словомъ, сударь мой, Государь изволилъ на этотъ разъ оказать безпримѣрное великодушіе, повелѣлъ остановить преслѣдованіе виновныхъ, а въ то же время издалъ строжайшее предписаніе составить комитетъ, исключительно съ тѣмъ, чтобы заняться улучшеніемъ участи всѣхъ, то есть раненыхъ. И вотъ, сударь мой, это была, такъ сказать, причина, въ силу которой положено было основаніе инвалидному капиталу, обезпечившему, можно сказать, теперь раненыхъ совершенно, такъ что подобнаго попеченія дѣйствительно ни въ Англіи, ни въ разныхъ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ не имѣется. Такъ, вотъ кто, сударь мой, этотъ капитанъ Копейкинъ. Теперь, я полагаю, вотъ что. Въ Соединенныхъ Штатахъ денежки онъ, безъ сомнѣнія, прожилъ, да вотъ и воротился къ намъ, чтобы еще какъ-нибудь попробовать—не удастся-ли, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, новое предпріятіе...“

Да, какъ-бы то ни было, а великаго ума и высокой натуры человѣкъ былъ тотъ, кто первый представилъ насъ намъ въ настоящемъ нашемъ видѣ, кто первый научилъ насъ знать наши недостатки и гнушаться ими. И что-бы напослѣдокъ ни сдѣлала изъ этого человѣка жизнь, не онъ былъ виноватъ въ томъ. И если чѣмъ смутилъ насъ онъ, все это миновалось, а безсмертны остаются заслуги его.

Мертвыя Души. *Окончаніе поэмы Н. В. Гоголя „Похожденія Чичикова“. Ващенко-Захарченко. Кіевъ. 1857.*

Что это за поддѣлка, являющаяся такъ нагло? Что это за г. Ващенко-Захарченко, такъ дерзко заимствующій для своего издѣлія заглавіе книги и имя Гоголя, чтобы доставить сбытъ ни-куда-негодному товару.

Г. Ващенко-Захарченко не какой-нибудь несчастный, доводимый до всякихъ продѣлокъ необходимостью; — это не то, что А. А. Орловъ или Сиговъ, которымъ когда-то лавочники Толкучаго рынка, торгующіе бумажнымъ товаромъ, заказывали книжечки въ два-три листа, печатавшіяся подъ заглавіемъ романовъ, имѣвшихъ успѣхъ, напримѣръ „Графиня Рославлева или супруга-героиня, отличившаяся въ знаменитую войну 1812 г.“ — эти поддѣлки хотя сколько-нибудь извиняются крайнимъ невѣжествомъ поддѣльщика.

Но книга г. Ващенко-Захарченко приводитъ къ другимъ мыслямъ. Это довольно большой томъ, напечатанный на порядочной бумагѣ, довольно сноснымъ шрифтомъ,—видно, что г. Ващенко-Захарченко имѣетъ нѣкоторое понятіе о томъ, каковы бываютъ порядочныя книги; что всего хуже, видно, что онъ человѣкъ, имѣвшій случай посѣщать порядочное общество: онъ

знаетъ, по какому порядку происходятъ дворянскіе выборы, какія кушанья подаются на столъ у богатыхъ помѣщиковъ, онъ, кажется, имѣетъ даже нѣкоторое понятіе объ университетскомъ образованіи. Какъ-же онъ, человѣкъ, имѣющій, вѣроятно, нѣкоторое понятіе о томъ, что такое литература, отважился на пошлое дѣло.

Разсчетъ г. Ващенко-Захарченко былъ не совсѣмъ ошибоченъ: мы слышали уже отъ двухъ-трехъ человѣкъ вопросъ о томъ, какова его книга; вѣроятно, найдутся такіе ловкіе продавцы, которые будутъ пытаться высылать ее въ провинціи, какъ сочиненіе Гоголя. Журналы должны предупредить этотъ обманъ, и потому мы рѣшаемся сказать нѣсколько словъ о книгѣ, написанной г. Ващенко-Захарченко.

Вотъ предисловіе, по которому читатель можетъ видѣть, что г. Ващенко-Захарченко воображаетъ владѣть юмористическимъ словомъ:

„Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, узнавъ о смерти Н. В. Гоголя и о томъ, что его поэма „Мертвыя Души“ осталась неоконченною, вздохнулъ тяжело и, давъ рукамъ и головѣ приличное обстоятельству положеніе, съ свойственною ему одному манерою, сказалъ: похожденія мои—произведеніе колоссальное касательно нашего обширнаго отечества, мануфактуръ, торговли, нравовъ и обычаевъ. Окончить его съ успѣхомъ могъ одинъ только Гоголь. Родственники генерала Бетрищева просили меня письменно уговорить васъ окончить „Мертвыя Души“. Изъ моихъ разсказовъ (т. е. *„съ моихъ разсказовъ“, „по моимъ разсказамъ“ — г. Ващенко-Захарченко могъ бы выучиться употребленію русскихъ предлоговъ прежде, чѣмъ писать окончаніе „Мертвыхъ Душъ“*) вамъ легко будетъ писать, а какъ я вдвое старѣе васъ, то вы вѣрно будете видѣть, чѣмъ кончится мое земное поприще. Исполните же просьбу генерала Бетрищева и его родныхъ. Я знаю, что они первые будутъ ругать васъ; но я утѣшу васъ мыслію, что окончаніе „Мертвыхъ Душъ“ будетъ не только пріятно, но и полезно въ геморроидальномъ отношеніи. А. Ващенко-Захарченко“.

Господинъ А. Ващенко-Захарченко такъ восхищенъ своею остроумною выдумкою, что на оборотѣ заглавнаго листа, подъ цензорскимъ разрѣшеніемъ печатать книгу, приложилъ свою подпись, обведенную кольцомъ въ видѣ печати. Онъ не ошибся: дѣйствительно, интересно видѣть почеркъ, интересно было-бы видѣть и лицо человѣка, отважившагося на такой подлогъ.

Книга написана съ остроуміемъ и смысломъ сочиненій г. Анаевскаго; разница только въ томъ, что г. Анаевскій не ошибается въ употребленіи предлоговъ и буквы ы, а г. Ващенко-Захарченко пишетъ „изъ моихъ разсказовъ“ вмѣсто: „по моимъ разсказамъ“. „барыня“, „барышня“; „рижій“, „порижѣть“.

Смысла въ книгѣ нѣтъ ни малѣйшаго; но если вы хотите знать, о чемъ въ ней говорится безъ смысла, то знайте, что остроумный г. Ващенко-Захарченко разсказываетъ, какъ Чичиковъ, освободившись изъ острога, куда его посадили, неизвѣстно зачѣмъ и по какому дѣлу, ѣдетъ навѣстить родственниковъ генерала Бетрищева, продаетъ свои мертвыя души на выводъ какому-то скупцу Мѣдяникову, получаетъ за нихъ до 60.000 р. серебромъ, женится на богатой помѣщицѣ и умираетъ, поглупѣвъ отъ старости. На каждой страницѣ есть нѣсколько фразъ, безграмотнымъ и безсмысленнымъ образомъ вытащенныхъ изъ „Мертвыхъ Душъ“ и прикрашенныхъ остроуміемъ самого г. Ващенко-Захарченко. Такъ напримѣръ, безпрестанно упоминается о фракѣ цвѣта наваринскаго дыма съ пламенемъ, на каждой стра-

ницѣ Чичиковъ говоритъ, что онъ ѣздитъ по Россіи, навѣщая родственниковъ генерала Бетрищева и отыскивая климатъ удобный въ геморроидальномъ отношеніи; кромѣ того, авторъ отъ себя придумываетъ разныя варіаціи на фразу, что Чичиковъ кланяется съ ловкостью военнаго человѣка, — „Чичиковъ поклонился съ ловкостью танцмейстера“, „Чичиковъ поклонился съ ловкостью гусара“ и т. д. — въ этихъ фразахъ и состоитъ остроуміе г. Ващенко-Захарченко. Для образца таланта и смысла его, мы беремъ наудачу слѣдующій отрывокъ, исправляя грамматическія ошибки, — которыя очевидно принадлежатъ не корректору, а самому г. Ващенко-Захарченко.

„Чичиковъ приказалъ везть себя къ Распузину.

„Распузинъ былъ не богатъ, но тароватъ, и умѣлъ копѣйку на ребро ставить. Выписывалъ онъ всѣ русскіе журналы и не только читалъ ихъ съ удовольствіемъ, но ссужалъ даже ими тѣхъ, которые брали книги и газеты для тона, а не имѣли охоты заняться новостями политики и литературы, бывъ погружены въ животный сонъ и разговоры о хозяйствѣ и скотномъ дворѣ (*Что за безсмыслица? зачѣмъ же они брали книги, если не имѣли охоты читать ихъ?)* Сосѣди Распузина были два брата, богатые люди, вдовцы, толстяки, скупцы, безъ всякаго образованія и желаній. У нихъ было одно въ головѣ: какъ бы побольше уничтожить свою и покупную въ овощной лавкѣ провизію. Кулебяки и буженина были у нихъ настольными яствами. Объемистые и эластическіе ихъ желудки были постоянно полны въ противоположность головѣ, вѣчно пустой.

„— Не люблю этихъ животныхъ, ненавижу ихъ: не умѣютъ дѣтей воспитать. Это скоты и невѣжды. Такъ говорилъ Распузинъ гостю, сидѣвшему противъ него и перелистывавшему иллюстрированное изданіе.

„— Ну, ты не зналъ ихъ женъ. Умора просто, да и конецъ. Одна изъ супругъ ходила вѣчно въ перчаткахъ, ее называли М-me Чесотье, сказалъ, положа книгу, пріятель Распузина:—а другая была зла, какъ пантера, и, къ счастію всего деревенскаго народонаселенія, все свое время свободное употребляла она на драку съ мужемъ. Прислугу оставляла въ покоѣ, а все этого барина безпокоила. Вѣчно у него были подбиты глаза, исцарапана рожа и руки.

„— Я не могу ихъ двухъ равнодушно видѣть. Не мое дѣло, конечно, но я не утерпѣлъ, и въ разговорѣ, подошедшемъ кстати, сказалъ, что пора уже намъ стряхнуть съ себя невѣжество, а если мы въ немъ загрубѣли, окаменѣли, то станемъ воспитывать дѣтей нашихъ такъ, чтобы они сдѣлались полезными гражданами государству и человѣчеству. Поняли ли они? Я думаю, что нѣтъ.

„— Они не поняли, но были тамъ и тѣ, которые отлично все постигаютъ, но притворяются и скрываютъ свои мысли подъ видомъ простоты. А! обратился хозяинъ къ вошедшему господину, довольно серьезной наружности: collega! — Тутъ Распузинъ пожалъ гостю руку и сказалъ, обратясь къ прежнему: рекомендую тебѣ магистра, Петра Иваныча Кулисновикова, моего товарища по естественному факультету. Ориктогнозію и ботаническую систематику мы слушали вмѣстѣ. Я былъ своекоштнымъ и учился плохо; а онъ былъ казеннымъ студентомъ и не даромъ носилъ это имя.

„Хозяинъ взглянулъ въ окно, и увидѣлъ въѣзжавшаго на парѣ, во дворъ, Чичикова. Селифанъ какъ то не ловко правилъ парой, и Петрушка тоже немного конфузился, сидя на козлахъ.

„— Ѣдетъ ко мнѣ еще кто то, да не знакомый долженъ быть. Добро пожаловать! прошу покорно сюда! кричалъ хозяинъ вошедшему Павлу Ивановичу, который скидалъ галоши и шинель, и вмѣстѣ съ этимъ ловко раскланивался.

„— Я Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, сказалъ новый гость, вошедши въ столовую, гдѣ были всѣ, и, пожимая хозяину руки, прибавилъ: —ѣзжу я уже не одинъ годъ по пространной Россіи, какъ для посѣщенія родныхъ моего друга, генералъ-лейтенанта Бетрищева, такъ и для наблюденій надъ тѣмъ воздухомъ, который благорастворенѣе въ геморроидальномъ отношеніи.

„— Покорнѣйше прошу садиться, очень радъ, очень радъ, сказалъ хозяинъ, и давъ знакъ магистру глазами, чтобъ онъ занялъ новаго гостя, самъ вышелъ.

„— Должно быть вы, окончивши курсъ, еще нѣсколько лѣтъ занимались естественными науками, спросилъ прежній гость магистра: — и въ нихъ далеко подвинули всѣ новыя открытія?

„— Конечно, я былъ посланъ на счетъ университетскихъ суммъ за границу, и обогатилъ естественныя науки важными открытіями.

„Вотъ куда я попалъ, подумалъ Павелъ Ивановичъ:—вотъ здѣсь узнаю я многое, и многому научусь полезному и даже необходимому". Чичиковъ съ явнымъ предпочтеніемъ смотрѣлъ на магистра, бывшаго на казенный счетъ за границей.

„— Я право не припомню, сказалъ магистръ, обратясь къ Чичикову:—мнѣ послышалось, что и вы наблюдали что то, такъ позвольте узнать, не съ собратомъ ли я имѣю честь познакомиться? Не вы ли трудились *(т. е. вы не трудились ли. — г. Ващенко-Захарченко не выучился и словъ располагать сообразно грамматическому смыслу)* на поприщѣ естествоиспытанія? Вы, вѣроятно, занимались...

„— Отчасти занимался, и всѣмъ по немногу, сказалъ озадаченный Чичиковъ, но, къ сожалѣнію, не знаю новѣйшихъ открытій; а вотъ вы, только что пріѣхали изъ за границы, вѣроятно сообщите намъ результаты вашей поѣздки.

„— Съ удовольствіемъ. Первые три года я наблюдалъ жизнь и строеніе мховъ въ понтійскихъ болотахъ. Трудъ мой былъ напечатанъ на суммы университета. Другіе три года я посвятилъ зоологіи. Сочиненіе мое „Зоотомія улитокъ" заслужило первую премію, и бросило особенный взглядъ на жизнь этихъ тварей. Теперь я тружусь надъ зоологіей щупальцевыхъ насѣкомыхъ, думая обратить все вниманіе на таракановъ и тому подобныхъ домашнихъ насѣкомыхъ. Наука будетъ обогащена новыми по этой части открытіями. Магистръ важно понюхалъ табаку и утерся платкомъ.

„Толкуетъ онъ о мхахъ, а на кой чортъ они мнѣ? Мхи, тараканы, улитки и... много онъ пользы принесетъ поѣздкой за границу! Былъ вѣрно баклуши! Лучше бы тамъ мнѣ этакую зоотомію пеньки представилъ, или орнитогнозію льну. Мхи, мхи! На кой чортъ они намъ твои мхи, хоть они и понтійскіе!" — Павелъ Ивановичъ, выслушавъ рѣчи магистра, разсердился не на шутку, купилъ у хозяина гнѣдую упряжную лошадь, далъ ей имя засѣдатель, въ воспоминаніе павшаго коня, попрощался *(т. е. простился)* съ Распузинымъ, и поѣхалъ въ городъ, очень недовольный свѣтомъ и людьми.

„Гдѣ счастье обитаетъ? Гдѣ его можно найти? Вотъ, слава Богу, и деньги есть, и слава Богу, я здоровъ; но все чего то недостаетъ, а недостаетъ счастья. Буду его искать? Только бы оно не бѣжало по свойственной ему гадкой привычкѣ. И жениться пора мнѣ не только пришла, но даже проходитъ. Испытаю, можетъ быть это и есть подлинное счастье: хорошенькая, кругленькая дѣвочка, невинная какъ ангелъ, съ приличными красотами тѣла, съ пріятными глазками и ротикомъ, манящимъ поцалуй. Приволокнуться развѣ при удобномъ случаѣ? Человѣкъ я солидный, довольно сносной наружности, все, что нужно для супружескаго спокойствія, у меня есть, отчего же не составить приличной партіи? Даю себѣ слово, при первомъ случаѣ, не откладывать, а приступить рѣшительно къ дѣлу. Миѳологія говоритъ о Гименеѣ, какъ о добромъ божествѣ, а о злыхъ богахъ супружества умалчиваетъ. Можетъ быть тогда на счетъ спокойствія семейной жизни были совсѣмъ другія правила, и эти непріятели общаго благоразумія были содержаны въ запертѣ, й вотъ причина тогдашняго кроткаго удовольствія, которое заключало супружество. Злые люди, въ особенности холостяки, завидуя счастію женатыхъ друзей и пріятелей, видя, какъ жены ухаживаютъ за ними, хлопочатъ, чтобы имъ былъ поданъ супъ съ пирожками, соусы, жаркія и малина со сливками, густыми какъ сметана,—позавидовали. Не питая сами надеждъ надѣть цѣпи супружества, они хлопотали у боговъ, и тѣ послушали и выпустили: моду, фасонъ, волокитство и другіе, симъ подобные бичи семейнаго благополучія". Павелъ Ивановичъ, давно достигнувъ средствъ содержать себя и семейство прилично, ту минуту женился бы, но Неонилла Ивановна сдѣлала его неосторожнѣе и прохолодила (Неонилла

Ивановна дѣвица, на которой г. Ващенко-Захарченко собирался женить Чичикова, и которая хотѣла его высѣчь передъ самымъ отправленіемъ подъ вѣнецъ. — Эта сцена очень остроумна у г. Ващенко-Захарченко). „Терпѣлъ ты, пузантикъ, думалъ Павелъ Ивановичъ, долго плылъ ты по бурному океану жизни, видна гавань, какъ бы не разбиться о подводные камни. Осторожность была матерью всѣхъ счастливо оканчивающихся предпріятій, она одна полезна во многихъ отношеніяхъ, не исключая и геморроидальнаго".

Не говоримъ о томъ, есть-ли хотя искра таланта у автора,—конечно, человѣкъ хотя съ малѣйшимъ признакомъ таланта не подумалъ-бы о пошлой продѣлкѣ, къ которой прибѣгъ г. Ващенко-Захарченко; не говоримъ о томъ, понимаетъ-ли онъ сколько-нибудь мысль творенія, заглавіе котораго ставитъ на заглавномъ листѣ своей книги, или характеръ лица, приключенія котораго хочетъ досказывать,—разумѣется, напрасно и говорить о томъ: если-бы г. Ващенко-Захарченко сколько-нибудь понималъ „Мертвыя Души" и Чичикова, онъ не рѣшился-бы выкинуть штуку, которая въ своемъ родѣ не лучше продѣлокъ Чичикова, и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что Чичиковъ свои продѣлки велъ какъ человѣкъ умный, а г. Ващенко-Захарченко вовсе не такъ. Нѣтъ, мы хотимъ спросить не о томъ, можетъ-ли быть какое-нибудь литературное достоинство въ книгѣ, состоящей изъ отрывковъ, подобныхъ приведенному нами, а только о томъ, есть-ли хотя малѣйшій смыслъ въ нелѣпыхъ страницахъ, нами выписанныхъ?

Если имя „Ващенко-Захарченко" не настоящая фамилія автора поддѣлки, отъ которой мы предостерегли читателя, — если это не истинная фамилія, а псевдонимъ, мы очень рады тому: авторъ продѣлки или раскаивается уже, или скоро будетъ раскаиваться въ своей наглости. — если „Ващенко-Захарченко" псевдонимъ, авторъ, быть можетъ, успѣетъ укрыться отъ посрамленія, переселиться куда-нибудь въ такой уголокъ, гдѣ не знаютъ подлинной фамиліи, скрывшейся подъ псевдонимомъ; если-же „Ващенко-Захарченко" — не псевдонимъ, а подлинное имя человѣка, сдѣлавшаго эту недостойную дерзость, мы искренно сожалѣемъ о его судьбѣ: онъ своею безразсудной наглостью навѣкъ испортилъ свою репутацію.

Очеркъ русскаго вексельнаго права, *чтенія Д. И. Мейера въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, изданныя по запискамъ слушателей, подъ редакціею А. Вицына. Казань. 1857.*

Большинству русской публики все еще слишкомъ мало извѣстно имя покойнаго Мейера, одного изъ тѣхъ героевъ гражданской жизни, всѣ силы которыхъ посвящены осуществленію идей правды и добра; тѣхъ героевъ, о которыхъ не вспоминаетъ безъ благоговѣнія ни одинъ знавшій ихъ человѣкъ, на какое-бы поприще дѣятельности ни поставила ихъ судьба. Есть люди, которые способны совершать подвиги доблести только тогда, когда наградою за то служитъ слава, которыхъ энергія не выноситъ безвѣстности. Мейеръ былъ не таковъ. Казанскій Университетъ, въ которомъ находился онъ профессоромъ, не могъ обращать на себя вниманія всей Россіи: знаменитость, въ немъ пріобрѣтаемая, не простиралась далѣе тѣснаго круга воспитанниковъ его: для Мейера было все равно, и онъ работалъ съ такою-же энер-

гіею, какъ если-бы занималъ каѳедру въ Сорбоннѣ или Берлинѣ; съ такою же энергіею работалъ-бы онъ и тогда, если-бы былъ не профессоромъ университета, а темнымъ учителемъ какого-нибудь приходскаго училища. Часто мы говоримъ: исполняйте ваши обязанности, какъ-бы ни былъ тѣсенъ кругъ вашего дѣйствія; но только очень немногіе изъ насъ имѣютъ силу исполнять это правило. Мейеръ былъ однимъ изъ такихъ исключеній. Но и между этими малочисленными исключеніями онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Обыкновенно люди, неутомимо трудящіеся на скромномъ поприщѣ, почерпаютъ свою энергію отчасти въ недостаткѣ дарованій для дѣятельности на поприщѣ болѣе широкомъ; только очень немногіе изъ нихъ съ доблестнымъ стремленіемъ соединяютъ такіе таланты, что по плечу имъ пришлось-бы исполненіе только самыхъ высокихъ обязанностей. Вашингтонъ — рѣдкое явленіе не только по своей непреклонной честности и великимъ талантамъ, но и потому, что одинаково ревностно исполнялъ свою обязанность въ самыхъ неважныхъ положеніяхъ, между тѣмъ какъ собственно былъ созданъ только для верховнаго управленія дѣлами цѣлой націи. Онъ, великій полководецъ и правитель, былъ нѣкогда столь-же примѣрнымъ офицеромъ маленькаго отряда, столь-же примѣрнымъ управителемъ имѣнія. До насъ дошли съ поэтическими украшеніями характеры древнихъ героевъ—Регуловъ и Цинцинатовъ, которые пахали землю своего маленькаго участка съ такимъ-же усердіемъ, какъ и трудились для спасенія отечества,—мы не вѣримъ, чтобы они въ дѣйствительности были таковы. Но среди насъ встрѣчаются подобныя натуры. Объ одномъ изъ такихъ людей, покойномъ Д. П. Журавскомъ, недавно сообщилъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній г. Самаринъ („Русская Бесѣда“, 1857. № 2). Другой такой человѣкъ былъ Мейеръ. Жаль, что нація узнаетъ этихъ людей обыкновенно уже послѣ ихъ смерти.

Высокій умъ и героическое служеніе своимъ идеямъ соединялось въ Мейерѣ съ непреклонною честностью въ личныхъ дѣлахъ,—съ тою честностью, которая уже одна сама по себѣ могла-бы сдѣлать человѣка достойнымъ славы. Добрыхъ людей и благородныхъ людей много на свѣтѣ, но мало такихъ, которые-бы доходили до совершенства, какимъ украшается Эпаминондъ въ разсказѣ Плутарха, — „Эпаминондъ“, „не шутившій никогда, потому что шутку считалъ уже нарушеніемъ правды“. Мы не вѣримъ разсказу Плутарха, но среди насъ встрѣчаются подобные люди. Отъ строгой правды ничто, никогда, ни на волосъ не могло отвратить Мейера. Не только каждый его поступокъ, каждое его слово находилось въ такомъ-же строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что внушало ему зрѣлое убѣжденіе, какъ каждое слово въ приговорѣ справедливаго судьи.

Непреклонная честность чаще всего соединяется съ нѣкоторою суровостью сердца, но каковъ былъ въ этомъ отношеніи Мейеръ, лучше всего покажетъ одинъ случай его жизни. Переведенный въ Петербургскій Университетъ, Мейеръ вскорѣ по пріѣздѣ былъ уже при дверяхъ гроба: въ немъ развилась чахотка. Онъ не выходилъ изъ комнаты; но знакомые еще не теряли надежды. У одного изъ его друзей было важное дѣло, въ рѣшеніи котораго участвовалъ-бы Мейеръ, еслибъ былъ здоровъ. Но онъ лежалъ въ изнеможеніи смертельной болѣзни. Его пріятель началъ свое дѣло—оно

пошло неудачно; оскорбленный искатель хотѣлъ прекратить свой искъ и занемогъ отъ оскорбленія. Мейеръ узналъ о томъ. Искъ его друга казался ему справедливымъ; выигрышъ дѣла былъ слишкомъ важенъ для этого человѣка. Мейеръ велѣлъ одѣть себя, его вывели или вынесли и положили на сани—дѣло было зимою—его покрыли шубами, и онъ поѣхалъ, черезъ весь Петербургъ, къ своему другу, жившему на другомъ концѣ города. „Твое дѣло право; ты долженъ собрать послѣднія физическія силы и явиться въ среду въ то засѣданіе, гдѣ рѣшается твоя участь. Я буду тамъ“. Пріятель уговаривалъ его не подвергать себя смерти новымъ путешествіемъ по зимнему воздуху и волненіемъ, которое было-бы неизбѣжно для Мейера при защитѣ его. Но Мейеръ былъ непреклоненъ. „Будешь ты, или не будешь тамъ въ среду, а я буду. Не заставь-же меня ждать тамъ тебя понапрасну“. Тогда пріятель, видя, что отказаться нельзя, сталъ говорить, что надобно отсрочить дѣло до субботы: „Я еще очень слабъ, говорилъ онъ:—если ты не жалѣешь себя, то дай мнѣ нѣсколько оправиться отъ болѣзни“. Мейеръ не соглашался на отсрочку, пріятель съ своей стороны доказывалъ необходимость ея для себя. Долго убѣждалъ его Мейеръ, — тотъ рѣшительно не соглашался на среду и требовалъ срока до субботы. „Ты наконецъ заставляешь меня сказать то, чего я не хотѣлъ говорить: видишь-ли, въ среду я навѣрное могу быть въ засѣданіи, потому что буду еще живъ. А за субботу не ручаюсь“. Въ среду Мейеръ и его другъ явились въ засѣданіе, дѣло друга было выиграно, благодаря энергіи Мейера. Въ субботу Мейеръ уже не былъ въ живыхъ.

Да, такой человѣкъ дѣйствительно достоинъ имени человѣка.

Вы говорите о герояхъ — есть они и между нами. Да, есть у насъ люди, которыми можетъ гордиться земля наша.

Но... зачѣмъ они погибаютъ обыкновенно такъ рано? И по какому печальному совпаденію обстоятельствъ слишкомъ часто погибаютъ они именно въ то время, когда всего болѣе становились полезными?

Изъ темной Казани, Мейеръ переведенъ въ Петербургъ. Вотъ теперь-то на всю страну нашу расширится вліяніе его дѣятельности, теперь-то быстро прославится онъ, доселѣ почти безвѣстный... скоро, быть можетъ, призовутъ его отъ каѳедры къ участію въ государственной дѣятельности, какъ призывали его предшественника по каѳедрѣ.

Мейеръ умираетъ.

Съ нимъ-ли однимъ такъ было? То-же было съ Журавскимъ, то-же было съ Жиряевымъ; то-же было, если вѣрны слухи о высокомъ назначеніи, готовившемся Грановскому, и съ Грановскимъ. И съ многими другими такъ было на нашихъ глазахъ.

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла!

И скажите, что за странность, что мы не боимся хвалить по достоинству только тѣхъ добрыхъ, которыхъ уже сокрыла могила? Отчего мы такъ мало и такъ робко говоримъ о достоинствѣ живыхъ? Отчего мы такъ медлимъ указывать другъ другу тѣхъ живыхъ, которымъ должно принадлежать высокое мѣсто между нами по ихъ дарованіямъ, соединеннымъ съ граждан-

скою доблестью? Усопшимъ—честь; но отъ уваженія къ живымъ, достойнымъ чести, должны мы ждать блага.

Впрочемъ, хорошо и то, что мы начали думать хотя о возданіи чести усопшимъ. Почитатели Мейера заботятся о томъ, чтобы составлена была его біографія. Другіе почитатели его взялись за изданіе его лекцій.

Книга, напечатанная теперь подъ редакціею г. Вицына, должна быть считаема частью послѣдняго изданія.

О погашеніи государственныхъ долговъ. *сочиненіе Александра Запасника. Спб. 1857.*

Разсужденіе г. Запасника заключаетъ довольно подробный обзоръ выгодъ и невыгодъ, представляемыхъ различными средствами для погашенія государственныхъ долговъ. Изложеніе не отличается особенными достоинствами, но составлено вообще внимательно. Мы не знаемъ только, зачѣмъ авторъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія предметъ, почти вовсе не имѣющій связи ни съ однимъ изъ тѣхъ живыхъ вопросовъ, которыми такъ богата политическая экономія. Не говоря уже о другихъ частяхъ политической экономіи, въ томъ одномъ отдѣлѣ этой науки, который относится къ государственнымъ финансамъ, легко было-бы ему найти десятки вопросовъ гораздо болѣе привлекательныхъ своимъ живымъ интересомъ: напримѣръ, въ дѣлѣ государственныхъ доходовъ представляются вопросы о прямыхъ и косвенныхъ налогахъ, о прогрессивномъ налогѣ, о тарифѣ, о повинностяхъ, отправляемыхъ натурою и т. д. и т. д.

Слѣдуя въ своихъ сужденіяхъ мнѣніямъ, принимаемымъ учеными, которые считаются авторитетами политической экономіи, г. Запасникъ не говоритъ почти ничего рѣзкаго, такъ что почти всегда его слова могутъ быть одобрены во имя авторитетовъ: но съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ въ его книгѣ почти ничего свѣжаго, и не возбуждаетъ она никакой охоты къ порицанію или похваламъ. Одну только странность можно въ ней замѣтить, но и та, вѣроятно, объясняется отношеніями автора: довольно странно читать перечни авторитетовъ, составленные, напримѣръ, такимъ образомъ. — Сказавъ, что многіе экономы заблуждались въ сужденіяхъ своихъ о вліяніи государственнаго долга на общественное благосостояніе, г. Запасникъ продолжаетъ: „Нѣкоторые изъ государственныхъ экономовъ, какъ: Д. Юмъ, А. Смитъ, Ж. Б. Сэ, Сисмонди, Небеніусъ, проф. Горловъ, А. Бутовскій и проф. Бунге, критически разобрали мнѣнія сихъ писателей или способствовали развитію правильнаго понятія о вліяніи государственныхъ долговъ". Г. Бутовскій и г. Горловъ могутъ имѣть великія ученыя достоинства, но до сихъ поръ едва-ли кто-нибудь произносилъ ихъ имена вслѣдъ за именами Юма, Адама Смита, Сэ и Сисмонди.

Можно еще замѣтить, что г. Запасникъ, повидимому, мало обращаетъ вниманія на мнѣнія нѣкоторыхъ новыхъ писателей, во многомъ исправившихъ понятія, развитыя учеными предшествовавшихъ школъ. Чтобы обратить его вниманіе на этотъ предметъ, мы разсмотримъ мнѣніе, повторяемое имъ со словъ старой школы о выгодахъ погашенія государственныхъ долговъ

продажею государственныхъ имуществъ. Эти страницы въ книгѣ г. Запасника едва-ли не единственныя, имѣющія живой интересъ. Вотъ что говоритъ онъ:

„Правительство извлекаетъ доходъ отъ государственныхъ доменъ или посредствомъ казеннаго и административнаго ихъ управленія, или отдавая ихъ въ арендное содержаніе. Но управляющіе, администраторы и арендаторы, не имѣя такихъ внутреннихъ побужденій, какъ частные владѣльцы имуществъ, и стѣсняемые надзоромъ и контролемъ правительства, не могутъ пользоваться въ возможной степени благопріятными обстоятельствами. Посему количество произведеній и валовой доходъ, получаемые отъ государственныхъ доменъ, бываютъ всегда меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы домены эти находились въ частномъ владѣніи. Съ другой стороны, при необходимости содержанія значительнаго числа лицъ для взаимнаго надзора, издержки управленія государственными доменами значительнѣе, чѣмъ въ частныхъ имуществахъ. и съ обширностію имуществъ этихъ, возрастаютъ прогрессивно.

„И такъ относительно меньшій валовой доходъ и болѣе значительныя издержки управленія, а также злоупотребленія финансовыхъ агентовъ оказываютъ вліяніе на относительное уменьшеніе чистаго дохода. А такъ какъ доходъ, получаемый въ государствѣ отъ сельской промышленности, зависитъ отъ количества сельскихъ произведеній, то существованіе государственныхъ доменъ причиняетъ относительныя потери всему государству. Такъ напримѣръ, если чистый доходъ, получаемый правительствомъ отъ государственныхъ доменъ, состоя изъ $^1/_3$ количества получаемыхъ отъ нихъ произведеній, простирается до 40 мил., и если, при лучшемъ пользованіи ими, количество получаемыхъ отъ нихъ произведеній можетъ удвоиться, то, чрезъ удержаніе государственныхъ доменъ въ рукахъ правительства, народъ теряетъ чистаго дохода 40 мил., а произведеніями 120 мил.; чрезъ отчужденіе же доменъ народъ получилъ бы пропорціональную пользу.

„Кромѣ того, такъ какъ въ настоящее время чистый доходъ, получаемый правительствами отъ государственныхъ доменъ, относительно ниже процентовъ, платимыхъ государственнымъ заимодавцамъ, то продажа доменъ этихъ на погашеніе государственныхъ долговъ должна произвести ежегодное сбереженіе въ финансахъ. Напримѣръ, доходъ въ 30 мил. руб., получаемый отъ государственныхъ доменъ, составляетъ 3 процента представляемаго ими капитала, а проценты, платимые государственнымъ заимодавцамъ, могутъ быть пять. Въ такомъ случаѣ, если капиталъ доменъ этихъ равняется суммѣ долговаго капитала, то продажа государственныхъ доменъ на погашеніе государственныхъ долговъ доставитъ правительству ежегодно сбереженія въ 20 мил. руб.

„Слѣдовательно, продажа государственныхъ доменъ на погашеніе государственныхъ долговъ,

1) увеличивая количество сельскихъ произведеній, увеличитъ народный поземельный доходъ, народное благосостояніе и населеніе;

2) увеличивая поземельный доходъ и населеніе, увеличитъ произведеніе поземельной подати и налоговъ съ потребленія;

3) освобождая правительство отъ его долговъ, произведетъ въ финансахъ ежегодное сбереженіе, которое, вмѣстѣ съ излишкомъ поземельной подати и налоговъ съ потребленія, произведетъ перевѣсъ въ государственныхъ доходахъ надъ расходами; этотъ перевѣсъ возстановитъ финансовое равновѣсіе, или дастъ возможность уменьшить окладъ налоговъ.

„Не смотря на благотворное вліяніе отчужденія государственныхъ доменъ, мѣра эта имѣетъ своихъ противниковъ, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный публицистъ Роттекъ. Къ защитникамъ ея принадлежатъ: А. Смитъ, Ж. Б. Сэ, Ир. Горловъ, и, съ нѣкоторыми ограниченіями, Шмальцъ, Лотцъ и Рау.

„Роттекъ, порицая отчужденіе государственныхъ доменъ, говоритъ: „Благосостояніе государства не можетъ быть измѣряемо цѣнностію имущества, въ немъ находящагося, или ежегоднаго производства, которое дѣйствительно увеличивается чрезъ переходъ государственныхъ доменъ въ частныя руки. Необходимо отличать богатство цѣлаго на-

рода отъ частнаго богатства гражданъ, взятыхъ въ отдѣльности. Главная цѣль—благосостояніе сихъ послѣднихъ, а благосостояніе государства есть только средство для этой цѣли. Очевидно, что гражданинъ того государства, которое не имѣетъ государственныхъ доменъ и должно дѣлать всѣ расходы на счетъ податныхъ сословій, менѣе богатъ, чѣмъ подданный другаго государства, которое изъ доходовъ своихъ государственныхъ доменъ удовлетворяетъ значительную часть общественныхъ нуждъ. Вообще, чѣмъ выше налоги, тѣмъ значительнѣе уменьшается имущество частныхъ лицъ, ибо оно тѣмъ болѣе обременяется долгомъ, податями... Кромѣ того, государственныя домены въ чрезвычайныхъ случаяхъ могутъ служить залогомъ и представлять послѣднюю, весьма важную опору кредита".

Въ этихъ идеяхъ нельзя не замѣтить важныхъ заблужденій.

1) Роттекъ оставилъ безъ вниманія то назначеніе, которое должны получить суммы, вырученныя отъ продажи государственныхъ доменъ. Если суммы эти будутъ употреблены на погашеніе государственныхъ долговъ, то въ финансахъ, какъ мы замѣтили выше, произойдетъ благотворный переворотъ; если же на удовлетвореніе государственнымъ потребностямъ, то и это освободитъ подданныхъ отъ дополнительныхъ налоговъ, а правительство отъ заключенія новыхъ займовъ. Наконецъ, если эти суммы будутъ употреблены правительствомъ расточительнымъ образомъ, тогда расточительность, а не система, будетъ причиною потерь.

2) Мнѣніе Роттека, что государственныя имущества должны быть удержаны Правительствомъ на томъ основаніи, что они служатъ опорою кредита, не имѣетъ раціональнаго основанія. Если вырученныя отъ продажи государственныхъ доменъ суммы будутъ употреблены на погашеніе государственныхъ долговъ, то съ одной стороны, въ финансахъ образуется излишекъ государственныхъ доходовъ надъ расходами, слѣдовательно должно увеличиться довѣріе къ средствамъ правительства, съ другой же стороны уменьшится предложеніе государственныхъ облигацій, которое, при прежнемъ требованіи, произведетъ возвышеніе ихъ курса. А потому, государственный кредитъ долженъ возвыситься, не смотря на отчужденіе государственныхъ доменъ. Примѣръ Франціи и Англіи, имѣющихъ незначительныя государственныя домены, а пользующихся цвѣтущимъ кредитомъ, служитъ очевиднымъ тому доказательствомъ".

Положимъ, что Роттекъ совершенно ошибается: но онъ въ настоящее время далеко не единственный защитникъ государственныхъ имуществъ въ Германіи, Франціи и даже Англіи. У другихъ писателей, оставляемыхъ безъ вниманія г. Запасника, находятся объ этомъ предметѣ мысли болѣе широкія и, кажется намъ, болѣе основательныя.

Недвижимыя имущества въ рукахъ государства приносятъ гораздо меньшій доходъ, нежели въ рукахъ частныхъ людей, говоритъ старая школа. Но тутъ нужно принять въ соображеніе, что въ различныхъ государствахъ духъ управленія различенъ. Возьмемъ въ примѣръ двѣ сосѣдственныя державы, Англію и Францію. Во Франціи, и при Бурбонахъ, и при Орлеанской династіи, администрація была произвольна и пристрастна; она готова была и могла дѣлать вовсе не экономическія уступки людямъ, въ которыхъ нуждалась или которыхъ боялась; она могла мучить придирками людей, къ которымъ не благоволила; во всѣхъ своихъ дѣлахъ она руководилась не столько экономическими выгодами, сколько политическими разсчетами и пристрастіями; подкупы и злоупотребленія всякаго рода были однимъ изъ средствъ къ сохраненію власти. Очень натурально, что при такомъ управленіи государственныя имущества во Франціи не приносили того дохода, какъ имущества частныхъ лицъ. Но англійское правительство въ денежныхъ дѣлахъ поступаетъ вовсе не такъ: тамъ невозможны ни подкупы, ни противузаконныя льготы, ни притѣсненія. Потому нѣтъ никакой причины, которая бы

могла помѣшать въ Англіи полученію государствомъ за землю, отдаваемую въ аренду, точно такой же ренты, какъ рента, которую получилъ бы за эти земли частный собственникъ: въ самомъ дѣлѣ, если фермеръ знаетъ, что съ государствомъ не будетъ имѣть онъ никакихъ непріятностей, то нѣтъ ему причинъ предпочитать аренду частныхъ земель арендѣ государственныхъ. Стало быть, тутъ все дѣло въ томъ, чтобы администрація добросовѣстно соблюдала интересы государства и не могла дѣлать злоупотребленій. Что такая администрація возможна, доказываетъ примѣръ многихъ державъ, въ томъ числѣ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Пруссіи.

„Но арендаторы государственныхъ имуществъ стѣсняются контролемъ правительствъ“, говорятъ экономисты старой школы. А частный собственникъ развѣ не имѣетъ контроля надъ своими арендаторами? Если администрація добросовѣстна, ея контроль гораздо болѣе благопріятенъ для арендатора, потому что при обширности своихъ средствъ, государство можетъ легче, нежели частный человѣкъ, дѣлать отсрочки, часто требуемыя взаимною выгодою. Иное дѣло, если бы экономисты старой школы вообще доказывали невыгоду всякой аренды, какъ частнаго, такъ и государственнаго имущества, если бы они говорили, что выгоднѣйшее положеніе національнаго хозяйства бываетъ тогда, когда рента не уплачивается земледѣльцемъ постороннему лицу, а остается въ его собственныхъ рукахъ. Но они говорятъ не о томъ. Они воображаютъ, что администрація никогда не можетъ быть добросовѣстна и экономна, а частный собственникъ всегда добросовѣстенъ и экономенъ. Это заблужденіе, извиняемое только тѣмъ, что во Франціи, откуда поднимались самые сильнѣйшіе крики противъ государственныхъ имуществъ, администрація была дѣйствительно дурна.

Но если администрація дурна, если она не соблюдаетъ національныхъ выгодъ при отдачѣ государственныхъ земель въ аренду, должно ли и въ такомъ случаѣ находить выгоднымъ отчужденіе государственныхъ имуществъ? Продажа совершилась бы въ томъ же самомъ духѣ, какъ дѣлается отдача въ аренду: если, сохраняя свои имущества, государство теряетъ, положимъ, половину ренты отъ злоупотребленій, то при продажѣ оно точно также потеряло бы половину капитала отъ тѣхъ же самыхъ злоупотребленій. Половину?—Нѣтъ, даже больше. Многіе, которые не хотѣли марать рукъ изъ-за мелкихъ выгодъ, представляемыхъ подкупами при арендѣ, соблазнились бы огромными суммами, представляемыми подкупомъ при продажѣ. Этотъ разсчетъ очень простъ. Читатель помнитъ процессъ Кюбьера во Франціи. Тестъ, тогдашній министръ, вѣроятно, не польстился бы 5.000 франковъ, которые предложили бы ему за временный контрактъ арендаторы государственныхъ рудниковъ; но дѣло шло объ уступкѣ рудниковъ въ вѣчное владѣніе, и Кюбьеръ предложилъ 100,000 — противъ такой суммы Тестъ не устоялъ.

Мы говоримъ вообще о продажѣ государственныхъ имуществъ; но если взять частный случай, о которомъ говоритъ г. Запасникъ, продажу ихъ для погашенія долга, то потеря государства будетъ еще значительнѣе. Для погашенія долга вдругъ должны быть назначены въ продажу огромныя массы имуществъ; отъ громадности предложенія естественно должна упасть цѣнность такихъ имуществъ.

Но оставимъ въ сторонѣ все это. Пусть имущества, не приносящія полнаго дохода отъ злоупотребленій администраціи, будутъ проданы по какому-то чуду безъ всякихъ злоупотребленій и безъ убытка цѣны отъ излишка въ предложеніи; выгодно ли было бы продать ихъ даже и въ такомъ случаѣ?— „Они приносятъ три процента; за свой долгъ государство платитъ пять процентовъ; и такъ, обративъ капиталъ, вырученный продажею имуществъ, на уплату долга; государство выигрываетъ два процента", такъ говоритъ старая школа; но она забываетъ расходы по продажѣ и расходы по выкупу долга: ужъ эти одни расходы значительно уменьшаютъ предполагаемую выгоду. Впрочемъ, гораздо важнѣе другія соображенія, также забываемыя старою школою. Капиталъ отъ продажи имуществъ предполагается обратить на уплату долга: дѣйствительно ли это будетъ такъ? Причина продажи — дурное веденіе государственнаго хозяйства; при такомъ хозяйствѣ деньги никогда не употребляются на тотъ предметъ, для котораго назначаются; большая часть ихъ пойдетъ на непредвидѣнные расходы и тому подобныя вещи; капиталъ будетъ растраченъ, а государственные долги останутся неуплаченными. Развѣ мало тому бывало примѣровъ? При введеніи реформаціи въ Германіи и Англіи были конфискованы, и потомъ отчуждены правительствами, громадныя массы имуществъ: много ли выгоды получили отъ того государства? Часть земель разошлась по рукамъ любимцевъ; деньги, вырученныя за другую часть, пошли на праздники, парады, дипломатическія интриги и войны, которыхъ, можетъ быть, и не начали бы, еслибъ не получили вдругъ денегъ, а еслибъ и начали, то прекратили бы гораздо скорѣе; на полезное употребленіе была обращена только ничтожная часть пріобрѣтенныхъ продажею суммъ.

Экономисты старой школы слишкомъ щедро раздаютъ имя утопистовъ ученымъ, съ ними несогласнымъ; но они сами страшные утописты. Когда они говорятъ противъ порядка дѣлъ, имъ непріятнаго, они берутъ дѣйствительность со всѣми ея злоупотребленіями; а когда описываютъ выгоды дѣла, ими требуемаго, вѣчно предполагаютъ, что оно будетъ исполнено идеальнымъ образомъ, безъ всякихъ упущеній и злоупотребленій.

Они, напримѣръ, воображаютъ, что если въ какомъ нибудь государствѣ подати очень высоки, и часть этихъ податей идетъ на проценты государственнаго долга, то послѣ выкупа этого долга подати будутъ понижены, потому что расходы сократятся. А дѣйствительно ли сократятся расходы? почему знать, что не окажется надобность оказавшійся излишекъ доходовъ обратить на армію, на Дворъ, на какую нибудь войну? Хозяйства бываютъ двоякаго рода. Въ однихъ государствахъ стараются брать какъ можно меньше, въ другихъ какъ можно больше: въ однихъ расходы не увеличиваются, потому что не нужно ихъ увеличивать, а въ другихъ только потому, что нѣтъ физической возможности увеличить ихъ. Въ первыхъ государствахъ дѣла идутъ хорошо, и нѣтъ надобности прибѣгать къ продажѣ имущества для уплаты долговъ; во вторыхъ долги никогда не будутъ уменьшаться: выкупятся одни облигаціи, немедленно выпускаются другія. Мы сошлемся на Францію. При Бурбонахъ и при Орлеанской династіи правительству вѣчно хотѣлось бы имѣть въ своихъ рукахъ вдвое и втрое противъ того, что оно имѣло; еслибы какой нибудь волшебникъ каждый годъ давалъ французскому

казначейству по мильярду франковъ, дефициты ни разу не уменьшались бы ни на одинъ сантимъ, и еслибы по избытку усердія министръ финансовъ погашалъ бы старые долги, напримѣръ, въ 1835 году, то въ 1836 его товарищи заставили бы его сдѣлать вдвое больше новыхъ долговъ.

Экономисты старой школы слишкомъ идиллически воображаютъ вещи для нихъ пріятныя, напримѣръ: неистощимость кредита. Они воображаютъ, что кредитъ не можетъ служить источникомъ безразсудствъ. А когда хладнокровно посмотришь на житейскія дѣла, то видишь часто, что государство избавляется отъ великихъ бѣдствій только безденежьемъ правительства; мы опять сошлемся на примѣръ Франціи. Еслибы французское правительство не начало чувствовать крайній недостатокъ въ деньгахъ, еслибы оно не знало, что предшествовавшими займами уже истощенъ его кредитъ, оно не заключило бы мира съ Россіею въ началѣ 1856 года, а готово было бы тянуть эту войну еще нѣсколько лѣтъ —война льстила его желанію прославиться. А, между тѣмъ, для государственнаго блага Франціи ни мало не была нужна ни Крымская экспедиція, ни осада Севастополя. И такъ предположимъ, что около 1852 года, Франція погасила весь свой государственный долгъ, сдѣлавъ для того громадныя пожертвованія; государственный кредитъ находился въ баснословно-цвѣтущемъ положеніи; она могла бы сдѣлать займовъ, пожалуй, хоть на десять, на пятнадцать мильярдовъ. Въ 1854 году начинается война; теперь, при цвѣтущемъ положеніи кредита, французское правительство можетъ тянуть ее на десять лѣтъ. Что же оказывается въ результатѣ? Благодаря цвѣтущему состоянію французскаго кредита, война тянется не два года, а десять лѣтъ, она стоитъ Франціи не пять, а двадцать-пять мильярдовъ франковъ, французовъ гибнетъ въ ней не 150,000, а 750,000 человѣкъ, и т. д., и при концѣ войны кредитъ Франціи все-таки истощенъ, и долговъ надѣлано вдвое больше, нежели сколько ихъ было до выкупа передъ войною.

Это мы все говоримъ къ тому, что экономисты старой школы, совѣтуя продажу государственныхъ имуществъ, желаютъ вывести изъ финансоваго затрудненія дурную администрацію; а такой администраціи не выведутъ изъ финансовыхъ затрудненій никакія продажи, никакое увеличеніе государственныхъ доходовъ. Сколько ни давайте ей, все-таки будетъ мало. Если же администрація хороша, она найдетъ средства и безъ продажи государственныхъ имуществъ уничтожить дефицитъ и уменьшить тяжесть государственнаго долга.

Но оставимъ эти соображенія, выходящія за предѣлы бухгалтерства; взглянемъ на дѣло хотя исключительно съ бухгалтерской точки, на которой стоятъ экономисты старой школы. Положимъ, что дѣйствительно какое нибудь государство, уплативъ старый долгъ продажею государственныхъ имуществъ, не войдетъ въ новые долги, положимъ, что продажа совершилась безъ всякихъ потерь на капиталѣ, положимъ въ удовольствіе старой школѣ, что уплачены долги пятипроцентные, а проданныя имущества приносили только 3%: дѣйствительно ли государство отъ того выиграло? Для ясности мы беремъ цыфры, представляемыя англійскою финансовою исторіею, и ограничимъ свои разсчеты хотя пятидесятилѣтнимъ періодомъ. Положимъ, что въ 1820 году

Англія имѣла на 100 мильоновъ фунтовъ государственныхъ земель, отъ которыхъ государство получало 3 мильона доходу; земли эти проданы, выкуплено 100 мильоновъ пятипроцентнаго долга—выигрышъ въ 2 мильона фунтовъ очевиденъ. Но посмотримъ, что далѣе. Въ 1822 году открывается возможность понизить проценты долга съ 5 до 4; въ 1830 году открывается возможность понизить проценты съ 4 на $3^1/_2$. Между тѣмъ въ 1830 году цѣнность земли среднимъ числомъ увеличилась на 25% сравнительно съ 1820 годомъ; въ 1840 году еще на 25%, тоже въ 1850 году, и наконецъ въ 1860 цѣнность земли вдвое болѣе, нежели въ 1820 году. На этомъ мы остановимся, дальнѣйшаго увеличенія цѣнности не будемъ предполагать, а вѣдь оно будетъ. Сдѣлаемъ же теперь разсчетъ за 50 лѣтъ.

1) Сумма выплачиваемыхъ процентовъ со 100 мильоновъ долга:

За 2 года (1821—1822) по 5%	10,000,000
За 8 лѣтъ (1823—1830) по 4%	32,000,000
За 40 лѣтъ (1831—1870) по $3^1/_2$% . . .	140,000,000
Итого	182,000,000

2) Сумма доходовъ (по 3%) съ земель, цѣнность которыхъ въ 1820 году равнялась 100 мильонамъ:

1820—1830; первоначальная цѣна земли: со 100 мильоновъ по 3 мильона въ годъ; всего	30,000,000
1830—1840; цѣнность земель увеличилась до 125 мильоновъ, ежегодный 3-процентный доходъ до 3,750,000; всего	37,500,000
1840—1850; цѣнность земель 150 мильоновъ, доходъ 4,500,000; всего	45,000,000
1850—1860; цѣнность 175 мильон., доходъ 5,250,000; всего	52,500,000
1860—1870; цѣнность 200; доходъ 6 мильоновъ; всего .	60,000,000
Итого	225,000,000

Изъ этого баланса видимъ, что если бы въ 1820 году Англія продала на 100 мильоновъ государственныхъ земель, приносящихъ 3% о. для выкупа 5% о-наго долга, то черезъ эту операцію, которая на первые годы казалась выгодною, втеченіе 50-лѣтняго періода, государство потеряло бы 43 мильона. Оно освободилось бы отъ уплаты 182 мильоновъ, но лишилось бы доходовъ на 225 мильоновъ. Это потеря за 50 лѣтъ; въ каждый слѣдующій годъ прибавлялось бы еще $2^1/_2$ мильона, если бы даже цѣнность земли перестала возвышаться послѣ 1860 года. „Но государство выиграло бы отъ увеличенія производства въ частныхъ рукахъ и соединеннаго съ нимъ увеличенія податей и пошлинъ", говорятъ экономисты старой школы. Посмотримъ, какъ великъ этотъ выигрышъ. Положимъ, что пошлины и налоги берутъ 20% о дохода: эта цифра уже чрезвычайно высока. Положимъ, что по волшебному слову „частный собственникъ" доходы увеличиваются на 50%—предположеніе это дѣлается единственно въ угодность утопистамъ старой школы: на самомъ дѣлѣ, если государственная администрація

хороша, то арендаторъ не можетъ заплатить частному собственнику ни одною копѣйкою больше, нежели платитъ государству: вѣдь отъ перемѣны имени не увеличится плодородіе земли и не улучшится климатъ. 50% на 225 мильоновъ составятъ $112^1/_2$ мильоновъ,—вотъ излишекъ производства, образованный переходомъ земли къ частнымъ собственникамъ; 20^0 о съ этого излишка составитъ 25 мильоновъ; за вычетомъ ихъ изъ 43 мильоновъ, полученныхъ нами выше, остается все-таки 18 мильоновъ чистаго убытка государству отъ произведенной имъ продажи. А собственно говоря, ровно никакого вычета и не должно дѣлать, потому что при хорошей администраціи государственныя земли непремѣнно должны отдаваться въ аренду по той же самой цѣнѣ, какъ и частныя земли.

Если мы къ этимъ чисто казначейскимъ разсчетамъ прибавимъ соображенія о томъ, какую выгоду для народнаго благосостоянія представляетъ то обстоятельство, что государство при хорошей администраціи управляетъ своими имуществами непремѣнно въ видахъ общественнаго благосостоянія, что невозможно для частнаго собственника, обязаннаго заботиться прежде всего о собственныхъ выгодахъ, которыя далеко не всегда одинаковы съ общественными; если мы сообразимъ, что государственныя земли всегда готовы бываютъ для принятія переселеній, которыхъ можетъ и не принимать на свои земли частный собственникъ; если мы сообразимъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ государству полезно бываетъ имѣть въ своемъ непосредственномъ распоряженіи землю, то, конечно, въ насъ уничтожится всякое желаніе видѣть отчужденіе государственныхъ земель въ какой бы то ни было державѣ для уплаты долговъ.

Конечно, все это относится къ обыкновенному теченію дѣлъ. Могутъ встрѣчаться особенные случаи, когда государству дѣйствительно необходимо бываетъ продавать свои земли. Но къ этимъ случаямъ никакъ не можетъ принадлежать погашеніе прежнихъ долговъ. Быть можетъ, Англія поступила бы не безразсудно, если бы вздумала продать часть тѣхъ земель, которыя будутъ конфискованы у остъ-индскихъ мятежниковъ, чтобы вырученную сумму употребить для облегченія участи низшихъ кастъ, воины которыхъ остаются вѣрными защитниками англійскаго правительства. Но это дѣло совершенно иного рода, нежели погашеніе долговъ, сдѣланныхъ во время войнъ съ Франціею. Противъ этихъ долговъ справедливо только одно средство: они порождены неумѣренностью; эта ошибка прежнихъ временъ должна загладиться сохраненіемъ всевозможной экономіи въ настоящее время.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Высочайшій Указъ о пониженіи процентовъ по ссудамъ и вкладамъ Государственныхъ кредитныхъ учрежденій.—Отчетъ г. министра Финансовъ о Государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, за 1856 г.—Статья г. Бабста о новомъ тарифѣ.—Прекращеніе порто-франко въ Одессѣ.—Торговая конвенція съ Франціею.—Общество для приготовленія продовольственныхъ и животныхъ веществъ и торговли ими.—Общество Сампсоніевской мануфактуры.—Пароходы г. Шипова, построенные русскими машинистами.—Пароходство въ Сибири. Пинскій каналъ.—Правила о службѣ молодыхъ людей изъ козаковъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—*Литературныя замѣтки.*—„Новѣйшіе публицисты. Токвилль", г. Чичерина.—Примѣръ гласности.

— Предметомъ одной изъ самыхъ общихъ жалобъ со стороны людей, желающихъ развитія матеріальныхъ силъ нашихъ, издавна была господствующая у насъ привычка оставлять свои капиталы безъ всякаго движенія. Всѣ мы смѣемся надъ старымъ обычаемъ зажиточныхъ поселянъ прятать деньги въ кубышку и зарывать эту кубышку въ землю. Но до послѣдняго времени почти каждый изъ смѣющихся надъ этимъ обычаемъ, какъ только удавалось ему увидѣть себя денежнымъ человѣкомъ, считалъ самымъ лучшимъ дѣломъ внести свои деньги въ такъ называемый ломбардъ и оставлять ихъ тамъ на вѣки вѣчные, для приращенія банковыми процентами. Количество вкладовъ въ нашихъ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ изумляетъ своею страшною громадностію. Въ отчетѣ г. министра финансовъ о движеніи суммъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ за прошлый годъ находится слѣдующая цифра: вкладовъ, внесенныхъ для приращенія процентами, состояло къ 1 января 1857 г.:

1.002.639.068 рублей серебромъ.

Чтобы оцѣнить страшную огромность этой цифры, вспомнимъ, что въ англійскомъ банкѣ цифра вкладовъ не многимъ превышаетъ 65.000.000 р. серебромъ, да и изъ тѣхъ самая большая часть принадлежитъ не частнымъ лицамъ, неподвижно оставляющимъ деньги для приращенія процентами, а банкирскимъ конторамъ, имѣющимъ ежедневные коммерческіе разсчеты съ англійскимъ банкомъ.

Государственныя кредитныя учрежденія существуютъ вовсе не для того, чтобы принимать кредитъ: ихъ цѣль давать кредитъ; ихъ цѣль содѣйствовать развитію экономическаго движенія облегченіемъ и регулированіемъ торговыхъ оборотовъ, а не служить подвалами для доставленія неподвижнаго лежанія всѣмъ тѣмъ капиталамъ, которые лѣнятся вступать въ обращеніе, которые ищутъ подземной кубышки, въ которую могли-бы спрятаться. Государство учреждаетъ свои заемные и коммерческіе банки для того, чтобы

открывать легчайшую возможность дисконта коммерческихъ цѣнностей, превращенія недвижимыхъ имуществъ въ торговые капиталы, для того, чтобы легче было и землевладѣльцу, и фабриканту, и негоціанту, и вообще всякому капиталисту получать подъ залогъ своихъ денегъ, фабрикъ, товаровъ и векселей, деньги для расплатъ по текущимъ своимъ коммерческимъ счетамъ, для расширенія своихъ промышленныхъ дѣлъ, для основанія новыхъ общеполезныхъ предпріятій, а вовсе не съ тѣмъ, чтобы выдавать подъ названіемъ процентовъ награду такимъ людямъ, которые хотятъ прятать въ кубышку свои деньги. Есть только два случая, въ которыхъ государство находитъ полезнымъ принимать на сохраненіе недвижимые капиталы: это или тогда, когда капиталы эти принадлежатъ людямъ малолѣтнимъ, находящимся подъ опекою, или тогда, когда эти капиталы такъ малы, что не могутъ быть употреблены ни на какое коммерческое предпріятіе. Вы опекунъ, вы не хотите и не должны принимать на себя риска въ капиталѣ, принадлежащемъ порученному вамъ дитяти; съ другой стороны это дитя должно быть обезпечено въ томъ, что его деньги сохранятся до его совершеннолѣтія, не будутъ потеряны отъ какой-нибудь вашей ошибки; чтобы снять съ васъ всякую отвѣтственность за чужія деньги, чтобы обезпечить дитя отъ всякихъ потерь, государство принимаетъ капиталы, находящіеся подъ опекою; таково истинное назначеніе Опекунскихъ Совѣтовъ. Вы человѣкъ бѣдный, но, соблюдая экономію, достигаете того, что въ мѣсяцъ, быть можетъ, въ недѣлю остается у васъ лишній цѣлковый. На этотъ цѣлковый вы не можете начать никакого промышленнаго предпріятія, не можете купить никакой акціи. Государство желаетъ помочь вамъ къ полученію прибыли съ этого маленькаго капитала, который вы не можете пустить въ оборотъ безъ помощи государства, не потому, чтобы вы были лѣнивы, а только потому, что вашъ капиталъ еще слишкомъ малъ; оно хочетъ помочь вамъ сохранить этотъ капиталъ, который вамъ безъ его помощи такъ трудно удержать въ рукахъ опять-таки не потому, что-бы вы были расточительны, а потому, что капиталъ слишкомъ еще малъ; оно принимаетъ вашъ маленькій капиталъ и, чтобы поощрить васъ къ продолженію вашей экономіи, немедленно даетъ вамъ прибыль, которую иначе вы не могли-бы получить по незначительности вашего капитала,—таково назначеніе сберегательныхъ кассъ. Но какъ скоро вашъ капиталецъ, сберегаемый вами только благодаря помощи государства, достигаетъ такой величины, что вы уже можете пустить его въ коммерческій оборотъ, дать его взаймы частному промышленнику, или купить на него акцію, государство уже не хочетъ оставлять въ своихъ рукахъ этого капитала: вы можете пріискать ему какое-нибудь употребленіе болѣе полезное для общества, болѣе выгодное и для васъ, потому что промышленность даетъ болѣе процентовъ, нежели сберегательная касса; сберегательная касса отказывается принимать или удерживать всякій капиталъ, достигшій величины въ нѣсколько сотъ рублей (въ Россіи 750 р., во Франціи 1.500 фр.), — онъ уже годенъ для коммерческихъ оборотовъ; удерживать его долѣе отъ этихъ оборотовъ значило-бы и лишать промышленность вашего капитала, и лишать васъ той болѣе высокой прибыли, которую обѣщаетъ вамъ промышленность, и поощрять васъ къ бездѣйствію. Это о сберегательныхъ кассахъ.

Опекунскій Совѣтъ также вовсе не желаетъ удерживать капиталъ дитяти, какъ скоро ребенокъ достигъ совершеннолѣтія. Юноша или взрослая дѣвушка сами уже могутъ позаботиться о себѣ; помощь опекуна стала не нужна для нихъ; стала не нужна и та помощь, которую государство оказывало имъ и ихъ опекуну посредничествомъ въ опекѣ. Если этотъ юноша оставляетъ свой капиталъ въ государственномъ кредитномъ заведеніи, онъ становится уже несправедливъ къ государству, требуя, чтобы государство продолжало кормить его по прежнему молочною кашкою съ ложечки, между тѣмъ какъ онъ уже теперь, слава Богу, могъ-бы ѣсть и безъ няньки.

Въ тѣ времена, когда отсутствіе твердаго гражданскаго порядка и выгодныхъ и благонадежныхъ помѣщеній для капиталистовъ дѣлало необходимостію прятаніе этихъ капиталовъ въ кубышки, закапываемыя глубоко въ землю, въ тѣ времена государство имѣло надобность и право предложить свою помощь къ сохраненію этихъ капиталовъ. Когда Екатерина II привлекала капиталы для храненія въ государственныя кредитныя учрежденія, то было шагомъ впередъ, извлеченіемъ капиталовъ изъ совершенной неподвижности къ поступленію въ оборотъ, правда, слишкомъ еще тѣсный и безжизненный, но все-таки привлеченіемъ капиталовъ въ оборотъ. Помѣщеній для капиталовъ вовсе не существовало до тѣхъ поръ, пока упроченіе гражданскаго порядка и развитіе частной промышленности дастъ капиталамъ ихъ истинное помѣщеніе; государство должно было принять на себя какъ-бы роль опекуна, завѣдывающаго чужими дѣлами, пока находящійся подъ опекою не пріобрѣтетъ возможности располагать ими по собственному усмотрѣнію. Такой періодъ въ жизни государства неизбѣженъ, но онъ есть только переходный періодъ. По несомнѣннымъ признакамъ правительство наше убѣдилось, что этотъ періодъ кончился, что миновалась для правительства хлопотливая и убыточная необходимость быть опекуномъ надъ частными капиталами, что для этихъ капиталовъ пришла уже пора обращаться самобытнымъ образомъ, что поддерживать привычку нашу оставлять всѣ хлопоты о нашихъ дѣлахъ на заботу правительства, значило бы для правительства принимать на себя излишніе убытки, не приносящіе и частнымъ лицамъ ничего кромѣ убытка. У васъ есть 100,000 рублей, и вы блаженствуете въ совершенномъ бездѣйствіи умственномъ и физическомъ, таская въ карманѣ ломбардный билетъ и требуя отъ правительства ежегодно 4,000 рублей за то, что вы не хотите ничего дѣлать, кромѣ какъ носить этотъ билетъ въ вашемъ карманѣ, не хотите ни о чемъ подумать, кромѣ того, что государство обязано давать вамъ проценты за ваше бездѣйствіе, обязано быть вашимъ опекуномъ и кормить васъ съ ложечки молочною кашкою. Слава Богу, у государства много хлопотъ и кромѣ заботы варить для васъ кашку; да и вамъ не пора ли самому позаботиться о своемъ обѣдѣ, вѣдь вы уже человѣкъ взрослый. За какое благо государство станетъ платить вамъ въ теченіе всей вашей жизни, надѣемся долголѣтней, пенсію? Пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ вы хотите получать отъ государства по 4,000 рублей и черезъ шестьдесятъ лѣтъ, взявъ съ государства 150,000 рублей, все еще хотите быть кредиторомъ государства на 100,000 рублей? за что такой убытокъ государству? да и вамъ какая выгода отъ того, что государство расходуется на васъ?

Купили бы вы на свои 100,000 рублей акцій какой-нибудь компаніи, компанія выдавала бы вамъ не 4 процента, а по крайней мѣрѣ 6 процентовъ, а можетъ быть и 10 процентовъ, или даже и 20 процентовъ; вашъ доходъ былъ бы вдвое или втрое больше той пенсіи, которую берете вы съ государства; а между тѣмъ общество было бы благодарно вамъ: вашимъ капиталомъ произведено было бы какое-нибудь общеполезное дѣло, была бы проложена дорога, была бы основана фабрика, построены и движимы пароходы, и въ результатѣ, если бы вамъ понадобилось взять обратно вашъ капиталъ, компанія бы уплатила вамъ не 100,000, какъ платитъ государство, а 150,000 или 200,000, потому что акціи каждой солидной компаніи поднимаются въ цѣнѣ. Видите-ли, заставляя государство нянчиться съ вашимъ капиталомъ и содержать васъ на пенсіи, вы и дохода получали гораздо меньше, да и на капиталѣ лишились значительной прибыли только отъ того, что не хотѣли сами ни о чемъ подумать. Вамъ не хотѣлось поразмыслить о томъ, напримѣръ, въ 1827 году, что Первое Страховое Общество, учреждавшееся тогда, представляетъ совершенно безопасное помѣщеніе для вашего капитала; оттого, что вы полѣнились вникнуть въ условія оборотовъ, предпринимаемыхъ этимъ обществомъ, вы махнули рукой, сказавъ: „Э, кто ихъ знаетъ, быть можетъ дивидендъ будетъ малъ и акціи упадутъ въ цѣнѣ; рисковать не хочу; поступлю лучше на пенсію къ государству“. И вы навязали ломбарду вовсе ненужныя ему ваши 100,000, а не взяли акцій Перваго Страховаго Общества. Чтожъ изъ того вышло? Въ тридцать лѣтъ, прошедшіе съ того времени, вы получали по 4,000 рублей, между тѣмъ, какъ Первое Страховое Общество выдавало каждый годъ по 10 и болѣе процентовъ (напримѣръ, въ 1852 году дивидендъ былъ $11^{1}/_{4}$ процентовъ, въ 1855—$12^{1}/_{2}$ процентовъ, да и во всѣхъ другихъ годахъ то же самое), то есть получали бы вы отъ него каждый годъ по 10,000 и болѣе; да и капиталъ вашъ былъ бы теперь вдвое больше: акціи, которыя предлагались вамъ въ 1827 году по 400 р. с., теперь стоютъ 810 р. с.; разсчитите же теперь, сколько убытковъ надѣлало и государству и вамъ ваше нежеланіе подумать о томъ, солидно ли основывавшееся тогда общество, совершенно ли обезпеченъ былъ бы въ немъ вашъ капиталъ и велики ли будутъ доходы общества.

Чтобы не затягивать счета, положимъ, что круглымъ числомъ Первое Страховое Общество давало по 11 процентовъ (а оно давало и больше). Въ тридцать лѣтъ вы отъ него получили бы по 11,000 р. с. въ годъ, всего . . . . . 330,000 р. с.

А вашъ капиталъ, состоящій изъ 250 акцій, купленныхъ вами въ 1827 году по 400 р. с., а теперь продающихся по 810 р. с., составлялъ бы теперь . . . . 202.500 „ „

Итого . 532,500 р. с.

Вотъ сколько вы могли бы имѣть; а сколько вы теперь имѣли?

Изъ ломбарда по 4 процента вы получили въ тридцать лѣтъ . . . . . 120,000 р. с.

И капиталъ вашъ остался какъ былъ . . . . . 100,000 „ „

Итого . 220,000 р. с.

И оказывается, что, заставивъ государство израсходовать на пенсію вашей умственной лѣни 120,000 р. с., вы потеряли на капиталѣ и процентахъ 312,500 р. с.

Вы не хотѣли рисковать? Да если бы вамъ не лѣнь было подумать, вы увидѣли бы, что риска не было совершенно никакого, что Первое Страховое Общество непремѣнно должно было давать большой дивидендъ, что акціи его непремѣнно должны были подняться въ цѣнѣ.

А во сколько оцѣнить убытки того, кто въ 1799 году положилъ свои 100,000 въ ломбардъ, вмѣсто того, чтобы взять акціи Россійско-Американской Компаніи? Тутъ уже пахнетъ мильонами.

Такъ вы не хотѣли и не хотите рисковать? посмотрите въ газетныхъ объявленіяхъ цѣну акцій и величину дивиденда нашихъ акціонерныхъ компаній, и вы увидите, что о Второмъ Страховомъ Обществѣ, Обществѣ освѣщенія газомъ, Бумагопрядильной Мануфактурѣ, Застрахованія доходовъ, Саламандрѣ, всѣхъ пароходныхъ обществахъ, Обществѣ Царскосельской желѣзной дороги и многихъ другихъ надобно сказать тоже самое, что объ Американской Компаніи и Первомъ Страховомъ Обществѣ: акціи ихъ поднялись и конечно всегда будутъ держаться выше первоначальной цѣны; о томъ, что дивидендъ ихъ былъ и будетъ всегда гораздо выше 4 процентовъ, не нужно и упоминать: даже такія общества, акціи которыхъ стоятъ нѣсколько ниже первоначальной цѣны, даютъ болѣе 4 процентовъ.

Умственная лѣнь, заставляющая насъ предпочитать отдачу денегъ въ ломбардъ, которому вовсе не нужны ваши деньги, покупкѣ акцій и основанію коммерческихъ и фабричныхъ предпріятій, слишкомъ дорого обходилась государству, слишкомъ убыточна была и намъ.

Правительство увидѣло, что пришла пора принять мѣры противъ такого нелѣпаго положенія вещей, которымъ задерживается всякое промышленное развитіе, отъ котораго терпитъ огромные убытки само правительство, и еще болѣе убытковъ терпитъ общество, и больше всего тѣ самые люди, умственное бездѣйствіе которыхъ предпочитаетъ праздную пенсію изъ ломбарда столь же вѣрнымъ и гораздо болѣе значительнымъ доходамъ, даваемымъ промышленностію. Надобно было положить преграду развитію лѣнивой привычки. Рѣшительный шагъ этому сдѣланъ Высочайшимъ Указомъ Правительствующему Сенату, отъ 20-го іюля нынѣшняго года. Чтобы предотвратить излишнее накопленіе вкладовъ въ государственныя банковыя установленія, накопленіе быстро возраставшее, и указать капиталамъ, нынѣ съ убыткомъ для государства обременяющимъ бездѣйственно банковыя учрежденія, другое направленіе, болѣе соотвѣтственное государственнымъ пользамъ, правительство понизило банковый процентъ, выдаваемый частнымъ лицамъ за вклады, съ 4 процентовъ на 3.

Въ самомъ дѣлѣ накопленіе бездѣйственныхъ капиталовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ быстро возрастало. Еще не далѣе какъ четыре года тому назадъ, къ 1 января 1853 года, цифра вкладовъ во всѣхъ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ простиралась только до 806,083,233 р. с., а по отчету г. Министра Финансовъ за 1856 годъ, къ 1 января нынѣшняго года количество вкладовъ увеличилось, какъ мы видѣли, уже до

1,002,639,068 р. с. Проценты на эту послѣднюю цифру составляли по прежнему уставу слишкомъ 40,000,000 р. с. Государство выиграетъ болѣе 10,000,000 р. с. уже отъ одного того, что, вмѣсто прежнихъ 4 процентовъ, будетъ платить теперь частнымъ лицамъ по 3 процента. Еще гораздо большій выигрышъ состоитъ въ томъ, что теперь несомнѣнно пріостановится возрастаніе суммы вкладовъ, и такимъ образомъ государство будетъ избавлено отъ тѣхъ расходовъ, въ которые вовлекло бы его увеличеніе цифры вкладовъ. Но самая значительная выгода для государства, какъ и для частныхъ лицъ, состоитъ, конечно, въ томъ, что при множествѣ помѣщеній, представляемыхъ нынѣ капиталамъ потребностями промышленности, тѣ деньги, которыя безъ Указа 20 іюля пошли бы на бездѣйственное погребеніе въ ломбардахъ, будутъ обращены теперь на промышленныя предпріятія. Серьезная и какъ нельзя болѣе благовременная мѣра, принятая правительствомъ, очень ясно и убѣдительно говоритъ намъ, что пора нашимъ капиталамъ начать двигаться самостоятельно, что довольно уже времени мы обременяли правительство своею апатическою привычкою всѣ свои дѣла предоставлять его попеченію, что пора намъ начать самимъ заботиться о своихъ дѣлахъ. Это будетъ выгоднѣе и для государства, и для насъ самихъ.

Пониженіе процентовъ съ 4 процентовъ на 3 процента есть важнѣйшее событіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Высочайшій указъ объ этомъ, конечно, прочитанъ всѣми, и намъ нѣтъ нужды повторять здѣсь подробности, опредѣляющія способъ приведенія въ дѣйствіе мѣры столь благоразумной; но важность основныхъ мѣръ такова, что не мѣшаетъ вникнуть въ послѣдствія, изъ нея вытекающія.

Цѣль распоряженія двоякая: „съ одной стороны, по словамъ Высочайшаго Указа, устранить ущербъ, предвидимый для банковыхъ установленій отъ накопленія вкладовъ, съ другой—дать праздными капиталамъ направленіе, болѣе соотвѣтственное пользамъ государства“.

Для достиженія первой цѣли, Указъ 20 іюля, сверхъ пониженія процентовъ на частные вклады, весьма логично понижаетъ въ степени еще болѣе значительной проценты на вклады казенныхъ вѣдомствъ; именно, между тѣмъ, какъ на частные вклады банки будутъ выдавать 3 процента, вклады казенныхъ вѣдомствъ будутъ получать только $1\frac{1}{2}$ процента приращенія. Это весьма справедливо; въ послѣднемъ случаѣ государство производитъ платежъ процентовъ само себѣ, слѣдовательно тутъ нѣтъ ни прибыли, ни ущерба для государства, а есть только передвиженіе суммъ изъ одного вѣдомства въ другое. Весьма разумно Указомъ 20 іюля полагаются тѣсные предѣлы этому передвиженію, потому что съ одной стороны, чѣмъ болѣе сокращается оно, тѣмъ болѣе сокращаются взаимные разсчеты между вѣдомствами, а съ другой стороны совершенно уничтожать этихъ разсчетовъ не должно, потому что полученіемъ процентовъ на экономическія суммы поддерживается въ каждомъ вѣдомствѣ убѣжденіе въ выгодахъ экономіи.

Что же касается второй цѣли, предполагаемой правительствомъ, нѣтъ сомнѣнія, что она будетъ достигнута превосходнымъ образомъ. Если мы предположимъ, что дѣйствіе Высочайшаго Указа отъ 20 іюля ограничится даже только тѣмъ, что сумма вкладовъ уже не будетъ возрастать, какъ возра-

стала до сихъ поръ, то очевидно, что втеченіе четырехъ лѣтъ обратится на оживленіе промышленныхъ предпріятій, по крайней мѣрѣ, 200,000,000 р. с., которые иначе нашли бы себѣ неподвижность въ Банкахъ: изъ сравненія цифръ по отчетамъ г. Министра Финансовъ за 1852 и 1856 годы, мы видимъ, что втеченіе четырехъ лѣтъ масса вкладовъ увеличилась почти на 200,000,000, или, среднимъ числомъ, почти на 50,000,000 руб. сер. ежегодно. (Этотъ размѣръ ежегоднаго увеличенія указывается и самымъ отчетомъ г. Министра Финансовъ за 1856 годъ, показывающимъ, что излишекъ въ поступленіи вкладовъ передъ ихъ востребованіемъ простирался въ прошедшемъ году до 47,503,094 руб. сер.). Этой послѣдней цифры достаточно для построенія 1,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ; ея достаточно для образованія нѣсколькихъ могущественнѣйшихъ обществъ морскаго пароходства; для образованія многихъ громаднѣйшихъ мануфактурныхъ или заводскихъ акціонерныхъ компаній. Чтобы вполнѣ понять, какое громадное движеніе въ промышленности должно быть произведено обращеніемъ на нее вновь не болѣе, какъ одной ежегодной суммы, вносившейся до сихъ поръ въ банковыя учрежденія, мы скажемъ, что основный капиталъ всѣхъ пятнадцати акціонерныхъ обществъ, показанныхъ въ „Мѣсяцословѣ“ на 1857 годъ, составляетъ въ сложности менѣе, нежели 20,000,000 р. с. *).

Теперь можно вообразить, какое гигантское развитіе должна получить наша промышленность, когда на ея оживленіе будутъ ежегодно обращаться тѣ 50,000,000 руб. сер., которые до сихъ поръ вносились въ ломбарды, чтобы лежать тамъ.

Этимъ еще не ограничиваются выгодныя слѣдствія мѣры, постановленной Высочайшимъ Указомъ 20 іюля. Пониженіе процентовъ, уплачиваемыхъ кредитными учрежденіями, дало правительству возможность, по выраженію Высочайшаго Указа, „уменьшить въ соразмѣрности проценты по ссудамъ изъ Банковыхъ Установленій подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и даровать заемщикамъ возможное въ платежѣ таковыхъ ссудъ облегченіе“. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ 6 проц., отнынѣ будетъ взиматься государственными кредитными учрежденіями по ссудамъ 4 проц., по займамъ подъ залогъ населенныхъ имѣній также по 4 проц. и подъ залогъ домовъ 5 процентовъ. Нѣтъ надобности говорить, какъ благодѣтельно и огромно прямое облегченіе, даруемое этимъ пониженіемъ чрезвычайно многочисленному разряду лицъ, получавшихъ ссуды и займы изъ кредитныхъ учрежденій; но не должно также забывать о другомъ, еще болѣе широкомъ дѣйствіи такого пониженія, — мы говоримъ о томъ косвенномъ вліяніи, которое по необходимости должно оно произвести на процентъ по займамъ между част-

*) 1) Россійско-Американская Компанія, 2) Первое Страховое Общество, 3) Второе Страховое Общество, 4) Страховое Товарищество „Саламандра“, 5) Коммерческая Компанія „Надежда“, 6) Общество застрахованія пожизненныхъ доходовъ, 7) Общество Царскосельской Желѣзной Дороги, 8) Общество пароходства по Волгѣ, 1843 года, 9) Общество Пароходства „Меркурій“, 10) Камско-Волжское Пароходное Общество, 11) Общество Пароходства „Польза“, 12) Общество С.-Петербургской Бумагопрядильной Мануфактуры, 13) Товарищество Суксунскихъ Горныхъ Заводовъ, 14) Компанія Царевской Мануфактуры, 15) Общество заводской обработки животныхъ продуктовъ. Основные капиталы всѣхъ этихъ пятнадцати обществъ составляютъ въ сложности 19,500,000 р. с.

ными лицами. Хотя нѣкоторые односторонніе политико-экономы и полагаютъ, будто частный кредитъ находится внѣ зависимости отъ правительственныхъ мѣръ, но такое мнѣніе отвергается здравой теоріей. Конечно, нельзя декретировать процента для сдѣлокъ между частными людьми: онъ находитъ средство ускользать отъ всякаго контроля составленіемъ векселей и другихъ обязательствъ на фиктивныя суммы. Но тѣмъ не менѣе въ рукахъ правительства находится могущественное средство косвеннымъ образомъ дѣйствовать на этотъ процентъ, ускользающій отъ прямой зависимости. Процентъ опредѣляется, какъ и все на свѣтѣ, отношеніемъ предложенія къ запросу, и потому очевидно, что когда огромная масса капиталовъ, которыми располагаютъ государственныя кредитныя учрежденія, предлагается по проценту менѣе высокому, нежели прежде, то это пониженіе должно отразиться и на процентѣ, получаемомъ частными кредиторами. Оптовый торговецъ хотя и не имѣетъ возможности прямымъ образомъ удержать мелкихъ торгашей отъ требованія за ихъ товаръ той суммы, какую имъ угодно требовать, но тѣмъ не менѣе, онъ всегда заставляетъ ихъ понижать цѣну, когда самъ понижаетъ цѣну на свои огромные запасы товаровъ: точно также и государство, которое передъ частными капиталистами то же самое, что баронъ Штиглицъ передъ купцами 3-й гильдіи, всегда можетъ имѣть хотя косвенное, но тѣмъ не менѣе очень сильное вліяніе на процентъ займовъ у частныхъ кредиторовъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что настоящее пониженіе процентовъ по займамъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій замѣтнымъ образомъ отзовется и въ пониженіи обыкновенныхъ процентовъ по займамъ частныхъ капиталовъ. Нѣтъ надобности говорить, какъ полезно будетъ это косвенное дѣйствіе для успѣха нашей торговли и промышленности, развитію которыхъ однимъ изъ главныхъ препятствій представлялось до сихъ поръ чрезмѣрная высота процентовъ, требующихся у насъ частными капиталами. Чѣмъ ниже процентъ на капиталъ, тѣмъ болѣе необходимости капиталу заботиться о быстротѣ своего обращенія, тѣмъ менѣе ему возможности дремать и бездѣйствовать.

Высочайшій Указъ отъ 20 іюля будетъ имѣть сильное и благотворное вліяніе на возбужденіе нашей промышленной дѣятельности.

Разсматривая отчетъ г. министра финансовъ о дѣйствіяхъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій за прошедшій годъ, мы замѣтимъ слѣдующіе факты и цифры:

Временные выпуски государственныхъ билетовъ, производившіеся по Высочайшему Указу 10 января 1855 года, для покрытія военныхъ издержекъ, прекращены Указомъ 5 апрѣля текущаго года.

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 10 іюля 1857 года, увеличенъ размѣръ ссудъ изъ Коммерческаго Банка подъ залогъ билетовъ различныхъ кредитныхъ установленій. Вмѣсто пропорціи 60 - 90 проц. разрѣшено выдавать въ заемъ 70 - 95 проц., смотря по различію въ наименованіи билетовъ.

Къ 1 января 1857 года, государственныхъ долговъ, срочныхъ и безсрочныхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, состояло . . . . . 521,987,810 р. с.

Государственный Коммерческій Банкъ.

Подъ учетъ векселей, залогъ товаровъ, банковыхъ билетовъ, квитанцій Алтайскаго и Уральскаго Горныхъ Правленій, выдано . . . . . 29,500,475 р. с.

Экспедиція Государственныхъ Кредитныхъ Билетовъ.

Въ 1856 году выпущено въ народное обращеніе государственныхъ кредитныхъ билетовъ: за вклады, внесенные звонкою монетою и слитками, за 50-ти рублевые билеты Сохранныхъ Казенъ и Заемнаго Банка выпуска 1841 г. и въ подкрѣпленіе Государственнаго Казначейства . . . . . 287,640,658 р. с.

Къ 1 января 1857 г. кредитныхъ билетовъ находилось въ народномъ обращеніи . . . . . 689,269,844 р. с.

Сберегательныя Кассы.

Къ 1 января состояло вкладовъ:

1856 г.	1857 г.
2,827,420	3,377,541

Увеличеніе вкладовъ въ Сберегательныхъ Кассахъ, свидѣтельствуя о развитіи привычки къ экономіи между людьми мало зажиточными, составляетъ, какъ извѣстно, фактъ отрадный.

Общая сумма капиталовъ, обращавшихся во всѣхъ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, составляла

Къ 1 января:	1856 г.	1857 г.
Вклады . . .	924,681,639	1,002,639,068
Ссуды . . .	1,039,592,255	1,010,270,781

— Развитіе, а не стѣсненіе нашей промышленности, было цѣлью и новаго тарифа, столь значительно понизившаго пошлину на многія статьи, обложенныя почти запретительною пошлиной по прежнему тарифу, отмѣнившаго запрещеніе многихъ продуктовъ, запрещенныхъ прежде. Теперь уже поздно намъ вводить въ наши замѣтки разсужденія объ этой мѣрѣ, послѣдовавшей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и мы заговорили о новомъ тарифѣ только для того, чтобы обратить вниманіе читателей на прекрасную статью о немъ, помѣщенную г. Бабстомъ въ №№ 96 и 97 „Московскихъ Вѣдомостей“. Обыкновенно люди, защищающіе пониженіе пошлинъ, обманываются предразсудками многихъ фабрикантовъ, возстающихъ противъ этого, и склоняются ихъ необдуманными протестами къ той мысли, что, въ самомъ дѣлѣ, стѣсняются фабрики, что низкій тарифъ, выгодный для потребителя, по необходимости не выгоденъ бываетъ фабриканту. Г. Бабстъ очень вѣрно и ясно доказываетъ, что это совершенное заблужденіе; что благоразумное пониженіе пошлинъ и фабриканту бываетъ столь-же выгодно, какъ и потребителю; что высокія покровительственныя пошлины, доставляя вѣрный сбытъ

дурнымъ товарамъ плохихъ фабрикъ, мѣшаютъ увеличенію сбыта товаровъ хорошей фабрики, которая соперничествомъ иностранной фабрикаціи если и будетъ принуждена понизить цѣну своихъ товаровъ, то найдетъ за то вознагражденіе въ расширеніи круга потребителей и въ результатѣ выиграетъ. а не проиграетъ черезъ уничтоженіе покровительственной опеки, которая, если отстраняетъ полезное соперничество иностранной фабрикаціи, за то вызываетъ противъ хорошаго фабриканта соперничество дурныхъ фабрикантовъ, которые для него гораздо опаснѣе. Съ иностранными фабрикантами онъ можетъ бороться безъ потерь, потому что средства борьбы у нихъ одинаковы: знаніе, дѣятельность, капиталъ, честность. Но гораздо затруднительнѣе для хорошаго фабриканта совмѣстничество людей, которые недостатокъ знанія и дѣятельности стараются замѣнить обманами въ качествѣ и недобросовѣстными продѣлками въ сбытѣ товаровъ. Этихъ-то враговъ всякаго хорошаго производителя поддерживаетъ покровительственная система. Потому-то, говоритъ г. Бабстъ, пониженіе пошлинъ бываетъ для солидныхъ фабрикъ не менѣе выгодно, нежели для потребителей, и эти справедливыя соображенія заключаетъ слѣдующими словами:

„Никогда не должно упускать изъ виду одной изъ главныхъ экономическихъ истинъ. что самые вѣрные и высокіе барыши не столько зависятъ отъ высокихъ цѣнъ на товары, сколько отъ величины и обширности сбыта; не должны также забывать наши производители, что ихъ интересы тѣсно связаны съ интересами всѣхъ остальныхъ слоевъ потребляющаго народонаселенія, что цвѣтущее состояніе и обширные размѣры всѣхъ отраслей мануфактурной промышленности обусловливаются степенью благосостоянія и зажиточности всего вообще народонаселенія. Фабриканты — первые должны поднимать голосъ въ пользу всякаго рода экономическихъ преобразованій, первые должны понять, какъ сильно стѣсняютъ развитіе производительныхъ силъ настоящія условія народнаго труда, и громко указывать на это грустное явленіе, парализирующее развитіе отечественной мануфактурной промышленности; они первые должны стараться и заботиться о томъ, чтобы сняты были всѣ внутреннія таможни, которыхъ такъ много, т. е. всѣ стѣсненія, всѣ преграды, опутывающія свободный обмѣнъ цѣнностей и самостоятельность народнаго труда. Производители должны прежде всего заботиться, чтобы на внутреннемъ рынкѣ ни одинъ Ардальонъ Михайловичъ, никакой Александръ Михѣичъ не смѣлъ-бы показать къ нимъ носу ни на фабрику, ни на заводъ, чтобы товаръ поспѣвалъ и дешево и во время, а не по благоусмотрѣнію попечительнаго дистанціоннаго начальника, чтобы земля, купленная подъ фабрику за 90, напр., рублей, не обходилась фабриканту, благодаря заботливости извѣстныхъ людей, въ 300 р. и т. д.,— вотъ о чемъ не мѣшало-бы заботиться нашимъ производителямъ для блага своего и для блага цѣлаго края, вотъ отъ чего дороги наши товары, вотъ что задерживаетъ развитіе отечественной промышленности. Отъ уничтоженія всѣхъ подобныхъ заставъ и пошлинъ можно только ожидать широкаго развитія производительныхъ силъ, а не отъ боязливаго охраненія себя высокимъ тарифомъ. Въ первомъ случаѣ выигрываетъ цѣлый край, оживится все промышленное народонаселеніе, въ послѣднемъ видна только эгоистическая забота узкихъ интересовъ производящаго меньшинства упрочить за собой монополію къ явному ущербу цѣлаго края. Заговори фабриканты дружно о первомъ, и имъ откликнутся радостно всѣ, кому только дорого процвѣтаніе роднаго края“.

Изъ другихъ правительственныхъ мѣръ, касающихся нашей промышленности, замѣтимъ прекращеніе порто-франко въ Одессѣ (съ 15 августа) и заключеніе торговой конвенціи съ Франціею. По этому „Трактату о торговлѣ и мореплаваніи“, русскимъ во Франціи и французамъ въ Россіи предоставляются въ торговлѣ и промышленности всѣ тѣ привилегіи, льготы и прочія

преимущества, которыя нынѣ предоставлены или впредь предоставлены будутъ туземнымъ подданнымъ (статья 1). Французскія суда во всѣхъ портахъ Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго не платятъ никакихъ пошлинъ и сборовъ, кромѣ тѣхъ, какія платятся русскими судами (статья 3). Франція, съ своей стороны, даетъ подобныя-же льготы нашимъ судамъ во французскихъ и алжирскихъ портахъ (статья 4). Договаривающіяся правительства, желая упрочить полное покровительство мануфактурной промышленности обоюдныхъ подданныхъ, согласились, что всякая поддѣлка въ одномъ изъ обоихъ государствъ фабричныхъ знаковъ, прилагаемыхъ въ другомъ государствѣ къ товарамъ для доказательства ихъ происхожденія и качества, будетъ строго воспрещена и преслѣдуема (статья 22). Объ высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ опредѣлить особою конвенціею способы для взаимнаго обезпеченія литературной и художественной собственности ихъ обоюдныхъ государствъ (статья 23). Трактатъ этотъ заключается на шесть лѣтъ (статья 24).

Мѣры, обѣщаемыя 23-ею статьею этого трактата для взаимнаго обезпеченія литературной собственности, имѣютъ въ настоящее время для русскихъ литераторовъ уже не меньшій интересъ, нежели для французскихъ. Право перевода своихъ сочиненій, которымъ прежде могли интересоваться только французскіе писатели, въ настоящее время становится важно уже и для русскихъ, потому что русскихъ книгъ во Франціи переводится не многимъ меньше, нежели французскихъ въ Россіи, и, конечно, эти переводы расходятся во Франціи больше, нежели оригинальныя сочиненія у насъ.

То оживленіе русской промышленной дѣятельности, которое составляетъ цѣль распоряженій правительства, изложенныхъ нами выше, началось учрежденіемъ знаменитой компаніи для постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ отъ Нижняго-Новагорода и Ѳеодосіи до прусской границы и Либавы. Послѣ того важнѣйшимъ промышленнымъ фактомъ было образованіе Русскаго Общества торговли и пароходства на Черномъ морѣ. Теперь образуется третье общество, имѣющее не менѣе блестящіе виды въ будущемъ. Сообразно докладу Комитета гг. Министровъ, отъ 25-го іюля, Государь Императоръ Высочайше утвердилъ уставъ акціонернаго общества, учреждающагося преимущественно на югѣ Россіи для приготовленія продовольственныхъ веществъ и торговли ими. Учредители Общества — гг. Байковъ, фонъ-Дезинъ, Бенардаки, Кокоревъ и французскій подданный Шолле. Общество это предполагаетъ заниматься приготовленіемъ мяса впрокъ и обработкою животныхъ продуктовъ съ торговлею ими. Для того оно устроитъ, преимущественно на югѣ Россіи, бойни, заведенія для приготовленія мяса впрокъ и солонины, салотопные заводы, кожевенные заводы, заведенія для приготовленія костянаго порошка и желатины, для приготовленія въ продажу роговъ и копытъ, для обработки жилъ и проч. Независимо отъ того, Общество предоставляетъ себѣ право открывать и другіе промыслы, относящіеся къ главной его цѣли. Капиталъ Общества опредѣляется въ 3.000,000 руб. сер., раздѣленныхъ на 24,000 акцій по 125 р. с. каждая. Капиталъ составляется посредствомъ четырехъ выпусковъ акцій, каждый разъ по 6,000 акцій на сумму 750,000 р. сер. Два первые выпуска поступаютъ въ продажу немедленно по утвержденіи

устава Общества, слѣдующіе два по опредѣленію общаго собранія акціонеровъ; учредители обязываются взять не менѣе одной шестой части акцій. Изъ чистой годовой прибыли, учредителямъ отдѣляется въ теченіе 12 лѣтъ половина той прибыли, которая будетъ превышать десять процентовъ на капиталъ, потомъ еще въ теченіе шести лѣтъ третья часть этой прибыли свыше десяти процентовъ. Если Общество найдетъ нужнымъ для консервовъ выписывать жесть или жестянки изъ-за границы, то при вывозѣ этихъ жестянокъ съ консервами за границу, взятая съ нихъ при ввозѣ пошлина возвращается обществу.

По распродажѣ акцій на 300,000 р. с., учредители немедленно созываютъ общее собраніе акціонеровъ для выбора директоровъ. Число директоровъ назначается шесть, въ томъ числѣ четыре русскихъ и два французскихъ, въ случаѣ, если число акцій, взятыхъ во Франціи, будетъ составлять одну треть всѣхъ акцій. Правленіе и главная контора Общества находятся въ С.-Петербургѣ. Кромѣ того, по мѣрѣ надобности, учреждаются другія конторы въ Россіи и за-границею.

Нѣтъ сомнѣнія, что этому Обществу, главнымъ предметомъ дѣйствій котораго будетъ, какъ видно, торговля приготовленными ими животными продуктами и мясомъ съ Франціею, предстоитъ блистательный успѣхъ. Несомнѣнно также и то, что кругъ дѣйствій его будетъ очень широкъ: въ этомъ увѣряютъ имена учредителей, изъ которыхъ нѣкоторые занимаютъ первыя мѣста между русскими капиталистами.

Замѣчательнѣйшею чертою новаго Общества надобно считать то, что оно, какъ видно изъ статьи устава о соединеніи въ правленіи Общества русскихъ директоровъ съ французскими, учреждается при взаимномъ участіи русскихъ и французскихъ капиталистовъ, съ преобладаніемъ первыхъ. Послѣ Главнаго Общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ, это второй примѣръ столь тѣснаго соединенія промышленныхъ силъ обѣихъ націй для одного дѣла. Но въ обществѣ желѣзныхъ дорогъ главное участіе и въ капиталахъ и въ руководительствѣ исполненіемъ предпріятія принадлежитъ французамъ, а въ новомъ обществѣ—русскимъ.

Другое обширное акціонерное Общество, вновь образованное—Общество Сампсоніевской Мануфактуры, Высочайше утвержденное по докладамъ Комитета гг. Министровъ отъ 2 и 16 іюля. Сампсоніевская механическая мануфактура, поступающая въ собственность Общества, будетъ заниматься изготовленіемъ винтовыхъ и колесныхъ пароходовъ, чугуннымъ и мѣднымъ литьемъ, крупною желѣзною ковкою и производствомъ всякихъ механическихъ издѣлій для желѣзныхъ дорогъ. Первоначальный капиталъ Общества назначается въ 1.500,000 р. сер. съ раздѣленіемъ на 15,000 акцій по 100 рублей. По усмотрѣнію Общества капиталъ можетъ быть умноженъ выпускомъ добавочныхъ акцій еще на 1.500.000 р. сер. Учредитель, с.-петербургскій купецъ г. Нобель, которому до сихъ поръ принадлежала сампсоніевская механическая мануфактура, обязывается пріобрѣсть акцій не менѣе какъ на 100.000 р. сер. Обществу предоставляется право для построенія пароходовъ устраивать верфи. Изготовленные Обществомъ пароходы до продажи могутъ быть употребляемы для перевозки клади и пассажировъ.

Кстати о пароходахъ. Въ іюлѣ, въ Костромѣ спущенъ на воду первый пассажирскій пароходъ „Алексѣй“, съ верфи механическаго завода г. Шипова. Онъ построенъ русскими механиками гг. Везинскимъ и Цыгановымъ. „Алексѣй“ назначенъ для перевозки пассажировъ. Машина его въ тридцать-пять силъ. Съ полнымъ грузомъ, то есть, имѣя сто двадцать пять человѣкъ пассажировъ и запасшись дровами, онъ сидитъ въ водѣ только семнадцать дюймовъ, такъ что можетъ ходить по всему мелководному верховью Волги не опасаясь мелей. Пробный рейсъ „Алексѣя“ доказалъ искусство русскихъ его строителей. При давленіи $2^1/_3$ атмосферъ и при тридцати шести до тридцати девяти оборотахъ колеса въ минуту, онъ ходитъ семнадцать верстъ въ часъ противъ теченія и вѣтра. Теперь готовится къ спуску съ верфи г. Шипова другой пароходъ „Владиміръ“ въ шестьдесятъ силъ. Къ слѣдующей веснѣ, будутъ на этой верфи построены еще четыре парохода, каждый въ сто двадцать силъ. „Нельзя умолчать, прибавляетъ авторъ статьи въ „Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, что г. Шиповъ первый въ Россіи рискнулъ пожертвовать огромный капиталъ на устройство своего механическаго заведенія, ввѣривъ его не иностранцамъ, а русскимъ технологамъ, которые, впрочемъ, вполнѣ оправдали его довѣренность какъ совершеннымъ знаніемъ дѣла, такъ и своею старательностію и неутомительностію въ трудахъ“.

Въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщена любопытная статья о развитіи пароходства въ Сибири. Въ настоящее время четыре буксирные парохода совершаютъ рейсы по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, проходя мимо Тобольска, гдѣ соединяются Иртышъ съ Тоболомъ, и села Самарова, въ двадцати пяти верстахъ отъ котораго вливается Иртышъ въ Обь. Два парохода, во сто силъ каждый, совершаютъ въ лѣто шесть рейсовъ отъ Томска до Тюмени, провозя каждый до 100.000 пудовъ клади. Два другіе имѣютъ шестьдесятъ и сорокъ силъ.

Послѣдняя война, слишкомъ ясно доказавъ необходимость въ улучшеніи нашихъ сообщеній, дала, надобно признаться, главный толчекъ той дѣятельности, которая теперь обнаруживается по этой части. Но убѣжденіемъ въ необходимости желѣзныхъ дорогъ не ограничиваются полезныя указанія опыта нашего въ 1854—1855 годахъ. Блокада Черноморскихъ и Балтійскихъ портовъ, принудившая насъ обратиться къ способу отправленія товаровъ въ Западную Европу черезъ прусскую границу, открыла для торговли нашихъ юго-западныхъ губерній новый путь, обѣщающій большія удобства для сбыта къ Данцигскому порту. Нынѣ открытъ Пинскій каналъ, соединяющій Западный Бугъ, впадающій въ Вислу, съ Припетью, впадающею въ Днѣпръ. Это сообщеніе очень важно для Украйны. Авторъ статьи въ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, предполагаетъ, что вся та солонина, которую нынѣ Англія покупаетъ въ Америкѣ, можетъ быть доставляема изъ нашихъ юго-западныхъ губерній по Пинскому каналу. Этотъ разсчетъ, быть можетъ, ошибоченъ. Степныя губерніи, которыя могутъ съ выгодою торговать мясомъ, лежатъ къ Черному морю ближе, нежели не только къ Данцигу, но и къ Кіеву. Отправленіе ихъ продуктовъ не только во Францію, но и въ Англію чрезъ черноморскіе порты будетъ

дешевле, нежели провозка вверхъ по Днѣпру и Припети черезъ Пинскій каналъ. Но этотъ послѣдній путь можетъ оживить южную часть Минской, сѣверную часть Каменецъ-Подольской и, можетъ быть, прилежащія части Черниговской и Могилевской губерній, которыя чрезъ него найдутъ сбытъ для своей пеньки и льнянаго сѣмени.

Желаніе оживить народную жизнь, столь ясно замѣчаемое въ постановленіяхъ и мѣрахъ правительства, относящихся къ промышленной дѣятельности, внушаетъ ему мѣры для отстраненія стѣсненій и тяжестей, которыми связывалась народная жизнь въ другихъ сферахъ и отношеніяхъ. Ничто не можетъ быть почтеннѣе того принципа, на которомъ основано устройство козацкихъ племенъ. Каждый мужчина изъ козацкаго племени соединяетъ въ себѣ воина съ мирнымъ гражданиномъ. Онъ привыкъ владѣть оружіемъ и сражается не хуже регулярнаго солдата, но въ то же время онъ земледѣлецъ или промышленникъ. Воинская служба не есть источникъ его содержанія: онъ живетъ самобытными, мирными занятіями. За оружіе онъ берется не потому, что кормится имъ, а только для того, чтобы защищать родину. Принципъ этотъ превосходенъ. Но для того, чтобы быть дѣйствительно необременительнымъ, онъ, конечно, долженъ въ своихъ примѣненіяхъ сообразоваться съ потребностями матеріальной и гражданской жизни. Одно изъ неудобствъ, существовавшихъ отъ слишкомъ тѣснаго пониманія воинскихъ обязанностей козака, отстранено Высочайше утвержденнымъ 8 іюня представленіемъ Департамента Военныхъ Поселеній. Молодые люди, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, иногда принуждались служить строевыми козаками, между тѣмъ какъ при своихъ знаніяхъ могли-бы принести козацкому обществу гораздо больше пользы, да и себя чувствовали-бы гораздо счастливѣе, еслибъ имъ позволялось оставаться при тѣхъ спеціальныхъ занятіяхъ, къ которымъ они себя приготовили. Это разрѣшено новыми правилами, составленными Департаментомъ Военныхъ Поселеній, по вопросу, возбужденному г. министромъ Народнаго Просвѣщенія:

„1. Молодыхъ людей, изъ козачьяго сословія, окончившихъ курсъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ и выпущенныхъ изъ оныхъ съ чинами гражданскими, или съ правами на сіи чины, опредѣлять, по ихъ желанію, въ должности по учебной части козачьихъ войскъ, къ коимъ они принадлежатъ, если имѣются вакансіи таковыхъ должностей.

„2. При опредѣленіи въ означенныя должности, зачислять ихъ урядниками, и за тѣмъ, не считая ихъ въ строевомъ составѣ войскъ, производить въ хорунжіе: выпущенныхъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній съ чиномъ коллежскаго регистратора, или съ правомъ на этотъ чинъ, черезъ одинъ годъ со дня опредѣленія въ службу; выпущенныхъ-же изъ высшихъ учебныхъ заведеній съ чиномъ, или правомъ на чинъ 12-го класса, черезъ шесть мѣсяцевъ, а съ чиномъ, или правомъ на чинъ 10-го и 9-го классовъ, черезъ три мѣсяца со дня опредѣленія въ службу.

„3. Дальнѣйшее производство въ чины училищныхъ чиновниковъ козачьихъ войскъ установить согласно правиламъ, Высочайше утвержденнымъ 9 декабря 1856 г.: изъ хорунжихъ въ сотники черезъ три года, изъ сотниковъ въ есаулы черезъ шесть лѣтъ, изъ есауловъ въ войсковые старшины черезъ три года, изъ войсковыхъ старшинъ въ подполковники черезъ четыре года и изъ подполковниковъ въ полковники черезъ четыре года“.

Интересна также въ августовской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“

статья г. Чичерина о книгѣ Токвилля. Отъ многихъ изъ людей, восхищавшихся прежде статьями г. Чичерина, мы слышали недовольство этимъ послѣднимъ его произведеніемъ, и должны сказать, что съ ихъ стороны такое недовольство едва-ли основательно: основная мысль въ статьѣ о Токвиллѣ таже самая, какъ и въ „Областныхъ учрежденіяхъ“: здѣсь г. Чичеринъ говоритъ въ пользу централизаціи, и тамъ говорилъ также въ пользу централизаціи. Въ то время мы считали справедливымъ замѣтить, что едва-ли предметъ его сочувствія заслуживаетъ особеннаго сочувствія, но тѣмъ не менѣе книга казалась намъ проникнута взглядомъ очень благороднымъ, — тоже надобно сказать и относительно статьи о Токвиллѣ. Предубѣжденные неблагопріятными отзывами объ этой статьѣ, мы начали читать ее съ недовѣріемъ,—но увидѣли, что г. Чичеринъ остался совершенно вѣренъ самому себѣ, и надобно сказать, что во многихъ случаяхъ, онъ нападаетъ на Токвилля совершенно справедливо. Конечно, нельзя не пожалѣть о томъ, что любовь свою къ централизаціи доводитъ онъ до осужденія всѣхъ принциповъ, которые были низвергнуты ею во Франціи. Стремленія горожанъ были основаны на началахъ, болѣе высокихъ, нежели стремленія, одушевлявшія представителей централизаціи во Франціи, и, чтобы ни говорилъ г. Чичеринъ, у этихъ горожанъ не было недостатка въ любви къ отечеству, они не забывали Францію для Парижа и Ліона. Вся вина ихъ состояла только въ томъ, что они были слабѣе, какъ централизаторовъ, такъ и феодаловъ. Слабѣйшій не всегда есть худшій, и не всегда въ исторіи прогрессъ совершался, если можно такъ выразиться, путемъ строгой экономіи, путемъ торжества именно наилучшихъ элементовъ. Часто, напротивъ, торжествовалъ узкій эгоизмъ, опирающійся на слѣпомъ невѣжествѣ или на излишней довѣренности тѣхъ, помощью которыхъ онъ пользовался. Развѣ, напримѣръ, альбигойцы не были гораздо лучше доминиканскихъ полчищъ Симона Монфортскаго? И развѣ Колиньи не былъ лучше герцоговъ Гизовъ? Тоже надобно сказать и о французскихъ горожанахъ. Неужели же въ самомъ дѣлѣ побѣда есть несомнѣнный признакъ справедливости, непремѣнное право на сочувствіе историка? Можно сильно сомнѣваться въ томъ, до какой степени Ришельё и Мазарини были благодѣтелями Франціи. Можно сильно сомнѣваться и въ томъ, что торжество Этьена Марселя было бы гибельно для Франціи. Ясно, по крайней мѣрѣ, то, что Жанна Д'Аркъ вышла не изъ круга тѣхъ людей, которые хлопотали о централизаціи. Но сдѣлавъ всѣ эти оговорки, надобно сказать и то, что если уже выбирать между Токвиллемъ и г. Чичеринымъ, то г. Чичеринъ гораздо больше правъ, нежели Токвилль, который изъ нелюбви къ централизаціи безъ разбора восхищается всѣмъ, что только боролось противъ этого принципа, не разбирая того, что если горожане были во сто разъ лучше централизаторовъ, то централизаторы были въ тысячу разъ лучше феодаловъ. Если бы г. Чичеринъ ограничивался тѣмъ, чтобы ставить централизаторовъ выше феодаловъ, онъ былъ бы совершенно правъ. Еще одно замѣчаніе: зачѣмъ онъ начинаетъ свою статью осужденіемъ тѣхъ историковъ, которые пишутъ подъ вліяніемъ своего взгляда на потребности настоящаго времени? Иныхъ историковъ никогда не было и быть не можетъ: каждый излагаетъ факты сообразно своимъ убѣжденіямъ, а убѣжденія влагаются въ человѣка настоя-

щимъ временемъ и его потребностями. Historia scribitur ad narrandum, non ad probandum—одна изъ тѣхъ фразъ, которыя всѣми повторяются и никѣмъ не исполняются. Такъ, напримѣръ, и самъ г. Чичеринъ въ своихъ „Областныхъ Учрежденіяхъ“ вовсе не былъ человѣкомъ безстрастнымъ. Онъ писалъ свое сочиненіе противъ славянофиловъ,—это дѣло ясное. А вѣдь онъ былъ тогда правъ. Дѣло не въ томъ, чтобъ историкъ писалъ безъ идеи подтвердить свои убѣжденія обзоромъ прошедшаго — дѣло въ томъ, каковы его убѣжденія. Если они дѣйствительно широки и благородны, онъ будетъ безпристрастенъ: правое дѣло не нуждается ни въ натяжкахъ, ни въ утайкахъ, ни въ искаженіяхъ фактовъ. Токвилль не тѣмъ виноватъ, что пишетъ подъ вліяніемъ своихъ убѣжденій: безъ убѣжденій онъ былъ бы Гранье де-Кассаньякомъ, то есть историкомъ во сто разъ худшимъ и пристрастнѣйшимъ, нежели теперь. Это хорошо, что у него есть убѣжденія. Но убѣжденія его узки и нелогичны—вотъ это жаль. Не въ томъ бѣда, что Токвилль человѣкъ партіи: по закону Солона считался вреднымъ для отечества человѣкомъ аѳинянинъ, не принимающій ни чьей стороны во время борьбы партій;— бѣда въ томъ, что та партія, которую выбралъ Токвилль, далеко не совсѣмъ справедлива, да и не совсѣмъ чиста. Будь адвокатомъ каждый кто можетъ, но будь адвокатомъ праваго дѣла. Таковъ г. Чичеринъ; и потому, несмотря на его пристрастіе къ централизаціи, онъ все-таки пишетъ статьи и книги, достойныя всякаго уваженія.

Наконецъ, мы должны обратить вниманіе читателей на тотъ благородный примѣръ обращенія со стороны публичнаго лица къ гласности для оправданія оффиціальныхъ дѣйствій, который недавно поданъ господиномъ исправляющимъ должность С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора, Н. М. Муравьевымъ. Въ № 152 „С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей“, г. Рыбкинъ, говоря о причинахъ дороговизны хлѣба въ Петербургѣ, замѣтилъ между прочимъ, что городское начальство продолжаетъ взимать сборъ по двѣ копѣйки серебромъ съ куля, назначенный на устройство хлѣбной пристани, хотя эта пристань давно уже устроена. Слова эти были несправедливы, и г. Муравьевъ, въ качествѣ управляющаго губерніею имѣющій надзоръ за дѣйствіями городскаго начальства, не могъ не обратить на нихъ вниманія, при существующемъ въ нѣкоторой части публики мнѣніи, что дороговизна хлѣба происходитъ до извѣстной степени отъ пошлинъ, взимаемыхъ городомъ. Какъ же поступилъ г. Муравьевъ въ этомъ случаѣ? Именно такъ, какъ долженъ былъ поступить, какъ могъ поступить, имѣя справедливость на сторонѣ подвѣдомственнаго ему городскаго управленія. Онъ прислалъ къ г. редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ слѣдующее оффиціальное отношеніе:

„М. г. Въ № 152 издаваемыхъ вами „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ напечатана статья, за подписью Ф. Рыбкина, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о временномъ повышеніи цѣнъ на хлѣбъ и другіе товары“.

„Въ статьѣ этой, исчисляя всѣ расходы, съ коими сопряжена доставка хлѣба въ Санктпетербургъ, авторъ упоминаетъ и о взимаемомъ въ здѣшней столицѣ особомъ сборѣ на устройство хлѣбной пристани, которая, какъ говоритъ онъ, давно уже выстроена.

„Разсужденіе это оказывается совершенно несправедливымъ, въ чемъ вы можете убѣдиться изъ прилагаемой къ сему статьи, составленной по приказанію моему, на

основаніи оффиціальныхъ данныхъ, заключающихся въ дѣлахъ ввѣреннаго мнѣ управленія.

„Не разбирая причинъ, побудившихъ автора вовлечься въ таковую погрѣшность, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, распорядиться напечатаніемъ въ ближайшемъ № Вѣдомостей прилагаемой статьи, служащей опроверженіемъ статьи г-на Рыбкина.

„Исполненіемъ настоящаго требованія редакція выкупитъ передъ публикой ошибку свою, конечно невольную, и выполнитъ свой долгъ передъ правительствомъ, котораго распоряженія если и могутъ сдѣлаться предметомъ оцѣнки, то однако благонамѣренной и безъ искаженія истины.

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою“.

При отношеніи была приложена статья, которая вмѣстѣ съ нимъ напечатана въ № 161 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Она фактами и указаніями на рѣшенія Комитета гг. Министровъ подробно объясняетъ, что 1) постройка хлѣбной пристани въ Петербургѣ еще не совсѣмъ кончена; 2) двухъ-копѣчный сборъ съ куля предназначенъ не на одну только постройку этой пристани, но имѣетъ также и другія назначенія, именно служитъ къ вознагражденію за постройку хлѣбныхъ магазиновъ Александро-Невской Лавры, которая и получаетъ половину его, между тѣмъ какъ другая половина должна, кромѣ постройки пристани, обращаться на ремонтъ ея и на усиленіе общихъ городскихъ доходовъ.

Надобно признаться, что объясненія, данныя этою статьею, не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ справедливости сбора, и что образъ дѣйствія, принятый въ этомъ дѣлѣ г. Муравьевымъ, конечно есть единственный полезный способъ отвѣчать на указанія злоупотребленій. Если указаніе вѣрно, прямое признаніе фактовъ со стороны лица, принимающаго контроль надъ дѣйствіями людей, допустившихъ злоупотребленіе, конечно, скорѣе всего способно заставить вѣрить въ его искреннее желаніе уничтожить злоупотребленіе и возстановить нарушенную законность. Если же, какъ въ настоящемъ случаѣ, указаніе ошибочно, опять таки прямой отвѣтъ съ изложеніемъ фактовъ представляется единственнымъ средствомъ вывести публику изъ ошибки,— публику, говоримъ мы, потому что журнальная статья всегда основывается на мнѣніи, уже существующемъ въ публикѣ независимо отъ статьи. Писатель не придумываетъ это мнѣніе, а только выражаетъ его, и появленіе его статьи во всякомъ случаѣ есть обстоятельство выгодное для контроля, потому что даетъ ему возможность уничтожить ложное мнѣніе.

О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Критику „Современника“. Статьи г. И. В--ского: „Экономическій Указатель“ №№ 22, 25, 27 и 29.

I.

„Мнѣнія г. Мальтуса такъ бездоказательны, что по правдѣ говоря, я могъ бы изложить свой предметъ, и не обращая вниманія на г. Мальтуса. Но я знаю, что вниманіе наибольшаго числа читателей живѣе поддерживается, когда мысль представляется имъ въ формѣ пренія. Еслибъ я изложилъ свои соображенія не въ формѣ спора, то вѣроятно изслѣдованіе этого вопроса не возбудило бы интереса въ той степени, до какой могу я надѣяться привлечь его теперь, если дѣйствительно мнѣ удалось пояснить изслѣдуемый предметъ.

„Пониманіе многихъ предметовъ, чрезвычайно важныхъ для счастія людей, основывается на свѣдѣніяхъ столь простыхъ, что этими свѣдѣніями пренебрегаютъ люди опрометчивые и презираютъ ихъ люди поверхностные“.

Годвинъ. „Изслѣдованіе о народонаселеніи“.

Возраженія „Экономическаго Указателя“ на ту статью, въ которой мы выразили мнѣніе о необходимости сохранить общинное владѣніе землею въ Россіи, кончены. Теперь намъ должно отвѣчать на эти возраженія,—дѣло съ одной стороны очень легкое, съ другой нѣсколько затруднительное. Легко оно по своему содержанію, затрудняетъ насъ его форма. Возраженія „Экономическаго Указателя“ такъ слабы, такъ непослѣдовательны въ теоретическомъ отношеніи, такъ мало соотвѣтствуютъ статистическимъ даннымъ въ практическомъ отношеніи, что показать ихъ неосновательность — очень немудрено. Но затруднительно рѣшить намъ, въ какомъ тонѣ надобно держать нашъ отвѣтъ. На первый взглядъ, казалось бы, что приличнѣе всего отвѣчать точно такимъ же тономъ, какимъ написаны возраженія „Экономическаго Указателя“,—тономъ рѣзкимъ. Противникъ, нецеремонившійся относительно деликатности своихъ словъ, даетъ право отвѣчать ему такимъ же образомъ: обратить на него оружіе насмѣшки, за которое неосторожно взялся онъ, было бы тѣмъ законнѣе, что шаткость его понятій и малое знакомство съ фактами по вопросу, о которомъ такъ самоувѣренно онъ говоритъ, неволь-

нымъ образомъ вызываетъ улыбку. Мы такъ и хотѣли отвѣчать ему, пока не дочли послѣдней статьи его возраженій. Но въ концѣ этой самоувѣренной статьи мы увидѣли—кто бы могъ ожидать этого?—строки, совершенно измѣнившія наше прежнее намѣреніе, строки, проникнутыя столь яснымъ сознаніемъ „Экономическаго Указателя“ въ неприготовленности своей къ спору о предметѣ, разсуждать о которомъ принялся онъ такъ смѣло—строки, внушенныя такимъ похвальнымъ смиреніемъ, что послѣ нихъ становится невозможнымъ ироническій топъ съ нашей стороны: „Для продолженія спора“, говоритъ „Экономическій Указатель“ въ заключеніе всѣхъ возраженій противъ нашего мнѣнія,—„для продолженія спора мы считали бы полезнымъ подождать тѣхъ данныхъ, которыя должны явиться объ этомъ предметѣ вслѣдствіе задачи, предложенной на конкурсъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. На вызовъ его, безъ всякаго сомнѣнія, явятся труды, въ которыхъ представлены будутъ и факты и разсчеты практиковъ. Тогда только, имѣя въ виду эти отзывы, можно будетъ подробно, точно и ясно оцѣнить относительную пользу разнаго владѣнія и взглянуть на этотъ предметъ, интересный во многихъ отношеніяхъ. Правда, и эти данныя не будутъ обнимать всѣхъ сторонъ изслѣдованія, по необходимости ограничиваясь только нашимъ отечествомъ; но и такое частное изслѣдованіе должно значительно объяснить намъ положеніе дѣла и облегчить выводы касательно самаго начала общиннаго владѣнія“. („Экономическій Указатель“ № 29).

Что можетъ быть похвальнѣе такого сознанія „Экономическаго Указателя“ въ недостаточности настоящихъ его свѣдѣній? Онъ „считаетъ полезнымъ подождать тѣхъ данныхъ, которыя явятся вслѣдствіе задачи, предложенной на конкурсъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ“; тогда по его мнѣнію „явятся труды, въ которыхъ будутъ представлены и факты и разсчеты практиковъ“,—„Экономическій Указатель“ хочетъ ждать ихъ, значитъ, въ настоящее время не имѣетъ еще ни данныхъ, ни фактовъ, ни разсчетовъ практиковъ, чтобы судить объ общинномъ владѣніи: но тогда, въ концѣ 1859 года, „тогда только, имѣя въ виду эти отзывы“, онъ будетъ въ состояніи „точно и ясно оцѣнить“ относительную пользу общинной и частной поземельной собственности,—а теперь онъ еще не можетъ точно и ясно оцѣнить, которая изъ нихъ должна быть предпочтена; мало того, что онъ не можетъ точно и ясно судить объ этомъ предметѣ, „интересномъ во многихъ отношеніяхъ“, онъ не можетъ еще и „взглянуть на него“,—„взглянуть“ можно будетъ только тогда, когда явятся изслѣдованія, вызываемыя конкурсомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; до того времени судить объ этомъ предметѣ „Экономическій Указатель“ рѣшительно не можетъ: но даже и тогда „Экономическій Указатель“ не надѣется пріобрѣсть достаточныя знанія объ общинномъ владѣніи: свѣдѣнія, которыя получитъ онъ черезъ два года, „не будутъ обнимать всѣхъ сторонъ изслѣдованія“, они будутъ „ограничиваться только нашимъ отечествомъ“; о выгодахъ и невыгодахъ общиннаго владѣнія въ другихъ странахъ, „Экономическій Указатель“ и тогда не пріобрѣтетъ нужныхъ свѣдѣній, онъ получитъ понятіе только о выгодахъ общиннаго владѣнія въ Россіи, которыхъ теперь не знаетъ; но и „такое частное изслѣдованіе“, по его мнѣнію, „должно значительно объяс-

нить“ ему „положеніе дѣла и облегчить“ ему „выводы касательно самаго начала общиннаго владѣнія“, а теперь, какъ видно изъ этихъ самыхъ словъ, положеніе дѣла не ясно для „Экономическаго Указателя“, и дѣлать выводы касательно начала общиннаго владѣнія для него трудно.

Такое откровенное сознаніе въ недостаточности своихъ свѣдѣній объ общинномъ владѣніи дѣлаетъ большую честь добросовѣстности г. И. В-скаго (этими буквами подписаны статьи „Экономическаго Указателя“). Мы желали бы удовлетвориться этимъ признаніемъ, но по закону собственное признаніе считается достовѣрнымъ только тогда, когда подтверждено уликами; безъ фактическихъ уликъ оно не имѣетъ законной силы и не принимается судомъ за достаточное основаніе для приговора. Такъ гласитъ законъ, а девизъ „Экономическаго Указателя“: „La loi c'est ma force“, и мы, конечно, удовлетворимъ задушевной потребности г. И. В-скаго, если, сообразно девизу его журнала и требованію закона, придадимъ несомнѣнную силу откровенному признанію г. И. В-скаго, представивъ фактическія доказательства въ подтвержденіе этого прекраснаго признанія.

Доказательствъ этихъ находится такая богатая сокровищница въ статьяхъ, написанныхъ г. И. В-скимъ противъ нашего мнѣнія объ общинномъ владѣніи, что мы не знаемъ, съ котораго изъ нихъ и начинать. Начнемъ хотя съ тѣхъ, которыя представляются послѣднею статьею его возраженій, статьею, помѣщенною въ № 29 „Экономическаго Указателя“ и написанною уже послѣ того, какъ въ 7 № „Современника“ представили мы извлеченія изъ книги Гакстгаузена. Упоминая объ этихъ извлеченіяхъ, г. И. В-скій вздумалъ сказать нѣсколько словъ о Гакстгаузенѣ, и начинаетъ свой эпизодъ о немъ такою характеристикою убѣжденій этого писателя: „Гакстгаузенъ“, говоритъ г. И. В-скій, „по своимъ убѣжденіямъ, принадлежитъ къ тѣмъ, которые не признаютъ святости личной воли и необходимости свободной самодѣятельности человѣка, какъ въ сферѣ политической, такъ и въ экономическихъ его дѣйствіяхъ“. Что за странность? Гакстгаузенъ не признаетъ святости личной воли и необходимости свободныхъ дѣйствій человѣка въ экономической сферѣ! Кто прочелъ хотя одну главу въ книгѣ Гакстгаузена, очень хорошо долженъ видѣть, что эта характеристика вовсе нейдетъ къ Гакстгаузену, который чрезвычайно энергически возстаетъ противъ всякихъ административныхъ бюрократическихъ и экономическихъ опекъ, который говоритъ объ этихъ опекахъ съ негодованіемъ, достойнымъ самаго отъявленнаго послѣдователя системы laissez faire, laissez passer. Откуда взялось у г. И. В-скаго удивительное мнѣніе о Гакстгаузенѣ, какъ противникѣ личной воли? Намъ помнится, что мы, въ началѣ своихъ извлеченій изъ Гакстгаузена, назвали его реакціонеромъ, противникомъ либерализма. Ужъ не изъ этихъ ли словъ вывелъ г. И. В-скій свое мнѣніе, будто онъ противникъ свободной самодѣятельности человѣка? Оно очень можетъ быть: каждому, прочитавшему хотя одинъ нумеръ „Journal des Débats“ или „Journal des Economistes“, извѣстно, что реакціонерами называются люди враждебные свободѣ, какъ въ политической, такъ и въ экономической сферахъ. Понятіе справедливое, но примѣняющееся только къ одной партіи реакціонеровъ: есть другая партія, которая именно потому и возстаетъ про-

тивъ либерализма школы Тьера и ему подобныхъ, что этотъ либерализмъ предоставляетъ слишкомъ мало свободной самодѣятельности человѣка, восхищаясь централизаціею и бюрократіею. Либералы, противъ которыхъ возстаетъ Гакстгаузенъ, разрушили въ Германіи старинныя учрежденія только для того, чтобы замѣнить ихъ бюрократіею, убивающей всякую самодѣятельность. Вотъ этого-то и не зналъ г. И. В-скій. Виноваты, мы ввели его въ ошибку: предположивъ, что ему довольно знакомы мнѣнія Гакстгаузена, мы не думали, что наша статья о Гакстгаузенѣ будетъ служить ему единственнымъ источникомъ заключеній объ этомъ писателѣ; еслибъ мы это знали, мы тогда же сказали бы то, что говоримъ теперь, и г. И. В-скій не сталъ бы обвинять бѣднаго Гакстгаузена въ отверженіи личной воли и тому подобныхъ прекрасныхъ вещей. Виноваты, кругомъ виноваты. Мы писали для публики, которой не нужны всякія мелочи, не ожидая, что наши извлеченія послужатъ для нашего ученаго противника единственнымъ арсеналомъ свѣдѣній о содержаніи и духѣ капитальнѣйшаго сочиненія по тому предмету, спорить о которомъ онъ взялся; еслибъ мы знали это, мы присоединили бы къ своимъ общимъ замѣчаніямъ тѣ подробности, которыя не нужны для публики, но знаніе которыхъ необходимо для ученаго, желающаго дѣлать многозначительные выводы въ серьёзномъ спорѣ. Но дѣйствительно ли именно мы виноваты въ ошибкѣ г. И. В-скаго? Дѣйствительно ли недомолвка нашей статьи ввела его въ ошибку? Дѣйствительно ли только изъ нашей статьи познакомился онъ съ книгою, знать которую необходимо человѣку, вступающему въ споръ объ общинномъ владѣніи? Мы не хотѣли бы видѣть себя виновниками заблужденій; мы желали бы усомниться въ томъ, что свои ошибочныя понятія о Гакстгаузенѣ взялъ г. И. В-скій изъ нашей статьи. Но увы! каждое слово г. И. В-скаго служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ тому. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ старается онъ заподозрить достовѣрность извѣстій, сообщаемыхъ Гакстгаузеномъ о нашемъ общинномъ устройствѣ: „Онъ не зналъ языка страны, а потому не могъ слѣдить за дѣйствительнымъ примѣненіемъ описываемыхъ имъ началъ. Онъ видѣлъ только, и притомъ бѣгло, внѣшность, и видѣлъ ее такъ, какъ ему представляли ее люди, служившіе посредниками между имъ и поселянами, и которые быть можетъ сами не могли устоять противъ искушенія представить свой товаръ лицомъ; а не весь товаръ таковъ, какъ казовый конецъ“. („Экономическій Указатель“, тамъ же).

Что за удивительное дѣло? Люди, служившіе посредниками между Гакстгаузеномъ и поселянами, показывали ему общинное владѣніе землею съ казоваго конца, поддавались искушенію продавать свой товаръ лицомъ, то есть выставлять одни выгоды общиннаго владѣнія, скрывая его невыгоды! Они старались внушить Гакстгаузену выгодное понятіе о результатахъ общиннаго устройства! Откуда такія удивительныя свѣдѣнія? Ужъ, навѣрное, не изъ книги Гакстгаузена: онъ постоянно говоритъ, чуть не на каждой страницѣ говоритъ, что тѣ агрономы и администраторы, изъ разговоровъ съ которыми заимствовалъ онъ свѣдѣнія объ общинномъ нашемъ устройствѣ, которые служили посредниками между имъ и поселянами, враждебно смотрѣли на общинное устройство, считали его невыгоднымъ для улучшеній земле-

дѣлія и проч. и проч.,—словомъ, думали объ общинномъ устройствѣ совершенно такъ же, какъ и г. И. В-скій. Очень часто онъ даже сначала излагаетъ ихъ мнѣнія, безусловно осуждающія общинное владѣніе землей, и только потомъ уже, разобравъ эти мнѣнія и доказавъ ихъ ошибочность, выражаетъ свое сужденіе, благопріятное общинному устройству. Откуда же взялъ г. И. В-скій, будто бы люди, служившіе посредниками между Гакстгаузеномъ и поселянами, продавали ему товаръ лицомъ? На какомъ основаніи г. И. В-скій взводитъ на всѣхъ этихъ людей обвиненіе въ продѣлкахъ квасного самохвальства? Увы! опять мы во всемъ виноваты, все это дѣлаетъ онъ на основаніи нашей статьи. Въ одномъ мѣстѣ, объясняя, что Гакстгаузенъ влагаетъ ложный смыслъ въ народное выраженіе „черный передѣлъ“, мы замѣтили, что смыслъ этотъ сообщенъ ему не поселянами, съ которыми самъ онъ не могъ говорить по русски, а людьми, которые служили ему переводчиками и руководителями; при этомъ, мы замѣтили также, что взглядъ этихъ людей вовсе не есть еще взглядъ русскихъ поселянъ. Вотъ изъ этихъ-то, сказанныхъ вскользь замѣчаній, и построилъ г. И. В-скій свою теорію о томъ, что наши агрономы и администраторы продавали Гакстгаузену товаръ лицомъ. Теорія построена очень логично: каждый любитъ хвалить свое; руководители Гакстгаузена были русскіе; общинное устройство есть русское учрежденіе, слѣдовательно они хвалили общинное устройство. Далѣе: люди, бывшіе руководителями Гакстгаузена, ошиблись въ толкованіи слова: черный передѣлъ; стало быть эти люди ошибались, а такъ какъ предполагается, что они хвалили общинное устройство, то и слѣдуетъ заключить, что общинное устройство—дурно. Догадка эта очень логична и приноситъ большую честь сообразительности г. И. В-скаго; жаль только, что она обнаруживаетъ, что онъ о Гакстгаузенѣ и его книгѣ судитъ и рядитъ, основываясь единственно на тѣхъ, по необходимости, очень не полныхъ извлеченіяхъ, какія могли мы сдѣлать въ журнальной статьѣ изъ много-томнаго сочиненія. Но мы все еще не захотимъ признавать себя виноватыми въ заблужденіяхъ г. И. В-скаго; читаемъ далѣе его слова о Гакстгаузенѣ, чтобы найдти хотя какую нибудь возможность отпереться отъ этой вины. Напрасно, съ каждымъ новымъ словомъ его, наша вина становится очевиднѣе. Сказавъ о казовомъ концѣ, которымъ выставляли товаръ Гакстгаузену, онъ продолжаетъ: „но и въ отзывахъ Гакстгаузена легко замѣтить, что онъ далеко не согласенъ съ „Современникомъ“ (замѣтить это очень легко, потому что мы, послѣ каждой выписки изъ Гакстгаузена, говорили, что далеко не во всемъ согласны съ нимъ, и, по мѣрѣ нашихъ силъ, старались исправлять его ошибки). „Онъ постоянно смотритъ на теперешнія формы общиннаго владѣнія землею только какъ на формы преходящія, хотя и первобытныя. Старинныя формы эти годны были въ извѣстномъ положеніи страны и въ извѣстное время; онѣ не могутъ считаться формами наиболѣе совершенными“ („Экон. Указ.“ тамъ же). Что такое? что такое? Какія же формы поземельнаго владѣнія считаетъ Гакстгаузенъ болѣе совершенными? Какимъ формамъ, по его мнѣнію, должно уступить мѣсто наше общинное владѣніе? Прямо не говоритъ этого г. И. В-скій, но далѣе онъ толкуетъ о частной поземельной собственности: читающій его статью принужденъ думать, что, по

мнѣнію Гакстгаузена, общинное владѣніе должно уступить мѣсто частной собственности. Ничего этого не бывало. Гакстгаузенъ думаетъ напротивъ, что общинное владѣніе должно остаться неприкосновеннымъ, а преходящая форма нашего общиннаго устройства состоитъ, по мнѣнію Гакстгаузена, въ томъ, что теперь каждый домохозяинъ получаетъ отдѣльный участокъ и обработываетъ его отдѣльно отъ другихъ собственными силами; а впослѣдствіе времени будетъ выгоднѣе (и, по мнѣнію Гакстгаузена, уже и въ настоящее время выгоднѣе) нѣсколькимъ хозяевамъ соединяться въ одну артель для общинной обработки своихъ участковъ, такъ чтобы раздѣлъ земли между ними замѣнился раздѣломъ жатвы. Это въ нашей статьѣ было выписано, и потому прямо высказать противоположную догадку о мнѣніи Гакстгаузена нельзя было г. И. В-скому. Но онъ все-таки думалъ: вѣроятно, выписанное въ „Современникѣ“ мѣсто есть единственное мѣсто у Гакстгаузена, говорящее о раздѣлѣ жатвы вмѣсто раздѣла земли; а въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно, Гакстгаузенъ говоритъ, что частная собственность можетъ съ выгодою для государства замѣнить общинное владѣніе,—вѣдь говоритъ же онъ (это видно изъ „Современника“), что лично ему частная собственность приходится болѣе по сердцу, нежели общинное владѣніе. Сдѣлавъ такую догадку, г. И. В-скій идетъ далѣе, и предполагаетъ обратить въ свою пользу замѣчаніе Гакстгаузена о меннонитскомъ хозяйствѣ. Въ нашей выпискѣ сказано, что меннониты ввели у себя тѣ земледѣльческія усовершенствованія, которыхъ Гакстгаузенъ не находилъ въ Россіи нигдѣ, кромѣ какъ въ меннонитскихъ колоніяхъ; именно: искусственное луговодство, разведеніе лѣсовъ, плодоперемѣнное хозяйство. Тутъ же Гакстгаузенъ говоритъ, что у меннонитовъ,кромѣ земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, есть значительные участки, находящіеся у нихъ въ полной собственности. Г. И. В-скій тотчасъ же сообразилъ, что вотъ именно на этихъ-то послѣднихъ участкахъ и заведены, по преимуществу, тѣ земледѣльческія улучшенія, о которыхъ говоритъ Гакстгаузенъ. На основаніи такого умозаключенія онъ и выражается слѣдующимъ образомъ: „Замѣтимъ, что всѣ почти факты мѣстнаго благосостоянія, приводимые имъ, основываются на данныхъ не исключительно общественной собственности, а подмѣчены имъ тамъ, гдѣ частная, личная собственность существуетъ о бокъ общинной, иногда даже въ значительномъ развитіи. Мы въ этомъ ограничимся самыми выписками „Современника“. Такъ, у меннонитовъ, гдѣ замѣчены Гакстгаузеномъ значительныя улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, количество земли, принадлежащее колонистамъ на правѣ частной собственности, достигаетъ почти 50,000 десятинъ, то есть около половины всей общинной земли“. (Тамъ-же).

Не сказалъ бы этого г. И. В-скій, еслибъ читалъ книгу Гакстгаузена. Во-первыхъ, о томъ, какъ обработываютъ и даже вообще обработываютъ ли какъ нибудь, или просто оставляютъ подъ пастбищами меннониты ту землю, которая у нихъ въ частной собственности, Гакстгаузенъ ничего не говоритъ; стало быть нельзя видѣть изъ его книги, какое вліяніе имѣетъ частная поземельная собственность меннонитовъ на обработку ихъ общинной земли. Во-вторыхъ, невѣрно выраженіе: „почти всѣ факты мѣстнаго благосостоянія подмѣчены Гакстгаузеномъ тамъ, гдѣ частная, личная собственность существуетъ о бокъ

общиннаго владѣнія". Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, подлѣ общиннаго владѣнія, не существовала бы частная собственность, Гакстгаузенъ не былъ, и если бы г. И. В-скій или зналъ книгу Гакстгаузена, или, по крайней мѣрѣ, имѣлъ бы понятіе о распредѣленіи частной собственности и общиннаго владѣнія по разнымъ областямъ нашего государства, онъ не могъ бы сказать „почти всѣ", а сказалъ бы „всѣ". Гакстгаузенъ не видѣлъ такого общиннаго владѣнія, близъ котораго бы не было частной собственности. Но и это еще не все: ошибка во-первыхъ, ошибка во-вторыхъ, ошибка есть еще и въ третьихъ. Что разумѣть подъ словами: „факты мѣстнаго благосостоянія?" — просто ли зажиточность мужиковъ? очевидно не то хочетъ сказать г. И. В-скій; для поясненія своихъ словъ онъ выбралъ въ примѣръ, не какое нибудь село Лысково или Иваново, въ которыхъ мужики гораздо богаче меннонитовъ; нѣтъ, онъ прямо указалъ на меннонитовъ, у которыхъ есть улучшенія въ земледѣліи: видно, что онъ хочетъ сказать о цвѣтущемъ состояніи земледѣлія, объ улучшенныхъ системахъ обработки. Этотъ смыслъ вытекаетъ изъ всего содержанія его статей, принимающихъ, что благосостояніе земледѣльцевъ зависитъ прямо отъ введенія улучшенныхъ системъ и орудій обработки, такъ что благосостояніе и плодопеременная система для него понятія тождественныя. Но вотъ въ чемъ бѣда: г. И. В-скій не знаетъ того, что меннонитское поселеніе у Гакстгаузена единственный хорошій примѣръ улучшеннаго земледѣлія, и что никакихъ другихъ случаевъ въ этомъ родѣ Гакстгаузенъ не подмѣчалъ; а г. И. В-скій, какъ видно, подумалъ: въ трехъ толстыхъ томахъ агрономическаго путешествія, навѣрное есть цѣлые десятки описаній хозяйствъ съ плодопеременной системой, — хозяйствъ, идущихъ отлично, разливающихъ вокругъ себя благосостояніе и поощряющихъ сосѣднія села къ подражанію: вѣдь извѣстно, что каждый агрономъ все толкуетъ о плодопеременной системѣ и улучшенныхъ хозяйствахъ, превознося ихъ выгоды. Увы! г. И. В-скій ошибся: правда, встрѣчались иногда Гакстгаузену у помѣщиковъ хозяйства съ различными агрономическими улучшеніями, и говоритъ онъ о нихъ вскользь, но, къ сожалѣнію, всегда прибавляя, что эти улучшенія приносятъ, по его замѣчанію, не выгоду, а чистый убытокъ. Единственный примѣръ противнаго встрѣтилъ онъ у меннонитовъ при общинномъ владѣніи, а всѣ улучшенныя хозяйства, заведенныя частными собственниками, находилъ онъ разорительными. Если бы г. И. В-скій зналъ это, то, вѣроятно, не сослался бы онъ на Гакстгаузена въ доказательство благотворнаго вліянія, оказываемаго частной собственностью, и, во всякомъ случаѣ, не сталъ бы говорить о „всѣхъ почти фактахъ", а сказалъ бы просто — о „единственномъ фактѣ".

Нѣтъ, никакъ невозможно намъ отстранить отъ себя той вины, что мы ввели въ ошибки г. И. В-скаго, что единственно на основаніи нашей статьи возникли у него всѣ тѣ неудачныя догадки, которыми онъ хочетъ замѣнить недостатокъ свѣдѣній о книгѣ Гакстгаузена. Но если вина наша неоспорима, то она не такъ тяжела, какъ можетъ казаться на первый взглядъ: если мы виноваты передъ г. И. В-скимъ въ томъ, что не могли для его надобности перевести всей книги Гакстгаузена въ цѣломъ ея объемѣ и тѣмъ отнять у него возможность къ ошибочнымъ заключеніямъ о содержаніи и духѣ этого сочиненія, то все же и онъ не совсѣмъ правъ. Если

многихъ ошибокъ онъ могъ бы избѣжать только тогда, когда прочиталъ бы книгу Гакстгаузена, то отъ многихъ другихъ могла бы предохранить его даже наша статья, когда бы онъ или прочелъ ее внимательнѣе, или постарался бы понять смыслъ техническихъ терминовъ, нами употребленныхъ; но мы не хотимъ думать, чтобы г. И. В—скій не былъ знакомъ съ терминами, относящимися къ оброчному положенію и къ передѣлу общинной земли между поселянами: если онъ не понялъ нѣкоторыхъ мѣстъ нашей статьи и впалъ отъ этого въ странныя ошибки, мы хотимъ думать, что это произошло единственно отъ разсѣянности. Въ примѣръ мы приведемъ одно мѣсто. Объясняя смыслъ тѣхъ случаевъ, когда поселяне тяготятся уплатою оброка, лежащаго на землѣ, мы говорили, что это бываетъ тогда, когда оброкъ далеко превышаетъ арендную цѣну земли, уступленной во владѣніе этимъ общинамъ; но г. И. В—скій все-таки не можетъ понять, отчего происходитъ ненормальность такого положенія, и обвиняетъ въ ней общинное начало; вотъ его слова: „Мы оттого не сочувствуемъ общинному владѣнію землею, что, по признанію самого „Современника“, при немъ община иногда *заставляетъ* болѣе зажиточныхъ людей брать болѣе земли, *нежели имъ нужно* и пришлось бы имъ при равномъ дѣлежѣ“. Попробуемъ еще разъ объяснить эти случаи; если и теперь г. И. В—скій будетъ продолжать видѣть вину общиннаго владѣнія землею въ этомъ дѣлѣ, то уже очевидно будетъ, что ошибка его произошла не отъ случайной разсѣянности или невнимательности, а просто отъ темноты для него тѣхъ понятій, которыя ясны при малѣйшемъ знакомствѣ съ русскимъ сельскимъ бытомъ. Производится раскладка податей; каждый желалъ бы платить податей какъ можно менѣе; но администрація заставляетъ каждаго платить сообразно съ его средствами. —такъ бываетъ не въ однихъ русскихъ селахъ, такъ бываетъ и въ Парижѣ, и въ Бостонѣ, и въ Ріо-Жанейро. Въ извѣстномъ селѣ оброкъ положенъ на землю. Если онъ выше того дохода, который приноситъ земля, конечно никому не хочется брать землю; но село *должно* уплатить оброкъ, и принуждаетъ каждаго изъ своихъ членовъ брать на себя ту часть оброка, какая сообразна съ его средствами, а такъ какъ уплата оброка соединена съ пользованіемъ извѣстной частью земли, то человѣкъ, который *обязанъ* заплатить извѣстную сумму оброка, получаетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, извѣстный участокъ земли. Спрашивается: къ чему тутъ принуждаетъ община? Къ уплатѣ оброка. Спрашивается: община ли виновата въ томъ, что каждый членъ ея долженъ платить оброкъ? — Нѣтъ, община тутъ играетъ чисто пассивную роль, она не создаетъ обязанности, а только исполняетъ наложенную на нее обязанность; словомъ сказать, тутъ въ общинѣ происходитъ тоже самое, что въ городѣ, на который наложена контрибуція. Вотъ, въ Гамбургѣ, во время наполеоновскаго владычества, и не было общиннаго владѣнія землею, а все-таки городская администрація принуждена была насильно принуждать богатаго горожанина къ уплатѣ пропорціональной его средствамъ части контрибуціи. Но г. И. В—скій никакъ не понимаетъ этого; онъ воображаетъ, будто поселянинъ въ этомъ ненормальномъ случаѣ уклоняется не отъ уплаты оброка, а отъ пользованія землею, будто община принуждаетъ его не къ уплатѣ оброка, а къ пользованію землею. Это смѣшно. Ну, а если-бы Иванъ

Сидоровъ, о которомъ вы жалѣете не потому, что онъ принужденъ платить слишкомъ высокій оброкъ, а потому, что его заставляютъ брать землю, еслибъ этотъ Иванъ Сидоровъ сказалъ общинѣ: „триста рублей оброка, который вы на меня налагаете, я буду платить, а того участка земли, пользованіе которымъ соединено съ уплатой этого оброка, я не хочу брать и оставляю вамъ“,—какъ вы думаете: стала бы община принуждать брать его эту землю? Нѣтъ, община была бы очень благодарна за такое безкорыстіе; и навѣрное этотъ Иванъ Сидоровъ всегда можетъ не брать себѣ ни клочка общинной земли, лишь бы только платилъ тотъ оброкъ, который слѣдуетъ ему платить по соразмѣрности его средствъ, и величина котораго ни мало не зависитъ отъ общины. Къ счастію, случаи такого ненормальнаго положенія встрѣчаются рѣдко.

Человѣкъ, который такъ хорошо знаетъ и понимаетъ факты общиннаго владѣнія землею, конечно, очень легко можетъ доказать превосходство частной собственности и неудобства общиннаго владѣнія; дѣйствительно г. И. В—скій находитъ въ № 29-мъ „Экономическаго Указателя“ не менѣе шестнадцати однѣхъ только „главнѣйшихъ неудобныхъ сторонъ общиннаго владѣнія“, прибавляя, что есть еще очень много другихъ такихъ сторонъ; кромѣ того, въ предъидущихъ статьяхъ своего возраженія приводитъ еще множество причинъ отвергать общинное владѣніе. Но, несмотря на все это множество причинъ осуждать общинное пользованіе, онъ простираетъ свое великодушіе до того, что вдругъ дѣлаетъ заключеніе такого рода: „На это положеніе вещей (общинное владѣніе) должно смотрѣть какъ на могущее быть выгоднымъ и полезнымъ для большинства“. (№ 29, стр. 679). Иначе сказать, онъ соглашается въ существенномъ на наше требованіе не разрушать общиннаго владѣнія въ Россіи въ настоящее время. Слава Богу; споръ, кажется, кончается согласіемъ! Но нѣтъ, затѣмъ опять идетъ упомянутый рядъ шестнадцати причинъ, несомнѣнно доказывающихъ, что принципъ общиннаго владѣнія пагубенъ и убыточенъ. Что же это, споръ возобновляется? Будемъ спорить. Нѣтъ, за этимъ рядомъ шестнадцати „главнѣйшихъ“ пагубныхъ сторонъ общиннаго владѣнія слѣдуетъ то признаніе въ недостаточности своихъ свѣдѣній, указаніемъ на которое начали мы этотъ отвѣтъ, слѣдуетъ выраженіе желанія отложить споръ на два слишкомъ года; г. И. В—скій объявляетъ, что онъ „оставляетъ перо“, потому что „желаетъ истины и преклоняется предъ логическими выводами“, и, наконецъ,—что онъ говоритъ наконецъ, это, признаемся, долго оставалось для насъ загадкою; вотъ что онъ говоритъ наконецъ:

„Въ ожиданіи этихъ-то изслѣдованій, мы и оставляемъ перо, не же„лая плодить словопренія. Мы желаемъ истины, а не удовлетворенія ме„лочному самолюбію, преклоняемся передъ логическими выводами, а не пе„редъ вкусомъ нѣкоторыхъ, которыхъ слишкомъ уважаемъ для того, чтобы „считать ихъ способными увлечься одними блестками фразъ и остроумія“.

Это заключительныя слова статьи, написанной противъ насъ г. И. В—скимъ. Въ первыхъ фразахъ все ясно: нашъ противникъ оставляетъ перо въ ожиданіи изслѣдованій, которыя будутъ представлены сочиненіями на задачу Министерства Государственныхъ Имуществъ; до того времени онъ

хочетъ молчать, чтобы не плодить словопренія; это ясно: нужныхъ для дѣльнаго спора свѣдѣній онъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи и потому справедливо думаетъ, что продолжать споръ съ его стороны, при недостаткѣ этихъ свѣдѣній, значило бы „плодить словопреніе“. Онъ желаетъ истины,— и это прекрасно и понятно. Но далѣе уже нѣсколько темновато: онъ желаетъ истины, а не „удовлетворенія мелочному самолюбію“ —какъ понимать эти слова? Неужели надобно понимать ихъ въ томъ смыслѣ, что онъ жертвуетъ своимъ самолюбіемъ, прекращая споръ? По грамматической связи фразъ выходитъ такъ. Но что-жь это? неужели онъ въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ, что его самолюбіе, еслибъ онъ былъ самолюбивъ, не было бы удовлетворено тѣмъ положеніемъ, въ какомъ стоитъ вопросъ послѣ нашей статьи о Гакстгаузенѣ и его возраженій на наши статьи? Неужели въ самомъ дѣлѣ тутъ высказалось чувство неудовлетворенности силою собственныхъ доказательствъ? Сомнѣніе въ своемъ торжествѣ? Но далѣе,—далѣе мы рѣшительно не знали, какъ понимать, къ кому относить послѣднія строки. Кто эти „нѣкоторые“, которыхъ г. И. В—скій уважаетъ? Уважаетъ до того, что считаетъ ихъ выше увлеченія фразами и остроуміемъ? По смыслу рѣчи, кажется, эти слова намъ надобно принять на свой счетъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ? —нѣтъ, этого не можетъ быть; подумаемъ, не могутъ ли относиться къ кому нибудь другому эти лестныя слова. Къ публикѣ? Но публика не „нѣкоторые“, а всѣ; при томъ же дѣло ясное, что этимъ нѣкоторымъ приписывается какой-то личный вкусъ, передъ которымъ не можетъ преклониться г. И. В—скій, при всемъ уваженіи къ нимъ: этотъ „личный вкусъ“, очевидно, есть выгодное мнѣніе объ общинномъ владѣніи,—нѣтъ, эти „нѣкоторые“—не публика: г. И. В—скій не имѣетъ никакихъ причинъ приписывать публикѣ исключительное пристрастіе къ общинному владѣнію, публика еще не высказала своего рѣшительнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ. Или эти „нѣкоторые“ - -другіе писатели, кромѣ насъ? Но никто не вмѣшивался въ нашъ споръ съ г. И. В—скимъ для защиты общиннаго владѣнія. Если „нѣкоторые“ не публика, то некого разумѣть подъ этимъ словомъ, кромѣ насъ. Да, да, нельзя не принять намъ лестныхъ заключительныхъ выраженій г. И. В—скаго на свой счетъ. Ни къ кому, кромѣ насъ, не могутъ они относиться.

Какой сюрпризъ! Какой неожиданный, какой пріятный сюрпризъ! тѣмъ болѣе пріятный, чѣмъ болѣе былъ онъ неожиданъ! Статьи, начавшіяся такими презрительными колкостями противъ насъ, кончаются нѣжнымъ комплиментомъ.

Теперь читатель видитъ, по какимъ многочисленнымъ и трогательнымъ причинамъ должны мы были отказаться отъ рѣзкости и ироніи въ тонѣ нашего отвѣта. Нашъ противникъ признается въ томъ, что не знаетъ фактовъ, что не можетъ „ясно и точно“ судить о предметѣ, о которомъ онъ начиналъ спорить, обнаруживаетъ, что съ капитальнѣйшимъ сочиненіемъ объ общинномъ владѣніи въ Россіи онъ знакомъ только по выпискамъ, представленнымъ нами въ „Современникѣ“; онъ отказывается отъ продолженія спора. Оканчивая его, онъ самъ не знаетъ, что ему дѣлать, чѣмъ ему заключить: отъ безчисленныхъ доказательствъ противъ нашего мнѣнія переходитъ онъ къ признанію полезности и выгодности общиннаго владѣнія для большинства, потомъ опять хватается за наборъ новыхъ доказательствъ противъ этого

мнѣнія, и вдругъ кончаетъ признаніемъ въ томъ, что надѣется „точно и ясно“ понять это дѣло не раньше, какъ черезъ два года; и все это завершается лестнымъ комплиментомъ, который не только относится къ намъ, но и не можетъ относиться ни къ кому, кромѣ насъ.

Послѣ такой нѣжности нашего противника къ намъ, при видѣ его растерянности, по выслушаніи собственнаго признанья его въ безпомощности его положенія,—скажите, можетъ ли остаться въ нашемъ сердцѣ мѣсто для желанія отплатить ему насмѣшками за прежнія насмѣшки? О, нѣтъ, безпомощность противника налагаетъ обязанность оставить всякую мысль о враждебномъ или огорчительномъ для него словѣ.

Но оставить вражду, когда видишь противника въ безпомощномъ состояніи — не болѣе, какъ долгъ, исполняемый почти каждымъ изъ людей, живущихъ на бѣломъ свѣтѣ. Это добродѣтель доступная толпѣ. Мы теперь не можемъ смѣшивать себя съ толпою, мы отличены отъ нея лестнымъ выраженіемъ г. И. В—скаго: онъ сказалъ, что уважаетъ насъ. Мы должны поддержать въ немъ это лестное для насъ чувство; мы должны своимъ образомъ дѣйствій доказать, что мы достойны этого уваженія, мы должны теперь держать себя такъ, чтобы г. И. В—скій могъ во всеуслышаніе сказать: „эти нѣкоторые, которыхъ я уважаю, дѣйствительно, заслуживаютъ почтенія рѣдкою, удивительною возвышенностью своихъ правилъ“. А возвышенность правилъ состоитъ въ томъ, чтобы не только оставить вражду къ противнику, попавшему въ затруднительное, безвыходное положеніе, но и помочь ему выйти изъ затрудненія. Для исполненія этой высокой нравственной обязанности, налагаемой на насъ публичнымъ изъявленіемъ уваженія къ намъ г. И. В—скаго, мы должны извлечь его изъ ошибокъ, которыми дошелъ онъ до такой безвыходности, и указать прямой путь, который выведетъ его изъ бѣды.

Наша добродѣтель не ограничится оказаніемъ ему пособія; мы знаемъ, какую деликатную осторожность соблюдаютъ люди съ возвышенными чувствами при оказываніи пособій, чтобы не оскорбить, не унизить въ собственныхъ глазахъ того, кому оказывается помощь. Они соблюдаютъ при этомъ всевозможную мягкость въ выраженіяхъ, они стараются даже придать дѣлу такой видъ, чтобы казалось, будто вспомоществуемый вовсе не получаетъ отъ нихъ никакого одолженія, а напротивъ, оказываетъ имъ величайшее одолженіе, пользуясь тѣмъ, что ему предлагается; они даже благодарятъ его за услугу, которую онъ имъ оказываетъ, вступая въ сношенія съ ними, такъ что онъ самъ и всѣ окружающіе дѣйствительно думаютъ, что тутъ происходитъ не вспомоществованіе, а просто обмѣнъ взаимныхъ услугъ. До такой добродѣтели возвысимся и мы. Если въ васъ, читатель, есть хоть искра чувства, вы душевно умилитесь отъ той деликатности, съ которою мы будемъ исправлять ошибки г. И. В—скаго: мы не будемъ даже называть ихъ ошибками, — это слово грубое и непріятное, — напротивъ, мы будемъ благодарить его за драгоцѣнныя и рѣдкія свѣдѣнія, за полезныя указанія и т. д.; словомъ, когда вы дочтете до конца эту статью, вы будете проливать слезы радостнаго умиленія отъ нашей кротости. „Да, скажете вы, не напрасно выразилъ г. И. В—скій свое уваженіе къ таинственнымъ нѣкоторымъ“.

О, священная добродѣтель! вложи въ сердце наше нѣжную деликатность Манилова и очаровательную обходительность Чичикова. Мы начинаемъ нашъ высокій нравственный подвигъ. Читатели, учитесь у насъ деликатности въ спорахъ, и слушайте.

Ни одного изъ драгоцѣнныхъ указаній, сообщаемыхъ намъ нашимъ бывшимъ противникомъ, нынѣ уже уважающимъ насъ и глубоко уважаемымъ нами г. И. В—скимъ, мы не оставимъ безъ вниманія; отъ самаго начала до самаго конца, мы прослѣдимъ съ чувствомъ глубокой признательности его статьи о поземельной собственности, стараясь научиться изъ каждаго факта, съ благодарностью принимая каждый совѣтъ, тщательно обдумывая каждое его возраженіе.

Статьи г. И. В--скаго начинаются слѣдующими словами:

„Современникъ“ прямо вызвалъ насъ къ спору, который мы не счи-
„таемъ ни современнымъ, ни столько важнымъ, сколько онъ можетъ пока-
„заться тревожному воображенію диллетантовъ въ наукѣ, для которыхъ ново
„то, чего они не знали“. („Экономическій Указатель“, № 25. стр. 506).

Вопросъ о сохраненіи или уничтоженіи общиннаго владѣнія не кажется важнымъ г. И. В—скому; онъ даже не почелъ бы его достойнымъ обратить на себя его мысль, получить объясненіе отъ его ученаго пера, еслибъ нашъ прямой вызовъ не принудилъ его къ тому. Но ради нашего вызова онъ пишетъ о немъ длинную, прекрасную статью, какая обязательность, какая готовность жертвовать своимъ временемъ, своими трудами, и для чего же?— не для пользы науки, не для блага общества— „вопросъ этотъ не важенъ“ — нѣтъ, для вразумленія насъ, ничтожныхъ передъ нимъ диллетантовъ, и не въ надеждѣ доставить намъ существенную пользу этимъ вразумленіемъ— „вопросъ не важенъ“—нѣтъ, просто, для удовлетворенія нашему тревожному любопытству. О, какая доброта, о, для насъ какая честь: г. И. В—скій такъ добръ, что рѣшается бесѣдовать съ нами для нашего вразумленія.

„Quel honneur, quel bonheur,
Ah, monsieur le Conseiller d'Etat“ *).

Притомъ же вы, г. И. В—скій, не только С. С., вы также „Д-ръ ист. н., пол. эк. и стат.“ **),—и вы удостоиваете своей бесѣды простаго смертнаго, которому, при всей вашей любезности, вы не можете дать никакого другого титула, какъ скромное названіе диллетанта въ наукѣ, который можетъ быть не выдержалъ экзамена не только на доктора, даже на магистра, быть можетъ, не дослужился даже до чина коллежскаго регистратора! Какая похвальная снисходительность! Она обязываетъ насъ внимательнѣйшимъ образомъ вслушиваться и вдумываться въ каждое ваше слово, обращаясь къ вамъ съ почтительною просьбою о разрѣшеніи всѣхъ недоумѣній нашихъ,—вы такъ снисходительны, что мы надѣемся на вашу готовность удовлетворять нашему „тревожному любопытству“; вы такъ учены, что, конечно, на всѣ наши сомнѣнія легко для васъ отвѣчать точнымъ образомъ.

---

*) См. подпись г. редактора подъ № 1 „Экономическаго Указателя: „Редакторъ д-ръ И. Вернадскій, С. С.“

**) См. подпись г. редактора на послѣднихъ №№ „Экономическаго Указателя“.

Вопросъ о сохраненіи или уничтоженіи общиннаго владѣнія вы не считаете ни современнымъ, ни слишкомъ важнымъ. Но мильоны людей въ Россіи пользуются землею по праву общиннаго владѣнія: если французы считаютъ важнѣйшимъ историческимъ пріобрѣтеніемъ своимъ законъ о равномъ раздѣлѣ наслѣдства между дѣтьми, то какъ же не важенъ вопросъ о правѣ владѣнія? Наслѣдство каждому изъ французовъ когда-то еще придется получить, и многимъ ли придется получить его, а правомъ общиннаго владѣнія непосредственно и постоянно заинтересованъ каждый изъ пятидесяти мильоновъ русскихъ, пользующихся землею по этому праву. Наслѣдство важный фактъ національной жизни, но оно только частный случай права собственности, отъ наслѣдства зависитъ много, но не все въ экономической жизни: отъ собственности зависитъ рѣшительно все. Этотъ вопросъ „несовременъ“ — но развѣ не всѣ толкуютъ объ экономическихъ преобразованіяхъ, развѣ не готовится къ нимъ, и не готовитъ ихъ по мѣрѣ силъ своихъ, каждый изъ насъ? Развѣ сами вы, и многіе изъ вашихъ сотрудниковъ, не наполняли „Экономическаго Указателя“ возгласами противъ общиннаго поземельнаго владѣнія прежде, нежели мы рѣшились замолвить слово въ защиту его? Скажите, что же важнѣе и современнѣе экономическихъ преобразованій земледѣльческаго быта? Таможенныя реформы? да, къ нимъ по преимуществу лежитъ ваше сердце. Мы не отвергаемъ ни ихъ важности, ни ихъ современности: но пошлинами и фабричнымъ производствомъ прямо заинтересованы только сотни тысячъ, а поземельнымъ владѣніемъ прямо заинтересованы мильоны. Вашъ Тенгоборскій (виноваты, теперь уже не вашъ, теперь просто Тенгоборскій, какъ увидимъ ниже) оцѣниваетъ всю сумму нашего промышленнаго производства менѣе, чѣмъ въ пятьсотъ мильоновъ рублей, изъ которыхъ почти триста мильоновъ производится промышленностями, судьба которыхъ ни мало не зависитъ отъ нашего тарифа *), и только съ небольшимъ двѣсти мильоновъ производится тою промышленностью, которая зависитъ отъ нашихъ низкихъ или высокихъ пошлинъ. А цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, по Тенгоборскому, превышаетъ двѣ тысячи мильоновъ. Или положеніе русскаго земледѣлія менѣе нуждается въ реформахъ, нежели положеніе фабричной промышленности и заграничной торговли въ пониженіи пошлинъ? Чѣмъ больше думаешь объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаешся, что вопросы, отъ которыхъ зависитъ судьба земледѣлія, несравненно важнѣе даже таможенныхъ дѣлъ, какъ ни велика важность этихъ послѣднихъ. Почему же г. И. В—скому одинъ изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ земледѣльческаго быта кажется и не важнымъ, и не современнымъ? Пусть онъ просвѣтитъ насъ въ этомъ недоумѣніи.

Сказавъ, что обращается къ этому неважному и несовременному вопросу о земледѣльческомъ бытѣ единственно вслѣдствіе нашего вызова, г. И. В—скій продолжаетъ, что прежде, нежели станетъ отвѣчать на наши вопросы, считаетъ онъ не лишнимъ сдѣлать намъ нѣсколько замѣчаній. Прекрасно:

*) Таковы: между-прочимъ, льняная и пеньковая промышленность, кожевенное производство, винокуреніе, мыльное производство, кирпичное производство. Кирпичи и юфть, канаты и сальныя свѣчи, конечно, не имѣютъ связи съ покровительственными пошлинами.

слушаемъ эти замѣчанія. Вотъ первое изъ нихъ. Въ нашей первой статьѣ была фраза: „при переходѣ всей почти земли (въ Западной Европѣ, особенно въ Англіи и Франціи) въ собственность частныхъ лицъ, явилось множество людей, не имѣющихъ недвижимой собственности, такимъ образомъ возникло пролетаріатство". Противъ этого г. И. В--скій замѣчаетъ, что во Франціи „множество пролетаріевъ имѣетъ недвижимую собственность". Мы осмѣливаемся спросить, какимъ же образомъ могла произойти такая странность? Сколько намъ случалось читать экономистовъ, пролетарій всегда означаетъ у нихъ человѣка, неимѣющаго собственности; это вовсе не то, что просто бѣднякъ: да, экономисты строго различаютъ эти понятія: бѣднякъ просто человѣкъ, у котораго средства къ жизни скудны, а пролетарій человѣкъ, не имѣющій собственности. Бѣднякъ противопоставляется богачу, пролетарій— собственнику. Французскій поселянинъ, имѣющій пять гектаровъ земли, можетъ жить очень скудно, если земля его дурна или семейство его слишкомъ многочисленно, но все-таки онъ не пролетарій: напротивъ, какой-нибудь парижскій или ліонскій мастеровой работникъ можетъ жить въ болѣе теплой и удобной комнатѣ, можетъ ѣсть вкуснѣе и одѣваться лучше, нежели этотъ поселянинъ, но все-таки онъ будетъ пролетаріемъ, если у него нѣтъ ни недвижимой собственности, ни капитала, и судьба его исключительно зависитъ отъ заработной платы. Г. И. В—скій будетъ, вѣроятно, такъ добръ, что объяснитъ намъ, позволительно ли „Д—ру пол. экон. и стат." забывать различіе между словами: бѣднякъ и пролетарій; онъ скажетъ намъ, какую степень знакомства съ вопросами о пролетаріатѣ и недвижимой собственности обнаруживаетъ тотъ человѣкъ, который выражается такимъ образомъ: „во Франціи множество пролетаріевъ имѣютъ недвижимую собственность". („Экон. Указ." стр. 506). Намъ, діллетантамъ въ наукѣ, эта фраза кажется столь же странною, какъ напримѣръ, казалась бы фраза: „во Франціи множество слѣпыхъ имѣютъ прекрасное зрѣніе". Но быть можетъ, люди, болѣе насъ привыкшіе къ употребленію техническихъ терминовъ науки, какъ напримѣръ, г. И. В—скій, не согласятся съ этимъ.

Но согласится или нѣтъ г. И. В—скій на нашу покорнѣйшую просьбу сказать намъ, можно ли говорить о слѣпыхъ, что они имѣютъ зрѣніе, или о пролетаріяхъ, что они имѣютъ недвижимую собственность,— во всякомъ случаѣ, мы уже благодарны ему за то, что онъ, своимъ прекраснымъ замѣчаніемъ о недвижимой собственности французскихъ пролетаріевъ, указалъ намъ необходимость упомянуть о томъ, почему пролетаріатство считается всѣми безъ исключенія экономистами за язву, болѣе тяжелую для народной жизни, нежели простая бѣдность. Поселянинъ французскій, имѣющій пять гектаровъ (назовемъ его Жакомъ), живетъ бѣдно. Жакъ человѣкъ одинокій; онъ достигаетъ 60 - 70 лѣтъ, работать онъ уже не можетъ. Пришлось ли ему умирать съ голоду? Нѣтъ, онъ или отдаетъ свою землю сосѣду, на условіяхъ половинчества, или нанимаетъ себѣ работника, и все-таки имѣетъ средства какъ-нибудь жить. Положимъ теперь, что Жакъ человѣкъ семейный и умираетъ въ молодости, оставляя жену съ маленькими дѣтьми. Жена его все-таки имѣетъ средства, хотя бѣдно, жить. Посмотримъ теперь на работника пролетарія (котораго назовемъ Пьеромъ). Онъ живетъ заработной

платой. Когда въ 60 лѣтъ Пьеръ станетъ неспособенъ къ работѣ, кто станетъ давать ему заработную плату и чѣмъ станетъ онъ жить? а если онъ умретъ, не достигши старости, какими средствами будетъ кормиться и кормить дѣтей его жена? Но что старость, что смерть? то и другое бываетъ разъ въ жизни; посмотримъ на Пьера при случаяхъ болѣе легкихъ и болѣе частыхъ. Онъ занемогъ, болѣзнь его длится два, три мѣсяца. Онъ лишился мѣста, онъ задолжалъ, его дѣла стали такъ дурны, что хоть въ рѣку бросайся. А Жаку, если и случится пролежать въ постелѣ два, три мѣсяца, это бѣда для него конечно убыточная, но все же не раззорительная: всталъ онъ съ постели, сталъ по прежнему работать на своемъ полѣ и живетъ по прежнему. Что болѣзнь? болѣзнь уже особенное посѣщеніе Божіе, возьмемъ случай еще болѣе легкій. Изъ Лондона ушло много звонкой монеты въ Ость-Индію; Лондонскій банкъ повысилъ учетный процентъ; произошелъ застой въ торговлѣ, отразился этотъ застой изъ Англіи и на Францію; фабрикантъ, у котораго работаетъ Пьеръ, получаетъ заказовъ меньше прежняго и распускаетъ работниковъ, ставшихъ ему лишними, въ томъ числѣ и Пьера. Остался Пьеръ опять-таки безъ куска хлѣба, а Жакъ и ухомъ не ведетъ и живетъ себѣ спокойно по прежнему. „Но бываютъ и у Жака бѣды, которыхъ не знаетъ Пьеръ, напримѣръ, неурожай. Жакъ вывезъ на рынокъ вмѣсто десяти гектолитровъ хлѣба, быть можетъ, всего два гектолитра, и хотя продалъ ихъ дороже обыкновеннаго, но все же денегъ получилъ мало и тяжелъ ему этотъ годъ; а Пьеръ получаетъ себѣ плату не меньше прежняго и знать не хочетъ объ неурожаѣ, какъ не хотѣлъ знать Жакъ о торговомъ кризисѣ". Вы такъ думаете, въ самомъ дѣлѣ знать не хочетъ? напротивъ, ему пришлось тяжеле, нежели Жаку; во-первыхъ, съ неурожаемъ всегда соединенъ торговый кризисъ, и Пьеръ чуть ли не остался безъ мѣста, а во-вторыхъ, хлѣбъ вздорожалъ втрое, да и мясо тоже. У Жака мало денегъ и ѣстъ онъ хуже обыкновеннаго, но все-таки сытъ своимъ хлѣбомъ, а Пьеръ вовсе голодаетъ. Вотъ немногіе изъ тѣхъ безчисленныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ всѣ безъ исключенія экономисты находятъ, что положеніе пролетарія Пьера гораздо менѣе обезпечено и гораздо болѣе тяжело, нежели положеніе бѣдняка Жака. Всего этого, вѣроятно, ни для кого изъ нашихъ читателей объяснять не нужно: они могли бы не читать этого, потому что это писано только для того, чтобы г. И. В—скій, не понимающій разницы между бѣднякомъ и пролетаріемъ, вразумилъ насъ, какимъ образомъ пролетаріи во Франціи имѣютъ недвижимую собственность *).

Но мы не кончили еще дѣло о несчастныхъ французскихъ пролета-

*) Сравненіе Жака и Пьера написано собственно для прочтенія одному г. И. В-скому и никому другому; напротивъ, это примѣчаніе написано собственно для всѣхъ нашихъ читателей, кромѣ г. И. В-скаго, который лучше сдѣлаетъ, если не станетъ читать его. Оно было бы огорчительно для него, а мы хотимъ предохранить его отъ всякихъ огорченій.

Пусть не обвиняетъ насъ читатель, что мы входимъ въ объясненія такихъ элементарныхъ понятій. Пусть читатель поставитъ себя на наше мѣсто и скажетъ: какимъ же образомъ можно иначе сдѣлать свои мысли вразумительными для г. не диллетанта въ наукѣ, забывающаго смыслъ даже такихъ основныхъ понятій, какъ пролетаріатство. Тутъ одно средство: приходится объяснять ему все, даже то, что предполагается извѣстнымъ каждому другому читателю.

ріяхъ, не имѣющихъ собственности, по нашему мнѣнію, и имѣющихъ недвижимую собственность, по мнѣнію г. И. В—скаго, вѣроятно, справедливому. Сдѣлавъ открытіе этой недвижимой собственности у французскихъ пролетаріевъ, онъ замѣчаетъ, что если во Франціи многіе не имѣютъ недвижимой собственности, то у насъ не имѣетъ ея ни одинъ изъ всѣхъ поселянъ, владѣющихъ землею по общинному праву. Слѣдующихъ объясненій также можетъ не читать никто, кромѣ г. И. В—скаго: они писаны опять исключительно для него; другимъ всѣмъ, вѣроятно, и безъ нашихъ объясненій понятно различіе между полной и ограниченной извѣстными условіями собственностію: а васъ, г. И. В—кій, мы просимъ разрѣшить наше недоумѣніе о слѣдующемъ дѣлѣ.

Учредилось акціонерное общество для морскаго пароходства съ капиталомъ въ 10 мильоновъ и завело оно пятьдесятъ пароходовъ. Г. Ивановъ взялъ акцій на 200,000 и былъ однимъ изъ учредителей общества и избранъ однимъ изъ его директоровъ. По уставу общества, учредитель и директоръ обязанъ имѣть акцій на 200.000 рублей и ни продать, ни заложить ихъ не можетъ. У г. Иванова, кромѣ 200.000, употребленныхъ на покупку акцій, не было никакого состоянія. Я васъ спрашиваю теперь, лишился ли своей собственности г. Ивановъ, сдѣлавшись акціонеромъ? сдѣлался ли онъ пролетаріемъ? Вѣдь ни продать своей собственности, ни заложить ея онъ не можетъ.

Вдругъ одному изъ его пріятелей, смущенному мыслію о томъ, что г.Ивановъ, сдѣлавшись обладателемъ акцій общества пароходства, пересталъ имѣть собственность, потому что не можетъ ничего ни продать, ни заложить,— вдругъ, говоримъ, его пріятелю пришла въ голову блистательная мысль вывесть г. Иванова изъ столь бѣдственнаго положенія, изъ пролетарія сдѣлать его снова капиталистомъ. „Мой другъ, сказалъ онъ ему, по числу находящихся у тебя акцій, имѣешь ты право брать одну пятидесятую часть всего дохода вашего общества, то есть, получать весь доходъ съ одного изъ 50 пароходовъ, которыми владѣетъ общество; этими доходами ты можешь располагать, какъ тебѣ угодно; почему-жь бы тебѣ не получить права располагать и тѣмъ имуществомъ, съ котораго получается твой доходъ, то есть, однимъ изъ пароходовъ вашего общества? Иди и потребуй, чтобы тебя наименовали полнымъ владѣльцемъ парохода „Стрѣла“, такъ чтобы ты могъ и продать и заложить его“. Но когда г. Ивановъ явился съ этимъ требованіемъ въ правленіе своего общества, товарищи ему сказали: „согласиться на вашу просьбу мы никакъ не можемъ; если каждый изъ нашихъ членовъ будетъ по произволу располагать пароходами, цѣнность которыхъ равняется количеству находящихся у него акцій, разстроится всякая обезпеченность и гармонія въ дѣйствіяхъ нашего общества, и дѣло кончится банкротствомъ общества и банкротствомъ всѣхъ акціонеровъ, въ томъ числѣ и васъ самихъ. Для вашей и нашей общей пользы, мы не можемъ согласиться на вашу прихоть. Доходъ вы получаете и можете располагать имъ какъ угодно, а имущества, приносящаго этотъ доходъ, общество не можетъ выпустить изъ своихъ рукъ“. Мы покорнѣйше просимъ г. И. В—скаго сказать, законенъ ли и разуменъ ли былъ отвѣтъ общества?

Г. Иванова такой отвѣтъ не слишкомъ бы огорчилъ, еслибъ не было у него заботливаго пріятеля; пріятель пришелъ въ ужасъ: „Какая гнусная и оскорбительная вещь!— заговорилъ пріятель: -членъ вашего общества не можетъ по своей волѣ располагать имуществомъ, съ котораго получаетъ доходъ! Какое стѣсненіе! Какое тиранство со стороны общества! Твоя участь достойна сожалѣнія“! Г. Ивановъ увидѣлъ, что его участь дѣйствительно очень печальна, потому что не можетъ онъ ни продать, ни заложить имущества, съ котораго получаетъ доходъ. И бѣдный г. Ивановъ горько заплакалъ.

Долго онъ плакалъ, наконецъ пріятелю пришла въ голову мысль еще болѣе блистательная, нежели прежде; онъ сказалъ: „Они не хотятъ отдавать тебѣ въ полную собственность парохода, доходами съ котораго ты пользуешься; скажи же имъ, что ты не хочешь этого терпѣть, что ты не хочешь болѣе оставаться членомъ ихъ общества, что ты берешь назадъ свои деньги, возвращая имъ акціи. На эти деньги ты купишь свой пароходъ и будешь полнымъ его хозяиномъ“. Тутъ г. Ивановъ отеръ слезы, на другой же день взялъ деньги изъ общества и черезъ два дня купилъ себѣ пароходъ, надъ которымъ онъ былъ уже полнымъ хозяиномъ, и которому далъ онъ имя „Леонъ Фоше“, въ честь экономиста, своими мудрыми разсужденіями внушившаго его пріятелю мудрые совѣты. Пароходъ этотъ стоилъ 195,000 рублей; а 5,000 рублей остались въ карманѣ у г. Иванова. Гордо отплылъ его „Леонъ Фоше“ и счастливо совершилъ два-три рейса; г. Ивановъ восхищался мыслью, что онъ теперь полный, независимый ни отъ кого хозяинъ прекраснаго парохода. Но на четвертомъ рейсѣ случилось прекрасному пароходу,—столкнуться ли съ другимъ пароходомъ, наткнуться ли на какую-то скалу, или во время бури захлебнуться водой, этого мы не знаемъ, только „Леонъ Фоше“ пошелъ ко дну, и остался нашъ г. Ивановъ безъ парохода. За то, впрочемъ, сколько радости доставляла ему въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ его полновластная собственность надъ пароходомъ. Плохо пришлось ему теперь, за то былъ же и свѣтлый періодъ въ его жизни, когда онъ гордо говорилъ: „Я полный собственникъ моего парохода“! и вслѣдъ за пріятелемъ повторялъ: „Proprietas est jus utendi et abutendi“— „собственникъ съ своею собственностью что хочетъ, то и дѣлаетъ, никто и ничто ему не помѣха“.

Впрочемъ и теперь о немъ нечего жалѣть, по мнѣнію его остроумнаго пріятеля. Прежде онъ при десяти процентахъ дивиденда получалъ, правда, двадцать тысячъ въ годъ, но за то онъ, по объясненію пріятеля, не имѣлъ никакой собственности, потому что не могъ ничего ни продать, ни заложить; а теперь у него всѣ средства къ жизни ограничиваются, правда, только маленькимъ деревяннымъ домикомъ, купленнымъ за пять тысячъ рублей, оставшихся послѣ покупки парохода; въ одной половинѣ домика живетъ онъ самъ, другую отдаетъ за сто-восемьдесятъ рублей въ годъ, и эти сто-восемьдесятъ рублей единственный доходъ его нынѣ; все это такъ, но пріятель г. Иванова утѣшаетъ его мыслію, что теперь, дескать, ты, братецъ, полный хозяинъ надъ своимъ домомъ, можешь и продать и заложить его, а прежде, когда ты былъ членомъ общества, дохода ты имѣлъ, правда,

больше, но за то ни продать, ни заложить ровно ничего не могъ: ты, братецъ, тогда не имѣлъ собственности, ты былъ тогда пролетаріемъ, и только моему благому совѣту обязанъ ты тѣмъ, что теперь имѣешь хотя небольшую, но все-таки вполнѣ тебѣ принадлежащую собственность.

Какъ теперь судить намъ, г. И. В—скій, о пріятелѣ г. Иванова и его понятіяхъ относительно собственности? Намъ казалось бы, что онъ ошибался, говоря, будто-бы г. Ивановъ не имѣлъ собственности, когда былъ членомъ общества, потому что не могъ ни продать, ни заложить того парохода, доходами съ котораго пользовался. Намъ кажется, будто этотъ пріятель не имѣетъ понятія о томъ, что, кромѣ собственности безграничной, существуетъ еще собственность, подверженная нѣкоторымъ ограниченіямъ, и что эта собственность, называющаяся общинною, принадлежитъ каждому участнику общины (акціонернаго общества, нашей сельской общины и т. п.) въ той мѣрѣ, въ какой онъ пользуется доходами отъ этой собственности.

Намъ казалось бы, что положеніе какого нибудь Карпа, получающаго доходъ съ участка земли, даваемой ему по праву общиннаго владѣнія, точно таково же, каково было положеніе г. Иванова, когда г. Ивановъ состоялъ членомъ пароходнаго общества. Карпъ и г. Ивановъ одинаково пользуются доходами съ имущества, одинаково не имѣютъ они власти ни продать, ни заложить то имущество, доходами съ котораго пользуются. Намъ кажется, что если г. Ивановъ не могъ считаться пролетаріемъ въ то время, то не можетъ считаться пролетаріемъ и Карпъ. Разница въ томъ, что г. Ивановъ былъ богатъ, а Карпъ бѣденъ, если участокъ его земли не плодороденъ, или обремененъ слишкомъ тяжелыми повинностями; но Карпъ и г. Ивановъ одинаково собственники, и оба одинаково собственники по праву ограниченной, а не полной собственности.

Вы можете сказать: г. Ивановъ имѣлъ то преимущество, что могъ выйти изъ членовъ пароходнаго общества. Что-жь изъ того, развѣ Карпъ не можетъ выйти изъ своей сельской общины, когда ему угодно? (мы предполагаемъ, что Карпъ государственный крестьянинъ). Развѣ онъ не можетъ приписаться въ мѣщане, купцы, цеховые? Неужели вы воображаете, что община станетъ его удерживать? навѣрное она всегда ему скажетъ: „что намъ тебя держать, батюшка, ступай куда угодно“.—Но г. Ивановъ получилъ обратно свои деньги, когда вышелъ изъ членовъ пароходнаго общества, а Карпъ не получитъ отъ общины никакихъ денегъ, если вздумаетъ выйти изъ общины, отказавшись отъ своего участка? Но вѣдь участокъ этотъ принадлежалъ не Карпу, а общинѣ; Карпъ получилъ его отъ общины, а не вносилъ его въ общину. Если-бы г. Ивановъ пользовался частію доходовъ пароходнаго общества безъ взноса всякаго капитала съ своей стороны, онъ, конечно, также не получилъ бы ничего отъ общества, когда вздумалъ выйти изъ него.

Г. Ивановъ и Карпъ одинаково собственники; разница только въ томъ, что одинъ изъ нихъ явился въ общество съ капиталомъ, а Карпъ пользуется доходами съ капитала, котораго не вносилъ въ общину. Теперь, г. И. В—скій, разрѣшите наше недоумѣніе: на какомъ основаніи называете вы Карпа пролетаріемъ? На какомъ основаніи утверждаете вы, что у насъ

есть цѣлыя сельскія общины, состоящія изъ пролетаріевъ? Объясните намъ смыслъ слѣдующаго вашего обращенія къ намъ: „Неужели г. критикъ не знаетъ, что иногда цѣлыя общины съ его любимымъ правомъ пользованія землею принадлежатъ къ тѣмъ же пролетаріямъ?“ Признаемся, мы этого не знаемъ. Есть у насъ общины чрезвычайно бѣдныя, но нѣтъ сельской общины, не имѣющей земли.

Виноваты, мы напрасно предлагаемъ вамъ этотъ вопросъ; мы забыли, что по вашему мнѣнію „множество французскихъ пролетаріевъ имѣютъ недвижимую собственность“.

Мы кругомъ виноваты; мы предположили, когда писали первую нашу статью, что вступаемъ въ споръ съ противникомъ, и безъ нашихъ объясненій умѣющимъ различать пролетаріатство отъ бѣдности; потому не объяснили мы разницу между этими понятіями и не показали причинъ, по которымъ пролетарій страдаетъ болѣе всякаго другаго бѣдняка; такимъ образомъ мы невольно подали г. И. В—скому возможность возражать намъ указаніемъ на французскихъ пролетаріевъ, имѣющихъ (по его указанію) недвижимую собственность, и на русскія сельскія общины, принадлежащія (также по его указанію) къ пролетаріямъ, то есть не имѣющія въ пользованіи или владѣніи никакихъ земель. За эту вину мы наказаны необходимостью дѣлать теперь такія обширныя объясненія для исправленія прискорбныхъ послѣдствій, отъ этого нашего упущенія оказавшихся въ прекрасной статьѣ г. И. В—скаго. Но если мы и пострадали отъ того, то не безъ пользы: сколько мыслей внушено намъ разсмотрѣніемъ перваго указанія, даваемаго намъ г. И. В—скимъ! Уже одно то чего стоитъ, что это глубокомысленное замѣчаніе дало намъ нравственную силу такъ подробно и обстоятельно изложить одно изъ самыхъ элементарнѣйшихъ, извѣстнѣйшихъ каждому образованному человѣку понятій, въ „Современникѣ“! Безъ этого указанія у насъ недостало бы рѣшимости такъ подробно говорить объ этомъ въ журналѣ, читатели котораго хотя, быть можетъ, и не болѣе, какъ только диллетанты въ наукѣ, люди все-таки образованные,—не рѣшились бы мы на это, какъ не рѣшимся безъ новыхъ указаній г. И. В—скаго объяснять, что, напримѣръ, Парижъ—столица Франціи, а жители Парижа (пролетаріи и не пролетаріи)—французы.

Не менѣе полезно для насъ было бы столь же подробное обдумываніе и слѣдующихъ замѣчаній г. И. В—скаго; но это отняло бы слишкомъ много времени, а главное, читатели могутъ судить теперь, легко ли намъ было бы, подробно разсуждая о слѣдующихъ указаніяхъ и совѣтахъ г. И. В—скаго, своею вѣрностью совершенно подобныхъ первому, выдержать наше намѣреніе не употреблять слова „ошибка“ и другихъ, столь же непріятныхъ для нашего признательнаго къ нему сердца, выраженій. Потому мы и изложимъ слѣдующія его указанія кратко, съ краткими же просьбами къ нему о разрѣшеніи нашихъ недоумѣній.

Мы въ первой статьѣ говорили, что фермеры англійскіе, богатѣя, заботятся объ увеличеніи своего хозяйства. Онъ говоритъ: это несправедливо. „Ферма въ Великобританіи почти не можетъ съ выгодою расширить своихъ предѣловъ, безъ ущерба доходности“. Мы спрашиваемъ: прикажетъ ли онъ

намъ привесть цитаты изъ англійскихъ агрономовъ въ доказательство того, что фермеръ, сначала имѣвшій, положимъ, тридцать экровъ въ своемъ хозяйствѣ, имѣетъ потомъ, когда разбогатѣетъ, ферму гораздо большаго размѣра? Нужно ли доказывать это цитатами, или и безъ цитатъ любезность г. И. В—скаго уступитъ эту возможность англійскому фермеру? За что подвергать его такому стѣсненію, что сколько экровъ сначала было, столько и до конца вѣка должно остаться въ его хозяйствѣ?

Желая приблизительнымъ образомъ сказать, до какой степени огромно у насъ преобладаніе земель, являющихся общиннымъ достояніемъ, надъ землями, выдѣлившимися окончательно изъ этого разряда, мы сказали, что, по сравненію съ первыми, послѣднія составляютъ, „можетъ быть, пятнадцатую, можетъ быть, двадцатую часть“. По этому случаю г. И. В—скій дѣлаетъ слѣдующій тонкій намекъ, что надлежало бы намъ справиться о точной цифрѣ, не довольствуясь приблизительною. Вы хотите проводить новое убѣжденіе, говоритъ онъ,—„впрочемъ сомнительно, чтобы можно было привести „въ убѣжденіе (не говоримъ о фантазіи) такую мысль, которую подкрѣ„пляютъ голословнымъ предположеніемъ, что вотъ-де такъ-то обдѣлывается „у насъ можетъ быть пятнадцатая, можетъ быть двадцатая часть (а мо„жетъ быть и десятая, а можетъ быть и тридцатая). „Какъ жаль, что древ„нихъ я не читывалъ...“ Какая вѣрная метода доказательства!“—Мы осмѣлимся спросить, думаетъ ли въ самомъ дѣлѣ г. И. В—скій, что въ какихъ либо книгахъ, или даже хотя бы въ архивахъ, собраны были данныя, достаточныя для точнаго, а не приблизительнаго опредѣленія количества частныхъ земель, обработываемыхъ въ Россіи по способу вольнаго найма (земли купцовъ и проч.) или (безъ найма и обязательнаго труда) собственнымъ трудомъ мелкихъ частныхъ собственниковъ? Онъ очень обяжетъ насъ, если укажетъ, гдѣ можно найти точныя цифры объ этомъ предметѣ. А намъ казалось, что статистическія свѣдѣнія объ этомъ до сихъ поръ еще не собраны. Мы осмѣлимся выразить мнѣніе, что не обо всемъ въ мірѣ можно найти такія точныя цифры, какъ о числѣ народонаселенія или количествѣ привезенныхъ изъ-за границы товаровъ. Напримѣръ, неизвѣстна *никому въ мірѣ* въ настоящее время и не можетъ быть никому извѣстна точная цифра, какъ велико въ настоящее время число людей въ Россіи, умѣющихъ читать и писать, или сколько находится вдовъ и вдовцовъ, или сколько мяса употребляется въ пищу въ теченіе года во всей Имперіи. Въ этихъ и въ безчисленномъ множествѣ другихъ случаевъ мы можемъ достигать только приблизительнаго вычисленія. Или за недостаткомъ точныхъ цифръ не позволительно дѣлать приблизительныя вычисленія?

Что же касается до „голословности“ нашего вычисленія, то мы увѣрены, что если бы г. И. В—скій потрудился провѣрить нашъ выводъ (по методѣ, указанной въ нашей первой статьѣ перечнемъ различныхъ поименованій земли), то, вѣроятно, нашелъ бы, что нашъ разсчетъ не голословенъ. Пусть онъ подведетъ итоги, и онъ увидитъ, что приблизительная пропорція, дѣйствительно, такова, какъ сказано у насъ: пятнадцатая или двадцатая часть, но никакъ не десятая (это слишкомъ много), и не тридцатая (это слишкомъ мало).

Скажите же намъ, въ какой книгѣ, или, даже, въ какомъ архивѣ можно было бы отъискать тѣ точныя цифры, за неотъисканіе которыхъ такъ упрекаете вы насъ, г. И. В—скій?

Не предположилъ ли „нѣкто, нами уважаемый", что собраны и напечатаны гдѣ нибудь свѣдѣнія, которыя никогда не собирались и нигдѣ не напечатаны?

Не внушаются ли такимъ его предположеніемъ нѣкоторыя размышленія о близости его знакомства съ источниками нашихъ статистическихъ свѣдѣній?

„Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ..." Прекрасно; но если бы я сталъ кого нибудь упрекать за то, что онъ не можетъ представить точной цифры населенія древней Скиѳіи, не обнаружилъ ли бы я тѣмъ, что я не имѣю понятія ни о скиѳахъ, ни о древнихъ?

Кто читалъ древнихъ, тотъ зналъ бы, что у скиѳовъ не было народныхъ переписей; что ни въ какомъ древнемъ писателѣ нѣтъ и не могло быть точныхъ цифръ населенія Скиѳіи; кто знакомъ съ нашею статистикою, тотъ не сказалъ бы того, что выписано нами выше изъ вашей статьи, г. И. В—скій. Правда ли?

„Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ"... Не правда ли, г. И. В—скій?

„Неужели „Современникъ" въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что Западъ стремится къ общинной поземельной собственности (замѣчаетъ г. И. В—скій)? Въ чемъ, въ какихъ учрежденіяхъ, въ какихъ рѣшеніяхъ, и гдѣ это видитъ г. критикъ?" —Мы заплатимъ вопросомъ за вопросъ: пусть г. И. В—скій назоветъ намъ какой ему угодно курсъ политической экономіи, хотя бы изъ школы Сэ, и мы въ этомъ курсѣ укажемъ ему факты и мнѣнія, которыми подтверждаются наши слова. Условіе тутъ одно: эта книга должна принадлежать послѣднимъ пятнадцати годамъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, о поземельныхъ ассоціаціяхъ дѣйствительно мало думали; у самого Сэ или у Шторха вы мало найдете фактовъ и понятій, сюда относящихся. Съ начала прошлаго десятилѣтія уже не то. Напримѣръ: Росси одинъ изъ самыхъ отсталыхъ и антипатичныхъ людей въ школѣ Сэ; почти всѣ другіе политико-экономы этой отсталой школы далеко гуманнѣе и современнѣе, нежели Росси; однако, что говоритъ Росси? Помните ли вы это, г. И. В—скій? „Dictionnaire de l'Economie Politique" Коклена и Гильйомена составленъ въ духѣ самой крайней реакціи противъ гуманныхъ стремленій новаго времени: помните ли вы, что даже Теодоръ Фиксъ, даже Бланки осуждаются въ этомъ словарѣ, какъ люди слишкомъ гуманные? Однако, что думаетъ о земледѣльческихъ потребностяхъ Франціи фаланга писателей, построившихъ арсеналъ своихъ мнѣній въ этомъ словарѣ,—фаланга писателей такой безукоризненной въ вашихъ глазахъ репутаціи, какъ Шербюлье, Мишель Шевалье, Леонъ Фоше, Жозефъ Гарнье, Луи Ребо съ братіею? Справьтесь-ка съ этимъ словаремъ. Онъ дуренъ, но все-таки въ немъ найдется кое-что хорошее, чего вы не ожидаете. Мы не хотимъ утомлять читателей слишкомъ большимъ количествомъ цитатъ, потому приведемъ всего нѣсколько строкъ изъ статьи „Succession".

„Нельзя не признаться, что крайнее раздробленіе поземельной соб-

ственности (во Франціи, по закону о равномъ раздѣлѣ наслѣдства между всѣми дѣтьми) имѣетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, извѣстныя неудобства. Для отвращенія этихъ неудобствъ, г. Росси совѣтовалъ поселянамъ вступать въ ассоціаціи; до сихъ поръ этотъ совѣтъ не имѣлъ всеобщаго успѣха; но, напримѣръ, въ огородничествѣ департамента Юры онъ употребляется. И со временемъ этотъ принципъ, быть можетъ, долженъ произвести превосходныя слѣдствія". — „Dict. de l'éc. polit." Томъ II, стр. 676.

Вотъ что говорятъ Росси и Коклено-Гильйоменовская фаланга.

Если г. И. В—скому мало этой одной цитаты, онъ можетъ въ какой нибудь часъ времени подыскать по сноскамъ и цитатамъ указанной нами статьи десятки мѣстъ въ этомъ словарѣ, и сотни книгъ, подтверждающихъ наше мнѣніе. Если же ему угодно будетъ возложить на насъ эту вовсе не трудную работу, мы исполнимъ ее къ его удовольствію.

Для доставленія ему особенной пріятности, мы обязываемся подтверждать наше мнѣніе свидѣтельствами исключительно тѣхъ писателей, которые принадлежатъ къ одной школѣ съ г. И. В—скимъ. Но онъ, вѣроятно, избавитъ себя отъ этого удовольствія, согласившись съ нашимъ мнѣніемъ, что въ Западной Европѣ существуетъ потребность ассоціаціи между земледѣльцами.

Для облегченія ему этого согласія, напомнимъ, что статьи въ „Словарѣ" Коклена и Гильйомена служатъ выраженіемъ не особенныхъ мнѣній того или другаго писателя, а цѣлой школы, — той самой школы, къ которой принадлежитъ г. И. В—скій.

А быть можетъ онъ, видя, что даже эта школа, враждебная всѣмъ новымъ стремленіямъ, свидѣтельствуетъ о потребности земледѣльческой ассоціаціи въ Западной Европѣ, откажется отъ мнѣній этой школы, отречется отъ своихъ нынѣшнихъ сотоварищей по убѣжденію, Мишеля Шевалье, Луи Ребо, Леона Фоше, Жозефа Гарнье? Это былъ бы очень трудный подвигъ: но вѣдь совершилъ же онъ еще болѣе трудный подвигъ, отрекся же, изъ любезности къ намъ, какъ увидимъ послѣ, отъ Тенгоборскаго. Дай Богъ ему успѣховъ на этомъ пути.

Противники общиннаго владѣнія утверждаютъ, что при немъ десятина земли не можетъ давать такого большаго дохода, какъ при фермерскомъ хозяйствѣ. Мы въ первой статьѣ говорили, что если-бы это неосновательное предубѣжденіе и было основательно, все-таки для большинства земледѣльцевъ выгоднѣе общинное владѣніе, потому что при фермерскомъ хозяйствѣ большинство земледѣльцевъ обращается въ наемныхъ работниковъ, и потому, хотя бы при фермерскомъ хозяйствѣ масса производимыхъ цѣнностей была значительнѣе, положеніе большинства земледѣльческаго класса все-таки лучше при общинномъ хозяйствѣ. Въ объясненіе этого мы привели примѣрный разсчетъ. Этимъ разсчетомъ очень недоволенъ г. И. В—скій.

„Сказать, не значитъ доказать, говоритъ онъ. Не всѣ же повѣрятъ „на слово, даже уважая произвольные разсчеты, въ которыхъ, увы! не видно „никакой тѣни счета, основаннаго на чемъ нибудь, кромѣ фантазіи, недо„пускаемой даже при самыхъ отчаянныхъ статистическихъ соображеніяхъ... „Общинное хозяйство рѣдко достигаетъ даже того общаго дохода, который

„указанъ „Современникомъ“ и имѣетъ очень невысокій максимумъ. А уча-„стокъ собственника можетъ достигнуть почти безконечной цѣнности; слѣдо-„вательно отношеніе между обоими доходами не то, которое воображаетъ „себѣ ученый критикъ. Вообще, для того, чтобы убѣдиться въ поспѣшности „его заключеній, достаточно упомянуть, что у него представлено при общин-„номъ хозяйствѣ на одномъ и томъ же пространствѣ вдесятеро болѣе на-„селенія, нежели при частной собственности, а на самомъ дѣлѣ вездѣ вы-„ходитъ напротивъ; а отчего? На это ясно отвѣчаетъ наука, только не „новая, а обыкновенная, прежняя, къ которой и можетъ обратиться изъ „любопытства „Современникъ“, если улучитъ время отъ изысканій въ по-„вомъ родѣ“.

Боже, какъ прогнѣвилъ нашъ разсчетъ г. И. В —ского! Чѣмъ же? Онъ произволенъ и ошибоченъ. Въ чемъ же произволъ и ошибка? 1) Въ томъ, что мы слишкомъ высоко оцѣнили доходъ при общинномъ владѣніи по сравненію съ хозяйствомъ при частной собственности,—на самомъ дѣлѣ пропорція при частномъ хозяйствѣ гораздо выше, нежели мы положили. 2) Мы положили при общинномъ владѣніи населеніе въ десять разъ большее, нежели при частной собственности. Неужели мы въ самомъ дѣлѣ сдѣлали такія ошибки? Припомнимъ, что мы говорили въ этомъ разсчетѣ, имѣвшемъ несчастіе не понравиться г. И. В —скому. Вотъ буквально это мѣсто изъ нашей первой статьи:

„Беремъ два участка въ 5,000 десятинъ земли (одна квадратная миля). На каждый участокъ приходится по 2,000 человѣкъ населенія. Одинъ раздѣленъ на тридцать фермъ съ улучшеннымъ хозяйствомъ втораго періода (того періода, въ который частная собственность, повидимому, выгодна); каждая десятина даетъ въ общей сложности 20 р. дохода. Изъ нихъ 5 рублей идутъ на арендную плату землевладѣльцу, 6 рублей на уплату и содержаніе работникамъ, 9 рублей остаются въ пользу фермы. На другомъ участкѣ, по причинѣ общиннаго пользованія, сельское хозяйство сдѣлало менѣе успѣховъ, и десятина даетъ только по 12 рублей дохода, но этотъ доходъ весь остается въ пользу домохозяевъ, которые всѣ по общинному началу участвуютъ въ пользованіи землею. Сравнимъ же эти участки.

Общая цѣнность производства на первомъ участкѣ 5,000×20=100,000
„ „ „ на второмъ „ 5,000×12= 60,000

„По общей цѣнности производства, участокъ съ фермами гораздо выше участка съ общиннымъ пользованіемъ. Но отъ состоянія производства обратимся къ состоянію людей, населяющихъ эти участки. Считаемъ по семьямъ, полагая въ каждой семьѣ пять человѣкъ.

Участокъ съ фермами.

1 семья (землевладѣлецъ) получаетъ . . . . 5×5000=25,000 р.
30 семей (фермеры) получаютъ 9×5000=45,000 или
каждая семья по . . . . . 1,500 р.
369 семей (наемные земледѣльцы) получаютъ 6×5000=
30,000 или каждая семья по . . . . . 81 р. 25 к.

Участокъ съ общиннымъ пользованіемъ.

400 семей получаютъ 12×5000=60,000 или каждая
семья по. . . . . 150 р.

„Выводъ ясенъ. На второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое большимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣностей почти вдвое больше на первомъ участкѣ“.

Позвольте же спросить, г. И. В —скій, откуда взялась у васъ мысль, будто въ нашемъ разсчетѣ на одинаковомъ пространствѣ земли полагается при общинномъ владѣніи населеніе въ десять разъ больше, нежели при частной собственности? Развѣ мы не сказали прямо въ самомъ началѣ разсчета, что на каждый участокъ приходится по 2.000 человѣкъ населенія? Развѣ темны эти слова? И развѣ не соблюдена эта одинаковость населенія въ самыхъ разсчетахъ? Неужели мы должны думать, что „нѣкто, уважаемый нами", увѣряетъ своихъ читателей, будто мы говоримъ „въ десять разъ больше", тогда какъ самъ видитъ, что мы говоримъ „равно?". Мысль эта для насъ огорчительна, потому что въ такомъ случаѣ „нѣкто, уважаемый нами", по необходимости лишился бы нѣкоторой части того уваженія, которое мы хотѣли бы сохранить къ нему.

„Нѣкто, уважаемый нами", говоритъ также, будто въ нашемъ примѣрномъ разсчетѣ мы слишкомъ высоко оцѣнили доходъ общиннаго участка.— онъ говоритъ, что этотъ доходъ никогда не можетъ равняться даже тремъ пятымъ частямъ дохода отъ частной собственности, какъ мы положили. „Нѣкто, уважаемый нами", уважалъ нѣкогда Тенгоборскаго—обратимся къ Тенгоборскому за разрѣшеніемъ этого недоумѣнія.

Тенгоборскій на 201 страницѣ перваго тома своей книги „О производительныхъ силахъ Россіи" (парижское изданіе 1854 года) представляетъ слѣдующую сравнительную таблицу средняго сбора хлѣба съ десятины пахотной земли въ четырехъ главнѣйшихъ государствахъ европейскаго материка:

Франція . . .	5,13	четвертей.
Австрія . . .	4,56	„
Пруссія . . .	3,82	„
Россія	3,47	„

Нужно ли вамъ объяснять, г. И. В—скій, что въ Россіи только незначительная часть пахотной земли выдѣлилась изъ общиннаго владѣнія, или пользованія, или общинной обработки, такъ что эта незначительная часть не могла имѣть замѣтнаго вліянія на общій выводъ? Итакъ, сборъ хлѣба въ Россіи —сборъ съ земли при общинномъ владѣніи, или пользованіи, или обработкѣ. Вѣроятно, вы не усомнитесь въ томъ, что въ трехъ другихъ государствахъ этотъ сборъ принадлежитъ землѣ, находящейся въ частной собственности. Посмотримъ же, какова пропорція.

Вотъ она, по словамъ Тенгоборскаго (тамъ же).

„Сборъ хлѣба съ одной десятины въ трехъ западныхъ государствахъ по сравненію съ Россіею:

Россія	100
Пруссія. . . .	110
Австрія	130
Франція. . . .	140

Видите ли, высшая пропорція для частной собственности выходитъ 100 : 140; а мы предположили 12 : 20, то есть 100 : 166,—видите ли, что въ примѣрномъ разсчетѣ мы оцѣнили преимущества частной собственности выше, нежели оказывается по самымъ высшимъ фактамъ на материкѣ Европы? На какомъ же основаніи вы жаловались, г. И. В—скій, будто

наша примѣрная оцѣнка несправедлива? Да, милостивый государь, мы были несправедливы —къ тому дѣлу, которое защищаемъ, мы оцѣнили его выгоды слишкомъ низко. Вы потребовали справедливости. Извольте: мы изъ области примѣрныхъ разсчетовъ, слишкомъ снисходительныхъ къ вашему любимому фермерству, перейдемъ къ точнымъ цифрамъ — порадуйтесь, милостивый государь. Вмѣсто снисходительности, вы будете имѣть отъ насъ справедливость.

Вамъ нравится англійское фермерство? Прекрасно. Знаете ли вы, какой процентъ изъ общаго дохода достается работникамъ на англійской фермѣ? Это вы можете узнать отъ г. Д. Д. Неелова („Русск. Вѣсти." 1857 г., № 9, стр. 111).

Изъ 100 процентовъ общаго дохода идетъ въ руки:

Землевладѣльцу (рента, изъ которой 1/4 поглощаетъ налогъ) . .	40 проц.
Фермеру (проценты съ оборотнаго капитала и чистый доходъ)	36 „
Плата и содержаніе работнику	24 „

Какъ вамъ нравится это распредѣленіе, г. любитель фермерства? Не правда ли, оно сильнѣе свидѣтельствуетъ въ вашу пользу, нежели наше примѣрное распредѣленіе? Мы полагали долю англійскаго работника гораздо значительнѣе, 6 рублей изъ 20, то есть 30 процентовъ; долю землевладѣльца только въ 5 рублей изъ 20, то есть въ 25 проц., то есть слишкомъ въ полтора раза меньше настоящей цифры. Видите ли, мы не хотѣли выставлять любимаго вами англійскаго фермерства во всей его чернотѣ; но вы насъ вызвали на это,—и не гнѣвайтесь, если, вмѣсто нашего примѣрнаго разсчета, мы вамъ представимъ *три дѣйствительные* разсчета, для Австріи, Франціи и Пруссіи. Мы предполагаемъ, что въ каждомъ изъ этихъ государствъ по два участка, величиною каждый въ одну квадратную милю, отдѣляются, одинъ участокъ для фермъ съ англійскимъ распредѣленіемъ доходовъ, другой участокъ для водворенія жителей по праву общиннаго владѣнія, какъ у насъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ. Во всѣхъ трехъ государствахъ земля воздѣлывается уже по системѣ частной собственности, слѣдовательно со всѣми улучшеніями, возможными при настоящемъ положеніи каждаго государства; потому учрежденіе фермъ не возвыситъ общаго дохода,— онъ останется тотъ самый, какой показанъ у Тенгоборскаго. Но въ угодность г. И. В—скому, мы положимъ, что при введеніи общиннаго владѣнія этотъ сборъ хлѣба въ каждомъ изъ трехъ западныхъ государствъ понизится до такой цифры, какую представляетъ Россія (понижаться ему вовсе нѣтъ необходимости, но г. И. В—скій желаетъ, чтобы онъ понизился —сдѣлаемъ ему эту уступку, хотя, по окончаніи нашего отвѣта, читатель увидитъ, что мы вовсе не обязаны были ее дѣлать: г. И. В—скій не могъ привести ни одного доказательства въ пользу возвышенія дохода при частной собственности и пониженія его при общинномъ владѣніи). Цифру населенія, сборъ хлѣба съ десятины, цѣну хлѣба мы будемъ вездѣ выставлять по Тенгоборскому. Величину фермъ оставимъ прежнюю, какая была въ нашемъ примѣрномъ разсчетѣ, — именно на 5,000 десятинъ 30 фермъ. Итакъ, посмотримъ, что было бы выгоднѣе для большинства земледѣльческаго населенія во Франціи, Австріи и Пруссіи—заведеніе ли англій-

скихъ фермъ съ сохраненіемъ высшихъ сборовъ хлѣба или введеніе русскаго общиннаго устройства даже съ низшими сборами хлѣба.

А. Франція.

Населеніе—3750 душъ или 750 семей на квадратной милѣ; цѣна хлѣба 5 р. 46 коп. за четверть. Сборъ: при системѣ фермъ 5.13 четвертей, при русской системѣ 3.47 четвертей. (Тенгоб. Томъ I, стр. 107, 201 и 211).

	Съ десятины:	Со всего участка:
При системѣ фермъ 5.13 четвертей ×5 р. 46 к.=	28 руб. 1 коп.	140,050 руб.
При системѣ общиннаго владѣнія 3.47 четвертей×5 руб. 46 коп.=18	„ 95 „	94,750 „

Итакъ, общая цѣнность продуктовъ при англійской системѣ почти въ полтора раза болѣе, нежели при русской.

Распредѣленіе благосостоянія въ народонаселеніи. При англійской системѣ изъ общаго дохода 140.050 р. получаютъ:

1 семья (землевладѣлецъ) 40 процентовъ . . .	56,020 руб. — коп.
30 семей (фермеры) 36 проц. или всѣ вмѣстѣ 50,418 руб., а каждая семья по	1,680 „ 60 „
719 семей (работники) 24 проц. или всѣ вмѣстѣ 33,612 руб., а каждая семья по	46 „ 70 „
При общинной системѣ общій доходъ 94,750 руб., раздѣленный на 750 семей, даетъ на каждую семью по	126 „ 30 „

Итакъ, во Франціи 719 семей изъ 750 семей (то есть 96 человѣкъ изъ 100) при системѣ фермъ получали бы въ два съ половиною раза менѣе, нежели при системѣ общиннаго владѣнія, а выгодна была бы система фермъ только 31 семьѣ, то есть одной двадцать-третьей части населенія: остальнымъ двадцати-двумъ частямъ была бы выгоднѣе система общиннаго владѣнія.

В. Австрія.

Населеніе 3,200 душъ или 640 семей; цѣна хлѣба 4 р. 30 коп. четверть. Сборъ хлѣба при системѣ фермъ 4,56 четв., при общинномъ владѣніи 3,47 четв. Общій доходъ:

	Съ десятины:	Со всего участка:
При фермахъ	19 руб. 60 коп.	98,000 руб.
При общинномъ владѣніи .	14 „ 92 „	74,600 „

Итакъ, общая цѣнность продуктовъ при системѣ фермъ на двѣ седьмыхъ части болѣе, нежели при общинномъ владѣніи.

Распредѣленіе благосостоянія въ народонаселеніи. При системѣ фермъ изъ общаго дохода 98,000 р., получаютъ:

1 семья 40 процентовъ	39,200 руб.
30 семей 36 проц., всѣ вмѣстѣ 35,280 р., а каждая семья по	1,176 „
609 семей 24 проц., всѣ вмѣстѣ 23,520 р., а каждая семья по	38 „ 60 коп.

При системѣ общиннаго владѣнія доходъ 74,600 р. раздѣлится на 640 семей, и каждая семья получитъ по. . . . . 116 руб. 50 коп.

Итакъ, въ Австріи при системѣ фермъ 609 семей изъ 640 (то есть 95 человѣкъ изъ 100), получали бы втрое менѣе, нежели при системѣ общиннаго владѣнія. Выгодна была бы система фермъ только для одной двадцатой части населенія.

С. Пруссія.

Населеніе 3,300 человѣкъ или 660 семей. Цѣна хлѣба 4 р. 15 к. Сборъ при системѣ фермъ 3,82 четв., при общинномъ владѣніи 3,47 четв. Общій доходъ:

	Съ десятины:	Со всего участка:
При системѣ фермъ . .	15 руб. 80 коп.	79,300 руб.
При общинномъ владѣніи	14 „ 40 „	72,000 „

Итакъ, при системѣ фермъ сумма продуктовъ на одну десятую часть больше, нежели при системѣ общиннаго владѣнія.

Распредѣленіе благосостоянія въ народонаселеніи. При системѣ фермъ изъ общаго дохода 79,300 р., получаютъ:

1 семья 40 проц.	31,720 руб.
30 семей всѣ вмѣстѣ 36 проц. или 28,548 руб., а каждая семья по	951 „ 60 коп.
629 семей всѣ вмѣстѣ 24 проц. или 19,032 руб., каждая семья по	30 „ 25 „
При системѣ общиннаго владѣнія общій доходъ 72,000 руб., раздѣлившись на 660 семей, на каждую семью даетъ по	109 „ 10 „

Итакъ, въ Пруссіи при системѣ фермъ 629 семей изъ 660 (то есть 95 изъ 100), получали бы въ три съ половиною раза менѣе, нежели при системѣ общиннаго владѣнія.

Для обыкновеннаго читателя эти подробные разсчеты утомительны и излишни: для него было бы нужно представить только основныя данныя и окончательные результаты. Производство самаго разсчета такъ просто, что каждый читатель, который захотѣлъ бы провѣрить наши выводы, конечно, могъ бы самъ произвесть разсчеты. Но здѣсь они приведены собственно для г. И. В—скаго, который не захочетъ и не съумѣетъ сдѣлать разсчетовъ, а потомъ будетъ на насъ же сердиться за то, что не хотѣлъ и не умѣлъ сдѣлать этого— и закричитъ: „эти выводы невѣрны, фантастичны и преувеличены!“

Вы кричали, г. И. В—скій, что нашъ примѣрный разсчетъ выгодъ общиннаго владѣнія для большинства сельскаго населенія невѣренъ и фантастиченъ. Извольте же теперь сравнить наши тогдашніе примѣрные выводы съ нынѣшними выводами изъ положительныхъ разсчетовъ. Разсчеты эти у васъ передъ глазами. Извольте ихъ провѣрить. Они основаны на цифрахъ, представляемыхъ вашимъ авторитетомъ, Тенгоборскимъ. Полюбуйтесь же, какіе выгодные для васъ результаты получаются изъ этихъ разсчетовъ — извольте-ка прислушать:

Мы дѣлаемъ вамъ удовольствіе, предполагаемъ, что общинное владѣніе

задерживаетъ успѣхи земледѣлія, и полагаемъ даже, что все превосходство въ количествѣ хлѣба, собираемаго съ десятины въ Западной Европѣ, сравнительно съ Россіею, порождается единственно отъ частной собственности. Потому мы считаемъ, что въ Австріи, Пруссіи, Франціи десятина земли при общинномъ владѣніи дала бы хлѣба не болѣе, нежели даетъ въ Россіи. Это уступка излишняя съ нашей стороны: главную роль тутъ играетъ не форма владѣнія, а климатъ и другія обстоятельства. Во Франціи, Австріи, Пруссіи средняя температура выше, дождя больше, нежели у насъ,—потому тамъ и хлѣба больше родится, это вамъ скажетъ и вашъ Тенгоборскій. Но пусть вся разница зависитъ отъ формы владѣнія,—легче ли вамъ будетъ отъ этого?

	Нашъ прежній примѣр. разсчетъ.	Точные разсчеты. Франція.	Австрія.	Пруссія.
Выгода частной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ относительно увеличенія валоваго дохода.	66%	48%	31%	10%
Сумма дохода, получаемаго съ десятины при системѣ общиннаго владѣнія	12 р.	18 р. 95 к.	14 р. 92 к.	14 р. 40 к.
Сколькимъ изъ ста человѣкъ населенія невыгодна система фермъ .	90	96	95	95
На сколько процентовъ доходъ всей этой массы земледѣльцевъ былъ бы при общинномъ владѣніи, со всѣми его неудобствами (предполагаемыми), выше, нежели при системѣ фермъ .	84%	170%	202%	263%

Извольте же теперь, г. И. В—скій, сравнить цифры нашего примѣрнаго разсчета, которымъ вы были недовольны, какъ невѣрнымъ и преувеличеннымъ, извольте же сравнить ихъ съ цифрами точныхъ разсчетовъ, основанныхъ на вашемъ Тенгоборскомъ — какъ вамъ понравится это сравненіе? Вы бранили насъ за то, будто бы мы дали слишкомъ мало выгодъ системѣ фермъ передъ общиннымъ владѣніемъ относительно цѣнности получаемыхъ продуктовъ,—мы дали 66 процентовъ, а на самомъ дѣлѣ эти выгоды оказываются гораздо меньше даже для Франціи, вдвое меньше для Австріи, въ шесть съ половиною разъ меньше для Пруссіи. И если вы хотите вѣрный отвѣтъ, то цифра, оказывающаяся по разсчету для Пруссіи, и должна быть принята настоящею цифрою,—въ Австріи и Франціи разница происходитъ главнымъ образомъ отъ болѣе теплаго и благорастворенаго климата и т. д., а не отъ превосходства системы частной собственности. Изъ трехъ западныхъ государствъ только Пруссія не слишкомъ многимъ теплѣе Россіи, съ нею и надобно сравнивать Россію, чтобы оцѣнить, насколько частная собственность благопріятнѣе для увеличенія цѣнности продуктовъ,—въ другихъ двухъ державахъ климатъ слишкомъ многимъ лучше нашего. А какъ въ Пруссіи, между прочимъ, климатъ немногимъ лучше, то вы видите, что и масса продуктовъ только немногимъ больше. Да и въ этой незначительной разницѣ, въ этихъ ничтожныхъ 10%, все-таки большая часть дана Пруссіи превосходствомъ климата, а не превосходствомъ частной собственности надъ общиннымъ владѣніемъ; не вздумайте возражать, что дескать въ Пруссіи

климатъ хуже, — пожалуйста не дѣлайте этого, метеорологическія таблицы говорятъ объ этомъ очень ясно.

Вы вздумали быть недовольны примѣрнымъ нашимъ разсчетомъ за то, что мы будто бы оцѣнили слишкомъ высоко массу продуктовъ, при общинномъ владѣніи,—вы видите, что мы напротивъ оцѣнили ее слишкомъ низко: для Франціи она слишкомъ въ полтора раза больше нашей оцѣнки, для Австріи и Пруссіи на 25% и на 20% выше нашей оцѣнки, — вѣдь это есть у Тенгоборскаго, какъ не знали этого вы, переводчикъ Тенгоборскаго? Да знаете ли, почему мы положили въ примѣрномъ нашемъ разсчетѣ именно 12 руб. съ десятины общиннаго владѣнія? Именно потому, что эта цифра очень близка къ цифрѣ дохода съ десятины въ Россіи—справьтесь съ Тенгоборскимъ, вы тамъ найдете это — если хотите, мы вамъ и укажемъ. На страницѣ 205 перваго тома парижскаго изданія 1854 года вы увидите, что среднюю цѣну хлѣба въ Россіи Тенгоборскій принимаетъ въ 3 р. 50 к., а на стр. 201 вы увидите, что средній урожай съ десятины онъ считаетъ въ 3,47 четверти, — перемножьте эти цифры, — и вы увидите, что... или, нѣтъ: мы сами перемножимъ ихъ, а то мы боимся, что вы или не захотите или не съумѣете перемножить, да потомъ и закричите, что у насъ фантастическій разсчетъ. Итакъ, производимъ для васъ умноженіе (см. Ариѳметика Буссе, умноженіе десятичныхъ дробей).

$$\begin{array}{r} 3{,}47 \\ \times 3{,}50 \\ \hline 17350 \\ 10410 \\ \hline 12{,}1450 \end{array}$$

Ну, вотъ видите ли?—и выходитъ по Тенгоборскому средній доходъ съ десятины въ Россіи (считая только зерно, не считая солому)=12 руб. $14\frac{1}{2}$ коп. сер.—довольны ли вы теперь? Видите ли, вы кричали на насъ, будто такого дохода никогда почти и не бываетъ, а штука въ томъ, что это средній доходъ нашихъ русскихъ земель, —да и на томъ мы вамъ еще сдѣлали уступку въ $14\frac{1}{2}$ коп. сер. А если-бы считать цѣну соломы, то пришлось бы накинуть еще по крайней мѣрѣ 1 руб. 50 коп., и вышелъ бы доходъ съ десятины 13 руб. $64\frac{1}{4}$ коп.—по солому подарили мы вамъ уже безъ всякихъ счетовъ.

Однако, заслуживъ вашу признательность за подарокъ соломы и за уступку $14\frac{1}{2}$ коп. на хлѣбѣ, возвратимся къ выводамъ изъ нашихъ счетовъ.

Въ примѣрномъ разсчетѣ мы полагали, что фермы выгодны для одной десятой части населенія, по положительному разсчету оказываются онѣ выгодны менѣе нежели для одной двадцатой (въ Пруссіи и Австріи) и для одной двадцать пятой (во Франціи) части земледѣльческаго населенія.

Въ примѣрномъ разсчетѣ мы полагали, что вся остальная масса, отъ перехода изъ общиннаго владѣнія къ системѣ фермъ, потеряла бы только на 84 процента, то есть менѣе, нежели на половину; на самомъ дѣлѣ оказывается, что потеря была бы слишкомъ въ три и слишкомъ въ четыре раза болѣе. Во Франціи масса населенія теряла бы болѣе нежели три пя-

тыхъ части, въ Австріи болѣе нежели двѣ трети, въ Пруссіи (которая ближе всѣхъ государствъ къ намъ по условіямъ природы для земледѣлія) почти три четверти доходовъ, которые доставляло бы ей общинное владѣніе.

И это страшное разореніе для десятковъ мильоновъ людей вамъ кажется достожелательно ради той надежды, что цѣнность продуктовъ увеличится на одну десятую долю.

Нѣтъ, милостивый государь, предметъ слишкомъ важенъ для того, чтобы трактовать о немъ такъ поверхностно, какъ изволите трактовать вы. Подумайте: изъ-за одного лишняго гарнца съ десятины для заграничнаго вывоза вы готовы были вводить къ намъ систему фермъ, которая отниметъ почти три четверти дохода у нашихъ земледѣльцевъ! Подумайте объ этомъ хорошенько.

Правда, что вамъ думать объ этомъ? Вы уже обдумали все, вы уже все рѣшили, вы уже опровергли насъ, — вы уже въ самомъ началѣ нашего спора хохотали надъ тѣмъ, что мы осмѣливаемся вступать съ вами въ споръ.

Боже мой, съ какимъ запасомъ свѣдѣній судили и рядили вы, г. И. В—скій, о томъ, что надобно передѣлать, необходимо надобно передѣлать систему, съ судьбою которой связана судьба мильоновъ людей, — разрушали и передѣлывали, не потрудившись даже справиться въ переведенной вами книгѣ, сколько хлѣба родится на десятинѣ у русскаго мужика!

Но нѣтъ, напрасно мы негодуемъ, на васъ нельзя сердиться: вѣдь не по злому умыслу вы это дѣлали, а по недостатку свѣдѣній.

Постарайтесь расширить кругъ вашихъ свѣдѣній, если вы хотите говорить объ общинномъ владѣніи и частной собственности. Прочтите хоть въ словарѣ Коклена и Гильйомена статьи, относящіяся къ земледѣльческому быту.

Кстати, о знаніяхъ. Напрасно вы хвалитесь тѣмъ, что не знаете ученій той экономической школы, противъ которой направленъ словарь Коклена и Гильйомена, противъ которой писалъ вашъ сотрудникъ Мишель Шевалье. Мы прежде не вѣрили вашей похвальбѣ, что вы въ самомъ дѣлѣ незнакомы съ нею. Теперь мы вѣримъ этому. А не мѣшало бы прочесть сочиненія тѣхъ людей, о которыхъ вы имѣете самыя поверхностныя понятія, заимствованныя изъ карикатуриста Луи Ребо. Прочтите хоть книгу Штейна. Знаніе есть сила. Незнаніемъ никогда не слѣдуетъ хвалиться: незнаніе есть безсиліе. Довольно доказательствъ тому нашли мы въ вашей статьѣ. Найдемъ и еще, и гораздо больше.

Вотъ, отъ незнанія фактовъ вы насъ вызвали къ тому, чтобы вмѣсто примѣрнаго разсчета представить точные, основанные на дѣйствительныхъ цифрахъ. Еслибъ вы знали эти цифры, вы не стали бы накликать на себя такого пораженія, — вы рады были бы, что мы по излишней снисходительности къ вамъ говорили только: „хотя частная собственность почти вдвое увеличиваетъ массу продуктовъ, но благосостояніе большинства земледѣльцевъ при системѣ общиннаго владѣнія почти вдвое выше“, — мы должны были бы сказать: частная собственность увеличиваетъ массу продуктовъ никакъ не болѣе нежели на десять процентовъ, а общинное владѣніе возвышаетъ благосостояніе земледѣльцевъ въ три раза.

Что сказать о другихъ вашихъ возраженіяхъ противъ нашего примѣр-

наго разсчета? Они приводятъ насъ въ еще большее изумленіе. Положимъ, вы могли не знать самыхъ основныхъ фактовъ, относящихся къ земледѣльческому быту,—вы не тѣми отдѣлами политической экономіи занимались; вы дѣйствительно хорошо знаете вопросы о монетной системѣ, о кредитѣ и торговлѣ; но вопросами о собственности и распредѣленіи богатствъ слишкомъ поверхностно занималась вся та школа, къ которой вы принадлежите, и очень натурально, что, заговоривъ о нихъ, вы надѣлали ошибокъ. Это понятно. Вы не знаете и не хотите узнать даже такихъ элементарныхъ фактовъ, какъ цифра сбора хлѣба съ десятины въ Россіи; вы не знаете, чѣмъ пролетарій отличается отъ простаго бѣдняка; такого феноменальнаго незнанія, признаемся, мы не ожидали встрѣтить въ васъ, но все-таки теперь, когда вы противъ нашего ожиданія обнаружили его, этотъ неожиданный фактъ не кажется неправдоподобнымъ, мы понимаемъ его возможность. Но скажите, какимъ образомъ возможно экономисту и статистику забывать о значеніи самыхъ первоначальныхъ, самыхъ общихъ пріемовъ статистики, тѣхъ пріемовъ, съ употребленіемъ которыхъ онъ ежеминутно встрѣчается, какою бы отраслью своей науки ни занимался? Какъ возможно ему забывать, что такое средняя величина, что такое круглое число? А вы, возражая противъ нашего примѣрнаго разсчета, кромѣ возраженій, основанныхъ на незнакомствѣ съ фактами, приводите еще такія возраженія, которыя очевидно основаны единственно только на пренебреженіи къ значенію среднихъ величинъ, среднихъ чиселъ. Чтобы на примѣрѣ, входящемъ въ кругъ вашихъ обыкновенныхъ занятій и стало быть понятномъ для васъ, могли вы видѣть, какого рода возраженія дѣлаете вы противъ нашего разсчета, мы приведемъ точно такія же возраженія противъ какого нибудь разсчета, относящагося къ торговому движенію,—ну, хотя бы противъ оцѣнки капиталовъ и доходовъ русскаго купечества, дѣлаемой вашимъ Тенгоборскимъ, — на дняхъ мы очень кстати получили отъ одного изъ вашихъ сотрудниковъ, г. В. И—ского, очень замѣчательный разборъ слѣдующаго мѣста изъ книги Тенгоборскаго:

„По приблизительному исчисленію (говоритъ Тенгоборскій) торговый капиталъ купца 1-й гильдіи надобно положить не менѣе какъ въ 100,000 рублей, купца 2-й гильдіи—въ 40,000 рублей, 3-й гильдіи—въ 6,000 рублей; капиталъ по торговому билету четвертаго рода для крестьянина—въ 1,000 рублей.

„Это приблизительное вычисленіе, примѣненное къ торговымъ свидѣтельствамъ, выданнымъ въ 1857 году, даетъ слѣдующій результатъ:

1,000	свидѣтельствъ	1-й гильдіи, по	100,000 р.	100.000,000
2,461	„	2-й „ „	40,000 „	98.440.000
45,522	„	3-й „ „	6,000 „	273.132,000
4,171	свидѣтельство	четвертаго рода по	1,000 „	4.171.000
				475.743,000

„Положивъ, что этотъ капиталъ приноситъ десять процентовъ, или 47.574,000 р., мы получимъ, при числѣ 53,254 торговцевъ, доходъ въ 912 рублей на каждаго торговца“. (Тенг. Томъ III пар. изд. 1853 г. стр. 301 и 302).

Скажите, г. И. В—скій, какія мысли возбудятся въ васъ слѣдующими возраженіями противъ этого разсчета, полученными нами отъ одного изъ вашихъ сотрудниковъ:

„У нашего автора своя метода воззрѣнія, какъ и разбора. Мы желали бы указать на его умозаключенія, не находящіяся въ печатныхъ логикахъ общечеловѣческаго (а не мальтусіанскаго) ума; но къ несчастію, мы едва имѣемъ время пробѣжать разсчетъ торговыхъ капиталовъ и доходовъ нашего купечества. Г. Тенгоборскій разсчитываетъ эти капиталы и доходы, но разсчитываетъ ихъ произвольно; ибо 1) при одинаковыхъ гильдейскихъ свидѣтельствахъ не всѣ одинаково пользуются своими капиталами, не всѣ одинаково ихъ пускаютъ въ оборотъ, и не всѣ купцы одной гильдіи имѣютъ одинаковое количество капиталовъ, въ особенности при разнообразіи торговыхъ дарованій, промышленныхъ силъ и другихъ торговыхъ отношеній; 2) при гильдейскомъ свидѣтельствѣ возможно быть не самостоятельнымъ торговцемъ, а просто агентомъ или приказчикомъ другаго купца,—и между людьми, имѣющими купеческія свидѣтельства, существуютъ приказчики и люди бѣдные, иногда и совершенно обнищавшіе (это фактъ); 3) и между купцами возможно фермерство своего рода, являющееся въ содержаніи лавокъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній подъ чужою фирмою. 4) Торговый классъ имѣетъ своего господина, именно этотъ господинъ есть городское общество, къ которому приписанъ купецъ,—городъ всегда имѣетъ свои доходы и издержки, которыя должны быть вычтены изъ суммы счета“.

Скажите, какія мысли возбудились бы въ васъ, г. И. В—скій, при чтеніи такихъ возраженій? Неправда ли, вы сказали бы, что человѣкъ, дѣлающій ихъ, не имѣетъ понятія о значеніи среднихъ цифръ и круглыхъ числъ? И какъ вы думаете, опровергался ли бы этими возраженіями хотя на волосъ разсчетъ Тенгоборскаго?—Нѣтъ, имъ обнаруживалось бы только, что возражающій хочетъ дѣлать возраженія, но не умѣетъ взяться за это дѣло и вмѣсто ошибокъ противника обнаруживаетъ только, что самъ не хочетъ имѣть понятія о самыхъ основныхъ пріемахъ и законахъ всякаго статистическаго разсчета.

Скажите же теперь, какія мысли въ каждомъ читателѣ, имѣющемъ понятіе о среднихъ цифрахъ и другихъ элементарныхъ правилахъ и пріемахъ статистическаго разсчета, должны пробуждаться слѣдующими вашими возраженіями противъ нашего примѣрнаго разсчета:

„У нашего критика своя метода воззрѣнія, какъ и разбора. Мы бы желали указать на его умозаключенія, не находящіяся въ печатныхъ логикахъ частнаго (а не общиннаго) ума; но къ несчастію, мы едва имѣемъ время пробѣжать параллель хозяйства фермерскаго и хозяйства общиннаго. „Современникъ“ противополагаетъ эти хозяйства одно другому, но противополагаетъ ихъ произвольно; ибо 1) при общинной поземельной собственности не всѣ пользуются одинаково своими землями, не всѣ ихъ одинаково воздѣлываютъ и не всѣмъ дается одинаковое количество земли, въ особенности при разнообразномъ составѣ семействъ, рабочихъ силъ и другихъ хозяйственныхъ отношеній; 2) и въ общинномъ хозяйствѣ возможно и батрачество и нищенство; 3) и въ общинномъ хозяйствѣ возможно фермерство своего рода, являющееся въ кортомѣ общинныхъ угодій; 4) и при общинномъ хозяйствѣ есть землевладѣлецъ, именно — община, міръ, имѣющій свой доходъ и свои издержки, которыя должны быть вычтены изъ второго счета“ (т. е. счета доходовъ общиннаго участка).

Затѣмъ слѣдуетъ претензія на то, что цѣнность продуктовъ общинной земли оцѣнена была у насъ слишкомъ высоко,—эту претензію мы уже разсмотрѣли, а теперь посмотримъ на предшествующія ей возраженія, сейчасъ нами выписанныя.

Мы въ статьѣ о Гакстгаузенѣ сказали, что не считаемъ Тенгоборскаго великимъ авторитетомъ и были такъ счастливы, что вы, г. И. В—скій, приняли наше мнѣніе; но какъ бы то ни было, мы все-таки должны защи-

тить его отъ странныхъ замѣчаній вашего сотрудника, г. В. И - скаго, тѣмъ болѣе, что поводъ къ этимъ замѣчаніямъ подалъ нашъ споръ съ вами: г. В. И—скій очевидно примѣнилъ ваши возраженія противъ насъ къ Тенгоборскому. Мы обязаны защитить Тенгоборскаго: безъ насъ, то есть безъ вашей статьи противъ насъ, очевидно не было бы и возраженій г. В. И—скаго. Но какъ они скопированы съ вашихъ возраженій, то мы должны коснуться и этихъ послѣднихъ. По странному капризу случая, дѣло, какъ видите, расположилось такъ, что на насъ, имѣющихъ чрезвычайно мало наклонности восхищаться Тенгоборскимъ, легла нравственная обязанность защищать Тенгоборскаго, отъ кого же? отъ сотрудниковъ и подражателей г. И. В—скаго, великаго почитателя Тенгоборскаго; мало того, этотъ капризъ случая перепуталъ съ дѣломъ Тенгоборскаго наше общественное дѣло такъ, что мы не иначе можемъ защищать Тенгоборскаго, какъ разсмотрѣвъ такія возраженія г. И. В—скаго противъ нашей статьи, которыхъ мы вовсе не хотѣли разсматривать, потому что желали бы пощадить сколько нибудь нашего бывшаго противника, нынѣ уже говорящаго намъ комплименты. Да, странно играетъ судьба дѣлами человѣческими! Могли ли мы ожидать, что сдѣлаемся защитниками Тенгоборскаго и этою защитою будемъ огорчать уважающаго насъ и уважаемаго нами г. И. В—скаго?

Но дѣлать нечего. Надобно защищать Тенгоборскаго, при всемъ нежеланіи нашемъ огорчать г. И. В—скаго.

„Купцы неодинаково располагаютъ своими капиталами“ —ну, да: и общинники неодинаково воздѣлываютъ свои участки, и частные собственники тоже,—но развѣ это мѣшаетъ выводу средней цифры? Одинъ купецъ получаетъ на свой капиталъ 11 процентовъ, другой 9 процентовъ; а въ среднемъ выводѣ, все-таки, оказывается 10 процентовъ. Тенгоборскій правъ. Ни при одномъ выводѣ средней цифры не предполагается, что частныя цифры, изъ которыхъ она выводится, одинаковы: напротивъ, именно потому она и выводится, что онѣ неодинаковы: иначе, не зачѣмъ было бы и называть ее среднею цифрою, показывающею ту величину, около которой колеблются частные случаи.

„Не всѣ купцы одной гильдіи имѣютъ одинаковый капиталъ“ — конечно, что-жъ изъ того? и въ селѣ съ общиннымъ устройствомъ также не всѣ семьи получаютъ совершенно равные участки. Тутъ опять выводится средняя цифра. Одинъ купецъ второй гильдіи торгуетъ на 30,000, другой на 30,000, а средняя цифра, все-таки, 40,000, Тенгоборскій опять правъ.

„У купцовъ различны дарованія“, и т. д. — вы видите, что опять прежняя исторія, опять правъ Тенгоборскій.

„И между купцами второй гильдіи существуютъ люди бѣдные“—что-жъ такое? и между общинниками встрѣчаются люди, которые бываютъ бѣднѣе иного батрака: точно такъ, иной купецъ второй гильдіи бываетъ бѣднѣе иного мѣщанина, а все-таки, купцы второй гильдіи, какъ сословіе, гораздо богаче мѣщанъ, какъ сословія. Противникъ Тенгоборскаго опять возстаетъ противъ средней цифры, а безъ средней цифры невозможна никакая статистическая —не говоримъ уже книга или статья —невозможна даже ни одна фраза. Напримѣръ: „англійскіе работники сильнѣе французскихъ“ —конечно,

не всѣ до одного, иной французъ сильнѣе иного англичанина. Да и не только статистическая, но и никакая мысль невозможна, если мы будемъ обращать вниманіе не на массу, не на среднюю, нормальную величину, а на исключенія. „Человѣкъ имѣетъ на головѣ волоса“ — а развѣ мало на землѣ лысыхъ людей? „Растенія растутъ вершиною къ небу, а корнемъ внизъ“ — а развѣ не случается иногда своду пещеры покрываться мхомъ? въ этомъ случаѣ корень растенія — вверхъ къ небу, а вершина его — къ землѣ, книзу. Да, все-таки, Тенгоборскій правъ.

„Многіе купцы не имѣютъ самостоятельныхъ капиталовъ, а служатъ приказчиками у другихъ — что-жъ изъ того? и между общинниками иные служатъ наемщиками у другихъ домохозяевъ, не имѣя своего хозяйства. — а все-таки, приказчикъ купецъ остается купцомъ, и пока имѣетъ гильдейское свидѣтельство, можетъ начать свою самостоятельную торговлю, лишь только найдетъ возможность къ тому, — это все равно, что членъ общины, хотя и поступилъ въ батраки, все же сохраняетъ свой участокъ, отдаетъ его въ наемъ, значитъ, кромѣ жалованья, имѣетъ нѣкоторый независимый доходъ, значитъ и менѣе порабощенъ хозяину, да и пользуется бо́льшимъ благосостояніемъ, нежели работникъ, неимѣющій своего участка; притомъ же, онъ легче, какъ только позволятъ ему обстоятельства, можетъ самъ сдѣлаться хозяиномъ — у него есть уже участокъ для хозяйства: а батракъ, неимѣющій своего участка, долженъ еще купить или нанять участокъ — очевидно, для послѣдняго труднѣе перейти отъ батрачества къ самостоятельности.

„Въ купечествѣ возможно свое фермерство“ — ну да, точно также, какъ между членами общины, но это исключенія изъ правила. Вообще говоря, все-таки, каждый купецъ торгуетъ подъ своею фирмою, точно также, какъ общинникъ воздѣлываетъ свой участокъ. А если общинникъ достигъ такого благосостоянія, что можетъ снимать на кортому государственныя земли, или купецъ до того, что, кромѣ своихъ торговыхъ дѣлъ, можетъ основывать фабрики и заводы, тѣмъ лучше; дай Богъ всякому, чтобы онъ богатѣлъ и расширялъ кругъ своихъ оборотовъ. Но богатѣть — все-таки участь немногихъ счастливцевъ. Благосостояніе массы возвышается медленно, и, вообще говоря, купецъ занимается торговлею подъ своею фирмою, а общинникъ — воздѣлываніемъ своего участка.

„Торговый классъ имѣетъ своего господина: это городское общество, имѣющее свои доходы“ — ну, это не совсѣмъ такъ; вѣдь и общинники платятъ также часть дохода для покрытія мірскихъ издержекъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они имѣли своего землевладѣльца: разница тутъ, видите ли, въ чемъ: мірскія издержки покрываются двумя или тремя процентами дохода, а англійскій лордъ беретъ себѣ 40 проц.; кромѣ того, отъ самыхъ общинниковъ зависитъ сократить мірскія издержки, а уменьшеніе арендной платы не зависитъ отъ воли фермера и его работниковъ: милордъ беретъ за свою землю какъ можно больше, и никакая сила въ мірѣ не заставитъ его уступить, хотя копѣйку. Наконецъ, и частный собственникъ, милордъ, несетъ мірскія издержки — общинникъ платитъ на содержаніе волостнаго, и т. д. управленія, а милордъ платитъ на расходы по управленію своего графства: стало быть, если изъ счета общинныхъ доходовъ

вычесть мірскія издержки, то изъ доходовъ фермерскаго участка надобно тоже ихъ скинуть; но такъ какъ процентъ здѣсь и тамъ надобно принять одинаковый, то и въ пропорціи между этими доходами разницы не произойдетъ, напримѣръ, 100,000 за вычетомъ 5 процентовъ = 95,000: 60,000 за вычетомъ 5 процентовъ=57,000; сравнивайте первое и третье, или второе и четвертое числа, выводъ будетъ одинъ и тотъ же. Потому-то и не производили мы этого вычета, онъ только растянулъ бы счетъ, не имѣя никакого вліянія на выводъ. Точно такъ и изъ купеческаго дохода Тенгоборскій не вычиталъ городскихъ расходовъ—не одни купцы, а всѣ сословія платятъ налоги и акцизы, стало быть, дѣлать эти вычеты—совершенно лишнее дѣло, когда говорится о сравнительномъ благосостояніи сословій. Тенгоборскій опять таки правъ.

Какъ ни прискорбно намъ сказать что нибудь непріятное г. В. И—скому, который почтилъ насъ своею довѣренностью, прославъ намъ свои замѣчанія на разсчетъ купеческихъ капиталовъ у Тенгоборскаго, но мы должны сказать ему, что эти замѣчанія обнаруживаютъ крайнее пренебреженіе ихъ составителя къ самымъ простымъ и основнымъ статистическимъ понятіямъ и пріемамъ, пренебреженіе, которое можно объяснить только незнаніемъ. Мы совѣтуемъ г. В. И—скому, прославшему намъ замѣчанія на Тенгоборскаго, поучиться у г. И. В—скаго, который, конечно, шутилъ, когда писалъ приведенныя выше замѣчанія противъ насъ, замѣчанія, отвергающія употребленіе среднихъ чиселъ; г. В. И—скій ошибся, принявъ эту шутку г. И. В—скаго за серьезное разсужденіе. Но какъ шутка, замѣчанія г. И. В—скаго очень милы, и мы просимъ его почаще дѣлать такія шутки въ спорахъ съ нами: тогда съ репутаціею ученаго соединитъ онъ и славу остроумца; притомъ же, вызывать его на споры будетъ очень пріятно: вмѣсто того, чтобы спорить, надобно будетъ смѣяться.

Благодаримъ его за веселыя минуты, которыя онъ доставилъ намъ своими прекрасными шутками.

Выписывая прекрасную шутку г. И. В—скаго, мы въ началѣ выпустили изъ нея двѣ строки, не менѣе шутливыя. Вотъ онѣ: „У критика своя метода воззрѣнія, какъ и разбора. Одинъ изъ нашихъ подписчиковъ указалъ уже на его періоды, не нскомые въ историческихъ руководствахъ: мы бы желали указать и на умозаключенія“ и т. д.—Въ „Письмѣ къ редактору“ (въ № 21 „Эконом. Указ.“) г. К. А. дѣйствительно уже возставалъ противъ „изобрѣтеннаго Современникомъ“ дѣленія народной жизни на три періода: періодъ, гдѣ общинное пользованіе землею удобнѣе, періодъ, гдѣ оно имѣетъ свои неудобства, періодъ, гдѣ оно вновь становится необходимостью. Возраженіе противъ этого дѣленія, какъ видимъ, состоитъ въ томъ, что г. К. А. и г. И. В—скій не нашли такого дѣленія въ курсахъ политической экономіи имъ извѣстныхъ, и потому находятъ его непонятнымъ, неосновательнымъ и неопредѣленнымъ. Объ этихъ періодахъ мы будемъ говорить ниже, и тогда увидимъ, что два первые есть въ каждомъ курсѣ политической экономіи, *въ каждомъ курсѣ безъ исключенія*; а третій періодъ указывается *рѣшительно каждымъ трактатомъ* объ агрономіи, и каждымъ изъ тѣхъ новыхъ политико-экономическихъ

сочиненій, которыхъ такъ не любитъ г. И. В—скій; это мы увидимъ послѣ: а теперь объяснимъ г. И. В—скому, по какому случаю не нашелъ онъ въ „печатныхъ руководствахъ" этихъ періодовъ. Онъ, какъ видно, искалъ по оглавленіямъ, да на первыхъ страницахъ, гдѣ показывается общее дѣленіе науки, думая, что вся наука можетъ дѣлиться на періоды по различнымъ историческимъ положеніямъ одного частнаго вопроса. Нѣтъ, такъ не бываетъ: какъ ни важенъ вопросъ о поземельной собственности, онъ все-таки частный вопросъ и не можетъ служить основаніемъ для дѣленія всей науки; это мы пояснимъ г. И. В—скому примѣрами. Хлопчатобумажное производство имѣетъ два періода: до изобрѣтенія бумаго-прядильныхъ машинъ, и со времени ихъ изобрѣтенія. Раздѣломъ между этими періодами служатъ 1770-тые годы. Исторія благородныхъ металловъ имѣетъ три періода: 1) до открытія Америки; 2) до открытія калифорнійскихъ и австралійскихъ розсыпей; 3) періодъ, начинающійся въ наше время открытіемъ этихъ розсыпей. Нѣтъ ни одного „печатнаго руководства", въ которомъ не были бы означены эти періоды; но какъ найти страницу руководства, на которой находится это дѣленіе? Человѣкъ незнающій вообразитъ, пожалуй, что это должно быть въ предисловіи, гдѣ показывается общее дѣленіе науки —а тамъ этого нѣтъ. Забавно здѣсь то, что неудача поисковъ произошла единственно отъ неумѣнья искать въ надлежащемъ мѣстѣ. Умѣйте найти тѣ страницы, на которыхъ говорится о частномъ вопросѣ, для васъ нужномъ, и тамъ вы найдете дѣленіе его исторіи на періоды. Бѣда имѣть дѣло съ людьми, которые не знаютъ даже, какъ найти въ книгѣ ту главу, на которую ссылаешься, говоря съ ними. Мы покорнѣйше просимъ г. И. В—скаго указать намъ хотя одинъ какой-либо трактатъ о политической экономіи, въ которомъ въ главѣ, говорящей о поземельной собственности, не были бы изложены слѣдующія мысли: „Прежде, нежели сдѣлался земледѣльческимъ и осѣдлымъ, каждый народъ былъ кочевымъ племенемъ охотниковъ и пастуховъ. Тогда была невозможна, и была бы разорительна для этого племени, частная поземельная собственность, потому что она отняла бы возможность къ прокормленію стадъ. Потомъ, когда народъ занялся хлѣбопашествомъ, и когда черезъ нѣсколько времени истощенныя предъидущими посѣвами земли стали нуждаться въ удобреніи, частная поземельная собственность стала представлять выгоды передъ общиннымъ владѣніемъ, потому что право навсегда сохранять пользованіе улучшеніями, произведенными на удобряемомъ участкѣ, конечно, ободряетъ земледѣльца къ произведенію улучшеній".

Мы просимъ г. И. В—скаго указать намъ какой ему угодно трактатъ о политической экономіи, и мы непремѣнно найдемъ тамъ для его удовольствія эти мысли; такимъ образомъ онъ убѣдится, что если бы онъ умѣлъ искать, то рѣшительно въ каждомъ трактатѣ нашелъ бы два первые изъ тѣхъ трехъ періодовъ, которыхъ „не могъ отыскать ни въ одномъ печатномъ руководствѣ" единственно по той же причинѣ, по которой иной человѣкъ не можетъ на картѣ Россіи отыскать рѣку Волгу.

Первые два періода въ параллельной исторіи общиннаго владѣнія и поземельной собственности признавались, какъ мы сказали, рѣшительно всѣми безъ исключенія политико-экономическими писателями съ 1776 года, когда

вышло знаменитое сочиненіе Адама Смита „О богатствѣ народовъ“, до 25 мая (ст. стиля) 1857 года, когда въ № 21 „Экономическаго Указателя“ г. К. А. объявилъ, что не принимаетъ этихъ періодовъ. До 1 іюня того же года, онъ оставался единственнымъ человѣкомъ на земномъ шарѣ, отвергающимъ эти періоды, а 1 іюня, въ № 22 „Экономическаго Указателя“, присоединился къ мнѣнію, столь счастливо изобрѣтенному г-мъ К. А., г-нъ И. В—скій. Другихъ прозелитовъ новое ученіе еще не пріобрѣло: но тѣмъ похвальнѣе, тѣмъ благороднѣе и умилительнѣе высокое мужество, съ которымъ гг. К. А. и И. В—скій противятся общему заблужденію всѣхъ своихъ товарищей по наукѣ, въ томъ числѣ даже столь знаменитыхъ по ихъ мнѣнію ученыхъ, какъ Луи Ребо и Жозефъ Гарнье съ братіею.

Относительно существованія двухъ первыхъ періодовъ, всѣ писатели до 25 мая 1857 года были согласны. Не то относительно третьяго періода. Тутъ есть цѣлая школа, именно та школа, къ которой принадлежали бы г. К. А. и г. И. В—скій, если бы умѣли въ политико-экономическихъ трактатахъ пріискивать страницы объ исторіи земледѣлія, —есть цѣлая обширная школа, думающая, что не настали еще ни въ одной изъ европейскихъ странъ и никогда не могутъ настать такія обстоятельства, при которыхъ общинное владѣніе стало бы для успѣховъ земледѣлія выгоднѣе, нежели частная собственность. Другіе политико-экономы, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе ученые, гораздо болѣе даровитые и несравненно болѣе добросовѣстные, думаютъ напротивъ, что такія обстоятельства настали для западныхъ государствъ, и начался третій періодъ, въ которомъ не только для благосостоянія большинства земледѣльцевъ, но и для успѣховъ самого земледѣлія, общинное владѣніе было бы выгоднѣе частной поземельной собственности. Каждый можетъ изъ этихъ двухъ мнѣній держаться того, которое считаетъ справедливымъ; и если бы г. И. В—скій отвергалъ, подобно многимъ французскимъ экономистамъ, только третій періодъ, мы видѣли бы только, что онъ не согласенъ съ нами, но не принуждены были бы думать, что это несогласіе происходитъ отъ совершеннаго незнакомства съ предметомъ, какъ принуждены думать теперь, когда онъ отвергаетъ и два первые періода, между тѣмъ какъ для него было бы выгоднѣе отвергать только третій, защищая второй, который признается благопріятнымъ для частной собственности, —это показываетъ, что въ своихъ возраженіяхъ намъ онъ не руководится даже пониманіемъ собственныхъ выгодъ. При томъ же, еслибъ онъ хотя сколько нибудь зналъ положеніе дѣла, онъ не рѣшился бы отвергать историческихъ фактовъ, столь же несомнѣнныхъ, какъ существованіе кочевыхъ татаръ при Чингисъ-ханѣ и существованіе въ настоящее время осѣдлыхъ казанскихъ татаръ, ихъ потомковъ. Чему уподобить то положеніе, которое онъ принимаетъ въ спорѣ съ нами? Переносимся въ область фантазіи и придумываемъ слѣдующій анекдотъ:

Г-нъ А. выразилъ мнѣніе, что древніе греки были народъ земледѣльческій, въ доказательство сослался на спартанцевъ и аѳинянъ, и попросилъ г-на Б. сказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ; г-нъ Б. съ благороднымъ негодованіемъ возразилъ, что ни спартанцевъ, ни аѳинянъ и никакихъ древнихъ грековъ никогда не бывало на свѣтѣ и что все это нелѣпыя вы-

думки г.-на А. Что теперь подумать о г-нѣ Б.? Можно ли сказать о немъ хотя то, что онъ въ своемъ отвѣтѣ руководился желаніемъ опровергнуть г-на А. и ради этого желанія вздумалъ отвергать несомнѣнные факты? Нѣтъ, очевидно, что положеніе дѣла совершенно не таково: если бы г-нъ Б. желалъ только опровергнуть г-на А., ему было бы не для чего отвергать существованіе аѳинянъ; напротивъ, аѳинянами могъ бы онъ воспользоваться для возраженій своему противнику: аѳиняне были народъ, по преимуществу, торговый, а не земледѣльческій. Для г-на Б. было бы достаточно отвергать спартанцевъ; собственная выгода Б. требовала отъ него не отвергать существованія аѳинянъ. Очевидно, въ своемъ отрицаніи онъ руководился не какимъ нибудь мелочнымъ желаніемъ говорить наперекоръ противнику, очевидно, его отвѣтъ внушенъ ему искреннимъ убѣжденіемъ, что въ самомъ дѣлѣ ни спартанцевъ, ни аѳинянъ и никакихъ древнихъ грековъ на свѣтѣ не существовало. Мы можемъ сомнѣваться въ справедливости этого отвѣта, но должны „преклониться“ (по выраженію г. И. В—скаго) передъ искренностью чувства, внушившаго г. Б. его замѣчательный отвѣтъ.

Ключъ къ пониманію возможности такого отвѣта только одинъ: г-ну Б., до встрѣчи его съ г-мъ А., не случалось слышать о существованіи древнихъ грековъ; а между тѣмъ этотъ г-нъ Б. привыкъ думать о себѣ такъ, какъ думаетъ, въ одной изъ комедій Фонъ-Физина, одна мать о своемъ сынѣ: „чего Митрофанушка не знаетъ, то все пустяки“.— „Чего я, г-нъ Б., не знаю, то все вздоръ и выдумки“.

Итакъ, мы можемъ оставить безъ всякой защиты два первые изъ принимаемыхъ нами періодовъ: защиту ихъ можетъ найти г. И. В—скій въ параграфахъ о земледѣліи или земельной собственности въ любомъ изъ тѣхъ „печатныхъ руководствъ“, въ которыхъ до сихъ поръ напрасно искалъ этой защиты: поиски его были неудачны единственно отъ незнанія, въ какихъ параграфахъ искать нужныхъ ему мѣстъ. Если же и послѣ сдѣланнаго нами указанія онъ не съумѣетъ найти этихъ мѣстъ, мы готовы помочь ему: пусть только назоветъ онъ трактатъ, въ которомъ желалъ бы видѣть подтвержденіе несомнѣннаго факта, что за періодомъ пастушества, когда частная поземельная собственность была не нужна и невозможна, насталъ періодъ земледѣльческаго быта и что, когда съ истощеніемъ почвы понадобилось удобрять ниву, частная поземельная собственность явилась учрежденіемъ, выгоднымъ для успѣховъ земледѣлія. Но нами овладѣвастъ новое сомнѣніе: ну что, если г. И. В—скій не только не зналъ, на какихъ страницахъ книги ему искать, но и не зналъ, въ какихъ книгахъ ему искать? что, если онъ затруднится указать намъ какой бы то ни было трактатъ о политической экономіи, по незнакомству съ литературою этой науки? Мы готовы предупредить это затрудненіе. Общіе трактаты о политической экономіи писали между прочимъ: Адамъ Смитъ, Жанъ Батистъ Сэ, Рикардо, и многіе другіе, о которыхъ смотри въ объявленіяхъ отъ книжнаго магазина Гильйомена, того самаго Гильйомена, у котораго принимается въ Парижѣ подписка на „Экономическій Указатель“. У каждаго изъ этихъ писателей мы можемъ, для удовольствія г. И. В—скаго, найти нужныя ему мѣста о двухъ первыхъ періодахъ исторіи общиннаго владѣнія и поземельной собственности.

Остается сказать о третьемъ періодѣ, который въ самомъ дѣлѣ отвергается довольно многими отсталыми писателями, хотя и изъ самыхъ отсталыхъ писателей нѣкоторые уже принимаютъ его, какъ видѣлъ г. И. В—скій изъ той выписки о совѣтѣ Росси французскимъ земледѣльцамъ, которую привели мы выше. Дѣйствительно, не смотря на многіе примѣры подобныхъ случаевъ что писатели школы Сэ принимали третій періодъ, защитниками его считаются преимущественно экономисты новой школы, и мы должны изложить нѣкоторыя изъ соображеній, по которымъ ихъ мнѣніе кажется намъ справедливо.

Для большей опредѣлительности, мы будемъ говорить о положеніи французскаго земледѣлія.

Въ 1835 году считалось во Франціи болѣе 11 милліоновъ участковъ земли въ частной собственности; изъ этихъ участковъ многіе принадлежатъ одному и тому же владѣльцу, но такъ какъ лежатъ они въ различныхъ мѣстахъ, то обработка каждаго должна производиться отдѣльно. Число собственниковъ, имѣющихъ землю, простиралось во Франціи до 4.100,000 человѣкъ, такъ что почти на каждаго собственника приходилось по три разбросанныхъ участка. Такимъ образомъ, если въ общинномъ владѣніи представляется та невыгода, что во многихъ мѣстахъ наши поселяне дробятъ землю на нѣсколько частей по качеству почвы и потомъ дѣлять каждую изъ этихъ частей особо, такъ что у каждаго домохозяина, вмѣсто одного большаго участка, бываетъ нѣсколько мелкихъ (что, конечно, невыгодно при извѣстныхъ условіяхъ для успѣховъ земледѣлія), то примѣръ Франціи намъ указываетъ, что частная собственность страдаетъ тѣмъ же самымъ неудобствомъ. И не думайте г. И. В—скій, что неудобство это существуетъ во Франціи только въ той степени, какъ выходитъ изъ первой приведенной нами цифры: 11 милліоновъ участковъ во Франціи считается только по спискамъ сборщиковъ податей, а на самомъ дѣлѣ почти каждый записанный у нихъ участокъ (côte) состоитъ въ свою очередь изъ нѣсколькихъ клочковъ (parcelle). Такихъ клочковъ во Франціи считается болѣе 120 милліоновъ, такъ что круглымъ числомъ каждый изъ нихъ имѣетъ величину менѣе нежели въ 1000 квадратныхъ саженъ, немногимъ болѣе, нежели одну третью часть нашей десятины. На каждаго собственника приходится по тридцати такихъ клочковъ. Вѣроятно, самъ г. И. В—скій не скажетъ, чтобы у насъ, при всемъ возможномъ дробленіи полей по качеству земли, приходилось поселянину получать по тридцати разбросанныхъ клочковъ земли.

Таковы-то оказываются на дѣлѣ и почти всѣ другія преимущества частной поземельной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ. Очень легко придумать теорію, что, дескать, каждый частный собственникъ можетъ имѣть всю свою землю въ одномъ участкѣ, а взглянешь на дѣйствительность,—оказывается, что при самомъ безтолковомъ дѣленіи общинная земля не можетъ раздробиться на столько клочковъ, на сколько дробится при частной собственности.

Но величина участковъ и клочковъ неравномѣрна; быть можетъ, всѣ эти десятки милліоновъ клочковъ слагаются изъ ничтожнѣйшихъ, аршинныхъ частичекъ, занимающихъ немного мѣста, не смотря на свою многочислен-

ность, а масса поземельныхъ собственниковъ все-таки владѣетъ довольно округленными участками, довольно значительными для того, чтобы можно было воздѣлывать ихъ плугомъ? И того нѣтъ. Не будемъ уже говорить о клочкахъ (parcelle)—никакая статистика не въ силахъ была обнять и классифицировать этой страшной цифры сто двадцать милліоновъ; французская статистика могла обнять и распредѣлить по величинѣ только участки (côte). Посмотримъ на цифры, представляемыя этими распредѣленіями. Основою классификаціи избрана сумма поземельнаго налога, лежащаго на каждомъ участкѣ. Но такъ какъ извѣстна средняя величина налога, лежащаго на гектарѣ (немного менѣе десятины) земли, то и легко изъ величины налога вывесть среднюю величину участковъ. Гектаръ земли уплачиваетъ во Франціи среднимъ числомъ 5 франковъ. Основываясь на этомъ, мы будемъ выводить среднюю величину участковъ.

Изъ одиннадцати слишкомъ милліоновъ участковъ, только 100,000 участковъ платятъ налогъ въ 300 франковъ или болѣе, то-есть имѣютъ величину въ 60 гектаровъ (около 50 десятинъ), — считая по 11 участковъ на 4 собственника, мы получимъ, что только 36,000 домохозяевъ во Франціи могутъ пользоваться тѣми усовершенствованіями земледѣлія, которыя требуютъ значительнаго размѣра обработываемыхъ полей, —напримѣръ, усовершенствованными плугами и т. п.; само собою разумѣется, что если въ хозяйствѣ менѣе 50 десятинъ, то-есть менѣе 16 десятинъ посѣва (во Франціи пахотныя земли составляютъ нѣсколько менѣе половины всей поверхности земли, и господствуетъ трехпольная система хозяйства, потому изъ 24 десятинъ пахотной земли, 8 десятинъ лежатъ подъ паромъ) - если въ хозяйствѣ менѣе 17 десятинъ посѣва, то у хозяина нѣтъ средствъ, не можетъ быть выгоды въ заведеніи усовершенствованныхъ орудій, которыя дѣйствуютъ выгодно только въ широкихъ размѣрахъ.

Изъ 11 милліоновъ участковъ, $8^1/_2$ милліоновъ платятъ менѣе 20 фр. налога, то-есть имѣютъ менѣе 4 гектаровъ (гораздо менѣе 4 десятинъ земли)—то-есть менѣе двухъ десятинъ запашки во всѣхъ трехъ поляхъ вмѣстѣ. Выгодно ли содержать даже лошадь или пару воловъ для земледѣльческихъ работъ при такомъ размѣрѣ хозяйства? Считая по 11 участковъ на 4 собственниковъ, мы находимъ, поэтому, что изъ 4.100,000 земледѣльцевъ Франціи, болѣе нежели три милліона не имѣютъ выгоды содержать даже лошадь или пару для своего земледѣльческаго хозяйства. Эта выгода принадлежитъ только одному милліону семей изъ шести милліоновъ семействъ французскихъ землевладѣльцевъ.

Изъ этихъ $8^1/_2$ милліоновъ участковъ, $5^1/_4$ милліоновъ платятъ менѣе 5 франковъ налога, то-есть имѣютъ менѣе одного гектара — гораздо менѣе одной десятины. Возможно ли содержать крупный скотъ, возможно ли имѣть хотя соху при такомъ размѣрѣ хозяйства? Итакъ (по 11 уч. на 4 собств.) изъ 4.100,000 землевладѣльцевъ Франціи, почти половина, болѣе 2,000,000, лишена возможности содержать крупный скотъ и обработывать землю, хотя бы сохою. Хорошо это для успѣховъ земледѣлія?

При этомъ разсчетѣ мы предполагали еще, что каждый финансовый участокъ (côte) составляетъ въ самомъ дѣлѣ одинъ участокъ земли,—а на

самомъ дѣлѣ онъ разбитъ на клочки, среднимъ числомъ на 11 клочковъ (parcelles). Но, повторяемъ, не будемъ заниматься этими клочками, съ которыми уже не можетъ совладѣть статистика. Принимая даже цѣльность участковъ (côte), что мы получаемъ? Изъ 4.100,000 землевладѣльцевъ только 36,000, или изъ 110 человѣкъ одинъ, могутъ выгодно заниматься земледѣліемъ, имѣя столько земли въ своемъ хозяйствѣ, сколько нужно для хорошаго плуга или доброй пары рабочихъ лошадей *).

За то болѣе нежели три четверти изъ общаго числа поземельныхъ собственниковъ не могутъ держать и одной лошади для земледѣльческихъ работъ, и половина собственниковъ не могутъ ни держать крупнаго скота, ни вообще заниматься хлѣбопашествомъ на своей землѣ.

Хороша ли картина?

Въ довершеніе ея пріятности остается сообразить, что даже при той страшной степени раздробленности, до какой дошло распаденіе поземельной собственности во Франціи, оно все еще не достигло той степени, чтобы дать каждому земледѣльческому семейству кусокъ земли. Напротивъ, изъ 26.000,000 человѣкъ земледѣльческаго населенія, только 16.000,000 имѣютъ или принадлежатъ къ семьямъ, имѣющимъ поземельную собственность. 10,000,000 человѣкъ земледѣльческаго населенія не имѣютъ никакого участія въ поземельной собственности. Если бы мы захотѣли узнать, до какой степени должна раздробиться земля, чтобы эти пролетаріи земледѣлія могли получить участіе въ землѣ своей родины, землѣ, воздѣлываемой трудами, орошенной потомъ ихъ, мы нашли бы, что это возможно было бы только тогда, когда число участковъ достигло бы 30,000,000, а число клочковъ (parcelles) 330,000,000, — то есть, когда частная собственность во Франціи раздробилась бы на участки, средняя величина которыхъ была бы только $1^1/_2$ гектара (менѣе $1^1/_2$ десятины), и на клочки величиною менѣе, нежели въ одну седьмую часть гектара или около 300 квадратныхъ саженъ. При такой степени раздробленія конечно оказалось бы еще менѣе участковъ, способныхъ вознаградить своею разработкою содержаніе лошади.

Это исчисленіе не лишено интереса для людей, желающихъ, чтобы по возможности уменьшалось во всѣхъ странахъ число пролетаріевъ; а для г. И. В—скаго, не думающаго, чтобы вообще положеніе собственника или домохозяина было выгоднѣе, нежели положеніе наемнаго работника, оно не представляетъ интереса.

Но при всемъ желаніи нашемъ пользоваться его прекрасными указаніями, мы не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ: оно опровергается всѣми французскими и германскими экономистами, да изъ англійскихъ всѣми тѣми, которые не держатся человѣкоубійственной системы Мальтуса. Кромѣ этихъ немногихъ людей, достойныхъ ненависти, если они въ глубинѣ души

*) Собственно говоря, для пары лошадей во Франціи нуженъ участокъ не менѣе какъ въ 60 десятинъ: рабочая пора тамъ продолжительнѣе, нежели у насъ. Потому мы беремъ слишкомъ низкую оцѣнку величины участка для конной обработки, когда считаемъ его величину въ 50 десятинъ: число собственниковъ во Франціи, имѣющихъ выгоду отъ заведенія хорошихъ лошадей, хорошихъ плуговъ, въ дѣйствительности еще менѣе значительно, нежели число, нами принимаемое.

удовлетворяются своими теоріями о необходимости порока и нищеты въ массѣ для счастія избранниковъ судьбы, „нашедшихъ себѣ мѣсто на пиру жизни“,— достойныхъ сожалѣнія, если они, мучась своими человѣкоубійственными мыслями, держатся ихъ потому, что, заблуждаясь, воображаютъ, будто не опровергнута давнымъ давно система Мальтуса,—итакъ, говоримъ мы, кромѣ нѣкоторыхъ англійскихъ мальтусіанцевъ, людей осталыхъ отъ движенія науки, всѣ другіе политико-экономы (даже фаланга послѣдователей Сэ, мнѣнія которой раздѣляются г. И. В—скимъ) думаютъ, что чѣмъ болѣе собственниковъ находится въ государствѣ, тѣмъ болѣе благоденствуетъ и государство и большинство населенія; что положеніе собственника гораздо выгоднѣе, нежели положеніе пролетарія; что потому система французскихъ законовъ собственности и наслѣдства, допускающая къ полученію недвижимой собственности наибольшее число людей, есть величайшее благо изъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыми обязана Франція своей новой исторіи; наконецъ, что положеніе массы земледѣльцевъ во Франціи лучше, нежели въ Англіи.

Потому мы оказываемъ большую снисходительность къ г. И. В—скому, когда для примѣра и доказательства своихъ мнѣній выбираемъ Францію, а не Англію, изъ двухъ западныхъ государствъ, о которыхъ мы говорили въ нашей первой статьѣ, что для нихъ насталъ уже третій періодъ поземельной собственности, что уже живо чувствуется въ нихъ потребность общинной обработки земли. Если г. И. В—скій, съ обычнымъ своимъ искусствомъ выражать недовольство нашими примѣрами и разсчетами, чтобы получить взамѣнъ прежнихъ снисходительныхъ, новые, гораздо лучше свидѣтельствующіе въ пользу нашего мнѣнія (мы уже замѣтили, что онъ собственно только для шутки говоритъ, будто хочетъ опровергать наше мнѣніе, а въ самомъ дѣлѣ заботится о его подтвержденіи, — иначе его возраженія не были бы придуманы такъ, что каждое изъ нихъ оказывается источникомъ новыхъ и сильнѣйшихъ доказательствъ въ подтвержденіе нашего мнѣнія), если г. И. В - скій требуетъ, чтобы мы вмѣсто Франціи заговорили объ Англіи, положеніе землевладѣльцевъ въ которой гораздо сильнѣе свидѣтельствуетъ въ нашу пользу, то мы для его удовольствія поговоримъ и объ Англіи. Но обиліе и сила доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія таковы, что совершенно достаточную опору представляютъ уже и наименѣе рѣзкія изъ нихъ, и мы хотимъ ограничиваться этими наименѣе рѣзкими, приберегая еще болѣе сильныя на тотъ случай, если бы пришлось намъ вести борьбу съ противникомъ болѣе свѣдущимъ и логичнымъ, нежели г. И. В—скій.

Итакъ, мы ограничиваемся Франціею, и представленнымъ выше цифрамъ о величинѣ участковъ, на которые раздробилась частная собственность въ рукахъ огромнѣйшаго большинства землевладѣльцевъ, противопоставляемъ напоминаніе о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ уже нынѣ техника для производства земледѣльческихъ работъ и удобренія земли.

Хлѣбопашественный процессъ распадается на пять слѣдующихъ главныхъ частей (не начнетъ ли и противъ этого кричать г. И. В—скій — вѣдь и этихъ фактовъ нѣтъ въ оглавленіяхъ и предисловіяхъ политико-экономическихъ трактатовъ, — они могутъ быть отысканы только въ самыхъ книгахъ, а не на заглавныхъ листкахъ)—

1. Орошеніе и осушеніе земли.
2. Удобреніе земли.
3. Пашня и посѣвъ.
4. Жатва и уборка.
5. Молотьба.

Посмотримъ теперь, какой размѣръ полей требуется для того, чтобы земледѣлецъ могъ воспользоваться средствами, какія предлагаетъ ему современная техника для усовершенствованнаго производства. Мы будемъ говорить только о размѣрѣ полей, а не о капиталахъ — дѣло извѣстное, что безъ капиталовъ невозможно улучшеніе, и что мелкій землевладѣлецъ не можетъ имѣть порядочнаго капитала; но и съ капиталами невозможно улучшенное производство при маломъ размѣрѣ хозяйства, какъ видимъ изъ слѣдующаго:

1) Работы по орошенію и осушенію почвы могутъ производиться только въ большихъ размѣрахъ, на сотняхъ, или, ужъ тѣсно, тѣсно на десяткахъ, а не на единицахъ и дробяхъ десятины.

2) Удобреніе земли требуетъ усиленнаго скотоводства, которое невозможно безъ искусственнаго луговодства,—а это въ свою очередь необходимо требуетъ работъ для орошенія почвы.

3) Жатва и уборка хлѣба.—Экономично производится она нынѣ уже не руками человѣка, а жатвенными машинами, — въ ихъ существованіи и выгодности не сомнѣвается даже г. И. В—скій. А жатвенная машина требуетъ для своего дѣйствія сотни десятинъ, иначе не стоитъ заводить ее: на какихъ нибудь двадцати десятинахъ, разумѣется, не окупятся издержки покупки и содержанія.

4) Молотильныхъ машинъ тоже не отвергаетъ г. И. В—скій; онѣ также требуютъ сотни возовъ хлѣба, то есть многіе десятки десятинъ для своего дѣйствія.

5) Наконецъ важнѣйшая и труднѣйшая операція всего процесса — паханіе земли, нынѣ самымъ экономическимъ образомъ производится уже не сохою, которой нужны единицы, даже не плугомъ съ лошадьми или волами, которому нужны однако же уже не единицы, —нѣтъ, техника пароваго плуга усовершенствована уже до того, что онъ и въ настоящемъ своемъ видѣ есть не только самое благотворное для послѣдующаго сбора (по глубинѣ пропашки), но и самое экономическое (для Западной Европы) средство пахотной работы. Этого нововведенія, которое уже одно само по себѣ должно столь же радикально измѣнить характеръ хлѣбопашественнаго хозяйства, какъ желѣзныя дороги измѣняютъ характеръ сухопутнаго движенія,—и не подозрѣваетъ г. И. В—скій. Мы предвидимъ, что онъ уже готовъ закричать на насъ: „паровой плугъ - это мечта, это вздоръ, это фантазія необузданнаго вашего воображенія!“ - - Поэтому мы для отвращенія отъ себя его гнѣва предлагаемъ слѣдующія выписки изъ „Земледѣльческой Газеты“ нынѣшняго года:

„Не смотря на то, что переносныя паровыя машины (для паханія земли) находятся, можно сказать, еще въ дѣтствѣ, онѣ нашли уже множество примѣненій въ сельскомъ хозяйствѣ Англіи. Къ числу важнѣйшихъ изъ такихъ примѣненій принадлежитъ переносная, перевозимая въ родѣ локомотивовъ машина Виллиса (Willis), Бойделя

(Boydell), паровой плугъ Эсхера (Usher), разныя орудія для обработки земли и наконецъ паровыя молотильныя и другія машины. Переходъ отъ употребленія животной рабочей силы къ машинамъ, равно какъ и постепенныя усовершенствованія и успѣхи, начиная отъ употребленія въ работу лошадей до примѣненія паровъ, составляютъ не только важный, но и весьма любопытный предметъ. Способы, предлагаемые механиками для примѣненія силы паровъ къ обработкѣ земли, весьма разнообразны. Одни пробовали приводить машиною въ вращательное движеніе рядъ ножей, имѣющихъ форму плужныхъ лемеховъ и насаженныхъ на барабанъ; другіе пытались двигать ею опредѣленное число лопатъ или другихъ подобныхъ орудій сперва въ вертикальномъ направленіи, при чемъ послѣднія проникаютъ на извѣстную глубину въ почву, и вслѣдъ за тѣмъ придавать имъ боковое движеніе, которымъ земля откидывалась бы въ сторону или назадъ; наконецъ приспособили переносную машину къ передвиженію съ одного мѣста на другое, на подобіе локомотивовъ, словомъ, сдѣлали ее локомобильною и прицѣпили къ ней извѣстное число плуговъ и боронъ. Паровой плугъ Фоулера (Fowler), благодаря неутомимымъ стараніямъ изобрѣтателя, постоянно трудящагося надъ усовершенствованіемъ отдѣльныхъ частей машины, пріобрѣтаетъ, мало-по-малу, мѣсто въ сельско-хозяйственной практикѣ. При произведенномъ недавно опытѣ, вспахано машиною въ 8—9 лошадиныхъ силъ въ продолженіе короткаго зимняго дня $1^1/_4$ дес. Длина проволочнаго каната была $^1/_2$ англ. мили; машины приводили въ дѣйствіе одновременно 3 плуга, управленіемъ которыхъ были заняты пять человѣкъ; кромѣ того необходимъ еще одинъ работникъ съ лошадью для постояннаго подвоза воды. Паханіе пространства въ $^1/_4$ десятины на глубину $5^1/_2$ дюймовъ обходится при нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и очень тяжелой почвѣ въ 2 р. 25 к., включая сюда и расходъ на поправку и передвиженіе машины, которое необходимо по прошествіи каждыхъ четырехъ дней. При благопріятныхъ условіяхъ эта же работа обходится, по словамъ Фоулера, на тяжелой почвѣ въ 1 р. 20 к., а на легкой въ 90 к. На одной изъ фермъ принца Альберта этотъ плугъ вспахалъ такое же пространство на 10 дюймовъ глубины за 45 к. сер. Почти въ такую же цѣну обходится и паханіе лошадьми, но работа пароваго плуга, по словамъ очевидцевъ, выходитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удовлетворительнѣе. Такъ какъ изобрѣтеніе это еще находится въ дѣтствѣ, то съ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ цѣны эти, безъ всякаго сомнѣнія, еще болѣе понизятся". („Земледѣльческая Газета" № 35, стр. 274).

Вотъ другое извѣстіе о плугѣ Фоулера:

„Хотя испытаніе жатвенныхъ машинъ было главною цѣлію этого торжества (конкурса для машинъ въ Чельмсфордѣ), но проба пароваго плуга составляла любопытнѣйшую часть программы и привлекла наибольшее участіе зрителей. Фишеръ Гоббсъ обѣщалъ, что одно изъ его полей, на которомъ утромъ, 14 августа, волновалась превосходная пшеница, будетъ къ вечеру сжато, вспахано, взбороновано, удобрено и засѣяно. Это обѣщаніе было дѣйствительно исполнено. Пшеница была срѣзана жатвенными машинами, убрана въ скирды, часть ея вымолочена, провѣяна, перемолота въ муку, изъ которой спеченъ хлѣбъ, поданный собранію присяжныхъ и гостей въ тотъ же вечеръ; въ тотъ же день это поле было вспахано паровымъ плугомъ, взбороновано и засѣяно. Паровой плугъ Фоулера дѣйствовалъ такъ удачно, что сельскіе хозяева, которыхъ мнѣніе имѣетъ рѣшительный вѣсъ въ Англіи, объявили, что для нихъ задача обработки земли посредствомъ пара—рѣшена. Разсматривая это превосходное изобрѣтеніе, присутствовавшіе при опытахъ не знали, чему болѣе удивляться — простотѣ машины или превосходству и правильности произведенной ею работы; она движется такою силою, которая дѣлаетъ доступною глубокую вспашку; притомъ работа идетъ быстро ($^1/_2$ десятины въ часъ) и обходится дешево, ибо часовая работа 20 лошадей замѣняется 3 пудами каменнаго угля. Все это въ высшей степени заслуживаетъ вниманія сельскихъ хозяевъ". („Земледѣльческая Газета" № 8, стр. 60).

И не надобно думать, что это все еще ученые опыты, а практика въ обширныхъ размѣрахъ когда то еще начнется — она уже начинается:

„Изобрѣтатели паровaго плуга, братья Барратъ, учредили недавно въ Парижѣ общество съ капиталомъ въ мильонъ франковъ (250,000 руб. серебромъ). Это „Общество паровыхъ земледѣльческихъ работъ“ будетъ заниматься разработкою земель въ большомъ видѣ и на большихъ пространствахъ: нѣтъ сомнѣнія, что при хорошемъ устройствѣ и организаціи оно принесетъ немаловажную пользу какъ Франціи, такъ и Англіи. Одно, что заставляетъ бояться за успѣхъ общества — это недостатокъ въ рѣшимости участія въ немъ капиталовъ, а потому медленное составленіе ихъ. Къ несчастію, во Франціи неохотно пускаютъ капиталы въ земледѣліе, предпочитая легкіе биржевые обороты или фабричныя производства, и хотя жизненные припасы есть важнѣйшая потребность человѣческаго существованія, и потребленіе ихъ увеличивается все болѣе и болѣе, но способы возлѣлыванія остаются безъ развитія. А потому весьма желательно, чтобы „Общество паровой обработки земли“ имѣло успѣхъ въ своемъ предпріятіи. Тутъ идетъ дѣло объ общемъ интересѣ, вслѣдствіе чего оно имѣло всегда за себя всѣхъ агрономическихъ писателей и лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ. Такъ на одномъ изъ послѣднихъ собраній Общества сельскаго хозяйства въ Парижѣ, президентъ его, г. Дарблей старшій, объявляя присутствующимъ объ образованіи братьями Барратъ Общества паровой обработки земли, изъявилъ свое горячее участіе и желаніе въ успѣхѣ этого предпріятія“. („Земледѣльческая Газета“ № 13, стр. 97).

Будетъ ли это общество имѣть коммерческій успѣхъ или не будетъ, все равно: если не получитъ успѣха, причиною тому будетъ пренебреженіе капиталистовъ къ земледѣлію, ради биржевыхъ спекуляцій, а не неустойка со стороны агрономической техники: паровой плугъ уже доказалъ, что онъ и лучше и экономичнѣе другихъ способовъ паханія для Франціи и Англіи. Впрочемъ, и пренебреженіе капиталистовъ не въ силахъ задержать надолго его успѣхи: паровыя машины для паханія земли уже входятъ въ употребленіе во Франціи:

„Небольшія подвижныя паровыя машины, употребленныя для сельскихъ работъ первоначально англійскими помѣщиками, нынѣ значительно распространились за границею во Франціи и Германіи и между небогатыми фермерами. Сосредоточеніе въ небольшомъ пространствѣ значительной силы и удобность переносить движитель туда, гдѣ предстоитъ въ немъ надобность, суть главныя преимущества этихъ машинъ, въ особенности важно послѣднее, допускающее пользоваться паровою силою и тѣмъ изъ земледѣльцевъ, которые или не въ состояніи обзавестись машиною, или, по незначительности работъ въ своемъ хозяйствѣ, не находятъ это обзаведеніе для себя выгоднымъ. Во Франціи, въ особенности въ западныхъ департаментахъ, нынѣ часто встрѣчаются промышленники, которые, купивъ подвижную паровую машину, разъѣзжаютъ съ нею по деревнямъ, предлагая работу ея земледѣльцамъ за умѣренную плату.

„Касательно введенія у насъ паровыхъ машинъ для исполненія сельскихъ работъ, можно замѣтить, что наше земледѣліе не достигло еще той степени развитія или усовершенствованія, при которой употребленіе ихъ становится выгоднымъ и даже необходимымъ. Есть конечно и другія причины, препятствующія или ограничивающія употребленіе паровыхъ машинъ для сельскихъ работъ въ настоящее время: но ни эти причины, ни теперешнее положеніе нашего сельскаго хозяйства не будутъ же существовать вѣчно. Напротивъ, съ постояннымъ улучшеніемъ путей сообщенія, а въ особенности по устроеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ, надо ожидать, что существующіе способы производства сельскихъ работъ, вслѣдствіе ускоренія торговыхъ сношеній, измѣнятся. Ручное производство этихъ работъ, или исполненіе ихъ животною силою—лошадьми или волами, рано или поздно, должны будутъ уступить паровой силѣ и исполнительнымъ машинамъ, единственно вслѣдствіе медленности совершаемыхъ ими работъ.

„Напоминая настоящею статьею многимъ изъ читателей „Земледѣльческой Газеты“ о распространеніи подвижныхъ паровыхъ машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ за границею, а другихъ знакомя съ этими машинами, мы должны сказать, что машины

эти у насъ почти неизвѣстны, а потому не можемъ привести сравненіе выгодности или невыгодности напримѣръ, предъ работою животными. Замѣтимъ, что если покупка такой машины не можетъ окупиться при небольшомъ хозяйствѣ, то въ большомъ имѣніи, намъ кажется, и въ настоящее время паровая машина не причинитъ убытка". („Земледѣльческая Газета" № 58, стр. 457—468).

Вы сомнѣваетесь за Францію—видите, не то что во Франціи, и у насъ можно бы приняться за паровые плуги. Здѣсь мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе: мы уже много разъ должны были совѣтовать г. И. В—скому расширить кругъ своего чтенія; и теперь повторимъ тоже: вотъ и не Богъ знаетъ какой недоступный журналъ „Земледѣльческая Газета", а видно, что г. И. В—скій не знакомъ съ этимъ изданіемъ. А это знакомство уже одно само по себѣ предохранило бы его отъ многихъ заблужденій. Не говоримъ уже о томъ, что онъ тогда не отвергалъ бы потребности общиннаго владѣнія землею во Франціи; онъ, вѣроятно, не утверждалъ бы тогда, что лѣса вырубаются только въ Россіи, потому, дескать, что находятся въ общинномъ владѣніи (будто мало въ Россіи частныхъ лѣсовъ, и будто не вырубаются они гораздо быстрѣе и безразсчетнѣе общинныхъ или казенныхъ). Чтобы сколько нибудь оживить разнообразіемъ свою статью и чтобы расширить лѣсохозяйственныя свѣдѣнія г. И. В—скаго, мы приведемъ изъ „Земледѣльческой Газеты" свидѣтельство о томъ, что, напримѣръ, въ Пруссіи частные земледѣльцы вырубаютъ свои лѣса точно также, какъ и наши помѣщики.

„Прусское правительство сочло нужнымъ предложить на обсужденіе сельско-хозяйственныхъ обществъ вопросъ: необходимо ли принятіе законодательныхъ мѣръ для засаживанія сыпучихъ песковъ и для уменьшенія вредныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ дурнаго лѣснаго хозяйства. Замѣчено, что въ послѣднее время во многихъ частяхъ государства число лѣсовъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, стало уменьшаться съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ этимъ увеличилось и пространство земель, состоящихъ изъ сыпучихъ песковъ". („Земледѣльческая Газета" 1857 г. № 45, стр. 356).

Укротите же вашъ гнѣвъ противъ общиннаго владѣнія, г. И. В—скій: вовсе не оно источникъ тѣхъ бѣдъ, о которыхъ вы сожалѣете; знаете ли даже? вѣдь и фермерство не спасаетъ отъ нихъ: и въ Англіи, при совершеннѣйшемъ развитіи частной поземельной собственности, и при системѣ фермъ, водятся такіе землевладѣльцы, которые вырубаютъ лѣса, какъ вы убѣдитесь, взглянувъ на 58 страницу „Земледѣльческой Газеты". Тамъ вы прочтете слѣдующее:

„Въ Англіи и Шотландіи находятся большія пространства земель, когда-то покрытыя густымъ лѣсомъ, въ настоящее же время опустошенныя и не приносящія никакого дохода..."

О, ужасъ! На кого, скажите, можно положиться въ нынѣшнемъ вѣкѣ? Мы надѣялись было на англо-шотландскаго лорда, съ его майоратомъ: вотъ, мы думали, почтенный частный собственникъ, возлюбленный сердца нашего! Онъ бережетъ свои лѣса, воздѣлываетъ землю, какъ нельзя лучше, при помощи своихъ фермеровъ,—онъ вводитъ всевозможныя улучшенія,—и что же?—о, какая измѣна! Онъ, безстыдникъ, продаетъ на вырубку свои рощи! А что касается до его заботливости объ улучшеніи земель, мы не знаемъ, на сколько сохранилось бы у васъ, г. И. В—скій, расположенія къ англій-

скому лорду, если-бы вы знакомы были съ Адамомъ Смитомъ. Какъ вамъ понравится, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ Адама Смита:

„Большой землевладѣлецъ (говоритъ онъ объ англійскихъ лордахъ) рѣдко бываетъ большой улучшатель земли. Въ средніе вѣка, большой землевладѣлецъ былъ занятъ исключительно заботою расширить свои владѣнія и защищаться противъ сосѣдей. Ему недосугъ было подумать объ улучшеніяхъ земли. Когда водвореніе порядка и законности дало ему этотъ досугъ, рѣдко была у него къ тому охота, и почти никогда не было качествъ, нужныхъ для такого занятія. Его личные и домашніе расходы поглощали или даже превышали его доходъ,—чаще всего бывало послѣднее,—и гдѣ же при этомъ нашелся бы у него капиталъ, нужный для улучшеній? Если характеръ у него былъ экономный, онъ вообще находилъ выгоднѣйшимъ употреблять свои избытки на пріобрѣтеніе новыхъ земель, нежели на улучшеніе старинныхъ владѣній. Чтобы съ выгодою заниматься земледѣльческими оборотами, нужна, какъ при всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, величайшая заботливость о малѣйшихъ выгодахъ и малѣйшихъ сбереженіяхъ, а къ этому рѣдко бываетъ способенъ человѣкъ, рожденный въ богатствѣ, хотя бы имѣлъ по натурѣ наклонность къ экономіи. Положеніе такого человѣка скорѣе располагаетъ его заняться украшеніями, льстящими его фантазіи, нежели думать о барышахъ,—вѣдь онъ не нуждается въ деньгахъ. Богатство костюма, квартиры, экипажа, меблировки— вотъ предметы, о которыхъ съ дѣтства привыкъ онъ заботиться. Замашка, которую пріобрѣли его мысли отъ такой привычки, оказывается и управляетъ имъ и тогда, когда онъ пріймется улучшать свои земли. Онъ украситъ, быть можетъ, 400 или 500 экровъ около своего дома, израсходовавъ на то въ десять разъ больше, чѣмъ будетъ послѣ того стоить участокъ этотъ со всѣми своими украшеніями, и видитъ, что если-бы вздумалъ онъ производить такое улучшеніе на всемъ пространствѣ своихъ земель, то обанкрутился бы прежде, нежели исполнилъ бы десятую часть такого предпріятія. Есть до сихъ поръ въ Англіи большія помѣстья, со временъ феодальной анархіи непрерывно остававшіяся въ рукахъ одной фамиліи. Надобно только сравнить настоящее положеніе этихъ помѣстій съ участками мелкихъ сосѣднихъ собственниковъ, чтобы безъ всякихъ другихъ доказательствъ уже оцѣнить, какъ мало благопріятствуютъ успѣхамъ земледѣлія обширныя вадѣнія“.

Мы боимся, что Адамъ Смитъ подвергнется сильному окрику отъ г. И. В—скаго. Вы невѣжда, вы не имѣете понятія о политической экономіи, г. Смитъ, прикрикнетъ на бѣдняка г. И. В—скій: понимаете ли вы, что вы дѣлаете? Вы даете оружіе противъ частной поземельной собственности приверженцамъ общиннаго владѣнія!

Но мы успокоимъ гнѣвъ г. И. В—скаго противъ Адама Смита замѣчаніемъ, что съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Адамъ Смитъ, англійскіе лорды измѣнились довольно значительно къ лучшему: многіе изъ нихъ заботятся объ агрономическихъ улучшеніяхъ, иные даже знаютъ и толкъ въ этомъ дѣлѣ. Потому г. И. В—скій можетъ не лишать ихъ своей благосклонности. Но въ замѣнъ того, пусть онъ не считаетъ и общинниковъ людьми неисправимыми: было время, лорды собственники не улучшали земель; пришла надобность и возможность улучшеній—стали улучшать. Точно такъ и наши общинники (подобно нашимъ частнымъ собственникамъ-помѣщикамъ) не заботятся о такихъ улучшеніяхъ, какъ англійскіе фермеры,—прійдетъ время, и будутъ заботиться. Тутъ разница между Россіею и Англіею зависитъ вовсе не отъ общиннаго владѣнія, а совершенно отъ другихъ обстоятельствъ. Доказательство тому у каждаго изъ насъ на глазахъ: хлѣбопашественныя хозяйства по принципу частной собственности идутъ у насъ ни на волосъ не лучше (напротивъ, хуже, если принять въ соображеніе пропорцію средствъ),

нежели хозяйства общинниковъ, и дѣльныхъ улучшеній въ первыхъ вы увидите ни чуть не больше, нежели въ послѣднихъ.

Ужели въ самомъ дѣлѣ такъ? А какъ же бы вы думали,—справьтесь только съ „Экономическимъ Указателемъ", и узнаете это. Вотъ вамъ и примѣръ.—Г. И. В—скій воображаетъ, что плодосмѣнная система—единственная раціональная система, что она повсюду введена въ Западной Европѣ, что трехпольное хозяйство остается только въ Россіи, и единственно только общинное владѣніе землею мѣшаетъ у насъ водворенію плодосмѣнной системы: по этой причинѣ онъ преимущественно и нападаетъ на него: неудобно, говоритъ онъ, разводить вику и сорго при общинномъ владѣніи, а вика и сорго для насъ важнѣе пшеницы и овса, который сѣютъ безтолковые общинники, не понимая необходимость замѣнить пшеницу турнепсами, овесъ соргомъ, а рожь чуть ли не георгинами. Да, г. И. В—скій особенно жестокъ къ общинному владѣнію за то, что имъ замедляется введеніе плодоперемѣннаго хозяйства; у частныхъ собственниковъ, говоритъ онъ, не такъ: плодоперемѣнная система вводится въ ихъ хозяйствахъ безъ всякихъ задержекъ и замедленій. Прекрасно. Послушаемъ же теперь, что говоритъ въ „Экономическомъ Указателѣ" одинъ изъ сотрудниковъ г. И. В—скаго. Этотъ корреспондентъ, живущій въ Подоліи, г. Гейсманъ, одинаково съ г. И. В—скимъ плодоперемѣнную систему считаетъ единственнымъ порядочнымъ способомъ хозяйства и радъ былъ стереть съ лица земли трехпольное хозяйство:

„Подъ именемъ прогресса (говоритъ онъ) я разумѣю постепенное, но безостановочное устраненіе убійственной для земли и неблагопріятной по своимъ результатамъ трехпольной системы и замѣненіе ея плодосмѣнною. Что вы думаете, какъ далеко Подолія ушла до сихъ поръ на этомъ поприщѣ? Повѣрите ли, что здѣсь существуетъ всего, на 2000 помѣщичьихъ имѣній—ну, угадайте сколько? 100, 50, 20, ну пять? нѣтъ; ну два? нѣтъ—однимъ одно плодосмѣнное хозяйство. Виноватъ, дѣйствительно два, принадлежащія двумъ помѣщикамъ; но дѣло въ томъ (и очень характеристическое дѣло), что одинъ помѣщикъ завелъ его въ имѣніи своего сосѣда безъ его вѣдома и въ его отсутствіе. Маіоръ Калокиръ Сулѣцицкій есть первый, и покамѣстъ единственный въ здѣшней губерніи славянинъ, который завелъ въ своемъ имѣніи Хржановкѣ плодосмѣнное хозяйство. („Эконом. Указат." № 3, стр. 56)".

Ну, что же хорошаго будетъ, если мы уничтожимъ общинное владѣніе, потому что оно мѣшаетъ намъ сѣять вику, а потомъ и окажется, что бывшіе общинники, ставъ частными собственниками, получили ровно столько же охоты къ сѣянію вики, сколько этой охоты у подольскихъ частныхъ собственниковъ? Изъ двухъ тысячъ частныхъ собственниковъ, въ кои-то вѣки одинъ завелъ плодосмѣнное хозяйство, а остальные 1,999 частныхъ собственниковъ смѣются надъ нимъ,—прекрасно, давайте же кричать, что надобно уничтожать общинное владѣніе, потому что, дескать, общинники не сѣютъ кормоваго горошка, а частные собственники сѣютъ! Милостивый государь, изъ 2,000 общинниковъ также вѣроятно найдется хотя одинъ такой, который сѣетъ вашъ любимый кормовой горошекъ.

Если-бы г. И. В—скій читалъ иностранныя книги, онъ избавился бы многихъ ошибокъ, сказали мы сначала; потомъ увидѣли, что еслибъ онъ даже не читалъ иностранныя книги, а умѣлъ только справляться съ ними, и то избавился бы отъ многихъ ошибокъ; потомъ увидѣли мы, что не

зачѣмъ ужъ говорить объ иностранныхъ книгахъ,—еслибъ онъ читалъ хотя „Земледѣльческую Газету“, и то было бы для него ужъ большое спасенье; теперь видимъ, что куда ужъ говорить о чужихъ журналахъ,- если-бъ онъ зналъ хотя то, что печатается въ его собственномъ журналѣ, въ „Экономическомъ Указателѣ“, и въ переведенныхъ имъ книгахъ Тенгоборскаго, и то ужъ было бы для него большимъ выигрышемъ. Вотъ, еслибъ онъ зналъ, что говоритъ его подольскій корреспондентъ въ „Экономическомъ Указателѣ“, онъ не сталъ бы думать, будто введеніе плодосмѣннаго хозяйства хотя на волосъ замедляется общиннымъ владѣніемъ. А еслибъ онъ помнилъ, что говоритъ переведенный имъ Тенгоборскій о трехпольномъ хозяйствѣ во Франціи (гдѣ господствуетъ исключительно частная собственность въ хлѣбопашествѣ), онъ не сталъ бы воображать, что частная собственность можетъ хотя на волосъ ускорить распространеніе плодосмѣнной системы:

У Тенгоборскаго, на стр. 50-й перваго тома парижскаго изд. 1854 г., есть слѣдующая таблица воздѣлываемыхъ земель во Франціи:

1) Засѣянныя хлѣбомъ поля	13,900,262	гектара.
2) Виноградники	1,972,340	„
3) Различныя другія растенія	3,442,139	„
4) Паромъ.	6,763,281	„

Замѣчаете ли вы хотя теперь, г. И. В—скій, какое употребленіе хотимъ мы сдѣлать изъ этой таблицы?

Предчувствуемъ, судя по размѣру свѣдѣній о земледѣліи, уже доказанному нами, что еще не замѣчаете.

Ну, такъ вотъ вамъ и разгадка, г. И. В—скій:

При трехпольномъ хозяйствѣ, на каждый гектаръ, лежащій подъ паромъ, приходятся два гектара подъ посѣвомъ. Теперь, потрудитесь вычесть двойную 4-ю цифру таблицы изъ 1-й цифры,—или нѣтъ, лучше мы сдѣлаемъ это, чтобы не утруждать васъ такими мудреными задачами.

6,763,281
× 2

13,526,562

эта послѣдняя цифра и есть цифра гектаровъ, принадлежащихъ трехпольному хозяйству въ засѣянныхъ поляхъ. Вычтемъ же ее изъ первой цифры:

13,900,262
— 13,526,562

373,700

остатокъ — 373,700 гектаровъ — и есть все количество, воздѣлываемое во Франціи не по системѣ трехпольнаго хозяйства. Каковъ сюрпризъ для васъ? Попросите, г. И. В—скій, кого нибудь провѣрить этотъ разсчетъ—а то вы опять закричите, что онъ фантастиченъ и голословенъ.

Провѣрили? вѣрно? Да, вѣрно.

И такъ: въ теченіе многихъ вѣковъ преобладая во Франціи, система частной собственности имѣла результатомъ введеніе плодосмѣнной системы

на 373,700 гектарахъ изъ 20,663,543 гектаровъ, иначе сказать: благотворное вліяніе частной поземельной собственности на введеніе плодосмѣнной системы таково, что въ теченіе пяти или шести вѣковъ плодосмѣнная система распространяется на одну пятьдесятъ-пятую часть распахиваемыхъ земель, а на остальныхъ пятидесяти-четырехъ изъ пятидесяти-пяти частей продолжаетъ себѣ преспокойно упражняться трехпольное хозяйство.

Послѣ этого вы можете утверждать, что у насъ, еслибъ не общинное владѣніе, быстро расширилась бы по всѣмъ пашнямъ плодосмѣнная система. Дѣйствительно, судя по примѣру Франціи, мы непремѣнно должны уничтожить общинное владѣніе, и тогда вѣрно насладимся прелестями плодосмѣнной системы, по такому прогрессу: уничтожаемъ (въ сентябрѣ 1857 г.) общинное владѣніе и—о, радость, о восторгъ!—черезъ 500 лѣтъ, въ сентябрѣ 2357 года—будемъ имѣть по примѣру Франціи одну пятьдесятъ пятую часть своей пахотной земли съ плодосмѣннымъ хозяйствомъ! à bas общинное владѣніе! vive частная собственность! Она подвинетъ насъ въ 500 лѣтъ на одну пятьдесятъ пятую часть черепашьина шага ближе къ великой цѣли!

Если-бы вы знали или понимали цифры, находящіяся въ переведенной вами книгѣ Тенгоборскаго, вы не стали бы воображать, что именно частная поземельная собственность развиваетъ плодоперемѣнную систему или что общиннымъ владѣніемъ поддерживается трехпольная система. Развитіе одной, закоснѣлость въ другой зависятъ отъ причинъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ тому или другому принципу поземельнаго владѣнія. Сравните Англію и Францію—тамъ и здѣсь владычествуетъ частная собственность; откуда же въ Англіи успѣхи земледѣлія, которыхъ нѣтъ во Франціи? Въ Англіи прочный законный порядокъ, котораго никто не осмѣливается и никто не желаетъ нарушать, потому что мирнымъ путемъ законнаго требованія и пренія торжествуетъ всякая сознанная обществомъ потребность; во Франціи этого нѣтъ, тамъ какъ ни ясно сознавай общество, какъ ни разумно доказывай оно необходимость реформы, реформа достигается только насильственнымъ путемъ,—вотъ главное различіе. Изъ него проистекаютъ всѣ остальныя. Не одна плодоперемѣнная система порождена въ Англіи мирнымъ владычествомъ закона и справедливости—имъ порождено и внѣшнее могущество Англіи, и честность отдѣльнаго лица въ каждомъ званіи, отъ министра до мелкаго лавочника, отъ герцога до поденьщика; и неутомимое трудолюбіе (никто не отниметъ трудоваго достоянія), и прочное довѣріе къ своимъ силамъ, основа всякой предпріимчивости (никто не терпитъ обидъ, никто никого не боится: всѣ уважаютъ другъ въ другѣ права и законъ и ожидаютъ другъ отъ друга такого же уваженія), отсюда же и развитіе городовъ, и фабрики, и торговля, и вслѣдствіе всего этого, возможность съ выгодою прилагать капиталъ къ земледѣлію. Вотъ въ чемъ секретъ плодоперемѣнной системы, а не въ уничтоженіи общиннаго владѣнія.

Но мы заговорили съ г. И. В—скимъ патетическимъ тономъ, а элементарные уроки должны быть чужды патетизма: ихъ достоинство—наивозможная простота языка. Начнемъ же опять говорить какъ можно проще. Бесѣда съ г. И. В—скимъ шла у насъ на послѣднихъ страницахъ о Тен-

говорскомъ, а прежде объ „Экономическомъ Указателѣ“; продолжать рѣчь о Тенгоборскомъ дѣло излишнее: уже достаточнымъ числомъ примѣровъ внушили мы г. И. В—скому, что не мѣшало бы, начиная споръ съ нами, узнать факты, излагаемые въ переведенной имъ книгѣ; теперь для его пользы надобно подтвердить ту же истину относительно издаваемаго имъ журнала и доказать, что также хорошо было бы ему знать то, что написано въ „Экономическомъ Указателѣ“.

Вотъ, напримѣръ, въ первой статьѣ мы сказали, что возникновеніе пролетаріата произвело много государственныхъ бѣдствій и въ Англіи и Франціи, и грозитъ этимъ странамъ новыми смутами, жесточайшими прежнихъ, потому что съ одной стороны требованія пролетаріевъ остаются все еще неудовлетворенными, а съ другой стороны, число пролетаріевъ все увеличивается и, главное, возрастаетъ ихъ сознаніе о своихъ силахъ и проясняется ихъ понятіе о своихъ потребностяхъ. Это кажется вздоромъ г. И. В—скому: въ пролетаріяхъ нѣтъ никакой закваски смутъ, говоритъ онъ: они ничего особеннаго не требуютъ и совершенно успокоились. Ахъ, если-бы это было такъ, если-бъ Англіи и Франціи вашими устами медъ пить, г. И. В—скій! но какъ примирить ваше мнѣніе о безмятежномъ счастіи мирнаго и скромнаго пролетаріата съ слѣдующими фактами, сообщенными вашимъ прекраснымъ журналомъ:

„Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ (въ Англіи) замѣтно волненіе рабочаго класса: по новымъ извѣстіямъ болѣе 2,500 ткачей оставили свои мастерскія въ Дрогедѣ; ливерпульскіе каменщики также оставили свою работу, требуя возвышенія заработной платы до высоты ея въ Лондонѣ и Манчестерѣ; тоже самое сдѣлали тамошніе плотники; нѣкоторые получили уже такую плату, какую они желали. На континентѣ часто появляются подобныя же попытки; а изъ Берлина пишутъ, что тамъ напали на слѣдъ формальнаго заговора, по которому работники должны были въ одинъ и тотъ же день бросить работу во всѣхъ промыслахъ, въ Германіи, Бельгіи и Швейцаріи. Полиція приняла противъ этого мѣры, но къ счастію до сихъ поръ ничто не показываетъ опасности, и подобное намѣреніе едва ли сдѣлается повсемѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе нужда можетъ понудить ко многимъ поступкамъ, какъ она понуждаетъ къ переселенію, хотя не вездѣ равно удачному“. („Эконом. Указ.“ № 24, стр. 552).

„Городское населеніе при излишней густотѣ своей подвергается иногда невыгодамъ и неудобствамъ волненія, примѣръ котораго мы видимъ въ настоящее время въ сходкахъ рабочихъ въ Англіи. Мы говорили о нѣкоторыхъ изъ нихъ. 7-го февраля въ Кларкуелѣ (Лондонѣ), въ залѣ умѣренности (Temperance hale) происходила новая сходка подъ предсѣдательствомъ Н. Портера. Несчастное положеніе этого класса народа представлено въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Причиною нынѣшнихъ страданій ораторы представляли „давній застой въ плотничьей и другихъ работахъ“. Единственная надежда тѣхъ, которые не могутъ найти себѣ работы, остается переселеніе въ Австралію, Новую Зеландію и Канаду; въ этомъ духѣ готовятся прошенія въ обѣ Палаты Парламента, къ которымъ рабочіе обращаются съ просьбою—доставить имъ даровый проѣздъ въ колоніи. По всей вѣроятности, эта просьба будетъ уважена. — 9 февраля была новая сходка рабочихъ безъ мѣста въ Смитфильдѣ (Лондонѣ). Предложенія, принятыя ими, сопровождались большимъ волненіемъ и состояли въ томъ, чтобы обратиться съ просьбою о помощи къ приходамъ. По окончаніи сходки они дѣйствительно отправились отдѣльными толпами со знаменами, на которыхъ были написаны имена ихъ приходовъ. Большею частію впрочемъ они получили отказъ въ помощи; но въ частныхъ случаяхъ не разъ рабочіе получаютъ требуемое ими удовлетвореніе, какъ напр. въ Сильверделѣ (Сѣверостаффорскомъ графствѣ), работники на копяхъ получили прибавку къ ихъ заработной платѣ,

отказавшись въ числѣ 150 отъ работы до исполненія ихъ требованія, основаннаго на повышеніи цѣны желѣза". („Экономич. Указат." № 7, стр. 147).

„Въ Лондонѣ на прошлой недѣлѣ, съ дозволенія городскаго начальства, происходило собраніе рабочихъ безъ мѣста на одной изъ рыночныхъ площадей города (Смитфильдской) подъ открытымъ небомъ. Число собравшихся такимъ образомъ рабочихъ простиралась до 5,000 и, несмотря на то, въ этой толпѣ не произошло ни малѣйшаго безпорядка. Главная цѣль собранія состояла въ томъ, чтобы обратить вниманіе публики на жалкое положеніе мастеровыхъ, лишившихся работы. Много краснорѣчивыхъ выраженій и энергическихъ мыслей было высказано здѣсь рабочими, которые вообще показали болѣе образованія, нежели можно было ожидать отъ нихъ. Главная идея состояла въ примѣненіи началъ товарищества къ рабочему классу. Эта въ основаніи своемъ правильная идея, впрочемъ, не всегда ясно представлялась уму говоруновъ сходки; одно только рѣзко и опредѣленно высказывалось всѣми, это — нападки на законы, стѣсняющіе переходъ земли изъ рукъ въ руки. Вообще, начинающееся движеніе напоминаетъ нѣсколько лигу противъ хлѣбныхъ законовъ, хотя здѣсь еще пока не видно достойныхъ коноводовъ. Государственная ошибка прежняго времени, допустившая такъ называемые *законы о бѣдныхъ*, можетъ окупиться Великобританіи очень дорого, тѣмъ болѣе, что масса людей, имѣющихъ право на пользованіе подобнымъ доходомъ, очень велика. По показаніямъ „Національнаго Великобританскаго общества людей безъ мѣста", въ настоящее время въ Лондонѣ считается 35,000 такихъ бѣдняковъ, изъ которыхъ наиболѣе каменщиковъ (15,000) и плотниковъ (2,000). Сходка подобнаго рода уже не первая и не послѣдняя, и всѣ участники обращаются обыкновенно къ помощи приходовъ, и безъ того очень обремененныхъ. Кромѣ того, въ ихъ рѣшеніяхъ все рѣзче и рѣзче обозначается мысль работы отъ правительства и общихъ мастерскихъ, образцъ которыхъ отчасти представляютъ рабочіе дома самой Великобританіи. („Эконом. Указат." № 4, стр. 75).

„Трудъ, этотъ главный, или—лучше сказать— единственный источникъ народнаго богатства, въ своемъ развитіи подвергается многимъ случайностямъ, видоизмѣняющимъ его проявленія и поставляющимъ его въ различныя положенія въ отношеніи къ общественной власти. Одною изъ такихъ случайностей есть умышленная остановка въ работѣ, большею частію происходящая отъ недостаточной за нее платы. Эта остановка рѣдко достигаетъ своей цѣли, выказывая большею частію безсиліе рабочаго сословія, лишеннаго капитала и разнообразныхъ знаній, какими обладаетъ сословіе предпринимателей фабрикантовъ. Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ Швейцаріи коалиціи рабочихъ всякаго званія, имѣющія цѣлію требовать возвышенія заработной платы, принимаютъ серьезный характеръ. Многіе хозяева и подрядчики почти лишились черезъ это всѣхъ своихъ работниковъ.

„Безъ всякаго сомнѣнія, это лишеніе только временное, и рабочіе возвратятся къ своимъ занятіямъ, какъ это мы видимъ въ близкихъ мѣстахъ Германіи. Такъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ цирюльники безусловно возвратились къ своимъ занятіямъ, но портные подмастерья, какъ одинъ человѣкъ, *оставили мастерскія*, требуя отъ хозяевъ увеличенія жалованья на $^1/_3$.

„Подобное же рѣшеніе приняли сапожники и кожевники города Майнца, хотя черезъ это и подверглись полицейскому вмѣшательству, опредѣленному въ такихъ случаяхъ мѣстными законами. Это вмѣшательство, впрочемъ, едва ли можетъ быть оправдано, съ точки зрѣнія науки, въ дѣлахъ, касающихся труда, который для полной производительности своей долженъ быть стѣсняемъ возможно менѣе". (Эконом. Указ." стр. 552).

Видите ли: вашъ журналъ чрезвычайно мало занятъ фактами о бытѣ низшихъ классовъ; онъ обнаруживаетъ къ намъ самое холодное и пренебрежительное невниманіе; однакожъ посмотрите, сколько фактовъ, подтверждающихъ наше мнѣніе, имѣли громкій отзывъ въ Западной Европѣ въ теченіе менѣе нежели одного полудня, —имѣли такой громкій отзывъ, что даже вашъ

столь невнимательный къ нимъ, столь ихъ чуждающійся журналъ долженъ былъ занести ихъ на свои страницы. А сколько фактовъ набралось бы, если-бы вы хотя нѣсколько внимательно слѣдили за этою отраслью экономическаго движенія!—Да и въ „Экономическомъ Указателѣ“, при всей его невнимательности, собрано больше фактовъ этого рода, нежели приведено у васъ—нельзя же намъ было выписывать всего, слишкомъ длинны были бы выписки. Но ограничиваясь единственно тѣми фактами, которые замѣчены у васъ въ журналѣ, - мало того, изъ этихъ фактовъ ограничиваясь тѣми, которые выписаны у насъ, какую мы можемъ составить картину для вашего назиданія? Мы будемъ говорить подлинными словами вашего журнала:

„Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ (Западной Европы) замѣтно волненіе рабочаго класса; рабочіе оставляютъ свои мастерскія, требуя повышенія заработной платы; въ Берлинѣ открытъ даже формальный заговоръ, по которому работники въ одинъ и тотъ же день должны были бросить работу во всѣхъ промыслахъ, въ Германіи, Бельгіи и Швейцаріи. Вообще начинающееся движеніе напоминаетъ лигу противъ хлѣбныхъ законовъ. У нихъ бываютъ многочисленныя сходки, сопровождаемыя большимъ волненіемъ; на этихъ сходкахъ несчастное положеніе этого класса людей выставляется въ самомъ яркомъ свѣтѣ; они требуютъ помощи и большею частью получаютъ отказъ. Главная идея рабочихъ при этомъ волненіи, примѣненіе начала товарищества къ рабочему классу. Кромѣ того, въ ихъ рѣшеніяхъ все рѣзче обозначается мысль работы отъ правительства и общихъ мастерскихъ. Правительства Западной Европы прибѣгаютъ къ полицейскимъ мѣрамъ противъ этого движенія, принимающаго серьезный характеръ. Такое вмѣшательство едва ли впрочемъ можетъ быть оправдано“.

Эта характеристика составлена изъ подлинныхъ словъ вашего журнала. Помнили ли вы, что говоритъ вашъ журналъ, и если помнили, понимали ли? „Рабочій классъ въ Западной Европѣ волнуется, требуя примѣненія началъ товарищества къ своему труду, все рѣзче и рѣзче провозглашая потребность работы отъ правительства и общихъ мастерскихъ“ — ясенъ или нѣтъ смыслъ движенія? Что сказано этимъ? сказано то, что въ рабочемъ классѣ Западной Европы все болѣе и болѣе разливается убѣжденіе въ необходимости droit au travail, ateliers nationaux, разливается идея Люксанбургскихъ конференцій. Ясно ли это для васъ, г. И. В-скій? Но какова сила этого движенія? „Открытъ заговоръ, обнимающій всю восточную половину Западной Европы, простирающійся отъ Берлина до Бельгіи и Швейцаріи“ - не безпримѣрно ли по громадности такое явленіе? Да что тутъ говорить, вы сами сравниваете его съ „лигою противъ хлѣбныхъ законовъ“ — то есть съ могущественнѣйшимъ и разумнѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ изъ всѣхъ стремленій Англіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Вы въ своемъ журналѣ придаете такую силу и глубокость этому движенію, что характеристика, доставляемая вами, далеко превосходитъ рѣзкостью тѣ слова, которыми выражались мы объ этомъ движеніи. Мы говорили объ Англіи и Франціи, - вы прибавили сюда Бельгію, Швейцарію, Германію. Мы говорили, что это стремленіе сильно, — вы сравнили его въ настоящее время по силѣ съ могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ событій и стремленій новѣйшей англійской исторіи и прибавили, что это еще только зародышъ, который развивается, а когда онъ разовьется, такъ еще не то будетъ.

Вашъ журналъ далеко превосходитъ насъ, относительно оцѣнки силы и глубины этого движенія.

Не потому ли вы и спорите противъ насъ, что наши убѣжденія кажутся вамъ слишкомъ еще блѣдными, слишкомъ умѣренными? Вы, по всему видно, относитесь къ намъ такъ, какъ напримѣръ Щедринъ относится къ прежнимъ сатирикамъ. Мы говоримъ „частная собственность имѣетъ *значительныя* выгоды, но выгоды общиннаго владѣнія *болѣе* значительны: стремленіе къ общинному началу *довольно* сильно въ Западной Европѣ". Вы возражаете: это пустяки; мы обращаемся къ переведенной вами книгѣ, къ издаваемому вами журналу, чтобы понять смыслъ вашего неудовольствія, чтобы увидѣть, въ чемъ заключается наша ошибка, — и оказывается что-же?—оказывается изъ переведенной вами книги и издаваемаго вами журнала, что мы должны были сказать: „частная собственность имѣетъ *очень* незначительныя выгоды: а выгоды общиннаго владѣнія *несравненно болѣе* значительны; стремленіе къ общинному принципу *чрезвычайно* сильно въ Западной Европѣ". Дѣйствительно, передъ столь сильными выводами, слѣдующими изъ фактовъ, доставленныхъ намъ вами, наши прежнія слова кажутся слабыми, блѣдными.

Но, скажетъ намъ читатель, мы забыли о французскихъ земледѣльцахъ, выписки изъ „Экон. Указ." относятся къ Англіи, Германіи, Бельгіи и Швейцаріи, а не къ Франціи, о которой шло дѣло. О, что касается до Франціи, то тутъ ненужно много говорить: въ возраженіяхъ намъ г. И. В—скій соглашается, что движеніе въ пользу общиннаго начала во Франціи сильнѣе, нежели въ Англіи,—а если въ Англіи оно, какъ видно изъ „Экон. Указ.", чрезвычайно сильно, то какова же должна быть его сила во Франціи?

„Но это все говорится о пролетаріяхъ вообще, а не въ частности о земледѣльцахъ во Франціи, скажетъ читатель; г. И. В—скій въ своихъ возраженіяхъ говоритъ, что положеніе земледѣльцевъ во Франціи прекрасно и безъ общиннаго начала". Но вѣдь извѣстно, что лучшее блюдо надобно оставлять на закуску, -мы такъ и сдѣлали. Каково состояніе земледѣльцевъ и земледѣлія во Франціи, можетъ г. И. В—скій видѣть изъ слѣдующихъ словъ своего журнала:

„На всемъ пространствѣ отъ Арраса до Пиринеевъ, отъ Гавра до Тулона, вы не встрѣтите тѣхъ прекрасныхъ сельскихъ картинъ, которыя поражаютъ васъ въ Англіи. Окрестъ красивыхъ и бойкихъ городовъ, не разъ встрѣтите вы полуразвалившуюся хижину, и рѣдко глазъ вашъ отдыхаетъ на видѣ прекраснаго скота, какимъ славятся устья Рейна или Швейцарія. Правда, взамѣнъ того красуются на выставкахъ ліонскія ткани, валансьенскія кружева, дорогая бронза и тонкія сукна, но этотъ блескъ и роскошное производство не заѣдаютъ ли средства тѣхъ бѣдныхъ поселянъ, которые влачатъ скудную жизнь свою среди дорогой обстановки, постоянно тревожимые видомъ нестерпимыхъ для нихъ благъ, и постоянно стѣсняемые въ безпрепятственномъ пользованіи своимъ трудомъ? Отчего же эта безотрадная картина въ прекрасной странѣ?" („Экономическій Указатель" № 3, стр. 52).

По обыкновенію вездѣ и во всемъ видѣть единственно таможенный вопросъ, „Экон. Указ." извлекаетъ изъ этой грустной картины свое вѣчное нравоученіе: вся бѣда происходитъ отъ тарифа. Легко сообразить, достаточно ли такое объясненіе. Причины бѣдствія гораздо глубже: мы видѣли, что для

огромнаго большинства французскихъ земледѣльцевъ (поселянъ) невозможны не только никакія улучшенія почвы и улучшенныя орудія производства, но невозможно даже содержаніе ни одной лошади для земледѣльческихъ работъ. Что же касается цвѣтущаго положенія полей въ Англіи, изъ этого еще напрасно заключать о благоденствіи работниковъ: поля въ Англіи лучше французскихъ, а земледѣльцы работники терпятъ болѣе нужды нежели во Франціи. Съ этимъ не будетъ, вѣроятно, спорить даже г. И. В—скій.

Положеніе французскаго земледѣльца вообще таково, что онъ можетъ воспользоваться для усовершенствованія своего хлѣбопашества только ничтожною частью тѣхъ средствъ, которыя уже найдены наукою, и потому въ гораздо меньшей степени, нежели слѣдовало бы, наслаждаться тѣми удобствами, которыя имѣетъ въ своемъ распоряженіи промышленность.

Изъ пяти французскихъ поселянъ, у трехъ есть свои участки. Это хорошо, но недостаточно: надобно, чтобы каждый земледѣлецъ могъ трудиться для собственной пользы, а не для чужой пользы. Надобно, чтобы остальные два изъ пяти земледѣльцевъ также пріобрѣли поземельное достояніе.

Между тѣмъ, раздробленіе земель уже таково, что большая половина поземельныхъ владѣльцевъ не можетъ даже дѣйствовать сохою на своемъ участкѣ и содержать лошадь для земледѣльческихъ работъ.

А техника предлагаетъ бросить соху; орошать и осушать поля; имѣть улучшенныя породы скота и производить надъ землею усиленныя удобренія; жать и молотить машинами, наконецъ даже пахать паровымъ плугомъ: все это доступно только хозяйству огромнаго размѣра, располагающему значительными капиталами.

Изъ 4.100,000 землевладѣльцевъ Франціи, только 36.000 имѣютъ эти средства.

Ясно ли теперь положеніе остальныхъ 4.064.000 землевладѣльцевъ? Они или должны отказаться отъ воздѣлыванія своихъ участковъ, или соединиться въ общество для обработки земель. Иначе производство для нихъ разорительно; одинъ изъ самыхъ основныхъ законовъ всякаго производства таковъ: какъ скоро существуетъ улучшенный способъ, всѣ, кто производитъ не по этому улучшенному способу, остаются въ убыткѣ.

Потому-то теперь каждый разсудительный французскій экономистъ, къ какой бы школѣ ни принадлежалъ онъ, видитъ выгоду земледѣльческихъ союзовъ во Франціи.

Но что мы говоримъ о Франціи? Мы далеко отстали отъ Франціи въ экономическомъ движеніи, и, однако-же, практическіе люди думаютъ, что даже у насъ настало время, когда земледѣльческія товарищества были бы не лишены выгоды. Два мѣсяца тому назадъ, мы приводили мнѣніе Гакстгаузена, совѣтующаго позаботиться объ устройствѣ земледѣльческихъ союзовъ между поселянами; вотъ мнѣніе другаго человѣка—онъ идетъ уже далѣе и совѣтуетъ даже мелкимъ помѣщикамъ вступать въ союзъ для земледѣльческаго производства:

„Желательно бы, чтобы между мелкомѣстными помѣщиками, вообще между жителями одного селенія и даже между сосѣдними селеніями, было побольше общественности. Помѣщики одного селенія могутъ имѣть одну общую ригу и молотильню, одну жатвенную

машину, соломорѣзку и т. д., точно также, какъ они имѣютъ одинъ выгонъ, одного пастуха. Нѣсколько сосѣднихъ селеній могутъ сообща завести больницы, сельскія школы, библіотеки. Мы все дожидаемся, чтобы насъ принуждали и объ насъ заботились; между тѣмъ какъ надобно умѣть самимъ намъ заботиться о своей пользѣ". („Земледѣльческая Газета", № 19 стр. 146. Александръ Смирновъ изъ сельца Никитинское).

Если у насъ, гдѣ такъ незначительна еще возможность приложенія капитала къ земледѣлію, выгодно было бы вступать въ земледѣльческіе союзы, — и кому же? помѣщикамъ, хозяйство которыхъ у каждаго во всякомъ случаѣ имѣетъ нѣсколько десятковъ десятинъ, то есть ли логическая возможность сомнѣваться въ потребности подобныхъ союзовъ во Франціи, гдѣ необходимость приложенія капитала къ земледѣлію гораздо ближе чувствуется каждымъ и гдѣ развѣ одинъ изъ ста землевладѣльцевъ имѣетъ участокъ земли, достаточный для дѣйствія хотя бы простаго и не усовершенствованнаго плуга?

Вѣроятно, теперь не будетъ отрицать этого самъ г. И. В—скій; вѣроятно, онъ, по прочтеніи этой статьи, не будетъ отрицать многаго изъ того, что отрицалъ, начиная свои возраженія. Да и вообще мы не знаемъ, будетъ ли онъ отрицать что-нибудь въ нашихъ мнѣніяхъ, которыя казались ему совершенно нелѣпыми, когда онъ, три мѣсяца тому назадъ, начиналъ свои возраженія. Мы согласны съ нимъ, что, собственно говоря, онъ началъ спорить противъ насъ единственно по недоразумѣнію: ему, видите ли, сначала показалось, будто въ тѣхъ шести положеніяхъ, которыя мы просили его принять или опровергнуть, заключается нѣчто нелѣпое и страшное, а потомъ онъ увидѣлъ, что наши мысли ограничиваются „очень скромными утвержденіями" —это правда; мы уже сдѣлали догадку, что г. И. В—скій споритъ противъ насъ только потому, что идетъ гораздо дальше насъ въ признаніи общиннаго принципа; и дѣйствительно, въ его послѣдней статьѣ („Экон. Указ." № 29) есть мѣста, послѣ которыхъ наши „утвержденія" должны показаться „очень скромны".

Напримѣръ: читатель помнитъ описаніе устройства уральцевъ въ нашихъ извлеченіяхъ изъ Гакстгаузена. Вся ихъ область составляетъ одно цѣлое, не раздробленное ни на какіе участки и принадлежащее нераздѣльно всему племени. Каждый взрослый мужчина (казакъ) изъ этого племени участвуетъ въ пользованіи всѣми угодьями этого общаго достоянія. Кажется, это общинное владѣніе? Кажется, тутъ есть-таки довольно очевидное примѣненіе общиннаго начала? А г. И. В—скій, разсказавъ, по нашему переводу, объ устройствѣ уральцевъ, восклицаетъ: „и вы считаете это, г. критикъ, примѣненіемъ общиннаго начала? Едва ли. Можно увѣрить, что общинное начало здѣсь не существуетъ". Почему же? Вѣдь здѣсь есть общинная собственность? „Но здѣсь нѣтъ общаго устройства труда".—Дѣйствительно нѣтъ. „Другое дѣло, при пахотѣ въ Падовкѣ, гдѣ пашутъ все поле общинными плугами". А, такъ вотъ что! г. И. В—скому мало общинной собственности; ему нуженъ еще общинный земледѣльческій трудъ,—иначе сказать, организація земледѣльческаго труда, Forganisation du travail champêtre.

Но дѣйствительно ли г. И. В—скій желаетъ общиннаго земледѣльческаго производства? —Да, онъ, дѣйствительно, считаетъ его полезнымъ. Объяснивъ, что работать сообща удобнѣе по его мнѣнію, нежели владѣть землею сообща, онъ продолжаетъ:

„Мы считали долгомъ высказать все это для того, чтобы не видѣли въ насъ противника общественнаго владѣнія во всѣхъ его формахъ: напротивъ, многія изъ нихъ мы считаемъ въ высшей степени полезными и плодотворными для народнаго хозяйства: наши артели, западныя промышленныя товарищества, толоки, шенгели, и т. п., мы считаемъ весьма раціональными. Но между этими формами труда и общественнымъ пользованіемъ *(т. е. общиннымъ владѣніемъ?)* землею разница неизмѣримая".

Дѣйствительно, между общиннымъ владѣніемъ безъ общиннаго производства и общиннымъ владѣніемъ съ общиннымъ производствомъ, разница неизмѣримая. Первое только предотвращаетъ пролетаріатъ, второе кромѣ того и содѣйствуетъ возвышенію производства.

Вѣдь извѣстно, что общинное производство основывается на общинномъ владѣніи, и что согласіе на общинное производство гораздо затруднительнѣе, нежели согласіе на общинное владѣніе. Вѣдь извѣстно, что фактическія степени тутъ таковы:

1. Общинная собственность или владѣніе безъ общиннаго производства и потребленія. Напримѣръ, двумъ братьямъ достается по наслѣдству домъ. Они владѣютъ имъ нераздѣльно, но каждый можетъ жить при этомъ особеннымъ хозяйствомъ и занимается своимъ особеннымъ промысломъ. Они дѣлятъ доходы.

2. Они могутъ имѣть общую мастерскую, но жить все-таки отдѣльными хозяйствами. Они по прежнему дѣлятъ доходы.

3. Они могутъ имѣть одно хозяйство. Тогда они уже не считаются деньгами. Одинъ купитъ фунтъ чаю, другой вмѣстѣ съ нимъ пьетъ его. „У насъ деньги общія".

Уладиться имъ въ первомъ гораздо легче, нежели согласиться на второе. Уладиться во-второмъ имъ гораздо легче, нежели согласиться на третье.

Точно таковы же и логическія степени:

1. Признаніе возможности и выгодности общиннаго владѣнія, но съ отверженіемъ возможности общиннаго производства и общиннаго владѣнія: доходъ съ собственности легко высчитать, и чтобы не ссориться за него, не нужно даже ровно никакой добросовѣстности, а нужна только забота о собственной выгодѣ. Тоже самое надобно сказать и о ремонтѣ или улучшеніи собственности: доходъ съ дома легко высчитать до послѣдней копѣйки; расходы по управленію и ремонту тоже; также только забота о собственной выгодѣ нужна для того, чтобы рѣшить, какія пристройки нужно сдѣлать.

2. Гораздо труднѣе условіе для допущенія общиннаго производства. Контролировать употребленіе и усердіе труда нельзя: это не внѣшній осязательный фактъ, его нельзя доказать или опровергнуть юридическимъ образомъ. Тутъ нужно довѣріе другъ къ другу. Многіе отвергаютъ возможность успѣшнаго общиннаго производства: тутъ де человѣкъ всегда будетъ лѣниться, потому что не вся выгода отъ его труда достается ему, и притомъ ему достается часть выгоды отъ чужаго труда: „пусть де другіе надсаждаются работаютъ, а я буду себѣ лѣниться".

3. Еще труднѣе допустить возможность общиннаго потребленія. Мало

тутъ условій, достаточныхъ для успѣшности общиннаго производства, мало довѣрія къ взаимной честности, мало и нравственнаго убѣжденія въ выгодности дѣла;—тутъ нужны другія пружины, чтобы я захотѣлъ жить не такъ, какъ лично мнѣ приходитъ фантазія жить, а какъ требуетъ жить разумъ и экономическій разсчетъ, чтобы я захотѣлъ отказаться отъ многихъ своихъ прихотей. Такія побужденія существуютъ въ семействѣ, но чрезвычайно многіе сомнѣваются въ томъ, возможны ли они внѣ семейнаго круга.

Но объ этихъ мнѣніяхъ надѣемся поговорить послѣ. Здѣсь намъ довольно доказать, что вторая степень (общинное производство), принимаемая г. И. В—скимъ, невозможна логически безъ признанія, а фактически безъ существованія первой степени, именно общиннаго владѣнія, отвергаемаго имъ.

Впрочемъ, доказывать это почти лишнее дѣло, послѣ анекдота о пароходномъ обществѣ и г. Ивановѣ, разсказаннаго нами выше. Пароходы и касса этого пароходнаго общества находились въ общинномъ владѣніи всѣхъ акціонеровъ,—и кассиръ общества справедливо сказалъ г. Иванову, что безъ этого условія—безъ общиннаго владѣнія всѣмъ принадлежащимъ обществу—невозможно никакое акціонерное общество.

Возьмите какой хотите примѣръ общиннаго производства—вы увидите, что оно невозможно безъ общиннаго владѣнія какою-либо недвижимою собственностью, по крайней мѣрѣ въ Европѣ—объ островахъ Тихаго Океана мы не говоримъ; тамъ, говорятъ, не нужно никакого труда и никакой собственности, повсюду растутъ хлѣбныя деревья и на нихъ висятъ готовыя печеныя булки съ миндалемъ и безъ миндаля, по вкусу каждаго. Этотъ разсказъ объ островахъ Тихаго Океана—утопія, скажетъ г. И. В—скій. А развѣ вы не вѣрите утопіямъ? скажемъ мы ему въ свою очередь и докажемъ ему въ слѣдующей статьѣ, что онъ величайшій утопистъ, какой только существовалъ со временъ Томаса Моруса, выдумавшаго первую утопію. Но то будетъ еще послѣ, а теперь намъ нужно только доказать, что въ Европѣ общинное производство не можетъ существовать безъ общиннаго недвижимаго владѣнія.—Петръ и Иванъ хотятъ вмѣстѣ заняться дѣланіемъ папиросъ на продажу—кажется, трудно придумать производство, которое требовало бы меньше мѣста и меньше затраты капиталовъ на движимое или недвижимое имущество. Купили они четвертку табаку, сотню гильсовъ,—и всѣ приготовленія кончены; нужно взять имъ только по палочкѣ для набивки табаку, да достать клочокъ ваты: продадутъ сдѣланную сотню съ барышемъ, купятъ двѣ четверки табаку, сдѣлаютъ двѣ сотни папиросъ и т. д. А позвольте спросить, гдѣ они будутъ заниматься набивкою папиросъ? не на улицѣ же, не на лѣстницѣ же. Цѣлой комнаты для этого дѣла, положимъ, много, но все же нужно имѣть хотя одинъ изъ тѣхъ „угловъ“, которые описывалъ между прочимъ покойный Бутковъ. Этотъ уголъ—для чего онъ нанятъ? Для того, чтобы было гдѣ присѣсть Петру и Ивану для выдѣлки папиросъ. Въ чьемъ же онъ владѣніи? Въ общинномъ владѣніи вышереченныхъ Петра и Ивана. Вотъ вамъ и есть недвижимое имущество въ общинномъ владѣніи. Возьмите какой хотите другой случай общиннаго производства, вы увидите, что основаніемъ его должно быть общинное владѣніе чѣмъ нибудь недвижимымъ. Напримѣръ: Петръ и Иванъ, бросивъ выдѣлку папиросъ, вздумали быть носильщиками.

Тутъ нужно еще меньше припасовъ, нежели для папиросъ—веревка для обвязыванія переносимыхъ вещей,—вотъ и вся исторія. Какъ бы не вся исторія! Купили они веревку, и носятъ цѣлый день мебель съ рынка къ покупщикамъ. Кажется, нѣтъ на свѣтѣ ничего имѣющаго менѣе связи съ недвижимостью, нежели ремесло носильщика? Погодите. Пришла ночь. Неужели бросить на ночь веревку на лѣстницѣ квартиры? Нѣтъ, она пропадетъ: нужно ее спрятать въ чуланъ; мѣста нужно для того мало, хозяйка даромъ дала веревкѣ мѣсто въ своемъ чуланѣ—но вѣдь все-таки веревка заняла хотя вершокъ мѣста въ чуланѣ или подъ кроватью Ивана,—я васъ спрашиваю: чѣмъ занятъ этотъ вершокъ мѣста? Общинною собственностью Петра и Ивана, веревкою. Я васъ спрашиваю: въ чьемъ же владѣніи теперь этотъ вершокъ мѣста? Въ общинномъ владѣніи Петра и Ивана. Я васъ спрашиваю: движимое или недвижимое имущество этотъ чуланъ и каждый вершокъ его пола? Недвижимое. Теперь скажите: есть или нѣтъ у Петра и Ивана въ общинномъ владѣніи недвижимое имущество?

Вотъ видите ли, какая странность: носильщики, дѣлатели папиросъ, не могутъ обойтись безъ общиннаго владѣнія хотя какою нибудь недвижимостью, а г. И. В—скій допускаетъ возможность общиннаго производства въ земледѣліи безъ общиннаго владѣнія.

Какъ могъ произойти такой странный случай? Какъ могъ онъ произойти, побесѣдуемъ съ вами, читатель, въ слѣдующей статьѣ, въ которой разсмотримъ, между прочимъ, возраженія г. И. В—скаго противъ общиннаго поземельнаго владѣнія—и тамъ, между прочимъ, увидимъ, что иныя изъ нихъ не имѣютъ и не могутъ имѣть ровно никакого примѣненія не только къ общинному поземельному владѣнію, но и ровно ни къ чему на свѣтѣ, а всѣ тѣ, которыя имѣютъ хотя малѣйшее значеніе, относятся вовсе не къ общинному владѣнію, отвергаемому г. И. В — скимъ, а къ общинному производству, имъ принимаемому, и въ гораздо большей степени, нежели къ земледѣльческому союзу, примѣняются къ акціонернымъ компаніямъ, такъ что, если бы они, въ самомъ дѣлѣ, были значительны, то давно обанкротились бы всѣ компаніи на акціяхъ.

Тутъ же, между прочимъ, мы разрѣшимъ интересный вопросъ объ отреченіи г. И. В—скаго отъ Тенгоборскаго и о комплиментѣ, которымъ оканчиваются его статьи, начавшіяся столь грозно, а также и о ближайшихъ причинахъ его прискорбнаго намѣренія „оставить перо“ и не „продолжать словопренія“.

Но пока мы будемъ писать разборъ его возраженій противъ шести положеній, которыми оканчивалась наша первая статья, чѣмъ же займется онъ? Оставить его въ праздности на цѣлый мѣсяцъ было бы противно правиламъ экономіи, политической и всякой: праздность вредна, а время капиталъ, котораго нельзя оставлять безъ приличной ему дѣятельности. Поэтому, пока мы будемъ писать разборъ его „шестнадцати главнѣйшихъ вредныхъ сторонъ общиннаго владѣнія“, онъ можетъ заняться разборомъ слѣдующихъ шестнадцати нашихъ новыхъ положеній, извлеченныхъ изъ нашей настоящей статьи, въ честь отысканныхъ имъ „шестнадцати главнѣйшихъ вредныхъ сторонъ общиннаго владѣнія“.

1) Ученому, желающему выказать основательныя знанія по вопросу объ общинномъ поземельномъ владѣніи въ Россіи, вовсе не нужно знать ни одного сочиненія объ этомъ предметѣ; довольно прочесть извлеченіе изъ книги Гакстгаузена, сдѣланное въ „Современникѣ“.

2) Множество французскихъ пролетаріевъ имѣютъ недвижимую собственность.

3) Средняя цифра есть совершенный вздоръ; среднюю цифру выдумалъ „Современникъ“.

4) Сборъ продуктовъ съ земель, находящихся въ общинномъ владѣніи, никогда не достигаетъ цѣнности даже 12 руб. сер. съ десятины.

5) Батракомъ быть лучше, нежели собственникомъ.

6) Адамъ Смитъ достоинъ порицанія.

7) Пастушескихъ народовъ не существовало на свѣтѣ—это все выдумки „Современника“.

8) Знать, сколько хлѣба съ десятины собирается во Франціи, и сколько въ Россіи, вовсе не нужно при спорѣ о земледѣльческихъ вопросахъ.

9) Общинное производство возможно безъ общиннаго владѣнія.

10) Кто перевелъ Тенгоборскаго, тотъ вовсе не обязанъ знать его.

11) Отреченіе отъ „Экономическаго Указателя“ представляетъ нѣкоторыя выгоды.

12) Кто пишетъ безъ справокъ, впадаетъ иногда въ невѣроятныя ошибки.

13) Bien rira qui rira le dernier.

14) Если г. И. В—скому угодно, чтобы мы не продолжали разбора его статей противъ насъ, мы готовы это сдѣлать, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы „Экономическій Указатель“ пересталъ нападать на общинное владѣніе землею. На размышленіе объ этомъ, мы можемъ предоставить г. И. В—скому болѣе двухъ недѣль; именно, его согласія на наши шесть положеній, съ которыхъ начался споръ, мы будемъ ждать до 21 сентября, то есть, дня выхода № 38 „Экономическаго Указателя“.

15) Если г. И. В—скій сдѣлаетъ то, что мы ему предлагаемъ, онъ можетъ быть увѣренъ, что мы не позволимъ себѣ ни малѣйшей тѣни насмѣшки надъ этимъ. Притомъ же онъ можетъ выразить свое согласіе въ какой ему угодно формѣ, хотя бы и въ общей лично для насъ; лишь было бы можно намъ видѣть, что онъ обѣщается не нападать на общинное владѣніе землею.

16) Нѣкоторыя изъ вышеизложенныхъ пятнадцати положеній г. И. В—скій, безъ сомнѣнія, отвергнетъ. Но его выгода требовала бы, чтобы онъ согласился на положеніе № 14.

Такъ какъ его статьи противъ насъ подписаны, то и мы считаемъ обязанностью выставить здѣсь свою фамилію.

Н. Чернышевскій.

II.

Статья, написанная нами два мѣсяца тому назадъ, излагала единственно элементарные факты и понятія; тонъ ея съ начала до конца былъ полеми-

ческій. Характеръ настоящей статьи вовсе не таковъ. Передавая мнѣнія, кажущіяся намъ справедливыми, мы теперь уже не стѣсняемъ себя задачею не выходить изъ предѣловъ политико-экономической азбуки. О г. И. В—скомъ мы упоминаемъ только на первыхъ строкахъ и потомъ оставляемъ полемику противъ него.

Полемику мы оставляемъ потому, что она уже достигла своей цѣли. Та услуга, которой мы требовали отъ нея эпиграфомъ къ предъидущей статьѣ, оказана ею: формою будто бы жаркаго спора возбужденъ интересъ общества къ вопросу, которымъ оно гораздо меньше занялось бы, если-бы дѣло было изложено безъ полемической приправы.

Притомъ же, мы видимъ теперь г. И. В—скаго въ такомъ положеніи, при которомъ совѣстно было бы продолжать нападенія на него. Цѣлымъ мѣсяцемъ долѣе назначеннаго срока ждали мы, не оправится ли онъ послѣ ушибовъ, понесенныхъ имъ отъ паденій въ ямы, которыхъ такое множество онъ самъ вырылъ себѣ,—но онъ все еще не оправился. Смутиться до такой степени, что не найти ни одного слова въ оправданіе себѣ; оробѣть такъ, что не почувствовать отваги хотя бы изподтишка, хотя бы косвеннымъ намекомъ задѣть того, кому хотѣлъ бы заплатить ударомъ за каждый ударъ,—это самое жалкое положеніе въ мірѣ. Та школа, къ которой принадлежалъ г. И. В—скій, когда еще могъ возвышать свой голосъ, любитъ нападать на несчастныхъ. Мы принадлежимъ къ школѣ, которая обезоруживается видомъ злополучія, хотя бы злополучію подвергся человѣкъ вслѣдствіе собственныхъ своихъ ошибокъ.

Мы оставляемъ полемику, но хотимъ докончить изложеніе нашихъ мнѣній. Потому уже, безъ всякаго отношенія къ мнѣніямъ г. И. В—скаго, мы должны разсмотрѣть во всей строгости единственное кажущееся сильнымъ возраженіе противъ общиннаго владѣнія. Экономисты старой школы полагаютъ, что оно можетъ препятствовать успѣхамъ сельскаго хозяйства. Это единственный пунктъ, который заслуживаетъ серьезнаго разбора—всѣ другіе ихъ доводы противъ общиннаго владѣнія далеко не такъ важны.

„Личная выгода (говорятъ экономисты старой школы)—могущественнѣйшая двигательница всѣхъ улучшеній. Собственникъ навѣки пользуется всѣми выгодами отъ производимыхъ улучшеній; общинникъ не на вѣки, потому что его участокъ не наслѣдственъ, даже не пожизненъ. Потому, очевидно, у собственника больше интереса производить такія улучшенія, слѣдствія которыхъ долговѣчны, то есть самыя важныя улучшенія“.

Прекрасно. Если-бы дѣйствительно принципъ частной поземельной собственности предоставлялъ лицу, производящему прочныя, долговременныя улучшенія, всю выгоду отъ этихъ улучшеній, онъ, дѣйствительно, имѣлъ бы преимущество въ этомъ отношеніи надъ общиннымъ владѣніемъ, по крайней мѣрѣ, во второмъ періодѣ національной жизни (отъ начала господства осѣдлости и земледѣльческихъ занятій, до начала приложенія капиталовъ въ огромныхъ размѣрахъ къ земледѣлію). Но въ самомъ ли дѣлѣ онъ производитъ такой порядокъ вещей? Взглянемъ сначала на факты быта двухъ наиболѣе развитыхъ націй Европы, англичанъ и французовъ.

Въ Англіи господствуетъ система фермерства, по контрактамъ, заклю-

чаемымъ обыкновенно на 7—14 лѣтъ. Болѣе продолжительные контракты слишкомъ неудобны и для фермы, и для собственника. Собственникъ уже не участвуетъ въ обработкѣ земли; она въ рукахъ у фермера. Если фермеръ произвелъ улучшеніе долговременное, какую имѣетъ онъ перспективу? до окончанія контракта, онъ пользуется увеличеніемъ дохода,—но это время непродолжительно; а при заключеніи новаго контракта онъ долженъ будетъ повысить плату собственнику на столько, на сколько увеличилась доходность земли отъ произведеннаго улучшенія. Итакъ, онъ употребилъ на улучшеніе трудъ и капиталъ,—въ вознагражденіе за то черезъ нѣсколько лѣтъ ему приходится платить больше, нежели прежде. Ясно, что ему невыгодно дѣлать прочныя улучшенія.

Во Франціи большая часть земли обработывается или по системѣ фермерга или по системѣ половничества, которое можетъ существовать только при неразвитости экономическихъ отношеній (слѣдовательно, при состояніи, въ которомъ невозможны улучшенныя системы производства), а при сильнѣйшемъ развитіи экономической дѣятельности необходимо переходитъ въ фермерство. Стало быть, на большей половинѣ французской земли положеніе людей, трудомъ и капиталомъ которыхъ должны совершаться улучшенія, также дѣлаетъ для нихъ невыгоднымъ дѣломъ введеніе прочныхъ улучшеній.

Меньшая часть французской земли обработывается собственниками; — тутъ было бы выгодно производить всякія улучшенія; но дѣло въ томъ, что эти собственники, обходящіеся безъ фермеровъ, владѣютъ только тѣми ничтожными клочками, о которыхъ мы говорили, и не имѣютъ средствъ не только вводить улучшенія, но и содержать лошадь или воловъ для обработки своего поля.

Таковы факты. Спрашивается теперь: въ лучшее ли положеніе, относительно выгодъ, доставляемыхъ прочными улучшеніями человѣку, производящему ихъ, поставлена принципомъ частной собственности англійская и французская земля, нежели земля, находящаяся въ общинномъ владѣніи? Нѣтъ, общинникъ, положимъ, теряя при передѣлѣ часть своего участка, теряетъ часть произведенныхъ на участкѣ прочныхъ улучшеній; но фермеръ, съ истеченіемъ контракта теряетъ всѣ улучшенія. Итакъ, при общинномъ владѣніи, человѣкъ, производящій прочныя улучшенія, имѣетъ болѣе интереса производить ихъ, нежели фермеръ: оба они совершенно обезпечены въ пользованіи ими только на извѣстное число лѣтъ, одинакое для обоихъ или даже болѣе продолжительное для общинника; съ окончаніемъ этихъ лѣтъ (при передѣлѣ и при новомъ контрактѣ) общинникъ *можетъ* потерять *часть* произведенныхъ улучшеній; фермеръ теряетъ *непремѣнно всю сумму* ихъ.

Это воззрѣніе для многихъ изъ нашихъ читателей покажется новымъ. Поэтому, чтобы уяснить его, мы въ приложеніи А развиваемъ его въ болѣе строгой формѣ.

Но, быть можетъ, собственнику удобнѣе производить эти прочныя улучшенія? Вѣдь ему въ руки переходитъ большая половина прибыли отъ нихъ, даже и тогда, когда они производятся фермеромъ, — тѣмъ значительнѣе будетъ прибыль собственника, если онъ затратитъ на нихъ собственный капиталъ? Выгодно ему это, или нѣтъ, но это невозможно для него. Во-пер-

выхъ, земля его не въ его распоряженіи, а въ распоряженіи фермера, стало быть, онъ не можетъ ничего съ нею сдѣлать безъ фермера. Согласіе фермера онъ долженъ получить или съ тѣмъ, чтобы настоящій контрактъ остался неизмѣненъ, — въ такомъ случаѣ собственникъ остается въ убыткѣ, — онъ затратилъ капиталъ, а арендная плата не повысилась; или съ тѣмъ, что контрактъ измѣняется, — въ такомъ случаѣ, убытокъ фермеру, — прибыль фермера прежняя, а арендная плата повысилась. Итакъ, перваго не захочетъ собственникъ, втораго фермеръ. Согласіе между ними невозможно, если они разсчетливые люди, потому что выгоды одного тутъ противны выгодамъ другаго. Но, положимъ, они согласились. Въ такомъ случаѣ работы по улучшеніямъ производятся на капиталъ собственника, надъ пространствомъ, находящимся въ полномъ управленіи фермера, — ясно ли, каково пойдутъ эти работы? Конечно, съ нарушеніемъ всякой экономіи, расточительнымъ образомъ. Наконецъ, надобно сказать, что собственникъ, при фермерской системѣ имѣющій средства и охоту съ знаніемъ производить прочныя улучшенія,— явленіе рѣдкое до того, что становится почти мечтою. Охоты и знанія у него нѣтъ, потому что онъ отдаленъ фермеромъ отъ непосредственныхъ дѣлъ сельскаго хозяйства, онъ вообще не сельскій хозяинъ, а скорѣе рентьеръ; средствъ у него нѣтъ, потому что, вообще говоря, онъ проживаетъ все, что получаетъ. Если эти мысли покажутся кому нибудь новыми, требующими подтвержденія, подтвержденіе найдется въ приложеніи В.

То, что фермерство чрезвычайно противно всякимъ прочнымъ улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ, не подлежитъ спору. Теперь надобно посмотрѣть, какова тенденція частной поземельной собственности,— какая система сельскаго хозяйства является необходимымъ слѣдствіемъ частной поземельной собственности, какъ скоро нація достигаетъ значительнаго развитія экономическихъ отношеній.

Судя по фактамъ, фермерство. Мы видимъ, что его развитіе въ различныхъ странахъ Западной Европы соразмѣрно экономическому развитію каждой страны. Три степени экономическаго развитія представляютъ Англія, Франція, Испанія. Въ Англіи, наиболѣе ушедшей впередъ, владычествуетъ фермерство. Въ Испаніи, наиболѣе оставшейся позади, владычествуютъ патріархальныя формы, предшествующія фермерству; во Франціи онѣ уже начинаютъ уступать фермерству *).

Теорія говоритъ, что это и не можетъ быть иначе. Какъ скоро у собственника есть такой участокъ земли, который даетъ ренту, достаточную для праздной жизни въ довольствѣ, для него система фермерства привлекательнѣе и выгоднѣе всякой другой системы свободнаго труда. Самому заниматься хозяйствомъ ему нѣтъ нужды; притомъ же, при той степени развитія, на которой является фермерство, хозяйство требуетъ значительнаго оборотнаго капитала, котораго онъ обыкновенно не имѣетъ, по своимъ роскошнымъ привычкамъ; хлопотать ему непріятно, если онъ можетъ получать

*) По Шатовьё, изъ 43,000,000 гектаровъ воздѣлываемой земли во Франціи, около 1840 года, 20 милліоновъ воздѣлывалось хозяйствомъ собственниковъ (это преимущественно мельчайшіе участки, о судьбѣ которыхъ мы будемъ говорить ниже), $14^1/2$ мил. по системѣ половничества, $8^1/2$ мил. уже по системѣ фермерства.

почти столько же безъ хлопотъ; итакъ, онъ непремѣнно предпочтетъ отдавать свою землю въ пользованіе за вознагражденіе. А изъ всѣхъ способовъ отдачи въ пользованіе фермерство—самый выгодный для него. Это мы точнѣе показываемъ въ приложеніи С.

Теперь намъ остается только показать, каково общее направленіе естественнаго движенія частной поземельной собственности; стремится ли она, подъ вліяніемъ принциповъ, ею движущихъ нормальнымъ путемъ, принциповъ наслѣдства, приданаго, дарственныхъ записей и духовныхъ завѣщаній, къ сосредоточенію въ большія массы, или можетъ остаться распредѣленною на участки средней величины, понимая подъ участками средней величины такіе, обладаніе которыми даетъ безбѣдныя средства для жизни человѣку, ихъ обработывающему, но не доставитъ ему ренты, достаточной для праздной жизни; или, наконецъ, она стремится къ раздробленію по всему населенію страны?

Смотря на дѣйствіе наслѣдства, приданаго и т. д., каждый замѣчаетъ, что оба крайнія стремленія,—сосредоточеніе и раздробленіе,— безпрестанно обнаруживаютъ свои дѣйствія на частной поземельной собственности, такъ что въ два поколѣнія ни одинъ клочекъ земли во всей странѣ не избѣгнетъ этого дѣйствія,—онъ или соединится съ другими, или раздробится *). Какое изъ этихъ двухъ стремленій преобладаетъ, или они уравновѣшиваются? Мы всѣ знаемъ, что „имѣющему прибавится, а у неимѣющаго отнимается и то, что онъ имѣетъ“,—это постоянно мы видимъ и на опытѣ.

Такъ агрономы замѣчаютъ, что во Франціи пространства, обнимаемыя большою собственностью, расширяются.

Но есть экономисты, которымъ угодно утверждать, что сосредоточеніе и раздробленіе взаимно уравновѣшиваются, что въ общей массѣ распредѣленіе поземельной собственности не становится съ каждымъ поколѣніемъ неравномѣрнѣе, а остается въ прежнемъ положеніи, или даже постепенно уравнивается. Это мнѣніе, противорѣчащее наглядному опыту каждаго наблюдательнаго человѣка, основывается не на какихъ нибудь, хотя бы односторонникъ образомъ подмѣченныхъ, фактахъ, а просто на знаменитой метафорѣ, что каждый экономическій принципъ, подобно копью Ахиллеса, самъ же исцѣляетъ и раны, имъ наносимыя. Для того, чтобы противорѣчить наглядности, были бы нужны основанія болѣе твердыя,—напримѣръ, точныя статистическія изслѣдованія, но о нихъ не заботились противники наглядnаго опыта. Всѣ выставляемые противъ нихъ примѣры они отвергаютъ тѣмъ, что это частные ненормальные случаи. Напротивъ, нужно только точнѣе изслѣдовать сущность самыхъ принциповъ, и мы увидимъ, что существенное ихъ природѣ стремленіе состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, раздробляя до крайности поземельную собственность, съ другой, гораздо въ сильнѣйшей мѣрѣ, сосредоточивать ее, такъ что равновѣсія нѣтъ нигдѣ, а есть чрезмѣр-

*) Мы, конечно, говоримъ о тѣхъ странахъ, въ которыхъ частная поземельная собственность управляется разумными обычаями и законами, а не о тѣхъ странахъ, гдѣ есть право первородства, субституціи, и т. п. учрежденія, очевидно вредныя въ экономическомъ отношеніи. Мы беремъ страны, гдѣ наслѣдство дѣлится поровну между дѣтьми, и гдѣ дочь получаетъ въ приданое часть отцовской земли. Гдѣ нѣтъ этого обычая, тамъ состояніе поземельной собственности гораздо хуже.

ное уклоненіе нѣкоторой части отъ равновѣсія въ одну сторону, съ еще болѣе чрезмѣрнымъ уклоненіемъ другой, гораздо значительнѣйшей части, въ другую сторону. и что эти оба уклоненія возрастаютъ прогрессивно съ каждымъ поколѣніемъ. Изъ дѣланныхъ нами анализовъ, дающихъ этотъ выводъ, мы приводимъ одинъ въ приложеніи Д. Онъ относится къ дѣйствію принципа наслѣдственности, сила котораго преобладаетъ надъ всѣми другими обыкновенными двигателями частной собственности.

Изъ этого очевидно, въ какое положеніе постоянно приводится частная поземельная собственность дѣйствіемъ принциповъ, ею управляющихъ. Большая часть (до двухъ третей) всей территоріи соединяется непрерывно въ обширные участки, рента которыхъ достаточна для праздной жизни и которые необходимо идутъ подъ фермерство, какъ скоро развивается экономическій бытъ до той степени, на которой патріархальныя отношенія замѣняются коммерческими. Изъ остальной, меньшей части, половина (около пятой или шестой части всей воздѣлываемой территоріи) дробится на мелкіе клочки, хлѣбопашествомъ на которыхъ не могутъ существовать владѣльцы, и только другая половина (также пятая или шестая часть всей территоріи, остается въ участкахъ, которые не нуждаются въ фермерствѣ, но могутъ кормить своего владѣльца.

По извѣстному закону, что какъ скоро большая половина производства совершается способами большихъ хозяйствъ, мелкіе производители не могутъ выдерживать соперничества съ крупными, земледѣльцы-собственники мелкихъ и среднихъ участковъ должны работать въ убытокъ себѣ или отчуждать свои участки, когда настаетъ эпоха фермерства.

Мы уже много разъ говорили о томъ, какъ невыгодна система фермерства для огромнаго большинства земледѣльцевъ *), и думали бы, что этотъ пунктъ не нуждается въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. Однако же, зная, что для многихъ изъ русскихъ читателей, не имѣющихъ у себя подъ глазами фермъ, сильна привычка забывать объ участи массы земледѣльческаго населенія при фермерствѣ, мы приводимъ въ приложеніи Е отрывки изъ Сисмонди объ этомъ предметѣ. Кстати, мы пользуемся этимъ случаемъ для замѣчанія, что основа мыслей, нами здѣсь излагаемыхъ, принадлежитъ Сисмонди,- читатели, близко знакомые съ политическою экономіею, конечно, замѣтили это.

Здѣсь, оставляя въ сторонѣ выгодность фермерства для земледѣльческаго населенія, мы говорили только о томъ, выгодно ли оно для тѣхъ успѣховъ земледѣлія, которые основаны на прочныхъ долголѣтнихъ улучшеніяхъ, и намъ кажется, что отвѣтъ на это не можетъ подлежать сомнѣнію послѣ объясненій, сдѣланныхъ нами.

Нѣтъ такой системы земледѣлія, которая менѣе фермерства удовлетворяла бы условіямъ, нужнымъ для прочныхъ, долговременныхъ улучшеній. Мы видѣли, что при немъ только самая меньшая часть прибыли, даваемой

*) Въ Англіи считается:
38,000 богатыхъ поземельныхъ собственниковъ.
250,000 фермеровъ, зажиточныхъ капиталистовъ.
3,000,000 земледѣльческихъ работниковъ, находящихся въ положеніи болѣе тяжеломъ, нежели даже фабричные рабочіе.

этими улучшеніями, получается человѣкомъ, произведшимъ улучшеніе, а несравненно большая часть идетъ въ руки человѣка, нимало не содѣйствовавшаго улучшенію ни мыслію, ни трудомъ, ни капиталомъ.

Важность этихъ улучшеній невозможно отрицать, мы скорѣе готовы согласиться съ тѣми, которые наиболѣе возвышаютъ ее. Отъ такихъ работъ, какъ разведеніе и сохраненіе лѣсовъ, осушеніе и орошеніе почвы, и т. д. зависитъ очень многое, съ помощью ихъ можно до нѣкоторой степени пересоздать природу страны,—подобнымъ образомъ пересоздана природа Шотландіи, Гольштейна, Голландіи. Нельзя не замѣтить, что у насъ для подобныхъ улучшеній еще не пришло время, и что рано еще намъ слишкомъ хлопотать о томъ, какая система владѣнія для нихъ выгоднѣе, когда еще нѣтъ коммерческой выгоды совершать ихъ при какой бы то ни было системѣ владѣнія. Но чѣмъ болѣе мы желаемъ, чѣмъ скорѣе мы ожидаемъ наступленія эпохи подобныхъ улучшеній въ Россіи, тѣмъ жарче должны мы защищать систему общиннаго поземельнаго владѣнія, потому она болѣе всѣхъ способовъ, какими существуетъ воздѣлываніе при частной собственности, благопріятна производству этихъ прочныхъ улучшеній.

„При частной собственности болѣе выгоды производить эти улучшенія, потому что вся выгода отъ нихъ достается тому, кто произвелъ ихъ"—о, идиллія, достойная Тирсисовъ и Палемоновъ, не имѣвшихъ понятія о статистикѣ и о наукѣ Адама Смита! — Эта милая идиллія основана на томъ наивномъ предположеніи, что при частной поземельной собственности интересы всѣхъ трехъ факторовъ земледѣлія (собственность земли, оборотный капиталъ съ администраціею работы и трудъ) соединяются въ одномъ лицѣ, и это лицо производитъ улучшенія,—эта идиллія годится только на тотъ случай, когда собственникъ земли своими руками, безъ наемныхъ работниковъ воздѣлываетъ ее,—тогда, конечно, вся выгода и производства й всякихъ улучшеній остается въ его рукахъ.

Но увы, идилліямъ мало пріюта въ нашемъ желѣзномъ вѣкѣ, и мы очень хорошо знаемъ, что таково бываетъ при частной собственности положеніе только меньшей половины воздѣлываемаго пространства, и что собственники этихъ небольшихъ участковъ, какъ скоро начинается коммерческая возможность дѣлать прочныя улучшенія, бываютъ подавляемы соперничествомъ крупныхъ хозяйствъ такъ, что имъ уже не до улучшеній, а лишь бы только какъ нибудь быть сытыми со дня на день. А гораздо большая половина земли находится въ большихъ участкахъ, на которыхъ моменты собственности, оборотнаго капитала и труда распадаются на три разные класса людей, и возникаетъ относительно прочныхъ улучшеній слѣдующее положеніе дѣлъ:

1) Собственникъ, не участвующій ничѣмъ въ улучшеніяхъ, пользуется большею частью выгодъ отъ нихъ;

2) Фермеръ, производящій улучшенія своимъ капиталомъ, пользуется только меньшею половиною выгодъ отъ нихъ;

3) Работники, не имѣющіе ровно никакого интереса въ успѣхѣ или неудачѣ предпріятія, производятъ все, что требуетъ заботливой внимательности,—а такова большая часть улучшеній.

Фермерство возникаетъ изъ общественныхъ отношеній, разъединяющихъ собственность отъ оборотнаго капитала, капиталъ отъ труда, знаніе отъ обладанія; — оно возникаетъ ради разъединенія ренты отъ всякой нужды умственнаго и физическаго труда. Корень этого учрежденія въ интересахъ праздной ренты и помѣщенія избыточествующихъ капиталовъ, а вовсе не въ интересахъ успѣховъ сельскаго хозяйства.

Своему назначенію: съ одной стороны давать праздную ренту, съ другой—давать помѣщеніе капиталамъ, оно очень точно удовлетворяетъ; но съ точки зрѣнія сельско-хозяйственныхъ успѣховъ, это самое неудобное учрежденіе.

Такихъ учрежденій мы находимъ много во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Возникая изъ стремленій, чуждыхъ интересамъ той области, которая захватывается ими, они держатся не сообразностью своею съ здравыми понятіями, а соотвѣтственностью своею съ выгодами такъ или иначе установившагося общественнаго порядка. Майораты, продажа военныхъ чиновъ, безчисленныя синекуры, неравномѣрность представительства разныхъ элементовъ въ правительствѣ (т. е. парламентѣ, дающемъ правительство странѣ), неогражденность положенія жены относительно не только личности, но и имущества *), и т. д. — все это развѣ основано на здравыхъ понятіяхъ?

Нѣтъ, все это возникло изъ общаго соціальнаго устройства, которое быть можетъ хорошо или дурно, но которое создано вовсе не по руководству Адама Смита и не по теоріямъ Либиха, а потому и не всегда рождаетъ явленія, сообразныя съ требованіями науки.

„Но все-таки, англійское сельское хозяйство находится въ хорошемъ положеніи“,—да, точно такъ же, какъ англійская армія все-таки одерживаетъ блистательныя побѣды, англійскій парламентъ все-таки издаетъ хорошіе законы, англійскіе мужья все-таки хорошо живутъ съ женами — это вовсе не свидѣтельствуетъ въ пользу неравномѣрности представительства, продажности офицерскихъ чиновъ и неогражденности имущества женъ, а говоритъ только, что житейская необходимость въ правосудіи, въ мужествѣ, въ семейномъ согласіи сглаживаетъ вредныя послѣдствія частныхъ неразумныхъ учрежденій, когда общій духъ націи окрѣпъ подъ вліяніемъ общаго хорошаго законодательства, подъ сѣнью законности и твердыхъ правъ. Продажа чиновъ портитъ организацію англійской арміи, — но англичанинъ привыкъ быть смѣлъ, энергиченъ, любитъ родину, — и потому англійская армія все-таки лучше неаполитанской, въ которой нѣтъ продажности чиновъ. Но если бы неаполитанцы вздумали ввести у себя продажность чиновъ, сообразивъ, что въ ней-то и есть залогъ военныхъ успѣховъ, — скажите, что было бы съ неаполитанскою арміею? — если теперь она плоха, тогда стала бы еще въ тысячу разъ хуже.

Успѣхи каждой отрасли національной жизни зависятъ прежде всего

*) Законы Англіи гораздо менѣе ограждаютъ имущество жены, нежели, напр., русскіе и французскіе. По русскимъ законамъ мужъ не имѣетъ власти распоряжаться приданымъ или наслѣдствомъ жены,—по англійскимъ, онъ полный и безотчетный распорядитель его, будто своей собственности.

отъ общаго духа націи и отъ обстоятельствъ національнаго быта. Земли въ Англіи мало, пути сообщенія хороши, требованіе на сельскіе продукты чрезмѣрно велико, вслѣдствіе громаднаго развитія городовъ — и вотъ одна сторона положенія, изъ котораго возникаетъ тщательная обработка полей. И у насъ близъ большихъ городовъ и по близости хорошихъ путей сообщенія земля обработывается лучше, и тѣмъ лучше обработывается, чѣмъ гуще населеніе. Принципъ владѣнія землею въ Псковской губерніи и въ Московскомъ уѣздѣ одинъ и тотъ же—но есть ли какое нибудь сравненіе между этими мѣстностями по качеству обработки земли и количеству положенныхъ на нее улучшеній и оборотнаго земледѣльческаго капитала? Въ приложеніи F мы точнѣе развиваемъ эту мысль съ приложеніемъ цифръ.

Это одна сторона дѣла, матеріальная. Не менѣе, если не болѣе, важна сторона нравственная. Духъ гражданскихъ учрежденій, отношенія сословій, порядокъ администраціи,— все это гораздо ближе касается каждой отрасли матеріальныхъ успѣховъ, нежели думаютъ многіе.

Если бы частная поземельная собственность когда нибудь, при какой бы то ни было системѣ наслѣдства, приданаго и продажи, могла быть устроена въ Европѣ такъ, чтобы обезпечивать большинству земледѣльческаго населенія обладаніе достаточными для безбѣдной жизни (близкими къ средней величинѣ, происходящей отъ раздѣленія воздѣлываемаго пространства на число семей) поземельными владѣніями, ее можно было бы защищать съ точки зрѣнія національнаго благосостоянія. Если бы она могла когда-нибудь привести въ Европѣ къ такому результату, чтобы большая половина воздѣлываемой земли воздѣлывалась хозяйствомъ собственниковъ, ее можно было бы защищать съ точки зрѣнія успѣховъ сельскаго хозяйства. Но какъ историческо-статистическіе факты, такъ и анализъ необходимыхъ дѣйствій самого принципа поземельной наслѣдственности равно доказываютъ, что обѣ эти цѣли не соотвѣтствуютъ самой природѣ частной поземельной собственности. Она постоянно распредѣляетъ территорію націи такъ, что большинство земледѣльческаго населенія или вовсе исключается изъ участія въ поземельномъ владѣніи, или получаетъ на свою долю ничтожные, гомеопатическіе клочки, владѣльцы которыхъ не обезпечены въ существованіи воздѣлываніемъ ихъ. Потому общинное владѣніе, обезпечивающее каждому земледѣльцу обладаніе землею, гораздо лучше частной собственности упрочиваетъ національное благосостояніе. Частная земледѣльческая собственность необходимо ведетъ къ тому, что большая половина воздѣлываемаго пространства воздѣлывается не собственниками, имѣющими прямой интересъ въ улучшеніяхъ, а другими людьми, которые, производя прочныя улучшенія, доставляютъ тѣмъ выгоду не себѣ, а инымъ людямъ, и слѣдовательно приводятся къ наивозможно меньшему интересу въ производствѣ улучшеній. Потому общинное владѣніе, обезпечивающее воздѣлывателю несравненно большую долю выгоды отъ прочныхъ улучшеній, болѣе благопріятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, нежели частная поземельная собственность.

Мы думаемъ, что достаточно раскрыли теоретическую неизбѣжность такого вывода. Въ приложеніи C мы объясняемъ, что онъ подтверждается даже тѣми немногими частными фактами, которые выставляются легкомы-

сліемъ въ опроверженіе общихъ, повсемѣстныхъ указаній исторіи и статистики, свидѣтельствующихъ о вѣрности защищаемаго нами взгляда.

Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успѣховъ сельскаго хозяйства, которая соединяетъ собственника, хозяина и работника въ одномъ лицѣ. Государственная собственность съ общиннымъ владѣніемъ изъ всѣхъ формъ собственности наиболѣе подходитъ къ этому идеалу.

При настоящемъ порядкѣ (безъ вознагражденія, съ 10 — 15-лѣтними передѣлами) общинное владѣніе даетъ лицу, производящему прочныя улучшенія, почти въ два раза болѣе выгодъ, нежели система половничества, и въ четыре раза болѣе выгодъ, нежели система фермерства.

А при частной собственности большая половина пространства, по превозможеніи феодальныхъ формъ, необходимо воздѣлывается по системѣ фермерства при развитости экономическаго быта.

Потому система общиннаго владѣнія представляетъ неоспоримое преимущество надъ обѣими этими единственными преобладающими формами частной собственности (мы не говоримъ о формахъ феодальныхъ, которыхъ никто не рѣшится защищать) со стороны благопріятности для успѣховъ сельскаго хозяйства.

„Но если государственная собственность съ общиннымъ владѣніемъ есть изъ всѣхъ формъ поземельной собственности самая благопріятная для прочныхъ улучшеній въ земледѣліи, то почему же наше земледѣліе такъ мало приняло изъ улучшеній, существующихъ въ Англіи, Голландіи, Гольштейнѣ и такъ далѣе? Почему у насъ до сихъ поръ держится трехпольное хозяйство, плохія породы малочисленнаго скота, плохія первобытныя орудія обработки, такъ плохо удобряется земля, и такъ далѣе?“ Послѣ нашихъ прежнихъ статей, едва ли нужно долго останавливаться на этомъ, отвѣтъ ясенъ. Тутъ дѣло не въ формѣ поземельной собственности, а въ томъ, что нѣтъ еще надобности, иначе сказать, коммерческаго разсчета, затрачивать капиталы на введеніе сильныхъ удобреній, улучшенныхъ орудій и такъ далѣе. Сельскіе хозяева очень хорошо знаютъ это, и потому держатся той системы, которая требуетъ наименѣе затратъ. И въ Англіи при майоратахъ, субституціяхъ, при фермерствѣ и высочайшемъ развитіи частной поземельной собственности въ XVI вѣкѣ, земледѣліе оставалось въ такомъ же положеніи, какъ нынѣ въ Россіи. Внутренній запросъ на хлѣбъ былъ малъ, по слабому развитію городскаго населенія; внѣшній сбытъ былъ малъ, по неудобству путей сообщенія; земли было много, рукъ мало, по слабой населенности Англіи: законность и правосудіе были въ жалкомъ состояніи, потому капиталы прятались; въ націи было мало предпріимчивости и энергіи въ трудѣ,—таково было состояніе англійской націи въ XVI —XVII вѣкахъ, и какая бы форма поземельнаго владѣнія ни существовала въ ней тогда, все равно, земледѣліе не могло дѣлать успѣховъ, потому что не было ни потребности, ни выгодности дѣлать улучшенія. Производство усиливается улучшеніями, — въ какомъ нибудь уѣздѣ Воронежской или Харьковской губерніи, имѣющемъ нынѣ мильонъ четвертей сбора при среднемъ урожаѣ, будетъ два мильона четвертей при такомъ же урожаѣ, если улучшится способъ обработки. Превосходно: эти два мильона бываютъ и нынѣ при чрезвычайныхъ урожаяхъ, —

чтожъ тогда случается? Сбыта нѣтъ, хлѣбъ страшно падаетъ въ цѣнѣ и лежитъ непроданный, производители сидятъ безъ денегъ, говоря: перородъ хуже недорода. Скажите теперь, какая имъ надобность хлопотать ради двухъ мильоновъ сбора, когда они не знаютъ, какъ быть и куда дѣваться, если эти два мильона родятся по счастливому случаю? Какая тутъ возможность улучшеній? Еще вопросъ: у меня есть оборотный капиталъ; я могу или затратить его на улучшеніе земли, или расширить запашку, прикупивъ или принанявъ земли; послѣднее помѣщеніе гораздо выгоднѣе, по причинѣ многоземельности; — неужели же я буду такой идеалистъ, что по улучшенному способу, ради любви къ улучшеніямъ, захочу съ удвоенными хлопотами получать менѣе выгодъ, нежели получаю посредствомъ простаго расширенія запашки, безъ всякихъ хлопотъ?

Форма владѣнія можетъ благопріятствовать или неблагопріятствовать улучшеніямъ. Но они являются тогда только, когда затрата капиталовъ становится выгодна. Для этого нужно земледѣлію: развитіе рынковъ и извѣстная густота населенія. У насъ ни того ни другаго нѣтъ, потому и улучшенія не являются. Пока не было сильнаго запроса и густоты населенія, не было улучшеній и въ Англіи. А когда явилась и потребность и выгодность, явились и улучшенія, — необходимость преодолѣваетъ все, она преодолѣла и неудобства фермерской системы. У насъ, когда явится потребность и выгодность улучшеній, явятся и улучшенія, какова бы ни была форма владѣнія, хотя бы водворилось и неблагопріятное для нихъ фермерство. Но если до того времени сохранится благопріятнѣйшая для нихъ система общиннаго владѣнія, улучшенія возникнутъ легче и расширятся быстрѣе.

Когда явится это время? Условія того ясны: когда населеніе будетъ гуще, когда пути сообщенія будутъ легки. Производство расширяется съ расширеніемъ рынковъ, а улучшенные способы являются только тогда, когда необходимы для увеличенія производства. Раньше явиться въ земледѣліи они не могутъ, потому что они дороже первобытныхъ способовъ земледѣлія, которые всегда и держатся до того времени, пока уже не въ состояніи будутъ давать столько предуктовъ, сколько требуется расширеніемъ запроса.

Цѣлую обширную статью мы употребили на разсмотрѣніе одного возраженія противъ общиннаго владѣнія, сколько же мѣста должно занять разсмотрѣніе другихъ возраженій? Гораздо меньше, потому что всѣ вмѣстѣ они гораздо маловажнѣе этого; оно одно требуетъ долгихъ и точныхъ объясненій не потому, чтобъ имѣло хотя малѣйшую долю основательности или хотя бы затруднительности, а просто потому, что у насъ, незнакомыхъ по опыту съ фермерствомъ, образовалось мнѣніе, будто фермерство само по себѣ есть нѣчто благопріятное успѣхамъ сельскаго хозяйства,— это предубѣжденіе возникло только изъ незнакомства съ дѣломъ и изъ запутанности понятій. Начнутъ съ идеала, въ которомъ нѣтъ ни фермера, ни работника, а предполагается зажиточный поселянинъ землевладѣлецъ, обработывающій землю собственными руками,— и расхваливши до небесъ это дѣйствительно очень хорошее состояніе, вдругъ заключаютъ: „и такъ частная собственность выше общиннаго владѣнія“,—а читатель и думаетъ, будто она то и даетъ этотъ идеалъ, онъ вотируетъ въ пользу частной поземельной собственности ради

этого идеала, а того и не сказали ему, что именно при ней этотъ идеалъ наименѣе возможенъ, именно при ней наименѣе возможности удержаться во владѣніи землею человѣку, воздѣлывающему ее своими руками, и вмѣсто прекраснаго идеала, котораго желалъ, обманутый прозелитъ видитъ себя среди фермерства, которое вовсе не похоже на идеалъ.

Мы заговорили объ идеалахъ. Мы защищаемъ фактъ, у насъ существующій,—государственную собственность съ общиннымъ владѣніемъ, именно потому, что она всего ближе всѣхъ другихъ формъ собственности подходитъ къ идеалу поземельной собственности.

Вся выгода отъ улучшеній и отъ труда должна принадлежать лицу, трудящемуся и улучшающему.

Каждый земледѣлецъ долженъ быть землевладѣльцемъ.

Первая черта идеала относится къ успѣхамъ сельскаго хозяйства, вторая къ національному благосостоянію. Чѣмъ полнѣе осуществляются онѣ въ дѣйствительности, тѣмъ при равныхъ условіяхъ быстрѣе успѣхи сельскаго хозяйства и національнаго благосостоянія. Но форма владѣнія не есть единственное основаніе того и другаго: нужны другія условія, о нихъ-то и должны хлопотать въ каждой землѣ люди, желающіе успѣховъ сельскому хозяйству. Изъ этихъ условій отъ человѣческой воли зависитъ водвореніе законности, справедливости и правосудія, водвореніе хорошей администраціи, предоставленіе каждому простора для законной дѣятельности.

За осуществленіемъ этихъ условій слѣдуетъ и все остальное, нужное для успѣховъ земледѣлія: пробужденіе промышленной дѣятельности, развитіе городовъ, увеличеніе удобствъ сообщенія производителей съ рынкомъ.

Мы защищаемъ фактъ, у насъ сохранившійся, потому что онъ изъ всѣхъ возможныхъ на землѣ формъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ идеалу поземельной собственности.

Но фактъ самъ по себѣ есть уже всегда до нѣкоторой степени уклоненіе отъ идеала и нуждается постоянно въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и исправленіяхъ для соотвѣтствія съ нимъ. Потому, защищая принципъ факта, мы должны съ другой стороны сказать и о томъ, до какой степени дѣйствительныя подробности факта удовлетворительны, какія нѣтъ.

Нація имѣетъ два интереса:

1) Люди особенно даровитые, особенно счастливые или особенно дѣятельные, которые могутъ успѣшно выдерживать конкуренцію, любятъ рисковать.

2) Люди обыкновенные желаютъ жить безбѣдно и обезпеченно.

Для первыхъ существуетъ огромное поприще частной собственности, въ которой все предоставлено счастію, дарованію, силѣ или ловкости. Вторымъ нужно обезпеченное достояніе, независимое отъ превратностей счастія, такъ чтобы трудящійся всегда имѣлъ средства къ труду.

Это дается государственною поземельною собственностью съ общиннымъ владѣніемъ.

Я сынъ моей родины — этого довольно, родина поступаетъ со мною какъ мать: она даетъ мнѣ пріютъ, она даетъ мнѣ наслѣдство, достаточное для моего существованія, если я буду имъ пользоваться,—я получаю участокъ изъ государственной собственности.

Всѣ дѣти равно милы ей, —я получаю столько же, сколько мои братья. Они, быть можетъ, должны были нѣсколько потѣсниться, чтобы дать мѣсто новому гражданину, — они не ропщутъ на то, потому что и сами прежде меня получили участіе въ государственной землѣ такимъ же образомъ, —мое право есть ихъ право: явятся новые граждане, и когда мнѣ прійдется, въ свою очередь, потѣсниться для нихъ, я не ропщу на то, потому что самъ помѣщенъ былъ въ участіе наслѣдства моей родины такимъ же образомъ, — ихъ право есть мое право.

Но я хочу и имѣю средства искать чего нибудь лучшаго, нежели безбѣдная жизнь, я надѣюсь на особенныя свои силы, я имѣю особенныя наклонности,—прекрасно, это ужъ мое дѣло, мой рискъ. Значитъ, я уже отказываюсь отъ обезпеченности, мѣняя вѣрный, но скромный жребій на путь, могущій быть болѣе выгоднымъ или пріятнымъ мнѣ, но могущій и быть неудачнымъ. Я отказываюсь отъ участія въ государственной землѣ, я ищу себѣ личной, частной собственности.

Изъ этого ясны отношенія общиннаго владѣнія и частной поземельной собственности по объему.

Государственная поземельная собственность должна имѣть, по крайней мѣрѣ, такой объемъ, чтобы каждый изъ подушныхъ участковъ давалъ безбѣдныя средства для жизни землевладѣльцу.

Она будетъ имѣть такой объемъ, если къ ней причислить всѣ тѣ земли, которыя воздѣлываются для самихъ себя земледѣльцами. Если же нѣтъ, если различать наименованія, и изъ земель, находящихся въ общинномъ владѣніи или пользованіи, считать только тѣ неизъемлемыми изъ общаго государственнаго поземельнаго капитала, которыя называются нынѣ государственными;— если полагать, что тѣ земли, которыя носятъ имя частной собственности, но распредѣляются между поселянами по общинному праву, должны отойти въ ихъ или чью нибудь частную собственность, объемъ общаго государственнаго фонда окажется совершенно недостаточнымъ.

Отходить имъ изъ него нѣтъ основанія ни въ обычаѣ, ни въ правѣ.

Въ обычаѣ нѣтъ основанія потому, что онѣ распредѣляются въ пользованіе все-таки на основаніи общинномъ, и земледѣльцы, ихъ населяющіе, не видятъ въ этомъ отношеніи различія между собою и другими земледѣльцами.

Само собою разумѣется, мы здѣсь говоримъ о тѣхъ областяхъ имперіи, въ которыхъ общинное владѣніе есть обычай. Гдѣ обычай — частная собственность, вводить общинное владѣніе было бы слишкомъ сильнымъ потрясеніемъ обычая. Этой цѣли надобно достигать постепенно, и притомъ преимущественно объясненіями поселянамъ выгодъ общиннаго владѣнія и наглядными примѣрами по сосѣдству. Мѣры должны идти вслѣдъ за убѣжденіемъ большинства, а не предшествовать ему.

Въ правѣ нѣтъ основанія выпускать изъ государственнаго фонда земли, хотя бы и носящія имя частной собственности, но состоящія въ пользованіи у земледѣльцевъ по общинному принципу, потому что основаніе всѣхъ частныхъ правъ по имуществу — государственнаго благо, и слѣдовательно нѣтъ юридическаго основанія уменьшать, въ противность ему, государственный

фондъ изъ-за различія въ словахъ и названіяхъ, когда сущность владѣнія всѣхъ земледѣльцевъ одна и та же и по внѣшнему факту, и по обычаю, и по сознанію земледѣльцевъ—общинный принципъ.

И такъ: все, чѣмъ владѣютъ или что воздѣлываютъ для себя поселяне по общинному праву, должно быть государственною собственностью въ въ общинномъ владѣніи.

Затѣмъ, земли, которыя не только называются частною собственностью (одного имени мало), но также и воздѣлываются по принципу частной собственности, должны быть частною собственностью, потому что фактически только онѣ выдѣлились изъ общиннаго владѣнія. Тѣ участки, которыхъ земледѣлецъ, ихъ для себя воздѣлывающій, не имѣетъ нынѣ права продать или завѣщать по произволу, не есть фактически частная собственность, хотя бы и носили это имя: они распредѣляются по общинному праву, слѣдовательно находятся въ немъ, а не въ частной собственности.

Во многихъ мѣстностяхъ господствуютъ способы примѣненія общиннаго принципа, носящіе печать умственной неразвитости и неразсчетливости. Напримѣръ, дѣлятъ поля на множество полосъ по качеству грунта и въ каждой полосѣ нарѣзываютъ клочокъ для каждаго подушнаго или потягольнаго участка. Есть привычка винить въ томъ общинное владѣніе, но вовсе не оно тутъ виновато. Видѣли ль вы, какъ размежевываются дачи помѣщиковъ изъ черезполоснаго владѣнія? Очень часто такимъ же образомъ: дѣлятъ дачу на полосы, и въ каждой полосѣ каждый беретъ себѣ кусокъ, вмѣсто того, чтобы взять всю землю въ одномъ мѣстѣ. Это просто неумѣнье вознаградить количествомъ за качество. Само собою, этотъ обычай исчезнетъ, какъ скоро объяснится его невыгодность, и повсюду будетъ уравнительность участковъ производиться, какъ и теперь производится во многихъ мѣстахъ, тѣмъ, что участокъ лучшей земли будетъ меньше, участокъ худшей—больше.

О срокахъ передѣла мы уже говорили, что они опредѣляются характеромъ обработки: гдѣ земля не удобряется, почему не дѣлить и каждый годъ, если есть охота? Гдѣ удобряется, сроки передѣла болѣе продолжительны, и относительно прочности участокъ общинника ни мало не уступаетъ фермѣ.

Когда улучшенія сдѣлаются болѣе значительны, когда затрата капиталовъ на землю будетъ возможна, безъ сомнѣнія, войдетъ въ обычай вознаграждать отъ общины за потраченный на участокъ капиталъ, если этотъ участокъ переходитъ отъ одного къ другому. Это дѣло вовсе не затруднительно и не потребуетъ большихъ суммъ, потому что, какъ скоро улучшеніе дѣйствительно выгодно, оно быстро вводится всѣми, а пока этого нѣтъ, почти никто не вводитъ его. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, община прилачиваетъ очень немногимъ, потому что неравномѣрность улучшеній и затратъ незначительна или по качествамъ или по объему.

Мы не считали этого вознагражденія, когда дѣлали разсчетъ о томъ, сколько выгоды имѣетъ общинникъ отъ прочныхъ улучшеній, и много ли достается выгоды посторонимъ людямъ въ слѣдствіе передѣловъ. Но если взять вознагражденіе, то *рѣшительно вся* выгода остается въ рукахъ производящаго улучшеніе, и общинное владѣніе, и безъ того далеко превос-

ходящее въ этомъ отношеніи фермерскую систему, совершенно сравнится съ тѣмъ идеаломъ, во имя котораго исключительные защитники частной собственности вооружаются противъ общиннаго владѣнія, не соображая, что ихъ требованія существующими порядками частной собственности исполняются гораздо менѣе, нежели общинное владѣніе удовлетворяетъ верховному условію всякихъ улучшеній.

Личный интересъ есть двигатель улучшеній.

Только общинное владѣніе распредѣляетъ землею такимъ образомъ, что рента, проценты оборотнаго капитала и трудъ соединяются въ одномъ лицѣ, которое потому имѣетъ всю выгоду и трудиться наилучшимъ образомъ, и затрачивать наибольшее количество капитала на оживленіе труда улучшеніями, и по возможности увеличивать ренту.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. *Сравненіе выгодности прочныхъ улучшеній для общинника и для фермера.*

1. Общинники.

Передѣлы черезъ 15 лѣтъ.

При передѣлахъ за каждою семьею оставляютъ прежній участокъ, или, если участокъ долженъ уменьшиться, оставляютъ семьѣ слѣдующую ей часть прежняго участка,—таковъ господствующій у насъ обычай вездѣ, гдѣ земля сколько нибудь удобряется.

Если число душъ въ семьѣ возрастаетъ сообразно общему возрастанію душъ въ селѣ, она сохраняетъ прежній участокъ въ прежнемъ объемѣ, слѣдовательно ничего не теряетъ изъ капитала, затраченнаго на этотъ участокъ. Тоже самое, когда она возрастаетъ быстрѣе общей пропорціи, — участокъ остается прежній; къ нему прирѣзывается еще кусокъ, какой слѣдуетъ.

Итакъ, потеря возможна только тогда, когда число душъ въ семьѣ увеличивается менѣе, нежели общее число душъ въ селѣ. Беремъ очень невыгодный случай: число душъ въ семьѣ вовсе не увеличивается, между тѣмъ какъ общее число душъ въ селѣ быстро возрастаетъ, напримѣръ на 25% въ каждые 15 лѣтъ,— эта быстрота почти безпримѣрная, и потому потери семьи вслѣдствіе уменьшенія участка также необычайно велики. Посмотримъ однако, каковы онѣ.

Село имѣетъ 320 душъ муж. пола, съ 3,200 десятинъ земли, или по 10 десят. на душу.

Семья Перфильевыхъ состоитъ изъ 4 душъ; ей дается участокъ въ 40 десятинъ. Она для его улучшенія затрачиваетъ капиталъ въ 20 р. сер. на десятину, всего на участокъ 800 р. Отъ этого улучшенія, дѣйствіе котораго продолжается на 57 лѣтъ, ежегодный доходъ съ десятины увеличивается на 2 р. 50 коп.

На работы, нужныя для этихъ улучшеній, требуется 3 года. Потому увеличеніе дохода начинается только съ 4-го года.

Весь періодъ работъ и приносимой ими пользы составляютъ 60 лѣтъ.

Посмотримъ же теперь, каковы выгоды или потери Перфильевыхъ отъ обращенія этого капитала на землю.

Первыя пятнадцать лѣтъ. Съ четвертаго года, 40 десятинъ даютъ по 2 р. 50 коп., всего 100 р. въ годъ или въ 12 лѣтъ 1200 р.

Вторыя 15 лѣтъ. Передѣлъ. Число душъ въ селѣ возросло до 400. На душу приходится по 8 дес.; у Перфильевыхъ (4 души) остается только 32 десятины, остальныя 8 отрѣзываются для надѣленія другихъ семей. Съ 32 десят. избытокъ дохода (по 2 р. 50)—80 р., въ 15 лѣтъ—1200 р.

Третьи 15 лѣтъ. Передѣлъ. Число душъ возросло до 500. На душу приходится до 6,4 десятины. Участокъ Перфильевыхъ (4 души) уменьшается до 25,6 десятинъ. Съ нихъ избытокъ дохода ежегодно 64 р., въ 15 лѣтъ 960 р.

Четвертыя 15 лѣтъ. Число душъ возросло до 625. На душу приходится по 5,12 десят. Участокъ Перфильевыхъ (4 души) уменьшается до 20,48 десят. Съ нихъ избытокъ дохода 51 р. 20 коп., всего въ 15 лѣтъ 768 р.

Съ истеченіемъ послѣдняго срока, сила произведеннаго удобренія или улучшенія истощилась. Семья Перфильевыхъ отъ 800 р., употребленныхъ на улучшеніе, получила:

весь избытокъ дохода

1200
1200
960
768

4128

Таковъ доходъ ихъ. Теперь надобно сосчитать, сколько дохода отъ произведеннаго улучшенія перешло въ чужія руки, вслѣдствіе передѣловъ. Удобренныя 40 десятинъ ежегодно даютъ по 100 р., всего въ теченіе 57 лѣтъ 5700 р.; изъ нихъ только 4128 досталось семьѣ, которая произвела улучшеніе; значитъ, 1572 р. отошло въ чужія руки вслѣдствіе передѣловъ.

2. Фермеръ.

Срокъ контракта мы полагаемъ такой же, какъ срокъ передѣла, 15 лѣтъ; величину фермы – равную величинѣ участка, улучшеннаго Перфильевыми; величину затраченнаго капитала, силу и продолжительность дѣйствій улучшенія—такія же. Счетъ составляется очень просто.

До окончанія контракта фермеръ имѣетъ ежегодно 100 р. выгоды (по 2 р. 50 коп. съ десятины), всего по истеченіи 12 лѣтъ 1200 р.

Контрактъ кончился. До сихъ поръ фермеръ платилъ 500 р. сер. арендной платы; теперь собственникъ говоритъ ему: давай мнѣ 600 р. или я найду другаго фермера, который дастъ эту сумму, вѣдь ферма теперь

приноситъ болѣе дохода, нежели тогда, когда мы съ тобою заключали прежній контрактъ. Итакъ, въ остальныя 45 лѣтъ, на которыя продолжается дѣйствіе произведеннаго улучшенія, фермеръ, произведшій это улучшеніе, не пользуется отъ него ни на копѣйку; выгода его ограничивается только срокомъ перваго контракта. 1200 р.—вотъ весь доходъ человѣка, произведшаго улучшеніе; 4500 р. сер. идутъ въ чужія руки. Фермеръ находитъ и это выгоднымъ,—вѣдь онъ все таки, затративъ 800 р., получилъ 1200 р., то есть 400 р. чистой прибыли; спрашивается: какъ-же не найдетъ выгоднымъ подобную же затрату капитала семья общинниковъ, которые получатъ на тѣ же 800 р.—4128 р., то есть 3328 р. чистой прибыли?

Фермеръ получилъ 50% прибыли,—это для него достаточно привлекательный интересъ; а для семьи общинниковъ не будутъ имѣть достаточной привлекательности 416%?

Изъ прибыли, произведенной трудомъ и капиталомъ общинниковъ, менѣе, нежели одна треть идетъ въ чужія руки,—этимъ доказывается несообразность общиннаго владѣнія съ здравыми принципами употребленія капиталовъ; а изъ прибыли, производимой трудомъ и капиталомъ фермера, болѣе нежели девять-десятыхъ идутъ въ чужія руки.—это сообразно съ здравыми принципами?

Само собою разумѣется, цифра 12½% прибыли отъ капитала, приложеннаго къ прочному улучшенію, взята примѣрно; но возьмите какую угодно другую цифру—3%, 36%, все равно, пропорція между результатами фермерскаго и общиннаго счета выйдетъ одинаковая.

Само собою разумѣется также, что и цифра 57-лѣтняго періода дѣйствій улучшенія только примѣрная. Но опять-таки сущность дѣла остается та же самая, какую бы цифру ни взять: все-таки, если общинникъ пользуется полною прибылью отъ своего улучшенія только до передѣла земли, то и фермеръ только до возобновленія контракта,—стало быть тутъ не имѣетъ ни малѣйшаго преимущества передъ общинниками; напротивъ, сроки контракта въ Англіи 7—14 лѣтъ, и продолжительнѣе быть имъ неудобно, иначе это будетъ уже не фермерскій контрактъ, а какая-нибудь форма низшей степени развитія, болѣе стѣснительная для обѣихъ сторонъ, и для собственника и для арендатора,— а срокамъ передѣла не нужно быть менѣе 10—15 лѣтъ, если только земля стала удобряться порядочнымъ образомъ (если она не удобряется, это другое дѣло, тутъ хотя каждый годъ передѣлъ, никто ничего не теряетъ, потому что ничего не затрачено на землю)— менѣе нежели въ 10 лѣтъ не произойдутъ значительныя перемѣны въ общемъ составѣ населенія.

Итакъ, на первые годы, число которыхъ у фермера нѣсколько меньше, нежели у общинника, оба они имѣютъ одинаково полную выгоду отъ улучшеній. Но относительно тѣхъ лѣтъ, которыя выходятъ далѣе, выгода вся уже на сторонѣ общинника: онъ теряетъ что нибудь только въ одномъ изъ трехъ шансовъ, если его семья возрастаетъ менѣе, нежели въ средней пропорціи; да и въ томъ случаѣ онъ никакъ и никогда не потеряетъ свою прибыль, а теряетъ только часть ея; напротивъ, фермеръ теряетъ непремѣнно и всегда всю прибыль. И чѣмъ продолжительнѣе періодъ дѣй-

ствій произведеннаго улучшенія, тѣмъ болѣе склоняется преимущество на сторону общинника. Напримѣръ:

Предположимъ, что строится деревянная водоподъемная машина для орошенія луговъ. Дѣйствуетъ она 20 лѣтъ. Прибыль отъ нея съ десятины 2 р. 50 коп.; фермеръ получилъ полную прибыль только съ 14 лѣтъ своего контракта, а общинникъ полную прибыль за 15 лѣтъ, и еще или полную прибыль или большую часть прибыли за остальныя пять лѣтъ. Счетъ таковъ: съ 40 дес. фермеръ получаетъ 1400 р.; общинникъ 1500 до передѣла, 250 въ слѣдующія пять лѣтъ, полагая, что участокъ его уменьшится послѣ передѣла даже на половину—разница 350 р. въ пользу общинника; она значительна, но еще не громадна.

Но положимъ, что вмѣсто деревянной водоподъемной машины дѣлается каменный водопроводъ — онъ простоитъ 500 лѣтъ,—тогда сообразите всю сумму прибыли для рода общинниковъ, хотя бы этотъ родъ удерживалъ за собою, среднимъ числомъ, только половину первоначальнаго участка. Вотъ счеты: фермеръ за 14 лѣтъ отъ 40 дес. (по 2 р. 50 коп.) 1400 р. Родъ общинниковъ Перфильевыхъ за 15 лѣтъ отъ 40 дес.—1500, и за 485 лѣтъ отъ 20 десятинъ, то есть по 50 р. въ годъ, 24250 р.,— всего 25,750 р. То есть, чѣмъ прочнѣе улучшеніе, тѣмъ громаднѣе становятся выгоды общинника стремиться къ этому улучшенію, сравнительно съ выгодами фермера.

Того, кто возьметъ на себя трудъ подумать серьезно, подобные примѣры могутъ, кажется, убѣдить, что мысль, будто общинное владѣніе менѣе другихъ способовъ владѣнія благопріятно для прочныхъ улучшеній,—это мнѣніе рѣшительно противорѣчитъ здравому анализу фактовъ. Теперь мы доказали, что общинникъ имѣетъ въ прочныхъ улучшеніяхъ гораздо болѣе интереса, нежели фермеръ. Ниже мы увидимъ, что онъ имѣетъ въ нихъ больше интереса, нежели самый собственникъ, если брать собственника не идеальнаго, а такого, какимъ мы видѣли его въ дѣйствительности.

При этомъ надобно замѣтить, что мы брали такую форму общиннаго владѣнія, какая существуетъ на фактѣ; безъ всякихъ исправленій. А въ Россіи мало еще развитъ экономическій бытъ, и потому конечно формы общиннаго владѣнія развились еще мало, и усовершенствуются при большемъ экономическомъ развитіи.

В. *О возможности прочныхъ улучшеній при фермерской системѣ со стороны собственника.*

Даже тогда, когда прочныя улучшенія производитъ фермеръ, большая часть прибыли идетъ въ руки собственника. Не выгодно ли по этому производить подобныя улучшенія самому собственнику?

Теоретически тутъ возможны два пути: или собственникъ прекращаетъ контрактъ и беретъ землю подъ свое управленіе на время работъ; или оставляетъ ее въ распоряженіи фермера. Но практически первый путь невозможенъ, потому что сопряженъ съ потерями, слишкомъ громадными: фермерское хозяйство могутъ продолжать только фермеры; собственникъ, взявшись за него, понесетъ огромные убытки.

Остается второй способъ: фермеръ продолжаетъ хозяйничать на землѣ, на которой производятся собственникомъ улучшенія.

Хозяйничаетъ одинъ, производитъ затраты другой—тутъ являются всѣ тѣ затрудненія, которыя приводятся противъ административнаго коммунизма. Старая школа экономистовъ признаетъ эти затрудненія непреоборимыми (не замѣчая того, что этотъ административный коммунизмъ вездѣ, гдѣ трудится одинъ, управляетъ работою другой, а расходы идутъ изъ денегъ третьяго). Пусть онѣ будутъ и побѣдимы, во всякомъ случаѣ онѣ влекутъ напрасное увеличеніе расходовъ въ сильномъ размѣрѣ. Оцѣнимъ его хотя въ 50 процентовъ,—цифра слишкомъ умѣренная.

Контрактъ существуетъ. До окончанія его срока остается среднимъ числомъ 5 лѣтъ (средняя продолжительность контракта при предѣлахъ 7—14 лѣтъ 10 лѣтъ: половина этой цифры даетъ среднюю продолжительность времени, остающагося отъ начала работъ до окончанія его срока,—потому что работы въ общей массѣ національнаго хозяйства равно распадаются на всѣ годы, и для нормальнаго разсчета надобно принимать среднюю цифру между всѣми отдѣльными случаями, распадающимися на всѣ годы, отъ перваго до послѣдняго).

Возьмемъ прежній случай, служившій нормою разсчета въ приложеніи А, то-есть, затрату по 20 руб. сер. на десятину для улучшенія, дающаго прибыль по $12^1/_2{}^0/_0$ на 57 лѣтъ.

Для фермера было выгодно производить такую затрату. Посмотримъ, можетъ ли сдѣлать ее собственникъ. Ферма имѣетъ 40 десятинъ и даетъ ренты 400 р.; отъ затраты 800 р. (экономическимъ образомъ), она будетъ втеченіе 57 лѣтъ давать по 100 руб. лишнихъ.

Собственникъ говоритъ фермеру: я произвожу улучшеніе, возвышающее доходность фермы на 100 р., - согласенъ ли ты въ 5 лѣтъ, остающіяся до окончанія контракта, платить мнѣ по 100 руб. лишнихъ?

Фермеръ не можетъ согласиться. Прежде онъ, платя 400 р. ренты, имѣлъ дохода въ остаткѣ 200 р.; теперь онъ будетъ платить по 500 р., а въ остаткѣ будетъ имѣть по прежнему 200 р.; прежде оборотный капиталъ (400 р.) давалъ ему $50{}^0/_0$, теперь (500 р.) будетъ давать только $40{}^0/_0$—ясно, что перемѣна для него убыточна.

Съ него требуютъ 100 р. въ годъ,—зачѣмъ же ему платить ихъ безъ всякой выгоды для себя? Они могутъ давать ему проценты; платить ихъ задаромъ—значитъ терпѣть убытокъ.

Фермеръ не согласится измѣнить контрактъ. Собственникъ, если хочетъ сдѣлать улучшеніе, выгоду отъ него до окончанія контракта долженъ оставить въ рукахъ фермера.

Итакъ, пять лѣтъ онъ не получаетъ прибыли. Посмотримъ теперь его счетъ.

Работы производятся, какъ мы видѣли, расточительнымъ образомъ; вмѣсто 800 р., у собственника выходитъ на нихъ 1200 р. Пять лѣтъ они не приносятъ ему пользы,—а если-бы онъ купилъ на нихъ акцій, дающихъ только по $7^1/_2{}^0/_0$, онъ получилъ бы по 90 руб. въ годъ, то есть въ 5 лѣтъ капиталъ возросъ бы до 1722 р. 50 коп.; съ этой суммы въ акціонерномъ

обществѣ онъ получалъ бы (по $7^1/_2{}^0/_0$) ежегодно 9 руб. 19 коп., а улучшеніе даетъ ему только 100. Притомъ, въ акціонерномъ доходѣ не заключается погашеніе его капитала,—доходъ остается вѣченъ, а улучшеніе теряетъ свою силу черезъ 57 лѣтъ, и за вычетомъ 5 лѣтъ, прошедшихъ до конца перваго контракта, онъ пользуется доходомъ только 52 года,—стало быть, изъ дохода съ улучшенія надобно вычитать погашеніе капитала около $1^0/_0$ въ годъ, или на 1722 р. около 16 р., и чистый доходъ остается только 83 р.

Само собою разумѣется, цифры 57 лѣтъ, $7^1/_2$ и $12^1/_2{}^0/_0$ взяты примѣрно. Но какія бы цифры ни были взяты, сущность дѣла остается таже: собственнику вообще выгоднѣе помѣстить свой капиталъ въ какое нибудь другое промышленное предпріятіе, нежели обратить его на улучшеніе своихъ земель при фермерской системѣ. Земледѣльческое улучшеніе только тогда должно представляться ему выгоднымъ помѣщеніемъ капитала, когда дастъ вдвое или даже втрое болѣе процентовъ, нежели всякая другая промышленность,—случай конечно ненормальный.

Но мы говоримъ о случаѣ очень рѣдкомъ при системѣ фермерства, полагая, что у собственника есть охота, знаніе дѣла и капиталъ для земледѣльческихъ улучшеній. Соединеніе въ немъ такихъ условій—случай также ненормальный.

Онъ отдаленъ отъ сельскаго хозяйства фермеромъ—онъ не хозяинъ, онъ просто получаетъ отъ фермера нѣчто въ родѣ пенсіи или подати подъ именемъ арендной платы; хозяйственнаго знанія у него нѣтъ. Охота къ труду въ немъ давнымъ давно погасла.

Онъ пользуется синекурою. Синекура всегда развиваетъ страсть къ праздными и роскошнымъ привычкамъ. Потому, вообще говоря, хорошо уже и то, когда сходятся у него концы съ концами. Обыкновенно, онъ чувствуетъ влеченіе жить выше своихъ средствъ.

Присмотрѣвшись къ англійскому быту, мы видимъ подтвержденіе этой теоріи. Все сословіе англійскихъ собственниковъ страшно обременено долгами; на англійскихъ помѣстьяхъ лежитъ долгъ, составляющій $50^0/_0$ всей ихъ цѣнности. Это въ 4 раза больше, нежели во Франціи. Но стоитъ только развиться во Франціи системѣ фермерства, и тамъ помѣстья гораздо ниже нынѣшняго погрузятся въ долги.

До затратъ ли на экономическія улучшенія человѣку, у котораго на помѣстьяхъ лежитъ долгъ, равняющійся половинѣ всей ихъ цѣнности?

С. *Необходимость замѣненія фермерствомъ всѣхъ другихъ способовъ производства на участкахъ, дающихъ ренту, достаточную для праздной жизни, какъ скоро является возможность прилагать къ земледѣлію значительный капиталъ.*

Въ извѣстной мѣстности, положимъ въ департаментѣ Луары, десятина земли, воздѣлываемая простыми старинными способами, даетъ 20 р. сер. валоваго дохода, причемъ оборотнаго капитала на обработку требуется только 10 р. сер. Этимъ капиталомъ обладаютъ половники.

Но если ввести улучшенные способы, для чего потребуется еще по

50 р. сер. оборотнаго капитала на десятину (всего съ прежнимъ 60 р.), валовой доходъ съ десятины увеличится до 40 р., а чистый до 25 р.

Цѣнность земли 180 р. десятина.

Monsieur Жако имѣетъ 400 десятинъ земли. Спрашивается теперь, что ему выгоднѣе: оставить свои земли по прежнему, подъ системою половничества, или завести собственное хозяйство, или согласиться на фермерскую систему?

Половники изъ 20 р. валоваго дохода даютъ ему 10 р., всего съ 400 десятинъ 4,000 р.

Если онъ введетъ улучшенное хозяйство и самъ займется имъ, ему понадобится капиталъ въ 60 р. на десятину. Ему надобно занять эту сумму или продать часть земли, чтобы получить капиталъ для обработки остальной земли. Въ сущности, продажа выгоднѣе займа, и онъ продаетъ 100 десятинъ, за которыя получаетъ 18,000 р.; на этотъ капиталъ, по 60 р. на десятину, онъ обработываетъ остальныя 300 десятинъ; валоваго дохода получается по 40 р. съ десятины, а чистаго дохода по 25 р., всего съ 300 десятинъ чистаго дохода 7,500 р.

Но сколько онъ получитъ ренты отъ фермера? На свои 60 р. оборотнаго капитала фермеру довольно получать по 10 процентовъ. Итакъ, онъ, изъ чистаго своего дохода 25 р., считаетъ выгоднымъ удерживать у себя даже только 6 р., а остальныя 19 р. согласится отдать, какъ ренту. Если Жако отдастъ свои земли фермеру, онъ не имѣетъ нужды ни въ какомъ капиталѣ и сохраняетъ всѣ свои земли. Съ 400 десятинъ по 19 рублей, фермеры платятъ ему всего 7,600 р.

Итакъ, Жако, если онъ не имѣетъ капитала, получитъ болѣе выгоды, когда отдастъ свою землю фермерамъ, нежели когда самъ будетъ обработывать ее.

А капитала у него нѣтъ, потому что онъ можетъ жить не трудясь, а такая возможность всегда приводитъ къ праздымъ и роскошнымъ привычкамъ.

Если же у него есть капиталъ, нужный для обработки его земель, то есть 24,000 р. (на 400 десятинъ), тогда онъ, конечно, получитъ, самъ занимаясь хозяйствомъ, 10,000 р. чистаго дохода.

Но все-таки онъ предпочтетъ сдѣлать изъ своего капитала другое употребленіе, а землю отдать фермерамъ; купивъ на него акцій, приносящихъ хотя по 6 процентовъ, онъ получитъ отъ своего капитала 1,440 р.; да отъ фермеровъ 7,600, итого будетъ имѣть 9,040 р., ровно ничего не дѣлая, ровно ни о чемъ не заботясь; а собственное хозяйство дастъ ему 10,000 р. Неужели каждый не предпочтетъ имѣть 9,000 р., вовсе не трудясь, нежели 10,000 р., обременяя себя хлопотами? Пенсія въ 900 р. каждому пріятнѣе, нежели хлопотливое мѣсто съ 1,000 р. дохода.

D. *Матеріалъ для опредѣленія, каково нормальное дѣйствіе принципа наслѣдственности въ распредѣленіи поземельной собственности.*

Изумительна та легкость, съ которою старая школа экономистовъ отвергаетъ наглядные факты двумя-тремя силлогизмами.

Точно такимъ образомъ рѣшается старою школою и вопросъ о дѣйствіи принциповъ, управляющихъ движеніемъ поземельной собственности. „Каждый экономическій принципъ самъ въ себѣ носитъ исцѣленіе своимъ вреднымъ дѣйствіямъ“,—этимъ все сказано, больше не о чемъ хлопотать. А факты говорятъ не то.

Мы приведемъ одинъ примѣръ относительно принципа поземельнаго наслѣдства. Другіе принципы далеко не имѣютъ такой силы; притомъ же ихъ дѣйствія очевиднѣе, какъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Чтобы узнать направленіе, въ которомъ дѣйствуетъ поземельная наслѣдственность, возьмемъ для примѣра хотя нѣсколько генеалогическихъ таблицъ и посмотримъ, какъ развѣтвлялись роды втеченіе нѣсколькихъ поколѣній. Для этого мы беремъ 4-ю часть „Россійской родословной книги“, кн. П. Долгорукова.

Группы родственниковъ разнообразны и по числу лицъ и по близости родственныхъ отношеній въ каждой группѣ. Для удовлетворенія этимъ условіямъ, существующимъ въ дѣйствительности, мы возьмемъ нѣсколько родовъ, изъ каждаго рода возьмемъ какое нибудь изъ среднихъ поколѣній, отъ VII до X. Такимъ образомъ, въ каждой группѣ будутъ разнообразныя степени родства.

Фамиліи мы беремъ наудачу, поколѣнія также.

Фамилій мы набираемъ столько, чтобы въ поколѣніяхъ, нами взятыхъ, насчиталось до 250 мужчинъ.

Вотъ фамиліи и поколѣнія, наудачу взятыя нами изъ „Родословной книги“ кн. Долгорукова:

Арсеньевы VIII; Бахметьевы IX; Вельяминовы-Зерновы X; Воейковы X; Жеребцовы IX; Игнатьевы IX; Квашнины VII; Колычевы VII; Орловы-Давыдовы VII; Шишковы X.

Всѣ вмѣстѣ, эти поколѣнія всѣхъ десяти родовъ имѣютъ 251 мужчину.

И такъ мы имѣемъ 251 лицо мужескаго пола. Эти лица соединены между собою родствомъ въ нѣсколько группъ, и въ каждой группѣ есть разнообразныя степени родства. Словомъ, генеалогическія отношенія въ нашемъ примѣрѣ совершенно соотвѣтствуютъ условіямъ дѣйствительности.

Будемъ же, анализируя родословныя этихъ лицъ, изучать дѣйствіе принципа наслѣдственной собственности. Для того, чтобы характеристическія особенности этого принципа выставлялись яснѣе, мы не забудемъ сравнивать ихъ съ результатами, къ какимъ приводитъ принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія.

Посмотримъ сначала, какъ развѣтвились родственныя группы въ четвертомъ поколѣніи отъ того, съ котораго начался нашъ счетъ, иначе сказать, сколько въ каждой группѣ явилось правнуковъ.

	Прадѣды, число мужчинъ.	Правнуки, число мужчинъ.
№ 1 Арсеньевы	10	54
— 2 Бахметьевы	9	37
— 3 Вельяминовы-Зерновы	28	30
— 4 Воейковы	62	98
— 5 Жеребцовы	11	40

№ 6 Игнатьевы	16	33
— 7 Квашнины	23	21
— 8 Колычевы	47	18
— 9 Орловы-Давыдовы	25	24
— 10 Шишковы	20	33
Итого . . .	251	388

Итакъ, при смѣнѣ трехъ поколѣній, число лицъ увеличилось почти въ полтора раза.

При прадѣдахъ было въ селѣ общинное владѣніе, и на каждую душу мужескаго пола приходилось 12 десятинъ.

Если общинное владѣніе сохранилось при правнукахъ, каждая мужская душа имѣетъ около $7^3/_4$ десятинъ. Каково же будетъ благосостояніе правнуковъ сравнительно съ прадѣдами?

Въ теченіе вѣка земледѣліе сдѣлало нѣкоторые успѣхи; развилась торговля хлѣбомъ съ близь лежащими городами и съ оптовыми торговцами, отправляющими хлѣбъ въ столицы и за границу.

Вслѣдствіе улучшеній въ земледѣліи каждая десятина даетъ среднимъ числомъ на 50% болѣе сбора, нежели при прадѣдахъ *).

Благодаря увеличенію запроса (отъ возрастанія населенія и развитія торговли) и пониженію цѣны мануфактурныхъ издѣлій (отъ усовершенствованій въ технологіи и механикѣ) цѣнность хлѣба поднялась въ теченіе вѣка, сравнительно съ другими продуктами, тоже на 50% **).

Посмотримъ же теперь, каково при сохраненіи общиннаго владѣнія благосостояніе правнуковъ сравнительно съ благосостояніемъ прадѣдовъ.

---

*) Это число очень умѣренно; тутъ надобно принять въ разсчетъ: 1) разработку земель, прежде лежавшихъ пустыми—прадѣды распахивали изъ 3,012 десятинъ, только 1,200, правнуки распахиваютъ, вслѣдствіе увеличенія числа рукъ, 1,800. Это одно уже увеличиваетъ средній доходъ съ десятины на 50 о. 2) Расширеніе культуры растеній, дающихъ обильный сборъ, напримѣръ свекловицы и картофеля. Если на нихъ обращено 200 десятинъ у правнуковъ вмѣсто 100 десятинъ при прадѣдахъ, это одно увеличитъ средній сборъ съ десятины на 10%; 3) улучшенія въ обработкѣ земли и ея удобреніи, положимъ хотя на 10% въ теченіе вѣка,— это слишкомъ умѣренно. Итакъ мы имѣемъ $1{,}50 \times 1{,}1 \times 1{,}1 = 1815$; то есть, при самыхъ ничтожныхъ улучшеніяхъ, сборъ хлѣба увеличился на $81^1/_2$%, а мы приняли только 50%.

**) Это также слишкомъ умѣренно. Читатель замѣтитъ, что мы беремъ не цѣну хлѣба, выраженную въ звонкой монетѣ она можетъ возрастать или уменьшаться, смотря по обилію благородныхъ металловъ и замѣняющаго ихъ кредита, а также быстротѣ размѣнныхъ оборотовъ, -нѣтъ, мы беремъ относительную цѣнность хлѣба по сравненію съ другими продуктами. Напримѣръ, если при прадѣдахъ четверть ржи стоитъ 2 р., а пудъ сахару 10 р., и аршинъ ситцу 20 коп., а при правнукахъ четверть ржи стоитъ 2 р. 40 коп., но пудъ сахару стоитъ 6 р., а аршинъ ситцу только 12 коп., то за четверть ржи земледѣлецъ получаетъ:

При прадѣдахъ 8 фунтовъ сахару или 10 аршинъ ситца
„ правнукахъ 16 „ „ „ 20 „ „

полагая, что цѣна покупаемыхъ земледѣльцами продуктовъ понизилась такъ же, какъ цѣна сахару и ситцу, мы получимъ, что цѣнность хлѣба увеличилась по сравненію съ другими продуктами на 100%, хотя по отношенію къ звонкой монетѣ цѣна его увеличилась только на 20%.

Каждый скажетъ, что мы принимаемъ слишкомъ малый прогрессъ, если скажемъ, что въ теченіе вѣка мануфактурныя издѣлія и такъ далѣе, становятся только на $^1/_3$ обильнѣе, нежели были сто лѣтъ тому назадъ,—а этого уже достаточно, чтобы земледѣлецъ за свой хлѣбъ получалъ разныхъ издѣлій и удобствъ на 50% болѣе, нежели его прадѣдъ получалъ за сто лѣтъ до него.

Если десятина земли давала прадѣду житейскихъ удобствъ на 4, то правнуку она даетъ тѣхъ же удобствъ на 9 *).

Но прадѣдъ получалъ доходъ съ 12 десятинъ, а правнукъ только съ 8 десятинъ. Итакъ:

Благосостояніе прадѣда $4 \times 12 = 48$

„ „ правнука $9 \times 7^3/_4 = 69^3/_4$.

Итакъ, въ теченіе вѣка, при сохраненіи общиннаго владѣнія, благосостояніе земледѣльцевъ увеличилось на 40%, хотя число населенія и возрасло въ полтора раза.

Теперь посмотримъ, что будетъ съ этими правнуками при уничтоженіи общиннаго владѣнія землею.

У прадѣда Захара было два сына, Иванъ и Петръ; отъ Ивана произошло десять внуковъ, отъ Петра только одинъ; послѣднему достается въ десять разъ больше, нежели каждому изъ его троюродныхъ братьевъ; мало того: трое прадѣдовъ: Сидоръ, Карпъ и Ѳедоръ были родные братья; изъ нихъ только у одного Сидора остался правнукъ,—ясно, что этотъ правнукъ Сидора будетъ одинъ имѣть втрое болѣе, нежели всѣ вмѣстѣ потомки Захара, будетъ имѣть въ шесть разъ больше, нежели внукъ Петра, которому досталась половина Захарова имущества, и въ 30 разъ болѣе, нежели каждый изъ десяти внучатъ Ивана, между которыми раздѣлилась другая половина Захарова имущества.

Кто прослѣдитъ такимъ образомъ генеалогію, напримѣръ, группы № 8 (Колычевы, поколѣніе VII), тотъ увидитъ, что изъ 18 ихъ правнуковъ (X поколѣніе Колычевыхъ) двое будутъ имѣть каждый по 138 десятинъ, а 6 человѣкъ только по 6, и 3 человѣка даже только по 4 десятины, то есть по дѣйствію наслѣдства между людьми одной родственной группы, въ которой прадѣды имѣли одинаковое благосостояніе, явятся черезъ три поколѣнія такіе люди, которые будутъ имѣть въ двадцать и даже въ тридцать разъ менѣе своихъ родственниковъ. Тоже самое и во всѣхъ другихъ группахъ.

Спрашивается теперь: каковы будутъ чувства между этими людьми? Будутъ или нѣтъ бѣдняки завидовать своему недальнему родственнику, который имѣетъ больше ихъ въ 30 разъ, между тѣмъ какъ еще прадѣды ихъ жили одинаково, и въ семьяхъ сохранилась о томъ свѣжая память? Не замѣнится ли злобою съ одной стороны, презрѣніемъ и опасеніемъ съ другой, чувство благорасположенія, которому такъ легко было существовать между одинаково благосостоятельными прадѣдами?

Но все это только отдѣльные примѣры; посмотримъ, каковъ общій ходъ дѣлъ, какъ распредѣлились всѣ жители нашего села дѣйствіемъ наслѣдства черезъ три поколѣнія послѣ того, какъ уничтожилось общинное владѣніе.

Мы представляемъ общую таблицу; кто захочетъ провѣрить выводы,

*) Второе число выводится изъ перваго такимъ образомъ: $4 \times 1{,}5$ (вслѣдствіе увеличенія сбора) $\times 1{,}5$ (вслѣдствіе возвышенія цѣны) $= 9$.

Это пропорція вообще самая умѣренная; если мы возьмемъ хотя цифры, указанныя въ примѣчаніяхъ, впрочемъ также слишкомъ низко оцѣнивающія вѣроятный прогрессъ торговли и промышленности въ теченіе вѣка, мы получимъ $4 \times 1{,}815 \times 2 = 14{,}46$.

нами составленные, можетъ сдѣлать это по „Родословной книгѣ“ князя Долгорукова. Вотъ распредѣленіе земли по праву поземельнаго наслѣдства въ четвертомъ поколѣніи *) отъ людей, при которыхъ уничтожается общинное владѣніе.

Распредѣленіе земли по праву наслѣдства между 388 правнуками людей, въ числѣ 251 человѣка, владѣвшихъ общинною землею въ количествѣ 3,012 десятинъ и при уничтоженіи общиннаго владѣнія получившихъ каждый по 12 десятинъ въ наслѣдственную собственность.

Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.	Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.
2	138	3	6,666
1	108	2	6,375
2	63	3	6,20
1	60	24	6
2	54	6	5,40
1	40	9	5
4	36	6	4,5
3	30,66	22	4
5	30	4	3,75
2	27	3	3,60
4	25,50	6	3,33
2	24	4	3,15
2	21	26	3
2	20,50	6	2,7
2	20	6	2,66
3	18	5	2,40
3	17	34	2
3	16	3	1,66
8	15	36	1,50
4	13,50	7	1,428
3	12,75	8	1,33
2	12,60	5	1,20
12	12	5	1,08
4	10,80	18	1
6	10,5	6	0,9
7	10	6	0,833
6	9	2	0,75
1	8	10	0,666
6	7	6	0,444
		4	0,375

Прежде всего, въ этой таблицѣ поражаетъ громадное различіе состояній, произведенное вліяніемъ наслѣдства: между правнуками людей, имѣвшихъ каждый по 12 десятинъ, явились люди, получившіе по наслѣдству болѣе ста десятинъ; за то другимъ досталось только по одной десятинѣ и менѣе десятины; есть даже такіе, которымъ досталось только по $^4/_9$ или даже только по $^3/_8$ десятины. Два крайніе предѣла наслѣдственныхъ иму-

*) Арсеньевы поколѣніе XI; Бахметьевы—XII; Вельяминовы-Зерновы—XIII Воейковы—XIII; Жеребцовы—XII; Игнатьевы—XII; Квашнины—X; Колычевы—X; Орловы-Давыдовы—X; Шишковы—XIII.

ществъ относятся между собою какъ 368 къ 1. Такъ громадна неравномѣрность, произведенная наслѣдствомъ только въ теченіе трехъ поколѣній. Съ каждымъ поколѣніемъ она увеличивалась по нашимъ генеалогическимъ таблицамъ, и если взять вмѣсто 4-го поколѣнія пятое, она будетъ еще огромнѣе, въ 6-мъ поколѣніи еще громаднѣе и т. д.

Но сравнивать крайніе предѣлы, значитъ только говорить о счастіи и несчастіи немногихъ отдѣльныхъ личностей. Чтобы понять дѣйствіе общаго принципа на массу населенія, надобно подвести отдѣльные случаи подъ общіе разряды.

Разряды составятся у насъ слѣдующимъ образомъ. Средній доходъ съ десятины при правнукахъ мы будемъ считать въ 27 рублей *). Нормальную цифру для безбѣдной жизни земледѣльца мы пріймемъ въ 100 руб. сер. дохода. Имѣющій въ шесть разъ болѣе будетъ въ роскоши. Имѣющій отъ 300 до 600 руб. будетъ жить въ изобиліи. Имѣющій 140 — 300 будетъ зажиточнымъ человѣкомъ. Имѣющій 85 — 140 рублей живетъ безбѣдно. Имѣющій 66—85 руб. нуждается. Имѣющій 33—66 рублей часто голодаетъ. Имѣющій менѣе 33 руб. не имѣетъ въ своемъ имуществѣ средствъ къ поддержанію жизни.

По этимъ группамъ, правнуки, вслѣдствіе неравномѣрности своихъ наслѣдствъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ	или рублей дохода.
А. Роскошь	29	24 —138	648 —3,726
Б. Изобиліе	44	12 — 21	324 —567
В. Зажиточность . .	68	5,4 —10,8	$145^{4}/_{5}$ —$291^{3}/_{5}$
Г. Безбѣдность . . .	54	3,15— 5	$85^{1}/_{20}$ —135
Д. Нужда.	38	2,66— 3	72 — 81
Е. Крайняя нужда .	98	1,2 — 2,4	$32^{2}/_{5}$ — $64^{4}/_{5}$
Ж. Нищета	57	0,375— 1,08	$10^{1}/_{6}$ —$29^{3}/_{20}$

Итакъ: изъ 388 человѣкъ, только 141 (А, Б, В) имѣютъ средства къ жизни болѣе, нежели безбѣдныя; еще 54 не терпятъ нужды. За то 193 человѣка—то есть ровно половина населенія, нуждается; изъ нихъ 155 человѣкъ близко знакомы съ голодомъ и холодомъ.

А что будетъ, если общинное владѣніе останется неприкосновенно? Изъ 3,012 десятинъ, принадлежащихъ селу, каждому изъ 388 мужчинъ будетъ принадлежать участокъ нѣсколько болѣе, нежели въ $7^{3}/_{4}$ (7,76) десятинъ; съ этого участка получается 209 руб. 50 коп. дохода.

Итакъ: при сохраненіи общиннаго владѣнія все населеніе будетъ жить очень зажиточно; каждый изъ 388 правнуковъ будетъ пользоваться такимъ довольствомъ, которое при уничтоженіи общиннаго владѣнія достается на долю только 97 изъ правнуковъ.

*) Цифра дохода въ 27 рублей составляется у насъ слѣдующимъ образомъ: Прадѣдовъ мы принимаемъ нашими современниками, доходъ ихъ съ десятины полагаемъ въ 12 руб. сер. Удобства, доставляемыя правнуку сборомъ хлѣба съ десятины, относятся къ этому числу какъ 9 къ 4,—это отношеніе даетъ для десятины, при правнукѣ, 27 рублей.

Потому, предоставленіе земли въ наслѣдственную собственность было выгодно только одной четвертой части правнуковъ; остальныя три четвертыхъ остались обдѣлены случайностями наслѣдованія; изъ того числа 212, то есть большая половина населенія, обдѣлены этими случайностями такъ, что не получили по праву наслѣдства и половины того, что досталось бы имъ по праву общиннаго владѣнія; изъ того числа 167 человѣкъ, то есть почти половина населенія, обдѣлены такъ, что не имѣютъ и третьей части того, что имѣли бы при общинномъ владѣніи.

Таково положеніе правнуковъ по теоріи. На практикѣ оно измѣняется тѣмъ, что люди, слишкомъ обдѣленные случайностями наслѣдства, должны жить не обработкою своихъ мелкихъ клочковъ, дающихъ слишкомъ мало дохода, а заработною платою. Большею частью, они продадутъ свои участки. Если-же не продадутъ, поступятъ неразсчетливо: ничтожный клочокъ земли будетъ только мѣшать имъ наниматься въ работники на круглый годъ, и отрываясь отъ батрачества для ничтожной работы на немъ, они не выигрываютъ, а теряютъ.

Итакъ, существованіе ихъ зависитъ отъ заработной платы. Посмотримъ, каково будетъ положеніе заработной платы.

При 388 душахъ на 3,012 десятинахъ, на каждую душу приходится по $7^{3}/_{4}$ десятины.

Сообразимъ теперь, какъ распредѣлена собственность земли между различными группами.

	Число людей.	Количество земли, принадлежащей всѣмъ имъ вмѣстѣ.	Средняя пропорція на каждаго.
А.	29	1306	45
Б.	44	657,45	15
В.	68	508,15	$7^{3}/_{5}$
Г.	54	218.40	4
Д.	38	110,20	$2^{9}/_{10}$
Е.	98	165,666	$1^{3}/_{4}$
Ж.	57	46,1333	$^{4}/_{5}$

Изъ этого мы видимъ, что группа В, имѣющая по $7^{3}/_{5}$ десятинъ на душу, не нуждается въ наймѣ работниковъ и не имѣетъ нужды наниматься— въ ней на мужчину приходится именно столько земель для обработки, сколько приходится обрабатывать каждому мужчинѣ.

За то группа Б, имѣя вдвое болѣе земли на душу, нежели приходится на обработку мужчинѣ, должна нанять около 40 работниковъ; она ихъ съ излишкомъ найдетъ въ группѣ Г, которая, имѣя по 4 десятины, считаетъ у себя около 25 работниковъ лишнихъ, и въ группѣ Д, которая, имѣя менѣе нежели по 3 десятины на душу, считаетъ 22 работника лишнихъ. Тутъ еще могла бы удержаться цѣна найма, выгодная для работниковъ, потому что группы Г и Д имѣютъ средства существовать работою на собственныхъ поляхъ, и если у нихъ остается излишнее время, то онѣ могли бы торговаться, нанимаясь въ работники, потому что не крайность принуждаетъ ихъ искать работы во что бы то ни стало, за какую бы то ни

было плату,—нѣтъ, онѣ дѣйствительно ищутъ выгоднаго употребленія своихъ силъ.

Но совсѣмъ не таково положеніе группы Е и группы Ж. Участки ихъ такъ мелки, что на нихъ онѣ могутъ употреблять только незначительную часть своего времени—группа Е одну четверть, группа Ж—одну десятую своего времени; продукты, доставляемые этими участками, недостаточны для жизни. Этимъ людямъ во что бы то ни стало нужно найти работу.

Работу себѣ находятъ они у группы А.

Земли группы А требуютъ для своей обработки около 150 воздѣлывателей; изъ нихъ 29—сами владѣльцы; затѣмъ нужно имъ нанять только 120 работниковъ.

А группы Е и Ж предлагаютъ имъ 155 работниковъ.

Что изъ этого слѣдуетъ?

Работы предлагается гораздо больше, нежели требуется. Результатъ ясенъ: цѣна работы падаетъ.

До какого же предѣла простирается ея паденіе? До того предѣла, за которымъ она перестаетъ быть достаточною для прокормленія работниковъ. Тогда только работники скажутъ: намъ все равно приходится голодать, работая или не работая; будемъ же лучше голодать не работая — и только тогда уменьшится предложеніе.

А до этого предѣла нѣтъ выбора работнику между работою за какую нибудь плату и отказомъ отъ работы: отказываясь, онъ голодаетъ; работая, онъ кормится. Ясно, что онъ не отстанетъ отъ работы, пока она кормитъ его.

Итакъ: заработная плата падаетъ до той степени, чтобы только работникъ не умиралъ съ голоду.

Цѣна, по которой пускается въ продажу главная масса товара, опредѣляетъ цѣну, по которой будутъ продаваться и мелкія партіи товара. 160 работниковъ изъ группъ Е и Ж, сбивающіе взаимнымъ соперничествомъ цѣну работы до послѣдней крайности, заставятъ и остальныхъ 47 работниковъ изъ группъ Г и Д довольствоваться такою же платою, оставляя имъ только одинъ выборъ,—или сидѣть сложа руки, или наниматься по цѣнѣ, устанавливаемой группами Е и Ж. Разумѣется, что послѣ того имъ будетъ казаться выгодно наниматься хотя за эту цѣну—все же лучше, нежели сидѣть сложа руки, не получая ничего.

Такимъ то образомъ, изъ 388 человѣкъ, 205 работаютъ по цѣнѣ, едва достаточной для самаго скуднаго ихъ прокормленія.

Мы надѣемся, что не нужно отвѣчать на вопросъ: „не найдутъ ли они болѣе выгодныхъ условій въ другихъ селахъ?“ — въ другихъ селахъ тоже самое, —вездѣ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же принципъ, и результаты его одинаковы повсюду: повсюду работа предлагается въ большемъ количествѣ, нежели требуется.

Мы надѣемся также, что не нужно отвѣчать на вопросъ: „не найдутъ ли они болѣе выгодныхъ условій въ другихъ промыслахъ?“ Во-первыхъ, всѣ промыслы занимаютъ слишкомъ ничтожное число рукъ по сравненію съ земледѣліемъ, во-вторыхъ—и другіе промыслы организовались подъ вліяніемъ того же принципа.

Итакъ, во всѣхъ промыслахъ тоже, что въ земледѣліи, и во всѣхъ земледѣльческихъ селахъ тоже, что въ нашемъ селѣ; вездѣ и повсюду, вслѣдствіе излишества предложенія работы надъ запросомъ, цѣна ея падаетъ до послѣдней крайности.

Это вещь извѣстная. Но теперь мы можемъ видѣть, выдерживаетъ ли критику извѣстный припѣвъ мальтусіанцевъ: „излишество предложенія происходитъ отъ излишняго размноженія населенія; излишекъ населенія виною всѣмъ бѣдамъ; ни люди, ни учрежденія тутъ не виноваты,—народу расплодилось слишкомъ много, вотъ отчего бѣдность и нищета на свѣтѣ“.

Будто въ самомъ дѣлѣ оттого?

Въ нашемъ селѣ приходится почти по 8 десятинъ на душу — стало быть населеніе все-еще очень малочисленно сравнительно съ пространствомъ, а все-таки существуетъ излишекъ предложенія работы надъ запросомъ, все-таки большинство населенія сбиваетъ цѣну работы до послѣдней крайности, и изъ 388 человѣкъ 205 работаютъ, можно сказать, за корку хлѣба, и въ томъ числѣ 160 человѣкъ колотятся какъ рыба объ ледъ.

Отчего это? Отвѣтъ ясенъ послѣ нашихъ таблицъ.

Оттого, что большинство крайне обдѣлено случайностями наслѣдства.

На самомъ дѣлѣ, рукъ мало;— это видно изъ того, что далеко не вся еще земля разработана, — изъ 3,102 десятинъ 1,212 лежатъ подъ выгонами и т. д., да изъ распахиваемыхъ 1,800 десятинъ, 600 лежатъ подъ паромъ—итого только 1,200 даютъ плодъ, 1812 лежатъ себѣ чуть не задаромъ: люди не успѣваютъ ихъ обработывать,—да, рукъ мало для работы. Но село наше организовалось такъ, что все-таки оказывается „излишекъ предложенія надъ запросомъ“, и вслѣдствіе того большинство населенія терпитъ нужду.

Что за нелѣпость?—Да, дѣйствительно нелѣпость—и чтобы убѣдиться въ нелѣпости такой нужды, надобно только сравнить это положеніе съ положеніемъ, которое дается сохраненіемъ общиннаго владѣнія.

При случайностяхъ поземельнаго наслѣдства, 388 человѣкъ не могутъ жить на 3,012 десятинахъ безъ того, чтобы большая половина ихъ не видѣла себя въ постоянной скудости.

А при общинномъ владѣніи, какъ мы видѣли въ началѣ этого изслѣдованія, на долю каждаго приходилось бы по 216 рублей,—иначе сказать, каждый жилъ бы въ такомъ изобиліи, которое при случайностяхъ поземельнаго наслѣдства досталось на долю только одной четвертой части населенія.

Мы сами первые замѣтимъ, что наша небольшая работа только первый шагъ къ статистическому опредѣленію стремленій, лежащихъ въ натурѣ наслѣдства. Важность вопроса такова, что можно и должно для возможно точнаго отвѣта на него разобрать генеалогію не 250 человѣкъ, а 250,000 человѣкъ, всѣхъ временъ, странъ и сословій. Но это расширеніе объема изслѣдованій нужно только для строжайшаго опредѣленія границъ дѣйствія двухъ противоположныхъ стремленій наслѣдства; основной же законъ ихъ дѣйствія и огромное преобладаніе одной тенденціи надъ другой достаточно указывается уже и таблицею, нами представленною. Выводы изъ нея таковы:

Дѣйствіе наслѣдственности относительно поземельной собственности состоитъ въ томъ, что при смѣнѣ каждаго поколѣнія другимъ, большая половина земли (около двухъ третей) сосредоточивается въ меньшемъ (на половину меньшемъ) числѣ рукъ, нежели была при предъидущемъ поколѣніи.

Изъ остальной, меньшей половины, одна часть (около одной шестой всего пространства земли) остается во владѣніи у такого же числа людей, какъ при прежнемъ поколѣніи.

Другая часть (также около одной шестой всего пространства) раздробляется между гораздо большимъ количествомъ владѣльцевъ, нежели прежде.

Это раздробленіе очень быстро достигаетъ крайнихъ предѣловъ физической возможности дѣленія земли, и части, подлежавшія раздробленію, должны переходить продажею въ чужія руки.

Болѣе обширныя изслѣдованія точнѣе опредѣлятъ цифру каждой изъ этихъ трехъ частей. Но предѣлы, между которыми колеблются эти цифры, не могутъ отступать далеко отъ показанныхъ нами приблизительныхъ величинъ, потому что сумма случаевъ, взятыхъ нами (250), довольно значительна. Самый же законъ, управляющій этими величинами, совершенно непоколебимъ, именно:

Быстрое сосредоточеніе значительной части земли въ немногихъ рукахъ, и столь же быстрое раздробленіе гораздо менѣе значительной части.

Очевидно, что, такъ какъ при смѣнѣ каждаго поколѣнія слѣдующимъ принципъ дѣйствуетъ одинаково, то дѣйствіемъ каждой новой смѣны усиливается дѣйствіе предъидущей, иначе сказать:

Сосредоточеніе съ каждымъ поколѣніемъ охватываетъ все большую и большую часть всего пространства территоріи, оставляя въ умѣренныхъ участкахъ и для раздробленія на мелкія части все меньше и меньше пространства.

Мы представили незначительный по объему, но все же не лишенный значенія анализъ фактовъ, для опредѣленія дѣйствій принципа наслѣдственности.

Не онъ одинъ управляетъ движеніемъ собственности. Но мы выбрали его съ одной стороны потому, что объемъ его дѣйствія шире, нежели объемъ всѣхъ другихъ содѣйствующихъ ему принциповъ; съ другой стороны потому, что тенденція другихъ принциповъ представляетъ менѣе нужды въ математическихъ доказательствахъ.

Количество поземельной собственности, переходящей въ извѣстное время (напримѣръ въ годъ) изъ рукъ въ руки по принципамъ приданаго, духовнаго завѣщанія, даренія, вовсе не такъ значительно, какъ количество, переходящее по принципу наслѣдства. Потому, еслибъ даже они не имѣли одинаковой съ нимъ тенденціи, его дѣйствіемъ далеко перевѣшивались бы всѣ уклоненія отъ его тенденціи, производимыя тенденціею другихъ началъ.

Но очевидно, что эти другіе принципы дѣйствуютъ по той же тенденціи сосредоточенія, какъ и наслѣдство, и дѣйствуютъ еще быстрѣе и односторонѣе.

Приданое есть принадлежность брака. Вообще говоря, браки бываютъ ровные,—богатые женятся на богатыхъ, бѣдные на бѣдныхъ. Исключенія

чаще случаются въ романахъ, нежели въ дѣйствительности, и, конечно, не составляютъ одной десятой части всѣхъ браковъ. И такъ, совершенно преобладающее дѣйствіе приданаго состоитъ въ томъ, что человѣкъ богатый пріобрѣтаетъ за женою новое богатство.

Этимъ ускоряется сосредоточивающее дѣйствіе наслѣдства. Безъ приданаго (и наслѣдства, достающагося роду по женской линіи), имѣнье угасающаго рода иногда перешло бы къ дальнимъ роднымъ, которые, изъ шести случаевъ въ пяти случаяхъ, бѣдны. Эти шансы прекращаются наслѣдствомъ по женской линіи, которое обыкновенно достается отъ угасающаго рода другому роду, одинаково съ нимъ стоящему на лѣстницѣ имущества; то есть, имущество богатыхъ, при содѣйствіи приданаго и наслѣдства по женской линіи, чаще достается богатымъ, нежели было бы безъ того.

Дарственныя записи и духовныя завѣщанія обыкновенно передаютъ имѣніе какому нибудь любимому лицу. Надобно ли говорить, что у каждаго близкіе люди обыкновенно принадлежатъ къ одному съ нимъ общественному классу, и потому богатый обыкновенно завѣщаетъ или даритъ свое имѣніе богатому?

Этимъ опять уменьшаются шансы раздробленія и увеличиваются шансы сосредоточенія.

Остается еще одинъ принципъ—принципъ продажи и покупки. Въ различныя эпохи государственной жизни онъ дѣйствуетъ различно,—иногда большія недвижимыя имущества распродаются по мелкимъ частямъ, иногда малыя скупаются въ одну массу. Надобно замѣтить, впрочемъ, что преобладаніе ломки большихъ имуществъ посредствомъ распродажи свойственно только эпохамъ экономическихъ кризисовъ—оно является не иначе, какъ принадлежностью или коммерческаго, или общественнаго банкротства класса большихъ землевладѣльцевъ. Въ періоды нормальнаго, спокойнаго хода дѣлъ, преобладаетъ въ продажѣ и покупкѣ стремленіе къ соединенію мелкихъ кусковъ въ большія массы. Это обычный путь, по которому раздробившіеся клочки превращаются въ крупныя массы. Итакъ, кромѣ ненормальнаго случая экономическихъ кризисовъ, принципъ продажи и покупки дѣйствуетъ по одному направленію съ наслѣдствомъ.

Общимъ результатомъ всего сказаннаго является несомнѣнность слѣдующаго правила:

Принципъ наслѣдственности постоянно и быстро влечетъ поземельную собственность къ сосредоточенію все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, все болѣе и болѣе громадными массами. Дѣйствіе этой преобладающей силы ускоряется дѣйствіемъ имѣющихъ одинаковое съ нею направленіе принциповъ приданаго, даренія и завѣщанія. Въ нормальномъ ходѣ экономическихъ отношеній, по тому же направленію дѣйствуетъ принципъ покупки и продажи, чѣмъ еще болѣе ускоряется ходъ сосредоточенія.

Таковъ законъ самобытнаго дѣйствія экономическихъ принциповъ, управляющихъ движеніемъ частной поземельной собственности. Быстрота и интенсивность ихъ стремленія къ ея сосредоточенію такъ велики, что смѣны немногихъ поколѣній достаточно было бы для соединенія почти всей поземельной собственности цѣлой страны въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, еслибъ эти законы дѣйствовали безпрепятственно.

Но препятствія, лежащія внѣ сферы исчисленныхъ нами экономическихъ принциповъ, нарушаютъ непрерывность ихъ дѣйствія, вдругъ разламывая на куски постоянно созидаемыя этими принципами массы громадныхъ поземельныхъ владѣній.

Эти коррективныя средства противъ абсолютнаго соединенія поземельной собственности тѣ самыя, которыя, по мнѣнію Мальтуса, необходимы для поддержанія равновѣсія между средствами существованія и народонаселеніемъ, именно: война и насиліе, пороки и болѣзни. Мы думаемъ, что для равновѣсія между населеніемъ и средствами существованія эти средства вовсе не неизбѣжны; но противъ агломераціи они неизбѣжны.

Порокъ и болѣзнь дѣйствуютъ неослабно. За богатствомъ идетъ роскошь, за роскошью развратъ и болѣзни. Это путь неизбѣжный, и каждый пресыщаемый случайностями наслѣдства и т. д. родъ проходитъ быстро до конца это поприще, ведущее или къ вымиранію фамиліи или къ ея разоренію.

Эти коррективныя средства, очевидно, начинаютъ дѣйствовать уже только тогда, когда накопленіе недвижимой собственности достигаетъ крайняго предѣла, начинаетъ подавлять своею огромностью физическія и нравственныя силы того, на чью долю выпадаетъ.

Другое коррективное средство, какъ извѣстно, начинаетъ дѣйствовать тогда, когда порча общественнаго организма, вслѣдствіе чрезвычайной неравномѣрности имуществъ и ея послѣдствій, указанныхъ выше, достигаетъ размѣровъ, несовмѣстныхъ съ сохраненіемъ общественнаго порядка. Тогда то частные кризисы, сливаясь въ одинъ общій кризисъ, начинаютъ потрясать общественное тѣло, и этотъ кризисъ продолжается до тѣхъ поръ, пока его потрясеніями не будутъ разбросаны чрезмѣрно агломерировавшіяся массы.

Силою этихъ-то коррективныхъ способовъ постоянно разрушается агломерація въ тотъ самый моментъ, когда достигаетъ своего апогея, достигаетъ чрезмѣрности, превышающей человѣческія силы. Реакція происходитъ съ двухъ сторонъ: и посредствомъ изнеможенія подавленныхъ излишнею агломераціею, и посредствомъ гнѣва со стороны обдѣленныхъ расширеніемъ этой агломераціи.

Кризисы эти, на языкѣ нѣкоторыхъ ученыхъ называемые ликвидаціями общества, очень тяжелы и для ликвидирующихъ, и для ликвидируемыхъ, и нельзя не сказать, что драгоцѣнны тѣ учрежденія, которыя предотвращаютъ нужду въ подобныхъ ликвидаціяхъ, неизбѣжныхъ тогда, когда все отдано во власть роковаго сосредоточивающаго стремленія слѣпыхъ принциповъ, исчисленныхъ нами выше.

Нѣкоторые ученые доходятъ до того, что начинаютъ находить завидными даже феодальныя учрежденія, ради того, что они удерживали въ извѣстныхъ границахъ дѣйствіе этихъ началъ. Такое мнѣніе, конечно, несправедливо, потому что феодальныя учрежденія, будучи основаны на притѣсненіи, приносили вреда въ мильонъ разъ болѣе, нежели пользы.

Но тѣмъ драгоцѣннѣе такія учрежденія, которыя, не имѣя стѣснительности, представляютъ гарантію противъ безграничнаго дѣйствія принциповъ агломерирующихъ.

Таково общинное устройство поземельной собственности. Въ Западной Европѣ оно погибло гораздо прежде разрушенія феодальныхъ учрежденій; преимущественно эти учрежденія и убили общинное устройство. У насъ соотвѣтствующія феодализму Западной Европы учрежденія не коснулись общиннаго устройства поземельной собственности, и надобно желать, чтобы оно пережило ихъ. Оно и переживетъ ихъ, если мы сами, безъ всякой нужды и въ противность всякому здравому разсчету, не будемъ хлопотать объ его уничтоженіи.

Е. *О хозяйствѣ по фермерскому контракту.*

(Sismondi, Nouveaux Principes, Paris, 1827).

„У націй, наиболѣе богатыхъ, хозяйство по фермерскому контракту почти совершенно замѣнило всѣ другія договорныя отношенія, возникшія изъ уничтоженія рабства *). Оно болѣе всѣхъ другихъ формъ хозяйства удостоилось вниманія экономистовъ, и вообще оно считается необходимымъ и повсюду являющимся слѣдствіемъ успѣховъ цивилизаціи.

„По фермерскому контракту, собственникъ передаетъ воздѣлывателю свою землю, безъ всякихъ хозяйственныхъ принадлежностей, и получаетъ отъ него за землю ежегодно одинаковый доходъ; а фермеръ уже самъ по себѣ, безъ отношенія къ собственнику, управляетъ работами и совершаетъ ихъ своимъ собственнымъ скотомъ, своими земледѣльческими орудіями и капиталами **), самъ продаетъ продукты и платитъ подати. Фермеръ беретъ на себя всѣ заботы и шансы земледѣлія; онъ ведетъ это дѣло, какъ коммерческую спекуляцію, отъ которой ожидаетъ прибыли, сообразной своему, употребляемому на то капиталу.

„Сначала фермеры были простые земледѣльцы-работники, своими руками исполнявшіе большую часть хозяйственныхъ работъ, не имѣвшіе почти никогда поденщиковъ, а только постоянныхъ работниковъ, которые составляли съ ними одинъ и тотъ же классъ...

„Но въ Англіи фермеры, участвуя въ прогрессѣ общаго благосостоянія и въ накопленіи капиталовъ, перешли въ сословіе высшее, нежели работники. Для помѣщенія своихъ капиталовъ, они берутъ фермы значительнаго размѣра; обладая знаніями, они возводятъ земледѣліе на степень науки. Они примѣнили къ нему многія важныя изобрѣтенія химіи и другихъ естественныхъ наукъ. Надежда на большую выгоду заставила ихъ дѣлать болѣе значительныя затраты.

„Съ той поры они перестали быть земледѣльцами-работниками, и по необходимости образовался ниже ихъ классъ рабочихъ людей, которые, питая своимъ трудомъ всю націю, и есть истинные поселяне.

---

*) То есть, систему половничества, систему обязательнаго труда и систему оброка. Само собою разумѣется, что каково бы ни было фермерство, но оно въ тысячи и милліоны разъ выше и лучше этихъ формъ.

**) Эту черту замѣчаетъ Сисмонди въ противоположность половничеству, при которомъ скотъ, орудія и т. д. доставляются обработывателю собственникомъ.

„Писатели, сравнивавшіе системы малаго и большаго хозяйства *), мало думали о томъ, что большія фермы, отнимая собственное хозяйство у поселянъ, приводятъ ихъ въ положеніе худшее, нежели при всѣхъ почти другихъ способахъ обработки. Въ самомъ дѣлѣ, поденщики, исполняющіе всю работу на большихъ фермахъ, находятся въ состояніи болѣе зависимомъ, нежели половники... Эти работники не имѣютъ никакого участія въ собственности, не трудятся для будущаго... живутъ со дня на день недѣльной платою **).

„Если-бы даже работникъ успѣлъ сберечь нѣсколько денегъ ***), онъ не можетъ воспользоваться этимъ капиталомъ, потому что исчезли всѣ посредствующія степени между общественными классами. Отъ его положенія до состоянія большаго фермера такъ далеко, что онъ не можетъ перешагнуть этой бездны,—тутъ нѣтъ того, какъ при половничествѣ, гдѣ постепенно можно увеличивать ему свое благосостояніе и наконецъ слѣлаться собственникомъ ****).

„Нѣтъ равновѣсія въ силахъ между работникомъ, который остается голоденъ безъ работы, и фермеромъ, который даже не теряетъ дохода съ части своихъ земель, сокративъ нѣкоторыя изъ работъ. Потому результатъ борьбы между этими двумя классами,—всегда жертвоприношеніе класса бѣднѣйшаго, многочисленнѣйшаго и имѣющаго наиболѣе правъ на покровительство законодателя.

„А между тѣмъ, какъ скоро начала вводиться система большихъ фермъ, мелкіе фермеры *****) не могутъ выдержать ихъ соперничества; даже мелкіе собственники доводятся до разоренія соперниками, работа которыхъ совершается болѣе экономическимъ образомъ и которые продаютъ свои продукты въ болѣе выгодное время“ ******).

Въ Англіи замѣчаютъ, что мелкіе собственники, сами занимающіеся хозяйствомъ (free-holders), вообще бѣдствуютъ. Такимъ образомъ система, приводящая въ бѣдность массу населенія, по врожденной своей силѣ, стремится подавить всѣ другія.

Причины ея торжества легко открыть *******)... Выгоднѣе, нежели мелкій

---

*) Сисмонди говоритъ объ англійскихъ агрономахъ и экономистахъ, слѣдовавшихъ мнѣнію знаменитаго Артура Юнга, который говорилъ, что большое англійское фермерское хозяйство, съ фермерами въ 180—2,000 десятинъ земли, лучше малаго (французскаго) хозяйства, имѣющаго объемъ земли, съ обработкою котораго справится одинъ плугъ. Во Франціи есть мелкія фермы, какъ были нѣкогда въ Англіи, но о нихъ не стоитъ и говорить, потому что это форма переходная, ведущая къ большимъ фермамъ и существующая только до тѣхъ поръ, пока улучшенные способы обработки невозможны по малому развитію экономическаго быта.

**) Далѣе Сисмонди говоритъ о томъ, что эти работники страшно нуждаются, деморализируются и т. д.,—это уже было говорено нами.

***) Прежде, Сисмонди объяснилъ, что это почти невозможно при большихъ фермахъ.

****) Далѣе, Сисмонди говоритъ, какъ опасно для націи такое состояніе, въ которомъ большинство населенія лишено надеждъ на улучшеніе своего быта, и говоритъ, что иначе быть не можетъ при большихъ фермахъ, понижающихъ заработную плату до послѣдней крайности.

*****) Тѣмъ менѣе половники.

******) Потому что, имѣя капиталъ, не нуждаются торопиться продажею.

*******) Сисмонди объясняетъ, какъ необходимо понижается при большихъ фермахъ заработная плата и т. д.—продукты большимъ фермеромъ продаются по болѣе выгодной цѣнѣ, все это бѣдственно для массы населенія, но выгодно для капиталиста и собственника.

фермеръ, продавъ свои продукты и менѣе употребивъ на содержаніе работниковъ, фермеръ, взявшій 1.000 экровъ земли, въ состояніи конечно будетъ заплатить собственнику больше аренды, нежели пятьдесятъ мелкихъ фермеровъ, которыхъ онъ вытѣснилъ. Онъ начнетъ этимъ вытѣсненіемъ, сломаетъ ихъ домики, не нужные ему, распашетъ садики и огороды, доставлявшіе приправу къ пищѣ и радость мелкимъ хозяйствамъ, и заведетъ на своихъ тысячѣ экрахъ однообразный оборотъ хлѣбопашества. Но тогда пусть собственникъ пожелаетъ возвратиться къ мелкимъ хозяйствамъ, — это ужъ невозможно: для того понадобилась бы новая, значительная затрата капиталовъ. Большая ферма пригодна только большому фермеру. Снять ее можетъ только капиталистъ, имѣющій оборотный капиталъ на тысячу экровъ.

„Такимъ-то образомъ система большихъ фермъ, приходя въ столкновеніе съ малыми хозяйствами, подавляетъ ихъ, если они не ограждены законами".

„О томъ, какія опасности угрожаютъ странѣ, предающейся системѣ большихъ фермъ, можно судить по состоянію, до котораго довела она Римскую Равнину (Campagna di Roma)—такъ называется мѣстность отъ Витербской горы до Террачины, отъ моря до Сабинскихъ горъ. Въ этой области, имѣющей 90 миль въ длину и 25 миль въ ширину, или 2.250 квадратныхъ миль, нынѣ считается всего около 40 этихъ фермеровъ. Правда, они не называютъ себя фермерами, пренебрегая именемъ, —они называются mercanti di tenute „сельско-хозяйственные негоціанты", — на свой промыселъ они употребляютъ громадные капиталы и чрезвычайнымъ своимъ богатствомъ оттѣсняютъ всякихъ соперниковъ. Но ихъ способъ извлекать доходъ изъ земли — и нѣтъ спора, способъ самый выгодный для нихъ — состоитъ въ томъ, чтобы всевозможно сокращать издержки на человѣческій трудъ, довольствоваться тѣмъ, что родитъ сама земля, имѣть цѣлью только пастбища и постепенно удалять населеніе. Въ этой Римской Области, столь дивно плодоносной, гдѣ двухъ десятинъ было довольно семейству, гдѣ нивы осѣнялись оливковыми и смоковничными рощами и виноградниками, гдѣ собиралось по три и по четыре жатвы въ годъ,—въ этой области мало по малу исчезали отдѣльные домики, деревни, ихъ жители, исчезали межи и изгороди, виноградники, оливы и всѣ продукты, требующіе постояннаго вниманія, труда и, особенно, привязанности человѣка,—и все это исчезло: на мѣстѣ всего явились обширныя нивы, и mercanti di tenute нашли выгоднѣйшимъ засѣвать и убирать ихъ толпами работниковъ, каждый годъ сходящими съ Сабинскихъ горъ; эти люди, привыкшіе питаться кускомъ хлѣба, спать подъ росою на голой землѣ, каждое лѣто сотнями погибаютъ отъ лихорадки maremmane, и идутъ на эту гибель изъ-за ничтожнѣйшей платы. Чтобы Campagna di Roma сохранила туземное населеніе, было невыгодно для фермеровъ, и это населеніе совершенно исчезло. Остается еще изрѣдка городъ среди обширныхъ нивъ, принадлежащихъ одному господину; но въ Рончильйоне и Непи быстро уменьшается число жителей, отчужденныхъ отъ земли, которая должна бы кормить ихъ, и можно впередъ высчитать эпоху, когда плугъ пройдетъ по мѣсту ихъ домовъ, какъ онъ прошелъ уже по развалинамъ Сенъ-Лоренцо, Вико, Браччіано и самого Рима. Въ свою очередь нивы уступаютъ мѣсто

пастбищамъ, и на пастбищахъ каждый день шире разростается репейникъ и бурьянъ...

„Сословіе поселянъ быстро исчезаетъ въ Англіи, въ Campagna di Roma оно уже исчезло...“

Англія такъ умножила свои богатства, такъ далеко ушла въ приложеніи естественныхъ наукъ къ земледѣлію, въ улучшеніи породъ домашняго скота, въ плодопеременной системѣ, въ усовершенствованіи земледѣльческихъ орудій, что не каждый съ перваго взгляда замѣчаетъ невыгоды, ей наносимыя большими фермами. Но дивясь ея полямъ, столь обработаннымъ, надобно смотрѣть и на воздѣлывающее ихъ населеніе. Оно въ половину малочисленнѣе того, какое жило бы во Франціи на такомъ же пространствѣ земли. Въ глазахъ нѣкоторыхъ экономистовъ это выигрышъ, въ моихъ — потеря. Это населеніе, менѣе густое, въ то же время гораздо болѣе бѣдно. Англійскій земледѣльческій работникъ, cottager, имѣетъ менѣе удобствъ, нежели поселянинъ почти всѣхъ другихъ земель Европы.

F. *О матеріальныхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ сильнѣйшее вліяніе на успѣхи сельскаго хозяйства.*

Пустословность соображеній, изъ которыхъ возникаетъ отверженіе общиннаго поземельнаго владѣнія старою школою политической экономіи, превышаетъ всякое вѣроятіе.

„Общинное владѣніе — чрезвычайно сильное препятствіе успѣхамъ сельскаго хозяйства“. Превосходно: на чемъ это основано? „Въ тѣхъ странахъ, гдѣ владычествуетъ частная поземельная собственность, десятина даетъ несравненно больше хлѣба, нежели въ Россіи“. — Восхитительно; однако-же, какъ велико это *несравненно больше?* Напримѣръ, хотя бы въ Пруссіи? — „Въ Россіи десятина даетъ 3,47 четвертей, а въ Пруссіи — 3,82“. — Вотъ это лучше всего! „Несравненно больше“ значитъ 10%! Итакъ, если у васъ 11 рублей, а у меня 10, то вы „несравненно богаче“ меня, — по моему, мы съ вами оба довольно равно бѣдны.

10%! — Этихъ ужасныхъ 10% ужъ нельзя приписать никакимъ другимъ невыгодамъ, и непремѣнно надобно взвалить грѣхъ на общинное владѣніе. Да разверните хотя „Statistique de la France“, изданную французскимъ правительствомъ, и сравните въ разныхъ департаментахъ сборъ пшеницы (съ гектара, въ гектолитрахъ).

Seine	21,59	Lot	6,78
Nord	20,74	Nièvre	9,44
Seine et Oise .	19,05	Loire et Chère. .	9,51
Puys de Dôme .	15,38	Lozère	7,30

Какова разница, сравнительно съ знаменитыми 10% разницы между Россіею и Пруссіею? Въ департаментѣ Сены 21,59, а въ департаментѣ Lot — 6,78 — это ужъ не 10%, а слишкомъ 200%. Не виновато ли общинное владѣніе въ этой разницѣ.

Въ сборѣ и цѣнности другихъ родовъ хлѣба (напримѣръ, овса) разница еще значительнѣе, — она доходитъ до четырехъ сотъ процентовъ.

Не отъ различія ли въ почвѣ такая разница? Конечно, отчасти: но не совсѣмъ. Вотъ и доказательства.

	Вся величина департамента.	Изъ этого числа богатой почвы.
Bouches du Rhône . . .	512,000	16,600 гектаровъ.
Seine et Oise	560,000	15,000 —
Puys de Dôme.	797,000	15,280 —
Aude	606,000	77,218 —
Lot et Chère	625,000	98,000 —

— Ясно, что почва двухъ послѣднихъ департаментовъ сама по себѣ гораздо лучше, нежели трехъ первыхъ: между тѣмъ, Bouches du Rhône, Seine et Oise, Puys de Dôme даютъ сборы на 100%, на 140%, на 200% больше, нежели Aude и Loire et Chère.

Дѣло въ томъ, что обработка земли въ этихъ департаментахъ очень различна,—а отъ чего она различна? ужъ конечно не отъ общиннаго владѣнія, а отъ какихъ нибудь другихъ обстоятельствъ,— и указать ихъ нетрудно.

Кромѣ разницы климата, примите въ соображеніе состояніе путей сообщенія, густоту населенія, близость большихъ центровъ потребленія и т. д., и т. д., словомъ тѣ обстоятельства, которыя такъ прекрасно умѣютъ выставлять экономисты старой школы, когда объясняютъ условія усиленія земледѣльческаго производства вообще, и такъ восхитительно забываютъ, когда нужно за какіе нибудь 10% разницы между Россіею и Пруссіею проклинать общинное владѣніе.

Неужели различіе по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ между Россіею и Пруссіею въ десять разъ больше, нежели между различными французскими департаментами?

Но сравнивая департаменты, мы брали крайности, проявляющіяся въ округахъ не слишкомъ большихъ. Мы въ этомъ случаѣ подражали противникамъ общиннаго владѣнія, которые любятъ эффектъ и любятъ отдѣльными, исключительными случаями замѣнять незнаніе среднихъ чиселъ. Будемъ точнѣе,—сравнимъ цѣлыя обширныя страны одного государства съ ихъ средними цифрами. „Statistique de la France“ даетъ матеріалы для того, раздѣляя Францію на четыре почти равныя части линіями, пересѣкающимися крестъ на крестъ.

	Франція, какъ цѣлое.	Части: Сѣверо-западн.	Сѣверо-восточ.	Юго-восточ.	Юго-запад.
Населеніе, на квадратномъ миріаметрѣ.	6,424	8,247	6,654	5,548	5,368
Сборъ пшеницы съ гектара, въ гектолитрахъ . . .	12,47	14,98	13,55	11,27	9,71

Здѣсь одинъ приведенъ только факторъ, для объясненія неравномѣрности сборовъ, — густота населенія. Посмотрите же, какъ правильно отражается его дѣйствіе на количествѣ сбора, — чѣмъ гуще населеніе, тѣмъ выше сборъ. Разница между сѣверо-западною и юго-западною частью по населен-

ности равняется почти 50% —этого довольно, чтобы понять разницу въ сборѣ также почти на 50%.

Сравните населенность Европейской Россіи и Пруссіи—не гораздо ли больше она? Не достаточно ли было бы ужъ одного для объясненія ничтожной разницы сбора въ 10%?

Прибавьте различіе по пропорціи городскаго населенія, по удобству путей сообщенія, по близости къ колоссальнѣйшему рынку для хлѣба, къ Англіи; прибавьте еще значительнѣйшее различіе по климату;— все это не въ выгоду Россіи; прибавьте различіе по формамъ труда между Россіею и Западною Европою, и подумайте послѣ этого, нужно ли примѣшивать еще общинное владѣніе ради этихъ 10%? будто не съ избыткомъ объясняются эти 10% вліяніями, сила которыхъ несомнѣнно не въ выгоду Россіи? Не противно ли здравому смыслу забывать всѣ ихъ и толковать о невыгодномъ будто бы вліяніи такого факта, о дѣйствіи котораго вы говорите совершенно на обумъ?

G. *Примѣръ Франціи и Сѣверной Америки свидѣтельствуетъ не противъ, а въ пользу раскрытой у насъ теоріи дѣйствій принципа частной поземельной собственности.*

Повсюду и всегда, когда и гдѣ ни господствовала частная поземельная собственность, большинство земледѣльческаго населенія воздѣлывало чужую землю въ чужую, а не въ свою пользу; повсюду, большая половина территоріи принадлежала не тѣмъ, которые воздѣлывали ее, и интересъ человѣка, отъ котораго зависѣло производство улучшеній, былъ ослабляемъ въ производствѣ этихъ улучшеній тѣмъ, что выгода отъ нихъ доставалась не ему, а ила въ чужія руки. Таково же и нынѣ положеніе частной поземельной собственности повсюду, гдѣ могутъ обнаружиться дѣйствія принциповъ, управляющихъ ея движеніемъ.

Римъ (во всѣ эпохи, когда ager publicus былъ захватываемъ частною собственностью), всѣ государства, основанныя германцами въ средніе вѣка, нынѣ вся часть Европы, занятая романскими и германскими народами, служитъ тому доказательствомъ. Но исключеніями являются, по видимому, нынѣшняя Франція и Сѣверная Америка. Люди, поверхностно смотрящіе на эти два единственные факта, думаютъ, будто бы Франція можетъ служить свидѣтельствомъ, что частная поземельная собственность можетъ естественнымъ путемъ распредѣляться по населенію довольно равномѣрно, а Америка— что благосостояніе поселянъ можетъ существовать безъ преобладанія государственной поземельной собственности. Но точный разборъ дѣла доказываетъ противное.

„Во Франціи большинство земледѣльцевъ имѣетъ недвижимую собственность“ — такъ, но, во-первыхъ, гомеопатическими клочками; большая половина пространства все-таки сосредоточена въ рукахъ меньшинства, -по Шатовье, общее число 46,000,000 гектаровъ, находящихся въ частной собственности, распредѣляется такъ:

	Число владѣльцевъ.	Общая сумма принадлежащей имъ земли.
Большія помѣстья. . . .	200,000	17,328,000 гектар.
Владѣнія средней величины.	700,000	14,420,000 „
Мелкіе клочки.	3,900,000	14,252,000 „

И такъ, болѣе нежели двѣ трети территоріи все-таки сосредоточены въ рукахъ одной пятой части собственниковъ; остальнымъ четыремъ пятымъ достались только ничтожные клочки остальной трети. Но цифры Шатовье по всей вѣроятности ниже дѣйствительнаго сосредоточенія. Пріймемъ однако ихъ, чтобы не утруждать читателей анализомъ цифръ, которыхъ и безъ того уже слишкомъ много у насъ; что же оказывается изъ этихъ цифръ? Общее число земледѣльческихъ семействъ по Шатовье — 7,000,000 *); изъ нихъ, одна треть лишена участія въ собственности; четыре седьмыхъ имѣютъ ничтожное участіе; одной восьмой части сельскаго населенія принадлежитъ болѣе чѣмъ двѣ трети земли.

Но и это положеніе какимъ образомъ произошло? Конфискаціею и распродажею по мелкимъ участкамъ во время революціи. Какимъ образомъ оно поддержалось? Непрерывными войнами втеченіе первыхъ двадцати пяти лѣтъ и двумя общественными переворотами втеченіе слѣдующихъ сорока лѣтъ. Итакъ, только 65 лѣтъ существуетъ этотъ порядокъ, и только 40 лѣтъ мирно дѣйствуютъ принципы частной собственности, и въ эти годы два раза насильственно низверглась значительная часть произведенной ими аггломераціи, и основаніемъ всему послужило страшное насильственное раздробленіе,— и все-таки поземельная собственность очень сильно сосредоточена.

Франція служитъ свидѣтельствомъ чрезвычайной живучести и интенсивности стремленія къ аггломераціи въ частной собственности. Сѣверная Америка служитъ поразительнѣйшимъ свидѣтельствомъ того, какъ важно, чтобы государственная поземельная собственность преобладала надъ частною.

Во-первыхъ, тутъ надобно замѣтить изумительную противоположность между южными и сѣверными штатами, по характеру и дѣятельности бѣлаго населенія. Въ южныхъ штатахъ поземельная собственность аггломерирована, большинство бѣлаго населенія почти лишено ея; за то оно лѣниво, невѣжественно, болѣе походитъ на итальянцевъ или ирландцевъ, нежели на американцевъ. Южные штаты не свидѣтельствуютъ въ пользу аггломераціи,— не ихъ имѣютъ въ виду, когда указываютъ на Сѣверную Америку.

Въ чемъ же состоитъ отличіе сѣверныхъ и западныхъ штатовъ отъ Европы? Въ томъ, что каждый, обдѣленный поземельнымъ наслѣдствомъ, беретъ участокъ въ 25 десятинъ изъ государственныхъ земель, которыя у каждаго подъ руками (благодаря чрезвычайнымъ удобствамъ путей сообщенія) и которыхъ находится еще въ запасѣ на десятки мильоновъ семей. О, въ такомъ случаѣ, если частная собственность составляетъ еще только малую часть территоріи, если для каждаго очень легко прійти и поселиться на государственной землѣ, — въ такомъ случаѣ частная поземельная собственность ничему не мѣшаетъ: вѣдь еще не оказываетъ вліянія на національную жизнь, характеръ которой опредѣляется раздачею всѣмъ и каждому желающему достаточнаго для безбѣдной жизни участка.

---

*) Въ предъидущей статьѣ, мы, по „Statistique de la France“, принимали 6,000,000; Шатовьё считаетъ иначе, и поэтому намъ кажутся его цифры нуждающимися въ исправленіи — онъ кладетъ слишкомъ мало душъ на семью, или считаетъ мужа и жену, отца и сыновей разными собственниками, хотя они живутъ однимъ хозяйствомъ; оттого и сосредоточеніе у него менѣе дѣйствительнаго.

Сѣверные штаты изъ всѣхъ странъ, въ которыхъ экономическій бытъ высоко развитъ, ближе всего подходятъ къ тому положенію, для достиженія котораго служитъ общинное владѣніе. За то и безпримѣрно благосостояніе ихъ населенія.

Что слѣдуетъ изъ примѣра ихъ? Очевидно слѣдуетъ: каждый земледѣлецъ долженъ воздѣлывать свой, а не чужой участокъ. Какимъ образомъ возможенъ такой бытъ? — При чрезвычайномъ обиліи незаселенныхъ и плодоносныхъ государственныхъ земель, онъ можетъ достигаться раздачею ихъ всѣхъ и каждому желающему — при этомъ необходимо также, чтобы каждому было очень легко дойти отъ мѣста своей родины до этихъ земель. Ясно ли, въ чемъ дѣло, отъ чего зависитъ характеръ сѣверо-американскаго земледѣльческаго быта? Отъ огромнаго перевѣса государственныхъ земель надъ землями, выдѣлившимися въ частную собственность.

Итакъ, что свидѣтельствуютъ Сѣверо-Американскіе Штаты? „Государственныя земли должны преобладать въ странѣ надъ выдѣленными въ частную собственность“.

Если бы во Франціи, Англіи, Германіи были подъ руками у каждаго громадныя пространства незаселенныхъ государственныхъ земель, не о чемъ было-бы и толковать: съ незначительною частью національнаго капитала можно дѣлать что угодно, и благосостояніе націи все-таки не потерпитъ значительно. Если населенныя земли еще ничтожны передъ государственными незаселенными и плодоносными, мы не хотѣли бы и думать о нихъ — пусть онѣ агломерируются или дробятся, пусть будутъ въ частной или какой вамъ угодно собственности, все равно.

Надобно-ли говорить, что положеніе Европы не таково?

Надобно-ли говорить, что и въ Россіи нѣтъ 150,000 квадратныхъ географическихъ миль плодоносной и незаселенной государственной земли? Надобно ли говорить, что если изъ Нью-Йорка легко переселиться въ Иллинойсъ, гдѣ въ волю земли готовой для всякаго, то изъ Тулы переселиться въ Саратовъ или Самару — была бы очень дорогая и длинная исторія: да и нашлось ли бы тамъ незаселенныхъ плодоносныхъ земель для сотенъ тысячъ семей? У насъ плодоносныя незаселенныя государственныя земли, доступныя переселенцамъ изъ другихъ губерній, уже составляютъ ничтожную часть сравнительно съ населенными землями. Почти весь годный въ дѣло поземельный капиталъ націи уже обнятъ населеніемъ.

Европейская Россія, правда, страна еще многоземельная, но обиліе земель не должно смѣшивать съ ихъ незаселенностью. Кромѣ мѣстъ, неудобныхъ по климату или по составу почвы, почти вся поверхность Европейской Россіи уже населена, то-есть каждый участокъ земли уже состоитъ или въ частной собственности или занятъ населеніемъ, живущимъ на государственной землѣ. Почти единственныя государственныя земли незаселенныя и вмѣстѣ плодородныя, — это такъ называемыя оброчныя статьи. Нѣкоторыя изъ нихъ нужны для населенія сосѣднихъ общинъ, уже нуждающихся въ землѣ. Остальныя составляютъ уже только незначительное пространство. Земли у насъ много, это правда, но несравненно меньше у насъ, нежели многіе думаютъ, незаселенной плодородной государственной земли.

Что же остается дѣлать, чтобы сохранить преобладаніе государственной плодородной земли надъ частною, по примѣру Америки? Ясно, что: не выпускать изъ государственной собственности въ частную того пространства, которое населено по принципу общиннаго владѣнія. Американцы не хлопочутъ о населенномъ пространствѣ, потому что у нихъ остается, чѣмъ замѣнять выдѣляемыя въ частную собственность земли; а у насъ замѣнить населеннаго пространства нечѣмъ.

Параллель съ Америкою доказываетъ, какъ видимъ, необходимость сохраненія у насъ общиннаго владѣнія на всемъ пространствѣ, нынѣ имъ обнимаемомъ. Только этимъ сохраненіемъ удержится основная черта, общая намъ съ Америкою: преобладаніе государственныхъ плодородныхъ земель надъ частною поземельною собственностью.

КРИТИКА.

О нѣкоторыхъ условіяхъ, *способствующихъ умноженію народнаго капитала. Рѣчь* И. Бабста. *Москва 1857 г.*

Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи. *сочиненіе англійскаго юрисконсульта* Іереміа Бентама, *переведенное* Михайломъ Михайловымъ. По Высочайшему повелѣнію. *Три тома. Спб. 1805 г.*

Въ послѣдніе два года многіе писатели пріобрѣли громкую и совершенно заслуженную репутацію. Одно изъ самыхъ прекрасныхъ именъ въ этомъ ряду—г. Бабстъ. Спеціалисты давно уже высоко цѣнили его, какъ ученаго очень основательнаго. Публика давно уже отличала въ журналахъ его статьи отъ другихъ статей политико-экономическаго содержанія по живости содержанія и достоинствамъ изложенія. Но въ тѣ времена, большинство читателей еще недостаточно интересовалось этою наукою, не сознавая того чрезвычайно живаго отношенія, какое могутъ имѣть къ нашему быту истины, извлеченныя изъ наблюденія экономическихъ фактовъ учеными въ Западной Европѣ. Конечно, при большей внимательности, легко можно было найти эту связь и тогда, когда она еще не указывалась точнымъ образомъ: но кто обязанъ дѣлать догадки? Большинство не хотѣло утруждать себя этими хлопотами, и читая, напримѣръ, книгу г. Бабста о Джонѣ Ло или статьи покойнаго В. Милютина (въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникѣ“ 1847—48 г.), многіе изъ насъ хладнокровно останавливались на мысли: все это хорошо, но какое намъ дѣло до спекуляторовъ временъ регентства, до манчестерскихъ ткачей и бирмингамскихъ кузнецовъ? Сочиненія эти читались потому, что написаны были хорошо, и тѣмъ кончалось дѣло. Конечно, теперь каждому изъ насъ легко видѣть, какъ ошибался онъ тогда, думая, что эти предметы не касаются прямымъ образомъ его собственнаго быта. Но съ другой стороны надобно сказать, что не совершенно исполняла свою задачу и наука, представляя общія истины и иноземныя дѣла безъ всякихъ указаній на ихъ отношенія къ нашимъ собственнымъ дѣламъ. Какъ-бы то ни было, до послѣдняго времени казалось невозможно ученому, занимающемуся политическою экономіею, пріобрѣсть то горячее сочувствіе всего общества, какимъ награждались, напримѣръ, труды по русской исторіи или по исторіи русской литературы.

Г. Бабстъ блистательнымъ образомъ разрѣшилъ эту задачу, которая ка-

залась невозможною. Его рѣчь, по поводу которой мы пишемъ эту статью, была однимъ изъ самыхъ громкихъ литературныхъ событій прошедшаго года, когда являлось и въ наукѣ, и въ беллетристикѣ такъ много произведеній, привлекавшихъ къ себѣ общее вниманіе. Ни одно изъ нихъ не доставило своему автору больше сочувствія, нежели рѣчь г. Бабста. Отчего же такая разница въ успѣхѣ этой рѣчи по сравненію съ участью политико-экономическихъ статей, до того времени являвшихся у насъ? г. Бабстъ прямымъ образомъ показалъ примѣненіе политико-экономическихъ истинъ къ фактамъ нашего быта; онъ первый рѣшился сказать, какимъ образомъ относятся условія нашего экономическаго быта къ тому порядку, который признаетъ наука благопріятнымъ для экономической дѣятельности. Горячее сочувствіе публики было ему наградою за это дѣло: его „Рѣчь“ имѣла успѣхъ необыкновенный; его имя стало также близко къ сердцу каждаго изъ насъ, какъ имена самыхъ популярныхъ между нашими историками, беллетристами, поэтами и журналистами, которые до тѣхъ поръ одни пользовались привиллегіею популярности.

При первомъ появленіи „Рѣчи“, мы познакомили читателей съ ея содержаніемъ посредствомъ обширныхъ выписокъ. Теперь, пользуясь вторымъ изданіемъ этой брошюры, котораго давно желала публика, мы не имѣемъ надобности ни пересказывать ея содержанія, ни прибѣгать къ выпискамъ,— читатели довольно знакомы съ истинами, въ ней изложенными, и намъ остается только развить нѣкоторыя мысли, ею внушаемыя.

Надобно сказать, что если прекрасна идея, которой одушевлена рѣчь г. Бабста, если превосходно изложеніе этой рѣчи, то и предметъ рѣчи избранъ чрезвычайно удачно. Умноженіе народнаго капитала—это то же самое, что возвышеніе народнаго благосостоянія, если понимать слово „капиталъ“ въ его истинномъ смыслѣ, какой и дается ему г. Бабстомъ. Въ послѣднее время много краснорѣчивыхъ голосовъ въ Западной Европѣ возставало противъ капитала, и надобно сказать, что всѣ нападенія на него справедливы, когда это слово понимается въ томъ узкомъ смыслѣ, какой имѣетъ оно на языкѣ спекуляторовъ парижской биржи и ихъ друзей между экономистами. Смѣясь надъ меркантилистами, поставлявшими народное богатство въ обладаніи большою массою звонкой монеты, они сами впадаютъ въ такую же ошибку, когда, превознося необходимость капитала для экономической дѣятельности, разумѣютъ подъ словомъ „капиталъ“ исключительно запасъ звонкой монеты, кредитныхъ знаковъ и матеріальныхъ вещей, которыми торгуютъ на биржахъ и которыя передаются по купчимъ крѣпостямъ. Фабрики съ ихъ машинами, пакгаузы съ ихъ товарами, дома съ ихъ мебелью, кипы акцій и облигацій, груды золота и серебра — все это капиталъ; но совершенно ошибаются люди, воображающіе, что только такого рода капиталъ нуженъ для возвышенія производительности національнаго труда, и что ему именно должна доставаться значительнѣйшая часть производимыхъ трудомъ богатствъ, потому что будто бы ему именно и исключительно должно приписывать успѣшность и энергію труда. Ошибка эта имѣла самыя печальныя слѣдствія, какъ для науки, развитіе которой надолго замедлилось и извратилось узкостью понятій, такъ и для общественнаго быта, вдавшагося въ гибельную односторонность, по вопросу

о распредѣленіи плодовъ труда между трудящимся классомъ и капиталистами и при заботѣ объ умноженіи національнаго капитала. Если капиталъ только деньги и матеріальныя вещи, то разумѣется, надобно признавать справедливымъ, когда почти всѣ производимыя богатства обращаются въ пользу капиталистовъ, а для трудящагося класса предоставляется только ничтожная часть, не больше того, сколько нужно для скуднаго поддержанія жизни. „Безъ капитала трудъ не успѣшенъ—успѣхъ придается ему капиталомъ, потому и плоды успѣшности труда принадлежатъ не самому труду, а оживляющему его капиталу, говорила эта односторонняя теорія. И такъ какъ успѣшность труду придается исключительно содѣйствіемъ матеріальныхъ капиталовъ, денегъ и замѣняющаго ихъ кредита, машинъ и проч., продолжаетъ она, то очевидно, что на увеличеніе этихъ матеріальныхъ капиталовъ и должна быть обращена вся забота, а самый трудъ, безсильный безъ нихъ, не заслуживаетъ особеннаго вниманія“. Но дѣло въ томъ, что тутъ есть важный недосмотръ. Какое бы опредѣленіе капитала мы ни взяли, все-таки окажется, что кромѣ матеріальнаго капитала, существующаго въ видѣ зданій, машинъ и денегъ или кредитныхъ знаковъ, существуетъ другой капиталъ, сливающійся съ организмомъ работника, и что этотъ капиталъ, который можно назвать нравственнымъ, гораздо важнѣе матеріальнаго. Этотъ важнѣйшій національный капиталъ есть запасъ нравственныхъ силъ и умственной развитости въ народѣ. Англія богата отъ того, что въ ней много, Испанія бѣдна отъ того, что въ ней мало капиталовъ, говорятъ экономисты. Такъ; но это изобиліе или недостатокъ относится ли къ однимъ денежнымъ или вообще матеріальнымъ запасамъ? Если два корабля, одинъ съ англійскими, другой съ испанскими пассажирами, разобьются у двухъ сосѣднихъ острововъ, одинаково пустынныхъ и одинаково плодоносныхъ, и пассажиры того и другаго корабля одинаково будутъ выброшены на берегъ, подобно Робинзону Крузо, не имѣя ровно ничего при себѣ или на себѣ, кромѣ платья и нѣсколькихъ складныхъ ножей, участь того и другаго поселенія будетъ ли одинакова? Нѣтъ. Посѣтивъ черезъ десять лѣтъ островъ англичанъ, вы найдете у нихъ удобныя и прочныя жилища, изобильно снабженныя всѣми вещами, необходимыми для комфорта; найдете обширныя и хорошо воздѣланныя поля съ богатыми жатвами; словомъ, найдете благосостояніе и даже избытокъ. На испанскомъ островѣ вы не увидите ничего подобнаго. Его жители представятся вамъ бѣдняками, живущими въ жалкихъ лачугахъ, часто голодающими и не имѣющими ничего, кромѣ своихъ старыхъ плащей, уже обратившихся въ лохмотья. Отчего же такая разница? оттого, что англичане, хотя и выброшены были на берегъ, подобно испанцамъ, безъ всякаго запаса денегъ и другихъ вещественныхъ капиталовъ, имѣли въ своихъ привычкахъ и знаніяхъ нравственный капиталъ, несравненно важнѣйшій, нежели всѣ тѣ громады товаровъ, тысячи фабрикъ и паровыхъ машинъ, которыми владѣетъ ихъ родина. Они имѣли съ собою трудолюбіе и бережливость, имѣли техническія знанія, наконецъ, основаніе всему остальному, они имѣли развитыя головы, съ убѣжденіемъ, что человѣку слѣдуетъ жить въ довольствѣ, и крѣпкою увѣренностью въ своихъ силахъ. Всего этого лишены были испанцы. А въ этомъ нравственномъ капиталѣ и заключается источникъ всего матеріальнаго капитала. Если

бы въ одну ночь сгорѣли Лондонъ, Манчестеръ и Ливерпуль, со всѣми своими казначействами, банками и конторами, доками, флотами и пакгаузами, это былъ бы тяжелый, но вовсе не смертельный ударъ для ихъ населенія. Черезъ пятнадцать, много двадцать лѣтъ, на прежнихъ мѣстахъ стояли бы новыя конторы и пакгаузы, заваленные еще большимъ количествомъ товаровъ, и гавани были бы наполнены флотами, многочисленнѣйшими прежнихъ, съ грузами, драгоцѣннѣйшими прежнихъ. Но, къ чему дѣлать предположенія, когда есть факты, къ чему противопоставлять одинъ другому два народа, когда въ исторіи одного и того же найдутся примѣры достаточно ясные? Сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, удалились изъ Франціи десятки тысячъ людей послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Сто лѣтъ спустя, снова удалились изъ Франціи десятки тысячъ людей послѣ взятія Бастиліи. Вещественныхъ капиталовъ гугеноты унесли съ собою заграницу въ тысячу разъ менѣе, нежели эмигранты временъ революціи. То были большею частью простые ремесленники и мастеровые, а эмигранты были богатые землевладѣльцы, и многіе изъ нихъ считали свои вывезенные богатства мильонами франковъ. Но черезъ пять лѣтъ гугеноты не только сами пользовались довольствомъ въ новыхъ своихъ поселеніяхъ, но и удвоили богатства тѣхъ странъ, въ которыхъ поселились; черезъ пять лѣтъ эмигранты не только сами нищенствовали, но и были причиною обѣдненія странъ, которыя ихъ приняли. Надобно ли говорить, отчего произошла такая разница? Гугеноты, кромѣ своихъ техническихъ знаній, имѣли съ собою твердыя нравственныя правила, неуклонную любовь къ законности, привычку къ энергической дѣятельности, развитую мыслительную способность. Эмигранты, кромѣ невѣжества, вывезли съ собою презрѣніе къ закону, поклоненіе грубой силѣ своего крика и своихъ шпагъ, легкомысліе и неспособность ни къ какой серьезной мысли, ни къ какому дѣльному труду. Да, нравственный капиталъ—источникъ всѣхъ вещественныхъ капиталовъ, которые безъ него не могутъ ни возникнуть, ни сохраниться, тѣмъ менѣе могутъ возрастать безъ его возрастанія. Часто забываютъ объ этомъ люди, провозглашающіе безграничное уваженіе къ капиталу, и имѣютъ въ виду только матеріальное богатство, когда говорятъ, что капиталъ долженъ владычествовать надъ экономическою дѣятельностью народа. Нельзя найти довольно сильныя выраженія для протеста противъ такого поклоненія золотому тельцу. Онъ ведетъ къ пренебреженію матеріальнымъ благосостояніемъ народа ради развитія богатства немногихъ отдѣльныхъ лицъ, къ пренебреженію нравственными потребностями народа ради возвышенія коммерческихъ оборотовъ. Но если понимать подъ капиталомъ весь запасъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ богатствъ, пріобрѣтенныхъ націею вслѣдствіе предшествовавшихъ ея трудовъ, то мы, избѣжавъ односторонности понятій, предохранимся и отъ опасности жертвовать участью массы народа ради выгодъ людей, располагающихъ матеріальными капиталами. Тогда, если мы скажемъ: „необходимо народу всѣми средствами заботиться объ увеличеніи своего капитала“, —мы не будемъ уже думать, что эта потребность удовлетворяется, какъ скоро возрастаетъ богатство богатыхъ людей; если мы скажемъ: „капиталъ необходимъ для успѣшности народнаго труда“, мы не будемъ думать, что одни матеріальныя средства капи-

талиста могутъ произвести что нибудь безъ запаса нравственныхъ силъ въ его работникахъ.

Испанія не дальше отъ Америки, нежели Англія: почему жъ бы какому нибудь Броуну или Джемсу не завести хлопчато-бумажную фабрику въ Испаніи? Вѣдь и въ Испаніи есть каменный уголь; привозъ хлопка въ какую нибудь сѣверо-западную гавань Испаніи сталъ бы не дороже привоза въ Ливерпуль, а заработная плата въ Испаніи ниже, чѣмъ въ Англіи, да и испанскіе рынки для хлопчато-бумажныхъ издѣлій ближе были бы тогда къ фабрикѣ Джемса. Нѣтъ, онъ все-таки основываетъ фабрику въ Манчестерѣ. Почему же? Изъ любви къ родинѣ? Но матеріальные капиталы не имѣютъ привязанности къ родинѣ; они стремятся туда, гдѣ находятъ болѣе выгодное помѣщеніе. Почему же Джемсъ не находитъ выгоды фабриковать свои назначенныя для Испаніи ткани въ самой Испаніи, гдѣ нашлись бы всѣ матеріальныя удобства для фабрикаціи?—Потому что онъ можетъ перенести въ Испанію только вещественный капиталъ, но не найдетъ въ ея населеніи нравственнаго матеріала, содѣйствіе котораго необходимо для успѣха предпріятія, не найдетъ въ Испаніи такихъ работниковъ, какихъ имѣетъ Англія. Джемсу или надобно перевоспитать испанцевъ, или привезти въ Испанію англійскихъ работниковъ.

Если мы не станемъ забывать, что изъ капиталовъ, необходимыхъ для успѣшности національнаго труда и для развитія государственнаго богатства, нравственные капиталы, заключающіеся въ трудолюбіи и честности, въ разсчетливости и благоразуміи, въ умственной развитости и предпріимчивости работающаго сословія, гораздо важнѣе матеріальныхъ капиталовъ, не могущихъ ни возрастать, ни сохраняться безъ ихъ содѣйствія, что нравственный капиталъ не только служитъ источникомъ матеріальнаго, но и постоянно превосходитъ его своею цѣнностью, мы безопасно можемъ говорить о всемогущей силѣ капитала, о необходимости его для успѣховъ національнаго труда, о томъ, что всевозможная заботливость должна быть обращена на условія, содѣйствующія его возрастанію. Тогда мы не захотимъ жертвовать обезпеченностью работника для выгодъ капиталиста или землевладѣльца. Мы будемъ помнить, что если манчестерскій фабрикантъ выигрываетъ тысячи, понижая заработную плату, то Англія теряетъ на каждую изъ этихъ тысячъ милліонъ, чрезъ ослабленіе нравственнаго капитала въ его работникахъ; что если манчестерскіе работники дойдутъ чрезъ матеріальныя лишенія и необезпеченность до апатичнаго состоянія души, если потеряютъ любовь къ законности и надежду на законы своей родины, то всѣ богатства Англіи исчезнутъ очень быстро. Важнѣйшій капиталъ націи —нравственныя качества народа.

Г. Бабстъ всею своею рѣчью подтверждаетъ это понятіе. „Все, что „содѣйствуетъ народному производству (говоритъ онъ): орудія, машины, строе„нія, пути сообщенія, почва, суровье, средства для содержанія рабочихъ, „деньги, кредитные знаки, нравственныя качества народонаселенія, его обра„зованность, изобрѣтательность, —все это мы вправѣ назвать народнымъ ка„питаломъ, безъ котораго невозможна ни одна хозяйственная дѣятельность, „и для умноженія, для усиленія котораго должны быть употреблены всѣ „силы и стремленія народа.... Чѣмъ болѣе надежды у рабочаго улучшить

„благодаря своему труду, свое благосостояніе, тѣмъ производительнѣе его „трудъ.... Для лѣниваго, для безпечнаго народа капиталы эти (матеріаль-„ные)—мертвыя силы“ (стр. 20). Кто такъ широко и вѣрно понимаетъ капиталъ, условія его производительности и возрастанія, тотъ имѣетъ полное право,—и только тотъ вообще имѣетъ право говорить о благодѣтельномъ его вліяніи на трудъ и благосостояніе націи.

О вещественныхъ капиталахъ твердитъ каждый экономистъ; далеко не всѣ помнятъ, какъ помнитъ г. Бабстъ, о нравственномъ капиталѣ; потому-то, между прочимъ, и занялъ г. Бабстъ такое почетное мѣсто между нашими экономистами. „Стройте желѣзныя дороги, пароходы и машины, основывайте банки и промышленныя компаніи и увеличивайте торговлю“ — это умѣетъ твердить каждый; но далеко не каждый понимаетъ, какъ понимаетъ г. Бабстъ, что всѣ эти матеріальныя улучшенія возможны только съ появленіемъ условій, благопріятствующихъ возрастанію нравственнаго капитала націи. Объ этомъ важнѣйшемъ родѣ капитала, о которомъ такъ часто забываютъ, мы и будемъ преимущественно говорить вслѣдъ за г. Бабстомъ.

Сравнивая хозяйственныя привычки и нравственныя качества различныхъ народовъ, какъ они представляются намъ въ настоящее время, мы бываемъ до такой степени поражены ихъ чрезвычайнымъ различіемъ, что чрезвычайно любопытенъ становится вопросъ о причинахъ этой великой разности. Испанецъ, итальянецъ, французъ, нѣмецъ и англичанинъ такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, что невольно приходитъ въ голову мысль: возможно ли когда нибудь итальянцу сдѣлаться способнымъ къ той трудолюбивой жизни и къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя составляютъ гордость англичанина? Двѣ главныя политическія школы, представителями которыхъ въ политической экономіи можемъ мы назвать Мальтуса и Годвина, отвѣчаютъ на вопросъ о причинахъ національнаго различія также несогласно, какъ и на всѣ вопросы, кромѣ развѣ однихъ астрономическихъ. Одни говорятъ: коренное основаніе различія между народами заключается въ племенныхъ особенностяхъ организма. Лѣнивъ, безпеченъ, фанатиченъ испанецъ отъ природы, и какъ бы ни измѣнялась его судьба, онъ никогда не можетъ сравняться съ англичаниномъ по трудолюбію и разсчетливости, какъ серна никогда не можетъ получить качествъ лошади и навсегда останется неспособной ни къ труду, ни къ правильной жизни. Но очевидна неосновательность такого предположенія. Европейскіе народы, за очень незначительными исключеніями, всѣ принадлежатъ къ одной и той же расѣ *). Испанцы, французы, нѣмцы, англичане и славяне такъ мало различаются между собою по органическому

*) Читатель видитъ, что мы говоримъ только о народахъ кавказской или арійской (индо-европейской) расы, оставляя на этотъ разъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, существуетъ ли между различными расами, напримѣръ, нашею и африканскою, отъ природы какое нибудь чувствительное различіе въ степени умственныхъ и нравственныхъ дарованій. Этотъ вопросъ гораздо сомнительнѣе, нежели дѣло о племенныхъ природныхъ качествахъ народовъ одной и той же расы. Мы убѣждены, что и негръ отличается отъ англичанина своими качествами исключительно въ слѣдствіе исторической судьбы своей, а не вслѣдствіе органическихъ особенностей. Но все-таки это дѣло—подлежащее спору, а въ вопросѣ о народахъ одной расы сомнѣніе невозможно. Для предмета настоящей статьи, достаточно говорить о народахъ одной расы,—до краснокожихъ и негровъ намъ нѣтъ дѣла, когда мы разсматриваемъ экономическій бытъ европейскихъ странъ.

устройству, что разсудительный наблюдатель долженъ признаться: на физическихъ особенностяхъ европейскихъ народовъ вовсе не можетъ опираться то чрезвычайное разнообразіе быта и привычекъ, которымъ полагается столь громадная разница и въ настоящемъ благосостояніи и въ надеждахъ на будущее у англичанина и славянина, у француза и испанца. Чтобы начать съ наружнаго вида, замѣтимъ, что французъ и англичанинъ не болѣе различны между собою по физіономіи, нежели ярославецъ и воронежецъ; что часто два родные брата, имѣющіе одного отца и одну мать, разнятся по физіономіи больше, нежели итальянецъ и нѣмецъ. Мы по ежедневнымъ встрѣчамъ такъ щепетильно изучили національныя различія своихъ сосѣдей, что ничтожнѣйшія черты этого различія сильно врѣзались у насъ въ памяти; мы похожи въ этомъ случаѣ на опытнаго типографщика, который легко находитъ разницу между двумя экземплярами одной и той же книги; на игрока, который замѣчаетъ разницу въ крапѣ двухъ картъ одной и той же колоды, между тѣмъ, какъ для взгляда, неприготовленнаго къ этимъ тонкостямъ, разница не замѣтна. Такъ точно китаецъ не можетъ различить англичанина и француза, тотъ и другой для него совершенно одинаковы на видъ, какъ для насъ совершенно одинаковы на видъ всѣ негры, хотя плантаторы и различаютъ между неграми множество племенъ, столь же разновидныхъ для ихъ глаза, какъ разновидны для нашего глаза англичанинъ и итальянецъ. Но дѣйствительно ли и для нашего глаза такъ замѣтна эта послѣдняя разница? Да, если подъ словомъ „мы" разумѣть насъ съ вами, читатель, людей, которые начитались историческихъ и географическихъ книгъ. Для народа, физическое зрѣніе котораго не подготовлено книгами и ученьемъ къ замѣчанію этихъ различій, итальянецъ представляется точно такимъ же нѣмцемъ, какъ англичанинъ. Ни одинъ мужикъ не сочтетъ нѣмцемъ негра, одѣтаго въ европейскій костюмъ,—тутъ разница физіономій дѣйствительно велика; но если вы умѣете различать нѣмца отъ француза, то почему я знаю, быть можетъ, вы умѣете различать и гасконца отъ нормандца?—по крайней мѣрѣ, разницы между ними никакъ не меньше: одинъ приземистый, съ черными, курчавыми волосами, другой высокій, съ длиннымъ лицемъ и бѣлокурыми волосами. Говорятъ о различіяхъ въ фигурѣ черепа и величинѣ такъ называемаго лицеваго угла; у англичанина, говорятъ, развитъ по преимуществу лобъ, у француза болѣе затылокъ. Сравните въ этомъ отношеніи различныя сословія одного и того же народа, и вы увидите разницу несравненно болѣе значительную. Высшія сословія всегда отличаются отъ низшихъ большимъ развитіемъ лба: это зависитъ единственно отъ образа жизни и занятій. Дѣло извѣстное, что въ третьемъ, или много въ четвертомъ поколѣніи, потомство людей, вышедшихъ изъ простонародья въ знать, пріобрѣтаетъ ту аристократическую структуру тѣла и между прочимъ черепа, которой лишенъ былъ предокъ. Тутъ дѣло въ томъ же родѣ, какъ относительно нѣжности кожи. Конечно, у того, кто до пятидесяти лѣтъ пахалъ землю и косилъ сѣно подъ жгучимъ солнцемъ, останется темноватый цвѣтъ и нѣкоторая жесткость кожи, хотя бы онъ потомъ двадцать лѣтъ ѣздилъ въ каретѣ; но у его сына и особенно внука, не видавшаго черной работы и воспитаннаго въ батистовыхъ пеленкахъ, цвѣтъ кожи удовлетворитъ самаго взыскательнаго знатока аристо-

кратическихъ признаковъ породы. Говорятъ о различіи въ объемѣ мозга и упругости его фибръ. Тутъ разница между европейскими народностями опять ограничивается сотыми и тысячными дробями единицы, и несравненно значительнѣйшая разность находится между сословіями одного и того же народа. И знаете ли, какъ просто объясняетъ физіологія всѣ эти различія? У простаго народа лобъ менѣе высокъ, челюсти болѣе развиты, нежели у высшихъ сословій. Отчего это? Человѣкъ высшаго сословія ѣстъ кушанья питательныя, хорошо приготовленныя, его зубы во время обѣда трудятся очень мало; неужели вашъ хлѣбъ черствъ, или вашъ бифштексъ похожъ на подошву, неужели ваша редиска похожа на деревянистую рѣдьку? Ваша пища такъ легко пережевывается, что ваши сосѣди за обѣдомъ не замѣчаютъ даже, если у васъ зубы вставные. Не такова пища простолюдина. Она груба и жестка; она мало питательна, потому и пережевывать ее гораздо труднѣе, и количество ея гораздо значительнѣе. Не гордитесь же тѣмъ, что вашъ лицевой уголъ больше, что скулы у васъ менѣе выдались,—это зависитъ просто отъ того, что пережевывать приходится вамъ гораздо меньшее количество гораздо менѣе грубыхъ съѣстныхъ матеріаловъ. Болонка вашей супруги также имѣетъ болѣе крутой лобъ и гораздо менѣе развитыя челюсти, нежели дворняшка.

Совершенною нелѣпостію было бы принимать чѣмъ нибудь важнымъ коренное различіе, будто бы отъ природы существующее между европейскими народами, когда мы видимъ, что съ измѣненіемъ образа жизни и обстановки происходятъ въ тысячу разъ большія измѣненія въ структурѣ и характерѣ животныхъ. Изъ неукротимой породы испанскихъ быковъ, между которыми одинъ, какъ ничтожную собаченку, распоролъ тигра, когда его вздумали свести на аренѣ съ тигромъ,—изъ этой породы, съ волнистыми очертаніями спины, съ прекрасными рогами, съ выпуклымъ лбомъ, можно произвести англійскую безрогую, неподвижную, робкую породу, съ плоской спиной и плоскимъ лбомъ. Неужели наши домашніе гуси произошли не отъ дикихъ гусей? И можетъ ли быть найдена, не говоримъ уже между европейскими народами, но хотя бы между древними греками, съ ихъ безпримѣрно большимъ лицевымъ угломъ, и неграми, хотя сотая часть той разницы въ структурѣ тѣла, какая отдѣляетъ простаго быка отъ его недавняго потомка Девонширскаго быка?

Зоологическія сравненія и физіологическія соображенія доказываютъ, со всею тою несомнѣнностью, какая только возможна при доказательствахъ, основанныхъ на умозаключеніи и аналогіи, что племенныя особенности европейскихъ народовъ не могутъ служить основаніемъ различія въ ихъ бытѣ и привычкахъ; что эти различія слишкомъ ничтожны для произведенія такого великаго разнообразія; что, наконецъ, въ каждомъ народѣ есть между людьми различныхъ областей или различныхъ сословій органическія различія, болѣе рѣзкія, нежели тѣ черты, которыми организмъ одной націи отличается отъ организма другой; что потому, когда эти, болѣе значительныя различія произведены въ одинаковомъ основномъ національномъ типѣ единственно различіемъ исторической судьбы, то, конечно, и менѣе рѣзкія особенности, которыми одинъ національный типъ отличается отъ другаго, не нуждаются для

своего объясненія въ предположеніи первобытнаго различія племенъ, а совершенно достаточную причину должны имѣть въ различіи исторической судьбы различныхъ народовъ Европы. Положительными фактами подтверждаетъ эти выводы сравнительная филологія. Она съ математическою несомнѣнностью доказываетъ, что никакого первобытнаго различія между итальянцами, французами, англичанами, нѣмцами и славянами не существовало; что всѣ эти народы произошли изъ одного народа, говорившаго однимъ языкомъ, жившаго совершенно одинаковымъ бытомъ, съ одними понятіями, привычками, физическими и нравственными качествами. Эта истина доказана фактами сравнительной филологіи съ математической достовѣрностью.

Но сравнительная филологія наука новая: факты, ею открытые, не успѣли еще стать каждому извѣстны на столько, чтобы онъ всегда соображался съ ними въ своихъ сужденіяхъ. Многіе ученые еще толкуютъ о племенномъ различіи организма европейскихъ народовъ, какъ будто гипотеза объ этомъ различіи еще можетъ поддерживаться послѣ открытій сравнительной филологіи. Но даже и между этими отсталыми людьми разсудительные наблюдатели замѣчаютъ, что объяснять различіе въ бытѣ народовъ племенными особенностями ихъ организма, значитъ объяснять все обиліе воды въ Волгѣ многоводностью Селигеровскаго пруда, изъ котораго беретъ она начало. Очевидно, что не этому бѣдненькому озерочку обязана она своимъ величіемъ; очевидно, что отъ другихъ рѣкъ, и самыхъ ничтожныхъ рѣчекъ, имѣющихъ не менѣе ширины въ своемъ источникѣ, становится она различна только тѣмъ, что на дальнѣйшемъ пути ея встрѣчаются притоки, которыхъ не достаетъ другимъ рѣкамъ.

Видя недостаточность племеннаго различія отъ природы для объясненія нынѣшняго различія въ привычкахъ и качествахъ европейскихъ народовъ, почти всѣ ученые обращаются за этимъ объясненіемъ къ исторической жизни этихъ народовъ. Но на этомъ пути нѣкоторые останавливаются при самыхъ первыхъ фактахъ развитія и хотятъ все объяснять вліяніемъ окружающей природы, тѣми удобствами или затрудненіями, какія представляетъ она для образованія въ народѣ извѣстныхъ занятій, и вліяніями, какія извѣстный климатъ можетъ имѣть на образованіе темперамента. Тутъ начинаются толки о томъ, какъ подъ небомъ Іоніи должны были родиться пѣсни Гомера, какъ дивное растяженіе морскихъ береговъ, множество заливовъ и гаваней, возвысили предпріимчивость грековъ, какъ суровая природа Скандинавіи воспитала безстрашную отвагу норманновъ и т. п. Гордость, свойственная всякой новой отрасли знанія, восхищеніе, овладѣвающее умами при всякой вновь сознанной истинѣ, сообщаетъ большую привлекательность этому способу объясненія, составляющему существенный смыслъ сравнительной географіи. Развѣ слѣпой можетъ отвергать огромное вліяніе, обнаруживаемое характеромъ и положеніемъ страны на характеръ народа, въ ней поселяющагося. Особенно въ началѣ народной жизни географическая обстановка обнаруживаетъ всю свою силу надъ народными занятіями. Но въ послѣдствіи является даже въ этихъ занятіяхъ, не говоря ужъ объ обычаяхъ народа, перемѣна, необъяснимая ни природою страны, ни географическимъ ея положеніемъ. Много вѣковъ не существовало купеческихъ флотовъ у народа, продолжавшаго жить

въ Аѳинахъ и Коринѳѣ; финикійскія и карѳагенскія прибрежья до сихъ поръ лишены торговой дѣятельности; благодатныя земли Вавилоніи не имѣютъ ни садовъ, ни пивъ; Сицилія, центральный и удобнѣйшій пунктъ для торговли между тремя частями Стараго Свѣта, страна невообразимо богатой почвы, не имѣетъ торговли, почти лишилась земледѣлія. Съ другой стороны, въ Сѣверной Америкѣ принимаютъ самое живое участіе въ морской торговлѣ и тѣ штаты, которые лежатъ очень далеко отъ моря. Никакими географическими условіями невозможно объяснить, почему бы Бразильская страна могла такъ далеко отстать отъ Сѣверо-Американской: чѣмъ хуже сѣверо-американскихъ бразильскіе берега? чѣмъ Амазонская рѣка хуже, нежели Миссиссипи? Развѣ почва и климатъ въ Сициліи не гораздо болѣе благопріятствуютъ успѣхамъ земледѣлія, нежели въ Англіи? Изъ такихъ примѣровъ, сотнями представляющихся и въ исторіи и въ современной статистикѣ, мы видимъ, что природа и климатъ страны имѣютъ рѣшительное вліяніе надъ народомъ только при началѣ его жизни, а въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи гражданскаго общества, географическое и климатическое вліяніе страны отодвигается уже на второй планъ, и характеръ народныхъ занятій уже начинаетъ въ гораздо большей степени зависѣть отъ какихъ-то другихъ вліяній. Это относительно занятій народа. Что же касается его темперамента, тутъ, конечно, климатъ страны постоянно сохраняетъ большую, почти всегда преобладающую силу. Жители дождливой и прохладной Англіи, конечно, не могутъ имѣть холерическаго темперамента итальянцевъ. Голландецъ, конечно, отъ природы своей страны болѣе флегматиченъ, нежели грекъ. Но если темпераментъ имѣетъ большое значеніе въ пріятельскихъ бесѣдахъ и семейномъ кругу, то едва ли можно приписать какую нибудь существенную цѣну различію темпераментовъ относительно дѣловой, практической жизни. У многихъ есть привычка холодному темпераменту англичанъ приписывать ихъ благоразуміе и непреклонность въ достиженіи своихъ цѣлей. Римляне ни чуть не уступали этими качествами англичанамъ, хотя по темпераменту ни чуть не отличались отъ нынѣшнихъ итальянцевъ. Нынѣшніе сирійскіе лѣнивцы сохранили темпераментъ неутомимыхъ финикіянъ. Обратилось уже въ обычай противопоставлять французское легкомысліе и опрометчивость англійской осмотрительности и благоразумію. Но неужели въ самомъ дѣлѣ англичанинъ менѣе француза способенъ увлекаться, дѣлать безразсудства, рисковать жизнью и состояніемъ? Надобно бы хотя припомнить, что эксцентричность англичанъ вошла въ пословицу. Хитрецы и простяки, энтузіасты и эгоисты равно встрѣчаются во всѣхъ темпераментахъ. Флегматики имѣютъ точно такія же страсти, какъ и холерики; разница только въ томъ, что одинъ любитъ больше болтать о томъ, что онъ дѣлаетъ, другой менѣе, а дѣлаютъ они одно и тоже. Если французъ любитъ пить шампанское съ криками и пѣснями, то и англичанинъ пьетъ шампанскаго не меньше, хотя не кричитъ при этомъ. Молчаливость многіе считаютъ неотъемлемымъ признакомъ практичности, говорливость —вывѣскою пустоты. Но если молчаливый Вильгельмъ Оранскій былъ хорошій дипломатъ, то не менѣе искусенъ въ дипломатикѣ былъ говорунъ Талейранъ. Если угрюмый и молчаливый Валленштейнъ умѣлъ хорошо вести войну, то не менѣе хорошо велъ ее шутникъ и говорунъ Су-

воровъ. Говоруны и люди молчаливые, весельчаки и люди угрюмые, равно встрѣчаются между людьми дѣльными и людьми пустыми. Темпераментомъ опредѣляется характеръ отдыха. Съ человѣкомъ веселаго темперамента пріятнѣе обѣдать, нежели съ человѣкомъ угрюмымъ. Но который изъ нихъ лучше, усерднѣе и успѣшнѣе работаетъ, это зависитъ вовсе не отъ темперамента. Англичане покорили Остъ-Индію; такъ, но греки, на которыхъ французы походятъ болѣе, нежели другіе нынѣшніе народы, точно также покорили Персію. Монголы были флегматики, арабы были холерики, но завоеванія тѣхъ и другихъ одинаково блистательны. Арабы — холерики, тунгузцы — флегматики, но и тѣ и другіе одинаково лѣнивы. А было время, когда и арабы отличались дѣятельностью не меньше нынѣшнихъ англичанъ. И, наоборотъ, было время, когда предки нынѣшнихъ англичанъ и нѣмцевъ, британцы и германцы, были лѣнивѣйшими существами въ мірѣ. Дѣло тутъ, какъ видимъ, вовсе не въ темпераментѣ.

Такимъ образомъ, ни природа, ни порождаемый ею темпераментъ народа, вовсе недостаточны для объясненія народныхъ занятій и быта, какъ скоро народъ выходитъ на поприще историческаго развитія. Чѣмъ же объяснить различіе національныхъ качествъ и быта въ различныхъ европейскихъ народахъ? Для этого нужно только, не останавливаясь на первоначальномъ фактѣ ихъ жизни, на отношеніи ихъ къ природѣ странъ, съ такимъ же вниманіемъ наблюдать и вліяніе другихъ отношеній, среди которыхъ проходила и проходитъ ихъ жизнь. Отношенія эти опредѣляются гражданскимъ устройствомъ народовъ. Только недавно понято, какую чрезвычайно важную роль играли эти отношенія въ всемірной исторіи. Сколько, бывало, набирали причинъ для объясненія паденія древней Греціи и потомъ Рима! — и все таки не могли понять, почему погибли Аѳины, погибла Римская Имперія. Но едва вникли въ гражданскія отношенія этихъ государствъ, все стало ясно. Главная причина въ обоихъ государствахъ одна и таже — невольничество. Пока граждане сами воздѣлывали свои поля, сами были матросами на своихъ корабляхъ, государство возвышалось; но когда политическое могущество доставило ему данниковъ и невольниковъ, когда граждане, то есть классъ населенія, управлявшій государствомъ, привыкли жить трудами этихъ данниковъ и невольниковъ и отвыкли отъ неутомимой заботы о своемъ пропитаніи, которое получали уже за-даромъ, государство стало разрушаться. Трудолюбіе полезно, а праздность вредна — эта поговорка давно извѣстна; такъ, но разумна становится она только тогда, когда мы поймемъ, что праздность и трудолюбіе возникаютъ или ослабѣваютъ въ человѣкѣ просто вслѣдствіе гражданскихъ его отношеній; что изъ этого же самаго основанія возникаютъ и всѣ другія достоинства или недостатки народа.

Вотъ, напримѣръ, хотя бы повести рѣчь объ увеличеніи народнаго капитала, о тѣхъ привычкахъ и обстоятельствахъ, которыя содѣйствуютъ или препятствуютъ этому дѣлу. Прежде всего тутъ каждому приходитъ на мысль война. Нечего и говорить о томъ, что война есть дѣло жестокое и дурное въ нравственномъ отношеніи, — въ этомъ всѣ согласны; но моральное осужденіе мало дѣйствуетъ на человѣка, пока не пойметъ онъ, что дѣло дурное есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣло убыточное для него. Съ этой послѣдней,

практической точки зрѣнія преимущественно и нападаютъ теперь на войну. Недавно ученые успѣли согласиться въ томъ, что война для народовъ, имѣющихъ осѣдлость, дѣло убыточное; но и до сихъ поръ еще далеко не каждый вполнѣ понимаетъ, до какой громадной степени простирается убытокъ, наносимый привычкою европейскихъ народовъ къ войнѣ.

Чтобы понять его, начнемъ не съ самой войны, не съ этого экстраординарнаго расхода людей и денегъ, а того нормальнаго положенія дѣлъ, въ которое поставлены европейскіе народы своими воинственными понятіями.

Зачѣмъ содержатся такія сильныя арміи въ каждомъ европейскомъ государствѣ? Отвѣтъ готовъ: затѣмъ, чтобы быть готову на случай войны. Не сомнѣвайтесь въ силѣ этого отвѣта, не вздумайте предполагать, что въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ, въ Австріи и Франціи, правительство держитъ войска, какъ опору противъ враговъ не столько внѣшнихъ, сколько внутреннихъ. Быть можетъ, это и такъ, но дѣло въ томъ, что никакой государственный фактъ не можетъ существовать безъ благовиднаго основанія, а единственное такое основаніе для сильныхъ армій въ мирное время—необходимость быть готову къ войнѣ. Еслибъ не было этой причины или этого предлога, неужели, вы думаете, что была бы нравственная возможность удержать фактъ? Какая нація согласилась бы содержать армію, если бы не вѣрила, что армія нужна противъ внѣшнихъ враговъ? Каждый знаетъ, что для охраненія внутренняго порядка существуетъ совершенно иное учрежденіе—полиція; что если есть въ государствѣ порядокъ, то и одной полиціи достаточно для его поддержанія. Конечно, когда явленіе вызвано къ жизни, то можно пользоваться имъ и для другихъ цѣлей, кромѣ его прямаго назначенія; но только прямое назначеніе общественнаго учрежденія даетъ ему силу и возникать и сохраняться. Прямое назначеніе арміи—война, и исключительно война оправдываетъ и поддерживаетъ существованіе армій. Посмотримъ же, сколько стоитъ война Европѣ въ то время, когда Европа наслаждается совершеннымъ миромъ.

Число войска всѣхъ европейскихъ государствъ въ сложности простирается въ мирное время до 4,000,000 человѣкъ. Издержки на ихъ содержаніе надобно полагать не менѣе какъ въ 500,000,000 р. сер. Къ этой суммѣ прямаго расхода надобно прибавить ту потерю, какая производится отнятіемъ столь огромнаго числа рабочихъ рукъ отъ земледѣльческихъ, ремесленныхъ и другихъ производительныхъ занятій. Мы будемъ не далеки отъ истины, если положимъ, что, чрезъ отнятіе каждаго солдата отъ мирныхъ занятій, теряется цѣнность продуктовъ въ Англіи на 345 р. сер., во Франціи на 225 р. сер., вообще въ Европѣ среднимъ числомъ на 165 р. сер. Помножая послѣднюю цифру на 4,000,000 европейцевъ, занятыхъ военною службою, мы видимъ, что отнятіе ихъ отъ мирнаго труда ежегодно лишаетъ Европу суммы продуктовъ, которую нельзя оцѣнить менѣе какъ въ 660,000,000 р. сер. Присоединивъ къ этому числу 500 мильоновъ р. сер. прямаго ежегоднаго расхода на войско, мы видимъ, что содержаніе армій поглощаетъ ежегодно сумму болѣе, нежели въ 1,150,000,000 р. сер.: соединенные бюджеты трехъ великихъ европейскихъ державъ: Россіи, Англіи и Франціи, едва равняются этой суммѣ. Она составляетъ почти половину

всѣхъ цѣнностей, производимыхъ годичнымъ трудомъ цѣлаго русскаго, или цѣлаго французскаго народа.

Не нужно говорить о томъ, въ какой огромной пропорціи возрастаютъ эти потери и издержки во время войны. Войны съ Франціею въ концѣ прошлаго вѣка и началѣ нынѣшняго, до низверженія Наполеона, одной Англіи стоили по умѣренному вычисленію не менѣе какъ 6.500 мильоновъ рублей серебромъ. Какова же будетъ цифра, если прибавить къ этому расходы самой Франціи и государствъ, бывшихъ въ союзѣ съ Англіею? Но и эта страшная растрата не такъ еще значительна, какъ та потеря, которая произошла въ людяхъ. Смерть мужчины молодыхъ или среднихъ лѣтъ уменьшаетъ народный капиталъ въ Европѣ среднимъ числомъ не менѣе, какъ на 1,500 рублей серебромъ. Число убитыхъ во время наполеоновскихъ войнъ превышало два мильона. Конечно, втрое большее число людей сдѣлались неспособны къ работѣ отъ полученныхъ ранъ и должны также считаться потерянными для національнаго труда. Прибавимъ къ этому еще гораздо значительнѣйшую потерю чрезъ отнятіе рукъ отъ мирнаго труда, и цифра возрастетъ въ нѣсколько разъ. Если мы положимъ, что наполеоновскія войны стоили Франціи столько же, сколько Англіи, и что расходы всѣхъ остальныхъ государствъ, участвовавшихъ въ этихъ войнахъ, вмѣстѣ равнялись расходамъ Англіи, то мы получимъ слѣдующія цифры: прямой расходъ Европы на веденіе войнъ съ 1792 до 1815 года 19,500 мильоновъ руб. сер.; потеря въ убитыхъ и раненыхъ 12.000 мильоновъ р. сер.; потеря черезъ отнятіе рукъ отъ мирнаго труда 26.000 мильоновъ р. сер.; общая сумма всѣхъ потерь Европы отъ войнъ 1792 до 1815 года, 57.000 мильоновъ р. сер.,—то есть такая сумма цѣнностей, которая далеко превышаетъ всю цѣнность европейской земли. Быть можетъ этотъ выводъ станетъ понятнѣе, если мы выразимъ его, вмѣсто прежней отрицательной, въ положительной формѣ: если бы та сумма труда и капитала, какая потрачена была въ эти годы Европою на войну, употреблена была на земледѣліе, то Европа была бы вдвое богаче, нежели теперь: тѣ, которые нынѣ едва имѣютъ средства ѣсть мясо только въ большіе праздники, могли бы каждый день имѣть не только мясо, но чай и кофе.

Этими прямыми и косвенными расходами не ограничиваются убытки, нанесенные войнами вещественному капиталу европейскихъ народовъ. Послѣ расходовъ на содержаніе военной силы, огромнѣйшую тяжесть для государственнаго бюджета вообще составляетъ государственный долгъ. Если прямые расходы на войну простираются почти до третьей части доходовъ всѣхъ европейскихъ государствъ, то немногимъ менѣе составляютъ и проценты долга. А почти весь этотъ долгъ произошелъ также вслѣдствіе войнъ. Такимъ образомъ, война и ея послѣдствія поглощаютъ въ мирное время почти двѣ трети всѣхъ государственныхъ доходовъ европейскихъ державъ; въ военное время эти потери увеличиваются въ три и четыре раза.

Какъ ни велики тяжести, которыми уменьшаетъ война вещественный капиталъ націй, но тѣ потери, которыя наноситъ она нравственному капиталу образованныхъ народовъ, должны считаться еще болѣе значительными. Основаніемъ всякаго благоустройства, необходимѣйшимъ условіемъ возникно-

венія и возрастанія въ народахъ любви къ труду и привычки къ экономіи, надобно назвать господство закона, увѣренность въ силѣ законности, въ преобладаніи права надъ грубою силою. Война является опроверженіемъ этого порядка и этихъ убѣжденій. Она разрушаетъ всякую экономію, она убиваетъ любовь къ труду, отнимаетъ право пользоваться плодами труда и экономіи. Владычество военной силы, предпочтеніе, оказываемое государствомъ сословію воиновъ предъ мирными сословіями, конечно, не можетъ дѣйствовать благопріятно на развитіе мирныхъ занятій. Даже въ Англіи, наименѣе воинственной изъ всѣхъ странъ Европы, величайшею знаменитостію, популярнѣйшимъ человѣкомъ XIX вѣка, былъ Веллингтонъ,—изъ этого уже можно видѣть, какъ сильны наклонности, свойственныя войнѣ, до какой степени берутъ онѣ перевѣсъ надъ идеями экономіи, даже въ Англіи. Не менѣе прискорбный примѣръ того же самаго былъ доставленъ послѣдними выборами въ Англійскій Парламентъ, когда Кобденъ и Брайтъ, пользовавшіеся до Крымской кампаніи чрезвычайною популярностію, были отвергнуты своими избирателями за то, что доказывали совершенную ненужность для Англіи и страшную разорительность войны съ Россіею.

Въ самомъ дѣлѣ, не только Англія въ 1854 году не стала бы начинать войны съ Россіею, если бы держалась здравыхъ экономическихъ понятій, но и вообще очень мало въ исторіи найдется такихъ войнъ, которыя были начаты по причинамъ удовлетворительнымъ въ глазахъ экономиста. Общество друзей мира составило перечень войнъ, веденныхъ въ Европѣ со временъ Константина до 1849 года. Что же оказывается? изъ 286 войнъ, 44 были начаты для завоеванія областей; 22 изъ желанія собирать военныя контрибуціи; 24 изъ мщенія за прежнія войны; 8 изъ-за споровъ о титулахъ; 6 изъ-за спора за обладаніе какими-нибудь округами; 41 изъ-за престолонаслѣдія; 30 подъ предлогомъ помощи союзнику; 28 изъ-за дипломатическаго соперничества; 28 изъ-за религіозныхъ раздоровъ. Затѣмъ остаются 60 войнъ, начатыхъ по несогласіямъ относительно гражданскаго быта и торговыхъ дѣлъ. Съ экономической точки зрѣнія, только для послѣднихъ могли существовать основательныя причины, только ихъ выгодное окончаніе могло приносить дѣйствительную пользу націямъ, начинавшимъ ихъ, въ томъ случаѣ, если предметъ спора былъ достаточно важенъ для того, чтобы оправдывать столь громадныя пожертвованія. Но и тутъ чаще всего оказывается, что игра далеко не стоила свѣчъ. Что же касается до 226 другихъ войнъ, то очевидно, что онѣ начались единственно въ слѣдствіе предубѣжденій или эгоизма, неимѣвшаго никакой связи съ истинными національными интересами.

Остъ-индское возмущеніе, которымъ теперь такъ сильно занята вся Европа, представляетъ намъ удобный случай разсмотрѣть, приносятъ ли обыкновенно пользу для націи даже самыя счастливыя войны, даже тогда, когда такъ называемый національный интересъ требуетъ ихъ. Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что англичане побѣдятъ своихъ противниковъ; мы не сомнѣваемся и въ томъ, что всѣ англичане единодушно желаютъ самаго энергическаго веденія войны и почли бы для себя невыносимымъ позоромъ покинуть Остъ-Индію, господствованіе въ которой представляется имъ столь выгоднымъ. Но какую въ самомъ дѣлѣ выгоду англійская нація получитъ

отъ возстановленія англійскаго владычества въ Остъ-Индіи? Очень основателенъ былъ разсчетъ каждаго изъ свирѣпыхъ воиновъ, устремившихся на Англію подъ знаменами Вильгельма Завоевателя: покоривъ ему новое государство, каждый изъ его солдатъ получилъ отъ него владѣніе въ Англіи: вся страна была раздѣлена между воинами; отъ главнаго предводителя до послѣдняго латника, каждый завоевалъ себѣ помѣстье. Но получитъ ли въ Остъ-Индіи помѣстье хотя одинъ изъ англійскихъ солдатъ, отправляющихся на завоеваніе этой страны? Увеличится ли хотя на одинъ шиллингъ благосостояніе какого-нибудь капрала 63 полка службы ея великобританскаго величества, когда этотъ полкъ будетъ стоять гарнизономъ въ Дели, вмѣсто того, что прежде стоялъ гарнизономъ въ Оксфордѣ? Нѣтъ, капралъ будетъ получать прежнее свое жалованье, и только. Изъ-за какихъ же благъ онъ сражается? „Я сражаюсь, скажетъ онъ, за выгоды не свои личныя, а цѣлой англійской націи“. Въ этомъ еще меньше можно ему повѣрить. Даже при Вильгельмѣ Завоевателѣ, когда каждый солдатъ получилъ огромную прямую выгоду отъ завоеванія, населеніе Нормандіи ни на одинъ су не выиграло отъ того, что Англія была завоевана Нормандіею. Развѣ нормандскому земледѣльцу подарено было что-нибудь изъ добычи? развѣ даны были англійскія лошади для его плуга или англійскія деревья для перестройки его хижины? Кто былъ на войнѣ, тотъ выигралъ; кто оставался дома, не получилъ ровно ничего. Напротивъ, онъ потерялъ, потому что на его счетъ была снаряжена экспедиція Вильгельма. „Не выиграли отдѣльные люди, но выиграла цѣлая страна“. Что же она выиграла? развѣ уменьшились подати? развѣ улучшилась администрація въ Нормандіи отъ того, что къ ней присоединилась Англія? Вовсе нѣтъ. Администрація стала хуже прежней, потому что у нормандскаго герцога явились новыя заботы, когда онъ завоевалъ Англію, и часть того вниманія, съ которымъ онъ прежде занимался нормандскими дѣлами, была отнята у Нормандіи Англіей. Администрація стала хуже— вотъ весь выигрышъ Нормандіи отъ блистательнаго завоеванія. Точно таковъ же и для Англіи выигрышъ отъ обладанія Остъ-Индіею. Вотъ теперь, напримѣръ, отложены въ Англіи всѣ заботы о внутреннихъ улучшеніяхъ, не до нихъ теперь англійскому правительству: оно занято исключительно остъ-индскими дѣлами. Таже исторія повторялась безпрестанно и до сихъ поръ: нужно воевать то съ сейками, то съ афганами, то съ персіянами, то съ китайцами, то хлопотать о присоединеніи Аудскаго королевства и разбирать претензіи этого эксвладѣльца, и вѣчно таки все некогда хорошенько и безотлагательно подумать объ англійскихъ дѣлахъ англійскому правительству: всѣ мысли его заняты Остъ-Индіею; некогда подумать о своихъ дѣлахъ и англійскому народу.—онъ тоже безпрестанно отрывается отъ своихъ дѣлъ заботами объ остъ-индскихъ дѣлахъ. Владѣніе Остъ-Индіею отвлекаетъ Англію отъ заботы о своихъ домашнихъ дѣлахъ, вотъ вся выгода для Англіи отъ этого владычества. Для Остъ-Индіи, быть можетъ, очень полезно, что она находится подъ властью англичанъ; быть можетъ, англичане просвѣщаютъ ее, улучшаютъ ея администрацію, облегчаютъ налоги, введенные моголами съ ихъ субабами и набабами,—мы даже увѣрены въ этомъ, не смотря на завистливые толки объ эгоизмѣ и бездушіи англійскаго владыче-

ства въ Остъ-Индіи,—толки, расходящіеся по свѣту отъ Варреновъ и тому подобныхъ французовъ, которымъ очень жаль, что не они, а англичане завоевали Индію. Дѣйствительно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что англійское владычество приноситъ пользу Индіи; но во-первыхъ, для филантропической заботливости о чужомъ благѣ есть много средствъ кромѣ владычества, поддерживающагося исключительно штыкомъ и штуцеромъ,—можно даже полагать, что дружескія мирныя сношенія приносятъ больше пользы просвѣщаемому народу, нежели насильственное наложеніе просвѣщенія; вовторыхъ, разстроивать свои дѣла для поправленія чужихъ,—это прекрасно, но вовсе не благоразумно, а таково положеніе, въ которое ставитъ Англію къ Индіи владычество вооруженной рукою. Для Остъ-Индіи оно выгодно, для Англіи убыточно. „Какъ убыточно? а торговыя выгоды? Англія своимъ господствомъ обезпечиваетъ сбытъ своимъ товарамъ въ Индію; безъ того, другія націи оттѣснили бы ее изъ остъ-индской торговли". Все это хорошо было говорить сто лѣтъ тому назадъ, а теперь каждый знаетъ, что для веденія торговыхъ дѣлъ насиліе очень плохой способъ. Продаютъ же англичане сѣверо-американцамъ гораздо больше своихъ товаровъ, нежели индѣйцамъ, хотя въ Остъ-Индіи въ шесть разъ больше населенія, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ, и хотя другіе народы также продаютъ сѣверо-американцамъ чрезвычайно много своихъ товаровъ. Тутъ все зависитъ отъ благосостоянія покупающей націи, а не отъ господства надъ нею. Нынѣ уже доказано, что война изъ-за торговыхъ интересовъ или насильственное господство—самое убыточное дѣло для торговли. Если бы въ своихъ отношеніяхъ къ Остъ-Индіи англичане руководились коммерческими выгодами, они давнымъ давно отказались бы отъ управленія ею: независимый народъ всегда покупаетъ болѣе товаровъ, нежели зависимый. Примѣръ тому представленъ Соединенными Штатами: только съ того времени, когда они отторглись отъ Англіи, стала въ громадныхъ размѣрахъ возростать ихъ торговля съ Англіею. Ни англійская нація, ни даже англійскіе негоціанты и фабриканты не получаютъ отъ владычества англичанъ въ Остъ-Индіи ничего, кромѣ убытковъ.

Однако, должно же быть оно кому нибудь выгодно въ Англіи, если она такъ хлопотала о его созданіи и теперь хлопочетъ о его возстановленіи? Разумѣется, кому нибудь въ Англіи оно полезно, и даже не трудно отъискать, кому именно. Въ Остъ-Индіи по гражданскому и военному управленію существуетъ множество очень выгодныхъ должностей; должности эти замѣщаются родственниками и друзьями людей, управляющихъ Англіею. Для націи война убыточна, но для того класса людей, который управляетъ Англіею, она очень выгодна; для націи господство надъ Остъ-Индіею безполезно, но могущество англійскаго министерства и Парламента, его значеніе между другими европейскими правительствами увеличивается господствомъ надъ Остъ-Индіею.

Если таковы прямыя выгоды, доставляемыя счастливымъ исходомъ даже столь справедливой войны, какъ нынѣшняя Остъ-Индская, то легко сдѣлать заключеніе, кому могли быть полезны другія войны, веденныя Англіею,—войны, далеко не столь справедливыя.

Человѣку трудящемуся разорительна всякая война: полезна для него только та война, которая ведется для отраженія враговъ отъ предѣловъ отечества. Совсѣмъ не таковы выгоды англійскаго министерства и людей, раздѣляющихъ съ нимъ управленіе англійскими дѣлами: они живутъ не плодами собственной работы; интересы труда имѣютъ для нихъ только незначительную важность; напротивъ, для нихъ прямымъ образомъ выгодно все то, что увеличиваетъ внѣшнее могущество Англіи; при томъ же, какъ люди, съ избыткомъ обезпеченные въ жизни, они находятъ свое удовольствіе въ блескѣ и шумѣ: человѣкъ трудящійся думаетъ о средствахъ добыть хлѣбъ, они думаютъ о средствахъ пріобрѣсть блистательную славу.

Ихъ интересы часто бываютъ противоположны истиннымъ интересамъ англійской націи; но человѣкъ всегда склоненъ считать полезнымъ для своей родины то, что полезно лично для него, и они искренно утверждаютъ, что для Англіи мало внутренняго благосостоянія, а нужно внѣшнее могущество.

Они стоятъ во главѣ націи, она привыкла слѣдовать за ними, вѣрить имъ,—и вотъ, она вѣритъ имъ, что въ дѣлахъ, которыя совершенно чужды интересамъ англійскаго труда, замѣшана національная честь или благосостояніе.

Недавно, съ образованіемъ манчестерской партіи, въ лицѣ Кобдена и его друзей, получили голосъ среди англійскаго Парламента интересы фабрикантовъ, и мы видимъ, что Кобденъ совершенно не такъ думаетъ о вопросахъ внѣшней политики: онъ прямо утверждалъ, что, собственно говоря, Англіи нѣтъ никакой нужды вмѣшиваться въ отношенія Россіи къ Турціи. Это казалось парадоксомъ, потому что противорѣчило укоренившимся предубѣжденіямъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что новый принципъ будетъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться участіе англійскихъ фабрикантовъ въ англійскомъ правленіи.

Конечно, еще значительнѣе то измѣненіе, которое будетъ внесено въ эти дѣла прямыми интересами трудящагося класса,—манчестерская школа не есть еще полная ихъ представительница. Когда трудящійся классъ пріобрѣтетъ рѣшительное вліяніе на англійскія дѣла и образуется опытностью въ нихъ настолько, что будетъ судить сообразно интересамъ труда, а не внушеніемъ людей, чуждыхъ этимъ интересамъ, Англія совершенно откажется отъ всякихъ войнъ внѣ предѣловъ своихъ. Когда таково же будетъ положеніе другихъ европейскихъ странъ, исчезнетъ всякая возможность войны между ними.

Но до того времени войны неизбѣжны, хотя совершенно противны прямымъ интересамъ каждой изъ воюющихъ націй; до того времени, Веллингтоны и Наполеоны будутъ популярнѣйшими людьми между своими согражданами, хотя подвиги ихъ не принесли этимъ согражданамъ ничего, кромѣ потерь.

Мы видимъ теперь, отъ чего зависитъ свойственная всѣмъ европейскимъ народамъ наклонность къ воинственности: она зависитъ отъ гражданскаго устройства этихъ обществъ. Если наклонность, столь неестественная въ людяхъ трудящихся и однако же до сихъ поръ владычествующая надъ европейскимъ бытомъ, развилась и поддерживается вслѣдствіе гражданскаго

устройства этихъ націй, то легко можно заключить, достаточно ли этой причины для объясненія того, почему вообще въ той или другой націи развились тѣ или другія наклонности, несообразныя съ интересами національнаго благосостоянія.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы внимательно прослѣдимъ исторію каждой изъ европейскихъ націй, мы увидимъ, что весь ея современный бытъ, всѣ ея наклонности объясняются вліяніемъ тѣхъ гражданскихъ учрежденій, подъ вліяніемъ которыхъ она жила и живетъ. Вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ событій появлялись въ гражданскомъ обществѣ различныя учрежденія, потомъ создавались законы, сообразные съ этими учрежденіями. Нація измѣняла свои привычки сообразно духу этихъ учрежденій и законовъ. События и учрежденія въ различныхъ странахъ были различны, потому и націи, начавшія свою жизнь совершенно съ одинаковыми привычками и наклонностями, являются въ настоящее время совершенно различными.

Возьмемъ въ примѣръ три націи, занимающія самый западный край Европы,—испанскую, французскую и англійскую. Припомнимъ только важнѣйшіе факты ихъ жизни,—ужъ и этого будетъ довольно для убѣжденія въ томъ, что всѣ наклонности каждаго народа, оставившаго за собою періодъ младенческой зависимости отъ внѣшней природы, создались и поддерживаются его учрежденіями и законами.

Вестъ-готы, франки и англо-саксы ни на волосъ не отличались другъ отъ друга своими наклонностями и обычаями; завоеванныя ими страны также были населены народами, получившими одинаковыя качества подъ вліяніемъ римскаго владычества.

Но въ Испаніи начинается упорная семисотлѣтняя борьба противъ мусульманъ-мавровъ; вслѣдствіе этого, испанцы предаются католическому фанатизму; у нихъ является инквизиція, первоначально направленная противъ мавровъ. Привыкнувъ считать католичество основною драгоцѣнностью своей жизни, они отдаются въ полное распоряженіе доминиканцамъ, а потомъ іезуитамъ. Это сковываетъ ихъ мысль. Подъ покровительствомъ инквизиціи, опираясь на католическій фанатизмъ, макіавелліевская политика разрушаетъ всѣ тѣ учрежденія, которыми держалась самодѣятельность народа, и испанцы становятся націею, лишенною всякой умственной и гражданской жизни. Они погружаются въ летаргію и невѣжество. Вторженіе французовъ пробуждаетъ ихъ къ жизни. Но они такъ долго спали, что отвыкли отъ умѣнья вести свои дѣла; они такъ пропитались предубѣжденіями и формализмомъ невѣжества, что являются людьми совершенно отвыкшими ясно понимать вещи; потому исторія ихъ, со времени французскаго вторженія, есть безпорядочная борьба между всевозможными ошибками неопытности и увлеченіями умственнаго дѣтства. Они къ чему то стремятся, но къ чему именно, это еще не ясно, это еще только начинаетъ проясняться для нихъ; и какія средства нужно употреблять имъ для достиженія цѣли?—этого они еще не знаютъ, они еще только пробуютъ. Законности у нихъ давно не было, потому они не уважаютъ закона; собственность и личность очень долго лишены были всякихъ гарантій, потому они лѣнивы, и энергія ихъ умѣетъ проявляться еще только судорожнымъ, лихорадочнымъ образомъ, и за стре-

мительнымъ порывомъ, внушаемымъ настоящими потребностями, слѣдуетъ долгій припадокъ апатическаго бездѣйствія. У нихъ есть славное прошедшее, потому они горды; но ихъ настоящее вовсе не блистательно—потому они угрюмы.

Во Франціи, послѣ того хаоса, который былъ во всѣхъ западныхъ странахъ, вслѣдствіе переселенія народовъ, и за которымъ у испанцевъ слѣдовала борьба съ маврами, является распаденіе страны на нѣсколько сильныхъ областныхъ владѣній; идетъ борьба между этими владѣтелями и королемъ, но въ тоже время идетъ война съ внѣшнимъ врагомъ—англичанами. Король, являясь представителемъ національной независимости, получаетъ возможность завести регулярное войско. Опираясь на это войско, онъ мало-по-малу подавляетъ всѣ противныя ему силы,—феодаловъ и горожанъ. Во Франціи образуется придворное управленіе. Всѣ привычки націи образуются сообразно духу придворнаго управленія. Дальнѣйшая исторія Франціи слишкомъ извѣстна. Но важенъ этотъ фактъ— долговременное придворное управленіе, опирающееся на войскѣ. Всѣ черты, которыми обрисовываютъ характеръ француза въ противоположность англичанину, могутъ быть выведены изъ одного этого факта. Относительно чувства законности и опытности въ гражданскихъ дѣлахъ, французъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ испанцемъ, потому что, подобно ему, долго лишенъ былъ гарантій закона и участія въ дѣлахъ,— но не такъ долго и полно было это отстраненіе, притомъ же, у него инквизиція не владычествовала надъ жизнью (оттого, что не было семисотъ-лѣтней борьбы противъ невѣрныхъ), потому мысль его гораздо лучше умѣетъ понимать сущность дѣла и находить средства къ его исполненію.

О настоящемъ характерѣ англичанъ мы не будемъ говорить, потому что всѣмъ извѣстно, какъ тѣсно связанъ онъ съ англійскими учрежденіями; надобно замѣтить только, что прежде, нежели теченіемъ долгаго времени, силою привычки утвердились эти учрежденія и измѣнили характеръ народа сообразно своему духу, характеръ англичанина вовсе не былъ такъ спокоенъ и твердъ въ чувствѣ любви къ закону и сознанія своихъ правъ, не было въ немъ ни той энергіи, ни того формализма, который въ немъ поражаетъ нынѣ иностранца. Уваженія къ законамъ было въ немъ не больше, нежели въ нынѣшнемъ испанцѣ. Изъ этого видно, что не изъ особенностей характера его возникли его учрежденія, а подъ вліяніемъ особенныхъ учрежденій, созданныхъ историческими обстоятельствами, образовался его характеръ.

Мы выбрали въ исторіи каждаго народа только по два, по три важнѣйшіе факта, указали только на два, на три важнѣйшія учрежденія,—и этихъ фактовъ уже достаточно для объясненія всѣхъ существенныхъ особенностей въ наклонностяхъ и привычкахъ испанца, француза и англичанина. Стоитъ только расширить границы этого историческаго очерка, и мы будемъ поражены тою точностью, съ какою каждая черта національнаго типа объясняется гражданскими учрежденіями народа. А въ приведенныхъ нами примѣрахъ особенно интересно то, что исторія застаетъ еще всѣ три націи съ совершенно одинаковыми наклонностями; что онѣ остаются совершенно одинаковы впродолженіе всего того времени, пока не устанавливается, вслѣд-

ствіе различныхъ историческихъ событій, различіе въ ихъ гражданскихъ учрежденіяхъ. Возьмемъ исторію какихъ угодно другихъ націй, и мы увидимъ то же самое.

Такимъ образомъ, если мы замѣчаемъ въ привычкахъ и бытѣ извѣстнаго народа особенности, благопріятствующія возрастанію его капитала, иначе сказать, возрастанію его благосостоянія, мы должны знать, что благодарить за то онъ долженъ не племенныя особенности своего организма, не климатъ страны, а просто, гражданскія свои учрежденія; и, наоборотъ, если мы видимъ, что въ народѣ развились привычки, препятствующія возрастанію національнаго капитала, мы должны знать, что и тутъ основаніе лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ націи. Вліяніе всѣхъ другихъ причинъ, содѣйствующихъ или препятствующихъ національному благосостоянію, совершенно незначительно по сравненію съ вліяніемъ гражданскихъ учрежденій. Г. Бабстъ прекрасно выражаетъ эту мысль:

„Трудно себѣ представить (говоритъ онъ), до какой степени дурная администрація, отсутствіе безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурныя учрежденія дѣйствуютъ гибельно на бережливость, накопленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на умноженіе народнаго капитала. Междоусобныя войны, борьба политическихъ партій, нашествія, моръ, голодъ не могутъ имѣть того гибельнаго вліянія на народное богатство, какъ деспотическое и произвольное управленіе. Чего не перенесли благословенныя страны Малой Азіи, какихъ не испытали онѣ переворотовъ,—и постоянно вновь обращались въ земной рай, покуда не скрутила ихъ турецкая администрація. Что было съ Франціей въ XVIII столѣтіи, когда надъ земледѣльческимъ народонаселеніемъ тяготѣла безобразная система налоговъ и когда, въ добавокъ еще, подъ видами послѣднихъ, каждый чиновникъ могъ смѣло и безнаказанно грабить? Противъ воровъ и разбойниковъ есть управа, но что же дѣлать съ органами и служителями верховной власти, считающими свое мѣсто доходнымъ производствомъ? Тутъ изсякаетъ всякая энергія труда, всякая забота о будущемъ, объ улучшеніи своего быта. Безопасность, полная возможность пользоваться плодами своей бережливости—вотъ главныя, значитъ, условія накопленія капиталовъ“. (Стр. 26—27).

Мы не знаемъ, до какой степени нужно подтверждать эту мысль, столь очевидную; но вотъ, на всякій случай, подобное мѣсто изъ Бентама „О гражданскомъ и уголовномъ законодательствѣ“, котораго мы цитируемъ въ переводѣ, сдѣланномъ по Высочайшему повелѣнію Императора Александра I.

„Средства пропитанія зависятъ отъ законовъ, удостовѣряющихъ *(обезпечивающихъ)* трудящемуся плоды труда его... Если я отчаяваюсь удостовѣрить себѣ произведеніе труда моего, то помышляю только, какъ бы прожить отъ одного дня до другаго, не хочу предаваться заботамъ, плодомъ которыхъ могли бы воспользоваться только мои непріятели. Сверхъ того, одной воли еще недостаточно для возбужденія трудолюбія, къ сему потребно также имѣть въ обладаніи своемъ средства. Въ ожиданіи плода, надлежитъ имѣть надежное пропитаніе. Одна потеря можетъ поставить меня въ невозможность къ дѣйствованію, не смотря на то, что она не потушитъ во мнѣ духа промышленности, не уничтожитъ воли моей предаваться труду. И такъ это бѣдствіе приводитъ человѣка въ состояніе онѣмѣнія, дѣлаетъ его совершенно неключимымъ для промышленности. Нарушеніе чьего либо права собственности производитъ безпокойство во всякомъ владѣльцѣ. Сіе чувство боязни сообщается отъ одного къ другому и разливается наконецъ на цѣлое гражданское общество. Для распространенія *(развитія)* промышленности потребно совокупное дѣйствіе возможности и воли. Воля зависитъ отъ ободренія, возможность—отъ средствъ. Средства сіи состоятъ въ томъ, что въ политической экономіи разумѣется подъ именемъ капитала, обращеніемъ своимъ прибытка

производящаго. Что касается до одного лица, то капиталъ его (*вещественный*) можетъ уничтожиться одною потерею, между тѣмъ какъ духъ промышленности въ немъ ни потушенъ ни ослабленъ чрезъ то не будетъ. Въ разсужденіи же цѣлаго народа, уничтоженіе (*вещественнаго*) капитала его невозможно; но гораздо прежде наступленія сей пагубной минуты зло можетъ сильно подѣйствовать на волю, духъ промышленности можетъ погрузить въ плачевное уныніе посреди естественныхъ средствъ, представляемыхъ богатою и плодоносною почвою. Между тѣмъ на волю дѣйствуетъ обыкновенно толикое множество побудительныхъ средствъ, что она долгое время сопротивляется всѣмъ потерямъ, всѣмъ случаямъ, приводящимъ въ оскудѣніе бодрость ея. Бѣдствіе преходящее, какъ бы велико оно ни было, не умерщвляетъ духа промышленности. Онъ возрождается послѣ разрушительной войны, приведшей народъ въ бѣдность, возрождается подобно мощному дубу, поврежденному бурею, который въ немногіе годы паки покрывается новыми вѣтвями и возрастаетъ въ силѣ своей. Для умерщвленія духа промышленности потребна сила внутренней и постоянно дѣйствующей причины; таковы, напримѣръ, правленіе, не стѣсняющееся законами, вредные законы.

„Самое первое дѣйствіе насилія неминуемо произведетъ уже нѣкоторую степень опасенія, неминуемо лишитъ бодрости нѣкоторые робкіе умы. Насилія, за первымъ слѣдующія, болѣе и болѣе распространяютъ всеобщее безпокойство. Осторожнѣйшіе начинаютъ ограничивать, стѣснять свои предпріятія и мало по малу оставляютъ ненадежное поприще промышленности. По мѣрѣ усугубленія насилій и угнетеній, боязнь и уныніе распространяются все болѣе и болѣе; никто не заступаетъ мѣсто удалившихся, оставшіеся впадаютъ въ недѣйственность. Такимъ то образомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени (*черезъ нѣсколько времени*) поле промышленности, подверженное таковымъ бурямъ, содѣлывается безплодною пустынею.

„Малая Азія, Греція, Египетъ, берега Африки, столь процвѣтавшіе земледѣліемъ, торговлею, населеніемъ въ счастливыя времена Имперіи Римской, что содѣлались подъ невѣжественнымъ деспотизмомъ турецкаго правленія? Богатые чертоги превратились въ хижины, и города въ малыя села. Сіе правительство, ненавистное для всякаго мыслящаго человѣка, всегда основывало владычество свое на двухъ правилахъ, состоящихъ въ томъ, чтобъ истощать народъ и повергать его въ невѣжество. И прекраснѣйшія страны земныя содѣлались въ рукахъ сихъ варваровъ скудными, безплодными и лишились самыхъ признаковъ прежняго ихъ благосостоянія. Не надлежитъ сихъ признаковъ приписывать причинамъ отдаленнымъ: междоусобныя войны, нашествія непріятельскія и всѣ подобныя бѣдствія могли бы разорить запасы богатства, изгнать искусства и художества, истребить города; но источники богатства паки могутъ открыться, пресѣченныя сообщенія паки могутъ быть возстановлены, разоренные города возникаютъ изъ подъ развалинъ ихъ, и всѣ опустошенія вознаграждаются со временемъ, если люди сохраняютъ достоинство человѣковъ. Въ сихъ же несчастныхъ странахъ достоинство сіе унижено, и отчаяніе, медленное, но гибельное дѣйствіе отсутствія безопасности, уничтожило дѣятельныя способности духа“. (Бентамъ, переводъ Михайлова, томъ II, стр. 56—61).

Слѣдствіе не можетъ исчезнуть, пока продолжаетъ существовать причина. Привычки націи измѣняются измѣненіемъ ея гражданскихъ учрежденій; и, желая видѣть улучшеніе въ характерѣ націи, напрасно стали бы мы искать для этого дѣла опоры въ чемъ нибудь другомъ, кромѣ законодательства, которое одно можетъ произвести ее. Въ наше время, часто случается встрѣчать преувеличенныя понятія о силѣ общественнаго мнѣнія надъ характеромъ быта; многіе говорятъ: пусть только общественное мнѣніе сдѣлается строго къ извѣстному пороку или преступленію, и онъ исчезнетъ. Нѣтъ, общественнаго мнѣнія тутъ мало. Къ разбою, къ поджогамъ оно очень строго, — но если бы нація не защищалась отъ этихъ преступленій законодательствомъ, по десяти разъ въ годъ выгорали бы отъ поджоговъ каждый

городъ, сотни убійствъ совершались бы каждую ночь. Общественное мнѣніе указываетъ только зло и средства къ его искорененію; но если эти средства не приводятся въ дѣйствіе, зло остается неприкосновенно. Всѣ общественныя явленія зависятъ отъ законовъ, управляющихъ обществомъ. Говорятъ: „надъ нравами безсильны законы", vanae leges sine moribus. Да, законъ бываетъ безсиленъ, но только тогда, когда обращается единственно противъ симптомовъ болѣзни; но онъ всесиленъ, когда, постигнувъ истинную причину зла, законодатель измѣняетъ учрежденія, производящія это зло. Поговорка о безсиліи закона основана на примѣрахъ, подобныхъ тому, какъ римскіе императоры издавали законы противъ роскоши и безбрачія, соединеннаго съ развратомъ. Конечно, эти законы оставались безсильны; но почему?—потому что и роскошь и развратъ были только слѣдствіями учрежденій, повергавшихъ массу итальянскаго населенія въ нищету и доставлявшихъ громадныя богатства немногимъ избраннымъ. Римъ безотчетно управлялъ провинціями; правители провинцій возвращались въ Римъ съ награбленными мильонами; эти богачи скупили или захватили въ свои руки всю поземельную собственность; завели тысячи невольниковъ-мастеровыхъ и хлѣбопашцевъ; въ селахъ исчезло сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ; въ городахъ исчезло трудящееся сословіе свободныхъ людей: тѣ и другіе замѣнились невольниками; для свободнаго человѣка остался одинъ способъ пропитанія—жить милостынею богачей, захватившихъ въ свои руки и землю, и ремесла. При такомъ состояніи дѣлъ возможно ли истребить роскошь и развратъ? Истинными мѣрами противъ этихъ слѣдствій было бы: дать провинціямъ болѣе самостоятельности; измѣнить систему администраціи, прекратить порядокъ дѣлъ, по которому весь міръ былъ данникомъ празднаго Рима. Съ прекращеніемъ грабежа, изсякъ бы источникъ роскоши; съ исчезновеніемъ роскоши, исчезла бы нищета; вновь явилась бы и необходимость и возможность трудиться; а при отсутствіи роскоши и нищеты, вмѣстѣ съ возрожденіемъ общаго благосостоянія, возвратилась бы и чистота старинныхъ нравовъ. Нравы создаются гражданскими учрежденіями. Безсильны надъ нравами законы, не измѣняющіе гражданскихъ учрежденій. Но за измѣненіемъ гражданскихъ учрежденій, необходимо измѣняются и нравы народа.

Обыкновенный путь къ измѣненію гражданскихъ учрежденій націи — историческія событія. Такъ, мы говорили, вслѣдствіе войнъ съ маврами учредилась въ Испаніи инквизиція, которая уничтожена французскимъ завоеваніемъ. Подобнымъ путемъ всегда измѣнялись гражданскія учрежденія во Франціи; до конца XVII вѣка имъ измѣнялись они и въ Англіи. Но этотъ способъ слишкомъ дорого обходится государству, и счастлива нація, когда прозорливость ея законодателя предупреждаетъ ходъ событій. Облегчить дѣйствованіе этимъ способомъ было цѣлью всѣхъ мыслителей, занимавшихся наукою о государствѣ. Такова была цѣль и Бентама. Выжидать событій свойственно вѣкамъ не просвѣщеннымъ и непредусмотрительнымъ, говоритъ онъ; въ наше время надобно предупреждать ихъ:

„При хорошей методѣ (въ законодательствѣ), вмѣсто того, чтобъ слѣдовать за происшествіями, ихъ можно предварять. Вмѣсто того, чтобъ быть игралищемъ ихъ, надлежитъ надъ ними господствовать. Законодатель ограниченный и робкій ожидаетъ

порожденія частныхъ бѣдствій, чтобы пріуготовить имъ врачеваніе. Законодатель просвѣщенный умѣетъ предвидѣть и предупреждать ихъ всеобщими предосторожностями и распоряженіями общими. Конечно, приступать къ составленію законовъ надлежало (*первоначально умѣли*) не иначе, какъ по мѣрѣ обстоятельствъ, дававшихъ чувствовать въ нихъ необходимость. Сдѣланные проломы закиданы трупами несчастныхъ жертвъ. Но въ вѣкъ просвѣщенный не должно итти по слѣдамъ (*слѣдовать этому методу*) вѣковъ варварскихъ." (Бентамъ, I, 506).

Очень жаль, что сочиненіе, изъ котораго мы дѣлаемъ выписки, такъ мало извѣстно у насъ: не даромъ оно было переведено по Высочайшему повелѣнію Императора Александра I, благоволившаго принять и посвященіе его своему Августѣйшему Имени; не даромъ и самъ Бентамъ пользовался благоволеніемъ Александра I. Одинъ изъ ученѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ мыслителей своего вѣка, Бентамъ всю свою жизнь посвятилъ тому, чтобы просвѣтить націи относительно наилучшаго способа къ достиженію благосостоянія, и его сочиненія тѣмъ драгоцѣннѣе, что, занимаясь исключительно гражданскими учрежденіями, онъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросы о формахъ политическаго устройства. Другіе мыслители, писавшіе о государственныхъ вопросахъ, очень часто давали совѣты, исполненіе которыхъ непремѣнно требовало ту или другую форму политическаго устройства. У Бентама этого нѣтъ: онъ даетъ только такіе совѣты, которые исполнить одинаково легко въ каждомъ государствѣ, какова бы ни была его правительственная форма. Англія и Австрія, Пруссія и Сѣверо-Американскіе штаты одинаково подходятъ подъ его программу. Объ этомъ прекрасно говоритъ его другъ Дюмонъ, издатель его „Трактатовъ о законодательствѣ".

„Г. Бентамъ, ища причинъ (*находя причины*) большей части бѣдствій народныхъ въ порокахъ законовъ ихъ, имѣлъ предметомъ удаленіе одного изъ величайшихъ бѣдствій, состоящаго въ ниспроверженіи властей. Всякое существующее правленіе составляетъ самое то орудіе, посредствомъ коего старается онъ дѣйствовать, и, открывая всѣмъ правительствамъ средства къ улучшенію ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ имъ и средства продолжить и утвердить ихъ существованіе. Выводимыя имъ правила могутъ быть приложены какъ къ монархіямъ, такъ и къ республикамъ. Онъ не говоритъ народамъ: „возобладайте властію, перемѣните образъ правленія". Онъ говоритъ правительствамъ: „познавайте болѣзни, васъ ослабляющія, изыскивайте средства къ врачеванію оныхъ. Постановляйте законы, сообразные нуждамъ и степени просвѣщенія вашего вѣка. Старайтесь издавать хорошіе гражданскіе и уголовные законы. Учреждайте судебныя мѣста такъ, чтобы они способны были внушить довѣренность общественную. Образуйте судопроизводство на правилахъ прочнѣйшихъ. Не всѣ ли вы можете надѣяться одинаковой пользы отъ усовершенія сихъ вѣтвей управленія? Старайтесь удерживать распространеніе опасныхъ мнѣній въ народахъ вашихъ, прилагая попеченіе о благоденствіи ихъ. Вы обладаете властію предписывать законы, а сіе одно право, съ благоразумiемъ въ дѣйствіе приводимое, можетъ служить охраненіемъ всѣхъ другихъ правъ. Открывая-то путь къ надеждамъ законнымъ, положите вы преграды исканіямъ беззаконнымъ.

„Итакъ, кто сталъ бы искать въ семъ сочиненіи правилъ исключительно для какого либо образа правленія, тотъ обманулся бы въ своемъ чаяніи. Читатели, любящіе критику, восклицанія, не найдутъ здѣсь ничего для себя удовлетворительнаго. Сохранять, поправляя; изучать обстоятельства; щадить владычествующіе и даже безразсудные предразсудки; пріуготовлять новыя введенія издалека, такъ чтобы они не имѣли даже вида новыхъ введеній; истреблять злоупотребленія, не вредя пользамъ настоящимъ: таковъ есть непремѣняющійся духъ всего творенія". (Бентамъ, предисловіе, стр. XXI—XXIII).

Дѣйствительно, этимъ духомъ, столь же мудрымъ, какъ и умѣреннымъ, проникнуты всѣ сочиненія Бентама, и такое направленіе, соединяющее осторожность съ рѣшительностью, было одною изъ причинъ, внушившихъ Императору Александру I мысль познакомить своихъ подданныхъ съ „Трактатомъ о законодательствѣ“. Съ этой точки зрѣнія смотря на книгу, столь заслуживающую извѣстности, мы думаемъ, что читатель одобритъ наше намѣреніе напомнить о ней нѣсколькими выписками, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ предмету настоящей статьи. Пусть Бентамъ укажетъ намъ средства, которыми необходимо водворяется въ странѣ безопасность личности и труда, это первѣйшее изъ всѣхъ условій, нужныхъ для умноженія народнаго капитала, то есть національнаго благосостоянія.

Безопасность личности и труда нарушается преступленіями (говоритъ Бентамъ), и охраненіе общества отъ преступленій есть одна изъ важнѣйшихъ заботъ законодателя. Заботами этими внушаются постановленія двоякаго рода: наказанія за преступленія, уже совершенныя, и мѣры, которыми предупреждались бы преступленія.

Однихъ наказаній для охраненія безопасности не достаточно, потому что наказаніемъ постигается только зло, уже происшедшее, и само наказаніе есть зло; кромѣ того, многія преступленія ускользаютъ отъ наказаній. Оттого-то законодатель и прибѣгаетъ къ другимъ средствамъ для охраненія общества отъ преступленій. Нѣкоторые думаютъ, что можно предупреждать преступленія, препятствуя пріобрѣтенію знаній, которыя могли бы быть обращаемы на совершеніе зла людьми злыми. Это средство напрасно и ненадежно, говоритъ Бентамъ: для того, чтобы совершить преступленіе, вовсе не нужно никакихъ знаній; круглый невѣжда найдетъ для того не менѣе средствъ, нежели человѣкъ образованный, а если знаніе и употребляется во зло людьми злыми, то единственное средство уничтожить это зло есть распространеніе знанія.

„Еслибы (говоритъ Бентамъ) добрые и злые составляли два отличительные рода людей, каковы, напримѣръ, роды людей бѣлыхъ и черныхъ, то можно бы просвѣщать однихъ и удерживать въ невѣжествѣ другихъ. Но при невозможности отличить однихъ отъ другихъ, при частыхъ перемѣнахъ добрыхъ и худыхъ расположеній въ однихъ и тѣхъ же людяхъ, потребенъ одинъ законъ для всѣхъ. Общее просвѣщеніе или общее невѣжество — нѣтъ средней мѣры.

„Между тѣмъ, врачеваніе проистекаетъ изъ нѣдръ самого зла. Знанія могли бы тогда только доставить выгоды злымъ, когда бы они исключительно обладали ими. Свѣтъ, ставъ извѣстною, перестаетъ быть свѣтію. Народы самые невѣжественные умѣли напоять ядомъ остріе стрѣлъ ихъ; но народамъ образованнымъ только предоставлено было познать всѣ яды и найти отъ нихъ приличныя противоядія.

„Всѣ люди способны къ произведенію дѣяній вредныхъ; но однимъ только людямъ просвѣщеннымъ свойственно изобрѣтать законы, могущіе предупреждать сіи дѣянія. Чѣмъ болѣе ограниченъ человѣкъ, тѣмъ болѣе способенъ проницать связь личныхъ пользъ своихъ съ пользами общими.

„Пройдите исторію: вѣки наиболѣе варварскіе представятъ вамъ совокупленіе всѣхъ злодѣяній, и злодѣяній насильственныхъ и злодѣяній ухищренныхъ. Грубость чувствъ производитъ пороки и не изъемлетъ ни одного изъ нихъ. Когда умножились наипаче лживыя присвоенія правъ и достояній? Тогда, когда одно духовенство умѣло читать, когда по превосходству знаній его оно почитало людей почти столько, сколько почитаемъ мы нынѣ лошадей, на коихъ не можно бы уже было налагать узду, еслибъ умственныя ихъ способности увеличились. Почему въ тѣ же времена имѣли прибѣжище

къ судебнымъ поединкамъ, къ искушеніямъ огнемъ и водою, ко всему, что называлось *Судомъ Небеснымъ?* Потому что при тогдашнемъ дѣтствѣ ума человѣческаго не было началъ къ положенію различія между свидѣтельствомъ истиннымъ и свидѣтельствомъ ложнымъ.

„Сравни Правленія, кои стѣсняли обнародованіе мыслей, съ Правленіями, кои давали имъ свободное теченіе. Съ одной стороны представится тебѣ Испанія, Португалія, Италія, съ другой Англія, Голландія, Сѣверная Америка. Гдѣ болѣе процвѣтаетъ нравственность и благосостояніе? гдѣ чаще злодѣянія? гдѣ общежительность пріятнѣе и надежнѣе?

„Неимовѣрнымъ образомъ были прославляемы установленія, коими начальствующіе въ обществѣ дѣлали монополію всѣхъ познаній человѣческихъ. Таковы были жрецы въ древнемъ Египтѣ, брамины въ Индостанѣ, іезуиты въ Парагваѣ. Здѣсь можно сдѣлать два замѣчанія: *первое*, что если поведеніе ихъ достойно хвалы, то въ отношеніи къ выгодамъ изобрѣтшихъ образъ Правленія, а не въ отношеніи къ пользамъ подвластныхъ имъ человѣковъ. Я соглашаюсь, что народы были покорны и спокойны подъ начальствомъ сихъ правителей; но были ли они счастливы? Не думаю, по крайней мѣрѣ, если жестокое рабство, суетныя боязни, тщетныя обязанности, тягостныя лишенія и пощенія, печальныя мысли, суть препятствія къ состоянію счастливому.—*Второе* замѣчаніе состоитъ въ томъ, что они достигали цѣли своей не столько потому, что удерживали народъ въ естественномъ его невѣжествѣ, сколько потому, что распространяли предразсудки и заблужденія. Такіе начальствующіе сами содѣлывались наконецъ жертвами слабой и малодушной его политики. Народы, кои непрестанно были удерживаемы въ состояніи уничиженія установленіями, противными успѣхамъ всякаго рода, содѣлывались добычею народовъ, имѣвшихъ передъ ними сравнительное превосходство. Состарѣваясь въ дѣтствѣ, подъ властію опекуновъ, старавшихся продлить ихъ несмысленность для удобнѣйшаго ими управленія, они представили всѣ удобности къ порабощенію". (Бентамъ, томъ III, стр. 22—25).

Ограждая частное имущество, государство не можетъ оставить на произволъ расхитителей и свою, государственную, собственность. Для предупрежденія этихъ беззаконныхъ похищеній служатъ отчеты объ издержкахъ:

„Когда (говоритъ Бентамъ) въ извѣстное время даются отчеты нѣкоторому ограниченному числу лицъ, когда лица сіи избраны будутъ непосредственно тѣмъ, кто отчетъ дастъ, или же по его вліянію, и потомъ отчеты остаются уже безъ всякой ревизіи: тогда самыя важныя ошибки могутъ упускаемы быть безъ исправленія. Но когда отчеты обнародываемы, когда подлежатъ они ревизіи общественной, тогда не можетъ быть недостатка ни въ свидѣтеляхъ, ни въ судьяхъ, тогда всякая погрѣшность будетъ усмотрѣна, доказана и обнаружена.

„Такой-то расходъ былъ ли нуженъ? Не сдѣланъ ли онъ подъ какимъ либо ложнымъ предлогомъ? Общество или казна не дороже ли заплатили за такой-то предметъ, нежели платятъ частные люди? Не дано ли первенство какому либо подрядчику исключительно въ ущербъ казны? Не доставлено ли скрытнымъ образомъ выгоды какому либо любимцу? Не выдано ли ему чего подъ ложными предложеніями? Не употреблено ли какихъ ухищреній къ удаленію соперничества совмѣстниковъ? Нѣтъ ли чего скрытнаго въ счетахъ? Можетъ быть множество сего рода вопросовъ, въ которыхъ нельзя удостовѣриться ясными доказательствами, если отчеты не будутъ представлены глазамъ публики. Въ частномъ комитетѣ, въ однихъ членахъ можетъ не доставать правдивости, въ другихъ познаній: умъ медлительный въ дѣйствіяхъ упускаетъ то, что для него непонятно, боясь обнаруживать свою неспособность; умъ живой не вникаетъ въ подробности; всякъ предоставляетъ другимъ тягость труда. Но всѣ сіи качества, въ коихъ можетъ имѣть недостатокъ сословіе малочисленное, сыщутся, конечно, въ цѣлой публикѣ. Въ сей разнородной и несогласной въ частяхъ ея массѣ самыя дурныя начала, не менѣе началъ самыхъ добрыхъ, поведутъ къ надлежащей цѣли: зависть, ненависть, злоба будутъ дѣйствовать какъ бы духъ любви общественной, и страсти сіи, по ихъ дѣятельности и по твердости въ ихъ направленіи, изслѣдуютъ еще съ вящею подробностью

всѣ части и повѣрять предметы самые мелкіе. Такимъ образомъ тѣ, для коихъ единственнымъ обузданіемъ служить можетъ общее къ нимъ почтеніе, удержатся въ границахъ долга ихъ боязнію стыда и желаніемъ снискать доброе мнѣніе о ихъ безкорыстіи". (Бентамъ, томъ III, стр. 114—116).

Укрѣпленіе честности въ націи также содѣйствуетъ огражденію безопасности:

„Усилить чувство чести и направить дѣйствія его на предметы полезные, должно быть однимъ изъ главныхъ попеченій правительства.

„Дѣйствительность общаго мнѣнія находится въ сложномъ содержаніи пространства и силы его: пространство сіе зависитъ отъ количества одобрительныхъ голосовъ; сила отъ степени одобренія или охужденія.

„Изъ числа многихъ средствъ, могущихъ служить къ тому, чтобъ дѣйствію общаго мнѣнія дать большее пространство, главнѣйшія суть: обнародованіе судебныхъ дѣлъ, обнародованіе счетовъ, обнародованіе государственныхъ совѣщаній, не подлежащихъ по какимъ либо особеннымъ причинамъ тайнѣ. Просвѣщенная публика — хранительница законовъ чести, управительница нравственнаго возмездія, составляетъ высшее судилище, полагающее судъ о всѣхъ дѣлахъ, о всѣхъ лицахъ. Обнародованіемъ дѣлъ судилище сіе поставляется въ возможность собирать доказательства и полагать сужденіе; и потомъ печатно произносить и приводить въ дѣйство свои сужденія". (Бентамъ, томъ III, стр. 164—165).

Важно также приготовлять націю къ правительственнымъ мѣрамъ предварительными объясненіями ихъ:

„Правительство не вездѣ должно дѣйствовать властію: въ распоряженіи власти только руки; распространять владычество на умы должно оно не иначе, какъ мудростію. Повелѣвая, оно принуждаетъ подданныхъ повиноваться, но просвѣщая, оно внушаетъ въ нихъ душевное къ повиновенію побужденіе, никогда не ослабляющееся. Наилучшее средство къ просвѣщенію состоитъ въ простомъ обнародованіи дѣйствій; но иногда полезно также вспомоществовать народу составлять сужденіе о сихъ самыхъ дѣйствіяхъ.

„Когда видишь, что наилучшія сами по себѣ мѣры правительства не имѣютъ успѣха, по сопротивленію имъ народа невѣжественнаго, тогда чувствуешь въ себѣ негодованіе противу сей грубой толпы, тогда отвращаешься труда искать блага общественнаго. Но когда болѣе углубляешься въ предметъ сей, когда открываешь, что сіе сопротивленіе удобно было предвидѣть и что правительство не сдѣлало ни одного шагу для пріуготовленія умовъ, для разсѣянія предразсудковъ, должно обратиться отъ народа невѣжественнаго къ его правителямъ.

„Опытъ доказалъ, противу всякаго ожиданія, что бумаги и сочиненія, издаваемыя въ народъ, суть вѣрнѣйшія средства къ направленію мнѣнія общаго, къ успокоенію лихорадочныхъ его движеній, къ изглажденію ложныхъ понятій, къ уничтоженію лукаваго ропота, коимъ враги правительства испытываютъ вредныя ихъ намѣренія. Въ сихъ сочиненіяхъ наставленіе можетъ исходить отъ правительства къ народу, или восходить отъ народа къ правительству: чѣмъ болѣе простора въ изъясненіяхъ мыслей, тѣмъ удобнѣе судить можно о движеніяхъ общаго мнѣнія, тѣмъ надежнѣе правительство можетъ дѣйствовать". (Бентамъ, томъ III, стр. 184—185).

„Слушай всѣ совѣты, хуже отъ того не будетъ, а лучше быть можетъ, вотъ что говоритъ простой здравый смыслъ. Правда, во многихъ случаяхъ сужденіе публики можетъ быть выслушано не прежде, чѣмъ принята мѣра, но тогда уже, когда приведена она въ дѣйство. Между тѣмъ сіе сужденіе можетъ всегда имѣть свою пользу, въ отношеніи ли къ мѣрамъ законодательства, кои могутъ быть преобразованы; въ отношеніи ли къ мѣрамъ управленія, кои могутъ повстрѣчаться вторично. Наилучшее мнѣніе, представленное министру частнымъ образомъ, можетъ быть оставлено безъ всякаго дѣйствія: но хорошее мнѣніе, представленное публикѣ, если не полезно одному, то можетъ быть полезно другому: если не полезно въ настоящее время, можетъ сдѣлаться полезнымъ въ послѣдствіи; если оно представлено въ неприличномъ видѣ однимъ, можетъ другимъ быть украшено и тогда преклонитъ къ себѣ вниманіе. Наставленіе есть сѣмя, которое

для опыта должно быть посѣваемо на земляхъ различнаго рода, которое должно быть возвращаемо съ терпѣніемъ, поелику не скоро приноситъ оно плодъ.

„Мѣра сія предпочтительнѣе свѣдѣній, кои можетъ почерпать государь при дозволенной свободѣ подачи просьбъ. Какова бъ ни была проницательность его въ избраніи министровъ своихъ, выборъ всегда ограничиться долженъ небольшимъ числомъ кандидатовъ, которыхъ представляетъ случай рожденія или счастія. И такъ государь всегда основательно полагать можетъ, что есть другіе люди просвѣщеннѣйшіе сихъ: и чѣмъ болѣе распространяетъ возможность знать и слышать, тѣмъ болѣе увеличиваетъ власть и независимость свою.

„Но въ образѣ подачи мнѣній можетъ примѣшиваться негодованіе и дерзость: вмѣсто того, чтобъ ограничиться разсмотрѣніемъ пріемлемыхъ мѣръ, обращаются къ лицамъ, ихъ предпріемлющимъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое потребно искусство для соблюденія различія между сими двумя дѣйствіями сужденія! Какимъ образомъ осуждать мѣру, не осуждая въ нѣкоторой степени свойствъ ума или душевныхъ расположеній предложившаго оную? Вотъ камень преткновенія: вотъ причина, по которой сей способъ совѣтованія столь рѣдко бываетъ допускаемъ, не смотря на очевидную пользу его. Противъ него возстаютъ всѣ страхи самолюбія. Не смотря, однакожь, на то, Іосифъ II, Фридерикъ II, введеніемъ его ознаменовали свои царствованія. Онъ существуетъ въ Швеціи; онъ существуетъ въ Англіи; онъ можетъ существовать повсюду съ нѣкоторыми ограниченіями, которыя бы предупреждали важныя злоупотребленія онаго.

„Если по введенному въ правительствѣ обыкновенію, или по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ, государь не можетъ дозволить сужденія объ актахъ правительства, то онъ долженъ по крайней мѣрѣ дозволить сужденіе о законахъ. Онъ можетъ предоставить сужденію общему все, что составляетъ науку, начала права, судопроизводство, управленіе низшей степени.

„Въ прежнемъ французскомъ правительствѣ всякая философическая книга, напечатанная въ Парижѣ, рождала уже тѣмъ самымъ противъ себя предубѣжденіе. Наказъ Императрицы Екатерины II во Франціи былъ запрещенъ. Слогъ и мысли сего творенія казались столь смѣлыми, что признано было невозможнымъ потерпѣть его въ монархіи французской.

„Правда, во Франціи нерадѣніе и вѣтренность покрывали зло. Чужестранное изданіе служило паспортомъ генію. Строгость служила только къ тому, что торговля книгами переходила къ другимъ народамъ, и что сатиры, къ предупрежденію коихъ была она предназначена, дѣлались еще паче ѣдкими“. (Бентамъ, томъ III, стр. 220—224).

Очень полезно также, по мнѣнію Бентама, при обнародованіи узаконеній объяснять и побужденія, которыми внушены эти узаконенія.

„Въ семъ заключается необходимо нужное звено въ цѣли политики великодушной и благомыслящей; симъ правительство должно самому себѣ. Небрежа извѣщать народъ о побудительныхъ причинахъ дѣйствій его въ случаяхъ важныхъ, оно обнаруживаетъ, что всѣмъ хочетъ обязано быть силѣ, и въ ничто вмѣняетъ мнѣніе подданныхъ.

„Не такъ думаетъ приверженный къ своему владычію. Онъ не хочетъ, чтобъ народъ былъ просвѣщаемъ, и презираетъ его потому, что онъ не просвѣщенъ. Вы неспособны судить, говоритъ онъ, поелику вы въ невѣжествѣ, и васъ будутъ удерживать въ немъ, чтобъ вы не были способны судить. Вотъ вѣчный кругъ умствованій, коимъ онъ ограждается. Каково же слѣдствіе? Рождается и мало по малу возрастаетъ всеобщее неудовольствіе, основанное иногда на ложныхъ и увеличенныхъ порицаніяхъ, коимъ дается вѣра; ибо они не подвержены изслѣдованію и разсмотрѣнію. Министръ жалуется на несправедливость публики, не помышляя о томъ, что онъ не далъ ей средствъ быть справедливою, и что ложныя толкованія поведенія его суть неминуемое слѣдствіе той таинственности, коею покрываетъ онъ свои дѣйствія. Двоякій только образъ дѣйствованія правительства можетъ имѣть мѣсто: совершенная скрытность, или совершенная откровенность. Должно, чтобъ народъ или ни малѣйшаго не имѣлъ о дѣлахъ свѣдѣнія и познанія, или чтобъ онъ зналъ о нихъ во всемъ пространствѣ; должно или поставить ему преграды имѣть о нихъ какое либо понятіе, или дать ему возможность дѣлать сужденія самыя просвѣщенныя: должно поступать съ нимъ или какъ съ ребенкомъ, или

какъ съ человѣкомъ возмужалымъ; вотъ два плана дѣйствованія, изъ коихъ долженъ быть избранъ одинъ.

„Первому изъ нихъ послѣдовали жрецы въ древнемъ Египтѣ, брамины въ Индостанѣ, іезуиты въ Парагваѣ; второй введенъ въ Англіи временемъ и обычаемъ; но основанъ на законѣ въ однихъ только Соединенныхъ областяхъ. Большая часть европейскихъ правительствъ ни пріемлютъ, ни отвергаютъ ни того, ни другаго, не имѣя твердости духа принять исключительно который либо одинъ. Они не перестаютъ быть во всегдашнемъ между собою противорѣчіи, бывъ съ одной стороны одушевляемы желаніемъ имѣть подданныхъ промышленныхъ и просвѣщенныхъ, съ другой колеблемы страхомъ ободрить духъ изслѣдованія". (Бентамъ, томъ III, стр. 224—226).

Всѣ эти мѣры Бентамъ считаетъ особенно полезными потому, что онѣ содѣйствуютъ прочности и силѣ правительства; онъ полагаетъ, что чѣмъ больше занято общество государственными дѣлами, тѣмъ прочнѣе бываетъ правительство:

„Изъявленіе мнѣній сословіями, по мнѣнію моему, не только не можетъ производить мятежей, но напротивъ будетъ служить охраненіемъ отъ бѣдствій сего рода. Мятежи суть судорожныя движенія слабости, обрѣтающей силу въ минутномъ отчаяніи. Они суть усилія людей, коимъ не дозволяется обнаруживать чувствованій ихъ, и коихъ преднамѣренія не могли бы имѣть успѣха, еслибъ были извѣстны. Намѣренія, противныя общему чувствованію народа, могутъ быть успѣшны по одной только нечаянности и насилію. Имѣющіе таковыя намѣренія могутъ достигнуть оныхъ токмо силою. Но люди, могущіе полагать, что народъ на ихъ сторонѣ, могущіе льститься восторжествовать силою мнѣнія общаго, почто стали бы употреблять насиліе? Почто подверглись бы они очевидной опасности безъ всякой пользы?—И такъ я увѣренъ, что люди, имѣющіе полную свободу составлять сословія, люди, составляющіе оныя подъ покровительствомъ закона, никогда не посягнутъ на мятежи.

„Я думаю даже, что составленіе сообщества могло бы быть дозволено, могло бы быть однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ правительства во всякой монархіи. Въ монархіяхъ мятежи и возмущенія наиболѣе опасны. Они производятся движеніями печальными и неожиданными. Сообщества предупредили бы сіи безпорядки. Еслибъ въ Имперіи Римской было въ обыкновеніи составлять сообщества, имперія и жизни императоровъ не были бы непрестанно продаваемы съ публичнаго торгу тѣлохранителями преторіанскими.

„Я знаю, что есть степень невѣжества, которое бы могло сдѣлать сообщества опасными: но сіе доказываетъ, что невѣжество есть великое зло: а не то, чтобъ сообщества не были весьма полезны. Сверхъ сего, самая сія мѣра можетъ служить противодѣемъ вреднымъ ея дѣйствіямъ. Въ соразмѣрности, какъ сообщество, образовавшись въ безопасности, дѣлается обширнѣйшимъ, всѣ его основанія бываютъ обдумываемы, публика просвѣщается, а между тѣмъ правительство располагаетъ всѣми средствами разсѣвать заблужденія событіями.

„Я не вижу, почему бы введеніе сего права могло породить въ правительствѣ безпокойства. Нѣтъ правительства, которое бы не признавало нужнымъ совѣтоваться съ народомъ и приноровляться къ его мнѣніямъ: Правительства наиболѣе самовластныя суть наиболѣе робкія. Какой султанъ управляетъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такою надежностію, какъ король англійскій? Янычары и чернь приводятъ въ трепетъ сераль, между тѣмъ какъ сераль заставляетъ трепетать янычаръ и чернь. Въ Лондонѣ народъ возвѣщаетъ волю законною подачею голоса: въ Константинополѣ мятежами и опустошеніями". (Бентамъ, томъ III, стр. 233—236).

Мы сообщили эти выписки преимущественно съ цѣлью доказать, что Бентамъ для достиженія національнаго благосостоянія считаетъ достаточными такія мѣры, которыя могутъ имѣть мѣсто во всѣхъ странахъ, при всякой формѣ государственнаго устройства,—въ этой мудрой умѣренности его мнѣній и надобно, какъ мы сказали, искать причины, по которой Императоръ Александръ I пожелалъ познакомить своихъ подданныхъ съ его „Разсужденіемъ о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи".

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отчетъ т. министра Народнаго Просвѣщенія за 1857 годъ.—Рѣчь г. Пирогова на актѣ Ришельевскаго Лицея.—Статья „Земледѣльческой Газеты" о народномъ образованіи, о тѣлесныхъ наказаніяхъ и о семейныхъ нравахъ простолюдиновъ.—Правила содержанія ремесленныхъ учениковъ.—Средства къ прекращенію взяточничества.—Движеніе промышленности.—Товарищество Кренгольмской мануфактуры.—Повышеніе цѣнъ акцій вслѣдствіе новаго постановленія о банковыхъ процентахъ Необходимость новыхъ промышленныхъ предпріятій для помѣщенія капиталовъ.—Пароходство на Волгѣ.—Условія для развитія антрацитовыхъ копей донскаго бассейна.—Варшавская промышленная выставка.

Едва ли какое нибудь другое европейское государство имѣетъ столь сильную потребность въ дѣятельнѣйшихъ заботахъ о распространеніи просвѣщенія, какъ Россія. Конечно, и въ Англіи, и во Франціи, и въ самой Пруссіи остается еще очень, очень многаго желать по этому дѣлу. И въ этихъ государствахъ, еще не всѣ дѣти получаютъ хотя бы первоначальное образованіе, а изъ юношей только меньшинство посѣщаетъ высшіе классы гимназій, реальныхъ школъ, коллегіумовъ и проч.; а еще несоразмѣрнѣе съ числомъ населенія число людей, окончившихъ курсъ въ университетахъ и соотвѣтствующихъ имъ учебныхъ заведеніяхъ. Но если эти государства еще далеки отъ достиженія идеала въ дѣлѣ народнаго образованія, то Россія и съ ними сравнится только тогда, когда въ двадцать разъ увеличится число ея школъ, и въ сорокъ разъ умножится число учащихся въ этихъ школахъ. Во Франціи, изъ 100 человѣкъ, только 40 не умѣютъ читать и писать; въ Англіи, изъ 100 только 25; въ Пруссіи почти не найдется уже такихъ людей, которые не умѣли бы читать и писать. У насъ на 100 человѣкъ навѣрное не прійдется и пяти человѣкъ грамотныхъ; на 15,000 человѣкъ приходится только одинъ, слушающій курсы въ университетѣ или лицеѣ.

Но если намъ надобно пройти еще очень много пути, чтобы сравняться хотя съ Франціею, не говоря уже о Шотландіи, Швейцаріи или Сѣверной Германіи, то надобно сказать, что у насъ не представляется для успѣховъ на этомъ пути тѣхъ препятствій, съ которыми должны бороться западныя правительства въ своихъ заботахъ о просвѣщеніи. Во Франціи и Бельгіи, да и во всѣхъ другихъ католическихъ странахъ, правительство имѣетъ противъ себя въ дѣлѣ народнаго образованія очень сильную, чрезвычайно дѣятельную и хитрую партію ультра-монтанцевъ; она прикрывается именемъ католичества при своемъ упорномъ сопротивленіи мѣрамъ правитель-

ства на пользу просвѣщенія и очень часто успѣваетъ возбуждать противъ нихъ невѣріе въ непросвѣщенной массѣ. Почти таково же положеніе дѣла и въ Англіи, съ тою только разницею, что въ заботахъ о просвѣщеніи мѣсто правительства заступаютъ тутъ союзы частныхъ лицъ, а враги просвѣщенія называются не ультра-монтанцами, а „строгими англиканцами“ (High Church Party),—эти обскуранты успѣли даже до сихъ поръ удержать въ своихъ рукахъ знаменитѣйшія и привилегированныя учебныя учрежденія Англіи, университеты Кембриджскій и Оксфордскій, въ которыхъ могутъ процвѣтать многія спеціальныя науки, но духъ преподаванія болѣе свойственъ XVII, нежели XIX вѣку. Даже въ Пруссіи правительство въ дѣлѣ просвѣщенія должно выдерживать очень тяжелую борьбу съ лютеранскими догматиками.

Ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Не говоря уже объ открытомъ противодѣйствіи мѣрамъ правительства на пользу просвѣщенія, мы не можемъ отыскать никакой партіи или секты, которая хотя тайными желаніями не благопріятствовала бы каждому усилію правительства въ этомъ дѣлѣ. У насъ, развѣ грубый невѣжда можетъ быть противникомъ этихъ мѣръ, да и то только тогда, когда съ невѣжествомъ соединяется въ немъ злонамѣренность. Къ счастью, число людей злонамѣренныхъ въ каждой націи очень невелико, и не должны бы они имѣть нигдѣ ни малѣйшаго вліянія уже по одному тому, что зло само по себѣ безсильно, если не можетъ прикрываться предлогами добра,—а въ дѣлѣ просвѣщенія самые хитрые изъ злонамѣренныхъ людей не могутъ у насъ отыскать никакой благовидной причины къ совѣтамъ помедлить, повременить или отступить назадъ. Каждая мѣра правительства къ распространенію просвѣщенія встрѣчается у насъ такимъ единодушнымъ восторгомъ всѣхъ сословій общества, какъ ни въ одной изъ европейскихъ странъ. Разнорѣчіе о подобныхъ мѣрахъ существуетъ въ Англіи, Франціи, Германіи, —у насъ нѣтъ и тѣни его. У насъ, даже взяточникъ посылаетъ сына въ университетъ: даже раскольникъ радуется заведенію училища въ его городкѣ.

Безпримѣрно выгодно въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ благомъ дѣлѣ, положеніе русскаго правительства.

Съ этою мыслью мы прочли Отчетъ г. министра Народнаго Просвѣщенія за прошедшій годъ; читатель согласится съ нами, если вникнетъ въ слѣдующіе цифры и факты, заимствуемые изъ этого отчета.

Общее число учебныхъ заведеній въ Имперіи, и подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, было:

Въ 1855 году	3,872
— 1856 —	3,789

число учащихся въ нихъ

Въ 1855 году	194,490
— 1856 —	196,689

Столь значительное увеличеніе числа учащихся въ 1856 году по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, конечно, должно назваться фактомъ чрезвычайно замѣчательнымъ. Теченіе одного года, какъ видимъ, число учащихся въ русской имперіи увеличилось слишкомъ на 2,000 человѣкъ.

Изъ общаго числа училищъ (1856 г.) на долю Царства Польскаго, съ 4½ мильоновъ жителей, приходится 1455; остальная имперія съ 60 мильонами жителей имѣетъ 2,334 училища, такъ что на каждыя 25,000 жителей приходится одно училище. Число учащихся распредѣляется такимъ образомъ:

Имперія	125,577
Царство Польское . . .	71,112

О состояніи литературы представляются слѣдующіе факты и цифры:

„Главное управленіе цензуры, слѣдя постоянно за духомъ и направленіемъ литературной дѣятельности въ Россіи и наблюдая, какъ посредственно, такъ и при пособіи опредѣленныхъ къ нему чиновниковъ особыхъ порученій, за точнымъ исполненіемъ правилъ цензурнаго устава, разрѣшало возникавшіе въ кругу дѣйствій подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ недоумѣнія и вопросы, и вообще руководствовало цензоровъ въ сомнительныхъ случаяхъ.

„Въ 3 день декабря послѣдовало Высочайшее соизволеніе: по многосложности обязанностей, лежащихъ на Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, возложить на товарища его, тайнаго совѣтника князя Вяземскаго, переписку по текущимъ цензурнымъ дѣламъ и непосредственное наблюденіе за дѣйствіями цензурныхъ учрежденій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія (кромѣ еврейскихъ).

„Съ учрежденіемъ Ученаго комитета Главнаго правленія училищъ, существованіе Комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ (Высочайше учрежденнаго 13 марта 1850 г.) прекращено, и цензурныя его обязанности отошли къ цензурѣ, а часть педагогическая и учебная сосредоточены въ Ученомъ комитетѣ.

„Число вышедшихъ въ свѣтъ въ 1856 году сочиненій оригинальныхъ простирается до 1,405, переводныхъ до 131; всего 1,536.

„Въ 1855 году издавалось, подъ наблюденіемъ внутренней цензуры вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, журналовъ и газетъ 104. Въ 1856 г. начали выходить въ свѣтъ, на основаніи Высочайшихъ соизволеній: „Художественный Журналъ для Юношества“, „Музыкальный и Театральный Вѣстникъ“, „Живописная Русская Библіотека“, „Русскій Вѣстникъ“, „Русская Бесѣда“ и „Сынъ Отечества“, возобновленное періодическое изданіе, и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на изданіе двадцати-двухъ періодическихъ изданій.

„Число оригинальныхъ сочиненій 1856 г. ученаго и учебнаго содержанія, сравнительно съ 1855 годомъ, значительно увеличилось, какъ по числу названій, такъ и по объему. Сличеніе частныхъ итоговъ по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній показываетъ, что въ 1856 году особенно увеличился объемъ сочиненій по части географіи, этнографіи и путешествій; по грамматикамъ и другимъ пособіямъ къ изученію языковъ; по теоріи и исторіи словесности и изящныхъ искусствъ: по наукамъ юридическимъ и государственнымъ, естественнымъ, математическимъ, военнымъ и медицинскимъ: уменьшился же по сельскому хозяйству и технологіи, а также по исторіи всеобщей и иностранныхъ государствъ. Между оригинальными сочиненіями собственно литературнаго содержанія, сравнительно съ 1855 годомъ, оказывается увеличеніе въ романахъ и повѣстяхъ, въ книгахъ для дѣтскаго чтенія и въ собраніяхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ; уменьшеніе же усмотрѣно въ энциклопедическихъ словаряхъ, альманахахъ и сборникахъ, въ стихотвореніяхъ лирическихъ и въ драматическихъ сочиненіяхъ.

„Общее число ввезенныхъ изъ-за границы въ Россію въ 1856 году книгъ составляло 1,282.240 томовъ. Въ 1855 году число это простиралось до 1,191,745 томовъ. Посему привозъ иностранныхъ книгъ въ 1856 году увеличился 90,295 томами“.

Послѣдняя цифра доказываетъ съ одной стороны, какъ сильно развитіе у насъ потребности въ чтеніи, съ другой, что русская литература еще далеко не достигла такого положенія, въ которомъ бы могла удовлетворительнымъ образомъ соотвѣтствовать этой потребности.

Извлеченіе изъ „Отчета“, напечатанное въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, заключается слѣдующими словами:

„Изъ всеподданнѣйше представляемаго отчета, Ваше Императорское Величество соизволите усмотрѣть, что Высочайше ввѣренное мнѣ министерство, какъ осмѣливаюсь надѣяться, не смотря на крайне стѣсненныя матеріальныя средства свои, слѣдуетъ неуклонно къ Высочайше указанной ему цѣли. Просвѣщеніе, которое почерпаютъ юноши въ заведеніяхъ сего министерства, есть просвѣщеніе не поверхностное, а прочное, основанное на чистыхъ началахъ нашей народной жизни, уваженія къ святости вѣры, безпредѣльной готовности жертвовать всѣмъ для блага отечества и полной преданности своему Государю. Жажда пріобрѣтенія познаній, нужныхъ для пользы общественной, повсемѣстна. Удовлетвореніе этому благородному стремленію составляетъ существенную потребность настоящаго времени. По этому одна изъ главнѣйшихъ моихъ заботъ состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, поддержать это общее стремленіе къ образованію, а съ другой — сообразить дѣйствующіе нынѣ уставы учебныхъ заведеній съ дѣйствительными потребностями государства и времени и съ современнымъ состояніемъ наукъ.

„Съ этою цѣлію я лично ознакомился съ состояніемъ ввѣренныхъ мнѣ учебныхъ заведеній и собралъ на мѣстѣ нужныя для предлежащаго труда данныя.

„Замѣченные въ устройствѣ университетскихъ факультетовъ недостатки исправляются отдѣльными распоряженіями, для замѣщенія каѳедръ достойными преподавателями приготовляются молодые люди, которые для полноты образованія посылаются за границу.

„Устройство среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ первыхъ разсадниковъ воспитанія, составляетъ также предметъ особенныхъ попеченій министерства. Оно, наблюдая постоянно за успѣхами ученія въ сихъ заведеніяхъ, и затѣмъ дѣлая выводы, въ какой степени они соотвѣтствуютъ какъ требованіямъ общаго образованія, такъ и мѣстнымъ нуждамъ, обусловливающимъ благосостояніе народное, собрало достаточныя данныя, на основаніи которыхъ, руководимое указаніями Вашего Императорскаго Величества, можетъ нынѣ обновить полную систему народнаго образованія, очистить ее отъ тѣхъ частныхъ положеній, которыя вошли въ нее разновременно и не составляютъ съ нею ничего органическаго цѣлаго, и, напротивъ, дополнивъ тѣмъ, на что указываетъ настоящее положеніе вещей и современный взглядъ на воспитаніе, дать ей надлежащее единство въ цѣломъ и необходимую гармонію въ отдѣльныхъ частяхъ.

„Къ этому главному вопросу присоединяются другіе, частные—изданіе новыхъ учебниковъ, соглашеніе испытанія преподавателей для учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ со значеніемъ сихъ должностей и начертаніе для того правилъ, по возможности единообразныхъ, какъ едино и само истинное образованіе, при всемъ многоразличіи его частныхъ явленій.

„Этими вопросами занятъ въ настоящее время Ученый комитетъ и изготовляетъ ихъ для обсужденія въ Главномъ правленіи училищъ, и потому истекшій годъ, посвященный, такъ сказать, приготовленію къ работѣ, не представляетъ еще особенныхъ распоряженій; съ тѣмъ вмѣстѣ начала, въ немъ положенныя благотворными указаніями Вашего Величества, зрѣютъ и въ свое время должны принести полезные плоды; но для этого нужно время и устраненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ затруднять достиженіе предположенной цѣли.

„Съ преобразованіемъ училищъ необходимо дать имъ и новые штаты. Я уже имѣлъ случай всеподданнѣйше докладывать Вашему Императорскому Величеству, какъ о крайне стѣсненномъ, во всемъ пространствѣ этого слова, положеніи большей части настоящихъ дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія (учителей среднихъ и низшихъ заведеній) такъ и вообще о чрезвычайно ограниченныхъ матеріальныхъ способахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и Ваше Величество изволили убѣдиться въ необходимости помочь со временемъ министерству.

„Въ дѣлѣ объ учрежденіи заведеній для образованія дѣтей женскаго пола, министерство, положивъ на мѣру общія черты предпринятаго дѣла, встрѣтило надобность создать и средства. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ благоугодно было положить первое тому основаніе отъ своихъ щедротъ, а нынѣ министерство должно вызвать къ содѣйствію въ настоящемъ дѣлѣ мѣстное дворянство и

городскія сословія, на что уже послѣдовало Высочайшее Вашего Величества соизволеніе.

„Я твердо увѣренъ, Всемилостивѣйшій Государь, что съ помощію Божіею, при томъ ближайшемъ участіи, которое Вашему Величеству благоугодно было принять въ дѣлахъ министерства, и при пламенномъ усердіи какъ членовъ ввѣреннаго мнѣ управленія, такъ и воспитывающагося юношества, о чемъ святымъ долгомъ поставляю себѣ свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, дѣло образованія пойдетъ вѣрнымъ путемъ во благо нашего возлюбленнаго отечества“.

Потребность новой жизни въ просвѣщеніи Россіи прекрасно выражена въ рѣчи, которую на торжественномъ актѣ Ришельевскаго Лицея, происходившемъ 1 сентября въ новомъ зданіи Лицея, произнесъ знаменитый нашъ ученый Н. И. Пироговъ, попечитель Одесскаго Учебнаго Округа. „Не даромъ существуетъ обычай праздновать новоселье“, говоритъ Н. И. Пироговъ:

„Мы празднуемъ переходъ въ новое зданіе.

„Но съ какою цѣлью сооружено оно?

„Назначается ли оно только замѣнить ветхія стѣны стараго Лицея новыми?

„Своды ли, мраморъ ли и паркетъ половъ должны отличать новый лицей отъ стараго?

„Если одно это, то основная мысль нашего торжества была бы въ сущности не выше, и даже ниже той, которою вѣроятно руководствуются номады, перемѣняя кочевье.

„Перемѣна кочевья есть необходимое условіе жизни цѣлаго народа. Перемѣна ветхихъ стѣнъ на новыя есть только удобство нѣсколькихъ людей.

„Нѣтъ, мы не для этого празднуемъ новоселье лицея. Не одна ветхость стѣнъ, не одно удобство и прихоть побудили правительство замѣнить старое новымъ.

„Въ нашемъ новосельѣ обнаруживаются *двѣ* высокія мысли.

„Оно, *во первыхъ*, доказываетъ, что старый Лицей съ честью отжилъ свое время.

„Онъ и родился во-время, когда потребность къ просвѣщенію въ краѣ начала только что проявляться, и то только въ высшихъ слояхъ общества.

„Онъ такъ успѣшно дѣйствовалъ на поприщѣ просвѣщенія, что поставленные учредителемъ предѣлы образованію сдѣлались узки. Ихъ не разъ уже измѣняли и расширяли. Но они всетаки оказываются узкими.

„Больше ничего не нужно приводить въ доказательство успѣшной дѣятельности стараго Лицея. Этого одного довольно для безпристрастныхъ.

„*Во вторыхъ*, праздникъ нашего новоселья, останавливая невольно нашъ взглядъ на новомъ зданіи, заставляетъ думать, что не понапрасну же увеличенъ объемъ его стѣнъ, не понапрасну увеличено помѣщеніе для учащихся, кабинетовъ, лабораторій.

„Не напрасно покушеется правительство, вмѣсто огромныхъ издержекъ на меблировку новаго зданія, обратило значительную сумму на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

„Все это ясно говоритъ, что съ новосельемъ должна начаться и новая жизнь Лицея, новый періодъ его дѣятельности, и новый Лицей дѣйствительно долженъ сдѣлаться новымъ для Новороссіи.

„Вотъ, мм. гг., почему мы празднуемъ день нашего новоселья“.

Настаетъ новая эпоха для просвѣщенія, и сообразно съ потребностями времени, храмъ его необходимо расширяется.

Необходимость его расширенія, необходимость принять мѣры къ распространенію образованія въ массѣ нашего населенія очень основательно доказана рядомъ интересныхъ статей въ „Земледѣльческой Газетѣ“. Въ этомъ обсужденіи участвовали многіе. Когда г. А. З., помѣщикъ Холмскаго уѣзда, учредившій школу въ своемъ имѣніи и самъ уже нѣсколько лѣтъ занимающійся преподаваніемъ въ этой школѣ, первый заговорилъ въ „Земледѣль-

ческой Газетѣ“ о распространеніи грамотности между поселянами, онъ встрѣтилъ многихъ противниковъ, но скоро нашлись ему союзники, и потомъ стали говорить въ пользу грамотности даже тѣ, которые сначала были противъ нея. Тогда вопросъ измѣнилъ свое положеніе: вмѣсто того, чтобы спорить о пользѣ грамотности, стали разсуждать уже о томъ, какія средства необходимо принять для образованія поселянъ, и достаточно ли для поселянъ одной грамотности, или кругъ ихъ ученія долженъ быть болѣе обширенъ.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ любопытныхъ совѣщаній между образованными и благонамѣренными помѣщиками. Прежде всего посмотримъ, какими неотразимыми доводами г. А. З. объясняетъ необходимость грамотности для поселянъ:

„Крестьянинъ—человѣкъ, а не машина; онъ имѣетъ право на нравственное и умственное развитіе. Онъ земледѣлецъ,—надобно желать, чтобы трудъ его былъ сознателенъ, чтобы онъ не дичился улучшеній, чтобы онъ самъ старался изыскивать новые, лучшіе пріемы въ работѣ, для облегченія труда и сбереженія времени. А для этого надобно развить ему голову, надобно ему образованіе, которое начинается съ грамоты.

Крестьянинъ не только земледѣлецъ, но и торговецъ; онъ продаетъ избытки своихъ произведеній и покупаетъ для себя нужное, а иногда ведетъ и большой торгъ. Крестьянинъ, кромѣ того, человѣкъ общественный: онъ отправляетъ и натуральныя, и денежныя, и государственныя, и общественныя повинности; онъ же идетъ пополнять ряды нашего храбраго войска. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и обстоятельствахъ его жизни—нужно ли ему образованіе?—Нужно. А оно начинается съ грамоты.

Крестьянина надуваютъ, обираютъ, обвѣшиваютъ и обмѣриваютъ,—спросите вы его: зачѣмъ онъ поддается? „гдѣ же намъ, батюшка! намъ—кто въ синемъ, тотъ и баринъ. Мы люди темные!...“

„— Зачѣмъ ты недавно возилъ въ городъ какого-то пьянаго писаря? спрашиваете вы его.—„А какъ же не везти, батюшка? Въѣхалъ въ деревню: „давай, кричитъ, подводу скорѣе!“ и бумагу показываетъ—„приказъ, говоритъ, изъ суда съ вашей деревни подводу взять“. И печать приложена; а объ томъ ли приказъ—кто его вѣдаетъ! Наше дѣло темное. Къ вашей милости десять верстъ—бѣжать далеко, а онъ торопитъ. Пока телѣгу ладилъ, да лошаденку запрягалъ, не одинъ подзатыльникъ отъ него, проклятаго, съѣлъ... Дѣло, вишь, говоритъ, спѣшное, а ты, каналья, копаешься. Десятскихъ, говоритъ, кликну, связать тебя велю, коли будешь разговаривать! Тамъ тебѣ, говоритъ, такую баню за ослушку зададутъ, что не опокнешься!“ —„Прогоны далъ?“ —„Какіе прогоны, батюшка, этого мы никогда не видимъ! Треуховъ-то много дорогой давалъ: вези, вишь, скорѣе! Да ужъ Богъ съ нимъ! А вотъ лошаденку — пусто бъ ему было—измучилъ совсѣмъ; чай въ мѣсяцъ не оправится! Держи ее теперь на стойлѣ, а пора рабочая!“—„Чтожь ты въ городѣ не пожаловался на него?“—„Въ судъ-то идти? на него жаловаться? Не, баринъ, спасибо!... Ну, иной крѣпокъ: что больше мошенникъ, то крѣпче. Бей его, не бей, а онъ все свое: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю! Ну, а что честнѣе, то слабѣй; особливо, коли приведутъ изъ-далека—людей не видывалъ, въ лѣсу живетъ, ну, а тутъ городъ, судъ, — тотчасъ и сробѣетъ! Такъ и валится въ ноги: виноватъ, значитъ, тутъ тотчасъ свидѣтели и запишутъ. Гдѣ намъ, барину, съ судами знаться! не приведи Господи! наше дѣло темное“.

„Будь же крестьянинъ образованъ, знай онъ твердо свои обязанности и свои отношенія къ начальству,—съ нимъ бы подобныхъ случаевъ не было. А образованіе начинается грамотностію.

„Крестьянинъ беретъ подряды, заключаетъ контракты не словесные, а письменные,—если онъ безграмотенъ, плати и за написаніе, и за подписаніе вмѣсто него, и, пожалуй, за прочтеніе. Крестьянинъ несетъ на почту какой нибудь потомъ добытый цѣлковый послать его сыну, брату или иному сродинку; въ полученіи почтовой квитанціи ему надобно росписаться—плати онъ 3, 5, а иногда и болѣе копѣекъ серебромъ за росписку, если онъ безграмотный; а ему и одна копѣйка дорога.

„Приходитъ крестьянинъ въ казначейство платить подати.

„— Ты что? спрашиваетъ его вышедшій изъ канцеляріи приказный.

„— Подущину принесъ заплатить, батюшка, за такую-то вотчину.

„— Сколько у тебя?

„— Столько-то, батюшка! сдѣлайте божескую милость, не задержите, примите!

„— Хорошо, говоритъ приказный:—подай объявленіе!

„Крестьянину и въ голову не приходитъ, что законъ не обязываетъ, а только позволяетъ представлять подати при объявленіи.

„— Мы люди темные, батюшка, ужъ коли что написать надо, такъ будьте милостивы, напишите!

„— Хорошо, отвѣчаетъ дѣловымъ тономъ приказный:—давай цѣлковый!

„— Не дорогонько ли будетъ, ваше благородіе?... осмѣливается замѣтить крестьянинъ, переминаясь.

„Приказный скрывается. Проходитъ не мало времени. Мужикъ стоитъ вздыхая.

„— Любезный, служба“, наконецъ говоритъ онъ, обращаясь къ присяжному,— „доложи, Бога ради, тому, что былъ тутъ: долголь мнѣ маяться! пусть цѣлковый возьметъ; скажи, молъ, глупостью повладали“.—Является приказный, беретъ отъ мужика цѣлковый и ведетъ его къ казначею. Мужикъ отсчитываетъ деньги, низко кланяется и возвращается въ прихожую ждать квитанціи... Жди, пожди, проходитъ еще не мало времени—является тотъ же приказный.

„— Что стоишь? спрашиваетъ онъ у своей жертвы. — „Квитанціи дожидаюсь, батюшка!“—Приходи завтра.—„Батюшка, будь батька родной, отпусти сегодня! Фатера, прокормъ лошади, за сто верстъ пріѣхалъ... Я бы ужъ вашей милости еще полтинничкомъ поклонился...“—„Дуракъ, за сколько душъ платилъ, а хочешь полтинничкомъ отдѣлаться... Ну, да ужъ куда ни шло—давай!—Мужикъ отдаетъ полтинникъ съ низкимъ поклономъ. Проходитъ еще нѣсколько времени. Приказный снова является. „Готова квитанція, говоритъ онъ, ступай, распишись въ полученіи.

„— Да я не грамотный, батюшка! ужъ будьте милостивы.

„— Дуракъ, развѣ за тебя обязанъ писать кто нибудь даромъ?

„— Сколько жъ надо, батюшка?

„— Двугривенникъ, отрывисто отвѣчаетъ приказный, дешевле не возьметъ. — Мужикъ отдаетъ двугривенникъ и получаетъ наконецъ квитанцію.

„— Слава-те, Господи, думаетъ онъ, въ одинъ день развязался!...“

„Пріѣзжаетъ мужикъ домой; является къ барину.—Заплатилъ подущину?—„Заплатилъ, батюшка“.

„— Покажи квитанцію.—Мужикъ подаетъ.—Отчего недоимка? спрашиваетъ помѣщикъ. —„Не вѣдаю, батюшка, я всѣ заплатилъ“.—Какъ не вѣдаешь? пять цѣлковыхъ съ копѣйками въ недоимкѣ показано... Сколько ты денегъ внесъ?—„Казначею отдалъ сколько то...“—Какъ столько-то? въ квитанціи показано пятью цѣлковыми меньше противъ того, что ты говоришь казначею отдалъ? ты укралъ? пропилъ?—„Ай, Господи, мнѣ съ мѣста этого не сойти, дѣтей моихъ не обозрѣть, начинаетъ клясться мужикъ, творя крестныя знаменія, коли я хоть грошъ себѣ взялъ! Какъ передъ Богомъ говорю вашей милости—всѣ отдалъ: что они тамъ въ квитанціи пишутъ—Богъ ихъ вѣдаетъ! Наше дѣло темное!...“

„И точно, тутъ дѣло темное. Если и мужикъ смошенничалъ, то какъ вы уличите его? А отговорки „темнотою“ не было бы, если бы онъ былъ грамотный.

„Крестьянина отдаютъ въ солдаты. Много ли у него надежды дослужиться до унтеръ-офицерскаго званія, если онъ безграмотный?

„Сдача каждаго рекрута, чрезъ безграмотнаго отдатчика, обходится помѣщику отъ тридцати-пяти до сорока рублей серебромъ!.. Тутъ въ счетѣ вы увидите Богъ знаетъ какія вещи. Словомъ, тутъ отдатчикъ, какъ говорится въ одной свадебной пѣснѣ, „съ денежки на денежку ступалъ, а полтиною вороты отпиралъ“...

„Подобныхъ случаевъ и обстоятельствъ въ быту крестьянъ можно бы представить цѣлыя сотни; многія изъ нихъ могли бы быть и сильнѣе и разительнѣе вышеприведенныхъ, но довольно и этихъ, чтобы показать, что *грамота нужна крестья-*

нину не только въ нравственномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи, и что *съ нея, а не съ чего другаго надобно начать его образованіе*". („Земледѣльческая Газета", № 9).

Г. Смирновъ, бывшій преподавателемъ въ одной изъ земледѣльческихъ школъ, свидѣтельствуетъ, что поселяне и ихъ дѣти очень хорошо понимаютъ пользу ученія.

„Я имѣлъ честь преподавать русскій языкъ въ Московской Земледѣльческой школѣ и на опытѣ видѣлъ, съ какимъ увлеченіемъ, съ какимъ восторгомъ воспитанники изъ крестьянъ представляютъ себѣ то новое душевное состояніе, въ которое они поставлены пріобрѣтеніемъ знаній. Благодарность къ помѣщику, который ихъ отдалъ въ школу, и благодарность къ основателю школы были искренни, нелицемѣрны. Почти ни въ одномъ классномъ сочиненіи воспитанникъ школы не обойдется безъ того, чтобы не коснуться этого самаго чувствительнаго для него предмета. И въ деревнѣ, гдѣ одною изъ первыхъ заботъ моихъ было ученіе мальчиковъ грамотѣ, съ удовольствіемъ замѣтилъ я, что грамотность сообщаетъ крестьянскимъ мальчикамъ какую-то мягкость и освобождаетъ ихъ отъ той загрубѣлой коры, которая лежитъ на крестьянинѣ.

„И такъ, грамотность и правомѣрное общественное положеніе—вотъ главныя средства къ нравственному усовершенствованію крестьянъ". („Землед. Газета" № 24).

Послѣ того, г. Критскій, принимая вопросъ о необходимости образованія для поселянъ какъ поставленный уже внѣ всякаго сомнѣнія, разсматриваетъ, каковы должны быть учители въ сельскихъ школахъ и какими средствами учредить эти школы.

„Мнѣ кажется, что для распространенія грамотности между крестьянами въ нашемъ отечествѣ, которое по преимуществу есть государство земледѣльческое, нужны школы земледѣльческія, школы, въ которыхъ, кромѣ обученія крестьянъ грамотѣ, показывалась бы имъ вся польза отъ нея. Научивши крестьянина читать не по церковнымъ книгамъ, а по руководствамъ, нарочно для того составленнымъ, съ земледѣльческимъ направленіемъ, надо ознакомить его сперва съ техническими названіями сельскаго хозяйства, съ земледѣльческими орудіями, ихъ строеніемъ, и потомъ показать практически примѣненіе прочитаннаго къ дѣлу. Надо стараться доказать ему, что грамота есть краеугольный камень его благосостоянія, что если неграмотный, обработывающій землю по примѣру своего отца и дѣда, соберетъ съ своего участка продуктовъ на десять рублей, то грамотный, узнавъ, какъ такой же участокъ можетъ быть лучше обработанъ, соберетъ съ него продуктовъ на пятнадцать и двадцать рублей.

„Не разъ случалось мнѣ слышать на это слѣдующія возраженія: къ чему крестьянину грамота? Довольно будетъ, если помѣщикъ, получившій образованіе, будетъ совершенствовать свое хозяйство, тогда крестьяне по примѣру помѣщика улучшатъ и свое... Другіе прибавляли къ тому, что и сельскіе священники могутъ примѣромъ своимъ довести своихъ прихожанъ до тѣхъ же результатовъ.

„Справедливо ли это?

„По моему мнѣнію—нѣтъ. Мнѣ кажется, что довольно разсмотрѣть, кто эти помѣщики и священники, имѣютъ ли они необходимыя свѣдѣнія, образованіе ихъ приспособлено ли къ тому и всѣ ли они имѣли средства получить тѣ знанія?

„Возьмемъ помѣщиковъ.

„Меньшая часть ихъ—люди богатые. Объ нихъ и говорить нечего,—они всегда могутъ достигнуть желаемаго,—было бы желаніе.

„Другая часть, тоже небольшая, получившіе образованіе въ университетахъ, слушавшіе лекціи факультетовъ естественныхъ наукъ. Казалось, что эти люди и должны бы быть посвящены въ тайны агрономіи: но что часто случается? что они, не видавъ примѣненія выученнаго къ дѣлу, не могутъ достичь желаемыхъ результатовъ. Притомъ всѣ они, или почти всѣ, окончивъ воспитаніе въ университетахъ, поступаютъ на государственную службу и въ служебныхъ занятіяхъ часто забываютъ выученное.

„Третьи, если не всѣ остальные, съ малолѣтства посвященные на службу гражданскую или военную, воспитываясь въ учрежденныхъ для того заведеніяхъ, не получаютъ никакого почти понятія объ агрономіи. Окончивъ свое служебное поприще, они поселяются въ своихъ имѣніяхъ, не знаютъ даже, какъ взяться за хозяйство, и по неволѣ хозяйничаютъ такъ, какъ указываетъ имъ опытъ крестьянина или управляющаго, не обладающихъ большими свѣдѣніями. И выходитъ, что не помѣщикъ руководитель крестьянъ, а самъ руководимъ ими.

„А священники?

„Они по моему мнѣнію еще меньше помѣщиковъ воспитаніемъ приспособлены къ тому, чтобы быть руководителями крестьянъ въ дѣлѣ агрономіи.

„Такимъ образомъ я полагаю, что для распространенія грамотности между крестьянами необходимо учредить земледѣльческія школы, если не во всѣхъ селахъ, мѣстечкахъ и городахъ, потому что для того нужны средства, какими не всякій помѣщикъ обладаетъ, то по крайней мѣрѣ въ уѣздныхъ городахъ, въ чемъ слѣдуетъ обратиться съ просьбою о помощи къ нашему благодѣтельному правительству.

„Пусть учредятся въ каждомъ уѣздномъ городѣ земледѣльческія школы, въ которыхъ бы, кромѣ грамоты, ученики обучались бы и наукѣ сельскаго хозяйства; гдѣ бы ученикъ, подъ руководствомъ дѣльнаго преподавателя, учился бы и читать, и писать, и понимать прочитанное, и примѣнять его практически къ естественнымъ занятіямъ своимъ, и потому видѣлъ бы на дѣлѣ всю пользу грамотности.

„Пусть помѣщики, сочувствуя общему благу, дадутъ матеріальныя средства на учрежденіе и преуспѣяніе земледѣльческихъ школъ, пожертвовавъ самою незначительною частію своего дохода, хотя бы по три или даже по пяти копѣекъ серебромъ съ души, и по учрежденіи школъ, помѣщая въ нихъ мальчиковъ, представляли бы на нихъ и одежду и пищу.

„Такъ при такомъ общемъ стремленіи, мнѣ кажется, дѣло пошло бы на ладъ, и черезъ какихъ нибудь десять или пятнадцать лѣтъ мы бы не такъ удивлялись успѣхамъ земледѣлія въ прочихъ европейскихъ государствахъ, у насъ бы земля, обработанная по новой улучшенной системѣ, приносила бы такіе же проценты, какіе приноситъ за границею.

„Куда бы дѣвалась лѣнь!

„Какъ бы смягчились нравы крестьянъ! Да и не перечесть всего добраго, которое проистекло бы отъ того“.

Г. Гиберъ-фонъ-Грейфенфельсъ говоритъ еще рѣшительнѣе: къ учрежденію этихъ школъ должны быть помѣщики обязаны правительствомъ:

„Просвѣщенные сельскіе хозяева согласны въ томъ, что для улучшенія нравственнаго и матеріальнаго быта нашихъ крестьянъ нужна *грамотность*. Въ послѣднее время высказаны во многихъ умныхъ, назидательныхъ статьяхъ „Земледѣльческой Газеты“ мнѣнія и предположенія сельскихъ хозяевъ касательно этого предмета. Но какъ водворить грамотность въ крестьянское сословіе при разныхъ мѣстныхъ неудобствахъ при настоящемъ невѣжествѣ самыхъ крестьянъ, при недостаткѣ учителей и средствъ къ устройству школъ?

„Будемъ говорить правду: уставъ для сельскихъ училищъ изданъ въ 1828 году, а много ли помѣщиковъ открыли съ тѣхъ поръ школы въ своихъ имѣніяхъ? Правда, нѣкоторые владѣльцы принялись съ рвеніемъ за это полезное дѣло, ожидая неминуемой пользы (я также устроилъ въ двухъ имѣніяхъ своихъ школы для мальчиковъ и дѣвочекъ), но общаго сочувствія не было, по той причинѣ, что у насъ ничего предпринять невозможно, если оно не *повсемѣстно*, если нѣтъ безпрерывной *настойчивости*, а главное, если нѣтъ увѣренности, что это воля правительства:—для темнаго народа нужна всегда сильная побудительная причина, а потому лишь однѣ правительственныя мѣры могутъ окончательно разрѣшить вопросъ о всеобщихъ народныхъ училищахъ. „Земледѣл. Газета“ № 42).

Тогда г. А. З., которому принадлежитъ честь возбужденія этого изслѣ-

дованія въ „Земледѣльческой Газетѣ“, присылаетъ полный проэктъ, показывающій, какимъ образомъ надобно основать эти школы, откуда взять для нихъ учителей и учительницъ въ достаточномъ числѣ, и какіе предметы необходимо ввести въ кругъ преподаванія. Вотъ существенныя черты этого проэкта:

„Я того мнѣнія, что ужъ если дѣлать великое дѣло, то дѣлать его не въ половину и не какъ-нибудь, а дѣлать вполнѣ, широко и какъ слѣдуетъ. Предпринимая такія дѣла, отъ которыхъ можно ждать *вѣковѣчно-благодѣтельныхъ* результатовъ, не слѣдуетъ ограничиваться и удовлетворяться полумѣрами. Строить ли, наприм., желѣзныя дороги, то строить не одну или двѣ, а цѣлыя сѣти, и не конныя, а паровыя, и не въ одинъ, а въ два пути,—въ четыре рельса. Начать ли образованіе массы простаго народа, то не ограничиваться одною грамотностію, а дать народу образованіе полное, прочное, благотворное и плодотворное; школы заводить—не кой-гдѣ, а повсемѣстно, не для однихъ мальчиковъ, но и для дѣвочекъ, и не по выбору, а *для всѣхъ* крестьянскихъ дѣтей безъ исключенія; учителей въ школы—не какихъ-нибудь, а хорошо образованныхъ.

„Съ этимъ, пожалуй, и согласятся, но могутъ спросить: гдѣ средства? откуда учителей взять?

„По этому предмету смѣю предложить слѣдующія мои соображенія, при изъявленіи искреннѣйшаго моего желанія, чтобы они были подвергнуты всѣми, кого предметъ интересуетъ, наистрожайшей критикѣ.

„Брать въ школы отъ семействъ всѣхъ крестьянскихъ дѣтей отъ 8-ми до 12-ти и даже до 14-ти лѣтняго возраста на семь зимнихъ мѣсяцевъ (съ 1 октября по 1 мая)—не составитъ обремененія ни для крестьянъ, ни для помѣщиковъ: дѣти означеннаго возраста не состоятъ въ тяглѣ помѣщиковъ и не составляютъ (въ зимніе мѣсяцы) для семействъ необходимой помощи. Пищу и одежду дадутъ семейства, которыя все равно—въ школѣ или не въ школѣ—должны бы были ихъ одѣвать и продовольствовать. Постройка особаго флигеля для помѣщенія въ учебное время учащихся: комната (изба, пожалуй) для жилья и другая для класса, а также столы, скамейки и т. п. классныя принадлежности—не Богъ знаетъ чего стоятъ: это пожертвованіе—будетъ ли оно отъ помѣщика или отъ самихъ крестьянъ — ничтожное. Десятокъ-другой азбучекъ (по 3 коп. сер.), двѣ-три стопы сѣрой бумаги въ зиму и т. п. — вещи не дорогія и по средствамъ каждому. Такимъ образомъ: помѣщеніе, классныя принадлежности, одежда и продовольствіе дѣтямъ—готовы.

„Откуда учителей взять? еслибъ и нашлись они—кто и изъ какихъ суммъ будетъ платить имъ жалованье?

„Учителей предлагаю образовать изъ тѣхъ же крестьянъ и крестьянокъ и обязать ихъ учить безъ жалованья, за одно обезпеченіе ихъ пищею, одеждою и квартирою и за нѣкоторыя другія льготы, и—вотъ какимъ образомъ:

„Подобно тому, какъ въ прежнее время помѣщичьи имѣнія разбивались на рекрутскіе участки, разбить всѣ такія имѣнія на *участки учебные*, полагая въ каждомъ участкѣ, примѣрно, по 200 ревизскихъ душъ мужескаго пола.

„Съ каждаго учебнаго участка выбрать по три мальчика (10—12-ти лѣтняго возраста) и по три дѣвочки (8—10-ти лѣтнихъ) съ лучшими способностями, для образованія изъ первыхъ—учителей старшихъ классовъ, изъ вторыхъ — учительницъ младшихъ классовъ.—Ну, вотъ ужъ это значительное пожертвованіе: съ 200 душъ шесть дѣтей... Но, мм. гг., безъ нѣкоторыхъ пожертвованій — невозможно! Мы же ставимъ рекрутъ, взрослыхъ и здоровыхъ работниковъ — и не ропщемъ и не должны роптать, потому что интересы государственные важнѣе интересовъ частныхъ; въ исторической жизни народовъ есть эпохи, когда временныя пожертвованія необходимы и по настоятельной въ нихъ надобности и въ видахъ будущаго благоденствія.

„Собранныхъ такимъ образомъ мальчиковъ и дѣвочекъ отдать въ существующія уже въ каждомъ уѣздномъ городѣ училища, гдѣ они могутъ пройти курсъ уѣздныхъ училищъ въ 4 года. Во время этого курса квартиру, пищу, одежду для нихъ—должны

доставлять участки; преподаваніе, какъ извѣстно, даромъ. Дѣвочки должны составить особый классъ отъ мальчиковъ.

„По окончаніи курса въ городскихъ училищахъ, мальчики—переводятся въ существующія въ губернскихъ городахъ гимназіи, и еще шесть лѣтъ слушаютъ курсъ гимназическій; необходимо, значитъ, расширить гимназіи и увеличить комплектъ учителей въ нихъ. Въ гимназіяхъ же учредить каѳедры: сельскаго хозяйства, землемѣрія, законовѣдѣнія (преимущественно законовъ, касающихся крестьянскаго быта, и въ подробности *законы о договорахъ*) и ветеринаріи, лекціи которыхъ обязать слушать крестьянъ гимназистовъ (вмѣсто лекцій иностранныхъ языковъ, которыхъ, конечно, крестьянамъ изучать не надобно)".

„Пока приготовляются такимъ образомъ сельскіе учителя и учительницы, участки строятъ для школъ помѣщенія въ одномъ изъ селеній участка, по удобности, и *за три года* до выхода крестьянъ-учителей изъ гимназій открываютъ повсемѣстно сельскія училища *всѣхъ крестьянскихъ дѣтей обоего пола*, 8—10-тилѣтняго возраста. Кончившія въ уѣздныхъ училищахъ курсы дѣвочки начинаютъ въ школахъ учить грамотѣ, подъ наблюденіемъ помѣщиковъ и мѣстнаго училищнаго начальства. Сельскіе священники безмездно преподаютъ Законъ Божій.

„Послѣ трехъ учебныхъ зимъ у учительницъ, въ младшихъ классахъ, учащіеся переходятъ въ *старшій* классъ, къ вышедшимъ уже изъ гимназіи учителямъ,—а для младшихъ классовъ дѣлается уже новый наборъ малолѣтныхъ-учащихся и такъ далѣе. Въ старшемъ классѣ всѣ крестьянскія дѣти проводятъ еще *три* зимы, такъ что полный курсъ сельскихъ школъ составилъ бы *шесть* зимъ; ученикъ, поступившій восьми лѣтъ, вышелъ бы изъ школы четырнадцати лѣтъ.

„Сельскіе учителя, обучившіеся въ гимназіяхъ, знали бы, кромѣ наукъ общегимназическихъ (за исключеніемъ языковъ), — агрономію, землемѣріе, законовѣдѣніе и ветеринарію, значитъ это были бы учителя не какіе-нибудь, и, вышедшіе изъ среды народа, они хорошо бы знали нравы, обычаи, нужды и потребности учениковъ и ученицъ своихъ.

„Какъ учителя, такъ и учительницы исполняли бы свои педагогическія обязанности въ теченіе, примѣрно, двѣнадцати лѣтъ *безмездно*, ибо уже самое образованіе, данное имъ и выдвинувшее ихъ изъ среды низшаго класса народа на ступень высшую, нравственное и умственное развитіе ими полученныя, должны быть достаточнымъ для нихъ вознагражденіемъ; но участки обязаны доставлять имъ все необходимое: жилище, одежду и пищу (крестьянскія) и сверхъ того, они, учителя и учительницы, лично свободны и, по прошествіи обязательнаго двѣнадцатилѣтняго термина, могутъ отказаться отъ безмездныхъ педагогическихъ занятій, сохраняя во всякомъ случаѣ право на полное пожизненное обезпеченіе отъ участка.

„Въ лѣтнее, свободное отъ классныхъ занятій время, учительницы живутъ при своихъ семействахъ, а учителя не остаются праздными: для нихъ дѣятельности открывается новое великое поприще, занятіе величайшей важности, къ которому они должны быть подготовлены въ гимназіяхъ:

„Нечего распространяться какъ, было бы полезно, (а въ будущемъ сдѣлается необходимостью) привести наши обширныя земли въ кадастровую извѣстность. Сельскіе учителя, образованные вышесказаннымъ образомъ, могутъ въ лѣтнее время заняться этимъ чрезвычайно полезнымъ и важнымъ дѣломъ, при помощи свѣдущихъ помѣщиковъ и уѣздныхъ землемѣровъ, каждые въ своихъ участкахъ. Такимъ образомъ одни и тѣ же люди и образовали бы массу народа, и привели бы въ извѣстность земли наши—два великія дѣла, совершеніе которыхъ принесло бы неисчислимыя блага нашему отечеству....

„Въ устроенныхъ же по предлагаемому плану всенародныхъ сельскихъ школахъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, преподавать, кромѣ необходимыхъ предметовъ: *чтенія, письма, Закона Божія* и первыхъ четырехъ правилъ *ариѳметики*, еще слѣдующіе: а) *исторію*, б) *географію* (всеобщія кратко, отечественныя подробно), в) *русскій языкъ*, г) *сельское хозяйство*, д) *законы*, касающіеся крестьянскаго быта, и законы *о договорахъ*, е) *землемѣрную часть* и ж) *ветеринарію*. Такой курсъ въ продолженіе шести учебныхъ зимъ легко пройти можно, и только при та-

комъ курсѣ грамотность окажетъ на наше сельское сословіе неоспоримо благодѣтельное вліяніе.

„Я убѣжденъ, что если бы вышесказанныя мною предположенія мои могли осуществиться, то чрезъ какія нибудь двадцать или тридцать лѣтъ Россія, при извѣстныхъ всякому бойкости и смышлености ея населенія, не только догнала бы, но оставила бы за собою на пути цивилизаціи народы Западной Европы, на которыхъ теперь мы справедливо смотримъ какъ на старшихъ братій нашихъ въ дѣлѣ просвѣщенія. А кто бы изъ русскихъ не желалъ этого?...

„Издержки на разширеніе городскихъ училищъ и гимназій и на увеличеніе комплекта учителей въ нихъ — издержки *единовременныя*. Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ приготовилась бы только *первая* партія учителей и учительницъ; слѣдующія образовались бы уже въ самыхъ сельскихъ школахъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ воспитанниковъ. Эти *единовременныя* издержки приняли бы на себя: правительство и помѣщики *пополамъ*, напримѣръ. Впрочемъ это только предположеніе: входить же по этому предмету въ подробныя изслѣдованія я, какъ частный человѣкъ, не имѣю ни средствъ, ни возможности....

„Заключу тѣмъ же, чѣмъ началъ: ужъ если дѣлать великое дѣло, то дѣлать его въ обширныхъ, какъ сама Русь наша, размѣрахъ, не полумѣрами, не какъ нибудь, не робкими шагами, а цѣликомъ, смѣло и прочно, въ размѣрахъ грандіозныхъ, и если сравнить вѣковѣчно-неисчислимо-благодѣтельныя послѣдствія такого дѣла съ количествомъ временныхъ пожертвованій, то эти послѣднія окажутся совершенно ничтожными.“ („Земледѣльч. Газета“, № 58).

Въ этомъ прекрасномъ проэктѣ мы находимъ только одну черту, которая можетъ быть измѣнена къ лучшему: г. А. З. для возможнаго сокращенія расходовъ предполагаетъ, чтобы въ теченіе извѣстнаго срока учители и учительницы сельскихъ школъ преподавали безмездно, за одно помѣщеніе и содержаніе. Недостаточность такого вознагражденія очевидна. Въ дополненіе къ нему необходимо жалованье отъ помѣщиковъ или деньгами или хлѣбнымъ сборомъ (послѣднее есть у нѣмецкихъ колонистовъ). Что касается житья обучаемыхъ мальчиковъ въ самой школѣ, а не въ родительскихъ семьяхъ, эта мысль, конечно, прилагается авторомъ только къ мѣстностямъ, гдѣ поселяне живутъ очень мелкими и очень разбросанными деревушками, какъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ,—не приходить же мальчику въ школу зимою за десять и за пятнадцать верстъ. Но въ большей части русскихъ губерній поселяне живутъ большими деревнями, и тутъ разумѣется ученики должны оставаться въ своихъ семьяхъ, не жить въ школьномъ домѣ, а только приходить на уроки. Это лучше для семейнаго быта, да и дешевле, потому что не потребуется ни большаго зданія для школы, ни налога провизіею для содержанія учащихся.

Не по одному вопросу о средствахъ распространить образованіе между поселянами встрѣчаются въ „Земледѣльческой Газетѣ“ очень любопытныя статьи. Мы укажемъ еще на рядъ статей о томъ, возможно-ли, при настоящихъ сельскихъ учрежденіяхъ, совершенно изгнать тѣлесное наказаніе изъ способовъ сельской администраціи. Это изслѣдованіе возбудилъ также г. А. З. своею статьею „Сельско-административный вопросъ“ въ № 16 „Земледѣльческой Газеты“. Охотниковъ отвѣчать нашлось много. Многіе пришли въ негодованіе при мысли, что имъ предлагаютъ отказаться отъ тѣлеснаго наказанія. Но гуманные и образованные помѣщики отвѣчали, что они находятъ возможность замѣнять тѣлесное наказаніе другими, столь же дѣйствитель-

ными, но не унизительными для человѣческаго достоинства и наказываемыхъ и еще болѣе наказывающихъ. Такъ г. Каргопольцевъ говоритъ:

„Мнѣ кажется, что человѣку, который пожелаетъ избавиться отъ непріятности наказывать тѣлесно своихъ крестьянъ, надобно прежде всего изучить ихъ быть, ихъ слабости, однимъ словомъ знать ихъ такъ хорошо, какъ мы знаемъ все намъ близкое, съ чѣмъ ежедневно встрѣчаемся въ жизни. Изучивши этотъ предметъ, помѣщикъ будетъ знать и все то, что его крестьяне любятъ, чего боятся, словомъ сказать, будетъ знать всѣ слабыя и чувствительныя стороны ихъ жизни. Между крестьянами весьма часто встрѣчаются такіе, которые тѣлеснымъ наказаніемъ болѣе ожесточаются; они не только не исправляются отъ наказаній, но начинаютъ ненавидѣть своего господина, считаютъ его тираномъ; особенно если хоть одинъ разъ крестьянинъ чувствуетъ, что наказанъ несправедливо, этого онъ уже не забудетъ; изъ десяти разъ, за которые одинъ разъ былъ только наказанъ несправедливо, и всѣ остальные девять, по свойственной человѣку, весьма естественной слабости, онъ будетъ стараться внутренно убѣждать себя, что не виноватъ былъ, и стараться свалить вину если не на самого барина, то на сосѣда или на сосѣдку, даже хотя и на какой ни есть неодушевленный предметъ. Частыя наказанія, особенно тѣлесныя, ведутъ къ тому, что человѣкъ, какъ ко всему дурному и хорошему привыкаетъ, такъ привыкнетъ и къ розгамъ, а тогда все, что хотите, дѣлайте съ нимъ, ему ни почемъ, его не исправишь. Я знаю такихъ крестьянъ, которые, проживъ полвѣка, не бывали никогда наказаны розгами и потому только боятся этого наказанія, называя его уродствомъ, и потому никогда не скажутъ: не высѣкъ бы баринъ, а не изуродовалъ бы. Пусть это чувство всегда живетъ въ нихъ, и долгъ помѣщика, по моему мнѣнію, стараться вести крестьянъ такъ, чтобы боязнь наказанія не сдѣлалась дѣйствительностію, потому что страхъ ожиданія наказанія для человѣка, никогда ему не подвергшагося, тяжелѣе самаго наказанія. Я сказалъ, что помѣщику необходимо нужно знать всѣ достоинства, всѣ пороки своихъ крестьянъ: зная ихъ, вы будете знать, чего они боятся, чего не любятъ, что считаютъ стыдомъ для себя; этими-то средствами, лучше, чѣмъ розгами, можно исправлять впавшихъ въ проступки. Если вашъ оброчный крестьянинъ палъ въ проступокъ, разъ, другой, вы знаете, что онъ боится барщины, поставьте его на барщину, на недѣлю, на двѣ, на мѣсяцъ, и это покажется ему больнѣе розогъ, если онъ крестьянинъ усердный и не лѣнтяй,—лѣнтяя этимъ не исправишь: конечно этимъ вы отнимете у него много времени для собственныхъ работъ, но за то дадите ему урокъ, который онъ долго будетъ помнить. Если онъ самолюбивъ, любитъ погулять, пощеголять въ праздники на гуляньѣ, заставьте его въ праздникъ у себя на глазахъ поработать, но такъ, чтобъ и другіе это видѣли,—на дворѣ рубить дрова и тому подобное. Я пишу это по собственному опыту: вотъ уже болѣе семи лѣтъ, какъ я управляю своимъ имѣньемъ, и въ теченіе этого времени я не наказалъ ни одного человѣка, ни большаго, ни малаго; не скажу, чтобы мои крестьяне были люди безукоризненные; они имѣютъ много слабостей и попадаются, чтобы не сказать часто, но и нерѣдко, такъ что въ годъ раза два, три придется того или другаго наказать, но никогда тѣлесно, и благодаря Бога, они всѣ наказанія помнятъ.“ („Земледѣльческая Газета“, № 28).

Отвѣтъ г. Болтина замѣчателенъ по своей краткости, дышащей негодованіемъ противъ сомнѣнія въ возможности управлять человѣкомъ безъ жестокихъ средствъ:

Г. помѣщикъ предложилъ хозяйственно-административный вопросъ: „нѣтъ ли какого средства замѣнить тѣлесное наказаніе чѣмъ нибудь другимъ, столь же дѣйствительнымъ?“ Этотъ вопросъ наводитъ на многія размышленія, порождаетъ многіе вопросы, между прочимъ, такой: если домашнихъ животныхъ: лошадь, собаку, кроткими мѣрами и терпѣніемъ мы доводимъ до совершеннаго себѣ послушанія, то ужели тѣмъ же способомъ нельзя довести до того же и человѣка? Помѣщикъ П. Болтинъ.“ („Земледѣльческая Газета“, № 31.)

Это благородно и превосходно. Но намъ кажется, что г. Каргопольцевъ и г. Болтинъ не совершенно точно разгадали мысль, внушившую г. А. З. сельско-административный вопросъ. Они обходятся безъ тѣлесныхъ наказаній, но изъ ихъ собственныхъ отвѣтовъ видно, что они обладаютъ качествами исключительными, слишкомъ рѣдко соединяющимися въ одномъ лицѣ: внимательностью къ своимъ подчиненнымъ и рѣдкимъ умѣньемъ обращаться съ людьми, кротостью и настойчивостью. При такихъ качествахъ личность правителя заглаждаетъ недостатокъ учрежденій. Но много ли найдется людей подобныхъ г. Каргопольцеву? Еслибы таковы были всѣ, не нужно было бы никому никакихъ гарантій, —такіе люди не способны ни къ притѣсненіямъ, ни къ злоупотребленіямъ. Но большинство не таково. Оно только узаконеніями удерживается отъ искушеній прибѣгать къ физической силѣ и суровымъ мѣрамъ. Очевидно, что г. А. З. имѣлъ въ виду это большинство, а не рѣдкихъ людей, подобныхъ г. Каргопольцеву. Возможно-ли при настоящихъ сельскихъ отношеніяхъ этому большинству удерживаться отъ тѣлесныхъ наказаній? Вотъ въ чемъ вопросъ. По нашему мнѣнію, г. А. З. совершенно справедливъ, находя, что ожидать этого невозможно и что потому надобно пріискать такія юридическія отношенія, при которыхъ употребленіе тѣлесныхъ наказаній ни для кого не служило бы однимъ изъ административныхъ средствъ.

Укажемъ еще третій вопросъ, возбужденный въ „Земледѣльческой Газетѣ“—вопросъ о средствахъ смягчить семейные нравы нашихъ поселянъ. Онъ поставленъ опять г-мъ А. З.:

О ЖЕСТОКОМЪ ОБРАЩЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ СЪ ИХЪ ЖЕНАМИ.

Что то за хрѣнъ, что не горекъ,
Что то за мужъ, что не грозенъ.
Коли мужъ жены не бьетъ,
Такъ и милъ не живетъ.
(Народныя поговорки).

Твой ревнивый мужъ
За шелкову плеть принимается,
Ай люли, люли, принимается.
Плетка свистнула, а я вскрикнула,
Ай люли, люли, а я вскрикнула.
Свекру батюшкѣ возмолилася,
Ай люли и проч.
„Свекоръ-батюшка, отведи меня!“
Ай люли и проч.
Свекоръ-батюшка велитъ больше бить...
Ай люли и проч.
(Народная пѣсня).

„Помѣщенныя въ №№ 2 и 14 „Земледѣльческой Газеты“ сего года статьи: „О жестокомъ обращеніи съ домашними животными“ навели меня на мысль сказать нѣсколько словъ о предметѣ не меньшей важности—о жестокомъ обращеніи крестьянъ съ ихъ женами.

„Пословица— не мимо молвится“, а народныя поговорки, взятыя мною эпиграфами къ настоящей статьѣ, имѣютъ, къ несчастію, до сихъ поръ полное практическое примѣненіе въ жизни нашего христаго народа. Варварскій обычай бить женъ имѣетъ свои

корень въ нашей допетровской исторіи. Извѣстно, въ какомъ положеніи были у насъ женщины до Петра Великаго, да и до сихъ поръ, нечего грѣха таить, — говоря вообще, мы уважаемъ и почитаемъ женщинъ больше въ изящныхъ произведеніяхъ словесности, нежели въ дѣйствительной жизни. Петербургъ, столица, но и въ немъ, къ стыду нашему, молодой женщинѣ, а тѣмъ паче дѣвушкѣ невозможно даже днемъ показаться безъ провожатаго на улицѣ изъ опасенія получить оскорбленіе... фактическое доказательство невѣжества и грубости нашихъ нравовъ въ настоящее время. А про простой народъ и говорить нечего: реформа Петра не коснулась его нисколько въ этомъ отношеніи: простолюдинъ и до сихъ поръ смотритъ на женщину, какъ смотрѣли на нее его предки. Высочайшее наслажденіе для крестьянина — напиться пьянымъ; а высочайшее наслажденіе пьянаго крестьянина — бить жену. Но это бы еще было съ полъ-горя, если бы крестьяне били своихъ женъ только „подъ пьяную руку“; худо то, что для нихъ и въ трезвомъ видѣ прибить жену считается ни-по-чемъ. Въ остервенѣніи своемъ крестьянинъ даже не разбираетъ: беременна его жена или нѣтъ. Для него это все равно, и я съ достовѣрностію полагаю, что большая часть выкидышей случается у крестьянокъ отъ варварскаго обращенія съ ними мужей ихъ.

„Я владѣлецъ небольшаго имѣнія: но и въ этомъ небольшомъ имѣніи, въ первое время моего управленія, рѣдкій мѣсяцъ проходилъ безъ того, чтобы я не былъ вынужденъ прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, мѣрамъ, къ коимъ я самъ питаю глубокое отвращеніе, для усмиренія мужей, истязующихъ женъ своихъ; хотя едва-ли только десятая часть случаевъ доходила до меня, ибо жена (да и то не всякая) тогда только рѣшается идти къ помѣщику жаловаться на жестокость мужа, когда она терпитъ отъ мужа совершенную напраслину.

„Одинъ мужикъ запрегъ въ соху жену свою, и не шутя пропахалъ съ полъупряжки по легкому песчанику, по причинѣ болѣзни его лошади. Другой мужъ, не довольствуясь жестокими побоями, привязалъ жену свою къ *грядкѣ* *) для того, чтобы удобнѣе было наказывать ее. Третій сдѣлалъ съ тою же цѣлью тоже самое, только вмѣсто избяной грядки избралъ гуменную балку.

„Однажды пришла ко мнѣ женщина вся въ крови, худая, блѣдная, избитая, съ оплешивѣвшею головою и принесла ко мнѣ въ собственной рукѣ своей всю свою не отрѣзанную, а вырванную мужемъ косу.... Вина, за которую мужъ такъ истязалъ ее (ея теперь уже нѣтъ въ живыхъ), на этотъ разъ состояла въ слѣдующемъ: подымая землю на удаленной отъ деревни нивѣ, ему вздумалось нарочно забросить въ лѣсъ лапти и, придя домой боскомъ, приказать женѣ идти отыскать ихъ. Жена пошла, проискала лаптей цѣлую упряжку и, возвратясь домой, объявила мужу, что, несмотря на всѣ свои старанія, она не могла найти ихъ. Вины женъ, которыхъ мужья привязывали, для удобства наказанія, за перекладины, были такого же рода. Еще чаще случается, что мужья жестоко бьютъ женъ своихъ за собственныя вины свои, особенно если жены, видя, какъ *добро* изъ ихъ дома переходитъ въ чужія руки, осмѣливаются упрекнуть мужей въ невѣрности.

„Замѣтьте, что всѣ вышеуказанные случаи дѣлались въ собственномъ моемъ небольшомъ имѣніи: думаете ли вы, что въ другихъ этого не дѣлалось и не дѣлается?

„Я не посылалъ виноватыхъ въ судъ: законъ слишкомъ мягокъ для такихъ извергов... Да они, если хотите, и не изверги; они *по своему* также любятъ женъ своихъ, а — „обычай не клѣтка, не переставишь“. Виноваты ли они, что съ самаго нѣжнаго возраста видѣли передъ собою подобные примѣры; привыкли къ нимъ и привыкли думать, что такъ и быть должно, иначе и быть не можетъ, что на то мужъ, чтобъ жену въ рукахъ держать, что на то жена, чтобъ бояться мужа и быть у него въ полномъ, безусловномъ повиновеніи? — Стремленіе къ господству въ той или другой формѣ лежитъ въ природѣ человѣческой: крестьянину не надъ кѣмъ больше господствовать кромѣ жены и лошади (дѣтей онъ очень любитъ, дурное обращеніе отца съ

*) Грядка — перекладина, идущая отъ верхней части печки къ стѣнѣ избы въ нѣкоторомъ отъ потолка разстояніи; назначеніе грядки — укрѣпить сбитую изъ глины печь; на нее же вѣшаютъ крестьяне мокрыя оборы, онучи и т. п. для просушки.

дѣтьми — рѣдкое исключеніе), и онъ господствуетъ надъ ними сообразно своимъ понятіямъ и издавна укоренившемуся обычаю.

„Однако же къ искорененію зла въ своей вотчинѣ я принялъ сначала мѣры, хотя временныя, но рѣшительныя. Послѣ борьбы и муки, сильно разстроивавшихъ весь организмъ мой, я рѣшился на крутыя мѣры. Затрепетали истязатели — мужья въ моей вотчинѣ, и увидѣли, что я „шутки шучу не хорошія“: то того накажу, что называется, любо дорого, то другаго на мѣсяцъ на замѣру въ канаву поставлю, тотъ въ солдаты пошелъ, отъ другаго жена взята и къ родителямъ отправлена, и дѣти съ нею, а мужъ доставляй содержаніе.... „Экой варваръ помѣщикъ!“ могъ бы подумать иной кабинетный филантропъ, увидя проѣздомъ, или услыша стороной о такихъ дѣйствіяхъ.

„—Желаю вамъ, милостивый государь, добраго здоровья, крѣпкаго сна и хорошаго аппетита; у васъ, я вижу, въ рукахъ какія-то книжки по части кабинетной филантропіи: вы сидите въ гамбсовыхъ креслахъ, курите гаванскую сигару и приказываете заложить карету, чтобъ ѣхать въ театръ слушать „Лучію“. Это должно быть очень пріятно. Мы сами когда-то вкушали часть этихъ наслажденій, и теперь съ непзъяснимымъ восторгомъ промѣняли бы идиллическую жизнь помѣщика на тревожную жизнь столичнаго филантропа, отплясывающаго на балахъ и слушающаго концерты. Тогда мы были и здоровы, и веселы; а теперь посмотрите на меня: видите ли, я—захолустный помѣщикъ, и изсохъ въ щепку? Горный деревенскій воздухъ на меня не дѣйствуетъ; „хлѣбъ полей воздѣланныхъ...“ нейдетъ въ прокъ мнѣ: что такое хорошій аппетитъ, крѣпкій сонъ — я не знаю... А что у меня кошки сердце скребутъ — про это вы не знаете.

„Но искусъ продолжался недолго: не прошло и года, какъ все стихло, все успокоилось: мужья смирились. Честные крестьяне мои и бабы повеселѣли, и стали за меня, что называется, „Богу молить“.

„Однако, думаю, что такая система не годится. Она хороша и даже необходима, какъ мѣра временная, но не болѣе. Пока я или подобный мнѣ — она держится; не стань меня—она тотчасъ же рушится, и опять все войдетъ въ старую колею. Всѣ системы, основанныя на чувствѣ страха,—системы никуда не годныя. Онѣ слишкомъ непрочны и слишкомъ тяжелы для обѣихъ сторонъ.

„Переходныя эпохи—эпохи тяжелыя. Не знаешь, какъ быть. Ни роль преслѣдователя, ни роль патріарха—какъ то не къ лицу современному помѣщику. Первая роль возмутительна, вторая анахронизмъ. Надобно придумать что нибудь болѣе раціональное.

„Что жъ бы это такое могло быть болѣе раціональное?

„Одинъ отвѣтъ: смягчающее нравы образованіе! Школы, школы и школы для молодаго поколѣнія! Но школы не какія-нибудь и, главное, не съ какими нибудь, а *непремѣнно* съ хорошими учителями и наставниками.... („Зем. Газ.“ № 30).

Средство, предлагаемое г-мъ А. З., дѣйствительно, очень полезно и для смягченія семейныхъ нравовъ, какъ полезно оно для всего хорошаго. Но съ тѣмъ вмѣстѣ надобно прибавить, что хотя просвѣщеніе есть корень всякаго блага, но не всегда оно само по себѣ уже бываетъ достаточно для исцѣленія зла; часто требуются также и другія, болѣе прямыя средства, потому что зло не всегда бываетъ основано непосредственнымъ образомъ на одномъ только невѣжествѣ — иногда оно поддерживается и другими обстоятельствами, которыя, конечно, въ свою очередь порождены невѣжествомъ, но бываютъ такого свойства, что до уничтоженія ихъ невозможно и распространеніе просвѣщенія. Чтобы дѣло было яснѣе, взглянемъ на состояніе индѣйскихъ паріевъ. Они невѣжды, нравы ихъ грубы. Это такъ. Какія же прямѣйшія средства для смягченія ихъ нравовъ? Просвѣщеніе? Но могутъ-ли когда паріи просвѣтиться? Этому полагается непреоборимое препятствіе самымъ ихъ положеніемъ. Во-первыхъ, они такъ угнетены нуждою, что имъ

очень трудно найти время и средства для ученія; во-вторыхъ, брамины и кшатріи никакъ не допустятъ серьезныхъ заботъ о просвѣщеніи парій, потому что всѣ привиллегіи браминовъ и кшатрій, всѣ выгоды, ими извлекаемыя изъ касты парій, основываются на невѣжествѣ парій. Потому, чтобы дать возможность паріямъ смягчить свои нравы образованіемъ, прежде всего должно измѣнить положеніе парій въ индѣйскомъ обществѣ; они должны изъ парій сдѣланы быть просто подданными правительства, а не браминовъ и кшатрій.

Нѣчто подобное можно сказать и о смягченіи нравовъ поселянъ. Тутъ на одно просвѣщеніе нельзя надѣяться. Грубость нравовъ поселянина основана не на одномъ его невѣжествѣ, а также и на характерѣ того обращенія, какое испытываетъ онъ и его семья отъ другихъ. Пока самъ поселянинъ подвергается грубому обращенію со стороны другихъ, нравы его не могутъ смягчиться. Пока мы имѣемъ полную возможность быть грубы съ женою поселянина, бранить ее и дать ей пинка, поселянинъ не можетъ наблюдать въ обращеніи съ нею особенной деликатности. Почему мы уважаемъ своихъ женъ? Потому что и посторонніе люди не смѣютъ сказать грубость дамѣ. Каково общественное положеніе женщины, таково и обращеніе съ нею мужа. Только тогда, когда „баба“, жена мужика, будетъ также ограждена противъ всякихъ обидъ отъ постороннихъ людей, какъ ограждена „дама“, моя жена, только тогда мужикъ измѣнитъ свое обращеніе съ своею женою.

Улучшеніе общественнаго и матеріальнаго положенія, вотъ необходимѣйшее предварительное средство для возможности распространяться просвѣщенію и улучшаться нравамъ. Потому съ живѣйшею признательностью мы должны принимать такія мѣры, какъ покровительство, оказываемое правительствомъ „Обществу для улучшенія помѣщеній рабочаго класса въ С.-Петербургѣ“ (объ этомъ обществѣ мы надѣемся поговорить въ слѣдующій разъ, и тогда воспользуемся радушнымъ приглашеніемъ „Жур. Минист. Внут. Дѣлъ“, предлагающаго въ распоряженіе всѣмъ періодическимъ изданіямъ напечатанную въ немъ статью объ этомъ предметѣ), или правила о содержаніи ремесленныхъ учениковъ и ученицъ. Эти бѣдныя дѣти дѣйствительно очень, очень нуждались въ самыхъ строгихъ ограженіяхъ своего здоровья, своей жизни отъ безумно-жадной небрежности. Каждому жителю Петербурга хорошо знакома фигура мальчика, зимою, при десяти или пятнадцати градусахъ стужи, бѣгущаго по улицѣ въ ветхомъ лѣтнемъ халатикѣ, съ полураскрытою отъ прорѣхъ грудью, часто безъ шапки на головѣ, еще чаще безъ обуви на ногахъ. Можно вообразить, какими удобствами въ домашней жизни пользуется этотъ мальчикъ, когда въ такой костюмировкѣ бываетъ посылаемъ по улицѣ. По собственнымъ наблюденіямъ, почти каждому изъ насъ извѣстно, что у многихъ мастеровъ ученики ведутъ самую ужасную жизнь, — холодаютъ и голодаютъ несказанно, подвергаясь безпрестаннымъ истязаніямъ; не рѣдкость, что пьяный портной тычетъ ученика горячимъ утюгомъ; о томъ, коротко ли знакомы съ сапожною колодкою головы учениковъ сапожника, нечего и говорить. Да, эти бѣдняжки очень, очень нуждались въ заботливости закона.

Нынѣ изданными правилами постановляется, что ремесленный мастеръ

долженъ заботиться о хорошемъ помѣщеніи, здоровой пищѣ и доброй нравственности своихъ подмастерьевъ, учениковъ и ученицъ (статья 1). Рабочія и спальныя комнаты ихъ должны быть просторны, опрятны и сухи. Спальныя для мальчиковъ и дѣвочекъ должны быть отдѣльныя (статья 2). Зимою въ ихъ комнатахъ должны быть двойныя рамы съ форточками (статья 3). Стирка бѣлья и просушка мокрой одежды и обуви въ этихъ комнатахъ воспрещается (статья 4). Класть учениковъ спать на полу воспрещается; воспрещаются также пары въ два яруса; воспрещается класть ихъ на кроватяхъ попарно; на нарахъ спальное мѣсто одного отъ мѣста другихъ должно быть отдѣлено перегородками (статья 5). Хозяинъ не долженъ отпускать или посылать куда либо учениковъ лѣтомъ безъ обуви, зимою безъ теплаго верхняго платья и проч. (статья 7). Хозяинъ обязанъ посылать учениковъ въ баню не рѣже какъ два раза въ мѣсяцъ, еженедѣльно давать имъ перемѣнять бѣлье и пр. (статья 8). Наблюденіе за исполненіемъ этихъ правилъ составляетъ обязанность ремесленнаго старшины и цеховаго управленія (статья 11 и слѣдующая).

Правила превосходны. Надобно желать только, чтобы надзоръ за ихъ исполненіемъ былъ неутомимъ и дѣйствителенъ; и конечно каждый честный человѣкъ обязанъ помогать оффиціальнымъ властямъ въ этомъ дѣлѣ, неукоснительно доводя до ихъ свѣдѣнія о всѣхъ замѣчаемыхъ имъ уклоненіяхъ отъ законныхъ правилъ. Содѣйствіе это легко для каждаго изъ насъ. Кому изъ насъ не случается бывать въ мастерскихъ, къ кому изъ насъ не бываютъ присылаемы ученики съ заказанными вещами? Надобно намъ помнить, что успѣхъ всѣхъ правительственныхъ мѣръ зависитъ отъ содѣйствія, оказываемаго обществомъ надзору за ихъ исполненіемъ. Если мы не покинемъ свою вовсе негражданскую привычку смотрѣть на все апатически, никогда ни что не исполнится такъ, какъ того хочетъ законъ. Мы должны помнить, что законъ въ своемъ исполненіи опирается на бдительное содѣйствіе общества. Дѣло закона есть дѣло каждаго изъ насъ. „Какое намъ дѣло до ремесленныхъ учениковъ?“ Если говорить такъ, то общество скажетъ и каждому: а какое мнѣ дѣло и до твоихъ дѣлъ? — Такъ издавна говорило оно, то есть говорить каждый изъ насъ другъ о другѣ. — но хорошо-ли было отъ того каждому честному человѣку изъ насъ? Пора намъ оставить эту узкую апатію. Дѣла каждаго честнаго человѣка могутъ идти только тогда, когда за исполненіемъ покровительствующаго ему закона наблюдаетъ каждый честный человѣкъ.

Мы совершенно отвыкли отъ понятія о солидарности, о круговой порукѣ, которою связано положеніе личныхъ дѣлъ каждаго изъ насъ съ дѣлами всѣхъ другихъ. Отъ этой неопытности происходитъ то, что когда мы начинаемъ разсуждать о предметахъ, хотя на вершокъ выходящихъ изъ круга личныхъ дѣлъ отдѣльнаго человѣка, мы теряемъ тактъ дѣйствительности, воображаемъ причины небывалыя или, по крайней мѣрѣ, недостаточныя для объясненія дѣла, предаемся желаніямъ вовсе не нужнымъ, или, по крайней мѣрѣ, такимъ, исполненіе которыхъ не принесло бы никакой существенной пользы дѣлу, — воображаемъ, напримѣръ, что стоитъ только сказать о ворѣ: „онъ воръ“, и онъ будто бы устыдится, перестанетъ красть, сдѣлается

примѣрнымъ гражданиномъ;—не шутя, мы чуть ли не всѣ предавались этой надеждѣ. Забавно даже вспомнить, какъ почти всѣ мы восхищались мыслью: „пусть литература преслѣдуетъ взяточничество, и взяточничество исчезнетъ". Мы вообразили, будто мы ужъ и въ самомъ дѣлѣ исцѣляемъ общественныя раны, когда всѣ хоромъ начали разсуждать

„Котъ Васька плутъ, котъ Васька воръ..."

Но вотъ наконецъ мы увидѣли, что „кара общественнаго мнѣнія" и „грозный бичъ сатиры" не слишкомъ-то дѣйствительное лекарство, — увидѣли, что

„Васька слушаетъ да ѣстъ",

—и многіе изъ насъ были удивлены этимъ открытіемъ: „какъ? онъ не исправился?" и мы начали придумывать, какими бы средствами его исправить. Средства эти иными придумываются очень удачно, — вотъ, напримѣръ, въ разсказѣ „Исправникъ" (въ № 17 „Русскаго Вѣстника"). предлагается средство, которое совершенно удовлетворительнымъ образомъ уврачуетъ болѣзнь. Мы заговорили объ этомъ разсказѣ не потому, чтобы онъ былъ самъ по себѣ нехорошъ или особенно хорошъ, — разсказъ подобенъ всѣмъ разсказамъ, написаннымъ въ подражаніе г. Щедрину, и мы не думали было говорить о немъ. Но мы получили отъ одного не-литератора письмо, которое, по поводу этого разсказа, высказываетъ мысли очень дѣльныя,—и такъ какъ многіе раздѣляютъ понятіе автора разсказа о причинахъ взяточничества и надежду на предлагаемое имъ лекарство, то мы помѣщаемъ это письмо:

„Что это за несчастная исторія стала теперь нерѣдко повторяться въ нашей литературѣ? (говоритъ нашъ корреспондентъ). Вотъ, напримѣръ, разсказъ „Исправникъ" въ 17 книжкѣ „Русскаго Вѣстника". Надо же было автору испортить разсказъ заключеніемъ, которое вовсе не практично. Исправникъ разсказываетъ автору разнаго рода мошенничества, которыя приводилось ему дѣлать во время долговременной службы, и заключаетъ свои разсказы тѣмъ, что взятки брать необходимо, потому-де, что ему, исправнику, мало жалованья! Но, скажите, ради Бога, гдѣ же предѣлъ увеличенію жалованья? Если исправнику, получающему въ годъ болѣе 1,000 руб. сер. — мало этого жалованья, то что же долженъ сказать писецъ канцеляріи Земскаго Суда, получающій въ годъ около 25 руб. сер.? Вотъ этому послѣднему дѣйствительно мало жалованья и ему можно извинить, что онъ беретъ, гдѣ можно, четвертаки и двугривенные, для того, чтобы избавиться отъ голода и холода. а какимъ образомъ исправнику сдѣлалось мало жалованья? Наконецъ, допустимте эту лже-теорію, что взятки берутъ будто бы оттого, что мало жалованья, и что будто бы съ прибавкою жалованья взяточничество ослабѣетъ. — но я васъ спрашиваю: неужели честность состоитъ въ томъ, чтобы не брать взятокъ, когда сидишь по горло въ деньгахъ? —Есть деньги — не беру, нѣтъ денегъ беру. Не могу имѣть за столомъ бутылки вина — беру на вино, захотѣлъ имѣть четвертое блюдо за столомъ - беру на четвертое блюдо; есть пара лошадей, хочу имѣть четверку—беру на недостающихъ двухъ лошадей: у жены шолковая шлянка, она хочетъ имѣть бархатную беру на бархатную, и т. п. Словомъ—нѣтъ особенной нужды —не

краду, а захотѣлось чего нибудь, чего на жалованье нельзя пріобрѣсти — украду. Эту ли нравственность хотятъ проповѣдывать господа, оправдывающіе взятки недостаткомъ жалованья? Хороша нравственность! Чего недостаетъ тебѣ и чего хочется, то укради! Жалованьемъ ты имѣешь возможность жить безбѣдно, но скромно, а тебѣ хочется жить роскошно—воруй! Помилуйте, что это такое? Какъ не стыдно проповѣдывать ложь и безнравственность, оправдывать воровство невозможностію удовлетворять прихотямъ? Послѣ этого мужички наши, трудящіеся, конечно, не меньше какого нибудь исправника и не имѣющіе не только никакихъ прихотей, но часто необходимаго, — имѣютъ полное право грабить всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, и исправники, на основаніи своей логики, не должны смѣть останавливать ихъ! Я, впрочемъ, полагаю, что люди, оправдывающіе воровство недостаткомъ законныхъ средствъ удовлетворять прихотямъ,—дѣлаютъ это просто по недоразумѣнію. Вотъ хоть бы въ „Исправникѣ“ — по разсказу видно, что авторъ его человѣкъ прекрасный и благородно-мыслящій, а между тѣмъ дѣлаетъ снисхожденіе ворамъ во имя недостатка жалованья.... не такого недостатка, который лишаетъ человѣка возможности удовлетворять первымъ потребностямъ, а недостатка, не позволяющаго давать разгула прихотямъ. Какого послѣ этого сожалѣнія заслуживаютъ бѣдные, но честные труженики: они просто глупы бьются Богъ знаетъ изъ за чего, тогда какъ есть прекрасное средство безъ большаго труда не только обезпечить себѣ средство существованія, но и разбогатѣть—это воровать“.

Все это такъ; но если не только литературныя обличенія, но и прибавка жалованья — недостаточное лекарство, въ чемъ же надобно искать лекарства? Вопросъ этотъ оставленъ нашимъ корреспондентомъ безъ отвѣта.

Мы сѣтуемъ о своихъ недостаткахъ, изобличаемъ свои пороки, все это прекрасно; только не должно увлекаться этимъ направленіемъ до такой степени, чтобы не находить въ своемъ обществѣ ничего хорошаго. Есть въ другихъ странахъ бѣдствія, отъ которыхъ избавлены мы, напримѣръ, биржевая игра, свирѣпствующая во Франціи, разоряющая ежедневно тысячи семей, грозящая разореніемъ всему государству. Французы не могутъ никакъ придумать средства къ искорененію этого зла, а средство есть очень простое, — издать такой законъ, какой существуетъ у насъ: продажа акцій допускается на биржѣ только на наличныя деньги,—какое простое, но какое дѣйствительное средство! Но французы еще не догадались въ этомъ случаѣ, что средство противъ общественныхъ золъ — законы, и потому то всѣ желанія избавиться отъ биржевой игры остаются пока напрасными.

Заговоривъ объ акціяхъ, мы уже подошли къ новостямъ изъ области промышленнаго движенія. Читателямъ извѣстно, что участокъ Варшавской желѣзной дороги отъ Гатчина до Луги уже готовъ; что участокъ отъ Луги до Пскова будетъ готовъ къ ноябрю; такимъ образомъ Главное Общество Желѣзныхъ Дорогъ ведетъ свое предпріятіе столь дѣятельно и успѣшно, что въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ исполнило почти половину работъ, которыя по договору обязано исполнить въ три года. Это подаетъ основательную надежду, что устуленныя Обществу дороги будутъ построены гораздо ранѣе, нежели въ десять лѣтъ.

Число акціонерныхъ обществъ у насъ продолжаетъ возрастать. По журналамъ Комитета гг. Министровъ, отъ 19 и 23 іюля, Высочайше утвержденъ Уставъ Товарищества для заведенія при нарвскомъ водопадѣ мануфактуры бумажныхъ издѣлій. Основатель этого предпріятія, получающаго имя „Товарищества Кренгольмской Мануфактуры", нарвскій купецъ г. Кнопъ. Капиталъ общества опредѣленъ въ 2,000,000 р. сер., раздѣленные на 400 паевъ, по 5,000 р. сер. Въ случаѣ надобности, онъ можетъ быть выпускомъ 200 дополнительныхъ паевъ увеличенъ до 3,000,000 р. с. Правленіе Общества состоитъ изъ трехъ директоровъ, не получающихъ никакого вознагражденія. Однимъ изъ директоровъ будетъ учредитель Общества, два другіе избираются общимъ собраніемъ владѣльцевъ паевъ, которому правленіе обязано представлять ежегодно отчеты. Кромѣ того, общее собраніе имѣетъ во всякое время право подвергать Правленіе ревизіи посредствомъ избираемыхъ для того изъ среды своей трехъ депутатовъ.

Настоящее время чрезвычайно благопріятно для основанія новыхъ промышленныхъ предпріятій. Дѣйствіе закона, понизившаго банковые проценты, уже замѣтнымъ образомъ обнаруживается въ приливѣ капиталовъ къ оживленію промышленности. Цѣны акцій всѣхъ прочныхъ обществъ повысились въ послѣдніе два мѣсяца на десять и болѣе процентовъ. Эта высокая цѣна, уже не представляющая для капиталовъ слишкомъ выгоднаго помѣщенія, а еще болѣе недостаточность числа акцій существующихъ компаній для удовлетворенія быстро возрастающему запросу на нихъ, чрезвычайно облегчаетъ возникновеніе новыхъ коммерческихъ, фабричныхъ и заводскихъ предпріятій, въ которыхъ такъ нуждается нашъ экономическій бытъ.

Одно учрежденіе пароходовъ по всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ нашимъ представляетъ уже помѣщеніе для многихъ мильоновъ рублей. Настоящее развитіе пароходства у насъ еще очень недостаточно. Такъ, напримѣръ, на Волгѣ, главной дорогѣ всѣхъ экономическихъ оборотовъ восточной половины Россіи, въ настоящее время ходятъ еще не болѣе шестидесяти пароходовъ, считая даже и тѣ мелкія паровыя суда, которыя употребляются только для завозки якорей при конныхъ машинахъ. Правильная пароходная перевозка пассажировъ существуетъ еще только въ верхней части Волги; и въ верхнихъ и въ нижнихъ частяхъ, товарныхъ пароходовъ недостаетъ для перевозки и десятой части товаровъ, нуждающихся въ ихъ содѣйствіи.

Развитіе пароходства и самыхъ фабрикъ, при быстро исчезающемъ запасѣ лѣсовъ въ Средней Россіи, при безлѣсности Южной Россіи, зависитъ отъ развитія каменно-угольныхъ копей, которыя у насъ до сихъ поръ остаются въ ничтожествѣ, даже при такомъ богатствѣ, какое представляетъ Донской каменноугольный бассейнъ. Добываніе донскаго антрацита на мѣстѣ обходится очень дешево — около 5 коп. за пудъ при патріархальныхъ способахъ, и не болѣе 2 коп. при введеніи улучшенныхъ способовъ. Но сбыта въ торговые и промышленные пункты южнаго края антрацитъ не находитъ, потому что вытѣсняется англійскимъ каменнымъ углемъ, продающимся дешевле. Нѣкоторые предлагаютъ помочь сбыту антрацита наложеніемъ пошлины на англійскій уголь,— но очевидно, что эта мѣра была бы противна здравому экономическому разсчету. Въ чемъ состоитъ нужда промышленности?

Въ дешевизнѣ топлива для паровыхъ машинъ. Какимъ же образомъ помочь ей, изгоняя болѣе дешевое топливо для доставленія сбыта болѣе дорогому? Ясно, что наложеніе пошлины на англійскій уголь только стѣснитъ промышленность, вовсе не помогая антрациту. Это въ родѣ того, какъ если бы для доставленія сбыта дорогому сукну мы обложили высокою пошлиною дешевое сукно—сбытъ дорогихъ суконъ оттого не увеличился бы, а суконное производство чрезвычайно уменьшилось бы, и погибло бы овцеводство. Здравый смыслъ говоритъ, что единственный полезный для промышленности способъ доставить сбытъ антрациту: забота объ устраненіи затрудненій перевозки, возвышающихъ его цѣну, расчищеніе устьевъ Дона и проложеніе желѣзной дороги отъ антрацитовыхъ копей къ этой рѣкѣ.

Важнымъ явленіемъ въ нашей промышленности была Варшавская выставка. Число экспонентовъ (333) на ней было вдвое менѣе, нежели на Московской (1853 г.) и Петербургской промышленныхъ выставкахъ. Стоимость выставленныхъ товаровъ оцѣнена въ 200,000 руб. сер., втрое менѣе, нежели на Московской выставкѣ. Спеціалисты, вникавшіе въ дѣло, объясняютъ это уменьшеніе необходимостью экспонентамъ представлять засвидѣтельствованныя оффиціальнымъ порядкомъ статистическія свѣдѣнія о своемъ производствѣ. Но хотя продукты явились на выставку въ меньшемъ количествѣ, нежели прежде, утѣшительнымъ фактомъ надобно считать то, что качество ихъ вообще улучшилось, сравнительно съ бывшими на Московской выставкѣ товарами тѣхъ же экспонентовъ, такъ что, не смотря на малость своего размѣра, выставка свидѣтельствуетъ о довольно значительныхъ успѣхахъ нашей промышленности втеченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Посредники между Европою и Россіею.—„Подручныя средства“ для излеченія всякихъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ и дѣйствительность этихъ средствъ.—Мнѣніе практическихъ людей о томъ, возможенъ ли и нуженъ ли прогрессъ, напримѣръ, полезно ли отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, какъ административной пружины.—Оптимизмъ.—Буксирное пароходство по рѣкамъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ.—Выставки: сельскихъ произведеній въ Кіевѣ и льняныхъ издѣлій въ селѣ Великомъ.—Училище для дѣвицъ въ Костромѣ.—Стипендія Грановскаго.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ у насъ жалобъ на Западную Европу состоитъ въ томъ, будто Западная Европа слишкомъ довѣрчиво принимаетъ всѣ пустые слухи, всѣ вздорные разсказы о насъ, какіе вздумаетъ разглашать какой нибудь поверхностный туристъ, проживши въ Петербургѣ, какъ говорится, безъ году недѣлю, не знающій нашего языка, не понимающій нашихъ обычаевъ, не видавшій своими глазами ничего, кромѣ Невскаго проспекта да нѣсколькихъ безцвѣтныхъ салоновъ. Не знаемъ, на сколько есть основательности въ этой жалобѣ, противъ которой можно сказать, что книги дѣльныя о Россіи, какъ и обо всемъ на свѣтѣ, предпочитаются въ Западной Европѣ вздорнымъ книгамъ, которыя пишутся не объ одной Россіи, а также обо всемъ на свѣтѣ; что число такихъ дѣльныхъ книгъ о Россіи, написанныхъ нѣмцами, французами, англичанами, очень велико: что по этимъ сочиненіямъ человѣкъ, живущій на Рейнѣ или на Луарѣ, можетъ познакомиться съ Россіею (и знакомится, если онъ человѣкъ основательный) также хорошо, какъ если бы жилъ на Окѣ или на Днѣпрѣ. Мы не знаемъ, на сколько есть справедливости во мнѣніи, будто бы дѣльные люди въ Западной Европѣ имѣютъ о Россіи невѣрное понятіе. Но если есть въ этой жалобѣ хотя капля справедливости, виноваты въ заблужденіяхъ Европы не поверхностные туристы, которымъ никто не вѣритъ, видя ихъ пустоту уже по однимъ несомнѣннымъ внѣшнимъ признакамъ легкомыслія и незнанія, а мы сами, которые очень таки часто разсказываемъ о себѣ Европѣ сущія небылицы, съ важностью и видимою основательностью, да еще притомъ съ прибавленіями, что мы-де одни только и можемъ сказать Европѣ правду, потому что мы одни хорошо знаемъ дѣло, потому что мы всю жизнь прожили въ Россіи, сами русскаго рода, знаемъ все, что у насъ дѣлается, какъ свои пять пальцевъ, и въ добавокъ еще опираемся на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, и что однихъ насъ Европа должна считать за истинныхъ представителей и истолкователей Россіи. Смотритъ Европа,—фамилія у человѣка русская, и дѣйствительно онъ весь вѣкъ прожилъ въ Россіи, да и нынѣ живетъ все въ Россіи же, и всѣхъ мало-мальски важныхъ людей въ Не-

тербургѣ и Москвѣ по имени и отчеству знаетъ, и пріятель съ ними со всѣми—всѣ внѣшніе признаки достовѣрности есть,—какъ же не вѣрить? А попробуй Европа повѣрить намъ, такихъ турусъ на колесахъ разскажемъ, что только руками разведетъ Европа, слушая. Примѣровъ тому можно бы набрать не мало.

Впрочемъ, какъ насъ осуждать за то, что мы Европу иногда желаемъ морочить, когда мы и сами себя морочимъ очень часто. Напримѣръ, развѣ мы не увѣряли себя въ томъ, что г. Щедринъ всѣ наши язвы исцѣлилъ,—или если еще не совсѣмъ исцѣлилъ, такъ исцѣлитъ, нужно только еще третій томикъ „Губернскихъ Очерковъ“ написать, и обратятся на путь добродѣтели и безкорыстія тѣ немногіе грѣшники, которые не покаялись и не исправились отъ двухъ первыхъ томиковъ? Такъ и кажется, будто слышишь слова Плюшкина: „Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь“. У насъ есть привычка, всѣ вопросы разрѣшать такимъ образомъ, всѣ недостатки исправлять словами, всѣ обязанности взваливать на общественное мнѣніе, которое будто бы всему поможетъ разговорами. Въ прошломъ мѣсяцѣ, напримѣръ, въ двухъ или трехъ изданіяхъ разбиралось дѣло о томъ, почему у насъ всѣ живутъ выше своихъ средствъ, объяснялось, какъ это дурно,— и пріискалась какая же тому причина? — видите ли, опять виновато общественное мнѣніе, зачѣмъ-де оно не преслѣдуетъ людей, которые по уши лѣзутъ въ неоплатные долги, или для сведенія концовъ съ концами прибѣгаютъ къ дурнымъ средствамъ для увеличенія доходовъ? Но, что это за наивность! Человѣкъ, который живетъ богато, во всякомъ обществѣ, не у насъ однихъ, пользуется большимъ уваженіемъ, нежели живущій бѣдно, такова ужъ человѣческая натура. Еще нашли причину и лекарство: это, дескать, все происходитъ отъ тщеславія, отъ суетности, отъ желанія показать, что и я не хуже другихъ,—надобно намъ, живущимъ выше своихъ средствъ, исправляться отъ тщеславія и суетности,— тоже хорошее средство, жаль только опять, что подавлять въ себѣ тщеславіе каждому изъ насъ гораздо труднѣе, нежели давать ему просторъ, если бы подавлять въ себѣ слабости было легко человѣку, и предметовъ для моральныхъ разсужденій давно не было бы на свѣтѣ, никакихъ ни слабостей ни пороковъ не существовало бы на землѣ, и каждый вокругъ себя видѣлъ бы все однихъ только Цинцинатовъ. Нашлось и еще средство: зачѣмъ де богатые живутъ роскошно?—Это все ихъ примѣръ вводитъ въ грѣхъ, все за ними тянутся люди, живущіе не по средствамъ. Пусть богатые подадутъ примѣръ скромнаго образа жизни, и все пойдетъ хорошо. Да, не дурно; жаль только, что богатому нѣтъ ровно никакой пріятности не пользоваться своими средствами для доставленія себѣ богатствъ и развлеченій. У васъ есть средства ѣздить въ каретѣ,—что жь вамъ за радость ѣздить на дрянныхъ извощичьихъ дрожкахъ? И сидѣть неудобно, и простудиться можно, и вѣтеръ и дождь бьютъ въ лицо, и платье портится. И притомъ, ужъ если на то пошло, лучше роскошничать, нежели быть Плюшкинымъ. Да и чтожъ вы дурнаго дѣлаете, если вы, богатый человѣкъ, живете богато? Вѣдь вы живете по своимъ средствамъ, и я вовсе не слѣдую вашему примѣру, если я, человѣкъ бѣдный, роскошничаю, — я

мотъ, а вы не мотъ, и обвинять васъ за меня несправедливо. —Не лучше ли было бы посмотрѣть, чѣмъ поддерживается слабость, на которую мы жалуемся. Человѣкъ живетъ выше своихъ средствъ для удовлетворенія своему тщеславію,— но вѣдь беретъ же онъ откуда нибудь деньги?—Онъ ихъ или занимаетъ и не платитъ долговъ, или грабитъ. Вотъ въ этомъ то и корень зла. Если грабить будетъ нельзя, да и увертываться отъ уплаты долговъ или отъ тюрьмы тоже, тогда и не на что будетъ жить выше своихъ средствъ. И откуда является расточительность? Изъ незнанія цѣны деньгамъ,- а кто не знаетъ цѣны имъ? Тотъ, кто получаетъ ихъ за даромъ, безъ труда, — трудовая копѣйка не пойдетъ никогда на мотовство. Такъ не лучше ли, вмѣсто разсужденій о тщеславіи и общественномъ мнѣніи, говорить о томъ, какимъ бы образомъ устроить, чтобы доходъ каждаго былъ вознагражденіемъ за его труды, а не плыли къ нему въ руки тысячи ни за что, ни про что: какимъ бы образомъ никто не могъ отвиливать отъ законныхъ взысканій. Вотъ это вещи дѣйствительно удобоисполнимыя и дѣйствительно полезныя, а моральныя разсужденія о томъ, что „противъ душеспасительнаго слова не устоишь“ и что общественное мнѣніе должно пренебрегать богатствами,—всѣ они превосходны, но ровно ни къ чему не ведутъ. Тѣ самые, которые разсуждаютъ въ нравственномъ тонѣ, иногда сознаютъ недостаточность предлагаемыхъ ими средствъ. Напримѣръ, по поводу статей въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ „о томъ, отчего всякій желаетъ жить выше своихъ средствъ“. г. А. Р—скій въ „Кавказѣ“ говоритъ:

„Общество сильно сознаетъ свои недостатки; вездѣ проявляется потребность воздуха, свѣта, правды и уничтоженія предразсудковъ и тьмы. Казалось бы, что прямымъ послѣдствіемъ такого сознанія должно быть то, что общество вдругъ откажется отъ всѣхъ своихъ дознанныхъ недостатковъ и будетъ жить новою лучшею жизнію: но ничуть не бывало: ему, какъ и каждому отдѣльно взятому лицу, не смотря на твердое убѣжденіе въ противозаконности и гнусности своихъ поступковъ, трудно отказаться отъ нихъ, потому что они въ сердцѣ общества глубоко пустили свои корни и сроднились съ нимъ. А потому, когда такое общество, сознавая вполнѣ всѣ свои слабости и недостатки, не думаетъ бросать ихъ, то для искорененія этого всеобщаго недуга, этихъ недостатковъ, необходима борьба, напряженное и продолжительное усиліе благородныхъ умовъ, дабы совладать съ невѣжествомъ и предразсудкомъ; необходимо всѣ слабости и пороки общественные, говоря словами одного извѣстнаго нашего литератора, „уловлять въ извѣстную данную минуту и казнить ихъ, предавая на всеобщее посмѣяніе, на всеобщій позоръ, прочувствовавъ ихъ скорбнымъ сердцемъ, такъ, чтобы въ смѣхѣ автора, какъ прекрасно выразился Гоголь, *слышались слезы*“. Вотъ одно изъ подручныхъ средствъ къ исправленію общества отъ тѣхъ черныхъ пятенъ, которыя оно, по собственному произволу, носитъ на себѣ и по настоящее время. Это трудъ не маловажный: его покончить съ-разу и какъ нибудь нельзя. Тутъ нужны таланты, которые бы своими убѣжденіями сильно подѣйствовали на общественное мнѣніе, и чтобы эти убѣжденія имъ получили полное значеніе въ обществѣ. Геніальному нашему поэту художнику, который „вѣдалъ Русь и жизнь ея глубоко“, много оставалось еще исчерпывать у общества вредные его соки: смерть прекратила благородные, добровольно предпринятые имъ труды на пользу общества. Нашлись, впрочемъ, благодаря судьбѣ, ревностные и даровитые его послѣдователи, которые всему вредному стараются дать публичность, гласность, чтобы мало по малу укрѣпить *общественное мнѣніе*, навесть его на прямой, истинный путь и „дать ему ту необходимую мощь и наконецъ то единственное оружіе, которыми оно будетъ вооружаться и преслѣдовать все нечистое, злое, враждебное духу добра и истины. И тогда только мы будемъ на дорогѣ къ свѣту и истинѣ, пока оди-

нокій чей нибудь голосъ не сольется съ голосомъ цѣлаго общества. Да, мы отъ души желаемъ и ждемъ переворота къ лучшему въ настоящей общественной нашей жизни: ждемъ наконецъ того времени, когда исчезнетъ это пагубное соревнованіе въ роскоши, это желаніе не отставать отъ общества, потому что такъ, говорятъ, *принято*;—горестное соревнованіе, разстроивающее благосостояніе семействъ".

Хорошо, но съ чего начинаетъ самъ авторъ?—съ того, что общество уже въ настоящее время сильно сознаетъ свои недостатки, и однако же, не отказывается отъ нихъ. Если такъ, литературные ли таланты тутъ нужны? Что они могутъ сдѣлать своими произведеніями? пробудить общественное сознаніе; но вѣдь оно уже сильно пробуждено, стало быть такъ называемыя „усилія благородныхъ умовъ" уже сдѣлали свою долю дѣла, и если дѣло еще не совершилось, то не за „усиліями благородныхъ умовъ" остановка, не отъ нихъ уже зависитъ продолженіе и совершеніе предпринятаго ими. А всетаки, вы думаете, что однихъ этихъ усилій достаточно, всетаки, ничего не желаете, кромѣ появленія „талантовъ, которые предавали бы на всеобщій позоръ" и т. д.—да это вѣдь ужь сдѣлано, и не произвело никакого измѣненія въ слабостяхъ и порокахъ: какое же основаніе вы имѣете не только „желать" (желать всего хорошаго—какъ не желать, всякій желаетъ), но и „ждать" измѣненія „къ лучшему въ нашей общественной жизни"? Развѣ жизнь въ словахъ, а не въ дѣлахъ? Инстинктивно чувствуетъ это самъ авторъ: онъ ждетъ, и чувствуетъ, что не имѣетъ основанія ждать, пока основаніемъ надеждъ служатъ только „усилія благородныхъ умовъ", то есть, „талантовъ, послѣдовавшихъ за Гоголемъ", и потому то, какъ бы думали вы, чѣмъ заключается его статья? Вотъ чѣмъ:

„Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ этого счастливаго времени, прогресса въ общественной жизни; но врядъ ли прогрессъ этотъ совершитъ скоро свой окончательный путь, и, кажется, нужно будетъ при этомъ сказать слова маршала Сильвена:

„Dormons jusqu'au bon temps,
Nous dormirons longtemps"....

Разумѣется, если прогрессъ будетъ зависѣть только отъ того „подручнаго средства", на которое вы указываете, не скоро дождешься прогресса въ общественной жизни.

Какой тутъ, въ самомъ дѣлѣ, прогрессъ, если, по мнѣнію опытныхъ людей, нельзя и не должно ничѣмъ замѣнять даже тѣлеснаго наказанія. Читатель помнитъ, что въ „Земледѣльческой Газетѣ" это дѣло было поставлено на обсужденіе, подъ именемъ „хозяйственно-административнаго вопроса", и что нѣкоторые просвѣщенные филантропы утверждали, что сельскому хозяину можно обходиться безъ помощи тѣлесныхъ наказаній. Мы думали, что такая надежда едва ли основательна; что люди съ исключительнымъ характеромъ, какъ г. Болтинъ и г. Каргопольцевъ, конечно могутъ управлять такъ, что тѣлесныя наказанія не оказываются нужными въ ихъ хозяйствѣ, но что исключеніе не есть правило, и что люди съ обыкновеннымъ характеромъ, находясь въ положеніи гг. Болтина и Каргопольцева, не могутъ найти удобнымъ слѣдовать ихъ примѣру. Это мнѣніе подтверждается (въ № 86-мъ „Земледѣльческой Газеты") словами г. П. Давыдова, корреспондента Вольнаго Экономическаго Общества.

„При опредѣленіи мѣры наказанія (говоритъ г. Давыдовъ) со стороны наказывающаго требуется полное спокойствіе духа и разсудительность. Я говорю это потому, что есть проступки, которые взволновываютъ горячіе темпераменты до нѣкоторой забывчивости. Къ числу такихъ-то проступковъ принадлежатъ грубости и грубіянство прислуги. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что не за всякую вину должно сѣчь крестьянина, и притомъ часто за одну и ту же вину двумъ разнымъ лицамъ не слѣдуетъ назначать тѣлесное наказаніе, если они имѣютъ между собою разницу въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Въ человѣкѣ, въ которомъ не вполнѣ развиты нравственныя правила и въ которомъ они не вполнѣ укоренились, управляютъ болѣе побужденія сердца, подъ вліяніемъ страстей; привлекательныя картины, въ которыхъ являются такимъ натурамъ задуманные поступки, заставляютъ ихъ забывать правила честности и другія не укоренившіяся нравственныя качества. Они въ это время похожи на дѣтей, которымъ говорятъ „стыдно, стыдно“ и которыя, не усвоивая понятія стыда, не перестаютъ упрямиться до тѣхъ поръ, пока не покажутъ малымъ буку, а большимъ розгу; розга не говоритъ стыдно, но дитя въ послѣдствіи, при словахъ стыдно, уже скорѣй понимаетъ это слово. Отъ чего же наказываютъ дѣтей? Оттого, что въ нихъ дѣйствуетъ физическая натура, а не умъ. Точно такъ же и въ человѣкѣ съ неразвитою духовною субстанціею дѣйствуетъ физическая его натура, не обуздываемая сознаніемъ разсудка, почему и слѣдуетъ противудѣйствовать этой натурѣ физически. По всѣмъ этимъ доводамъ, я какъ то смѣлѣе могу высказать мнѣніе мое, что нѣтъ надобности изобрѣтать новыя наказанія, а лучше заботиться о томъ, чтобы не впадать въ крайности: употребляя старыя наказанія, не превращать въ месть, не сѣчь того, кому слѣдуетъ буку показать, и не показывать буку тому, котораго надо высѣчь, не назначать наказанія тотчасъ по открытіи проступка, потому что самъ назначающій можетъ быть взволнованъ и впасть въ крайность, и постоянно помнить слова Спасителя: „будьте милостивы, помилованы будете“.

Мнѣніе г. П. Давыдова очень практично. Гуманность г. П. Давыдова выразилась въ томъ, что при наказаніи онъ считаетъ нужнымъ полное спокойствіе духа и разсудительность въ наказывающемъ, и осуждаетъ „забывчивость горячихъ темпераментовъ“, хотя и признаетъ, что „грубости и грубіянство прислуги“ вызываютъ на такую забывчивость. Дѣйствительно, человѣкъ, которому прислуга говоритъ грубости, очень достоинъ сожалѣнія; но странно то, что только у нѣкоторыхъ изъ насъ бываетъ такая прислуга. Въ Англіи и Франціи дѣло неслыханное, чтобы слуга былъ грубъ, онъ всегда деликатенъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда отвѣчаетъ оскорбленіемъ на оскорбленіе, но вѣдь это уже не грубость, а самозащищеніе. Мы рѣдко слышали, чтобы и у насъ люди, имѣющіе наемныхъ служителей, жаловались на ихъ грубость, — слуги ихъ иногда плутуютъ, иногда лѣнятся, иногда придерживаются чарки (слабости, свойственныя не однимъ слугамъ); но грубость рѣдкій порокъ въ наемныхъ служителяхъ, а если онъ встрѣтится, то не подаетъ господину никакого повода къ мучительному волненію, доходящему до „забывчивости“: при первомъ неучтивомъ словѣ, господинъ говоритъ: „Тебѣ, вѣроятно, не угодно у меня служить, такъ что жъ? Иди себѣ, я тебя отпускаю“. И грубостей не бываетъ. Потому надобно думать, что если какой нибудь господинъ „волнуется“ отъ „грубіянства“ своей прислуги, то напрасно онъ „волнуется“ — дѣло можно поправить безъ „забывчивости“, пусть грубіянъ слуга идетъ себѣ куда хочетъ, а баринъ пусть найметъ себѣ слугу, и навѣрное избавится отъ „грубіянства“. Это средство, повидимому, неизвѣстно г. П. Давыдову; но тѣмъ не менѣе, г. П. Давыдовъ человѣкъ очень гуманный: онъ прямо говоритъ, что „не за всякую вину должно сѣчь

крестьянина", и съ нимъ нельзя не согласиться. Напримѣръ, крестьянинъ десятью минутами опоздалъ на поле, -- вѣдь это, если хотите, ужъ вина; беременная баба сжала десятью снопами меньше другихъ, небеременныхъ бабъ, это опять неисправность, а неисправность есть вина; но г. П. Давыдовъ такъ гуманенъ, что, вѣроятно, не считаетъ приличнымъ сѣчь за такія вины. Тутъ довольно побранить и наложить лишній урокъ. Иное дѣло, если эта баба на справедливый упрекъ и „душеспасительное слово" отвѣтитъ грубо -- ну, тогда другое дѣло, тутъ хорошо ужъ и то, если не „взволнуешься до забывчивости", и съ спокойствіемъ духа исполнишь наказаніе.

Да и въ самомъ дѣлѣ, съ чего взяли эти филантропы, будто тѣлесное наказаніе не совсѣмъ похвальная административная мѣра? Что такое нашъ крестьянинъ? Это человѣкъ, въ которомъ еще „не вполнѣ развиты нравственныя чувства", - то есть въ немъ еще „неразвита духовная субстанція", потому въ немъ дѣйствуетъ не сознаніе, а „физическая натура", и стало быть очевидно, что этой натурѣ „слѣдуетъ противодѣйствовать физически" — это совершенно справедливо и очень хорошо; жаль только одного: зачѣмъ г. П. Давыдовъ думаетъ, что чувство стыда, чувство чести укрѣпляется тѣлеснымъ наказаніемъ? Въ томъ, что оно „физически противодѣйствуетъ натурѣ", никто не усомнится; но каждый, знакомый съ природою человѣка, знаетъ, что оно убиваетъ чувство чести и совѣсти, отнимая у человѣка благородную гордость человѣческимъ достоинствомъ, унижая человѣка въ собственныхъ глазахъ. Человѣкъ, такъ или иначе побитый, считаетъ свою честь утраченною, ему уже нечего терять: драгоцѣннѣйшее, что было у него, отнято у него, ему ужъ нечѣмъ больше дорожить; отъ дальнѣйшихъ проступковъ онъ удерживается уже не чувствомъ совѣстливости, какъ прежде, не опасеніемъ унизить свое человѣческое достоинство, — нѣтъ, только страхомъ физической боли, — вы сами поступили съ нимъ не какъ съ человѣкомъ, а какъ съ животнымъ, и кто же виноватъ, если онъ будетъ теперь дѣйствовать какъ звѣрь? Чувство физической боли вы дѣлаете единственною уздою для него, подумайте же, выигрываетъ ли отъ того ваше спокойствіе и общая безопасность? Вѣдь эта узда могла быть еще сколько нибудь дѣйствительна тогда, когда существовали пытки, ломаніе членовъ, отрубаніе рукъ и ногъ, выкалываніе глазъ, -это вещи дѣйствительно страшныя, но вѣдь согласитесь, теперь онѣ уже не въ нашемъ распоряженіи; вы можете пугать только „сѣченіемъ" - а это развѣ такъ страшно? Нервы ребенка не имѣютъ той крѣпости, какъ нервы взрослаго, воля ребенка боязливѣе и мягче; однакоже каждый изъ насъ очень хорошо знаетъ, какъ скоро ребенокъ, котораго воспитываютъ розгою, перестаетъ бояться розги, какъ скоро доходитъ онъ до того, что гордится упрямымъ равнодушіемъ подъ розгою, начинаетъ даже самъ съ ожесточеніемъ напрашиваться на нее, находя въ упрямомъ перенесеніи ударовъ больше удовольствія, нежели страданія. Это ребенокъ, существо робкое, слабое, а вы думаете удержать розгою закаленнаго физическими лишеніями, зноемъ и холодомъ, взрослаго мужика? — Ему эта боль шутка, онъ боится только стыда; но прикосновеніе розги убиваетъ въ немъ стыдъ, и чѣмъ вы тогда его удержите?

И о такихъ вещахъ надобно еще спорить! Говорите же о прогрессѣ!

Если эти споры прогрессъ, то прогрессъ достойный монгольскихъ степей, а не Европейской Россіи; временъ какого нибудь Тимуръ-Култука, а не XIX вѣка.

А прогрессъ всетаки есть, хотя и усомнишься въ немъ на нѣсколько минутъ, прочитавъ статейку въ родѣ написанной г. П. Давыдовымъ, хотя впадаешь на нѣсколько минутъ въ наклонность отрицать даже возможность его, прочитавъ проэкты о томъ, какіе „подручные способы“ достаточны для исправленія общественныхъ недостатковъ; о томъ, что если написано нѣсколько статей, „казнящихъ“ тотъ или другой порокъ, то и сдѣлано уже все нужное для его уничтоженія; что если общественное мнѣніе осуждаетъ извѣстные поступки, то и желать уже нечего: все пойдетъ прекрасно. Такія узкія и поверхностныя надежды отнимаютъ на время всякую увѣренность въ прогрессѣ. Думаешь: какими же силами онъ будетъ совершаться, если люди, его желающіе, считаютъ достаточными для его совершенія статейки въ журналахъ?

Но посмотрите, съ другой стороны, какъ онъ, независимо отъ воли, совершается даже тѣми людьми, которые вовсе не думаютъ о немъ, или, если думаютъ, то развѣ за тѣмъ, чтобы пріискивать средства задержать его,—и снова укрѣпляется убѣжденіе въ его неизбѣжности. Одинъ хлопочетъ объ удовлетвореніи своего корыстолюбія, другой объ удовлетвореніи своего тщеславія,—и всѣми ихъ хлопотами пользуется исторія, чтобы извлечь что нибудь доброе изъ дѣйствій, направляемыхъ вовсе не заботою о добрѣ, а просто эгоизмомъ, иногда и очень грубымъ, извлечь какую нибудь пользу даже изъ тѣхъ дѣйствій, которыя имѣли цѣлью вредъ. Напримѣръ, конечно не изъ особенной любви къ Россіи послали Людовикъ-Наполеонъ и Пальмерстонъ свои войска къ Севастополю,—напротивъ, они хотѣли нанести ей какъ можно больше вреда, — и дѣйствительно, много нанесли вреда, а теперь всѣ мы видимъ, что война принесла довольно значительную пользу Россіи. Правда, такой путь прогресса и тяжелъ и медителенъ, но чтожъ дѣлать, когда онъ всетаки самый надежный путь. Благородный мечтатель можетъ жалѣть о томъ, что почти все добро, дѣлающееся на землѣ, дѣлается непреднамѣренно, не по доброй волѣ людей, а силою обстоятельствъ; онъ можетъ мечтать о томъ, какъ несравненно больше добра произвели бы человѣческія усилія, если бы направлены были прямо къ добру, а не къ цѣлямъ пустымъ или эгоистичнымъ. Но когда находишь въ себѣ спокойствіе посмотрѣть на настоящее, какъ на историческую эпоху, а не какъ на источникъ собственныхъ надеждъ и разочарованій, тогда видишь, что и въ настоящемъ дѣйствуютъ тѣ же законы, по которымъ вѣчно совершалось движеніе впередъ; и переставая надѣяться при своей жизни дождаться исполненія хотя сотой части того, что желалъ бы видѣть исполнившимся, тѣмъ крѣпче увѣряешься, что всетаки кое-какъ и кое-что улучшается, развивается. Исторія, если хотите, разочаровываетъ человѣка, но съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлаетъ его въ извѣстномъ смыслѣ оптимистомъ. Многаго не ждешь ни отъ чего, за то отъ всего ждешь хотя немногаго. Да, будемъ оптимистами.

Это тѣмъ легче, что въ наше время главная движущая сила жизни, промышленное направленіе, все таки гораздо разумнѣе, нежели тенденціи

многихъ прошлыхъ эпохъ. Начать хотя съ того, что это стремленіе дѣльное, а не праздное; стремленіе, вовсе не имѣющее въ виду ни чьей погибели—правда, оно губитъ многихъ, но только мимоходомъ, нечаянно, а не по умыслу, какъ многія изъ прежнихъ стремленій. Если войны, дипломатическія соперничества приносили свою пользу, если даже уничтоженіе Нантскаго эдикта принесло свою пользу, какъ открывается при точномъ изслѣдованіи, какъ же не принесетъ пользы мирное и трудолюбивое промышленное направленіе нашего вѣка? Быть можетъ, инымъ изъ насъ пріятнѣе было бы господство какого нибудь болѣе возвышеннаго стремленія,—но чего нѣтъ, того нѣтъ, а изъ того, что есть, болѣе всего добра приноситъ промышленное направленіе. Изъ него выходитъ и нѣкоторое содѣйствіе просвѣщенію, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость; изъ него выходитъ и нѣкоторая забота о законности и правосудіи, потому что промышленности нужна безопасность; изъ него выходитъ и нѣкоторая забота о просторѣ для личности, потому что для промышленности нужно безпрепятственное обращеніе капиталовъ и людей. Побѣды Наполеона въ Испаніи и Германіи принесли нѣкоторую пользу этимъ странамъ, какъ же не принесутъ нѣкоторой пользы побѣды фабрикантовъ и инженеровъ, купцовъ и технологовъ?

Когда развивается промышленность, прогрессъ обезпеченъ. Съ этой точки, мы преимущественно и радуемся усиленію промышленнаго движенія у насъ. Съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ намъ приходится записывать новые факты этого возрастанія. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее время объемъ нашего пароходства опять расширился разрѣшеніемъ гвардіи капитану г. Львову учредить буксирное и пассажирское пароходство по рѣкѣ Москвѣ, отъ города Москвы до впаденія рѣки въ Оку, по Окѣ отъ Орла и по Волгѣ отъ Твери до Симбирска и до Нижняго Новгорода. Пароходы будутъ съ очень малою осадкою, чтобы мелководіе не задерживало ихъ: волжскіе и окскіе будутъ сидѣть въ водѣ только на 10 вершковъ, а москворѣцкіе только на 8 вершковъ.

10-го октября открыта была въ Кіевѣ выставка сельскихъ произведеній, на которой, по словамъ г. Ходецкаго (въ статьѣ Кіевскихъ губернскихъ Вѣдомостей), находилось до 1,500 предметовъ, и особеннымъ богатствомъ отличалось отдѣленіе земледѣлія. Интересъ выставки возвышается тѣмъ, что большая часть экспонентовъ—государственные крестьяне, которые представили много замѣчательныхъ продуктовъ своихъ маленькихъ хозяйствъ. Нѣсколько раньше, 1 сентября, открыта была въ селѣ Великомъ (Ярославской губерніи, Ярославскаго уѣзда) выставка льняныхъ произведеній, на которой число нумеровъ представленныхъ издѣлій простиралось до 165. Большинство экспонентовъ были крестьяне села Великаго.

Кромѣ этихъ двухъ промышленныхъ извѣстій, изъ провинціальныхъ новостей заслуживаетъ вниманія открытіе женскаго училища въ Костромѣ.

— Долго не умѣли мы цѣнить заслуги людей, бывшихъ просвѣтителями нашего общества, по крайней мѣрѣ не умѣли ни чѣмъ выразить, что мы цѣнили ихъ заслуги. Едва ли не первый примѣръ того, что миновалось это время темной забывчивости или холоднаго равнодушія, предста-

вляетъ учрежденіе стипендіи въ память Грановскаго. Товарищи и ученики покойнаго собрали на учрежденіе этой стипендіи 7.010 р. сер., и 27-го августа проэктъ устава стипендіи удостоился Высочайшаго утвержденія. Она учреждается при Московскомъ Университетѣ и дается по выбору Историко-филологическаго факультета молодому человѣку, кончившему курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ и желающему держать экзаменъ на высшую ученую степень при Московскомъ Университетѣ по историко-филологическому факультету, — дѣйствительному студенту, изъявившему желаніе держать экзаменъ на степень кандидата, кандидату, изъявившему желаніе держать экзаменъ на степень магистра, или магистру, изъявившему желаніе держать экзаменъ на степень доктора. Стипендія дается на два года. Такъ какъ позволяются дальнѣйшія пожертвованія на усиленіе стипендіи, то, когда сумма процентовъ съ пожертвованнаго капитала будетъ превосходить 300 р., отъ факультета будетъ зависѣть, назначить ли ее одному или раздѣлить двумъ лицамъ.

Память Грановскаго почтена достойнымъ образомъ. Теперь было бы время вспомнить о долгѣ нашемъ къ другимъ, о которыхъ каждый изъ насъ вспоминаетъ съ тѣмъ же чувствомъ признательности, какъ о Грановскомъ его многочисленные воспитанники. Пушкинъ, Бѣлинскій, Гоголь еще ждутъ того, чѣмъ справедливо почтенъ Грановскій: публичнаго выраженія памяти нашей о ихъ заслугахъ дѣлу русскаго развитія.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По обычаю, недавно возобновленному въ нашей литературѣ, съ приближеніемъ Новаго года основываются новые журналы. Изъ нихъ одинъ долженъ обратить на себя особенное вниманіе публики, долженъ быть встрѣченъ съ особеннымъ сочувствіемъ, потому что безъ всякаго сомнѣнія составитъ важное пріобрѣтеніе для дѣла нашего просвѣщенія. Читатель, конечно, угадываетъ, что мы говоримъ объ „Атенеѣ“. Предсказывать ему такую прекрасную роль мы имѣемъ много основаній. Еще ни одинъ изъ нашихъ новыхъ журналовъ при своемъ возникновеніи не опредѣлялъ такъ ясно и точно цѣли, для осуществленія которой онъ появляется, и ни одинъ не говоритъ такъ благородно и скромно о средствахъ, которыми располагаетъ, о достоинствахъ, которыя надѣется имѣть; съ тѣмъ вмѣстѣ, рѣдко когда средства бывали такъ обширны, рѣдко когда цѣль избиралась такъ удачно. Уже однихъ этихъ качествъ было бы достаточно, для пробужденія увѣренности въ томъ, что новый журналъ будетъ отличаться высокими достоинствами. Для удовлетворенія какимъ потребностямъ какого именно круга читателей будетъ служить журналъ,—это обыкновенно проясялось для самой редакціи вновь основываемаго журнала только уже въ продолженіе изданія, обыкновенно только вслѣдствіе случайнаго накопленія статей извѣстнаго рода и указаній со стороны читателей: мы помнимъ, какъ иногда журналъ, положимъ и прекрасный, бывалъ совершенно безхарактернымъ при своемъ началѣ, и только благодаря появленію двухъ трехъ сотрудниковъ, которые почти безъ вѣдома, во всякомъ случаѣ, безъ заботъ со стороны редактора оживили его изданіе, принималъ опредѣленный характеръ, склонялся къ извѣстному направленію, положимъ и прекрасному, но приданному извнѣ, первоначально чуждому соображеній редактора. „Атеней“ будетъ не таковъ. Интересомъ своихъ стремленій онъ будетъ обязанъ не случаю, а сознательной заботливости своей редакціи: изъ его программы уже видно, что съ перваго же нумера онъ пойдетъ твердымъ, вѣрнымъ шагомъ по пути, зрѣло обдуманному.

Это важное достоинство, которымъ обладаютъ очень немногіе даже изъ журналовъ, успѣвшихъ занять первыя мѣста въ нашей литературѣ. Каждый видитъ, что „Атеней“ будетъ имѣть его въ замѣчательной степени, но самъ „Атеней“ не выставляетъ его,—онъ очень умѣренъ, — по мнѣнію нѣкоторыхъ—слишкомъ умѣренъ въ своихъ обѣщаніяхъ, но это служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ замѣчательныхъ достоинствъ, которыми будетъ отли-

чаться онъ. Умѣренность въ обѣщаніяхъ—лучшее ручательство внутренней силы, самоуваженія и уваженія къ публикѣ. Въ одномъ только случаѣ извѣщеніе объ изданіи „Атенея“, чуждое всякаго стремленія къ произведенію внѣшняго эффекта, представляется и по наружности блистательнымъ. — это въ спискѣ литераторовъ, сочувствіе и содѣйствіе которыхъ пріобрѣтено журналомъ. Бывали иногда представляемы списки сотрудниковъ, гораздо болѣе длинные, но едва ли когда редакція русскаго журнала имѣла при самомъ началѣ изданія такое число такихъ замѣчательныхъ людей соучастниками своихъ трудовъ, едва ли когда какая редакція имѣла такой избранный кругъ сподвижниковъ. Легко набрать полтораста, если угодно триста именъ, иные такъ и дѣлали,—но въ этой многочисленной толпѣ, изъ десяти именъ девять всегда, бывало, возбуждали въ читателѣ съ самостоятельнымъ мнѣніемъ только недоумѣніе, по какому счастію могутъ быть они полезны для достоинства журнала. Въ „Атенеѣ“ не то, онъ насчитываетъ всего около тридцати именъ, за то въ этомъ ряду мы находимъ почти исключительно такихъ людей, какъ гг. Анненковъ, Бабстъ, Безобразовъ, Буслаевъ, Галаховъ, О. Дмитріевъ, Ешевскій, Забѣлинъ, Кавелинъ, Качеповскій, Кетчеръ, В. Коршъ, Лонгиновъ, Н. Павловъ, Соловьевъ, Тихонравовъ, Чичеринъ, Щедринъ,— посредственность не найдетъ себѣ мѣста въ „Атенеѣ“: каждый изъ его сотрудниковъ хорошо извѣстенъ, какъ одинъ изъ первыхъ людей въ нашей литературѣ; это общество замѣчательныхъ писателей собралось вокругъ г. Е. Корша, и дѣйствительно, г. Е. Коршъ могъ быть умѣреннымъ въ обѣщаніяхъ, потому что безъ всякихъ обѣщаній читателю очевидно, какихъ прекрасныхъ достоинствъ надобно ожидать отъ „Атенея“.

Все это чувствуется каждымъ прочитавшимъ извѣщеніе объ основаніи „Атенея“. Но люди, близкіе къ литературному міру, знаютъ многое другое, еще болѣе подтверждающее ихъ увѣренность въ достоинствахъ новаго журнала. Мы не думаемъ, что нарушимъ принятые обычаи, если выскажемъ здѣсь нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, до сихъ поръ остававшихся неизвѣстными для большинства читателей, далекихъ отъ личнаго соприкосновенія съ дѣятелями литературы. Е. О. Коршъ пользуется въ публикѣ почетною извѣстностью, какъ бывшій редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя при немъ сдѣлались лучшею изъ нашихъ газетъ, не смотря на то, что средства, предоставленныя ему для веденія этого изданія, были незначительны въ сравненіи съ средствами, которыми располагали другія газеты, — не смотря на то, что онъ долженъ былъ бороться со множествомъ затрудненій, отъ которыхъ избавлены были другіе редакторы, стоявшіе въ положеніи, болѣе независимомъ отъ посторонннихъ вмѣшательствъ, препятствующихъ улучшеніямъ. Но не однѣ „Московскія Вѣдомости“ обязаны ему большею частью своего успѣха. Литераторамъ хорошо извѣстно, до какой степени его участіе содѣйствовало заслуженному успѣху многихъ другихъ періодическихъ изданій. „Библіотека для Чтенія“ въ лучшіе свои годы отъ него пріобрѣтала значительную часть своихъ истинныхъ достоинствъ, между тѣмъ, какъ недостатки ея вносились въ нее противъ его воли, и по возможности уменьшались его противодѣйствіемъ. „Современникъ“ долженъ быть признателенъ къ его высоко полезному участію, и пользуется настоящимъ

случаемъ, чтобы публично выразить ему свою благодарность. „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ былъ нѣсколько лѣтъ веденъ имъ. Оставивъ эту должность для участія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, Е. Ѳ. Коршъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, принесъ много пользы не только этому журналу, но и оживленію всей русской литературы въ послѣдніе два года. Мы не считаемъ удобнымъ излагать свое мнѣніе о ходѣ дѣлъ, принадлежащихъ еще столь недавнему времени, но должны сказать, что Е. Ѳ. Коршъ, какъ одинъ изъ соучастниковъ редакціи „Русскаго Вѣстника“, оказалъ русской литературѣ важныя услуги, и усилія его въ это время не будутъ забыты исторіею нашей журналистики. Словомъ, если для каждаго читателя имя Е. Ѳ. Корша служитъ вѣрнымъ ручательствомъ въ достоинствахъ предпринимаемаго имъ журнала, то у людей, обращающихся между писателями, эта увѣренность еще гораздо сильнѣе, нежели въ массѣ публики, не столь близко знакомой съ подробностями литературныхъ дѣлъ.

Отъ личныхъ качествъ редактора обращаясь къ характеру участія, принимаемаго въ его журналѣ тѣмъ избраннымъ кругомъ сотрудниковъ, о которомъ говорили мы выше, мы находимъ возможнымъ указать читателямъ одинъ очень важный фактъ. Извѣстно, какими хлопотами со стороны редакціи основывающагося журнала, иногда пріобрѣтается сотрудничество писателей, которыми дорожатъ журналы, — тутъ не бываетъ недостатка въ просьбахъ, въ убѣжденіяхъ, иногда въ заискиваніяхъ. Ничего подобнаго не было при основаніи „Атенея“: каждый сотрудникъ только потому участвуетъ въ этомъ изданіи, что самъ нашелъ честью или долгомъ для себя содѣйствовать своими трудами редактору, котораго уважаетъ, и журналу, цѣли и направленію котораго вполнѣ сочувствуетъ. „Атеней“ принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ журналовъ, основаніе которыхъ было слѣдствіемъ не личныхъ соображеній одного издателя, а потребностью многихъ лучшихъ людей въ нашей литературѣ, горячо преданныхъ новому органу ихъ идей, предмету ихъ глубокихъ симпатій. Нѣтъ надобности говорить, какая разница между сотрудничествомъ, выпрошеннымъ или навязаннымъ и сотрудничествомъ, возникающимъ изъ живаго сочувствія къ общему дѣлу. Надобно сказать только одно: именно самые извѣстные и самые талантливые между сотрудниками „Атенея“ съ наибольшимъ жаромъ преданы ему. Мы не считаемъ себя въ правѣ указывать ихъ, чтобы не оскорбить скромности ихъ и редактора, да это и не нужно: ихъ угадаетъ самъ читатель. Пусть только онъ выберетъ изъ именъ, перечисленныхъ нами выше, тѣ, которымъ наиболѣе сочувствуетъ лучшая часть публики, и онъ безъ ошибки узнаетъ самыхъ дѣятельныхъ и ревностныхъ между сподвижниками Е. Ѳ. Корша.

Въ одно время съ „Атенеемъ“ основывается въ Москвѣ другое предпріятіе, также заслуживающее всѣхъ добрыхъ желаній успѣха и процвѣтанія, также имѣющее несомнѣнную вѣроятность успѣха и процвѣтанія. Въ послѣднихъ числахъ ноября открытъ въ Москвѣ книжный магазинъ Н. М. Щепкина и Комп.

Кстати о матеріальныхъ отношеніяхъ нашей литературы. Въ ноябрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ напечатана превосходная статья: „Нѣсколько предложеній по устройству русскаго литературнаго фонда для

пособія нуждающимся лицамъ ученаго и литературнаго круга". Мы рекомендуемъ вниманію читателя эти мысли, и желали бы, чтобы онѣ скорѣе приведены были въ исполненіе. Авторъ, скрывшій свое имя подъ буквою N.. начинаетъ скромнымъ увѣреніемъ, что его статья только представляетъ „результатъ и сводъ всего, что говорилось и говорится при немъ по поводу „дѣла, которое, какъ ему кажется, должно имѣть самое благотворное вліяніе на судьбы русской литературы" и которое „въ исходѣ прошлаго и началѣ настоящаго года было предметомъ многихъ разсужденій въ литературныхъ и нелитературныхъ кругахъ"; что этою статьею онъ „только ставитъ вопросъ предъ глаза людей, болѣе свѣдущихъ", и излагаетъ лишь одни бѣглыя и, такъ сказать, „черновыя предположенія объ устройствѣ русскаго „Литературнаго Фонда", доходы котораго, подъ наблюденіемъ небольшаго числа „лицъ, особенно сочувствующихъ интересамъ родной словесности, распредѣлялись бы между писателями, отъ болѣзни, старости и другихъ подобныхъ „причинъ нуждающимися въ постоянномъ или временномъ пособіи". Мы должны прибавить, что авторъ былъ и остается самымъ ревностнымъ распространителемъ благородной идеи, развитію которой посвящена его статья.

„Литературный Фондъ" существуетъ въ Англіи подъ управленіемъ такихъ людей, какъ Диккенсъ, Тэккерей, Маколей; онъ располагаетъ очень значительными средствами и каждый годъ облегчаетъ участь многихъ достойныхъ ученыхъ и литераторовъ, подвергшихся тяжелымъ случайностямъ судьбы. Авторъ предлагаетъ способы устроить и у насъ нѣчто подобное, и дѣлаетъ приблизительную оцѣнку доходовъ, на которые могло бы надѣяться такое учрежденіе въ Россіи. Способы эти, кромѣ единовременныхъ добровольныхъ пожертвованій, изъ которыхъ составился бы основной неприкосновенный капиталъ: добровольная уступка извѣстной части доходовъ, доставляемыхъ литературными предпріятіями писателямъ и издателямъ, публичныя чтенія, изданіе сборниковъ изъ статей, отдаваемыхъ „Литературному Фонду" для этой цѣли, и т. д. Характеръ всѣхъ этихъ пожертвованій и услугъ долженъ быть непремѣнно вполнѣ добровольный; пусть только общественное мнѣніе и собственное сознаніе каждаго писателя о его обязанности побуждаютъ къ этому содѣйствію осуществленію доброй цѣли. Это такъ, иначе и быть не должно.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что еслибы мысль основать литературный фондъ была принята, почти не нашлось бы между писателями и журналистами людей, которые уклонились бы отъ добровольнаго участія въ такомъ благородномъ дѣлѣ, и мы думаемъ, что ихъ собственное желаніе доставило бы „Литературному Фонду" средства гораздо болѣе значительныя, нежели на какія разсчитываетъ авторъ, который хочетъ ограничиться самыми умѣреннѣйшими надеждами. Возьмемъ одинъ только изъ указываемыхъ имъ источниковъ — нашу журналистику. Авторъ говоритъ, что издатели журналовъ и газетъ, и писатели, участвующіе въ періодическихъ изданіяхъ, могутъ быть приглашены „Литературнымъ Фондомъ" только къ такимъ пожертвованіямъ, которыя были бы для нихъ ни мало не обременительны, почти не чувствительны. Уступка „Литературному Фонду" издателями по полу-проценту съ рубля подписной суммы, а писателями по одному проценту

съ гонорарія, кажется намъ крайнимъ предѣломъ умѣренности, кажется пожертвованіемъ совершенно нечувствительнымъ. Между тѣмъ, это одно уже доставитъ нѣсколько тысячъ рублей. Общій оборотъ суммъ, пускаемыхъ въ оборотъ подпискою на литературные журналы и газеты (спеціальныхъ періодическихъ изданій мы не считаемъ), простирается во всякомъ случаѣ не менѣе, какъ до 600,000 руб.—по всей вѣроятности, цифра эта значительно больше. Полупроцентъ съ этого количества подписныхъ денегъ дастъ 3,000 руб. Изъ 600,000 руб., поступающихъ въ конторы періодическихъ изданій, около одной четвертой части получается писателями, какъ гонорарій за статьи— одинъ процентъ съ этихъ 150,000 руб. доставитъ 1,500. Вотъ уже 4,500 р. отъ одной отрасли литературы. Изданіемъ отдѣльныхъ книгъ пускается въ оборотъ сумма, едва ли меньшая, нежели періодическими изданіями. Если только третья часть издателей и писателей будетъ участвовать въ дѣлѣ „Литературнаго Фонда", по примѣру издателей и сотрудниковъ періодическихъ изданій, вотъ еще 1,500 руб.,—всего 6,000 руб. ежегодно отъ одного только изъ источниковъ, указываемыхъ авторомъ статьи. Нѣкоторыя типографіи, нѣкоторыя бумажныя фабрики, вѣроятно, согласятся на уступку полупроцента изъ платы, получаемой отъ періодическихъ изданій, — итогъ увеличивается; но не будемъ считать этого увеличенія, потому что оно только предположеніе, для своего осуществленія нуждающееся въ особенныхъ хлопотахъ со стороны издателей. Затѣмъ остаются еще публичныя лекціи и изданія въ пользу литературнаго фонда,—о послѣднихъ не будемъ говорить, потому что они опять требуютъ особенныхъ хлопотъ (за то, при надлежащемъ устройствѣ дѣла, этотъ источникъ можетъ сдѣлаться чрезвычайно обильнымъ).—скажемъ только, что публичныя чтенія въ однѣхъ только столицахъ должны приносить несравненно болѣе, нежели надѣется авторъ: можно поручиться, что едва ли кто изъ людей, способныхъ привлечь публику своимъ чтеніемъ, откажется отъ этого дѣла, которое слѣдуетъ назвать скорѣе наслажденіемъ для читающаго, нежели пожертвованіемъ.—по 2,000 р. въ Петербургѣ и въ Москвѣ за всю зиму — это слишкомъ малая оцѣнка суммы, которую должны принести публичныя чтенія. Вотъ набралось уже 10,000 руб. сер. въ годъ,—на эти деньги можно дѣйствительно помочь многимъ людямъ. А мы еще не считали ни спектаклей, ни процентовъ съ единовременныхъ пожертвованій,—не хотѣли принять въ счетъ даже изданій „Литературнаго Фонда", отъ этихъ и многихъ другихъ источниковъ, которые отыщутся по указанію обстоятельствъ, средства „Литературнаго Фонда" легко возвысятся далеко за предѣлы суммы, выставленной здѣсь. Словомъ сказать, если только учредится „Литературный Фондъ", онъ безъ сомнѣнія будетъ имѣть способы ежегодно помогать не одному десятку дѣятелей науки и литературы, и мысль о его учрежденіи, какъ видимъ, дѣйствительно стоитъ того, чтобы позаботиться объ ея осуществленіи. Неужели же и эта мысль, подобно столькимъ другимъ прекраснымъ мыслямъ, высказывавшимся въ послѣднее время, вызоветъ только устныя и печатныя похвалы себѣ, а не вызоветъ дѣла? А между тѣмъ, осуществиться ей, повидимому, такъ легко. Стоитъ нѣсколькимъ изъ людей, занимающихъ важнѣйшія мѣста въ нашей литературѣ, рѣшиться на учрежденіе „Литератур-

наго Фонда", и сила примѣра, поддерживаемаго общественнымъ мнѣніемъ, привлечетъ всѣхъ къ участію въ этомъ учрежденіи. Укажемъ прямо на первый шагъ, нужный для его исполненія: пусть редакціи журналовъ выразятъ свою готовность участвовать въ немъ. Затѣмъ, нужно будетъ только испросить разрѣшеніе правительства. Основаніе „Литературнаго Фонда" имѣло бы своимъ добрымъ послѣдствіемъ не одно то дѣло, къ исполненію котораго онъ прямо назначается: авторъ статьи въ „Библіотекѣ для Чтенія" прекрасно объясняетъ то благотворное вліяніе, которое „Литературный Фондъ" имѣлъ бы на сближеніе между всѣми органами и дѣятелями науки и литературы: мы желали бы, чтобы столь же справедливо было его мнѣніе о томъ, что въ настоящихъ отношеніяхъ между ними нѣтъ никакихъ препятствій къ соединенію для общаго добраго дѣла. Но если и существуютъ какія нибудь угловатости, нѣтъ сомнѣнія, что онѣ скоро сгладились бы, когда явилась бы возможность союзной дѣятельности, какъ это мы видимъ во всѣхъ литературахъ Европы, гдѣ даже различіе въ направленіяхъ, не говоря уже о личныхъ чувствахъ другъ къ другу, ни мало не мѣшаетъ соединенію всѣхъ литераторовъ въ одно цѣлое, какъ скоро то нужно для достиженія цѣлей, полезныхъ всей литературѣ:

„Англійскій литературный міръ гордится своимъ Фондомъ и имѣетъ право имъ гордиться. Это учрежденіе, поощряемое правительствомъ и всѣми государственными людьми, кромѣ цѣлей благотворительныхъ и христіанскихъ, имѣетъ еще одно великое значеніе. Оно служитъ центромъ единодушной дѣятельности для людей, разрозненныхъ убѣжденіями и интересами, но служащихъ одному великому дѣлу просвѣщенія, при которомъ всѣ несогласія забываются. Оно связуетъ, и благородно связуетъ всѣхъ передовыхъ людей Англіи, безпрерывно напоминаетъ имъ о чемъ-то высшемъ всѣхъ мірскихъ соображеній. Подъ его вліяніемъ, вигъ сходится съ торіемъ, радикалъ подастъ руку президенту Верхней Палаты, государственный человѣкъ выслушиваетъ мнѣніе бѣднаго чердачнаго поэта и вмѣстѣ съ нимъ обдумываетъ, какъ бы обезпечить участь другаго поэта, еще бѣднѣйшаго. Нерѣдко, при недостаткѣ средствъ, сильные члены комитета входятъ съ представленіемъ къ министрамъ и даютъ мѣста честнымъ труженикамъ, нуждающимся въ работѣ; нерѣдко королева и члены ея фамиліи, по ходатайству лицъ, къ нимъ приближенныхъ, ассигнуютъ суммы на какое нибудь полезное литературное предпріятіе, на пособіе вдовамъ и семьямъ инвалидовъ науки. Въ засѣданіяхъ комитета о фондѣ, на лекціяхъ и представленіяхъ въ его пользу, всѣ друзья просвѣщенія сходятся въ одну дружественную массу. Здѣсь Бульверъ сидитъ подлѣ своего гонителя и насмѣшника Теккерея, д'Израэли бесѣдуетъ съ лордомъ Росселемъ, Карлейль сходится съ Пальмерстономъ, поэтъ Теннисонъ—съ историкомъ Маколеемъ. По нѣскольку разъ въ годъ, люди, совершенно отдѣльные другъ отъ друга, радушно соединяются на одну христіанскую цѣль, и короткія эти сближенія живутъ въ памяти у каждаго до новой сходки, до новыхъ совѣщаній по поводу общаго дѣла.

„Давно уже сказано: перенимать все хорошее не стыдно, даже у самого непріятеля. Мысль объ учрежденіи Литературнаго Фонда взята у англичанъ; но не слѣдуетъ думать, чтобы люди, нынѣ занимающіеся этой мыслью у насъ въ Россіи, имѣли намѣреніе слѣпо подражать англичанамъ. Различія между нашимъ и англійскимъ обществомъ обусловливаютъ собою необходимыя различія въ самомъ учрежденіи. Съ одной стороны, наше общество не такъ богато и не такъ тѣсно слито съ литературными интересами, чтобы отъ него можно было требовать слишкомъ большихъ пожертвованій на нуждающихся писателей: съ другой, нашъ ученo-литературно-артистическій кругъ менѣе нуждается въ матеріальныхъ пособіяхъ, нежели тотъ же кругъ въ Англіи. У насъ, благодареніе Богу, почти нѣтъ литературныхъ пролетаріевъ, даровитыхъ людей, умирающихъ съ голоду, сильныхъ талантовъ, кончающихъ жизнь, какъ Отвай или Севеджъ,

отъ нужды и общей холодности. Огромная часть нашихъ ученыхъ и писателей обезпечена и пособіями правительства, и службой, и платой за трудъ, почти ежегодно возвышающейся, и собственнымъ своимъ достаткомъ. Въ Англіи—журналисты и издатели книгъ ухаживаютъ лишь за первоклассными дѣятелями науки и словесности; у насъ всякій писатель, едва перевысившій уровень посредственности, надолго можетъ считать свой талантъ хорошимъ капиталомъ. Въ Лондонѣ, сотрудникъ изданія, и сотрудникъ самый полезный, боится отлучиться изъ столицы, чтобъ редакція не замѣнила его другимъ сотрудникомъ, еще болѣе талантливымъ; у насъ, какъ еще недавно сказалъ кто-то, періодическихъ изданій болѣе, чѣмъ сотрудниковъ. Послѣ всего, сейчасъ сказаннаго, легко понять, что литературный фондъ въ Россіи для своего учрежденія не требуетъ ни тѣхъ пожертвованій, ни тѣхъ усилій, съ какимъ сопряжено его существованіе въ Англіи. Для пособія небольшому числу лицъ учено-литературнаго круга, нуждающихся въ поддержкѣ и помощи, намъ не нужны ни огромные капиталы, ни многочисленные комитеты для надзора за капиталомъ и распредѣленія пособій. Мы можемъ обойтись безъ театральныхъ представленій и митинговъ въ раззолоченныхъ залахъ, безъ всей клубной роскоши при собраніи членовъ комитета, безъ обременительной переписки, безъ непрестаннаго изысканія средствъ къ новымъ доходамъ Фонда. Намъ не для чего набиваться къ капиталистамъ, дѣлать парадные обѣды для всѣхъ участниковъ предпріятія, говорить рѣчи на этихъ обѣдахъ и такъ далѣе. Русскій Литературный Фондъ можетъ быть основанъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, пятью или десятью человѣками достаточнаго состоянія, съ постояннымъ пособіемъ всѣхъ ученыхъ и литераторовъ, нынѣ проживающихъ въ Россіи. Изъ числа главныхъ вкладчиковъ и писателей, особенно сочувствующихъ дѣлу, должны быть выбраны шесть или восемь человѣкъ, распорядителей Фонда, которые собирались бы два или три раза въ годъ, для повѣрки суммъ, распредѣленія пособій и изысканія новыхъ источниковъ дохода. Для ихъ совѣщаній не требуется никакой торжественности—торжественностью не прельстишь русскаго человѣка; да и распорядители, о которыхъ говорится, не имѣютъ надобности прельщать кого бы то ни было. Ни народныхъ сходокъ, ни величавыхъ рѣчей во всемъ дѣлѣ не требуется, тѣмъ болѣе не требуется, что пособія изъ доходовъ Фонда должны производиться, по русскому обычаю, тихо и дружественно, безъ обиднаго высокомѣрія, безъ формальностей, такъ тягостныхъ для человѣка, нуждающагося въ помощи. Чѣмъ болѣе такія пособія будутъ имѣть характеръ простой и, такъ сказать, *товарищескій*, тѣмъ благотворнѣе окажется ихъ значеніе, тѣмъ менѣе хлопотъ потребуютъ они для ихъ выполненія.

„Для осуществленія идеи о литературномъ фондѣ и пособіяхъ, изъ него проистекающихъ, мы не имѣемъ препятствія ни въ духѣ партій, ни въ разъединеніи между людьми, сочувствующими дѣлу просвѣщенія. Въ Россіи нѣтъ ни виговъ, ни торіевъ, между русскими литераторами не существуетъ никакихъ преградъ къ дружному дѣйствію на общую пользу: мало того, огромная и самая даровитая ихъ часть тѣсно связана между собою и годами труда, и одинаковымъ стремленіемъ къ доброй цѣли. Есть у насъ круги, особенно тѣсно слившіеся вслѣдствіе однородныхъ взглядовъ, жизни въ одномъ городѣ, общаго труда въ одномъ и томъ же изданіи; но эти круги въ сущности нисколько не враждебны другимъ кругамъ литературнаго русскаго міра. Лучшее доказательство всего, нами сейчасъ сказаннаго, находимъ мы хотя бы въ русской журналистикѣ, которая въ настоящее время сосредоточиваетъ въ себѣ всю литературу. Всѣ главные органы нашей журналистики ведутся съ одинаковымъ чувствомъ достоинства, всѣ чужды духа исключительности или дерзкой нетерпимости, и это чувство приличія такъ сильно съ нѣкотораго времени, что малѣйшее отъ него отклоненіе, малѣйшая журнальная побранка, поднятая изъ корыстныхъ цѣлей, всюду встрѣчается съ негодованіемъ, мало того, съ презрѣніемъ. Въ мелкихъ или отсталыхъ изданіяхъ иногда встрѣчается противное, но какой авторитетъ, какой кредитъ имѣютъ въ нашей литературѣ изданія подобнаго рода? Мало того, духъ дружелюбія и согласія—такъ необходимый русскимъ просвѣщеннымъ людямъ—начинаетъ проникать въ круги самыхъ незначительныхъ тружениковъ, оказываться во всемъ направленіи ихъ дѣятельности, во всей сущности ихъ взглядовъ. Повторяемъ еще разъ, русская современная литера-

тура находится въ самомъ счастливомъ положеніи относительно того предпріятія, о которомъ мы теперь бесѣдуемъ съ читателемъ".

Дай Богъ, чтобы это было такъ. Но во всякомъ случаѣ, мелкія личныя несогласія должны быть отброшены въ сторону, когда представляется возможность соединиться для дѣла, которое принесетъ пользу не однимъ нуждающимся литераторамъ, но и можетъ возвысить положеніе всей литературы, выказавъ ея дѣятелей съ безукоризненно благородной стороны передъ глазами многочисленныхъ хулителей литературы и всѣхъ ея сподвижниковъ, давъ этимъ столь много оскорбляемымъ людямъ хотя какую нибудь опору для дружнаго противодѣйствія нападеніямъ, равно вредящимъ каждому изъ насъ. Напрасно мы стали бы успокоивать себя надеждою, что въ самомъ дѣлѣ всѣ думаютъ о русскихъ литераторахъ такъ, какъ справедливо думаетъ о нихъ авторъ статьи, изъ которой мы дѣлаемъ выписки,—доказывая, что комитетъ, который бы распоряжался суммами „Литературнаго Фонда", легко составитъ изъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія, онъ говоритъ:

„Въ свѣтѣ самомъ изящномъ мы безпрестанно видимъ людей, о нравственности которыхъ никто не можетъ сдѣлать вѣрнаго заключенія: такъ неясна репутація этихъ людей, такъ изобилуютъ противорѣчіями самые безпристрастные о нихъ отзывы. И въ большихъ городахъ, и въ отдаленныхъ уѣздахъ Россіи, мы безъ удивленія видимъ хорошихъ людей, сжившихся и ужившихся съ людьми нравственно безобразными, видимъ благородныя личности, противъ которыхъ идетъ общій отзывъ, и особъ порочнаго свойства, пользующихся ото всѣхъ непритворнымъ уваженіемъ. Въ кругахъ, составляющихъ настоящее литературное общество Петербурга и Москвы, не встрѣтимъ мы ничего, подобнаго. По гласности, которая неразлучна съ положеніемъ извѣстнаго писателя, по участію, которое принимаютъ въ его личности люди проницательнаго ума и тонкаго развитія, этотъ писатель постоянно подвергается общему суду своего круга, и укрыться отъ такого суда онъ не въ состояніи. Онъ поневолѣ напоминаетъ римлянина, желавшаго жить въ стеклянномъ домѣ, съ той только разницей, что онъ можетъ быть и не желаетъ, но *обязанъ* жить въ такомъ домѣ, благодаря своей извѣстности. Жизнь подобнаго рода не всегда легка, и многіе люди ея не выдерживаютъ, но за то писатель, ее выдержавшій съ честью, выдержитъ какой угодно судъ, какое угодно искушеніе. Кругъ его товарищей можетъ мѣнять свое мнѣніе о литературномъ его значеніи; но мнѣніе, составленное о немъ какъ о человѣкѣ, не измѣнится до той поры, пока онъ самъ не дастъ къ тому повода. Общій судъ нашихъ лучшихъ учено-артистическихъ круговъ (мы не говоримъ о кругахъ подземныхъ и всѣми признаваемыхъ такими) строгъ, взыскателенъ, но справедливъ какъ нельзя болѣе. Всѣ дѣйствія лица, ему подлежащаго, дѣйствія самыя сокровенныя, давно извѣстны, обсужены и сведены къ одному знаменателю. Кого этотъ судъ призналъ дурнымъ человѣкомъ, тотъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ нехорошій: кого онъ призналъ шаткимъ и ненадежнымъ, тотъ ненадеженъ въ самомъ дѣлѣ, хотя бы десятки свѣтскихъ круговъ приходили въ восторгъ отъ его достоинствъ. Кого призналъ онъ за честнаго и правдиваго человѣка, тотъ ужъ не обманетъ ничьей довѣренности, и всегда будетъ истиннымъ рыцаремъ во всѣхъ дѣлахъ своей жизни. Такихъ-то людей великой честности и долженъ держаться распорядительный комитетъ Литературнаго Фонда, имъ совѣтомъ и содѣйствіемъ должны дорожить учредители предпріятія. Безъ всякаго преувеличенія мы можемъ сказать, что подобныхъ лицъ не трудно отыскать въ литературномъ кругѣ обѣихъ столицъ, стоитъ только прислушаться къ общему суду литераторовъ и затѣмъ вѣрриться ему съ полной готовностью".

Довѣріемъ должны пользоваться писатели, которыхъ уважаетъ публика, имѣющая полную возможность хорошо знать, каковы мысли и правила этихъ

людей —что можетъ быть очевиднѣе этой простой истины, а между тѣмъ, какъ часто встрѣчаешь людей, никакъ не желающихъ допустить, что писатели имѣютъ право на довѣріе, если внушаютъ его тысячамъ и десяткамъ тысячъ образованнѣйшихъ и проницательнѣйшихъ людей. И сколько хорошаго было бы сдѣлано очень легко, сколько зла было бы предотвращено, если бы эта истина не отвергалась по такому странному предубѣжденію. Но есть люди, которые готовы довѣрять кому угодно, только не человѣку, заслужившему уваженіе и довѣріе всѣхъ порядочныхъ людей въ своемъ отечествѣ. Удивительно сложились понятія нѣкоторыхъ людей: они воображаютъ въ своемъ простодушіи, что если земля до сихъ поръ еще не перевернулась вверхъ дномъ, такъ единственно благодаря тому, что они не вѣрятъ въ писателѣ ни прямодушію, ни желанію добра, ни знанію средствъ къ достиженію добра. Бѣдные, они вѣчно воображаютъ себя въ страшной опасности; они думаютъ, что мысль, просвѣщеніе непремѣнно должны быть враждебны имъ! Впрочемъ нельзя и претендовать на нихъ за такую странную ошибку: человѣкъ натурально предполагаетъ, что тотъ, кого онъ не любитъ, тому старается вредить, и самъ платитъ ему за вражду враждою. Бѣдные, гдѣ жъ имъ, при ихъ неразвитости, понять, что просвѣщеніе стремится къ цѣлямъ гораздо высшимъ, нежели вопросы о личностяхъ; что оно стремится принесть добро равно и врагамъ, какъ друзьямъ своимъ, что писатель говоритъ о злоупотребленіяхъ только для того, чтобы предостеречь отъ вреда, приносимаго злоупотребленіями не тому одному, кто терпитъ отъ нихъ, но еще больше тому, кто ихъ дѣлаетъ или терпитъ, по слабости или незнанію. Взяточники умнѣе этихъ людей и лучше ихъ понимаютъ въ чемъ дѣло. Они не думаютъ, что, напримѣръ, г. Щедринъ хочетъ ихъ личной погибели, хочетъ, чтобы они, какъ люди, потерпѣли какой нибудь вредъ; они знаютъ, что когда исчезнутъ злоупотребленія, то не только людямъ, съ которыхъ прежде брались взятки, но и имъ, бывшимъ взяточникамъ, лучше, привольнѣе и спокойнѣе будетъ жить на свѣтѣ, нежели нынѣ, когда они берутъ взятки. Да, классъ людей, обвиняемый во взяточничествѣ знаетъ, что его собственная выгода, какъ выгода всѣхъ другихъ классовъ общества, требовала бы уничтоженія возможности или надобности брать взятки; зачѣмъ же оскорбляются и тревожатся его разсказами люди, о которыхъ даже и не упоминаетъ онъ, которыхъ онъ не касается не только словомъ, даже мыслью? Причина, какъ мы сказали, въ невѣжествѣ этихъ людей, въ незнаніи того, что извѣстно даже Подъячему старыхъ временъ: они такъ мало развиты, что не въ состояніи отличить рѣчи о дѣлѣ отъ рѣчи о личности, не въ состояніи понять, что есть разница между злоупотребленіемъ и порядкомъ, что при уничтоженіи злоупотребленія люди могутъ оставаться неприкосновенны, они никакъ не могутъ понять, что можно желать чего нибудь хорошаго, не желая вреда лично имъ. Жалкіе люди! Жалкіе потому, что напрасно мучатъ себя страхами, ровно ни на чемъ неосновательными, кромѣ ихъ собственнаго незнанія; жалкіе потому, что выбиваются изъ силъ, стараясь спастись отъ опасностей, которыя существуютъ только въ ихъ ребячески пугливомъ воображеніи. Скажите, какое чувство возбуждается видомъ человѣка, который принимаетъ медика за отравителя, принимаетъ людей,

желающихъ ему здоровья, заботящихся о его счастіи, за враговъ, жаждущихъ его погибели, который въ своемъ семействѣ робко наблюдаетъ за каждымъ жестомъ, ежеминутно ожидая какого-то предательскаго удара, который въ каждой чашкѣ чаю боится выпить ядъ, — въ такую странную галлюцинацію впадаютъ нѣкоторые при словѣ „литература“. Галлюцинація — вотъ истинное опредѣленіе противоестественнаго настроенія ихъ духа. Жалкіе люди! — быть можетъ, они вредятъ другимъ, но еще болѣе вредятъ они самимъ себѣ.

Впрочемъ, и то сказать, какъ не приходить многимъ въ нѣчто подобное гидрофобіи при словѣ „литература“, когда есть люди, которыхъ приводитъ въ подобный трепетъ даже слово „грамотность“? Въ этой книжкѣ „Современника“ читатель видѣлъ статью г. Карновича противъ мнѣній, впасть въ которыя имѣлъ несчастіе г. Даль. Грустно думать, что человѣкъ, умѣющій говорить на нарѣчіи чуть ли не каждаго уѣзда Русской Имперіи, какъ истый туземецъ, собравшій отъ народа чуть ли не 40,000 пословицъ, такъ мало знаетъ нужды нашего народа. Но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то единодушіе, съ которымъ десятки голосовъ раздались противъ его опаснаго заблужденія. Какъ новое свидѣтельство неудовольствія, возбужденнаго во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ мнѣніями г. Даля объ этомъ предметѣ, мы помѣщаемъ здѣсь небольшое письмо, полученное нами на дняхъ. Статья г. Карновича не нуждается въ дополненіяхъ, да это письмо и не можетъ назваться дополненіемъ къ ней,—оно даже и написано вовсе не для печати,— оно просто прислано къ пріятелю отъ пріятеля, возмущеннаго чтеніемъ статейки г. Даля, и тотъ, къ кому оно было адресовано, переслалъ его намъ съ своею замѣткою, вызванною тѣмъ же чувствомъ. Оно кажется намъ интересно, какъ одно изъ безчисленныхъ доказательствъ, что не въ одной печати ведутся жаркіе толки о вопросахъ, занимающихъ собою литераторовъ.

Письмо къ г. А. С. З. по поводу „Замѣтки о грамотности“, г. Даля, напечатанной въ 245 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

„Разсуждать о пользѣ грамотности вообще и о томъ — пора ли заботиться о распространеніи ея между нашими крестьянами, я считаю излишнимъ: то и другое въ настоящее время осязательно для каждаго. Не стану также говорить о несвоевременности появленія статей противъ грамотности — мраколюбцевъ у насъ еще много. Но долгомъ считаю выразить мое удивленіе, что подобныя статьи появляются съ подписью г. Даля, и притомъ, какъ видно изъ собственныхъ словъ его, вслѣдствіе искренняго убѣжденія. Послѣднее обстоятельство невольно, безъ всякаго желанія оскорбить г. Даля, возбуждаетъ вопросъ: съ котораго времени и подъ какими вліяніями могли развиться у него такія убѣжденія? Факты, приводимые имъ, слишкомъ шатки и ничтожны: они не только не могутъ служить основаніемъ убѣжденій, но даже сами собой опровергаются. Не пишутъ у насъ ничего, доступнаго крестьянскимъ понятіямъ, не потому, что нечего писать, а потому, что не кому читать. Не предметы потребленія возбуждаютъ потребности, а потребности раждаютъ предметы потребленія. Истина эта такъ стара, что было бы странно предполагать незнаніе ея въ такомъ писателѣ, какъ г. Даль, и гораздо естественнѣе, что онъ почему-то не хочетъ знать ея. Лишать же средства къ просвѣщенію умственному и нравственному, которое рѣшительно невозможно безъ грамотности (такъ какъ примѣры никогда и никого не научили и способны только къ развращенію), потому только, что средствомъ этимъ могутъ злоупотреблять, было

бы просто безразсудно: послѣ этого можно будетъ, пожалуй, сказать, что намъ рано еще имѣть и законы,—вѣдь злоупотребляютъ же ими подъячіе!.. Наконецъ и послѣдній, самый неопровержимый, по мнѣнію г. Даля, фактъ, что въ теченіе десяти лѣтъ изъ 500 крестьянъ, выучившихся грамотѣ въ девяти сельскихъ школахъ, „находящихся у него подъ рукою“, 200 человѣкъ сдѣлались извѣстными негодяями, также ничего не доказываетъ: г. Даль не пояснилъ намъ, дѣйствительно ли грамотность была причиною ихъ развращенія, и не кроется ли причина развращенія ихъ въ неудовлетворительномъ устройствѣ школъ или въ дурномъ надзорѣ за обучающимся? Не мѣшало бы г. Далю поглубже вникнуть въ этотъ вопросъ и объяснить публикѣ приводимый имъ фактъ.

„Г. Карновичъ въ своей статьѣ: „Нужно ли распространять грамотность въ русскомъ народѣ“, такъ ясно доказалъ г. Далю (иные и нуждались въ этихъ доказательствахъ) необходимость грамоты для крестьянъ, что всякія разглагольствованія о неумѣстности ея становятся рѣшительно невозможными; упорство же г. Даля невольно заставляетъ вспомнить слова покойнаго Гоголя: „иной и почтенный, и государственный человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубитъ что себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь, сколько не представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ отъ стѣны.

А. Сапожниковъ“.

Г. Холмъ, 1857 г., ноября 20 дня.

Замѣчаніе, сдѣланное на этомъ письмѣ лицомъ, къ которому оно адресовано.

„Едва ли кто либо изъ русскихъ грамотныхъ людей злоупотреблялъ грамотностію болѣе того, чѣмъ злоупотребилъ ею г. Даль (выученный грамотѣ, какъ онъ самъ говоритъ, *къ сожалѣнію* (!)) въ печатныхъ своихъ возгласахъ противъ грамотности. Но и такое образцовое злоупотребленіе грамотностію все-таки, вопреки мнѣнію г. Даля, безвредно, потому что несправедливость странныхъ убѣжденій г. Даля очевидна для всякаго.

А. С. З.“

Вотъ въ такихъ-то и тому подобныхъ разсужденіяхъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, прошелъ для публики и для литературы годъ, съ которымъ теперь прощаемся. Превосходно прошелъ этотъ годъ! Говорено было много о многихъ важныхъ дѣлахъ: объ административныхъ и судебныхъ злоупотребленіяхъ, о гласности, о тарифѣ, о различныхъ другихъ экономическихъ преобразованіяхъ, и т. д. Публика восхищалась собою за то, что ее интересуютъ такіе серьёзные вопросы; она чуть ли не готова была сама себѣ присудить римскій дубовый вѣнокъ, coronam civilem, въ награду такой доблести,—и какъ въ самомъ дѣлѣ не присудить было ей дубоваго вѣнка своей доблести?—вѣдь она толковала и читала съ неутомимостью, превышающею всякія похвалы, радовалась прочитанному съ восторгомъ, превышающимъ всякую мѣру. Участь литературы и писателей была не менѣе прекрасна: если уже публика, эта взыскательная публика, была довольна литературою, какъ же было литературѣ не чувствовать довольства своими подвигами? Сладко было жить писателю: будь онъ только хотя мало-мальски порядочнымъ, постоянно онъ слышалъ разговоръ о себѣ, и разговоръ вѣчно ободрительный и одобрительный; даже и безъ этого условія, часто ему случалось испытывать такое наслажденіе; изъ людей, что нибудь писавшихъ

въ прошломъ году, ни одинъ, кромѣ развѣ г. Бланка, не остался безъ лестнаго поощренія; да и самъ г. Бланкъ, вѣроятно, слышалъ отъ кого нибудь похвалы себѣ.

Да, завидно положеніе русской литературы, завидна судьба писателя: цѣлый годъ быть предметомъ общаго вниманія и общихъ похвалъ, и имѣть въ перспективѣ продолженіе такого наслажденія и въ наступающемъ году. Такъ; но полнаго, невозмутимаго блаженства нѣтъ на землѣ, и среди умственныхъ и нравственныхъ удовольствій, которыми наслаждалась публика, литература и писатели, приходилось имъ испытывать и нѣкоторыя огорченія,—правда, мимолетныя,—правда, ничтожныя, но все-таки огорченія. Источникомъ этихъ огорченій были мнѣнія нѣкоторыхъ ипохондриковъ, — правда, очень малочисленныхъ,—правда, совершенно заблуждавшихся, но все-таки на минуту смущавшихъ иногда общее удовольствіе. По своему болѣзненному настроенію духа, не раздѣляя общаго оптимизма, они отваживались выражать недовольство и публикою, и литературою, и — о, ужасъ! — осмѣливались говорить, будто бы публика, восхищаясь подвигами литературы, находится въ странномъ ослѣпленіи.

Почему же?—въ отвѣтѣ на это ипохондрики раздѣлялись на двѣ противоположныя партіи.

Одни говорили, что литература заходитъ слишкомъ далеко, забываетъ о скромности и смиренности, которыми украшается все на свѣтѣ; что она должна говорить только о вещахъ, не имѣющихъ никакого соотношенія съ современною жизнью, а толковать о злоупотребленіяхъ и улучшеніяхъ вовсе не дѣло литературы. Другіе говорили, что она говоритъ объ этихъ вещахъ все еще слишкомъ мало, слишкомъ неопредѣлительно, и, по настоящему, только кажется, будто она говоритъ что нибудь полезное, а на самомъ дѣлѣ вовсе не говоритъ ничего истинно полезнаго.

Благоразумный читатель, конечно, видитъ совершенную неосновательность того и другаго упрека уже изъ того, что одинъ прямо противорѣчитъ другому: когда немногіе говорятъ: „слишкомъ свѣтло горитъ лампа“; немногіе другіе: „слишкомъ тускло горитъ лампа“,—очевидно, что тѣ и другіе ошибаются, и что справедливо огромное большинство, находящее, что лампа свѣтитъ именно въ надлежащую мѣру. Такъ, публика совершенно права, восхищаясь свѣтомъ, проливающимся отъ нашей литературы на общество. Но въ одномъ она, кажется намъ, нѣсколько несправедлива: она слишкомъ уже безпощадно караетъ ипохондриковъ, не раздѣляющихъ ея довольства; они, какъ люди больные, заслуживали бы, намъ кажется, нѣкотораго снисхожденія; скажемъ болѣе: не отворачиваться надобно отъ больныхъ, а стараться излечить ихъ болѣзнь; заблуждающихся не надобно осыпать горькими упреками, а должно постараться разсѣять ихъ заблужденія; для этого надобно спокойно выслушать ихъ, показать имъ, какія стороны предмета они упускаютъ изъ виду, объяснить имъ, какія ошибки вкрались въ ихъ силлогизмы. Попробуемъ сдѣлать это. Сначала хладнокровно выслушаемъ и потомъ опровергнемъ людей, думающихъ, что литература берется не за свое дѣло, когда, вмѣсто отвлеченностей или фантазій, занимается современными вопросами; покончивъ дѣло съ ними, такимъ же образомъ

переговоримъ и съ людьми, думающими, что до сихъ поръ она слишкомъ недостаточно занималась этими вопросами.

„Напрасно литература обольщается мечтами, будто можетъ она преобразовать нравы, говорятъ ипохондрики, недовольные литературою за то, что она, по ихъ мнѣнію, слишкомъ много говоритъ объ общественныхъ интересахъ. Это внѣ ея власти. Нравы измѣняются вслѣдствіе измѣненія обстоятельствъ національной жизни. Измѣненія эти производятся вліяніемъ историческихъ событій, преобразующихъ отношенія классовъ, условія труда, гражданскія учрежденія націи. Посмотрите на исторію, — когда преобразованія общественнаго быта совершались силою литературы?—никогда, никогда; ни одного такого примѣра нѣтъ въ жизни. Испанцы завоевали Америку, у испанцевъ введена инквизиція, испанцы лишились своихъ прежнихъ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій.—вотъ историческія событія.— они-то сдѣлали испанцевъ такими, какими теперь мы ихъ видимъ; но укажите, сдвинулась ли хоть соломинка въ общественномъ зданіи испанскаго быта отъ того, что Сервантесъ написалъ Донъ-Кихота? Ирландцы стали страшны англичанамъ, когда избытокъ угнетенія и страданій довелъ ихъ до отчаяннаго соединенія въ одну фалангу подъ предводительствомъ Даніэля о'Коннеля, и его „рипиль", угроза отторгнуться отъ Англіи, сдѣлалъ свое дѣло. Но скажите, какую пользу принесло ирландцамъ то, что Мильтонъ писалъ столь краснорѣчиво въ защиту религіозной терпимости, и что полтораста лѣтъ англичане учили наизусть его творенія? Мильтона они читали и превозносили, а ирландцамъ все-таки не было оттого ни на волосъ легче. Ждите событій, пользуйтесь событіями, если хотите улучшеній въ бытѣ и нравахъ.— а литература этого дѣла не совершитъ вамъ. Измѣненіе быта и нравовъ!— да стоитъ ли и говорить о безсиліи литературы надъ этими дѣлами, когда она не можетъ даже управлять мнѣніемъ общества. Всѣ порядочные писатели во Франціи уже около ста лѣтъ твердятъ французамъ: уважайте англичанъ; не считайте ихъ своими врагами, они лучшіе союзники вамъ во всемъ добромъ и полезномъ; и что-же?—все-таки французы не любятъ англичанъ, воображаютъ, что англичане хотятъ вредить имъ, сами желаютъ имъ всякихъ бѣдъ; да, такъ сильно это нелѣпое чувство вражды, что когда, напримѣръ, Бастіа хлопоталъ о пониженіи французскаго тарифа, онъ всего больше остерегался показаться другомъ англичанъ: это, онъ зналъ, погубило бы его дѣло; а когда въ нынѣшнемъ году дѣла англичанъ въ Остъ-Индіи казались плохи, „Journal des Débats" долженъ былъ скрыть свою симпатію къ англичанамъ и принужденъ былъ говорить, что они кругомъ виноваты по остъ-индскому возмущенію.—это было ему необходимо, иначе онъ лишился бы своихъ читателей. Вотъ вамъ и степень вліянія литературы на мнѣнія націи: сто лѣтъ самаго сильнаго и дѣльнаго старанія сблизить французовъ съ англичанами,—а въ результатѣ все-таки продолженіе нелѣпой вражды противъ англичанъ во французахъ. Общественное мнѣніе, даже и то, какъ видите, почти не зависитъ отъ литературы, —куда же ей тянуться въ преобразовательницы національнаго быта? Она безсильна даже надъ мыслью, которая составляетъ только одинъ изъ многихъ дѣятелей жизни, между которыми есть много сильнѣйшихъ, нежели мысль; куда же литературѣ претендовать на власть надъ жизнью?"

Огорчительны эти слова, но признаемся, мы не умѣемъ найти фактовъ, которыми опровергалось бы это воззрѣніе. Исторія и наблюденіе современной національной жизни, дѣйствительно подтверждаетъ грустныя мысли ипохондриковъ о безсиліи литературы надъ жизнью. Если бы ипохондрики поступали сообразно этимъ понятіямъ, которыя они же сами проповѣдуютъ, противъ нихъ ничего дѣльнаго нельзя было бы сказать. Но, на бѣду литературы въ практикѣ и на счастіе защитниковъ ея важности въ бумажномъ спорѣ, слова этихъ теоретиковъ о безсиліи литературы повторяются практиками, не знающими ни исторіи, ни жизни; и эти практики, по своему незнанію, опровергаютъ теорію, которая безъ того была бы неопровержима. Литература безсильна и ничтожна, положимъ. Что же изъ того логически слѣдуетъ?—то, что не стоитъ обращать вниманіе на нее; пусть она себѣ суетится и хлопочетъ сколько ей угодно и о чемъ ей угодно, — бояться тутъ нечего: вѣдь она безсильна. Но нѣтъ, этого никакъ не могутъ на дѣлѣ выдержать практики, о которыхъ идетъ рѣчь: чуть литература слово скажетъ не совсѣмъ по ихъ желанію, тотчасъ они поднимаютъ крики, что она и ихъ, практиковъ, и все на свѣтѣ погубитъ; а если могутъ, то поднимаютъ они и суматоху, будто спасаются отъ смерти, и рѣзкими, необдуманными движеніями, какія внушаются только слѣпымъ ужасомъ, начинаютъ колотить все, или, вѣрнѣе сказать, колотиться обо все, что попадается имъ на глаза и подъ руки,—свѣтъ погибни, лишь бы только избавиться отъ такой страшной опасности: pereat mundus, taceat литература. Свѣта, положимъ, они не погубятъ,—это не въ человѣческой власти,—и литературу молчать не заставятъ,—этого тоже не въ состояніи сдѣлать человѣческая воля, потому что литература движется историческими событіями, отъ ихъ вліянія то возвышаетъ, то понижаетъ голосъ, а не отъ произвола нѣсколькихъ людей,—но руки себѣ часто они обколачиваютъ до сильнаго лома въ костяхъ, такъ что и жалко и отвратительно смотрѣть на нихъ: жалко потому, что бьются люди совершенно понапрасну; отвратительно потому, что безобразны ихъ движенія.

Чтожъ тутъ толковать о безсиліи литературы, когда она возбуждаетъ такіе страхи? Что сдѣлалось съ гордой теоріею о ея ничтожествѣ?—А что сдѣлалось съ этою теоріею, можемъ узнать, вслушавшись въ крики, вырывающіеся у бѣдныхъ испуганныхъ практиковъ въ порывахъ чувствуемаго ими смертельнаго безпокойства: въ порывахъ страсти высказываются задушевныя мысли человѣка. „Литература безсильна, — да, она безсильна на добро, но зла она можетъ много сдѣлать; улучшеній быта она не произведетъ, но можетъ возбудить безпорядочныя и безразсудныя стремленія къ перемѣнамъ; добрыхъ убѣжденій она не распространитъ, но подорвать уваженіе къ порядку и нравственности она можетъ“, такъ вопіютъ практики, размахивая руками направо и налѣво. А, вотъ какъ уже перевернулась теорія: литература, значитъ, не безсильная игра въ слова; нѣтъ, вамъ она представляется чѣмъ-то въ родѣ чумы, холеры. Но если такъ, почему же вы не дѣйствуете сообразно такому мнѣнію? Дурное и вредное надобно истреблять; объявите же прямо, что надобно стараться объ истребленіи литературы. Пріятно было бы услышать такое прямодушное сознаніе; пріятно

во-первыхъ потому, что всегда отрадно видѣть человѣка излагающимъ свои мнѣнія съ благородною откровенностью; во-вторыхъ потому, что мы тогда знали бы по крайней мѣрѣ, что надобно дѣлать для угожденія вамъ. Но нѣтъ, никто не отваживается сказать, что желаетъ уничтоженія литературы,— ее каждый объявляетъ предметомъ своего уваженія, любви, заботливости: практики говорятъ только, что желаютъ уничтожить злоупотребленія литературы, а самую литературу желаютъ видѣть процвѣтающею. Тутъ нѣтъ здраваго смысла: кто же говоритъ, что онъ уважаетъ и любитъ чуму или холеру, и желаетъ имъ процвѣтать, а возстаетъ только противъ злоупотребленій холеры и чумы? Притомъ же, и самый способъ уничтоженія этихъ, будто бы, злоупотребленій, избирается вовсе нелогическій: литературою недовольны за то, что слышатъ отъ нея непріятности себѣ: что нужно сдѣлать, когда слышишь отъ человѣка непріятное? Надобно постараться задобрить, смягчить человѣка, внушить ему расположеніе къ себѣ; а если я въ отвѣтъ на сказанное имъ непріятное для меня слово вздумаю его бранить и преслѣдовать, достигну ли я своей цѣли? Напротивъ, чѣмъ больше я буду возставать противъ него, чѣмъ больше успѣю надѣлать ему бѣдъ, тѣмъ больше возстановлю его противъ себя, и вмѣсто случайно попавшагося въ его рѣчь непріятнаго слова, доведу его до постояннаго ожесточенія противъ меня. Я наживу себѣ врага, и только. Тутъ не должно быть середины: или старайтесь пріобрѣсть дружбу, или прямо поражайте на смерть: всякими средними мѣрами только увеличатся ваши непріятности. Въ отвѣтъ на это практики опять говорятъ уже не то, что слышали мы отъ нихъ прежде.

„Но кто же хочетъ возстановлять противъ себя литературу? — говорятъ практики.—Мы очень хорошо знаемъ выгоду, доставляемую союзомъ съ нею; именно того мы и хотимъ достичь, чтобы она была въ союзѣ съ нами“. —Вотъ какъ! они вѣроятно думаютъ, что имѣютъ въ виду полезныя цѣли (кто же не думаетъ о себѣ, какъ о человѣкѣ благонамѣренномъ?), и однако же находятъ, что союзъ съ литературою былъ бы для нихъ полезенъ,—значитъ, литература уже признается не безсильною на добро. Какъ это пріятно для литературы, но съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ это далеко отъ гордыхъ теорій о ничтожности литературы, которыми они начали! И такъ, союзъ съ литературою. Но и тутъ практики никакъ не могутъ сообразить своихъ дѣйствій съ своими же собственными желаніями. Чтобы союзникъ могъ быть полезенъ, надобно предоставлять ему его независимость, — безъ этого условія союзъ не только не приведетъ ни къ чему хорошему, онъ просто невозможенъ. Когда одинъ изъ союзниковъ хочетъ отнять у другаго независимость, это будетъ уже не союзъ, а покореніе, завоеваніе, — покореніе совершается не иначе какъ войною, одна изъ воюющихъ сторонъ покоряется другой не иначе, какъ только будучи доведена до совершеннаго истощенія силъ, — какую же пользу можетъ потомъ принести ея содѣйствіе, если она совершенно обезсилена? Она будетъ только въ тягость побѣдителю. Да и возможна ли побѣда, когда человѣкъ, заговорившій тономъ вражды и совершеннаго презрѣнія, кончаетъ увѣреніемъ въ томъ, что онъ желаетъ союза,—не высказывается ли въ этомъ увѣреніи его сознаніе о невозможности дойти враждою до желаннаго имъ результата?

Читатель видитъ, что практики, недовольные литературою за то, будто бы она беретъ на себя слишкомъ много, не заслуживаютъ гнѣва: они просто достойны сожалѣнія, какъ люди, которые сами не знаютъ, что говорятъ и дѣлаютъ, которыхъ поступки противорѣчатъ ихъ собственнымъ желаніямъ: имъ слѣдуетъ привести въ порядокъ свои мысли; ихъ слѣдуетъ убѣждать въ томъ, чтобы они болѣе заботились о здравомъ пониманіи вещей, — это принесетъ имъ большую пользу, не только по отношенію къ ихъ дѣйствіямъ, касающимся литературы, но и по всѣмъ другимъ отношеніямъ. Имъ недостаетъ логики; мыслительныя способности ихъ мало развиты,—въ томъ вся бѣда; имъ нужно побольше учиться и побольше думать. Добрая воля и сила есть у нихъ; невѣжество—вотъ корень всѣхъ ихъ ошибокъ. Ахъ, если бы они были хотя сколько нибудь образованными людьми! Тогда они видѣли бы, что нужно имъ держаться одного чего нибудь: или считать литературу безсильной, безполезной и безвредной, — и предоставить ей жить и быть, какъ ей угодно; или считать ее вредной,— и заботиться объ ея уничтоженіи; или считать ее полезною и предоставить ей независимость, потому что только независимость даетъ ей и охоту и силу быть полезною ихъ союзницею. Но всѣ эти три несовмѣстныя понятія страннымъ образомъ совмѣстились въ ихъ головѣ, и они сами не знаютъ, какъ имъ быть, что имъ дѣлать,—и они не замѣчаютъ гибельнаго противорѣчія въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ, потому что недостаточно образованы для того, чтобы могли мыслить логически, недостаточно понимаютъ сами, что дѣлаютъ, для того, чтобы могли поступать благоразумно и сообразно своимъ собственнымъ цѣлямъ. Читатель, вы быть можетъ отворачивались отъ этихъ людей съ негодованіемъ, какъ отъ людей злонамѣренныхъ,—о, нѣтъ, они желаютъ добра, какъ и вы, они только не знаютъ, въ чемъ добро и какъ достичь его; потому, когда вамъ встрѣчается въ жизни такой человѣкъ, старайтесь просвѣтить и вразумить его: не гнѣва, а состраданія и пособія онъ достоинъ. Самое недовольство его литературою такъ наивно, что своею ребяческою недальновидностью невольно смягчаетъ ваше сердце.

Совсѣмъ иное дѣло недовольство нашею литературою въ ипохондрикахъ, осуждающихъ ее за то, что она дѣлаетъ слишкомъ мало. Это люди, чуть ли не въ самомъ дѣлѣ злые. Почему и на что они злы, хорошенько не разберешь. Но съ перваго взгляда на нихъ, съ перваго слова ихъ, приходитъ вамъ подозрѣніе, что они злы. Практики, съ которыми мы разсуждали прежде, почти все люди, живущіе въ комфортѣ, пользующіеся или хорошимъ здоровьемъ, или изящными недугами, какъ то подагрою, гастритомъ; ипохондрики, съ которыми мы теперь начинаемъ разсуждать, люди большею частью худощавые, съ желчнымъ или по крайней мѣрѣ геморрондальнымъ цвѣтомъ лица; хорошимъ здоровьемъ ни одинъ изъ нихъ не пользуется, не пользуется даже подагрою или гастритомъ — куда имъ до такихъ комфортабельныхъ страданій! У нихъ преобладаютъ болѣзни, болѣзни сердца, груди и головы. Звукъ ихъ голоса отзывается чѣмъ-то ядовитымъ; они, не имѣя права никому говорить назидательно-увѣщательнымъ тономъ, составляющимъ привилегію практиковъ, стараются вознаградить себя за то язвительностью; ипохондрику такого рода высшее наслажденіе въ жизни- уколоть того, съ кѣмъ говоритъ, и осыпать насмѣшками того и то, о комъ и о чемъ говоритъ.

„Вы радуетесь на вашу литературу, говорить такой человѣкъ:—будто бы она въ самомъ дѣлѣ занимается чѣмъ нибудь полезнымъ—желаю вамъ радоваться. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не восхищаться: удивительно, на сколько впередъ подвинула она нашъ бытъ, сколькими улучшеніями мы ей обязаны. Составилась компанія и взяла на откупъ постройку желѣзныхъ дорогъ,—вы, господа русскіе журналисты, публицисты и писатели, немедленно принялись доказывать пользу желѣзныхъ дорогъ, ихъ необходимость для Россіи, какъ это своевременно, какъ это полезно! Сдѣлано дѣло, вы тотчасъ же принимаетесь доказывать, что его нужно было сдѣлать. Составленъ пониженный тарифъ, вы тотчасъ неутомимо начинаете доказывать, что низкій тарифъ лучше высокаго; вы статью за статьею разбираете новый тарифъ и объясняете совершенно справедливо, что каждая статья его назначаетъ пошлину на товаръ именно въ такомъ размѣрѣ, который необходимъ для выгодъ нашей промышленности. Превосходно, слова нѣтъ, но позвольте васъ спросить, не запоздали ли ваши превосходныя рѣчи? Когда дѣло сдѣлано, не поздно ли доказывать его надобность? Вѣдь она гораздо яснѣе, нежели словами, доказана уже тѣмъ самымъ, что оно сдѣлано. Я не вижу въ вашей литературѣ ни малѣйшаго сходства съ Эгеріею, мудрые совѣты которой принесли столько пользы Риму; она скорѣе похожа на нимфу Эхо, о которой я не слыхивалъ, чтобы ей приписывалась какая-нибудь польза: миѳологи говорятъ, что она занимается повтореніемъ чужихъ словъ для развлеченія себя отъ скуки. По совѣсти говоря, признайтесь, что вы занимаетесь повтореніемъ задовъ для развлеченія отъ собственной скуки и для развлеченія скуки читателей, и только. Вы удивительно точно и ясно объясняете то, что давно признано полезнымъ и что уже исполнено: вы, какъ говорятъ французы, отлично отворяете уже отворенную дверь, или, говоря по русски, толчете воду. Не то съ вопросами, которые въ самомъ дѣлѣ требуютъ объясненія,—вы или совершенно умалчиваете о нихъ, или говорите въ такихъ общихъ фразахъ, изъ которыхъ совершенно нельзя понять, какимъ же образомъ сдѣлать это дѣло, если оно признано полезнымъ, или почему полезно это дѣло, котораго польза еще не всѣми признана. Возьмемъ хотя бы вопросъ о взяточничествѣ. Никто не защищаетъ взяточничества, всѣ признаютъ его обычаемъ дурнымъ и вреднымъ,—и вы, по своему похвальному правилу, обрадовавшись тому, что всѣ объ этомъ говорятъ, заговорили тоже самое, что и безъ васъ всѣ говорили,—именно, начали утверждать, что взяточничество—дурной и вредный обычай. Друзья мои, въ этихъ ли разсужденіяхъ надобность? Нужно было бы показать средства, какъ намъ избавиться отъ взяточничества,—вотъ это не для всѣхъ ясно, вотъ объ этомъ стоитъ говорить литературѣ. Сказала ли она хотя слово объ этомъ? Сказала, съ гордостью возражаете вы: она указала на гласность, какъ на средство противъ взяточничества. О, горькая необходимость разрушать мечты юности! Да развѣ съ этимъ словомъ соединено какое нибудь ясное понятіе въ вашихъ указаніяхъ? Мало ли что называется гласностью?—и повѣсти, которыхъ такъ много напечатано въ вашихъ журналахъ, по вашему гласность; и та статейка въ какой-то газетѣ, гдѣ нѣкто, очень почтенный человѣкъ, съ паѳосомъ и торжественностью берется за оружіе гласности, чтобы изобличить буфетчика,

подавшаго ему дурно приготовленную котлетку въ какомъ-то трактирѣ,—и тонкій намекъ о томъ, что неизвѣстно когда и неизвѣстно гдѣ, неизвѣстно кто, неизвѣстно съ кѣмъ, поступилъ не то несправедливо, не то неучтиво, а что то и гдѣ то было не совсѣмъ понравившееся вамъ. Это гласность! Друзья мои, вы, сколько мнѣ кажется, принимаете муху за слона. Да, я и забылъ: вы еще съ восторгомъ и гордостью намекнули, что взяточничество происходитъ отъ произвола,—но какой это произволъ, чей это произволъ, осталось неизвѣстно; еще менѣе извѣстно, существуютъ ли какія нибудь средства противъ этого таинственнаго произвола. Да, опять чуть было не забылъ: средство противъ него вами указано,— таже самая гласность, то есть объявленіе въ фельетонной статейкѣ о котлеткѣ, дурно приготовленной. По правдѣ говоря, читая эти превращенія мухи въ слона, думаешь, что едва ли не лучше было бы вовсе не писать объ этомъ,—тогда по крайней мѣрѣ не было бы профанировано великое имя гласности. Какую пользу можно извлечь изъ вашихъ смутныхъ разсужденій, искажающихъ до микроскопическаго размѣра все, чего касается ваша рѣчь? Одно тутъ можетъ быть вліяніе: мельчаютъ понятія, мельчаютъ и желанія и надежды тѣхъ, кто вздумаетъ искать въ вашихъ разсужденіяхъ отвѣта на занимающіе его вопросы. А вѣдь вопросъ о взяточничествѣ разобранъ вами все таки гораздо полнѣе и точнѣе другихъ вопросовъ,—если чѣмъ нибудь, то именно имъ должна гордиться ваша такъ называемая гласность. Хорошо же объяснила она другіе вопросы, если о томъ, который объяснила она лучше всѣхъ другихъ, въ результатѣ сказала она только ту прекрасную мысль, что въ трактирахъ не слѣдуетъ подавать плохихъ котлетокъ.

„Не напоминаетъ ли вся ваша литература того русскаго путешественника, который, обозрѣвъ всю Европу, замѣтилъ только, что въ Гамбургѣ хороши сигары? Нечего сказать, стоило ѣздить по Европѣ только для такого открытія; стоило и вамъ толковать о гласности и о прочемъ, чтобы изобличить какую-то котлетку.—Я чувствую, что вы негодуете на меня за эту котлетку. Но что же мнѣ дѣлать? Надъ нею совершился важнѣйшій подвигъ вашей литературы за тотъ годъ, которымъ вы восхищались и который теперь оканчивается.

„Если говорить правду, люди, довольные нашею литературою, не имѣютъ понятія о томъ, что такое литература, достойная этого имени. Истинно заслуживаетъ имени своего литература только тогда, когда говоритъ обо всемъ, что важнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи происходитъ въ обществѣ, разсматриваетъ всѣ эти факты со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, объясняетъ, отъ какихъ причинъ происходитъ каждый фактъ, чѣмъ онъ поддерживается, какія явленія должны быть вызваны къ жизни для его усиленія, если онъ благотворенъ, или для его ослабленія, если онъ вреденъ. Такая литература руководитъ мнѣніемъ общества, приготовляетъ и облегчаетъ улучшенія въ національной жизни, предотвращаетъ своими указаніями и совѣтами ошибки и бѣдствія.

„Есть ли въ вашей литературѣ что нибудь подобное? Она не руководитъ мнѣніемъ общества. — Куда ей до такого вліянія!—Она рада, рада ужъ, если ей удастся иногда сдѣлаться слабымъ, блѣднымъ отраженіемъ той

или другой изъ мыслей, овладѣвшихъ обществомъ безъ ея посредничества; кто захотѣлъ бы слѣдить по ней за тѣмъ, что происходитъ въ нашей жизни, тотъ зналъ бы развѣ одинъ, да и то самый ничтожный, изъ тысячи фактовъ, о которыхъ будетъ говорить исторія, да и этотъ фактъ показываетъ литература вамъ въ искаженномъ видѣ. Восхищайтесь же подвигами вашей литературы, если вы не знаете ни круга дѣйствій, ни обязанностей, принадлежащихъ литературѣ, достойной своего имени. А человѣку, понимающему, чѣмъ должна быть литература, жалко смотрѣть на вашу литературу и забавно видѣть ваше довольство ею".

Что сказать на эти горькія слова желчныхъ ипохондриковъ? Отвѣтъ вовсе не затруднителенъ намъ теперь, когда мы знаемъ мнѣнія цвѣтущихъ здоровьемъ или пользующихся подагрою практиковъ. Мы только противопоставимъ горькимъ укоризнамъ назидательную теорію о безсиліи литературы, и упреки разсѣятся сами собою. Литература наша не руководитъ общественнымъ мнѣніемъ, не управляетъ событіями—что жъ изъ того? — такихъ претензій и не должна имѣть литература; событія приготовляются событіями, а не словами; общественное мнѣніе воспитывается опытомъ жизни и фактами, такъ или иначе отражающимися на состояніи общества, а не журнальными статьями или книгами. Потому о ходѣ исторіи намъ нечего заботиться,—онъ развивается и безъ помощи литературы: вѣдь начались же у насъ безъ ея содѣйствія строиться желѣзныя дороги,—такъ явится и все, чему явиться прійдетъ пора. А наша литература, если и не дѣлаетъ всего, что слѣдовало бы ей дѣлать, дѣлаетъ все, что можетъ; да и чего инаго желали бы желчные ипохондрики? Они просто больны и раздражительны, на ихъ слова не слѣдовало бы обращать никакого вниманія, и если мы дали имъ изложить ихъ мнѣніе, то единственно съ цѣлью показать читателямъ, какъ нелѣпы бываютъ мнѣнія и желанія людей болѣзненно раздражительныхъ.

Насъ просили помѣстить въ „Современникѣ" слѣдующее извѣщеніе объ открытіи въ Петербургѣ учебнаго заведенія для дѣвицъ, основаннаго на началахъ совершенно новыхъ у насъ; мы съ удовольствіемъ исполняемъ это желаніе, ожидая много хорошаго отъ мысли, руководившей учрежденіемъ курсовъ, слушательницы которыхъ не будутъ отвлекаемы отъ жизни въ своемъ семейномъ кругу.

„Давно уже общимъ мнѣніемъ признаны нѣкоторые недостатки женскаго воспитанія у насъ въ Россіи. Недостатки эти происходятъ главнымъ образомъ оттого, что воспитаніе дѣвочекъ мало соображается съ особенностями ихъ женской природы и съ будущимъ ихъ назначеніемъ. Возможно лучшее образованіе дается у насъ дѣвицамъ въ различныхъ женскихъ институтахъ. Но всѣ эти институты суть заведенія закрытыя, т. е. дѣвицы, получающія здѣсь свое образованіе, тутъ же должны и *воспитываться*, т. е. во все время курса жить въ заведеніи, отчуждаясь такимъ образомъ отъ семейной жизни. Это обстоятельство не совсѣмъ благопріятно дѣйствуетъ и на развитіе мальчиковъ, по общему убѣжденію людей, спеціально занимавшихся вопросами объ общественномъ воспитаніи. Тѣмъ болѣе для дѣвочки гибельно отчужденіе отъ семьи въ ранніе годы ея жизни. Кругъ, въ которомъ, при современномъ положеніи и устройствѣ общества, должна женщина дѣйствовать,— есть именно кругъ семейный. Поэтому нужно

заранѣе. съ малыхъ лѣтъ пріучать ее къ жизни въ семействѣ, не подвергая тому холодному формализму, который неизбѣженъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ при многочисленности воспитанницъ и при отсутствіи постояннаго *роднаго* надзора, при которомъ дисциплина замѣняется дѣтской любовью. Но весьма немногія матери въ состояніи сами воспитывать дочерей своихъ и давать имъ полное и современное образованіе. Равнымъ образомъ не всѣ могутъ имѣть для дѣтей своихъ хорошихъ учителей, особенно такихъ, которымъ можно бы было поручить образованіе дѣвочекъ. А между тѣмъ для дѣвочекъ нѣтъ у насъ открытыхъ учебныхъ заведеній, куда бы онѣ могли приходить только для слушанія уроковъ, возвращаясь послѣ класса домой. Женскіе пансіоны наши также большею частію занимаются не однимъ обученіемъ, но и воспитаніемъ дѣвицъ, принимая ихъ совсѣмъ на житье изъ родительскаго дома. Кромѣ того, въ нашихъ заведеніяхъ вообще при обученіи дѣвочекъ слѣдуютъ обыкновенному способу, принятому и для мальчиковъ, т. е. заставляютъ ихъ заучивать правила, научныя опредѣленія, запоминать общія, отвлеченныя положенія, для нихъ едва понятныя. Такой методъ преподаванія и для мальчиковъ довольно затруднителенъ и безплоденъ, для дѣвочекъ же онъ неудобенъ еще болѣе, потому что онѣ, отличаясь, какъ извѣстно, по самой природѣ своей, большею мягкостью и большимъ развитіемъ чувства и воображенія, требуютъ и въ самыхъ урокахъ болѣе одушевленія и конкретности въ представленіи предметовъ. Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ еще не было заведенія, которое имѣло бы въ виду удовлетвореніе всѣмъ изложеннымъ нами условіямъ, и матери, желавшія развить умъ своихъ дочерей и дать имъ солидное образованіе, весьма рѣдко могли удовлетворить своему желанію....

„Съ цѣлію устранить, по возможности, указанные недостатки и облегчить затрудненія матерей семейства въ образованіи дочерей своихъ, открываются нынѣ въ Петербургѣ „курсы ученія для дѣвицъ, воспитывающихся въ своихъ семействахъ." (Athénée des familles), подъ управленіемъ г-жи Труба, бывшей наставницы Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны. По своей основной мысли и направленію, это заведеніе совершенно отлично отъ всѣхъ, доселѣ у насъ бывшихъ пансіоновъ. Для того, чтобы пользоваться курсами въ заведеніи г-жи Труба, дѣвицамъ нѣтъ надобности выходить изъ круга семейной жизни: онѣ должны только пріѣзжать сюда для слушанія лекцій, а потомъ отправляются домой, гдѣ приготовляютъ свои уроки къ слѣдующему классу. Главная цѣль курсовъ—развить умственныя способности дѣвицъ и сообщить имъ знанія прочныя и основательныя. Поэтому принято—во всѣхъ урокахъ избѣгать школьнаго педантизма и механическаго заучиванья наизусть, и, напротивъ, прилагать всѣ возможныя старанія, чтобы дѣвицы сами пріучались соображать, разсуждать, находить связь и отношенія между предметами и пр. Всѣ работы, какія раздаются ученицамъ на домъ, приспособлены къ той же цѣли, т. е. чтобы въ исполненіи ихъ участвовала не одна память, а вмѣстѣ и самостоятельная дѣятельность разсудка и воображенія. Этимъ способомъ достигается во-первыхъ то, что дѣти пріучаются лучше, легче и основательнѣе мыслить, а во-вторыхъ то, что самыя свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя ими, не будутъ имъ стоить такого мучительнаго и часто безплоднаго труда, какъ при заучиваніи наизусть, а между тѣмъ будутъ живѣе, полнѣе и тверже.

„Заведеніе находящееся подъ управленіемъ госпожи Труба, основано въ обширныхъ размѣрахъ. Въ немъ учреждено пять курсовъ: элементарный, въ который поступаютъ дѣвочки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, второй—отъ двѣнадцати до шестнадцати, высшій—отъ пятнадцати до шестнадцати, дополнительный—отъ шестнадцати, и наконецъ, спеціальный для образованія наставницъ. Въ этихъ курсахъ заключаются всѣ необходимыя для общаго образованія отрасли знанія: Законъ Божій, чтеніе, грамматика, ариѳметика, географія, всеобщая исторія, исторія русская, русская словесность, сравнительная словесность, космографія, естественныя науки. Кромѣ общаго курса, для тѣхъ, кто желалъ бы усовершенствоваться въ одномъ какомъ нибудь предметѣ, назначаются отдѣльные курсы дополнительные. Такимъ образомъ можно записываться, напримѣръ, отдѣльно на курсы какого нибудь изъ новыхъ языковъ, на курсы изящныхъ искусствъ, музыки, пѣнія, рисованія, и проч. По каждому предмету приглашены учредительницею курсовъ знающіе наставники большею частію уже соста-

вившіе себѣ извѣстность въ педагогической практикѣ. Кромѣ того, при урокахъ постоянно присутствуютъ репетиторши, которыя, слѣдя за объясненіями учителя, могутъ потомъ помогать матерямъ въ направленіи ученія дѣтей и въ изъясненіи какихъ либо трудностей. Для этой цѣли, по желанію родителей, онѣ могутъ быть отпускаемы къ нимъ на домъ, получая по рублю серебромъ за двухъ-часовой урокъ.

„Всѣ эти удобства предоставляются родителямъ за плату весьма умѣренную, если сравнить ее съ тѣми издержками, какія дѣлаются въ хорошихъ семействахъ на плату за уроки различнымъ учителямъ. Въ заведеніи г-жи Труба можно записываться не иначе, какъ на все продолженіе курсовъ, съ платою по третямъ года: за полный ученый курсъ—элементарный и второй—46 р. сер., курсъ высшій—60 р., курсъ для образованія наставницъ—40 р. въ треть. Курсъ дополнительный состоитъ изъ спеціальныхъ курсовъ, за которые плата полагается въ мѣсяцъ, за каждый отдѣльно. Курсы наукъ имѣютъ по одному уроку въ недѣлю, и плата за нихъ простирается отъ 4 до 10 р. въ мѣсяцъ, по каждому предмету. Курсы новыхъ языковъ и изящныхъ искусствъ, по два урока въ недѣлю—отъ 6 до 12 р. въ мѣсяцъ. Въ числѣ этихъ предметовъ есть такіе, которые у насъ не входятъ обыкновенно въ курсъ домашняго воспитанія, напримѣръ, естественныя науки въ размѣрахъ довольно обширныхъ,—исторія изящныхъ искусствъ. Кромѣ новыхъ языковъ есть еще отдѣльные курсы словесности—французской, нѣмецкой и англійской. Каждый урокъ, во всѣхъ курсахъ, и по всѣмъ предметамъ, продолжается два часа.

„Заведеніе, основанное г-жею Труба, совсѣмъ уже сформировано, и 3 декабря начинаются курсы. Полное число воспитанницъ предположено: въ курсахъ наукъ—отъ 20 до 25, въ курсахъ иностранныхъ языковъ, въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ—отъ 14 до 15, а въ третьемъ (литература) отъ 20 до 25, въ курсахъ музыки, пѣнія и танцевъ—8, въ курсахъ рисованія и живописи—отъ 12 до 15.

„Каждый день, съ 1 до 5 часовъ, можно записываться на курсы у г-жи Труба, на углу Итальянской улицы и Екатерининскаго канала, въ домѣ княгини Енгалычевой (бывшемъ Модена), квартира № 2“.

Намъ пріятно также сообщить читателямъ о появленіи справочной книги, которою значительно облегчаются изслѣдованія по вопросу, имѣющему первостепенную важность въ русской жизни.

Помощникъ библіотекаря въ Дрезденѣ, докторъ философіи Безикъ, составилъ по порученію нѣсколькихъ соотечественниковъ нашихъ каталогъ разныхъ сочиненій и статей подъ заглавіемъ: „Systematisches Verzeichniss von „Büchern, Zeitschriften, zerstreuten Abhandlungen und einzelnen Auf„sätzen betreffend die Literatur und Geschichte der Privatunterthansver„hältnisse, von der aeltesten bis auf die neueste Zeit, so wie ihrer „Aufhebung in den verschiedenen Ländern Europa's, verfasst von D-r F. „L. Boesick“. Каталогъ этотъ напечатанъ въ Дрезденѣ въ нынѣшнемъ году въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и продается въ Петербургѣ у книгопродавцевъ Клюзеля, Давыдова и въ конторѣ Коммиссіонерства Языкова и Комп., а въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Щепкина по 50 коп.—Обращаемъ на этотъ трудъ вниманіе лицъ, занимающихся историческими и юридическими изслѣдованіями отношеній между разными сословіями, какъ на весьма важное пособіе для ученыхъ трудовъ ихъ.

ЛЕССИНГЪ,

ЕГО ВРЕМЯ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческое значеніе нѣмецкой литературы въ послѣдней половинѣ прошедшаго вѣка.—Мѣсто, которое принадлежитъ Лессингу въ исторіи развитія нѣмецкаго народа.

Объясняя жизнь, служа посредницею между чистою отвлеченною наукою и массою публики, доставляя человѣку облагораживающее эстетическое наслажденіе, пробуждая умъ къ дѣятельности, литература всегда имѣетъ большее или меньшее вліяніе на развитіе народовъ, всегда играетъ болѣе или менѣе важную роль въ историческомъ движеніи.

Но какъ ни очевидно ея участіе въ исторіи, надобно согласиться, что очень рѣдки въ жизни человѣчества тѣ случаи, когда литература, въ строгомъ смыслѣ слова, какъ мы здѣсь его употребляемъ—то есть поэзія и ученыя сочиненія, писанныя такъ, что читаются всею массою публики, а не одними спеціалистами—рѣдки тѣ случаи, когда литература бывала въ историческомъ движеніи главною, преобладающею силою. Почти всегда литературныя вліянія оттѣснялись, въ развитіи народной жизни, на второй планъ другими, болѣе пылкими чувствами или матеріальными, практическими побужденіями: соперничествомъ племенъ и державъ, религіею, политическими, юридическими и экономическими отношеніями и т. д. Точно такова же была почти всегда и судьба науки. Но чрезвычайная важность науки въ жизни и исторіи нимало не теряется черезъ это скромное положеніе: творя тихо и медленно, она творитъ все; создаваемое ею знаніе ложится въ основаніе всѣхъ понятій и потомъ всей дѣятельности человѣчества, даетъ направленіе всѣмъ его стремленіямъ, силу всѣмъ его способностямъ. Наука—чернорабочій, не играющій блистательной роли въ обществѣ; но трудами этого чернорабочаго живетъ все: и государство и семейство, и политика и промышленность; только оплодотворенныя знаніемъ стремленія человѣка получаютъ характеръ, совмѣстный съ общимъ и частнымъ благомъ, силы человѣка производятъ полезное дѣйствіе. Литература не имѣетъ этого права считаться первою виновницею всякаго прогресса. Она не общая мать всѣхъ другихъ дѣятельностей человѣка: она сама такая же спеціальная, частная дѣятельность, какъ и все остальное въ человѣческой жизни, кромѣ знанія.

Когда преобладаніе литературы въ историческомъ движеніи не очевидно, то и на самомъ дѣлѣ она не играетъ въ немъ главной роли. Вѣдь она не создаетъ машинъ и инструментовъ, юридическихъ понятій и нравственныхъ отношеній, государственной власти и промышленной дѣятельности, какъ создаетъ ихъ знаніе. Пусть политика и промышленность шумно движутся на первомъ планѣ въ исторіи, исторія все-таки свидѣтельствуетъ, что знаніе—основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное въ человѣческой жизни. А до литературы нѣтъ историку дѣла, если она насильно не вынуждаетъ у него признанія своего историческаго могущества: чѣмъ не овладѣетъ она сама, въ томъ никто не уступитъ ей доли.

И, надобно признаться, доля литературы въ историческомъ процессѣ, никогда не бывая совершенно маловажна, обыкновенно бывала и вовсе не такъ значительна, чтобы заслуживать особеннаго вниманія. Дѣйствительно, литература почти всегда имѣла для развитія человѣческой жизни только второстепенное значеніе. Такъ напримѣръ, въ древнемъ мірѣ мы не замѣчаемъ ни одной эпохи, въ которой историческое движеніе совершалось бы подъ преобладающимъ вліяніемъ литературы. Несмотря на все пристрастіе грековъ къ поэзіи, ходъ ихъ жизни обусловливался не литературными вліяніями, а религіозными, племенными и военными стремленіями, впослѣдствіи, кромѣ того, политическими и экономическими вопросами. Литература была, подобно искусству, лучшимъ украшеніемъ, но только украшеніемъ, а не основною пружиною, не главною двигательницею ихъ жизни. Римская жизнь развивалась военною и политическою борьбою и опредѣленіемъ юридическихъ отношеній; литература была для римлянъ только благороднымъ отдыхомъ отъ политической дѣятельности. Въ блестящій вѣкъ Италіи, когда она имѣла Данте, Аріосто и Тассо, также не литература была основнымъ началомъ жизни, а борьба политическихъ партій и экономическія отношенія: эти интересы, а не вліяніе Данте, рѣшали судьбу его родины и при немъ и послѣ него. Въ Англіи, гордящейся величайшимъ поэтомъ христіанскаго міра и такимъ числомъ первостепенныхъ писателей, какого не найдется, быть можетъ, въ литературахъ всей остальной Европы, вмѣстѣ взятыхъ,—въ Англіи отъ литературы никогда не зависѣла судьба націи, опредѣлявшаяся религіозными, политическими и экономическими отношеніями, парламентскими преніями и газетною полемикою: собственно такъ называемая литература всегда имѣла только второстепенное вліяніе на историческое развитіе этой страны. Таково же было положеніе литературы почти всегда, почти у всѣхъ историческихъ народовъ.

Исключеній изъ этого обыкновеннаго порядка случаевъ, когда литература являлась дѣйствительно главною двигательницею историческаго развитія, очень немного. Нѣмецкая литература послѣдней половины прошедшаго и первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка есть одно изъ самыхъ важныхъ между этими рѣдкими явленіями. Отъ начала дѣятельности Лессинга до смерти Шиллера (до завоеванія западной Германіи Наполеономъ, законодательства Штейна въ Пруссіи и до распространенія философіи—явленій, которыя овладѣваютъ послѣдующимъ развитіемъ нѣмецкаго народа), втеченіе пяти-

десяти лѣтъ, развитіе одной изъ величайшихъ между европейскими націями, будущность странъ отъ Балтійскаго до Средиземнаго моря, отъ Рейна до Одера опредѣлялась литературнымъ движеніемъ. Участіе всѣхъ остальныхъ общественныхъ силъ и событій въ національномъ развитіи должно назвать незначительнымъ сравнительно съ вліяніемъ литературы. Ничто не помогало въ то время ея благотворному дѣйствію на судьбу нѣмецкой націи; напротивъ, почти всѣ другія отношенія и условія, отъ которыхъ зависитъ жизнь, не благопріятствовали развитію народа. Литература одна вела его впередъ, борясь съ безчисленными препятствіями.

Каковы же были результаты этого пятидесятилѣтія?

Въ пятьдесятъ лѣтъ литература совершила для прочнаго блага нѣмецкаго народа болѣе, нежели когда нибудь было совершено всѣми другими общественными силами для какого нибудь народа во сто, въ двѣсти лѣтъ. Нѣмецкая литература застала свой народъ ничтожнымъ, презрѣннымъ отъ всѣхъ и презирающимъ себя, не имѣющимъ даже никакого сознанія о своемъ существованіи, грубымъ до средневѣковаго варварства въ однихъ слояхъ, развращеннымъ до нравовъ временъ Регентства въ другихъ слояхъ, ничего не желающимъ, ничего не надѣющимся, безжизненнымъ. Она дала ему сознаніе о національномъ единствѣ, пробудила въ немъ чувство законности и честности, вложила въ него энергическія стремленія, благородную увѣренность въ своихъ силахъ. Въ половинѣ XVIII вѣка нѣмцы, во всѣхъ отношеніяхъ, были двумя вѣками позади англичанъ и французовъ. Въ началѣ XIX вѣка они во многихъ отношеніяхъ стояли уже выше всѣхъ народовъ. Въ половинѣ XVIII вѣка нѣмецкій народъ казался дряхлымъ, отжившимъ свой вѣкъ, не имѣющимъ будущности. Въ началѣ XIX вѣка нѣмцы явились народомъ, полнымъ могучихъ силъ,—народомъ, которому предстоитъ великая и счастливая будущность,—народомъ, готовымъ дать начала обновленія для всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, если бы тотъ или другой изъ нихъ нуждался въ посторонней помощи для своего обновленія. Все это совершила литература, наперекоръ безчисленнымъ препятствіямъ, безъ всякой посторонней помощи, и Шиллеръ имѣлъ полное право прославить нѣмецкую поэзію за то, что ею возвеличенъ нѣмецкій народъ, и никто не дѣлитъ славы этой съ нѣмецкими писателями.

„Не было у нашей литературы ни Августовъ, ни Медичи, не ободрялъ и не поддерживалъ ея никто. Съ отрадною гордостью можетъ сказать нѣмецъ, что самому себѣ обязанъ онъ всѣмъ, въ чемъ нынѣ честь его“.

Rein Augustisch' Alter blühte,
Keines Mediceers Güte
Lächelte der deutschen Kunst:

. . . . . .

Rühmend darf's der Deutsche sagen,
Höher darf das Herz ihm schlagen:
Selbst erschuf er sich den Werth!

Потому то нѣмецкая литература въ періодъ времени отъ половины прошлаго до начала нынѣшняго вѣка есть явленіе величайшей исторической

важности, какой не имѣютъ многія другія эпохи литературной дѣятельности у другихъ народовъ, блиставшія писателями, которые по поэтическому генію были не ниже или даже и выше корифеевъ нѣмецкой литературы. Суворовъ, конечно, былъ геніальнѣе Кутузова и Барклая-де-Толли; но дѣло, совершенное Барклаемъ и Кутузовымъ, безконечно превышаетъ своимъ историческимъ значеніемъ всѣ дивные подвиги Суворова. Такъ Мильтонъ и Данте, по поэтическому генію, быть можетъ, выше Гёте и Шиллера; но въ исторіи человѣчества Гете и Шиллеръ занимаютъ гораздо болѣе значительное мѣсто. То—люди, высокіе въ своей спеціальности; это—двигатели историческаго развитія, имѣвшіе прямое вліяніе на судьбу человѣчества, стоящіе въ ряду великихъ правителей націй, въ одномъ ряду съ Ришелье, Штейномъ, Робертомъ Пилемъ *).

Если бы не вышелъ изъ моды старый и въ сущности вовсе не безполезный обычай объяснять въ предисловіяхъ къ сочиненіямъ, трактующимъ объ ученыхъ предметахъ, какую пользу приноситъ вообще знаніе, какую пользу въ частности приноситъ знаніе того предмета, о которомъ трактуется въ этомъ сочиненіи, и какую пользу въ особенности принесетъ знаніе этого предмета тѣмъ читателямъ, для которыхъ назначается это сочиненіе,—если бы не вышелъ изъ моды этотъ старый добрый обычай, мы должны были бы сказать что нибудь о той особенной пользѣ, какую можемъ извлечь мы, русскіе, изъ знакомства съ судьбами нѣмецкой литературы временъ Лессинга, Шиллера и Гете.

Если бы не вышелъ также изъ моды другой старый добрый обычай—проводить параллели между сходными явленіями въ исторіи различныхъ народовъ, мы могли бы также отыскать нѣкоторыя занимательныя аналогіи между положеніемъ нѣмецкой литературы того времени и положеніемъ нѣкоторыхъ другихъ литературъ въ другія времена.

Наконецъ, если бы не вышли изъ моды „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“, мы могли бы выставить Лессинга, разговаривающаго, напримѣръ, съ Пушкинымъ и Гоголемъ въ Елисейскихъ поляхъ: Лессингъ распрашивалъ бы Пушкина и Гоголя о русской литературѣ и, въ свою очередь, сообщалъ бы имъ различныя замѣчанія о литературѣ вообще.

Но „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“, историческія параллели въ родѣ Плутарха, предисловія о пользѣ наукъ,—все это рѣшительно вышло изъ моды, и мы, не желая прослыть людьми, отставшими отъ вѣка, отказываемся и отъ разсужденій о пользѣ изученія судьбы нѣмецкой литературы для русской литературы, и отъ идеи вывести Лессинга, разговаривающаго съ Пушкинымъ и Гоголемъ, и повторимъ только, что важнѣйшею стороною нѣмецкой литературы отъ Лессинга до Шиллера надобно считать вліяніе ея на историческую жизнь нѣмецкаго народа. Потому особенно интересно разсматривать ее не въ отдѣльности отъ другихъ сторонъ жизни, какъ чисто художественную дѣятельность, а въ связи съ общею исторіею народа, какъ силу, властвовавшую надъ умами, нравами и жизненными стремленіями и приготовлявшую событія,—словомъ, смотрѣть на нее не какъ на исключи-

*) Гервинусъ, см. особенно предисловіе къ 1-му и 4-му томамъ изданія 1853 года.

тельное достояніе искусства, а какъ на одинъ изъ великихъ фазисовъ общей исторіи народа.

Лессингъ былъ главнымъ въ первомъ поколѣніи тѣхъ дѣятелей, которыхъ историческая необходимость вызвала для оживленія его родины. Онъ былъ отцомъ новой нѣмецкой литературы. Онъ владычествовалъ надъ нею съ диктаторскимъ могуществомъ. Всѣ значительнѣйшіе изъ послѣдующихъ нѣмецкихъ писателей, даже Шиллеръ, даже самъ Гете въ лучшую эпоху своей дѣятельности, были учениками его; оставались учениками его даже тогда, когда возставали противъ него или по одностороннему увлеченію, какъ писатели „періода бурныхъ стремленій“ (Sturm- und Drang-Periode), или по тайной зависти, какъ Гердеръ и Гете. Нынѣ, когда литература въ Германіи утратила свою преобладающую силу надъ развитіемъ общественной жизни, и безусловное восхищеніе литературными знаменитостями прежняго времени уступило мѣсто другимъ симпатіямъ, величіе Лессинга возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается авторитетъ писателей, смѣнившихъ его, и по мѣрѣ того, какъ очевиднѣе убѣждаются наши современники въ односторонности понятій, которыми еще недавно были удовлетворяемы, все болѣе и болѣе научаются они цѣнить Лессинга. Онъ ближе къ нашему вѣку, нежели самъ Гете, взглядъ его проницательнѣе и глубже, понятія его шире и гуманнѣе. Только еще недавно стали постигать почти безпримѣрную геніальность его ума, удивительную вѣрность его идей обо всемъ, чего ни касался онъ. Слава Лессинга все возрастаетъ и, вѣроятно, долго еще будетъ возрастать. Но и теперь стало уже ясно для всѣхъ, что только очень немногіе изъ людей XVIII вѣка, столь богатаго геніальными людьми и сильными историческими дѣятелями, могутъ быть поставлены на ряду съ нимъ по геніальности и огромному историческому значенію. Между своими соотечественниками онъ рѣшительно не находитъ соперниковъ въ своемъ вѣкѣ; самъ Фридрихъ II не имѣлъ такого сильнаго вліянія на развитіе нѣмецкаго народа, какъ Лессингъ *).

Мы уже сказали, что нѣмецкую литературу послѣдней половины прошедшаго и начала нынѣшняго вѣка надобно разсматривать преимущественно со стороны ея вліянія на жизнь нѣмецкаго народа. Дѣятельность Лессинга, которая будетъ предметомъ нашихъ статей, заключаетъ въ себѣ начала всего того, чѣмъ сильна и благотворна для своего народа была эта литература; всему основаніе было положено Лессингомъ: подвигъ его преемниковъ былъ только осуществленіемъ его мысли, и наибольшую часть того, что считалъ онъ нужнымъ совершить, успѣлъ совершить онъ самъ, оставивъ своимъ преемникамъ только меньшую и легчайшую половину труда; въ великой борьбѣ, цѣлью которой было возрожденіе нѣмецкаго народа, не только планъ битвы принадлежитъ ему, но и побѣда была одержана имъ, —Гете и Шиллеръ только довершали то, что уже было сдѣлано Лессингомъ, —ихъ слушали, потому что Лессингъ заставилъ слушать; имъ сочувствовали, потому что Лессингъ заставилъ сочувствовать идеямъ, которыя выражали они, —и все, что было здороваго въ ихъ идеяхъ, было имъ внушено Лессингомъ.

*) Шлоссеръ, Гервинусъ, Гиллебрандъ и проч.

Въ немъ или черезъ него и отъ него вся новая нѣмецкая литература до смерти Шиллера и до конца плодотворной эпохи въ дѣятельности Гете.

Мы хотимъ разсказать, что и какъ сдѣлалъ Лессингъ для историческаго развитія Германіи,—и намъ надобно начать съ того, чтобы взглянуть, въ какомъ положеніи засталъ онъ Германію.

Читатель не найдетъ страннымъ, что изложеніе дѣятельности писателя начинается обозрѣніемъ состоянія его родины не въ одномъ литературномъ или умственномъ отношеніи, но и въ государственномъ: писатель этотъ имѣлъ могущественнѣйшее вліяніе не на одну литературу, а на всю общественную жизнь Германіи; результатомъ его дѣятельности было не возрожденіе одной литературы, а возрожденіе націи. Посмотримъ же, въ какомъ положеніи засталъ онъ свой народъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Причины, замедлившія соединеніе нѣмецкихъ племенъ въ одну національную державу и содѣйствовавшія распаденію Германіи на множество самостоятельныхъ государствъ. Слѣдствія этого распаденія. — Положеніе нѣмецкаго народа въ половинѣ XVIII вѣка по отношенію къ общимъ національнымъ интересамъ.—Характеристика государственной и частной жизни въ различныхъ нѣмецкихъ владѣніяхъ.

Русскіе, англичане, французы часто осуждаютъ нѣмцевъ за то, что они до сихъ поръ не составили изъ себя одной великой державы, каковы Россія, Англія, Франція. Многіе заходятъ въ этомъ осужденіи такъ далеко, что объявляютъ нѣмцевъ народомъ неспособнымъ къ высшей государственной жизни. Эти люди забываютъ, что судьба народа зависитъ не отъ однѣхъ его способностей, но также и отъ обстоятельствъ. Здѣсь не мѣсто разсматривать, до какой степени извиняются обстоятельствами предки нынѣшнихъ нѣмцевъ, за то, что въ XV — XVII вѣкахъ не успѣли образовать одной державы, какъ успѣли достичь государственнаго единства французы и англичане. Но при внимательномъ разборѣ оказывается, что препятствія, съ которыми нѣмцы должны были бороться въ этомъ дѣлѣ, были гораздо значительнѣе, нежели тѣ затрудненія, которыми задерживались другіе народы. Въ Англіи, напримѣръ, вся страна была занята однимъ и тѣмъ же племенемъ, во Франціи были только два племени, изъ которыхъ сѣверное съ самаго начала было гораздо могущественнѣе южнаго, такъ что безъ особеннаго труда получило рѣшительный перевѣсъ надъ нимъ,—въ Германіи было нѣсколько племенъ, одинаково сильныхъ или защищенныхъ географическими условіями отъ преобладанія другъ надъ другомъ,—фризы, саксы, тюрингцы, аллеманы, баварцы не такъ скоро могли слиться между собою въ одно цѣлое, какъ франки Шампани съ франками Анжу и Берри. По своему географическому положенію, нѣмцы имѣли сосѣдями иноплеменниковъ и на западѣ, и на югѣ, и на востокѣ, между тѣмъ, какъ французы имѣли чужихъ сосѣдовъ только съ одной восточной стороны (на югѣ горы отдѣляли ихъ отъ другихъ народовъ твердою границею), англичане только на сѣверной границѣ встрѣчались съ малочисленными шотландцами,—и если Англія окончательно слилась съ Шотландіей только въ началѣ XVIII вѣка, то можно ли дивиться, что сліяніе пяти или шести равносильныхъ нѣмецкихъ племенъ замедлилось? Во Франціи стремленіе народа къ единству не было развлекаемо дѣломъ покоренія сосѣднихъ племенъ характеру французской національности, въ Англіи борьба за обладаніе Франціею началась уже по соединеніи всѣхъ англійскихъ областей въ одно государство. Въ той и другой странѣ, до утвержденія государственнаго единства, всѣ усилія и народа и верховной

власти были устремлены къ созданію и упроченію этого единства. Въ Германіи, напротивъ того, на югѣ и востокѣ нѣмецкое племя было занято упорною борьбою съ иноплеменниками и расширеніемъ границъ своей національности. Представитель верховной власти, императоръ, въ качествѣ главы всего католическаго міра, занятъ былъ не столько утвержденіемъ строгаго государственнаго единства въ Германіи, сколько завоеваніемъ Италіи и борьбой съ папою, а народъ—расширеніемъ предѣловъ своихъ на востокъ. Такимъ образомъ, при значительнѣйшихъ внутреннихъ препятствіяхъ къ основанію государственнаго единства, существовали въ Германіи историческія отношенія, не позволявшія силамъ народа и усиліямъ правительства сосредоточиваться на одномъ стремленіи къ созданію одного національнаго государства, между тѣмъ, какъ въ Англіи и Франціи не существовало этихъ отношеній, неблагопріятныхъ, стремленію къ государственному единству.

Этими особенными обстоятельствами и отношеніями уже достаточно объясняется, почему исторія Германіи, по вопросу о государственномъ единствѣ одноплеменнаго народа, представляетъ противоположность, напримѣръ, французской исторіи; и нѣтъ надобности предполагать въ нѣмцахъ менѣе способности къ составленію одного національнаго государства, нежели въ какомъ нибудь другомъ изъ европейскихъ народовъ, ранѣе нѣмецкаго народа достигшихъ этой цѣли потому только, что имъ на пути встрѣчалось менѣе препятствій, нежели нѣмцамъ.

Нельзя осуждать нѣмцевъ за то, что они еще не слились въ одну державу: не народъ нѣмецкій виноватъ въ томъ, а географическія и историческія отношенія. Но дѣйствительно, подъ вліяніемъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, исторія Германіи, по отношенію къ государственному единству, представляетъ, съ XIII или XIV вѣка, совершенную противоположность тому, что мы видимъ во Франціи. Начало развитія въ обѣихъ странахъ было одно: имперія Карла Великаго постепенно распалась на мелкія государства, которыя и по объему, и даже по характеру управленія, скорѣе можно сравнить съ частными владѣніями, нежели съ національными державами. Королевская власть во Франціи, императорская въ Германіи была очень слабою связью между раздробленными частями одного народа. Но во Франціи эта центральная власть постепенно усиливается и наконецъ даетъ народу политическое единство; въ Германіи она все больше и больше ослабѣваетъ, такъ что въ XVIII вѣкѣ существуетъ только по имени, а отдѣльные князья, сначала бывшіе подданными императора, становятся независимыми государями, которые только на бумагѣ называются членами одной конфедераціи, на самомъ же дѣлѣ не хотятъ ни думать о національныхъ интересахъ, ни подчиняться имперскому сейму. Каждое великое событіе, театромъ котораго была Германія, подвигало судьбу націи къ этому результату. Чтобы не заходить въ слишкомъ отдаленныя времена, припомнимъ ходъ событій съ Реформаціи. Она раздѣлила Германію на двѣ враждебныя половины, и раздѣленіе это не было слѣдствіемъ какого нибудь разнорѣчія между стремленіями народа въ южной и сѣверной Германіи, а только слѣдствіемъ того, что католикъ-императоръ, папа и баварскіе іезуиты успѣли удержать въ религіозномъ повиновеніи области, ближайшія къ центру ихъ

могущества, и насильственно подавить реформацію въ южной Германіи, чего не успѣли сдѣлать въ земляхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Рима, Вѣны и Мюнхена. Изъ двухъ враждебныхъ партій, протестантская напрягала всѣ силы для ослабленія непріязненной центральной власти, католическая находила себѣ главную опору не въ императорѣ, а въ герцогахъ баварскихъ. Власть императора упала, власть отдѣльныхъ князей возвысилась. Имперскій сеймъ сталъ уже не органомъ союза, хотя и слабаго, но все-таки общаго національнаго союза, какъ то было прежде, а конгрессомъ двухъ враждебныхъ коалицій, послѣднее слово которыхъ всегда — угроза войною. Католики и самъ императоръ ищутъ покровительства Испаніи, протестанты — Англіи, Даніи, Швеціи; поочередно тѣ и другіе — покровительства Франціи; тѣ и другіе одинаково находятся подъ вліяніемъ иноземцевъ, которые становятся покровителями нѣмецкимъ державамъ противъ нѣмецкихъ же державъ. Мало по малу, съ ослабленіемъ религіознаго энтузіазма, ослабѣла и та связь, которая соединяла протестантовъ съ протестантами, католиковъ съ католиками: прежнія крѣпкія коалиціи исчезаютъ; послѣ Тридцати-лѣтней войны нѣтъ прочнаго союза ни между протестантами, ни между католиками; вмѣсто духа партій водворяется духъ полнаго эгоизма. Благодаря чужеземному вмѣшательству, отдѣльные князья становятся, по вестфальскому миру, совершенно самостоятельными, изъ непокорныхъ вассаловъ дѣлаются независимыми отъ императора государями. На сеймѣ каждый руководится только своими частными выгодами; сеймъ безсиленъ, а если имѣетъ еще нѣкоторую тѣнь вліянія, то вліяніе это уже открытымъ и законнымъ образомъ находится въ рукахъ чужеземцевъ: Франція, Швеція, Данія имѣютъ голосъ въ совѣщаніяхъ. Самъ германскій императоръ заботился исключительно о выгодахъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній, чуждыхъ общимъ интересамъ нѣмецкаго народа: онъ дѣйствовалъ, какъ государь Венгріи, разныхъ славянскихъ и итальянскихъ земель, лежавшихъ внѣ границъ Германіи. Таково же было положеніе сильнѣйшихъ князей, курфирстовъ саксонскихъ, бывшихъ королями польскими; духовные князья-архіепископы майнцскій, кельнскій и трирскій не имѣли даже и династическаго интереса: они руководились исключительно личными выгодами. Не будемъ уже говорить о раздѣленности интересовъ по вопросамъ внутренней политики: какъ бы ни была безпощадна борьба партій, раздѣляющихъ народъ во времена мира, но при внѣшней опасности со стороны чужеземцевъ всѣ области страны, всѣ партіи народа имѣютъ одинъ общій интересъ и соединяются для защиты. Послѣ вестфальскаго мира не было и этого въ Германіи: съ половины XVII вѣка, не было ни одной войны, въ которой Германская имперія являлась бы какъ одно цѣлое: каждый разъ, какъ только вспыхивала въ Западной Европѣ война, одни изъ германскихъ владѣтелей сражались за одну, другіе за другую изъ враждующихъ сторонъ, хотя обыкновенно Германіи не было собственно никакой нужды вмѣшиваться въ войну. Да и могло ли быть иначе? кромѣ вліянія иноземцевъ, нѣмецкія области вовлекались въ чуждыя имъ распри и потому, что сильнѣйшіе изъ нѣмецкихъ князей владѣли государствами или провинціями внѣ Германіи: саксонскіе курфирсты были также польскими королями, курфирсты бранденбургскіе владѣли Пруссіею; такимъ образомъ, Бранденбургъ

запутывался во всѣ распри, касавшіяся Прусской области, и въ XVII вѣкѣ былъ государствомъ наполовину чуждымъ Германіи, а Саксонія еще больше страдала отъ соединенія съ Польшею. Помераніею владѣла Швеція, Ганноверомъ—Англія, и обѣ эти державы пользовались силами Ганновера и Помераніи, конечно, не для выгоды этихъ областей, а только по своимъ собственнымъ разсчетамъ. Баварія послѣ вестфальскаго мира постоянно искала у Франціи помощи противъ Австріи. Въ эти чуждыя національнымъ интересамъ, чуждыя всякому помышленію объ общемъ отечествѣ интриги и отношенія сильнѣйшихъ германскихъ державъ вовлекались, какъ ихъ кліенты, десятки второстепенныхъ и сотни третьестепенныхъ князей и князьковъ, пользовавшихся правами политической независимости графовъ, барономъ и рыцарей, архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ и имперскихъ городовъ.

Таково было положеніе Германіи въ началѣ XVIII вѣка, таково же оставалось оно и черезъ пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, — даже сдѣлалось еще безнадежнѣе и позорнѣе.

Общія выраженія слишкомъ слабы и блѣдны,—надобно припомнить событія нѣмецкой исторіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, чтобы имѣть точное представленіе о томъ, какъ далекъ былъ нѣмецкій народъ отъ всякой идеи о единствѣ, когда вліяніе литературы начало противодѣйствовать совершенному расторженію членовъ одной націи.

Ограничиваясь событіями XVIII вѣка, мы не будемъ говорить ни о томъ, какія постыдныя измѣны общему дѣлу со стороны многихъ нѣмецкихъ владѣтелей Германіи были причиною успѣховъ Людовика XIV въ первыхъ его войнахъ; не будемъ говорить о томъ, съ какимъ позорнымъ равнодушіемъ, съ какою жалкою трусостью сеймъ позволялъ ему захватывать во время мира нѣмецкіе области и города. Мы начинаемъ свой обзоръ прямо съ войны за наслѣдство испанскаго престола *).

Въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола Англія и Голландія начали борьбу съ Франціею за свои жизненные интересы. Не говоря ужъ о соперничествѣ въ морской торговлѣ и другихъ важныхъ дѣлахъ, вспомнимъ только, что Людовикъ XIV хотѣлъ завоевать Голландію и вооруженною рукою возвратить въ Англію Стюартовъ, которые были его вассалами и правленіе которыхъ грозило погибелью всему, что было священно для англичанина, отъ протестантской религіи до гражданскихъ законовъ. Австрія имѣла въ войнѣ съ Франціею очень важный интересъ, если не народный, то, по крайней мѣрѣ, государственный; дѣло шло о томъ, австрійскому или французскому вліянію первенствовать въ Западной Европѣ, господствовать въ Испаніи, Италіи, испанскихъ Нидерландахъ. Эти вопросы были совершенно чужды интересамъ Германіи; она не могла ничего выиграть въ этой распрѣ, каковъ бы ни былъ конецъ, и не имѣла причинъ вмѣшиваться въ войну. Германскій сеймъ сначала объявилъ, что будетъ соблюдать нейтралитетъ. Но съ одной стороны подкупалъ германскихъ князей Людовикъ XIV субсидіями, съ другой—императоръ, обѣщаніями повышеній въ титулахъ.

*) Обзоръ состоянія Германіи и событій ея исторіи составленъ почти исключительно по Шлоссеру.

Потому въ Готѣ и Вольфенбюттелѣ начали вербовать войска для французскаго короля, что было запрещено рѣшеніемъ сейма относительно нейтралитета. Ганноверскія войска заняли непокорныя области. При посредничествѣ бранденбургскаго курфирста, войска, навербованныя для французовъ, отданы были въ распоряженіе императора. Сеймъ мало-по-малу склонился на австрійскую сторону. Но курфирсты баварскій и кельнскій остались союзниками французовъ и на деньги, данныя Людовикомъ, вербовали войска, чтобы вмѣстѣ съ французами двинуться на Вѣну. Сеймъ опредѣлилъ выставить армію для защиты границъ имперіи,—онъ рѣшился наконецъ вести войну, но только оборонительную, а не наступательную. Между тѣмъ, курфирстъ баварскій собралъ на французскія деньги 20,000 войска, пошелъ противъ имперской арміи, которая отступила, и двинулся на Рейнъ; курфирстъ кельнскій, съ французскими и собственными войсками, также вступилъ въ германскія области, жегъ, грабилъ и хвалился, что на двадцать миль отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояла его главная квартира, не осталось ни одного поселянина, — и, однако же, четыре года провелъ сеймъ въ совѣщаніяхъ, должно ли этихъ двухъ князей признать врагами германскаго союза. Имперское войско терпѣло во всемъ совершенный недостатокъ; князья выставили едва пятую часть контингента, который обѣщались дать. При такихъ условіяхъ имперская армія, конечно, терпѣла повсюду неудачи и во все продолженіе войны играла самую жалкую роль, между тѣмъ, какъ австрійцы и англичане покрывались славою. Людвигъ Баденскій, назначенный предводителемъ имперской арміи, не могъ сдѣлать ничего, потому что генералами ему даны были люди неспособные, безпечные, которые изъ мелкой зависти старались нарочно мѣшать успѣху его плановъ. Имперскій сеймъ не обращалъ вниманія на его требованія, занимаясь только разборомъ нескончаемыхъ жалобъ различныхъ князей и городовъ на то, что контингенты, на нихъ возложенные, слишкомъ велики. Пренія о каждомъ пустѣйшемъ дѣлѣ тянулись мѣсяцы и годы. Каковы были жалобы, можно судить по слѣдующему примѣру. Одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ, Франкфуртъ, въ 1706 году утверждалъ, что наложенный на него денежный контингентъ не можетъ быть уплаченъ безъ раззоренія города. Какъ же великъ былъ контингентъ?—800 гульденовъ (500 руб. сер.). Франкфуртъ просилъ, чтобы „эта сумма была уменьшена до 300 гульденовъ, сложеніемъ 500 гульденовъ, хотя, по мнѣнію города, справедливо было бы уменьшить ее до 266 гульденовъ и 40 крейцеровъ, сложеніемъ двухъ-третей, именно 533 гульденовъ и 20 крейцеровъ". Король прусскій предложилъ свое заступничество столь жестоко угнетеннымъ франкфуртцамъ подъ условіемъ, что въ ихъ лютеранскомъ городѣ будетъ дано реформатамъ позволеніе отправлять богослуженіе по обряду своей церкви. Можно судить, съ какою посѣдливостью, въ какой полнотѣ и въ какомъ видѣ столь ревностные патріоты выставляли свои войска, и какъ аккуратно уплачивали они наложенныя сеймомъ военныя подати. Когда въ 1706 году коллегія курфирстовъ, послѣ четырехлѣтнихъ требованій со стороны императора, объявила наконецъ врагами союза курфирстовъ баварскаго и кельнскаго, съ 1702 года опустошавшихъ, въ союзѣ съ французами, юго-западную Германію, коллегія князей начала изъ-

являть претензіи за то, что это сдѣлано безъ ея согласія. А, между тѣмъ, на словахъ, члены союза кипѣли ненавистью къ французамъ. Графъ фонъ-Тюнгенъ, при крещеніи своихъ дѣтей, формулу „отреченія отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его“ измѣнялъ даже слѣдующимъ прибавленіемъ: „отрекаешься ли сатаны и французовъ и всѣхъ дѣлъ ихъ“.

Когда умеръ Людвигъ Баденскій, начались споры о томъ, католикъ или протестантъ долженъ начальствовать имперскимъ войскомъ; наконецъ, противъ воли императора, сеймъ назначилъ главнокомандующимъ маркграфа Эрнста Аншпахъ-Байрейтскаго, и тутъ оказалось, что Людвигъ Баденскій былъ великимъ полководцемъ, если могъ еще хотя какъ нибудь держаться съ своимъ войскомъ, никуда негоднымъ. Новый полководецъ былъ тотчасъ же разбитъ французами на голову, такъ что потерялъ всю артиллерію и весь обозъ. Французы хлынули на юго-западную Германію и опустошили всю страну на огромное пространство. Кое-какъ убѣдили маркграфа сложить съ себя команду, и новый предводитель имперской арміи, курфирстъ ганноверскій, рѣшился обороняться отъ французовъ, по системѣ Людвига Баденскаго, въ укрѣпленныхъ позиціяхъ. Онъ постоянно долженъ былъ жаловаться сейму на дурное состояніе войска, недостатокъ провіанта и аммуниціи и на то, что въ солдатахъ нѣтъ никакого патріотизма: князья, по прежнему, не исполняли обязанностей, возложенныхъ на нихъ сеймомъ. Англійскія и голландскія газеты наполнены были насмѣшками надъ медленностью сейма, неисправностью нѣмецкихъ князей: голландскіе уполномоченные упрекали въ своихъ нотахъ сеймъ самымъ жосткимъ языкомъ за то, что „нѣмецкимъ князьямъ деньги дороже собственной чести“. Во все продолженіе войны сеймъ и его армія были посмѣшищемъ Европы. Самъ Евгеній Савойскій, такъ блистательно поражавшій французовъ съ австрійскими войсками, не могъ ничего сдѣлать съ имперскою арміею, когда она поступала въ его распоряженіе, долженъ былъ отступать и смотрѣть, какъ французы въ его глазахъ брали одну крѣпость за другою. Сеймъ разсуждалъ, велъ жаркія пренія, писалъ длинныя инструкціи и дедукціи, но никто не платилъ денегъ по его назначенію, армія не имѣла ни хлѣба, ни аммуниціи. Зато и при заключеніи мира съ Франціею въ Раштадтѣ никто не спрашивалъ согласія у сейма: Австрія подписала трактатъ безъ его уполномоченныхъ, и уже потомъ, въ Баденѣ, начались новые переговоры между французскими и имперскими посланниками. Разумѣется, это была чистая комедія; но имперскіе педанты важно и долго трактовали о томъ, что уже давно было рѣшено въ Раштадтѣ безъ ихъ согласія, и чему они принуждены были безусловно покориться. Само собою разумѣется также, что Баварія и Кельнъ, союзники французовъ, получили полное извиненіе въ томъ, что воевали противъ имперіи, членами которой считались.

Въ то время, какъ юго-западная Германія страдала отъ войны, участвовать въ которой не имѣла никакой нужды, сѣверо-восточная Германія еще больше страдала отъ другой войны, еще болѣе чуждой ея интересамъ. Честолюбивые замыслы короля польскаго навлекли на Польшу страшное мщеніе Карла XII; но король польскій былъ вмѣстѣ курфирстомъ саксонскимъ, и Саксонія подверглась той же участи, какъ Польша. Бѣдствія на-

чались съ того, что саксонскія войска были истреблены шведами въ остзейскихъ провинціяхъ и Польшѣ, куда, безъ всякаго вниманія къ пользамъ Саксоніи, завелъ ихъ Августъ II. Потомъ Карлъ, преслѣдуя Августа, пошелъ въ Саксонію черезъ Силезію, которая тогда принадлежала императору,—императоръ не дерзнулъ выразить неудовольствіе за то, что иноземцы самовольно проходятъ по его областямъ, напротивъ, даровалъ различныя льготы силезскимъ протестантамъ, чтобы только пріобрѣсть благосклонность шведскаго короля. Саксонія не могла и не думала защищаться: Карлъ занялъ ее безъ битвы и, однако же, систематически разорялъ эту страну, чтобы лишить своего врага средствъ къ продолженію войны. Потери, которыя понесла Саксонія только въ первыя пять лѣтъ Сѣверной войны отъ наборовъ и поборовъ Августа, еще до занятія шведами Саксоніи, оцѣниваются въ 88,000.000 талеровъ—сумма, равняющаяся, при тогдашней рѣдкости денегъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ, двумстамъ милліонамъ по нынѣшней цѣнности денегъ; изъ саксонскихъ войскъ погибло до 36,648 человѣкъ — потери страшныя для страны, которая имѣла всего какихъ нибудь два милліона жителей. Всю эту погибель навлекъ Августъ на свою родину только для того, чтобы получать субсидіи отъ Петра Великаго и тотчасъ же растрачивать эти субсидіи на свои роскошныя увеселенія. Русскимъ хорошо извѣстна жалкая роль двоедушнаго измѣнника, которую принялъ на себя Августъ, выдавъ Карлу русскаго посланника Паткуля на колесованіе, въ то самое время, какъ увѣрялъ Петра Великаго въ своей дружбѣ; извѣстно и то, какъ горько отомстилъ ему за измѣну Меньшиковъ, заставивъ его, уже заключившаго миръ съ Карломъ, сражаться подлѣ русскихъ въ битвѣ при Калишѣ, гдѣ были поражены шведы. Августъ, униженно прося за то прощенія у Карла, хвалился передъ нимъ, что тайкомъ отъ Меньшикова извѣщалъ шведскихъ генераловъ о движеніяхъ Меньшикова, а сражался только изъ страха и какъ нельзя хуже. Съ тѣмъ вмѣстѣ Августъ отдалъ подъ судъ, наказалъ денежными штрафами и заключеніемъ въ крѣпости тѣхъ сановниковъ, которые по его приказанію заключали миръ съ Карломъ: „они должны были догадаться—говорилъ онъ—что я только хочу обмануть шведовъ“. Между тѣмъ шведы хозяйничали въ Саксоніи такъ своевольно, что изнѣжились отъ роскошной жизни и отвыкли отъ прежней строгой дисциплины. Кромѣ квартиры и пищи, они получали отъ жителей добавочныя деньги къ жалованью. Саксонцамъ пришлось такъ тяжело, что, по выраженію, употребленному въ оффиціальномъ представленіи саксонскаго Ландтага, „различные обыватели отъ слишкомъ большаго утѣсненія и недостатка пропитанія впали въ меланхолію, отчаяніе и даже самоубійство, потому что немилосердно отнимали у нихъ скотину и домашній скарбъ и продавали набравшимся въ Саксонію жидамъ, а солдату въ день должны они были давать два фунта мяса съ овощами и двѣ кружки пива“. Пышность саксонскаго двора не уменьшалась въ это бѣдственное время, и сборщики контрибуціи, простиравшейся до 500.000 талеровъ въ мѣсяцъ, пользовались случаемъ, чтобы еще почти столько же отнимать у народа въ собственную пользу. Такое несносное состояніе продолжалось цѣлый годъ, пока Карлъ вышелъ изъ разоренной земли. Между тѣмъ онъ вербовалъ въ свои войска не только въ Саксоніи,

но во всѣхъ имперскихъ городахъ, въ Бранденбургѣ. Пруссіи, даже въ Силезіи, несмотря на запрещеніе императора. Когда, послѣ пораженія Карла подъ Полтавою, Данія и Польша возобновили непріязненныя дѣйствія противъ шведовъ, вся тяжесть войны обрушилась на нѣмецкія провинціи; русскіе опустошили шведскую Померанію, въ отмщеніе за то Стенбокъ разорялъ Гольстинію, съ такою свирѣпостью, какой мало бывало примѣровъ: цѣлью его, по собственному его объявленію, было „выжечь въ Гольстиніи столько же городовъ и селъ, сколько выжгли русскіе въ Помераніи". Между прочимъ, онъ велѣлъ сжечь городъ Альтону; Гамбургъ, лежащій по сосѣдству, не пустилъ несчастныхъ изгнанниковъ переночевать, и они должны были, среди жестокой зимы, ночевать въ полѣ, передъ запертыми для нихъ воротами Гамбурга; многіе замерзли въ эту ужасную ночь. Переходя изъ рукъ въ руки, Мекленбургъ, Померанія и Гольстинія были совершенно опустошены шведами, саксонцами, датчанами и русскими; Данцигъ, Гамбургъ, Любекъ и другіе города платили страшныя контрибуціи, села были разрушены.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Испанія, въ союзѣ съ Франціею, вздумала отнять у Австріи итальянскія провинціи, а въ Польшѣ произошли смуты по случаю избранія короля, Германія въ 1733—1734 годахъ опять съ двухъ сторонъ была наводнена врагами, опять подверглась разоренію изъ-за споровъ, которые были совершенно чужды ея прямымъ интересамъ, и опять многіе германскіе князья явились союзниками иноземцевъ противъ своей родины, и опять имперское войско покрыто было позоромъ. Французы вступили въ юго-западную Германію, прогнали имперскія войска, ограбили прирейнскія области. Потомъ вступили во Франконію пруссаки, посланные на помощь императору, и также грабили эту страну, между прочимъ, за то, что франконцы не позволяли курфирсту, страшно любившему высокихъ солдатъ, насильно брать въ свою службу чужихъ подданныхъ, имѣвшихъ несчастіе родиться высокорослыми. Баварскій курфирстъ продалъ себя французамъ и сталъ на французскія деньги собирать войско противъ имперіи, но, къ счастію, набралъ его немного, потому что большую часть полученныхъ субсидій истратилъ на своихъ фаворитокъ. Пфальцъ и Майнцъ также были въ союзѣ съ французами; кельнскій курфирстъ также продалъ себя французамъ. Курфирсты ганноверскій и бранденбургскій перессорились такъ, что грозили другъ другу войною, и первый вызывалъ втораго на дуэль. Три французскія арміи уже давно раззоряли Швабію, Франконію и Лотарингію, а сеймъ все еще не объявлялъ войны; наконецъ объявилъ,—и начался споръ о томъ, кому предводительствовать имперскою арміею, существовавшею, впрочемъ, только еще на бумагѣ. Единственнымъ средствомъ покончить этотъ споръ было то, что команду принялъ Евгеній Савойскій, хотя былъ уже дряхлъ. При всей своей геніальности, онъ могъ только отступать передъ французами; да и то было верхомъ искусства, что онъ успѣлъ отступить съ такою жалкою арміею, не потерявъ ея. На защиту нѣмцевъ должны были явиться русскія войска. Война кончилась тѣмъ, что имперія потеряла Лотарингію.

На другомъ концѣ Германіи, въ войнѣ за польскій престолъ, всего

болѣе пострадали опять-таки нѣмецкія провинціи, и, напримѣръ, Данцигъ долженъ былъ заплатить 2.000,000 талеровъ контрибуціи, изъ которыхъ, впрочемъ, половина была потомъ прощена ему, по невозможности уплаты.

Со времени вступленія Фридриха II на прусскій престолъ, сила и достоинство Пруссіи въ кругу европейскихъ державъ быстро увеличиваются. Но это возвышеніе нѣмецкой державы было едва ли не самымъ пагубнымъ ударомъ упадавшему, уже почти павшему единству Нѣмецкой имперіи. Пруссія стала такъ сильна, что рѣшительно не захотѣла ни въ чемъ подчиняться даже формальной зависимости отъ сейма; но, съ другой стороны, она вовсе не была ни такъ могущественна, ни такъ общительна въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ нѣмецкимъ государствамъ, чтобы сдѣлаться центромъ новаго единства для Германіи. Она только оторвалась отъ союза, не представляя новыхъ залоговъ единства въ замѣнъ окончательно разорванныхъ прежнихъ узъ. И не только государственныя связи различныхъ частей Германіи потерпѣли отъ ея возвышенія: оно въ самомъ народѣ поселило непріязненныя чувства, основанныя, съ одной стороны, на завистн, съ другой—на гордости. До Фридриха II ни одно изъ нѣмецкихъ племенъ не могло хвалиться особенно славными подвигами, не имѣло знамени, которое могло бы съ честью быть выставлено противъ общаго національнаго знамени. Послѣ блистательныхъ побѣдъ Фридриха жители прусской державы стали гордиться и хвалиться тѣмъ, что они пруссаки, и стали съ презрѣніемъ смотрѣть на жителей другихъ нѣмецкихъ областей, уже не хотѣли даже считать себя нѣмцами. До того времени они мало думали объ отечествѣ, но когда думали, то все-таки отечествомъ представлялась имъ Германія; теперь отечествомъ они стали считать Пруссію, равнодушно и нагло отзываясь о Германіи, до которой не хотѣли имѣть никакого дѣла. Вмѣсто прежняго, хотя слабаго, чувства національнаго единства, въ значительной и сильнѣйшей части нѣмецкаго народа явилось положительное отчужденіе отъ общаго отечества, въ другихъ племенахъ — вражда къ этому отчуждающемуся, соединенная съ унизительнымъ сознаніемъ собственнаго безсилія.

Фридрихъ II съ самаго начала сталъ дѣйствовать, какъ глава государства, совершенно независимаго отъ союза. Онъ, оставивъ юридическій путь, которому всегда слѣдовали нѣмецкіе князья, и въ томъ числѣ его предки, при столкновеніяхъ своихъ съ другими нѣмецкими князьями, рѣшилъ споръ свой съ епископомъ Люттихскимъ, занявъ войсками округи, о правахъ на которые шло дѣло. Точно также принудилъ онъ курфирста майнцскаго уступить Румпенгеймъ ландграфу гессенскому, объявивъ безъ всякой церемоніи, что вышлетъ войско противъ Майнца, если курфирстъ не покорится волѣ прусскаго короля. Послѣ этого очевидно было, къ какимъ средствамъ прибѣгнетъ онъ для завладѣнія нѣсколькими округами Силезіи и Юлихъ-Клеве-Бергомъ, на обладаніе которыми Пруссія имѣла притязанія. Важность дѣла состоитъ не столько въ справедливости или несправедливости притязаній, сколько въ томъ, что Фридрихъ рѣшалъ несогласіе единственно военною силою, какъ бы споръ веденъ былъ съ державами, совершенно чуждыми, и какъ бы германскаго вовсе не существовало, даже и на бумагѣ.

Около того самаго времени, какъ явился на прусскомъ престолѣ Фрид-

рихъ II, умеръ императоръ Карлъ VI, оставивъ императорскую корону своей дочери, Маріи-Терезіи. Завѣщаніе это оспаривали многіе государи, въ томъ числѣ одинъ изъ нѣмецкихъ князей, курфирстъ баварскій, Карлъ-Альбертъ, рѣшившійся войною отнять у Маріи-Терезіи императорскій титулъ и ея германскія владѣнія (Австрію, Богемію и Тироль); но у самого Карла-Альберта не было ни денегъ, ни арміи. Отецъ оставилъ ему 30,000,000 долгу и безчисленную толпу голодной придворной челяди, для содержанія которой число войска было уменьшено до 10,000; французскія субсидіи, выдававшіяся на усиленіе арміи, поглощались придворными праздниками, фаворитками и іезуитами. Вся надежда Карла-Альберта была на новую помощь отъ Франціи,—и онъ, государь, принявшій титулъ германскаго императора, высшій титулъ во всемъ европейскомъ мірѣ,—обращался съ самыми униженными просьбами не только къ французскому королю, но и къ кардиналу Флери, управлявшему дѣлами: онъ писалъ къ Флери въ такомъ тонѣ, какого постыдился бы даже вельможа французскаго двора, просящій какой нибудь должности. Вотъ отрывокъ одного изъ этихъ писемъ, съ негодованіемъ приводимый Шлоссеромъ:

„Увѣренный въ милостяхъ его величества (короля французскаго), исполненный надежды на дружбу вашего высокопреосвященства (кардинала Флери), я питаю убѣжденіе, что первымъ дѣломъ моимъ должно быть — броситься въ объятія его величества, въ которомъ я вѣчно буду видѣть единственную мою опору и единственную мою помощь, и высказать вашему высокопреосвященству мысль мою, что настоящія обстоятельства могутъ быть источникомъ величайшей славы для вашего министерства, такъ какъ вы можете преувеличить могущество короля, уменьшивъ могущество династіи, издавна съ нимъ соперничествующей, и съ тѣмъ вмѣстѣ вознаградить вѣрность союзника, котораго постоянная преданность французскому дому извѣстна вамъ. На замѣчаніе вашего высокопреосвященства я признаюсь, что вѣра моя въ короля не была ошибочна, потому что первыя мысли его величества обратились на меня, съ выраженіемъ желанія его величества возвести меня, если то возможно, на императорскій престолъ...“

И такъ далѣе, въ томъ же униженномъ тонѣ. Флери, какъ и слѣдовало, отвѣчалъ на эти презрѣнныя мольбы сухо и сомнительно, читалъ назиданія претенденту, безъ церемоніи говорилъ ему, что если французскій король помогаетъ ему, то онъ долженъ считать это за величайшую милость, не обѣщалъ ему ничего вѣрнаго, заставляя его снова умолять и унижаться, наконецъ послалъ къ нему своего агента, который распоряжался въ Мюнхенѣ такъ, какъ римскіе проконсулы распоряжались во владѣніяхъ союзныхъ Риму царей пергамскихъ или египетскихъ. Карлъ-Альбертъ продолжалъ умолять Флери и дѣлать на депешахъ, къ нему отправляемыхъ, собственноручныя приписки такого рода:

„Приблизилась минута, которая должна рѣшить судьбу вѣрнѣйшаго изъ союзниковъ короля и увѣковѣчить славу его царствованія, давъ ему случай доставить императорскую корону князю, который, по признательности и преданности, поставитъ всегдашнею своею обязанностью соединять интересы Имперіи съ интересами Франціи: и такъ какъ это будетъ вашимъ дѣломъ, то я возлагаю всю мою надежду на васъ, котораго я всегда любилъ и почиталъ, какъ истиннаго своего отца...“

Пока тянулись эти просьбы, Фридрихъ II безъ всякой церемоніи объявилъ войну австрійской императрицѣ, какъ независимый отъ нея государь,

точно такъ, какъ Англія объявляла войну Франціи или Австрія Турціи.

Ободренный успѣхами Фридриха, кардиналъ Флери рѣшился также начать войну съ Австріею, склонился на мольбы Карла-Альберта и попытался сдѣлать его императоромъ. Заключенъ былъ трактатъ, по которому Карлъ-Альбертъ ставилъ себя въ полную зависимость отъ Франціи и обѣщался, когда будетъ возведенъ на императорскій престолъ, безпрекословно предоставить Франціи всѣ тѣ германскія области, которыя успѣетъ она занять своими войсками, помогая ему. Онъ обязывался никогда не требовать возвращенія Германскому союзу этихъ областей и городовъ.

При избраніи императора, на императорскомъ сеймѣ всѣмъ управлялъ французскій посланникъ, будто въ странѣ, уже завоеванной. Ему было уступлено первое мѣсто во всѣхъ церемоніяхъ; нѣмецкіе князья уже составляли только его свиту. Всѣ курфирсты, повинуясь его приказаніямъ, объявили императоромъ Карла-Альберта.

Но Марія-Терезія выслала противъ кліента французовъ свои славянскія и венгерскія войска: они опустошили всю Баварію, которую, впрочемъ, не щадили и союзники Карла-Альберта; остальныя части юго-западной Германіи были раззоряемы французами; самая Богемія, переходившая изъ рукъ въ руки, много потерпѣла. Когда Фридрихъ, овладѣвъ Силезіею, помирился съ Австріею и англичане выслали противъ французовъ на Рейнъ сильное войско, состоявшее большею частью изъ наемныхъ солдатъ тѣхъ самыхъ германскихъ князей, которые признавали Карла-Альберта императоромъ, когда умеръ Карлъ-Альбертъ, сынъ его, взявъ 8,000,000 на свои придворные расходы, призналъ императоромъ мужа Маріи-Терезіи.

Результатомъ войны было усиленіе Пруссіи и пріобрѣтеніе Фридрихомъ славы великаго полководца; но слава эта была пріобрѣтена междоусобною войною, пораженіемъ нѣмецкихъ войскъ нѣмецкими же войсками. Пріобрѣли славу также славянскія и венгерскія войска, защищая германскую императрицу противъ германскихъ государей. Саксонія, Силезія, Богемія, Баварія и вся западная Германія были опустошены, потому что одному изъ нѣмецкихъ князей хотѣлось быть вассаломъ французскаго короля и предать Франціи Германію; а другому члену Германской имперіи угодно было не признавать за собою никакихъ обязанностей относительно Германіи. О безпощадности, съ какою нѣмецкія области раззорялись нѣмецкими же государями, можно судить уже изъ того, что Лейпцигъ, кромѣ всѣхъ контрибуцій, взятыхъ съ него пруссаками во время Второй Силезской войны, долженъ былъ, по мирному трактату, заплатить Фридриху еще милліонъ талеровъ.

Семилѣтняя война, начатая Фридрихомъ черезъ нѣсколько времени, была славна для Фридриха и для пруссаковъ; быть можетъ, она принесла пользу всей Европѣ, доказавъ силу новыхъ началъ государственнаго управленія, представителемъ которыхъ являлся Фридрихъ. Строгая экономія, веденная королемъ прусскимъ въ расходахъ, дала ему возможность чрезвычайно хорошо приготовиться къ войнѣ и съ честью выдержать ее; неляцепріятное правосудіе, неусыпная заботливость о благосостояніи народа, отмѣненіе отяготительной формалистики въ судопроизводствѣ и администраціи, —

все это пріобрѣло ему неизмѣнную любовь подданныхъ и возбудило въ нихъ энергическое желаніе защищать государя и государство. Всѣ эти качества порядка дѣлъ, введеннаго въ Пруссіи Фридрихомъ, не только были чужды администраціи другихъ державъ въ то время, но и служили главнымъ основаніемъ ненависти, какую питали къ Фридриху фавориты, фаворитки и ханжи, владычествовавшіе почти повсюду. Фридрихъ, могущественный своею экономіею и патріотизмомъ подданныхъ, устоялъ противъ соединенныхъ усилій почти всей Европы, хотя владѣлъ только небольшимъ государствомъ, имѣвшимъ менѣе семи милліоновъ жителей. Расточительность и дурная администрація, которою страдали Франція и германскія державы, кромѣ Пруссіи, была наказана постыдными пораженіями. Общественное мнѣніе было возбуждено противъ казнокрадства и беззаботности въ администраціи. Для Европы вообще Семилѣтняя война была полезнымъ урокомъ. Но для единства нѣмецкаго народа она была гибельнѣйшимъ событіемъ. Страшное раззореніе, которому подверглись отъ пруссаковъ Саксонія и многія другія нѣмецкія владѣнія, а прусскія области—отъ австрійскихъ армій, поселило глубокую ненависть между подданными Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствъ. Надменность пруссаковъ, гордыхъ своими побѣдами, дошла до крайняго презрѣнія ко всѣмъ остальнымъ нѣмецкимъ племенамъ.

До Семилѣтней войны многіе члены Германскаго союза вступали въ сообщество съ иноземцами противъ Германіи; но то были второстепенныя государства, ихъ поступки имѣли характеръ измѣны, беззаконнаго возстанія противъ имперскаго сейма. Сеймъ и глава его, императоръ, всегда объявляли себя противъ иноземцевъ. Теперь Австрія и германскій сеймъ просили помощи иноземцевъ противъ германскаго государя, призывали ихъ на Германію и хотѣли дѣлить съ иноземцами нѣмецкія области. Это было вдвойнѣ ужасно для патріота: законная власть, союзъ, чтобы смирить одного изъ своихъ членовъ, отдавалъ Германію подъ чужое иго и тѣмъ публично высказывалъ не только недостатокъ патріотизма, но и безсиліе свое.

Сеймъ объявилъ войну Пруссіи. Но сѣверные князья, которымъ выгоднѣе было продавать свои войска Англіи, нежели даромъ отдавать ихъ въ распоряженіе союзной власти, протестовали противъ рѣшенія сейма: Липпе, Вальдекъ, Гессенъ, Брауншвейгъ, Ганноверъ, Гота вступили въ союзъ съ англичанами, защитниками Пруссіи.

Было бы напрасно въ подробности говорить о страшномъ раззореніи, которому подверглись всѣ германскія области во время Семилѣтней войны. Французскія арміи, вторгавшіяся съ запада, болѣе походили, по сознанію самихъ французскихъ генераловъ, на огромныя шайки мародеровъ, нежели на регулярныя войска. Такъ, за нѣсколько времени до Росбахской битвы, начальникъ штаба въ арміи Ришлье, генералъ Мальбуа, доносилъ военному министру: „войска наши совершаютъ всевозможныя неистовства и больше любятъ грабить, нежели сражаться“. Опустошеніе восточныхъ прусскихъ провинцій русскими долго было памятно Европѣ; Австрійскіе кроаты не уступали свирѣпостью башкирамъ и татарамъ; имперскія войска грабили не хуже французовъ, съ которыми раздѣлили и безпримѣрный позоръ росбахскаго пораженія. Шведское правительство, посылая войско въ Германію, не

давало ему ни жалованья, ни провіанта, прямо объявляя командующему генералу, что онъ долженъ содержать свой отрядъ грабежемъ и контрибуціями. Фридрихъ дѣйствовалъ такимъ же образомъ. Не говоря уже о Саксоніи, контрибуціи съ которой составляли главный источникъ доходовъ Фридриха во всю войну *), и страшное разореніе которой лежитъ самымъ чернымъ пятномъ на славѣ Фридриха, довольно сказать, что съ бѣднаго и пустыннаго Мекленбурга успѣлъ онъ выпудить болѣе 17.000.000 талеровъ контрибуціи. Но когда французы и австрійцы отнимали Саксонію у пруссаковъ, саксонцамъ приходилось еще тяжеле, такъ что они молились о возвращеніи пруссаковъ. Франконія, Вестфалія, Гессенъ, Бранденбургъ, Силезія, Богемія, Ганноверъ, вообще вся сѣверная половина и, кромѣ того, всѣ западныя области Германіи были опустошены. Отъ пагубныхъ нашествій уцѣлѣли только южныя части австрійско-германскихъ владѣній и Баварія. Все народонаселеніе—земледѣльцы и землевладѣльцы, работники и промышленники—всѣ классы народа были разорены, кромѣ одного класса: чиновниковъ, которые разбогатѣли во время неурядицы, во время усиленныхъ наборовъ и поборовъ, поставокъ и контрибуцій. Разбогатѣли и придворные, потому что вездѣ, кромѣ Пруссіи, большая часть собранныхъ для войны денегъ переходила въ ихъ карманы или растрачивалась для ихъ увеселенія.

На Семилѣтней войнѣ остановимся, потому что слѣдующіе годы принадлежатъ другому періоду—періоду оживленія Германіи. Много принесли тяжкихъ испытаній нѣмецкому народу и эти послѣдующіе годы, особенно эпоха наполеоновскаго владычества; но эти испытанія были уже плодотворны, потому что пробуждена была мысль народа.

Мы видѣли, какой рядъ событій, пагубныхъ для нѣмецкаго народа, былъ слѣдствіемъ политическаго раздробленія Германіи. Каждый разъ, какъ только вспыхивала война въ Европѣ, враждебныя арміи устремлялись на нѣмецкую землю, опустошали ея поля, сожигали ея села, разоряли контрибуціями ея города. Чаще, нежели какая нибудь другая страна Западной Европы, несчастная, беззащитная Германская имперія подвергалась ужасамъ военнаго грабежа, и подвергалась имъ единственно вслѣдствіе своей раздробленности и беззащитности, потому что причины всѣхъ войнъ были, собственно говоря, чужды ея интересамъ,—и, однако же, она въ каждой войнѣ принимала участіе, чтобы быть добычею обѣихъ враждующихъ партій. Франція, Англія, Австрія вели войны за свои государственные интересы. Положимъ, что часто и правительствамъ и народамъ этихъ державъ казалось дѣломъ государственной потребности и чести то, что въ сущности было безполезно или даже вредно для народнаго благосостоянія; положимъ, что они ослѣплялись ложными понятіями о славѣ расширять границы своихъ владѣній, суетными желаніями выказать свою силу, достичь ненужнаго преоблада-

*) Приведемъ одинъ примѣръ. Въ 1760 году, послѣ четырехлѣтняго разоренія, были наложены на истощенную область слѣдующія огромныя контрибуціи: Эрфуртъ долженъ былъ дать пруссакамъ 100,000 талеровъ, 500 лошадей, 400 рекруговъ, Наумбургъ 200,000 талеровъ, Тюрингенскій округъ 1,375,000 талеровъ, Мерзебургъ 120,000 талеровъ, 377 рекруговъ, 254 служителей и 420 лошадей, Цвикау 8,000 талеровъ, Хемницъ 215,000 талеровъ, Маріенбургъ 9,000 талеровъ, Аннабергъ 15,000 талеровъ, Лейпцигскій округъ 2,000,000 талеровъ, городъ Лейпцигъ 1,100,000 талеровъ.

нія надъ другими державами; пусть отъ войны за испанское наслѣдство до Семилѣтней войны всѣ кровавыя распри въ Западной Европѣ возникали только по ошибочнымъ понятіямъ о высшихъ цѣляхъ государственной жизни: но всё-таки австрійское, англійское, французское правительства всегда знали, за что и зачѣмъ ведутъ они войну, стремились къ достиженію цѣлей, сообразныхъ съ понятіями и желаніями подвластныхъ имъ народовъ (исключеніе одно: участіе Франціи въ Семилѣтней войнѣ), все-таки для француза, англичанина, даже для подданнаго Австріи каждая изъ большихъ войнъ, начинаемыхъ его правительствомъ, была дѣломъ патріотическимъ. Одна Германія, постоянно страдая отъ всѣхъ этихъ войнъ, и страдая каждый разъ больше, нежели какая нибудь другая страна, никогда не имѣла, даже въ предразсудкахъ, никакихъ основаній сочувствовать той или другой изъ враждующихъ партій или надѣяться какой нибудь, хотя бы даже мнимой выгоды, на чью бы сторону ни склонилась побѣда.

Войска всѣхъ державъ выигрывали славныя побѣды,—австрійскія — при Евгеніѣ Савойскомъ, Даунѣ и Лаудонѣ, англійскія—при Мальборо, французскія—при знаменитыхъ полководцахъ Людовика XIV и Маршалѣ Саксонскомъ; однѣ только имперскія арміи постоянно покрывались самымъ жалкимъ позоромъ: кто бы ни былъ непріятель, онѣ всегда бѣгали передъ нимъ, или были разбиваемы на голову, когда не успѣвали убѣжать.

Какъ ни велики бѣдствія, какія терпѣла Германія отъ войнъ, эти временныя бѣдствія незначительны въ сравненіи съ постояннымъ внутреннимъ зломъ, тяготѣвшимъ надъ нѣмецкимъ народомъ. Дурное управленіе, беззаконность, расточительность и насиліе—вотъ слова, которыми еще слишкомъ слабо характеризуется германскій государственный бытъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Послѣ Тридцатилѣтней войны, которая нанесла страшные удары и благосостоянію и образованности Германіи, нравы огрубѣли, Германія стала полуварварскою землею. Когда въ концѣ XVIII вѣка, побѣды Людовика XIV, его могущество, его блескъ ослѣпили Европу, и подражаніе французамъ стало общею модою, роскошь и утонченный развратъ, заимствованные изъ Франціи, самымъ дикимъ образомъ соединились при нѣмецкихъ дворахъ съ прирожденною грубостью. Изъ этого сочетанія произошелъ порядокъ вещей, болѣе нелѣпый и пагубный, нежели все то, что угнетало Германію до XVIII вѣка.

При грубости нравовъ до французскаго вліянія въ привычкахъ высшихъ классовъ существовала простота, и потребности вельможъ были ограничены. Теперь каждый баронъ маленькаго нѣмецкаго двора хотѣлъ блистать подобно французскимъ аристократамъ; каждый князь, имѣвшій подъ своею властью кусокъ земли, едва равнявшійся одной французской провинціи, хотѣлъ соперничать великолѣпіемъ съ французскимъ королемъ, хотѣлъ имѣть свой Версаль, свой Parc aux cerfs, и его фаворитки хотѣли не уступать роскошью фавориткамъ французскаго двора. Если прихоти Людовика XIV разорили Францію, большое и богатое государство, легко вообразить, каковы были слѣдствія подобныхъ претензій для маленькаго Касселя или Вольфенбюттеля, для Саксоніи или Баваріи. Предавшись всѣми мыслями же-

ланію блистать, находя единственное наслажденіе въ чувственныхъ удовольствіяхъ и пышныхъ праздникахъ, нѣмецкіе владѣтели перестали обращать всякое вниманіе на порядокъ управленія и рѣшительно не занимались дѣлами. При каждомъ былъ фаворитъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы развлекать князя и всѣми правдами и неправдами добывать деньги для придворныхъ расходовъ. Онъ безотчетно распоряжался всѣмъ, и не было границъ его самовластію, лишь бы только доставлялъ онъ двору средства для роскошныхъ развлеченій. Только немногіе князья, оставшіеся чужды новому французскому образованію, сами занимались государственными дѣлами. Они подвергались всеобщимъ насмѣшкамъ со стороны придворныхъ и князей, увлеченныхъ версальскою модою. Къ чести этихъ немногихъ государей, сохранившихъ старо-нѣмецкіе нравы, надобно сказать, что они были единственными германскими владѣльцами, заботившимися о собственной чести и благѣ подданныхъ. Но хотя они были лучшими изъ германскихъ государей своего времени, въ ихъ личныхъ привычкахъ и въ системѣ ихъ управленія было чрезвычайно много грубаго, тяжелаго, жестокаго. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ того, какъ шли дѣла въ государствахъ, гдѣ дворъ слѣдовалъ французской модѣ, и въ государствахъ, гдѣ князья остались вѣрны старымъ нѣмецкимъ обычаямъ. Лучшимъ образцомъ государей грубыхъ, но честныхъ и дѣятельныхъ, былъ въ первой половинѣ XVIII вѣка отецъ Фридриха Великаго, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ. Самыми блистательными представителями господствующаго направленія, состоявшаго въ подражаніи версальскому двору, были саксонскіе курфирсты.

Начнемъ нашъ обзоръ положеніемъ дѣлъ въ Саксоніи, при Августѣ II и Августѣ III и любимцахъ ихъ Флемингѣ и Брюлѣ.

Мы говорили о страшныхъ бѣдствіяхъ, которымъ подверглась Саксонія, будучи запутана Августомъ II въ войну Россіи и Польши съ Карломъ XII. Эти бѣдствія нимало не мѣшали придворнымъ забавамъ; напротивъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивалась нищета въ Саксоніи, возвышался блескъ двора Августа II, увеличивались его расходы на праздники, на фаворитовъ, фаворитокъ и побочныхъ дѣтей. Когда шведы отняли у него польскій престолъ, всю тяжесть этихъ расходовъ на поддержаніе королевскаго великолѣпія и гвардіи, составленной изъ дворянъ, должны были нести одни саксонцы. Были придуманы и истощены всевозможныя позволительныя и непозволительныя средства: государственные долги быстро возростали, хотя ландтагъ налагалъ на бѣдныхъ саксонцевъ все новыя подати, пошлины и акцизы, хотя въ мирное время продолжалось взиманіе военныхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ податей. Король заложилъ Борнскій округъ Саксенъ-Готѣ, Грефенгайнъ княгинѣ Дессауской, свой участокъ Мансфельда Ганноверу, Фортскій округъ Саксенъ-Веймару. Полученныхъ за то денегъ едва достало на одинъ карнавалъ; однако же, съ каждымъ годомъ праздники становились великолѣпнѣе. Такъ, напримѣръ, при бракосочетаніи наслѣднаго принца съ австрійскою принцессою, нѣсколько недѣль сряду давались во дворцѣ балы, оперы, маскарады. На одномъ маскарадѣ король явился въ такомъ костюмѣ, который стоилъ нѣсколькихъ милліоновъ талеровъ. Вслѣдъ затѣмъ начались торжества по случаю встрѣчи турецкаго посла. Король, принимая его, былъ одѣтъ въ

бархатный фіолетовый костюмъ съ брильянтовыми пуговицами, которыя одинъ стоили милліонъ талеровъ, не считая столь же богатой шпаги и другихъ не менѣе драгоцѣнныхъ принадлежностей. Въ біографіи Августа, написанной Фассманомъ, описаніе торжества по случаю бракосочетанія наслѣднаго принца наполняетъ не менѣе семидесяти-восьми страницъ. „Мы упоминаемъ о всѣхъ этихъ вещахъ—говоритъ Шлоссеръ—желая показать, какими разсказами во время нашихъ отцовъ занималась нѣмецкая публика, и каковы были историческія книги, которыми наслаждался народъ“. Фассманъ приводитъ и причину, по которой описываетъ пиры Августа II такъ подробно: „Надобно въ точности знать всѣ эти церемоніи и пиршества, потому что ими обнаруживается высокій умъ и превосходный вкусъ короля Августа, который самъ занимался устройствомъ праздниковъ“. Они продолжались нѣсколько недѣль: итальянскія и французскія оперы и комедіи смѣнялись охотами и фейерверками, конные и пѣшіе турниры —каруселями и маскарадами, маскированные базары всѣхъ націй —балами и танцами. Надобно замѣтить, что въ то самое время свирѣпствовалъ въ Саксоніи голодъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1725 году, отъ 7 января до 13 февраля, праздновались карнавальныя торжества, которыя, по словамъ Фассмана, помрачили своимъ блескомъ всѣ прежніе праздники. Въ іюнѣ того же года начался новый рядъ праздниковъ, опять тянувшійся нѣсколько недѣль: поводомъ было то, что одна изъ побочныхъ дочерей короля выходила за графа Фризена. Каждый годъ подобныя исторіи повторялись по нѣскольку разъ. О расходахъ можно судить изъ того, что въ 1719 году одна лоттерея для дамъ стоила 60,000 талеровъ, а лоттерея эта была только второстепенною принадлежностью одного изъ многихъ баловъ. Для покрытія расходовъ, города и округи отдавались въ залогъ, и не только сосѣднимъ владѣтельнымъ князьямъ, но и жидамъ-ростовщикамъ; и такъ какъ суммы, взятыя дворомъ, не уплачивались, то ростовщики дѣлались настоящими владѣльцами частей государства,—напримѣръ, жидъ Леманнъ владѣлъ городами Лиссою и Рейссеномъ.

Нравы Августа II были достойны временъ регентства. Фаворитки его оффиціально занимали на придворныхъ праздникахъ болѣе почетныя мѣста, нежели его супруга: такъ, напримѣръ, когда, по удаленіи шведовъ, посѣтилъ Августа датскій король, и разоренная страна должна была давать подати на дивныя торжества въ честь высокаго гостя, высокій гость былъ на балахъ и каруселяхъ кавалеромъ не супруги хозяина, королевы, а графини Козель. Этого примѣра довольно, чтобы судить о нравахъ двора Августа II. Нѣмецкіе подражатели французской распущенности нравовъ пошли въ цинизмѣ далѣе своихъ учителей: не только Людовикъ XIV, но и регентъ, принцъ Орлеанскій, не позволили бы себѣ такого нарушенія всѣхъ приличій, какое было обнаружено въ случаѣ, который мы указали. Не останавливаясь на множествѣ другихъ примѣровъ разврата, представляемыхъ саксонскимъ дворомъ въ XVIII вѣкѣ, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ поступкахъ Августа II и его придворныхъ, которые относятся къ государственной жизни. Пиры и любовницы до такой степени заставляли Августа пренебрегать всѣмъ остальнымъ, что въ то самое время, какъ шведы вторгались въ его владѣнія, онъ продавалъ свои войска Ни-

дерландамъ, которые вели тогда войну съ Людовикомъ XIV: ему важнѣе было давать балы и награждать фаворитокъ, нежели защищаться отъ врага. Безцеремонность курфирста саксонскаго была такъ велика, что даже у простыхъ солдатъ онъ удерживалъ подъ разными предлогами половину жалованья, которое должны были они получать отъ голландцевъ. Но удаленіи шведовъ, онъ опять, собравъ новое войско, продалъ его голландцамъ и англичанамъ. Исполнять свои обѣщанія онъ вообще не имѣлъ привычки и даже самъ открыто признавался въ томъ: такъ, напримѣръ, онъ формально говорилъ, что заключаетъ миръ съ Карломъ XII только для того, чтобы обмануть его, и наказалъ своихъ уполномоченныхъ за то, что они исполнили его инструкцію, которою онъ велѣлъ имъ руководиться при переговорахъ: они должны были знать, по его выраженію, что эта инструкція дается только для обмана. Русскіе читатели знаютъ безпримѣрное вѣроломство, съ какимъ выдалъ онъ на мучительную казнь Карлу XII Паткуля, бывшаго русскимъ посланникомъ при немъ, между тѣмъ, какъ увѣрялъ Петра Великаго въ неизмѣнной своей дружбѣ.

Флемингъ, управлявшій дѣлами при Августѣ II, будучи дурнымъ правителемъ, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, репутацію хорошаго генерала. Брюль, который правилъ Саксоніею при Августѣ III, былъ лишенъ всякихъ достоинствъ, кромѣ тѣхъ качествъ, которыя нужны временщику расточительнаго князя. Онъ устроивалъ пиры и праздники, доставалъ деньги на придворные балы—этого было довольно для Августа III, и Брюль совершенно безотчетно самовластвовалъ въ Саксоніи. Король не зналъ и не хотѣлъ знать, что такое дѣлалось въ его государствѣ. Эта небрежность доходила до такой степени, что когда однажды какому то полковнику удалось, имѣя случай говорить съ королемъ наединѣ, открыть ему, что саксонская армія уже двадцать-шестой мѣсяцъ не получаетъ жалованья. Августъ необыкновенно изумился и душевно огорчился отъ такого неожиданнаго обстоятельства. Но Брюль успокоилъ его, объяснивъ, что полковникъ личный врагъ его, Брюля, и оклеветалъ его, и полковникъ былъ предоставленъ мщенію оскорбленнаго министра, какъ низкій клеветникъ, хотя каждый житель Саксоніи зналъ, что слова этого несчастнаго были совершенно справедливы. Подобные случаи могли у каждаго отнять охоту мѣшаться не въ свое дѣло, то есть говорить громко противъ грабежей и расточительности Брюля. И не только подданные, сама наслѣдная принцесса, сама королева не смѣли сказать королю слова противъ Брюля, какъ ни возмущало ихъ безуміе этого временщика. Въ похвалу Брюля надобно сказать, что онъ былъ человѣкъ мягкаго характера, не любившій кровавыхъ наказаній: смертью не казнилъ онъ недовольныхъ; только Зонненштейнъ, Кенигштейнъ и Плейсенбургъ были втеченіе двадцати-четырехъ лѣтъ его самовластія постоянно наполнены людьми, имѣвшими непріятность возбуждать въ немъ опасенія. И если саксонская армія голодала, люди, преданные Брюлю, не имѣли причинъ на него жаловаться: адъютанты и чиновники, состоявшіе при временщикѣ, всегда исправно получали жалованье чистыми деньгами, между тѣмъ, какъ офицеры королевской арміи, если не хотѣли умереть съ голоду, должны были брать вмѣсто денежнаго жалованья поддѣльныя квитанціи (Steuerscheine), которыя при

размѣнѣ на звонкую монету отдавались только за четвертую или даже за восьмую часть своей номинальной цѣны, по какой получались изъ казначейства офицерами.

Когда, по прекращеніи одной изъ боковыхъ линій саксонскаго дома, княжество Кверфуртское перешло во владѣніе старшей, курфиршеской линіи, Брюль тотчасъ же, при помощи услужливыхъ юристовъ, объявилъ недѣйствительными продажи и контракты, совершенные прежними князьями: всѣ помѣстья, всѣ регаліи, законнымъ образомъ перешедшія изъ удѣльнаго имущества въ частныя руки, были конфискованы, и множество семействъ, издстари пользовавшихся этими имуществами безспорнымъ и законнымъ образомъ, совершенно раззорились. Вотъ одинъ случай, показывающій, какъ все дѣлалось тогда въ Саксоніи. Между прочимъ, Брюль отнялъ у города Вейсензе издстари отмежеванныя ему казною земли, безъ которыхъ цѣлый городъ умеръ бы съ голоду. Несчастные горожане обратились къ королю,— это не помогло; тогда они заключили съ Брюлемъ сдѣлку, по которой въ замѣнъ отнимаемыхъ земель обязались уплатить 20,000 талеровъ и, дѣйствительно, уплатили, но сдѣлались совершенными нищими, потому что сумма платежа далеко превышала ихъ средства. Они снова обратились съ просьбами къ королю: онъ сжалился и велѣлъ изъ 20,000 выдать имъ обратно восемь тысячъ. Брюль поставилъ въ отчетѣ, что онъ выдалъ раззореннымъ эту сумму звонкою монетою, а горожанамъ далъ пошлинныя квитанціи, которыя не стоили и тысячи талеровъ.

Подати были возвышены до такого страшнаго размѣра, что въ многихъ имѣніяхъ моргенъ земли, котораго нельзя было отдать въ наемъ дороже полутора талера, платилъ два талера подати. При такомъ порядкѣ дѣлъ, недоимки, конечно, возрастали съ каждымъ годомъ и простирались наконецъ до громадной суммы тридцати милліоновъ талеровъ. Безпечность Брюля простиралась до того, что, когда Саксонія должна была готовиться къ войнѣ съ Пруссіею, составъ арміи былъ уменьшенъ, для увеличенія придворныхъ расходовъ.

Саксонскіе правители формально не заботились ни о чемъ, кромѣ увеличенія налоговъ, кромѣ придворныхъ интригъ и удовольствій. Въ Баваріи при вступленіи на престолъ Максимиліана-Іосифа явилась было у министровъ мысль позаботиться нѣсколько и о народномъ благосостояніи; но тутъ выказалось только безсиліе подражателей французамъ сдѣлать что нибудь дѣйствительно полезное, и результатомъ слабыхъ попытокъ было только новое угнетеніе. Кромѣ всѣхъ бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ Саксоніею, Баварія страдала еще отъ зла, не касавшагося протестантскихъ земель: въ Баваріи, какъ во всѣхъ почти тогдашнихъ католическихъ государствахъ, господствовали іезуиты. Они, въ союзѣ съ вельможами, старавшимися о сохраненіи своихъ феодальныхъ правъ, упорно поддерживали — и успѣли поддержать— злоупотребленія, беззаконность, апатію и невѣжество. Да и самыя преобразованія дѣлались въ такомъ духѣ, что могли только еще больше испортить дѣло, а не помочь ему. Напримѣръ, чтобы уменьшить число преступленій и смягчить нравы, преобразователи усилили жестокость уголовныхъ законовъ, которые и прежде были безчеловѣчны. Смертная

казнь, пытка, колесованіе явились на каждой страницѣ уголовнаго кодекса. Нравы стали еще грубѣе прежняго, и число преступленій возросло. Курфирстъ хотѣлъ улучшить земледѣліе; но онъ страстно любилъ охоту и потому усилилъ законы, воспрещавшіе простолюдинамъ бить дикихъ животныхъ—хищные звѣри размножились и опустошали поля. Множество денегъ и заботъ было употреблено, чтобы развесть шелковичныя плантаціи въ холодномъ горномъ климатѣ, гдѣ шелководство невозможно; между тѣмъ, о дѣйствительно важныхъ отрасляхъ сельской промышленности не заботились. То же было съ ремеслами и фабриками. Напримѣръ, въ Баваріи не было порядочныхъ слесарей—преобразователи не думали о томъ, а старались распространить ювелирное искусство. Точно также заводили фабрики, не имѣвшія возможности существовать, и для того разоряли поселянъ различными стѣсненіями въ покупкѣ товаровъ. Хотѣли уничтожить нищенство, а, между тѣмъ, размножали нищенствующіе монашескіе ордена и раздачею имъ щедрыхъ подаяній создали цѣлыя арміи бродягъ. Іезуиты продолжали господствовать и распоряжаться всѣми дѣлами. Само собою разумѣется, что всѣ попытки улучшеній, совершаемыя въ странѣ, управляемой іезуитами, должны были остаться безплодны; но и безъ содѣйствія іезуитовъ онѣ, конечно, не принесли бы ничего, кромѣ вреда, потому что преобразователи не имѣли понятія ни о потребностяхъ страны, ни о средствахъ привести въ исполненіе свои планы. Но даже и такія нелѣпыя и неудачныя попытки улучшеній были рѣдки въ Германіи; почти постоянно и почти во всѣхъ владѣніяхъ дѣла шли такъ, какъ шли они въ Саксоніи при Флемингѣ и Брюлѣ. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ укажемъ только одинъ—виртембергское управленіе при герцогахъ Эбергардѣ-Людвигѣ и Карлѣ-Александрѣ, и, въ заключеніе этой части очерка, приведемъ изъ „Записокъ“ Фридриха II о бранденбургскомъ домѣ тѣ страницы, въ которыхъ этотъ великій монархъ дѣлаетъ общія замѣчанія о личныхъ качествахъ и характерѣ правленія своего предка, Фридриха I, перваго короля прусскаго.

Эбергардъ-Людвигъ, герцогъ виртембергскій, въ 1708 году сблизился съ дѣвицею Гревенцъ и женился на ней, хотя его законная супруга была еще жива. Черезъ нѣсколько времени, вслѣдствіе угрозъ императора, онъ развелся съ своею фавориткою и отдалъ ее за графа Вюрбена, чтобы тѣмъ безопаснѣе продолжать свою связь. Графиня Вюрбенъ самовластно управляла дѣлами: она сдѣлала министрами своего брата и племянника и оффиціально предсѣдательствовала въ совѣтѣ министровъ. Всѣ должности продавались фавориткою; дворъ наполнился ея креатурами; она великолѣпно украшала свой любимый Людвигсбургъ, хотя государство не имѣло ни денегъ, ни кредита. Графиня страстно любила игру и проигрывала огромныя суммы; жадность къ деньгамъ и жажда удовольствій равно владычествовали надъ нею. Имя ея было бы внесено въ молитвы общественнаго богослуженія, если бы тому не воспротивился прелатъ Озіандеръ, отвергнувшій это предложеніе отвѣтомъ, что и безъ того уже каждый разъ, когда читаютъ „Отче нашъ“, упоминаютъ о графинѣ Вюрбенъ словами: „избави насъ отъ лукаваго“. Наслѣдникъ Эбергарда, Карлъ, также думалъ только объ удовольствіяхъ и великолѣпіи: деньги на то, при истощеніи всѣхъ источниковъ,

доставлялъ жидъ Іозефъ Зюссъ, которому была дана власть распоряжаться по усмотрѣнію всею администраціею, лишь бы только добывать побольше денегъ, и который раздавалъ мѣста посредствомъ аукціоннаго торга. Гревеницы, фавориты прежняго герцога, были арестованы. Графиня Вюрбенъ должна была удалиться въ Маннгеймъ, а ея помѣстья были конфискованы. Но у ней было много денегъ: она скоро пріобрѣла могущественныхъ друзей въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, подкупила и жида; такимъ образомъ, дѣло наконецъ уладилось безъ большихъ потерь для графини и родственниковъ ея. Но множество другихъ виновныхъ и невинныхъ лицъ были замѣшаны въ процессъ и должны были откупаться, торгуясь съ жидомъ, который былъ предсѣдателемъ судной коммиссіи. Этимъ и тому подобными средствами получилъ онъ въ два года болѣе 450,000 гульденовъ. Продажа должностей въ три года доставила ему болѣе милліона гульденовъ. Суммы эти употреблялись на содержаніе великолѣпной охоты, на дивныя празднества, на пѣвицъ и танцовщицъ. Для княжескихъ охотъ, дикимъ животнымъ предоставили полную свободу размножаться, и, дѣйствительно, они расплодились подъ защитою администраціи до такой степени, что въ 1737 году было затравлено герцогомъ Карломъ 3,500 оленей, до 5,000 кабановъ и проч.— убыль, впрочемъ, нечувствительная для покровительствуемаго населенія лѣсовъ, потому что въ слѣдующемъ году вредъ, нанесенный хищными звѣрями и дикими животными скоту и посѣвамъ, былъ оцѣненъ не менѣе, какъ въ 500,000 гульденовъ. Воинственныя увеселенія охоты нимало не мѣшали карнаваламъ, маскарадамъ и т. д. Какъ щедро награждались артистки, достаточно покажетъ слѣдующій примѣръ: когда по смерти герцога Карла начались преслѣдованія его кліентовъ и кліентокъ, у одной изъ пѣвицъ нашлось до полутораста карманныхъ часовъ. Чувствуя упадокъ силъ, герцогъ хотѣлъ ѣхать лечиться въ Данцигъ, но не могъ оторваться отъ блестящихъ удовольствій приближающагося карнавала —и умеръ, посѣщая балы, спектакли и маскарады. По вскрытіи его тѣла оказалось —какъ сказано въ оффиціальномъ протоколѣ —слѣдующее: „сердце, голова и всѣ другіе органы найдены совершенно здоровыми, но легкія такъ наполнены пылью и душными испареніями карнавала и оперы, что необходимо воспослѣдовало „suffocatio sanguinis“.

Вотъ отрывокъ изъ „Записокъ“ Фридриха Великаго:

„Мы обозрѣли событія жизни Фридриха I; остается бросить общій взглядъ на его личность и характеръ. Онъ былъ малъ ростомъ и дурно сложенъ; физіономія его имѣла выраженіе надменное и вмѣстѣ пошлое. Душа его была похожа на зеркало, отражающее каждый предметъ, безъ всякаго разбора. Онъ подчинялся каждому впечатлѣнію, какое хотѣли на него произвести. Люди, успѣвшіе пріобрѣсть надъ нимъ нѣкоторое вліяніе, могли по произволу раздражать или успокоивать его умъ, по тупости мягкій, но безхарактерный, по капризу вспыльчивый. Онъ не зналъ различія между пустяками и истиннымъ величіемъ, былъ болѣе привязанъ къ блеску, нежели къ пользѣ. Въ войнахъ императора (германскаго) и его союзниковъ онъ пожертвовалъ тридцатью тысячами своихъ подданныхъ, чтобы добиться королевскаго титула, котораго желалъ только для удовлетворенія своей любви къ церемоніямъ и для оправданія благовидными предлогами своего пристрастія къ пышности.

„Онъ былъ роскошенъ и расточителенъ; но какой цѣною покупалъ онъ удовольствіе удовлетворять свою страсть! Онъ продавалъ англичанамъ и голландцамъ кровь

своихъ подданныхъ, какъ продаютъ кочевые татары свои стада на убой подольскимъ мясникамъ. Пріѣхавъ въ Голландію для полученія наслѣдства послѣ короля Вильгельма, онъ хотѣлъ вывесть свои войска изъ Фландріи; но ему дали большой брильянтъ, и пятнадцать тысячъ человѣкъ были убиты на службѣ союзникамъ *).

„Предразсудки толпы благопріятны роскоши государей; но расточительность государя не то, что расточительность частнаго человѣка. Государь—первый слуга и первый чиновникъ государства. Онъ обязанъ государству отчетомъ въ употребленіи налоговъ; онъ собираетъ ихъ для содержанія войскъ на защиту государства, для поддержанія чести своего сана, для вознагражденія службы и заслугъ, для возстановленія нѣкотораго равновѣсія между богатыми и бѣдными, для помощи несчастнымъ всякаго рода, наконецъ для поддержанія величія во всемъ, что касается государства вообще. Государь, одаренный просвѣщеннымъ умомъ и честнымъ сердцемъ, будетъ направлять всѣ свои расходы къ пользѣ общей и благу своихъ народовъ.

„Великолѣпіе, которое любилъ Фридрихъ, было не такого рода: это скорѣе была расточительность суетнаго и расточительнаго государя. Дворъ его былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ. Онъ отнималъ послѣдній грошъ у бѣдныхъ, чтобы пресыщать богатыхъ; фавориты его получали богатыя пенсіи, между тѣмъ, какъ народъ его погрязалъ въ нищетѣ: его постройки были роскошны, его праздники пышны; его конюшни и кухня поражали болѣе азіятскою пышностью, нежели европейскимъ вкусомъ.

„Его щедрыя награды кажутся скорѣе дѣломъ случая, нежели разсудительнаго выбора. Прислужники и придворные его обогащались, вытерпливая первые взрывы его горячности. Онъ далъ помѣстье въ 40,000 талеровъ псарю, съ которымъ затравилъ большерогаго оленя. Онъ хотѣлъ заложить голландцамъ свои владѣнія въ Гальберштадтскомъ княжествѣ, чтобы купить знаменитый брильянтъ Питтъ, пріобрѣтенный послѣ во время Регентства Людовикомъ XV; продавалъ 20,000 человѣкъ солдатъ союзникамъ, чтобы хвастаться тѣмъ, что содержитъ 30,000 солдатъ.

„Дворъ его былъ большая рѣка, поглощающая всѣ ручейки. Любимцы его обогатились, разжирѣли отъ его щедрыхъ наградъ, роскошь его стоила ежедневно огромныхъ суммъ, а Пруссія была отдана въ жертву голоду и заразительнымъ болѣзнямъ, безъ помощи отъ щедраго монарха“.

Къ этой характеристикѣ можно прибавить слѣдующій анекдотъ, который также разсказанъ въ „Запискахъ“ Фридриха Великаго. Софія-Шарлотта, супруга Фридриха I, лежала при смерти. Одна изъ ея статсъ-дамъ плакала о своей доброй и умной государынѣ.

„Не плачьте—сказала ей умирающая,—я иду узнать то, что не могъ объяснить мнѣ Лейбницъ **); а для короля, моего супруга, я приготовляю церемонію похоронъ, которая доставитъ ему новый случай выказать свое великолѣпіе“. И, дѣйствительно—прибавляетъ Фридрихъ Великій—мужъ ея утѣшился великолѣпіемъ похоронъ.

О расточительности Фридриха I можно судить изъ того, что, когда онъ, вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ, поѣхалъ въ герцогство Пруссію, то по всей дорогѣ отъ Берлина до Кенигсберга на каждыхъ десяти миляхъ были выставлены для перевозки его свиты по 1,000 лошадей, и

*) По смерти Вильгельма III, владѣвшаго, между прочимъ, княжествомъ Оранскимъ, Фридрихъ изъявилъ притязаніе на эту землю, какъ дальній родственникъ Вильгельма по женѣ; но Вильгельмъ, завѣщая княжество герцогу Нассаускому, назначилъ душеприкащиками голландскіе чины, которые хотѣли передать наслѣдство лицу, означенному въ завѣщаніи. Фридрихъ разсердился и грозилъ вывести свои войска изъ Фландріи, гдѣ они сражались за голландцевъ, противъ французовъ. Тогда голландцы послали ему большой брильянтъ изъ наслѣдства Вильгельма. Фридрихъ смягчился, согласился удовольствоваться частью земель, на которыя изъявлялъ требованія, и остался вѣрнымъ союзникомъ голландцевъ.

**) Софія-Шарлотта была ученица Лейбница.

на каждой изъ такихъ станцій былъ построенъ, для его отдыха, особенный домъ, расположенный и украшенный совершенно такъ, какъ занимаемый Фридрихомъ аппартаментъ берлинскаго дворца. Выдавая дочь за наслѣднаго принца гессенъ-кассельскаго, Фридрихъ купилъ ей въ приданое брильянтовъ и другихъ нарядовъ на 4,000,000 талеровъ (весь годичный доходъ Прусскаго королевства простирался едва до трехъ милліоновъ). Себѣ онъ сдѣлалъ корону, которая стоила нѣсколькихъ милліоновъ талеровъ; брильянты его супруги стоили до 3,000,000 талеровъ. Страна была совершенно изнурена податями и поборами.

Совершенный контрастъ Фридриху I составляетъ его преемникъ, Фридрихъ-Вильгельмъ I, котораго надобно считать лучшимъ представителемъ немногихъ нѣмецкихъ государей, не подчинившихся французскому вліянію. Это былъ характеръ твердый и честный, но суровый; нравы Фридриха были чисты, но грубы. Дѣятельность его неутомима и проникнута стремленіемъ къ народному благу; но средства, какія онъ, при своемъ невѣжествѣ, выбиралъ для достиженія этой цѣли, часто бывали произвольны, жестоки и вели къ невыгоднымъ для государственнаго благосостоянія результатамъ. Дѣти, которыхъ онъ угнеталъ, и люди, жившіе по французской модѣ, которыхъ онъ не терпѣлъ, осмѣяли его память, выставили его тираномъ и чудовищемъ. Онъ не былъ таковъ, онъ былъ лучшимъ изъ нѣмецкихъ государей своего времени; но, дѣйствительно, и въ личныхъ его привычкахъ и въ способѣ его управленія было много варварскаго.

Фридрихъ-Вильгельмъ I манерами и всѣми привычками походилъ на зажиточнаго простолюдина, у котораго главная забота — копить деньги. Экономія его доходила до скряжничества; но скряжничество было похвально въ сравненіи съ безумною расточительностью другихъ нѣмецкихъ дворовъ. Онъ презиралъ науку, потому что она являлась ему или въ видѣ нѣмецкаго гелертера, безжизненнаго педанта, или въ видѣ развратнаго и легкомысленнаго французскаго болтуна. Онъ былъ искренно преданъ религіи; но піэтизмъ его доходилъ до нетерпимости, и фанатики заставляли его преслѣдовать всѣхъ, кто имѣлъ несчастіе заслужить ихъ нерасположеніе. Болѣе всего извѣстенъ Фридрихъ-Вильгельмъ своею страстью имѣть высокорослыхъ солдатъ. Вербовщики его были разсылаемы по всей Германіи, и ни одинъ нѣмецъ высокаго роста, хотя бы жилъ въ Баваріи или Виртембергѣ, не могъ считать себя безопаснымъ отъ ихъ преслѣдованій: даже изъ иностранныхъ государствъ силою похищали они великановъ на службу прусскому королю. А когда можно было купить высокорослаго солдата, онъ не жалѣлъ никакихъ денегъ: у него были гренадеры, купленные за пять, за шесть, за восемь тысячъ талеровъ. Эта прихоть стоила ему страшныхъ суммъ: разсчитываютъ, что въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ для своего войска на покупку иностранцевъ-великановъ истратилъ онъ до 12,000,000 талеровъ. Это въ нѣсколько разъ превышаетъ весь тогдашній годичный доходъ Прусскаго королевства. Управленіе Фридриха-Вильгельма имѣло характеръ величайшаго произвола.

Сначала онъ хотѣлъ, чтобы въ Пруссіи не существовало ни одной газеты. Когда началась война со шведами, было разрѣшено издавать газеты,

чтобы знакомить публику съ подвигами его воиновъ. Онъ презиралъ многоученыхъ законовѣдовъ своего времени, которые безконечно растягивали процессы формальностями и тонкостями римскаго права. Онъ справедливо замѣчалъ, что смѣшно, при тяжбѣ между двумя померанскими поселянами изъза клочка земли, справляться, какъ думали о подобныхъ случаяхъ различные законовѣды временъ Юстиніана. Когда спрошенный педантъ начиналъ ему исчислять мнѣнія прежнихъ ученыхъ, онъ грубо прерывалъ его словами: „я хочу знать не то, что думали когда-то другіе, а что думаешь ты“. Часто онъ нарушалъ своимъ вмѣшательствомъ правильный ходъ судопроизводства. Въ случаѣ преступленій противъ нравственности, которую онъ старался всячески поддерживать, онъ опредѣлялъ самыя тяжелыя наказанія, произвольно преступая и гражданскіе и уголовные законы. Пытки и казни при немъ были неимовѣрно жестоки. Людей, которые чѣмъ нибудь ему не понравились, онъ безъ церемоніи колотилъ своею палкою или, просто, кулакомъ, такъ что каждый дрожалъ, когда долженъ былъ представляться королю. Праздность и роскошь были ненавистны ему. Прогуливаясь по улицѣ, пѣшкомъ или въ экипажѣ, онъ часто останавливалъ прохожихъ, разспрашивалъ, какого они званія, чѣмъ занимаются, и, если отвѣты казались ему подозрительны, тутъ же колотилъ палкою праздполюбцевъ и вертопраховъ. Если наказываемый пускался бѣжать отъ справедливой палки, Фридрихъ-Вильгельмъ посылалъ въ догонку своего адъютанта или слугу бить по спинѣ бѣглеца. Дамы особенно боялись встрѣчъ съ нимъ, потому что строгость Фридриха-Вильгельма не разбирала ни пола, ни возраста. Полиція при Фридрихѣ-Вильгельмѣ была невыносима: она вмѣшивалась во все. Заботясь о равномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, онъ не щадилъ вредныхъ для государства, обременительныхъ для горожанъ и простонародья привилегій, которыми повсюду пользовались юнкеры—владѣльцы такъ называемыхъ „рыцарскихъ (дворянскихъ) помѣстій“, многочисленное сословіе, присвоившее себѣ множество правъ и льготъ. Повсюду въ Германіи эти юнкеры жили на счетъ другихъ сословій, не принося государству никакой пользы и надменно обращаясь со всѣми не принадлежавшими къ ихъ классу. Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ обуздать ихъ заносчивость въ частной жизни, а въ государственномъ отношеніи заставить раздѣлять съ горожанами и поселянами тягость налоговъ. Юнкеры негодовали; но Фридриха-Вильгельма нельзя было бы остановить и основательнымъ ропотомъ. Когда, однажды, по случаю переложенія части поземельнаго налога съ имуществъ простолюдиновъ на помѣстья юнкеровъ, графъ Дона, предсѣдатель чиновъ Восточно-Прусской провинціи, представилъ ему отъ имени чиновъ, т. е. юнкеровъ, протестацію противъ этой мѣры, написанную, по свѣтскому обычаю, на французскомъ языкѣ и оканчивавшуюся словами: „tout le pays sera ruiné“, король далъ чинамъ слѣдующій лаконическій отвѣтъ, въ насмѣшку надъ французскимъ краснорѣчіемъ юнкеровъ, составленный изъ тарабарской смѣси нѣмецкихъ словъ съ латинскими и французскими: „Tout le pays sera ruiné? — Nihil credo; aber das credo, dass die Junkers ihre Auttorität wird ruinirt werden. Ich stabilire die Souverainität wie einen Rocher von Bronze“.—„Все государство погибнетъ? Не вѣрю; а то вѣрно, что вліяніе юнкеровъ погибнетъ. Какъ

мѣдный утесъ, стоитъ надъ ними моя верховная власть". Юнкеры должны были повиноваться, и многія феодальныя права, отяготительныя для народа, были у нихъ отняты. Строгое правосудіе короля не щадило преступника за знатность рода. Онъ доказалъ это, когда фонъ-Шлюбхутъ, потомокъ одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій, былъ уличенъ въ утайкѣ 14,000 талеровъ изъ суммы, которая была дана ему, какъ члену одного изъ правительственныхъ мѣстъ, для раздачи переселенцамъ. Судъ приговорилъ фонъ-Шлюбхута къ заключенію въ крѣпость. Осужденный обратился къ королю съ жалобою на чрезмѣрную строгость приговора и предлагалъ возвратить казнѣ украденныя деньги. „Не хочу я твоихъ мошенническихъ денегъ!" (dein schlemisches Geld) грозно сказалъ король и велѣлъ его повѣсить на висѣлицѣ, поставленной у крыльца того присутственнаго мѣста, гдѣ служилъ преступникъ, чтобы товарищи его тверже помнили законъ. Не только поддапныхъ, какъ бы знатны они не были, но и сына своего не хотѣлъ онъ щадить въ случаѣ вины: извѣстно, что наслѣдный принцъ Фридрихъ, впослѣдствіи названный Великимъ, не избѣжалъ строгаго наказанія и едва избѣжалъ смертной казни, прогнѣвавъ родителя и государя своимъ непослушаніемъ. Но правосудіе и произволъ имѣли равное вліяніе на его дѣйствія. До какой мелочной придирчивости и грубости доходило самовластіе Фридриха-Вильгельма, видно изъ одного уже того, что онъ колотилъ и бранилъ дамъ, которыхъ встрѣчалъ одѣтыми не по его вкусу. Онъ издавалъ декреты, которыми опредѣлялъ моды для своихъ подданныхъ: такъ, напримѣръ, никто въ Берлинѣ не смѣлъ носить матерій съ пестрыми узорами. Онъ не терпѣлъ хлопчатобумажныхъ тканей и вздумалъ запретить ихъ: повсюду начались домовые обыски, чтобы конфисковать ситецъ и каленкоръ. Вдругъ Фридриху-Вильгельму показалось, что полиція дѣйствуетъ въ этихъ обыскахъ безъ надлежащей строгости,—и онъ назначилъ генералъ-фискаломъ одного изъ своихъ гренадеровъ. Сдѣлавшись начальникомъ полиціи, гренадеръ этотъ сталъ дѣйствовать совершенно по-солдатски, и Фридрихъ-Вильгельмъ былъ совершенно доволенъ ревностью, съ какою производились по всему королевству домовые обыски, съ цѣлію открыть и уничтожить всякій клочекъ хлопчатобумажной ткани.

Впрочемъ, совершенно такой же грубый произволъ полицейско-фискальнаго управленія существовалъ и въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, въ которыхъ придворные подражали французскимъ модамъ.

Глубоко презирая титулы, Фридрихъ-Вильгельмъ открыто продавалъ ихъ: нужно было только внести опредѣленную сумму въ казну, и желающему выдавался патентъ. Это, конечно, не могло никому дѣлать вреда. Но точно такимъ же образомъ Фридрихъ-Вильгельмъ продавалъ и административныя должности. Впрочемъ, опять надобно прибавить, что обычай этотъ существовалъ тогда во многихъ нѣмецкихъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ система продажи развита была до такого совершенства, что продавалась не только должность, но и право быть кандидатомъ на эту должность, въ ожиданіи смерти или перемѣщенія чиновника, которымъ занято мѣсто.

Фридрихъ Великій, какъ человѣкъ геніальный, дѣйствовалъ блистательнѣе своего отца; но система управленія при немъ оставалась та же самая,

и только немного смягчалась тамъ, гдѣ онъ являлся самъ, съ его французскими манерами. Эта система, знавшая только фискальныя и полицейскія средства, сама по себѣ была крайне недостаточна для упроченія народнаго благосостоянія. Ея полезныя дѣйствія при Фридрихѣ-Вильгельмѣ и Фридрихѣ II зависѣли единственно отъ тѣхъ рѣдкихъ достоинствъ, какими были одарены эти люди: честная и неутомимая дѣятельность отдѣльнаго человѣка можетъ, до нѣкоторой степени, давать хорошее направленіе самому дурному механизму; но какъ скоро отнимается отъ этого механизма твердая рука, его двигавшая, онъ перестаетъ дѣйствовать или дѣйствуетъ дурно. Прочно только то благо, которое не зависитъ отъ случайно являющихся личностей, а основывается на самостоятельныхъ учрежденіяхъ и на самостоятельной дѣятельности націи. Объ этомъ не думали ни Фридрихъ-Вильгельмъ, ни его сынъ. Они не заботились пробудить духъ своего народа или дать государству прочныя учрежденія, потому съ ними исчезли и тѣ блага, которыми давали они пользоваться прусскому народу: исчезли порядокъ и быстрота въ администраціи, справедливость въ судѣ. Учрежденій, которыми обезпечивались бы эти качества, Пруссія не имѣла, какъ не имѣли ихъ и другія нѣмецкія государства. Все зависѣло отъ произвола. Каковъ былъ этотъ произволъ въ большей части случаевъ, мы видѣли. Фридрихъ-Вильгельмъ и Фридрихъ II являются рѣдкими, почти единственными исключеніями изъ общаго правила.

Но и при нихъ въ Пруссіи, какъ постоянно во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, единственнымъ участвовавшимъ въ государственной жизни классомъ были чиновники; за то этотъ классъ былъ совершенно полновластенъ.

Правда, въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ существовали ландтаги; но они были совершенно безсильны, и совѣщанія ихъ нельзя назвать иначе, какъ жалкою комедіею. Послѣ Тридцатилѣтней войны они потеряли всякую важность, во многихъ государствахъ совершенно были уничтожены, въ другихъ— только записывали въ свои протоколы приказанія, отдаваемыя княжескими коммиссарами. Мозеръ, писавшій около половины XVIII вѣка, описываетъ ландтаги съ ироніею совершенно безнадежною:

„Въ различныхъ нѣмецкихъ провинціяхъ—говоритъ онъ—имѣлъ я случай вблизи насмотрѣться на дѣятельность нашихъ сеймовъ. По словамъ княжескихъ коммиссаровъ, у князя разрывается сердце отъ горести, что онъ долженъ требовать новыхъ налоговъ,—онъ, который былъ бы счастливъ только тогда, когда бы могъ обогатить и осчастливить своихъ подданныхъ. Одно утѣшаетъ его, что къ отягощенію страны новыми налогами вынуждаютъ его неотвратимыя и ниспосылаемыя Провидѣніемъ обстоятельства. Послѣ этой шарлатанской рѣчи начинаются переговоры. Наслѣдный маршалъ, комитеты прелатовъ, рыцарей и горожанъ и проч. начинаютъ кушать на пирахъ, слушать ласки и угрозы, потомъ выражаютъ свое согласіе, и рѣшается необходимость новаго кровопусканія для любезной родины. Тогда сеймъ закрывается рѣчью, столь же ученою, какъ надгробное слово, и министръ съ своими маклерами, поварами и погребщиками возвращается въ тріумфѣ ко двору; жизнь и блаженство вливаются снова въ сердца фаворитовъ и фаворитокъ; псари, при радостной вѣсти о благополучномъ результатѣ сейма, весело трубятъ въ роги: примадонна, уже тринадцать мѣсяцевъ не получавшая жалованья, снова взлетаетъ въ руладахъ къ небу, подобно жаворонку; кокошния и псарня, которымъ уже грозили погибелью кредиторы, оглашаются бодрымъ лаемъ и ржаньемъ, и всѣ титулованные и нетитулованные тунеядцы уже пробираются

къ новооткрытой золотой розсыпи. Изъ денегъ, вытребованныхъ у сейма, предполагалось заплатить просроченное жалованье войскамъ, уплатить просроченные государственные займы,—все это письменно, съ приложеніемъ печатей, клятвенно и присяжно было обѣщано при требованіи налоговъ. Боже сохрани, чтобъ на дѣлѣ хотя одна буква изъ этихъ обѣщаній была исполнена"!

Всѣмъ управлялъ въ Германіи совершенный произволъ. Приведя нѣсколько примѣровъ, мы можемъ теперь сдѣлать общую характеристику нѣмецкаго быта въ первой половинѣ XVIII вѣка, не опасаясь того, что она покажется утрированной.

Французское вліяніе на Германію ограничивалось тѣмъ, что при дворахъ и въ аристократическомъ кругу развилась непомѣрная страсть къ блеску. При безвкусіи, блескъ этотъ измѣрялся только грубою пышностью, которая достигала нелѣпыхъ размѣровъ и требовала тѣмъ большихъ расходовъ. Такъ, напримѣръ, число служителей было неправдоподобно велико. При значительныхъ дворахъ они считались не тысячами, а десятками тысячъ. Чтобы не утомлять читателей, приведемъ только два или три случая. Когда, въ 1702 году, во время войны за испанское наслѣдство, Іосифъ I, бывшій еще наслѣдникомъ австрійскаго престола и королемъ римскимъ, поѣхалъ изъ Вѣны предводительствовать арміею, свита его состояла изъ 232 лицъ придворнаго вѣдомства. Тутъ были, между прочимъ, начальникъ рыболовства короля римскаго, три садовника, начальникъ птичьей охоты, три погребщика и вице-лейбповаръ съ двадцатью помощниками, не считая капелланова съ вице-капелланами, духовника съ вице-духовникомъ и двѣнадцати камергеровъ. Впрочемъ, на русскомъ языкѣ нѣтъ возможности точно передать титулы этихъ господъ, и потому не лишимъ читателя пріятности знать ихъ въ подлинномъ видѣ *). Въ обозѣ были фуры для птицы, для походныхъ печей, для различныхъ сортовъ поварскихъ принадлежностей, для садовничества и т. д. **). Королева, сопровождавшая своего супруга, имѣла въ своей свитѣ 170 персонъ, съ 63 каретами (Chaise) и 14 колясками (Kalesche), для которыхъ требовалось 192 упряжныхъ лошади (Wagenpferd), не считая 14 верховыхъ лошадей. Жалкій комизмъ этихъ громадныхъ свитъ, требовавшихъ страшнаго расхода, довершается тѣмъ, что венгерскіе государственные чины назначили на весь походъ только 100,000, а чины эрцгерцогства Австрійскаго—40,000 гульд. (60,000 и 25,000 руб. сер.).

Если походная свита наслѣдника престола состояла изъ такого страшнаго числа людей, легко повѣрить, что число всѣхъ придворныхъ служителей въ постоянныхъ резиденціяхъ австрійскаго дома равнялось цѣлой арміи: въ самомъ дѣлѣ, иногда оно достигало до 40,000 человѣкъ. Но и

*) 1 Fischmeister, 3 Ziergärtner, 1 Geflügelmaier, 3 Kellerdiener, 2 Kellerbinder, 1 Mundbäcker, 1 Vicemundkoch, 20 Meisterköche und Unterköche, 1 Oberst-Kuchelmeister, 12 Kämmerer, 1 Unter-Silberkämmerer, 1 Mundschenk, 1 Vorschneider, 1 Truchsess, 1 Beichtvater und 1 socius, 1 Hofprediger, 2 Hofcapellane, 4 Zusätzer, 4 Träger, 3 Kesselreiber и т. д. У каждаго изъ этихъ чиновъ и служителей были свои помощники: Gehülfen, ordinarii und extraordinarii Jungen и пр.

**) 2 Geflügelwagen, 1 Kammerheizerzeltwagen, 1 Tafeldeckerzeltwagen, 3 Mundkuchelwagen, 2 grosse Bagage-Kuchelwagen, 1 Speisefeldtafelwagen, 2 Ziergartenbagagewagen, 1 Tafeldeckerbagagewagen, 1 Kammerfourierbagagewagen, 6 Kellerwagen, 21 Rüstwagen (каждая на 6 волахъ) и пр.

владѣтели, гораздо менѣе значительные, мало уступали австрійскому дому обширностью придворнаго штата. Такъ, напримѣръ, кельнскій епископъ въ началѣ XVIII вѣка имѣлъ 150 камергеровъ. Часто свиты владѣтельныхъ особъ бывали даже многочисленнѣе той, какая сопровождала римскаго короля. Напримѣръ, когда Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій женился на дочери Георга Ганноверскаго, свита, сопровождавшая невѣсту, была такъ велика, что поѣздъ состоялъ изъ 520 лошадей. Навстрѣчу невѣстѣ изъ Бранденбурга выѣхала свита жениха на 350 лошадяхъ. Отецъ жениха, Фридрихъ, первый король прусскій, въ своихъ путешествіяхъ имѣлъ свиту, требовавшую до 1,000 лошадей. Въ конюшнѣ курфирста баварскаго находилось до 1,400 лошадей.

Каждый вельможа, слѣдуя примѣру князя, также окружалъ себя придворнымъ штатомъ и, наполняя свой домъ безчисленною прислугою, недостатокъ вкуса замѣнялъ страшною расточительностью и нелѣпою пышностью. Такъ, напримѣръ, за столомъ у саксонскаго министра Брюля никогда не подавалось менѣе 30 блюдъ; на малыхъ парадныхъ обѣдахъ число блюдъ доходило до 50, а на большихъ до 120. Прислуга Брюля состояла изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ 12 камердинеровъ, 12 пажей, 4 метрдотелей, 12 поваровъ и 12 ихъ помощниковъ и проч., такъ что вообще въ кухонномъ его штатѣ находилось болѣе 30 человѣкъ. Ливрейныхъ лакеевъ было у него сто человѣкъ. Не только башмаки сотнями и парики дюжинами выписывалъ онъ для себя изъ Парижа, но даже пастеты присылались ему также изъ Парижа съ нарочными курьерами. Вообще въ домѣ его рѣшительно все было выписное изъ-за границы. Даже во время войны, когда Саксонія была истощена и разорена, онъ продолжалъ жить съ королевскимъ великолѣпіемъ,—и, несмотря на свою чрезвычайную расточительность, онъ оставилъ послѣ себя огромное состояніе.

Безумная пышность была для тогдашнихъ вельможъ единственнымъ средствомъ отличиться отъ простонародья, потому что нравы ихъ были чрезвычайно грубы. Чтобы судить объ этомъ, достаточно одного примѣра.

Несмотря на то, что у Георга II Ганноверскаго было множество фаворитокъ, супруга его, королева Каролина, пользовалась большимъ вліяніемъ на дѣла. Одинъ изъ придворныхъ, фонъ-демъ-Бушъ, подаривъ ей десять акцій горнозаводскаго общества, приносившихъ 20,000 талеровъ ежегоднаго дохода, пріобрѣлъ право самовластвовать въ Ганноверѣ, какъ ему хотѣлось. Чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ онъ держалъ себя даже съ людьми, которыхъ удостоивалъ приглашенія къ своему столу, довольно знать, что онъ самъ сидѣлъ на своихъ парадныхъ обѣдахъ со шляпою на головѣ, заставлялъ гостей переодѣваться, когда былъ недоволенъ ихъ костюмомъ (между прочимъ, онъ не терпѣлъ голубаго цвѣта и манжетокъ), нѣсколько разъ впродолженіе обѣда приказывалъ тому или другому пересѣсть съ одного стула на другой, и т. д. Разскажемъ два, три анекдота о подобныхъ случаяхъ. Однажды пришелъ обѣдать къ нему совѣтникъ горнаго управленія Бютемейстеръ. Лишь только вошелъ гость въ столовую, какъ министръ бросился вонъ изъ комнаты, съ крикомъ: „камердинеръ! камердинеръ!“ Явился въ столовую камердинеръ и объяснилъ гостю, что г. министру не попра-

вился костюмъ г. горнаго совѣтника, и потому не угодно ли будетъ г. Бютемейстеру выбрать себѣ въ гардеробной другое платье. Гость послушался, хотя предвидѣлъ, что одежда высокаго и худощаваго фонъ-демъ-Буша будетъ не совсѣмъ хорошо сидѣть на немъ, толстомъ человѣкѣ, маленькаго роста, и черезъ нѣсколько минутъ возвратился въ столовую совершеннымъ шутомъ. За то хозяинъ былъ съ нимъ очень любезенъ во все продолженіе обѣда. Съ непокорными гостями бывало не такъ: фонъ-демъ-Бушъ безъ церемоніи ругалъ ихъ. Однажды, напримѣръ, телятина въ окрошкѣ показалась ему ягнятиною,—одинъ изъ гостей, нѣкто Гейлигеръ, замѣтилъ, что г. министръ, вѣроятно, ошибся, потому что окрошка сдѣлана изъ телятины; фонъ-демъ-Бушъ закричалъ, чтобы привели повара. Предупрежденный о положеніи вопроса, поваръ подтвердилъ мнѣніе своего господина.

— Ну, что, г. Гейлигеръ! такъ вы ѣдите телятину? а, братецъ Гейлигеръ, что скажешь?

— Ваше превосходительство, это телятина; поваръ называетъ ее ягнятиною только изъ угожденія вамъ, отвѣчалъ непреклонный гость.

Министръ разгнѣвался и сказалъ: „ты, любезный, видно, никогда у себя дома не ѣдалъ такой окрошки, ты толкуешь о вещахъ, которыхъ не смыслишь. Замолчи, пожалуйста, не говори глупостей“.

Гейлигеръ, однако, защищалъ свое мнѣніе; но другіе гости прекратили споръ, всѣ согласившись, что окрошка, дѣйствительно, сдѣлана изъ ягнятины, и упросилъ Гейлигера замолчать. Однако, фонъ-демъ-Бушъ все продолжалъ кричать: ну, такъ что же, г. Гейлигеръ, по вашему, это телятина?— Наконецъ Гейлигеръ надѣлъ шляпу и ушелъ изъ-за стола.

Еще случай въ томъ же родѣ. Фонъ-демъ-Бушу въ серединѣ обѣда вздумалось, чтобъ одинъ изъ гостей, графъ фонъ-Ойнгаузенъ, пересѣлъ съ одного мѣста на другое. Ойнгаузенъ послушался. Но черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ опять велѣлъ ему перемѣнить мѣсто.

Тогда графъ отвѣчалъ:

— Разъ я послушался каприза вашего превосходительства, а въ другой разъ—слуга покорный. Еслибъ не скверная ваша привычка обѣдать такъ поздно, я ушелъ бы въ гостиницу Лондонъ; но тамъ ужъ я не найду обѣда, потому нечего дѣлать, поѣмъ здѣсь. Но впередъ говорю, что съ этихъ поръ вы не приглашайте меня къ себѣ обѣдать —не поѣду.

Министръ замолчалъ; графъ, по окончаніи стола, ушелъ, не простясь съ хозяиномъ.

При многихъ дворахъ въ первой четверти XVIII вѣка держали еще шутовъ. Послѣдній шутъ при саксонскомъ дворѣ, Кяу (Kiau), умеръ въ 1733 году. У Фридриха-Вильгельма Прусскаго также былъ шутъ; при Маннгеймскомъ дворѣ существовали шуты еще въ 1744 году, хотя этотъ дворъ, подобно саксонскому, хотѣлъ соперничать съ версальскимъ.

Неимовѣрная грубость нравовъ Саксонскаго двора соединялась съ утонченнѣйшимъ развратомъ. Регентъ французскій, принцъ Орлеанскій, прославился буйнымъ и безграничнымъ цинизмомъ въ развратѣ; но нравы версальскаго двора при немъ должны быть названы скромными сравнительно съ тѣмъ, что позволяли себѣ дѣлать въ Саксоніи его подражатели. Тутъ было

уже полное безчинство развращенныхъ дикарей, не имѣющихъ понятія даже о внѣшнемъ приличіи.

Можно легко повѣрить, что подобные люди не знали никакой разборчивости въ средствахъ для добыванія денегъ: они прибѣгали къ мѣрамъ, которыхъ устыдился бы не только регентъ, но даже итальянскіе тираны XV вѣка, устыдились бы Александръ VI и Цезарь Борджія. Не будемъ говорить ни о податяхъ, ни о взяткахъ, ни о нарушеніи частныхъ контрактовъ и государственныхъ договоровъ: всему этому можно найти примѣры и въ исторіи другихъ народовъ Западной Европы, хотя нигдѣ и никогда грабительство не достигало, кажется, такого полнаго и безсовѣстнаго развитія. Укажемъ только двѣ привычки, встрѣчаемыя постоянно въ Германіи XVIII вѣка и не казавшіяся никому дѣломъ безчестнымъ: продажность правительствъ иноземцамъ и обычай продавать войска.

Во время смутъ, иногда бывали и въ другихъ странахъ, кромѣ Германіи, примѣры того, что партіи искали помощи у иноземцевъ: такъ, французскіе гугеноты обращались за помощію къ нѣмецкимъ и англійскимъ протестантамъ, французскіе католики—къ Филиппу II Испанскому; но все-таки эти партіи призывали иноземцевъ и брали отъ нихъ деньги за тѣмъ, что *сами* хотѣли господствовать въ своемъ отечествѣ: онѣ хотѣли, чтобы иноземцы имъ помогали, а не владычествовали надъ ними; онѣ были увлекаемы фанатизмомъ, властолюбіемъ, ненавистью, но не безсовѣстною подлостью,— онѣ искали союзниковъ, а не покупщиковъ. Германскіе князья XVIII вѣка хладнокровно, безъ всякихъ увлеченій продавали себя всякому, кто только платилъ имъ деньги. Мы уже видѣли тому нѣсколько примѣровъ,—приведемъ еще общее обозрѣніе продажности Германіи французамъ въ половинѣ XVIII вѣка, во время отъ Второй Силезской до конца Семилѣтней войны. Маркграфу аншпахскому французы давали пособіе только до 1757 года, всего около 100,000 ливровъ; маркграфу байретскому давались субсидіи постоянно; сумма пособій составляетъ 1,100,000 ливровъ. Герцогъ вюртембергскій получилъ до войны полтора милліона, во время войны семь съ половиною милліоновъ; курфирстъ пфальцскій—до войны пять съ половиною, во время войны—около одиннадцати съ половиною милліоновъ; курфирстъ кельнскій въ 1751—1761 гг. - около семи съ половиною милліоновъ; Баварія до 1768 г. — болѣе восьми съ половиною; герцогъ цвейбрюкенскій до 1772 г.—около четырехъ съ половиною милліоновъ; маркграфъ гессенъ-дармштадтскій въ 1750 г.—100,000; курфирсту майнцскому дано въ разные годы до 500,000, нѣсколькимъ другимъ князьямъ—всего до 3,000,000; Саксонія въ 1750—1761 гг. получила восемь съ половиною милліоновъ. Австрія также получала пособія во время войны; но то были, дѣйствительно, военныя субсидіи, полученныя отъ союзника. Деньги, получаемыя другими нѣмецкими государствами отъ французовъ, были, просто, цѣною продажи этихъ государствъ французамъ. Плата имъ была, какъ видимъ, не высока: отъ слишкомъ сильнаго желанія продавать себя продавцы уронили цѣну, и французы безъ церемоніи то давали, то отнимали свои субсидіи —всякая подачка всегда принималась съ нижайшею благодарностью.

Мы видѣли и примѣры того, какъ продавались иноземцамъ войска на

время войны,—прибавимъ еще нѣсколько такихъ случаевъ къ тѣмъ, которые встрѣчались въ прежнемъ разсказѣ. Въ войну за австрійское наслѣдство 6,000 гессенцевъ были проданы одной изъ воюющихъ сторонъ, англичанамъ и голландцамъ, другіе 6,000 другой сторонѣ, баварскому претенденту и французамъ. Во Вторую Силезскую войну саксонскія войска были проданы австрійцамъ, а когда по заключеніи мира стали не нужны Маріи-Терезіи, были перепроданы голландцамъ. Фридрихъ Гессенскій торговалъ своими солдатами съ такимъ успѣхомъ, что только до 1750 года отъ однихъ англичанъ получилъ болѣе 15,000,000 гульденовъ; а онъ продавалъ солдатъ не однимъ англичанамъ, а всякому желающему. Проданные солдаты обыкновенно ставились на самыя убійственныя мѣста. Нанимающимъ было оттого мало потери: выбывшіе изъ строя замѣнялись, по контракту, свѣжими людьми; а продавцы имѣли даже въ томъ прямую выгоду, получая особенную условленную плату за каждаго убитаго и раненаго.

Таковъ былъ порядокъ дѣлъ въ Германіи въ половинѣ XVIII вѣка. Зная его, не нужно много говорить о томъ, каково было состояніе среднихъ классовъ и простаго народа: оно угадывается само собою. Довольно будетъ сдѣлать два-три краткія замѣчанія.

Различные классы населенія были до того раздѣлены предразсудками, гордостью сверху и раболѣпствомъ снизу, что представлялись какими то египетскими кастами. Въ каждомъ классѣ существовало множество подраздѣленій, изъ которыхъ каждое презирало всѣ низшія, будучи, въ свою очередь, презираемо высшими. Такъ, напримѣръ, въ дворянствѣ, за членами владѣтельныхъ фамилій слѣдовалъ Grafenstand, потомъ Reichsritterschaft, потомъ различные сорты жалованныхъ дворянъ, между которыми опять было различіе, смотря по тому, отъ самого ли императора, или отъ другаго владѣтеля даны имъ были титулы.

Чиновники раздѣлялись другъ отъ друга такими же китайскими стѣнами. Любовь къ чинамъ и титуламъ была безмѣрна и послѣ привычки къ грабительству составляла сильнѣйшую пружину всей жизни.

Даже торговый классъ не былъ свободенъ отъ этой заразы: гильдіи и цехи считались старшинствомъ между собою и были раздѣлены взаимнымъ презрѣніемъ и надменностью.

Дворянинъ презиралъ чиновника, и былъ презираемъ придворными; чиновникъ, раболѣпно преклоняясь передъ родовымъ дворянствомъ, презиралъ купца; купецъ презиралъ ремесленника; наконецъ народъ, презираемый всѣми, презиралъ самого себя.

Для курьеза можно замѣтить еще, что профессоръ рангомъ своимъ равнялся лейбъ-кучеру, и что ученое сословіе вообще стояло такъ низко, что никогда не считалось достойнымъ награды ни однимъ изъ безчисленныхъ орденовъ. Когда знаменитый Михаэлисъ получилъ орденъ, всѣ тому дивились, какъ неслыханной рѣдкости; да и ему орденъ былъ данъ не нѣмецкимъ, а иноземнымъ государемъ.

Офицерское званіе даже при Фридрихѣ II, этомъ другѣ французскихъ философовъ, было доступно исключительно только однимъ родовымъ дворянамъ.

Торговля и промышленность вообще упадали, города постоянно бѣднѣли. Только одинъ Гамбургъ составлялъ исключеніе изъ общаго правила: онъ богатѣлъ отъ заграничной торговли. Другіе города, даже служившіе центрами торговой дѣятельности, напримѣръ, Бременъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Аугсбургъ, счастливы были уже тѣмъ, что сохраняли остатки прежняго благосостоянія, постепенно, впрочемъ, уменьшавшагося. Всѣ другіе города падали.

Участью поселянъ была нищета. Домикъ со свѣтлыми окнами составлялъ рѣдкость, которую далеко не во всякомъ селѣ можно было найти; верхнее платье изъ грубаго сукна имѣли только немногіе поселяне; огромное большинство жило въ низенькихъ, мрачныхъ избушкахъ, довольствуясь холщевою одеждою и скудною пищею.

Остается сказать еще одно только, чтобы завершить картину состоянія Германіи въ половинѣ XVIII вѣка. Невѣжественный фанатизмъ былъ такъ силенъ, что не только католики чуждались протестантовъ и протестанты католиковъ, но и между протестантами лютеране и реформаторы преслѣдовали другъ друга. Въ лютеранскихъ городахъ не было терпимо реформатское богослуженіе, и наоборотъ. Религіозныя преслѣдованія вообще были господствующею чертою того вѣка. Рѣдкая область была свободна отъ гоненій за вѣру. Такъ, даже Марія-Терезія преслѣдовала въ своихъ владѣніяхъ протестантовъ. Когда въ началѣ XVIII вѣка усилились гоненія на протестантовъ въ Палатинатѣ, то въ Бранденбургѣ и Ганноверѣ, въ отмщеніе за то, начались гоненія противъ католиковъ. Архіепископъ зальцбургскій, около 1730 г., рѣшился очистить свою область отъ еретиковъ. Протестанты, доведенные до крайности жестокими притѣсненіями, стали жаловаться—ихъ объявили возмутителями, и Карлъ VI Австрійскій выслалъ армію для примѣрнаго ихъ наказанія. Болѣе 30,000 человѣкъ были изгнаны изъ зальцбургскихъ владѣній. Въ лютеранскихъ земляхъ попеременно то подвергались преслѣдованіямъ піэтисты, то сами преслѣдовали своихъ прежнихъ гонителей. Реформаторы и лютеране смертельно ненавидѣли другъ друга. Въ Гамбургѣ, гдѣ господствовало лютеранское исповѣданіе, лютеранскіе пасторы писали сочиненія, въ которыхъ приписывали реформатамъ гнуснѣйшіе пороки. Франкфуртъ-на-Майнѣ, также лютеранскій городъ, несмотря на всѣ просьбы прусскаго короля, не позволялъ въ своей области отправлять реформатское богослуженіе. Лютеранскій Виттенбергскій Университетъ не давалъ ученыхъ степеней реформатамъ.

Невѣжество было такъ велико, что въ концѣ XVII вѣка Томазіусъ едва не былъ объявленъ еретикомъ за то, что возсталъ противъ обычая сожигать колдуновъ и волшебницъ; еще въ 1749 году сожжена была въ Вюрцбургѣ за колдовство монахиня, а въ 1750 году, въ Ландсгутѣ, тринадцатилѣтняя дѣвочка.

Таково было состояніе Германіи въ половинѣ XVIII вѣка. Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находились тогда тѣ силы, отъ которыхъ нація могла ожидать себѣ избавленія: взглянемъ на состояніе нѣмецкой науки и литературы и на расположеніе умовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нѣмецкая литература до Лессинга. — Готтшедъ и саксонская школа. — Бодмеръ и швейцарская школа. — Клопштокъ.—Галлеръ. Гагедорнъ. Рабеперъ.—Геллертъ. — Университеты и школы.—Публика.—Начала новой жизни.—Томазіусъ.—Мозеръ.

Трудно представить себѣ что нибудь печальнѣе и безнадежнѣе того порядка вещей, жертвой котораго была Германія въ первой половинѣ XVIII вѣка. Французскіе историки не находятъ довольно сильныхъ выраженій, чтобы характеризовать состояніе Франціи въ послѣдніе годы правленія Людовика XIV, во времена Регента и Людовика XV. Но всѣ тѣ бѣдствія, которыя терпѣлъ французскій народъ въ эту эпоху, правда, очень тяжелыя, незначительны, можно сказать, въ сравненіи съ тѣми ужасными страданіями, какія терпѣлъ нѣмецкій народъ,—именно, терпѣлъ, потому что не было въ немъ даже ропота, недовольства своимъ положеніемъ, не было мысли о чемъ нибудь лучшемъ. Тяжесть, угнетавшая людей, была такъ велика, что даже надежды и стремленія были въ нихъ подавлены. Они отупѣли ко всему, стали равнодушны даже къ своей судьбѣ. Германія была чѣмъ-то подобнымъ чудовищному шильйонскому подземелью; нѣмецкій народъ, томившійся въ этомъ удушливомъ мракѣ втеченіе цѣлаго столѣтія, походилъ, наконецъ, на Боннивара, который свыкся съ своимъ подземельемъ такъ, что потерялъ даже скорбь о себѣ и впалъ въ холодную, безсмысленную апатію. Подобно ему, нѣмецкій народъ могъ бы сказать, вспоминая свое состояніе послѣ Тридцатилѣтней войны:

....Что потомъ сбылось со мной,
Не помню: свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ: воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я,
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ смутную слилося тѣнь.
То не было ни ночь, ни день....
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, солнца и свѣтилъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть,—какъ сонъ гробовъ.
Какъ океанъ безъ береговъ,
Подавленный тяжелой мглой,
Недвижный, хладный и нѣмой....

Послѣдніе отголоски умирающей народной жизни слышатся въ литературѣ, первыя надежды, первыя требованія народа обыкновенно высказываются устами его поэтовъ и литераторовъ. Народъ, потерявшій или еще не получившій силы дѣйствовать, по крайней мѣрѣ, говоритъ, ищетъ свѣта въ въ словѣ, если не находитъ его въ жизни, жадно слушаетъ воодушевленныхъ негодованіемъ и надеждами своихъ поэтовъ. Даже и этого не было въ Германіи. Писали чрезвычайно много, читали не такъ много, но все-таки очень много. Стихотворцевъ, литераторовъ и ученыхъ Германія въ первой половинѣ прошлаго вѣка имѣла тысячи, читателей—десятки тысячъ; но изъ этихъ тысячъ писателей едва пять-шесть человѣкъ говорили о чемъ нибудь заслуживающемъ вниманія, да и тѣхъ никому не было охоты слушать. Всѣ остальные сочиняли торжественныя оды, идилліи, безсмысленныя басни и безсмысленные панегирики, безжизненные эпопеи, писали мертвыя диссертаціи о мертвыхъ предметахъ,—и ихъ читали, ими восхищались, и они сами собою восхищались. Перья скрипѣли, литературныя самолюбія надувались, часто бранились, но чаще взаимно воспѣвали свое величіе. Во всемъ этомъ не было ни смысла, ни жизни; но публика была совершенно довольна и счастлива: она воображала, что имѣетъ литературу, не предчувствуя даже, что языкъ данъ человѣку не для стихотворнаго или педантическаго пустословія.

Быть можетъ, даже русская публика, несмотря на свою чрезвычайную малочисленность, болѣе способна служить опорою и почвою для сильнаго литературнаго развитія, нежели нѣмецкая въ прошломъ вѣкѣ: у насъ читаютъ немногіе; но изъ этихъ немногихъ половина ищетъ въ книгѣ смысла и своимъ разумнымъ голосомъ заставляетъ иногда смиряться невѣжественные толки, заставляетъ задумываться тупую апатію, своею симпатіею поддерживаетъ святой жаръ въ благородныхъ писателяхъ. Мы восхищаемся Гоголемъ, не хотимъ знать о другихъ писателяхъ (быть можетъ, и талантливыхъ, но какое намъ до того дѣло), которые толкутъ воду и занимаются пересыпаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Наша литература очень слаба и блѣдна, наша публика — горсть людей; но эта литература, каково бы ни было ея достоинство, все-таки стремится къ жизни и свѣту, эта публика, каково бы ни было ея число, все-таки требуетъ отъ литературы мысли и жизни. Въ Германіи предъ эпохою появленія Лессинга и того не было: Лисковъ прошелъ незамѣченнымъ, а Готтшедъ, Бодмеръ, Рабенеръ, Геллертъ, Галлеръ, Клопштокъ имѣли толпы подражателей и легіоны почитателей.

Сама по себѣ, нѣмецкая литература до Лессинга представляетъ очень мало интереса, какъ явленіе тунеядное и безжизненное. Но для людей, занимающихся исторіею русской литературы, ея изученіе должно имѣть большую важность, потому что всѣ мертвые стихотворцы-педанты и прозаики-педанты, которыми восхищались нѣмцы въ половинѣ прошлаго вѣка, были переводимы на русскій языкъ и, вѣроятно, восхищали немногочисленныхъ нашихъ грамотныхъ людей въ ту пору или нѣсколько позднѣе и служили образцами подражанія для сыновъ россійскихъ музъ. Въ каталогѣ Смирдина мы находимъ, кромѣ множества другихъ нѣмецкихъ писателей того же разряда, Вейссе, Галлера (девять сочиненій), Геллерта (шестнадцать сочиненій),

Гесснера (девять сочиненій), Готтшеда, Клопштока, Крамера (пятнадцать сочиненій), Мейера, Рабенера (одиннадцать сочиненій). Читатели замѣтятъ, что особенно пустымъ и сухимъ писателямъ наиболѣе было счастья въ русской литературѣ, и Геллертъ, въ шестнадцати видахъ поучавшій русскую публику, далеко оставляетъ за собою геніальнаго Клопштока, давшаго русской литературѣ только три книги, и благороднаго Мозера, изъ котораго было переведено только два сочиненія. Надобно сказать, что и впослѣдствіи эта прекрасная пропорція не была нарушаема, какъ не нарушается она и теперь въ нашей переводной литературѣ, гигантами которой, изъ всѣхъ европейскихъ писателей, являются Поль-де-Кокъ и знаменитый авторъ „Монте Кристо“ и „Трехъ Мушкатеровъ“. Утѣшительно видѣть постоянство въ чемъ бы то ни было: постоянство — прекрасное качество во всѣхъ сферахъ жизни, а особенно въ умственной жизни, которая, къ сожалѣнію, у иныхъ народовъ въ иныя времена такъ подвержена бываетъ безпокойнымъ треволненіямъ. Насъ успокоиваютъ на этотъ счетъ воспоминанія о прошедшемъ и настоящія явленія: надъ всѣми русскими и иностранными писателями возвышается у насъ мирный гражданинъ Коцебу, на величественномъ подножіи, состоящемъ изъ 143 (сто-сорокъ-три: эта цифра не опечатка) твореній, которыми позаимствовалась у него русская литература. Утѣшительно видѣть, какъ искусство наше умѣетъ находить неистощимое умственное богатство въ самыхъ заплесневѣлыхъ лужахъ.

Никогда — даже въ то время, когда вслѣдъ за Жуковскимъ принялись у насъ переводить великаго Шиллера, ни послѣ, когда энтузіасты-юноши чуть не сходили съ ума отъ олимпійца Гете — никогда нѣмецкая словесность не имѣла такого вліянія на нашу литературу, какъ въ то время, когда она сама была пуста, мертва и ничтожна. Лишь только стала она оживляться, какъ уже и начала уменьшаться наша любовь къ ней, и мы обратились къ болѣе сроднымъ нашему уму источникамъ умственнаго удовольствія, отыскавшимъ, къ великому нашему восхищенію, у Мармонтеля и мадамъ Жанлисъ. Эпоха Лессинга совершенно охладила нашу любовь къ нѣмецкой литературѣ. Однако же, мы не возлюбили не всѣхъ нѣмецкихъ писателей поголовно: нѣтъ! тѣ, которые сохранили въ своихъ сочиненіяхъ милыя для насъ черты старой, до-лессинговской литературы, продолжали пользоваться нашимъ благосклоннымъ вниманіемъ: любили мы поразмыслить надъ глубокомысленными твореніями Юнга-Штиллинга и Эккартсгаузена, любили позабавиться прелестными въ простоумін своемъ романами Фанъдеръ-Фельде и Августа Лафонтена (сорокъ-девять разъ являлись различныя его творенія на русскомъ языкѣ для нашего удовольствія), а больше всѣхъ любили мы, какъ выше показано, добраго и честнаго Коцебу, пострадавшаго за правду, которую такъ безразсудно отвергало суетное нѣмецкое юношество *).

*) Пушкинъ справедливо замѣчаетъ о французскомъ вліяніи на русскую литературу въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка:

„Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout. „Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи; но бездарные „писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, „m-me Жанлисъ, овладѣваютъ русской словесностью“.

Совершенно таково же было, нѣсколько ранѣе, и отношеніе нашей словесности

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы показать причину краткости обзора нѣмецкой литературы до Лессинга, который должны представить въ этой главѣ. Нѣкоторые изъ читателей, знающихъ огромное вліяніе ея на русскую литературу, могли бы полагать, что интересно знать подробно дѣятельность писателей, которыхъ у насъ переводили и которымъ подражали съ такою любовью, достойною лучшаго предмета. Нѣтъ, это навело бы только безполезную скуку. Людямъ, которые разработываютъ исторію нашей словесности прошедшаго вѣка, необходимо основательно изучать всѣхъ этихъ Крамеровъ, Бодмеровъ, Геснеровъ съ братіею, потому что многія русскія сочиненія прошлаго вѣка, притворяющіяся оригинальными произведеніями русскаго ума, въ сущности не болѣе, какъ передѣлки сочиненій того или другаго изъ забытыхъ нынѣ нѣмецкихъ писателей. Какъ все касающееся родной исторіи интересно для насъ, то и изслѣдованіе нѣмецкой до-лессинговской литературы, съ цѣлью объяснить развитіе русской литературы, имѣетъ свою важность. Но сами по себѣ писатели, славившіеся тогда въ Германіи, не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Если тотъ или другой изъ нихъ и памятенъ еще самимъ нѣмцамъ, то почти всегда потому только, что Лессингъ обезсмертилъ его имя, такъ или иначе упомянувъ о немъ. Сами по себѣ сохранились въ благодарной памяти своихъ соотечественниковъ очень немногіе, да и то почти исключительно изъ тѣхъ, которые не пользовались громкою извѣстностью въ свое время. У нѣмцевъ Лискова, какъ у насъ Кантемира, оцѣнили только уже много лѣтъ спустя послѣ его смерти: они въ свое время не имѣли вліянія. Подробно говорить о другихъ значило бы понапрасну терять время, и мы ограничимся только немногими указаніями на значительнѣйшія имена до Лессинга. Нѣсколькихъ страницъ слишкомъ достаточно будетъ для характеристики того состоянія, въ какомъ нашелъ нѣмецкую литературу ея великій преобразователь.

Каково было состояніе нѣмецкой литературы въ началѣ XVIII вѣка, можно судить по одному тому, что Шлоссеръ, въ предисловіи къ своей „Исторіи XVIII вѣка“, обозрѣвая, вмѣстѣ съ политическою, и литературную жизнь европейскихъ народовъ въ это время и говоря о французской, англійской, итальянской литературѣ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о нѣмецкой, какъ будто бы она вовсе и не существовала.

Въ самомъ дѣлѣ, она существовала на столько же, на сколько существовала русская литература въ ту эпоху, когда вся состояла изъ напыщенныхъ одъ и эпопей, да изъ дубоватыхъ анакреонтическихъ стихотвореній. Немногимъ лучше была она и черезъ сорокъ лѣтъ. Правда, на мѣсто прежнихъ знаменитостей явились новыя громкія имена; правда, оптимистъ можетъ замѣтить, что новыя знаменитости были нѣсколько лучше прежнихъ,

къ нѣмецкой литературѣ. Интересно видѣть, какъ нѣмцы понимаютъ свою литературу до Лессинга, какъ французы (конечно, только тѣ, которые не изъ числа безсмысленныхъ болтуновъ) понимаютъ своихъ Мармонтелей и тому подобныхъ мудрецовъ, чтобы сообразить, какимъ образомъ прилично смотрѣть и на нашу литературу прошедшаго вѣка. Послѣдовать этому совѣту будетъ не безполезно, между прочимъ, для г. Галахова, который, вѣроятно, не написалъ бы возраженій на статью г. Лайбова, помѣщенную въ „Современникѣ“, если бы хотя нѣсколько сообразилъ смыслъ своихъ словъ.

что Готтшедъ, при всей своей бездарности и недобросовѣстности, лучше какого-нибудь напыщеннаго Лоэнштейна или Гюнтера, потому что писалъ, по крайней мѣрѣ, вразумительнымъ языкомъ; оптимистъ, видящій повсюду прогрессъ, можетъ видѣть его и въ періодѣ нѣмецкой литературы отъ 1700 до 1750 года. Но прогрессъ этотъ совершался до излишества сообразно правилу Октавіана: „спѣши медлительно“, и въ половинѣ XVIII вѣка положеніе нѣмецкой литературы было до крайности жалко или презрительно. Она еще оставалась рабскимъ подражаніемъ всему, что было мертваго и пустаго въ литературахъ французской и англійской, она оставалась совершенно чужда народной жизни, въ ней владычествовали такіе люди, какъ Готтшедъ и Бодмеръ, въ ней прославлялись, какъ величайшіе поэты вселенной, какъ нѣмецкіе Гомеры, Мильтоны и Горацій, такіе поэты, какъ Рабенеръ, Геллертъ и имъ подобные.

Французская псевдо-классическая литература достаточно ославлена у насъ; довольно сказать: „нѣмцы благоговѣли передъ Буало“, и всякія объясненія о степени плодотворности французскаго вліянія на нѣмецкую литературу становятся излишними. Но надобно сказать нѣсколько словъ о томъ, каковы были англійскіе писатели, раздѣлявшіе съ Буало владычество надъ умами германскихъ писателей. Эти писатели были Аддисонъ, Стиль, Попъ и Томсонъ. Всѣ они стоили другъ друга по безжизненности и фальшивости направленія, хотя и отличались одинъ отъ другаго большею или меньшею степенью таланта, и, говоря безпристрастно, надобно признаться, что Буало былъ ничѣмъ не хуже ихъ. Чтобы это сужденіе не показалось излишне суровымъ, приведемъ слова Шлоссера о Попѣ и Аддисонѣ: читатели повѣрятъ намъ на слово, что мнѣніе наше о достоинствахъ Стиля и Томсона могло бы быть подтверждено такими же цитатами.

„Поэзія Попа болѣе всего щеголяетъ пріятностью и гладкою формою. Его стихъ превосходенъ, слогъ прекрасенъ, языкъ правиленъ; но у него нѣтъ ни поэтическаго творчества, ни оригинальности, ни силы. Человѣкъ съ такою холодною, слабою и тщеславною натурою, какъ Попъ, который съ необыкновеннымъ усердіемъ старался льнуть къ каждому лорду и суетливо хлопоталъ о томъ, чтобы образовать вокругъ себя нѣчто въ родѣ двора и нѣчто въ родѣ аристократической комфортабельности, этотъ человѣкъ, жадный къ славѣ и деньгамъ, былъ какъ бы созданъ природою затѣмъ, чтобы быть проповѣдникомъ фальшиваго и софистическаго направленія въ образованіи. Онъ былъ католикъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ ученикъ и другъ кощуна Болингброка, утверждалъ, что всегда оставался вѣренъ догматамъ своей церкви, и съ тѣмъ вмѣстѣ провозглашалъ эгоизмъ. Онъ умѣлъ изворачиваться такъ ловко, что обѣ враждовавшія тогда партіи, приверженцы старины и друзья прогресса, считали его своимъ союзникомъ. Тотъ самый трудъ, который доставилъ Попу славу и независимое состояніе, знаменитый переводъ „Иліады“, служитъ свидѣтельствомъ искусственности его направленія. Поэтъ, который понималъ бы духъ Гомера, почелъ бы недостойнымъ дѣломъ переводить „Иліаду“, не зная по гречески, и прикрашивать ее мишурными блестками. Сравнивая переводъ съ подлинникомъ, мы можемъ только изумляться изящности и испорченности вкуса, реторичности и ненатуральности переводчика, прославленнаго Джонсономъ, оракуломъ свѣтскихъ салоновъ. Три другія произведенія Попа, на которыхъ вмѣстѣ съ переводомъ „Иліады“ основалась его слава, еще яснѣе показываютъ и содержаніемъ и формою, до мельчайшихъ подробностей жизненныхъ и литературныхъ, что поэзія Попа была только порожденіемъ духа, господствовавшаго при Версальскомъ дворѣ, и служила только проповѣдницею искусственной, сладострастной, пустой салонной жизни. Это об-

наруживаетъ относительно литературы „Опытъ о критикѣ“, относительно жизни—поэма „Похищенный Локонъ“, относительно религіозныхъ и нравственныхъ правилъ—„Опытъ о человѣкѣ“. „Опытъ о критикѣ“ излагаетъ теорію той поэтической школы, къ которой принадлежали Драйденъ и Попъ. Подобно Буало, Попъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о творческомъ вдохновеніи, которое создаетъ художественную форму вмѣстѣ съ идеею: за то у него излагаются очень хитрыя правила для сочиненія стихотворныхъ произведеній въ любомъ родѣ. Чтобы показать характеръ этихъ наставленій, припомнимъ только знаменитое правило о необходимости украшать природу, чтобы придать ей модный покрой, какъ придается онъ фраку или жилету. Потому то Вида, авторъ извѣстной реторики, безъ церемоніи ставится Попомъ наряду съ Гомеромъ и Виргиліемъ. „Похищеніе Локона“—шутливая поэма въ духѣ совершенной распущенности нравовъ, бывшей тогда модною, написана въ подражаніе одной изъ поэмъ Буало. Содержаніе поэмы составляютъ модные обычаи свѣтскаго круга, уваженіемъ къ которому проникнутъ авторъ. „Опытъ о человѣкѣ“, по сознанію самого Попа, есть переложеніе въ стихи философіи Болингброка, ставившей цѣлью человѣческой—удовольствіе. Собственнаго образа мыслей Попъ не имѣлъ, какъ доказываютъ его письма.

„Аддисонъ и его друзья хотѣли подчинить англійскую литературу холодной правильности, господствовавшей у французовъ, которымъ форма казалась важнѣе содержанія. Но ихъ мнѣнію, не вдохновеніе дѣлаетъ великимъ писателя, а разсчитанность, остроумничанье и искусственность. Превозносимыя достоинства этихъ стилистовъ основываются на томъ, что они хотѣли только занимать, а не вести впередъ публику, хотѣли слегка щекотать, а не глубоко потрясать умы, —основаны на пошлости и реторикѣ. Реторика и софизмы были главными качествами нравственныхъ лицемѣровъ, во главѣ которыхъ стоялъ Аддисонъ. Онъ, по злому капризу судьбы, былъ государственнымъ секретаремъ, хотя не былъ въ состояніи ни говорить въ Парламентѣ, ни писать дѣловыхъ бумагъ, потому что отъ чрезвычайной заботливости о красотѣ слога и реторическихъ фигурахъ не могъ справиться съ депешею, если принимался сочинять ее -фактъ, какъ нельзя лучше характеризующій подобныхъ ему писателей: реторы отъ созданія міра всегда были тщеславны и никуда не годны для практической жизни. Зато сочинялъ онъ множество назидательныхъ трактатовъ. На вопросъ: какимъ образомъ эти сухіе прозаики, въ которыхъ не было ни искры поэзіи, могли предписывать своему и послѣдующему времени законы вкуса и достичь славы, которою еще продолжаютъ пользоваться, хотя едва ли кто нынѣ читаетъ или въ состояніи прочесть ихъ выглаженныя и прикрашенныя, вялыя и сухія работы?—на этотъ вопросъ отвѣчать легко. Дворъ и знать ввели моду считать реторику за поэзію, а морализованье—за литературу. Вильгельмъ III, Анна и ихъ министры прославили и возвысили Аддисона. У этихъ людей не было ни вкуса, ни понятія о чемъ либо, кромѣ дѣловыхъ занятій или интригъ: потому плоская и многоглаголивая прикрашенность необходимо должна была нравиться имъ лучше истинной поэзіи или сильной прозы. Попъ содѣйствовалъ прославленію Аддисона, потому что съ проницательностью, свойственною людямъ его разбора, предчувствовалъ, что Аддисонъ никогда не помрачитъ его самого. Каковъ былъ модный вкусъ, которому Аддисонъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ и распространенію котораго потомъ содѣйствовалъ онъ, ясно видно изъ исторіи этого писателя. Онъ началъ съ латинскихъ стихотвореній, которыя поднесъ Буало. Буало вообще находилъ, что нелѣпо писать стихи на мертвомъ языкѣ, но отвѣчалъ комплиментами на почтительное приношеніе англичанина. Похвала эта составила славу Аддисона. Послѣ того воспѣвалъ онъ Рисвикскій миръ и Гохштедтскую битву и описывалъ Италію въ поэмѣ, которую можно было написать, не выѣзжая изъ Англіи. Потомъ трагедія его „Катонъ“ произвела такой шумъ, заслужила такое всеобщее одобреніе, что можно было спросить себя: не измѣняла ли себѣ въ этомъ случаѣ нація, имѣвшая Шекспира и столькихъ другихъ вдохновенныхъ драматурговъ, а теперь восхищавшаяся сухою правильностью и пустою реторикою? но тутъ все зависѣло не отъ характера націи, а отъ моды аристократическихъ салоновъ. „Катонъ“ сочиненъ по правиламъ Буало, съ соблюденіемъ трехъ единствъ, съ примѣсью любовныхъ сценъ, и герои пьесы въ шлафрокѣ читаетъ Федона. Въ знаменитомъ журналѣ Аддисона „Зритель“ господствуетъ реторическая проза, выглаженное, искусствен-

ное стихотворство: все было написано по правиламъ реторики и піитики, но ни въ чемъ не было ни искры генія, ни слѣда одушевленія, ни нравственнаго здоровья, ни силы. Въ „Зрителѣ“ проповѣдуется прикрашенность соблюдающей внѣшнія приличія испорченности нравовъ, которая владычествовала тогда въ высшемъ англійскомъ обществѣ, проповѣдуется система жизни, подобная развратному лицемѣрію французскаго двора при Людовикѣ XIV и кардиналѣ Флери. Аддисонъ съ педантическою точностью рисовалъ нравы и характеры; но о немъ можно сказать то же самое, что говорили объ учителѣ его, Буало: отъ его сочиненій пахнетъ масломъ ночной лампады, при свѣтѣ которой неутомимо обдѣлывалъ онъ свой слогъ. Онъ восхищалъ высшее общество тѣмъ, что давалъ ему въ украшенномъ видѣ изображеніе его собственныхъ нравовъ, представляемыхъ, какъ образецъ для подражанія другимъ классамъ. Мораль Аддисона основана на ханжествѣ, а истина передѣлывается такъ, что никого не можетъ оскорбить или испугать. Мораль у Аддисона главное дѣло во всѣхъ разсказахъ и аллегоріяхъ; но, чтобы никого не оттолкнула она, нравственныя требованія смягчаются до того, что все, льстящее модным обычаямъ, представляется добродѣтелью“.

Трудно не соглашаться съ этими сужденіями, какъ и вообще рѣдки тѣ случаи, въ которыхъ здравомыслящій человѣкъ не найдетъ справедливымъ понятія Шлоссера, котораго по внутреннему достоинству его твореній надобно признать первымъ историкомъ нашего вѣка.

Если таковы были писатели, служившіе оракулами для нѣмецкихъ литераторовъ первой половины XVIII вѣка, легко себѣ вообразить, много ли жизни, много ли поэтическаго достоинства, много ли справедливыхъ литературныхъ понятій можно найти у знаменитостей нѣмецкой литературы того времени. Для нашей цѣли — объясненія, въ какомъ состояніи нашелъ ее Лессингъ — довольно будетъ сказать по нѣскольку словъ о людяхъ, пользовавшихся особенною славою или вліяніемъ во второй четверти XVIII вѣка.

Около 1730-хъ годовъ сильнѣйшимъ лицомъ въ нѣмецкой литературѣ былъ Готтшедъ; черезъ нѣсколько лѣтъ выступили противъ него и его послѣдователей (саксонской школы) Бодмеръ и его друзья (швейцарская школа). Борьба этихъ двухъ школъ ведена была обѣими враждующими партіями съ величайшимъ ожесточеніемъ и страшнымъ шумомъ, безъ малѣйшаго соблюденія какихъ бы то ни было приличій. Споръ этотъ составляетъ важнѣйшій фактъ въ нѣмецкой литературѣ 1740-хъ годовъ. Посмотримъ же, каковы были противники и о какихъ предметахъ шелъ споръ *).

Готтшедъ былъ послѣдователь Буало и поклонникъ французскаго псевдо-классическаго направленія.

Значительнаго положенія въ нѣмецкой литературѣ достигъ онъ ловкою разсчитанностью своего образа дѣйствій. Поселясь въ Лейпцигѣ, онъ сначала льстилъ людямъ, которые имѣли въ рукахъ средства помочь ему, потомъ, когда, благодаря имъ, пріобрѣлъ громкій голосъ въ литературныхъ дѣлахъ, сталъ превозносить каждаго, кто, въ свою очередь, соглашался быть его льстецомъ. Этимъ путемъ ему удалось получить владычество въ учено-литературномъ обществѣ, которое существовало въ Лейпцигѣ. Единственною

*) Мнѣнія, которыя кажутся автору справедливыми, почти всѣ высказаны у Шлоссера. Факты, здѣсь приводимые, такъ общеизвѣстны, что не нуждаются въ подтвержденіи цитатами, которыя, впрочемъ, желающій найдетъ у Гервинуса, Гиллебранда, Шефера, и другихъ историковъ нѣмецкой литературы XVIII вѣка. Во многихъ мѣстахъ мы, конечно, просто переводимъ того или другаго изъ этихъ писателей.

цѣлью его дѣятельности былъ личный интересъ, и только для увеличенія своей славы и власти онъ старался пробудить участіе къ нѣмецкой литературѣ въ публикѣ. Вкусъ публики былъ такъ грубъ, невѣжество ея такъ велико, что сочиненія Готтшеда, человѣка хитраго, но лишеннаго литературныхъ талантовъ, и кліентовъ его, людей большею частію совершенно бездарныхъ, удовлетворяли общему требованію: Готтшедъ безсовѣстно прославлялъ своихъ послѣдователей, они, въ свою очередь, прославляли его, и публика, оглушенная этимъ крикомъ, еще не способная имѣть самостоятельнаго мнѣнія, вѣрила всѣмъ этимъ своекорыстнымъ похваламъ и считала наглаго шарлатана съ его креатурами за великихъ писателей. Готтшедъ написалъ грамматику, піитику, риторику, издавалъ критическій журналъ и считался законодателемъ языка и вкуса. Правда, сужденія его о писателяхъ были пристрастны и недобросовѣстны, понятія его о литературѣ мелочны и пошлы, но они приходились по вкусу тогдашней публики. Посредствомъ лейпцигскаго „Нѣмецкаго Общества“ Готтшедъ вошелъ въ сношенія съ безчисленными другими литературными обществами, которыя существовали въ каждомъ городѣ и городкѣ. Онъ льстилъ тщеславію, которое обыкновенно бываетъ главнымъ качествомъ литературныхъ корпорацій; онъ льстилъ всѣмъ лицамъ, занимавшимъ важныя оффиціальныя положенія въ университетахъ, еще болѣе льстилъ тѣмъ придворнымъ и аристократамъ, которые имѣли претензію быть меценатами. Титулованнымъ поэтамъ, какъ бы ни были они бездарны, Готтшедъ подобострастнѣйшимъ образомъ курилъ ѳиміамъ: такъ, напримѣръ, онъ превозносилъ до небесъ жалкій переводъ Горація, изданный безъ имени переводчика, узнавъ, что переводчикъ—графъ фонъ-Зольмсъ; а барона Шенайха, сочинителя нелѣпѣйшей поэмы „Терезіада“, ставилъ онъ выше Клопштока, называлъ величайшимъ изъ эпическихъ поэтовъ вселенной и торжественно вѣнчалъ лавровымъ вѣнкомъ. Личность Готтшеда вполнѣ обрисовывается передъ нами однимъ анекдотомъ, который разсказанъ въ автобіографіи Гете (Wahrheit und Dichtung). Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, молодой человѣкъ съ нѣкоторыми другими юношами отправился на поклоненіе свѣтилу нѣмецкой словесности:

„Слуга ввелъ насъ въ большую комнату и сказалъ, что г. Готтшедъ сейчасъ выйдетъ. При этомъ показалось намъ, что онъ жестомъ показалъ на сосѣднюю комнату, въ знакъ того, что мы должны итти туда. Не знаю, ошиблись ли мы, понявъ его движеніе въ этомъ смыслѣ, но, отворивъ дверь, мы очутились зрителями странной сцены: въ тотъ самый мигъ, изъ противоположной двери явился Готтшедъ, плечистый мужчина гигантскаго роста, въ зеленомъ дамасовомъ шлафрокѣ, подбитомъ красною тафтою, и съ безпредѣльною лысиною на громадной головѣ. Послѣдней бѣдѣ готовилась быстрая помощь: изъ третьей двери выскочилъ слуга, держа въ рукѣ парикъ, и, съ испугомъ на лицѣ, кинулся къ барину. Готтшедъ, совершенно хладнокровно, не обнаруживая ни малѣйшей досады, лѣвою рукою взялъ у лакея парикъ и, очень искусно сажая его на голову, правою рукою далъ лакею такую пощечину, что бѣдняга, будто играя роль въ водевилѣ, кубаремъ вылетѣлъ за дверь, послѣ чего достопочтенный хозяинъ очень важно попросилъ насъ садиться и, не переводя духа, проговорилъ довольно длинное и очень милое привѣтствіе“.

Восхитительно это невозмутимое спокойствіе, съ которымъ знаменитый хозяинъ, одною рукою поправляя парикъ, другой дастъ крѣпкую пощечину слугѣ и вслѣдъ за тѣмъ съ совершеннымъ апломбомъ начинаетъ говорить заранѣе обдуманныя любезности гостямъ. Очевидно, что почтенный Готтшедъ былъ недоступенъ волненіямъ сердца— онъ неизмѣнно дѣйствовалъ по правилу, которое разъ навсегда поставилъ себѣ: „проступки должны быть наказываемы, а всѣмъ, кого нѣтъ надобности наказывать, должно говорить любезности“. Точно также разсчитанно и холодно дѣйствовалъ онъ и въ литературѣ: безпощадно бранилъ всякаго, кто сдѣлалъ ему какую нибудь непріятность, безстыдно превозносилъ каждаго, отъ кого слышалъ лесть себѣ или могъ ожидать какихъ нибудь услугъ. Литературныя достоинства или недостатки произведенія тутъ вимало не принимались въ соображеніе, — притомъ же, Готтшедъ и не имѣлъ способности замѣчать ихъ; весь вопросъ состоялъ исключительно въ личныхъ отношеніяхъ автора къ Готтшеду. Безсовѣстность такого самовластителя въ литературѣ вызвала наконецъ нѣкоторыхъ изъ обиженныхъ имъ писателей на борьбу противъ него. Предводителемъ этой партіи, враждебной лейпцигскому диктатору, явился швейцарецъ Бодмеръ, уже имѣвшій въ Цюрихѣ и окрестныхъ городахъ толпу кліентовъ.

Въ противоположность Готтшеду, Бодмеръ былъ человѣкъ честный, но, подобно Готтшеду, онъ былъ лишенъ и вкуса и таланта, а, между тѣмъ, хотѣлъ быть судьею въ поэзіи и считалъ себя великимъ поэтомъ. Поклонниковъ у него находилось очень много, даже между людьми, имѣвшими образованіе или поэтическую славу. Они говорили, что эпическая поэма Бодмера „Ной“ выше мильтонова „Потеряннаго Рая“ и самой „Иліады“. До старости Бодмеръ сохранилъ ребяческую впечатлительность и опрометчивость, вмѣстѣ съ безмѣрнымъ и чрезвычайно раздражительнымъ самолюбіемъ. Оракуломъ въ литературныхъ мнѣніяхъ служилъ ему Аддисонъ. „Зрителю“ котораго самодовольно подражалъ журналъ Бодмера „Бесѣды Живописцевъ“, далеко уступавшія „Зрителю“, хотя и англійскій журналъ, какъ мы видѣли, имѣлъ не слишкомъ много положительнаго достоинства.

Готтшедъ и Бодмеръ сначала были въ хорошихъ отношеніяхъ между собою: одинъ помѣщалъ свои стихотворенія въ журналѣ другаго, тотъ хвалилъ его произведенія и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, въ образѣ понятій не было между этими людьми значительной разницы: одинъ вѣровалъ въ Буало, другой въ Аддисона, ученика Буало. Но оба были люди тщеславные, оба проникнуты суетнымъ желаніемъ не встрѣчать противорѣчія. Скоро Готтшедъ сталъ считать партію Бодмера вредною для себя: она мѣшала его единовластію въ литературѣ. Швейцарцы осмѣлились даже издавать руководства къ пінтикѣ, какъ будто бы не издано было такое руководство Готтшедомъ! Значитъ, они посягали на его права: кто смѣлъ предписывать законы поэзіи, когда они даны уже имъ, великимъ Готтшедомъ? Онъ началъ бранить Бодмера и его друга Брейтингера, эти, разумѣется, отвѣчали ему въ такомъ же тонѣ, пасквили посыпались градомъ съ обѣихъ сторонъ, и загорѣлась непримиримая война.

Споръ шелъ о предметахъ мелочныхъ и ничтожныхъ, лишенъ былъ всякаго живаго содержанія, какъ и должно было ожидать: какіе важные

недостатки могъ открыть въ понятіяхъ или произведеніяхъ послѣдователей Аддисона ученикъ Буало, или въ понятіяхъ и произведеніяхъ приверженцевъ Буало ученикъ Аддисона? Спорили о словахъ, о достоинствѣ того или другаго выраженія и т. д.; но этотъ пустой споръ былъ крикливъ и задоренъ, потому что дѣло велось собственно изъ-за оскорбленій личнаго самолюбія; считаться ли Бодмеру нѣмецкимъ Гомеромъ и Виргиліемъ, или бездарнымъ писакою? считаться ли Готтшеду нѣмецкимъ Корнелемъ и Расиномъ, или его драмы достойны осмѣянія? Кому изъ двухъ противниковъ быть нѣмецкимъ Гораціемъ, законодателемъ въ области поэзіи? Кто изъ нихъ Аристархъ и кто Зоилъ? Точно таковы же были отношенія и всѣхъ другихъ саксонцевъ, стоявшихъ подъ знаменами Готтшеда, и швейцарцевъ, стоявшихъ подъ знаменами Бодмера: каждый изъ нихъ кричалъ, защищая славу, которою пользовался въ своей партіи, и браня противниковъ за то, что они не признавали его великимъ писателемъ.

Полемика была пуста, но не была безплодна: громкій шумъ привлекъ вниманіе общества: оно стало поневолѣ думать о литературѣ, когда изъ литературныхъ лагерей стали неумолкаемо раздаваться неистовые крики. Научить эти крики не могли пока еще ровно ничему; но хорошо было уже и то, что прежняя усыпительная монотонность нелѣпыхъ панегириковъ замѣнилась бойкимъ, задирающимъ споромъ, пробуждающимъ любопытство. Не безполезна была эта неистовая полемика и потому, что заставила публику нѣсколько недовѣрчивѣе прежняго смотрѣть на авторитеты, нѣсколько самостоятельнѣе прежняго судить о достоинствѣ писателей и сочиненій: до того времени публика тупо вѣрила всему, что ей говорили; теперь по необходимости надобно было каждому рѣшать, кто изъ споривщихъ справедливѣе. Борьба была упорна; но черезъ нѣсколько лѣтъ побѣда стала склоняться на сторону швейцарцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя они вообще не отличались ни вкусомъ, ни дарованіями, но въ партіи Готтшеда было еще больше безвкусія и бездарности; хотя швейцарцы держались понятій педантическихъ и безжизненныхъ, но въ школѣ Готтшеда педантизмъ былъ еще безжизненнѣе; хотя они были чистые формалисты, но у готтшедіанцевъ формализмъ былъ еще болѣе сухъ и мелоченъ. Такъ, напримѣръ, въ спорахъ о языкѣ швейцарцы защищали употребленіе оригинальныхъ выраженій, Готтшедъ былъ пуристомъ и осуждалъ каждый новый терминъ, каждое выраженіе, не освященное долговременнымъ употребленіемъ, и доходилъ въ этомъ случаѣ до очевиднѣйшей тупости: онъ нападалъ на такія слова, какъ меланхолія, симпатія, сцена, фантазія; нелѣпыми нововведеніями казались ему и такія слова, какъ, напримѣръ, das Entlocken, das Grosse, unbewusst, unentwickelt, die Mitternacht, das Lächeln, слова, столь же невинныя и понятныя на нѣмецкомъ языкѣ, какъ на русскомъ понятны и невинны соотвѣтствующія имъ слова: похищеніе, величіе, безсознательно, неразвитый, полночь, улыбка. Въ спорѣ о теоріи словесности швейцарцы защищали права, если не творческой фантазіи (о которой ни та, ни другая партія не имѣла понятія, подобно своимъ иноземнымъ оракуламъ), то, по крайней мѣрѣ, права лирическаго чувства, а Готтшедъ училъ писать стихотворенія при помощи одних только разсчитанныхъ по пальцамъ правилъ и осуждалъ пиитику

Брейтингера за то, что по ней не научишься писать эпопей, драмъ, одъ.— между тѣмъ (говорилъ онъ), моя піитика учитъ „безошибочнымъ образомъ изготовлять стихотворныя произведенія во всевозможныхъ родахъ". Изъ этихъ словъ можно уже съ достовѣрностью заключать, что піитика Брейтингера была нѣсколько лучше готтшедовой, хотя она написана также въ духѣ сухаго формализма.

Когда люди, подобные Готтшеду и Бодмеру, спорили о владычествѣ надъ литературою, конечно, не могло быть истинно замѣчательныхъ дарованій между знаменитостями этой литературы, и сама литература не могла имѣть живаго содержанія; иначе, хитрая или тупоумная посредственность и не имѣла бы средствъ овладѣвать до такой степени законодательствомъ въ области изящнаго. Мы уже сказали, что нѣтъ надобности перечислять всѣхъ писателей, которые считались тогда славными и которые были забыты, какъ только оживилась литература. Довольно будетъ назвать три-четыре имени, пользовавшіяся или особеннымъ уваженіемъ, или особенною любовью публики. Къ такимъ писателямъ принадлежатъ Галлеръ, Рабенеръ и Геллертъ.

Дидактическія поэмы Буало и особенно Попа имѣли рѣшительное вліяніе на Галлера, который былъ великимъ ученымъ, но самъ сознавался, что лишенъ поэтическаго таланта,— и не только таланта не было у него, но и вкуса, потому что Вейсе, очень посредственнаго драматурга, который подражалъ то французамъ, то англичанамъ, ставилъ онъ выше Шекспира, а приторный Геснеръ нравился ему больше Ѳеокрита. Собственныя произведенія Галлера, особенно знаменитыя его поэмы „Альпы" и „О происхожденіи зла", могутъ имѣть ученое достоинство, но чужды поэтическаго одушевленія. Стремясь къ возвышенности, онъ достигаетъ только суровой сухости; стремясь къ теплотѣ и трогательности картинъ, даетъ онъ только холодныя и скучныя описанія. Въ „Альпахъ" описываются красоты горной природы и изображаются въ идиллическомъ видѣ нравы горныхъ жителей, которые, не зная о жадности и любостяжаніи, сохранили у себя блаженство золотаго вѣка. Поэма „О происхожденіи зла" объясняетъ, что человѣку дана свободная воля, что Богу угодно было предоставить людямъ выборъ между добромъ и зломъ; потомъ изображается состояніе первыхъ людей до грѣхопаденія, паденіе діаволовъ и прегрѣшеніе первыхъ людей -это подробный разсказъ библейскаго преданія, съ примѣсью различныхъ философскихъ замѣчаній. Поэма „О происхожденіи зла" имѣла большой успѣхъ и породила сотни подражаній. Многочисленные послѣдователи Галлера безъ всякой заботы о требованіяхъ поэзіи цѣликомъ перелагали на стихотворный языкъ философскіе трактаты, сохраняя даже ученую систематическую форму въ своихъ виршахъ,— они просто перефразировали Лейбница и Вольфа, прикрашивая ихъ заимствованіями изъ Попа и Томсона,—сочиняли стихотворныя разсужденія о намѣреніяхъ Божіихъ при созданіи вселенной, о законахъ разума, о прививаніи коровьей оспы, объ искусственномъ орошеніи полей, о пользѣ математическихъ наукъ для поэта, о томъ, что произрастаніемъ травы доказывается существованіе Божіе, и т. д.

Кромѣ дидактическихъ и описательныхъ поэмъ, Галлеръ писалъ сатиры: но эти сатиры лучше всего остальнаго показываютъ, какъ чужда была

всякаго живаго содержанія нѣмецкая литература того времени. Онѣ направлены не противъ пороковъ или смѣшныхъ слабостей нѣмецкаго общества, а противъ парижскихъ философовъ. Самъ Галлеръ объявляетъ, что не имѣетъ охоты заниматься современными нравами своей родины, потому что это безполезно, да и не нужно.

Несмотря на чрезвычайное уваженіе къ эпической поэзіи, которая считалась верховнымъ родомъ искусства, Галлера читали довольно мало, а его послѣдователей еще меньше, но каждый чувствовалъ на себѣ обязанность превозносить эти поэмы. Галлера называли нѣмецкимъ Виргиліемъ. Титулы, которыми украшались Рабенеръ и Геллертъ, были скромнѣе: Рабенеръ считался не болѣе, какъ нѣмецкимъ Ювеналомъ, а Геллертъ —нѣмецкимъ Лафонтеномъ, но за скромность этихъ титуловъ Геллертъ и Рабенеръ вознаграждались тѣмъ, что ихъ сочиненія были любимѣйшимъ чтеніемъ нѣмецкой публики. Для насъ, которые часто слышимъ преувеличенныя сужденія о глубинѣ и серьезности содержанія тѣхъ писателей, которые считаются представителями сатирическаго направленія въ русской литературѣ, не безполезно будетъ знать, какъ нѣмцы нынѣ судятъ о Рабенерѣ, котораго можно сравнить съ нашими писателями по обширности круга, которымъ занята его ироніи, и по смѣлости, съ какою обличаетъ онъ недостатки своей народной жизни. Это сравненіе можетъ привести насъ къ сомнѣнію въ томъ, дѣйствительно ли есть серьезное содержаніе даже въ тѣхъ произведеніяхъ нашей литературы, которыя особенно извѣстны безпощаднымъ (будто бы) сарказмомъ, съ которымъ разоблачаютъ передъ нами важнѣйшіе (будто бы) наши недостатки. Безъ сомнѣнія, у насъ есть писатели, гораздо болѣе даровитые, нежели Рабенеръ, и произведенія, имѣющія гораздо болѣе художественнаго достоинства, нежели его сатиры. Но мы здѣсь говоримъ о границахъ содержанія, доступнаго ироніи. Мы находимъ, что у насъ есть произведенія, безпощадно карающія важнѣйшіе общественные пороки, такъ говорили и нѣмцы добраго стараго времени о сатирахъ Рабенера. Интересно знать, какъ думаютъ нынѣ о Рабенерѣ въ Германіи, уже имѣя понятіе о томъ, какова бываетъ истинная сатира. Потому приведемъ сужденіе Гервинуса объ этомъ писателѣ.

„Рамлеръ, въ предисловіи къ переводу Бате (говоритъ Гервинусъ), хвалитъ Рабенера, называя его улыбающимся сатирикомъ, писателемъ мужественно прекраснымъ, упреки котораго поучительны, воображеніе котораго неистощимо, въ сочиненіяхъ котораго представленъ цѣлый рядъ картинъ и характеровъ. У кого достало бы охоты перечитать сатиры Рабенера, тотъ увидѣлъ бы, что надобно сказать о немъ совершенно противное. Что касается неистощимости воображенія, надобно признаться, что эти сатиры совершенно чужды всякой поэзіи: творческой фантазіи нѣтъ въ нихъ ни капли. Его произведенія — чистая проза. Смѣлости и рѣзкости онъ совершенно лишенъ; онъ робокъ и скученъ. Для нынѣшнихъ читателей довольно взглянуть на заглавія его сатиръ, чтобы убѣдиться въ томъ: „О поздравленіяхъ съ праздникомъ“, „Похвала постельнымъ собачкамъ“. „О несчастныхъ мужьяхъ“—вотъ каковы поучительныя задачи рабеперовой сатиры. Сатирическія посланія его превозносились какъ нѣчто удивительное— въ какомъ же кругу вращается тутъ остроуміе сатирика? — Невѣжда-помѣщикъ ищетъ себѣ дешеваго учителя,—горничная рекомендуетъ на это мѣсто человѣка, который ей нравится: вдова пастора пріискиваетъ себѣ жениха: проситель подкупаетъ судью, и т. д. Правда, эти недостатки существовали въ обществѣ; правда, сатира, карая по-

роки, можетъ для разнообразія касаться и мелочныхъ слабостей. Но сатирикъ обнаруживаетъ незнакомство свое съ жизнью, когда, думая объ исправленіи великаго общественнаго зданія, занимается подчисткою подобныхъ незначительныхъ шероховатостей въ мелкихъ уголкахъ. Рабенеръ, Цахаріэ и Геллертъ не истребили мелочныхъ недостатковъ, надъ которыми изощряли свое остроуміе: но всѣ эти мелочи упали сами собою, когда молодое поколѣніе въ 1770-тыхъ годахъ потрясло своими ударами все зданіе, къ которому принадлежали эти ничтожныя подробности. Рабенеръ могъ бы оставить безъ вниманія пустяки, которыми занимался, еслибъ обратилъ свою сатиру противъ великихъ недостатковъ, порожденныхъ жизнью его народа въ его время и препятствовавшихъ прогрессу; а онъ бился противъ маловажныхъ и существующихъ вездѣ и повсюду привычекъ. Предметы, которыми занимается его насмѣшка, слишкомъ мелки. Онъ самъ признается, что въ Германіи объ учителѣ деревенской школы нельзя говорить той правды, которую въ Англіи говорятъ о первыхъ сановникахъ королевства. Самъ Геллертъ—человѣкъ не слишкомъ смѣлый—понимаетъ, что сатира слишкомъ стѣснена, если говоритъ только о порокахъ частной жизни: описывая вельможъ, она, по его словамъ, бываетъ краснорѣчивѣе, нежели издѣваясь надъ мелкими людьми. Рабенеръ не дерзаетъ приближаться съ своею насмѣшкою къ великолѣпнымъ палатамъ: онъ прямо отказывается говорить о предметахъ, въ которыхъ замѣшаны „превосходительные люди“. Разумѣется, можно находить и оправданія для Рабенера: вѣдь и его сатиры возбуждали неудовольствіе“.

Сужденіе Гервинуса не должно считать слишкомъ суровымъ,—подобно ему думаютъ о робкой сатирѣ Рабенера всѣ. Въ подтвержденіе этихъ словъ приведемъ сужденія Шлоссера:

„Можно ли отъ Рабенера, человѣка, занимавшаго должность сборщика податей при саксонскомъ министрѣ Брюлѣ, стало быть, составившаго себѣ карьеру самымъ печальнымъ образомъ въ самыя печальныя времена,—можно ли ожидать отъ такого человѣка смѣлыхъ мыслей? А безъ смѣлости возможна ли сатира? Сатирѣ не должно быть дѣла до тѣхъ пороковъ, которые гнѣздятся въ ничтожныхъ людяхъ—нравы толпы исправляются не поэзіею, а другими путями—она должна разоблачать пышныя личины, ослѣпляющія простаковъ, она должна рѣзко изобличать пустоту и лицемѣріе, соединенное съ ложнымъ блескомъ. Сатира Рабенера щадитъ (очень благоразумно) истинныхъ враговъ человѣчества и родины, щадитъ людей, которые безстыдно презираютъ общественное мнѣніе, она занимается только бабьими сплетнями. Она не понимаетъ, что мелкихъ купцовъ и мелкихъ чиновниковъ не исправишь насмѣшками: они бьются изъ-за куска насущнаго хлѣба, ихъ недостатки происходятъ не отъ злой воли, а отъ нужды“.

Еще слабѣе и ничтожнѣе Рабенера былъ по своему направленію Геллертъ, пользовавшійся, однакожъ, огромною популярностью. Онъ отъ природы былъ трусливъ и суетенъ, обстоятельства развили въ немъ эти качества. Какъ жалка и безцвѣтна была его натура, можно судить по слѣдующему разсказу, который помѣщенъ въ англійскомъ „Годичномъ указателѣ“ событій и новостей (The Annual Register) за 1762 годъ. Разсказъ этотъ слишкомъ хорошо характеризуетъ вообще всѣхъ знаменитыхъ нѣмецкихъ писателей той эпохи, которой принадлежитъ Геллертъ, потому помѣщаемъ его вполнѣ. Онъ лицомъ къ лицу ставитъ передъ нами этихъ жалкихъ педантовъ, вѣчно занятыхъ только одною мыслью о томъ, хороши ли ихъ собственныя сочиненія, — заботою о томъ, чтобы стихи были гладки, языкъ чистъ и правиленъ и всѣ правила пінтики и реторики были строго соблюдены,—этихъ жалкихъ людей, ждавшихъ себѣ чести, а литературѣ пользы отъ милости меценатовъ, людей, не знавшихъ жизни, не имѣвшихъ

понятія о томъ, что писатель долженъ быть органомъ желаній своего народа, его руководителемъ и защитникомъ.

„Подлинный разговоръ между королемъ прусскимъ и талантливымъ Геллертомъ, профессоромъ изящной словесности при Лейпцигскомъ университетѣ, заимствованный изъ письма изъ города Лейпцига, отъ 27 января 1761 года.

18 минувшаго октября, въ третьемъ часу вечера, когда профессоръ Геллертъ, чувствуя себя нѣсколько нездоровымъ, сидѣлъ въ шлафрокѣ, за своимъ письменнымъ столомъ, кто-то постучался въ дверь его квартиры.

— Милости просимъ, войдите, сударь! сказалъ Геллертъ.

— Честь имѣю рекомендоваться, сказалъ вошедшій: — имя мое Квинтусъ Иціліусъ; мнѣ очень пріятно познакомиться съ человѣкомъ, столь славнымъ въ литературномъ мірѣ. Впрочемъ, я пришелъ къ вамъ не отъ себя, а по приказанію его величества, короля прусскаго, который желаетъ васъ видѣть и приказалъ мнѣ проводить васъ къ нему.

Геллертъ извинялся своимъ нездоровьемъ, но согласился слѣдовать за майоромъ Квинтусомъ, который ввелъ его въ кабинетъ его величества, гдѣ и произошелъ между королемъ и этими двумя писателями слѣдующій разговоръ:

Король. Вы профессоръ Геллертъ?

Геллертъ. Точно такъ, ваше величество!

Король. Англійскій посланникъ говорилъ мнѣ о васъ, какъ о человѣкѣ высокихъ достоинствъ. Откуда вы родомъ?

Геллертъ. Изъ Ганихена, что близъ Фрейберга.

Король. Какая причина, что у насъ нѣтъ хорошихъ нѣмецкихъ писателей?

Майоръ Квинтусъ. Предъ лицомъ вашего величества стоитъ превосходный нѣмецкій писатель, сочиненія котораго французы почли достойными перевода и котораго называютъ они германскимъ Лафонтеномъ.

Король. Это, г. Геллертъ, конечно, служитъ сильнымъ доказательствомъ вашихъ достоинствъ. Скажите, читали вы Лафонтена?

Геллертъ. Читалъ, государь, но не подражалъ ему. Я стараюсь быть оригинальнымъ въ своемъ родѣ.

Король. И прекрасно дѣлаете. Но скажите, какая причина тому, что у насъ въ Германіи не много писателей такихъ хорошихъ, какъ вы?

Геллертъ. Ваше величество, кажется, предубѣждены противъ нѣмцевъ.

Король. Нимало.

Геллертъ. Или, по крайней мѣрѣ, противъ нѣмецкихъ писателей.

Король. Это быть можетъ; въ самомъ дѣлѣ, я не высокаго мнѣнія о нихъ. Отчего происходитъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ историковъ?

Геллертъ. У насъ есть, государь, нѣсколько хорошихъ историковъ, — между прочимъ, Крамеръ, продолжатель Боссюэта, и ученый Масковъ.

Король. Нѣмецъ продолжалъ „Всемірную Исторію“ Боссюэта! возможно ли?

Геллертъ. Не только продолжалъ, но и совершилъ это трудное дѣло съ величайшимъ успѣхомъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ профессоровъ въ областяхъ вашего величества провозгласилъ это продолженіе равняющимся боссюэтовой исторіи по краснорѣчію и превосходящимъ ее по точности.

Король. Отчего же происходитъ, что у насъ нѣтъ хорошаго перевода Тацита на нѣмецкій языкъ?

Геллертъ. Этотъ авторъ чрезвычайно труденъ для перевода, и французскіе переводы, какіе нынѣ существуютъ, совершенно лишены всякаго достоинства.

Король. Съ этимъ я согласенъ.

Геллертъ. Много есть различныхъ причинъ, препятствовавшихъ доселѣ нѣмцамъ сдѣлаться знаменитыми въ различныхъ отрасляхъ литературы. Когда науки и искусства процвѣтали между греками, римляне занимались только губительнымъ искусствомъ войны. Не можемъ ли мы считать настоящаго времени воинскимъ вѣкомъ Гер-

маніи? Не могу ли также я прибавить, что наши соотечественники не были одушевляемы такими покровителями наукъ, какъ Августъ и Людовикъ XIV?

Король. Да вѣдь у васъ въ Саксоніи было цѣлыхъ два Августа *).

Геллертъ. Правда, государь, и потому въ нашей странѣ явились хорошіе начатки.

Король. Какимъ образомъ можете вы ожидать Августа въ Германіи, столь раздробленной?

Геллертъ. Я сказалъ не въ томъ смыслѣ, государь: я желаю только, чтобы каждый государь ободрялъ въ своихъ областяхъ людей съ истиннымъ талантомъ.

Король. Вы никогда не выѣзжали изъ Саксоніи?

Геллертъ. Однажды я былъ въ Берлинѣ.

Король. Вамъ нужно бы путешествовать.

Геллертъ. Государь, я не имѣю никакой наклонности къ путешествіямъ; а если бы и имѣлъ, мои обстоятельства не позволили бы мнѣ путешествовать.

Король. Скажите, какой болѣзнью вы страдаете? я предполагаю, болѣзнью ученыхъ?

Геллертъ. Назову ее такъ, когда вашему величеству угодно почтить меня этимъ именемъ, котораго, безъ величайшаго тщеславія, не могъ бы я дать самъ себѣ.

Король. Я, подобно вамъ, страдалъ этою болѣзнью и, кажется, могу излечить васъ: дѣлайте только моціонъ, ѣздите гулять верхомъ каждый день и разъ въ недѣлю принимайте ревеню.

Геллертъ. Это лекарство, государь, могло бы для меня быть хуже самой болѣзни: если моя лошадь была бы здоровѣе и бодрѣе меня, я не смѣлъ бы сѣсть на нее; а если она хуже меня, немного пользы было бы мнѣ отъ прогулки верхомъ на ней.

Король. Ну, такъ ѣздите гулять въ экипажѣ.

Геллертъ. Я не такъ богатъ, чтобъ имѣть на то средства.

Король. А, вотъ этимъ-то обстоятельствомъ обыкновенно и больны нѣмецкіе литераторы. Правда, худыя нынѣ времена.

Геллертъ. Худыя, ваше величество! Но если бы благость вашего величества дала миръ Германіи...

Король. Да развѣ отъ меня это зависитъ? Развѣ вы не слышали, что противъ меня соединились три державы?

Геллертъ. Знанія мои, государь, преимущественно заключаются въ древней исторіи; новую изучалъ я гораздо менѣе.

Король. Изъ эпическихъ поэтовъ кого вы предпочитаете—Гомера или Виргилія?

Геллертъ. Безъ сомнѣнія, Гомеръ, какъ оригинальный геній, заслуживаетъ предпочтенія.

Король. Но Виргилій, однако же, писатель болѣе изящный.

Геллертъ. Мы живемъ во времена, слишкомъ отдаленныя отъ гомеровыхъ, и не можемъ составить себѣ опредѣлительнаго сужденія о языкѣ и нравахъ того древняго періода: потому я полагаюсь на сужденіе Квинтиліана, который отдаетъ преимущество Гомеру.

Король. Но мы, однако же, не должны съ рабскимъ подобострастіемъ подчиняться сужденіямъ древнихъ.

Геллертъ. Я и не подчиняюсь имъ слѣпо. Я только принимаю ихъ мнѣнія, когда древность облекаетъ предметъ такимъ туманомъ, который не даетъ мнѣ различить его черты и, слѣдовательно, отнимаетъ возможность собственнаго сужденія.

Король. Вы, какъ я слышалъ, написали басни, замѣчательныя по изяществу и остроумію. Можете вы прочитать мнѣ одну изъ нихъ?

Геллертъ. Не умѣю вамъ сказать, государь, могу ли: память моя далеко не хороша.

*) То есть Августъ III, тогда царствовавшій, и Августъ II, бывшій его предшественникомъ.

Король. Постарайтесь; я пока пройдусь по комнатѣ и дамъ вамъ время собраться съ мыслями... (*Черезъ нѣсколько минутъ*). Можете теперь исполнить мое желаніе?

Геллертъ. Могу, государь!

„Аѳинскій живописецъ, занимавшійся своимъ искусствомъ болѣе изъ желанія славы, нежели изъ любви къ прибытку, спросилъ у знатока живописи мнѣнія о своей картинѣ, представлявшей бога Марса. Знатокъ не скрылъ отъ него, что находитъ картину неудовлетворительною. Живописецъ защищалъ свое произведеніе. Критикъ отвѣчалъ на его возраженія, но не могъ убѣдить его. Въ это время подходитъ невѣжда, бросаетъ взглядъ на картину и, не подумавъ ни минуты, съ восторгомъ восклицаетъ: „Боже! какое мастерское произведеніе! Марсъ живой дышетъ на этомъ полотнѣ! Какія прекрасныя ноги! Какой вкусъ, какое величіе въ этомъ шлемѣ, въ этомъ щитѣ, во всемъ вооруженіи ужаснаго бога“! Живописецъ покраснѣлъ, взглянулъ на знатока съ видомъ смущенія, признанія въ своихъ ошибкахъ и сказалъ: „Теперь я убѣдился, что ваше сужденіе основательно“. Невѣжда удалился, и живописецъ истребилъ свою картину“.

Король. Какой же смыслъ въ этой баснѣ?

Геллертъ. Нравоученіе таково: „когда сочиненія писателя не удовлетворяютъ вкусу хорошаго судьи, это дастъ сильное основаніе думать о нихъ неблагопріятно; но когда они бываютъ превозносимы глупцомъ, не колеблясь должно бросить ихъ въ огонь“.

Король. Прекрасно, г. Геллертъ! Стихотвореніе ваше превосходно, и въ изобрѣтеніи басни есть какое-то изящество. Я понимаю красоту и достоинство этого произведенія. Но когда Готтшедъ читалъ мнѣ переводъ „Ифигеніи“, у меня передъ глазами былъ французскій оригиналъ, и я не понялъ ни слова изъ того, что онъ читалъ. Если я останусь здѣсь дольше, вы почаще приходите ко мнѣ и читайте мнѣ ваши басни.

Геллертъ. Не знаю, государь, долженъ ли я отваживаться на чтеніе: я привыкъ говорить нараспѣвъ, какъ говорятъ у насъ въ горахъ.

Король. Ну да, по силезскому акценту. Нѣтъ, все-таки вы должны читать ваши басни: иначе, онѣ много потеряютъ. Навѣстите же меня еще, и поскорѣе.

Когда г. Геллертъ ушелъ, король сказалъ:

— Это совершенно не такой человѣкъ, какъ Готтшедъ. А на слѣдующій день, за столомъ, онъ сказалъ, что „изъ всѣхъ ученыхъ нѣмцевъ Геллертъ самый умный и разсудительный“.

Весь тонъ разсказа свидѣтельствуетъ, что онъ написанъ безъ всякой иронической цѣли. Хроника, въ которой онъ помѣщенъ, хочетъ показать, что король Фридрихъ II умѣлъ цѣнить таланты; а между тѣмъ, какою горькою насмѣшкою надъ Геллертомъ кажется этотъ анекдотъ! Какъ пошло и глупо каждое его слово, какъ тупы его понятія о литературѣ! — Отчего она въ незавидномъ положеніи? спрашиваетъ Фридрихъ, — „оттого, что у насъ нѣтъ Августовъ и меценатовъ“. очень добродушно отвѣчаетъ Геллертъ, не зная, что именно меценатство съ одной стороны, подобострастіе съ другой губятъ литературу. Отчего вы блѣдны? спрашиваетъ король. — Оттого, что все сижу въ своемъ кабинетѣ за книгою, отвѣчаетъ Геллертъ, какъ истинный Вагнеръ, не имѣя даже предчувствія о томъ, что поэту быть въ кругу людей полезнѣе, нежели читать Буало, Готтшеда и Бодмера. И какъ робѣетъ этотъ бѣднякъ! Онъ запинается, онъ теряется; ему нужно дать время образумиться, чтобы онъ могъ припомнить какую нибудь изъ своихъ басенъ. И какую же басню выбираетъ онъ для чтенія передъ Фридрихомъ полководцемъ, законодателемъ, человѣкомъ жизни и дѣятельности? басню,

заключающую наставленіе для жалкихъ Вагнеровъ, подобныхъ самому баснописцу! Видно, что никакъ не можетъ онъ выйти изъ узкаго круга пустыхъ вопросовъ о гладкости слога и литературныхъ красотахъ, о критикѣ и антикритикѣ, видно, что жизнь и міръ для него ограничиваются сочиненіемъ стишковъ и полученіемъ заслуженныхъ похвалъ отъ Готтшеда или Бодмера, да милостиваго покровительства отъ Брюля за благонамѣренность стремленій и красоту слога!

Въ такомъ жалкомъ состояніи находилась нѣмецкая литература около половины XVIII вѣка. Она совершенно оправдывала собою извѣстную аксіому, что литература есть выраженіе общества. Германія находилась въ нравственной зависимости отъ чужеземцевъ, литература ея была рабскимъ подражаніемъ англійской и французской литературамъ; нравственное единство народа, вслѣдствіе продолжительнаго политическаго раздробленія, было утрачено—нѣмецкая литература также утратила свое единство: Лейпцигъ былъ центромъ саксонской школы, Цюрихъ—швейцарской, въ Берлинѣ была своя школа, въ Гамбургѣ своя, въ Кенигсбергѣ своя; направленіе, которому будетъ слѣдовать писатель, опредѣлялось не столько влеченіемъ его таланта, сколько принадлежностью его къ той или другой области: саксонецъ дѣлался послѣдователемъ Готтшеда, южный германецъ ученикомъ Бодмера, сѣверный германецъ подражателемъ Галлера. Въ жизни нѣмецкаго народа господствовали апатія, пустота, — та же самая пустота господствовала и въ литературѣ; подобострастный формализмъ сковывалъ жизнь общества, — онъ же сковывалъ и литературные таланты; общество было робко, безпрекословно отдавалось въ добычу каждому, кто хотѣлъ грабить его,- также и литература подчинялась каждому шарлатану съ громкимъ голосомъ, который хотѣлъ господствовать въ ней.

Неудивительно послѣ этого, что высшіе классы общества пренебрегали родною литературою и читали исключительно французскія книги: въ нѣмецкихъ нашли бы они только повтореніе того, что гораздо лучше было высказано французскими писателями временъ Людовика XIV.

Виновницею жалкаго состоянія литературы всегда бываетъ публика: если публика многочисленна и проникнута живыми стремленіями, нѣтъ въ мірѣ силы, которая могла бы остановить развитіе литературы, нѣтъ затрудненій, которыя не были бы побѣждены требованіями общества. Степень умственнаго развитія въ массѣ нѣмецкой публики совершенно соотвѣтствовала общему состоянію литературы. Педантизмъ, робость, подобострастіе и предразсудки всякаго рода владычествовали въ обществѣ. Мы говорили, что оно раздѣлялось на касты, чуждавшіяся одна другой; главною двигательницею жизни въ каждой кастѣ было мелочное тщеславіе, преклоненіе передъ высшими, презрѣніе къ низшимъ. Религіозное одушевленіе исчезло послѣ Тридцатилѣтней войны, но осталась вражда различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: католики, лютеране, кальвинисты ненавидѣли другъ друга; религіозныя и нравственныя понятія были суровы и грубы; вообще, умственная жизнь была стѣснена предразсудками и предубѣжденіями.

Наука, которая должна была бы противодѣйствовать этимъ неблагопріятнымъ для народнаго развитія отношеніямъ и вести націю впередъ, при

распространившейся привычкѣ къ педантству и формализму, получила такой видъ, что сама служила однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій прогрессу умственной и общественной жизни. Университеты и школы, вообще говоря, не просвѣщали, а только еще болѣе затуманивали умы. Всѣ науки преподавались съ каѳедръ и разработывались въ кабинетахъ, въ самой сухой и мертвой формѣ. Ученый обыкновенно былъ педантомъ и формалистомъ, слѣпо вѣрившимъ тому, чему научился отъ своего бывшаго наставника: онъ безъ всякой критики компилировалъ факты, не отыскивая въ нихъ смысла, заботясь только о систематичности и внѣшней ученой формѣ. Мертвый догматизмъ владычествовалъ во всѣхъ отрасляхъ науки, отъ философіи до изученія древнихъ языковъ, отъ законовѣдѣнія до теоріи словесности. Параграфы, аксіомы, теоремы, леммы, корольларіи, подраздѣленія заставляли забывать о живомъ содержаніи въ нравственныхъ и юридическихъ наукахъ, которыя излагались съ такою же сухостью, какъ алгебра или геометрія. Въ исторіи больше всего занимались хронологическими и генеалогическими таблицами и мелочными подробностями, не обращая вниманія на смыслъ фактовъ и связь событій; въ законовѣдѣніи господствовалъ взглядъ совершенно отвлеченный и односторонній, такъ что примѣненіе его къ жизни было страшнымъ бѣдствіемъ для всего народонаселенія: юристы были истинными мучителями для Германіи; въ богословіи сохранялись понятія, свойственныя среднимъ вѣкамъ, и самый протестантизмъ сталъ неподвиженъ и безжизненъ если не больше, то не меньше католицизма. Книги вообще писались такъ сухо и тяжело, что только записные ученые рѣшались читать ихъ. Еще въ 1765 году Зульцеръ говорилъ:

„Книги остаются исключительно въ рукахъ однихъ профессоровъ, студентовъ и журналистовъ, и мнѣ кажется, что писать для настоящаго поколѣнія—дѣло, едва ли стоющее труда. Если въ Германіи существуетъ читающая публика внѣ круга людей, по ремеслу своему обязанныхъ обращаться съ книгами, то я долженъ признаться въ своемъ невѣжествѣ—я не знаю о существованіи такой публики. Я вижу за книгами только студентовъ, кандидатовъ, тамъ и сямъ одинокаго профессора, изрѣдка проповѣдника. Общество, въ которомъ эти читатели составляютъ незамѣтную—дѣйствительно, совершенно незамѣтную—частицу, не имѣетъ и понятія, что такое литература, философія, что такое разумно нравственныя убѣжденія и вкусъ“.

Картина, составляющаяся изъ фактовъ, нами исчисленныхъ, очень мрачна; но никто изъ знакомыхъ съ политическимъ и умственнымъ состояніемъ Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка не скажетъ, чтобы можно было представлять себѣ это состояніе въ иномъ свѣтѣ. „Гнуснѣйшее варварство“ (die hässlichste Barbarei)—вотъ выраженіе, которымъ характеризуетъ положеніе своего отечества около 1750 года Гервинусъ; а Гервинусъ принадлежитъ къ числу людей очень умѣренныхъ, даже слишкомъ умѣренныхъ въ своемъ образѣ мыслей: онъ патріотъ, иногда даже слишкомъ пристрастный къ родной старинѣ.

Но пришло время, когда ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не могъ оставаться въ закоснѣлости своихъ недостатковъ и предубѣжденій, когда

каждая нація почувствовала потребность новой, лучшей жизни,—и Германія пробудилась изъ своей нелѣпой и тяжелой летаргіи.

Свѣжимъ воздухомъ вѣяло на нее изъ Франціи, изъ Англіи,—лучи новаго свѣта стремились на нее изъ этихъ странъ, опередившихъ ее въ XVII вѣкѣ. Крѣпокъ былъ сонъ, долго медлила Германія пробудиться отъ него; густъ былъ мракъ, тяготѣвшій надъ нею, но свѣтъ таки восторжествовалъ надъ мракомъ, и открылись наконецъ глаза, отягощенные мертвою дремотою.

Мы видѣли, что подражаніе французамъ въ жизни, подражаніе французамъ и англичанамъ въ литературѣ не имѣло для Германіи никакихъ слѣдствій, кромѣ дурныхъ,—это потому, что подражаніе всегда бываетъ внѣшнимъ формализмомъ, убивающимъ духъ, а подражателями бываютъ только люди ограниченные, лишенные мысли, лишенные собственнаго содержанія. Но кромѣ внѣшняго формалистическаго вліянія одного народа на другой есть другое вліяніе, живое и плодотворное, состоящее въ томъ, что успѣхи народа, стоящаго на высшей степени развитія, служатъ предметомъ размышленія для живыхъ людей другаго народа, отставшаго на пути развитія. Эти люди, занятые мыслью о средствахъ помочь своему народу, находятъ въ жизни другихъ націй примѣры, которыми облегчаются ихъ собственныя соображенія, находятъ факты, которыми пользуются они, какъ доказательствами для убѣжденія массы въ необходимости и возможности улучшеній, требуемыхъ положеніемъ націи. Всѣ народы, двигаясь впередъ при помощи успѣховъ, совершенныхъ болѣе счастливыми ихъ собратами, всегда сначала подчинялись формалистическому вліянію, потому что форма понятнѣе содержанія для неразвитаго человѣка; но потомъ, когда умственныя сношенія становились тѣснѣе, благодаря формалистическому сближенію, начиналась возможность вдумываться и въ содержаніе цивилизованной жизни, формы которой были уже извѣстны. Тогда иноземное вліяніе переставало быть противоположно народной жизни,— напротивъ, при помощи уроковъ и истинъ, выработанныхъ жизнью собратій, народная жизнь быстро развивалась,—развивалась сообразно собственнымъ потребностямъ и условіямъ, то есть вполнѣ самостоятельно, такъ что исчезалъ всякій слѣдъ умственной зависимости отъ другихъ народовъ именно въ то время, когда сближеніе съ ними начинало приносить обильнѣйшіе плоды.

Такъ было и съ нѣмецкимъ народомъ. Англія и Франція во всѣхъ отношеніяхъ стояли выше Германіи въ концѣ XVII вѣка. Вліяніе ихъ на Германію было неизбѣжно. Оно отразилось во всѣхъ сферахъ жизни, сначала чисто формалистическимъ образомъ,—и на первый разъ слѣдствія сближенія казались неблагопріятными для Германіи: мы видѣли, какъ сначала были развращены французскимъ вліяніемъ высшіе классы, какъ обезсмыслена была литература подражаніемъ французской и англійской. Но это было только неизбѣжное временное зло, предшествующее прочному благу и несущее въ себѣ сѣмена его. Да и само по себѣ это зло было зломъ только по сравненію съ идеаломъ народной жизни въ будущемъ, а вовсе не по сравненію съ предшествующимъ ея состояніемъ. Какова бы ни была подражательная нѣмецкая литература, все жъ это была литература, принадлежа-

щая періоду цивилизаціи, какой прежде не имѣла Германія. Каковы бы ни были пороки и злоупотребленія, введенные въ государственную жизнь подражаніемъ французскому двору, бѣдствія, отъ нихъ происходившія, были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое происходило отъ учрежденій и обычаевъ, развитыхъ самою германскою жизнью: корнемъ зла былъ произволъ съ одной стороны, подобострастіе и апатія съ другой; а эти отношенія не были занесены изъ Франціи: они выросли на нѣмецкой почвѣ.

Рано появились въ Германіи мыслящіе люди, которые, не останавливаясь на временномъ злѣ, какое можетъ приносить сближеніе малообразованнаго народа съ болѣе образованнымъ, всѣми силами старались о сближеніи нѣмцевъ съ французами, — не для одного заимствованія внѣшнихъ формъ, но для развитія нѣмецкой образованности. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ истинно великій дѣятель нѣмецкаго просвѣщенія, Христіанъ Томазіусъ (въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка), — Томазіусъ, о которомъ Шлецеръ говорилъ, что онъ принесъ человѣчеству болѣе пользы, нежели всѣ греческіе философы и поэты. Здѣсь не мѣсто подробно говорить о всей неутомимой дѣятельности этого благодѣтеля своей родины, не мѣсто излагать исторію его борьбы противъ юридическихъ предразсудковъ и беззаконій (Христіанъ Томазіусъ былъ профессоромъ законовѣдѣнія сначала въ Лейпцигскомъ университетѣ, потомъ, когда защитники грубаго невѣжества и педантства заставили его удалиться изъ Лейпцига, онъ получилъ каѳедру въ Галле, гдѣ уже пользовался сильнымъ вліяніемъ), не мѣсто здѣсь говорить о борьбѣ его противъ варварскаго законодательства, противъ пытокъ и жестокихъ наказаній, не мѣсто разсказывать, какъ онъ успѣлъ доказать, что нелѣпо вѣрить въ вѣдьмъ и жечь бѣдныхъ старухъ: мы здѣсь должны обратить вниманіе только на одну сторону его дѣятельности, касавшуюся общаго образованія нѣмецкаго народа.

Въ то время, какъ Томазіусъ получилъ каѳедру въ Лейпцигѣ, всѣ науки преподавались на латинскомъ языкѣ; нѣмецкій языкъ былъ презираемъ учеными. Томазіусъ жестоко нападалъ на жалкую школьную латынь и совѣтовалъ нѣмцамъ то время, которое пропадаетъ у нихъ въ сочиненіи латинскихъ гекзаметровъ, употребить на изученіе французскаго языка и литературы и по примѣру французовъ полюбить свой родной языкъ. Онъ доказывалъ, что отъ привычки писать всѣ учебныя и ученыя книги, не только по спеціальнымъ наукамъ или богословію, но даже по физикѣ, естественной исторіи, географіи, и отъ обыкновенія, по которому во всѣхъ школахъ всѣ предметы преподавались на латинскомъ языкѣ, масса публики лишается всякихъ средствъ къ образованію. Да и самыя науки, уединясь отъ жизни, сдѣлавшись исключительнымъ достояніемъ записныхъ ученыхъ, приняли совершенно педантическую форму, забыли о всякомъ соотношеніи съ жизнью и требованіями здраваго разсудка. Въ 1688 году смѣлый противникъ школьной латыни изумилъ всѣхъ, объявивъ, что будетъ на нѣмецкомъ языкѣ читать лекціи о томъ, какъ по примѣру французовъ можно сблизить науку съ жизнью. Это привело въ ужасъ всю тьмочисленную толпу почтенныхъ педантовъ: тысячи голосовъ поднялись противъ дерзкаго латыносотступника; но Томазіусъ одержалъ побѣду, хотя не скоро: лѣтъ черезъ двадцать или двад-

цать-пять въ Лейпцигскомъ университетѣ уже многіе профессоры читали лекціи по нѣмецки. Крики противниковъ не устрашили Томазіуса; онъ только увидѣлъ необходимость сдѣлать судью въ вопросѣ о доступности науки для публики всю публику, а не однихъ педантовъ, которые единодушно возстали на него: въ томъ же году (1688) Томазіусъ началъ издавать учено-критическій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ—дѣло неслыханное до того времени. Изъ самаго заглавія, хитросплетеннаго на латинскій ладъ, мы можемъ судить о достоинствѣ нѣмецкаго слога въ этомъ журналѣ: онъ назывался сначала „Забавныя и серьезныя, разумныя и простодушныя мысли о всякаго рода полезныхъ книгахъ и вопросахъ“, а потомъ: „Вольныя, веселыя и серьезныя, но разсудительныя и законосообразныя мысли, или ежемѣсячные разговоры обо всемъ, преимущественно же о новыхъ книгахъ“ *). Но дѣло не въ томъ, каковы показались бы наивныя статейки этого журнала нынѣшнему читателю: дѣло въ томъ, что это былъ первый журналъ, издававшійся на родномъ языкѣ, доступный каждому нѣмцу, а не однимъ школьнымъ латинистамъ. Надобно прибавить, что по характеру своему онъ разнился отъ безчисленныхъ тогдашнихъ латинскихъ журналовъ, какъ небо отъ земли: въ латинскихъ журналахъ господствовалъ мракъ педантизма, проповѣдывались всѣ дубовые предразсудки, укоренившіеся въ одичавшихъ за пустыми преніями головахъ,—въ журналѣ Томазіуса слышался голосъ здравомыслящаго человѣка, думающаго не о томъ, чтобы затуманить читателямъ глаза мелочнымъ гелертерствомъ, а о томъ, чтобы прояснить ихъ понятія, сдѣлать ихъ также людьми здравомыслящими.

Философія и тогда, какъ въ средніе вѣка, продолжала въ Германіи быть основною наукою всѣхъ наукъ. Томазіусъ хотѣлъ излагать ее на нѣмецкомъ языкѣ; но это намѣреніе показалось ученому люду столь дерзкимъ и опаснымъ, что нѣмецкое руководство Томазіуса къ философіи не было разрѣшено къ печатанію, какъ оскорбительное для достоинства науки. Только черезъ много лѣтъ, въ Галле, гдѣ Томазіусъ успѣлъ пріобрѣсть себѣ нѣсколькихъ приверженцевъ, удалось ему издать эту книгу.

Каковы были въ то время люди, которыхъ Томазіусъ хотѣлъ изъ латинскихъ схоластиковъ сдѣлать нѣмецкими писателями, показываетъ ужъ то одно обстоятельство, что этотъ знаменитый юристъ долженъ былъ читать лекціи о нѣмецкомъ слогѣ, заставлять своихъ слушателей подавать ему маленькія упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, поправлять слогъ этихъ упражненій, даже заставлять молодыхъ людей читать передъ собою въ слухъ по нѣмецки, — словомъ, дѣлать то самое, что дѣлаютъ нынѣ учители грамматики въ приходскихъ училищахъ.

Онъ постоянно указывалъ своимъ слушателямъ и читателямъ на французовъ, объясняя, до какой степени этотъ народъ выше французовъ по своему умственному развитію и гуманности своихъ обычаевъ. Самая мысль о необходимости писать для нѣмцевъ по нѣмецки, а не по латыни, была

*) Scherz-und ernsthafte, vernünftige und einfältige Gedanken über allerhand nützliche Bücher und Fragen. Позднѣе: Freimüthige, lustige und ernsthafte, jedoch Vernunft-und Gesetzmässige Gedanken oder Monatsgespräche über allerhand, vornehmlich aber neue Bücher.

утверждена въ Томазіусѣ примѣромъ французовъ. Онъ настоятельно требовалъ, чтобы его слушатели учились французскому языку, читали французскія книги: вы тогда научитесь презирать мертвое педантство — говорилъ онъ—нравы ваши смягчатся, сближеніе съ французской образованностью разовьетъ вашъ умъ.

Нѣмцы не были еще въ то время приготовлены вполнѣ воспользоваться этою частью его наставленій: французское вліяніе на массу долго еще ограничивалось чисто формальнымъ подражаніемъ. Но и тогда уже являлись отдѣльныя личности, развитію которыхъ французская литература приносила существенную пользу; число такихъ личностей съ теченіемъ времени увеличивалось, они оказывали полезное вліяніе на окружающую ихъ среду. Наконецъ на прусскомъ престолѣ явился ученикъ новой французской литературы и справедливо былъ названъ великимъ, не за одну свою геніальность, но и за тѣ блага, которыми наслаждались подъ его правленіемъ его подданные, за свою заботливость о народномъ благѣ, за свои возвышенныя понятія объ обязанностяхъ правителя.

Но другая цѣль, къ которой стремится Томазіусъ, была имъ достигнута вполнѣ: онъ успѣлъ убѣдить своихъ современниковъ въ необходимости замѣнить педантскую латынь понятнымъ для народа роднымъ языкомъ. По примѣру его „Ежемѣсячныхъ Разговоровъ“ возникло множество нѣмецкихъ журналовъ; скоро историки, юристы, потомъ и философы, стали предпочитать нѣмецкій языкъ латинскому въ своихъ сочиненіяхъ; число профессоровъ, читавшихъ лекціи по нѣмецки, быстро увеличивалось; въ гимназіяхъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ распространилось еще быстрѣе.

Сближеніе съ образованнѣйшими странами, Франціею, Англіею, Голландіею не было еще такъ тѣсно, чтобы оказывать прямое благодѣтельное вліяніе на всю массу общества. Но являлись уже между спеціальными учеными люди, стоявшіе въ уровень съ требованіями вѣка. Правда, число ихъ было очень незначительно, они оставались еще рѣдкими исключеніями изъ общаго правила,—но все-таки явленіе ихъ доказывало возможность нѣмцу быть человѣкомъ, стоящимъ наравнѣ съ образованными людьми народовъ, опередившихъ въ развитіи его націю. Являлись даже великіе ученые, двигавшіе науку впередъ, между тѣмъ, какъ прежде педанты тратили свое время на безплодныя схоластическія пренія. Первымъ изъ этихъ людей былъ Лейбницъ. Современникомъ Лессинга былъ Винкельманъ, нѣсколько старше его былъ Гейне, обновившій изученіе древнихъ языковъ, сдѣлавшій классическую филологію наукою о древнемъ мірѣ, изъ науки, руководившей единственно къ педантической болтовнѣ на искаженномъ латинскомъ языкѣ. Шпальдингъ, Землеръ, Михаэлисъ, трудами которыхъ началась новая эпоха въ протестантской теологіи, были современники Лессинга. Реймарусъ былъ нѣсколько старше его. Шлецеръ, знаменитый въ исторіи нѣмецкаго просвѣщенія не менѣе, нежели въ русской исторіографіи, былъ нѣсколько моложе Лессинга. Его имя у насъ достаточно знакомо, и мы скажемъ только, что журналъ, который этотъ благородный и безстрашный человѣкъ сталъ, по возвращеніи изъ Россіи, издавать въ Германіи, былъ грозою всѣхъ беззаконниковъ, терзавшихъ Германію. Но мы должны остановиться на другомъ писателѣ, со-

временномъ Лессингу, Мозерѣ, имя котораго у насъ мало извѣстно, хотя въ старину было у насъ переведено его знаменитое сочиненіе „Владыка и Служитель“. Подобно Шлецеру, онъ имѣлъ сильное вліяніе на пробужденіе нѣмецкой публики изъ ея вѣковой апатіи, и его имя не должно быть опускаемо, когда говорится о возрожденіи Германіи.

По своему слогу и вообще по всему характеру изложенія, Мозеръ принадлежитъ къ писателямъ прежней эпохи: онъ оставался чуждъ близкихъ литературныхъ сношеній съ Лессингомъ и его сподвижниками, и, говоря о дѣятельности Лессинга, мы не будемъ имѣть случая упоминать о немъ. Потому скажемъ о немъ нѣсколько словъ здѣсь. Мозеръ писалъ устарѣлымъ и дурнымъ слогомъ, потому указываемъ на старинный русскій переводъ знаменитѣйшей изъ его книгъ „Владыка и служитель“, чтобы познакомить съ характеромъ его сочиненій читателей, не имѣвшихъ случая познакомиться съ ними въ подлинникѣ. Переводъ этотъ, изданный въ 1766 г., посвященъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Русскій слогъ почтеннаго переводчика до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ нѣмецкому слогу автора. Содержаніе сочиненія писатели новой школы уже и въ то время находили не совершенно удовлетворительнымъ: средства, которыми Мозеръ хочетъ помочь описываемымъ злоупотребленіямъ — совѣты и нравственныя сентенціи — считали они недостаточными, или, лучше сказать, совершенно безсильными: нѣмецкіе историки литературы находятъ, что и критическая часть книги написана очень робко, намеки на порядокъ дѣлъ въ томъ или другомъ нѣмецкомъ владѣніи слишкомъ общи и темны. Но въ свое время она, подобно другимъ сочиненіямъ Мозера, принесла пользу развитію той части публики, для которой слишкомъ высоки были сочиненія, написанныя лучшимъ языкомъ. Мозеръ не удовлетворялъ людей образованныхъ, но для людей, не болѣе какъ только знавшихъ грамотѣ, онъ былъ хорошимъ писателемъ.

Въ собственно такъ называемой литературѣ около половины XVIII вѣка также начали являться писатели - поэты и критики—новаго направленія, съ дѣльными понятіями о литературѣ, съ живымъ содержаніемъ,—сюда относятся особенно Вейсе, Рамлеръ, Николаи, Клейстъ. Всѣ они были или сподвижниками, или учениками Лессинга, и мы часто будемъ встрѣчать ихъ имена въ его біографіи, и тогда ближе познакомимся съ ихъ направленіемъ и силами.

Всѣ эти явленія показываютъ, что преобразованіе и оживленіе нѣмецкой литературы было неизбѣжно. Сближеніе нѣмцевъ съ образованнѣйшими націями было уже такъ тѣсно, что слѣдствія знакомства не могли ограничиваться однимъ пустымъ формальнымъ подражаніемъ: умственная жизнь должна была подвергнуться рѣшительнымъ перемѣнамъ; но—какъ и когда произойдетъ эта реформа, въ какихъ границахъ и съ какою силою совершится она? Это было рѣшено появленіемъ Лессинга.

Ходъ великихъ міровыхъ событій неизбѣженъ и неотвратимъ, какъ теченіе великой рѣки: никакая скала, никакая пропасть не удержитъ ея, не говоря уже о плотинахъ, произвольно устроиваемыхъ: плотиною ничья сила не пересыплетъ Рейна или Волги, и всесильная рѣка однимъ напоромъ выброситъ на берегъ всѣ сваи и весь мусоръ, которымъ дерзкая рука безумца

хотѣла преградить ея теченіе; единственнымъ результатомъ безразсудной попытки будетъ только то, что берегъ, который спокойно напоялся бы рѣкою и зеленѣлъ роскошнымъ лугомъ, будетъ на время истерзанъ и обезображенъ гнѣвомъ оскорбленной волны,—а рѣка пойдетъ-таки своимъ путемъ, зальетъ всѣ пропасти, прорветъ хребты горъ и достигнетъ океана, къ которому стремится. Совершеніе великихъ міровыхъ событій не зависитъ ни отъ чьей воли, ни отъ какой личности. Они совершаются по закону столько же непреложному, какъ законъ тяготѣнія или органическаго возрастанія. Но скорѣе или медленнѣе совершается міровое событіе, тѣмъ или другимъ способомъ совершится оно—это зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть и опредѣлить напередъ. Важнѣйшее изъ этихъ обстоятельствъ появленіе сильныхъ личностей, которыя характеромъ своей дѣятельности даютъ тотъ или другой характеръ неизмѣнному направленію событій, ускоряютъ или замедляютъ его ходъ и сообщаютъ своею преобладающею силою правильность хаотическому волненію силъ, приводящихъ въ движеніе массы.

Не отъ появленія Лессинга, какъ мы видѣли, зависѣло то, оживится ли, или будетъ погрязать въ прежней мертвой апатіи нѣмецкій народъ. Великое событіе приближалось неотвратимо и неизбѣжно. Но безъ него медленно, безпорядочно совершилось бы то, что при его помощи совершилось быстро, рѣшительно и гармонически. Не было силы въ мірѣ, которая могла бы ослѣпить и оглушить нѣмцевъ такъ, чтобы они не видѣли того, что дѣлается, не слышали того, что говорится въ Англіи, Франціи, Голландіи. Не было силы въ мірѣ, которая могла бы удержать ихъ отъ сближенія съ болѣе образованными и болѣе счастливыми націями; не было силы въ мірѣ, которая могла бы уничтожить необходимость рѣшительнаго измѣненія въ жизни нѣмецкаго народа, когда онъ довольно познакомился съ новымъ и лучшимъ порядкомъ жизни у другихъ націй. Роковое событіе не зависѣло отъ присутствія или отсутствія личности Лессинга.

Но какимъ путемъ, какою силою совершится оно? Силою ли военныхъ событій, законодательныхъ и административныхъ мѣръ, силою ли чистой науки или вліяніемъ литературы? Фридрихъ Великій, мудрый правитель, геніальный полководецъ, сидѣлъ на престолѣ одного изъ сильнѣйшихъ нѣмецкихъ государствъ; черезъ нѣсколько времени, главою имперіи явился одинъ изъ благороднѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей въ исторіи, человѣкъ, единственною мыслью котораго было благо подвластныхъ ему народовъ, государь, какого не видѣла земля, быть можетъ, со временъ Марка Аврелія. Казалось, возрожденіе націи должно совершиться черезъ этихъ государей, путемъ завоеванія и административныхъ реформъ при Фридрихѣ, путемъ законодательныхъ реформъ при Іосифѣ II—мъ, однако же, оно не совершилось этими путями, — почему не совершилось ими, не мѣсто здѣсь говорить о томъ,—быть можетъ, потому, что въ новой исторіи вообще оказываются безсильными тѣ личности, которыя, слишкомъ полагаясь на свою силу, не ищутъ помощи своему начинанію въ самостоятельной дѣятельности всей массы народа. Оставалось для возрожденія два пути: путь науки и путь литературы. Наука начала совершать свое дѣло, но она дѣйствуетъ медленно; нѣсколько поколѣній должны были бы смѣниться, пока чистое знаніе проникло бы въ жизнь,

Ускорится ли совершеніе этого дѣла вмѣшательствомъ литературы, этой быстрой посредницы между знаніемъ и жизнью? Тутъ уже все зависѣло отъ того, явятся ли въ литературѣ геніальные дѣятели, которые вѣрною и сильною рукою поведутъ и направятъ литературу къ исполненію великаго дѣла, совершеніе котораго предоставлялось ей безсиліемъ военныхъ, законодательныхъ и административныхъ попытокъ возрожденія.

Явился въ Германіи поэтъ съ великимъ талантомъ — Клопштокъ. Всему благородному, повидимому, сочувствовалъ онъ, всего великаго и прекраснаго хотѣлъ онъ; но — вина ли то воспитанія, вина ли суетныхъ заботъ о собственномъ безсмертіи, вина ли его болѣзненной организаціи, вина ли его разсудка, не довольно проницательнаго и свѣтлаго—онъ, снискавъ чистую и громкую славу своему имени, не могъ ничего сдѣлать для своего народа. Передъ нимъ всѣ преклонились; но только немногіе читали его, и изъ читавшихъ никто ничему не научился отъ него, или, вѣрнѣе сказать, кто читалъ его, тотъ или осуждалъ его направленіе, или увлекался на ложный путь, впадалъ въ безплодную сантиментальность, въ туманныя грезы, и дѣлался человѣкомъ, чуждымъ жизни, вреднымъ въ жизни. Мы встрѣтимся въ біографіи Лессинга съ Клопштокомъ и его послѣдователями, или союзниками, и тамъ найдемъ доказательства этому печальному сужденію. Итакъ, отъ Клопштока нѣмецкій народъ не могъ ожидать ничего, кромѣ суетнаго удовольствія считать у себя одною знаменитостью больше.

Оставались люди, бывшіе впослѣдствіи очень полезными, какъ сотрудники Лессинга; но мы увидимъ, что это были люди второстепенныхъ дарованій, съ хорошими стремленіями, но безъ яснаго сознанія, какъ и что нужно дѣлать, — люди съ хорошими убѣжденіями, но безъ вѣрнаго такта, безъ твердаго и послѣдовательнаго образа мыслей,—люди, которыхъ дѣятельность, во всякомъ случаѣ, была бы не безполезна, но которые не имѣли силы совершить ничего великаго, и содѣйствовать совершенію чего нибудь важнаго могли только подъ руководствомъ геніальнаго человѣка, который указывалъ бы имъ дорогу, соединялъ бы и направлялъ ихъ усилія.

Кромѣ Лессинга не было въ нѣмецкой литературѣ человѣка, который могъ бы дать ей рѣшительное и плодотворное вліяніе на судьбу нѣмецкаго народа. Будетъ или не будетъ нѣмецкая литература сильнѣйшею двигательницею народной жизни, ускорится ли ея вмѣшательствомъ развитіе народа, или предоставлено будетъ только медленному дѣйствію чистой науки—разрѣшеніе этого вопроса совершенно зависѣло отъ того, будетъ ли между нѣмецкими литераторами Лессингъ, т. е. будетъ ли геніальный человѣкъ, который вѣрно пойметъ положеніе и потребности своего народа, постигнетъ всю важность, которую должна имѣть литература для его жизни, твердо и рѣшительно укажетъ литературѣ, что и какъ должна она дѣлать, который, руководя дѣятельностью другихъ, самъ геніальными произведеніями доставитъ литературѣ преобладающую важность между предметами, возбуждающими интересъ въ своемъ народѣ, сдѣлаетъ литературу средоточіемъ національной жизни.

Въ совершеніи этого дѣла величіе Лессинга.

Онъ доставилъ нѣмецкой литературѣ силу быть средоточіемъ народ-

ной жизни и указалъ ей прямой путь, онъ ускорилъ тѣмъ развитіе своего народа.

Это опредѣленіе границъ историческаго значенія Лессинга необходимо для того, чтобы предохранить себя отъ безграничнаго превознесенія его: въ самомъ дѣлѣ, личность этого человѣка такъ благородна, величественна и вмѣстѣ такъ симпатична и прекрасна, дѣятельность его такъ чиста и сильна, вліяніе его такъ громадно, что чѣмъ болѣе всматриваешься въ черты этого человѣка, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе проникаешься безусловнымъ уваженіемъ и любовью къ нему. Геніальный умъ, благороднѣйшій характеръ, твердость воли, пылкость и нѣжность души, сердце, открытое сочувствію ко всему, что прекрасно въ мірѣ, сильныя, но чистыя страсти, жизнь безъ тѣни порока или упрека, полная борьбы и дѣятельности, -все, чѣмъ можетъ быть прекраснъ и великъ человѣкъ, соединялось въ немъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Семейство Лессинга. — Происхожденіе его рода.—Дѣтство Лессинга.—Мейссенская школа.—Поздравительная рѣчь отцу.—Лейпцигскій Университетъ.—Неаккуратность Лессинга въ посѣщеніи лекцій.—Дружба съ Миліусомъ.—Первыя литературныя произведенія.—Страсть къ театру.—Лессингъ пишетъ для сцены.—Неудовольствіе родныхъ.—Возвращеніе въ Каменецъ.—Переселеніе въ Берлинъ *).

1729—1752.

Въ Верхне-Лужицкомъ округѣ Саксонскаго курфиршества, въ небольшомъ городкѣ Каменцѣ, должность первенствующаго пастора (pastor primarius) занималъ во второй четверти прошедшаго столѣтія Іоганнъ-Готтфридъ Лессингъ, человѣкъ, пользовавшійся пріязнью многихъ знаменитыхъ богослововъ того времени за свои теологическіе труды, общимъ уваженіемъ за непоколебимую честность своихъ правилъ, любовью каменецкихъ бѣдняковъ за свою благотворительность. Мѣсто первенствующаго пастора получилъ онъ, какъ бы по наслѣдству, послѣ тестя своего Феллера, съ дочерью котораго, Юстиною Саломіею, жилъ онъ долго, тихо и счастливо. Богъ благословилъ этотъ бракъ: у Готтфрида и Юстины Лессингъ было двѣ дочери и десятеро сыновей. Изъ сыновей, старшій, Готтгольдъ-Эфраимъ, родившійся 22 января 1729 года, прославилъ имя Лессинговъ, много и честно послуживъ своими великими талантами на благо своего народа.

Фамилія „Лессингъ“ имѣетъ нѣмецкое окончаніе, но не объясняется нѣмецкимъ языкомъ; напротивъ, каждому славянину легко увидѣть корень ея въ общеславянскомъ словѣ „лѣсъ“. Городъ Каменецъ, родина Лессинга, хотя имѣлъ уже тогда нѣмецкую физіономію, носитъ чисто славянское имя и лежитъ нынѣ на границѣ земли, населяемой остатками многочисленнаго въ древности племени лужицкихъ славянъ. Число ихъ и объемъ земли лужицкаго нарѣчія постепенно уменьшались до послѣдняго времени, и сто лѣтъ тому назадъ Каменецъ, вѣроятно, со всѣхъ сторонъ былъ еще окруженъ населеніемъ, говорившимъ по-славянски: всѣ эти данныя возбудили въ западныхъ славянскихъ ученыхъ рѣшимость назвать Лессинга нашимъ соплеменникомъ. Не мѣшаетъ вѣроятности этого притязанія ни нѣмецкое

*) Біографія Готтгольда-Эфраима Лессинга написана его братомъ Карломъ Лессингомъ. Вездѣ, гдѣ то возможно, мы слѣдуемъ этому безъискусственному разсказу и очень часто переводимъ его буквально.—Новѣйшая и очень полная біографія Лессинга начата Данцелемъ и, по смерти его, докончена Гурауэромъ (G. E. Lessing, von Th. W. Danzel. I Band. 1850. — II. ter Bd. von G. E. Guhrauer 1854). Относительно взгляда на характеръ и произведенія Лессинга мы почти постоянно слѣдуемъ сужденіямъ Шлоссера.

окончаніе фамиліи —„Лессингъ“ легко можетъ быть сочтено только измѣненіемъ слова „лѣсникъ“, по обычаю нѣмецкаго выговора—ни тотъ фактъ, что въ лужицкомъ Каменцѣ поселился только дѣдъ Эфраима, Теофилъ, а предки его жили въ другихъ сторонахъ Саксоніи,—именно первый изъ Лессинговъ, имя котораго сохранилось въ актахъ, Клеменсъ (Климентъ) Лессингъ, былъ пасторомъ въ одномъ изъ приходовъ Хемницкаго округа въ Саксонскомъ курфиршествѣ,—это не мѣшаетъ вѣроятности славянскаго происхожденія фамиліи Лессинговъ: всѣ саксонскія земли были первоначально населены славянами. Но съ того времени, какъ извѣстна эта фамилія по актамъ, съ 1580 года, когда Клеменсъ Лессингъ подписалъ, въ числѣ другихъ пасторовъ, лютеранскій символъ, Лессинги являются уже чистыми нѣмцами, и нѣмцу Готтгольду-Эфраиму славянская національность была столько же чужда, какъ француженкѣ Аврорѣ Дюдеванъ чужда нѣмецкая національность, хотя предкомъ этой писательницы и былъ Августъ, курфирстъ Саксонскій.

Изъ потомковъ Клеменса Лессинга одни были пасторами, другіе купцами въ разныхъ маленькихъ городахъ или арендаторами. Родъ великаго писателя, какъ видимъ, не отличался ни знатностью, ни богатствомъ. Отецъ Готтгольда-Эфраима былъ даже человѣкомъ положительно бѣднымъ. Мѣсто первенствующаго пастора считалось довольно почетнымъ уѣздному масштабу, Іоганнъ-Готтфридъ былъ первымъ лицомъ въ каменецкомъ обществѣ (если можно говорить о каменецкомъ обществѣ), но доходы съ этого почетнаго мѣста оказывались, при всей бережливости родителей, недостаточными для поддержанія ихъ многочисленнаго семейства въ благосостояніи. Однакожъ, несмотря на скудость средствъ, каменецкій пасторъ, бывшій самъ человѣкомъ ученымъ, въ молодости даже разсчитывавшій сдѣлаться профессоромъ въ Виттенбергскомъ Университетѣ, непремѣнно хотѣлъ, чтобъ и дѣти его были учеными людьми: „онъ совершенно пожертвовалъ собою для того, чтобы дать хорошее ученое образованіе сыновьямъ (говоритъ Карлъ Лессингъ), и, чтобы содержать ихъ въ училищахъ и университетахъ, отказывалъ себѣ въ удобствахъ жизни, которыми пользуется бѣднѣйшій ремесленникъ. Денегъ недоставало, и онъ ограничивалъ себя во всемъ, и хотя былъ темперамента довольно вспыльчиваго, но никогда не скучалъ этими лишеніями, развѣ-развѣ когда скажетъ: нашему брату, пастору, нынѣ трудно жить, особенно тому, у котораго много дѣтей. Онъ отдавалъ дѣтямъ, можно сказать, послѣдній свой грошъ, и отдавалъ съ готовностію, какой мало найдется примѣровъ на свѣтѣ“. Эту готовность жертвовать всѣмъ для дѣтей раздѣляла и жена его, женщина, не отличавшаяся блестящими качествами, но добрая. Когда Готтгольдъ-Эфраимъ передъ свадьбою описывалъ сестрѣ свою невѣсту, онъ не нашелъ ничего лучшаго сказать въ похвалу ея характеру, какъ то, что она будетъ, конечно, жить съ нимъ такъ, какъ мать его жила съ его отцомъ. Нравы въ семействѣ были чисто патріархальные: одинъ день шелъ за другимъ тихо и монотонно.

Воспитаніе Готтгольда-Эфраима въ родительскомъ домѣ также было патріархальное, въ духѣ строгаго лютеранства. Какъ только ребенокъ началъ лепетать, его ужъ учили повторять молитвы вслѣдъ за старшими. На

четвертомъ году онъ уже хорошо зналъ основные догматы лютеранскаго исповѣданія, читалъ библію и лютеровъ катехизисъ. Семья каждое утро и каждый вечеръ собиралась на общую молитву, и мальчикъ рано выучилъ на память множество духовныхъ гимновъ, входящихъ въ составъ лютеранскаго молитвенника.

По семейнымъ преданіямъ, въ немъ рано раскрылась страсть къ книгамъ и ученью. Говорятъ, что, когда одному знакомому живописцу вздумалось снять портретъ съ пятилѣтняго ребенка и написать его съ клѣткою въ рукѣ, малютка съ досадою сказалъ: „нарисуйте меня съ большою, большою кучею книгъ, или вовсе не рисуйте“. Живописецъ согласился, и анекдотъ о необыкновенной просьбѣ маленькаго Эфраима долго былъ разсказываемъ его отцомъ и матерью каждому новому гостю и остался навсегда однимъ изъ семейныхъ воспоминаній. Родители также часто разсказывали младшимъ своимъ дѣтямъ, что Готтгольдъ-Эфраимъ учился съ большою охотою и очень легко все понималъ, и что самою любимою его забавою было возиться съ книгами.

Отецъ самъ училъ его; но нѣкоторое время давалъ ему, кромѣ того, уроки нѣкто Миліусъ, съ братомъ котораго Лессингъ впослѣдствіи очень подружился. Чѣмъ больше росъ мальчикъ, тѣмъ сильнѣе обнаруживались въ немъ дарованія и любознательность. Это много-много утѣшало родителей, говоритъ его братъ: на двѣнадцатомъ году они рѣшились отдать его въ Мейссенскую княжескую школу, нѣчто соотвѣтствующее тѣмъ изъ нашихъ гимназій, въ которыхъ всѣ ученики должны жить въ пансіонѣ. Въ выборѣ Мейссенской школы отецъ и мать руководились какъ хорошею славою этого заведенія въ ученомъ отношеніи, такъ и необходимостью воспитывать сына на казенномъ содержаніи, при недостаточности собственныхъ средствъ. Но въ школу не принимали дѣтей ранѣе тринадцатилѣтняго возраста, и потому Лессингъ былъ показанъ годомъ старше, нежели сколько было ему на самомъ дѣлѣ.

Интересно познакомиться съ устройствомъ этой школы, считавшейся образцовою, чтобы видѣть, въ какомъ состояніи находилось школьное образованіе въ Германіи лѣтъ сто-двадцать тому назадъ. Это описаніе какъ бы переноситъ насъ изъ XVIII столѣтія въ XVI. Братъ Лессинга съ обычнымъ своимъ добродушіемъ смотритъ на школу съ наивыгоднѣйшей точки зрѣнія и старается убѣдить насъ, что дѣло образованія велось въ ней очень недурно.

„Княжеская школа (говоритъ онъ) не была свободна отъ недостатковъ, общихъ училищамъ того времени. Но гдѣ вы найдете училище, въ которомъ не было бы замѣтно недостатковъ? Важнѣе и лучше всего было въ ней то, что воспитанники не развлекались заботами о своемъ содержаніи; дѣти знатныхъ и простолюдиновъ, богатыхъ и бѣдныхъ пользовались въ Мейссенской школѣ одинаковою пищею, одинаковыми удобствами помѣщенія, уроками однихъ и тѣхъ же воспитателей; сто двадцать юношей беззаботно жили вмѣстѣ, и скоро между учениками водворялась короткость. Въ школѣ ни слуху, ни помину не было о тѣхъ разсѣяніяхъ, которыя такъ много вреда наносятъ пылкой и неопытной молодежи въ большихъ городахъ; въ нее не проникали мелочныя дрязги высшаго или низшаго общества. Въ

школѣ занимались Элладою и Лаціумомъ болѣе, нежели Саксоніею: по-латыни говорили лучше, нежели по французски; молились очень много, но ханжили очень мало. Прилежный, даровитый, добрый ученикъ былъ почти всегда цѣнимъ своими товарищами,— не всегда учителями, которыхъ, впрочемъ, никто не обвинялъ за то въ пристрастіи. Воспитанники только гордились про себя, что превзошли учителей проницательностью. На первый взглядъ казалось, что въ Мейссенской школѣ нельзя было выучиться ничему, кромѣ латинскаго и греческаго языковъ; но кто ближе знакомъ съ устройствомъ ея, найдетъ упрекъ этотъ несправедливымъ. Если латинскимъ и греческимъ языками занимались слишкомъ много и при объясненіи греческихъ и римскихъ писателей обращали болѣе вниманія на слова, чѣмъ на мысли, то это была случайность, завпсѣвшая не отъ правилъ школы, но отъ незнанія или предубѣжденія того или другаго учителя, который не хотѣлъ соединять съ словами смысла. Даже философскими и математическими науками занимались въ школѣ серьезно; учили французскому и итальянскому языкамъ, рисованью, музыкѣ и танцованью. Если и было закономъ, или, скорѣе, обычаемъ, уроки изъ послѣднихъ предметовъ давать только въ рекреаціонные часы, то развѣ только очень немногіе изъ учителей считали эти предметы пустыми; другіе хотѣли только, чтобы древніе языки сохраняли, такъ сказать, преимущество надъ французскимъ и надъ изящными искусствами. Въ этой монастырской школѣ Лессингъ провелъ цѣлыя пять лѣтъ и, какъ часто говаривалъ, ей одной былъ обязанъ тѣмъ, если пріобрѣлъ какую-нибудь ученость и основательность“.

Посмотримъ же ближе на эту школу, которая въ то время считалась одною изъ лучшихъ.

Ученики были подчинены другъ другу строгимъ чино-начальствомъ *). Въ каждомъ нумерѣ жило четыре воспитанника: одинъ изъ старшаго класса (primanus) былъ комнатнымъ надзирателемъ за своими товарищами: помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ другой, изъ втораго класса (secundanus): два остальные изъ младшихъ классовъ, третьяго и четвертаго, ни за чѣмъ уже не надзирали, а были только предметами надзора. Когда ученики переходили изъ своихъ комнатъ въ классныя залы, они подчинялись новому чиноначалію: на каждой скамьѣ былъ декуріонъ, наблюдавшій за остальными товарищами, сидѣвшими на этой скамьѣ. Двѣнадцать первыхъ учениковъ старшаго класса наблюдали за товарищами во время стола и на прогулкахъ, неся титулы столовыхъ и дворовыхъ наблюдателей. Этого не довольно: каждый изъ учителей поочередно жилъ недѣлю въ школѣ, исправляя должность гебдомадарія,—недѣльнаго надзирателя за всею ученическою іерархіею,—и въ свой чередъ доносилъ обо всемъ конференціи преподавателей, собиравшейся разъ въ недѣлю.

Строгое благочестіе блюлось порядкомъ школы. На молитву было назначено болѣе трехъ часовъ въ день, всего втеченіе недѣли 25 часовъ. Во время обѣда одинъ изъ учениковъ читалъ отрывки изъ Ветхаго Завѣта.

Школа имѣла два отдѣленія: старшее и младшее; каждое отдѣленіе

*) Данцель.

дѣлилось на два класса, которые слушали уроки вмѣстѣ, кромѣ только „эмендаціи“ —классовъ, посвященныхъ на исправленіе латинскихъ и греческихъ сочиненій учениковъ: тутъ у каждаго класса были свои особенныя задачи и лекціи. Въ младшемъ отдѣленіи уроки распредѣлялись такимъ образомъ: законъ Божій 5 часовъ; латинскій 15 часовъ; греческій — 4; французскій языкъ, математика, исторія и географія—по часу или по два, всего 7 часовъ. Въ старшемъ отдѣленіи также 5 часовъ были заняты закономъ Божіимъ, 15 латинскимъ и 4 часа греческимъ языкомъ; съ латинскими уроками соединялись уроки (латинской) реторики и просодіи. Три часа занималъ еврейскій языкъ, по два часа математика и исторія, одинъ часъ географія. Такимъ образомъ, большая половина времени употреблялась на латинскій языкъ: всѣ остальные предметы, кромѣ закона Божія и греческаго языка, считались ничтожными сравнительно съ этимъ главнымъ. Въ преподаваніи же латинскаго языка важнѣйшимъ дѣломъ считалось не чтеніе древнихъ писателей, а упражненіе въ сочиненіяхъ на заданныя темы, исправленію которыхъ учитель и посвящалъ большую часть уроковъ. Только за успѣхи въ латинскихъ сочиненіяхъ ученикъ цѣнился школьнымъ начальствомъ, —и оно гордилось тѣмъ, что изъ школы выходило много людей, умѣвшихъ писать латинскіе стихи. Родной языкъ былъ въ совершенномъ пренебреженіи: ему, какъ видимъ, не было дано ни одного часа ни въ одномъ классѣ школы; чтеніе нѣмецкихъ книгъ считалось предосудительнымъ для воспитанниковъ, потому что могло повредить исключительному занятію ихъ латынью.

Полный курсъ школы обнималъ шесть лѣтъ, такъ что въ каждомъ отдѣленіи ученики обыкновенно проводили по три года, и если кто изъ нихъ успѣвалъ, переходя каждый семестръ изъ одной декуріи въ другую, старшую, изъ одного класса въ другой, достичь высшаго класса и прослушать весь курсъ ранѣе опредѣленныхъ шести лѣтъ, то все-таки оставался въ школѣ и продолжалъ слушать уроки до истеченія шестилѣтняго срока. О томъ, что эта задержка нимало не нужна ему, никто не заботился: пусть утвердится въ хорошемъ латинскомъ слогѣ, говорили начальники школы, и родители совершенно соглашались съ такимъ полезнымъ правиломъ.

Словомъ сказать, Мейссенская княжеская школа, подобно всѣмъ другимъ нѣмецкимъ школамъ того времени, была исключительно школою средневѣковаго латинскаго педантства. Образъ жизни, порядокъ и духъ преподаванія, распредѣленіе классныхъ занятій, — все въ ней сохранилось по образу и подобію среднихъ вѣковъ.

Не въ натурѣ Лессинга было удовлетвориться и проникнуться этимъ направленіемъ: двѣнадцатилѣтній мальчикъ сначала поддался было ему и пріобрѣлъ любовь учителей, быстро переходилъ изъ класса въ классъ, считался превосходнѣйшимъ ученикомъ, — но свѣтлый умъ рано развился въ немъ, онъ увидѣлъ пустоту латинской стилистики, тѣмъ болѣе, что скоро постигъ всѣ ея мудрости, сталъ заниматься самостоятельно, пренебрегая латинскими темами, писать которыя было ему уже легко, —и тогда начальство стало жалѣть о томъ, что юноша съ такими быстрыми способностями губитъ свое время и погубитъ себя. „Этому коню нужно задавать двойную порцію корма“, говорили начальники: „онъ ужъ научился у насъ всему,

чему можетъ научить наша школа", прибавляли они — и все-таки жалѣли о томъ, что онъ занимается другими предметами, кромѣ латинскаго языка, и все-таки настаивали на томъ, чтобъ онъ досидѣлъ на школьной скамьѣ опредѣленный шестилѣтній терминъ, хотя всѣ курсы были уже давно пройдены имъ.

Лессингъ поступилъ въ Мейссенскую школу 21 іюня 1741 года, и черезъ сто лѣтъ, въ 1841 году, школа торжествовала юбилей дня, когда вступилъ въ нее ученикъ, прославившій мѣсто своего воспитанія, но не успѣвшій, по мнѣнію тогдашнихъ своихъ наставниковъ, кончить курсъ, какъ слѣдуетъ хорошему ученику.

Сначала, однако же, какъ мы говорили, дѣло шло хорошо. Во второмъ классѣ Лессингъ былъ первымъ ученикомъ и черезъ полгода, на семнадцатомъ году, переведенъ былъ въ слѣдующій, послѣдній классъ; но тутъ — увы! онъ рѣшительно началъ губить себя во мнѣніи мудрыхъ преподавателей. „Пока Лессингъ все свободное время употреблялъ исключительно на чтеніе классиковъ и на сочиненіе латинскихъ разсужденій и стиховъ (говоритъ его братъ), онъ оставался любимцемъ конректора Гёре, который уважалъ только филологію и теологію. Но какъ скоро этотъ ученый мужъ узналъ, что Лессингъ началъ заниматься также новыми языками и математикою, онъ сталъ считать его разсѣяннымъ юношей, изъ котораго не выйдетъ проку".

Ученикъ, переросшій головою своихъ учителей, чувствовалъ, что ему нечего дѣлать въ школѣ, и настоятельно упрашивалъ отца позволить ему выйти изъ школы, говоря, что давно уже онъ достаточно приготовленъ къ слушанію университетскихъ лекцій; но, по правилу шестигодичнаго термина, ему оставалось пробыть въ школѣ еще года полтора, и отецъ медлилъ согласіемъ. Но тутъ произошло столкновеніе, въ сущности вздорное, однако же, помогшее Лессингу побѣдить нерѣшительность отца, хотя и вовсе непріятнымъ для родительскаго сердца образомъ.

Въ школѣ, какъ мы уже знаемъ, было правиломъ, чтобы каждый изъ наставниковъ поочередно дежурилъ недѣлю въ комнатахъ воспитанниковъ, или, какъ тогда называли это, былъ hebdomadarius'омъ. По воскресеньямъ *) всѣ наставники собирались для совѣщанія объ училищныхъ дѣлахъ. Въ эту конференцію призывались лучшіе двѣнадцать учениковъ, надзиравшіе за товарищами, inspectores; они отдавали отчетъ за прошедшую недѣлю и выслушивали распоряженія на будущую недѣлю, это называлось censura. Въ числѣ inspectores былъ и Лессингъ. Въ одну изъ такихъ цензуръ, ректоръ спросилъ, почему ученики на прошедшей недѣлѣ, когда hebdomadarius былъ конректоръ Гёре, поздно приходили на молитву. Всѣ inspectores молчали, а Лессингъ шепнулъ на ухо стоявшему подлѣ него товарищу: „Я знаю, почему". Ректоръ, разслышавшій эти слова, приказалъ Лессингу сказать громко, что жъ онъ знаетъ. Лессингъ не хотѣлъ говорить, но его заставили, и онъ сказалъ: „Г. Конректоръ опаздываетъ, потому и ученики думаютъ, что незачѣмъ приходить рано". Конректоръ не нашелся

*) Біографія, написанная братомъ Лессинга.

ничего возразить и проговорилъ только: Admirabler Lessing: „дивный Лессингъ!“ прозваніе, съ той поры оставшееся за ученикомъ между его товарищами. Но простить ученику этой улики Гёре не могъ: онъ былъ глубоко оскорбленъ, такъ что, когда черезъ нѣсколько лѣтъ привезли въ школу одного изъ младшихъ братьевъ Лессинга, Гёре, принимая его, сказалъ: „Ну, съ Богомъ, учись прилежно, только не умничай, какъ братъ“.

Послѣ неожиданной ссоры съ начальникомъ, Лессингъ сталъ еще настоятельнѣе просить отца о томъ, чтобы перейти изъ школы въ университетъ. Отецъ, вѣроятно, видѣлъ, что сыну, въ самомъ дѣлѣ, тяжело оставаться въ Мейссенѣ; какъ бы то ни было, но вскорѣ, 8 іюня 1746 года Лессингу было, по просьбѣ отца, разрѣшено высшимъ училищнымъ начальствомъ курфиршества выйти изъ школы слишкомъ годомъ ранѣе обыкновеннаго срока, но съ аттестатомъ объ окончаніи курса.

Какъ любопытный примѣръ того, до какой нелѣпой крайности доходилъ тогда въ Германіи бюрократическій порядокъ, по которому всѣ дѣла, даже самыя пустѣйшія и ничтожнѣйшія, производились не иначе, какъ съ разрѣшенія и усмотрѣнія высшей власти, замѣтимъ, что дѣло объ увольненіи гимназиста изъ гимназіи требовало курфиршескаго рескрипта.

„Мы, Фридрихъ Августъ, курфирстъ и проч.

„Разсмотрѣвъ просьбу Pastoris primarii въ Каменцѣ, Іог.-Готтфр. Лессинга (и т. д.), повелѣваемъ (и т. д.), почему и выдать ему (и т. д.)...

„Быть по сему.

„Дано въ Дрезденѣ, 8 іюня 1746 года“.

Наивный Гёре былъ недоволенъ пренебреженіемъ Лессинга къ латинскому языку; а, между тѣмъ, Лессингъ, который впослѣдствіи, конечно, вовсе не занимался упражненіями въ латинскомъ слогѣ, всегда писалъ по латыни съ чрезвычайною легкостью и изяществомъ, рѣдкимъ даже въ тѣ времена великихъ мужей латинской схоластики. Не говоримъ уже о томъ, что темныя мѣста латинскихъ классиковъ, до него необъясненныя еще никѣмъ, разъяснялъ онъ съ проницательностью знатока, котораго мнѣнія были авторитетомъ для самого Гейне, величайшаго изъ латинистовъ XVIII вѣка. Но въ послѣднее время своей мейссенской жизни Лессингъ, какъ мы говорили, занимался не столько латинскимъ языкомъ, сколько другими предметами, и, какъ по всему замѣтно, уже въ то время пріобрѣлъ страшную начитанность. О времени, проведенномъ въ школѣ, онъ вспоминалъ всегда съ удовольствіемъ, какъ о счастливѣйшемъ времени своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, съ выходомъ изъ школы начались уже для него суровыя испытанія нужды и непріятностей всякаго рода,—испытанія, не покидавшія его до самой смерти.

Но онъ вспоминалъ съ удовольствіемъ объ этомъ времени только потому, что оно прошло тихо и беззаботно, а не потому, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, обязанъ былъ какою-нибудь пользою собственно школьному преподаванію. Онъ чувствовалъ, какъ почти всѣ слишкомъ даровитые люди, что въ школѣ учили его пустякамъ и понапрасну губили его время; какъ у многихъ проницательныхъ людей, у него даже осталось навсегда недовѣріе къ тѣмъ людямъ, успѣхами и прилежаніемъ которыхъ гордятся учители: ему ка-

залось, что эти юноши обыкновенно идутъ по прямому пути къ тому, чтобы сдѣлаться тупыми педантами или надутыми верхоглядами. И когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, отецъ съ восторгомъ писалъ ему о томъ, какъ хорошо отзывается начальство Мейссенской школы объ успѣхахъ его младшаго брата, Теофила (того самаго которому Гёре давалъ наставленіе не умничать, какъ умничалъ старшій братъ), Лессингъ почувствовалъ опасеніе за дѣльность головы превозносимаго ученика—предчувствіе, которое оправдалось впослѣдствіи: прославляемый ученикъ на всю жизнь остался способенъ только перелагать клопштокову „Мессіаду“ въ латинскіе гекзаметры.

„Мнѣ очень пріятно, что вы такъ довольны успѣхами Теофила (отвѣчалъ Лессингъ отцу на радостное извѣщеніе). Если бы у меня была такая натура, какъ у него, вы были бы довольны и мною. Онъ учится прилежно, говорите вы: интересно было бы знать, чему и какъ онъ учится. Я, когда еще былъ въ этой школѣ, уже полагалъ, что тамъ учатъ многому такому, что ровно никуда не годится, а теперь вижу это еще яснѣе прежняго“.

Два или три раза возвращается онъ къ этому предмету, намекая отцу, чтобы онъ совѣтовалъ Теофилу не такъ неразборчиво увлекаться всѣмъ, что выдается за глубокую мудрость педантами Мейссенской школы.

Самостоятельность сужденій очень быстро развилась въ Лессингѣ, какъ видно по единственному сочиненію, которое сохранилось изъ его школьныхъ упражненій. Это „Рѣчь“, посланная имъ „на новый 1743 годъ“ въ поздравленіе отцу. Она замѣчательна, какъ раннее свидѣтельство силы ума и стремленія говорить именно о тѣхъ вопросахъ, которыми живо заинтересованы люди, для которыхъ онъ пишетъ. Отецъ съ матерью безпрестанно толковали, что нынѣ худыя времена, что чѣмъ дальше, тѣмъ хуже становится жить на свѣтѣ,—мысли, очень натуральныя у пожилыхъ людей, находящихся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Несправедливы эти мысли, говоритъ Лессингъ въ своей рѣчи: на свѣтѣ не становится хуже, чѣмъ было прежде, и доказываетъ эту мысль учеными и житейскими соображеніями. Видно, что цѣлью автора было разсѣять предразсудокъ, наводившій уныніе на его родныхъ. Такимъ образомъ, четырнадцатилѣтній мальчикъ уже обнаруживаетъ въ себѣ направленіе, которое дало потомъ такую великую цѣну его дѣятельности: его мысль имѣетъ самую близкую связь съ интересами людей, для которыхъ онъ пишетъ. Онъ хочетъ благотворно дѣйствовать на ихъ жизнь; онъ возмущается предразсудками, которые мѣшаютъ ихъ счастію. Логика и сила выраженія въ его ученическомъ сочиненіи уже такова, что и изъ зрѣлыхъ людей многіе могли бы позавидовать ей, а сжатость слога уже предсказываетъ въ мальчикѣ будущаго мастера *).

*) Вотъ, для примѣра, начало этой рѣчи: „Почти всѣ древніе поэты и философы, высокопочитаемый батюшка, думали, что міръ съ году на годъ становится хуже и ниспадаетъ въ состояніе, все болѣе и болѣе далекое отъ совершенства. Вспомнимъ только, какъ Гезіодъ, Платонъ, Вергилій, Овидій, Сенека, Саллюстій и Страбонъ писали о четырехъ вѣкахъ вселенной, какъ они самыми живыми красками изображали золотое время Сатурна, серебряное время Юпитера, мѣдный вѣкъ полубоговъ и желѣзный вѣкъ нынѣшняго человѣческаго поколѣнія. Трудно указать настоящій источникъ этого поэтическаго вымысла; но вѣрно то, что весь этотъ разсказъ, при всей своей благовидности, неоснователенъ, почти нелѣпъ,—мало сказать:

По окончаніи курса Лессингъ возвратился мѣсяца на два въ отцовскій домъ. Теперь надобно было рѣшить, къ какому званію долженъ предназначить себя молодой человѣкъ, какой факультетъ ему выбрать, сообразно этому, и въ какой университетъ ѣхать.

Отецъ, а особенно мать, желали сначала, чтобы сынъ шелъ по богословскому факультету и готовился быть пасторомъ. Но онъ самъ никакъ не соглашался на то и говорилъ, что у него и голосъ вовсе не такой, какой нуженъ пастору, да и мысли совсѣмъ не расположены къ этому званію. Отецъ утѣшился, разсчитывая, что сынъ можетъ занять мѣсто получше пасторскаго, если будетъ въ Лейпцигѣ: именно отецъ надѣялся, что ему удастся быть профессоромъ въ Геттингенскомъ Университетѣ, который только что устроивался и, по предположенію старика, могъ и черезъ нѣсколько лѣтъ еще нуждаться въ профессорахъ. Сыну этотъ планъ, повидимому, нравился. Изъ двухъ саксонскихъ университетовъ, Виттенбергскаго и Лейпцигскаго, послѣдній представлялъ ту выгоду, что имѣлъ много стипендій для студентовъ, съ успѣхомъ кончившихъ курсъ въ княжескихъ школахъ. Рѣшено было, что Лессингъ поѣдетъ въ Лейпцигъ и будетъ слушать тамъ лекціи по богословскому факультету. 20 сентября 1746 года Лессингъ вступилъ въ число студентовъ Лейпцигскаго Университета и получилъ стипендію; но тѣмъ и кончились, по мнѣнію родныхъ Лессинга, успѣхи его въ университетѣ. Скоро начали доходить до нихъ недобрыя извѣстія о сынѣ. Родительское сердце встревожилось, и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ письма Лессинга къ роднымъ состоятъ единственно въ томъ, что онъ оправдывается, старается доказать, что опасенія родителей неосновательны, что онъ еще не погибшій человѣкъ, что ему не въ чемъ раскаяваться, — словомъ, что родители его должны успокоиться за его нравственность и судьбу и не должны осыпать его несправедливыми укоризнами. А, между тѣмъ, надобно по правдѣ сказать, слухи, доходившіе до родителей, были такого рода, что могли внушать имъ серьезныя опасенія: сынъ ихъ вовсе не хотѣлъ быть тѣмъ, что называется „хорошій студентъ“. Лейпцигскій Университетъ считался въ то время однимъ изъ лучшихъ въ Германіи; онъ имѣлъ множество знаменитыхъ профессоровъ: напримѣръ, философскій факультетъ блисталъ именами Готтшеда, Криста, Іохера, Винклера, Эрнести. Не менѣе блистательны были, по тогдашнимъ понятіямъ, и другіе факультеты. Но Лессингъ былъ не такой человѣкъ, чтобы ему могъ понравиться какой нибудь нѣмецкій университетъ того времени. Взглянемъ поближе на состояніе Лейпцигскаго Университета, и мы оправдаемъ Лессинга за то, что онъ не былъ прилежнымъ студентомъ.

Университетъ былъ устроенъ на подобіе какого нибудь ремесленнаго цеха *). Все въ немъ дѣлалось по заказу, по разсчету, не по призванію. Довольно указать на одинъ обычай. Каѳедры каждаго факультета распредѣлялись по извѣстному порядку почетности. Профессоръ такого-то предмета

совершенно неправдоподобенъ“, и т. д. Лессингъ отвергаетъ его доводами, заимствованными изъ богословія, философіи, естественныхъ наукъ и т. д., и очень остроумно доказываетъ противную мысль столь же учеными соображеніями.

*) Данцель.

считался старшимъ, другаго—вторымъ, третьяго — третьимъ по достоинству мѣста и т. д.; когда почетнѣйшая каѳедра становилась вакантною, профессоры факультета перемѣняли каѳедры, подымаясь ступенью выше по іерархическому порядку, нужды нѣтъ, хотя бы черезъ это попадали на каѳедру предмета, совершенно чуждаго имъ. Можно вообразить, какой ералашъ происходилъ оттого въ ихъ занятіяхъ и каково были многіе знакомы съ тѣми науками, лекціи о которыхъ читали. Впрочемъ, потеря для достоинства лекцій была оттого незначительна: почти всѣ профессоры читали по учебникамъ, только немногіе составляли сами записки, которыхъ буквально держались. Въ духѣ преподаванія господствовали вообще непроходимый педантизмъ, формализмъ и страшная сухость. Словомъ, направленіе преподаванія было вовсе непривлекательно для юноши съ свѣтлою головою, студенты выносили изъ аудиторій понятія, которыя могли быть хороши развѣ для XVI вѣка.

Неудивительно, что лекціи очень скоро наскучили такому даровитому юношѣ, какъ Лессингъ, — юношѣ съ пылкимъ характеромъ, съ нетерпѣливымъ желаніемъ углубляться въ основные вопросы каждой науки, а не жить чужою головою, какъ то было принято въ тогдашнихъ нѣмецкихъ университетахъ. Отецъ, ожидавшій, что онъ будетъ прилежнымъ слушателемъ теологическихъ курсовъ, скоро узналъ, что сынъ вовсе не сообразуется съ его желаніемъ. Съ перваго же разу Лессингъ оставилъ богословскій факультетъ и объявилъ, что хочетъ посѣщать курсы медицинскихъ наукъ. Дѣйствительно, богословіе въ Лейпцигѣ преподавалось въ совершенно устарѣвшемъ духѣ Лютера и Меланхтона. Эта отсталая система рѣшительно отталкивала живаго юношу, который уже имѣлъ на столько начитанности, чтобы чувствовать ея несостоятельность. Но и съ медицинскими занятіями дѣло пошло не лучше, нежели съ богословскими: по правдѣ говоря, Лессингъ только для формы поступилъ въ медицинскій факультетъ — нужно же было хотя сколько нибудь успокоить отца относительно своей карьеры и насущнаго хлѣба въ будущемъ. На самомъ же дѣлѣ онъ занимался всѣмъ, что только привлекало его вниманіе, между прочимъ, занимался и медициною, и богословіемъ, но самъ по себѣ, какъ ему хотѣлось, а не оффиціальнымъ порядкомъ, и медицинскихъ курсовъ не посѣщалъ точно такъ же, какъ и богословскихъ. Шутя, онъ говорилъ послѣ, что во всю свою жизнь былъ только на одной медицинской лекціи, именно на лекціи акушерства, которое почелъ было интереснѣйшею отраслью медицинскихъ наукъ.

Очень мало посѣщалъ онъ и лекціи другихъ факультетовъ, хотя у очень многихъ профессоровъ побывалъ на лекціяхъ, для пробы, по два, по три раза. Почти ни одинъ изъ профессоровъ не удовлетворялъ его. Чаще другихъ посѣщалъ онъ въ одно полугодіе знаменитаго филолога Эрнести, но и у того не выслушалъ полугодичнаго курса.

Что жъ онъ думаетъ дѣлать съ собою, до такой степени пренебрегая университетскими занятіями? Было надъ чѣмъ призадуматься отцу, погоревать матери. Правда, не посѣщая лекцій, сынъ ихъ самостоятельными занятіями пріобрѣлъ во сто разъ больше знаній, нежели имѣли ихъ аккуратнѣйшіе студенты и, быть можетъ, знаменитѣйшіе лейпцигскіе ученые; но кто же повѣрилъ бы, что молодой человѣкъ, не посѣщая лекцій, не теряетъ, а

выигрываетъ время для пріобрѣтенія глубокихъ и обширныхъ знаній? Отецъ и мать не могли быть увѣрены въ его домашнихъ занятіяхъ; они знали навѣрное только то, что онъ не посѣщаетъ лекцій.

Мало того, что сынъ не посѣщаетъ лекцій: до родителей доходили слухи, еще болѣе огорчительные: съ какими людьми онъ знается! — не съ профессорами, не съ прилежными и добропорядочными юношами, а съ бездомными гуляками; задушевнѣйшій пріятель и руководитель его—неумытый, небритый Миліусъ, который ходитъ въ сапогахъ безъ подошвъ, въ дырявомъ платьѣ съ голыми локтями —тотъ самый Миліусъ, котораго прозвали „вольнодумцемъ“, о которомъ съ негодованіемъ говоритъ весь Каменецъ, осмѣянный имъ въ наглой сатирѣ, который лично оскорбилъ въ этой сатирѣ двумя ѣдкими стихами самого первенствующаго пастора! — и съ этимъ побродягою-пасквилянтомъ сдружился теперь погибающій юноша, слушается его во всемъ, вѣроятно, уже выучился у него и смѣяться надъ отцомъ и кощунствовать надъ Лютеромъ—это ужасно!

Миліусъ, вся жизнь котораго прошла въ борьбѣ съ нищетою и въ увлеченіи излишествами, и который умеръ слишкомъ рано для того, чтобы упрочить себѣ въ наукѣ славу, на которую имѣлъ право по своимъ дарованіямъ и учености,—этотъ Миліусъ былъ, дѣйствительно, ближайшимъ изъ друзей Лессинга въ первой порѣ его дѣятельности и, какъ человѣкъ, нѣкоторое время имѣвшій на него вліяніе, заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

Сынъ бѣднаго пастора изъ деревни, сосѣдней съ Каменцомъ, въ малолѣтствѣ оставшійся сиротой, Миліусъ былъ дальній родственникъ семейству Лессинговъ. Вѣроятно, знакомство его съ Эфраимомъ началось еще съ дѣтства: братъ Миліуса былъ нѣсколько времени учителемъ Лессинга до поступленія его въ Мейссенскую школу. Будучи нѣсколькими годами старше Лессинга, Миліусъ уѣхалъ въ университетъ около того времени, какъ Лессингъ отданъ былъ въ Мейссенъ. Въ университетѣ они скоро сошлись. Миліусъ въ то время уже выдержалъ экзамены и жилъ въ страшной нуждѣ, занимаясь естественными науками и астрономіею и добывая скудный кусокъ хлѣба переводами, рецензіями, театральными пьесами, всякаго рода литературными работами, какія заказывали ему Готтшедъ или актеры, игравшіе въ Лейпцигѣ, или какой нибудь книгопродавецъ. Да и тѣ небольшія деньги, какія попадались ему въ руки, не держались у него: Миліусъ любилъ кутнуть, чтобы забыться отъ своихъ бѣдъ. Въ Лейпцигѣ, чиномъ и чопорномъ, ходила про него очень невыгодная слава. Онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, циникъ и неряха; говорятъ также, что онъ не отличался и деликатностію относительно людей, дѣлавшихъ ему услуги: если кто изъ студентовъ, видя его нужду, предлагалъ ему поселиться на время въ своей комнатѣ, Миліусъ начиналъ распоряжаться въ ней какъ полный хозяинъ и настоящаго хозяина третировалъ совершенно безцеремонно. Неосторожепъ былъ онъ и на языкъ, нимало не соблюдая умѣренности въ своихъ жолчныхъ выходкахъ противъ людей, ему не нравившихся. Въ Лейпцигѣ почтенные люди страшились его, какъ „вольнодумца“ (Freigeist), за то, что онъ издавалъ журналъ подъ этимъ заглавіемъ, и это прозвище, по тогдашнимъ понятіямъ позорное и

страшное, преслѣдовало Миліуса во всю жизнь, хотя во всемъ его „Вольнодумцѣ“ при самомъ внимательномъ разборѣ нельзя отыскать ни одной вольнодумной строки, а напротивъ о христіанствѣ говорится вездѣ съ уваженіемъ, и есть даже нѣсколько назидательныхъ статей. Очевидно, заглавіе было дано журналу въ шутку, по капризу; но эта шутка болѣе повредила Миліусу, нежели повредили бы дѣйствительныя преступленія. Такова была его слава въ Лейпцигѣ, а въ Каменцѣ была еще хуже: тамъ уже прежде онъ былъ присужденъ къ наказанію оффиціальнымъ порядкомъ за свою сатиру. Случай этотъ, характеризующій обычаи того вѣка, стоитъ разсказать подробно.

Въ 1743 году, ректоръ городской каменецкой школы, Гейницъ, человѣкъ, достойный уваженія за свой просвѣщенный умъ и педагогическія дарованія, долженъ былъ оставить свое мѣсто и перейти ректоромъ школы въ другой городокъ, Лебау, по разнымъ непріятностямъ съ каменецкими городскими властями. Кажется, почтенные граждане были недовольны тѣмъ, что воспитатель ихъ дѣтей не педантъ и не схоластикъ. Миліусъ, бывшій тогда студентомъ въ Лейпцигѣ, напечаталъ по этому случаю стихотвореніе, въ которомъ говорилъ Гейницу: „Нечего и жалѣть тебя, что ты разстаешься съ городомъ, котораго жители невѣжды и не взлюбили тебя за твое просвѣщеніе“. Кромѣ упрека вообще горожанамъ Каменца за ихъ невѣжество, въ стихотвореніи были очерчены два лица, въ которыхъ узнали себя бургомистръ и первенствующій пасторъ. Къ отцу Лессинга относились стихи, смыслъ которыхъ таковъ: „Въ собраніи, гдѣ на лицѣ каждаго написано фарисейство, стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ человѣкъ и громко, съ напряженіемъ кричитъ: „грѣховно сердце нашей молодежи! не внимаетъ она слову Божію! Да и можно ли ожидать чего иного, когда тотъ, кто долженъ былъ бы научать ее, подаетъ ей дурной примѣръ“! Никто не былъ названъ по имени въ этой сатирѣ, не упоминалось даже имя города, разсказу была придана форма сновидѣнія. Но всѣ тотчасъ догадались, что дѣло идетъ о Гейницѣ и его каменецкихъ недоброжелателяхъ; лица, на которыя намекала сатира, были узнаны, и весь уѣздный муравейникъ взволновался. Миліусъ былъ арестованъ, подвергнутъ суду и приговоренъ публично просить извиненія у оскорбленныхъ имъ людей, уплатить судебныя издержки и, кромѣ того, просидѣть недѣлю въ тюрьмѣ или заплатить двадцать талеровъ штрафа. Тупоумное жеманство дикихъ невѣждъ выказалось въ этомъ дѣлѣ; но съ тѣмъ вмѣстѣ выказалась и черта добродушія, свойственнаго нѣмецкому характеру, въ благородномъ поступкѣ бургомистра, который принялъ на себя уплату штрафа, хотя самъ былъ однимъ изъ двухъ лицъ, наиболѣе оскорбленныхъ сатирою.

Но этотъ нищій циникъ, Миліусъ, былъ назначенъ природою сдѣлаться замѣчательнымъ естествоиспытателемъ: еще ребенкомъ онъ находилъ свое удовольствіе въ томъ, чтобы наблюдать звѣзды, и однажды цѣлый годъ велъ метеорологическія наблюденія, записывая состояніе термометра черезъ каждые три часа. Въ Лейпцигѣ, при всей своей нищетѣ, онъ составилъ себѣ минералогическій, ботаническій и зоологическій кабинеты; статьи по естественнымъ наукамъ пріобрѣли уже ему нѣкоторую извѣстность; его со-

чиненіе на тему, предложенную Берлинской Академіей, „объяснить, какова была бы система вѣтровъ, если бы вся поверхность земли была покрыта глубокимъ моремъ“, удостоилось чести быть напечатано рядомъ съ сочиненіями Даламбера и Барнульи на ту же тему. Послѣ того Миліуса начали уважать нѣкоторые люди, пользовавшіеся почетнымъ положеніемъ въ нѣмецкомъ обществѣ, и натуралисты обратили на него вниманіе. Наконецъ, Галлеръ и Зульцеръ, составивъ проэктъ ученой экспедиціи въ Америку, выбрали Миліуса для этого путешествія. Деньги, нужныя для снаряженія экспедиціи, собирались общественною подпискою. Капиталъ составился довольно значительный, и Миліусъ отправился въ путь; но въ Англіи онъ занемогъ и умеръ. Умершій въ очень молодыхъ лѣтахъ, Миліусъ не успѣлъ почти ничего сдѣлать для своей спеціальной науки, будучи принужденъ тратить свое время на стихи и беллетристику для куска хлѣба; но можно ли обвинять его за эту прискорбную растрату силъ, въ которой виновата была его несчастная судьба? „Не надобно дивиться тому, что въ Германіи очень многіе геніальные люди умираютъ преждевременно“, говоритъ Лессингъ въ письмахъ, служащихъ предисловіемъ къ собранію сочиненій Миліуса, изданному имъ послѣ смерти автора: „легко найти причину этому; она такъ ясна, что развѣ не желающій видѣть не видитъ ея. Предположите, милостивый государь, что геніальный человѣкъ родится въ сословіи, если не самомъ нищемъ, то слишкомъ скуднымъ житейскими средствами: вы знаете, что природа находитъ, кажется, какое-то удовольствіе выводить геніевъ изъ этого сословія чаще, нежели изъ какого нибудь другаго. Подумайте же, какія препятствія долженъ побѣдить этотъ геній въ странѣ, подобной Германіи, гдѣ почти неизвѣстно, что такое называется ободреніемъ таланту. Онъ то задерживается недостаткомъ необходимѣйшихъ средствъ и пособій, то преслѣдуется завистью, которая хочетъ въ самой колыбели подавить дарованіе, то утрачиваетъ силы въ тяжелыхъ и недостойныхъ его занятіяхъ. Удивительно ли, что онъ, истощивъ запасъ молодаго здоровья, сокрушается порывомъ бури? Удивительно ли, что бѣдность, непріятности, оскорбленія, презрѣніе наконецъ побѣждаютъ его тѣло, и безъ того уже не слишкомъ крѣпкое, потому что вѣдь не такіе же у него нервы, какъ у дровосѣка. Повѣрьте же, милостивый государь, такова была судьба нашего Миліуса. Онъ родился въ деревнѣ, гдѣ скоро захотѣлъ учиться тому, чему не могли тамъ научить его. Онъ родился въ семействѣ, состояніе котораго не позволяло допускать его учиться съ какою нибудь другою цѣлью, кромѣ той, чтобъ онъ наскоро познакомясь съ какою нибудь кормовою наукою (такъ мы рѣшаемся перевесть извѣстное нѣмецкое выраженіе Brodwissenschaft), могъ добывать себѣ хлѣбъ, по примѣру своихъ отцовъ. А потомъ онъ долженъ былъ безъ отдыху писать для куска хлѣба. Такова, милостивый государь, была его жизнь, и, повѣрьте, при такой жизни, смерть не есть особенное бѣдствіе“.

Мы привели это описаніе потому, что оно хорошо обрисовываетъ положеніе всей молодежи, занимавшейся тогда въ Германіи литературою, и очень близко подходитъ къ судьбѣ самого Лессинга.

Нельзя осуждать Миліуса за то, что онъ не успѣлъ ничего сдѣлать для науки, какъ нельзя строго винить его и за то, что многими поступ-

ками и всѣмъ образомъ своей жизни подавалъ поводъ къ упрекамъ, со стороны такъ называемыхъ добропорядочныхъ людей: въ томъ и другомъ одинаково были виноваты обстоятельства; и изъ упрековъ, которымъ подвергался онъ, нельзя еще заключать, что онъ былъ дурной человѣкъ—тотъ случай, который особенно чернилъ его въ глазахъ каменецкихъ горожанъ, даже свидѣтельствуетъ въ его пользу: своею сатирою онъ мстилъ узкимъ предразсудкамъ за непріятности, которыя терпѣлъ отъ нихъ человѣкъ просвѣщенный и достойный уваженія.

По всей вѣроятности, Миліусъ нравился Лессингу, какъ человѣкъ обширнаго и оригинальнаго ума. Скоро этотъ чудакъ сталъ оказывать своему молодому пріятелю услуги по сближенію съ книгопродавцами и доставлялъ стипендіату литературную работу. Такимъ образомъ, и удовольствіе, приносимое его живымъ разговоромъ, и денежныя дѣла тѣсно связывали съ нимъ Лессинга, который иногда выбивался изъ затруднительныхъ обстоятельствъ только при помощи переводовъ и т. п., случай къ которымъ доставлялъ Миліусъ. Но родные Лессинга, рѣшительно не понимая этого, смотрѣли на ихъ знакомство чрезвычайно подозрительно и опасались отъ него совершенной погибели сына и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ.

Доходили до нихъ слухи еще о другомъ вредномъ и отвратительномъ знакомствѣ сына—о дружбѣ его съ актерами. Въ самомъ дѣлѣ, юноша вскорѣ по пріѣздѣ въ Лейпцигъ пристрастился къ театру. Въ Лейпцигѣ играла тогда труппа г-жи Нейбергъ, геніальной актрисы, какой долго послѣ того не бывало на нѣмецкой сценѣ, женщины замѣчательнаго ума и тонкаго вкуса. Кромѣ самой директрисы, въ труппѣ было много прекрасныхъ актеровъ. Лессингъ скоро познакомился съ артистами: веселое общество ихъ понравилось пылкому юношѣ, онъ получилъ доступъ за кулисы, подружился съ самою г-жею Нейбергъ. Носились слухи, что онъ даже влюбленъ въ нее, и любовь его не остается безъ отвѣта. Братъ считаетъ нужнымъ защитить перваго изъ нѣмецкихъ драматурговъ отъ этого подозрѣнія тѣмъ, что Лессингъ съ одинаковою привѣтливостью былъ встрѣчаемъ въ домахъ всѣхъ актрисъ, которымъ, думаетъ онъ, не было бы удовольствія видѣть у себя человѣка, влюбленнаго въ другую женщину. Не совсѣмъ убѣждаемся мы этимъ доводомъ; но какъ бы то ни было, хотя бы Лессингъ ухаживалъ не за одною г-жею Нейбергъ, а равно за всѣми хорошенькими актрисами, что и дѣйствительно вѣроятнѣе, въ томъ и другомъ случаѣ мало было утѣшенія его роднымъ. Потомъ дошли до родныхъ извѣстія, что Лессингъ самъ принялся писать пьесы для театра, что онъ даже хочетъ сдѣлаться актеромъ. Послѣдняго намѣренія онъ, вѣроятно, не имѣлъ: но всѣ другія огорчительныя извѣстія не были выдумкою.

Можно вообразить себѣ огорченіе почтеннаго первенствующаго пастора и набожной пасторши отъ такихъ вѣстей! Какъ, ихъ сынъ, котораго надѣялись они видѣть благочестивымъ пасторомъ или ученымъ профессоромъ, не занимается своимъ дѣломъ, кутитъ съ такими людьми, какъ Миліусъ, дружится съ актрисами, пишетъ для театра! Упреки градомъ сыпались на заблуднаго сына отъ отца, мать плакала о немъ. Сыну казалось все это совершенно неумѣстнымъ и напраснымъ. Онъ въ отвѣтахъ своихъ жало-

вался на несправедливость обвиненій, доказывалъ неосновательность опасеній, защищая свое поведеніе. Письма его изъ Лейпцига къ роднымъ не сохранились; но по всему разсказу брата его видно, что они были таковы же, какія потомъ писались имъ изъ Берлина: упреки и оправданія оставались тѣ же, да и относились на половину къ его прежней, лейпцигской жизни. Говоря о берлинской жизни Лессинга, намъ прійдется разсказывать многое другое, потому приведемъ отрывки изъ этихъ писемъ здѣсь.

„Я не сталъ бы такъ долго медлить письмомъ къ вамъ—пишетъ Лессингъ матери, вскорѣ по переѣздѣ въ Берлинъ—еслибъ имѣлъ сообщить что нибудь пріятное. А читать просьбы и жалобы, вѣроятно, и вамъ такъ же наскучило, какъ мнѣ писать въ этомъ духѣ. Но въ этихъ строкахъ не найдете вы ничего подобнаго (т. е. ни жалобъ на недостатокъ денегъ, ни просьбъ о присылкѣ ихъ). Я страшусь только того, чтобы вы не заподозрили меня въ недостаткѣ любви и уваженія къ вамъ; я страшусь только того, чтобы вы не подумали, будто я веду свой нынѣшній образъ жизни по непослушанію и испорченности сердца. Это опасеніе безпокоитъ меня. Если оно не напрасно, то я чувствую огорченіе тѣмъ живѣе, чѣмъ менѣе вины знаю за собою. Позвольте же мнѣ поэтому, въ немногихъ чертахъ, описать вамъ всю мою университетскую жизнь, и я увѣренъ, что вы снисходительнѣе будете судить обо мнѣ. Я пріѣжаю въ университетъ мальчикомъ съ школьной скамьи, твердо увѣренный въ томъ, что все счастіе въ книгахъ. Я пріѣзжаю въ Лейпцигъ, въ такой городъ, въ которомъ совмѣщается въ миньятюрѣ цѣлый міръ. Первые мѣсяцы я прожилъ такъ уединенно, какъ не жилъ и въ Мейссенѣ. Вѣчно за книгами, я рѣдко даже и думалъ о людяхъ. Но это продолжалось немного времени: скоро открылись мои глаза—надобно ли сказать, „къ счастію“ или „къ несчастію“?—это рѣшитъ будущность. Я понялъ, что книги сдѣлаютъ меня ученымъ, но никакъ не сдѣлаютъ меня человѣкомъ. И я рѣшился выйти изъ комнаты, показаться въ общество подобныхъ мнѣ. Но—Боже мой!—ни малѣйшаго подобія не было во мнѣ съ другими людьми. Мужицкая застѣнчивость, неряшество и неуклюжесть, совершенное невѣжество въ томъ, какъ держать себя между людьми, нелѣпыя замашки и взгляды, которыми оскорблялся всякій, какъ выражающими презрѣніе къ нему—таковы-то были достоинства, замѣченныя мною въ себѣ. Слѣдствіемъ этого была твердая рѣшимость, во что бы то ни стало, исправиться отъ своихъ недостатковъ. Вы знаете, какъ я принялся за это дѣло. Я сталъ учиться танцамъ, фехтованію, верховой ѣздѣ. Я откровенно сознаю въ этомъ письмѣ свои ошибки, стало быть могу говорить и о томъ, что хорошо во мнѣ. Танцовать, фехтовать, ѣздить верхомъ я выучился такъ, что даже люди, напередъ рѣшавшіе, что я неспособенъ ни къ чему такому, можно сказать, удивлялись мнѣ. Успѣхъ этотъ сильно ободрилъ меня. Я сталъ развязенъ, ловокъ и вошелъ въ общество, чтобы научиться жизни. На время отложилъ я въ сторону серьезныя книги, чтобы познакомиться съ другими книгами, болѣе заманчивыми, но не менѣе полезными. Прежде всего попались мнѣ подъ руку комедіи. Пусть не вѣритъ, кто не хочетъ, но мнѣ оказали онѣ очень важныя услуги. Я понялъ изъ нихъ разницу между пріятностью и принужденностью манеръ, между грубостью и естественностью. Онѣ показали мнѣ, что такое лживая и что такое истинная добродѣтель, научили меня избѣгать порока столько же потому, что онъ смѣшонъ, сколько и потому, что онъ гнусенъ. Но я чуть не забылъ главнѣйшей пользы, какую принесли мнѣ комедіи. Онѣ научили меня знать самого себя, и съ той поры, вѣрно, ни надъ кѣмъ не смѣялся и не издѣвался я столько, какъ надъ самимъ собою. Вдругъ, какой-то пустой случай навелъ меня на мысль самому приняться за сочиненіе комедій. Я попытался, и когда мои комедіи были даны на сценѣ, меня стали увѣрять, что комедіи эти недурны. Надобно только похвалить меня въ чемъ нибудь, и ужъ я такъ созданъ, что пріймусь за дѣло еще горячѣе. И вотъ я сталъ день и ночь думать, какъ бы выказать свой талантъ въ дѣлѣ, въ которомъ ни одинъ нѣмецъ не могъ похвалиться особеннымъ успѣхомъ. Вслѣдствіе болѣзни и другихъ обстоятельствъ, о которыхъ пока умолчу, я задолжалъ болѣе, нежели на три мѣсяца моихъ стипендій,— и я долженъ былъ переѣхать

въ Берлинъ, гдѣ и живу теперь,—въ какомъ положеніи, знаете вы сами. *Я давно сталъ бы на ноги, если бы могъ имѣть приличное платье* (эти слова подчеркнуты Лессингомъ); оно необходимо въ городѣ, гдѣ о людяхъ больше всего судятъ по наружности. Вы были такъ добры, что еще въ прошломъ году обѣщали сдѣлать мнѣ новую пару платья. Изъ этого вы можете заключить, безразсудна ли была моя просьба въ предъидущемъ письмѣ (видно также, прибавимъ мы, что и годъ тому назадъ платье было уже порядкомъ поношено; видно также, что въ прошломъ письмѣ Лессингъ просилъ выслать ему денегъ на платье). Вы отказываете мнѣ, между прочимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не знаете, ради кого или чего живу я въ Берлинѣ. (Видно, что мать намекала на Миліуса). Я угадываю, что ваше предубѣжденіе противъ человѣка, который оказываетъ мнѣ услуги теперь, когда я чрезвычайно нуждаюсь въ нихъ,—угадываю, что это предубѣжденіе—главная причина вашего несогласія съ моими поступками. Кажется, вы считаете его (т. е. Миліуса) извергомъ рода человѣческаго. Не слишкомъ ли увлекаетесь вы враждою? Я утѣшаюсь тѣмъ, что вижу въ Берлинѣ очень многихъ прекрасныхъ и знатныхъ людей („знатные“ очевидно явились тутъ затѣмъ, чтобы произвести эффектъ на провинціалку), которые уважаютъ его столько же, сколько и я“.

Вотъ другое письмо, посланное Лессингомъ мѣсяца черезъ три, къ отцу:

„Вы требуете, чтобы я возвратился домой. Вы опасаетесь, что я уѣду въ Вѣну, чтобы тамъ сдѣлаться писателемъ комедій. Вы увѣрены, что здѣсь я работаю, какъ негръ, для г. Рюдигера (берлинскаго книгопродавца) и терплю голодъ и непріятности (видно, что отецъ писалъ ему: ты пошелъ по дорогѣ, которая приведетъ къ голодной смерти). Вы прямо говорите мнѣ, что все, написанное мною вамъ о видахъ моихъ на улучшеніе моихъ обстоятельствъ, чистая ложь. (Видно, что онъ успокоивалъ отца разными надеждами на то, что скоро будетъ пріобрѣтать литературою большія деньги). Умоляю васъ: поставьте себя на мое мѣсто и подумайте, какъ огорчительны должны быть такія несправедливыя укоризны, неосновательность которыхъ очевидна для васъ, если вы хотя сколько-нибудь знаете меня. Но удивительнѣе всего для меня то, что вы возобновляете прежнія укоризны по поводу комедій. Переписка моя съ комедіянтами вовсе не такова, какъ вы думаете. Въ Вѣну писалъ я къ барону Зейлеру, директору всѣхъ австрійскихъ театровъ, человѣку, знакомство котораго никакъ не можетъ мнѣ быть стыдомъ, а, напротивъ, можетъ принести большую пользу. Съ подобными людьми велась у меня переписка и въ Данцигѣ и въ Ганноверѣ: и не можетъ мнѣ быть упрекомъ то, что меня знаютъ не въ одномъ Каменцѣ... Подождите нѣсколько мѣсяцевъ, и вы убѣдитесь, что я въ Берлинѣ живу не безъ дѣла и работаю не для другихъ. Я знаю, отъ кого доходятъ до васъ обо мнѣ такіе слухи. Я знаю, кому и сколько разъ вы писали обо мнѣ въ Берлинѣ. Эти распросы, конечно, подали дурное понятіе обо мнѣ людямъ, къ которымъ вы обращались съ ними. Но я вѣрю, что вы хотѣли мнѣ пользы, а не вреда и непріятностей, которые были для меня слѣдствіемъ этихъ развѣдываній... Позвольте мнѣ напомнить вамъ стихи Плавта:

Qui nihil aliud, nisi quod sibi soli placet,
Consulit adversum filium, nugas agit

(неблагоразумно поступаетъ отецъ, который хочетъ распоряжаться всѣми поступками сына).—Эта мысль такъ разсудительна, что, вѣроятно, вы съ нею согласны. Къ чему матушкѣ такъ горевать обо мнѣ? Не все ли равно для нея, такъ или иначе составлю я себѣ счастіе, лишь бы составилъ, въ чемъ я увѣренъ. И какъ могли вы вообразить, что если бы я даже поѣхалъ въ Вѣну, то принялъ бы тамъ католичество? Изъ этого я вижу, какъ она предубѣждена противъ меня“.

Черезъ мѣсяцъ Лессингъ, получивъ отъ отца книги, которыя оставлены были имъ дома, благодаритъ за присылку ихъ и продолжаетъ:

„Я написалъ бы вамъ о своей благодарности еще больше, если бы не видѣлъ, къ сожалѣнію, изъ всѣхъ вашихъ писемъ очень ясно, что васъ давно склоняютъ, и вы

давно склонились подозрѣвать во мнѣ самыя низкія, самыя постыдныя черты. Благодарность человѣка, о которомъ вы имѣете такое выгодное мнѣніе, конечно, должна показаться вамъ неискреннею. Но что же мнѣ дѣлать? Время будетъ моимъ защитникомъ. Оно покажетъ, дѣйствительно ли я непочтительный сынъ и безнравственный человѣкъ.

„Когда вы перестанете упрекать меня за Миліуса? Sed facile ex Tuis querelis querelas matris agnosco (слѣдуетъ довольно длинная латинская тирада, которую мы отмѣчаемъ курсивомъ). *Но я очень хорошо вижу, что эти упреки внушены вамъ матушкою: она добра и прямодушна, но въ этомъ случаѣ слишкомъ увлекается враждою. Наша дружба съ Миліусомъ никогда не была и не будетъ ничѣмъ инымъ, какъ сотрудничествомъ въ занятіяхъ—можно ли винить за то? Я съ нимъ очень рѣдко, или, лучше сказать, вовсе никогда не говорю ни о родныхъ и моихъ обязанностяхъ къ роднымъ, ни о моемъ образѣ жизни, такъ что вы никакъ не можете считать его моимъ соблазнителемъ и совѣтникомъ на дурное. Не увлекайтесь, батюшка, женскими наговорами. Простите, что я написалъ это по латыни, чтобы не оскорбить матушку, глубоко мною любимую*“.

Этихъ отрывковъ будетъ достаточно, чтобы видѣть, каковы были предположенія родныхъ о сынѣ, когда онъ жилъ въ Лейпцигѣ и потомъ въ Берлинѣ. Они считали сына идущимъ къ временной и вѣчной погибели. Письма ихъ къ нему за это время не сохранились; но легко угадать изъ отвѣтовъ Лессинга, какими горькими опасеніями, какими оскорбительными подозрѣніями были наполнены эти письма. Такъ прошло полтора года университетской жизни; наконецъ, однажды, получилъ лейпцигскій студентъ отъ отца письмо, въ которомъ всѣ упреки и подозрѣнія, особенно относительно актеровъ и театра, выражены были совершенно прямо и рѣзко. Молодой человѣкъ вспыхнулъ и потерялъ терпѣніе. Раздосадованный, побѣжалъ онъ къ одному изъ своихъ пріятелей и товарищей по занятіямъ литературою, Вейссе, и, съ сердцемъ бросая письмо на столъ, сказалъ: „Вотъ, прочитайтека, какое письмецо получилъ я отъ батюшки!“ Въ пылу досады онъ хотѣлъ отвѣчать на упреки, разославъ всѣмъ почетнымъ людямъ каменецкаго общества по экземпляру афиши, которая объявляла о первомъ представленіи его комедіи „Молодой Ученый“, приписавъ подъ заглавіемъ этой пьесы, дававшейся безъ означенія имени автора: „сочиненіе Готтгольда-Эфраима Лессинга“. Вейссе удалось удержать своего друга отъ этой выходки, и чрезвычайный успѣхъ пьесы на сценѣ заставилъ бы молодаго драматурга забыть о семейной непріятности, навлеченной на него расположеніемъ къ театру, если бы за первою бѣдою не послѣдовала вторая.

Въ Саксоніи былъ (а можетъ быть, и донынѣ сохранился) обычай, что мать на Рождество печетъ для каждаго изъ своихъ дѣтей сдобный сладкій пирогъ. Надобно было случиться, что въ этомъ (1747) году на самое Рождество одинъ изъ знакомыхъ семейства Лессинговъ отправился изъ Каменца въ Лейпцигъ. Мать Готтгольда-Эфраима просила этого знакомца отвезти отъ нея сыну патріархальный пирогъ и при этой оказіи, конечно, просила его также посмотрѣть и передать ей, какъ живетъ этотъ сынъ, возбуждающій въ родителяхъ столько безпокойства неосновательностью своего поведенія. Знакомецъ возвратился въ Каменецъ съ ужаснымъ извѣстіемъ, что сладкій пирогъ матери скушанъ сыномъ въ обществѣ комедіянтовъ

(и— чего добраго!—даже комедіянтокъ, быть можетъ) и запитъ доброю бутылкою вина.

Бѣдные родители не могли теперь сомнѣваться въ глубокомъ нравственномъ паденіи блуднаго сына. Мать горько плакала; отецъ увидѣлъ необходимость прибѣгнуть къ рѣшительному средству для исхищенія сына изъ бездны адской: надобно было возвратить его для душевнаго исцѣленія подъ родительскій кровъ. Но послушается ли родительскаго приказанія непокорный юноша? Нѣтъ, нужно придумать другія средства, подняться на хитрости,—и лейпцигскій студентъ получилъ письмо, увѣдомлявшее его, что мать лежитъ при смерти, и что онъ долженъ спѣшить въ Каменецъ, не теряя ни минуты, если хочетъ проститься съ нею.

Между тѣмъ, наступили сильные холода. Мать стала уже раскаяваться въ своей хитрости: какъ поѣдетъ бѣдный мальчикъ (не забудемъ, что Лессингу было только восемнадцать лѣтъ) въ такую погоду? Вѣдь у него нѣтъ теплаго дорожнаго платья, а въ дорогѣ надобно пробыть нѣсколько сутокъ. Нѣтъ, лучше ужъ кутилъ бы онъ съ ненавистнымъ Миліусомъ и актрисами, чѣмъ замерзнуть на дорогѣ. Напрасно его вызывали! Или, быть можетъ, онъ догадается, что извѣстіе о ея болѣзни —выдумка, и не поѣдетъ? Да, лучше онъ сдѣлаетъ, если не поѣдетъ. Въ такихъ мысляхъ сидѣла семья, какъ отворилась дверь, и вошелъ въ комнату, дрожа отъ холода, полузамерзшій сынъ. — „Какъ, ты поѣхалъ въ такой холодъ?“ спрашиваетъ мать.—„Я зналъ, что вы здоровы, весело отвѣчаетъ студентъ: но вамъ было угодно, чтобъ я пріѣхалъ,—и я пріѣхалъ“.—Словомъ сказать, вмѣсто строгаго выговора, который готовился для него, его встрѣтили съ радостью, что онъ, послушный сынъ, доѣхалъ благополучно.

Отецъ сталъ испытывать его знанія разговорами; оказалось, что сынъ сталъ человѣкомъ ученымъ, несмотря на Миліуса и актеровъ: оказалось, что и по латыни знаетъ онъ очень хорошо, не смотря на то, что занимался, по доходившимъ слухамъ, вовсе не латынью. Мало того: въ удовольствіе первенствующему пастору, сынъ сочинилъ проповѣдь —и проповѣдь оказалась хороша. Гнѣвъ отца утишился. Онъ оставилъ студента пожить дома, чтобы своими глазами убѣдиться, дѣйствительно ли онъ не такой дурной человѣкъ, не такой пьяница и буянъ, какъ шла молва о немъ. Сынъ держалъ себя, въ самомъ дѣлѣ, какъ порядочный юноша—не пьянствовалъ и не буйствовалъ.

Три мѣсяца продолжалось это испытаніе. Наконецъ родные убѣдились, что можно согласиться на его просьбу и снова отпустить его въ Лейпцигъ, съ наставленіями держать себя хорошо.

Но лишь только воротился онъ въ Лейпцигъ, какъ пошли о немъ прежніе слухи. По прежнему онъ не ходилъ на лекціи, водилъ компанію съ Миліусомъ и актерами, писалъ комедіи;—и черезъ нѣсколько времени сдѣлалъ рѣшительный шагъ, который болѣе всего прежняго огорчилъ заботливыхъ родныхъ.

Около этого времени разстроилась труппа г-жи Нейберъ, и многіе актеры уѣхали изъ Лейпцига, иные не расплатясь съ долгами. Лессингъ былъ поручителемъ въ нѣсколькихъ изъ этихъ векселей; кредиторы не давали

ему покоя. Средства его для уплаты долговъ были ничтожны въ Лейпцигѣ. Онъ рѣшился искать этихъ средствъ въ Берлинѣ, при помощи Миліуса, который уже поселился тамъ, имѣлъ уже нѣкоторыя связи и черезъ два-три мѣсяца сдѣлался сотрудникомъ одной изъ берлинскихъ газетъ, издававшейся книгопродавцемъ Рюдигеромъ, и вскорѣ перешедшей къ зятю Рюдигера, Фоссу, съ фамиліею котораго она существовала до послѣдняго времени (Vossische Zeitung). Мысль эта была исполнена Лессингомъ съ независимостью, свойственною его характеру: ни съ кѣмъ онъ не совѣтовался, никому не говорилъ о своемъ намѣреніи переселиться въ Берлинъ. Одинъ изъ ближайшихъ его друзей, Вейссе, зашедшій черезъ нѣсколько дней къ своему пріятелю по его отъѣздѣ, услышалъ только, что онъ уѣхалъ изъ Лейпцига на недѣлю. Но это не было бѣгство отъ кредиторовъ: они были предувѣдомлены и успокоены Лессингомъ, потому что не тревожили ни университетъ, ни каменецкаго пастора своими опасеніями. И, дѣйствительно, Лессингъ скоро расплатился съ ними.

На дорогѣ, въ Виттенбергѣ, онъ тяжело занемогъ—одинъ, безъ денегъ, безъ знакомыхъ. Положеніе было отчаянное, и Лессингъ не могъ потомъ вспоминать о немъ безъ ужаса. Но молодая натура скоро побѣдила болѣзнь. Между тѣмъ, Миліусъ уѣхалъ изъ Берлина. Лессингъ рѣшился было остаться на зиму въ Виттенбергѣ слушать лекціи и написалъ о томъ роднымъ. Но Миліусъ опять явился въ Берлинъ, получилъ постоянную работу при рюдигеровой газетѣ, и Лессингъ около Рождества могъ переселиться въ Берлинъ съ увѣренностью, что найдетъ тамъ средства для жизни.

Говорятъ, впрочемъ, будто изъ Виттенберга уѣхалъ онъ не съ цѣлью попасть въ Берлинъ, напротивъ, если вѣрить слухамъ, онъ прежде всего поскакалъ въ Вѣну, увлеченный страстью къ хорошенькой актрисѣ Лорениъ, и уже изъ Вѣны, по невозможности найти тамъ средства для жизни или разочаровавшись въ своей возлюбленной, переѣхалъ въ Берлинъ. Этотъ эпизодъ очень правдоподобенъ; но не осталось доказательствъ, которыми можно было бы подтвердить его.

Во всякомъ случаѣ, два ли только, или три раза юноша втеченіи полугода такъ независимо отъ родныхъ измѣнялъ намѣренія относительно своей будущности,— ограничились ли его странствованія только переселеніемъ изъ Лейпцига въ Виттенбергъ и изъ Виттенберга въ Берлинъ, или надобно прибавить сюда еще поѣздку изъ Виттенберга въ Вѣну,—во всякомъ случаѣ, Лессингъ, въ это полугодіе, надѣлалъ довольно, чтобы снова погубить въ родныхъ всякое довѣріе къ себѣ, чтобы явиться въ ихъ глазахъ человѣкомъ, болѣе близкимъ къ погибели, нежели когда нибудь. „Онъ замотался, онъ потерялъ голову, сталъ игрушкою негоднаго Миліуса, сталъ авантюристомъ, которому предстоитъ сидѣть въ тюрьмѣ за долги, быть стыдомъ своему семейству, влачить презрѣнную жизнь развратнаго и оборваннаго пьяницы, быть убитымъ въ пьяной дракѣ, замерзнуть на улицѣ или умереть голодною смертью въ подвалѣ“. Такъ должны были думать родные, и переписка ихъ съ сыномъ продолжалась въ прежнемъ тонѣ: горькіе упреки съ одной стороны, гордыя оправданія съ другой.

И дѣйствительно, довольно долго прошло, пока устроилось сколько

нибудь порядочнымъ образомъ денежное положеніе сына, пока его извѣстность, потомъ слава заставили родныхъ его покинуть свои оскорбительныя подозрѣнія.

Если и въ наше время семнадцати-девятнадцатилѣтній юноша поступаетъ подобно Лессингу: вмѣсто того, чтобы посѣщать лекціи, сводитъ дружбу съ людьми, извѣстными неумѣренностью своего образа жизни; бросая такъ называемое порядочное общество, водитъ компанію съ весельчаками, проводитъ вечера за кулисами, а ночи въ шумныхъ пирушкахъ съ актрисами,—если и въ наше время молодой человѣкъ становится на эту дорогу, его родные имѣютъ очень основательную боязнь за будущность сына. Сто лѣтъ тому назадъ, въ Германіи, подобный образъ жизни казался еще ужаснѣе для патріархальныхъ провинціаловъ и, въ самомъ дѣлѣ, отнималъ почти всякую надежду на юношу, увлекающагося въ такія излишества. Лессингъ пренебрегалъ единственнымъ путемъ къ обезпеченію своей будущности, пренебрегая университетомъ: нынѣ понятно, что можно жить на свѣтѣ, не занимая мѣста на службѣ; тогда, если человѣкъ не былъ ремесленникомъ, купцомъ или помѣщикомъ, онъ могъ жить только жалованьемъ и доходами отъ общественной должности. Литература не доставляла никакого обезпеченія. Всѣ литераторы были или богатые диллетанты, или профессоры, учители и пасторы: безъ этихъ источниковъ дохода они ходили бы съ голыми локтями подобно Миліусу. Лессингъ, пренебрегая дипломомъ, который доставилъ бы ему мѣсто пастора, медика или профессора, обрекалъ себя на вѣчную нищету.—Нынѣ актеры не считаются людьми отверженными; тогда на нихъ смотрѣли, какъ на цыганъ. Нынѣ понимаютъ, что юноша долженъ быть юношею: тогда съ двѣнадцати лѣтъ мальчикъ долженъ былъ дѣлаться педантомъ: иначе, онъ ужъ не имѣлъ никакихъ шансовъ проложить себѣ дорогу въ свѣтѣ.

Чтобы однимъ примѣромъ указать всю разницу между нынѣшнимъ и тогдашнимъ взглядомъ на человѣка, поступающаго подобно Лессингу, скажемъ, что студенты, его товарищи, считали его человѣкомъ, идущимъ къ собственной погибели. Нынѣ, конечно, молодежь не осудитъ сверстника за любовь къ театру, особенно, когда видитъ, что дома, самостоятельными занятіями, онъ съ избыткомъ вознаграждаетъ неаккуратность въ посѣщеніи лекцій, когда видитъ, что любитель театра съ тѣмъ вмѣстѣ превосходитъ обширностью знаній товарищей студентовъ.—нынѣ любовь къ литературѣ и театру не помѣшала бы глубоко уважать такого товарища; тогда,—что думали тогда студенты о своемъ геніальномъ товарищѣ, мы узнаемъ изъ любопытнаго анекдота, сохранившагося въ запискахъ извѣстнаго литератора и музыканта Рохлица. Въ Лейпцигѣ Лессингъ жилъ нѣсколько времени въ одной комнатѣ съ другимъ студентомъ, Іоганномъ-Фридрихомъ Фишеромъ. Много лѣтъ спустя, когда Лессингъ былъ уже авторомъ „Эмиліи Галотти“ „Гамбургской Драматургіи“, Фишеръ занималъ должность ректора въ одной изъ школъ, соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ. Рохлицъ учился въ этой школѣ. Ректоръ замѣтилъ въ ученикѣ литературныя наклонности, призвалъ его къ себѣ и преподалъ слѣдующее назиданіе изъ собственныхъ воспоминаній: „Говорилъ ужъ я тебѣ, чтобы бросилъ свои нѣмецкія книги; не

спрашиваю, исполнилъ ли ты мой совѣтъ, а только скажу тебѣ: исполни его, брось нѣмецкія книги, не вводи себя въ погибель, потому что къ погибели онѣ ведутъ. Тѣмъ больше огорчаешь ты меня, что этими вредными наклонностями припоминается мнѣ такой примѣръ,—примѣръ изъ молодости,—отъ котораго и теперь болитъ мое сердце. Разскажу тебѣ, какъ это было. Пріѣхавъ изъ Кобурга въ здѣшній университетъ, поселился я вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ, который уже годъ числился студентомъ. Онъ былъ сынъ хорошихъ людей: отецъ его былъ пасторомъ въ Лаузицѣ. Жили мы съ нимъ на Верхней улицѣ, у Старыхъ Бань. Какія способности далъ Богъ этому человѣку! Какъ онъ зналъ по гречески и по латыни! Мы съ нимъ слушали Эрнести, знаменитаго тогдашняго филолога,—то есть, нечего намъ было и слушать у него! Читать Ѳукидида было для насъ просто развлеченіемъ. Ахъ, какой человѣкъ могъ бы изъ него выйти! Но пошелъ онъ по такой дорогѣ! Ужъ прежде онъ много читалъ по нѣмецки,—ну, сталъ и писать самъ по нѣмецки, сочинять нѣмецкіе стихи. И пошелъ, и пошелъ, и никакъ нельзя было его остановить. Онъ былъ мой лучшій другъ, мой единственный другъ въ цѣломъ университетѣ; но я отсторонился отъ него— не могъ выносить этого. Началъ онъ даже писать комедіи. Ну, вотъ... вотъ... дальше да дальше, и сдѣлался онъ... нѣтъ, и сказать грустно, что изъ него вышло. Ну, да самъ спроси у людей, скажутъ тебѣ: этого человѣка звали Лессингъ".

Этотъ урокъ молодому человѣку, это предостереженіе: „смотри, если станешь продолжать, какъ началъ: то будешь ты ничѣмъ инымъ, какъ развѣ Лессингомъ",—эта искренняя, глубокая грусть добродушнаго друга о томъ, что Лессингъ погубилъ свои прекрасныя дарованія и самого себя, вся эта рѣчь почтеннаго ректора представляется намъ теперь чѣмъ-то нелѣпо наивнымъ до забавной оригинальности. Это нѣчто нелѣпѣйшее, нежели ученыя разсужденія Фамусова и Скалозуба, что-то напоминающее сужденія обитателей Брынскихъ скитовъ, понятія какого-то дикаго Никиты Пустосвята. Если студентъ, горячо любившій Лессинга, очень близко знавшій его — вѣдь они жили въ одной комнатѣ—такъ огорчался уже одною любовью его къ нѣмецкой литературѣ, этою, повидимому, самою невинною чертою изъ всѣхъ противорѣчій его жизни общепринятому порядку, то можно вообразить, каковы были у людей пожилыхъ, наклонныхъ къ строгости въ нравственныхъ понятіяхъ и въ требованіяхъ отъ молодаго человѣка соблюденія приличій,— каковы были понятія всѣхъ добропорядочныхъ людей о будущности, которую готовитъ себѣ Лессингъ, когда они соображали всѣ ужасныя черты его образа жизни— не только сочинительство его на нѣмецкомъ языкѣ, но, что гораздо ужаснѣе, его дружбу съ Миліусомъ и ночныя пирушки въ обществѣ этого оборваннаго кощуна, его панибратство съ актерами и актрисами, обществомъ которыхъ гнушался даже Вейссе, студентъ, сочинявшій для нихъ комедіи.

Дикимъ кажется намъ теперь все это. Но если присмотрѣться къ дѣлу ближе, съ житейской точки зрѣнія, то, право, подумаешь: не разсчетливѣе ли, не лучше ли для отдѣльнаго человѣка устроивать свою жизнь сообразно съ понятіями большинства? не былъ ли, въ самомъ дѣлѣ, правъ добрый

ректоръ Іоганнъ Фишеръ, съ грустью вспоминая о томъ, какъ Лессингъ губилъ себя? да, если онъ думалъ о житейскомъ благоденствіи своего друга, то, безъ сомнѣнія, былъ правъ.

А надобно сознаться, что изъ сотни людей, одержимыхъ въ молодости различными возвышенными стремленіями, развѣ одинъ не станетъ впослѣдствіи раскаяваться, если эти порывы стоили ему какихъ нибудь пожертвованій житейскимъ благосостояніемъ; и надобно еще то сказать, что, въ самомъ дѣлѣ, у очень многихъ людей всѣ эти порывы имѣютъ слѣдствіемъ единственно только порожденіе чепухи, различнаго рода, смотря по характеру порывовъ. Друзья и родные должны были, въ самомъ дѣлѣ, опасаться за Лессинга, потому что только при концѣ молодаго разгула обнаруживается, имѣлъ ли человѣкъ силу безвредно пройти его, только послѣдующая энергическая дѣятельность доказываетъ, что человѣкъ не напрасно пренебрегалъ торною дорогою, стремясь къ славѣ.

Но теперь, когда славная дѣятельность Лессинга показала намъ его натуру, мы можемъ видѣть, что и въ увлеченіяхъ молодости онъ не измѣнилъ ни своему призванію, ни своему характеру. Мы не будемъ здѣсь распространяться объ этомъ характерѣ, — пусть онъ самъ собою раскрывается передъ читателями впродолженіе біографіи, — но скажемъ только, что основною чертою его натуры были рѣдкая полнота и всесторонность. У него были сильныя страсти, и онъ повременамъ беззавѣтно отдавался той или другой изъ нихъ; но никогда ни одна изъ нихъ не могла поработить его себѣ, именно потому, что натура его была слишкомъ чужда всякой односторонности. На пирушкахъ съ Миліусомъ онъ, быть можетъ, пилъ больше самого Миліуса; у него было много интригъ, и, конечно, онъ любилъ страстно; но никогда не было минуты, въ которую не могла его натура свергнуть съ себя эти страсти. Онъ былъ подобенъ древнему бойцу, который съ увлеченіемъ шелъ на битву, но и въ самомъ разгарѣ битвы не терялъ ни разумнаго самообладанія, ни свѣтлаго взгляда, ни спокойствія на ясномъ челѣ. Онъ, среди другихъ людей, былъ не по одному уму, но и по характеру, по всей своей натурѣ Милонъ Кротонскій, который могъ идти съ ними, когда хотѣлъ, могъ принимать участіе въ ихъ трудахъ, если то ему казалось нужно, но котораго ничья сила не могла поколебать, если онъ хотѣлъ остановиться, который, какъ безсильныхъ дѣтей, схватывалъ и увлекалъ за собою или легкимъ движеніемъ руки отстранялъ тѣхъ, кто хотѣлъ удержать его или увлечь за собою. Въ жизни онъ былъ нѣчто подобное тому, что Шекспиръ въ своей поэзіи: на всѣ чувства привѣтно откликается поэзія Шекспира, но не подчиняется она ни одному изъ нихъ — она страстнѣе, нежели анакреонтическія пѣсни юга, она грустнѣе, нежели самыя грустныя легенды сѣвера, она веселѣе, нежели веселыя пѣсни Франціи; но ни грусть, ни веселье, ни страсть не сдѣлаютъ ея своею рабою, съ величественнымъ гомерическимъ самообладаніемъ владычествуетъ она равно надъ своимъ восторгомъ и надъ своимъ страданіемъ.

Быть можетъ, мы слишкомъ рано указали эту основную черту характера Лессинга въ такомъ величественномъ свѣтѣ: вѣдь мы говоримъ еще только о двадцатилѣтнемъ юношѣ; быть можетъ, умѣстнѣе было бы это срав-

неніе съ героями древности тогда, когда онъ явился бы намъ авторомъ „Натана Мудраго“ и противникомъ Геце. Но и въ юношѣ эта основная черта уже обнаруживается поразительнымъ образомъ.

Уже въ тѣхъ отношеніяхъ къ роднымъ, о которыхъ мы говорили выше, въ тѣхъ письмахъ къ отцу и матери, отрывки изъ которыхъ мы привели, ярко видна она. Его осыпаютъ оскорбительнѣйшими укоризнами и обвиненіями; но онъ чувствуетъ, что онъ совершенно правъ. Иной, на его мѣстѣ, гнѣвно прекратилъ бы всякія сношенія съ родными, сказавъ, что не хочетъ оправдываться передъ людьми, слишкомъ мало понимающими его; другой, сознавая, что вся внѣшность обвиняетъ его, что его образъ жизни, положеніе, усвоиваемое имъ себѣ въ обществѣ, свидѣтельствуютъ противъ него, сталъ бы просить извиненія своимъ проступкамъ, сталъ бы говорить скромно и покорно. Лессингъ дѣлаетъ не такъ. Онъ говоритъ отцу спокойнымъ, самоувѣреннымъ и вмѣстѣ почтительнымъ тономъ. Онъ объясняетъ роднымъ, какъ надобно смотрѣть на людей, на обстоятельства; онъ ни въ чемъ не дѣлаетъ уступки ихъ мнѣніямъ, выставляетъ себя совершенно правымъ и, однако же, не говоритъ имъ ни одного слова, которое неумѣстно было бы въ устахъ сына; онъ какъ будто читаетъ имъ проповѣди, облеченныя тономъ сыновняго уваженія. И не только письма, но и дѣйствительныя отношенія его къ роднымъ имѣютъ совершенно особенный характеръ, какого не могъ бы выдержать въ подобныхъ обстоятельствахъ никто другой. Ни въ чемъ онъ не подчиняется роднымъ—и, однако же, не перестаетъ быть почтительнымъ сыномъ; родные негодуютъ на него, скорбятъ о немъ—его чувства къ нимъ остаются рѣшительно неизмѣнны, какъ бы никакихъ непріятностей не бывало между ними, и, до конца жизни, онъ остается вѣрнымъ, любящимъ членомъ семейнаго кружка, совершенно отстраняя его вліяніе отъ своей жизни, но постоянно дѣлая для родныхъ все, что только возможно.

Точно съ такимъ же спокойнымъ чувствомъ своей совершенной справедливости выслушивалъ онъ тогда и впослѣдствіи всевозможныя обвиненія своихъ враговъ, всевозможныя замѣчанія друзей. Онъ дѣлалъ то, что находилъ нужнымъ, и никакія ободренія или просьбы не могли заставить его сказать больше, никакія осужденія не могли заставить его сказать меньше. Нельзя не вспомнить здѣсь и страннаго отношенія къ нему его біографовъ и историковъ нѣмецкой литературы. Только немногіе изъ этихъ людей могутъ возвыситься до того, чтобы въ самомъ дѣлѣ раздѣлять образъ мыслей Лессинга. Когда вы присмотритесь къ ихъ собственнымъ мнѣніямъ, вы ожидаете, что они должны осуждать Лессинга, какъ человѣка слишкомъ рѣзкаго, слишкомъ безцеремоннаго въ выраженіи своихъ мыслей, слишкомъ далеко двинувшагося впередъ въ образѣ своихъ понятій; а, между тѣмъ, ни одинъ изъ нихъ даже не воображаетъ, что о Лессингѣ можно говорить такъ, какъ говорится о Гете или Шиллерѣ, можно хвалить въ немъ одно, осуждать другое: нѣтъ! передъ всѣми его приговорами всѣ они совершенно смиряются, будто все еще ждутъ, что онъ можетъ встать изъ гроба и поразить людей, отважившихся сдѣлать ему самое легкое замѣчаніе, какъ поразилъ Клоца. Мы опять должны прибѣгнуть къ сравненію, употребленному выше: мнѣнія Лессинга внушаютъ всѣмъ какое-то благоговѣніе, какъ

поэзія Шекспира: „Это такъ: это иначе невозможно; онъ правъ“, говоритъ каждый о „Гамбургской Драматургіи“ или „Лаокоонѣ“, какъ говоритъ о „Гамлетѣ“ или „Отелло“. Въ области мысли до сихъ поръ Лессингъ представляется для нѣмецкихъ историковъ литературы такимъ же непогрѣшительнымъ авторитетомъ, какъ Шекспиръ въ области поэзіи. Можно продолжить эту аналогію и въ отрицательномъ смыслѣ: почти никто изъ поэтовъ не слѣдуетъ урокамъ, какіе даетъ поэзія Шекспира, почти никто изъ критиковъ и философовъ не исполняетъ принциповъ Лессинга; но не подчиняться вліянію того и другаго возможно, только забывая о нихъ, а какъ скоро являются они передъ нашимъ воспоминаніемъ, никто не чувствуетъ въ себѣ рѣшимости противорѣчить имъ. Превосходство ихъ слишкомъ велико; поэзія одного, мысль другаго по своей натурѣ таковы, что не оставляютъ мѣста никакому разнорѣчію въ сужденіяхъ. Да, сильная это была натура, и очень щедро одаренная природою. Мы довели свой разсказъ до начала литературной дѣятельности Лессинга,—началась она поэтическими произведеніями, и тутъ можно уже видѣть, на сколько былъ онъ выше обыкновенной мѣрки.

Лессингъ самъ о себѣ сказалъ, что не имѣетъ врожденнаго поэтическаго таланта, что его произведенія не созданія независимаго отъ мысли творчества, а только осуществленія сознательной мысли. „Я не поэтъ —говоритъ онъ въ послѣднемъ нумерѣ своей „Драматургіи“.—Мнѣ часто оказывали честь, признавая меня поэтомъ; но это значило не знать меня, не признавать особенностей моей натуры. Не надобно было выводить такого высокаго заключенія изъ нѣсколькихъ драматическихъ опытовъ, на которые я отваживался. Не всякаго, кто беретъ въ руки кисть и пестритъ полотно красками, можно назвать живописцемъ. Первые изъ этихъ опытовъ написаны мною еще въ такихъ лѣтахъ, когда охоту и способность легко писать принимаютъ за геній. А относительно всего, что только есть сноснаго въ моихъ послѣдующихъ драмахъ, я очень твердо знаю, что всѣмъ этимъ я обязанъ исключительно собственному критическому размышленію. Я не чувствую въ себѣ живаго источника, который бьетъ черезъ край собственной силой, собственною силою рвется на свѣтъ богатыми, свѣжими, чистыми струями. Я долженъ все выжимать, вытягивать изъ себя усиліемъ. Я былъ бы совершенно бѣденъ, холоденъ, если бы не научился, такъ сказать, пользоваться чужими сокровищами, согрѣваться у чужаго огня и изощрять мое зрѣніе очками критики. Потому-то я всегда стыдился или досадовалъ, когда читалъ или слышалъ что нибудь въ осужденіе критики, когда слышалъ, что она убиваетъ геній,—вѣдь я, напротивъ, льстилъ себя мыслью, что она даетъ мнѣ нѣчто очень близкое къ генію. Я хромой, которому нельзя угодить насквилемъ на клюку. Но хотя и правда, что клюка помогаетъ хромому ходить, скороходомъ она никогда не сдѣлаетъ его. Такъ и критика. Если я при помощи ея произвожу нѣчто лучшее, нежели произвелъ бы человѣкъ съ моими талантами безъ критики, то, надобно прибавить, это стоитъ мнѣ труда, я долженъ быть совершенно свободенъ отъ другихъ дѣлъ, не долженъ разсѣяваться непроизвольными развлеченіями, долженъ на каждомъ шагу соображать всѣ свои наблюденія надъ характерами и страстями“.

Мы впослѣдствіи увидимъ, что эти слова, сказанныя съ цѣлью объяснить, почему онъ не писалъ каждый годъ по нѣскольку драмъ, какъ было ему хотѣлось при основаніи „Драматургіи“.—увидимъ, что эти слова имѣютъ вовсе не такой смыслъ, чтобы отнимать у Лессинга поэтическій талантъ: поэтическаго таланта, безъ сомнѣнія, было у него не меньше, нежели у кого нибудь изъ нѣмецкихъ поэтовъ, кромѣ Гёте и Шиллера, далеко превосходившихъ его въ этомъ отношеніи,—онъ только хотѣлъ сказать, что натура его вовсе не такова, какъ натура людей, созданныхъ исключительно быть поэтами, подобно Шекспиру или Байрону; что у него творчество слишкомъ слабо въ сравненіи съ силою вкуса и мысли и дѣйствуетъ не самопроизвольно, какъ у Шекспира или въ народной поэзіи, а только по внушенію и подъ вліяніемъ обсуждающаго ума. Но то остается безспорно, что поэтическій талантъ не былъ у Лессинга преобладающимъ даромъ натуры и вообще самъ по себѣ не могъ бы поставить его на ряду съ истинно великими поэтами. Словомъ, поэзія не была сильнѣйшимъ изъ его талантовъ.

А, между тѣмъ, и эта способность, имѣвшая только второстепенное значеніе въ его натурѣ, была достаточно велика, чтобы самыя первыя, можно сказать, ребяческія произведенія Лессинга тотчасъ же были замѣчены всѣми и пріобрѣли ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ тогдашней нѣмецкой литературѣ, въ противность обыкновенному порядку, по которому почетное имя и уваженіе критики пріобрѣталось только многолѣтнимъ трудомъ, вмѣстѣ съ сѣдинами и важными мѣстами въ гражданскомъ обществѣ. То была пора, отчасти подобная нравамъ русскаго литературнаго міра до Пушкина. Молодой человѣкъ старался попасть подъ покровительство заслуженнаго литератора,—тотъ вводилъ его въ общество писателей, уже двадцать-тридцать лѣтъ пользовавшихся славою нѣмецкихъ Гомеровъ, Корнелей и Анакреоновъ. Эти съ важнымъ видомъ слушали произведенія новичка, поправляли ихъ, одобряли ихъ, такъ продолжалось десять, пятнадцать лѣтъ, и только состарѣвшись, въ свою очередь, бывшій новичокъ дѣлался знаменитымъ писателемъ.

Лессингъ, двадцатилѣтній юноша, не примыкавшій ни къ какому литературному обществу, не считавшій нужнымъ познакомиться ни съ однимъ изъ знаменитыхъ тогдашнихъ поэтовъ или критиковъ, съ перваго же раза пріобрѣлъ громкую извѣстность своими анакреонтическими одами и комедіями. Пѣсни его печатались въ журналахъ, издававшихся Миліусомъ: „Развлеченіе“ (Ermunterungen) и „Натуралистъ“ (Naturforscher); пьесы были написаны для труппы г-жи Нейбергъ, потомъ перешли и на другія нѣмецкія сцены. Мы не будемъ перечислять ни этихъ пѣсенъ, ни даже этихъ комедій: онѣ теперь, по всей справедливости, не читаются почти никѣмъ, кромѣ людей, занимающихся исторіею литературы, хотя въ свое время надѣлали шуму и были единогласно превозносимы всѣми критиками, какъ лучшія въ своемъ родѣ произведенія нѣмецкой литературы.

Такъ, напримѣръ, знаменитый профессоръ Михаэлисъ, тогда писавшій въ „Геттингенскихъ Ученыхъ Извѣстіяхъ“, одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ критическихъ журналовъ, говорилъ объ анакреонтическихъ пѣсняхъ Лессинга: „Если чьи нибудь лирическія пьесы были читаны нами съ восхищеніемъ, то, конечно, лессинговы. Рецензентъ не бываетъ наклоненъ къ

увлеченію, но онѣ заставили насъ забыть обо всемъ, бросить всякую другую работу"... и т. д. „Іенскія Ученыя Извѣстія" объявляли, что эти пѣсни должны быть поставлены на ряду съ первоклассными созданіями всѣхъ литературъ. То же самое говорили и объ его пьесахъ. Даже за границу проникла его слава: итальянскіе и французскіе журналы, когда случалось имъ перечислять лучшихъ нѣмецкихъ писателей, непремѣнно упоминали и о Лессингѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Столкновеніе съ Вольтеромъ.—Дѣло съ Ланге.—Дѣло съ Іохеромъ.—Vademecum для г. Ланге.—Лессингъ становится выше всякихъ подозрѣній.—Онъ становится страшенъ, какъ критикъ.—Николаи.—Мендельсонъ.—Отношенія Лессинга, какъ саксонца, къ пруссакамъ во время Семилѣтней войны.—Возвращеніе въ Берлинъ.

Житейское положеніе Лессинга въ Берлинѣ сначала было очень незавидно,—мы видѣли, какъ онъ жалуется на недостатокъ порядочнаго платья; въ другомъ письмѣ, онъ говоритъ, что имѣетъ обѣдъ въ полтора гроша (6 коп. сер.)—при всей возможной дешевизнѣ тогдашняго Берлина, обѣдъ не могъ быть роскошенъ. Предложеніе заняться исправленіемъ латинскаго перевода огромной д'Эрблотовой „Восточной Библіотеки" за 200 талеровъ въ вознагражденіе этой работы, требовавшей годичнаго труда, онъ выставляетъ въ письмахъ къ отцу предложеніемъ выгоднымъ для себя: оно и дѣйствительно было выгодно по его тогдашнимъ обстоятельствамъ: въ другихъ случаяхъ, какъ видно изъ писемъ, дѣло шло о талерахъ и десяткахъ талеровъ, никакъ не болѣе. Тѣмъ не менѣе, берлинская жизнь была пріятна ему, при всѣхъ недостаткахъ. Онъ пріобрѣлъ довольно много знакомствъ, сблизился съ людьми, которые могли быть полезны ему въ будущемъ, надѣялся на литературные успѣхи, ожидалъ, что дѣла его скоро поправятся. Но отецъ и мать настаивали, чтобъ онъ продолжалъ ученую карьеру: ученому пастору было обидно за сына, который все еще имѣетъ званіе только кандидата медицины, было грустно думать о томъ, что у него нѣтъ никакихъ вѣрныхъ средствъ къ обезпеченію своего существованія,—литературу старикъ справедливо считалъ очень небогатымъ и вовсе недостаточнымъ источникомъ доходовъ. Не знаемъ, послушался ли бъ Лессингъ убѣжденій отца держать экзаменъ на высшія ученыя степени, съ цѣлью получить университетскую каѳедру, — но встрѣтилось обстоятельство, которое неожиданнымъ и нимало не пріятнымъ образомъ помогло исполненію отцовскаго желанія.

Однимъ изъ первыхъ знакомыхъ Лессинга въ Берлинѣ былъ французъ Ришье де-Лувенъ, человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, если не съ геніальнымъ умомъ *). Положеніе обоихъ было почти одинаково, по лѣтамъ они были сверстники, и скоро стали близкими друзьями. Правда, часто сердился Ришье на Лессинга, когда тотъ не курилъ ѳиміама французской литературѣ, не хотѣлъ называть Лафонтена величайшимъ баснописцемъ, а Корнеля и Расина

*) Разсказъ Карла Лессинга.

величайшими трагиками въ мірѣ; но все-таки оставались они добрыми пріятелями, и изъ дружескихъ разговоровъ Ришье на столько познакомился съ нѣмецкою литературою, что въ обществѣ могъ являться защитникомъ нѣмецкой литературы,—что всего забавнѣе, противъ нѣмцевъ.

Въ 1750 году, Ришье, прежде жившій уроками французскаго языка, сдѣлался секретаремъ у Вольтера, и черезъ три-четыре недѣли имѣлъ случай рекомендовать своего пріятеля знаменитому писателю. Случай этотъ былъ такого рода: Вольтеръ искалъ человѣка, который бы могъ переводить на нѣмецкій языкъ меморіалы, которые писалъ Вольтеръ противъ еврея Гирша, по поводу своего извѣстнаго процесса съ этимъ жидомъ изъ-за квитанцій саксонскихъ налоговъ, которыми торговали тогда, какъ нынѣ акціями торговыхъ компаній. Кто былъ правъ, кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ, разбирать мы не будемъ, довольно сказать, что процессъ надѣлалъ въ то время много шуму, раздражительный Вольтеръ велъ его съ ожесточеніемъ, и чрезвычайно хлопоталъ объ успѣхѣ. Какъ писатель, Лессингъ, конечно, былъ ему вовсе неизвѣстенъ,—но какъ переводчикъ его меморіаловъ противъ Гирша, онъ сталъ для него человѣкомъ очень интереснымъ, и Вольтеръ пригласилъ молодаго человѣка обѣдать у него каждый день; они говорили о литературѣ и наукахъ, но Вольтеръ сохранялъ при этомъ всегда такой сдержанный и серьезный тонъ, что собесѣдникамъ было мало возможности обнаруживать свой умъ: только при знатныхъ Вольтеръ давалъ просторъ своему острому языку, какъ тѣ музыканты, которые даютъ концерты при дворахъ и въ аристократическихъ залахъ, и не находятъ нужды играть передъ своими собратами. Такъ продолжалось нѣсколько недѣль. Въ февралѣ 1751 года, процессъ кончился и Вольтеръ уѣхалъ въ Потсдамъ, гдѣ и кончилъ „Siècle de Louis XIV“. Когда въ декабрѣ возвратился онъ въ Берлинъ, Лессингъ снова посѣтилъ своего друга Ришье, и засталъ его въ хлопотахъ съ этимъ только-что отпечатаннымъ сочиненіемъ. Вольтеръ хотѣлъ поднесть королевской фамиліи двадцать-четыре экземпляра своей книги, прежде, нежели поступитъ она въ продажу. Конечно, для подарка нужно было отобрать лучшіе экземпляры, и услышавъ, что это дѣло не терпитъ задержки, Лессингъ сталъ помогать своему пріятелю въ подборѣ лучшихъ оттисковъ. Ришье, въ благодарность за услугу, обѣщался дать ему на нѣсколько дней для прочтенія первую часть сочиненія, если онъ успѣетъ собрать ее изъ дефектныхъ листовъ. Составивъ нужные для Вольтера экземпляры, успѣли друзья собрать изъ дефектныхъ листовъ для Лессинга всю первую часть, за исключеніемъ одного листа, который Лессингъ прочиталъ тутъ же по другому экземпляру, а найденные листы взялъ съ собою, давъ слово, что не покажетъ ихъ никому и возвратитъ черезъ три дня. На другой день, когда вся первая часть была уже прочитана Лессингомъ, навѣстилъ его нѣкто Дрексель, молодой человѣкъ, родомъ также изъ Саксоніи, служившій гувернеромъ у Шуленбурга, и выпросилъ книгу на нѣсколько часовъ себѣ. На бѣду, въ это самое время пріѣхала съ визитомъ къ г-жѣ Шуленбургъ графиня Бентинкъ, пользовавшаяся особенною дружбою Вольтера. Хотѣлъ ли Дрексель щегольнуть передъ дамами литературною новостью, или дамы сами, зашедши въ его комнату, увидѣли книгу, какъ бы то ни было, онѣ увидѣли книгу. А

графиня Бентинкъ уже просила у Вольтера экземпляръ его новаго сочиненія, но Вольтеръ отказалъ ей, говоря, что прежде долженъ поднести его королевской фамиліи. Тотчасъ же поѣхала она къ Вольтеру, и разсказала ему, что книга уже есть у Дрекселя, который получилъ ее отъ Лессинга. Вольтеръ вышелъ изъ себя отъ гнѣва, позвалъ своего секретаря, началъ бранить его, и тотчасъ же отправилъ его къ Лессингу взять назадъ книгу,— книга была уже возвращена Дрекселемъ Лессингу, но, къ несчастью, Лессинга не было дома, когда пріѣхалъ къ нему Ришье. Бѣдный секретарь воротился въ унынiи, извиняясь этимъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ. Вольтеръ не хотѣлъ ничего слушать, бѣсился и бранился, крича на Ришье, что онъ и Лессингъ украли у него полный экземпляръ (хотя по счету видно было, что Ришье отдалъ только дефектные листы одной первой части), что они хотятъ сдѣлать перепечатку его сочиненія, или издать его нѣмецкій переводъ, право на который было уже продано книгопродавцу Геннингу. Жестоко браня своего секретаря, онъ заставилъ его подъ свою диктовку написать къ Лессингу письмо, наполненное грубыми или ядовитыми выходками и несправедливыми подозрѣніями, какъ видно, по отвѣту Лессинга,— это письмо затеряно, но отвѣтъ Лессинга, написанный по-французски, сохранился. Лессингъ понялъ, что письмо Ришье продиктовано раздраженнымъ Вольтеромъ, и потому, возвращая книгу, безъ всякихъ колкостей въ отвѣтъ на грубости письма, доказывалъ только, что никогда не имѣлъ намѣренія употребить во зло довѣрчивости своего друга, котораго оправдывалъ совершенно, принимая всю неловкость поступка исключительно на себя: онъ зналъ, что это письмо будетъ прочтено Вольтеромъ, и хотѣлъ помочь своему пріятелю, котораго своею неосторожностью поставилъ въ невыгодное положеніе. Но уже поздно было помогать злополучному секретарю знаменитаго автора: Вольтеръ тотчасъ же, какъ Ришье написалъ письмо, прогналъ его отъ себя, и въ нетерпѣніи написалъ самъ Лессингу другое письмо, въ которомъ, льстя Лессингу различными обѣщаніями, лишь бы только выманить изъ его рукъ драгоцѣнную книгу, называлъ своего секретаря плутомъ, воромъ и т. п., негодяемъ, который обманулъ Лессинга, выставивъ ему позволительнымъ дѣломъ переводъ или перепечатку, выгодами которой, конечно, хотѣлъ воспользоваться самъ, употребляя Лессинга только орудіемъ своей продѣлки. Книга, съ прежнимъ отвѣтомъ на имя Ришье, была уже отправлена Лессингомъ въ домъ Вольтера, когда получено имъ было это второе письмо. Теперь, видя, что дѣло Ришье уже потеряно, Лессингъ не имѣлъ надобности щадить Вольтера, и написалъ прямо на его имя другой отвѣтъ, на латинскомъ языкѣ, которымъ выражался онъ свободнѣе, нежели французскимъ,—отвѣтъ былъ такого рода, что, по выраженію самого Лессинга, Вольтеръ не сталъ бы „выставлять его у окна на показъ“,— къ сожалѣнію, отвѣтъ этотъ не сохранился, и неизвѣстно даже, дошелъ ли онъ до Вольтера, который сберегъ только первый, французскій отвѣтъ, а о второмъ не упоминаетъ.

Ришье мало проигралъ, потерявъ мѣсто у Вольтера: онъ нашелъ себѣ другую, болѣе выгодную должность,— изъ этого надобно заключить, что его репутація не пострадала отъ нелѣпаго подозрѣнія Вольтера: въ самомъ дѣлѣ, даже тѣ люди, которые считали предположеніе Вольтера о переводѣ

или перепечаткѣ его книги справедливымъ, могли приписывать такое намѣреніе только Лессингу, а никакъ не Ришье. И, дѣйствительно, многіе обвиняли Лессинга. Вольтеръ поднялъ страшный шумъ,—Вольтеръ, пользовавшійся милостью Фридриха II, глава французской литературы, обожаемый тогда всѣми свѣтскими людьми въ Германіи, конечно, скорѣе заслуживалъ довѣрія, нежели нищій кандидатъ медицины. Въ Берлинѣ распространились толки, нимало не выгодные для Лессинга,—и, подъ вліяніемъ этой непріятности, онъ рѣшился послушаться отцовскаго желанія,—уѣхать въ Виттенбергъ, чтобы держать тамъ экзаменъ на магистра*).

Тамъ ожидали его новыя непріятности. Къ бѣдности онъ уже привыкъ; но все-таки въ Виттенбергѣ было ему очень тяжело: въ Берлинѣ онъ успѣлъ уже нѣсколько опредѣлить свое положеніе и составить нѣкоторыя, хотя еще незначительныя связи съ книгопродавцами, отъ которыхъ тогда совершенно зависѣла судьба нѣмецкихъ писателей,—тамъ онъ если и нуждался, порою очень нуждался, то, по крайней мѣрѣ, имѣлъ каждый день обѣдъ,—правда и то, что обѣдъ былъ не роскошенъ. Но въ Виттенбергѣ часто и того не бывало,—иной день обходился, судя по словамъ брата, и безъ всякаго обѣда, роскошнаго или нероскошнаго. А между тѣмъ, Лессингъ работалъ страшно много,—не для приготовленія къ магистерскому экзамену, что, конечно, не требовало со стороны его особеннаго труда, а для того, чтобъ имѣть насущный кусокъ хлѣба: онъ по прежнему переводилъ, писалъ статьи во всевозможныхъ родахъ, издавалъ (т. е. продавалъ книгопродавцамъ за

---

*) Представимъ здѣсь примѣръ того, какъ велико было безпристрастіе Лессинга въ его критической дѣятельности. Оскорбленіе, нанесенное Лессингу подозрѣніемъ Вольтера, было очень велико: Вольтеръ на нѣкоторое время запятналъ его честность во мнѣніи многихъ,—заставилъ его,—что всего мучительнѣе для благороднаго человѣка,—считать себя причиною непріятности, отъ которой пострадалъ его другъ. Удаленіе изъ Берлина, конечно, разстроило многіе планы и надежды Лессинга. Черезъ годъ, вскорѣ по возвращеніи Лессинга въ Берлинъ изъ Виттенберга, гдѣ онъ, по милости Вольтера, терпѣлъ страшную нужду, пришлось Лессингу писать рецензію о драмѣ Вольтера,—и вотъ какова эта рецензія:

„Amalie, ou le Duc de Fois, tragédie de m-r de Voltaire etc. Хвалить Вольтера такъ же излишне, какъ бранить Ганке (а). Генію дана власть все, что пишетъ онъ, писать превосходно:

Was ihn bewegt, bewegt, was ihm gefällt, gefällt.
Sein glücklicher Geschmack ist der Geschmack der Welt.

(Что трогаетъ его, трогаетъ всѣхъ; что нравится ему, нравится всѣмъ. Его счастливый вкусъ—вкусъ всей публики). О, какой это поэтъ! И въ старости сохранилъ онъ весь жаръ юности, какъ въ юности онъ, кажется, впередъ пріобрѣлъ себѣ всю мудрость старости.

„Сюжетъ пьесы взятъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ,—не будемъ пересказывать его, потому что не хотимъ отнимать у читателей наслажденія, которое доставляется въ чтеніи неизвѣстностью развязки, и замѣтимъ только, что „Амалія“—драма безъ кровопролитія; она можетъ служить поучительнымъ примѣромъ того, что трагическое состоитъ не въ одной только рѣзнѣ. Какія ситуаціи, какой драматизмъ въ чувствахъ! Скажемъ смѣло, въ этой трагедіи авторъ превзошелъ самого себя“.

Такъ говорилъ Лессингъ о произведеніи писателя, который, какъ человѣкъ, грубо и пошло оскорбилъ его, какъ человѣка. Тутъ нѣтъ никакого слѣда личной непріятности, которою былъ оскорбленъ авторомъ критикъ. Одного этого примѣра было бы достаточно, чтобы судить о томъ, какая безконечная разница была между критикою Лессинга и рецензіями, пасквилями и панегириками готтшедіанцевъ и бодмеріанцевъ, гдѣ сущность дѣла исключительно состояла въ томъ, чтобы тѣшить собственное самолюбіе.

(а) Плохой поэтъ Готтшедовой школы.

нѣсколько талеровъ) различные сборники своихъ статей и т. д. Той цѣли, о которой наименѣе заботился, Лессингъ достигъ безъ затрудненій,—онъ сдѣлался магистромъ, и тѣмъ отчасти утѣшилъ отца,—но другую задачу, самую настоятельную,—задачу объ обѣдѣ, онъ никакъ не могъ рѣшить въ Виттенбергѣ удовлетворительнымъ образомъ,—хотя бы не для вкуса, по крайней мѣрѣ, для желудка,—потому, пробывъ около года въ Виттенбергѣ, онъ возвратился (въ концѣ 1752 года) въ Берлинъ, гдѣ сталъ снова писать рецензіи для Фоссовой газеты,—дѣло, которымъ онъ обезпечивалъ свой скудный столъ и до отъѣзда въ Виттенбергъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, принялся онъ и за изданіе собранія своихъ сочиненій, которыхъ въ теченіе двухъ слѣдующихъ годовъ (1753 и 1754) вышли четыре части. Изданіе это было принято, какъ мы видѣли, независимыми отъ Готтшеда журналами съ большимъ одобреніемъ, публикою съ живымъ сочувствіемъ,—лирическія стихотворенія и драматическія пьесы Лессинга были немедленно причислены къ „лучшимъ украшеніямъ германскаго Парнасса“, и авторъ ихъ признанъ „однимъ изъ писателей, приносящихъ славу своему отечеству“. Для другаго это значило бы очень много: мы уже говорили, какою необыкновенною честью должно считаться, что публика и журнальные аристархи, привыкшіе преклоняться только передъ литературною престарѣлостью, съ перваго раза почувствовали необходимость сравнять юношу (Лессингу было тогда 24 года) съ ветеранами литературной славы. Но для Лессинга этотъ успѣхъ былъ бы очень ничтоженъ,—да и для нѣмецкой литературы было бы немного сдѣлано Лессингомъ, если бы онъ сталъ пользоваться только честью „быть однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени“—мы видѣли во второй статьѣ, каковы были эти тогдашніе „лучшіе писатели“. Но въ то же время, какъ они признавали Лессинга равнымъ себѣ, думая тѣмъ оказывать ему необыкновенную честь, онъ дѣлалъ для нѣмецкой литературы нѣчто болѣе важное, нежели его пѣсни и первыя пьесы, и пріобрѣталъ извѣстность болѣе громкую, нежели тѣ писатели, имена которыхъ были наиболѣе славны: онъ далъ новую жизнь нѣмецкой критикѣ, и, обнаруживъ недостаточность того, чѣмъ довольствовались публика и литераторы до него, возбуждалъ въ публикѣ потребность лучшей литературы, указывалъ литераторамъ необходимость быть инымъ людьми, нежели каковы были они до сихъ поръ, писать не то, и не такъ, что и какъ писали они до сихъ поръ.

Съ самаго начала сужденія Лессинга были независимы отъ духа партій, которыя безплодно ссорились изъ-за удовлетворенія личнымъ тщеславіямъ. Бодмеръ и Готтшедъ были равны въ его глазахъ, и если онъ возставалъ противъ Готтшеда чаще, нежели противъ Бодмера, причиною тому было не предпочтеніе швейцарцевъ саксонцамъ, а то обстоятельство, что Готтшедъ, по своему личному характеру, болѣе заслуживалъ негодованія, безстыднѣе интриговалъ въ литературѣ, нежели Бодмеръ, и пошлымъ образомъ возставалъ противъ всего даровитаго въ литературѣ, особенно противъ Клопштока, котораго достоинства признавались швейцарцами. Но и швейцарцы не были нимало щадимы Лессингомъ. Скоро поднялись противъ новаго критика вопли отъ всѣхъ тщеславныхъ писателей, пустоту славы которыхъ онъ разоблачалъ. Но вся полемика, ими поднятая противъ Лессинга,

послужила только къ увеличенію его извѣстности. Мы разскажемъ изъ этихъ случаевъ только два, надѣлавшіе особеннаго шума.

Въ Галле находился кружокъ литераторовъ, состоявшихъ въ союзѣ съ Бодмеромъ противъ Готтшеда; главою этого кружка,—такъ называемой галлесской школы, былъ Ланге, пользовавшійся громкою славою за свои „Горацiанскія Оды“—анакреонтическія стихотворенія, написанныя въ подражаніе Горацію. За исключеніемъ готтшедіанцевъ, находившихся во враждѣ съ этою литературною партіею, всѣ чтили Ланге, какъ одно изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ на горизонтѣ нѣмецкой поэзіи. На самомъ же дѣлѣ, онъ, подобно другимъ тогдашнимъ свѣтиламъ, былъ человѣкъ съ довольно-ограниченнымъ умомъ, посредственнымъ талантомъ, безмѣрнымъ самоноклоненіемъ, и въ добавокъ, точно также, какъ остальные члены его школы — Мейеръ, Глеймъ, Ваверъ, Зульцеръ, Гирцель и его другъ Пира, развилъ въ себѣ сладостнѣйшую приторность въ дружбѣ, то есть въ дѣлахъ взаимнаго восхваленія. Всѣ они плакали отъ дружескаго восторга при свиданьяхъ, цаловались лично и письменно безчисленное множество разъ, и вообще имѣли чувства, совершенно маниловскія. Стихотворенія Пиры и Ланге были даже соединены Бодмеромъ (безъ вѣдома авторовъ -сладкій дружескій сюрпризъ) въ одну книжку (символъ единства ихъ сердецъ), подъ трогательнымъ заглавіемъ „Дружественныя пѣсни Тирсиса и Дамона“ *). Эти пѣсни также пользовались большою славою. Пира ставилъ своего друга на ряду съ Мильтономъ. По смерти Пиры, онъ, ставъ единственнымъ корифеемъ школы, сдѣлался предметомъ еще безпредѣльнѣйшаго восхваленія. Жена его, которой дали въ поэтическомъ кругу имя Дорины, прославилась уже тѣмъ, что писала подражанія стихотвореніямъ мужа. Превознесенный за подражанія Горацію, Ланге вздумалъ наконецъ перевесть его оды; объявленія о томъ, что великій поэтъ предпринялъ этотъ прекрасный трудъ, были сдѣланы заранѣе, а въ 1752 году напечатанъ былъ и переводъ. Тутъ постигла его неожиданная бѣда.

Во второй части своихъ сочиненій Лессингъ напечаталъ рядъ писемъ, содержаніемъ которыхъ были изслѣдованія о старинной литературѣ, разборы нѣкоторыхъ новыхъ книгъ и т. д. Въ двадцать четвертомъ письмѣ дѣло шло о переводѣ горацiевыхъ одъ Ланге, и сужденіе критика было очень неблагопріятно для знаменитаго автора.

„Вы, безъ сомнѣнія, помните,—говорилъ Лессингъ въ своемъ письмѣ какому-то г-ну Ф., на имя котораго было оно адресовано, — какъ высоко уважалъ я всегда „Горацiанскія оды“ и ихъ автора, г. Ланге. Я всегда считалъ его однимъ изъ главнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣщаннаго имъ перевода Горація. Наконецъ, переводъ явился, и я, можно сказать, не прочиталъ, а проглотилъ его. До сихъ поръ не могу еще оправиться отъ изумленія, въ которое онъ меня при-

*) Мы не прикрашиваемъ заглавія: Thirsis und Damons freundschaftliche Lieder (1745) –это восхитительно, но мы можемъ противоставить иноземному прекрасному свое, не менѣе прелестное: „Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца“. Рындовскаго (1809); „Вздохи сердца“ (1728), къ сожалѣнію, безъ имени автора, „Цвѣты Грацій“ князя Шаликова –(1802) и извѣстные „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“ и „Бытіе моего сердца“. „Прелести дѣтства и удовольствія материнія любви“ Андрея Стахіева, къ несчастію, не могутъ быть предметомъ нашей гордости, потому что переведены съ французскаго.

велъ. Но — увы! изумленіе мое было вовсе не такого рода, какъ я надѣялся, — не изумленіе отъ чрезвычайныхъ красотъ, а изумленіе отъ чрезвычайныхъ ошибокъ. Первый же взглядъ, упавшій на четырнадцатую ѳду пятой книги, — на этомъ мѣстѣ раскрылся переводъ,—привелъ меня въ ужасъ".

Дѣло въ томъ, что Ланге часто не понималъ подлинника, и, напримѣръ, въ этой одѣ pocula somnum ducentia — „чаши, наводящія сонъ" — переводитъ „двѣсти чашъ сна" — воображая, что ducentia (наводящія) все равно, что ducenta (двѣсти).

Въ самомъ дѣлѣ, ошибка эта чрезвычайно груба.

„Просмотрѣвъ книгу, продолжаетъ Лессингъ, я на каждой страницѣ замѣтилъ подобные промахи, и результатъ этихъ замѣтокъ былъ таковъ: г. Ланге, утверждающій, что девять лѣтъ занимался этимъ трудомъ, потерялъ девять лѣтъ; и совершенно непостижимо, какимъ образомъ могъ онъ счастливо подражать Горацію, не понимая его. Въ подтвержденіе такого сужденія, критикъ приводитъ десятка полтора другихъ грубыхъ промаховъ переводчика, и оканчиваетъ: „Благодарите меня, что я не наскучаю вамъ гораздо большимъ числомъ такихъ вещицъ. Но и этихъ довольно, чтобы покачать головою надъ словами человѣка, хвалящагося въ предисловіи тѣмъ, что хотѣлъ дать буквальный и вѣрный переводъ. Силенъ ли, поэтиченъ ли, гладокъ ли, обладаетъ ли какимъ нибудь другимъ достоинствомъ этотъ переводъ, пусть рѣшаютъ другіе, а я не знаю, какъ искать въ немъ какого нибудь достоинства".

Можно вообразить себѣ гнѣвъ знаменитаго поэта!—онъ отвѣчалъ критику,—но, къ своему величайшему несчастію, хотѣлъ изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное, и, не ограничиваясь опроверженіемъ замѣчаній Лессинга, набросить тѣнь на его характеръ, выставивъ, что строгость Лессинга — слѣдствіе неудачи его своекорыстныхъ ожиданій. Письмо Лессинга было перепечатано въ „Гамбургскомъ Корреспондентѣ", и Ланге напечаталъ „Письмо къ автору статьи о переводѣ Горація, помѣщенной въ Гамбургскомъ Корреспондентѣ". Тутъ говорилось, что черезъ одного общаго знакомаго Лессингъ предлагалъ Ланге не печатать замѣчаній, если Ланге дастъ ему за то извѣстную сумму, но что Ланге не согласился платить дань журнальному крикуну, и за то Лессингъ озлобился противъ него.

На самомъ дѣлѣ, случай, который Ланге выставлялъ въ такомъ дурномъ видѣ, произошелъ слѣдующимъ образомъ. Въ мартѣ 1752 года, когда жилъ въ Виттенбергѣ, Лессингъ познакомился съ галлесскимъ профессоромъ Николаи *), который проѣздомъ посѣтилъ Виттенбергъ. По возвращеніи Николаи въ Галле, они стали переписываться между собою. Въ первомъ же письмѣ, Лессингъ говорилъ, между прочимъ, что прочелъ переводъ Горація, сдѣланный Ланге, нашелъ въ немъ большія ошибки, и хочетъ указать ихъ въ какой нибудь газетѣ. Николаи, бывшій близкимъ другомъ Ланге, заботясь о литературной славѣ своего друга, отвѣчалъ Лессингу: „Я не совѣтовалъ бы никому, намѣревающемуся жить въ прусскихъ владѣніяхъ, нападать на г. Ланге, потому что онъ пользуется силою при дворѣ. Но я знаю его за человѣка, который слушается добрыхъ совѣтовъ, когда ему хорошенько объяснятъ дѣло. Потому надобно бы объяснить ему эти ошибки. Я

*) Этого галлескаго Николаи не должно смѣшивать съ извѣстнымъ берлинскимъ писателемъ книгопродавцемъ Николаи, съ которымъ Лессингъ познакомился черезъ два года.

думаю, не предложить ли ему самому быть издателемъ написанныхъ вами противъ него замѣчаній, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ воспользоваться вашими поправками при новомъ изданіи своей книги, или отдѣльно напечатать ихъ. Конечно, онъ долженъ при этомъ заплатить автору ихъ гонорарій, какъ вообще издатель платитъ автору за рукопись". Въ своемъ отвѣтѣ, Лессингъ деликатнымъ образомъ отклонялъ предложеніе Николаи быть посредникомъ между нимъ и Ланге; ему непріятно было, что Николаи считаетъ его такимъ корыстолюбивымъ человѣкомъ, который за деньги откажется отъ намѣренія печатать статью — онъ хотѣлъ, чтобы Николаи не навязывался болѣе съ своимъ посредничествомъ, котораго Лессингъ вовсе не желалъ, и, дѣйствительно, онъ не послалъ своихъ замѣчаній въ рукописи ни къ Ланге, ни къ Николаи — ясное доказательство того, что онъ вовсе не намѣренъ былъ имѣть сношеній съ Ланге и не хотѣлъ пользоваться предложеніемъ Николаи. Но Николаи сообщилъ Ланге о томъ, что писалъ ему Лессингъ, и о своемъ предложеніи Лессингу, замѣчая впрочемъ, что ни въ какомъ случаѣ Лессингъ не откажется напечатать своихъ замѣчаній.

Этимъ случаемъ воспользовался Ланге, чтобы, отвѣчая на замѣчанія Лессинга, прибавить, что онъ продажный Зоилъ, заставляющій авторовъ откупаться деньгами отъ его нападеній.

Лессингъ вознегодовалъ, прочитавъ гнусное обвиненіе, возведенное на него Ланге, и рѣшился отвѣчать ему такъ, чтобы надолго остался памятенъ въ литературѣ этотъ отвѣтъ; — рѣшеніе это не было только слѣдствіемъ оскорбленнаго чувства,—позднѣе, во время полемики съ Клоцемъ, Лессингъ говорилъ о своихъ страшныхъ возраженіяхъ: „много горячихъ словъ я употребилъ, но ни одного изъ нихъ не сказалъ только по увлеченію—нѣтъ, именно каждое изъ нихъ надобно было сказать, и каждое оставлено на своемъ мѣстѣ по холодному, безпристрастному убѣжденію, что польза литературы и справедливость того требуютъ". Такъ было и теперь. Лессингу необходимо было безпощаднымъ образомъ доказать совершенную основательность своего прежняго приговора о переводѣ Ланге, чтобы не оставалось ни въ комъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не увлекался какими нибудь личными отношеніями, объявляя этотъ переводъ плохимъ; онъ долженъ былъ неумолимо наказать человѣка, взводившаго подозрѣнія на чистоту его характера, чтобъ отнять у другихъ охоту слѣдовать примѣру Ланге. — это было тѣмъ необходимѣе, что ужь не въ первый разъ литературныя замѣчанія его подавали поводъ къ подобной клеветѣ, совершенно такой же случай былъ съ нимъ по поводу замѣчаній на словарь Йохера.

„Словарь Ученыхъ" (Gelehrtenlexicon) Йохера—произведеніе громадной учености и ужасающаго трудолюбія,— работа, по достоинству и громадности подобная греческому словарю Генриха Стефана, словарямъ средневѣковаго латинскаго и средневѣковаго греческаго языка Дюканжа, латинской и греческой библіотекамъ Фабриція, библіографическимъ словарямъ Эберта и Керара. Страшно и подумать о томъ, сколько жизни и знанія, сколько терпѣнія и труда нужно было употреблять каждому изъ этихъ знаменитыхъ ученыхъ, чтобы дать наконецъ наукѣ „сокровище", какъ и назвалъ свой словарь Генрихъ Стефанъ. За то дѣйствительно можно назвать подобныя

работы „сокровищами науки“ — онѣ навѣки остаются необходимыми справочными книгами для всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей. И когда, съ теченіемъ времени, съ накопленіемъ новыхъ фактовъ, необходимы бываютъ новыя дополненныя изданія подобныхъ трудовъ, цѣлыя общества ученыхъ соединяются для совершенія столь исполинскаго дѣла,—такъ недавно дѣлалось сотрудничествомъ почти всѣхъ филологовъ западной Европы новое изданіе греческаго словаря Генриха Стефана.

Странно, неправдоподобно дѣло, предпринятое Лессингомъ, когда явился „Словарь Ученыхъ“ Йохера. Разсматривая его, онъ вздумалъ издать пополненія и поправки къ этому гигантскому труду, — работа, требующая столько же учености и труда, какъ и самое составленіе „Словаря“. Лессингъ былъ въ то время двадцати-трехлѣтнимъ юношею; послѣднія четыре или пять лѣтъ, юноша провелъ въ томъ, что писалъ комедіи, стихотворенія, журнальныя статьи для своего пропитанія,—онъ былъ литературнымъ поденщикомъ,—не для науки, а для куска хлѣба онъ работалъ, — не о расширеніи знаній, а о томъ, какъ бы заработать себѣ полтора гроша на обѣдъ, надобно было ему думать,—ему ли быть приготовленнымъ къ совершенію труда, за который онъ брался? Когда онъ успѣлъ пріобрѣсти громадныя знанія, нужныя для того? Когда ему, нищему и полуголодному газетному чернорабочему, пишущему на срокъ статьи, переводящему французскія, испанскія англійскія книги для того, чтобы получить отъ книгопродавца по двадцати или тридцати талеровъ за переводъ тома, —когда ему писать эти дополненія и поправки, въ которыхъ каждая строка—результатъ разысканій, въ которыхъ для одной цифры, для одного слова нужно часто перерыть цѣлую библіотеку?

Когда и какъ онъ успѣлъ это сдѣлать, когда успѣлъ пріобрѣсть громадную ученость, когда находилъ время для справокъ и изслѣдованій,—это было ужъ его дѣло; но какъ бы то ни было, двадцати-трехлѣтній юноша объявилъ о своемъ намѣреніи издать поправки и дополненія къ „Словарю Ученыхъ“ Йохера и при объявленіи, какъ образецъ своего труда, напечаталъ первые три листа его, обнимавшіе имена отъ Abaris до Acciajoli.

Йохеръ, прочитавъ эти поправки и дополненія, увидѣлъ, что въ своемъ молодомъ критикѣ имѣетъ достойнаго продолжателя, получилъ высокое уваженіе къ его учености и дружески просилъ Лессинга, вмѣсто того, чтобы печатать этотъ трудъ отдѣльно, сообщить свои матеріалы ему, Йохеру, который воспользуется ими при новомъ изданіи „Словаря Ученыхъ“, объяснивъ въ предисловіи участіе Лессинга въ улучшеніи этого труда. Лессингъ согласился на это предложеніе, передалъ Йохеру собранные имъ матеріалы, и получилъ за нихъ отъ книгопродавца, издававшаго „Словарь“, вознагражденіе, на которое имѣлъ право, какъ сотрудникъ Йохера въ приготовленіи новаго изданія *).

Отношенія Йохера къ Лессингу были дружелюбны и почетны для Лессинга. Своими замѣчаніями, онъ пріобрѣлъ глубокое уваженіе ученаго автора, трудъ котораго исправлялъ. Но въ кругу виттенбергскихъ недоброжелателей

*) По смерти Йохера эти матеріалы погибли.

Лессинга (сношенія съ Йохеромъ о матеріалахъ для исправленія его „Словаря“ происходили въ то время, какъ Лессингъ жилъ въ Виттенбергѣ) распространилась нелѣпая молва, что Лессингъ хотѣлъ запугать Йохера своею критикою, чтобы взять съ него деньги. Надобно припомнить еще исторію съ Вольтеромъ, принявшую также очень двусмысленный колоритъ по раздражительному крику знаменитаго философа, и мы поймемъ, какъ необходимо было Лессингу положить конецъ подобнымъ толкамъ, касавшимся его чести, когда Ланге вздумалъ кричать о низкомъ его своекорыстіи.

Въ дѣлѣ съ Вольтеромъ, Лессингъ не платилъ оскорбителю печатными возраженіями, чувствуя, что своею неосторожностью, дѣйствительно, подалъ ему поводъ къ подозрѣніямъ,—онъ, какъ бы въ наказаніе себѣ за эту неосторожность, рѣшился молчать, — его строгость къ самому себѣ вполнѣ проявилась этимъ молчаніемъ. Въ дѣлѣ Йохера, клевета ограничивалась изустными толками, не выражаясь печатно, и Лессингу не было еще возможности печатно опровергать ее. Но Ланге обвинялъ его печатно, относительно Ланге онъ не могъ винить себя ровно ни въ чемъ, ни даже въ какомъ нибудь мелочномъ формальномъ проступкѣ, и онъ отвѣчалъ Ланге. Отвѣтъ былъ страшенъ, онъ сдѣлалъ дерзкаго клеветника посмѣшищемъ въ нѣмецкой литературѣ, и до сихъ поръ считается образцомъ ѣдкой полемики.

Рецензіи „Фоссовой газеты“ не подписывались именами авторовъ; но когда былъ напечатанъ пасквиль Ланге, Лессингъ, увѣдомляя о появленіи этой клеветы, подписалъ свое извѣщеніе о брошюрѣ полнымъ своимъ именемъ:

„Сейчасъ получилъ я (сказано было въ „Фоссовой газетѣ“ 27 декабря 1753 г.) брошюру въ два печатныхъ листа, въ 8 д., подъ заглавіемъ: „*Письмо Самуэля Готтгольда Ланге къ редактору ученаго отдѣла Гамбургскаго Корреспондента, по поводу рецензіи перевода Горація, напечатанной въ №№ 178 и 179 этой газеты*“. Тутъ г. Ланге дѣлаетъ мнѣ честь, отвѣчая на мою критику, а себѣ безчестье, отвѣчая на нее невообразимо пошлымъ образомъ. Желая оправдать свои прежнія ошибки, онъ, что ни слово, дѣлаетъ новыя. Онѣ, кажется, состязаются о томъ, которая изъ нихъ сдѣлаетъ его болѣе смѣшнымъ, и достигаютъ своей цѣли такъ удачно, что нужно мнѣ подумать нѣсколько дней, чтобъ рѣшить, которой отдать пальму первенства. Но относительно одного пункта я поспѣшаю отвѣчать ему: чего я никогда не ожидалъ услышать отъ разумнаго человѣка, слышу отъ него, уже не въ первый разъ превосходящаго мои ожиданія своими подвигами. Онъ касается моего нравственнаго характера, до котораго, кажется, не нужно бы касаться въ дѣлѣ о грамматическихъ ошибкахъ. На 25-й страницѣ, онъ выставляетъ меня въ отвратительномъ свѣтѣ, выставляетъ меня критическимъ бандитомъ, который вынуждаетъ писателей откупаться отъ его ударовъ. Я могу отвѣчать на это только тѣмъ, что объявляю г. Ланге злостнымъ клеветникомъ, если онъ не представитъ доказательствъ обвиненію, взведенному на меня этою страницею. Пусть онъ докажетъ истину своихъ словъ—впрочемъ, я требую отъ него невозможнаго, а мнѣ слишкомъ не трудно доказать его лживость, и именно письмомъ того самаго „посредника“, на котораго онъ ссылается. Въ своемъ соотвѣтѣ, я представлю это письмо публикѣ, и тогда увидятъ, что предполагаемая г-мъ Ланге низость никогда не приходила мнѣ въ голову. А до того времени, остаюсь его покорнѣйшимъ слугою.

„Готтгольдъ Эфраимъ Лессингъ“.

Черезъ три недѣли, появилось знаменитое „Vademecum для г. Ланге“, имѣющее форму письма къ Ланге. „Милостивый государь (такъ начинаетъ

Лессингъ), не знаю, нужно ли мнѣ извиняться, что я безъ всякихъ околичностей обращаюсь съ своимъ отвѣтомъ прямо къ Вамъ. Но ужь у меня такая привычка. Когда я долженъ сказать что нибудь человѣку, то прямо и говорю это ему самому, хотя бы онъ и сердился за то. Эта привычка, какъ меня увѣряли, не дурна. Потому я и держусь ея.

„Отъ глубины сердца я стыжусь, что встрѣтилъ себѣ въ васъ жалкаго противника. Что Вы дѣйствительно жалкій противникъ, докажу я Вамъ въ первой части моего письма. А вторая часть докажетъ Вамъ, что, кромѣ незнанія, обнаружили Вы своей антикритикою очень пошлыя правила, яснѣе сказать, что Вы клеветникъ. Первая часть будетъ имѣть два подраздѣленія. Сначала я докажу, что защищаемыхъ Вами отъ моего осужденія мѣстъ Вашего перевода Вы не успѣли защитить, да и нельзя ихъ защитить. А потомъ я буду имѣть удовольствіе услужить Вамъ указаніемъ нѣкотораго количества новыхъ ошибокъ въ вашемъ переводѣ.

„Чтобы нѣсколько успокоить волненіе кипящей крови, милостивый государь, очень полезно Вамъ будетъ выпить стаканъ свѣжей ключевой воды, прежде нежели мы займемся дѣломъ. Такъ. Выпейте еще стаканъ. Теперь, начнемъ“.

Каламбуры, остроты всякаго рода сыплются на бѣднаго Ланге при разборѣ тѣхъ мѣстъ перевода, которыя онъ захотѣлъ защитить отъ упрека въ невѣрности. Ѣдкость насмѣшки постоянно соединена съ самою искреннею веселостью, —видно, что въ самомъ дѣлѣ борьба съ Ланге слишкомъ легка, не болѣе какъ забавна для его критика. О рѣзкости тона можно судить по началу. Но уже и тутъ замѣтна манера, которой впослѣдствіи постоянно слѣдовалъ Лессингъ: онъ умѣетъ, начиная съ какого нибудь неважнаго спора о значеніи латинскаго слова, придавать этому спору важность для науки, переходя эпизодически къ объясненію того или другаго серьезнаго вопроса науки, и его споръ съ Ланге усѣянъ замѣчаніями, которыя важны для классической филологіи, для латинскихъ и греческихъ древностей, для исторіи или философіи *).

Уничтоживъ всѣ возраженія Ланге, доказавъ, что ошибки, указанныя имъ въ прежней рецензіи, дѣйствительно грубыя ошибки, Лессингъ перехо-

---

*) Укажемъ хотя одинъ примѣръ: „Priscus Cato“ (кн. 3, ода 21) Ланге переводитъ „Прискъ Катонъ“, принимая прилагательное priscus—старинный—за собственное имя:

(Недаромъ говорятъ, что и Катонъ старинный
Нерѣдко доблести подогрѣвалъ виномъ.
Переводъ г. Фета).

Это ошибка самая грубая, очевидная для всякаго, совершенно безспорная, въ родѣ того, какъ у насъ французское заглавіе книги Гельвеція:

De l'Esprit, par Helvetius, fermier-général
(О духѣ, соч. генеральнаго откупщика Гельвеція),

было, говорятъ, когда-то переведено: „Сочиненіе швейцарскаго генерала Ферміера“. Лессингъ не ограничивается насмѣшками надъ грубостью ошибки—нѣтъ, пользуясь случаемъ, онъ вставляетъ генеалогическое изслѣдованіе о родѣ Катоновъ и объясняетъ мѣсто въ плутарховомъ жизнеописаніи старшаго Катона, остававшееся до того времени темнымъ. Въ литературномъ отношеніи, ученыя сочиненія Лессинга пріобрѣтаютъ, отъ этой почти фельетонной манеры эпизодичности, чрезвычайную живость и разнообразіе, такъ, что напримѣръ, его „Письма антикварскаго содержанія“, главный предметъ которыхъ—изслѣдованіе о камеяхъ и рѣзныхъ драгоцѣнныхъ каменьяхъ у древнихъ, читаются очень легко.

дитъ ко второму подраздѣленію первой части своего отвѣта—подбору новыхъ, еще грубѣйшихъ ошибокъ, такимъ образомъ:

„Довольно, слишкомъ довольно,—а впрочемъ, для такого человѣка, какъ Вы, милостивый государь, все еще будетъ мало, потому что труднѣе всего на свѣтѣ учить стараго высокомѣрнаго игноранта. Впрочемъ, я самъ до нѣкоторой степени виноватъ, что надѣлалъ себѣ скуки—зачѣмъ я не приводилъ въ рецензіи все только такихъ примѣровъ, какъ ducentia? *).

„Но, чего я не сдѣлалъ тогда, сдѣлаю теперь,—пора заняться подборомъ новыхъ ошибокъ въ Вашемъ переводѣ, при чемъ я прошу вашего позволенія пересмотрѣть съ Вами одну первую книгу одъ. Нарочно говорю: одну первую, потому что мнѣ некогда пересматривать остальныхъ,—у меня есть дѣла болѣе важныя, нежели исправленіе Вашихъ упражненій въ латинскомъ языкѣ. И впередъ обѣщаю Вамъ въ каждой одѣ этой книги показать по крайней мѣрѣ одну непростительную ошибку. Я тороплюсь, и всѣхъ, даже первостепенныхъ,—конечно не успѣю подмѣтить,—потому, мое молчаніе о многихъ ошибкахъ, да не будетъ почтено предосудительнымъ для нихъ: онѣ таки пусть останутся ошибками полнаго достоинства, все равно какъ бы и упомянуты были мною. Но примемся за дѣло“.

II. дѣйствительно, проходя по порядку изъ 38 одъ первой книги всѣ 37 одъ, кромѣ послѣдней, въ каждой изъ нихъ Лессингъ указываетъ грубую ошибку,—и, наконецъ, для разнообразія, о послѣдней одѣ говоритъ:

„Въ ней нѣтъ грубыхъ ошибокъ—за то она и состоитъ всего изъ восьми стиховъ—нужды нѣтъ, она искупаетъ собою всѣ прежнія: Ende gut, Alles gut,—конецъ дѣло краситъ“.

„Вотъ мы кончили. Я Вамъ отвѣчалъ, и больше отвѣчать не стану, хотя бы десять разъ принимались Вы за оправданія,—я стану только ждать, что будетъ говорить публика. Она ужь начинаетъ принимать мою сторону, и я еще надѣюсь дожить до того времени, когда едва будутъ вспоминать, что нѣмецкій поэтъ Ланге перевелъ Горація. И мою критику тогда забудутъ,—чего я и желаю, потому что гордиться ею мнѣ нельзя. Вы не такой противникъ, въ борьбѣ съ которымъ была бы возможность обнаружить силу. Мнѣ бы съ самаго начала слѣдовало пренебречь Вами,—и я, навѣрное, пренебрегъ бы, если бы не вынуждала у меня истины Ваша гордость и предубѣжденіе публики, что Вы замѣчательный поэтъ. Я показалъ Вамъ, что Вы не знаете ни языка, ни филологической критики, ни древностей, ни исторіи, не знаете ровно ничего,—чего жь еще требовать отъ меня?

„Все это, милостивый государь, было бы еще не большимъ позоромъ для Васъ, если бы я не долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружить передъ публикою, что Ваши правила очень низки, и что, просто говоря, Вы клеветникъ. Въ этомъ должна состоять вторая часть моего письма, которая будетъ гораздо короче, зато и гораздо сильнѣе первой.

„Споръ между нами, милостивый государь, шелъ о грамматическихъ дѣлахъ, то есть о мелочахъ, мелочнѣе которыхъ не можетъ быть ничего на свѣтѣ. Никогда бы я не вообразилъ себѣ, что разумный человѣкъ можетъ принять оскорбленіемъ себѣ упрекъ въ этомъ незнаніи,—принять оскорбленіемъ, за которое надобно мстить не одною грамматической, но и злостной ложью. Я упрекалъ Васъ въ ученическихъ промахахъ — Вы старались обратить эти упреки на меня,—и тѣмъ, кажется, могли бы удовольствоваться. Нѣтъ, Вамъ было мало ограничиться возраженіями,—Вы захотѣли сдѣлать меня человѣкомъ отвратительнымъ, гнуснымъ въ глазахъ честныхъ людей. Каковы правила! Но каково и ослѣпленіе—взводить на меня обвиненіе, котораго во вѣки вѣковъ не только не можете Вы доказать,—не можете даже сдѣлать правдоподобнымъ!

*) См. выше,—„двѣсти чашъ сна“ вмѣсто „снотворныя чаши“—этой ошибки Ланге не защищалъ.

„Вы говорите, будто бы я Вамъ предлагалъ деньгами откупаться отъ моей критики. Я? вамъ? откупаться деньгами? Несчастье было бы для меня, еслибъ я могъ возразить Вамъ только требованіемъ доказать справедливость этого обвиненія, — требованіемъ, невозможность исполнить которое обличила бы Васъ,—нѣтъ, къ счастію, я имѣю въ рукахъ средства положительнымъ образомъ обличить Васъ.

„Тотъ посредникъ, черезъ котораго, какъ Вы говорите, я дѣлалъ Вамъ низкое предложеніе, долженъ быть не кто иной, какъ г. Н., о которомъ вы упоминаете на 21 страницѣ, потому что онъ единственный человѣкъ, лично знакомый и съ Вами и вмѣстѣ со мною, и единственный человѣкъ, которому я говорилъ о моемъ разборѣ Вашего „Горація“, прежде, нежели этотъ разборъ былъ напечатанъ. Слушайте же.

„Въ мартѣ 1752 года, этотъ г. Н. проѣзжалъ черезъ Виттенбергъ, когда я жилъ тамъ, и почтилъ меня тамъ своимъ посѣщеніемъ. Я его до того времени никогда не видывалъ и зналъ только по его сочиненіямъ. Съ Вами же онъ связанъ былъ многолѣтней, тѣсной дружбой. По возвращеніи его въ Галле, мы стали перепискою продолжать начавшіяся между нами дружественныя отношенія“.

Слѣдуетъ разсказъ, приведенный нами выше. Представивъ читателямъ подлинное письмо Николаи, заключающее предложеніе сдѣлки съ Ланге и сообщенное нами выше, Лессингъ продолжаетъ:

„Повторяю, это писалъ человѣкъ, съ которымъ я въ цѣлую свою жизнь видѣлся только однажды, а Вы были давно друзьями. У меня нѣтъ желанія уподобляться Вамъ, взводя на людей низкія обвиненія,—иначе, мнѣ легко было бы обратить Ваше обвиненіе противъ Васъ и придать правдоподобность мысли, что Вы сами руководили предложеніями Вашего друга. Но, какъ это ни правдоподобно, я не вѣрю тому, зная добродушный характеръ этого посредника, безъ сомнѣнія, дѣйствовавшаго по собственной мысли. Я радъ, если онъ сохранилъ мои отвѣты ему, и хотя не припомню въ точности, какъ именно отвѣчалъ я на его предложеніе, но достовѣрно знаю, что я ни слова не говорилъ ни о деньгахъ, ни о вознагражденіи. Признаюсь, мнѣ было нѣсколько досадно, что г. Н. считалъ меня такимъ жаднымъ на деньги человѣкомъ. Согласившись даже, что по моей житейской обстановкѣ онъ заключилъ, что денегъ у меня не слишкомъ много, я не могу понять, какимъ образомъ онъ могъ предположить, что для меня равны всякія средства къ ихъ пріобрѣтенію. Во всякомъ случаѣ, уже то самое обстоятельство, что я не послалъ ему рукопись своей рецензіи, онъ долженъ былъ бы считать молчаливымъ неодобреніемъ своего предложенія, хотя бы я могъ принять это предложеніе безъ нарушенія моихъ правилъ, потому что оно дѣлалось безъ малѣйшаго содѣйствія съ моей стороны.

„Что Вы теперь будете отвѣчать?—Вѣроятно, Вы постыдитесь за себя. Но нѣтъ, клеветники выше чувства стыда.

„Впрочемъ, на свое несчастіе Вы были злостны: увѣряю Васъ, что безъ той лжи, о которой я говорю, Вашъ отвѣтъ не заставилъ бы меня взяться за перо. Я легко перенесъ бы, что Вы, senex ABC darius (старый школьникъ), называете меня молодымъ, наглымъ критикомъ и т. п., что Вы говорите, будто бы вся моя ученость взята изъ Бэля, и т. д.,—легко перенесъ бы я подобные пустяки, на которые и не отвѣчаю. Объ учености или неучености моей позволительно каждому судить, какъ угодно. Но чернить мою честность я никому не позволю безнаказанно, и буду всегда называть вашу фамилію, когда случится мнѣ надобность указывать примѣръ мстительнаго лжеца.

„Этимъ увѣреніемъ заключаю мое письмо. Имѣю честь быть вашимъ... Нѣтъ, этого не нужно. Я вижу, что мое письмо обратилось въ цѣлую статью. Зачеркните же слова „милостивый государь“ въ его началѣ. Остается мнѣ теперь только напечатать его въ 12 долю листа, чтобы оно соотвѣтствовало вашему замѣчанію по поводу формата моихъ сочиненій *), чтобы оно было для васъ дѣйствительно „Vademecum“,

*) Лессингъ любилъ маленькій форматъ, въ 12 долю, и его сочиненія были напечатаны въ этомъ форматѣ, тогда еще мало употребительномъ въ Германіи. Ланге придумалъ грязную шутку объ этомъ форматѣ сочиненій своего критика.

который совѣтую вамъ чаще перечитывать, для улучшенія вашего ума и характера; я переплету эту брошюру въ обертку, какая употребляется для азбукъ, и съ приличнымъ посвященіемъ пришлю вамъ. Желаю, чтобы подарокъ принесъ вамъ пользу".

Ланге пытался возражать, но его уже никто не слушалъ; нѣкоторые изъ литературныхъ враговъ Лессинга или кліэнтовъ Ланге—впрочемъ, немногіе,—хотѣли было защищать Ланге,—напрасно, всѣ смѣялись надъ ихъ слабыми усиліями. Поэтическая слава несчастнаго Ланге была совершенно уничтожена: публика и всѣ независимые писатели приняли сторону Лессинга, имя его получило чрезвычайно громкую извѣстность.

Нѣтъ надобности говорить, что главная цѣль, которую имѣлъ онъ въ виду—очищеніе своей литературной репутаціи отъ всякихъ нареканій, была совершенно достигнута. Съ этого времени, что бы ни говорили его литературные враги, онъ былъ уже безопасенъ въ своей чести. Публика съ негодованіемъ отвергала, какъ низкую ложь, всякое нападеніе на чистоту его образа мыслей и намѣреній, непоколебимо вѣря, что каждый его поступокъ внушенъ благороднѣйшими цѣлями.

Исторія Ланге можетъ служить однимъ изъ доказательствъ пользы, какую полная гласность приноситъ безупречности добраго имени тѣхъ людей, которые могутъ назваться благородными; можетъ служить доказательствомъ того, что честному человѣку нѣтъ нужды бояться кривыхъ толковъ, какъ только достигаютъ они гласности. Страшна клевета только тогда, когда она укрывается во мракѣ. Не вздумай Ланге печатно называть Лессинга продажнымъ человѣкомъ, быть можетъ, или, лучше сказать, безъ всякаго сомнѣнія, на добромъ имени Лессинга до сихъ поръ лежало бы пятно: втихомолку, отъ одного изъ знакомыхъ Ланге къ другому, отъ другаго къ третьему, распространялся бы слухъ о томъ, какъ Лессингъ хотѣлъ взять съ Ланге деньги и ожесточился противъ него только за то, что не успѣлъ взять денегъ. Эта молва достигла бы до слѣдующаго поколѣнія, которое ужъ не имѣло бъ средствъ провѣрить фактовъ и должно было бы вѣрить разсказу въ томъ видѣ, какой дала ему раздражительная подозрительность Ланге.

Въ самомъ дѣлѣ, разсказъ этотъ долженъ былъ бы показаться правдоподобнымъ. Лессингъ страшно нуждался въ деньгахъ, когда писалъ и потомъ печаталъ разборъ Ланге; Николаи писалъ Ланге, что Лессингъ согласенъ продать ему рукопись своей рецензіи, очень ѣдко написанной. Чего же больше? Дѣло ясное, Лессингъ хотѣлъ, чтобы Ланге откупился отъ его нападеній.

Эти факты придавали правдоподобность обвиненію; было и другое обстоятельство, еще болѣе затруднявшее защиту: Лессингъ, не сохранивъ у себя копій съ писемъ своихъ по этому дѣлу, не помнилъ въ точности, какъ именно отвѣчалъ онъ на предложеніе Николаи; письма были въ рукахъ противной партіи,—при малѣйшей и самой ничтожной неточности въ изложеніи дѣла, Ланге могъ обвинить Лессинга въ искаженіи фактовъ, въ лжи и тѣмъ придать новую правдоподобность прежнему обвиненію.

Лессингъ не считалъ нужнымъ прикрывать эти затрудненія: онъ прямо говорилъ: „я нуждался въ деньгахъ; предложеніе было выгодно; я не помню въ точности, какъ именно я отвѣчалъ на него"—онъ, какъ видимъ, совершенно пренебрегалъ всякими уловками,—и рѣшительно выигралъ дѣло во

мнѣніи всѣхъ; прямота замѣнила для него всѣ другія средства увѣренія. Сознаніе нравственнаго и умственнаго превосходства надъ всѣми противниками, никогда не измѣнявшее Лессингу, и здѣсь выразилось съ такою силою, что не осталось возможности сомнѣваться въ справедливости его словъ.

Вообще, съ самаго начала критической дѣятельности, Лессингъ постоянно чувствовалъ себя сильнѣйшимъ; вступая въ полемику, онъ всегда былъ увѣренъ, что противникъ покажется публикѣ слабъ, тупъ и вялъ въ сравненіи съ нимъ; всегда былъ впередъ увѣренъ, что споръ не можетъ кончиться иначе, какъ совершеннымъ пораженіемъ его противника. Онъ былъ чуждъ сомнѣнія въ своемъ торжествѣ, чуждъ всякихъ опасеній за себя. Потому его полемика, чрезвычайно энергическая, въ то же время отличается рѣдкимъ самообладаніемъ, ясность его взгляда, веселость его шутки, если онъ хочетъ шутить, не возмущается ничѣмъ, и укоризны его противнику никогда не переходятъ границъ самой строгой справедливости,—онъ выражается рѣзко, но мысль, выраженная безпощадно, всегда выдерживаетъ провѣрку самаго строгаго безпристрастія.

До какой степени онъ сохранялъ чувство превосходства надъ своими противниками, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Готтшедіанцы, надъ которыми онъ жестоко смѣялся, вздумали отвѣчать ему особеннымъ памфлетомъ, который называли „Possen“ — „Шутки въ карманномъ форматѣ“ — послѣднія слова заключали намекъ на маленькій форматъ, въ которомъ печатались сочиненія Лессинга. Съ тѣмъ вмѣстѣ, готтшедіанцы прислали въ редакцію Фоссовой газеты (въ которой писалъ Лессингъ) рецензію этой брошюры. Что жъ сдѣлалъ Лессингъ?—Вотъ его статья:

„На дняхъ явилась брошюра изъ двухъ печатныхъ листовъ, въ 12-ю долю листа, подъ заглавіемъ: „Шутки въ карманномъ форматѣ“. Авторъ, или одинъ изъ пріятелей автора, имѣлъ предусмотрительность прислать въ редакцію нашей газеты слѣдующую рецензію (слѣдуетъ присланная рецензія, написанная въ похвалу брошюры). Понимаемъ, г. панегиристъ. И, чтобы поняли вы всѣ, скажемъ прямо, что эти шутки, которыя

ipse
Non sani esse hominis, non sanus juret Orestes

(самъ безумный Орестъ назоветъ написанными безумцемъ),—что эти „Шутки“, по всему вѣроятію, должны быть насмѣшкою надъ форматомъ и внѣшнею формою сочиненій Лессинга. Онѣ стоятъ три гроша. Но и трехъ грошей никто не дастъ ради шутки. Какимъ же образомъ помочь брошюрѣ распространиться въ публикѣ? Наша газета рѣшилась сдѣлать все возможное для достиженія этой цѣли. Именно, мы перепечатали эту брошюру и назначили ей для продажи цѣну, какой она стоитъ, т. е. нуль. Кто хочетъ имѣть ее даромъ, можетъ получить въ книжномъ магазинѣ Фосса“.

Само собою разумѣется, какое впечатлѣніе должна была производить подобная увѣренность и на публику и на самыхъ противниковъ — съ насмѣшливою улыбкою заботиться самому о распространеніи въ публикѣ брошюры, которая выдавала себя за злую сатиру лессинговыхъ сочиненій, — это могъ сдѣлать только Лессингъ. Конечно, читая объявленіе, что брошюра, написанная противъ Лессинга, перепечатана самимъ Лессингомъ и даромъ у его книгопродавца раздается всѣмъ, желающимъ имѣть ее, каждый думалъ:

вѣроятно, сатира очень пуста и неудачна, вѣроятно, онъ гораздо выше своихъ противниковъ, если такъ играетъ ихъ нападеніями.

Въ самомъ дѣлѣ, очень скоро Лессингъ пріобрѣлъ въ нѣмецкой критикѣ рѣшительный голосъ; готтшедіанцы, бодмеріанцы и другія старыя партіи были совершенно уничтожены имъ во мнѣніи публики, лишились всякаго вліянія на литературу, сдѣлались предметомъ общихъ насмѣшекъ. Критическія статьи въ первыхъ четырехъ частяхъ его „Сочиненій“, и рецензіи, которыя онъ помѣщалъ въ „Фоссовой газетѣ“, положили начало преобразованію литературныхъ понятій; „Литературныя письма“ довершили это дѣло. Съ „Литературныхъ писемъ“ (1759—1760), которыя началъ онъ издавать при содѣйствіи Николаи и Мендельсона, начинается для нѣмецкой литературы новая эпоха.

Мендельсонъ и Николаи, съ которыми Лессингъ сошелся вскорѣ послѣ своего вторичнаго возвращенія въ Берлинъ, въ 1754 году, остались навсегда ближайшими его друзьями въ жизни и долго были истолкователями его мыслей въ литературѣ. То и другое обстоятельство заставляютъ насъ ближе познакомиться съ этими обоими литераторами.

Николаи пережилъ Лессинга тридцатью годами и, въ послѣднее время своей литературной дѣятельности, находился, какъ человѣкъ старыхъ понятій, въ жестокой враждѣ съ представителями новой эпохи; Кантъ и Фихте, Гете и Шиллеръ съ одинаковою суровостью были осуждаемы имъ и, въ свою очередь, отвѣчали устарѣлому критику не менѣе жестокимъ образомъ. Въ этой неравной борьбѣ, сильно пострадала литературная слава Николаи. Особенно жестокій ударъ нанесли ему во мнѣніи публики и большинства писателей знаменитыя „Ксеніи“ Гете и Шиллера — эти безпощадныя эпиграммы, которыми геніальные друзья на смерть поразили своихъ литературныхъ противниковъ и въ которыхъ главнымъ предметомъ насмѣшки былъ поставленъ Николаи. Долго послѣ того, забывая прежнія его услуги литературѣ и просвѣщенію, смотрѣли на Николаи, какъ на поверхностнаго и злобнаго Зоила, который хотѣлъ задержать развитіе нѣмецкой литературы, чтобы сохранить свою власть въ критикѣ, и нелѣпымъ образомъ ратовалъ противъ всего истинно-глубокаго и прекраснаго, что было выше его узкихъ односторонніхъ и поверхностныхъ понятій. Теперь, когда увлеченіе прошло, историки литературы признали, что и въ послѣднюю эпоху своей дѣятельности, Николаи оставался человѣкомъ честнымъ и добросовѣстнымъ, писателемъ умнымъ и здравомыслящимъ; признали, что, ратуя противъ новыхъ стремленій, онъ часто бывалъ правъ,—если не въ нападеніяхъ на такихъ людей, какъ Шиллеръ, Кантъ, Фихте и Гете, которые дѣйствительно понимали истину глубже и шире, нежели онъ, то въ спорахъ съ Лафатеромъ, Юнгомъ, Штиллингомъ, Якоби, романтиками и т. д., — такъ что даже и въ эти годы, когда онъ навлекалъ на себя вражду лучшихъ людей нѣмецкой литературы, онъ былъ не безполезенъ въ борьбѣ съ обскурантами и мистиками. Еще гораздо больше пользы принесъ онъ литературѣ въ прежнее время, когда дѣйствовалъ по внушенію и подъ руководствомъ Лессинга, моложе котораго былъ онъ четырьмя годами (род. 1733).

Сынъ берлинскаго книгопродавца, Николаи былъ почти совершенно са-

моучка, потому что посѣщалъ только гимназическіе классы и мальчикомъ еще отданъ былъ отцомъ въ книжную лавку одного изъ отцовскихъ товарищей по ремеслу, во Франкфуртѣ-на-Одерѣ. Тутъ онъ много имѣлъ свободнаго времени и съ жадностью читалъ всѣ книги, какія только попадались ему въ руки. Въ 1752 году, когда отецъ взялъ его въ свою лавку, въ Берлинѣ, Николаи былъ уже образованнымъ человѣкомъ, завелъ знакомство съ лучшими берлинскими литераторами,—Клейстомъ, Зульцеромъ, Рамлеромъ, и въ слѣдующемъ году издалъ брошюру, направленную противъ Готтшеда и надѣлавшую довольно радости бодмеристамъ, довольно огорченія готтшедіанцамъ. Но радость швейцарцевъ была непродолжительна: въ слѣдующемъ году Николаи напечаталъ „Письма о нынѣшнемъ состояніи изящной литературы въ Германіи“, въ которыхъ нападалъ на обѣ партіи съ равною ѣдкостью. Это сочиненіе внушено было молодому книгопродавцу изученіемъ лессинговыхъ статей, и написано совершенно въ духѣ Лессинга, только съ тѣмъ различіемъ, что Николаи не чувствуетъ въ себѣ смѣлости судить о стародавнихъ знаменитостяхъ, напримѣръ, Бодмерѣ, такъ рѣзко, какъ Лессингъ, и, осуждая послѣдователей, щадитъ учителей. „Изъ двухъ партій, раздѣляющихъ господство надъ литературою, имѣетъ ли та или другая право ожидать, чтобы къ ней присталъ человѣкъ, одаренный вкусомъ? говоритъ Николаи: — нѣтъ, недостатки той и другой слишкомъ очевидны. Намъ необходима строжайшая критика, если мы хотимъ имѣть произведенія, которыя дошли бы до потомства; тѣмъ необходимѣе она, если справедливо то, что мы еще не умѣемъ отличать мишурныхъ прикрасъ отъ истинной красоты, если справедливо, что наши таланты считаютъ излишнимъ дѣломъ серьезность и обдуманность, а трудолюбивымъ нашимъ писателямъ недостаетъ таланта“.

„Письма“ эти доставили Николаи случай лично познакомиться съ Лессингомъ, которому попался въ руки одинъ изъ оттисковъ первыхъ листовъ книги, разосланныхъ по книжнымъ лавкамъ вмѣсто объявленій. Онъ увидѣлъ въ Николаи даровитаго послѣдователя своихъ мнѣній, и сдѣлался его руководителемъ, такъ что въ концѣ книги замѣтны уже слѣды личныхъ разговоровъ Николаи съ Лессингомъ.

Николаи былъ человѣкъ съ практическимъ направленіемъ, человѣкъ съ сильнымъ здравымъ смысломъ, съ дѣятельнымъ, твердымъ характеромъ, обладавшій знаніемъ людей, умѣньемъ обращаться съ ними и искусствомъ разсчетливо вести свои денежныя дѣла. Онъ былъ рожденъ для того, чтобы сдѣлаться журналистомъ, и, дѣйствительно, нѣсколько десятковъ лѣтъ сохранялъ онъ первенствующее положеніе въ нѣмецкой журналистикѣ. Его „Библіотека изящныхъ искусствъ“, начатая подъ вліяніемъ Лессинга и предшествовавшая „Литературнымъ письмамъ“, была, въ свое время, очень полезнымъ критическимъ журналомъ. „Всеобщая нѣмецкая Библіотека“, основанная послѣ „Литературныхъ писемъ“ и продолжавшаяся болѣе сорока лѣтъ, была самымъ важнымъ изъ нѣмецкихъ журналовъ по своему огромному вліянію на публику, въ которой „Всеобщая нѣмецкая библіотека“ распространила массу новыхъ свѣтлыхъ понятій. То, что составляло достоинство этого журнала, было, можно сказать, только повтореніемъ и развитіемъ идей,

которыми одушевилъ Лессингъ первые томы „Литературныхъ писемъ“, навсегда оставшіеся образцомъ нѣмецкихъ критическихъ журналовъ.

Лучшими своими качествами, журналы, которые издавалъ Николаи, были обязаны Лессингу; образъ мыслей самого Николаи развился совершенно подъ его вліяніемъ. Еще прямѣе было участіе Лессинга въ развитіи Мендельсона,—человѣка, игравшаго также важную и чрезвычайно благородную роль, какъ въ развитіи нѣмецкой литературы, такъ и въ развитіи того племени, къ которому онъ принадлежалъ *).

Сынъ бѣднаго еврея, учителя въ сельской еврейской школѣ, Мозесъ Мендельсонъ былъ воспитанъ отцомъ на Талмудѣ, хитрыя и суевѣрныя ученія котораго надобно считать одною изъ главныхъ причинъ недостатковъ, которыми страждетъ характеръ евреевъ во многихъ странахъ. Во времена Мендельсона, нѣмецкіе евреи находились въ такомъ же положеніи, какъ нынѣ польскіе и русскіе. Они были слѣпыми поклонниками талмудическихъ бредней, занимались почти исключительно не совсѣмъ чистыми промыслами, были въ общемъ презрѣніи не только у простолюдиновъ, но и у людей образованныхъ, которые считали это племя безвозвратно испорченнымъ въ нравственномъ отношеніи. Мендельсону, больше, нежели кому нибудь другому, его соплеменники обязаны тѣмъ, что и сами во многомъ избавились отъ своихъ прежнихъ недостатковъ, и тѣмъ, что предубѣжденіе, отдалявшее отъ нихъ людей другихъ исповѣданій, ослабѣло. Любознательность рано пробудилась въ Мендельсонѣ, который на семнадцатомъ году пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобъ искать тамъ средствъ для жизни, и долгое время терпѣлъ страшную нужду, не мѣшавшую ему, однако же, сильно заниматься древними языками и философіею. Черезъ нѣсколько времени юноша нашелъ себѣ покровителя въ своемъ соплеменникѣ, докторѣ Гумперцѣ, потомъ поступилъ учителемъ дѣтей къ другому еврею, богатому фабриканту Бернгарду, у котораго былъ потомъ бухгалтеромъ, и который передалъ ему, наконецъ, свою фирму. Благородный, кроткій характеръ и возвышенный образъ мыслей пріобрѣтали Мендельсону уваженіе всѣхъ, съ кѣмъ онъ сближался. Лессингу онъ былъ рекомендованъ Гумперцемъ, какъ хорошій шахматный игрокъ, и они сблизились за шахматною доскою, около того самаго времени, какъ сблизился съ Лессингомъ Николаи. Лессингъ давно отбросилъ всякое предубѣжденіе противъ характера евреевъ. Уже лѣтъ пять тому назадъ написалъ онъ пьесу „Евреи“, съ цѣлью выставить благородный типъ въ этомъ презираемомъ племени. Въ художественномъ отношеніи, пьеса слаба, и потому ничего не скажемъ о ней; но статейки, написанныя по ея поводу, хорошо показываютъ положеніе вопроса о евреяхъ въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ, и мы въ выноскѣ представимъ извлеченія изъ нихъ **).

*) Изъ сочиненій Мендельсона, въ старину у насъ были переведены два, принадлежащія къ числу важнѣйшихъ: „Разсужденіе о духовномъ свойствѣ души человѣческой“, перев. Я. Толмачева, М. 1806 и „Федонъ или о безсмертіи души“. М. 1808 г. „Федонъ“ недавно вышелъ вторымъ изданіемъ, въ другомъ новомъ переводѣ.

**) „Геттингенскія Ученыя Вѣдомости“, съ большою похвалою отзываясь о четвертой части сочиненій Лессинга, въ которой помѣщена комедія „Евреи“, сдѣлали, по поводу этой пьесы, слѣдующее замѣчаніе:

Замѣчанія Михаэлиса, приводимыя нами въ выноскѣ, показываютъ, съ какимъ пренебреженіемъ смотрѣли на евреевъ самые просвѣщенные и гуманные люди въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, евреи оставались совершенно чужды умственной жизни того племени, по землямъ котораго были разсѣяны. Погруженные въ талмудическія дикія суевѣрія, безусловно руководимые въ своихъ понятіяхъ дикими фанатиками раввинами, подавляемые общимъ презрѣніемъ, отвращеніемъ и преслѣдованіями, они сами

„Цѣль пьесы—серьезный нравственный урокъ,—именно, обнаруженіе неосновательности того презрѣнія и отвращенія, съ которыми обыкновенно мы смотримъ на евреевъ. Но, при чтеніи, наслажденію нашему мѣшаетъ какое-то недовольство, которое мы укажемъ для разрѣшенія сомнѣній, или для того, чтобы впослѣдствіи подобныя произведенія избѣгали этого недостатка. Путешественникъ еврей слишкомъ добръ и благороденъ, слишкомъ заботится, чтобы не нанести вреда ближнему или не оскорбить его несправедливымъ подозрѣніемъ,—однимъ словомъ, если не совершенно невозможно, то, по крайней мѣрѣ, слишкомъ неправдоподобно, чтобы такой благородный характеръ, какъ бы наперекоръ всему, могъ развиться при тѣхъ правилахъ, образѣ жизни и воспитаніи, какія мы видимъ у еврейскаго племени, и при дурномъ обращеніи съ ними. Это неправдоподобіе тѣмъ больше мѣшаетъ нашему удовольствію при чтеніи пьесы, чѣмъ пріятнѣе было бы намъ найти истину и натуру въ прекрасномъ и благородномъ образѣ. Даже посредственная доброта и честность очень рѣдко встрѣчаются между евреями, такъ, что немногіе примѣры не могутъ въ значительной степени смягчать ненависти къ этому народу. При тѣхъ моральныхъ правилахъ, которыхъ держится, если не каждый еврей, то огромное большинство евреевъ, невозможна честность между ними, особенно, когда мы вспомнимъ, что весь этотъ народъ живетъ торговлею,—промысломъ, который больше всякаго другаго промысла представляетъ случаевъ и покушеній къ обману".

Это писалъ въ 1754 году знаменитый Михаэлисъ, который въ Англіи научился смотрѣть на все лучше, свѣтлѣе и гуманнѣе, нежели смотрѣли остальные его соотечественники. И, однако же, этотъ человѣкъ, съ котораго начинается новая эпоха въ разработкѣ еврейскихъ древностей, хваля Лессинга за все остальное, что заключалось въ собраніи его сочиненій, осуждалъ его за снисходительное понятіе, что и между евреями могутъ быть очень хорошіе люди.

Лессингъ не имѣлъ привычки вступаться за литературныя достоинства своихъ сочиненій; онъ всего въ своей жизни не болѣе четырехъ разъ отвѣчалъ на замѣчанія своихъ критиковъ,—но на это сужденіе о „Евреяхъ" ему необходимо показалось отвѣчать. Три остальные спора—съ Ланге, Клопомъ и Геце—были ведены безпощадно, потому что противники заслуживали негодованія и литературной казни. Михаэлису, который высказывалъ свои замѣчанія въ благородномъ тонѣ, Лессингъ отвѣчалъ также мягко, и съ деликатнымъ письмомъ послалъ ему ту часть „Театральной Библіотеки", въ которой былъ помѣщенъ отвѣтъ.

„Замѣчанія „Геттингенскихъ Вѣдомостей" касаются двухъ пунктовъ, говорилъ Лессингъ въ своемъ отвѣтѣ: „Во первыхъ, критикъ утверждаетъ, что честный и благородный еврей самъ по себѣ нѣчто неправдоподобное; во вторыхъ, что въ моей пьесѣ онъ выставленъ неправдоподобнымъ образомъ. Собственно меня касается только второе замѣчаніе, и только на него я долженъ былъ бы отвѣчать, если бы гуманность не была для меня выше литературной моей славы, и еслибъ мнѣ потому уступить въ послѣднемъ случаѣ не было легче, нежели во второмъ. Однако же, надобно мнѣ начать со втораго замѣчанія". Объяснивъ, что при той обстановкѣ, въ которой является у него еврей, честность его очень натуральна и правдоподобна съ художественной точки зрѣнія, Лессингъ продолжаетъ: „Надобно отвѣчать теперь на первое замѣчаніе: не говоря о художественныхъ требованіяхъ, правдоподобно ли, чтобъ еврей могъ быть честенъ? Встрѣчаются ли въ жизни евреи честнаго характера? Но пусть за меня говоритъ другой, которому это было ближе къ сердцу, потому что самъ онъ еврей. Я знаю его такъ хорошо, что могу рѣшительно сказать: онъ человѣкъ столь же умный и ученый, какъ и честный. Письмо, которое я привожу далѣе, онъ написалъ къ одному изъ своихъ соплеменниковъ, прочитавъ замѣчаніе „Геттингенскихъ Вѣдомостей". Знаю впередъ, что письмо это готовы будутъ считать выдумкою, скажутъ, что я самъ написалъ его,—но тѣмъ, кому будетъ интересно удостовѣриться въ его подлинности, я могу представить неопровержимыя доказательства, что оно дѣйствительно написано евреемъ".

Затѣмъ слѣдуетъ письмо, написанное Мендельсономъ, по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ „Геттингенскими Вѣдомостями" о характерѣ евреевъ. Мендельсонъ горячо и умно защищаетъ своихъ единоплеменниковъ.

презирали себя. Мендельсонъ былъ первымъ и могущественнѣйшимъ изъ людей, которые своимъ примѣромъ и совѣтами указывали имъ иной путь жизни. Оставаясь евреемъ, онъ пріобрѣлъ уваженіе знаменитѣйшихъ ученыхъ и важнѣйшихъ вельможъ Германіи,—онъ сталъ на ряду съ классическими писателями нѣмецкаго народа, христіане превозносили его и изъ-за него стали съ большимъ уваженіемъ смотрѣть и на его племя. Евреи поднялись въ собственныхъ глазахъ, у нихъ теперь былъ свой идеалъ, былъ примѣръ подражанія, былъ живой свидѣтель, что еврею возможно занять почетное мѣсто между образованными христіанами, возможно даже достигнуть славы. Съ тѣмъ вмѣстѣ, соразмѣрно уменьшенію предубѣжденія христіанъ противъ евреевъ, уменьшилось и предубѣжденіе евреевъ противъ христіанъ: единовѣрцы Мендельсона убѣдились его примѣромъ, что христіане не отказываютъ ни въ уваженіи, ни въ пріязни тѣмъ изъ нихъ, которые пріобрѣтутъ на то права. Достигнувъ обезпеченнаго состоянія, Мендельсонъ, своимъ покровительствомъ и щедрыми пособіями, помогалъ молодымъ евреямъ приготовляться къ ученому, литературному или художественному поприщу. Часть своей литературной дѣятельности онъ также посвятилъ исключительно дѣлу просвѣщенія своихъ единовѣрцевъ, и заслуги его въ этомъ отношеніи также огромны. Нѣмецкіе евреи говорили безобразнымъ діалектомъ, составленнымъ изъ смѣшенія еврейскаго съ нѣмецкимъ,—не понимая чистаго еврейскаго языка, они не могли также ни писать по-нѣмецки, ни слушать лекцій. Мендельсонъ положилъ начало распространенію чистаго нѣмецкаго языка между ними, напечатавъ для нихъ переводъ Моисеевыхъ книгъ на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ; — съ того времени, этотъ переводъ сдѣлался книгою, по которой учатся читать дѣти германскихъ евреевъ, и чрезъ то съ дѣтства становятся равными нѣмцамъ по своему языку. Кромѣ того, онъ издалъ переводъ на нѣмецкій языкъ „Псалмовъ“ и „Пѣсни пѣсней“ для своихъ единовѣрцевъ и написалъ для нихъ нѣсколько религіозныхъ книгъ, строго держась догматовъ чистаго ветхозавѣтнаго іудейства, но удаливъ всѣ талмудическія бредни. Книги эти проникнуты чистою нравственностью, благородною терпимостью, чувствомъ любви къ другимъ племенамъ, и имѣли огромное вліяніе на развитіе германскихъ евреевъ. Мендельсонъ былъ просвѣтителемъ своихъ единовѣрцевъ.

Благородная натура Мендельсона развилась болѣе всего подъ вліяніемъ Лессинга, съ которымъ они были сверстники по годамъ (Мендельсонъ родился, какъ и Лессингъ, въ 1729 г.), но который былъ уже великимъ ученымъ, человѣкомъ съ установившимся образомъ мыслей, однимъ изъ знаменитыхъ писателей, въ то время, какъ самоучка еврей съ неимовѣрными трудами только еще начиналъ побѣждать ужасныя затрудненія, какія противопоставлялись его развитію и національностью и бѣдностью. Когда Мендельсонъ познакомился съ Лессингомъ, онъ только еще привыкалъ владѣть правильнымъ нѣмецкимъ языкомъ и не могъ писать безъ ошибокъ на этомъ языкѣ, литературу котораго впослѣдствіи обогатилъ произведеніями, классическими по изяществу и благородству выраженія. Но Лессингъ постигъ, какія рѣдкія качества ума скрываются въ этомъ человѣкѣ, рыцарски безпорочный, женственно кроткій характеръ Мендельсона обворожилъ его, и скоро Мендель-

сонъ сдѣлался ближайшимъ, лучшимъ другомъ его на всю жизнь. Онъ помогалъ развитію талантливаго еврея своими бесѣдами и совѣтами, указывая ему, чѣмъ и какъ долженъ онъ заниматься; по внушенію и указанію Лессинга, отчасти даже при непосредственномъ сотрудничествѣ Лессинга, написаны были первые труды Мендельсона *). Что всего важнѣе, твердый, безбоязненный, рѣзкій Лессингъ мужественностью своего направленія ободрялъ и поддерживалъ Мендельсона, дивная кротость котораго въ жизни была бы, безъ вліянія со стороны Лессинга, излишнею мягкостью, безхарактерностью, слабостью въ литературѣ. Мендельсонъ, всею силою своей любящей натуры, привязался къ другу, благодѣтельному вліянію котораго обязанъ былъ такъ многимъ, передъ геніальнымъ превосходствомъ котораго благоговѣлъ.

Это былъ одинъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ примѣровъ безграничной дружбы; самая кончина Мендельсона была послѣднее и величайшее свидѣтельство его чувствъ къ Лессингу. Когда, послѣ смерти Лессинга, Якоби вздумалъ, въ одномъ изъ своихъ философскихъ сочиненій, приписывать Лессингу метафизическія воззрѣнія, отъ которыхъ самъ Лессингъ, вѣроятно, не отказался бы, но которыя Мендельсонъ, уже лишенный опоры, какую прежде доставляла ему непоколебимая рѣшительность друга, считалъ слишкомъ рѣзкими, благодушный авторъ „Федона“ возмутился мыслью, что Якоби возбуждаетъ гоненіе противъ памяти Лессинга: онъ былъ въ это время слабъ здоровьемъ, но, не обращая вниманія на свою болѣзнь, съ чрезвычайнымъ жаромъ сталъ тотчасъ же писать возраженіе Якоби;—онъ успѣлъ кончить это защищеніе памяти своего друга,—но работа такъ истощила его силы, огорченіе такъ изнурительно волновало его, что онъ чрезъ нѣсколько дней умеръ жертвою своей любви къ покойному другу.

Таковы-то были люди, съ которыми сблизился Лессингъ въ 1754 году и которые должны быть названы его непосредственными учениками. Характеры ихъ были различны, различенъ и тонъ ихъ сочиненій. Практическій, довольно сухой, проницательный и отчасти насмѣшливый, Николаи дѣйствовалъ насмѣшкою, преслѣдовалъ все, что ему казалось вреднымъ въ жизни, затемняющимъ понятія, замедляющимъ дѣятельность, отвлекающимъ человѣка отъ заботы объ улучшеніи своего положенія. Мендельсонъ, который больше, нежели кто нибудь изъ новыхъ философовъ, напоминаетъ Платона, если не геніальностью, то чистымъ стремленіемъ къ идеалу,—излагалъ въ философской формѣ тѣ возвышенныя понятія и чувства, которымъ впослѣдствіи давалъ поэтическую одежду Шиллеръ. Но оба, Николаи и Мендельсонъ, сходились въ томъ, что съ благоговѣніемъ внимали Лессингу, и, въ сущности, все, что было прочнаго и истинно плодотворнаго въ ихъ дѣятельности, развилось подъ вліяніемъ Лессинга.

Мы назвали ихъ его учениками. Это слово, въ настоящемъ случаѣ, не можетъ, однако, имѣть того смысла, въ какомъ обыкновенно употребляютъ его, понимая, что ученикъ только повторяетъ, такъ или иначе, мысли учителя,

*) По совѣту Лессинга, Мендельсонъ перевелъ одно изъ разсужденій Руссо—этотъ переводъ былъ для него упражненіемъ въ нѣмецкомъ слогѣ. Вмѣстѣ съ Лессингомъ, они написали знаменитый отвѣтъ на тему Берлинской Академіи „О философіи Попе“: духъ отвѣта очень остроумно выраженъ восклицательнымъ знакомъ, поставленнымъ въ заглавіи: „Попе—метафизикъ!“

и, въ сравненіи съ нимъ, является человѣкомъ не самостоятельнымъ. Въ такомъ смыслѣ, у Лессинга не было и не могло быть учениковъ. Натура этого человѣка образовалась такъ, что и положительныя и отрицательныя его качества были именно таковы, какія требовались для возможно благотворнѣйшаго вліянія на нѣмецкую литературу. Бываютъ времена, когда необходимѣйшее условіе успѣшнаго развитія есть научная дисциплина; въ ту пору, у нѣмецкой литературы была другая, противоположная потребность. Въ націи и въ литературѣ, въ людяхъ и писателяхъ германскихъ господствовала педантическая привычка подчиненія авторитетамъ,—литературные тузы повторяли слова иноземныхъ авторитетовъ: Готтшедъ повторялъ Буало, Рамлеръ—Батте, Геллертъ—Лафонтена, Бодмеръ—Аддисона, Клопштокъ—Оссіана и Мильтона, Берлинская Академія—временемъ Вольтера, временемъ Попе,—мелкіе писатели повторяли слова доморощенныхъ литературныхъ магнатовъ. Не было иниціативы въ литераторахъ, не было самобытности мышленія, смѣлой привычки думать своей головой. Лессингъ и въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, былъ именно такой человѣкъ, въ какомъ нуждалась эпоха.

Геніальный человѣкъ, развивая нашу мысль, въ то же время обыкновенно порабощаетъ ее себѣ,—все равно, начитались ли вы Байрона или Платона, Гете или Руссо, Жоржа Санда или Аристотеля —вы становитесь въ какое-то зависимое положеніе отъ вашего путеводнаго генія,—вы на все смотрите его глазами, чувствуете, что вамъ нельзя иначе думать —не потому только, что истина его мыслей для васъ очевидна,—нѣтъ, и потому также, что онъ положилъ границы вашему воззрѣнію, какъ бы независимо отъ вашей воли, отъ вашего самостоятельнаго разсудка, подчинилъ васъ себѣ,—словомъ, вы дѣлаетесь то, что называется ученикъ, послѣдователь, отчасти рабъ этого человѣка. Потому-то обыкновенно самые благотворные авторитеты имѣютъ и свою вредную сторону —развивая мысль, они въ то же время отчасти сковываютъ ее. Когда въ націи пробужденъ духъ самостоятельной пытливости, эта вредная сторона не имѣетъ важныхъ слѣдствій,—вы подчинились одному авторитету, другой—другому, сотни другихъ не хотятъ признавать ни чьей безусловной власти надъ своей мыслью,—такъ, напримѣръ, въ Германіи, въ одно время, въ одной философской области теперь существуетъ безчисленное множество различныхъ самостоятельныхъ мнѣній, всѣ допытываются истины, никто не успокоивается готовыми результатами, всѣ самодѣятельно стремятся впередъ и впередъ, и Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, несмотря на всю обаятельную силу своихъ системъ, не могли ни на одну минуту задержать дальнѣйшаго развитія мысли,—каждый изъ нихъ повелъ ее шагомъ дальше, и каждый разъ, сдѣлавъ этотъ шагъ, она устремлялась впередъ, покидая прежняго учителя, даже низвергая его, если онъ хотѣлъ остановить ее.

Такъ и должно быть. Не добытый результатъ важенъ: всѣ добытые человѣчествомъ результаты, во всѣхъ областяхъ жизни и мысли, какъ бы ни казались они блестящи по сравненію съ прошедшимъ,все еще ничтожны сравнительно съ тѣмъ, что должно быть пріобрѣтено мыслью и трудомъ, для обезпеченія матеріальной жизни, для прояснѣнія знаній и понятій.

Важнѣе всѣхъ добытыхъ результатовъ—стремленіе къ пріобрѣтенію новыхъ, лучшихъ; важнѣе всего пытливость мысли, дѣятельность силъ. Немногіе изъ геніальныхъ людей такъ полно воплощали въ себѣ эту пытливость, не успокоивающуюся ни на чемъ, эту дѣятельность, вѣчно стремящуюся къ достиженію новыхъ результатовъ, полнѣйшихъ всего прежняго,—немногіе изъ геніальныхъ людей, говоримъ мы, были такъ проникнуты не какимъ нибудь опредѣленнымъ, и потому ограниченнымъ стремленіемъ къ какому нибудь опредѣленному, ограниченному результату, а жаждою итти все дальше и дальше, впередъ и впередъ,—чтобы добытые ими результаты каждому уму служили только опорою, только возбужденіемъ къ дальнѣйшему самостоятельному изслѣдованію. Въ области поэзіи, нѣчто подобное представляетъ Шекспиръ. Мы опять обращаемся къ этому примѣру, чтобы прояснить наше понятіе. Кто пойметъ Шекспира, передъ тѣмъ исчезаютъ всякіе другіе авторитеты въ поэзіи—онъ выше всѣхъ,—а, между тѣмъ, преклоненіе передъ Шекспиромъ становитъ ли поэта въ такое зависимое отъ него положеніе, какъ поклоненіе Байрону или Мильтону?—нѣтъ, кто поклоняется этимъ поэтамъ, чувствуетъ непреоборимую наклонность подражать имъ, и истинно талантливые люди дѣлались мильтонистами или байронистами,— но, понимать Шекспира—значитъ чувствовать въ себѣ непреодолимый позывъ къ самостоятельному творчеству,—быть чуждымъ всякой мысли о подражаніи кому бы то ни было, хотя бы и самому Шекспиру*). Изъ области поэзіи переходя въ область мысли, можно указать нѣсколько людей, оказывающихъ подобное же вліяніе,—таковъ напримѣръ Монтань, таковы многіе скептики,—но всѣ они занимаютъ въ исторіи развитія мысли только второстепенное мѣсто, и никто изъ нихъ не имѣлъ преобладающаго вліянія на развитіе цѣлой эпохи. Лессингъ не имѣлъ ничего общаго съ Монтанемъ или другими скептиками,—напротивъ, его убѣжденія очень опредѣлительны и тверды, онъ, можно сказать, ни въ чемъ не сомнѣвается,—ни въ человѣкѣ, ни въ законахъ вселенной,—онъ положительно говоритъ: „это мы знаемъ; въ этомъ нечего сомнѣваться“— но—какое бы убѣжденіе ни высказывалъ, какъ бы твердо ни высказывалъ его, какими бы неопровержимыми доказательствами ни подтверждалъ его,—все-таки онъ въ концѣ ставитъ новый вопросъ, все-таки заключаетъ тѣмъ, что говоритъ: „то, что мы теперь знаемъ, только начало знанія; нужно заняться теперь дальнѣйшими изслѣдованіями, при которыхъ и прежняя истина явится, быть можетъ, въ новомъ видѣ“; каждое его изслѣдованіе представляется какъ будто только одною частью, отрывкомъ, который долженъ читатель дополнить уже самъ. Въ главнѣйшихъ его ученыхъ сочиненіяхъ—„Лаокоонѣ“ и „Драматургіи“, эта необходимость дальнѣйшаго самостоятельнаго изслѣдованія выражается даже внѣшнимъ образомъ: заключая „Лаокоона“, онъ обѣщаетъ современемъ прибавить вторую часть

*) Въ гораздо меньшихъ размѣрахъ можно почти то же сказать о Гоголѣ, если приводить примѣры изъ нашей литературы. Пушкину подражали талантливые люди, но подражаніе Гоголю замѣтно только у писателей мало талантливыхъ. Нынѣшніе даровитые писатели произошли отъ Гоголя,—а, между тѣмъ, ни въ чемъ не подражаютъ ему,—не напоминаютъ его ни чѣмъ, кромѣ какъ только тѣмъ, что, благодаря ему, стали самостоятельны, изучая его, пріучились понимать жизнь и поэзію, думать своею, а не чужою головою, писать своимъ, а не чужимъ перомъ.

къ этому изслѣдованію, которое положительно называетъ только первою частью; въ „Драматургіи“ также нѣсколько разъ говорится, что вся она только первый отдѣлъ труда, который долженъ имѣть продолженіе: „Листки противъ Геце“ прекращены, можно сказать, въ самомъ началѣ. Въ каждой частности слышится тотъ же вызовъ читателю на дальнѣйшее обсужденіе дѣла. Можно сказать, что и общее направленіе дѣятельности Лессинга не имѣетъ такой общей темы, которую не смѣнила бы другая тема, если то потребуется развитіемъ мысли,—онъ началъ, какъ литературный критикъ, а кончилъ теологическими изслѣдованіями, которыя, навѣрное, оставилъ бы для другихъ изъисканій, если бы прожилъ долѣе.

Но мы слишкомъ давно забыли о біографической нити разсказа. Возвратимся же къ отношеніямъ Лессинга съ Мендельсономъ и Николаи, на которыхъ остановились. Весь характеръ дѣятельности Лессинга былъ таковъ, что вліяніе его рождало не учениковъ, а самостоятельныхъ дѣятелей. Позднѣе, это обнаружилось всѣмъ ходомъ нѣмецкой литературы и науки, которыя, въ эпоху, порожденную Лессингомъ, отличаются чрезвычайно энергическимъ стремленіемъ къ самостоятельности. Но, прежде всего, это обнаружилось на ближайшихъ друзьяхъ и непосредственныхъ воспитанникахъ Лессинга,—на Мендельсонѣ и Николаи. Они хотѣли быть его учениками, хотѣли составить школу, главою которой былъ бы Лессингъ.—Онъ не захотѣлъ того, и когда увидѣлъ ихъ имѣющими уже довольно силъ, тотчасъ же предоставилъ имъ дѣйствовать, какъ они хотятъ. Внѣшнимъ образомъ это выразилось въ томъ, что онъ не хотѣлъ быть постояннымъ сотрудникомъ журналовъ, ими издаваемыхъ;—существеннымъ слѣдствіемъ заботы Лессинга не о пріобрѣтеніи себѣ учениковъ, а, напротивъ, о пробужденіи самостоятельности въ каждомъ, было то, что Николаи и Мендельсонъ сохранили, какъ мыслители, полную оригинальность своихъ различныхъ натуръ, и напоминаютъ Лессинга не содержаніемъ своихъ ученій, а только тѣмъ, что въ немъ имѣли нравственную поддержку, и безъ этой поддержки дѣйствовали бы не такъ смѣло и самостоятельно.

Въ самомъ дѣлѣ, Лессингъ такъ мало хотѣлъ сдѣлаться главою партіи, что вскорѣ послѣ того, какъ сошелся съ Николаи и Мендельсономъ, уѣхалъ изъ Берлина, съ намѣреніемъ нѣсколько лѣтъ ничего не печатать. Уже семь лѣтъ онъ жилъ литературною работою,—успѣлъ, наконецъ, составить себѣ очень громкое имя,—не только какъ критикъ, но и какъ поэтъ сталъ выше всѣхъ своихъ современниковъ во мнѣніи лучшей части публики: за первыми одами и комедіями его, которыя заслужили ему имя одного изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ въ тогдашней литературѣ, послѣдовала трагедія „Миссъ Сара Сампсонъ“, которая съ перваго же раза была признана явленіемъ, какихъ еще не бывало въ нѣмецкой литературѣ, и поставила Лессинга, какъ драматурга, выше всѣхъ соперниковъ*). Но трудъ упорный и

*) Замѣчательнѣйшія произведенія Лессинга—именно драматическія пьесы „Миссъ Сара Сампсонъ“, „Минна фонъ Барнгельмъ“, „Эмилія Галотти“ и „Натанъ Мудрый“; также „Литературныя письма“ въ связи съ другими критическими статьями, „Лаокоонъ“ и „Гамбургская Драматургія“ и, отчасти, полемическія статьи противъ Геце будутъ нами разсмотрѣны послѣ, чтобы не прерывать біографію слишкомъ длинными эпизодами и анализами.

счастливый въ литературномъ отношеніи, едва доставлялъ Лессингу средства для жизни,—въ его перепискѣ рѣчь идетъ всегда о талерахъ, много о десяткахъ талеровъ. Безконечная работа, соединенная съ матеріальными лишеніями, утомила Лессинга. Онъ сталъ искать себѣ какого нибудь занятія, легче, нежели литература, обезпечивающаго жизнь. Судьба едва не увлекла его на нашу родину, которой столько пользы принесли его соотечественники своими занятіями. Вотъ что писалъ онъ къ отцу весною 1755 года, въ отвѣтъ на настойчивыя просьбы старика, чтобъ сынъ позаботился опредѣлиться на службу.

„О моемъ опредѣленіи на службу, мои знакомые хлопочутъ больше меня, а я мало думаю объ этомъ. Въ послѣднее время сильно уговаривали меня ѣхать въ Москву, гдѣ, какъ вы знаете, конечно, по газетамъ, основывается университетъ. Изъ всѣхъ подобныхъ предположеній, это скорѣе всего можетъ осуществиться".

Но предположеніе не исполнилось: вмѣсто Лессинга, поѣхалъ въ Москву готтшедіанецъ Рейхель *).

Когда разстроился планъ получить мѣсто въ Москвѣ, Лессингъ, не сказавшись, по своему обыкновенію, никому изъ своихъ пріятелей, исчезъ изъ Берлина и очутился въ Лейпцигѣ. Какъ и зачѣмъ онъ переѣхалъ изъ Берлина въ Лейпцигъ—совершенно неизвѣстно; надобно полагать только, что онъ имѣлъ въ виду какъ нибудь избавиться отъ необходимости зарабатывать себѣ хлѣбъ литературнымъ трудомъ, утомительнымъ и неблагодарнымъ, надѣясь найти себѣ какія нибудь иныя средства для жизни. Дѣйствительно, скоро сошелся онъ въ Лейпцигѣ съ молодымъ богатымъ купцомъ Винклеромъ, который хотѣлъ нѣсколько лѣтъ употребить на путешествіе по различнымъ европейскимъ странамъ, для довершенія своего образованія, и предложилъ Лессингу быть ему спутникомъ, въ качествѣ, отчасти, товарища, отчасти наставника, съ жалованьемъ по 300 талеровъ (около 275 р. сер.) въ годъ. Путешествіе должно было продолжаться года три. Триста талеровъ въ годъ, на всемъ готовомъ содержаніи, и, притомъ, съ возможностью объѣхать всю Европу!—это было великимъ счастіемъ для Лессинга. Въ письмѣ къ Мендельсону (декабрь 1755), разсказавъ, какія сочиненія и изданія онъ готовитъ къ Пасхальному сроку слѣдующаго года **), Лессингъ продолжаетъ:

*) Кстати, говоря о Россіи, скажемъ, что въ Императорской Публичной Библіотекѣ должно быть довольно много книгъ, принадлежавшихъ Лессингу. Когда, при переселеніи изъ Берлина въ Гамбургъ, Лессингъ распродалъ свою обширную библіотеку, собранную имъ въ Бреславлѣ, много книгъ было куплено для Варшавской библіотеки графа Залускаго, которая потомъ, какъ извѣстно, перевезена была въ Петербургъ и послужила основаніемъ нынѣшней Публичной Библіотеки. Изъ книгъ, которыя находились въ библіотекѣ Лессинга и были проданы съ аукціона, находились „Journal des Savants", полный экземпляръ до 1764 года, составляющій 254 тома; „Acta Eruditorum": „Années littéraires" Фрерона;—кромѣ того говорится вообще, что у него было много первоначальныхъ изданій (editio princeps) греческихъ и латинскихъ классиковъ. По этимъ указаніямъ, быть можетъ, не напрасно было бы сдѣлать поиски въ Публичной Библіотекѣ. См. Данцель и Гурауэръ, первая половина 2-го тома, стр. 136.

**) Извѣстно, что и до сихъ поръ въ Германіи книжная торговля имѣетъ два важнѣйшіе полугодичные термина, къ которымъ все готовится, отъ которыхъ зави-

„Ну, что вы скажете? Не слишкомъ ли много? Если публика осудитъ меня за излишнее усердіе въ угощеніи ея моими произведеніями, то въ извиненіе себѣ скажу одно: съ слѣдующей Пасхи, цѣлые три года не услышитъ она обо мнѣ. Caestus artemque repono. Даю покой рукамъ и ремеслу.

„Какимъ это образомъ? навѣрное спросите вы. Слушайте же важнѣйшую изъ всѣхъ новостей, какія только могу сообщить о себѣ. Не въ дурной часъ выѣхалъ я изъ Берлина. Нашлось мнѣ очень выгодное дѣло"...

И онъ съ восторгомъ разсказываетъ о предложеніи Винклера. Заключенъ былъ формальный контрактъ на три года. Срокомъ отъѣзда назначена весна 1756 года, около Пасхи. Въ маѣ, путешественники дѣйствительно пустились въ свое странствованіе, и, черезъ Магдебургъ, Брауншвейгъ, Гамбургъ, Гренингенъ, къ началу августа пріѣхали въ Амстердамъ. Осмотрѣвъ замѣчательные города Голландіи, хотѣли они въ октябрѣ отправиться въ Англію,—но страшная новость принудила Винклера скорѣе возвратиться домой.

Въ августѣ 1756 года, внезапнымъ нападеніемъ на Саксонію, Фридрихъ II началъ войну, которая теперь извѣстна подъ именемъ Семилѣтней. Лейпцигъ былъ занятъ пруссаками. Смятеніе въ городѣ, ужасъ жителей были безмѣрны: нѣкоторые умирали отъ страха, наводимаго ожиданіемъ наступающихъ бѣдствій. Винклеру надобно было возвратиться, чтобы спасать свое имущество: въ Лейпцигѣ былъ у него домъ. Такимъ образомъ, начатое путешествіе пришлось отложить,—но только отложить: обезопасивъ свой домъ отъ контрибуцій и конфискацій, Винклеръ хотѣлъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, снова пуститься въ странствованія, и потому Лессингъ, по контракту, оставался жить у него. Но скоро они поссорились, и Лессингъ опять увидѣлъ себя въ томъ самомъ положеніи, отъ котораго хотѣлъ избавиться, уѣзжая изъ Берлина.

Причина ссоры очень характеристична для личности Лессинга. Онъ былъ родомъ изъ Саксоніи. Саксонцы теперь проклинали пруссаковъ, угнетавшихъ несчастную Саксонію поборами и наборами, контрибуціями и реквизиціями. Но,—справедливо или несправедливо,—остальныя германскія племена смотрѣли на Фридриха II, какъ на героя-защитника нѣмецкой національности противъ вліянія иноземцевъ. Справедливо или нѣтъ, но образованные люди во всей Германіи считали его защитникомъ просвѣщенія и поборникомъ благотворныхъ реформъ.

Есть въ раздробленной Германіи чувство, которое, къ счастію, неизвѣстно у народовъ, успѣвшихъ соединиться въ одно государство,—это партикуляризмъ, предпочтеніе мѣстнаго патріотизма—гессенскаго, баденскаго, виртембергскаго, саксонскаго, прусскаго—общему нѣмецкому патріотизму. Благодаря вліянію литературы, начавшемуся съ Лессинга, это мелочное чувство ослабѣло, теперь оно не имѣетъ и десятой части того могущества, которымъ обладало за сто лѣтъ. Но и до сихъ поръ оно еще сильно, доказательствомъ тому служатъ событія послѣднихъ годовъ.

ситъ весь ходъ литературныхъ занятій, продажъ, заказовъ и т. д.—это двѣ Лейпцигскія книжныя ярмарки—Михайловская и Пасхальная. Сто лѣтъ тому назадъ, значеніе этихъ сроковъ было еще важнѣе.

Какъ ни силенъ теперь въ Германіи партикуляризмъ, все-таки теперь это чувство, отжившее свой вѣкъ, остатокъ старины, не больше какъ рутина, привычка. Сто лѣтъ тому назадъ было не такъ. Саксонецъ считалъ себя только саксонцемъ, пруссакъ только пруссакомъ, а не нѣмцемъ; вся его національная гордость, всѣ его патріотическія чувства были прикованы исключительно къ провинціальному племени, въ которомъ онъ родился,—для чувствъ тогдашняго нѣмца существовала только Саксонія, Пруссія, Баварія, но не Германія: Германія исчезала, какъ скоро являлся поводъ къ пробужденію партикуляризма.

Лессингъ и въ этомъ, какъ въ остальномъ, былъ выше своего вѣка,—употребляемъ выраженіе, которое рѣдко можетъ примѣняться къ дѣлу, почти всегда будучи пустою фразою, но совершенно примѣняется къ Лессингу,—потому что, если кто нибудь бывалъ на столѣтіе впереди своего вѣка, то именно онъ.

Какъ стоялъ онъ выше литературныхъ партій, такъ точно стоялъ онъ и выше провинціальныхъ, племенныхъ подраздѣленій. Онъ думалъ только о Германіи,—Саксонія, Пруссія, Австрія были для него ничто предъ Германіею. Подданные и солдаты Фридриха II были нѣмцы,—арміи, съ которыми онъ сражался, состояли изъ венгровъ, кроатовъ, французовъ, русскихъ. Фридрихъ былъ хорошимъ администраторомъ, а въ Саксоніи самовластвовалъ Брюль,—выборъ былъ ясенъ для Лессинга, и онъ принялъ сторону Фридриха II.

Вмѣстѣ съ Винклеромъ, онъ обѣдалъ за table d'hôte, гдѣ всегда было большое общество, преимущественно состоявшее изъ купцовъ. Всѣ проклинали пруссаковъ и Фридриха, Лессингъ защищалъ ихъ.

Изъ прусскихъ офицеровъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Лейпцигѣ, со многими Лессингъ подружился, особенно съ поэтомъ Клейстомъ, майоромъ прусской службы, черезъ нѣсколько времени раненымъ на смерть при Кунерсдорфѣ. Талантъ Клейста не былъ великъ; но его прекрасный характеръ, соединявшій въ себѣ задумчивость съ воинственною энергіею, и его преданность Лессингу привязали къ нему Лессинга. Онъ приводилъ Клейста и другихъ пруссаковъ за table d'hôte, гдѣ самъ обѣдалъ, и такимъ образомъ, явилась тамъ, кромѣ саксонской партіи, прусская.

Саксонцы негодовали на непрошенныхъ собесѣдниковъ, и многіе изъ прежнихъ постоянныхъ посѣтителей перестали обѣдать въ этомъ ресторанѣ. Хозяйка ресторана, оставшаяся въ убыткѣ, стала говорить Винклеру, что проситъ его и Лессинга, съ его пріятелями, не бывать въ ея ресторанѣ, потому что прусскіе мундиры лишаютъ ее другихъ, болѣе многочисленныхъ гостей. Винклеръ, уже прежде нѣсколько разъ имѣвшій мелочныя ссоры съ Лессингомъ,—вѣроятно, также главнымъ образомъ по поводу его любви къ пруссакамъ, написалъ ему теперь невѣжливую записку, и Лессингъ долженъ былъ прекратить съ нимъ всякія сношенія.

Такимъ образомъ, остался онъ въ Лейпцигѣ опять безъ всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ литературной работы; а доставать деньги литературной работою, все-таки было для него удобнѣе въ Берлинѣ, нежели гдѣ-нибудь, и въ 1759 году возвратился онъ въ Берлинъ. Тамъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его Николаи.

Вскорѣ послѣ того, какъ сблизился съ Лессингомъ, и потомъ, черезъ Лессинга, съ Мендельсономъ, Николаи сталъ думать о томъ, какъ бы основать критическій журналъ. Когда Лессингъ возвратился въ Лейпцигъ изъ поѣздки съ Винклеромъ, Николаи просилъ его принять на себя хлопоты найти въ Лейпцигѣ книгопродавца, который бы согласился издавать этотъ предполагаемый журналъ, которому Николаи хотѣлъ дать названіе „Библіотека изящныхъ искусствъ и словесности“. Издатель, послѣ многихъ напрасныхъ поисковъ, былъ наконецъ найденъ Лессингомъ; статьи, присылаемыя изъ Берлина Николаи, Мендельсономъ и ихъ друзьями, передавались въ типографію черезъ Лессинга, который иногда, въ случаѣ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, дѣлалъ необходимыя измѣненія по редакціонной части, но, вообще, не желалъ имѣть вліянія на духъ и направленіе журнала, редакторомъ котораго былъ Николаи, при содѣйствіи Мендельсона*).

Когда Лессингъ возвратился въ Берлинъ, коммерческое положеніе Николаи измѣнилось. До сихъ поръ, книжный магазинъ принадлежалъ его отцу, потомъ, по смерти отца, брату,—писатель Николаи, младшій братъ, былъ просто прикащикомъ въ магазинѣ и получалъ отъ брата небольшую часть годичной прибыли. Теперь, по смерти брата, онъ самъ сдѣлался хозяиномъ книжнаго магазина; продолжать писать для журнала, издаваемаго другимъ книгопродавцемъ, ему было уже не выгодно. Онъ передалъ „Библіотеку изящныхъ искусствъ“ другой редакціи, и основалъ новый журналъ „Литературныя письма“. Душою этого журнала былъ Лессингъ, изъ статей котораго почти исключительно составлены были первыя книжки „Литературныхъ писемъ“.

---

*) Николаи сообщаетъ любопытный фактъ о томъ, какъ вознаграждался тогда литературный трудъ книгопродавцами-издателями. Николаи и его сотрудники получали отъ своего книгопродавца по двадцати-пяти талеровъ за цѣлый нумеръ „Библіотеки“, состоявшій изъ пятнадцати печатныхъ листовъ, то есть по 1 руб. 50 коп. сер. за печатный листъ,—почти то, что надобно заплатить писцу за переписку статьи. Положимъ, что форматъ листа былъ невеликъ, положимъ, что плата, по замѣчанію Николаи, была и для того времени очень умѣренною, и въ другихъ случаяхъ писатели получали нѣсколько болѣе, но все-таки—эта цифра одна уже поясняетъ намъ, каково было тогда въ Германіи матеріальное положеніе писателя, который жилъ литературной работой, не имѣя другихъ источниковъ дохода.—Впрочемъ, какъ мы говорили, такихъ писателей было очень мало.—Напримѣръ, изъ тѣхъ, которыхъ мы назвали въ этой статьѣ,—Ланге и Глеймъ были пасторы. Клейстъ—офицеръ, Зульцеръ—профессоръ, Николаи—книгопродавецъ, Мендельсонъ—бухгалтеръ въ торговомъ домѣ,—одинъ Лессингъ былъ писатель и больше ничего.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

„Литературныя письма“. — Основаніе ихъ сильнаго дѣйствія на нѣмецкую литературу.—Черты, ими внесенныя въ характеръ нѣмецкой мысли.—Лессингъ принимаетъ мѣсто секретаря при Тауэнцинѣ.—Жизнь его въ Бреславлѣ.—Возвращеніе къ литературному міру.—„Миссъ Сара Сампсонъ“.—„Минна фонъ-Барнгельмъ“.—„Лаокоонъ“.

(1759—1767).

„Библіотека изящныхъ искусствъ“, которую издавалъ Николаи при содѣйствіи Мендельсона, была лучшимъ критическимъ журналомъ своего времени. Она стояла выше мелочныхъ интригъ, самолюбивою суетою замедлявшихъ успѣхи нѣмецкой мысли; основанія критики ея надобно назвать справедливыми, ея сужденія—вообще здравыми и благородными, умными и безпристрастными. И однако же, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, „Библіотека изящныхъ искусствъ“ осталась безъ замѣтнаго вліянія на литературу; она приноситъ большую честь дарованіямъ и добросовѣстности своихъ соучастниковъ, но мало принесла пользы нѣмецкой публикѣ.

„Литературныя письма“, по многимъ существеннымъ чертамъ характера, были сходны съ „Библіотекою изящныхъ искусствъ“. Ужъ однѣ внѣшнія примѣты достаточно показываютъ степень близости этихъ двухъ журналовъ. Николаи, редакторъ „Библіотеки“, былъ редакторомъ и издателемъ „Литературныхъ писемъ“; Мендельсонъ, главный его сотрудникъ въ „Библіотекѣ“, принималъ не менѣе дѣятельное участіе и въ „Литературныхъ письмахъ“. Столь же рѣшительны и факты внутренняго родства обоихъ журналовъ. Николаи и Мендельсонъ развились, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ Лессинга; „Библіотека“ была по преимуществу выраженіемъ мыслей, въ первый разъ высказанныхъ имъ; Николаи и Мендельсонъ съ восторгомъ приняли его сотрудничество при изданіи „Литературныхъ писемъ“ главнымъ образомъ потому, что видѣли въ немъ человѣка, думающаго одинаково съ ними о всѣхъ существенно важныхъ вопросахъ, и не обманулись, ожидая совершенной гармоніи между его и своими статьями: впослѣдствіи, Лессингъ ушелъ далеко впередъ отъ своихъ друзей, и они уже не могли понимать его, но до конца изданія „Литературныхъ писемъ“ не замѣчалось разницы между его и ихъ воззрѣніями,—не замѣчалось до такой степени, что и публика и писатели, не только противныхъ партій, но даже изъ друзей Лессинга, всѣ, непосвященные въ тайны редакціи, не умѣли отличить, кому изъ трехъ главныхъ лицъ такъ называвшейся тогда Берлинской или Николаитской школы принадлежитъ та или другая статья. Лессингу приписывались многія рецензіи въ „Библіотекѣ“, въ которой онъ не участвовалъ; и

наоборотъ, многія статьи въ „Литературныхъ письмахъ“, принадлежавшія Лессингу, приписывались Мендельсону или Николаи. Иныя рецензіи были написаны Лессингомъ вмѣстѣ съ Мендельсономъ, какъ прежде, разсужденіе о метафизикѣ Попа; другія служатъ развитіемъ статей „Библіотеки“ — словомъ, сходство этихъ двухъ журналовъ такъ очевидно, что многими „Литературныя письма“ считались за продолженіе „Библіотеки“. И однако же, при всей видимой одинаковости направленія, „Литературныя письма“ произвели совершенный переворотъ въ нѣмецкой литературѣ, между тѣмъ, какъ „Библіотека“ не имѣла особенной важности въ исторіи нѣмецкаго развитія.

Эту разницу въ значеніи двухъ журналовъ, бывшихъ выраженіемъ одной мысли, надобно, конечно, приписывать исключительно участію Лессинга въ „Литературныхъ письмахъ“. Въ самомъ дѣлѣ, громадное дѣйствіе производилось именно его статьями; когда онъ оставилъ „Литературныя письма“, нумера этого журнала утратили большую часть той электрической силы, которая приводила въ движеніе умы читателей и волновала литературный міръ, и если онъ продолжалъ еще пользоваться значительнымъ вліяніемъ, то почти исключительно благодаря репутаціи, пріобрѣтенной первыми, лессинговскими нумерами. Тайну этого превосходства нельзя вполнѣ объяснить ни славою Лессинга, ни даже огромнымъ перевѣсомъ его таланта надъ силами другихъ его сподвижниковъ.

Что касается таланта, Николаи и Мендельсонъ, какъ ни далеко уступали Лессингу, все же были писатели великихъ дарованій, стало быть и они могли бы имѣть сильное вліяніе, еслибъ для того нужно было только хорошо изложить справедливыя мысли. Притомъ же, мы видѣли, что публика и литература не умѣли отличать въ журналѣ статей Лессинга отъ статей, написанныхъ другими, стало быть, мало еще были способны оцѣнить превосходство его мастерскаго изложенія. Что же касается славы, Лессингъ, конечно, уже пользовался громкою, даже очень громкою извѣстностью въ публикѣ, но все-таки далеко еще не достигъ той общепризнанной репутаціи великаго, геніальнаго писателя, которая увлекаетъ толпу однимъ авторитетомъ имени. Такое положеніе дается только временемъ, привычкою; авторитетъ пріобрѣтается не такъ быстро, какъ слава, а Лессингъ еще и славою не равнялся съ Клопштокомъ, Галлеромъ и нѣкоторыми другими тогдашними знаменитостями. Люди, особенно проницательные, конечно, уже видѣли въ немъ перваго нѣмецкаго писателя,—но число такихъ людей было очень невелико; у каждой литературной партіи были еще свои авторитеты, внушавшіе болѣе уваженія, нежели чуждый всѣмъ котеріямъ Лессингъ; а публика еще не успѣла отвыкнуть отъ поклоненія старымъ свѣтиламъ. Лессингъ не только не имѣлъ первенствующаго положенія во всей нѣмецкой литературѣ,—онъ не считался даже главою и той школы, къ которой его причисляли. Николаи былъ редакторомъ журналовъ этой школы, онъ считался и ея главою; всѣ говорили о Николаитахъ, никому и въ голову не приходило называть ихъ Лессингіанцами.

Правда, въ одномъ отношеніи никто уже не находилъ соперниковъ Лессингу—именно, въ жестокости нападеній. Со времени своей полемики съ Ланге онъ считался самымъ злымъ спорщикомъ, человѣкомъ безпокой-

нѣйшаго литературнаго характера, писателемъ, находящимъ лучшее свое удовольствіе въ безпощадномъ терзаніи всѣхъ и каждаго, кто только подвернется ему подъ руку. „Лессингъ душитъ всѣхъ, чтобы самому было просторнѣе жить“, писалъ въ 1759 году близкій пріятель Лессинга, Рамлеръ, другому близкому его и своему пріятелю, Глейму: „Отъ этого ужъ нельзя его исправить: такова его натура“. Если такъ говорили между собою о Лессингѣ его друзья, то можно вообразить, каково было мнѣніе о его критической свирѣпости у всѣхъ другихъ писателей и читателей. Онъ представлялся литераторамъ и публикѣ какимъ-то людоѣдомъ. Онъ самъ зналъ, что самая яркая черта его репутаціи—его безпощадная строгость въ критикѣ, его страшная рѣзкость въ полемикѣ, и онъ указываетъ на это общее мнѣніе о себѣ шуткою, отвѣчая на вопросъ Николаи о томъ, какой девизъ написать подъ его портретомъ (Николаи, когда былъ редакторомъ „Библіотеки изящныхъ искусствъ“, вздумалъ приложить къ своему журналу портреты нѣкоторыхъ писателей, въ томъ числѣ и Лессинга). „Чтобы не думать долго—говоритъ Лессингъ—выставьте подъ моимъ портретомъ:

„Hic niger est, hunc tu, Romane, caveto“ *),

„Или, пожалуй:

„Quid immerentes hospites vexas, canis“? **)

Кажется, трудно было прославиться безпощадностью полемики въ тотъ вѣкъ ожесточеннѣйшей, нескончаемой, не знавшей никакихъ границъ, забывавшей всѣ законы приличій полемики,—когда литературныя партіи преслѣдовали одна другую самою плоскою и циническою бранью, съ безконечными антикритиками, рекритиками, отвѣтами на рекритики и отвѣтами на отвѣты на рекритики. Но Лессингу эта непривлекательная слава считаться жесточайшимъ изъ всѣхъ жестокихъ зоиловъ досталась очень легко. Въ самомъ дѣлѣ, его критики должны были раздражать самолюбіе тогдашнихъ писателей сильнѣе, нежели чьи бы то ни было. Если Бодмеръ бранилъ Готтшеда,—Готтшеду казалось это очень натурально,—вѣдь онъ самъ бранилъ Бодмера,—для того и другаго одинаково ясно было, что противникъ бранитъ его только изъ-за оскорбленнаго самолюбія,—они оба уже были приготовлены къ тому, чтобы не ждать другъ отъ друга ничего, кромѣ грубѣйшей брани. Каждая изъ враждующихъ партій считала всѣхъ людей противнаго лагеря глупцами и негодяями — утѣшеніемъ каждому служило то, что его бранятъ глупцы и невѣжды,—которыхъ онъ и его друзья много разъ выводили на свѣжую воду, уничтожали и бранили. Но, кромѣ этихъ заклятыхъ враговъ всего талантливаго и умнаго (то есть, принадлежащаго къ его партіи), отъ всѣхъ другихъ критиковъ каждый писатель слышалъ только похвалы и комплименты, а всѣ люди съ умомъ и вкусомъ (то есть люди его собственной партіи) превозносили его до небесъ. Брань отъ записныхъ противниковъ,

*) „Это злой человѣкъ, берегись его“. — Изъ извѣстнаго прорицанія о рѣкѣ Нигерѣ. Лессингъ дѣлаетъ тутъ каламбуръ, ставя вмѣсто Niger (имя рѣки) — niger (черный, злобный).

**) „Что ты, собака, кидаешься на людей, которые тебя не трогаютъ?“

если и бываетъ груба, все таки въ сущности довольно легко переносится самолюбіемъ. И вдругъ—явился человѣкъ, который осуждалъ, напримѣръ, Готтшеда не потому, что былъ поклонникомъ Бодмера,—напротивъ, онъ не менѣе строго осуждалъ и Бодмера,—это было уже нарушеніемъ обычая,—это было уже непонятнымъ, непредвидѣннымъ нападеніемъ. „За что жъ онъ осуждаетъ меня,—думалъ Готтшедъ: — если онъ не хочетъ мстить мнѣ за Бодмера? По какому праву? На какомъ основаніи? Дѣло другое, еслибъ онъ хвалилъ Бодмера,—тогда это было бы натурально. А теперь видно, что онъ человѣкъ безъ всякихъ правилъ, злобный человѣкъ, который бранится не потому, что мы съ нимъ принадлежимъ къ враждующимъ лагерямъ, а просто потому, что онъ любитъ мучить людей. Это не аѳинянинъ, поражающій спартанца потому, что Аѳины и Спарта ведутъ войну, а просто душегубецъ, которому одинаково пріятно рѣзать и аѳинянъ и спартанцевъ, это не воинъ, а разбойникъ“.

Мы видѣли, что подъ вліяніемъ Лессинга образовались въ нѣмецкой литературѣ писатели, подобно ему, не сочувствовавшіе ни одной изъ враждовавшихъ партій,—критики, которые, подобно ему, должны были возбуждать къ себѣ одинаковую нелюбовь во всѣхъ партіяхъ. Ихъ органомъ была „Библіотека изящныхъ искусствъ“. Но мнѣнія этихъ людей были заимствованныя, навѣянныя, не превратившіяся еще въ ихъ собственную плоть и кровь,—потому довольно блѣдныя, довольно снисходительныя. Эти ученики еще не такъ сильно прониклись новыми понятіями, чтобы совершенно оторваться отъ прежнихъ,—не на столько были сильны, чтобы логически провести свой новый принципъ по всей системѣ своихъ убѣжденій,—это были люди того характера убѣжденій, который нынѣ принято въ критикѣ называть „умѣреннымъ образомъ мыслей“. Они могутъ быть очень благородны, очень благоразумны,—но не имъ увлекать вслѣдъ за собою большинство; они могутъ быть очень почтенны, но они вовсе не эффектны, если можно такъ выразиться.

Ихъ учитель былъ не таковъ. Онъ говорилъ то, что глубоко обдумалъ и сильно прочувствовалъ,—его убѣжденія имѣли уже логическую стройность и полноту, — онъ уже не могъ дѣлать уступокъ явленіямъ, которыя не оправдывались его принципомъ,—онъ обсудилъ и безвозвратно осудилъ всѣ устарѣлыя понятія,—словомъ сказать, онъ былъ то, что теперь называется человѣкъ неумолимой логики, человѣкъ убѣжденій.

Бываютъ эпохи въ литературѣ, когда нужны обществу люди умѣренныхъ мнѣній, люди примиренія, люди уступокъ,—они бываютъ очень полезны въ концѣ борьбы, когда нужно дать пощаду признавшимся въ своемъ безсиліи побѣжденнымъ. Но—начало борьбы, какова была во время Лессинга, имѣетъ другія условія,—тутъ нужна была энергія. Когда вводился въ жизнь новый принципъ, правъ котораго еще не хотѣли признавать, онъ долженъ былъ со всею силою предъявлять всѣ свои права, долженъ былъ не колеблясь обнаруживать всѣ слабыя стороны явленій, неудовлетворительность которыхъ дѣлала появленіе этого новаго принципа историческою необходимостью.

Мы не будемъ здѣсь излагать содержанія лессингова журнала,—это

мы сдѣлаемъ въ особенной главѣ, а теперь скажемъ только нѣсколько словъ объ его общемъ дѣйствіи, о тѣхъ чертахъ, которыми, со времени „Литературныхъ писемъ“, рѣзко запечатлѣлась вся жизнь нѣмецкой націи.

Мы видѣли, какую репутацію имѣлъ Лессингъ и за что онъ имѣлъ ее. Человѣкъ энергическаго ума и смѣлаго характера, онъ ненавидѣлъ то, что называется „половинчатостью“ (Halbheit); чего онъ хотѣлъ, того хотѣлъ не шутя, что говорилъ, то говорилъ вполнѣ, до конца,—если онъ не видѣлъ возможности или не находилъ надобности выражать свою мысль во всей ея силѣ, онъ лучше вовсе не выражалъ ея. Поэтому, первое впечатлѣніе, произведенное „Литературными письмами“, было впечатлѣніе страшной рѣзкости сужденій. Видя необходимость для нѣмецкой литературы въ совершенномъ разрывѣ съ прежними вздорными формалистическими стремленьицами, онъ безъ всякихъ церемоній и безъ малѣйшихъ уступокъ доказывалъ, что всѣ произведенія, нравившіяся до той поры публикѣ и превозносимыя рецензентами, никуда не годятся, а самыя великія литературныя знаменитости—или люди безталанные, или погубившіе свой талантъ (послѣднее говорилъ онъ о Клопштокѣ, первое—о всѣхъ остальныхъ знаменитостяхъ), что всѣ прежнія литературныя понятія—чистый вздоръ. Никакихъ уступокъ не дѣлалъ онъ заблужденію, и безусловно отрицалъ всякое достоинство въ явленіяхъ, важнаго значенія которыхъ не смѣли отвергать даже люди, принадлежавшіе къ его школѣ. Въ этомъ состоитъ очевиднѣйшее отличіе „Литературныхъ писемъ“ отъ „Библіотеки изящныхъ искусствъ“. Примѣромъ его пусть служитъ знаменитая фраза о Готтшедѣ, какъ драматургѣ: „Никто не будетъ отрицать,—говорила „Библіотека“.—что нѣмецкій театръ въ значительной степени обязанъ своимъ первымъ усовершенствованіемъ г. профессору Готтшеду“. — „Я этотъ никто, — говорилъ Лессингъ, цитуя слова эти въ XVII-мъ письмѣ— я совершенно отрицаю это“.

Рѣзкость сужденій была первымъ условіемъ сильнаго вліянія „Литературныхъ писемъ“ на публику и писателей. Нѣмецкая мысль была тогда одержима такою вялою дремотою, что только самые сильные толчки могли пробудить ее. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, Лессингъ былъ именно человѣкъ, въ какомъ нуждалось то время. Только безпощадная діалектика, не оставлявшая ни одного уступчиваго слова для успокоенія, могла заставить публику и писателей признаться въ томъ, что литературныя дѣла ихъ дѣйствительно въ плохомъ состояніи, и пробудить въ нихъ потребность исправленія безжалостно раскрытыхъ недостатковъ.

Теперь, мысли, возбуждавшія изумленіе, когда явились въ „Литературныхъ письмахъ“, стали общими мѣстами, сужденія о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, возбуждавшія негодованіе, смѣшанное съ удивленіемъ, когда являлись въ „Литературныхъ письмахъ“, повторяются въ каждомъ учебникѣ,—стало быть, энергія выводовъ и выраженія не заводила Лессинга въ несправедливую односторонность; но не въ томъ только дѣло, что онъ былъ правъ, осуждая Клопштока и Крамера, Готтшеда и Бодмера: не много бы выиграли нѣмцы, если бы научились изъ „Литературныхъ писемъ“ только вѣрному взгляду на факты, обсуждавшіеся въ этомъ журналѣ—факты были вообще не слишкомъ важны, и, по правдѣ сказать, не стоило бы труда во-

все и говорить о нихъ, еслибъ нѣмцы были приготовлены къ тому, чтобъ слушать и понимать сужденія о чемъ нибудь важнѣйшемъ, нежели произведенія Готтшеда съ его союзниками и противниками. Важно было не столько пріобрѣтеніе нѣмецкимъ обществомъ сужденій о литературныхъ явленіяхъ, сколько то, что вмѣстѣ съ содержаніемъ сужденій перешелъ въ нѣмецкую мысль ихъ духъ,—духъ строгой, неостанавливающейся ни передъ какими выводами логики, не признающей за заблужденіемъ права на уступки, ищущей только чистой истины, какова бы ни была отъ того судьба нашихъ личныхъ предубѣжденій и поползновеній.

Нелѣпо было бы намъ, людямъ постороннимъ, быть безусловными поклонниками нѣмцевъ и ставить ихъ поэтовъ и мыслителей идеалами, передъ которыми ничтожны, напримѣръ, поэты и мыслители англійскіе и французскіе,—сами нѣмцы не впадаютъ въ такую ошибку, тѣмъ нелѣпѣе была бы она у насъ. Но безпристрастные люди всѣхъ націй согласны въ томъ, что если, вообще говоря, французскіе или англійскіе писатели имѣютъ во многихъ отношеніяхъ превосходство надъ нѣмцами *), то, по смѣлости взгляда и логичности выводовъ, нѣмцы стоятъ далеко выше ихъ. Французы съ парадоксальнымъ экстазомъ провозглашаютъ, сами изумляясь своей смѣлости, такія мысли, наивность которыхъ кажется прѣсною для нѣмца; англичане пресерьезно доказываютъ справедливость понятій, нелѣпость которыхъ очевидна для нѣмца съ перваго взгляда, — кромѣ того, они слишкомъ плохіе діалектики сравнительно съ нѣмцами. Широта и безпристрастіе взгляда чаще встрѣчаются у нѣмца, нежели у кого нибудь. Несправедливо было бы считать это достоинство особеннымъ качествомъ нѣмецкой національности—логическая сила есть общее достояніе человѣческаго ума; но то несомнѣнно, что вслѣдствіе привычки къ глубокому и безпристрастному мышленію, это драгоцѣнное качество сильнѣе развито въ настоящее время въ нѣмецкой, нежели въ какой бы то ни было другой націи. Нельзя приписывать, конечно, развитіе этой привычки исключительно или преимущественно вліянію одного какого нибудь человѣка, — оно было слѣдствіемъ общаго состоянія Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка и свойства тѣхъ вопросовъ, на которые первоначально устремились умственныя силы нѣмецкаго народа. Съ одной стороны, факты его жизни были такъ незавидны, что не могли порождать особеннаго пристрастія къ себѣ: у нѣмцевъ не было ни блестящей національной исторіи, ни блестящихъ періодовъ литературы, какъ у французовъ и англичанъ, ни причинъ гордиться устройствомъ своего внутренняго быта, какъ у англичанъ, или умственнымъ владычествомъ надъ Европою, какъ у французовъ. Они не имѣли поводовъ быть пристрастными—не къ чему было пристраститься; не имѣли поводовъ быть робкими въ выводахъ изъ опасенія коснуться отрицаніемъ чего нибудь драгоцѣннаго, — имъ было нечего беречь и щадить. Съ другой стороны, первоначальною школою, въ которой воспитывалась ихъ мысль, было обсужденіе вопросовъ, болѣе или

*) Мы, конечно, говоримъ вообще о характерѣ литературъ, а не о немногихъ писателяхъ, составляющихъ рѣдкія исключенія; Гизо, напримѣръ, въ своей „Исторіи цивилизаціи“ французъ только по изложенію, а по духу—нѣмецъ; Гейне—чистый французъ; Мальтусъ—нѣмецъ по неуклонной логичности выводовъ.

менѣе отвлеченныхъ,—литературы, науки,—въ этихъ сферахъ, привыкнуть къ смѣлости и безпристрастію выводовъ легче, нежели въ сферѣ бытовыхъ и общественныхъ вопросовъ, гдѣ отъ положительнаго или отрицательнаго рѣшенія непосредственно зависитъ все матеріальное и общественное положеніе человѣка. И самая натура вопросовъ, къ которымъ первоначально обратилась пробуждавшаяся нѣмецкая мысль, и обстоятельства, въ которыхъ пробудилась она, развивали въ ней наклонность и потомъ привычку къ логичности выводовъ и широтѣ взгляда. Но того нельзя отрицать, что на сколько отдѣльный фактъ можетъ имѣть вліяніе на развитіе въ обществѣ извѣстныхъ стремленій, на столько „Литературныя письма“ содѣйствовали образованію въ нѣмецкой мысли того драгоцѣннаго качества, о которомъ говорили мы. Эти письма были первымъ и чрезвычайно блестящимъ указаніемъ пути, по которому пошла нѣмецкая мысль. Дѣйствіе, произведенное ими, было очень сильно: всѣ могли учиться изъ этого примѣра, всѣ почувствовали желаніе идти по дорогѣ, въ первый разъ проложенной Лессингомъ.

По своей натурѣ, чрезвычайно живой и пылкой, Лессингъ вообще былъ расположенъ работать именно только надъ тѣмъ, что не могло быть совершено другими; въ немъ жило инстинктивное влеченіе геніальныхъ людей устремлять свое силы только на существеннѣйшую часть дѣла, предоставляя другимъ второстепеннымъ людямъ то, что уже по силамъ для нихъ—именно, разработку поставленной руководителемъ задачи и пользованіе доставленными имъ къ тому средствами; кромѣ того, онъ, какъ мы видѣли, имѣлъ ту особенность, что не любилъ держать въ зависимости отъ себя волю и умъ другихъ,—ему было противно завидное для столь многихъ положеніе главы школы, окруженнаго послѣдователями,—главною его задачею было возбужденіе самостоятельной дѣятельности въ другихъ, какъ скоро истинный путь былъ указанъ, дѣятельность возбуждена, онъ чувствовалъ свое дѣло совершеннымъ, ему скучно и противно было участвовать въ немъ долѣе, стѣсняя своимъ превосходствомъ развитіе другихъ,—онъ чувствовалъ уже влеченіе обратиться къ рѣшенію другихъ задачъ, еще не тронутыхъ. Именно такой характеръ и былъ тогда нуженъ для возрожденія нѣмецкой мысли въ мыслителѣ, который былъ бы предводителемъ новаго движенія. Характеръ Лессинга, какъ человѣка, соотвѣтствовалъ потребности Германіи въ такомъ писателѣ, который возбуждалъ бы къ дѣятельности, не отнимая работы у пробужденныхъ умовъ своимъ неотступнымъ участіемъ, который научалъ бы, не подчиняя. Ему скучно было долго оставаться на одномъ мѣстѣ или въ одинаковыхъ отношеніяхъ,—ему нужна была перемѣна обстановки, разнообразіе занятій.

Участіе его въ „Литературныхъ письмахъ“ было очень непродолжительно, оно длилось не болѣе того, сколько нужно было, чтобы возбудить напряженное вниманіе общества къ новому критическому направленію и образовать его дѣятелей, поставить, такъ сказать, на ноги людей, которые могли бы итти по указанному направленію. „Литературныя письма“ начались съ началомъ 1759 года, они выходили маленькими еженедѣльными тетрадками,—первыя восемь тетрадокъ были написаны почти исключительно Лессингомъ (изъ девятнадцати „Писемъ“, которыя составляютъ ихъ, только одно ше-

стое написано не Лессингомъ,—всѣ остальныя восемнадцать и общее введеніе принадлежатъ ему),—потомъ онъ писалъ много,—около третьей доли всѣхъ статей,—до конца октября 1759 года,—потомъ его статьи стали являться уже очень рѣдко, почти случайно,—потомъ и вовсе прекратилось его участіе, и онъ только пишетъ наконецъ заключительное (332-е) письмо, которымъ въ 1764 году оканчивается изданіе журнала, для котораго онъ въ первые два мѣсяца работалъ одинъ, потомъ нѣсколько болѣе полугода былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ, но послѣ, втеченіе четырехъ съ половиною лѣтъ, уже не считалъ нужнымъ принимать участіе, когда новое, начатое имъ направленіе, получило уже возможность продолжаться безъ его помощи.

Внѣшнею причиною прекращенія постоянной работы Лессинга для „Литературныхъ писемъ“ было то, что онъ, проживъ около двухъ лѣтъ въ Берлинѣ, уѣхалъ изъ этого города,—отчасти соскучившись жить въ немъ, отчасти наскучивъ добывать себѣ пропитаніе литературною работою и подумавъ о томъ, чтобы обезпечить нѣсколько свое существованіе, отчасти наконецъ и то, что ему стало скучно общество берлинскихъ друзей.

Вообще, Лессингъ не встрѣчалъ въ жизни такихъ людей, дружба которыхъ долго сохраняла бы силу надъ его душевными стремленіями. Онъ былъ слишкомъ многимъ выше самыхъ лучшихъ изъ тѣхъ, съ которыми сводило его взаимное расположеніе и уваженіе. Слишкомъ короткія сношенія съ кѣмъ бы то ни было скоро становились для него отчасти скучными, отчасти стѣснительными, и онъ чувствовалъ потребность измѣнить свою обстановку, чтобы дружескія отношенія не разорвались его утомленіемъ. Эту черту мы замѣчаемъ во многихъ геніальныхъ людяхъ,—можно сказать, во всѣхъ тѣхъ изъ числа ихъ, которые не были подвержены пороку мелкой суетности, находящей удовольствіе въ порабощеніи себѣ кружка поклонниковъ, который воскурялъ бы имъ ѳиміамъ. Это надобно отличить отъ холодности или эгоизма. Почти каждый испытывалъ нѣчто подобное, когда случалось ему жить въ постоянномъ общеніи съ людьми, стоявшими по уму и развитію ниже его,—какъ бы сильно ни любилъ онъ этихъ людей, общество ихъ мало по малу становилось для него скучно, и онъ, сохраняя готовность дѣлать для нихъ все возможное, начиналъ думать, что свиданія съ ними были бы пріятнѣе, если бы сдѣлались рѣже. Чувство, испытываемое случайно, временно многими изъ насъ, почти постоянно испытывается геніальными людьми. Надолго могутъ быть пріятны постоянныя, ежедневныя бесѣды только между людьми, равными между собою. А такихъ людей почти не приходится встрѣчать человѣку, который самъ составляетъ рѣдкое исключеніе. Отсюда наклонность къ уединенію, овладѣвающая тѣми изъ людей геніальныхъ, которые могутъ довольствоваться уединеніемъ.

Лессингъ былъ не таковъ. Онъ не могъ жить безъ людей, однако же, всякій кружокъ скоро утомлялъ его,—отсюда у него происходило стремленіе къ перемѣнѣ кружковъ,—и самымъ легкимъ средствомъ къ достиженію этого были переѣзды съ одного мѣста на другое. Ни къ одному изъ своихъ друзей не охладѣвалъ онъ, но нигдѣ не могъ ужиться долго, и тѣмъ задушевнѣе были возвращенія его на нѣкоторое время въ тотъ или другой кру-

жокъ, послѣ двухъ-трехъ лѣтъ отсутствія, въ продолженіе котораго также поддерживались самыя дружескія отношенія перепискою. Одинъ только другъ не наскучилъ ему во всю жизнь,—правда и то, что этотъ единственный незамѣнимый другъ была женщина, мадамъ Кёнигъ, сдѣлавшаяся его женою, когда, послѣ пяти-лѣтнихъ мучительныхъ хлопотъ объ обезпеченіи своего положенія для семейной жизни, онъ увидѣлъ наконецъ возможность ввести въ свой домъ ту, которая уже пять лѣтъ была его невѣстою. Тогда Лессингъ поселился въ Вольфенбюттелѣ,—а теперь, ему не для кого еще было слишкомъ долго оставаться въ Берлинѣ. Тѣмъ съ большею радостью покинулъ онъ Берлинъ, что жилъ тамъ единственно литературною работою, а этотъ способъ добывать хлѣбъ тяжелъ казался Лессингу; да и дѣйствительно былъ тогда самымъ скуднымъ обезпеченіемъ. Случайно представилась ему возможность занять мѣсто секретаря при генералѣ Тауэнцинѣ, бреславскомъ губернаторѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ завѣдывавшемъ чеканкою монеты. Генералъ былъ любимцемъ Фридриха, преданный всею душею своему государю и полководцу. Лессингъ давно уже хлопоталъ, чтобы найти себѣ какое нибудь мѣсто. Онъ хотѣлъ принять даже должность квартирмейстера при одномъ изъ прежнихъ полковъ,—мало того, носились слухи, что онъ готовъ даже поступить офицеромъ въ одинъ изъ милиціонныхъ батальоновъ. Тѣмъ съ большею радостью принялъ онъ мѣсто секретаря при Тауэнцинѣ.—мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, простиравшимся чуть ли не до тысячи талеровъ, — мѣсто, обѣщавшее самую разнообразную и живую обстановку, потому что Бреславль былъ однимъ изъ главныхъ центровъ военнаго управленія и въ то время,—время Семилѣтней войны, кипѣлъ жизнью; быть можетъ, Лессингъ разсчитывалъ и на лагерную жизнь, которую дѣйствительно пришлось ему испытать черезъ нѣсколько времени, когда Тауэнцинъ велъ осаду крѣпости Швейдница.

По обыкновенію, Лессингъ ни съ кѣмъ не совѣтовался въ этомъ случаѣ; по обыкновенію, даже не предупредилъ друзей о своемъ отъѣздѣ, и внезапно исчезъ изъ Берлина, какъ прежде исчезалъ изъ Лейпцига, изъ Виттенберга и т. д.,—Николаи съ Мендельсономъ только могли покачать головою при этомъ сюрпризѣ, какъ прежде качалъ головою Вейссе, неожиданно нашедши опустѣвшей квартиру своего друга.

Ускакавъ изъ Берлина въ концѣ 1760 года, Лессингъ былъ сначала въ восторгѣ отъ перемѣны своего положенія. Но скоро восторгъ прошелъ. Сухія должностныя обязанности отнимали слишкомъ много времени у новаго секретаря, онъ думалъ, что эта механическая работа будетъ служить ему отдыхомъ отъ его ученыхъ и поэтическихъ трудовъ,—но онъ тосковалъ о томъ времени, когда могъ располагать всѣми часами дня по своему произволу. Служебныя свои обязанности онъ исполнялъ, какъ надобно думать, очень внимательно, потому что оставался на этомъ мѣстѣ болѣе четырехъ лѣтъ, и Тауэнцинъ просилъ его остаться, когда онъ рѣшился возвратиться въ Берлинъ, —но онѣ были скучны для него. Въ матеріальномъ отношеніи, служба при Тауэнцинѣ была самымъ лучшимъ періодомъ въ жизни Лессинга. Получая значительное (сравнительно съ своими привычками) жалованье, онъ былъ далекъ отъ нужды, напротивъ, имѣлъ даже избытокъ, ко-

торый употребилъ на составленіе прекрасной библіотеки. Не менѣе пріятны были и его отношенія къ бреславскому обществу. Не стѣсненный денежными недостатками, онъ могъ имѣть всѣ развлеченія, и, какъ слѣдовало ожидать отъ его характера, пользовался ими вполнѣ. Почти каждый вечеръ, окруженный толпою пріятелей, онъ бывалъ въ театрѣ,—потомъ вечеръ заканчивался дружескими ужинами у самого Лессинга или у кого нибудь изъ его пріятелей. Но интереснѣе ужина и даже веселыхъ или ученыхъ бесѣдъ, было для Лессинга другое препровожденіе времени, къ которому онъ пристрастился въ Бреславлѣ,—это карты. Лессингъ велъ большую игру,—въ результатѣ, онъ не проигрался и не разбогатѣлъ, но выигрыши и проигрыши его часто бывали очень значительны. Любовь къ картамъ онъ сохранилъ до конца жизни, хотя впослѣдствіи игралъ уже не такъ часто, и будучи менѣе обезпеченъ, долженъ былъ вести игру осторожнѣе и умѣреннѣе. Въ Бреславлѣ же, онъ скоро прослылъ однимъ изъ самыхъ отважныхъ и страстныхъ игроковъ. Старые берлинскіе друзья, да и изъ бреславскихъ тѣ, которые были близки къ нему, сильно упрекали его за эту страсть,—но Лессингъ шутливо отвѣчалъ имъ цѣлыми длинными рѣчами, въ которыхъ доказывалъ тысячами самыхъ основательныхъ доводовъ, что азартная игра—занятіе не только привлекательное, но истинно полезное для души и тѣла. Для примѣра, вотъ одно изъ этихъ доказательствъ. По словамъ Лессинга карты—превосходное гигіеническое средство. Этимъ онъ опровергалъ извѣстное замѣчаніе, что, не говоря о раззорительности для кармана, надобно удерживаться отъ большой игры уже и потому, что ея волненія разрушительны для организма. „Напротивъ, говорилъ онъ:—я играю именно для здоровья. Волненіе оживляетъ мой организмъ; онъ возвышаетъ энергію всѣхъ физіологическихъ отправленій, разгоняетъ всѣ накопляющіеся дурные соки и т. д. Вы говорите съ ужасомъ о потѣ, который выступаетъ у меня на лбу при большихъ ставкахъ—именно этотъ потъ и есть прекрасное лекарство. Вспотѣвъ хорошенько, человѣкъ исцѣляется отъ всякихъ болѣзней“. На подобныя выдумки въ защиту своего любимаго развлеченія онъ былъ неистощимъ.

Не однимъ тѣмъ, что онъ пристрастился къ игрѣ, были недовольны его старые друзья они упрекали его въ томъ, что онъ для картъ и должностныхъ бумагъ бросилъ литературу. Въ самомъ дѣлѣ, во весь періодъ своей бреславльской жизни, Лессингъ ничего не напечаталъ; цѣлыя пять лѣтъ нѣмецкая публика не читала ни одной новой строки, имъ написанной. Это въ самомъ дѣлѣ казалось непростительнымъ погребеніемъ таланта въ землю. Словеснымъ и письменнымъ укоризнамъ не было конца. Выведенный изъ терпѣнія, Мендельсонъ (съ которымъ онъ былъ ближе, нежели съ кѣмъ нибудь) не удовольствовался даже и этими способами обличенія. Издавая въ 1763 году собраніе своихъ „Философскихъ сочиненій“, онъ при нѣсколькихъ экземплярахъ этой книги, - изъ которыхъ одинъ былъ посланъ къ Лессингу, а другіе розданы общимъ ихъ друзьямъ,—напечаталъ слѣдующее полушутливое, полусерьезное

ПОСВЯЩЕНІЕ СТРАННОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

„Писатели, поклоняющіеся публикѣ, жалуются на глухоту этой богини: она требуетъ, чтобы ее чтили и умоляли, говорятъ они, отъ утра до полудня они взываютъ къ ней—и нѣтъ ни гласа, ни отвѣта на всѣ мольбы. Я приношу мою книгу къ стопамъ идола, имѣющаго упрямство быть столь же глухимъ къ мольбѣ. Я взывалъ къ нему, и онъ не отвѣчаетъ. Теперь обвиняю его передъ глухимъ судьею, публикою,—судьею, очень часто изрекающимъ справедливые приговоры, ничего не слыша.

„Насмѣшники говорятъ: Взывай громогласно! онъ пишетъ драмы, онъ занятъ дѣлами, онъ уѣхалъ въ путь или быть можетъ онъ спитъ, да пробудится онъ!—О, нѣтъ! писать драмы онъ можетъ, но—увы! не хочетъ; пуститься въ путешествіе онъ захотѣлъ бы, но не можетъ; спать?—для этого слишкомъ бодръ его духъ; заниматься дѣломъ?—для этого онъ слишкомъ лѣнивъ. Нѣкогда серьезная рѣчь его была оракуломъ для мудрецовъ, насмѣшка его—бичомъ для глупцовъ; но теперь замолкъ оракулъ, и безнаказанно буйствуютъ глупцы. Онъ передалъ свой бичъ другимъ, но они бьютъ слишкомъ слабо, потому что боятся видѣть кровь;—а онъ—если онъ не слышитъ и не говоритъ, не чувствуетъ и не видитъ—чтожь онъ дѣлаетъ?—играетъ!

„Wenn er nicht hört, noch spricht, nicht fühlt,
Noch sieht, was thut er denn?—Er spielt“.

Но не трогался Лессингъ никакими упреками,—онъ дѣйствительно былъ глухъ и нѣмъ,—ничего не печаталъ и игралъ въ карты. Сколько ужъ лѣтъ, работая какъ почтовая лошадь, онъ мечталъ о такомъ положеніи, въ которомъ не былъ бы принужденъ писать и писать, чтобы не умереть съ голоду! Принужденная литературная работа тяжелѣе и прискорбнѣе всякой другой принужденной работы,—отдыхъ послѣ нея кажется отраднѣе всякаго другаго. Лессингъ наслаждался имъ. Но не пропали для него, какъ писателя, эти годы, въ которые, какъ казалось постороннему зрителю, онъ покидалъ свой секретарскій столъ только для того, чтобы перейти къ карточному столу, изъ-за оффиціальнаго обѣда у своего начальника вставалъ только за тѣмъ, чтобы ѣхать въ театръ или на вечеръ (кстати, надобно замѣтить, что Лессингъ былъ отличный танцоръ) и потомъ сѣсть за шумный ужинъ, - не безполезно прошли эти годы. Онъ находилъ время для ученыхъ занятій, очень разнообразныхъ и серьезныхъ,—въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ для себя теперь больше, нежели когда нибудь. Онъ читалъ, по обыкновенію, страшно много, и постоянно переходилъ отъ одной отрасли науки къ другой, отъ одного ученаго изысканія къ другому. Богословіе, философія, эстетика, исторія, законовѣдѣніе, естественныя науки по очередно были изучаемы имъ вновь. Не пропали и часы, проведенные въ обществѣ—напротивъ, они были для него, какъ литератора, полезнѣе, нежели вся его прежняя жизнь. Обыкновенно, литературная или ученая карьера какъ то мало-по-малу отдаляетъ человѣка отъ непосредственной жизни въ такъ называемыхъ прозаическихъ, общественныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ эти отношенія составляютъ основной элементъ жизни, ту почву, на которой развивается вся умственная, нравственная, эстетическая и т. п. и т. п. жизнь,—почву, безъ непосредственнаго изученія которой всѣ такъ называемыя высшія направленія и стремленія будутъ представляться въ фальшивомъ свѣтѣ. Писатель или ученый, если онъ принадлежитъ только цеху своего спеціальнаго занятія, мало-помалу пріучается смотрѣть на жизнь съ своей цеховой точки зрѣнія; а смотрѣть на міръ съ цеховой точки вредно для мысли, какому бы цеху ни принад-

лежала эта точка,—высокому или низкому, пошлому или идеальному. Поэтъ, разсматривающій людей въ артистическомъ отношеніи, не менѣе односторонненъ и, по правдѣ говоря, не менѣе пошлъ, нежели сапожникъ, разсматривающій ихъ въ отношеніи къ сапожному производству. Потому великое счастіе для литератора, если онъ испыталъ жизнь не только какъ литераторъ, а также какъ человѣкъ многоразличныхъ положеній, въ которыя ставитъ человѣка прозаическая карьера,—тогда легче ему оторваться отъ односторонности, понять жизнь во всей ея правдѣ. На послѣдующихъ драмахъ Лессинга отразилось то, что онъ долго имѣлъ сношенія съ людьми не какъ литераторъ, а какъ секретарь, черезъ руки котораго проходили и военныя, и гражданскія, и финансовыя дѣла.

Всѣми критиками это замѣчено на драмѣ, докончивъ которую, онъ оставилъ мѣсто при Тауэнцинѣ,—знаменитой „Минѣ фонъ-Барнгельмъ“.

Изъ того, что Лессингъ ничего не печаталъ, пока жилъ въ Бреславлѣ, напрасно заключали его недовѣрчивые друзья, что онъ бросилъ литературный трудъ. Напротивъ, лишь только отдохнулъ онъ отъ истощающей нравственныя и физическія силы срочной работы, какъ съ новымъ жаромъ и гораздо большею сосредоточенностью, нежели когда нибудь, принялся за литературу. Отдыхъ отъ срочной и мелкой работы послужилъ ему для созданія капитальныхъ произведеній, изъ которыхъ однимъ положилъ онъ начало истинно національной поэтической литературѣ въ Германіи, другимъ основалъ новую теорію искусства, принципы которой остались навсегда непреложными. Въ Бреславлѣ написалъ онъ драму „Минна фонъ-Барнгельмъ“ и изслѣдованіе о характеристическихъ отличіяхъ поэзіи отъ другихъ искусствъ, „Лаокоонъ“.

Въ пять лѣтъ ему страшно наскучили оффиціальныя обязанности, тоска по литературной жизни развивалась все сильнѣе и сильнѣе. Онъ долго оставался на мѣстѣ, которымъ скучалъ,— это потому, что ему хотѣлось возстановить отдыхомъ свое здоровье и сбереженіями изъ жалованья нѣсколько обезпечить себѣ на первое время средства къ жизни. Наконецъ, эти цѣли были достигнуты,—здоровье поправилось; денегъ онъ сберегъ, правда, немного,—всего нѣсколько сотъ талеровъ,—но онъ видѣлъ, что при своей беззаботности о деньгахъ, больше онъ не соберетъ. Оставаться долѣе въ Бреславлѣ было не зачѣмъ, и онъ рѣшился покинуть мѣсто секретаря. Въ матеріальномъ отношеніи, промѣнъ службы на литературу былъ не выгоденъ,— это зналъ онъ самъ, это говорили ему и родные, уже надѣявшіеся было, что онъ навсегда останется на служебной дорогѣ, обѣщавшей много выгодъ, и сожалѣвшіе теперь, что онъ разрушалъ ихъ мечты о его будущемъ высокомъ рангѣ, богатствѣ и т. д.,—но ему стало несносно долѣе тратить часть времени на сухія оффиціальныя обязанности, ему до крайности опротивѣло быть въ оффиціальной зависимости. „Большую половину своей жизни я прожилъ,—писалъ онъ отцу, какъ бы предчувствуя, что не доживетъ до старости (тогда ему было 34 года)—и не знаю, зачѣмъ было бы мнѣ отравлять зависимостью меньшую остающуюся мнѣ половину ея. Пишу (и долженъ писать) вамъ это, батюшка, чтобы вамъ не показалось странно, когда я вдругъ (и это будетъ скоро) откажусь отъ всякихъ на-

деждъ и притязаній на такъ называемое прочное счастье. Теперь я тверже, чѣмъ когда нибудь, рѣшился не принимать никакого должностнаго мѣста, если оно не будетъ совершенно по моему вкусу". Въ самомъ дѣлѣ, видно, что очень надоѣли ему оффиціальныя обязанности: ему предлагали каѳедру словесности въ Кёнигсбергскомъ университетѣ, но онъ отказался и явился въ Берлинъ (въ маѣ 1765) снова литературнымъ бобылемъ.

Именно, бобылемъ, потому что, когда онъ обзавелся хозяйствомъ, онъ увидѣлъ, что изъ небольшой суммы, сбереженной въ Бреславлѣ, не остается у него ровно ничего. Часть денегъ,—болѣе, нежели могъ,—онъ, по обыкновенію, отдалъ роднымъ, которыхъ постоянно поддерживалъ, не смотря на собственную нужду,—обзаведеніе хозяйствомъ обошлось дороже, нежели онъ разсчитывалъ,—провозъ библіотеки стоилъ дорого,—помогъ истощенію его кошелька и непредвидѣнный случай: слуга, съ которымъ обращался онъ чрезвычайно ласково и гуманно, „скорѣе, какъ съ братомъ, нежели какъ съ слугою", — и котораго онъ отправилъ раньше себя въ Берлинъ съ платьемъ и вещами, по пріѣздѣ въ Берлинъ вздумалъ дѣйствительно разъиграть роль безцеремоннаго брата: одѣлся въ платье Лессинга, нанялъ квартиру „для себя и своего брата", въ качествѣ брата воспользовался кредитомъ, который имѣлъ Лессингъ, набралъ себѣ денегъ на его имя, потомъ удалился изъ Берлина съ платьемъ, вещами и деньгами. Такимъ образомъ, пришлось Лессингу не только дѣлать себѣ платье (въ чемъ онъ думалъ долго не имѣть нужды), но и платить долги. Огорчился и разсердился онъ, нашедши въ Берлинѣ такой сюрпризъ, —особенно потому, что теперь долженъ былъ пріостановиться на нѣкоторое время исполненіемъ разныхъ обѣщаній сестрѣ, которой хотѣлъ послать подарки, и брату, которому хотѣлъ дать денегъ—но лишь только прошла первая вспышка досады, врожденное добродушіе взяло верхъ, и онъ не хотѣлъ даже подать жалобы на вора. И когда ему сказали, что бреславльскій его слуга купилъ въ какомъ-то городкѣ домикъ и открылъ кофейную, онъ замѣтилъ только: „А, ну такъ значитъ, мои деньги пошли ему въ прокъ".

Много было ему хлопотъ и нужды, — пришлось отказаться и отъ обольстительнаго проэкта посѣтить Италію, и особенно Грецію, чего ему очень хотѣлось,—пришлось отказаться и отъ мечты не торопиться срочною литературною работою для денегъ, а работать только надъ капитальными произведеніями.

Онъ хотѣлъ было ограничиться одною, двумя любимыми отраслями знанія (говоритъ его братъ, котораго онъ взялъ къ себѣ, переѣхавъ въ Берлинъ). Этого неудалось, тяжело ему было безвыходно сидѣть за письменнымъ столомъ въ душномъ кабинетномъ воздухѣ,—что ему представлялось такою пріятною перспективою въ Бреславлѣ. Тяжело было и работать не такъ, какъ хотѣлось, а по требованію оригинала въ типографію. Вотъ онъ погрузился въ работу—кругъ его мысли расширяется, надобно сдѣлать новыя изслѣдованія, внести въ сочиненіе новые взгляды—какое открытіе! какъ проясняется предметъ! Вопросъ представляется въ новомъ свѣтѣ!— Но стучится въ дверь разсыльный изъ типографіи, и требуетъ продолженія рукописи, которая печатается.—Листы для отсылки въ типографію были го-

товы, надобно было только просмотрѣть ихъ,—поэтому онъ всталъ рано, и сѣлъ просматривать поскорѣе,—но ему пришли новыя мысли,—онъ сталъ писать, рукопись осталась не просмотрѣна,—„зайди черезъ два, три часа, будетъ готово“—„ахъ, какъ развлеклись мысли, трудно съ вниманіемъ просматривать прежнюю рукопись“,—но онъ не встанетъ съ мѣста, пока не приготовитъ для типографіи,—приходитъ разсыльный въ назначенное время,—та же исторія, то же мученье.

„Онъ ходилъ по комнатѣ, садился за столъ, вставалъ, бросался на кровать,—опять садился.—„Нѣтъ, лучше все, что угодно, чѣмъ прочитывать къ типографскому сроку свою работу! Братъ!—говорилъ онъ:—быть писателемъ отвратительнѣйшее, пошлѣйшее дѣло! Мой примѣръ тебѣ урокъ“!

Но такъ или иначе, печатать было нужно, чтобы не быть безъ гроша денегъ,—и эта необходимость заставила его неутомимѣе трудиться надъ окончательною обработкою „Минны фонъ-Барнгельмъ“ и „Лаокоона“.

Имя Лессинга, какъ драматурга, было уже прославлено драмою „Миссъ Сара Сампсонъ“, которая явилась въ 1755. Мы не будемъ разсказывать здѣсь содержаніе пьесы,—это мы сдѣлаемъ послѣ; теперь довольно сказать нѣсколько словъ о ея значеніи въ искусствѣ. Извѣстенъ переворотъ, произведенный во французской драмѣ теоріею Дидро о томъ, что драмѣ пора начать, вмѣсто героевъ и полководцевъ, изображать человѣка такого, какъ мы всѣ, въ такой обстановкѣ и такихъ коллизіяхъ, которыя знакомы всѣмъ намъ изъ собственнаго опыта, по собственной радости и скорби, а не изъ Тита Ливія и Плутарха; извѣстно громадное дѣйствіе драмъ, написанныхъ Дидро по этому принципу. Дидро опирался въ этомъ на англійскихъ драматурговъ,—Лессингъ, изучившій Дидро (котораго онъ переводилъ) и англійскую драму, проникся тою же теоріею, и „Миссъ Сара Сампсонъ“ была слѣдствіемъ этого настроенія.

Въ теоріи первенство остается безспорно за Дидро. Лессингъ самъ говоритъ, что учился у него; но оправдать на дѣлѣ теорію,—значитъ, вполнѣ прояснить ее для себя, Лессингъ успѣлъ раньше, нежели самъ изобрѣтатель теоріи. Первая драма Дидро изъ быта среднихъ классовъ (tragédie bourgeoise, drame bourgeois) явилась двумя годами послѣ „Сары Сампсонъ“. Дидро написалъ разборъ ея въ „Journal étranger“, и, конечно, восхищается блистательнымъ приложеніемъ своей теоріи къ дѣлу. Въ общей исторіи литературы, Дидро, предупредившій Лессинга въ одномъ отношеніи, былъ предупрежденъ имъ въ другомъ. Въ исторіи нѣмецкой литературы „Сара Сампсонъ“ занимаетъ такое же мѣсто и произвела такое же дѣйствіе, какъ драмы Дидро во французской. Тутъ въ первый разъ холодный блескъ и пустозвонное величіе внѣшности уступило мѣсто истинному патетизму, театральный герой съ картоннымъ мечомъ—дѣйствительному человѣку. Дидро справедливо заключаетъ свою рецензію драмы Лессинга словами:

„Быть можетъ, искусству нужно еще усовершенствоваться въ Германіи; но германскій геній уже обратился къ природѣ, -это истинный путь, да идетъ онъ по этому пути“.

Искусству дѣйствительно оставалось еще сдѣлать въ Германіи нѣ-

сколько шаговъ, чтобы создавать истинно великое,—чрезъ всѣ эти ступени провелъ его Лессингъ послѣдующими своими драмами. Первое требованіе, которому надобно было удовлетворить послѣ того, какъ „Сарою Сампсонъ“ введена была въ искусство натура, введенъ былъ человѣкъ и истинный пафосъ, —первое требованіе далѣе было введеніе въ искусство національнаго и современнаго содержанія. Это было исполнено Лессингомъ въ драмѣ „Минна фонъ-Барнгельмъ“.

Мы уже говорили, что Лессингъ былъ первымъ сильнымъ представителемъ въ нѣмецкой литературѣ того плодотворнаго вліянія иноземной высшей цивилизаціи, когда народъ отъ слѣпаго подражанія внѣшней формѣ переходитъ къ пониманію и воспріятію духа цивилизаціи. „Миссъ Сара Сампсонъ“ была произведеніемъ этого періода. Теорія Дидро и практическій примѣръ, указанный англійскими драматургами, произвели эту пьесу. Мы видѣли уже, что Дидро узналъ въ ней плодъ своей мысли: еще болѣе очевидно въ ней вліяніе англійскихъ образцовъ, которое отразилось на самомъ сюжетѣ, выбранномъ для пьесы. Дѣйствующія лица въ ней—англичане; вся обстановка дѣйствія—англійская. Нѣмецъ видѣлъ въ ней человѣка, но еще не видѣлъ въ ней себя. У насъ нѣтъ оригинальнаго произведенія, съ которымъ можно было бы сравнить „Сару Сампсонъ“ по отношеніямъ ея къ прежней подражательной формалистической и послѣдующей самобытной литературѣ съ національнымъ содержаніемъ,—наши русскія оригинальныя произведенія соотвѣтствующей степени историческаго развитія слишкомъ ничтожны.—Но, хотя посредствомъ другаго способа, въ другой отрасли поэзіи, въ гораздо тѣснѣйшей односторонности содержанія, сдѣлалъ для русской литературы нѣчто подобное Жуковскій своими переводами и подражаніями. Онъ познакомилъ насъ въ поэзіи съ человѣческими (вообще человѣческими, не нашими именно) чувствами, черезъ него мы узнали, что истинная поэзія не въ пышныхъ сюжетахъ и пустозвонной реторикѣ одъ, не въ изображеніи героевъ, которые

Ступятъ на горы—горы трещатъ,
Лягутъ на бездны—воды кипятъ,

которые берутъ приступомъ города и, не удовлетворяясь этимъ,

Башни за облакъ рукою кидаютъ,—

а въ доступныхъ каждому изъ насъ, болѣе или менѣе знакомыхъ каждому изъ насъ чувствахъ дѣвушки, у которой убитъ милый („Ленора“), юноши, бросающагося на неизбѣжную почти смерть, чтобы получить руку любимой и любящей дѣвушки („Кубокъ“), въ ревности мужа, тоскливыхъ страданіяхъ жены, полюбившей другаго („Замокъ Смальгольмъ“)—это еще не мы, какъ русскіе, но мы, какъ люди.

Внѣшность явленій, нами сближаемыхъ, совершенно различна: у Лессинга—драма, у Жуковскаго—лирическія стихотворенія; у Лессинга—оригинальное созданіе, у Жуковскаго переводы; у Жуковскаго во всемъ примѣсь болѣзненнаго романтизма, у Лессинга—здравое пониманіе свѣжей жизни,—сами по себѣ, сближенныя нами явленія не имѣютъ ни малѣйшаго сход-

ства; нелѣпо было бы находить и какое нибудь подобіе между ними по внутреннему достоинству. Но въ цѣпи развитія литературной мысли, но по дѣйствію на публику, дѣятельность Жуковскаго соотвѣтствуетъ до нѣкоторой степени тому, что сдѣлалъ для нѣмецкой литературы Лессингъ своею „Сарою Самсонъ“. Это соотвѣтствіе состоитъ въ томъ, что въ поэзію введенъ былъ человѣкъ, истинно человѣческій пафосъ, вмѣсто подражательной формалистики и холоднаго блеска обстановки, —но еще не введено было національное содержаніе. Введеніе его должно было составить новый фазисъ литературнаго развитія.

Это сдѣлано для нѣмецкой литературы Лессингомъ въ слѣдующей драмѣ, „Минна фонъ-Барнгельмъ“. Тутъ въ первый разъ увидали нѣмцы себя и свою жизнь предметомъ художественнаго воспроизведенія.

По принятому плану, мы разскажемъ содержаніе „Минны фонъ-Барнгельмъ“ въ отдѣльномъ эскизѣ, а здѣсь довольно будетъ замѣтить, что сюжетъ пьесы таковъ: майоръ фонъ-Телльгеймъ, храбрый прусскій офицеръ, при уменьшеніи состава арміи послѣ Семилѣтней войны, уволенъ въ отставку. У него была невѣста, дѣвушка изъ богатой саксонской фамиліи (Минна фонъ-Барнгельмъ). Они любятъ другъ друга. Но, оставшись безъ куска хлѣба и безъ значенія въ обществѣ, Телльгеймъ думаетъ, что безчестно было бы ему теперь не освободить отъ всякихъ обязательствъ относительно его дѣвушку, которая дала ему слово при другихъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ невѣста съ дядею своимъ пріѣзжаетъ въ городъ, гдѣ живетъ онъ,—такъ было условлено прежде. Но женихъ рѣшился скрыться отъ невѣсты,- случайно встрѣчаетъ она его въ гостинницѣ, въ которой остановилась,—онъ говоритъ: „я теперь долженъ отказаться отъ васъ, я вамъ не партія“; дѣло кончается, конечно, свадьбою, вслѣдствіе различныхъ коллизій, которыхъ не нужно здѣсь разсказывать въ подробности,—читатели уже видятъ, что содержаніе пьесы взято цѣликомъ изъ нѣмецкой жизни и должно касаться живыхъ тогда современныхъ вопросовъ,— дѣйствительно, оно касается ихъ до такой степени, что въ Берлинѣ сначала запретили было представленіе пьесы, но тотчасъ одумались. Судьба многихъ храбрыхъ офицеровъ, оставшихся по окончаніи войны безъ куска хлѣба, подобно Телльгейму, возбуждала въ Пруссіи живое участіе (это было вскорѣ по заключеніи мира). Сюжетъ пьесы заимствованъ, по признанію самого Лессинга, изъ дѣйствительнаго случая, бывшаго въ Бреславлѣ. Лица и нравы въ пьесѣ —чисто нѣмецкіе. Наконецъ, читатели замѣтятъ истинно національную тенденцію пьесы,—любовь саксонки Барнгельмъ и пруссака Телльгейма служитъ какъ бы символомъ примиренія разорванныхъ нѣмецкихъ племенъ, соединенія ихъ въ одномъ національномъ чувствѣ, и вся пьеса является протестомъ противъ племенной вражды, воззваніемъ къ примиренію, забвенію прошлыхъ обидъ,—воззваніемъ къ національному единству.

Въ первый разъ являлось все это въ нѣмецкой поэзіи,—эта народность лицъ и сюжета, идеи и обстановки. Чтобы живѣе понять значеніе „Минны фонъ-Барнгельмъ“ въ развитіи нѣмецкой мысли, мы можемъ припомнить значеніе „Евгенія Онѣгина“ въ нашей литературѣ. Сравненіе этихъ произведеній въ художественномъ отношеніи, или даже по направленію ихъ,

было бы нелѣпо. Но они сходны въ томъ, что составляетъ ихъ главное значеніе: оба они были, каждое въ своей литературѣ, первыми произведеніями съ содержаніемъ, взятымъ изъ національной жизни, и какъ „Онѣгинымъ“ въ русской, такъ „Минною фонъ-Барнгельмъ“ въ нѣмецкой литературѣ вводится новый элементъ, начинается новый фазисъ развитія.

Вспомнивъ громадный успѣхъ „Онѣгина“, мы легко можемъ вообразить себѣ, каково было впечатлѣніе, произведенное „Минною фонъ-Барнгельмъ“. Оно было огромно. По нѣскольку мѣсяцевъ каждый день давалась эта пьеса на театрахъ,—впродолженіе десятковъ слѣдующихъ лѣтъ число ея представленій на каждомъ изъ нѣмецкихъ театровъ надобно считать едва ли не тысячами. Вся литература быстро измѣнила характеръ,—количество пьесъ, написанныхъ подъ вліяніемъ „Минны фонъ-Барнгельмъ“, было неимовѣрно. Эти подражанія и передѣлки, по общей судьбѣ подражаній, мало обогатили нѣмецкую литературу; но открылся литературѣ новый міръ,—міръ родной жизни,—быстро развилась въ ней самобытность, окрылились этимъ направленіемъ самобытные геніи, и черезъ шесть-семь лѣтъ послѣ „Минны фонъ-Барнгельмъ“ является уже „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“ и „Вертеръ“.

Послѣ краткихъ указаній на содержаніе „Минны фонъ-Барнгельмъ“, нѣтъ надобности говорить, даромъ ли прошли для Лессинга, какъ поэта, годы, которые прожилъ онъ секретаремъ у Тауэнцина,—вся пьеса возникла изъ той жизни, свидѣтелемъ и участникомъ которой Лессингъ былъ въ Бреславлѣ. Черезъ восемь лѣтъ послѣ „Миссъ Сары Сампсонъ“—„Минна фонъ-Барнгельмъ“ *), —какой огромный шагъ впередъ! Эти пьесы раздѣлены одна отъ другой тою бездною, какая раздѣляетъ, напримѣръ, „Свѣтлану“ или „Людмилу“ отъ пьесы Пушкина „Женихъ“,—беремъ для сравненія мелкіе примѣры, за отсутствіемъ болѣе значительныхъ, но вообще, отношеніе Лессинга, какъ автора „Сары“, къ Лессингу, какъ автору „Минны“, таково же, какъ отношеніе Жуковскаго къ Пушкину **).

До того періода, который начался появленіемъ „Минны фонъ-Барнгельмъ“, нѣмецкая поэзія страдала безжизненностью. Этотъ недостатокъ былъ общимъ характеромъ и всѣхъ тѣхъ періодовъ различныхъ литературъ, которыя въ первой половинѣ XVIII вѣка считались періодами высочайшаго развитія поэзіи,—безжизненностью страдала поэзія римлянъ и особенно Виргилія, который былъ идеаломъ для итальянскихъ поэтовъ XVI вѣка и французскихъ поэтовъ XVII вѣка; безжизненностью страдали и эти поэты, въ свою очередь; холодная формалистика, изъ Италіи покорившая Францію, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка изъ Франціи распространилась не только на едва возникавшую литературу Германіи, но овладѣла даже и модною англійскою литературою, подавила преданія, завѣщанныя Шекспи-

*) Эта драма напечатана въ 1767 году, но написана въ 1763.

**) Конечно, мы сравниваемъ не таланты поэтовъ, а мѣста, занимаемыя ими въ развитіи той и другой литературы; не достоинство произведеній, а элементы жизни, ими обнимаемые. Само собою разумѣется, что и въ послѣднемъ смыслѣ, подобіе не есть равенство. Преемственность фазисовъ развитія одинакова; но по степени силы и полноты, съ которыми охватывается данный элементъ содержанія, между параллельными фазисами различныхъ литературъ можетъ существовать безконечное различіе.

ромъ и Мильтономъ. При такомъ всеобщемъ владычествѣ, недостатокъ былъ возведенъ въ теорію, безжизненность, губившая искусство, была поставлена верховнымъ закономъ его. Неподвижность, отсутствіе дѣйствія въ поэзіи проповѣдывались теоріею, лозунгомъ которой были знаменитыя слова Горація: „Ut pictura poësis"—слова, понимавшіяся въ самомъ утрированномъ смыслѣ: „пусть поэзія превратится въ живопись, пусть она подражаетъ живописи". Всѣмъ поэтамъ было заповѣдано стараться превзойти другъ друга длинnотою и мелочностью всякихъ описаній, разсматривающихъ предметъ какъ неподвижный, бездѣйственный. Описательная поэзія была повсюду любимымъ родомъ; во всѣхъ другихъ родахъ поэзіи рисовались безчисленные длиннѣйшіе ландшафты, портреты красавицъ и героевъ съ описаніемъ каждаго волоска; изъ-за ландшафтовъ поэтъ забывалъ о дѣйствующихъ лицахъ, изъ-за портретовъ дѣйствующихъ лицъ забывалъ о ихъ жизни.

Все это дѣлалось по теоріи. Теорія имѣетъ очень сильное вліяніе на практику. Не довольно было для оживленія нѣмецкой поэзіи практически ввести въ поэзію жизнь: чтобы поданный примѣръ оказалъ полное вліяніе на дѣятелей литературы, надобно было также теоретически разрушить теоретическіе предразсудки, сбивавшіе съ толку поэтовъ. Не довольно было проложить прямой путь,—надобно было также объяснить, что этотъ путь единственный прямой путь, что кривые пути, казавшіеся прямыми сбившимся съ толку людямъ, дѣйствительно кривы. Нужно было создать новую теорію поэзіи, разрушивъ ошибочныя теоріи, на которыя опиралась формалистика и безжизненность.

Это сдѣлалъ Лессингъ своимъ „Лаокооном". Мы не будемъ излагать здѣсь содержаніе этого изслѣдованія о верховномъ принципѣ поэзіи, отлагая подробный обзоръ его до другаго мѣста,—теперь надобно только сказать о томъ общемъ принципѣ, который оставилъ Лессингъ въ „Лаокоонѣ" существеннымъ характеромъ поэзіи, въ отличіе отъ другихъ искусствъ, особенно отъ живописи, которой прежняя безжизненная теорія подчиняла и тѣмъ обезсиливала поэзію, требуя отъ нея того, чего не можетъ она дать, и заставляя ее забывать о томъ, чѣмъ она сильна. Предметъ поэзіи — дѣйствіе, сказалъ Лессингъ. Не тѣло, не природу должна она описывать, — въ этомъ она безсильна, это область живописи, недоступная для поэзіи, — она можетъ давать намъ понятіе только о дѣйствіи. Живопись изображаетъ самые предметы, поэзія изображаетъ дѣйствіе предметовъ на человѣка,—ей никогда не удастся изобразить пейзажъ такъ отчетливо, какъ то дѣлаетъ живопись,—но дѣйствіе этого пейзажа на душу человѣку изобразитъ она со всею точностью и живостью,—дѣло, невозможное для живописи,—а зная дѣйствіе предмета, мы узнаемъ и самый предметъ. Передайте мнѣ впечатлѣніе, производимое пейзажемъ, и пейзажъ живъ и отчетливъ возсоздается моимъ воображеніемъ, хоть онъ и не описанъ у васъ. Не описывайте мнѣ въ стихахъ красоту,—описаніе будетъ блѣдно и смутно, но покажите дѣйствіе красоты на людей, и она живо, живѣе, быть можетъ, чѣмъ на картинѣ, обрисуется моимъ воображеніемъ. И такъ, дѣйствіе, дѣйствіе вотъ что составляетъ силу поэзіи, составляетъ ея спеціальный предметъ.

Такимъ образомъ, человѣческая жизнь поставлялась единственнымъ

кореннымъ предметомъ, единственнымъ существеннымъ содержаніемъ поэзіи, драматическій элементъ признавался основною силою ея. Ничего неподвижнаго, ничего мертваго и отвлеченнаго не должно быть въ поэзіи. Она разсказываетъ только, какимъ образомъ дѣйствуетъ обстановка на человѣка, и человѣкъ дѣйствуетъ на окружающій его міръ. Поэзія есть драма жизни*).

Со временъ Аристотеля, никто не понималъ сущность поэзіи такъ вѣрно и глубоко, какъ Лессингъ. Его „Лаокоономъ", въ первый разъ втеченіе двухъ тысячъ лѣтъ, были объяснены и оправданы намеки Аристотеля, оставшіеся непонятными до той поры.

Дѣйствіе, произведенное „Лаокоономъ" на развитіе нѣмецкой литературы, было также огромно, какъ дѣйствіе „Литературныхъ писемъ" и „Минны фонъ-Барнгельмъ". Гете и потомъ Шиллеръ воспитались этою теоріею. Самъ Гете, который не любитъ Лессинга, говоритъ въ своей автобіографіи: „Надобно быть юношею, чтобы вообразить себѣ, какое дѣйствіе оказалъ на насъ лессинговъ Лаокоонъ (Гете было тогда лѣтъ восемнадцать),—онъ поднялъ насъ изъ бѣдной сферы внѣшнихъ очертаній въ свободную область мысли. Разомъ было низвергнуто искаженное понятіе о томъ, что поэзія должна подражать живописи. Мы были озарены, какъ молніею, отбросили всѣ прежнія понятія, какъ ветхую рухлядь, намъ казалось, что мы спасены теперь отъ всякаго зла".

Вліяніе „Лаокоона" на главныхъ поэтическихъ дѣятелей слѣдующаго періода нѣмецкой литературы было такъ рѣшительно, что даже второстепенныя, мелочныя замѣчанія Лессинга были строго соблюдаемы ими. Укажемъ два примѣра. Лессингъ, разбирая мѣста, которыя считались примѣрами поэтической живописи у Гомера (онъ первый сказалъ, что если есть руководители въ искусствѣ, то этими руководителями должны считаться Гомеръ и Шекспиръ, и въ написанной части „Лаокоона" всѣ свои выводы основываетъ преимущественно на анализѣ Гомера), объясняетъ, что это не описанія предметовъ, а разсказы о происхожденіи и судьбѣ этихъ предметовъ,—Гомеръ не описываетъ корабля, а разсказываетъ, какимъ образомъ былъ построенъ корабль. Этимъ примѣромъ подтверждаетъ онъ свою мысль, что, если поэту нужно обрисовать части и принадлежности предмета, приличнѣе всего ему не прямо изображать ихъ въ неподвижномъ ихъ состояніи, готовыми, какъ то дѣлаетъ живописецъ, а все-таки разсказывать для этой цѣли о движеніи, перемѣнахъ дѣйствія. У Гете постоянно соблюдается этотъ пріемъ. Далѣе, Лессингъ замѣчаетъ, что у Гомера нѣтъ портретовъ дѣйствующихъ лицъ—онъ не говоритъ намъ даже, какого роста и какого характера красоты была Елена—а между тѣмъ всѣ черты лица Елены очень ясны и живы для его читателя,—это потому, что онъ разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, которыя производило это лицо на видѣвшихъ его,—и это опять соблюдается у Гете: у него нѣтъ портретовъ, есть только разсказы о

*) Драматическій элементъ, конечно, не должно смѣшивать съ драматическою формою. По теоріи Лессинга, форма разсказа, воспроизводящая всѣ элементы дѣйствія полнѣе и свободнѣе, нежели односторонняя діалогическая форма драматическихъ сочиненій, есть самая совершенная изъ поэтическихъ формъ. Въ ней болѣе истиннаго драматизма, нежели въ узкой діалогической формѣ.

впечатлѣніяхъ, производимыхъ лицами. Послѣ такихъ примѣровъ ясно, до какой степени „Лаокоонъ“ воспиталъ поэзію Гете: Гете, конечно, никто не станетъ воображать человѣкомъ, который могъ останавливаться на внѣшней зависимости отъ мелочныхъ правилъ,—если эти детали лессинговой системы отразились на немъ, то, конечно, только потому, что онъ слишкомъ глубоко проникся духомъ, изъ котораго возникала необходимость такихъ деталей.

Послѣ „Литературныхъ писемъ“ Лессингъ началъ считаться первымъ критикомъ Германіи; послѣ „Лаокоона“ утвердилась его репутація, какъ великаго мыслителя и великаго ученаго; послѣ „Минны фонъ-Барнгельмъ“ онъ былъ признанъ знаменитѣйшимъ изъ поэтовъ. Теперь всѣ видѣли, что онъ стоитъ во главѣ нѣмецкой литературы.

Онъ былъ оракуломъ молодаго поколѣнія. Гёте, Гердеръ, Меркъ, изучая его, готовились выступать на дорогу, имъ открытую. Какое живительное вліяніе производило прикосновеніе его мысли и на людей, которые были старше его лѣтами и ученою славою, но не отжили еще свой вѣкъ въ умственномъ отношеніи, показываетъ случайно сохранившійся анекдотъ о свиданіи его съ Михаэлисомъ. Около того времени, о которомъ мы говорили въ концѣ статьи, Лессингъ ѣздилъ изъ Берлина въ Пирмонтъ, отчасти для развлеченія, отчасти для поправленія здоровья. На возвратномъ пути, онъ заѣхалъ въ Гёттингенъ, гдѣ жилъ Михаэлисъ, основатель новой экзегетики. Михаэлисъ былъ, какъ мы упоминали, знаменитый человѣкъ еще въ то время, когда Лессингъ только еще начиналъ писать, и своею похвалою ободрялъ юношу. Лессингъ чувствовалъ къ нему признательность и навѣстилъ его. Разговоръ склонился на теологическія науки, въ которыхъ Михаэлисъ по справедливости считался тогда первымъ спеціалистомъ. Лессингъ замѣтилъ вообще, что наука въ Германіи остается до сихъ поръ доступна только записнымъ ученымъ, которые не заботятся о томъ, чтобы распространять въ массѣ читателей ея результаты. Напримѣръ, говорилъ онъ, переводъ Библіи Лютера конечно уже могъ бы быть замѣненъ лучшимъ и точнѣйшимъ—этого никто не сдѣлалъ, а надобно было бы сдѣлать это, и издать новый переводъ съ пояснительными историческими и археологическими примѣчаніями, которыя, имѣя ученое достоинство, были бы написаны не для однихъ спеціалистовъ, а для всей массы читателей. Михаэлисъ до того времени и не думалъ объ этомъ—теперь мысль заронилась въ его умъ,—и слѣдствіемъ визита, сдѣланнаго ему Лессингомъ, было появленіе знаменитаго Михаэлисова нѣмецкаго перевода Библіи, по плану, изложенному Лессингомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Жизнь Лессинга въ Берлинѣ по возвращеніи изъ Бреславля. — Гамбургскій національный театръ.—„Гамбургская Драматургія“.—Типографія.—Клопъ.—„Антикварскія письма“.—Жизнь Лессинга въ Гамбургѣ.—Переселеніе въ Вольфенбюттель.—Лессингъ, какъ библіотекарь.—„Эмилія Галотти“.—Поэты новаго поколѣнія.—Отношенія Гёте къ Лессингу.—Лессингъ покидаетъ беллетристическую дѣятельность.

(1767—1774).

Оставивъ мѣсто секретаря при Тауэнцинѣ, около двухъ лѣтъ прожилъ Лессингъ въ Берлинѣ, постоянно чувствуя необходимость измѣнить свое тяжелое положеніе, но не имѣя въ виду ничего лучшаго. Никакая нужда не могла заставить его заняться тѣмъ, что называется „прінскивать себѣ мѣсто“: ни разу въ жизни не поклонился онъ никому, не сдѣлалъ ни одного шагу къ сближенію съ такъ называемыми „нужными и полезными людьми“.— „Кто думаетъ, что я могъ быть полезенъ на какомъ-нибудь мѣстѣ, пусть самъ придетъ ко мнѣ и предложитъ его“—отъ этого правила не отступалъ онъ никогда. Конечно, ему долго приходилось ждать такихъ предложеній. Когда, наконецъ, приходили и предлагали ему мѣсто, опять-таки трудно было угодить ему. Не то, чтобъ онъ хотѣлъ непремѣнно важнаго мѣста или мѣста съ большимъ жалованьемъ, — напротивъ, онъ съ радостью готовъ былъ принять самую скромную должность, но только тогда, если она удовлетворяла двумъ условіямъ: не вовлекать его ни въ какія партіи, ни въ какія интриги и не возлагать на него обязанностей, несообразныхъ съ его убѣжденіями. Эти два требованія не позволяли ему принимать именно тѣхъ должностей, которыя чаще всего предлагались ему,—именно, профессорскихъ мѣстъ. Тогдашніе нѣмецкіе университеты казались Лессингу ремесленными заведеніями, въ которыхъ господствуетъ педантство, въ которыхъ все дѣлается по интригамъ мелкихъ партій, и могутъ имѣть вѣсъ только льстецы и шарлатаны или обскуранты. Сдѣлавшись профессоромъ, онъ долженъ былъ бы принимать участіе въ интригахъ, долженъ былъ бы отказаться отъ независимости мнѣній, потому онъ всегда на-отрѣзъ отказывался отъ предложеній занять каѳедру въ томъ или другомъ университетѣ. Скорѣе онъ готовъ былъ опять взять должность по гражданской службѣ, но такихъ случаевъ ему не представлялось. Такъ прошло два года. Наконецъ дождался Лессингъ предложенія, которое могъ принять: его пригласили быть „драматургомъ“ при театрѣ, который устроивался въ Гамбургѣ подъ громкимъ именемъ „національнаго“ и во многихъ пробуждалъ великолѣпнѣйшія надежды.

Образованные любители театра не могли не видѣть, что сценическое искусство въ Германіи находится въ жалкомъ положеніи сравнительно съ тѣмъ, что представляли парижскіе и лондонскіе театры. Германія имѣла нѣсколько превосходныхъ артистовъ и артистокъ,—напримѣръ, въ это время (1765—1770) Экгофа, г-жу Экгофъ, Шульцъ-мать, Бёка, г-жу Гензель, г-жу Мекуръ; но ни одинъ городъ не имѣлъ постояннаго театра, обстановка пьесъ была плоха. Главною причиною этого недостатка считалось то, что всѣ труппы содержимы были частными антрепренерами, не имѣвшими большихъ средствъ, заботившимися исключительно о своихъ выгодахъ, и потому переѣзжавшими изъ одного города въ другой, смотря по тому, гдѣ надѣялись получить больше прибыли. Мысль о необходимости основать въ большихъ городахъ постоянные театры, содержимые на общественный счетъ, естественно представлялась каждому, кто думалъ объ этомъ положеніи дѣлъ. Около 1765 года нельзя еще было надѣяться, чтобы какое-нибудь изъ германскихъ правительствъ приняло на себя эту заботу. Дворы хотѣли имѣть только французскій театръ или итальянскую оперу, о нѣмецкомъ театрѣ и не думали вельможи, всѣ мысли которыхъ были заняты версальскими модами.

Изъ городовъ, богатѣйшимъ,—можно сказать единственнымъ, дѣйствительно очень богатымъ, былъ тогда Гамбургъ. На немъ прежде всѣхъ другихъ лежала обязанность помочь усовершенствованію нѣмецкаго театра, отъ котораго отказывались Дворы. Нѣкто Лёвенъ, жена котораго, урожденная Шенеманъ, была прекрасною актрисою, и который самъ, занимая довольно хорошее положеніе въ обществѣ, очень любилъ писать для театра, началъ около 1766 года сильно хлопотать о томъ, чтобы составить изъ гамбургскаго купечества общество меценатовъ, которое основало бы въ Гамбургѣ постоянный театръ, съ богатыми средствами. Случайныя обстоятельства помогли его хлопотамъ; составилось общество, душою котораго былъ Левенъ, и которое располагало значительнымъ капиталомъ. Общество это взяло у прежняго содержателя гамбургской труппы на аренду зданіе театра, и пригласило, къ бывшей уже труппѣ, многихъ хорошихъ актеровъ изъ другихъ труппъ. Левенъ былъ назначенъ директоромъ театра. По его мысли, дирекція должна была всѣми силами заботиться о развитіи вкуса и образованности въ актерахъ. Самъ Левенъ хотѣлъ читать имъ лекціи о сценическомъ искусствѣ. Кромѣ того, при театрѣ долженъ былъ находиться „драматургъ“. По мнѣнію Левена, Лессингъ былъ первымъ драматическимъ писателемъ Германіи, потому Лессингу и было предложено мѣсто „драматурга“. Жалованья ему назначалось 800 талеровъ.

Лессингъ принялъ это приглашеніе. „Когда, съ годъ тому назадъ (говоритъ онъ въ концѣ своей „Драматургіи“), нѣкоторымъ почтеннымъ людямъ вздумалось попробовать, нельзя ли поднять нѣмецкій театръ, взявъ его изъ власти антрепренеровъ,—не знаю, какимъ образомъ вздумалось этимъ добрымъ людямъ вспомнить и обо мнѣ и вообразить, что я могу быть полезенъ этому дѣлу. А я въ то время стоялъ на рынкѣ безъ работы; никто не хотѣлъ меня нанять, безъ сомнѣнія потому, что я никому ни на что не годился,—только эти друзья предложили мнѣ работу. Всякое заня-

тіе было для меня равно въ жизни. Никогда я не напрашивался ни на что, но никогда и не отказывался отъ самаго ничтожнаго дѣла, если только мнѣ казалось, что его мнѣ предлагаютъ потому, что считаютъ меня годнымъ къ этому дѣлу. Потому нечего было мнѣ и задумываться надъ вопросомъ: принять ли мнѣ участіе въ этомъ дѣлѣ? Надобно было подумать только о томъ, могу ли, и чѣмъ именно могу я быть полезенъ для основывавшагося въ Гамбургѣ театра?“ Послѣ этихъ словъ, Лессингъ говоритъ, что сочиненіемъ драматическихъ пьесъ онъ не могъ оказать новому театру большой пользы, потому что неспособенъ писать по тринадцати драмъ или комедій въ годъ, какъ Гольдони; „я долго обдумываю пьесу, и если написалъ что-нибудь порядочное, то единственно потому, что самъ очень подробно и внимательно критиковалъ свой планъ и всѣ его подробности, говоритъ онъ: только посредствомъ критики производилъ я поэтическія созданія, оттого и не могу писать ихъ скоро, какъ дѣлаютъ другіе“.—„Наконецъ придумали, что именно то самое качество, которое дѣлаетъ меня такимъ медленнымъ, или, по мнѣнію моихъ друзей, одаренныхъ болѣе живымъ талантомъ, такимъ лѣнивымъ работникомъ,—что это самое качество, критику, можно обратить въ пользу для театра. Такимъ-то образомъ явилась мысль объ этихъ листкахъ“ („Гамбургской Драматургіи“).—„Чѣмъ должны были быть эти листки, я говорилъ въ объявленіи о нихъ (продолжаетъ Лессингъ): они должны были слѣдить за каждымъ шагомъ искусства на здѣшнемъ театрѣ, какъ относительно достоинства самыхъ пьесъ, такъ и игры актеровъ“.

Зачѣмъ приглашаемъ былъ Лессингъ въ Гамбургъ, этого, кажется, не не понималъ хорошенько самъ Левенъ, пригласившій его; ему казалось вообще полезнымъ, чтобы при театрѣ, отъ котораго ожидали такихъ великихъ послѣдствій, находился и первый драматическій писатель Германіи; – онъ думалъ, что Лессингъ будетъ писать пьесы для театра; думалъ и то, что онъ будетъ давать совѣты относительно выбора пьесъ; думалъ, вѣроятно, и то, что онъ будетъ участвовать въ ихъ постановкѣ; наконецъ, быть можетъ, думалъ и то, что Лессингъ будетъ театральнымъ критикомъ.

Лессингъ, пріѣхавъ въ Гамбургъ, тотчасъ же рѣшилъ, что будетъ издавать театральный листокъ, въ которомъ станетъ съ равнымъ вниманіемъ разбирать и пьесы, игранныя на театрѣ, и игру актеровъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ могъ быть совершенно независимъ, между тѣмъ, какъ въ выборѣ пьесъ, кажется, онъ вовсе не участвовалъ,—такое рѣшеніе было сообразно съ его характеромъ: онъ не принимался за дѣло, котораго не могъ вести, какъ ему казалось нужнымъ. Отъ сочиненія пьесъ для театра онъ вовсе отказался. Такимъ образомъ онъ, подъ именемъ „драматурга“, принялъ на себя обязанность театральнаго критика.

Скоро, однако, онъ увидѣлъ, что и этого дѣла нельзя исполнять такъ, какъ ему сначала хотѣлось: актеры и особенно актрисы обижались его замѣчаніями объ ихъ игрѣ; одна изъ первыхъ актрисъ, г-жа Мекуръ, съ самаго начала требовала, чтобъ о ея игрѣ въ лессинговыхъ листкахъ не говорилось совершенно ничего. Эти стѣсненія и претензіи тотчасъ же надоѣли Лессингу, и онъ бросилъ разборъ игры актеровъ, ограничившись разборомъ самыхъ пьесъ.

„Разбирать игру актеровъ скоро мнѣ наскучило (продолжаетъ Лессингъ въ послѣднемъ нумерѣ „Драматургіи“, послѣ выписаннаго у насъ отрывка). Актеры обидчивы. Сколько не хвали ихъ, имъ все кажется мало; каждое замѣчаніе кажется имъ уже чрезмѣрною строгостью“.

По своему характеру, Лессингъ не любилъ ничего дѣлать на половину: онъ бросилъ, какъ мы сказали, заботу объ актерахъ и занялся исключительно пьесами.

Сначала нумера „Драматургіи“ выходили дѣйствительно отдѣльными листками, по два раза въ недѣлю. Но черезъ нѣсколько времени, Лессингъ узналъ, что они перепечатываются какимъ-то недобросовѣстнымъ книгопродавцемъ, и, чтобы прекратить эту кражу, онъ издалъ продолженіе своей „Драматургіи“ ужъ цѣлою книгою, сохранивъ въ ней только счетъ нумеровъ и обозначеніе числа и мѣсяца, когда долженъ былъ выйти каждый нумеръ. По этому счету (104 нумера, отъ 22 апрѣля 1767 до 19 апрѣля 1768 г.) изданіе журнала продолжалось ровно годъ.

Не многимъ дольше продолжалось и существованіе „національнаго театра“. Актеры и потомъ основатели театра начали ссориться между собою; публика плохо поддерживала великолѣпное предпріятіе, расходы котораго были такъ велики, что не могли покрываться обыкновенными сборами. Театръ былъ открытъ въ концѣ апрѣля 1767 года; въ декабрѣ дирекція увидѣла уже необходимость на зиму перевести труппу въ Ганноверъ, съ тѣмъ, чтобы весною снова начать представленія въ Гамбургѣ, то есть сдѣлать то же самое, что дѣлали антрепренеры, переносившіе свои представленія изъ города въ городъ, потому что одинъ городъ не могъ долго давать полныхъ сборовъ. Весною труппа дѣйствительно возобновила свои представленія въ Гамбургѣ, но денежныя дѣла дирекціи запутывались все больше и больше, и въ ноябрѣ громадный замыселъ кончился банкротствомъ. Акерманъ, который прежде содержалъ въ Гамбургѣ театръ и изъ труппы котораго были лучшіе актеры въ труппѣ „національнаго театра“, снова сдѣлался антрепренеромъ, и гамбургцы были очень рады, что театръ ихъ возвратился къ тому самому положенію, въ какомъ былъ за два года.

Единственнымъ результатомъ пышной, но преждевременной и дурно обдуманной въ своихъ подробностяхъ и средствахъ попытки Левена остался театральный журналъ Лессинга, знаменитая „Гамбургская Драматургія“. Въ томъ, что Лессингу, вмѣсто безплодныхъ и мелочныхъ заботъ режиссера, вздумалось принять на себя обязанность театральнаго критика, Левенъ былъ вовсе не виноватъ,—онъ и не думалъ объ этомъ, какъ по всему видно. Мысль издавать театральный журналъ принадлежала одному Лессингу; ни во что другое Лессингъ не вмѣшивался,—и единственное дѣло, возникшее въ этомъ предпріятіи по его мысли и исполненное имъ, осталось единственною важною стороною предпріятія. Правда и то, что это дѣло своею важностію далеко превысило всѣ надежды, какія возлагались на „гамбургскій національный театръ“.

„Литературными письмами“ Лессингъ доказалъ ничтожность прежней нѣмецкой литературы и очистилъ мѣсто для новаго зданія, сломавъ хилыя и гнилыя лачуги, отбросивъ далеко всю гниль, которою покрывали онѣ

землю. „Лаокоономъ“ онъ указалъ вообще, въ чемъ долженъ состоять духъ истинной поэзіи. „Гамбургская Драматургія“ объяснила, въ чемъ должны состоять существенныя качества того рода поэзіи, который долженъ былъ господствовать въ начинающемся съ Лессинга періодѣ нѣмецкой литературы, — далъ теорію драмы.

Въ наше время, когда господствующій родъ поэзіи есть разсказъ, повѣсть, романъ, трудно понять, почему когда нибудь драматическая форма могла быть важнѣйшею формою поэзіи *). Признаемся, что мы не умѣемъ сказать, почему въ цвѣтущій періодъ нѣмецкой поэзіи драма могла имѣть живое и законное право на господство въ поэзіи, почему Шиллеръ и прежде его Гете были драматургами, а не романистами, если не объяснять этого пристрастія къ драматической формѣ просто тѣмъ, что поэзія новой исторіи еще не успѣла въ то время выработать себѣ соотвѣтствующей формы, какую выработала теперь въ повѣсти и романѣ, еще не успѣла понять, что придворная (какъ у Шекспира, Корнеля или Расина) или праздничная (какъ у греческихъ драматурговъ) одежда сценическаго искусства недостаточна для нея, будничной подруги каждаго изъ насъ. Господство драматической формы въ цвѣтущій періодъ нѣмецкой поэзіи кажется намъ просто дѣломъ преданія, отпечаткомъ исторической связи новой поэзіи съ старинною. Но это наше личное мнѣніе, котораго мы не хотимъ навязывать читателямъ. А другія объясненія этого факта—превосходствомъ драматической формы надъ эпическою или необычайно важнымъ значеніемъ театра для нѣмецкой жизни въ послѣдней половинѣ прошлаго вѣка—рѣшительно не выдерживаютъ критики. Книга тогда для нѣмцевъ была настолько же важнѣе сцены, на-

*) Само собою разумѣется, что мы здѣсь говоримъ съ читателемъ, который судитъ о вещахъ такъ, какъ понимаетъ ихъ самъ, а не съ устарѣлыми теоріями, предпочитающими драматическую форму формѣ разсказа. Конечно, сценическое представленіе есть нѣчто болѣе живое и сильнѣе дѣйствуетъ на человѣка, нежели чтеніе книги. Но не должно забывать, что театръ существуетъ для немногихъ городовъ, и въ этихъ городахъ—для немногихъ опредѣленныхъ часовъ.—Книга—проникаетъ повсюду, готова для каждаго вездѣ и во всякій часъ. Театръ—рѣдкій праздникъ для горожанъ; книга—постоянное достояніе всего народа. Сценическое представленіе, конечно, есть нѣчто высшее, нежели читаемая поэзія; но оно не принадлежитъ исключительно поэзіи, какъ отдѣльному искусству, а само должно считаться особенною формою искусства, соединяющею въ себѣ силы, которыми каждою въ отдѣльности владѣютъ другія искусства, — скульптура (и даже архитектура, въ декораціяхъ), живопись, музыка, поэзія—все соединяется въ сценической формѣ искусства. Печатный текстъ трагедіи или комедіи въ драматическомъ спектаклѣ играетъ роль немногимъ важнѣе той, какъ либретто въ операхъ,—онъ только одинъ изъ элементовъ цѣлаго. А если мы возьмемъ этотъ элементъ (печатную драматическую пьесу), какъ нѣчто, предназначенное для чтенія, и сравнимъ съ произведеніемъ поэзіи, имѣющимъ форму разсказа (повѣсть, романъ), то будемъ поражены оборванностью, угловатостью, блѣдностью, натянутостью этой несчастной печатной драмы. Сценическое искусство, принимая въ себя словесный текстъ, страшно обрѣзываетъ и уродуетъ его, чтобы втиснуть въ рамку діалога всѣ моменты жизни. Театръ безжалостенъ къ поэту.

При настоящемъ состояніи общества, когда нація не есть одинъ городъ, какъ было въ Аѳинскомъ государствѣ: когда поэзія нужна намъ не два раза въ годъ, какъ аѳинянамъ, слишкомъ занятымъ другими дѣлами, а каждый день,—когда для націи книга въ тысячу разъ нужнѣе и важнѣе театральнаго спектакля,—истинный поэтъ не долженъ бы писать для театра: пусть люди второстепенные, пусть таланты, которые способны только къ арранжировкѣ, передѣлываютъ его разсказы для сценическихъ представленій. Изъ „Ламмермурской Невѣсты“ трагедію сдѣлать также легко, какъ и либретто. Превращеніе романовъ въ драматическія пьесы могло бы быть предоставлено тѣмъ же людямъ, которые превращаютъ романы въ либретто.

сколько важнѣе она теперь для нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, русскихъ. А въ превосходствѣ драматической формы надъ разсказомъ не увѣришь читателя нашего времени. Не желая навязывать читателю своего объясненія, быть можетъ ошибочнаго, не желая обманывать его и себя другими объясненіями, безъ всякаго сомнѣнія ошибочными, мы лучше хотимъ просто указать голый фактъ: въ цвѣтущій періодъ нѣмецкой поэзіи, драмѣ суждено было господствовать надъ поэзіею.

Въ произведеніяхъ Лессинга, какъ поэта, кромѣ лирическихъ стихотвореній, мы находимъ только драмы; всѣ поэты слѣдующаго періода „бурныхъ стремленій“ (Sturm-und Drang-Periode) также, кромѣ лирическихъ стихотвореній, писали почти только драмы; Гете написалъ только одинъ удачный романъ („Вертеръ“)—всѣ остальныя его произведенія въ эпической формѣ неудачны; у Шиллера нѣтъ ни одного такого произведенія; слава обоихъ поэтовъ основана (кромѣ лирическихъ стихотвореній) на драмахъ.

Отъ чего бы это ни происходило, но, во всякомъ случаѣ, вопросъ о драмѣ былъ самымъ важнымъ для нѣмецкой поэзіи въ ея цвѣтущій періодъ. Съ Лессинга начинается господство драматической формы, которое продолжалось до самаго упадка нѣмецкой поэзіи, и которое отчасти должно быть приписано, кромѣ вліянія Шекспира, примѣру, поданному Лессингомъ, но основаніе которому лежало, конечно, въ духѣ времени. Надобно было дать и образцы и теорію этой формы искусства, —то и другое сдѣлалъ Лессингъ. „Минна фонъ Барнгельмъ“ уже была написана, и производила огромное дѣйствіе; вскорѣ за нею должна была послѣдовать „Эмилія Галотти“, вліяніе которой было не менѣе сильно. Теперь, по поводу гамбургскаго театра, Лессингъ далъ теорію драмы въ своей „Драматургіи“. Нѣтъ надобности повторять то, что мы уже сказали по случаю „Лаокоона“ о важности теоріи для практики; нѣтъ надобности говорить въ частности о томъ, какое великое значеніе имѣла для послѣдующаго развитія нѣмецкой поэзіи „Драматургія“, объяснившая теорію важнѣйшей формы этой поэзіи. „Гамбургская Драматургія“ была кодексомъ, на основаніи котораго возникли „Гецъ фонъ Берлихингенъ“ и „Фаустъ“, „Разбойники“ и „Вильгельмъ Телль“. „Лаокоономъ“ былъ воспитанъ общій духъ поэзіи Гете и Шиллера; „Гамбургскою Драматургіею“ даны законы ихъ трагедіямъ.

Есть въ „Драматургіи“ другая сторона, имѣвшая не менѣе значенія для нѣмецкой поэзіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ простершая свое вліяніе далеко за предѣлы искусства, на всю умственную жизнь германскаго народа. Чтобы очистить мѣсто для истинной теоріи драмы, Лессингъ долженъ былъ разрушить прежнюю ложную теорію, показать, что и правила псевдо-классической теоріи, и произведенія, написанныя по этимъ правиламъ, не выдерживаютъ критики. Такимъ образомъ, пришлось ему имѣть непосредственное дѣло съ французскими драматургами, которые считались величайшими геніями по своей части,— съ Корнелемъ, Расиномъ и Вольтеромъ. Нечего и говорить о томъ, съ какою безпощадною рѣзкостью разбиралъ онъ ихъ произведенія. — они были истерзаны и одерганы до того, что человѣкъ, прочитавшій „Гамбургскую Драматургію“, не могъ безъ нѣкотораго презрѣнія подумать о писателяхъ, нелѣпость произведеній которыхъ доказана такъ ясно и язвительно.

Эта безжалостность была необходима для разрушенія закоснѣлаго предубѣжденія, чрезвычайно упорнаго и наглаго. Она достигла своей цѣли, — не только нѣмцы, но всѣ люди другихъ націй, знакомые съ германскою литературою, до послѣдняго времени не могли вспоминать о классической французской драмѣ безъ презрительной усмѣшки. Напрасно Шиллеръ и Гете, лѣтъ черезъ тридцать послѣ „Драматургіи“, по общему уговору, переводили французскія драмы, думая, что уже настала пора отдать справедливость тому, что было въ нихъ хорошаго. Лессингова насмѣшка отзывалась въ памяти всѣхъ, и великіе поэты только подвергались осужденію за то, что занялись произведеніями, недостойными ихъ таланта. „Гамбургская Драматургія“ разомъ похоронила псевдоклассицизмъ.

Эта полемическая сторона не составляетъ главнаго въ ней,—Лессингъ занимается отверженіемъ псевдоклассической драмы только для того, чтобы очистить мѣсто для новыхъ идей, изложеніе которыхъ и было его существенною цѣлью. Но владычество псевдоклассической драмы было такъ сильно, что борьба съ нею всего сильнѣе заинтересовала на первый разъ умы читателей. Они не могли сомнѣваться въ томъ, что Корнель и Вольтеръ (какъ драматургъ) совершенно уничтожены Лессингомъ. Какъ, нѣмецъ поразилъ на смерть величайшіе французскіе авторитеты, передъ которыми преклонилась вся Европа! Эта побѣда чрезвычайно ободрительно подѣйствовала на нѣмецкій умъ. Это не то, что пустая похвала своей національности,—нѣтъ, это положительное доказательство того, что нѣмцы могутъ выйти изъ подъ умственной зависимости отъ иноземцевъ—мало того, что нѣмцы могутъ теперь въ свой чередъ имѣть рѣшительный голосъ въ умственной жизни Европы, что Германія должна стать центромъ умственнаго движенія новой эпохи. Дѣйствительно, съ той поры совершенно измѣняется характеръ понятія, какое нѣмцы имѣютъ о значеніи своемъ между другими народами. „Намъ нечего ждать чужихъ рѣшеній,—у насъ есть головы, какихъ нѣтъ нигдѣ; ужъ если прислушиваться къ чьему нибудь мнѣнію, то прислушаемся къ тому, что говорятъ въ Гамбургѣ, въ Вольфенбюттелѣ, въ Кенигсбергѣ, въ Берлинѣ, въ Веймарѣ, въ Іенѣ“. — за Лессингомъ выступаютъ Кантъ, Гёте, Шиллеръ, Фихте,—у всѣхъ этихъ людей одно общее чувство: сознаніе великаго своего превосходства надъ иноземцами, дѣйствующими на одномъ съ ними поприщѣ; одинъ общій тонъ въ голосѣ: тонъ человѣка, сознающаго, что онъ идетъ во главѣ умственнаго движенія своего времени, что онъ трудится не для одного своего народа, а для всего цивилизованнаго свѣта, потому что народъ, которому онъ говоритъ, долженъ вести за собою всѣ народы. Это сознаніе проникаетъ всю націю. И скоро всѣ остальныя націи дѣйствительно начинаютъ говорить: „намъ нужно учиться у нѣмцевъ: кто не хочетъ быть отсталымъ человѣкомъ, долженъ пройти школу нѣмецкихъ поэтовъ и мыслителей“.

У насъ, которые этому сознанію превосходства нѣмецкихъ поэтовъ и мыслителей не могли противопоставить воспоминаній о какомъ нибудь прежнемъ умственномъ владычествѣ нашемъ надъ Европою, нѣмецкое вліяніе утвердилось очень быстро. У англичанъ и французовъ, которые имѣютъ въ этомъ случаѣ очень блистательныя воспоминанія, борьба узкаго національ-

наго пристрастія съ требованіями справедливости должна была быть гораздо упорнѣе. Она ведется до сихъ поръ, и съ каждымъ годомъ усиливается въ Англіи и Франціи вліяніе мыслей, выработанныхъ на нѣмецкой почвѣ. Между тѣмъ, какъ сами нѣмцы, уже достигнувъ результатовъ, которыхъ искали въ области эстетическихъ чувствъ и философскихъ понятій, уже охладѣваютъ къ своимъ прежнимъ поэтамъ и философамъ, и переносятъ свои стремленія къ другимъ сферамъ жизни, въ которыхъ чувствуютъ себя отсталыми, — въ это время французы и англичане все болѣе и болѣе проникаются сознаніемъ необходимости усвоить себѣ то, что уже пріобрѣтено нѣмцами, и замѣнить своего Декарта или Локка Кантомъ и Гегелемъ.

Странно подумать о томъ, къ какимъ сферамъ часто принадлежатъ факты, оказывающіе рѣшительное вліяніе на развитіе народнаго сознанія, и на какія дороги часто становятся историческими отношеніями люди, дѣятельностью которыхъ измѣняется понятіе цѣлаго народа о самомъ себѣ. Вопросъ о теоріи драмы былъ важнѣйшимъ случаемъ, изъ котораго нѣмцы получили гордое сознаніе своихъ силъ,—а между тѣмъ, казалось бы здравому смыслу, что можетъ быть для исторической жизни народа маловажнѣе такого спора? Но, когда внимательно посмотришь на ходъ историческаго развитія, почти всегда видишь, что оно шло по какимъ то узкимъ и извилистымъ путямъ, тамъ, гдѣ прямая и естественная дорога была загромождена непреоборимыми препятствіями.

Надобно замѣтить одну черту Лессинга, о которой умѣстнѣе всего сказать по случаю „Гамбургской драматургіи“, произведенія, начинающаго собою эпоху справедливаго уваженія нѣмецкаго народа къ самому себѣ. Писатель, дѣятельность котораго пробудила въ Германіи патріотическую гордость и самое чувство національности, былъ рѣшительный космополитъ и стоялъ въ отрицательномъ отношеніи къ понятію національности.

Послѣ того, какъ разрушилось предпріятіе, подавшее поводъ къ изданію „Гамбургской Драматургіи“, Лессингъ вновь увидѣлъ себя въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда онъ переѣзжалъ въ Гамбургъ, онъ имѣлъ въ виду, кромѣ мѣста при „національномъ театрѣ“, еще другое занятіе, которымъ надѣялся обезпечить свою будущность. Нѣкто Боде, довольно извѣстный писатель того времени, вздумалъ основать въ Гамбургѣ типографію, и предложилъ Лессингу, съ которымъ былъ хорошъ, сдѣлаться его компаньономъ. Лессингъ собралъ нѣсколько сотъ талеровъ, продавъ съ аукціона въ Берлинѣ свою обширную библіотеку, которую составилъ, когда служилъ въ Бреславлѣ, и принялся вмѣстѣ съ Боде за типографское дѣло,— но дѣло пошло неудачно, главнымъ образомъ потому, что у основателей типографіи было гораздо меньше денегъ, нежели было нужно. Отчасти повредило предпріятію и то, что Боде и особенно Лессингъ жертвовали коммерческимъ разсчетомъ желанію ввести въ типографское дѣло разныя усовершенствованія, которыя были не подъ силу имъ и отвергались книгопродавцами. Типографія принесла только убытокъ и Лессингу и его товарищу.

Давно уже Лессингъ не принималъ участія въ нѣмецкой журналистикѣ: духъ партій и которій былъ невыносимъ для него; считаться главою какой нибудь школы казалось ему несообразнымъ съ духомъ той независимости.

которой требовалъ онъ для себя и которую всегда хотѣлъ онъ внушить другимъ. Съ первыхъ томовъ „Литературныхъ писемъ“ пересталъ онъ писать рецензіи, какъ только показалось ему, что онъ уже достаточно указалъ дорогу для новаго критическаго направленія. Когда, послѣ „Литературныхъ писемъ“, Николаи основалъ (1765) „Всеобщую нѣмецкую библіотеку“ (Allgemeine Deutsche Bibliothek), Лессингъ не принялъ никакого участія въ новомъ журналѣ, какъ давно уже пересталъ участвовать и въ „Литературныхъ письмахъ“. Журналы эти, благодаря тому, что первый изъ нихъ получилъ направленіе отъ Лессинга, сохраняли господство въ литературѣ, тѣмъ болѣе, что масса публики все еще предполагала его участіе не только въ „Литературныхъ письмахъ“ до конца ихъ изданія, но и во „Всеобщей библіотекѣ“. Однако же, не напрасно жаловался Мендельсонъ *), что „безнаказанно стали снова буйствовать глупцы“, съ тѣхъ поръ, какъ Лессингъ покинулъ „Литературныя письма“. Въ самомъ дѣлѣ, противники, смирившіеся передъ Лессингомъ, почувствовали, что „другіе, которымъ онъ передалъ свой бичъ“, „бьютъ слишкомъ слабо“, и ободрившись, снова попробовали поднять голову. Тѣ люди, которые подверглись ударамъ Лессинга, уже не могли возстановить своего авторитета, но явились новые люди, вздумавшіе дѣйствовать въ духѣ прежнихъ партій. Самымъ сильнымъ изъ этихъ людей былъ Клоцъ, въ короткое время достигшій значительности тѣми же самыми средствами, какія нѣкогда доставили литературное могущество Готтшеду. Клоцъ былъ безспорно человѣкъ очень даровитый, но недобросовѣстный. Ученая и литературная дѣятельность была для него только средствомъ возвысить свое положеніе въ обществѣ. Льстивый и наглый, онъ, сдѣлавшись профессоромъ въ Галле, скоро, посредствомъ интригъ и шарлатанства, получилъ значеніе не только въ своемъ университетѣ, но и во многихъ другихъ. Людей, которые покровительствовали или служили ему, онъ превозносилъ безъ всякой совѣсти и умѣлъ оказывать имъ услуги. Стоило только молодому человѣку примкнуть къ нему, и Клоцъ навѣрное доставлялъ ему каоедру въ томъ или другомъ университетѣ. Онъ основалъ два критическіе журнала, одинъ на латинскомъ языкѣ, чтобы задавать тонъ педантамъ, другой на нѣмецкомъ, чтобы распространять вліяніе издателя на массу. Кумовство и личныя отношенія были единственными правилами критики Клоца и его клевретовъ. Писателей, искавшихъ его покровительства, Клоцъ хвалилъ безъ всякой мѣры; писателей, заслужившихъ его немилость, онъ не только бранилъ безстыдно, но и чернилъ передъ публикою, выставляя ихъ частную жизнь въ грязномъ видѣ. Никто не былъ безопасенъ отъ его вражды. Особенно преслѣдовалъ онъ „Всеобщую нѣмецкую библіотеку“ Николаи, изъ корыстнаго соперничества.

Клоцъ былъ человѣкъ очень даровитый; онъ писалъ прекрасно, умѣлъ выказать себя великимъ ученымъ, былъ въ самомъ дѣлѣ богатъ знаніями, и еще богаче былъ шарлатанскими уловками, владѣлъ сарказмомъ съ большою ловкостью, въ борьбѣ за своихъ кліентовъ или противъ своихъ враговъ не пренебрегалъ никакими средствами, имѣя очень сильныя связи въ лите-

*) Въ посвященіи своихъ сочиненій, которое привели мы въ предъидущей главѣ.

ратурѣ и въ обществѣ,—зато, онъ былъ оракуломъ всѣхъ простаковъ, покровителемъ всѣхъ самолюбивыхъ людей, которые превозносили его отъ души, получая отъ него плату тою же монетою, и внушалъ страхъ всѣмъ безъ исключенія. Самые ученѣйшіе люди писали панегирики его учености, самые знаменитые поэты возвышали до небесъ его критическій талантъ. Такого блестящаго положенія онъ успѣлъ достичь очень быстро, — ему было всего еще только двадцать девять лѣтъ. Наглецовъ и шарлатановъ много, но рѣдко кто изъ нихъ такъ рано достигаетъ своей цѣли. Клоцъ былъ человѣкъ, далеко возвышавшійся своими способностями надъ обыкновеннымъ уровнемъ.

Клоца боялись всѣ; самъ онъ достигъ уже такого положенія, что смотрѣлъ на всѣхъ свысока, и чувствовалъ инстинктивный страхъ только къ одному Лессингу. Когда явился „Лаокоонъ“, галлесскій диктаторъ написалъ къ Лессингу льстивое письмо, въ которомъ, осыпая его похвалами, просилъ позволенія разобрать эту книгу въ своемъ журналѣ. Лессингъ отвѣчалъ ему очень учтиво, но подъ деликатными фразами проницательный Клоцъ замѣтилъ что-то похожее на презрѣніе, и былъ жестоко оскорбленъ. Всякому другому онъ далъ бы почувствовать свой гнѣвъ безцеремонною печатною бранью, но съ Лессингомъ онъ не хотѣлъ ссориться, и скрылъ свое чувство,—почелъ даже нужнымъ вновь заискивать его расположенія новымъ, чрезвычайнымъ доказательствомъ своего уваженія. Клоцу вздумалось сдѣлать извлеченіе изъ огромной „Всеобщей исторіи“, составленной обществомъ англійскихъ ученыхъ. Одинъ изъ друзей совѣтовалъ ему не браться за это дѣло. Клоцъ поручилъ этому пріятелю, отправлявшемуся въ Берлинъ (тогда Лессингъ жилъ еще въ Берлинѣ), спросить, что думаетъ Лессингъ. Лессингъ сказалъ, что не совѣтуетъ Клоцу браться за дѣло, которое ему не по силамъ,—и Клоцъ послушался. Написавъ разборъ „Лаокоона“, Клоцъ послалъ эту статью Лессингу при льстивомъ письмѣ. Рецензія проникнута чувствомъ восторга; въ нѣкоторыхъ вопросахъ рецензентъ высказываетъ мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ автора, но эти вопросы неважны, замѣчанія изложены самымъ почтительнымъ образомъ, и въ первомъ своемъ письмѣ Клоцъ уже просилъ позволенія сдѣлать ихъ; они служатъ только къ тому, чтобы еще болѣе возвысить книгу и автора, которому Клоцъ рѣшительно отдаетъ первое мѣсто между всѣми знаменитостями Германіи — cui dudum principem inter Germaniae ornamenta locum Musae tribuerunt, говоритъ онъ о Лессингѣ (рецензія помѣщена была въ латинскомъ журналѣ Клоца)—„его давно уже музы сдѣлали первымъ изъ людей, которыми гордится Германія“.— Бѣдный Клоцъ! всегда онъ дѣйствовалъ по разсчету, хвалилъ не по убѣжденію, а изъ выгоды, тутъ только въ самомъ дѣлѣ говорилъ отъ чистой души,—въ письмѣ къ одному изъ пріятелей, гдѣ не было ему нужды притворяться, онъ также говорилъ, что Лессингъ, какъ знатокъ древностей, выше самого Винкельмана по учености, и обладаетъ божественнымъ геніемъ, — быть можетъ, въ первый разъ онъ отдавалъ добросовѣстно, по искреннему убѣжденію справедливость чужимъ заслугамъ,—и могъ ли онъ ожидать въ награду за то безжалостнѣйшаго преслѣдованія отъ единственнаго человѣка, котораго искренно уважалъ! Глеймъ, пріятель Лессинга и вмѣстѣ пріятель

Клоца, пришелъ въ восторгъ отъ рецензіи и воображалъ, что она восхититъ Лессинга. А еслибъ онъ прочелъ письмо, при которомъ она была послана къ Лессингу, онъ восхитился бы еще вдвое больше.

Лессингъ не отвѣчалъ ни слова на его письмо.

Теперь очевидно стало для Клоца, что никакими заискиваніями не войдетъ онъ въ милость къ Лессингу, что Лессингъ не хочетъ имѣть съ нимъ сношеній, презираетъ его. Это было въ 1766 году.

Лессингъ еще не презиралъ Клоца, потому что не зналъ литературныхъ продѣлокъ галлесскаго оракула, который велъ свои интриги очень хитро,—ему просто не нравился льстивый тонъ его писемъ. Но въ 1768 году Клоцъ основалъ свой нѣмецкій критическій журналъ, и развернулся въ немъ совершенно безцеремонно, — Лессингъ убѣдился изъ многихъ рецензій, что знаменитый ученый и критикъ — человѣкъ недобросовѣстный: весною этого года, Лессингу случилась надобность быть на лейпцигской пасхальной ярмаркѣ, куда собирались не одни книгопродавцы, но и литераторы; тутъ онъ узналъ вполнѣ всѣ безсовѣстныя продѣлки Клоца, и воротился въ Гамбургъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ сбить спѣсь съ этого наглеца. „Наслушался я объ этомъ человѣкѣ, — пишетъ Лессингъ къ Николаи, возвратившись въ Гамбургъ:—онъ слишкомъ подымаетъ носъ. Загляните же въ слѣдующіе листки здѣшней „Новой Газеты“. Но это еще пустяки. Я ему готовлю салютъ гораздо погромче“... Въ „Новой Гамбургской Газетѣ“ начали печататься „Письма антикварскаго содержанія“.

Ближайшимъ поводомъ къ изданію этихъ писемъ было то, что въ одномъ изъ своихъ новыхъ сочиненій, книгѣ „О рѣзныхъ камняхъ у древнихъ“, Клоцъ сдѣлалъ три замѣчанія на „Лаокоона“, въ которомъ большую часть примѣровъ и доказательствъ беретъ Лессингъ изъ исторіи древняго искусства. Замѣчанія эти выражены въ формѣ деликатной, такъ что сами по себѣ никакъ не могли бы разсердить Лессинга, который вообще не охотникъ былъ ни оскорбляться критическими замѣчаніями, ни возражать на нихъ. Но Лессингъ только искалъ случая, чтобы уничтожить Клоца, и громъ разразился надъ несчастнымъ интригантомъ, который при всей ненависти, какую питалъ къ Лессингу за предугадываемое его презрѣніе къ себѣ, все-таки, въ противность своей привычкѣ, не смѣлъ говорить о немъ непочтительно.

Лессингъ какъ будто находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы терзать Клоца,—на три-четыре вѣжливыя строки, онъ отвѣчалъ тремя книгами, правда, небольшими, но все-таки тремя книгами *). Рѣзкость тона въ этихъ книгахъ чрезвычайна. Клоцъ, и прежде боявшійся Лессинга, теперь совершенно убѣдился, что ему не подъ силу бороться съ такимъ противникомъ, и, какъ человѣкъ благоразумный, разсчиталъ, что ему слѣдуетъ отмолчаться,—о первой части „Антикварскихъ писемъ“ онъ написалъ въ своемъ журналѣ очень смиренную рецензію, говоря, что рѣшительно не понимаетъ, чѣмъ могъ огорчить Лессинга. Но Лессингъ не укротился этимъ смиреніемъ, и продолжалъ писать „Антикварскія письма“; Лессингъ разбиралъ въ нихъ

*) Двумя частями „Антикварскихъ писемъ“ и изслѣдованіемъ „О томъ, какъ древніе изображали смерть“.

его антикварскія сочиненія, доказывая, что онъ поверхностно знаетъ древности,—Клоцъ говорилъ друзьямъ, что перестанетъ писать о древностяхъ и займется другими предметами,—и это не должно было спасти его: „Пусть онъ берется за что угодно, говорилъ Лессингъ своимъ пріятелямъ; — разъ принявшись за него, не покину я его: хотя бы онъ ушелъ въ римское право, я и туда пойду за нимъ".

Независимые ученые и литераторы, боявшіеся, но неуважавшіе Клоца, сначала радовались тому, что Лессингъ началъ школить этого наглеца, но черезъ нѣсколько времени имъ стало уже казаться, что Лессингъ довольно терзалъ его, что пора прекратить это истязаніе, имъ стало жаль бѣднаго Клоца, они стали прямо говорить Лессингу, что чрезмѣрная ожесточенность и продолжительность полемики вредитъ его собственной репутаціи, заставляя считать его человѣкомъ злобнаго характера. Мендельсонъ и Николаи, которые особенно страдали прежде отъ нападеній Клоца, особенно радовались первымъ „Антикварскимъ письмамъ", — но потомъ не только Мендельсонъ, человѣкъ мягкаго характера, но и Николаи, суровый и мстительный, жалѣли Клоца, осуждали Лессинга и совѣтовали ему прекратить эту полемику. Публика, принявшая первую часть „Антикварскихъ писемъ" съ интересомъ, мало покупала вторую часть *), — ей ужъ наскучило это дѣло. Ничто не останавливало Лессинга, и онъ съ какимъ-то страннымъ пристрастіемъ работалъ надъ продолженіемъ „Антикварскихъ писемъ", оставивъ для этого другія занятія, которыя должны были бы казаться ему гораздо важнѣе и привлекательнѣе. Третья часть „Антикварскихъ писемъ" приготовлялась къ изданію, когда внезапно умеръ Клоцъ — только этимъ могло прекратиться ожесточенное преслѣдованіе со стороны Лессинга. „Умнѣе онъ поступилъ, нежели я ожидалъ отъ него, — онъ умеръ", написалъ Лессингъ, получивъ неожиданное извѣстіе:—„не забавно ли? Нѣтъ, впрочемъ, вовсе не забавно, не могу теперь смѣяться".

Это неумолимое преслѣдованіе, которое было прекращено только смертью Клоца, которое казалось слишкомъ продолжительно и жестоко даже друзьямъ Лессинга и врагамъ Клоца, которое наконецъ заставило почти всѣхъ осуждать непримиримую сварливость Лессинга,—было ведено Лессингомъ не въ увлеченіи досадою, не въ горячемъ расположеніи духа, которое, казалось, одно только могло бы служить извиненіемъ ожесточенію, —нѣтъ, совершенно обдуманно, по хладнокровному соображенію.

„Г. Клоцъ предполагаетъ (въ рецензіи о первой части „Антикварскихъ писемъ"), что я вооруженъ противъ него",—говоритъ Лессингъ въ концѣ второй части этихъ „Писемъ": —„вооруженъ ли я противъ него, могу ли казаться вооруженнымъ, этого я не знаю. Знаю только, что подъ вліяніемъ какихъ бы побужденій я ни писалъ, пишу очень хладнокровно. Не горячность, не увлеченіе заставило меня принять тонъ, которымъ я говорю съ г. Клоцемъ. Каждое слово противъ него пишу я съ самою спокойною преднамѣренностью, съ самою внимательною обдуманностью. Встрѣчая у меня какое нибудь насмѣшливое, горькое, жосткое слово, пусть не думаютъ, что оно только сорвалось у меня съ языка. Я по всевозможномъ обсужденіи рѣшилъ, что съ г. Клоцемъ

*) Только первыя письма были помѣщены Лессингомъ въ „Новой Гамбургской Газетѣ" продолженіе ихъ сталъ издавать Лессингъ отдѣльными книгами.

нужна насмѣшливая, горькая, жосткая рѣчь, что ни отъ одного такого слова изъ написанныхъ мною я не могу пощадить его, не становясь предателемъ дѣлу, которое защищаю противъ него".

„Чѣмъ былъ г. Клоцъ? Чѣмъ захотѣлъ онъ стать? Чѣмъ онъ сталъ?"

Отвѣчая на этотъ тройной вопросъ, знаменитый въ исторіи нѣмецкой полемики, Лессингъ чрезвычайно язвительно доказываетъ фактами, что Клоцъ былъ льстецомъ, интригантомъ и пасквилянтомъ; что онъ хотѣлъ быть верховнымъ судьею въ литературѣ, не имѣя на то права; что онъ сдѣлался страшилищемъ всѣхъ честныхъ и независимыхъ людей, сталъ предводителемъ шайки безсовѣстныхъ литературныхъ бандитовъ. „Какъ же нужно поступать съ такимъ человѣкомъ?—спрашиваетъ онъ дальше.—Такъ, какъ поступаютъ съ нимъ „Антикварскія письма".

Послѣдствія дѣйствительно оправдали способъ дѣйствія и тонъ, избранный Лессингомъ. Надобно было разъ навсегда положить конецъ вліянію интригантовъ и наглецовъ на литературу, надобно было вырвать съ корнемъ всякую возможность возрожденія того порядка дѣлъ, какой существовалъ во времена Готтшеда и Бодмера. „Антикварскія письма" сдѣлали это. Уничтожая Клоца, они уничтожили и ту систему, тотъ духъ, въ которомъ дѣйствовалъ этотъ послѣдній и самый блестящій представитель гнилаго и безстыднаго тщеславія, которое прежде управляло нѣмецкою литературою.

Новые люди, проникнутые инымъ направленіемъ, были навсегда освобождены „Антикварскими письмами" отъ опеки людей, подобныхъ прежнимъ авторитетамъ. Гердеръ, Меркъ и Гете (какъ рецензентъ) почувствовали себя самостоятельными, и непосредственно послѣ „Антикварскихъ писемъ" получили рѣшительный голосъ въ критикѣ. Старая привычка поддаваться авторитету интригантовъ и наглецовъ была очень сильна. Не говоря уже о писателяхъ прежняго поколѣнія, бывшихъ по времени своего литературнаго воспитанія сверстниками Лессинга,—напримѣръ о Гагедорнѣ, Глеймѣ, даже писатели новаго поколѣнія, воспитанные уже „Литературными письмами" Лессинга, все еще не освободились отъ вліянія старой привычки, поддерживаемой всѣми прежними поэтами и учеными. До „Антикварскихъ писемъ", самъ Гердеръ, первый изъ людей поколѣнія, слѣдовавшаго за Лессингомъ, восхищался знаменитымъ Клоцемъ, а потомъ, тотъ же Гердеръ жалѣлъ, что Лессингъ тратилъ время на борьбу противъ „такого ничтожнаго человѣка", какъ Клоцъ, и на занятіе „такими незначительными предметами", какъ изслѣдованіе о рѣзныхъ камняхъ у древнихъ. Онъ забылъ, что самъ отбросилъ вредное чувство уваженія къ такимъ „ничтожнымъ" (armselig) людямъ только благодаря лессинговой полемикѣ противъ Клоца.

Не только противникъ, но и предметъ спора казался черезъ нѣсколько лѣтъ Гердеру недостойнымъ Лессинга. Въ самомъ дѣлѣ, главное содержаніе „Антикварскихъ писемъ" — изысканія о рѣзныхъ камняхъ у древнихъ, предметъ незначительный, способный скорѣе занимать сухаго спеціалиста, нежели великаго двигателя національной исторіи. Но, чтожь дѣлать? Только диллетанты занимаются тѣмъ, что кажется важно именно для нихъ самихъ; предметы занятій историческаго человѣка опредѣляются духомъ времени и потребностями окружающей его среды. Мы видѣли, что уничтожить Клоца

было дѣломъ нужнымъ. Не любя ничего дѣлать на половину, Лессингъ взялся за свою задачу оригинальнымъ, но совершенно вѣрнымъ образомъ. Слава Клоца основывалась на его учености; ученость Клоца состояла главнѣйшимъ образомъ въ знаніи антиковъ. „Клоцъ и Винкельманъ“ — было въ то время обыкновенною фразою. Взявшись за уничтоженіе авторитета Клоца, Лессингъ видѣлъ, что не довольно оборвать вѣтви,—надобно вырубить самый корень этого вреднаго дерева; не довольно было доказать, что Клоцъ плохой критикъ; силлогизмъ, на которомъ основывалась его репутація, былъ таковъ: „онъ великій знатокъ древностей,—онъ великій ученый; а великаго ученаго надобно слушать съ почтеніемъ“,—надобно было доказать, что онъ плохой знатокъ древности, и, съ уничтоженіемъ этого корня, падали невозвратно всѣ вѣтви его славы. Репутацію, укоренившуюся прочно, нельзя убить во мнѣніи большинства нѣсколькими замѣчаніями, какъ бы мѣтки и рѣшительны ни были они; указать шесть-семь промаховъ Клоца, какъ бы грубы они ни были, было недостачно: масса литераторовъ и публики, разъ проникнувшаяся вѣрою въ его ученость, все таки продолжала бы говорить: „ну, да; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ ошибался; но все-таки онъ великій ученый; и на солнцѣ есть пятна“... Надобно было просмотрѣть весь дискъ этого мнимаго солнца, и доказать, что нѣтъ на немъ ни одного мѣста, которое не было бы пятномъ. Такъ и сдѣлалъ Лессингъ: взялъ книгу Клоца, просмотрѣлъ ее съ начала до конца, показалъ, что вся она — непрерывный рядъ шарлатанскихъ заимствованій и промаховъ. Уничтоживъ основаніе славы Клоца, Лессингъ не имѣлъ уже нужды подробно доказывать ничтожество другихъ его притязаній,—„если онъ, какъ это теперь уже доказано, плохо знаетъ даже то, въ чемъ вы предполагали его особенно сильнымъ, то легко вы поймете, какъ слабъ онъ во всемъ остальномъ“—нужно было доказать тезисъ, а выводъ слѣдствій былъ уже несомнителенъ для каждаго.

Впрочемъ, разъ мы уже замѣтили, по поводу „Вademекума для г. Ланге“, привычку Лессинга постоянно вплетать въ основной ходъ изслѣдованія эпизодическія изъисканія, предметъ которыхъ часто бываетъ важнѣе общей темы сочиненія,—та же метода соблюдена и здѣсь. Многія изъ „Антикварскихъ писемъ“ имѣютъ до сихъ поръ живой интересъ, а изслѣдованіе „о томъ, какъ изображалась у древнихъ смерть“, возникшее также изъ „Антикварскихъ писемъ“, есть одинъ изъ тѣхъ трактатовъ, которые всего болѣе способствовали утвержденію истиннаго взгляда на систему греческихъ вѣрованій.

„Лаокоонъ“ и „Минна фонъ-Барнгельмъ“ поставили Лессинга выше всѣхъ знаменитостей Германіи; „Гамбургская драматургія“ еще болѣе упрочила его славу. Но по прежнему, слава не давала ему хотя бы скромныхъ средствъ къ жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ упалъ „національный театръ“, постоянною мечтою Лессинга снова сдѣлалось путешествіе въ Италію, о которомъ думалъ онъ еще въ Бреславлѣ; раза три-четыре въ годъ назначалъ онъ сроки, когда сядетъ на корабль или въ почтовую карету, чтобы скакать или плыть къ желанному югу,—но каждый срокъ проходилъ, и мечта все еще оказывалась неисполнимою. Напрасно продавалъ онъ книги, которыя удержалъ было какъ необходимѣйшія для себя, когда разставался

съ своею библіотекою,—денегъ все-таки у него недоставало не только для путешествія, но и для жизни въ Гамбургѣ". „Положеніе мое таково, что я долженъ продать всѣ книги и вещи, которыя еще остаются у меня",—писалъ онъ, въ іюлѣ 1769 года, къ брату, жившему въ Берлинѣ. „Сердце у меня обливается кровью, когда я подумаю о томъ, что не могу теперь послать денегъ роднымъ въ Каменецъ: но въ настоящую минуту я бѣднѣе всѣхъ своихъ родныхъ; они по крайней мѣрѣ не обременены долгами, а я, при частыхъ недостаткахъ въ необходимѣйшемъ, по уши въ долгу. Какъ и помочь этому, не знаю". Долги, изъ которыхъ онъ не надѣется выпутаться, состояли всего въ нѣсколькихъ стахъ талерахъ,—но для Лессинга и эта сумма была огромна.

Но отъ своего правила: не искать мѣстъ, и не принимать предлагаемыхъ мѣстъ, если они ему не по сердцу, Лессингъ не отступался. Весною 1769 года ему предлагали мѣсто драматурга при вѣнскомъ театрѣ съ 3,000 гульденовъ (около 2,000 рублей сер.) жалованья,—но Лессингъ отказался, потому что, присмотрѣвшись въ Гамбургѣ къ театральнымъ интригамъ, не хотѣлъ уже имѣть никакого дѣла съ театрами. Когда же ему черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было предложено мѣсто библіотекаря при знаменитой библіотекѣ въ Вольфенбюттелѣ, съ 600 талеровъ (550 руб. сер.) жалованья, онъ съ восторгомъ принялъ это приглашеніе, которое дѣйствительно спасало его отъ самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствъ.

Мѣсто это было предложено ему отъ имени наслѣднаго принца Фердинанда Брауншвейгскаго, который ждалъ его пріѣзда съ нетерпѣніемъ. Но болѣе четырехъ мѣсяцевъ прошло прежде, нежели Лессингъ выѣхалъ изъ Гамбурга. Профессоръ Эбертъ, черезъ котораго наслѣдный принцъ сдѣлалъ приглашеніе, рѣшительно недоумѣвалъ, какія остановки могли такъ долго задержать его; Лессингъ извинялъ свое промедленіе то болѣзнью, то неудобствомъ погоды, то различными другими предлогами; но истинная причина была совершенно другая—Лессингъ продавалъ свои остальныя вещи, чтобы собрать небольшую сумму денегъ, какая нужна для переѣзда изъ Гамбурга въ Брауншвейгъ. Наконецъ, кое какъ дѣла были устроены, и въ апрѣлѣ 1770 года Лессингъ пріѣхалъ въ Брауншвейгъ, былъ представленъ ко Двору, и въ маѣ отправился къ своему библіотекарскому мѣсту въ Вольфенбюттель.

Первое время новой жизни прошло для Лессинга очень пріятно: библіотека очаровала его своимъ богатствомъ, сотнями тысячъ книгъ и огромною коллекціею рукописей, въ числѣ которыхъ многія были очень важны для науки и совершенно еще неизвѣстны. Лессингъ вступилъ въ должность съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать все возможное для открытія и обнародованія скрывавшихся въ ней сокровищъ, и поиски его были очень счастливы. Въ первые же дни по пріѣздѣ, онъ нашелъ очень важное для церковной исторіи XI вѣка сочиненіе извѣстнаго богослова Беренгарія Турскаго, до той поры считавшееся утраченнымъ, и немедленно издалъ обширное историко-теологическое изслѣдованіе о немъ съ обзоромъ его содержанія. За тѣмъ быстро слѣдовали другія важныя открытія и изслѣдованія. Къ каждому издаваемому отрывку или сочиненію, Лессингъ писалъ предисловіе, которое

бывало обыкновенно еще важнѣе самого сочиненія, объясненіемъ которому служило.

Но Лессингъ былъ не такой человѣкъ, котораго могли бы надолго удовлетворить старыя книги и рукописи. Не прекращая занятій ими, онъ скоро принялся за обработку давно задуманной трагедіи, которая изображала бы среди новаго міра коллизію, подобную той, которая извѣстна всѣмъ изъ римской легенды о судьбѣ Виргиніи. Въ 1772 году явилась „Эмилія Галотти". Мы не будемъ говорить объ успѣхѣ, который имѣла эта пьеса, —замѣтимъ только, что въ даровитой молодежи произвела она фуроръ. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, вспоминая о дѣйствіи „Эмиліи Галотти" на тогдашнюю литературу, Гете сравниваетъ нѣмецкую поэзію съ Латоною, которая, гонимая гнѣвомъ Геры, долго и напрасно искала себѣ пріюта, и говоритъ: „наконецъ послѣ долгой, многолѣтней борьбы, возникла эта пьеса, „какъ островъ Делосъ, изъ пучины готтшедо-геллерто-вейссевскаго наводненія, „чтобы пріютно успокоить странствующую богиню. „Эмилія Галотти" обо-„дрила насъ, молодыхъ людей; мы были очень много обязаны Лессингу". Сравненіе нѣмецкой музы съ Латоною, а „Эмиліи Галотти" съ островомъ Делосомъ, слишкомъ кудревато, но оно довольно ясно показываетъ, что Гете (которому было тогда 23 года, и который въ слѣдующемъ году издалъ своего „Геца") и его литературнымъ друзьямъ „Эмилія Галотти" представилась, какъ явленіе, до той поры небывалое, безпримѣрное въ нѣмецкой поэзіи, какъ достиженіе цѣли, къ которой стремилось все многолѣтнее развитіе нѣмецкой поэзіи, что на поэтовъ молодаго поколѣнія (и въ томъ числѣ Гете) эта трагедія имѣла сильнѣйшее вліяніе. Замѣтимъ здѣсь кстати слова: „она ободрила насъ, молодыхъ людей"—они напомнятъ читателю то, что мы говорили о существенномъ характерѣ вліянія Лессинга: оно развязывало руки талантливымъ людямъ, оно вызывало на самостоятельную дѣятельность,—рѣдкое, какъ мы уже говорили, исключеніе изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ, по которому геній, возвышая васъ до себя, съ тѣмъ вмѣстѣ порабощаетъ васъ себѣ. У Лессинга была не такая натура: независимость была его задушевнымъ желаніемъ для себя и для другихъ; подчинять себѣ другихъ было ему также противно, какъ и подчиняться другимъ. Черта, отличавшая характеръ человѣка, отразилась на духѣ и дѣйствіи его произведеній.

Гете и его друзья 1770-тыхъ годовъ не ошибались, видя въ „Эмиліи Галотти" явленіе, небывалое до той поры. Этою трагедіею начинается новый періодъ нѣмецкой поэзіи. Мы видѣли, что уже черезъ два фазиса развитія провелъ нѣмецкую поэзію Лессингъ своими двумя прежними драмами: „Сара Сампсонъ" ввела въ поэзію патетизмъ и человѣка, вмѣсто прежней пустозвонной шумихи и деревянныхъ героевъ; „Минна фонъ-Барнгельмъ" ввела въ нѣмецкую поэзію національный элементъ. Оставалось поэзіи совершить еще одинъ шагъ, чтобы занять положеніе, приличное ей въ національной жизни,—оставалось ей принять въ себя такое содержаніе, которое ставило ея произведенія въ гармонію съ великими историческими интересами національнаго развитія. Примѣръ тому, „ободрившій насъ, молодыхъ людей", какъ признается за себя и своихъ друзей Гете, былъ показанъ „Эмиліею Галотти".

Мы не будемъ пересказывать здѣсь сюжетъ „Эмиліи Галотти“, отлагая это до другаго мѣста. Довольно замѣтить, что эта трагедія—исторія Виргиніи, совершающаяся при итальянскомъ Дворѣ въ XVI, или, пожалуй, XVII, или, еще вѣрнѣе, въ XVIII вѣкѣ. Просимъ читателей вспомнить, что мы говорили о Германіи XVIII вѣка въ нашей первой главѣ, и для нихъ будетъ ясно, какое отношеніе имѣлъ такой сюжетъ къ фактамъ, совершавшимся въ глазахъ тогдашней нѣмецкой публики. „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“, „Эгмонтъ“, „Разбойники“, „Донъ Карлосъ“, „Коварство и Любовь“, „Вильгельмъ Телль“—все это драмы того разряда, который начинается „Эмиліей Галотти“ *).

„Эмилія Галотти“ въ поэзіи стоитъ на границѣ между эпохами дѣятельности двухъ различныхъ поколѣній; точно также стоитъ на границѣ между эпохами дѣятельности двухъ различныхъ поколѣній „Гамбургская Драматургія“ въ литературной критикѣ. До сихъ поръ, всѣ ряды, всѣ партіи литературы состояли изъ людей, бывшихъ сверстниками Лессинга или старше его. Онъ, человѣкъ далеко опередившій свое поколѣніе, былъ нравственно одинокъ между ними. Правда, многіе изъ нихъ были воспитаны имъ; почти всѣ остальные сильно были передѣланы его вліяніемъ. Но истинно въ плоть и кровь обращаются идеи воспитателя только у того, кто воспитанъ имъ съ самаго дѣтства. Изъ всѣхъ друзей Лессинга, ближайшимъ былъ Мендельсонъ; его развитіе подвергалось постоянному дѣйствію Лессинга съ болѣе ранней поры, нежели развитіе кого нибудь другаго; до появленія на сцену новыхъ людей, Лессингъ называлъ его „лучшею головою“, какую только знаетъ; по своему исключительному положенію въ обществѣ, Мендельсонъ былъ скорѣе всякаго готовъ къ принятію новыхъ идей. И, однако же, Мендельсонъ, втеченіе многихъ лѣтъ ежедневно бесѣдуя съ нимъ, не понялъ Лессинга такъ хорошо, какъ человѣкъ новаго поколѣнія, Якоби, который провелъ съ Лессингомъ всего только нѣсколько вечеровъ. А между тѣмъ, Якоби, по своей натурѣ, былъ гораздо ниже Мендельсона и, между людьми новаго поколѣнія, былъ однимъ наименѣе способнымъ понимать Лессинга. Между своими сверстниками Лессингъ былъ совершенно одинокъ.

Но вотъ, воспиталось новое поколѣніе,—въ критикѣ появляются Гердеръ, Меркъ, Лихтенбергъ, Гете; въ поэзіи—Гете, Ленцъ, Клингеръ, Лейзевицъ, и, въ одно время съ ними, около начала 1770-тыхъ годовъ, всѣ безчисленные критики и поэты періода „бурныхъ стремленій“. Всѣ они воспитаны преимущественно Лессингомъ, многіе—исключительно Лессингомъ.

*) Мы проводили параллель между фазисами нѣмецкой литературы, ознаменованными появленіемъ „Сары Сампсонъ“ и „Минны фонъ-Барнгельмъ“ и соотвѣтствующими фазисами русской литературы. Появленіемъ „Эмиліи Галотти“ прекращается возможность такого сравненія, потому что въ русской литературѣ подобнаго періода мы не находимъ. Намъ могутъ указать на Гоголя и его продолжателей. Не уступая никому въ уваженіи къ этимъ писателямъ, мы должны, однако же, признаться, что, по широтѣ изображаемыхъ сюжетовъ, сравнивать ихъ произведенія съ произведеніями, названными нами въ текстѣ, невозможно. Когда смотришь на поэзію съ исторической точки зрѣнія, то нельзя не замѣтить, что обстановка, среди которой совершается въ поэтическомъ произведеніи дѣйствіе, есть элементъ чрезвычайно важный для значенія произведенія.

Каково-то будетъ отношеніе учителя къ нимъ, каково-то будетъ отношеніе ихъ къ учителю?

Именно тутъ и обнаружилась самымъ яркимъ и рѣдкимъ образомъ его натура, удивительная по своей необыкновенности, совершенно нормальная по своей разумности. Когда они выступили на сцену, онъ совершенно сошелъ съ этой сцены, вполнѣ уступая имъ мѣсто. Онъ пересталъ работать для поэзіи, для литературной критики. „Теперь и безъ меня довольно исправныхъ работниковъ на этихъ поляхъ,—мое дѣло кончено, я сталъ бы только мѣшать имъ; они и безъ меня сдѣлаютъ все, что нужно,—они умѣютъ и хотятъ работать, пусть же трудятся, какъ умѣютъ и какъ хотятъ“. Роль воспитателя должна кончаться, когда воспитанники совершенно приготовлены.

Значило ли это, что онъ вполнѣ ими былъ доволенъ? Значило ли это, что онъ увидѣлъ себя безсильнымъ побороть ихъ, если не былъ доволенъ ими? Или это значило, что онъ устaлъ работать и радъ былъ случаю бросить работу? Въ извѣстныхъ отношеніяхъ, на всѣ эти вопросы надобно отвѣчать: „да“, въ другихъ отношеніяхъ—„нѣтъ“.

Новые дѣятели поэзіи и критики сильно возбуждали мысль своего народа, всѣ были проникнуты любовію къ добру и истинѣ, многіе изъ нихъ были чрезвычайно даровиты, нѣкоторые—геніальны: во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Лессингъ могъ быть совершенно доволенъ ими. Еще важнѣе было то, что они были люди независимыхъ мнѣній и самостоятельныхъ стремленій; ихъ нельзя было ни запугать, ни ослѣпить авторитетомъ, они провѣряли самымъ строгимъ образомъ каждый авторитетъ, и скорѣе расположены были, лишь бы только допустила истина, воспротивиться, чѣмъ послѣдовать ему—въ такомъ настроеніи умственной жизни была существеннѣйшая историческая потребность, оно требовалось и натурою самого Лессинга,—въ этомъ отношеніи, онъ могъ гордиться своими наслѣдниками. Каждый изъ нихъ шелъ по тому пути, какой самъ считалъ лучшимъ,—но по какому бы пути ни шелъ кто изъ нихъ, Лессингъ могъ видѣть, что этотъ путь, въ числѣ многихъ другихъ путей, указанъ и проложенъ имъ, Лессингомъ. Каждый изъ нихъ разработывалъ общее поле по своему, но поле это было то самое, которое указалъ Лессингъ, и цѣль у всѣхъ была общая, та самая, для которой трудился и онъ—пробужденіе сознанія въ нѣмецкомъ народѣ, пробужденіе энергіи и прямоты въ умственной жизни народа.

Люди новаго поколѣнія были воспитанники Лессинга и работали, вообще говоря, сообразно примѣру, поданному общимъ учителемъ. Конечно, мы не можемъ здѣсь перечислять всѣ признаки, которыми отразилось изученіе его произведеній на каждомъ изъ этихъ новыхъ дѣятелей,—но пусть представителями родовой связи будутъ два значительнѣйшіе изъ нихъ. Гердеръ и Гете, которые, оставаясь каждый очень многосторонними, все-таки какъ бы раздѣлили между собою дѣятельность, обнимавшую у Лессинга равно всѣ стороны литературы, и сдѣлались знамениты, одинъ—по преимуществу теоретическими трудами, другой—осуществленіемъ теоріи въ художественныхъ произведеніяхъ.

Гердеръ до такой степени былъ пропитанъ сочиненіями Лессинга, что изъ теоретическихъ произведеній учителя не осталось почти ни одного, ко-

торое не подало бы ученику случая къ сочиненію въ томъ же родѣ, на ту же тему. Лессингъ писалъ „Защищенія“ (Rettungen—изысканія съ цѣлью возстановить добрую славу о характерѣ и нравственныхъ правилахъ того или другаго знаменитаго стараго писателя, по неосновательнымъ обвиненіямъ прослывшаго дурнымъ человѣкомъ), между прочимъ „Защищеніе Горація“— и Гердеръ написалъ „Защищеніе Горація“; Лессингъ написалъ изслѣдованіе объ эпиграммѣ—и Гердеръ написалъ изслѣдованіе объ эпиграммѣ: Лессингъ написалъ изслѣдованіе о баснѣ—и Гердеръ написалъ изслѣдованіе о баснѣ; различныя разсужденія или отдѣльныя мысли Лессинга породили изслѣдованія Гердера „О знаніи и незнаніи“, „Взгляды на будущность человѣчества“, „Полингенезія“ и т. д. „Литературными письмами“ Лессинга были порождены „Отрывки для нѣмецкой литературы“ Гердера; „Лаокоономъ“ и „Антикварскими письмами“ Лессинга— „Критическія лѣса“ Гердера и т. д. *). Не даромъ говорилъ Гердеръ, что „какъ онъ ни бьется, а все таки единственный человѣкъ, интересующій его.—Лессингъ“. Мы по необходимости указываемъ только нѣкоторые изъ тѣхъ случаевъ, когда цѣлое сочиненіе Гердера все цѣликомъ возникло изъ сочиненія, написаннаго Лессингомъ; разсматривать связь идей Гердера съ идеями Лессинга было бы слишкомъ долго и неумѣстно здѣсь,—но легко угадать, до какой степени воззрѣнія Гердера обусловливались мыслями, указанными ему Лессингомъ, если большая часть его сочиненій прямо написаны на темы, данныя ему Лессингомъ. И не надобно воображать, чтобы такое отношеніе существовало только въ первый періодъ дѣятельности Гердера,—нѣтъ, оно не измѣнялось до конца его жизни.

Случайно, мы уже приводили нѣсколько сужденій Гете о дѣйствіи нѣкоторыхъ сочиненій Лессинга на развитіе самого Гете,—мы уже видѣли, какъ онъ самъ признавался, что „Лаокоонъ“ „озарилъ его какъ молнія“, и овладѣлъ его мыслью на многіе годы, что „Эмилія Галотти“ „ободрила“ его,—прибавимъ къ этому слова Гете о „Минѣ фонъ-Барнгельмъ“.— „Очень сильно подѣйствовала на насъ эта пьеса. Дѣйствительно, она была блестящимъ метеоромъ въ тѣ темныя времена. Она дала намъ понять, что существуетъ нѣчто высшее всего того, о чемъ знала тогдашняя эпоха“. Мы видѣли также, какой сильный отпечатокъ на манеру Гете положили даже второстепенныя замѣчанія Лессинга, напримѣръ хотя бы о томъ, что описаніе предмета должно въ поэзіи замѣняться разсказомъ его происхожденія и судьбы. Число этихъ примѣровъ легко было бы умножить **). Но мы лучше хотимъ замѣнить ихъ нѣсколькими чертами сходства между Лессингомъ и не однимъ Гете, а всѣми поэтами той эпохи, которой по духу и манерѣ принадлежатъ „Вертеръ“ и „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“.

Лессингъ осмѣялъ знаменитое правило о соблюденіи въ драмѣ трехъ единствъ, указалъ на Шекспира, какъ поэта, произведенія котораго должны вѣчно быть въ памяти каждаго драматурга,—тотчасъ послѣ этого является

*) Гервинусъ.

**) Напримѣръ: Гете, когда былъ въ Италіи, почелъ необходимостью написать изслѣдованіе о статуѣ Лаокоона; перевелъ сочиненія Дидро, на которыя указалъ Лессингъ, и проч.

поклоненіе Шекспиру, подражаніе Шекспиру, забота о томъ, чтобы не показаться соблюдающимъ какое нибудь изъ трехъ единствъ; преимущественно вліянію Лессинга надобно приписать и преобладаніе драмы въ тотъ періодъ нѣмецкой литературы: Лессингъ писалъ исключительно драмы, и всѣ начали писать драмы и драмы.

Тоже самое было и съ литераторами, которые дѣйствовали на ученомъ поприщѣ: Лессингъ былъ полигисторъ, и всѣ захотѣли быть полигисторами, трудиться не для одной какой нибудь науки, а для всѣхъ гуманическихъ наукъ за разъ, отъ эстетики и философіи до древностей и теологіи. Лессингъ писалъ все только отрывки, никогда не доканчивая всего сочиненія, какъ сначала хотѣлъ написать его,—и всѣ начали писать отрывки, и явилось въ нѣмецкой литературѣ цѣлое племя „фрагментаристовъ“: Лессингъ возставалъ противъ цеховой учености и педантства,—и всѣ начали возставать противъ цеховой учености и педантства. Наконецъ—общая черта, въ которой соединялись и поэты и мыслители періода, слѣдовавшаго за „Гамбургскою Драматургіею“ и „Эмиліею Галотти“: Лессингъ говорилъ о самостоятельности, о строжайшемъ переизслѣдованіи всего, что внушается авторитетами, завѣщано преданіемъ, о повѣркѣ собственнымъ анализомъ всѣхъ правилъ, всего, что принято нами съ дѣтства, какъ аксіома,— независимость мнѣній стояла для него выше всего: — и самымъ горячимъ стремленіемъ періода, начавшагося съ 1770 годами, было стремленіе къ провѣркѣ, къ переизслѣдованію всѣхъ правилъ, всѣхъ авторитетовъ, неприниманіе ничего на-слово, общимъ лозунгомъ всѣхъ была самостоятельность и оригинальность.

Сильно было его вліяніе на эту эпоху и всѣхъ лучшихъ ея дѣятелей: если имѣть въ виду только общія черты этихъ людей, то они всѣ сходятся въ томъ, что вышли изъ Лессинга. Но ихъ крикъ о самобытности не былъ пустою претензіею: дѣйствительно, развившись благодаря Лессингу, ни одинъ изъ нихъ не утратилъ черезъ это воспитаніе ни одной черты, принадлежавшей его личности. Укажемъ опять на одного изъ двухъ главныхъ представителей того времени, на Гердера. О Гете нечего и говорить: каждому изъ читателей, конечно, очевидно, что онъ нимало не напоминаетъ собою Лессинга; о подчиненности его, какъ поэта, Лессингу не можетъ быть и рѣчи: онъ несравненно выше своего воспитателя по поэтическому таланту. Но Гердеръ, всѣмъ обязанный Лессингу, напоминаетъ собою, однако же, вовсе не Лессинга, а другаго своего учителя, извѣстнаго полигистора Гамана, который не долюбливалъ Лессинга и составлялъ рѣшительную противоположность съ нимъ: тотъ же фосфорическій блескъ отдѣльныхъ мыслей, но и тотъ же восточный тонъ восторженной рѣчи, та же безпорядица въ воззрѣніяхъ, тоже фантазерство, таже раздражительность ипохондрическаго самолюбія, тотъ же оттѣнокъ чего-то въ родѣ юнгъ-штиллингизма или лафатеризма,—вообще, въ манерѣ и въ воззрѣніяхъ что-то похожее на Шатобріана. Отчасти превосходствомъ натуры, отчасти вліяніемъ Лессинга значительно сгладились въ Гердерѣ эти недостатки и угловатости, но все-таки они остались еще очень рѣзки. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, по которымъ можно судить о томъ, до какой степени отличались слѣдствія лессингова вліянія отъ обыкновенныхъ слѣдствій, какими отпечатывается на человѣкѣ

подчиненіе чьему нибудь вліянію: Гаманнъ, гораздо менѣе Лессинга содѣйствовавшій развитію Гердера, отразился въ немъ со всѣми своими недостатками; Лессингъ, давшій ему все, не навязалъ ему ничего чуждаго его натурѣ. Не говоримъ уже о томъ, что Гаманну Гердеръ до конца только поддакивалъ, какъ авторитету, а съ Лессингомъ съ самаго начала спорилъ, какъ съ простымъ человѣкомъ, нимало не стѣсняясь, — а пробужденіе такой независимости и было существенной потребностью исторіи, главною задачею Лессинга.

Итакъ—возвращаемся къ нашимъ вопросамъ — Лессингъ могъ быть вполнѣ доволенъ людьми, которымъ совершенно уступалъ критическое и поэтическое поприще? Быть можетъ, именно потому онъ и сошелъ съ этого поприща, что иного и лучшаго, нежели дѣлали они, и не могъ желать сдѣлать?—Не совсѣмъ.

Всѣ вмѣстѣ, какъ одно цѣлое, люди молодаго поколѣнія были вѣрны Лессингу. Но въ частности, каждый изъ нихъ по кругу своихъ воззрѣній и сочувствій былъ гораздо одностороннѣе его*). Таковъ естественный ходъ историческаго развитія во всѣхъ сферахъ, что первоначальное равновѣсіе различныхъ элементовъ, обнимаемыхъ вновь возникшимъ стремленіемъ, разрушается при дальнѣйшемъ движеніи этого стремленія, такъ что одна сторона его беретъ перевѣсъ надъ другими, и основное единство распадается на множество направленій, изъ которыхъ одно, наиболѣе благопріятствуемое историческими обстоятельствами, становится господствующимъ, оттѣсняя всѣ другія на задній планъ.

Было бы слишкомъ долго и неумѣстно говорить здѣсь, почему сильнѣйшіе люди новаго поколѣнія, Гердеръ и Гете, склонились на ту, а не на другую сторону. Довольно сказать, что сторона, къ которой склонялись они, была антипатична Лессингу. У Гердера слабою стороною было излишнее преобладаніе воображенія надъ разсудкомъ, у Гете (въ ту эпоху, эпоху „Вертера“ и увлеченія поддѣльными оссіановскими пѣснями) сантиментальность. Отсюда происходило пристрастіе Гердера къ Гаманну, пристрастіе Гете къ людямъ, подобнымъ Лафатеру, уживчивость его съ людьми, подобными Юнгу-Штиллингу. Такія предпочтенія казались Лессингу неразумными и вредными, и произведенія, написанныя въ этомъ направленіи, фальшивыми. Чтобы не растягивать нашего разсказа, приведемъ только одинъ примѣръ—сужденіе Лессинга о „Вертерѣ“. Читатели знаютъ, что сюжетъ этого романа данъ Гете дѣйствительнымъ событіемъ—судьбою Іерузалема (сына извѣстнаго теолога), который лишилъ себя жизни. Вотъ знаменитое письмо Лессинга къ Эшенбургу объ этомъ романѣ:

*) Мы говоримъ о духѣ, проникавшемъ систему воззрѣній того или другаго изъ новыхъ дѣятелей, а не о широтѣ круга ихъ занятій,—занятія могли бы быть раздѣлены между различными людьми безъ вреда для всесторонности духа, ихъ оживлявшаго,—но эта всесторонность и была утрачена; а кругъ занятій у многихъ изъ людей новаго поколѣнія былъ чрезвычайно многостороненъ. Гете былъ въ этомъ отношеніи даже универсальнѣе Лессинга, обнимая, кромѣ тѣхъ отраслей знанія или мысли, для которыхъ трудился Лессингъ, и естественныя науки, которыя лежали внѣ круга дѣятельности Лессинга, хотя и бывшаго, подобно Шиллеру, въ молодости медикомъ.

„Чрезвычайно благодаренъ вамъ, любезный Эшенбургъ, за удовольствіе, которое доставили вы мнѣ, одолживъ романъ Гете. Возвращаю вамъ его днемъ раньше условленнаго срока, чтобы другіе поскорѣе могли насладиться этимъ удовольствіемъ.

„Но какъ вамъ кажется: чтобы не надѣлать больше вреда, нежели пользы, не должно бы это столь теплое произведеніе имѣть коротенькій холодный эпилогъ? Нужно бы нѣсколько словъ о томъ, какъ развился въ Вертерѣ такой странный характеръ: какъ другой юноша съ подобными наклонностями можетъ уберечь себя отъ этого. Вѣдь онъ, пожалуй, можетъ принять поэтическую красоту за нравственную и вообразить, что если этотъ человѣкъ столь сильно возбуждаетъ наше участіе, то значитъ, что онъ былъ *хорошъ*. А онъ вовсе не былъ хорошъ. И если бы нашъ Іерузалемъ*) былъ совершенно въ такомъ душевномъ состояніи, то я... почти что, презиралъ бы его. Скажите, греческій или римскій юноша лишилъ-ли бы себя жизни *такъ* и *изъ-за такой причины?* Навѣрно, нѣтъ. О, они умѣли не поддаваться фантазерству въ любви, и во времена *Сократа* такую ex erôtos katochê (коллизію отъ любви), доводящую до ti tolmâin para physin (до лишенія себя жизни) простили бы развѣ какой-нибудь дѣвченкѣ. Производить такихъ мелко-великихъ, презрѣнно-милыхъ оригиналовъ было предоставлено только нашему ново-европейскому воспитанію, которое такъ отлично умѣетъ превращать физическую потребность въ душевное совершенство. И такъ, любезный Гёге, прибавьте въ концѣ еще маленькую главу, и чѣмъ циничнѣе, тѣмъ **лучше**".

Лессингъ хотѣлъ очистить память своего молодаго друга отъ „презрѣнной слабости", которую взводилъ на него романъ,—для этого онъ издалъ сочиненія Іерузалема сына, съ предисловіемъ, въ которомъ изображалъ покойнаго, какъ человѣка съ мужественнымъ характеромъ и свѣтлой головой. Лессингъ такъ сильно возмущался „Вертеромъ" Гете, что у него однажды мелькнула даже мысль развить эту тему съ здоровой мужественной точки зрѣнія: сохранился листокъ, на которомъ онъ набросалъ въ нѣсколькихъ строкахъ планъ первой сцены для драмы „Werther, der bessere"—„Вертеръ, болѣе достойный уваженія".

Нѣтъ надобности доказывать, что Лессингъ былъ правъ въ своемъ недовольствѣ тенденціею, отразившеюся на „Вертерѣ"; онъ вѣрно предугадалъ, что романъ этотъ будетъ имѣть вредное вліяніе на молодежь, выставляя въ идеальномъ свѣтѣ болѣзненное малодушіе своего героя.

Не былъ доволенъ Лессингъ и тѣмъ направленіемъ, какое получила драма въ періодъ „бурныхъ стремленій". Онъ внушалъ уваженіе къ Шекспиру,—но молодежь, съ обыкновенною своею наклонностью доводить всякое чувство до крайностей, дошла въ энтузіазмѣ къ Шекспиру до нелѣпостей, и старалась какъ можно ближе подражать даже тому, что вовсе не важно въ Шекспирѣ и, скорѣе, составляетъ его недостатокъ, нежели достоинство: эксцентричность выраженій и другія особенности, объясняемыя только вкусомъ вѣка, въ которомъ жилъ Шекспиръ, казались этимъ драматургамъ столько же драгоцѣнными и необходимыми принадлежностями „геніальности", какъ дѣйствительныя достоинства шекспировыхъ драмъ. Тогда-то возникло понятіе о качествахъ поэта и его произведеній, извѣстное намъ по преданіямъ романтизма: только тотъ истинный поэтъ, кто растрепанъ, кто съ пренебреженіемъ смотритъ на людей, ведущихъ себя благопристойно, кто старается каждою строкою своихъ произведеній шокировать разсудительныхъ

*) Лессингъ любилъ этого несчастнаго юношу.

людей. Это все называлось „геніальностью“. Такія эксцентричныя замашки сильно не нравились Лессингу, который смотрѣлъ на искусство, какъ древній грекъ.

Молодежь инстинктивно предчувствовала, что Лессингъ не можетъ сочувствовать ея одностороннимъ излишествамъ, и если многіе изъ новыхъ дѣятелей литературы,—напримѣръ, Гердеръ и Лейзевицъ,—лично были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Лессингомъ, то иные какъ-то чуждались его. Любопытное свидѣтельство послѣдняго оставилъ Гете о себѣ и своихъ лейпцигскихъ друзьяхъ въ своей автобіографіи. Весною 1768 года Лессингъ пріѣзжалъ въ Лейпцигъ,—Гете былъ тогда студентомъ Лейпцигскаго Университета (ему было 19 лѣтъ): „Богъ знаетъ, что такое было у насъ тогда въ головѣ, разсказываетъ онъ:—намъ вздумалось не только не искать случая видѣть Лессинга, напротивъ, избѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ могли бы мы встрѣтить его. Это временное дурачество, которое нерѣдко находитъ на самолюбивыхъ и капризныхъ юношей, было впослѣдствіи наказано тѣмъ, что я уже никогда не имѣлъ случая узнать въ лицо этого великаго и чрезвычайно уважаемаго мною человѣка“.

Радуясь вообще пробужденію свѣжихъ и могучихъ силъ, стремившихся вообще къ цѣлямъ, которыя были также и его цѣлями, Лессингъ замѣчалъ въ дѣятельности главныхъ людей молодаго поколѣнія и важныя ошибки, отъ которыхъ предвидѣлъ дурныя слѣдствія, — какъ то и исполнилось на дѣлѣ возникновеніемъ романтической школы: Шлегели, Тикъ и проч. произошли изъ односторонностей, которымъ поддались Гете, Гердеръ и ихъ друзья. Почему же онъ не боролся противъ этихъ уклоненій?

Борьба человѣка стараго поколѣнія противъ молодаго поколѣнія всегда бываетъ безуспѣшна, хотя бы этотъ человѣкъ и говорилъ правду. Историческія увлеченія не могутъ быть побѣждаемы въ самомъ началѣ своемъ отвлеченными разсужденіями, — только тогда они отвергаются обществомъ, когда они принесутъ плоды, по которымъ испытаетъ общество ихъ ошибочность и вредность. Съ успѣхомъ начать борьбу противъ увлеченій сантиментализма и фантазерства можно было только тогда, когда романтизмъ уже выказалъ, каковы послѣдствія этихъ наклонностей, являвшихся въ началѣ идеально-прекрасными, возвышенными и очаровательными,—уже только въ наши времена, а не въ 1770-тыхъ годахъ.

Чего невозможно сдѣлать, за то и не принимался Лессингъ. Духъ вѣка, всѣ живыя симпатіи націи, всѣ даровитые люди молодаго поколѣнія были бы противъ него, еслибъ онъ началъ борьбу противъ направленія, которое наложило свою печать на „Вертера“ и „Геца фонъ Берлихингена“. Напрасны были бы его усилія—а натура его была такова, что онъ не дѣлалъ ничего напраснаго. Не въ его характерѣ было бороться противъ новаго, онъ по природѣ своей былъ расположенъ только приготовлять его. А когда оно было приготовлено его трудомъ, когда онъ видѣлъ своихъ воспитанниковъ, которые были уже въ силахъ осуществить его мысль,—онъ уже терялъ охоту наблюдать за тѣмъ, чтобы эта мысль была во всѣхъ подробностяхъ исполнена именно такъ, какъ ему казалось лучше — довольно того, что она исполняется—надобно же дать волю людямъ; нравственная опека,

предохраняя отъ ошибокъ, убиваетъ и энергію и разумъ, если будетъ простираться далѣе, нежели надлежитъ ей по закону природы. Въ историческомъ развитіи неизбѣжны увлеченія и ошибки— кто хотѣлъ бы непремѣнно воспрещать ихъ, воспрещалъ бы вмѣстѣ съ ними всякое развитіе, хотѣлъ бы убивать жизнь.

Натура Лессинга была такова, что работа становилась для него утомительна, какъ скоро онъ видѣлъ, что она можетъ быть удовлетворительно исполнена другими, какъ скоро онъ чувствовалъ, что поставилъ вопросъ въ надлежащемъ свѣтѣ и вызвалъ людей для его разрѣшенія. Ему скучно стало писать для „Литературныхъ писемъ“, когда его трудами были уже достаточно приготовлены люди, могшіе продолжать это дѣло; и теперь, когда были приготовлены люди, могшіе продолжать дѣло, начатое его драмами, „Лаокоономъ“ и „Гамбургскою драматургіею“, ему скучно стало писать драмы и заниматься литературною критикою. Эти занятія утомили его, опротивѣли ему—много разъ онъ отказывался отъ всякихъ предложеній вновь заняться при томъ или другомъ театрѣ дѣломъ, которое столь блистательно исполнилъ при гамбургскомъ національномъ театрѣ; послѣ изданія „Эмиліи Галотти“, онъ во всѣхъ письмахъ говоритъ, что потерялъ всякое расположеніе и всякую способность писать драмы, и никогда уже ничего не думаетъ писать въ этомъ родѣ. Правда, черезъ нѣсколько лѣтъ написалъ еще драму, которая стоитъ выше всѣхъ прежнихъ, которую нѣмцы ставятъ выше всѣхъ произведеній самого Гете, кромѣ „Фауста“, — но она была внушена ему мыслями, уже совершенно чуждыми любви къ театру или желанію трудиться для искусства. У ней была другая цѣль.

Лессингъ усталъ работать — но только для тѣхъ цѣлей, достиженіе которыхъ было теперь обезпечено. Не работать онъ не могъ. Мы знаемъ, что такое называется въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ колонистомъ „Дальняго Запада“—это человѣкъ, которому скучно жить и работать на тѣхъ заселенныхъ поляхъ, обработка которыхъ стала уже доступна силамъ каждаго; онъ уходитъ далеко за границы поселеній, въ невѣдомыя пустыни, прокладываетъ дорогу среди болотъ и лѣсовъ, поселяется одинокъ среди дикихъ звѣрей и враждебныхъ дикарей, прогоняетъ ихъ, очищаетъ землю отъ нихъ и открываетъ для цивилизаціи обширныя, обильныя области. Сколько битвъ выдержалъ онъ, сколько лишеній перенесъ онъ, сколько опасностей и затрудненій преодолѣлъ онъ!—Но вотъ, безопасенъ сталъ занятый имъ округъ, даетъ уже богатую жатву— тогда, привлеченные молвою, приходятъ по проложенной имъ дорогѣ толпы людей, селятся вокругъ него, привольно работаютъ, безъ всякихъ лишеній, въ безопасности начинаютъ веселую и сладкую жизнь. И онъ могъ бы наслаждаться всѣмъ, чѣмъ наслаждаются они,— именно ему больше всѣхъ и должно было бы наслаждаться, потому что все окружающее его благоденствіе возникло благодаря его предпріимчивости, мужеству и силѣ. Но нѣтъ, ему уже скучно и противно жить на этомъ привольномъ, безопасномъ, роскошномъ мѣстѣ,—натура влечетъ туда, куда еще нѣтъ путей, гдѣ каждый шагъ соединенъ съ лишеніями, опасностями и борьбою, — и онъ, покидая спокойное село, опять идетъ въ пустыню, дальше и дальше, прокладывая путь цивилизаціи...

Таковъ былъ Лессингъ. Его трудами была открыта и очищена почва, на которой могла возникнуть богатая литература. Его дѣло было совершено въ этой области. Онъ устремился къ завоеванію новыхъ областей для народной жизни.

Одинъ періодъ въ исторіи нѣмецкаго развитія былъ подготовленъ и вызванъ къ жизни его трудами. Онъ началъ работать для подготовленія слѣдующаго періода.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Жизнь Лессинга въ Вольфенбюттелѣ.—Г-жа Кенигъ.—Препятствія къ браку.—Отношенія Лессинга къ Брауншвейгскому Двору.—Поѣздка въ Вѣну и путешествіе по Италіи.—Отношенія Лессинга къ тогдашнимъ нѣмецкимъ нравамъ.—Бракъ.—Кончина супруги.—Лессингъ изнемогаетъ.—Новый періодъ его литературной дѣятельности. - „Отрывки изъ Вольфенбюттельскаго Анонима".—Борьба противъ обѣихъ враждующихъ между собою и съ католиками протестантскихъ партій.—Отрывки изъ полемическихъ статей.—Слѣдствія этой борьбы. — Отношенія Лессинга къ послѣдующей нѣмецкой философіи. - Отношенія къ нравственно-политическимъ наукамъ.—„Разговоры между Эрнстомъ и Фалькомъ".—Общій характеръ дѣятельности Лессинга.—Его личный характеръ.

(1771—1781).

Новому періоду въ литературной дѣятельности Лессинга соотвѣтствовало измѣненіе характера и частной его жизни. До сихъ поръ, онъ былъ скитальцемъ и, едва основавшись въ одномъ городѣ, уже переѣзжалъ въ другой, чтобы также скоро покинуть его. Изъ Лейпцига переселялся онъ въ Берлинъ, изъ Берлина въ Виттенбергъ, изъ Виттенберга снова въ Берлинъ, изъ Берлина въ Бреславль, потомъ опять въ Берлинъ, потомъ въ Гамбургъ. Но, переселившись изъ Гамбурга въ Вольфенбюттель, онъ становится осѣдлымъ человѣкомъ и живетъ въ этомъ городкѣ около одиннадцати лѣтъ, до самой своей смерти. Осѣдлость не была у него слѣдствіемъ довольства Вольфенбюттелемъ; напротивъ, онъ постоянно и, какъ увидимъ, справедливо жаловался на положеніе своихъ дѣлъ и отношеній къ людямъ въ этомъ мѣстѣ. Не была она и слѣдствіемъ неподвижности, которая обыкновенно овладѣваетъ человѣкомъ, достигшимъ зрѣлыхъ лѣтъ: несмотря на то, что, поселяясь въ Вольфенбюттелѣ, Лессингъ былъ уже не молодъ (въ 1770 году ему исполнилось сорокъ-одинъ годъ), онъ сохранялъ всю прежнюю пылкость характера и постоянно порывался переселиться изъ Вольфенбюттеля, то въ Вѣну, то въ Маннгеймъ. Но теперь онъ ужъ не могъ такъ беззаботно, какъ прежде, мѣнять немногое вѣрное, что имѣлъ, на совершенно невѣрное, чтобы совершенно съизнова, „съ-ничего", начинать жизнь въ новыхъ отношеніяхъ. Прежде, не будучи связанъ ничѣмъ, онъ могъ поступать подобно своему дервишу Аль-Хафи (въ „Натанѣ Мудромъ"), который безъ котомки за плечами, только съ посохомъ въ рукѣ, идетъ съ Іордана на Гангесъ. Теперь, онъ долженъ былъ дѣйствовать осторожнѣе.

Въ Гамбургѣ, изъ числа его знакомыхъ, самымъ близкимъ былъ негоціантъ Кенигъ, въ домѣ котораго собирались замѣчательнѣйшіе литераторы и ученые Гамбурга. Уѣзжая по торговымъ дѣламъ въ Австрію и Ита-

лію, Кенигъ поручилъ свое семейство заботливости Лессинга. Лессингъ свято исполнялъ порученіе друга. Черезъ нѣсколько времени, получено было извѣстіе, что въ Венеціи Кенигъ внезапно умеръ. Коммерческія дѣла его фирмы были, какъ обыкновенно, разстроены этимъ несчастіемъ. Теперь настало время доказать вполнѣ искренность своей дружбы осиротѣвшему семейству, —Лессингъ, разумѣется, былъ не такой человѣкъ, чтобы измѣнить этой обязанности. Такимъ образомъ, онъ все болѣе и болѣе сближался съ г-жею Кенигъ, одною изъ образованнѣйшихъ и лучшихъ женщинъ своего времени. Она чувствовала признательность къ нему особенно за его нѣжную заботливость о ея дѣтяхъ. Дружба эта продолжалась болѣе года. Переселившись въ Вольфенбюттель, Лессингъ почувствовалъ, что дороже всего въ Гамбургѣ была для него г-жа Кенигъ. Осенью 1771 года, онъ поѣхалъ въ Гамбургъ, чтобы сказать ей о своихъ чувствахъ, и узналъ, что она также сильно расположена къ нему. Они дали слово другъ другу, — но каждый изъ нихъ съ своей стороны прибавлялъ, что настоящее затруднительное положеніе его дѣлъ не позволяетъ ему вовлекать любимаго человѣка въ свои непріятности, и что, имѣя теперь согласіе на бракъ, онъ потребуетъ исполненія этого слова только тогда, когда устроитъ свои дѣла. Каждый изъ нихъ говорилъ, что затрудненія, которыми останавливается другой, вовсе не кажутся тяжелыми для него. Г-жа Кенигъ увѣряла, что бѣдность, которую она должна была бы теперь раздѣлять съ Лессингомъ, готова она переносить съ радостью, но не хочетъ обременять его своими дѣтьми, состояніе которыхъ теперь еще невѣрно. Лессингъ говорилъ, что всякія заботы и жертвы для ея дѣтей будутъ ему не обремененіемъ, а радостью, но что онъ не хочетъ заставлять терпѣть нужду любимую женщину. Оба они говорили правду, и доказали это впослѣдствіи, — она дѣйствительно была совершенно довольна его скудными средствами къ жизни, онъ — заботился о ея дѣтяхъ съ такою же любовью, какъ мать. И тогда они были увѣрены въ искренности другъ друга. Но, будучи равно готовы на пожертвованія другъ для друга, равно не могли преодолѣть въ себѣ благородной деликатности, запрещавшей пользоваться этою готовностью, и рѣшились ждать того времени, когда препятствія, полагаемыя взаимною деликатностью, будутъ устранены ихъ энергическими усиліями для устройства своихъ дѣлъ. Оба они думали, что каждый изъ нихъ скоро управится съ своими дѣлами, —но мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, и въ мучительныхъ хлопотахъ прошло около шести лѣтъ.

Это одно изъ тѣхъ положеній, которыя въ вымышленномъ разсказѣ казались бы натянутыми и неправдоподобными, какъ слишкомъ высокая идеализація чувствъ, но которыя нерѣдко встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, и въ хорошемъ, какъ въ дурномъ, далеко превосходящей границы поэтическаго правдоподобія, какъ то испыталъ на себѣ почти каждый. Лессингъ и г-жа Кенигъ, хорошо понимая другъ друга, знали одинъ въ другомъ невозможность поступить иначе, какъ упорно отказываться отъ предлагаемыхъ пожертвованій, хотя бы то стоило отсрочки самаго драгоцѣннаго желанія. Ихъ привязанность другъ къ другу была чрезвычайно сильна, хотя, разумѣется, вовсе не имѣла сантиментальнаго оттѣнка, который не

только не былъ бы сообразенъ съ ихъ лѣтами, но и въ молодости былъ чуждъ ихъ характеру. Переписка ихъ сохранилась (они, послѣ отъѣзда Лессинга въ Вольфенбюттель, до самой свадьбы видѣлись всего три-четыре раза,—дѣла удерживали ихъ вдали другъ отъ друга); въ ней нѣтъ ни малѣйшаго слѣда какого нибудь нѣжничанья,— они даже не говорятъ другъ другу „ты“, но зато господствуетъ полное уваженіе и довѣріе другъ къ другу. Содержаніе и тонъ писемъ вообще таковы, какъ между старинными друзьями, которымъ нѣтъ ни нужды, ни охоты увѣрять другъ друга въ своихъ чувствахъ. Рѣчь идетъ о дѣлахъ, предположеніяхъ, важныхъ и мелочныхъ событіяхъ жизни, но въ каждомъ словѣ видна самая нѣжная взаимная заботливость.

Со стороны Лессинга сила привязанности доказывается уже тѣмъ, что свои поступки онъ обыкновенно сообразуетъ съ мнѣніемъ г-жи Кенигъ. До сихъ поръ, никто никогда не имѣлъ вліянія на его образъ дѣйствій. Не только не слушалъ, но и не спрашивалъ онъ ни у кого совѣта, какъ поступить ему въ томъ или другомъ случаѣ. Мы видѣли, что важнѣйшіе шаги въ своей жизни онъ дѣлалъ, не считая нужнымъ заранѣе говорить о своихъ намѣреніяхъ даже самымъ близкимъ друзьямъ. Вейссе узналъ о его отъѣздѣ изъ Лейпцига въ Берлинъ,—иначе сказать, о рѣшимости бросить ученую карьеру для литературной,—потомъ Мендельсонъ узналъ о его отъѣздѣ изъ Берлина въ Бреславль,—иначе сказать, о его рѣшимости испытать, не лучше ли добывать себѣ средства къ жизни служебными, а не литературными занятіями,—только тогда, когда опустѣла квартира уѣхавшаго друга. Отношенія Лессинга къ г-жѣ Кенигъ были не таковы: онъ слушалъ ея совѣты, какъ ему поступить въ томъ или другомъ дѣлѣ, потому что она совершенно понимала его характеръ, и одна изъ всѣхъ его друзей смотрѣла на вещи тѣми же самыми глазами, какъ онъ, но обладала большимъ житейскимъ благоразуміемъ, нежели онъ. Онъ слушался ея, потому что она не совѣтовала ему ничего, несогласнаго съ его правилами, какъ то дѣлали другіе, не имѣвшіе чрезвычайно щекотливаго чувства благородной гордости, какимъ отличался онъ. Подчиняясь вліянію г-жи Кенигъ, Лессингъ со времени своего переселенія въ Вольфенбюттель поступалъ въ своихъ отношеніяхъ съ людьми благоразумнѣе прежняго, и главнымъ образомъ ея совѣты удерживали его въ Вольфенбюттелѣ. Она доказывала ему, что трудно гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ найти человѣка, который такъ искренно расположенъ былъ бы къ нему, какъ наслѣдный принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, пригласившій его въ Вольфенбюттель и сохранившій съ нимъ постоянныя сношенія; что если кто нибудь, то скорѣе всѣхъ принцъ Фердинандъ можетъ дать ему положеніе, которымъ устранилось бы важнѣйшее препятствіе ихъ браку — недостаточность средствъ Лессинга для семейной жизни.

Дѣйствительно, принцъ Фердинандъ былъ расположенъ къ Лессингу, и Лессингъ дѣлалъ все, что позволялъ его характеръ, для того, чтобы упрочить и улучшить свое положеніе въ Вольфенбюттелѣ. Г-жа Кенигъ также неутомимо хлопотала о приведеніи своихъ дѣлъ въ порядокъ. И, однако же, около шести лѣтъ прошло прежде, нежели препятствія были устранены.

Такая медленность въ достиженіи цѣли, о которой заботилась г-жа Кенигъ, не имѣетъ ничего удивительнаго: привести въ порядокъ запутанныя и разстроенныя коммерческія дѣла — задача, требующая очень много времени. Но страннымъ должно казаться, что Лессингъ, при благосклонности принца Фердинанда, такъ долго не могъ выйти изъ затрудненій, въ сущности ничтожныхъ: все дѣло состояло въ нѣсколькихъ лишнихъ сотняхъ талеровъ жалованья,—этому желанію принцъ Фердинандъ, повидимому, могъ бы удовлетворить безъ всякихъ затрудненій, потому что жалованье, получаемое Лессингомъ по должности библіотекаря, дѣйствительно было скудно, и очевидно нуждалось въ увеличеніи; особенно странно покажется неисполненіе такого справедливаго желанія, когда мы скажемъ, что при Брауншвейгскомъ Дворѣ часто открывались должности, которыя желалъ получить Лессингъ и изъ которыхъ иныя даже безъ всякой просьбы Лессинга предназначалось поручить ему. Но загадка эта очень легко объясняется тѣмъ, что мы уже знаемъ о Лессингѣ: у него былъ характеръ, съ которымъ никогда нельзя было возвыситься при тогдашнемъ нѣмецкомъ порядкѣ дѣлъ, когда все зависѣло отъ умѣнья пользоваться людьми. Гордому бѣдняку не поможетъ никакое благоразуміе, не поможетъ даже никакое благорасположеніе сильныхъ людей. Все, на что Лессингъ имѣлъ полное право, проходило мимо него, обиднымъ и тяжелымъ для него, незамѣтнымъ для принца Фердинанда образомъ, и годъ за годомъ шелъ, ни мало не улучшая его положенія. Утомительно было бы пересказывать всѣ эти мелкія неудачи и разочарованія. Скажемъ только о двухъ-трехъ случаяхъ, соединенныхъ съ единственнымъ біографическимъ фактомъ, о которомъ надобно упомянуть, говоря объ этомъ времени,—именно, съ поѣздкою Лессинга въ Италію.

Положеніе Лессинга въ Вольфенбюттелѣ было тяжело. Въ маленькомъ городкѣ скучно было бы ему, еслибъ даже не стѣснялся онъ недостаточностью своего жалованья. Онъ привыкъ жить въ Берлинѣ и Гамбургѣ, самыхъ большихъ и оживленныхъ городахъ тогдашней Германіи, центрахъ умственной дѣятельности всей страны; привыкъ проводить вечера въ большомъ и разнообразномъ обществѣ. Кромѣ того, и жалованье, получаемое Лессингомъ по должности библіотекаря,—всего 600 талеровъ, было незначительно. Поэтому, большою радостью для Лессинга было извѣстіе, что Іосифъ II, думая учредить въ Вѣнѣ Академію Наукъ, желаетъ знать, приметъ ли онъ мѣсто академика въ Вѣнѣ. Особенно пріятно это предложеніе было для Лессинга потому, что г-жа Кенигъ, по своимъ дѣламъ, тогда жила также въ Вѣнѣ. Но скоро обнаружилось, что намѣреніе Іосифа не одобряется Маріею Терезіею, которая не соглашалась терпѣть въ Вѣнѣ протестантскихъ ученыхъ, опасаясь за католическую религію, которой она была чрезвычайно предана. Однако же, Лессингъ бросилъ бы Вольфенбюттель, еслибъ не удержали его совѣты г-жи Кенигъ, предвидѣвшей, что въ Вѣнѣ Лессингъ не получитъ ничего. Дѣйствительно переговоры объ Академіи тянулись безъ всякаго результата, и наконецъ Іосифъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Въ то время, когда была еще нѣкоторая надежда, что проектъ основать Академію въ Вѣнѣ исполнится, Лессингъ былъ вызванъ изъ Вольфенбюттеля въ Брауншвейгъ принцемъ Фердинан-

домъ. Открылась вакансія брауншвейгскаго исторіографа, и наслѣдный принцъ, управлявшій государственными дѣлами по дряхлости царствующаго герцога, предложилъ Лессингу занять эту должность, съ сохраненіемъ должности библіотекаря въ Вольфенбюттелѣ. „Такимъ образомъ, ваше положеніе при нашемъ Дворѣ упрочится, прибавлялъ принцъ:—и притомъ, отъ васъ самихъ будетъ зависѣть, удовольствуетесь ли вы вашею ученою карьерою, или изберете себѣ другую“.—Этими словами принцъ очевидно выражалъ, что готовъ открыть Лессингу дорогу къ высокимъ государственнымъ почестямъ, какъ черезъ нѣсколько времени была она открыта для Гете герцогомъ Веймарскимъ. Не видно, чтобы Лессингъ желалъ или надѣялся быть министромъ; но по крайней мѣрѣ, несомнѣнно было, что онъ получаетъ мѣсто исторіографа, которое давало бы ему возможность начать семейную жизнь, о чемъ онъ такъ долго мечталъ. Но черезъ нѣсколько дней принцъ Фердинандъ уѣхалъ въ Потсдамъ, для свиданія съ Фридрихомъ II, въ службѣ котораго находился. Недѣли черезъ двѣ онъ хотѣлъ возвратиться,—но прожилъ въ Потсдамѣ около двухъ мѣсяцевъ. Дѣло Лессинга не двигалось впередъ. Принцъ возвратился—оно не двигалось впередъ; и наконецъ Лессингъ увидѣлъ, что не получитъ мѣста, которое безъ всякой просьбы съ его стороны вздумалъ было такъ положительно обѣщать ему принцъ. Его неудовольствіе было очень сильно. Онъ хотѣлъ уѣхать изъ Вольфенбюттеля, и только совѣты г-жи Кенигъ удержали его.—„Я взбѣшенъ, писалъ онъ ей. —Безъ всякаго моего искательства призываютъ меня, даютъ мнѣ нѣжнѣйшія обѣщанія, —и потомъ—поступаютъ такъ, какъ будто ни о чемъ не было и помину. Два раза ѣздилъ я въ Брауншвейгъ; меня видѣли во дворцѣ, я спрашивалъ, въ какомъ положеніи мое дѣло. Отвѣта нѣтъ, или такой отвѣтъ, изъ котораго ничего не поймешь. Я воротился въ Вольфенбюттель и поклялся, что нога моя не будетъ въ Брауншвейгѣ, пока сами они не порѣшатъ этого дѣла. Лишь только я кончу свои начатыя работы, которыхъ не могу кончить безъ Вольфенбюттельской библіотеки, ни что въ мірѣ не удержитъ меня здѣсь. Я думаю, что вездѣ могу найти то, что брошу здѣсь, — а если бы не нашелъ, то лучше буду просить милостыню подъ окнами, чѣмъ позволю поступать съ собою такимъ образомъ!“—Три мѣсяца Лессингъ не выходилъ изъ своей комнаты никуда, кромѣ библіотеки,—такъ велико было его негодованіе и его желаніе скорѣе кончить начатыя работы, чтобы уѣхать изъ Вольфенбюттеля. Но г-жа Кенигъ доказала ему, что все-таки благоразуміе требуетъ остаться въ Вольфенбюттелѣ, пока нѣтъ въ виду ничего лучшаго, чѣмъ надежды на принца Фердинанда. „Со мною поступаютъ нестерпимо, отвѣчалъ Лессингъ г-жѣ Кенигъ: — и только ваше положительное запрещеніе могло удержать меня отъ необдуманнаго шага, рѣшиться на который я однако же каждую минуту чувствую искушеніе. И не долженъ ли я буду наконецъ сдѣлать его? Потому что, клянусь Богомъ, я не могу дольше выносить этого“. —Черезъ полгода онъ пишетъ ей: „Четыре мѣсяца я, можно сказать, безвыходно сидѣлъ въ своемъ проклятомъ замкѣ. Только два раза ѣздилъ въ Брауншвейгъ, и то на нѣсколько часовъ, потому что далъ себѣ зарокъ не ночевать въ Брауншвейгѣ *), гдѣ поступаютъ со мною (вы знаете,

*) Конечно для того, чтобы не быть обязаннымъ являться на придворные вечера.

о комъ я говорю) невыносимо для меня; да и не сталъ бы я въ другое время, въ другихъ обстоятельствахъ, ни за что въ мірѣ выносить этого. Потому я и не хочу подвергаться опасности встрѣтить его *). Въ январѣ будетъ годъ, какъ онъ самъ сдѣлалъ мнѣ это предложеніе, — до той поры я подожду, и потомъ напишу ему свое мнѣніе такъ горько, какъ навѣрное никто еще не писалъ ни одному изъ его собратій. Мнѣ ничего не остается, какъ только похорониться подъ своими книгами, чтобы, сколько можно, забыть всѣ мысли о будущемъ. Давно ужъ не писалъ я ни къ кому въ мірѣ, кромѣ васъ, мой другъ, — не отвѣчалъ ни братьямъ, ни матери, никому. Лучше всего было бы мнѣ разослать ко всѣмъ знакомымъ циркуляръ, чтобъ они считали меня умершимъ, потому что, мой другъ, я совершенно не въ силахъ писать". Потомъ четыре мѣсяца не писалъ онъ и къ г-жѣ Кенигъ. Она успѣла однако же убѣдить его не ссориться съ Фердинандомъ, и не отказываться отъ Вольфенбюттельской должности, не имѣя въ виду ничего другаго. Такъ прошелъ еще годъ. Наконецъ, Лессингъ чувствовалъ, что долженъ хотя на время уѣхать изъ Вольфенбюттеля, чтобы сколько нибудь развлечься. Онъ взялъ отпускъ, и черезъ Берлинъ и Дрезденъ проѣхалъ въ Вѣну, гдѣ жила г-жа Кенигъ, — онъ хотѣлъ дождаться совершеннаго окончанія ея дѣлъ, которыя были уже приведены въ порядокъ; потомъ они вступили бы въ бракъ и вмѣстѣ отправились бы въ Вольфенбюттель. Но едва прожилъ Лессингъ нѣсколько дней въ Вѣнѣ, какъ туда пріѣхалъ принцъ Брауншвейгскій Леопольдъ, думавшій сдѣлать путешествіе въ Италію, и сталъ просить Лессинга быть его спутникомъ. Отказаться отъ такого приглашенія значило бы разорвать всѣ связи съ Брауншвейгомъ, и Лессингъ долженъ былъ ѣхать, — такъ, противъ его воли, исполнилась давняя мечта его посѣтить Италію. Путешествіе длилось болѣе полугода, и въ началѣ 1776 года Лессингъ возвратился въ Вѣну, посѣтивъ вмѣстѣ съ принцемъ Леопольдомъ Венецію, Римъ и Неаполь. Между тѣмъ г-жа Кенигъ должна была, по своимъ дѣламъ, переѣхать изъ Вѣны въ Гамбургъ, и Лессингъ черезъ Дрезденъ и Каменецъ, гдѣ провелъ нѣсколько дней съ матерью (отецъ его умеръ въ 1770 году), возвратился въ Вольфенбюттель. Дѣла, которыя г-жа Кенигъ хотѣла привести въ порядокъ прежде, нежели вступитъ во второй бракъ, приближались къ концу, и Лессингъ торопился устроить свое положеніе въ Вольфенбюттелѣ такъ, чтобы не замедлять свадьбы. Послѣ долгихъ переговоровъ, принцъ Фердинандъ прибавилъ ему 200 талеровъ жалованья, выдалъ 300 талеровъ, которые слѣдовало Лессингу получить въ счетъ жалованья еще за прежніе годы, далъ впередъ въ счетъ жалованья еще отъ 800 до 1.000 талеровъ и назначилъ болѣе просторную квартиру — изъ за этихъ жалкихъ вознагражденій тянулось дѣло около полугода. Наконецъ, Лессингъ имѣлъ въ рукахъ нѣсколько сотъ талеровъ, чтобы обзавестись домашнимъ хозяйствомъ на семейную ногу, назначена была ему и квартира, въ которой могъ онъ помѣститься съ женою и ея дѣтьми отъ перваго брака; все

*) Т. е. Фердинанда, потому что не удержался бы отъ упрековъ при встрѣчѣ съ нимъ.

было готово къ свадьбѣ; и 6-го октября 1776 года, Лессингъ пріѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ жила г-жа Кенигъ, а черезъ два дня совершенъ былъ обрядъ бракосочетанія, безъ всякой церемоніальности: Лессингъ не сдѣлалъ себѣ къ свадьбѣ даже новаго платья. Черезъ нѣсколько дней, также тихо, онъ ввелъ жену въ свой Вольфенбюттельскій домъ.

Эти немногіе примѣры довольно показываютъ, каково было положеніе Лессинга въ Вольфенбюттелѣ; а между тѣмъ брауншвейгскій Дворъ очень хорошо понималъ, какую честь приноситъ маленькой брауншвейгской землѣ то, что въ ней поселился писатель, которому удивляется вся Германія. Принцъ Фердинандъ, всегда имѣвшій большое вліяніе на дѣла, а въ послѣднее время управлявшій государствомъ лично, былъ расположенъ къ Лессингу: принцъ самъ пригласилъ его въ Вольфенбюттель, самъ потомъ предлагалъ открыть ему дорогу къ государственнымъ почестямъ; часто бесѣдовалъ съ нимъ дружески, бралъ у него читать различныя рукописи, защищалъ его, когда впослѣдствіи изданіе одной изъ этихъ рукописей навлекло непріятности на Лессинга. Желаніе Фердинанда сдѣлать что нибудь полезное для Лессинга доводило иногда до странныхъ споровъ, изъ которыхъ особенно любопытенъ одинъ: когда передъ свадьбою Лессингъ требовалъ прибавки жалованья, брауншвейгское правительство непремѣнно хотѣло, сверхъ денежныхъ наградъ, наградить его чиномъ гофъ-рата; Лессингъ, вообще не желая носить никакихъ титуловъ, не хотѣлъ принимать этого ранга, почетнаго въ нѣмецкомъ чиноначаліи, и возникли жаркія пренія; наконецъ, доброжелательное правительство восторжествовало, и Лессингъ противъ воли принужденъ былъ сдѣлаться важнымъ чиновникомъ. Послѣ всѣхъ этихъ знаковъ благорасположенія, странно могло казаться, что нѣсколькихъ сотъ талеровъ, которые нужны были Лессингу, онъ долженъ былъ дожидаться нѣсколько лѣтъ, и до конца жизни оставался, съ житейской точки зрѣнія, въ незавидномъ положеніи. Но по отрывкамъ изъ писемъ, которые приведены выше, читатель видитъ уже, что это и не могло быть иначе. У принца Фердинанда было, конечно, много другихъ дѣлъ, кромѣ заботъ о Лессингѣ. Принцъ предложилъ ему мѣсто, потомъ, развлеченный болѣе важными дѣлами, вѣроятно, и забылъ о своемъ обѣщаніи. Лессингъ, какъ видимъ, не сказалъ самъ, или хотя бы черезъ кого нибудь другаго, ни одного слова, чтобы напомнить Фердинанду о его обѣщаніи. Мало того: очень можетъ быть, что кто нибудь другой сказалъ Фердинанду что нибудь, помѣшавшее исполненію обѣщанія,—или похлопоталъ за какого нибудь другаго кандидата на мѣсто исторіографа, или намекнулъ принцу, что Лессингъ не доволенъ этимъ предложеніемъ; послѣднее было тѣмъ легче, что Лессингъ, конечно, принялъ предложеніе Фердинанда, не разсыпаясь въ выраженіяхъ своей радости и благодарности,—таково уже было его правило. Кромѣ того, вообще надобно сказать, что правила и образъ дѣйствій Лессинга совершенно не подходили къ тогдашнему порядку нѣмецкой жизни, тѣмъ менѣе годились для жизни въ придворномъ или аристократическомъ кругу. Уже одно дѣло о титулѣ гофъ-рата можетъ быть доказательствомъ тому, а такихъ анекдотовъ сохранилось довольно много, несмотря на скудость біографическихъ извѣстій о Лессингѣ. Все, что мы знаемъ о немъ, заставляетъ

полагать, что подобные случаи, при тогдашнихъ нѣмецкихъ нравахъ, представлялись ему ежедневно. Положительно намъ говорятъ его современники, что онъ чувствовалъ себя хорошо только въ кругу равныхъ ему людей,— сюда принадлежали также всѣ низшіе, потому что онъ обращался съ ними, какъ съ равными, и, дѣйствительно, не считалъ ихъ низшими себя. Мы уже упоминали, что съ своимъ слугою онъ обходится „какъ съ братомъ“, по выраженію его біографа. Ему пріятно было держать себя съ людьми низшаго званія такъ, чтобы они забывали разницу его и ихъ состоянія. Это относится не только къ общественному положенію, къ которому еще могутъ быть равнодушны люди, чувствующіе, что главное право ихъ на общее уваженіе—умъ, талантъ или званіе (хотя и они рѣдко возвышаются до такого чувства), но и къ умственному превосходству, отказываться отъ котораго гораздо труднѣе: Лессингу несносно было затмѣвать своего собесѣдника, тяжело было даже, когда начинался ученый или литературный споръ, одерживать верхъ надъ своимъ собесѣдникомъ. Онъ старался, противъ обыкновеннаго правила всѣхъ споровъ, не доказывать, что его противникъ ошибается, а напротивъ, придавать его словамъ самый разумный смыслъ, объяснять ихъ такъ, чтобы они какъ можно ближе подошли къ истинѣ; собесѣдникъ его, мало-по-малу принуждаемый исправлять свое ошибочное мнѣніе, самъ не замѣчалъ того, что исправляетъ свои прежнія слова, при помощи Лессинга: ему казалось, напротивъ, что Лессингъ во всемъ или почти во всемъ долженъ былъ соглашаться съ нимъ. Это не было только слѣдствіемъ рѣдкой мягкости обращенія, которою отличался Лессингъ, по словамъ всѣхъ знавшихъ его: тутъ было и нѣчто другое, именно, желаніе не унизить, а возвысить своего собесѣдника въ глазахъ присутствующихъ, потребность явиться не высшимъ, а только равнымъ ему. Такой характеръ никогда не поведетъ къ особенно выгодной житейской обстановкѣ, но по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ неумѣстнымъ, напримѣръ, въ нынѣшней Франціи или въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ; а въ Германіи XVIII вѣка, онъ совершенно противорѣчилъ всему заведенному порядку общежитія. Въ Лессингѣ жилъ иной духъ, ни мало не подходившій подъ норму нѣмецкихъ отношеній того времени, и это чувствовалось всѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Не то, чтобъ онъ нарушалъ какія нибудь формы общежитія,—напротивъ, онъ соблюдалъ ихъ, какъ только можетъ соблюдать человѣкъ мягкаго, непритязательнаго характера, желающій въ частной жизни одного только—добрыхъ отношеній со всѣми окружающими. Не то, чтобы онъ высказывалъ какія нибудь мнѣнія, несогласныя съ тогдашнимъ порядкомъ гражданскаго устройства въ Германіи: напротивъ, въ его письмахъ къ друзьямъ, нѣтъ ничего относящагося къ современнымъ государственнымъ событіямъ или къ какимъ бы то ни было политическимъ теоріямъ; сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, и разговоры его не касались этихъ предметовъ.

Да еслибъ и не дошло до насъ извѣстій о томъ, какіе вопросы были любимыми предметами разговоровъ Лессинга, всякій, знакомый съ его сочиненіями и перепискою, могъ бы быть увѣренъ, что гражданскія отношенія и государственное устройство не были въ числѣ этихъ предметовъ: къ

какимъ бы отраслямъ умственной дѣятельности ни влекли его собственныя наклонности, но говорилъ и писалъ онъ только о томъ, къ чему была устремлена или готова была устремиться умственная жизнь его народа. Все, что не могло имѣть современнаго значенія для націи, какъ бы ни было интересно для него самого, не было предметомъ ни сочиненій, ни разговоровъ его. Приведемъ одинъ примѣръ. Безъ всякаго сомнѣнія, если былъ въ Германіи до Канта человѣкъ, не менѣе одаренный природою для философіи, то это былъ Лессингъ. Самъ Лейбницъ, при всей своей геніальности, при всей своей привычкѣ къ математическому методу, далеко не имѣлъ той необычайно строгой діалектики, той способности опредѣлительно созерцать понятія и точно отличать ихъ другъ отъ друга, какою постоянно удивляетъ своего читателя Лессингъ. Не даромъ Лессингъ особенно любилъ Аристотеля,—онъ былъ родствененъ стагириту по названнымъ нами качествамъ. Прибавимъ, что и та особенность въ ходѣ мысли, которая у немногихъ мыслителей была такъ сильна, какъ у Лессинга,—эта неудержимая наклонность отъ частнаго вопроса переходить въ область общихъ соображеній, каждый фактъ возводить къ основнымъ принципамъ науки, въ паденіи яблока видѣть законъ тяготѣнія, постоянно съ необычайною силою влекла Лессинга отъ спеціальныхъ вопросовъ частныхъ наукъ въ сферу философскаго созерцанія. Если былъ когда нибудь человѣкъ, по устройству головы предназначенный для философіи, то это былъ Лессингъ. А между тѣмъ, онъ почти ни одного слова не написалъ собственно о философіи, ни одной страницы не посвятилъ ей въ своихъ сочиненіяхъ, и въ письмахъ своихъ говоритъ о ней почти только съ Мендельсономъ, да и то только въ отвѣтъ на вопросы, затрогиваемые Мендельсономъ, ограничиваясь тѣмъ, что нужно было для Мендельсона. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, лично онъ самъ, наперекоръ своей натурѣ, такъ мало интересовался философіею? Напротивъ: онъ выдалъ намъ, чѣмъ была занята лично его мысль, когда чертилъ на дачѣ Глейма классическое „hen kai pân“ (единое и все) — а между тѣмъ, онъ толковалъ съ Глеймомъ о его „пѣсняхъ Гренадера“, и его поэмѣ „Халладатъ“. Дѣло въ томъ, что не время еще было чистой философіи стать живымъ средоточіемъ нѣмецкой умственной жизни, — и Лессингъ молчалъ о философіи: умы современниковъ были готовы оживиться поэзіею, а не были еще готовы къ философіи, — и Лессингъ писалъ драмы и толковалъ о поэзіи. Не тяжелое ли самоотреченіе было это съ его стороны? Съ перваго взгляда, можетъ показаться такъ. Тому, въ комъ есть философскій духъ и кто разъ увлекся въ область философіи, трудно оторваться отъ ея великихъ вопросовъ для мелочныхъ, сравнительно съ ними, вопросовъ частныхъ наукъ, и если эти науки имѣютъ для него какую нибудь занимательность, то обыкновенно только ради отношеній своихъ къ задачамъ философіи. Но для натуръ, подобныхъ Лессингу, существуетъ служеніе, болѣе милое, нежели служеніе любимой наукѣ, это служеніе развитію своего народа. И если какой нибудь „Лаокоонъ“ или какая нибудь „Гамбургская Драматургія“ приходится болѣе на пользу націи, нежели система метафизики или онтологическая теорія, такой человѣкъ молчитъ о метафизикѣ, съ любовью разбирая литературные вопросы, хотя съ абсолютной научной точки зрѣнія

Виргиліева „Энеида“ и Вольтерова „Семирамида“—предметы мелкіе и почти пустые для ума, способнаго созерцать основные законы человѣческой жизни.

Какъ молчалъ Лессингъ о философіи, точно также молчалъ онъ и о вопросахъ государственной жизни, — потому что умы его современниковъ были еще слишкомъ слабы для того, чтобы возбуждаться къ жизни философіею или государственными науками. Живымъ вопросомъ эпохи до сихъ поръ была для Германіи литература. Лессингъ служилъ ей, и молчалъ о томъ, что не нужно еще было той эпохѣ. Не дѣлая ничего на половину, онъ, если молчалъ, то уже молчалъ. Безъ случайнаго разговора съ Якоби, случайно вызваннаго самимъ Якоби, который и не предчувствовалъ, что съ Лессингомъ можно говорить объ этомъ, и который также случайно вздумалъ сдѣлать этотъ разговоръ эпизодомъ одного изъ своихъ сочиненій, мы только по догадкамъ могли бы судить о томъ, каковъ былъ хотя главный принципъ философской системы, таившейся въ мысли Лессинга—ни въ сочиненіяхъ, ни въ перепискѣ самого Лессинга мы не имѣли бы ясныхъ указаній даже на этотъ принципъ (не говоримъ уже о подробностяхъ системы, до нынѣ остающихся мало извѣстными), —и никто изъ знакомыхъ Лессинга не могъ припомнить, чтобы имѣлъ съ нимъ разговоръ, подобный записанному у Якоби.

Точно также, Лессингъ почти ничего не писалъ и почти никогда не говорилъ о гражданскихъ отношеніяхъ,—почти все, что мы знаемъ положительнаго относительно его понятій объ этихъ предметахъ, основывается на нѣкоторыхъ страницахъ его „Разговоровъ между Эрнстомъ и Фалькомъ“, изданныхъ уже подъ конецъ его жизни, на двухъ-трехъ фразахъ, случайно попавшихся ему подъ перо въ перепискѣ съ друзьями, на нѣсколькихъ мелочныхъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ двумя или тремя изъ друзей, писавшихъ о немъ. Только въ послѣдніе годы своей жизни онъ увидѣлъ, что нѣмцы могутъ интересоваться наукою государственнаго устройства; до того времени, говорить объ этихъ вопросахъ ему казалось преждевременно, нѣмецкая нація казалась ему еще недостаточно приготовленной, чтобы живо заниматься теоріями гражданскаго общества, и онъ молчалъ. Но когда убѣжденія человѣка составляютъ его натуру, а не бываютъ мнѣніями, принадлежащими только головѣ и не совпадающими съ его характеромъ, вся личность такого человѣка, какъ бы, повидимому, ни сообразовался онъ съ обычаями, внушаетъ людямъ, имѣющимъ съ нимъ сношенія, тоже самое чувство, какое внушали бы его мысли, которыхъ они не знаютъ и, быть можетъ, не предугадываютъ. Въ Брауншвейгѣ, никто не предполагалъ, чтобы Лессингъ думалъ что нибудь особенное о порядкѣ дѣлъ, существовавшемъ въ Германіи его времени. Но всѣ инстинктивно чувствовали, что Лессингъ, какъ человѣкъ, не приходится къ этому порядку, противъ котораго онъ, повидимому, ничего не имѣетъ даже въ мысли, не только не возстаетъ на дѣлѣ. Никто не могъ указать, почему бы онъ не годился для придворной жизни въ Брауншвейгѣ или какомъ бы то ни было другомъ нѣмецкомъ владѣніи: онъ соблюдалъ обычный этикетъ, онъ соблюдалъ обычаи обращенія, какія господствовали относительно каждаго ранга; онъ одобрялъ, повидимому, все, что могъ одобрять каждый благоразумный человѣкъ, онъ меньше, нежели

кто-нибудь, говорилъ о злоупотребленіяхъ и недостаткахъ. — и однако же, всѣ чувствовали, что онъ вообще не подходитъ къ той сферѣ, въ которой живетъ такъ мирно, которою, повидимому, доволенъ точно также, какъ и всѣ. Потому-то, при всемъ своемъ расположеніи къ Лессингу, принцъ Фердинандъ и не могъ ничего сдѣлать для Лессинга.

Вступивъ въ бракъ съ г-жею Кенигъ, Лессингъ и не желалъ никакого измѣненія къ лучшему въ своихъ обстоятельствахъ. Глубокая симпатія, существовавшая между мужемъ и женою, дѣлала ихъ счастливыми. Люди, посѣщавшіе Лессинга въ это время, не могли говорить безъ восторга о характерѣ и качествахъ г-жи Лессингъ, и о тихой жизни въ ихъ домѣ. Осталось любопытное письмо Шпиттлера, впослѣдствіи сдѣлавшагося знаменитымъ историкомъ. Онъ въ 1777 году, готовясь начать свою ученую карьеру, прожилъ нѣсколько времени въ Вольфенбюттелѣ, занимаясь въ тамошней библіотекѣ, и каждый день бывалъ у Лессинга.

„Я пробылъ въ Вольфенбюттелѣ около трехъ недѣль, писалъ Шпиттлеръ Мейзелю, который не принадлежалъ къ числу друзей Лессинга:— „это были три счастливѣйшія и поучительнѣйшія недѣли въ моей жизни. Не знаю, знакомы ли вы лично съ Лессингомъ. Увѣряю васъ, это величайшій другъ человѣчества, снисходительнѣйшій ободритель всякаго знанія. Незамѣтно, съ нимъ сближаешься до того, что неизбѣжно забываешь, съ какимъ великимъ человѣкомъ говоришь. И если бы возможно было найти въ комъ нибудь болѣе любви къ людямъ, болѣе искренней готовности сдѣлать добро каждому, то развѣ въ его супругѣ. Я не надѣюсь никогда въ жизни встрѣтить другую такую женщину. Безъискусственная доброта ея сердца, вѣчно полнаго кроткимъ спокойствіемъ, сообщается очаровательнѣйшею симпатіею всѣмъ, кто имѣетъ счастіе находиться въ ея обществѣ. Знакомство съ этою женщиною высокаго благородства *) безконечно возвысило мои понятія о женщинахъ“.

Но кратокъ былъ счастливый періодъ въ жизни Лессинга: черезъ годъ, жена его умерла отъ родовъ, послѣ тяжелыхъ страданій. Вотъ отрывки писемъ, сохранившихся отъ времени страшнаго удара, которымъ приблизилась могила и для самого Лессинга, - писемъ изъ этого времени, исполненаго переходовъ отъ радости къ отчаянію, отъ отчаянія къ надеждѣ, отъ надежды къ нравственному оцѣпенѣнію при роковомъ ударѣ.

(Къ Эшенбургу, 3 января 1778 г.). „Ловлю минуту, когда жена моя лежитъ совершенно безъ памяти, чтобы благодарить Васъ за Ваше доброе участіе. Моя радость была коротка. Грустно мнѣ было терять сына—но онъ былъ слишкомъ уменъ, - -онъ не хотѣлъ рождаться на свѣтъ,—желѣзными щипцами заставили его явиться въ жизнь: онъ чувствовалъ, какъ гнусна жизнь, и разстался съ нею... Но онъ увлечетъ за собою и мать свою. Мало мнѣ надежды сохранить ее. Вздумалъ я: дай же, я буду имѣть радость въ жизни, какъ другіе люди. Но дурно пришлось мнѣ счастіе. Ich wollte es auch einmal so gut haben, wie andere Menschen. Aber es ist mir schlecht bekommen.

(5 января, къ брату). „Четырнадцать печальнѣйшихъ дней въ моей жизни прожилъ я. Была мнѣ опасность потерять жену, потеря которой горько отравила бы весь остатокъ моей жизни. Она родила мнѣ хорошенькаго мальчика, здороваго и бодраго. Но онъ прожилъ только двадцать часовъ, - онъ не перенесъ жестокой операціи, - или онъ мало радости ожидалъ отъ пиршества жизни, къ которому насильно пригласили

*) Шпиттлеръ выражается еще сильнѣе: dieser grossen Frau, — „этою великою женщиною“

его?... Мать лежала безъ памяти цѣлыхъ девять или десять дней, и каждый день, каждую ночь нѣсколько разъ прогоняли меня отъ ея постели, говоря, что мой видъ только дѣлаетъ тяжелѣе послѣднюю минуту ея. Потому что она и въ безпамятствѣ узнавала меня. Наконецъ, миновался кризисъ ея болѣзни, и съ третьяго дня я вѣрно надѣюсь, что сохраню ту, жизнь которой съ каждымъ часомъ становится необходимѣе мнѣ.

(7 января, къ Эшенбургу). „Должно быть, трагическое письмо написалъ я вамъ; не помню, что я писалъ. Стыжусь, если въ немъ было отчаяніе... Надежда на выздоровленіе моей жены опять ослабѣваетъ; я теперь надѣюсь только того, что скоро опять можно будетъ надѣяться.

(Эшенбургу, 10 января). „Жена моя умерла. И этотъ опытъ не миновалъ меня. Радуюсь я, что ужъ не остается мнѣ такихъ опытовъ, и мнѣ легко...

(Брату, 12 января). „Моя жена умерла. Еслибъ ты ее зналъ!.. Не буду ничего говорить о ней. Но, еслибъ ты ее зналъ“!..

Слишкомъ черезъ полгода, въ сентябрѣ 1778, онъ пишетъ Элизѣ Реймарусъ, подругѣ своей покойной жены:

„О, какъ часто готовъ я бываю проклинать то, что хотѣлъ быть счастливъ, какъ другіе люди! Но я слишкомъ гордъ, чтобы считать себя несчастнымъ: я скрежещу зубами и оставляю мой челнокъ плыть, какъ хотятъ вѣтеръ и погода. Довольно того, что я самъ не хочу опрокинуть его“...

Смерть жены нанесла рѣшительный ударъ самому Лессингу. Онъ подряхлѣлъ, казался утомленнымъ, сдѣлался задумчивъ до разсѣянности. Часто въ обществѣ, когда кругомъ шелъ живой разговоръ, въ которомъ прежде онъ былъ бы самымъ живымъ участникомъ, онъ сидѣлъ, до того задумавшись, что казался дремлющимъ, и вдругъ, какъ бы очнувшись, спрашивалъ: „ну, что же такое“? Здоровье его быстро разрушалось. Лѣтомъ 1779 года онъ часто былъ боленъ такъ, что лежалъ въ постели. На слѣдующую зиму (1779—1780) здоровье его было еще хуже. „Эта зима очень печальна для меня, писалъ онъ въ концѣ ея: — изъ одной болѣзни я впадаю въ другую; ни одна изъ нихъ не смертельна, но каждая мѣшаетъ мнѣ владѣть моими душевными силами“. Лѣто не поправило его здоровья.

Но именно къ этимъ послѣднимъ тремъ годамъ жизни Лессинга, когда онъ, сокрушенный потерею жены, изнемогалъ тѣломъ, и жаловался, что отъ болѣзней изнемогаютъ и духовныя силы его, относится самая сильная и блистательная дѣятельность его, какъ писателя. Всѣ прежнія побѣды его, какъ мыслителя, затмѣваются его послѣднимъ торжествомъ, всѣ прежнія его поэтическія произведенія далеко уступаютъ въ художественномъ достоинствѣ и историческомъ значеніи его послѣдней драмѣ.

Начался уже блистательный періодъ нѣмецкой литературы, подготовленный его трудами. Воспитавъ поэтовъ и критиковъ для своего народа, увидѣвъ людей, способныхъ продолжать его литературное дѣло, онъ уступилъ имъ дальнѣйшую разработку очищенной и вспаханной имъ почвы, и пошелъ далѣе съ своимъ плугомъ, принялся очищать и вспахивать новую мѣстность, на которую должна была перенестись послѣ литературной области жизнь нѣмецкаго народа. За Гердеромъ и Гете должны были явиться руководителями нѣмецкаго народа въ историческомъ движеніи Кантъ и Фихте, за поэзіею философія. И тутъ, первымъ человѣкомъ былъ Лессингъ. Приготовивъ періодъ поэзіи, онъ занялся трудами, которые приготовили пері-

одъ философіи. За сознаніемъ единства по племени должно было слѣдовать въ нѣмецкомъ народѣ водвореніе единства въ общихъ убѣжденіяхъ,—положивъ основаніе первому, Лессингъ теперь полагалъ основаніе второму. И на сколько второй періодъ былъ выше перваго по историческому содержанію, на столько же труднѣе и блистательнѣе было его приготовленіе, совершаемое теперь Лессингомъ.

Такъ оканчивали мы предъидущую главу. Въ началѣ этой мы упомянули о фактѣ, который повидимому находится въ странномъ противорѣчіи съ мыслью о приготовленіи Лессингомъ философскаго періода въ умственной жизни Германіи: Лессингъ почти ничего не писалъ по собственно такъ называемой философіи, и метафизическая система его (да и то только въ общемъ очеркѣ) положительно сдѣлалась извѣстна уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти, изъ случайно напечатаннаго другимъ ученымъ воспоминанія о случайномъ разговорѣ съ нимъ. И однакожь, дѣйствительно это было такъ: человѣкъ, не писавшій чисто философскихъ сочиненій, дѣйствительно положилъ своими сочиненіями основаніе всей новой нѣмецкой философіи.

Начиная эту біографію, мы сказали, что хотимъ представить эпизодъ изъ исторіи нѣмецкой литературы, а не изъ исторіи нѣмецкой философіи или теологіи, что безмѣрно расширило бы объемъ нашего очерка, и безъ того уже слишкомъ длиннаго. И здѣсь, мы коснемся философско-теологической дѣятельности Лессинга толко вскользь, на сколько это нужно, чтобы дополнить изображеніе личности Лессинга. О самомъ предметѣ его теологической полемики мы не будемъ говорить ничего, и разскажемъ только чисто біографическіе факты, и то какъ можно короче.

Издавая различныя рукописи, найденныя имъ въ Вольфенбюттельской библіотекѣ, Лессингъ, между прочимъ, началъ печатать отрывки изъ сочиненія, авторъ котораго былъ въ то время неизвѣстенъ и которое имѣло предметомъ своимъ евангельскую и отчасти Ветхозавѣтную исторію. Сочиненіе это, принадлежавшее, какъ впослѣдствіи открылось, извѣстному натуралисту и врачу Реймарусу, жившему въ Гамбургѣ и умершему около того времени, когда Лессингъ поселился въ Гамбургѣ, было написано въ духѣ англійскихъ деистовъ XVII вѣка, враждебномъ христіанству. Написано оно было съ такою ученостью, что далеко превосходило въ научномъ отношеніи не только поверхностныя теологическія сочиненія Вольтера, но и англійскихъ деистовъ, изъ которыхъ заимствовалъ свою ученость Вольтеръ. Въ рукописи, оно извѣстно было нѣсколькимъ лицамъ и распространялось все болѣе и болѣе. Англійскій деизмъ, прошкавшій въ Германію черезъ протестантскихъ богослововъ, и французскій вольтеріанизмъ, находившій себѣ послѣдователей и въ Германіи, какъ повсюду, между людьми свѣтскаго образованія, приготовляли читавшихъ эту рукопись къ тому, чтобы безусловно соглашаться съ мнѣніями автора. Протестантскіе и католическіе богословы, остававшіеся вѣрными символамъ своихъ исповѣданій, писали множество возраженій противъ Вольтера и англійскихъ деистовъ, но рукописи Реймаруса они не касались, и потому человѣкъ, знавшій ее, естественно приходилъ къ мысли, что мнѣнія, изложенныя Реймарусомъ съ большею ученою силою и полно-

тою, нежели какимъ нибудь другимъ противникомъ христіанства, остаются неопровержимы: „Вы опровергаете Вольтера и Толанда, думалъ онъ: — что жь изъ этого? есть другое сочиненіе, гораздо болѣе ученое, нежели Вольтеръ и Толандъ, и, вѣроятно, оно неопровержимо, если вы молчите о немъ".

Лессингъ думалъ вовсе не такъ. Онъ вовсе не считалъ мнѣнія Реймаруса справедливыми, — издавая отрывки изъ его рукописи, онъ снабжалъ каждый отрывокъ предисловіемъ, въ которомъ подробно объяснялъ, въ чемъ и какъ ошибался Реймарусъ, и доказывалъ, что на предметъ разъисканій Реймаруса надобно смотрѣть совершенно съ иной точки зрѣнія, нежели какъ смотрѣли деисты. Зачѣмъ же онъ издавалъ рукопись, выводы которой самъ признавалъ ошибочными? — у него были на то свои причины. Умственная жизнь его націи готовилась отъ литературныхъ вопросовъ перейти къ ученымъ, и изъ нихъ прежде всего и больше всего заняться теологическими (дѣйствительно, во всей послѣдующей нѣмецкой философіи важнѣйшая сторона — та, которая имѣетъ отношеніе къ теологіи). Натура Лессинга требовала, чтобы онъ приготовилъ націю къ этому новому періоду, подалъ бы свой рѣшительный голосъ, который бы и очистилъ поприще для слѣдующихъ трудовъ, и далъ бы имъ точное направленіе. Въ протестантской Германіи приготовлялось развитіе философіи; эта философія должна была имѣть главнымъ предметомъ своимъ теологическіе вопросы, — и Лессингъ началъ говорить о протестантской теологіи, въ которой были тогда двѣ враждебныя школы: старо-лютеранская и раціоналистская.

Какъ ученый, Лессингъ не былъ доволенъ мнѣніями лютеранскихъ богослововъ, слѣпо повторявшихъ каждое слово Лютера и не обращавшихъ вниманія на успѣхи наукъ и цивилизаціи: ему казалось, что они своею закоснѣлостью въ понятіяхъ, которыхъ не сталъ бы защищать самъ Лютеръ, если бы жилъ во второй половинѣ XVIII вѣка, вредятъ и дѣлу протестантства и успѣхамъ нѣмецкаго развитія. Еще менѣе былъ онъ доволенъ Вольтеромъ, его учителями, англійскими деистами и послѣдователями Вольтера и англійскихъ деистовъ въ Германіи. Ему казалось, что мнѣнія этихъ нововводителей не послѣдовательны, и не могутъ выдержать строгой научной критики. Какъ человѣкъ жизни, онъ, кромѣ ученыхъ побужденій не соглашаться ни съ протестантскими богословами, повторявшими Лютера, ни съ нововводителями, имѣлъ и другія, болѣе живыя причины желать, чтобы оба эти враждующія направленія уступили мѣсто другому, болѣе основательному взгляду, который господствовалъ въ первобытной христіанской церкви.

Реформа Лютера, принесшая много пользы и католической и протестантской Европѣ, имѣла также и свои вредныя слѣдствія для историческаго развитія, которыя особенно тяжело легли на Германію, и въ XVII и XVIII вѣкахъ оказывались уже чрезвычайно пагубными для благосостоянія нѣмецкаго народа. Реформа Лютера раздѣлила Германію на двѣ половины, католическую и протестантскую; этимъ враждебнымъ раздѣленіемъ отнималась всякая возможность національнаго единодушія; оно было сильнѣйшимъ препятствіемъ къ національному единству. Съ этой точки зрѣнія, обѣ партіи протестантской теологіи, о которыхъ мы говорили, равно были виноваты: обѣ онѣ одинаково были враждебны католичеству, обѣ одинаково отталкивали

пристрастными насмѣшками надъ католичествомъ почти половину нѣмецкаго народа отъ сочувствія образованнымъ стремленіямъ другой половины, потому что при всякомъ случаѣ кололи католикамъ глаза такъ называвшимся на ихъ языкѣ „католическимъ суевѣріемъ“. Цивилизація и національное единство представлялись нѣмецкимъ католикамъ чѣмъ-то враждебнымъ, потому что представлялись чѣмъ-то неразрывно связаннымъ съ лютеранскими предубѣжденіями противъ нихъ самихъ.

Лессингъ рѣшился провозгласить и доказать, что долженъ быть другой взглядъ, при которомъ исчезла бы вражда между католиками и протестантами. Такъ какъ непосредственно онъ имѣлъ дѣло съ протестантскою половиною Германіи, то онъ занялся преимущественно протестантскими предубѣжденіями, и предпринялъ дѣло, которое смутило своимъ величіемъ обѣ протестантскія партіи и послужило залогомъ примиренію католиковъ съ протестантами, и основаніемъ новой науки.

Тѣмъ протестантскимъ теологамъ, которые закоснѣли во мнѣніяхъ Лютера, онъ началъ говорить: „Оружіемъ Лютера вы можете бороться только съ католиками; но есть у васъ другіе, гораздо болѣе сильные противники, отъ которыхъ не защититъ васъ Лютеръ; эти противники — деисты. Вы думаете, что успѣшно опровергаете ихъ нападенія доказательствами, которыя были удовлетворительны для борьбы съ католиками. Вы ошибаетесь; напротивъ, вы отдаетесь имъ въ руки беззащитными: не послужатъ вамъ въ пользу аргументы, годные противъ католиковъ—напротивъ, всѣ эти аргументы обращаются противъ васъ деистами. Вы уже безсильны противъ Толанда и Вольтера, противъ Михаэлиса и Землера, и эта битва, которой вы теперь уже не можете выдерживать, еще ничтожна въ сравненіи съ тѣми, которыя вскорѣ должны начаться противъ васъ: теперь вы имѣете дѣло еще только съ одними застрѣльщиками, съ одною легкою конницею— за нею двинутся на васъ плотныя колонны строевой пѣхоты съ тяжелою артиллеріею- -безсильные при всемъ напряженіи вашихъ силъ въ авангардномъ дѣлѣ, какъ устоите вы въ генеральной битвѣ? Вы воображаете, что всѣ силы противниковъ выставлены противъ васъ Вольтеромъ, Толандомъ и Михаэлисомъ: нѣтъ, деизмъ выведетъ противъ васъ людей, гораздо болѣе сильныхъ и искусныхъ. Вы думаете, что мои предсказанія — робость или обманъ?—вотъ вамъ доказательство, что это будетъ такъ: я издаю отрывки изъ рукописи, которая ходитъ по рукамъ въ протестантской Германіи, — рукописи, о которой до сихъ поръ вы не хотѣли подумать: сравните эти отрывки съ тѣмъ, что казалось вамъ до сихъ поръ замѣчательнѣйшимъ между сочиненіями деистовъ, — вы увидите, что передъ этимъ неизвѣстнымъ авторомъ ея Вольтеръ не болѣе, какъ шаловливый школьникъ, Михаэлисъ— не болѣе, какъ трусливый заика. Лисица и волкъ были сильнѣе васъ— трудно ли будетъ растерзать васъ льву? Но и онъ — не послѣднее слово, не сильнѣйшій ратникъ деизма. Вы дождетесь того, что новыя поколѣнія воспитаютъ еще сильнѣйшихъ. Одна возможность вамъ побѣдить этихъ новыхъ противниковъ лютеранства: мнѣній Лютера не защитить вамъ противъ деистовъ: попробуйте защищать ученіе Христа, проповѣданное рыбакамъ и младенцамъ, и это ученіе защититъ васъ. Оно недоступно никакимъ на

смѣшкамъ остроумія, никакимъ возраженіямъ учености. Оружіе враговъ опустится передъ ученіемъ Христа, и они назовутъ васъ братьями своими, и благословятъ васъ. Но помните, что „тою мѣрою, которою мѣрите вы, будетъ возмѣрено вамъ", по ученію Христа: то, что деисты возстаютъ противъ васъ, есть только слѣдствіе того, что вы сами возстаете противъ всѣхъ христіанъ, не признающихъ, подобно вамъ, каждое слово Лютера за непогрѣшительное, — напримѣръ, противъ католиковъ. Вы ругаетесь надъ ними—и деисты поругались и поругаются надъ вами; вы устремляете всѣ силы ваши на то, чтобъ уничтожить ихъ—и деисты уничтожаютъ васъ. Вы поднимаете ножъ противъ собратій вашихъ - помните же, что Христосъ сказалъ: „всякій, поднимающій ножъ, ножомъ погибнетъ". Если вы хотите, чтобы проклятія противъ васъ обратились въ благословленія, сами „благословляйте, а не кляните"—благословлять, а не клясть училъ Христосъ.

„Оставленія вражды противъ католиковъ требуетъ отъ васъ благоразуміе, говорилъ Лессингъ протестантскимъ богословамъ, оставшимся вѣрными ученію Лютера,—требуетъ ученіе Христа; когда вы проникнетесь духомъ этого ученія, вы увидите, что того же требуютъ истина и справедливость; вы все толкуете о томъ, что католики вѣрятъ папѣ, а вы не вѣрите папѣ, вы вѣрите Лютеру, а они не вѣрятъ Лютеру, и забываете, что вы одинаково съ ними вѣрите Христу. До сихъ поръ, вы обращали свое вниманіе на черты различія между исповѣданіями, оставляя въ тѣни черты единства,— а послѣднія гораздо многочисленнѣе и драгоцѣннѣе первыхъ и для васъ и для нихъ. Христосъ не спрашивалъ пришедшаго къ нему юношу, саддукейскую или фарисейскую секту считаетъ онъ справедливою,—онъ требовалъ отъ него любви къ Богу и ближнему,—а въ признаніи этихъ заповѣдей вы совершенно сойдетесь съ католиками".

Такъ говорилъ онъ одной партіи протестантскихъ богослововъ, закоснѣвшей во мнѣніяхъ Лютера. Противной партіи, партіи деистовъ и раціоналистовъ, онъ говорилъ:

„Вы торжествуете побѣду надъ вашими старо-лютеранскими и іезуитскими противниками,—но побѣда эта достается вамъ легко, слишкомъ легко для того, чтобы можно было вамъ торжествовать ее, чтобы можно было положиться на дѣйствительность ея. Вы видите, что укрѣпленія, воздвигнутыя противъ васъ, разрушаются отъ мелкой дроби, пускаемой въ нихъ вашимъ Вольтеромъ, отъ камней, бросаемыхъ изъ-за угла вашимъ Михаэлисомъ: но вѣдь эти старо-лютеранскіе и іезуитскіе форты воздвигнуты недавно, людьми, плохо знающими свое дѣло, отсталыми по наукѣ, узкими фанатиками по сердцу; а за ними скрывается древній замокъ, котораго строители не были похожи на вашихъ жалкихъ противниковъ, этотъ замокъ до сихъ поръ оставался внѣ вашихъ выстрѣловъ; его мирные жители—всѣ тѣ милліоны христіанъ, которые не знаютъ ни по-еврейски, ни даже по-латыни, эти младенцы душою, которыхъ признавалъ Христосъ истинными дѣтьми своими,—они и не слышали грома вашихъ битвъ, они не только не побѣждены вами, они даже не знаютъ васъ—рано же вамъ торжествовать побѣду. Нападая на отсталыя мнѣнія нѣсколькихъ старо-лютеранскихъ пасторовъ или іезуитовъ, вы имѣете дѣло только съ ними, а не съ религіею Христа—эту религію, живущую не въ лютеровомъ катехизисѣ и не въ буллахъ папы, а въ сердцахъ милліоновъ людей, не такъ легко поколебать, какъ вы воображаете; она глубже и тверже вашихъ теорій. Но вы не вѣрите тому, что она ближе къ человѣческому сердцу и прочнѣе вашихъ теорій, такъ не вѣрятъ и старо-лютеранскіе пасторы, что ихъ мнѣнія могутъ подвергнуться въ близкомъ будущемъ нападеніямъ людей, болѣе сильныхъ, нежели вы? —Я вамъ докажу, что ваши теоріи и аргументы безсильны противъ религіознаго чувства, и докажу на томъ же самомъ сочиненіи, которое выставляю для усмиренія гордости вашихъ противниковъ. Никогда еще ваша партія не производила ничего столь глубокомысленнаго и

ученаго, какъ это сочиненіе,—и никто изъ насъ не въ состояніи изложить въ такой строгой формѣ такихъ сильныхъ доказательствъ въ пользу вашей теоріи. При той методѣ обороны, которой держатся донынѣ ваши противники, они сокрушаются подъ бременемъ неотразимыхъ ударовъ,—я покажу вамъ, что эти удары не только не опасны для религіи Христа, что они даже не касаются ея. Вы увѣрены, что на вашей сторонѣ наука и логика,—я докажу, что логики нѣтъ въ вашей теоріи, что наука, на которую вы, по вашимъ словамъ, опираетесь, свидѣтельствуетъ противъ васъ, что вы или не умѣете или боитесь узнать истину. Я беру сочиненіе, которое далеко оставляетъ за собою всѣ другія ваши сочиненія силою мысли и знанія,—и я докажу, что ни одинъ выводъ этого сочиненія не выдерживаетъ строгой научной критики, что основной взглядъ его противорѣчитъ требованіямъ человѣческаго разума, а толкованія фактовъ, на которые опирается этотъ взглядъ, противорѣчатъ историческимъ аксіомамъ.

„На этомъ рѣшительномъ испытаніи вы увидите, что, если вы легко можете уничтожать нѣсколькихъ отсталыхъ отъ науки педантовъ изъ старо-лютеранскихъ пасторовъ или изъ іезуитскихъ хитрецовъ, то противъ религіознаго чувства мильоновъ вы безсильны и даже неправы, какъ неправы передъ логикою и наукою, что система вашей борьбы не ведетъ васъ къ торжеству. Вы увидите, что благоразуміе требуетъ, чтобы вы оставили эту систему. Но съ тѣмъ вмѣстѣ вы увидите, что того же требуетъ отъ васъ и справедливость. Вы теперь, по чувствамъ своимъ относительно религіи, раздѣляетесь на два разряда: одни изъ васъ, какъ Землеръ, хотя передѣлать протестантство сообразно съ своими теоріями, другіе, какъ англійскіе деисты, враждуютъ къ религіи. Первые убѣдятся, что, на сколько ихъ поправки ученію отсталыхъ отъ науки мнѣній старопротестантскихъ пасторовъ и іезуитовъ, на столько же ученіе религіи, исповѣдуемой христіанами, возвышеніе и почтеніе этихъ нелогическихъ поправокъ, и они потеряютъ всякую охоту передѣлывать его. Вторые убѣдятся, что враждебныя чувства, возбуждаемыя въ нихъ узкими или фанатическими мнѣніями старо-лютеранскихъ пасторовъ и іезуитовъ, нимало не возбуждаются тою религіею мильоновъ христіанъ, невредимость которой отъ всѣхъ деистическихъ и раціоналистскихъ нападеній докажу я, а что, напротивъ, эта религія въ каждомъ безпристрастномъ и любящемъ людей человѣкѣ необходимо возбуждаетъ уваженіе и любовь къ себѣ, какъ скоро онъ пойметъ духъ ея; и они потеряютъ всякую охоту враждовать противъ нея,—напротивъ, будутъ чувствовать влеченіе къ ней, и въ исповѣдующихъ ее увидятъ братьевъ своихъ“.

Чтобы дать читателямъ хотя небольшіе примѣры знаменитыхъ статей Лессинга объ этомъ предметѣ, -статей, съ которыми по силѣ мысли и изложенія могутъ быть сравнены развѣ „Провинціальныя письма“ Паскаля, мы приведемъ по отрывку изъ двухъ его листковъ. Одинъ, называющійся „Завѣщаніе Іоанна“, написанъ въ отвѣтъ на замѣчанія Шуманна и направленъ противъ старо-лютеранскихъ теологовъ, забывавшихъ о христіанской любви въ своей ревности сохранить неприкосновеннымъ каждое слово Лютера. Отрывокъ, приводимый нами изъ другаго листка, озаглавленнаго „Парабола, съ маленькою просьбою и, на случай надобности, прощальнымъ письмомъ къ г. пастору Геце“—направленъ главнымъ образомъ противъ раціоналистовъ, желавшихъ передѣлывать ученіе церкви сообразно своимъ личнымъ теоріямъ.

ЗАВѢЩАНІЕ ІОАННА.

— qui in pectus Domini recubuit et de purissimo fonte hausit revilum doctrinarum.

Hieronymus.

(—который на персяхъ Господа возлежалъ и изъ чистѣйшаго источника почерпнулъ потокъ ученій.

Блаж. Іеронимъ).

Разговоръ.

ОНЪ и Я.

Онъ. Очень вы затруднялись этимъ листомъ *), но это и видно по самому листу.

Я. Неужели?

Онъ. Прежде вы писали яснѣе.

Я. Въ наивеличайшей ясности была для меня всегда величайшая красота.

Онъ. Нѣтъ, я вижу, что вы начинаете склоняться на нашу сторону [1]), только вы хотите отдѣлаться намеками на вещи, которыя извѣстны развѣ одному изъ сотни читателей, да и вамъ стали извѣстны, быть можетъ, только за день или за два [2]).

Я. Напримѣръ?

Онъ. Не касаюсь вашей учености.

Я. Напримѣръ?

Онъ. Та загадка, которою оканчивается вашъ листокъ — ваше „Завѣщаніе Іоанна“ [3])—я напрасно искалъ его у себя въ Грабіусѣ и Фабриціусѣ [4]).

Я. Да развѣ кромѣ книгъ нѣтъ ничего на свѣтѣ? [5])

Онъ. Такъ не книга это завѣщаніе Іоанна? Что жь это такое?

---

*) Предъидущею полемическою брошюрою по этому же спору; она называется „О доказательствѣ духа и силы. *Онъ*, т. е. Шуманнъ, воображаетъ, что поставилъ Лессинга въ затруднительное положеніе, и что Лессингу было тяжело разрушить его возраженія.

[1]) Статья Шуманна противъ Лессинга была написана умѣреннымъ тономъ; потому и первый отвѣтъ Лессинга былъ очень деликатенъ; нѣкоторые вообразили, что эта мягкость тона—слѣдствіе слабости, и въ похвалахъ, дѣлаемыхъ Лессингомъ умѣренности своего противника, увидѣли уступки его мнѣніямъ.

[2]) *Онъ* намекаетъ на то, что Лессингъ щеголяетъ ученостью, которую собираетъ наскоро изъ словарей и т. п. справочныхъ книгъ. Со временъ Ланге, противники Лессинга любили твердить, что ученость Лессинга заимствована вся изъ „Словаря“ Бэля и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, тогдашнимъ спеціалистамъ, не занимавшимся ничѣмъ, кромѣ своей спеціальной науки, очень трудно было понять, какимъ образомъ человѣкъ, писавшій о двадцати предметахъ, въ каждомъ предметѣ обладаетъ знаніями, чрезвычайно рѣдкими и въ спеціалистѣ, который всю жизнь трудился надъ однимъ предметомъ. Въ наше время, когда педантство ослабѣло, это понимается легче, и никто не скажетъ о Гумбольдтѣ или лордѣ Брумѣ, что „они наскоро набираются своей мнимой учености“.

[3]) Предшествовавшая брошюра Лессинга, о которой ведется рѣчь, заключается словами: „Оканчиваю, желая: да соединитъ Завѣщаніе Іоанна всѣхъ раздѣленныхъ!“

[4]) Грабіусъ и Фабриціусъ — авторы библіографическихъ сочиненій. Фабриціусовы „Bibliotheca Græca“ и „Bibliotheca latina“ служатъ до сихъ поръ справочными книгами, содержа полнѣйшіе перечни греческихъ и латинскихъ авторовъ и сочиненій.

[5]) Чтобы понять иронію этого оборота, надобно вспомнить, что, по ученію строгихъ лютеранъ, церковное преданіе и ученіе церкви не имѣетъ никакой важности. Они не хотятъ знать ничего, кромѣ Библіи. Католическая церковь, вѣрная въ этомъ случаѣ ученію первобытной церкви (сохранившемуся въ Православной церкви), признавая всю важность Библіи, съ тѣмъ вмѣстѣ говоритъ, что христіанская религія основывается не на одной только Библіи, а „какъ на Библіи, такъ и на ученіи церкви и преданіи церковномъ“. Лессингъ говорилъ, что въ этомъ случаѣ ученіе Католической (и Греческой) церкви вѣрнѣе исторической истины и полнѣе односторонняго протестантскаго ученія.

Я. Послѣдняя воля Іоанна;—послѣднія замѣчательныя, много разъ повторенныя слова умирающаго Іоанна,—вѣдь это тоже можетъ называться завѣщаніемъ? Можетъ?

Онъ. Конечно, можетъ.—Но теперь ужь мнѣ не такъ это любопытно.—А, впрочемъ, что жь это за слова? Я мало знакомъ съ Абдіею [6]), и тому подобными сочиненіями, откуда они, конечно, взяты.

Я. Нѣтъ, они взяты у писателя, менѣе подозрительнаго. Іеронимъ сохранилъ ихъ намъ въ своемъ толкованіи на посланіе Апостола Павла къ Галатамъ. Поищите ихъ тамъ. Я не полагаю, чтобъ они вамъ понравились *).

Онъ. Почему знать?—Скажите же, что это за слова.

Я. На память? Съ обстоятельствами, которыя мнѣ теперь памятны или кажутся памятными?

Онъ. Разумѣется.

Я. Іоаннъ, тотъ благой Іоаннъ, который не хотѣлъ никогда разлучаться съ паствой, собранной имъ въ Эфесѣ, которому эта паства казалась достаточно великимъ поприщемъ его поучительныхъ чудесъ и его чудотворнаго ученія—этотъ Іоаннъ сталъ старъ, такъ старъ...

Онъ. Что благочестивое простодушіе думало, что онъ не умретъ.

Я. Хотя каждый съ каждымъ днемъ видѣлъ, что онъ все болѣе приближается къ смерти.

Онъ. Суевѣріе иногда слишкомъ много, иногда слишкомъ мало вѣритъ чувствамъ. Ужь и тогда, когда Іоаннъ умеръ, суевѣріе все полагало, что онъ не можетъ умереть, что онъ спитъ, а не умеръ.

Я. Какъ близко иногда подходитъ суевѣріе къ истинѣ!

Онъ. Продолжайте разсказъ. Мнѣ тяжело слышать, что вы заступаетесь за суевѣріе **).

Я. Неохотно и съ радостью, какъ другъ покидаетъ объятія друга, чтобы поспѣшить въ объятія своей подруги, постепенно, но быстро, видимо разлучалась чистая душа Іоанна отъ столь же чистаго, но изнемогавшаго тѣла. Скоро его ученики едва могли *носить* его даже и въ церковь.

И, однако же, Іоанну не хотѣлось пропустить ни одного собранія, и не пропускалъ онъ ни одного собранія паствы, не сказавъ назиданія паствѣ, которой легче было бы лишиться насущнаго хлѣба, нежели этого назиданія.

Онъ. Въ которомъ, вѣроятно, часто недоставало искусственной обработки.

Я. А вы любите искусственную обработку ***)?

Онъ. Смотря по тому, какова она.

---

[6]) Одна изъ апокрифическихъ книгъ Новаго Завѣта, которая разсказываетъ апостольскую исторію и приписывается Абдіи или Авдію, первому епископу вавилонскому. Извѣстно, что и Греческая, и Католическая, и Протестантская церкви признаютъ подобныя книги не заслуживающими вѣры, какъ подложныя и еретическія. *Онъ* намекаетъ, что Лессингъ любитъ еретиковъ и самъ еретикъ.

*) Намекъ, который объяснится, когда будутъ сказаны эти слова Іоанна Богослова. Читатель вспомнитъ, что, забывая для догматики о христіанской любви, лютеранскіе богословы должны были чрезвычайно разгнѣваться (и дѣйствительно разгнѣвались), когда Лессингъ сталъ напоминать имъ, какое важное мѣсто въ религіи Христа должна занимать христіанская любовь — за это особенно и стали осыпать его проклятіями обѣ протестантскія партіи.

**) Старо-лютеранскіе богословы, а тѣмъ болѣе раціоналисты, находили, что Лессингъ отдаетъ суевѣрію предпочтеніе передъ просвѣщеніемъ, доказывая, что нѣкоторые католическіе догматы, отвергнутые протестантствомъ, принадлежали первобытной церкви (они сохранились въ Греческой церкви) и содержатъ въ себѣ истины, болѣе глубокія, нежели какія содержатся въ догматахъ, которыми замѣнило протестантство. Напримѣръ, Лессингъ говорилъ это о томъ догматѣ первобытной церкви, что христіанская религія основана не на одной только Библіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ и на преданіи церковномъ.

***) Ироническій намекъ на то, что протестантскіе богословы обработывали догматику по системѣ очень искусственной и, ставя въ томъ величайшую заслугу, забывали оживить свои системы духомъ христіанской любви.

Я. Навѣрное, назиданіе Іоанна никогда не имѣло искусственной обработки, потому, что оно все шло отъ сердца; потому, что оно всегда было просто и кратко *), и съ каждымъ днемъ становилось проще и короче, до того, что наконецъ сократилось въ нѣсколько словъ.

Онъ. Какихъ же?

Я. „Милыя дѣти мои, любите другъ друга!“

Онъ. Немного словъ, но хорошія слова.

Я. Дѣйствительно, хорошія, по вашему мнѣнію? — Но и хорошее, и наилучшее скоро утомляетъ, когда становится ежедневнымъ. Въ первомъ собраніи паствы, когда Іоаннъ не *могъ* сказать ничего больше, какъ: „милыя дѣти мои, любите другъ друга!“ — слова эти чрезвычайно понравились паствѣ. Они еще понравились и во второмъ, и въ третьемъ, и въ четвертомъ собраніи, потому что паства говорила: слабый старецъ не *можетъ* сказать ничего больше этихъ словъ. Но и когда старецъ отъ времени до времени чувствовалъ себя довольно бодрымъ, и, однакожь, не говорилъ ничего больше этихъ словъ и все отпускалъ свою паству только съ назиданіемъ: „милыя дѣти мои, любите другъ друга!“—когда увидѣли, что старецъ не то, чтобы только не могъ сказать ничего больше, что онъ преднамѣренно и не хочетъ сказать ничего больше этихъ словъ,—то эти слова: „милыя дѣти мои, любите другъ друга!“ показались слабыми, малозначительными. Братія и ученики стали скучать и наконецъ осмѣлились спросить благаго старца: „Но, учитель, почему же ты вѣчно повторяешь одно и то же“?

Онъ. Ну, чтожь Іоаннъ?

Я. Іоаннъ отвѣчалъ: „Потому, что это повелѣлъ Господь; потому, что этого одного, если оно исполняется, довольно,—и достаточно“.

Онъ. Такъ вотъ что! Такъ вотъ въ чемъ ваше Завѣщаніе Іоанна?

Я. Да.

Онъ. Гм! гм!

Я. „Милыя дѣти мои, любите другъ друга!“

Онъ. Да, да!

Я. Это „Завѣщаніе Іоанна“ поставилъ нѣкогда символомъ своего ученія Нѣкто, Который былъ *соль земли*.

Онъ. Такъ всегда отговариваются отъ бѣды нѣкоторые господа!..

Hieronymus in Epist. ad Galatas, cap. 6.

Beatus Ioannes Evangelista, cum Ephesi moraretur usque ad ultimam senectutem, et vix inter discipulorum manus ad Ecclesiam deferretur, nec posset in plura vocem verba contexere, nihil aliud per singulas solebat proferre collectas, nisi hoc: Filioli, diligite alterutrum. Tandem discipuli et fratres, taedio affecti, quod eadem semper audirent, dixerunt: magister, quare semper hoc loqueris? Qui respondit dignam Ioanne sententiam: Quia praeceptum Domini est, et si solum fiat, sufficit **).

*) Опять намекъ на то, что не слишкомъ вѣрные духу первобытной церкви протестантскіе богословы, излагающіе систему вѣры въ громадныхъ фоліантахъ, наполненныхъ страшною ученостью, такъ дѣлаютъ вѣроученіе доступнымъ только для спеціальныхъ ученыхъ.

**) Блаженный Іоаннъ евангелистъ дожилъ въ Эфесѣ до глубочайшей старости, такъ что ученики едва могли на рукахъ приносить его въ церковь, и, не имѣя силы сказать болѣе долгой рѣчи, онъ въ собраніи паствы каждый разъ ничего не говорилъ, кромѣ слѣдующихъ словъ: „милыя дѣти мои, любите другъ друга!“ Наконецъ, ученики и братія, наскучивъ тѣмъ, что вѣчно слышали одно и то же, сказали: „Учитель, почему каждый разъ говоришь ты одно и то же?“—На то онъ далъ имъ отвѣтъ, достойный Іоанна: „Потому, что это заповѣдь Господа, и если ее одну исполнять, то и довольно“.

ПАРАБОЛА.

„Мудрый и дѣятельный царь большаго, большаго государства имѣлъ въ своей столицѣ дворецъ неизмѣримаго объема, совершенно особенной архитектуры.

„Неизмѣримъ былъ объемъ, потому что царь собралъ во дворцѣ вокругъ себя всѣхъ, которые были помощниками или орудіями его правленія.

„Странна была архитектура, потому что противорѣчила, можно сказать, всѣмъ принятымъ правиламъ; но она нравилась и соотвѣтствовала цѣли.

„Она нравилась,—преимущественно тѣмъ, что возбуждала удивленіе, которое внушаютъ простота и величіе, когда кажутся скорѣе презрѣвшими богатство и украшенія, нежели не имѣющими ихъ.

„Она соотвѣтствовала цѣли, — прочностью и удобствомъ. Прошло много, много лѣтъ, а весь дворецъ стоялъ все въ той же чистотѣ и цѣлости, въ какой довершенъ былъ строителемъ, снаружи немного непонятный, но внутри повсюду свѣтлый и связный.

„Всякій, кто воображалъ себя знатокомъ въ архитектурѣ, особенно недоволенъ былъ наружными стѣнами дворца, которыя имѣли мало оконъ, разбросанныхъ здѣсь и тамъ, большихъ и маленькихъ, круглыхъ и четырехъ-угольныхъ, но тѣмъ больше за то имѣли дверей и воротъ различной формы и величины.

„Непонятно этимъ людямъ было, какъ черезъ столь малочисленныя окна въ столь многочисленные покои можетъ проходить достаточно свѣта. Что главнѣйшіе изъ этихъ покоевъ получали свой свѣтъ сверху, не приходило почти никому въ голову.

„Они не понимали, зачѣмъ нужно столько и столь разнородныхъ входовъ, когда гораздо красивѣе было бы сдѣлать большой одинъ порталъ съ каждой стороны,—онъ, казалось имъ, удовлетворилъ бы потребности. Потому что почти никому не приходило въ голову, что черезъ многочисленные маленькіе входы самымъ короткимъ и безошибочнымъ путемъ каждый, призываемый во дворецъ, можетъ приходить туда, гдѣ онъ надобенъ.

„И, такимъ образомъ, возникли между мнимыми знатоками многочисленные споры,—споры эти обыкновенно велись жарче всего тѣми, которые всего менѣе имѣли случай ознакомиться съ внутренностью дворца.

„И было одно обстоятельство, о которомъ на первый взглядъ можно было подумать, что оно необходимо очень облегчитъ и сократитъ споры, но которое именно и запутывало ихъ больше всего, которое именно давало имъ богатѣйшую пищу для упорнѣйшаго продолженія. Именно, полагали, что есть различные древніе планы, которые приписывались первымъ строителямъ дворца; но эти планы оказались покрыты словами и знаками, языкъ и значеніе которыхъ было почти совершенно потеряны.

„Потому каждый объяснялъ эти слова и знаки по собственному желанію. Потому каждый, изъ этихъ древнихъ плановъ, составлялъ новый, какой ему хотѣлось, и нерѣдко тотъ или другой составитель такъ увлекался своимъ новымъ планомъ, что не только самъ считалъ его непреложнымъ, но то уговаривалъ, то принуждалъ и другихъ считать его непреложнымъ.

„Только немногіе говорили: „какое намъ дѣло до вашихъ плановъ? — они всѣ для насъ равны. Довольно того, что мы каждую минуту убѣждаемся опытомъ, что преблагою мудростью исполненъ весь дворецъ, и что изъ него разливается по всей странѣ красота, порядокъ и благоденствіе.

„Часто плохо приходилось этимъ немногимъ! Потому что, когда, улыбаясь, они начинали нѣсколько ближе изслѣдовать тотъ или другой изъ отдѣльныхъ плановъ, то люди, считавшіе этотъ планъ непреложнымъ, съ воплемъ объявляли ихъ поджигателями и разорителями дворца.

„Но они не останавливались этими криками, именно черезъ то становились достойны причисленія къ людямъ, трудившимся внутри дворца, и не имѣвшимъ ни времени, ни охоты вмѣшиваться въ распри, которыя и не касались ихъ.

„Однажды, когда споръ о планахъ не столько былъ примиренъ, сколько ослаб-

ленъ утомленіемъ,—однажды около полуночи, раздался внезапно голосъ сторожей: пожаръ! пожаръ во дворцѣ!

„Что же тогда произошло? Каждый вскочилъ тогда съ постели, и какъ будто пожаръ не во дворцѣ, а въ собственномъ его домѣ, схватилъ то, что казалось ему драгоцѣннѣйшимъ изъ своего достоянія,—свой планъ. „Надобно только спасти планъ!—думалъ онъ: если дворецъ и сгоритъ, то онъ тутъ, какъ есть, сохранится на бумагѣ“!

„И каждый выбѣжалъ съ своимъ планомъ на улицу, и тамъ, прежде того, нежели оказывать помощь дворцу, одинъ сталъ показывать другому на своемъ планѣ, въ какомъ мѣстѣ, по его соображенію, горитъ дворецъ. „Посмотри, сосѣдъ,—вотъ, гдѣ горитъ онъ! Отсюда —вотъ, лучше всего гасить огонь?“—„Нѣтъ, сосѣдъ, вѣрнѣе сказать, что вотъ—здѣсь горитъ онъ!“

Таковъ былъ духъ и характеръ борьбы, начатой Лессингомъ въ одно и то же время противъ закоснѣлыхъ старо-лютеранскихъ пасторовъ, считавшихъ вѣчною истиною каждое слово Лютера, и противъ нелогическихъ нововводителей, вздумавшихъ перетолковывать догматы и факты религіи по своему личному соображенію. Теперь надобно сказать хотя два-три слова о томъ, какъ началась и развилась эта борьба, и къ какимъ результатамъ привела она нѣмецкую націю.

По привычкѣ своей, всегда начинать съ какого нибудь частнаго случая, съ какого нибудь даннаго факта развитіе общихъ мыслей, Лессингъ воспользовался сочиненіемъ Реймаруса, какъ поводомъ для изложенія своихъ мыслей о двухъ боровшихся въ лютеранствѣ партіяхъ. Въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи и литературы изъ сокровищъ Вольфенбюттельской библіотеки“ (Beiträge zur Geschichte und Literatur), онъ, въ числѣ многихъ другихъ найденныхъ имъ въ этой библіотекѣ сочиненій, сталъ печатать и отрывки изъ рукописи Реймаруса, къ каждому отрывку прибавляя свое предисловіе, какъ то дѣлалъ при каждомъ сочиненіи, печатаемомъ въ этихъ „Матеріалахъ“. Имени автора рукописи онъ не сообщилъ, не имѣя на то разрѣшенія отъ дѣтей, потому и самое сочиненіе Реймаруса осталось извѣстно подъ именемъ „Вольфенбюттельской рукописи“ или „Рукописи Вольфенбюттельскаго неизвѣстнаго“. Первый отрывокъ былъ напечатанъ въ третьемъ томѣ „Матеріаловъ“, въ 1774 году. Онъ не возбудилъ никакихъ воплей противъ Лессинга, потому что никто еще не понялъ цѣли, которую имѣлъ въ виду Лессингъ. Изданіе отрывка изъ сочиненія, написаннаго въ духѣ, враждебномъ христіанству, не могло никого удивить въ Германіи, давно уже познакомившейся съ сочиненіями Бэля, Вольтера, энциклопедистовъ и ихъ нѣмецкихъ послѣдователей. Притомъ, даже тѣ изъ лютеранскихъ теологовъ, которые были закоснѣлыми фанатиками лютеранства, были уже на столько благоразумны, что понимали, что сочиненія, подобныя Реймарусу, теряютъ часть своей опасности для ихъ ученія, когда издаются публично, вмѣсто того, чтобы распространяться въ рукописяхъ: тогда они становятся доступны опроверженіямъ, которымъ недоступны, пока таятся подъ секретомъ. Они помнили примѣръ Іеронима, на котораго впослѣдствіи сослался Лессингъ, и который даже перевелъ самъ на латинскій языкъ сочиненіе Оригена „Peri archôn“, и доказалъ, что это дѣло полезно для истинной религіи. „Когда Іеронимъ *перевелъ* съ греческаго чрезвычайно вредное, по

его собственному мнѣнію, истинной христіанской религіи сочиненіе Оригена Peri archón, —замѣтьте, *перевелъ!* — а перевесть нѣчто болѣе, нежели просто издать (говорилъ Лессингъ, защищаясь противъ Геце), —когда онъ перевелъ это опасное сочиненіе съ тою цѣлью, чтобы охранить его отъ переправокъ и искаженій другаго переводчика, Руфина, то есть, чтобы сообщить это сочиненіе латинскому міру именно во всей его силѣ и во всей его искусительности,—и когда ему за то нѣкоторые люди стали дѣлать упреки, будто бы онъ взялъ преступный соблазнъ на свою душу—каковъ былъ тогда отвѣтъ Іеронима? -O imprudentiam singularem! Accusant medicum, quod venena prodiderit.—„О, удивительное безстыдство! они упрекаютъ врача за то, что онъ обнаружилъ тайный ядъ!“, -Зная этотъ примѣръ, многіе изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ стараго лютеранства, которому была особенно враждебна „Вольфенбюттельская рукопись“, даже выражали свою признательность Лессингу за то, что онъ началъ знакомить ихъ съ этимъ сочиненіемъ.

Но чувства эти совершенно измѣнились, когда (1777) въ 4-мъ томѣ „Матеріаловъ“ Лессингъ издалъ еще пять отрывковъ изъ рукописи Реймаруса, съ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ болѣе обнаружились мнѣнія Лессинга. Обѣ протестантскія партіи, враждовавшія между собою, поднялись противъ него.

Прежде всего и съ особенною жестокостью возстали старо-лютеранскіе ревнители, и во главѣ ихъ Геце, имя котораго пріобрѣло несчастное безсмертіе, благодаря его излишней охотѣ вступать въ неравную борьбу. Главнымъ содержаніемъ предисловій Лессинга къ издаваемымъ отрывкамъ было строгое разсмотрѣніе нападеній Реймаруса на христіанство, съ цѣлью доказать, что всѣ эти возраженія не могутъ поколебать той вѣры, которая живетъ въ сердцахъ народовъ,—и, однако же, лютеранскіе ревнители возмутились не жестокими нападеніями Реймаруса на христіанство, а тѣми опроверженіями, которыя противопоставляетъ ему Лессингъ, доказывая непоколебимость религіи съ той точки зрѣнія, которую указали мы выше. Нападать на защитника жесточе, нежели на врага—это казалось безпристрастнымъ людямъ такъ неестественно, что они предполагали безумными или недобросовѣстными этихъ фанатиковъ лютеранства. Однако же, на самомъ дѣлѣ, эти фанатики дѣйствовали очень логично: рукопись нападала на христіанство, -это не касалось ихъ ближайшимъ образомъ; но предисловіе къ рукописи, защищать религію Христа, положительно признавало, что не хочетъ и не можетъ защищать лютеранства,—это уже прямымъ образомъ было нестерпимою опасностью для лютеранъ.

Послѣ закоснѣлыхъ лютеранъ, возстали противъ Лессинга и нововводители —это было совершенно понятно, потому что онъ положительнымъ образомъ доказывалъ несостоятельность ихъ ученыхъ истолкованій.

Горячая полемика закипѣла въ Германіи. Шумъ поднялся страшный, и опять, какъ въ дѣлѣ Клоца, всѣ сверстники Лессинга осуждали Лессинга, одни за то, что онъ не признаетъ ученіе Христа тождественнымъ съ ученіемъ Лютера, другіе за то, что онъ признаетъ несправедливой вражду противъ христіанства, какою проникнуты издаваемые имъ отрывки—и снова

Лессингъ, не слушая никакихъ предостереженій и совѣтовъ, неуклонно шелъ къ предположенной цѣли. Первыя нападенія на него за его предисловія къ отрывкамъ издаваемой имъ рукописи появились около времени смерти его жены,— и, жестоко пораженный своею утратою, онъ, быстрыми шагами приближаясь къ могилѣ, выказалъ въ этой борьбѣ, что если слабѣло его тѣло, то умъ его сохранилъ всю свѣжесть молодости,—и не только всю свѣжесть,—нѣтъ, и всю юношескую силу идти впередъ и впередъ. Онъ издавалъ одинъ листокъ за другимъ противъ безчисленныхъ статей, брошюръ и книгъ, нападавшихъ на него,—и каждый изъ этихъ листковъ волновалъ умы Германіи, какъ никогда ничто еще не волновало ихъ, и каждый листокъ былъ блистательнымъ торжествомъ его генія.

Среди этой борьбы, онъ вспомнилъ о планѣ драмы, нѣкогда задуманной имъ,—и рѣшился написать эту драму, служащую поэтическимъ воплощеніемъ мысли, которую защищалъ онъ противъ закоснѣлыхъ лютеранъ. Эта драма—„Натанъ Мудрый“, выше котораго въ нѣмецкой литературѣ по колоссальному значенію стоитъ только „Фаустъ“ Гете, явилась въ 1779 году, за полтора года до кончины Лессинга, и написана имъ среди страданій всякаго рода.

Результаты борьбы, веденной Лессингомъ въ послѣдніе три года его жизни, были громадны. Она приготовила направленіе послѣдующей нѣмецкой философіи, которая только въ послѣднемъ періодѣ своего развитія стала на ту высоту мысли, которая была указана ей Лессингомъ, но съ самаго начала была вѣрна духу, проникавшему его сочиненія, написанныя по поводу „Вольфенбюттельской рукописи“ и споровъ, ею возбужденныхъ. По плану нашего очерка, имѣющаго главнымъ предметомъ одну литературную сторону дѣятельности Лессинга, мы только въ двухъ-трехъ словахъ коснемся отношенія между Лессингомъ и послѣдующими нѣмецкими философами.

Прямымъ ученикомъ его не былъ ни одинъ изъ знаменитыхъ философовъ,—всѣ они считаютъ своимъ родоначальникомъ Канта; Фихте говоритъ, что его система—совершеніе системы Канта. Шеллингъ былъ продолжателемъ Фихте, Гегель продолжателемъ Шеллинга, новая философія произошла изъ системы Гегеля. Но если мы сравнимъ всѣ эти системы между собою, то увидимъ, что духъ ихъ совершенно различенъ, — это потому, что у Фихте, Шеллинга и Гегеля были другіе учители, кромѣ Канта. Они сами признаются, что очень многимъ обязаны Гердеру и Гете, подъ вліяніемъ которыхъ воспиталось ихъ воззрѣніе на міръ, —черезъ Гердера и Гете имѣлъ на нихъ вліяніе и Лессингъ, который такъ могущественно господствовалъ надъ развитіемъ Гердера и Гете. Ужъ эта одна сторона его дѣйствія на нихъ имѣетъ чрезвычайную важность. Но еще гораздо сильнѣе было то вліяніе, которое имѣлъ онъ на развитіе нѣмецкой философіи не посредствомъ того или другаго изъ воспитанныхъ имъ знаменитыхъ писателей, а силою направленія, развитаго имъ въ умственной жизни всего народа, среди котораго возникли эти философы. Часто, когда говорятъ объ исторіи философіи, имѣютъ въ виду только связь философскихъ системъ между собою, забывая о связи ихъ съ духомъ времени и общества, въ которомъ онѣ развились,—а между тѣмъ, это забываемое отношеніе обна-

руживало всегда самое рѣшительное вліяніе на ихъ характеръ. О философіи, въ которой общія стремленія человѣчества находятъ самое прямое выраженіе, надобно сказать скорѣе, нежели о какой нибудь частной наукѣ, что она всегда бываетъ дочерью эпохи и націи, среди которой возникаетъ.

Изъ многихъ сторонъ родства всѣхъ философскихъ системъ, возникшихъ послѣ Канта въ Германіи, съ духомъ, проникавшимъ сочиненія Лессинга, мы замѣтимъ только двѣ, связь которыхъ съ характеромъ мнѣній Лессинга особенно ясна будетъ послѣ того, что имѣли мы случай сказать выше о его стремленіяхъ.

До Лессинга, нѣмецкая философія вообще имѣла протестантскій характеръ, даже въ случаяхъ, когда являлась враждебною христіанству. Послѣ Лессинга, хотя по прежнему всѣ главные дѣятели ея принадлежали протестантской половинѣ Германіи, она становится въ другое положеніе. Философское міросозерцаніе становится столь же независимо отъ односторонняго протестантскаго оттѣнка, какъ прежде было независимо отъ католическаго. Изъ достоянія протестантской половины Германіи, философія становится дѣломъ общенаціональнымъ.

При всемъ различіи въ своихъ принципахъ и выводахъ, всѣ нѣмецкія философскія системы сходятся въ томъ, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ враждебности противъ христіанства, какою отличались системы нѣкоторыхъ англійскихъ и французскихъ философовъ. Каковы бы ни были понятія того или другаго нѣмецкаго философа объ общей системѣ міра, но каждый изъ нихъ на религію смотритъ съ уваженіемъ, высоко цѣня важность ея. Всѣ они чужды того суроваго ожесточенія противъ религіи, которое замѣтно, напримѣръ, у Гоббеса, или той насмѣшки, которая видна у Вольтера. Всѣ они смотрятъ на религію съ серьезностью, полною уваженія.

Эти двѣ черты сходства уже достаточно показываютъ тѣсное родство послѣдующей нѣмецкой философіи съ тѣми стремленіями, которыми одушевленъ былъ Лессингъ въ своей послѣдней борьбѣ. Но вполнѣ оцѣнить геніальность его взгляда и силу его вліянія можетъ только тотъ, кто знакомъ съ новѣйшими нѣмецкими философскими системами, смѣнившими систему Гегеля: онѣ чрезвычайно близки къ тѣмъ понятіямъ, какія были выражены Лессингомъ. Мы ограничиваемся этими немногими словами, потому что разсмотрѣніе развитія философіи въ Германіи не составляетъ прямаго предмета этой біографіи; но тотъ, кто захотѣлъ бы заняться отношеніями Лессинга къ послѣдующимъ нѣмецкимъ философамъ, нашелъ бы гораздо болѣе признаковъ его сильнаго вліянія на ихъ системы.

Впрочемъ, все это не составляетъ еще главнаго значенія дѣятельности Лессинга въ послѣдніе годы его жизни. Еще важнѣе, нежели вліяніе его на характеръ послѣдующихъ философскихъ системъ, было то, что онъ приготовилъ умъ своего народа для принятія философской мысли. До того времени, философія была дѣломъ школы, котораго чуждалось и пугалось общество, какъ чего то не только таинственнаго, но и ужаснаго,— философскія мысли, какъ скоро изъ тѣснаго кружка записныхъ ученыхъ проникали до свѣдѣнія людей, не имѣвшихъ науки своею профессіею, были отвергаемы ими, какъ что-то противное всѣмъ убѣжденіямъ ихъ и всѣмъ условіямъ

жизни. Черезъ двадцать лѣтъ не такъ была принята обществомъ философія Фихте и потомъ Шеллинга,—напротивъ, общество встрѣчало философскія ученія съ живымъ сочувствіемъ, они быстро распространялись въ публикѣ и переходили въ ея убѣжденія. Эту перемѣну надобно отнести всего болѣе къ дѣйствію статей, написанныхъ Лессингомъ въ послѣдніе годы его жизни: онѣ пріучили нѣмецкую публику къ духу философскаго изслѣдованія.

Отъ замѣчаній о развитіи умственной жизни въ Германіи обращаясь къ прямому вліянію послѣдняго періода дѣятельности Лессинга на общественную жизнь, надобно сказать, что оно было также рѣшительно: съ той поры начинается замѣтное и постоянное ослабленіе непріязни, существовавшей между католиками и протестантами. Главною причиною, поддерживавшею эту непріязнь, надобно считать презрѣніе протестантовъ къ католикамъ, какъ людямъ, зараженнымъ грубѣйшими суевѣріями. До Лессинга, едва ли кто изъ протестантовъ смотрѣлъ на особенности, которыми отличалось католичество отъ протестантства, иначе, какъ на невѣжественные предразсудки, унизительные для ума человѣческаго. Нововводители, послѣдователи французскихъ энциклопедистовъ и англійскихъ деистовъ, были въ этомъ отношеніи не лучше, а можетъ быть даже хуже другихъ протестантовъ. Лессингъ сталъ говорить о католичествѣ безпристрастно, всегда съ уваженіемъ, иногда съ сочувствіемъ. Это простиралось до того, что многіе изъ его противниковъ обвиняли его въ измѣнѣ лютеранству для католичества, а самъ онъ, когда протестантскіе богословы ему грозили запрещеніемъ писать и юридическимъ осужденіемъ его сочиненій, былъ увѣренъ, что если бы дѣло дошло до такой крайности, то онъ нашелъ бы защиту отъ католиковъ, перенеся дѣло на рѣшеніе Имперскаго совѣта, въ которомъ католическіе члены стануть на его сторонѣ, когда онъ имъ объяснитъ, что осуждать его значило бы осуждать всѣхъ католиковъ. Примѣръ, авторитетъ и доказательства Лессинга открыли глаза большинству образованныхъ протестантовъ, и съ того времени насмѣшки надъ католиками ослабѣваютъ, ослабѣваетъ и возбуждаемое ими нерасположеніе католиковъ къ протестантамъ, и мѣсто непріязни занимаетъ терпимость и взаимное уваженіе. Мало того: Лессингъ развивалъ передъ нѣмцами воззрѣніе, въ которомъ должны сойтись, какъ братья, и католики и протестанты, и доказывалъ, что это воззрѣніе, будучи одно достойно человѣка по своему благородству, въ то же время одно только и должно считаться справедливымъ, потому что оно одно логично, оно одно впушается потребностями человѣческой природы и одно можетъ выдержать строгую научную критику. Эта сторона вліянія, конечно, казалась самою важною и для Лессинга. Именно, желаніе дать примирительное направленіе народной жизни и руководило Лессингомъ въ выборѣ теологическихъ вопросовъ предметомъ своей дѣятельности.

Но, будучи по преимуществу человѣкомъ жизни, почему не предпочелъ онъ вопросовъ, болѣе близкихъ къ жизни – почему не писалъ юридическихъ и политическихъ сочиненій? По той же самой причинѣ, по которой не писалъ и чисто философскихъ сочиненій,—потому, что умственная жизнь его націи не достигла еще въ его время той зрѣлости, чтобы живо интересоваться этими вопросами. Лѣтъ двадцать прошло послѣ его смерти до той

поры, когда насталъ для Германіи періодъ философскихъ интересовъ; еще позднѣе началась для нея пора юридическихъ и гражданскихъ стремленій.

Только въ одномъ мѣстѣ одного изъ своихъ сочиненій и писемъ Лессингъ нѣсколько касается понятій объ общественныхъ отношеніяхъ,—именно во второмъ изъ своихъ „разговоровъ между Эрнстомъ и Фалькомъ", которые издалъ только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. Предметъ этихъ разговоровъ—масонство. Эрнстъ, услышавъ, что его пріятель Фалькъ вступилъ въ число масоновъ, начинаетъ разспрашивать его о томъ, что такое масонство, о которомъ всѣ говорятъ, и о которомъ ни отъ кого нельзя добиться правды. Фалькъ, связанный обѣщаніемъ не открывать тайнъ масонства, отвѣчаетъ ему на этотъ вопросъ косвеннымъ образомъ, развитіемъ понятій Эрнста объ общественномъ бытѣ доводя его до заключенія, что собственно цѣлью масонства могло бы быть облегченіе неудобствъ жизни, но что эта цѣль или не понимается масонами, или понимается ребяческимъ образомъ.

„Во всѣ времена, всѣ благородные и гуманные люди", заключаетъ Фалькъ, „заботились объ устраненіи и смягченіи неудобствъ, порождаемыхъ устройствомъ всѣхъ гражданскихъ обществъ".—Эрнстъ, подъ вліяніемъ своей мысли о масонахъ, воображаетъ, что Фалькъ этими словами указываетъ ему главное стремленіе масоновъ. Обольщенный такимъ высокимъ понятіемъ о нихъ, онъ вступаетъ въ орденъ масоновъ—и, совершенно разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ, возвращается съ упреками къ Фальку. „Я думалъ найти въ масонскихъ ложахъ заботу о благѣ человѣчества, а нашелъ только одну праздную игру въ таинственныя фразы и церемоніи, подъ которыми нѣтъ ровно ничего серьезнаго и полезнаго", говоритъ онъ своему другу.—„Но вѣдь я намекалъ тебѣ объ этомъ, сколько могъ, не нарушая положительнымъ образомъ обѣщанія хранить тайну ордена", отвѣчаетъ Фалькъ: „вольно же тебѣ было не замѣчать моихъ намековъ, довольно ясныхъ. Но теперь ты человѣкъ, посвященный въ тайны, я могу говорить съ тобою прямо". Фалькъ начинаетъ разсказывать исторію Масонскаго ордена,—на томъ и останавливается пятый разговоръ. Далѣе, какъ мы говорили, слѣдовало бы, конечно, описаніе тогдашняго состоянія масонскихъ ложъ въ Германіи,—и изъ того возникали бы или размышленія о перемѣнахъ, какія должны быть произведены въ организаціи и стремленіяхъ ордена для того, чтобы онъ дѣйствительно приносилъ пользу обществу, или, что вѣроятнѣе, Фалькъ доказалъ бы, что никакія перемѣны и улучшенія не поведутъ ни къ чему дѣльному, потому что истинно великія и полезныя цѣли всегда достигаются только прямымъ и открытымъ образомъ дѣйствій, а не косвенными путями таинственныхъ обществъ, всегда оказывавшихся и долженствующихъ оказываться безсильными, и разговоры кончались бы провозглашеніемъ, что нѣмцы должны, покинувъ пустую игру въ масоны, подумать о пріобрѣтеніи гражданскихъ добродѣтелей и дѣйствительномъ улучшеніи своего національнаго быта. Такъ надобно полагать, судя по ходу первыхъ пяти разговоровъ и дѣйствительному образу мыслей Лессинга о масонахъ, сохраненному нѣсколькими анекдотами. Въ Гамбургѣ, онъ вздумалъ поступить въ масонскій орденъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли справедливы его предположенія о пустотѣ масонства, и скоро вышелъ изъ ордена.

совершенно убѣдившись въ томъ. Когда одинъ изъ магистровъ масонской гамбургской ложи, по принятіи Лессинга въ число ея членовъ, спросилъ его: „ну что, не правда ли, вы не нашли въ масонствѣ ничего противнаго государству и церкви?“ — Лессингъ отвѣчалъ: „не только противнаго чему нибудь, но и ровно ничего не нашелъ“. Черезъ нѣсколько времени, Мендельсонъ разспрашивалъ его о масонствѣ и, не слыша отъ своего друга ничего дѣльнаго о цѣляхъ ордена, сказалъ ему: „вы, вѣроятно, боитесь разглашать тайны масонства?“—Лессингъ расхохотался и отвѣчалъ: „О, перестаньте, Мендельсонъ! — въ этомъ отношеніи орденъ совершенно безопасенъ“.

Предметъ, подавшій Лессингу предлогъ къ разговорамъ Эриста и Фалька, самъ по себѣ былъ незначителенъ въ глазахъ Лессинга, очевидно хотѣвшаго воспользоваться общимъ интересомъ, какой пробуждался въ Германіи толками о масонствѣ, единственно для того, чтобы, обнаруживъ пустоту этой забавы, обратить вниманіе, ею развлеченное, на предметы, болѣе достойные мысли гражданина. Эти разговоры имѣютъ большую важность въ біографіи Лессинга, не по отношеніямъ къ масонству, которое служило ему только предлогомъ и казалось ему, совершенно справедливо, предметомъ незначительнымъ, но какъ сочиненіе, которымъ обнаруживается намѣреніе Лессинга сдѣлать еще новый шагъ въ приготовленіи развитія нѣмецкой жизни, какъ выраженіе намѣренія перейти отъ философско-теологическихъ вопросовъ къ вопросамъ общественнымъ. Только передъ самою кончиною своею Лессингъ увидѣлъ возможность обратить къ этимъ вопросамъ вниманіе нѣмецкой публики, — два послѣдніе разговора Эриста и Фалька были напечатаны имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины; кончина застигла его раньше, нежели успѣлъ онъ написать объяснительныя и дополнительныя примѣчанія къ пятому разговору, которыми занимался въ послѣднее время жизни, и напечатанные имъ разговоры остались только свидѣтельствомъ того, что въ послѣдніе мѣсяцы жизни, среди физическихъ страданій и борьбы съ Геце, онъ задумалъ новое дѣло, столь же важное, какъ два прежнія, имъ совершенныя: руководитель нѣмецкой націи сначала въ литературной, потомъ въ научной жизни, онъ передъ кончиною становился уже руководителемъ своей націи въ общественной жизни. Неудержимо стремилась впередъ могущественная мысль этого человѣка.

Границы дѣйствію этой мысли полагались не степенью силы ея, а степенью готовности нѣмецкаго общества живо принимать тѣ или другія впечатлѣнія, интересоваться тѣми или другими вопросами. Другіе писатели говорили о такихъ предметахъ, которыми сами они особенно интересовались или въ которыхъ были особенно сильны. Лессингъ говорилъ о томъ, что было наиболѣе доступно разумѣнію и интересамъ его публики въ данную эпоху. Умственная жизнь его публики была очень тѣсна и слаба. Онъ употреблялъ всѣ силы свои на то, чтобы постепенно расширять кругъ этой жизни, усиливать ея дѣятельность, возводить ее отъ однихъ интересовъ къ другимъ, болѣе живымъ и важнымъ. Смерть застала его при самомъ началѣ одного изъ такихъ фазисовъ, и мы видимъ, что при каждомъ новомъ фазисѣ онъ становился сильнѣе, обнаруживалъ все болѣе геніальности, что

могущество его мысли все только яснѣе и полнѣе охватывало предметъ, по мѣрѣ того, какъ предметы его дѣятельности становились выше и значительнѣе. На чемъ остановился бы этотъ процессъ, нельзя знать. Мы видимъ смерть его среди возростанія могущества его мысли, но не видимъ признаковъ того, чтобы какая-нибудь изъ разрѣшенныхъ имъ доселѣ задачъ поглотила всѣ его силы или удовлетворила его. Мы видимъ, что, по мѣрѣ возвышенія важности вопросовъ, за которые онъ брался, ближе къ его сердцу становились эти вопросы,—но не видимъ еще, изъ всѣхъ представлявшихся ему, ни одного вопроса, который бы являлся личнымъ задушевнымъ его вопросомъ, разрѣшеніемъ котораго удовлетворялась бы потребность его личной натуры. Мы знаемъ только, чѣмъ до сихъ поръ позволяла являться Лессингу степень развитія его публики,—поэтомъ, критикомъ, ученымъ, теологомъ, — но не знаемъ, до какой степени исчерпывалась этими проявленіями его натура.

Половины того не сказалъ Лессингъ, что могъ сказать, что сказалъ бы, если бы прожилъ десятью-пятнадцатью годами долѣе. Приближались историческія событія, которыя должны были сильно содѣйствовать пробужденію нѣмецкаго племени. Государственные перевороты во Франціи, потомъ войны германскихъ державъ съ Франціею и владычество Наполеона въ Германіи,—все это сдѣлало нѣмцевъ воспріимчивыми къ многимъ понятіямъ, которыми до тѣхъ поръ не интересовались они. Положеніе Германіи было очень затруднительно; болѣе, нежели когда-нибудь, нуждалась она тогда въ руководителѣ. Почти всѣ извѣстные сверстники Лессинга дожили до этого времени: Рамлеръ до 1798 года, Вейсе до 1804 года, Николаи до 1811 года, Виландъ до 1813; дожили до этихъ событій и люди, бывшіе старше Лессинга: Клопштокъ, родившійся пятью, и Глеймъ, родившійся десятью годами ранѣе Лессинга, дожили до 1803 года. Лессингъ былъ одаренъ отъ природы тѣлосложеніемъ болѣе крѣпкимъ, нежели всѣ эти люди. Но слишкомъ тяжела была его жизнь, и онъ одинъ, въ которомъ болѣе всѣхъ нуждалась Германія, не дожилъ до той поры, когда его ясный умъ и могущественное слово наиболѣе нужны были для его народа. Всего только пятьдесятъ лѣтъ было ему, но его крѣпкій организмъ уже изнемогалъ подъ бременемъ зла, не подозрѣваемаго въ немъ медиками, потому что оно не свойственно было его годамъ, и принадлежитъ только періоду глубокой старости,—источникомъ его болѣзни было отвердѣніе хрящей, какъ узнали врачи послѣ его смерти,—то самое отвердѣніе, которое бываетъ причиною смерти столѣтнихъ стариковъ, когда организмъ совершенно ветшаетъ отъ продолжительной жизни. Онъ въ свои немногіе годы пережилъ и перенесъ слишкомъ много: нравственная сторона его существа выдержала все, оставалась бодра и свѣжа до послѣдней минуты; но физическій организмъ сокрушился.

Со времени кончины своей супруги, Лессингъ изнемогалъ: съ каждымъ годомъ онъ становился хилѣе и хилѣе; симптомы одной болѣзни смѣнялись симптомами другой, все усиливаясь; но оставалась при всѣхъ другихъ болѣзняхъ одна, служившая основаніемъ для всѣхъ другихъ, — тяжелое удушье, становившееся все сильнѣе и сильнѣе. Друзья и доктора его опасались на-

ралича. Онъ чувствовалъ тяжесть во всемъ организмѣ, утомленіе, доводившее его до летаргической дремоты. Въ концѣ 1780 и началѣ 1781 годовъ это отяжелѣніе организма усилилось до такой степени, что съ открытыми глазами онъ иногда терялъ сознаніе, не находилъ или забывалъ слово для окончанія фразы въ разговорѣ, не былъ иногда въ состояніи правильно написать двухъ строкъ; зрѣніе его затмѣвалось порою, такъ что онъ не могъ читать, вмѣсто одной буквы писалъ другую. Полагая, что скука одинокой вольфенбюттельской жизни губитъ его, онъ, въ началѣ февраля 1781 года, поѣхалъ въ Брауншвейгъ, чтобы нѣсколько развлечь себя обществомъ. Но въ Брауншвейгѣ болѣзнь усилилась такъ, что друзья увидѣли ея смертельность. До сихъ поръ припадки удушья и летаргіи миновались въ нѣсколько минутъ; но 13-го февраля, рано вечеромъ возвратившись изъ дружеской бесѣды, онъ почувствовалъ чрезвычайно тяжелый и продолжительный припадокъ удушья, такъ что долго не могъ сказать ни слова. Однакоже, онъ не хотѣлъ послать за докторомъ, и велѣлъ прислугѣ оставить его одного въ комнатѣ, которую приказалъ запереть. Ночь провелъ онъ очень дурно; однакоже, на другой день поутру, сталъ одѣваться, чтобы ѣхать домой, въ Вольфенбюттель. Друзьямъ стоило большаго труда убѣдить его, что поѣздка эта была бы выше его силъ въ настоящее время, и уговорить его послать за лейбъ-медикомъ Брикманомъ, его пріятелемъ. Брикманъ тотчасъ же пустилъ ему кровь, и страданія больнаго облегчились. Друзья послали въ Вольфенбюттель за падчерицею Лессинга, Амаліею Кёнигъ. Она поспѣшила пріѣхать. Припадки удушья часто возобновлялись, то сильнѣе, то слабѣе. Иногда казалось, что смерть очень близка, иногда надежда оживлялась въ друзьяхъ. Брикманъ и Зоммеръ, другой докторъ, надѣялись, что побѣдятъ болѣзнь. Но самъ онъ зналъ, что приближается минута смерти. Ночь съ 14-го на 15-е была опять очень тяжела, но поутру Лессингъ сталъ чувствовать себя хорошо. Онъ могъ поддерживать разговоръ съ друзьями, иногда даже начиналъ шутить съ Брикманомъ и другими, даже вставалъ съ постели. Вечеромъ Амалія сидѣла въ залѣ, передъ комнатою больнаго, и плакала,—ее просили уходить изъ его комнаты, когда она не могла удерживаться отъ слезъ. Въ залъ вошли нѣсколько знакомыхъ, чтобы узнать о здоровьѣ Лессинга; ему сказали это. Онъ всталъ,—отворилась дверь его комнаты, онъ вошелъ въ залъ, страшно блѣдный, поклонился, встрѣчая гостей, — молча пожалъ руку дочери, съ выраженіемъ нѣжной любви во взглядѣ, и упалъ. Его поддержали, отнесли на кровать. Тихо, спокойно закрылъ онъ глаза, онъ уже скончался: выраженіе любви и спокойной радости еще сохранялось на лицѣ его.

Это было 15-го февраля 1781 года, въ 9 часовъ вечера. Лессингъ скончался на 52 году жизни.

Не пышно было погребеніе, совершенное 20-го февраля, — да и хорошо, что не пышно было оно, потому что издержки, сдѣланныя на этотъ предметъ брауншвейгскимъ придворнымъ вѣдомствомъ, — 154 талера съ нѣсколькими грошами, были потомъ, какъ слѣдуетъ, вычтены изъ суммы, слѣдовавшей въ выдачу отъ казны наслѣдникамъ Лессинга.

На берлинскомъ театрѣ 24 февраля, на гамбургскомъ театрѣ 9 марта, потомъ на другихъ нѣмецкихъ театрахъ даны были траурные спектакли по случаю смерти перваго драматурга Германіи. Послѣ траурныхъ прологовъ, играли „Эмилію Галотти“ на сценѣ, обитой чернымъ сукномъ. Актеры выходили на сцену въ траурномъ платьѣ.

Были вырѣзаны двѣ медали въ память покойнаго; одна, въ Брауншвейгѣ, Круллемъ, другая, въ Берлинѣ, Абрамсономъ.

Лицевая сторона обѣихъ медалей одинакова: бюстъ Лессинга; кругомъ бюста „Gotthold Ephraim Lessing“, внизу: „Natus MDCCXXIX“. На оборотѣ брауншвейгской медали: „Poëta, Philosophus, Philologus, Criticus, Germaniae Decus, Musarum et Amicorum dum viveBat amor, nunc desiderium sempiternum“. На оборотѣ берлинской медали —погребальная урна: надъ урною склоняются Истина, съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, и Природа, съ лицомъ, закрытымъ траурною вуалью; кругомъ идетъ надпись: „Veritas Amicum luget, Aemulum Natura“; на пьедесталѣ урны: „Nathan der Weise“; внизу: „Denatus MDCCLXXXI *).

Въ 1853 г. воздвигнутъ, по національной подпискѣ, памятникъ Лессингу въ Брауншвейгѣ.

Лессингъ былъ человѣкъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, широкой кости, такъ что казался плотнымъ, хотя никогда не имѣлъ полноты. Ласковое выраженіе проницательныхъ темноголубыхъ глазъ придавало его правильному лицу особенную прелесть. Взглядъ его, обыкновенно кроткій и чрезвычайно спокойный, былъ въ то же время такъ выразителенъ, что, говорятъ, будто не только вблизи, но еще на очень дальнемъ разстояніи собесѣдники чувствовали его силу. Подъ конецъ его жизни распространилась мода носить парики, но онъ никогда не слѣдовалъ ей, жалѣя своихъ густыхъ, прекрасныхъ темнорусыхъ волосъ, въ которыхъ рано начала показываться сѣдина. Походка и манеры его были непринужденны: едва ли не первый изъ нѣмецкихъ ученыхъ и поэтовъ онъ умѣлъ держать себя, какъ свѣтскій человѣкъ. Одѣвался онъ изящно, хотя всегда очень скромно. Одною изъ особенныхъ привычекъ его было то, что зимою никогда не носилъ онъ плаща, и круглый годъ ходилъ въ лѣтнемъ платьѣ, — привычка, свидѣтельствующая о чрезвычайной крѣпости здоровья. Ни въ наружности, ни въ манерахъ Лессинга не было ничего такого, что называется поразительнымъ или особенно замѣчательнымъ. Но каждый, встрѣчаясь съ нимъ, хотя бы не зналъ его имени, чувствовалъ, что видитъ передъ собою человѣка необыкновеннаго. Въ запискахъ Тьебо, француза, долго жившаго въ Берлинѣ и оставившаго намъ очень любопытныя наблюденія о тогдашней жизни въ столицѣ Пруссіи, сохранился анекдотъ, довольно любопытный. „Однажды, говоритъ Тьебо, я пошелъ къ Зульцеру и засталъ его съ другимъ знакомымъ, Бегленомъ, передъ большою, только что конченною картиною. Кар-

*) Надписи: на брауншвейгской медали: „Поэтъ, Философъ, Филологъ, Критикъ, честь Германіи, при жизни любовь, нынѣ вѣчноскорбная утрата музъ и друзей“. На берлинской: „Истина оплакиваетъ въ немъ друга, природа — соперника. Натанъ Мудрый.—Скончался 1781“.

тина эта произвела на меня замѣчательное впечатлѣніе. Мы сидѣли и говорили, но мои глаза невольно все обращались на картину. На ней была изображена фигура мужчины. „Кажется, эта картина очень занимаетъ васъ? сказалъ Бегленъ—Что вы скажете о ней?“—„Бьюсь объ закладъ, сказалъ я, что это чей-нибудь портретъ, и портретъ должно быть очень похожій“.—„Почему же вы такъ думаете?“—„Потому что въ лицѣ очень много натуры.“—„Въ такомъ случаѣ скажите, какое понятіе составляете вы по этому портрету о человѣкѣ, котораго онъ изображаетъ?“—„Этотъ мужчина долженъ быть человѣкъ большаго ума, дѣятельнаго, очень живаго и пылкаго ума. Тѣ же качества должны отражаться и на его характерѣ. Кромѣ того, въ характерѣ у него должна быть замѣчательная твердость и большая природная веселость. Онъ добродушенъ, любитъ удовольствія и честенъ, но опасно затрогивать его убѣжденія или предубѣжденія“.—„Значитъ, вы знакомы съ этимъ человѣкомъ?“—„Нѣтъ, я никогда не видалъ человѣка, изображеннаго на этомъ портретѣ“.—„А вотъ вы разсказали о его качествахъ такъ вѣрно, какъ будто прожили съ нимъ цѣлую жизнь. Это портретъ г. Лессинга, писанный г. Граффомъ“.—„Это большая честь г. Граффу, потому что я никогда не видывалъ г. Лессинга“.

Домашній образъ жизни Лессинга былъ простъ, любовь къ порядку доходила въ немъ до страсти. Въ кабинетѣ его господствовала чрезвычайная чистота. Въ Вольфенбюттелѣ, когда онъ писалъ, на рабочемъ столѣ обыкновенно сидѣла его любимая кошка, и, если случалось ей разорвать или привести въ безпорядокъ бумаги, онъ не сердился, а начиналъ ухаживать за нею, зная, что эти безпорядки она дѣлаетъ только тогда, когда нездорова.

Въ Вольфенбюттелѣ Лессингъ вставалъ въ шесть часовъ. Черезъ два или три часа пилъ въ кабинетѣ кофе и продолжалъ работать до двѣнадцати часовъ, не выходя изъ кабинета, кромѣ тѣхъ дней, когда ему нужно было заняться въ Библіотекѣ. Въ первомъ часу онъ обѣдалъ (въ Германіи тогда вообще обѣдали очень рано). Часто изъ Библіотеки приводилъ онъ къ обѣду гостей и потомъ очень наивно извинялся въ своемъ хлѣбосольствѣ передъ женою и дочерью, которая занималась хозяйствомъ по смерти жены. „Мнѣ не ловко было не пригласить ихъ, говорилъ онъ. Но если къ обѣду приготовлено мало, такъ я буду ѣсть только закуску“. Обѣдъ былъ очень незатѣйливъ. Никогда не дѣлалъ Лессингъ замѣчанія, если какое нибудь кушанье приготовлено неудачно. Какіе бы гости ни были за обѣдомъ, но разговоръ всегда шелъ за столомъ только о такихъ предметахъ, чтобы въ немъ могло участвовать все семейство: ученые вопросы и споры отлагались до другаго времени дня. Лессингъ говорилъ очень быстро и живо; но никогда не овладѣвалъ разговоромъ одинъ, всегда стараясь, чтобы онъ былъ общимъ. Послѣ обѣда Лессингъ никогда не спалъ; онъ отправлялся съ семействомъ прогуливаться пѣшкомъ или игралъ съ дѣтьми. Участвовать въ играхъ дѣтей было всегда его любимымъ удовольствіемъ. Вечеръ обыкновенно посвящалъ онъ обществу. До женитьбы онъ почти каждый день посѣщалъ театръ или знакомыхъ. Послѣ женитьбы знакомые обыкновенно со-

бирались въ его домъ. Въ Бреславлѣ Лессингъ пристрастился къ картамъ. Впослѣдствіи, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, не могъ вести большой игры и долженъ былъ бросить это развлеченіе; тогда наклонность къ азартной игрѣ обратилась у него на лоттерею. Изъ Франціи, гдѣ государственныя лоттереи были однимъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, эта финансовая спекуляція перешла и къ нѣмецкимъ правительствамъ. Лоттереи разъигрывались безпрерывно, съ огромными выигрышами, на очень немногіе изъ безчисленныхъ билетовъ, продававшихся по очень дешевой цѣнѣ. Лессингъ постоянно бралъ лоттерейные билеты, и чрезвычайно занимали его разсчеты вѣроятностей выигрыша на тотъ или другой нумеръ. За нѣсколько часовъ до смерти онъ просилъ одного изъ друзей взять для него три билета, изъ которыхъ особенно разсчитывалъ онъ на одинъ № 52 и доказывалъ, что этотъ нумеръ, по всей вѣроятности, долженъ выиграть. Любовь къ азартнымъ играмъ была у него не слѣдствіемъ жадности къ деньгамъ, которыми онъ очень мало дорожилъ, но слѣдствіемъ страсти его рисковать. Кромѣ картъ и лоттереи, онъ очень любилъ шахматную игру. Шахматы были началомъ сближенія его съ Мендельсономъ. Въ Гамбургѣ онъ особенно любилъ играть въ шахматы съ Клопштокомъ, потому что Клопштокъ очень забавно сердился, когда проигрывалъ.

По своей разговорчивости и блестящему остроумію. Лессингъ былъ очень занимательнымъ собесѣдникомъ. Посреди самаго живаго разговора онъ часто вдругъ останавливался и молчалъ нѣсколько минутъ, увлекшись мыслью куда нибудь далеко отъ предмета бесѣды. Въ обществѣ онъ не давалъ воли своей наклонности къ горькому юмору, и шутки его были очень мягки и веселы. Но въ кругу семейства и близкихъ друзей его знали, какъ человѣка, который, при всей врожденной веселости характера, смотритъ на человѣческую жизнь чрезвычайно печально. При разсказѣ о какомъ нибудь бѣдствіи или пошлости, онъ улыбался такъ горько, что люди, видѣвшіе его въ такія минуты, увѣряютъ насъ, что никогда не видѣли человѣка столь печальнаго. При живости характера, онъ не могъ иногда удерживаться отъ гнѣва, и первый взрывъ негодованія былъ страшенъ холодностью и равнодушіемъ, съ какимъ произносилъ два-три убійственно-саркастическія слова. Но порывъ гнѣва проходилъ быстро, и Лессингъ черезъ минуту становился снова добродушнѣйшимъ изъ людей, осуждая себя за то, что такъ серьезно разсердился на человѣческія глупости, заслуживающія только состраданія. Шутливость была неизмѣнною чертою всѣхъ его разговоровъ. У него, какъ и у всѣхъ добродушныхъ мизантроповъ, она постоянно прикрывала глубокое состраданіе къ бѣдствіямъ человѣческой жизни и глубокую скорбь сердца.

При чрезвычайной мягкости и снисходительности обращенія, домашніе необыкновенно любили его. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Лессинга, Камне, проѣзжая черезъ Брауншвейгъ и остановившись въ гостинницѣ, спросилъ у кельнера, зналъ ли онъ покойнаго Лессинга? Кельнеръ этотъ нѣкогда служилъ Лессингу. При одномъ имени покойнаго, онъ заплакалъ и долго разсказывалъ Камне о томъ, какъ добръ былъ Лессингъ, какъ безъ всякой разсчетливости помогалъ каждому нуждающемуся. „Часто выговари-

валъ я ему за то, прибавлялъ слуга, но безъ всякой пользы". Для родныхъ и друзей Лессингъ постоянно жертвовалъ собою. Но самою отличительною чертою его характера было великодушіе. Друзьямъ служила источникомъ неистощимыхъ шутокъ его наклонность во что бы то ни стало защищать оскорбляемыхъ или несчастныхъ, какъ бы ни были эти люди виноваты въ своихъ бѣдахъ. Жесточайшему врагу своему онъ прощалъ все, какъ скоро узнавалъ о какой нибудь непріятности, поразившей этого человѣка: тогда всѣ прежнія причины ссуждать его или досадовать на него забывались Лессингомъ для желанія, чѣмъ возможно облегчить его судьбу и утѣшить его.

КОНЕЦЪ.